

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»,

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2009 году

Выходит один раз в месяц

ISSN 2076-1503 (print)

ISSN 2949-205X (online)

Индекс подписки

в каталоге «Пресса России» и
«Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)

Журнал является сетевым изданием
(Свидетельство о регистрации СМИ
Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
доктора наук (список ВАК при Министерстве
образования и науки РФ) по отраслям науки:
5.1.1, 5.1.2, 5.1.3.

Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в
Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2025

ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

научно-правовой журнал

**Председатель
редакционного совета:**
Светлана Иванова

Главный редактор:
Бадма Сангаджиев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

**Заместитель главного редактора
по научному развитию:**
Руслан Гандалов

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Марина Горячева

Дизайн:
Александр Черкасов

Ежемесячный аналитический
научно-правовой журнал, посвященный
актуальным вопросам философии,
социологии, педагогики, юриспруденции,
образования, а также правовому
мониторингу, инновационным технологиям
и реформе образования
в России и мире

Материал подготовлен
с использованием
СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва,
Зеленый проспект, 22-302.

Home page:
www.education.law-books.ru

E-mail:
mail@law-books.ru

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

С 20 июля 2022 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ) по специальностям:

- 5.1.1. “Теоретико-исторические правовые науки”;
- 5.1.2. “Публично-правовые (государственно-правовые) науки”;
- 5.1.3. “Частно-правовые (цивилистические) науки”.

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋 杨 – 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: С.А. Иванова – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

В.Т. Волков – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор технических наук, доктор физико-математических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Естественные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почетный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

А.В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Ф.Ш. Мухаметзянова – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГОУ ВПО «Казанский Государственный Институт Культуры»

Р.М. Мырзалимов – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора по научному развитию: **Р.Б. Гандалоев**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научного исследовательского сектора Ингушского государственного университета.

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Е.Г. Багреева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.В. Барков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

Н.И. Беседкина – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Е.В. Богданов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор

Е.В. Виноградова – доктор юридических наук, профессор. И.о. первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилин – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социологии Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, действительный член Академии педагогических и социальных наук

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции, доцент кафедры прикладной информатики в юриспруденции Дагестанского государственного технического университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН)

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования эконо-

мической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.М. Дикажев – доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

И.В. Дойников – доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

В.Б. Израелян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы

Р.А. Каламкарян – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

В.П. Камышанский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.С. Канюк – доктор педагогических наук, доцент, профессор РАО, проректор по научной, образовательной деятельности и молодежной политике ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет»

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

А.Н. Левушкин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

П.Г. Межидова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии Наук Чеченской Республики, г. Грозный

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Месков – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета

А.Х. Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихо-океанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.Б. Синельников – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

А.А. Соловьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, врио ректора Гжелского государственного университета

Т.А. Сошникова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Д.П. Стригунова – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Н. Ткачев – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

А.Г. Тюриков – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.С. Халиков – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Н.П. Ходакова – доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Х.С. Шагбанова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член-корреспондент РАЕН

Г.Г. Шинкарецкая – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Семочкина А.А., Эриашвили Н.Д.** * Преступность несовершеннолетних мигрантов в Российской Федерации: современное состояние и меры профилактики 13
- Усанов В.Е., Кравцов С.С., Жеребченко А.В.** * Частное право как содержание свободы 20
- Рагозина Н.А.** * Концепция оздоровления нации как источник права в Российской Федерации 26
- Серков М.А.** * Понятие и сущность комплексной безопасности арктической зоны Российской Федерации: публично-правовое исследование 32
- Бондаренко Д.А.** * Механизм ограничения права на свободный поиск информации в контексте обеспечения информационной безопасности государства в современной России 39
- Липатов В.Д.** * Эволюция системы консультативных (совещательных) органов при Президенте Российской Федерации 46
- Бежанов А.А.** * Международные санкции в отношении Исламской Республики Иран: эволюция правового режима и механизмы противодействия 51
- Доренко К.С.** * Роль искусственного интеллекта в конструировании общественного мнения 56
- Ростокинский А.В.** * Уголовная ответственность за диверсионную деятельность: некоторые аспекты законодательной регламентации и правоприменения 61
- Кирсанова Е.В.** * К дискуссии о необходимости сохранения государственного нотариата в России 64
- Петрова Л.Е., Беляев Д.С.** * Технологии информационно-психологического воздействия в период избирательной кампании: актуальные аспекты 68

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Тулаева К.В.** * Юрисдикционные полномочия банка России в призме защиты прав потребителей финансовых услуг 74
- Лазарева М.Н.** * К вопросу о языковых правах в России и Казахстане 80

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

- Барикаева А.Ф.** * Местные бюджеты как экономическая основа для осуществления полномочий органов местного самоуправления и Конституция Российской Федерации 83
- Костюк М.Ф., Посохова В.А.** * Конституционно-правовой механизм защиты семьи и проблемы брачно-семейных отношений 90
- Винокуров В.А.** * Осуществление родителями конституционной обязанности по воспитанию детей: проблемы и пути решения 95
- Костюк М.Ф., Кунц Е.В.** * Конституционно-правовая основа отраслевых принципов 103

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- Клюев В.В.** * Генезис российского морского права 107
- Асатрян А.А.** * Доктринализация общественной безопасности Российской Федерации 114
- Гуринович А.Г., Новиков А.Д.** * Государственные корпорации: роль, правовой статус, проблемы и перспективы развития 119

POLITICS AND LAW

- Semochkina A.A., Eriashvili N.D.** * Juvenile migrant crime in the Russian Federation: current status and prevention measures 13
- Usanov V.E., Kravtsov S.S., Zhrebchenko A.V.** * Private law as a content of freedom 20
- Ragozina N.A.** * The concept of national health improvement as a source of law in the Russian Federation 26
- Serkov M.A.** * The concept and essence of the integrated security of the arctic zone of the Russian Federation: a public law study 32
- Bondarenko D.A.** * The mechanism of restriction of the right to free information search in the context of ensuring the information security of the state in modern Russia 39
- Lipatov V.D.** * Evolution of the system of advisory bodies under the President of the Russian Federation 46
- Bezhanov A.A.** * International sanctions against the Islamic Republic of Iran: evolution of the legal regime and counteraction mechanisms 51
- Dorenko K.S.** * The role of artificial intelligence in the construction of public opinion 56
- Rostokinsky A.V.** * Criminal liability for sabotage: some aspects of legislative regulation and law enforcement 61
- Kirsanova E.V.** * To the discussion on the need to preserve the notary state in Russia 64
- Petrova L.E., Belyaev D.S.** * Technologies of information and psychological impact during the election campaign: actual aspects 68

HUMAN RIGHTS

- Tulaeva K.V.** * The jurisdictional powers of the Bank of Russia in the context of consumer protection of financial services 74
- Lazareva M.N.** * On the issue of language rights in Russia and Kazakhstan 80

THEORY OF THE CONSTITUTION

- Barikaeva A.F.** * Local budgets as an economic basis for exercising the powers of local governments and the Constitution of the Russian Federation 83
- Kostyuk M.F., Posokhova V.A.** * Constitutional and legal mechanism of family protection and problems of marital and family relations 90
- Vinokurov V.A.** * Parents' exercise of their constitutional duty to raise children: problems and solutions 95
- Kostyuk M.F., Kunts E.V.** * Constitutional and legal basis of sectoral principles 103

PUBLIC LAW

- Klyuev V.V.** * The genesis of Russian maritime law 107
- Asatryan A.A.** * Doctrinalization of public safety in the Russian Federation 114
- Gurinovich A.G., Novikov A.D.** * State corporations: role, legal status, challenges and development prospects 119

Пермяков А.И. * Цифровая трансформация института государственной должности в России	124
Грачева О.А., Авдонина Т.М. * Формы координационной деятельности органов прокуратуры по борьбе с преступностью и их реализация на современном этапе	130
Гатаулина Л.Ф. * Правовые аспекты проведения аукциона как способа заключения государственного (муниципального) контракта	137
Ястремский И.А. * Договор поставки медицинского оборудования с выполнением работ по его вводу в эксплуатацию для клиники пластической хирургии	142
Пьянов К.А. * Ответственность главы муниципального образования за нарушения, выявленные в ходе реализации его полномочий	147
ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ	
Чирков А.Д. * Влияние дизайна интерфейса на волеизъявление пользователей	154
Чучман И.М. * О влиянии социологического типа понимания на российскую правоприменительную деятельность	159
Бровкин Д.В. * К вопросу о совершенствовании системы противодействия коррупции в Российской Федерации: научно-практические рекомендации	166
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
Трофимов Н.В. * Статус судьи в средневековой Франции	169
Терехов А.А. * Становление судейского государства в Германии	174
Байматова А. * Правовая система енисейских кыргызов в эпосе Манас: нормы, институты и культурная семантика	182
Самарханов Г.З. * Сравнительно-правовые аспекты розыска должников, их имущества и противодействия сокрытию активов в РФ, ФРГ и США	191
Кривельская О.В. * Административный процесс в странах Центральной Европы	197
Сычев М.С. * Особенности международной биржевой торговли в современных условиях	203
Трубин Н.И. * Публично-правовое навязывание плана реструктуризации в ЕС через призму законодательства Великобритании и Франции	209
Щепотин А.В. * Особенности цифровизации правоприменительной деятельности в англо-американском юридическом процессе	217
Ермаков А.Р. * Эффективность обучения практическим навыкам первой помощи при ДТП - оценка опыта европейских стран	226
Беспалов А.В. * Кризис датско-готторпских отношений из-за правового статуса герцогств Шлезвиг и Гольштейн в 1694-1699 гг.	230
Каримуллина А.Э. * От натурального страхового возмещения ко взысканию убытков: проблемы законодательства и правоприменительной практики по ОСАГО	239
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ	
Коньков И.А. * Историография и научные подходы к изучению национального правосознания в имперском контексте (XIX – начало XX века)	244
Савина Е.А. * Основы законодательства в системе источников отечественного права XX–начала XXI вв.	251

Permyakov A.I. * Digital transformation of the institution of public office in Russia	124
Gracheva O.A., Avdonina T.M. * Forms of coordinating activities of the prosecutor's office to combat crime and their implementation at the present stage	130
Gataulina L.F. * Legal aspects of an auction as a way of concluding a state (municipal) contract	137
Yastremsky I.A. * Contract for the supply of medical equipment with the performance of work on its commissioning for the clinic of plastic surgery	142
Pyanov K.A. * Responsibility of the head of the municipality for violations identified during the exercise of his powers	147
MANAGEMENT THEORY	
Chirkov A.D. * The influence of interface design on the will of users	154
Chuchman I.M. * On the influence of the sociological type of legal understanding on Russian law enforcement activities	159
Brovkin D.V. * On the issue of improving the anti-corruption system in the Russian Federation: scientific and practical recommendations	166
THE HISTORY OF THE STATE AND THE LAW OF FOREIGN COUNTRIES	
Trofimov N.V. * The status of a judge in medieval France ...	169
Terekhov A.A. * The emergence of the German judges' state	174
Baimatova A. * Legal system of the yenisai kyrgyz in the Manas epic: norms, institutions and cultural semantics	182
Samarkhanov G.Z. * Comparative legal aspects of the search for debtors, their property and countering the concealment of assets in the Russian Federation, Germany and the USA	191
Krivelskaya O.V. * Administrative process in central European countries	197
Sychev M.S. * Features of international stock trading in modern conditions	203
Trubin N.I. * Public law enforcement of the restructuring plan in the EU through the prism of the legislation of Great Britain and France	209
Shchepotin A.V. * Features of digitalization of legal realization activities in the Anglo-American legal process	217
Ermakov A.R. * The effectiveness of teaching practical first aid skills in case of an accident - an assessment of the experience of European countries	226
Bespalov A.V. * Crisis of Danish-Gottorp relations due to the legal status of the Duchies of Schleswig and Holstein in 1694-1699 ..	230
Karimullina A.E. * From in-kind insurance compensation to recovery of losses: problems of legislation and law enforcement practice on CTP	239
HISTORY OF THE RUSSIAN STATE AND LAW	
Konkov I.A. * Historiography and scientific approaches to the study of national legal awareness in the Imperial context (XIX – early XX century)	244
Savina E.A. * Fundamentals of legislation in the system of sources of national law of the XX–early XXI centuries	251

Пашкова В.Р., Самигулина А.В. * Развитие системы управления жилищным фондом: от распада советского государства до современной России 256

Синько В.Н., Шиловец А.В., Ильясов О.Р., Быкова О.А., Смирнова Е.С. * К вопросу о технологии проектирования современной экскурсии (на примере обзорной экскурсии по г. Сысерть Свердловской области) 260

Игнатьева М.В. * Основные критерии эффективности правового регулирования и правопонимания 267

Квитчук А.С., Синькевич Н.А. * Правовое положение и деятельность полиции (милиции) России в период февральской буржуазной революции 1917 года 272

Таулуев Ю.М. * Историко-правовые предпосылки формирования Российской Империи в межнациональных отношениях в начале XX века 276

Куликова С.Г., Потапова Е.В. * К вопросу о законодательном переводе цыган в категорию государственных крестьян (историко-правовое исследование по материалам Тверской губернии) 281

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Мякушкин А.В. * Феномен ошибки: теоретико-правовая интерпретация 286

Матыцин А.Д. * Объект медиативных правоотношений: общетеоретический аспект 292

Искандаров Р.Р. * Пенитенциарная психиатрия в философском аспекте: онтология, антропология, эпистемология, аксиология 296

Казберов П.Н. * Аспекты компетентности реализации психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере 300

ИННОВАЦИИ

Казберов П.Н. * Результаты исследования уровня семантических категориальных структур у лиц, совершивших преступления в экономической сфере 305

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Степанов Р.И., Сорокина Н.И., Макарова Т.Н., Волкова С.А., Шакирова Е.Р. * Представление современных студентов о системе деловых коммуникаций в сельском хозяйстве 312

Вильданова М.М. * Правовое регулирование домов блокированной застройки в России 316

Казберов П.Н. * Вопросы компетентности в содержании индивидуальной социальной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере 321

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Горбунов С.В. * Общественные объединения потребителей и их роль в защите прав потребителей 326

Фокин Г.О. * Особенности системы факторов развития современного российского права 330

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Новикова Н.В. * Роль Госавтоинспекции в системе федерального государственного контроля (надзора) в сфере безопасности дорожного движения 335

Шестак В.А. * К вопросу о месте административного судопроизводства 342

Pashkova V.R., Samigulina A.V. * Development of the housing stock management system: from the collapse of the Soviet state to modern Russia 256

Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Ilyasov O.R., Bykova O.A., Smirnova E.S. * On the technology of designing a modern excursion (on the example of a sightseeing tour of the city of Sysert, Sverdlovsk region) 260

Ignateva M.V. * The main criteria for the effectiveness of legal regulation and legal understanding 267

Kvitchuk A.S., Sinkevich N.A. * Legal status and activities of the Russian police (militia) during the february bourgeois revolution of 1917 272

Tauluev Yu.M. * Historical and legal prerequisites for the formation of the Russian Empire in interethnic relations in the early twentieth century 276

Kulikova S.G., Potapova E.V. * To the question of legislative transfer of the romani in the category of state peasants (historical and legal research on materials of the Tver province) 281

INTERPRETATION OF LAW

Myakushkin A.V. * The phenomenon of error: theoretical and legal interpretation 286

Matytsin A.D. * The object of mediation legal relations: a general theoretical aspect 292

Iskandarov R.R. * Penitentiary psychiatry in the philosophical aspect: ontology, anthropology, epistemology, axiology 296

Kazberov P.N. * Aspects of competence in the implementation of psychocorrective work with convicts who have committed crimes in the economic sphere 300

INNOVATION

Kazberov P.N. * Results of a study of the level of semantic categorical structures among persons who have committed crimes in the economic sphere 305

LAW AND ECONOMICS

Stepanov R.I., Sorokina N.I., Makarova T.N., Volkova S.A., Shakirova E.R. * Modern students' understanding of the business communications system in agriculture 312

Vildanova M.M. * Legal regulation of blockaded buildings in Russia 316

Kazberov P.N. * Competence issues in the content of individual social work with convicts who have committed crimes in the economic sphere 321

LEGAL EDUCATION AND LAW-MAKING

Gorbunov S.V. * Public consumer associations and their role in consumer rights protection 326

Fokin G.O. * Features of the system of factors of development of modern Russian law 330

ADMINISTRATIVE LAW

Novikova N.V. * The role of the State Traffic Inspectorate in the system of federal state control (supervision) in the field of road safety 335

Shestak V.A. * On the issue of the place of administrative proceedings 342

Макеева И.А., Мусин И.Р. * Административная деятельность руководителей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на улицах и в других общественных местах силами ППС 345

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Жихарев Д.П. * Особенности функционирования и регулирования различных форматов просмотра аудиовизуальных произведений 349

Белов В.В. * Темпоральные характеристики норм авторского права, как отрасли частного права: вопросы доктрины и правоприменительной практики 352

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Смоленчук М.М. * Принципы судебного правотворчества 357

Андрианова М.В. * Применение информационных технологий как средство повышения эффективности правосудия по гражданским делам 372

Тарасова Ю.Н. * Роль базовых убеждений и ценностей судьи в системе профессиональной адаптации 376

Толдиев Х.М.Б. * Судебная практика как фактор систематизации нормативных правовых актов в российской правовой системе 384

Алексеева Е.В. * Особенности вынесения судебных актов по делам о защите персональных данных граждан 391

Корсакова Л.Е., Курбединова А.С. * Пресс-служба суда: правовые аспекты и жанрово-стилистические особенности коммуникации 397

Шавард А.В. * Опрос несовершеннолетних детей в судебных спорах. Проблемные аспекты 405

Журавлева А.И. * Судебное регулирование: понятие и виды 410

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Плахов А.В., Васильев В.А. * К вопросу о совершенствовании государственно-правового регулирования несостоятельности (банкротства) субъектов предпринимательской деятельности 417

Добровинская А.В. * Механизм частноправового регулирования имущественной ответственности 423

Сикорский Н.В. * Односторонний отказ от взаимосвязанного договора подряда 431

Вильданова М.М. * О некоторых особенностях развития товарного и финансового рынков в России 438

Евсеева И.Д. * Современное состояние и перспективы развития правового регулирования деятельности профессиональных коллекторских организаций в Российской Федерации . . 445

Клеценко С.С. * Замещение должника в отношениях с третьими лицами, владеющими имуществом должника и дебиторами 454

Ястремский И.А. * Правовые последствия отказа пациента от исполнения договора возмездного оказания медицинских услуг с клиникой пластической хирургии 458

Илло Д.А., Моисеенко И.Н. * О классификации основных видов коммерческих организаций в гражданском законодательстве 462

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Медведева И.В. * Искусственный интеллект в образовании: эмпирическое исследование на основе студенческого опыта 466

Makeeva I.A., Musin I.R. * Administrative activities of managers for the protection of public order and ensuring public safety on the streets and in other public places by the security forces 345

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Zhikharev D.P. * Features of functioning and regulation of various formats of viewing audiovisual works 349

Belov V.V. * Temporal characteristics of copyright norms as a branch of private law: issues of doctrine and law enforcement practice 352

JUSTICE AND JUDICIAL PRACTICE

Smolenchuk M.M. * Principles of judicial law-making 357

Andrianova M.V. * The use of information technology as a means of improving the effectiveness of justice in civil matters . . 372

Tarasova J.N. * The role of the judge's basic beliefs and values in the system of professional adaptation 376

Toldiev Kh.M.B. * Judicial practice as a factor in the systematization of normative legal acts in the Russian legal system 384

Alekseeva E.V. * Features of issuing court acts in cases of personal data protection for citizens 391

Korsakova L.E., Kurbedinova A.S. * The court's press Service: legal aspects and genre-stylistic features of communication 397

Shavard A.V. * Interviewing minor children in court disputes. Problematic aspects 405

Zhuravleva A.I. * Judicial regulation: concept and types 410

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Plakhov A.V., Vasiliev V.A. * On the issue of improving the state legal regulation of insolvency (bankruptcy) of business entities 417

Dobrovinskaya A.V. * Mechanism of private law regulation of property liability 423

Sikorsky N.V. * Unilateral waiver of an interconnected work contract 431

Vildanova M.M. * On some features of the development of commodity and financial markets in Russia 438

Evseeva I.D. * Current state and prospects of development of legal regulation of professional collection organizations in the Russian Federation 445

Kletsenko S.S. * Replacement of the debtor in relations with third parties owning the debtor's property and debtors 454

Yastremsky I.A. * Legal consequences of a patient's refusal to fulfill a contract for the provision of paid medical services with a plastic surgery clinic 458

Illo D.A., Moiseenko I.N. * On the classification of the main types of commercial organizations in civil legislation 462

MODERNIZATION OF EDUCATION

Medvedeva I.V. * Artificial intelligence in education: an empirical study based on student experience 466

Андрюшечкина Н.А., Татарчук А.П., Бабкина А.А., Иванова М.С., Шорохов П.Н. * Психология обучения студентов аграрных вузов, влияние мотивации и уверенности на успехи студентов 472

Вилкова А.В., Полякова Я.Н., Мешкова Л.В. * Проблемные вопросы воспитания научных кадров в России 477

Бабкина А.А., Андрюшечкина Н.А., Садов А.А., Шорохов П.Н., Мамедова Л.Г. * Применение геймификации в образовательном процессе вузов 482

Степанов Р.И., Сорокина Н.И., Макарова Т.Н., Волкова С.А., Шакирова Е.Р. * Мотивационные основы в преподавании дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации» для студентов агровузов 487

Ослякова И.В., Скобелева М.А., Фролова О.А., Иоффе Н.Е., Абайдуллина О.С. * Цифровое обучение: инновации, вызовы и перспективы трансформации образования 492

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Степанов Р.И., Сорокина Н.И., Макарова Т.Н., Волкова С.А., Шакирова Е.Р. * Периодические печатные издания как эффективный канал коммуникации в сельском хозяйстве: формирование представления у студентов агровузов 497

Клишкова Н.В., Максимова М.В., Новикова Н.Г. * Особенности подготовки преподавателя физики к проведению занятий с курсантами Военной академии 501

Гусейнова Х.К., Иманмагомедова Э.А., Рамазанова М.Ш. * Методика преподавания иностранного языка в условиях высшего учебного заведения медицинского профиля 508

Канунников Р.И. * Изменение личностного адаптационного потенциала курсантов вузов МВД России в процессе выполнения учебно-служебной деятельности 514

Ястремский И.А. * Правовые проблемы применения специальных знаний при оценке оказанной медицинской помощи по профилю пластическая хирургия 517

Бабкина А.А., Андрюшечкина Н.А., Татарчук А.П., Иванова М.С., Шорохов П.Н. * Применение навыков публичных выступлений в обучении студентов аграрных вузов 521

Андрюшечкина Н.А., Бабкина А.А., Садов А.А., Шорохов П.Н., Мамедова Л.Г. * Стресс и ее влияние на обучаемость студентов в аграрных вузах 526

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Бровкин Д.В. * Профайлинг и непрофильные средства предупреждения террористических актов в местах массового скопления людей 531

Шестак В.А., Хуртин Т.И. * К вопросу о понятии электронных носителей информации в уголовно-процессуальном законодательстве 534

Горкина Е.В., Родина Е.Ю. * К вопросу о некоторых видах технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений 540

Ростокинский А.В., Лунёв М.В. * О необходимости усиления уголовно-правовой защиты пожилых людей от дистанционного мошенничества 544

Лайкова Е.А. * Вопросы квалификации преступлений, связанных с фальсификацией и (или) оборотом поддельных официальных документов, по признакам субъективной стороны 551

Казберов П.Н. * Вопросы подбора и использования психодиагностического инструментария в работе с осужденными за преступления в экономической сфере 555

Andryushechkina N.A., Tatarchuk A.P., Babkina A.A., Ivanova M.S., Shorokhov P.N. * Psychology of teaching students of agricultural universities, the influence of motivation and confidence on student success 472

Vilkova A.V., Polyakova Ya.N., Meshkova L.V. * Problematic issues of scientific personnel education in Russia 477

Babkina A.A., Andryushechkina N.A., Sadov A.A., Shorokhov P.N., Mammadova L.G. * The use of gamification in the educational process of universities 482

Stepanov R.I., Sorokina N.I., Makarova T.N., Volkova S.A., Shakirova E.R. * Motivational foundations in teaching the discipline "Culture of speech and business communications" to students of agricultural universities 487

Oslyakova I.V., Skobeleva M.A., Frolova O.A., Ioffe N.E., Abaidullina O.S. * Digital learning: innovations, challenges and prospects of education transformation 492

PEDAGOGICAL SCIENCES

Stepanov R.I., Sorokina N.I., Makarova T.N., Volkova S.A., Shakirova E.R. * Periodicals as an effective communication channel in agriculture: the formation of ideas among students of agricultural universities 497

Klishkova N.V., Maksimova M.V., Novikova N.G. * The specifics of preparing a physics teacher to conduct classes with military academy cadets 501

Huseynova Kh.K., Imanmagomedova E.A., Ramazanova M.Sh. * Methods of teaching a foreign language in a higher educational institution of a medical profile 508

Kanunnikov R.I. * Changing the personal adaptive potential of university cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of performing educational and service activities 514

Yastremsky I.A. * Legal problems of the application of special knowledge in the assessment of medical care provided in the field of plastic surgery 517

Babkina A.A., Andryushechkina N.A., Tatarchuk A.P., Ivanova M.S., Shorokhov P.N. * The use of public speaking skills in teaching students of agricultural universities 521

Andryushechkina N.A., Babkina A.A., Sadov A.A., Shorokhov P.N., Mammadova L.G. * Stress and its impact on student learning in agricultural universities 526

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Brovkin D.V. * Profiling and non-core means of preventing terrorist attacks in crowded places 531

Shestak V.A., Khurtin T.I. * On the issue of the concept of electronic information carriers in criminal procedural legislation 534

Gorkina E.V., Rodina E.Yu. * On the issue of certain types of technical and forensic support for the detection and investigation of crimes 540

Rostokinsky A.V., Lunev M.V. * On the necessity of strengthening criminal legal protection of elderly persons against remote fraud 544

Laikova E.A. * Issues of qualification of crimes related to falsification and (or) trafficking of forged official documents on the grounds of the subjective side 551

Kazberov P.N. * Issues of selection and use of psychodiagnostic tools in working with those convicted of crimes in the economic sphere 555

Искандаров Р.Р. * Пенитенциарная психиатрия как практика признания: философия субъектности, ответственности и реабилитации 560

Унатлоков В.Х., Фомичев А.А. * К некоторым вопросам педагогического подхода в пенитенциарной системе в контексте текущих преобразований 564

Ястремский И.А. * Эволюция законодательства привлечения работников клиники пластической хирургии к уголовной ответственности 569

Бровкин Д.В. * К вопросу о назначении криминалистических экспертиз при расследовании уголовных дел террористического характера 574

Квитчук М.А. * Социальные детерминанты и преступность экономической направленности 579

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Лисаченко О.В. * Использование алгоритмов машинного обучения для обнаружения аномалий в системах кибербезопасности 586

Латынин А.О. * Влияние цифровых стандартов обработки данных на реализацию воли сторон в договоре 590

Александрова А.С. * Теоретические проблемы правового регулирования сбора персональных данных через сторонние платформы на интернет-ресурсах 597

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Афанасьева С.А. * Правовые основы экологического туризма в современной России 602

Ястремский И.А. * Историко-правовое исследование развития договора поставки медицинских изделий и медицинского оборудования для российских клиник пластической хирургии 606

Рябова И.О. * Обеспечение безопасности животных при перевозках (сравнительно-правовой анализ) 610

Iskandarov R.R. * Penitentiary psychiatry as a recognition practice: philosophy of subjectivity, responsibility and rehabilitation . . . 560

Unatlov V.Kh., Fomichev A.A. * On some issues of the pedagogical approach in the penitentiary system in the context of current transformations 564

Yastremsky I.A. * Evolution of legislation to criminalize employees of the plastic surgery clinic 569

Brovkin D.V. * On the issue of appointing forensic examinations in the investigation of criminal cases of a terrorist nature 574

Kvitchuk M.A. * Social determinants and economic crime . . . 579

DIGITAL LAW

Lisachenko O.V. * Using machine learning algorithms to detect anomalies in cybersecurity systems 586

Latynin A.O. * The impact of digital data processing standards on the implementation of the parties' will in the contract 590

Alexandrova A.S. * Theoretical problems of legal regulation of personal data collection through third-party platforms on Internet resources 597

LEGAL ARCHIVE

Afanasyeva S.A. * Legal basis of ecological tourism in modern Russia 602

Yastremsky I.A. * Historical and legal study of the development of the contract for the supply of medical products and medical equipment for Russian plastic surgery clinics 606

Ryabova I.O. * Ensuring the safety of animals during transportation (comparative legal analysis) 610

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-13-19

СЕМОЧКИНА Анна Александровна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
e-mail: aniutaart@mail.ru

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
к.ю.н., к.и.н., д.э.н., профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
e-mail: professor60@mail.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния преступности среди несовершеннолетних мигрантов в Российской Федерации. Представлены статистические данные, отражающие динамику и структуру правонарушений, совершаемых данной категорией лиц. Предложены рекомендации по совершенствованию системы профилактики, направленные на обеспечение социальной адаптации, интеграции и защиту прав несовершеннолетних мигрантов, снижение уровня преступности и создание безопасной среды для всех участников российского общества.

Ключевые слова: Преступность несовершеннолетних, мигранты, Российская Федерация, профилактика преступности, социальная адаптация, интеграция, миграционная политика, правонарушения, несовершеннолетние, профилактические меры.

SEMOCHKINA Anna Alexandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
at the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Candidate of Law, Candidate of Historical Law.,
Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Education
of the Russian Federation, Laureate of the Russian
Government Prize in Science and Technology,
Laureate of the Russian Government Prize in Education

JUVENILE MIGRANT CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATUS AND PREVENTION MEASURES

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the current state of juvenile migration crime in the Russian Federation. Statistical data reflecting the dynamics and structure of offenses committed by this category of persons are presented. Recommendations are proposed to improve the prevention system aimed at ensuring social adaptation, integration, and protection of the rights of juvenile migrants, reducing the crime rate, and creating a safe environment for all members of Russian society.*

Key words: *Juvenile crime, migrants, Russian Federation, crime prevention, social adaptation, integration, migration policy, offenses, minors, preventive measures.*

Преступность несовершеннолетних во все времена являлась предметом пристального внимания со стороны общества и государства. Феномен, обусловленный сложным переплетением биологических, психологических и социальных факторов, приобретает особую остроту, когда речь заходит о несовершеннолетних мигрантах. В Российской Федерации, привлекающей значительные потоки трудовой и образовательной миграции из стран ближнего и дальнего зарубежья, проблема преступности среди подростков-мигрантов требует углубленного анализа и разработки эффективных мер профилактики.

Отметим, что в современном мире проблема миграции населения – одна из самых актуальных социальных проблем. В настоящее время, в действующем законодательстве Российской Федерации, а также и международном отсутствует определение понятия «миграция населения», но в научной литературе имеется достаточно много определений этого понятия, и они не являются идентичными. В соответствии с большой советской энциклопедией под миграцией населения понимают (от лат. *migratio* – переселение) – переселение людей из одного региона в другой, в ряде случаев большими группами и на большие расстояния [1]. В. И. Евтушенко в своей научной работе предлагает под миграцией понимать пространственно-территориальное передвижение субъекта права за пределы населенного пункта, где было его постоянное место жительства, на срок не менее 24 часов [2]. Мигранты, т. е. люди, которые перемещаются внутри государства или за его границы для решения вопросов трудоустройства, получения образования, улучшения условий жизнедеятельности и т. д. Слово образовано от латинского причастия *migrans* (родительный падеж *migrantis*) — «переселяющийся», «переезжающий». Согласно определению Организации Объединенных Наций (ООН), мигрант — это человек, проживающий в другой стране более одного года вне зависимости от причин и методов переезда. Ситуация миграции населения из дру-

гих стран типична для всего населения. Люди в поисках лучших условий жизни переезжают в другие регионы своего государства, либо в другие страны [3].

Российская Федерация – одна из наиболее активных участников миграционных процессов, происходящих сегодня в мире. В настоящее время в нашу страну ежедневно прибывает большое количество мигрантов из стран СНГ — Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Республики Кыргызстан, Республики Армения и Республики Азербайджан. В результате происходит все большее переплетение различных национальностей, культур, религий. Дети мигрантов – это дети родителей, переехавших на постоянное или временное место жительства в другое государство (в частности, в Российскую Федерацию) по причине национально-правовой, экономической, политической нестабильности или иным причинам.

На детей иностранных граждан в полной мере распространяется действие Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115-ФЗ [4]. Однако положения этого закона носят общий и универсальный характер, несовершеннолетние граждане не выделены в отдельную категорию. Вопросы, касающиеся получения детьми иностранных граждан образования, освещены в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ [5]. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ [6] устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией Российской Федерации [7]. Кроме этого, на детей иностранных граждан распространяется действие нормативных актов субъектов РФ и органов местного самоуправления. Они должны соблюдать Уставы дошкольных образовательных учреждений, школ, иных образовательных учреждений. Наравне с детьми российских граждан дети иностранных граждан имеют право на защиту и восстановление нарушенных прав через институт Уполномо-

ченного по правам ребенка. Согласно положениям Конвенции о правах ребенка, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», иностранные граждане имеют право учиться в общеобразовательных учреждениях наравне с гражданами РФ, однако порядок их приема в эти учреждения ставит их в уязвимое положение. Временно пребывающие иностранные граждане, в том числе дети, не подлежат обязательному медицинскому страхованию, а дороговизна добровольного медицинского страхования ребенка снижает доступ детей-мигрантов к системе здравоохранения РФ.

Продолжая наше исследование, отметим, что большая миграция в Российскую Федерацию в последнее время вызвала у многих россиян недовольство, что сказалось в их отношении не только к самим мигрантам, но и к их детям, так как они все чаще совершают преступления в отношении русских.

Подобная тенденция, безусловно, усугубляет и без того напряженную обстановку и требует детального осмысления. В подобных обстоятельствах особого внимания требует проблема вхождения детей мигрантов на территории Российской Федерации в новые социальные, культурные, педагогические и другие условия. Этот факт определяет ряд специфических особенностей, влияющих на их адаптацию, социализацию и, как следствие, правовое поведение в принимающем обществе. Знание этих особенностей необходимо для разработки эффективных профилактических и реабилитационных мер, направленных на снижение преступности среди подростков-мигрантов и обеспечение их успешной интеграции в российское общество.

Во-первых, важно учитывать лингвистический барьер. Многие подростки-мигранты, прибывающие в Российскую Федерацию, не владеют русским языком в достаточной степени для полноценного общения и обучения. Это создает серьезные трудности в школе, ограничивает их возможности для трудоустройства и затрудняет установление социальных контактов с ровесниками. Языковой барьер может приводить к социальной изоляции, чувству отчужденности и фрустрации, что, в свою очередь, может способствовать девиантному поведению.

Во-вторых, необходимо принимать во внимание культурные различия. Подростки-мигранты часто воспитываются в соответствии с традиционными культурными нормами и ценностями, которые могут существенно отличаться от принятых в Российской Федерации. Это может приводить к непониманию и конфликтам с ровесниками, учителями и другими представителями принимающего общества. Культурные различия также могут

влиять на восприятие правовых норм и правил поведения, что, в свою очередь, может приводить к нарушению закона.

В-третьих, социально-экономические условия жизни семей мигрантов часто являются неблагоприятными. Многие семьи мигрантов сталкиваются с проблемами трудоустройства, низкими заработными платами, плохими жилищными условиями и отсутствием доступа к социальным услугам. Эти проблемы могут оказывать негативное влияние на воспитание детей, повышать риск вовлечения подростков в преступную деятельность и способствовать формированию негативных установок по отношению к обществу.

В-четвертых, важную роль играет влияние этнической среды. Подростки-мигранты часто подвержены давлению со стороны этнических групп, которые могут быть связаны с криминальной деятельностью. Под влиянием этих групп подростки могут вовлекаться в совершение преступлений, таких как убийства, причинения различной степени тяжести вреда здоровью, кражи, грабежи, разбои, вымогательства, торговля наркотиками и т. д. Кроме того, этническая среда может способствовать формированию негативных стереотипов и предрассудков по отношению к другим этническим группам, что может приводить к конфликтам и насилию.

3 июня 2025 года Председатель Следственного комитета Российской Федерации (далее СК РФ) Александр Иванович Бастрыкин провел в режиме видео-конференц-связи оперативное совещание по вопросам расследования территориальными следственными органами преступлений, совершенных несовершеннолетними. В мероприятии приняли участие первый заместитель и заместители Председателя СК РФ, руководители и сотрудники подразделений центрального аппарата и региональных следственных управлений ведомства. Так Председатель СК РФ отметил, что несмотря на некоторую позитивную динамику состояния подростковой преступности в 2024 году, в целом по стране по итогам четырех месяцев 2025 года отмечается рост числа всех криминальных проявлений подростков на четверть (с 7 630 до 9 522). В полтора раза увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних, в том числе совершено уже 41 убийство и 22 факта умышленного тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом, 178 преступлений на сексуальной почве. Также было отмечено, что в 2025 году наблюдается увеличение количества несовершеннолетних, нарушивших уголовный закон в состоянии алкогольного опьянения. Еще одним направлением, вызывающим серьезную озабоченность, было названо криминальное поведение несовершеннолетних мигрантов. Их пре-

ступная активность увеличилась в 2024 году на 8%, (на 82% возросло число особо тяжких посягательств), а в январе — апреле 2025 года — уже на 13% [8].

Обратимся к наиболее резонансным преступлениям, совершенным несовершеннолетними мигрантами за последнее время. Так 21 апреля 2025 года, в школе № 2120 г. Москвы двое подростков, азербайджанцы по национальности, на протяжении нескольких месяцев травили ученика 8-го класса за неформальный внешний вид. После очередного истязания потерпевший впал в кому. Было возбуждено уголовное дело по статье 213 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) («Хулиганство») [9]. В мае 2025 года в г. Санкт-Петербурге, в общественном транспорте подростки-мигранты в ответ на законные требования контролеров оплатить проезд проявили агрессию в отношении них и пассажиров, оскорбляя по национальному признаку [10]. В июле 2025 года в деревне Кривское (Калужской области) 4-летнюю девочку изнасиловали двое детей 9 и 11 лет, из семей, прибывших из Таджикистана. В соответствии с постановлением суда, фигуранты дела были помещены в центр содержания для несовершеннолетних, а их родители были задержаны [11]. В августе 2025 года в г. Рубцовск Алтайского края местный житель сделал замечание группе подростков, которые, по свидетельствам очевидцев, оскорбляли русских женщин и провоцировали конфликт. В ответ молодые люди избили мужчину [12]. В г. Одинцово подростки-мигранты жестоко избили русского подростка. Инцидент произошел в микрорайоне Новая Трехгорка. Юным приезжим не понравился вопрос, который им задал молодой человек. Они толпой набросились на него и стали избивать, пострадавшего госпитализировали в тяжелом состоянии [13]. Причинами такого противоправного поведения подростков Председатель СК РФ назвал социальную неустроенность, безнадзорность, беззащитность, низкий уровень морали и правосознания, а также отсутствие надежных жизненных ориентиров, пагубные привычки, воспитание в неблагополучной семье.

Можно констатировать, что у многих подростков мигрантов, находящихся на территории Российских Федерации в почёте насилие. И ужас в том, что это насилие они оправдывают! Проблема усугубляется тем, что зачастую эти акты насилия совершаются группами, где чувство безнаказанности подпитывается ложным пониманием солидарности и «братской помощи». Они не видят в своих действиях ничего предосудительного, напротив, считают это проявлением силы и способом утверждения своего места в новом обществе. Это тревожный феномен — не просто

хулиганство, а отражение более глубоких социальных и культурных проблем. Важно понимать, что насилие никогда не возникает в вакууме. Оно часто произрастает из чувства незащищенности, маргинализации и отсутствия перспектив. Подростки, оторванные от своих корней, сталкивающиеся с дискриминацией и непониманием, могут искать утешение и самоутверждение в агрессии и сплочении в группы, где насилие становится нормой. Нельзя игнорировать и влияние семьи. Если подросток видит, что отец или старший брат решают конфликты силой, он, скорее всего, переймет эту модель поведения. Уважение к закону, к чужому мнению, к личной свободе — эти ценности должны прививаться в семье и поддерживаться обществом.

Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Кирилл К. подтвердил наличие тревожного тренда — роста преступлений, совершаемых детьми мигрантов. «Количество таких инцидентов растёт, мы уже видим, как сводки о преступлениях идут каждый день. Это проблема перенаселения мигрантами и отсутствия их социализации». Также он выразил мнение, что интеграция мигрантов и их детей в российское общество невозможна. По словам члена Совета, основной проблемой является культурный и языковой барьер, который, по его мнению, становится непреодолимым препятствием для полноценной интеграции. Он подчеркнул, что многие мигранты и их дети, прибывающие в Российскую Федерацию, не владеют русским языком в достаточной степени, а их культурные традиции и ценности существенно отличаются от принятых в российском обществе. Это, как утверждает Кирилл К., приводит к формированию обособленных этнических анклавов, где мигранты живут по своим правилам и не стремятся к интеграции в российское общество [14].

Глава комитета Государственной Думы по социальной политике Ярослав Н., предложил, чтобы дети трудовых мигрантов оставались в родных странах, пока родители работают в России. Такой же позиции придерживается адвокат Георгий С., который считает, что «В идеале — мигрант должен заключать срочный трудовой договор, за него полную ответственность несет работодатель. Семья сюда приезжать не должна, и детей, соответственно, тут быть не должно. Человек отработает полгода и уезжает. Это цивилизованная система» [15]. Можно было бы согласиться с данными предложениями, но... Дискуссия о роли и месте трудовых мигрантов в российском обществе не нова, и предложение, высказанное Ярославом Н., лишь обостряет давно назревшие вопросы. В нем отчетливо прослеживается стрем-

ление к упрощению сложной социально-демографической картины, к созданию некоего «идеального» сценария, в котором мигрант – это временный ресурс, лишенный каких-либо социальных связей и обязанностей за пределами рабочего контракта. Однако, следует помнить, что за каждым мигрантом стоит человек, личность, часто связанная семейными узами и глубокими культурными традициями. Игнорирование этих аспектов, по нашему мнению, может привести к серьезным гуманитарным проблемам, дестабилизации социальной обстановки и формированию негативного образа Российской Федерации на международной арене. Предложение об отделении детей от родителей не только противоречит базовому праву на семейную жизнь, закреплённому в международных документах, но и создает предпосылки для формирования маргинализированного слоя населения, лишенного полноценного детства и возможности интеграции в новую культурную среду. Дети, выросшие вдали от родителей, имеют повышенный риск столкнуться с психологическими проблемами, трудностями в обучении и социальной адаптации. С другой стороны, позиция Георгия С. подчеркивает важность четкого правового регулирования трудовой миграции. Безусловно, работодатель должен нести полную ответственность за своих иностранных работников, обеспечивая им достойные условия труда и соблюдение всех трудовых прав. Однако, ограничение пребывания мигрантов полугодовыми контрактами и запрет на воссоединение с семьей может привести к развитию теневой экономики, эксплуатации нелегальных работников и снижению общего уровня социальной защиты.

Выводы. Для снижения уровня преступности, совершаемой несовершеннолетними мигрантами, необходимы следующие меры. Ужесточение миграционной политики. Однако такое ужесточение не должно приводить к нарушению прав человека и принципов гуманности. С 5 февраля 2025 года вступил в силу приказ «О внесении изменений в Порядок представления в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (отмены) решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 8 августа 2022 года № 593» - мигранты, чьих детей признают нежелательно пребывающими на территории России, получают такой же статус. Это решение стало частью более широких мер, направленных на борьбу с ростом преступности среди подростков-мигрантов. Так, начал работать реестр мигрантов, которые подлежат высылке из

Российской Федерации, его ведет МВД РФ. Также Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 08.08.2024 № 248-ФЗ, внес изменения в часть 4 статьи 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [16], расширив перечень должностных лиц, уполномоченных на принятие решения о назначении административного наказания в виде выдворения за пределы Российской Федерации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. При вынесении такого решения сотрудникам полиции теперь разрешено на 48 часов помещать мигрантов в специальные учреждения до депортации. В случае, если дети иностранных граждан нарушают закон, их родители будут подвергаться тем же санкциям, включая выдворение за пределы России.

Также необходимо сосредоточиться на создании эффективной системы адаптации и интеграции мигрантов, включающей в себя языковые курсы, образовательные программы, социальную поддержку и культурный обмен. Необходимо проведение разъяснительных работ среди несовершеннолетних мигрантов и их семей о правовых нормах, существующих в принимающей стране, и последствиях совершения преступлений. Важно создать условия, при которых мигранты смогут чувствовать себя полноценными членами российского общества, сохраняя при этом свою культурную идентичность и уважая традиции принимающей страны. Кроме того, необходимо усилить контроль за деятельностью работодателей, обеспечивая соблюдение трудовых прав мигрантов и пресекая любые формы дискриминации и эксплуатации. Эффективная миграционная политика должна быть основана на принципах справедливости, гуманизма и взаимного уважения, учитывая как интересы государства, так и права и свободы людей. Лишь в этом случае можно создать устойчивую и процветающую мультикультурную нацию, способную успешно решать вызовы современного мира.

На Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в 2024 году председатель Совета Федерации Российской Федерации Валентина Ивановна Матвиенко подчеркнула, что «Россия никогда не будет закрытой страной, в которую не будет доступа иностранной рабочей силы, и по этому пути не пойдёт, так как он тупиковый» [17]. В. И. Матвиенко отметила, что абсолютное большинство мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации «ведут себя достойно, ценят возможность работать, учиться», но есть недоработки в общей миграционной политике, которые приводят к тем нарушениям, злоупотреблениям, преступлениям и недобросовестному

поведению граждан других стран, которое повышает «градус эмоций в обществе». Спикер подчеркнула, что миграционная политика должна быть чёткая, государственно выверенная, и «она есть», но с учётом того, что жизнь не стоит на месте, появляются нюансы, нужны корректировки.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин заявил о необходимости изменить миграционную политику, а может быть даже вообще сделать так, чтобы внутренними ресурсами решить свои политические, экономические, национальные и другие проблемы [18]

Данное исследование хочется закончить словами Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, который заявил: «Решающим в вопросах миграционной политики должен быть принцип, чтобы в Российскую Федерацию могли въезжать только те, кто уважает ее культуру, историю, язык и традиции [19].

Список литературы:

- [1] Большая советская энциклопедия: в 30 т./ под. ред. А. М. Прохорова. — 3-е изд. — Москва: Советская энциклопедия, 1974. — С.208.
- [2] Евтушенко В. И. Миграция: критерии понятия // Актуальные проблемы российского права. — 2011. — № 4. — С.77.
- [3] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/base/11/06/2025/68356f319a794708edb620ea> Кто такие мигранты. (дата обращения 09.08.2025).
- [4] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115-ФЗ // СПС Консультант Плюс. (дата обращения 09.08.2025).
- [5] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ // СПС Консультант Плюс. (дата обращения 09.08.2025).
- [6] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ// СПС Консультант Плюс. (дата обращения 09.08.2025).
- [7] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2025).
- [8] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20250603/prestupleniya-2020693152.html> В России выросло число тяжких преступлений, совершенных подростками (дата обращения 12.08.2025).
- [9] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/eksperty-chto-delat-s-direktorami-russkih-shkol-gde-rossiyan-izbivayut-migranty-65833437/> В московской школе подростки мигранты избили русского ученика за внешний вид (дата обращения 10.08.2025).
- [10] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.vesti.ru/article/4494717> В Санкт-Петербурге подростки-мигранты ответили агрессией на оплату проезда (дата обращения 12.08.2025).
- [11] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://life.ru/p/1773128> СК РФ возбудил дело по факту изнасилования девочки мигрантами в Калужской области (дата обращения 12.08.2025).
- [12] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.amic.ru/news/zhitel-altayskogo-kрая-postradal-ot-napadeniya-migrantov-567039> Мигранты-подростки избили мужчину на Алтае и оскорбляли женщин (дата обращения 12.08.2025).
- [13] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://news.ru/russia/nasiluyut-devochek-plyuyut-na-zakony-rf-chto-nam-delat-s-detmi-migrantov> Плюют на законы РФ: что нам делать с детьми мигрантов (дата обращения 12.08.2025).
- [14] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/ekspert-chto-budet-s-obucheniem-detey-migrantov-esli-oni-provalyat-novye-shkolnye-testy-65549254/> Эксперт: что будет с обучением детей мигрантов, если они провалят новые школьные тесты (дата обращения 12.08.2025).
- [15] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://dzen.ru/a/aJXKueYk0CzU5Eey> (дата обращения 12.08.2025).
- [16] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (дата обращения 12.08.2025).
- [17] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://senatinform.ru/news/matvienko-poobeshchala-chto-rf-ne-stanet-zakrytoy-dlya-inostrannykh-rabochikh-stranoy/> В.И. Матвиенко пообещала, что РФ не станет закрытой для иностранных рабочих страной (дата обращения 12.08.2025).
- [18] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6792117> Бастрыкин выступил за ужесточение миграционной политики (дата обращения 12.08.2025).

[19] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://iz.ru/1719162/2024-06-27/bastrykin-zaiavil-o-neobkhodimosti-smeny-migratsionnoi-politiki-v-rossii> О необходимости смены миграционной политики в России (дата обращения 12.08.2025).

References:

[1] Great Soviet Encyclopedia: 30 tons/under. ed. A.M. Prokhorov. - 3rd ed. - Moscow: Soviet Encyclopedia, 1974. - S.208.

[2] Yevtushenko V.I. Migration: criteria for concepts//Actual problems of Russian law. — 2011. — № 4. - S.77.

[3] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: <https://www.rbc.ru/base/11/06/2025/68356f319a794708edb620ea> Who are the migrants. (date of circulation 09.08.2025).

[4] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ Federalnyy law "On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation" dated 25.07.2002 N 115-FZ//SPS Consultant Plus. (date of circulation 09.08.2025).

[5] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 N 273-FZ//SPS Consultant Plus. (date of circulation 09.08.2025).

[6] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ Federalnyy Law "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation" of 24.07.1998 N 124-FZ//SPS Consultant Plus. (date of circulation 09.08.2025).

[7] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) /Official Internet portal of legal information. [Electronic resource]. - Access mode: URL: <http://pravo.gov.ru> (access date: 12.08.2025).

[8] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: <https://ria.ru/20250603/prestupleniya-2020693152>.html In Russia, the number of serious crimes committed by adolescents has increased (date of appeal 12.08.2025).

[9] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/eksperty-cto-delat-s-direktorami-russkih-shkol-gde-rossiyan-iz-bivayut-migranty-65833437/> In a Moscow school, teenagers migrants beat a Russian student for appearance (date of appeal 10.08.2025).

[10] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: <https://www.vesti.ru/article/4494717> In St. Petersburg, migrant teenagers responded with aggression to pay for travel (date of appeal 12.08.2025).

[11] [Electronic resource]. - Access mode: URL: <https://life.ru/p/1773128> of the RF IC opened a case on the fact of rape of a girl by migrants in the Kaluga region (date of appeal 12.08.2025).

[12] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: <https://www.amic.ru/news/zhitel-altaysko-go-kрая-postradal-ot-napadeniya-migrantov-567039> Teenage migrants beat a man in Altai and insulted women (date of appeal 12.08.2025).

[13] [Electronic resource]. - Access mode: URL: <https://news.ru/russia/nasiluyut-devochek-plyuyut-na-zakony-rf-cto-nam-delat-s-detmi-migrantov> Spit on the laws of the Russian Federation: what should we do with the children of migrants (date of appeal 12.08.2025).

[14] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/ekspert-cto-budet-s-obucheniem-detey-migrantov-esli-oni-prov-alyat-novye-shkolnye-65549254/> Expert: what will happen to the education of migrant children if they fail the new school tests (date of appeal 12.08.2025).

[15] [Electronic Resource]. - Access mode: URL: <https://den.ru/a/aJXKueYk0CzU5Eey> (date of access 12.08.2025).

[16] [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ "Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" dated 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 31.07.2025) (date of appeal 12.08.2025).

[17] [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://senatinform.ru/news/matvienko_poobeshchala_cto_rf_ne_stanet_zakrytoy_dlya_inostrannykh_rabochikh_stranoy/ V.I. Matvienko promised that the Russian Federation will not become a country closed to foreign workers (date of appeal 12.08.2025).

[18] [Electronic resource]. - Access mode: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6792117> Bastrykin advocated tightening migration policy (date of appeal 12.08.2025).

[19] [Electronic resource]. - Access mode: URL: <https://iz.ru/1719162/2024-06-27/bastrykin-zaiavil-o-neobkhodimosti-smeny-migratsionnoi-politiki-v-rossii> On the need to change the migration policy in Russia (date of appeal 12.08.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-20-25

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

УСАНОВ Владимир Евгеньевич,
академик Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра сравнительного государственоведения
Федерального государственного автономного учреждения науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»,
президент Союза экспертов в области управления
«Международная Академия менеджмента»,
профессор Университета «Синергия»,
e-mail: vusanov@mail.ru

КРАВЦОВ Сергей Сергеевич,
Доцент кафедры уголовного права,
кандидат экономических наук,
Московский университет МВД России имени В.Я.Кикотя,
Университет «Синергия»,
e-mail: Kravtsov-sss@yandex.ru

ЖЕРЕБЧЕНКО Аркадий Викторович,
кандидат юридических наук,
Московский университет МВД России имени В.Я.Кикотя,
Университет «Синергия»,
e-mail: avzh1983@mail.ru

ЧАСТНОЕ ПРАВО КАК СОДЕРЖАНИЕ СВОБОДЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению частного права как формы, в которой осуществляется и удерживается свобода. Исследование строится на основании диалектической логики, сформулированной в философии права Гегеля, и направлено на выявление внутренней структуры понятий частного права. Правоспособность, собственность, договор, обязательство, ответственность и личные права рассматриваются как моменты становления воли, получающей объективность в правовом порядке. Предложенный подход позволяет выявить частное право не как систему норм, а как способ, в котором свобода становится действительностью.

Ключевые слова: частное право, свобода, воля, Гегель, диалектика, правоспособность, собственность, договор, обязательство, ответственность, личные права.

USANOV Vladimir Evgenievich,
Academician of the Russian Academy of Education,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Comparative State Science
of the Federal State Autonomous Institution of Science "Institute of China and Modern Asia
of the Russian Academy of Sciences," President of the Union of Management Experts
"International Academy of Management", Professor of Synergy University

KRAVTSOV Sergey Sergeevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Candidate of Economic Sciences, Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Synergy University

ZHEREBCHENKO Arkady Viktorovich,
Candidate of Law, Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot, Synergy University

PRIVATE LAW AS A CONTENT OF FREEDOM

Annotation. *The article examines private law as a form in which freedom is actualized and sustained. The study is based on the dialectical logic developed in Hegel's philosophy of law and aims to uncover the inner structure of private law concepts. Legal capacity, property, contract, obligation, responsibility, and personal rights are interpreted as moments in the development of will attaining objectivity within legal order. This approach presents private law not as a set of norms but as the very mode through which freedom becomes actual.*

Key words: *private law, freedom, will, Hegel, dialectics, legal capacity, property, contract, obligation, responsibility, personal rights.*

Современное частное право оказывается в положении, при котором его связь с изначальной природой становится неочевидной. Правовые конструкции, исторически возникавшие как выражение свободной воли, приобретают черты процедур и технических операций. В отношениях между людьми исчезает образ субъекта, действия по волеизъявлению оформляются через обезличенные схемы. Собственность выражается в цифровом коде, договор заполняется через интерфейс, обязательство теряет переживаемую полноту. Право сохраняет внешнюю форму, но теряет различимость того, что должно было быть в нем выражено. Это создает необходимость мышления, способного восстановить целостную логику правового становления.

Вопрос формулируется не в нормативистско-догматическом ключе. Центральным для него оказывается движение мысли, стремящейся понять, как свобода проявляется в форме права. Мысль обращается к системе, в которой возможно удержание этой связи. Такой системой выступает философия права Гегеля как способ раскрытия свободы в ее логической необходимости. Гегель называет право действительностью свободной воли. Этим указанием он фиксирует не завершенное состояние, а путь, на котором воля приобретает форму, различимость и устойчивость.

Объектом настоящего исследования выступает частное право как форма социального бытия. Предметом становится структура понятий, в которой право обнаруживает себя как проявление свободы. Исследование сосредоточено не на позитивном праве, а на логике, в которой собственность, договор, обязательство и личные права формируются как моменты единого движения. Частное право постигается как форма, удерживающая свободу в ее актуальном выражении. Каждый институт оказывается не внешним образованием, а внутренне необходимым этапом.

Исследование строится в логике диалектического мышления. Понятие не выводится из посылки, не формулируется в виде аксиомы, не описывается как данное. Мысль движется от одного определения к другому, и в каждом следу-

ющем обнаруживает новую ступень свободы. Частное право представляет собой пространство, в котором воля проходит путь от первоначального самоутверждения до признания другого и переживания меры. Это движение проявляется в правоспособности, собственности, соглашении, обязанности, признании.

Цель настоящей работы заключается в раскрытии того, каким образом частное право выступает не только формой, но и содержанием свободы. Это не поиск внешних соответствий между идеей и нормой, а выявление внутренней логики правовых институтов. Задача состоит в том, чтобы проследить, как понятие свободы реализуется в структуре частного права, и как каждый его элемент несет в себе не только юридическую форму, но и онтологическое содержание. Это предполагает последовательное рассмотрение институциональной ткани частного права как логически необходимого развертывания воли, становящейся действительностью.

Частное право понимается не инструментально, а как способ быть собой. Свобода становится действительностью тогда, когда получает форму. Гегель утверждает: «Право есть действительность свободной воли» [3]. Форма придает воле определенность, делает ее различимой, открытой, признанной. Именно в этом начинается правовая действительность — не как совокупность предписаний, а как пространство, в котором воля становится видимой.

Собственность — первый момент явленной свободы. В акте присвоения воля перестает быть невидимой. Присвоенное становится способом быть, а не способом владеть. «Глубже значения физической и юридической принадлежности собственное хранит смысл подлинного, родного, интимного» [1]. Собственность формирует устойчивую связь между человеком и миром. Вещь, обозначенная как «моя», связывает субъект с реальностью, формирует его как лицо.

Правовое отношение начинается с признания. Там, где встречаются две воли, возникает структура, в которой свобода перестает быть замкнутой. «Договор предполагает, что вступающие в него признают друг друга лицами и собственни-

ками» [3]. Это не обмен, а согласие. Договор не оформляет интерес, он выражает встречу свобод, оформленную в форме. Слово, печать, подпись — не вспомогательные действия, а сам способ признания.

Ответственность придает свободе устойчивость. Там, где субъект утверждает «мое», возникает необходимость удерживать, сохранять, отвечать. «Свободный субъект, утверждая „мое“, принимает на себя и последствия» [1]. Частное право требует не только выражения воли, но и готовности нести ее через время и обстоятельства. Обязательство формируется не внешним давлением, а внутренней логикой признанной свободы.

«Наследование продолжает волю за пределами жизни» [1]. Личные права формируют контур, за которым воля уже не может быть объектом, но сохраняется как форма. Достоинство, имя, честь — структуры, в которых свобода остается узнаваемой даже при отсутствии ее носителя. Частное право завершает свое движение в этой точке: не в экономике, а в человеке.

Цифровая среда стирает облик воли. Стандарты идентификации подменяют лицо. Право формализуется без участия субъекта. «В цифровой среде исчезают фигуры воли, согласия, признания» [2]. Процедура заменяет жест. Свобода оказывается за границами права.

Частное право удерживает свободу в видимой форме. Оно не дополняет государство, не обслуживает экономику, не сопровождает сделку. Оно создает человека как лицо. «Право есть форма, в которой осуществляется свобода» [5]. Здесь происходит становление — не отвлеченное, не декларативное, а действительное.

Правоспособность выражает свободу в ее начальной определенности. Субъект обозначается как носитель воли еще до действия, до вступления в конкретное отношение. Эта форма не требует доказательства. Она задает присутствие, в котором человек становится началом. Частное право раскрывает это присутствие как исходную точку, из которой возникает дальнейшее движение. В правоспособности свобода получает очертание, благодаря которому становится различной в правопорядке.

Утверждается, что правоспособность означает потенцию действия. Но она не зависит от участия в обмене, обладании имуществом или способности к расчету. Понятие личности, как указывает Гегель, выражает свободу в ее понятии [3]. В этом понятии уже содержится возможность действовать, вступать в отношения, быть признанным. Лицо означает способность быть началом, способным к обретению формы.

Эта способность наблюдается в правовом порядке как условие всякой юридической формы.

Правоспособность делает возможным всякое правовое проявление. Она не оформляет особое положение. Она обозначает равенство всех, в ком присутствует свобода как способность к выражению. Это равенство не является производным. Оно заложено в самой логике воли, способной принять форму. Право признает в человеке возможность стать носителем нормы — лицом, не превращая его в голую функцию.

Частное право обеспечивает устойчивость формы. Начальная форма свободы получает определенность, которая делает возможным дальнейшее движение. Правоспособность формирует условие, в котором каждый может быть назван лицом. Из этого движения возникает собственность, обязательство, соглашение. Каждая из этих форм предполагает, что субъект уже признан в своей способности быть носителем свободы. Правоспособность не завершает, а открывает. Она не замыкает волю, а указывает на ее присутствие в порядке.

Собственность оформляет первый момент, в котором воля обретает устойчивую определенность вне себя. В этом движении человек утверждается как субъект, способный придать миру форму, выражающую его присутствие. В обозначении «мое» формируется различимость, благодаря которой воля становится доступной признанию. Связь с вещью образует границу, на которой свобода получает зримый контур. Частное право обозначает этот контур, удерживает его в устойчивой юридической форме и наполняет содержанием, соразмерным вольному началу.

Собственность возникает как необходимость, вытекающая из самой природы личности. «Право личности состоит в ее существовании как воли, определяющей самой собою» [3]. Это существование обнаруживает свою завершенность в акте присвоения. Присвоенное несет в себе след воли. В этом следе оформляется внешнее выражение свободы. Частное право представляет этому выражению определенность, делает его различимым, закрепленным, общим.

Связь между субъектом и вещью не исчерпывается функцией или владением. Она образует пространство устойчивого пребывания, в котором человек не теряется, а находит выражение. «Глубже значения физической и юридической принадлежности собственное хранит смысл подлинного, родного, интимного» [1]. Эта глубина проникает в существо правового отношения. Вещь, находящаяся в собственности, не исчезает в обороте. Она удерживает форму, в которой субъект присутствует в мире.

Собственность обнаруживает направленность. Из нее возникает движение к другому, воз-

можность отношения, пространство обмена. В собственности человек не останавливается, а продолжает формировать порядок. Частное право обеспечивает этому порядку устойчивость. Оно обозначает тот момент, в котором воля становится узнаваемой, оформленной, способной к передаче, к признанию, к ответу.

Следующий шаг — договор. Здесь воля выходит за пределы одного субъекта и вступает в отношение с другим. В этом отношении возникает согласие, оформляющее свободу в общем пространстве.

Договор выражает момент, в котором свобода перестает быть единичной. Субъект, обозначивший себя в собственности, вступает в отношение с другим, способным к тому же. Это движение формирует структуру, в которой воля перестает звучать в одиночку. В договоре возникает согласие, не как компромисс, а как форма взаимного признания. Частное право удерживает эту форму как основу порядка, основанного на встрече, а не на подчинении.

Договор образует пространство, в котором воли различаются, но остаются соразмерными. Каждый из участников утверждается как лицо, способное выражать намерение, и вместе с тем — как лицо, готовое признать другого. «Договор предполагает, что вступающие в него признают друг друга лицами и собственниками» [3]. Это признание выражается не только словами, но и действием: передача, принятие, согласование становятся формами выраженной свободы. Воля перестает быть замкнутой, она начинает разворачиваться в направлении, создающем общее пространство.

Юридическая форма договора не ограничивается текстом или процедурой. Она удерживает напряжение между самостоятельностью и согласованием. Это напряжение не ослабляет воли, а позволяет им проявляться в устойчивом виде. В этом проявлении каждый остается началом, не утрачивая при этом способность быть участником общего. Частное право оформляет этот порядок, в котором свобода не теряет себя в соотносительности, а обретает полноту через признание.

Согласие требует языка, действий, форм. Каждое условие, каждое обязательство, каждое подтверждение становится моментом, в котором свобода утверждается в устойчивом отношении. Договор образует структуру, удерживающую волю в состоянии проявленности. Он делает возможным не только акт обмена, но и продолжение, в котором появляется ответственность.

Следующее движение происходит в обязательстве. Здесь воля не только вступает в отношение, но и удерживает себя в нем. Обязатель-

ство становится формой, в которой свобода сохраняет свое решение через время и обстоятельство.

Обязательство раскрывает способность воли сохранять себя в форме. Субъект, выразивший намерение, удерживает его через меру, содержание и продолжение. Это удержание формирует новое качество свободы. Она перестает быть актом и становится устойчивым состоянием. Обязательство не фиксирует волю в моменте, а разворачивает ее в направлении, поддающемся расчету, ожиданию и признанию. Частное право оформляет эту направленность как обязанность, принятую не извне, а из собственного действия.

Обязательство предполагает, что воля сохраняется в условиях, выходящих за пределы ее изначального выражения. Решение, принятое в договоре, получает продолжение. Оно удерживается в обещании, сроке, исполнении. Это удержание формирует новую грань свободы. Субъект подтверждает свою волю через согласие быть связанным. Это согласие не ограничивает. Оно придает вес. «Свободный субъект, утверждая „мое“, принимает на себя и последствия» [1]. В этом принятии формируется отношение, в котором свобода перестает быть мгновением.

Обязательство становится структурой, в которой воля становится надежной. Стороны могут действовать, рассчитывать, строить на основании предсказуемости. Право оформляет эту структуру как доверие, поддержанное формой. Здесь возникает пространство, в котором становится возможным не только заключить, но и исполнить. Обязательство не исчерпывается воли изъятием. Оно удерживает волю в продолжении, делает ее устойчивой в изменяющихся обстоятельствах.

Каждое обещание, каждая мера, каждое исполнение формируют события, в которых субъект не исчезает. Он подтверждает себя через верность. Частное право предоставляет этому подтверждению форму. Эта форма допускает вариативность, допускает пересмотр, но удерживает смысл: воля может быть сохранена. В этом сохранении появляется возможность для следующего шага — ответственности.

Ответственность завершает движение, начатое в обязательстве. Там, где воля сохраняет себя через время, возникает вопрос о мере, границе, последствии. Готов продолжить с ответственности — как формы, в которой свобода принимает на себя результат своего действия.

Ответственность придает свободе устойчивость. Там, где субъект утверждает «мое», возникает необходимость удерживать, сохранять, отвечать. «Свободный субъект, утверждая „мое“, принимает на себя и последствия» [1]. Частное право

требует не только выражения воли, но и готовности нести ее через время и обстоятельства. Обязательство формируется внутренней логикой признанной свободы, а не внешним давлением.

Нарушение не завершает отношение. Оно продолжает его в иной форме. Гражданско-правовая ответственность оформляется как возможность восстановить меру. Она сохраняет направленность обязательства, в котором воля удерживается как действующее начало. «Гражданско-правовая ответственность является не столько санкцией за нарушение, сколько продолжением обязательства в иной форме, в которой воля сохраняется в стремлении к восстановлению нарушенного порядка» [4]. Эта форма требует присутствия субъекта, способного подтвердить себя в пределе. Ответ возникает не как реакция, а как продолжение действия, оформленного в праве.

Каждое обязательство предполагает исполнение, но не теряет себя в его невозможности. Ответственность выражает ту границу, за которой воля продолжает себя уже через восстановление. Частное право удерживает эту возможность. Оно сохраняет структуру, в которой свобода остается различимой не только в изначальном решении, но и в его следствиях. Обязательство не прерывается. Оно переходит в форму, в которой становится видимым не только результат, но и мера участия.

Следующее движение направлено к тем формам, в которых воля уже не соотнесена с предметом или обязательством, но сохраняется в самом человеке. Имя, честь, достоинство становятся выражением свободы, не подлежащей разделению. Личные права формируют завершение этой логики.

Личные права выражают свободу, присутствующую не в предмете, не в действии, не в обмене. Здесь воля получает форму, сохраняющую ее в человеке. Имя, честь, достоинство не возникают из отношения, не направлены вовне, не предполагают условия. Эти формы удерживают субъекта как лицо, различимое по самому факту своего существования. Частное право оформляет эти формы не как исключение, а как завершенность. Свобода, прошедшая путь от способности к признанию, от присвоения к соотнесенности, от действия к ответу, раскрывается в собственной целостности.

Имя обозначает личность в правовом порядке. Оно указывает на того, кто присутствует как начало, и удерживает это присутствие в различимой форме. Достоинство формирует границу, за которой человек не превращается в средство. Эта граница не зависит от обстоятельств. Она

создает форму, в которой невозможно подменить лицо функцией, пользой, выгодой. Честь не нуждается в доказательстве. Она выражает устойчивое положение человека в мире, в котором его узнают как того, кто способен быть признанным.

Частное право сохраняет эти формы не как символические, а как реальные. Они подлежат защите. Нарушение не отменяет содержания. Оно требует восстановления. В этом восстановлении свобода не становится реакцией. Она продолжает быть действующей. Субъект, чье имя нарушено, чья честь поставлена под сомнение, чье достоинство подверглось умалению, сохраняется в структуре права как лицо, способное к ответу.

Личные права завершают логику свободы в праве. Здесь воля уже не направлена на вещь, не удерживается в обязательстве, не продолжается в исполнении. Она присутствует в самом человеке как непрерывная определенность. Частное право удерживает это присутствие в форме, в которой человек остается собой при любых обстоятельствах. Право не создает достоинства, но признает его.

В этом признании завершается путь, по которому свобода становится действительностью. Правоспособность, собственность, договор, обязательство, ответственность, личные права — логика частного права и именно она формирует целостность, в которой человек становится свободным не только по замыслу, но и по форме.

Частное право удерживает свободу в развернутой структуре. Каждое его понятие возникает из предыдущего и содержит в себе необходимость следующего. Эта логика не допускает разрыва между формой и содержанием. Свобода не предшествует праву и не отделяется от него. Она становится в праве. Право, в котором отсутствует это становление, утрачивает меру. Частное право сохраняет эту меру, потому что разворачивает волю в полноте: от способности к выражению, от выражения к признанию, от признания к ответственности, от ответственности к устойчивому присутствию. Это не система охраны интересов, не совокупность норм, не поле регуляции. Это форма, в которой человек становится себе соразмерным. Поставленная цель — выявление того, как право удерживает свободу в ее содержательности — реализуется в структуре, где воля не описывается, а действует. Задача — проследить, каким образом форма становится носителем внутренней определенности — решается через последовательность: способность, выражение, признание, сохранение, завершение. Это целостность. В ней становится различимо то, что не поддается своду и не растворяется в предписаниях: свобода, удержанная в форме.

Список литературы:

- [1] Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 432 с.
[2] Волков В.Э. Цифровое право. Общая часть. Самара: Самарский университет, 2022. 304 с.
[3] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 472 с.
[4] Иоффе О.С. Ответственность по современному гражданскому праву. Л.: Госюриздат, 1955. 136 с.
[5] Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб.: РХГА, 2005. 287 с.

References:

- [1] Bibikhin V.V. Property. Philosophy of its own. St. Petersburg: Science, 2012. 432 p.
[2] Volkov V.E. Digital Law. General part. Samara: Samara University, 2022. 304 pp.
[3] Hegel G.V.F. Philosophy of Law. M.: Thought, 1990. 472 s.
[4] Joffe O.S. Liability under modern civil law. L.: Gosyurizdat, 1955. 136 s.
[5] Chicherin B.N. Property and State. St. Petersburg: RHGA, 2005. 287 pp.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-26-31

РАГОЗИНА Н.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и административного права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
экономический университет», Российская Федерация,
e-mail: ragozina777@bk.ru

КОНЦЕПЦИЯ ОЗДОРОВЛЕНИЯ НАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Система правовых актов, регулирующая любой значимый институт законодательства России, должна неизбежно опираться на концептуальное и доктринальное обоснование нормативно-правовых положений. На основе современных позиций отечественных правоведов рассматривается место и значение правовых доктрин и концепций в системе источников отечественного права. Устанавливается соотношение понятий «доктрина» и «концепция» в праве. Характеризуется система документов правового стратегического планирования Российской Федерации в семействе таких актов, как доктрины, концепции, стратегии, декларации, национальные проекты, меморандумы, обращения. Дается характеристика процесса имплементации доктринальных правовых принципов в нормативно-правовые акты различной юридической силы. Для концепции оздоровления нации определяется комплексный объект правового регулирования. Характеризуется степень доктринальности отечественного законодательства о «сбережении народа», здравоохранении, развитии физической культуры и спорта российской нации.

Ключевые слова: правовая доктрина; правовая концепция; источник права; национальные проекты; правовая идеология; правовая политика; оздоровление нации.

RAGOZINA N.A.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law,
St. Petersburg State University of Economics, Russian Federation

THE CONCEPT OF NATIONAL RECOVERY AS A SOURCE OF LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The system of legal acts governing any significant institution of Russian legislation must inevitably rely on the conceptual and doctrinal justification of regulatory legal provisions. Based on the modern positions of Russian jurists, the place and significance of legal doctrines and concepts in the system of sources of domestic law is considered. The relationship between the concepts of "doctrine" and "concept" in law is established. The system of legal strategic planning documents of the Russian Federation in the family of such acts as doctrines, concepts, strategies, declarations, national projects, memoranda, appeals is characterized. The article describes the process of implementing doctrinal legal principles into normative legal acts of various legal force. A complex object of legal regulation is defined for the concept of national health improvement. The degree of doctrinality of the domestic legislation on "saving the people", healthcare, and the development of physical culture and sports of the Russian nation is characterized.

Key words: legal doctrine; legal concept; source of law; national projects; legal ideology; legal policy; national health improvement.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью развития правовой системы на основе научной правовой доктрины. Здоровое общество, здоровая нация, здоровое государство

обладают здоровой, устойчивой и одновременно развивающейся правовой системой. У такой правовой системы обнаруживаются платформы, среди которых особое место занимают правовые доктрины и концепции [15].

Для внедрения и реализации концепций и идей учёных-юристов в правовую систему государства необходимо обнаружение у них качества доктринальности. Таким образом, правовая концепция как форма выражения доктринальных положений [4] оказывается в эпицентре построения правовой системы, а качество законодательства определяется степенью его концептуальности. Это отчетливо проявляется в процессах правотворчества.

Основной проблемой применительно к теме исследования является искоренение «внедоктринального», «сиюминутного» законодательства, прежде всего в социально-культурной сфере публичного управления, в которой идентифицируются правовые направления оздоровления нации.

Правовую доктрину называют прямым источником права [8], позволяющим развиваться другим источникам права. При этом следует констатировать, что правовая доктрина располагается на высоком уровне научного познания, социально-правового исследования, решающего задачи успешного социального проектирования. Однако научность правовой доктрины, указывающая на ее происхождение, проявляет в известной степени и ее недостаток. На правообразование через доктрину накладывают отпечаток негативные свойства научного и псевдонаучного процесса (добычи и продвижения знаний в социуме). Этот процесс веками идет не гладко, что делает доктрину порой не самой эффективной «деталью» правового механизма в различных сообществах. Как известно, «что русскому здорово, то немцу смерть» [7], хоть мы и располагаемся в одной правовой семье. В этом смысле освоение взаимного опыта правового регулирования даже внутри одной правовой семьи оказывается задачей весьма непростой, а временами и «рискованной».

Цель исследования – характеристика доктрины, концепции не только как источника права, но и как фундамента непротиворечивого законодательства в социально-культурной сфере публичного управления. В таком освещении цель исследования представляется теоретико-прикладной, преодолевающей взгляды некоторых теоретиков-правоведов об отсутствии необходимости формулировать раздел «практическая значимость» в исследовании любого уровня. Мы придерживаемся мнения о том, что «нет ничего практичней, чем хорошая теория» [23].

Методы исследования

Применены методы исследования, наиболее адекватные поставленным задачам. Сравнительно-правовой метод позволил уточнить роль доктрины в странах одной правовой семьи, когда

доктринальные послы в сферах правового регулирования явно расходятся. Формально-юридический метод открыл новые характеристики доктрины как источника права и формы правового акта. Эвристический метод был применен для выявления роли законотворческих органов в развитии правовой системы на основе концептуальных правовых воззрений. Применение методов анализа, синтеза, дедукции и индукции позволили показать современную роль законодательных и административных органов в формировании правового механизма обеспечения «здорового образа жизни» нации.

Основное исследование

Ныне признается, что именно доктрина значимо влияет на формирование эффективно действующей системы нормативно-правовых актов. Утверждается мнение правоведов о повышении роли доктрины в совершенствовании правовой системы [12], однако без излишних «реверансов» в части включения трудов «избранных» ученых напрямую в правовую систему и «регуляторный механизм». Представляется порочным продвижение «прямо в суд» доктрин «адвокатов», «юрисконсультов» и даже самих судей, которые, правда, не могут быть лишены имеющегося конституционного права компетентно и профессионально формировать правовую доктрину [3; 19]. Здесь, конечно, следует обратить внимание на включение правоведами в доктринальный материал судебной и административной практики, что продолжает основательные дискуссии о значении судебных актов различного уровня как источников права. Так, в рамках судебной практики во всех видах судебных производств, начиная с конституционного, может возникнуть значимый эффект обращения не к «букве» и «духу» закона, а к правовой доктрине, которая в ряде случаев рубит «гордиевы узлы» накопленного веками юридического лукавства и ставит вопрос о конституционности закона.

При раскрытии значения доктрины исследователи неизбежно обращаются к иерархии источников права, отмечая, что расхождение между содержанием нормативно-правового акта, судебной и административной практикой и доктриной является неприемлемым состоянием правовой системы, в котором «спор не порождает истину».

При оценке доктрины как системы научных выводов и теоретических конструкций, которые имеют фундаментальное значение для определённой сферы правового регулирования, в сфере науки можно и должно говорить о сформировании доктрины или об ее отсутствии, а также о месте определенной доктрины в правовой классифика-

ции [10]. Это принципиально важно для оценки научной новизны исследований и обоснования утверждений об «исчерпании» проблемы (исходящих от некоторых «экспертов») в условиях, когда устоявшаяся доктрина или концепция фактически отсутствуют.

Правовая доктрина как самостоятельный источник права обладает уникальной особенностью существования в документах-источниках доктринального характера. Так, стратегии, концепции, национальные проекты оцениваются как источники права и как формы нормативно-правовых актов. С точки зрения форм нормативно-правовых актов самостоятельность доктрин, стратегий, концепций, национальных проектов остается вопросом дискуссионным. Исследователи подчеркивают [8], что Морская доктрина Российской Федерации, утверждённая Президентом Российской Федерации 26 июля 2015 года, Военная доктрина Российской Федерации и другие являются актами фактического и непосредственного действия, вводимыми в соответствии с Конституцией России Президентом Российской Федерации без издания правовых актов в форме указов и распоряжений. В этой связи доктрины и документы доктринального характера ныне фактически объединяют семейство документов стратегического планирования.

Научность правовой доктрины не исключает поиски критериев разграничения юридической науки и юридической доктрины. Эти критерии связываются с процессами правообразования, практической реализацией права, с оценкой правовой реальности. Действительно, доктрина исходит из общественного бытия, и формализация ее положений идет как по пути общественных наук, так и посредством осознания смысла правового закона представительной властью и обществом.

Доктринальность законодательства следует рассматривать как признак «здоровья» правовой системы. В этом освещении проблемы автор вовсе не стремится «раскачивать» тезис о значении доктрины как источника права [14]. Акцент делается на обеспечении доктринальности, системной научно-правовой обоснованности законопроектов, которые должны быть защищены (по спортивной терминологии) от «ватных» ударов мимо цели и «законотворческого заказа» [2; 9].

Правовая доктрина способствует уяснению соответствующей сферы правового регулирования [1, с.15], круга правовых (духовных) культурно-нравственных ценностей, ключевых категорий и дефиниций, презумпций, фикций, принципов правового воздействия [22]. Этот тезис противостоит попыткам вносить законопроекты, не опирающиеся на обоснованную концептуальную базу.

В этом ракурсе осмелимся утверждать, что наличие доктрины детерминирует правовой закон, создает режим конституционности в заданной сфере регулирования. Иными словами, доктрина скрепляет режим правозаконности, наполняя его реальным смыслом.

Общее и весьма простое определение гласит, что доктрина — это сформированная юридической наукой система взглядов на проблемы, касающиеся правового регулирования общественных отношений в определенной сфере [16, с.177-178]. Взгляды отражаются в принципах, в аксиомах, теоремах, платформах, на которых выстраиваются пути развития законодательства, которые публикуются как концепции развития законодательства [21]. Как видим, понятия «концепция правового регулирования» и «концепция развития законодательства» в практической плоскости реализации права тесно переплетаются, но не тождественны.

Не можем не согласиться с мнением о том, что правовая доктрина - совокупность юридических концепций, признанных государством [5]. Эта мысль носит принципиальный характер, так как указанные концепции признаются, будучи утвержденными как самостоятельные правовые документы, либо реализуются своими компонентами в нормативно-правовых актах различного уровня.

Научность, доктринальность и самостоятельность концепций подчеркивается рядом современных авторов [11].

Правовая доктрина «впитывает» научно-обоснованные позиции авторитетных ученых юристов о правовой природе и сущности юридической деятельности в определенной сфере [11, с. 54, 61-62]. В этом ключе концепции вновь демонстрируют свое системно образующее качество, определяющее не только совершенство законотворчества, но и всю юридическую деятельность в заданной сфере публичного управления как сложный юридический процесс [13].

Правовая доктрина не может не отражать правовую идеологию нации [6; 20]. Оба понятия подвижны, и по этой причине их «новые версии» востребованы в правовом пространстве, особенно в тех случаях, когда определенная сфера правового регулирования оказывается в определенной «тени», в «камуфляже» шумных дискуссий об эволюции отрасли.

Примечательно, что доктринальное регулирование признается основой разумной, обоснованной правовой политики в различных сферах [5]. Для концепции оздоровления нации определяется комплексный объект правового регулирования. Таким объектом выступает система общественных отношений, складывающихся прежде

всего в социально-культурной сфере публичного управления. Указанные общественные отношения представляют сложный конгломерат социальных связей, по разному охваченных правовым воздействием.

При этом уже невозможно отрицать то, что процесс оздоровления нации интегрирует такие сектора общественной жизни, как наука и просвещение, здравоохранение, развитие физической культуры и спорта, искусство и творчество, охрана культурных ценностей нации. Таким образом, категория «оздоровление» выходит далеко за пределы периметра медицинских аспектов «сбережения народа». При этом социально-культурная сфера публичного управления лишь условно отграничивается от экономической сферы. В этом ракурсе рассматриваются пути развития экономики «здорового образа жизни», «биоэкономики», «экономики впечатлений» [17].

Концепция оздоровления нации включает семейство категорий, имеющих характеристику «здоровый» в прямом и переносном смысле, в узком и широком понимании: «здоровая нация», «здоровое общество», «здоровое государство», «здоровая правовая система», «здоровая экономика», «здоровый образ жизни», «здоровая семья». Как видим, концепция в силу своего правового назначения уточняет понятия, которые в законодательстве до сих пор не определены должным образом.

Оздоровление нации трактуется как социально-правовой процесс, часть юридического процесса во всех его проявлениях. Ключевая задача такого процесса – охрана конституционных, культурно-нравственных ценностей нации (человек, жизнь, здоровье, права и свободы и другие). «Профиль» конституционных ценностей дает правовое представление о «здоровом образе жизни» нации, можно сказать, «стиле жизни». На этой арене современных социально-правовых баталий происходит серьезное столкновение ценностей и «антиценностей» порой в рамках одной правовой семьи (например, по вопросу легализации однополых браков, гражданских союзов и партнерств [18]). С теоретико-правовой точки зрения характеристика такого процесса в концепции «оздоровления нации» представляет значительный элемент научной новизны.

Результаты исследования

Роль доктрины в совершенствовании правовой системы [12] неизменно возвышается.

Оказывается первостепенным свойство самой доктрины быть непротиворечивой, единой и общепризнанной. Полагаем, что отсутствие этих признаков существенно снижает роль доктрины в конституционно-правовой реальности.

Доктрина – это не просто совокупность разрозненных правовых позиций, в различной степени обоснованных, а система научных выводов и теоретических конструкций, которые имеют фундаментальное значение для определённой сферы правового регулирования.

Правовая доктрина как самостоятельный источник права обладает ныне уникальным свойством существования в источниках доктринального характера: стратегиях, концепциях, национальных проектах.

Доктринальность законодательства характеризуется как признак «здоровья» правовой системы в отношении защищенности законопроектов от неэффективности и «лобби».

Для концепции оздоровления нации определен комплексный объект правового регулирования, направления государственной политики публичного управления, правовые режимы.

Процесс оздоровления нации интегрирует такие сектора общественной жизни, как наука и просвещение, здравоохранение, развитие физической культуры и спорта, искусство и творчество, охрана культурных ценностей нации.

Концепция оздоровления нации охватывает семейство категорий, имеющих характеристику «здоровый»: «здоровая нация», «здоровое общество», «здоровое государство», «здоровая правовая система», «здоровая экономика», «здоровый образ жизни», «здоровая семья».

Оздоровление нации трактуется как социально-правовой процесс, часть юридического процесса во всех его проявлениях. Ключевая задача такого процесса – охрана конституционных, культурно-нравственных ценностей нации (человек, жизнь, здоровье, права и свободы и другие).

Оценка роли юридической доктрины в правовых системах явно не теряет актуальности, правда, меняя взаимосвязанные акценты правовых исследований – сущность правовой доктрины, ее качественные атрибуты (социальные свойства как регуляторного инструментария), принадлежность доктрины к числу источников права, научность и практичность доктрины, допустимость доктринальной судебной и административной практики, доктринальное понимание форм нормативно-правовых актов и другое.

Тема неукоснительного доктринального и концептуального обоснования законодательных конструкций, прежде всего в социально-культурной сфере публичного управления, нуждается в дальнейшей разработке и продвижении в конституционно-правовой реальности социального процесса.

Список литературы:

[1] Андриющенко Е. Г. Какая доктрина необходима российскому образованию? /Е. Г. Андриющенко // Право и образование. – 2002. – № 2. – С. 13-16.

[2] Беккариа, Чезаре. О преступлениях и наказаниях [Текст] / Чезаре Беккариа ; [сост., предисл.: В. С. Овчинский ; пер. с итал. М. М. Исаева]. - Москва : Инфра-М, 2011. - V, [I], 182, [1] с. ISBN 978-5-16-003794-3

[3] Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации / Н.С. Бондарь// Журнал российского права.- 2024. – 2. - С.5-27.

[4] Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права / С. В. Бошно // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 70-79.

[5] Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории: монография / А.А. Васильев. – Москва: Проспект, 2021. – 232 с.

[6] Городнова О.Н. Современная правовая идеология: понятие и актуальные проблемы ее совершенствования / О.Н. Городнова // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. - № 3 (49). – С. 81-86

[7] Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / Владимир Даль. - Москва : Эксмо, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). - 382 с. ISBN 5-04-008435-8

[8] Карев Д.А. Правовая доктрина как источник права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239). С. 80-82. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_11_80.

[9] Ломброзо Ч. Политическая преступность / в кн.: Ломброзо Ч. Преступный человек / Пер. с итальянского. – М.: Эксмо; СПб.: Миргшард, 2005. – 880 с. ISBN 5-699-13045-4

[10] Любитенко Д.Ю. К вопросу о классификации правовых доктрин / Д.Ю. Любитенко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – 4(10). – С. 22-26.

[11] Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е. О. Мадаев: Москва, 2012. – 254 с.

[12] Мхитарян Л.Ю., Мхитарян А.С. Роль доктрины в системе источников права России // Международный научно-исследовательский журнал. № 6 (144). 2024. С. 1-5. DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.146>

[13] Новиков, А. Б. О современном понимании административного процесса: ренессанс концепции управления / А. Б. Новиков, Н. А. Рагозина // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2024. – № 3(68). – С. 85-89.

[14] Османова Д.О. Доктрина как источник гражданского права / Д.О. Османова // Хозяйство и право. – 2023. -12 (563). – С. 3-20.

[15] Писаренко М.С. Правовая доктрина: сущность, основные признаки и место в российской правовой системе / М.С. Писаренко // Вопросы российской юстиции. - 2021. – 14. – С.54-66.

[16] Пузиков Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (Проблемы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Р. В. Пузиков: Тамбов, 2003. – 213 с.

[17] Рагозина Н. А. Повышение качества гражданского общества посредством вовлечения граждан в процесс занятия физкультурой и спортом как одной из сфер экономики впечатлений. Экономика. Налоги. Право. 2022;15(2):96-103. Doi: 10.26794/1999-849x-2022-15-2-96-103

[18] Савенко О.Е. Некоторые аспекты правового регулирования последствий заключения трансграничных браков // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 199–209. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.199.209

[19] Хабриева Т.Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Юридическое издательство «Норма», 2023. – 384 с.

[20] Цыганкова Д.Ю. Правовая идеология: аспекты понимания // Вестник Московского университета МВД России. - № 8. – 2010.- С.183-185.

[21] Черногор Н. Н. Концепции развития российского законодательства в параметрах академической науки. Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 96–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.096-108

[22] Ciongaru E. Interpretations of Legal Doctrine – Source of Law / E. Ciongaru // Elements of General Theory of Law and Comparative Law. — 2020. — Vol. 7. — Issue 4. — P. 1–6.

[23] Hagen Friedrich Wilhelm. Studien auf dem Gebiete der ärztlichen Seelenkunde. Gemeinfassliche Vorträge. - Hansebooks, -2016. – 216 s. ISBN 978-3-7436-0735-4

References:

[1] Andryushchenko E. G. Kakaya doktrina neobkhodima rossijskomu obrazovaniyu? /E. G. Andryushchenko // Pravo i obrazovanie. – 2002. – № 2. – S. 13-16.

[2] Bekkaria, Chezare. O prestupleniyakh i nakazaniyakh [Tekst] / Chezare Bekkaria ; [sost., predisl.: V. S. Ovchinskij ; per. s ital. M. M. Isaeva]. - Moskva : Infra-M, 2011. - V, [I], 182, [1] s. ISBN 978-5-16-003794-3

- [3] Bondar' N.S. Netipichnye istochniki sudebnogo pravoprimereniya: konstitucionnye mekhanizmy formirovaniya i realizacii / N.S. Bondar' // Zhurnal rossijskogo prava. - 2024. - 2. - S.5-27.
- [4] Boshno S. V. Doktrina kak forma i istochnik prava / S. V. Boshno // Zhurnal rossijskogo prava. - 2003. - № 12. - S. 70-79.
- [5] Vasil'ev A.A. Pravovaya doktrina kak istochnik prava: voprosy teorii i istorii: monografiya / A.A. Vasil'ev. - Moskva: Prospekt, 2021. - 232 s.
- [6] Gorodnova O.N. Sovremennaya pravovaya ideologiya: ponyatie i aktual'nye problemy ee sovershenstvovaniya / O.N. Gorodnova // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. - 2022. - № 3 (49). - S. 81-86
- [7] Dal', V.I. Poslovicy i pogovorki russkogo naroda / Vladimir Dal'. - Moskva : Ehksmo, 2004 (OAO Mozhajskij poligr. komb.). - 382 s. ISBN 5-04-008435-8
- [8] Karev D.A. Pravovaya doktrina kak istochnik prava // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 11(239). S. 80-82. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_11_80.
- [9] Lombrozo CH. Politicheskaya prestupnost' / v kn.: Lombrozo CH. Prestupnyj chelovek / Per. s ital'yanskogo. - M.: Ehksmo; SPb.: Mirgshard, 2005. - 880 s. ISBN 5-699-13045-4
- [10] Lyubitenko D.YU. K voprosu o klassifikacii pravovykh doktrin / D.YU. Lyubitenko // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. - 2010. - 4(10). - S. 22-26.
- [11] Madaev E. O. Doktrina v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / E. O. Madaev: Moskva, 2012. - 254 s.
- [12] Mkhitarian L.YU., Mkhitarian A.S. Rol' doktriny v sisteme istochnikov prava Rossii // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. № 6 (144). 2024. S. 1-5. DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.146>
- [13] Novikov, A. B. O sovremenom ponimanii administrativnogo processa: renessans koncepcii upravleniya / A. B. Novikov, N. A. Ragozina // Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnykh nauk. - 2024. - № 3(68). - S. 85-89.
- [14] Osmanova D.O. Doktrina kak istochnik grazhdanskogo prava / D.O. Osmanova // Khozyajstvo i pravo. - 2023. -12 (563). - S. 3-20.
- [15] Pisarenko M.S. Pravovaya doktrina: sushchnost', osnovnye priznaki i mesto v rossijskoj pravovoj sisteme / M.S. Pisarenko // Voprosy rossijskoj yusticii. - 2021. - 14. - S.54-66.
- [16] Puzikov R. V. Yuridicheskaya doktrina v sfere pravovogo regulirovaniya (Problemy teorii i praktiki): Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / R. V. Puzikov: Tambov, 2003. - 213 s.
- [17] Ragozina N. A. Povyshenie kachestva grazhdanskogo obshchestva posredstvom вовлечения граждан в процесс занытия физкультурой и спортом как одной из сфер экономики впечатлений. Ehkonomika. Nalogi. Pravo. 2022;15(2):96-103. Doi: 10.26794/1999-849x-2022-15-2-96-103
- [18] Savenko O.E. Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya posledstvij zaklyucheniya transgranichnykh brakov // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki. 2017. № 3. S. 199–209. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.199.209
- [19] Khabrieva T.YA. Doktrinal'nye osnovy praktiki Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii / T.YA. Khabrieva, A.I. Kovler, R.A. Kurbanov // Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. - Moskva: Yuridicheskoe izdatel'stvo «NormA», 2023. - 384 s.
- [20] Cygankova D.YU. Pravovaya ideologiya: aspekty ponimaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. - № 8. - 2010.- S.183-185.
- [21] Chernogor N. N. Koncepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva v parametrah akademicheskoy nauki. Lex russica. 2024. T. 77. № 7. S. 96–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.096-108
- [22] Ciongaru E. Interpretations of Legal Doctrine – Source of Law / E. Ciongaru // Elements of General Theory of Law and Comparative Law. — 2020. — Vol. 7. — Issue 4. — P. 1–6.
- [23] Hagen Friedrich Wilhelm. Studien auf dem Gebiete der ärztlichen Seelenkunde. Gemeinfassliche Vorträge. - Hansebooks, -2016. - 216 s. ISBN 978-3-7436-0735-4

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-32-38

СЕРКОВ Максим Алексеевич,
соискатель кафедры правового обеспечения
национальной безопасности, законности и правопорядка
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
e-mail: maximserkov1@gmail.com

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУБЛИЧНО- ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. В статье с публично-правовых позиций анализируется понятие и сущность комплексной безопасности арктической зоны Российской Федерации, определяется ее содержание и место в системе национальной безопасности страны. Автором отмечается, что в комплексную безопасность Арктической зоны Российской Федерации должны входить все без исключения виды безопасности, обеспечиваемые в регионе.

Ключевые слова: национальная безопасность; региональная безопасность; комплексная безопасность; комплексная безопасность в Арктической зоне Российской Федерации.

SERKOV Maxim Alekseevich,
Applicant of the Department of Legal Support
for National Security, Legality and Law and Order
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE INTEGRATED SECURITY OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: A PUBLIC LAW STUDY

Annotation. The article analyzes the concept and essence of the integrated security of the Arctic zone of the Russian Federation from a public law perspective, and defines its content and place in the country's national security system. The author notes that the comprehensive security of the Arctic zone of the Russian Federation should include all types of security, without exception, provided in the region.

Key words: national security; regional security; comprehensive security; comprehensive security in the Arctic zone of the Russian Federation.

Вопросы обеспечения региональной безопасности свойственны не только для федераций, однако обеспечение национальной безопасности в федеративном государстве априори подразумевают региональный компонент. Национальная безопасность не может быть должным образом обеспечена по стране в целом, если в тех или иных регионах отсутствует должное состояние защищенности национальных интересов.

В условиях современных угроз российской федеративной государственности необходимо выстроить правовую систему обеспечения регио-

нальной безопасности (включая федеральный и региональный компоненты), которая должна основываться на мощном теоретическом фундаменте.

Применительно к понятию «региональная безопасность» следует отметить, что в действующем российском законодательстве и документах стратегического планирования на сегодняшний день отсутствует такое легальное определение. Вместе с тем в субъектах Российской Федерации функционируют органы исполнительной власти, имеющие в своем названии рассматриваемое словосочетание (например, «Департамент региональной безопасности и противодействия корруп-

ции города Москвы», «Министерство региональной безопасности Омской области» и другие). В этой связи стоит согласиться с Д.В. Ирошниковым, который отмечает о существовании значительной концептуальной неопределенности, не позволяющей сформировать полноценный правовой режим обеспечения региональной безопасности [7].

Для целей настоящей статьи региональную безопасность можно понимать как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в том или ином регионе страны от внешних и внутренних угроз, гарантирующее устойчивое развитие региона.

Можно выделить следующие уровни региональной безопасности:

- безопасность макрорегиона (Арктической зоны, Северо-Кавказского региона, Дальневосточного федерального округа и т.п.)
- безопасность региона (субъекта Российской Федерации);
- безопасность района (внутри территории субъекта Российской Федерации);
- безопасность города (в том числе мегаполиса) или иного муниципального образования.

Что касается места региональной безопасности в системе национальной безопасности страны, можно считать аксиомой такую теоретическую модель (характерную не только для федераций), согласно которой национальная безопасность складывается и включает в себя региональную безопасность применительно ко всем регионам страны. Иными словами, если в том или ином регионе безопасность не обеспечена должным образом, то в этом случае говорить об обеспечении национальной безопасности можно лишь с определенной оговоркой.

При этом необходимо соблюдать баланс жизненно важных интересов того или иного региона и национальных интересов страны, причем последние должны оставаться в приоритете. В этом ключе при осуществлении региональной политики федеральная власть может перераспределять ресурсы таким образом, чтобы национальные интересы обеспечивались не в ущерб регионам, но и региональные интересы не должны диктовать векторы обеспечения национальной безопасности.

Современная концепция правового обеспечения региональной безопасности в Российской Федерации должна быть создана с учетом следующих факторов:

- строгое соблюдение принципов обеспечения безопасности, установленных Федеральным законом «О безопасности»;

- корреляция с положениями Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года;
- нацеленность на достижение национальных интересов и стратегических национальных приоритетов, зафиксированные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации;
- учет новых угроз безопасности (включая опыт противодействия коронавирусной инфекции), в том числе связанных с проведением специальной военной операции;
- интеграция с трансформационными процессами в действующем российском законодательстве о безопасности.

При построении системы обеспечения региональной безопасности в России нельзя не учитывать следующие особенности российского федерализма.

К первой особенности можно отнести то, что республики в составе Российской Федерации обладают особым конституционным статусом. Это обстоятельство неоднократно становилось основой для появления сепаратистских тенденций в некоторых регионах страны.

Второй особенностью российского федерализма можно назвать существование федеральных округов. Несмотря на то, что федеральные округа не упоминаются в Конституции и не входят в систему федеративного устройства, не являются административно-территориальными образованиями, а представляют собой лишь управленческое звено, созданное «для координации и контроля центром развития Субъектов Российской Федерации» [4] их наличие накладывает отпечаток на реализации вертикали публичной власти. Более того, одна из основных задач полномочного представителя Президента в федеральном округе – представление главе государства регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе [17]. П.В. Пашковский справедливо отмечает, что нельзя анализировать безопасность субъекта Российской Федерации без учета поля сопряженности как с другими субъектами Федерации, так и с федеральными округами [12].

В контексте роли федеральных округов в обеспечении региональной безопасности А.В. Шевченко справедливо отмечает об отсутствии единого подхода к оценке степени угроз и унификации показателей безопасности в рамках федеральных округов и субъектов Федерации [15]. Представляется, что эту проблему необходимо решить посредством осуществления федерального и регионального стратегического планирования.

Третьей особенностью является наличие в составе территории России федеральной территории. Такая возможность появилась после внесенных в Конституцию Российской Федерации поправок в 2020 году, согласно которым «на территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом».

На сегодняшний день в составе Российской Федерации в 2020 году создана одна федеральная территория – «Сириус» [18]. Стоит согласиться с теми исследователями, которые отмечают стратегическое значение федеральных территорий для обеспечения национальной безопасности [5].

Эти особенности российского федерализма, равно как и другие территориальные характеристики Российской Федерации необходимо учитывать для создания эффективной правовой системы обеспечения региональной безопасности.

Одной из ключевых проблем в обеспечении региональной безопасности в России является излишняя децентрализация, отсутствие эффективных механизмов управления, контроля и координации.

Прежде чем говорить о понятии комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации, необходимо определиться с понятием «Арктика» и «Арктическая зона Российской Федерации» в их соотношении.

В марте 2020 года Президент утвердил Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, в которых были даны следующие определения:

«Арктика – северная полярная область Земли, включающая северные окраины Евразии и Северной Америки (кроме центральной и южной частей полуострова Лабрадор), остров Гренландия (кроме южной части), моря Северного Ледовитого океана (кроме восточной и южной частей Норвежского моря) с островами, а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов» [19].

«Арктическая зона Российской Федерации – сухопутные территории, определенные Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», а также прилегающие к этим территориям внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации» [19].

В том же 2020 году был принят Федеральный закон «О государственной поддержке пред-

принимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», в котором было для целей данного федерального закона закреплено понятие Арктической зоны Российской Федерации: «сухопутные территории и примыкающие к ним внутренние морские воды Российской Федерации и территориальное море Российской Федерации, участки континентального шельфа Российской Федерации, а также земли и острова, которые в будущем могут быть открыты, не являются территориями иностранных государств, расположены в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Российской Федерации до Северного полюса в пределах между меридианом тридцать два градуса четыре минуты тридцать пять секунд восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысе Кекурский, и меридианом сто шестьдесят восемь градусов сорок девять минут тридцать секунд западной долготы от Гринвича, проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомиды в Беринговом проливе» [20].

Отличительные особенности этого определения состоят в том, что оно, во-первых, установлено на уровне федерального закона, и, во-вторых, максимально точно устанавливает границы Арктической зоны Российской Федерации без отсылки к другим нормативным правовым актам.

Вместе с тем имеются расхождения с другими нормативными правовыми актами и документами стратегического планирования, поскольку закон определил Арктическую зону России преимущественно для целей экономического характера [6].

Определившись с понятием и границами Арктической зоны Российской Федерации, перейдем к характеристике комплексной безопасности.

«Комплекс» в словаре С.И. Ожегова определяется как «совокупность, сочетание каких-нибудь явлений, действий» [11]. Слово известно в русском языке с XIX века, из немецкого «komplexe», или французского «komplexe» (первоисточник: латинское «complexus» по глаголу «complexi», означающему «охватывать») [16].

Наиболее лаконичное определение комплексной безопасности из представленных в литературе – «безопасность в условиях совокупного действия различных видов опасности» [21].

Комплексная безопасность, как правило, рассматривается применительно к какому-либо конкретному объекту и ее предлагается в общенаучном смысле определить как «состояние всесторонней защищенности объекта от различных угроз».

К объектам безопасности в данном случае можно отнести, в первую очередь, часть террито-

рии государства (макрорегиона, регион/муниципальное образование), орган государственной власти, организацию (предприятие, учреждение) иные хозяйствующие субъекты, а также личность и т.п.

Следует отметить, что институт комплексной безопасности на сегодняшний день достаточно фрагментарно представлен в нормативных правовых актах и документах стратегического планирования.

Некоторые ученые сужают понимание комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации, сводя его лишь к защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [10]. Такой подход представляется не совсем правильным ввиду того, что он подрывает саму суть комплексности и сводит ее к защите лишь от одного источника угроз.

Следует согласиться с В.А. Винокуром и С.Б. Немченко в том, что «комплексная безопасность Арктической зоны Российской Федерации от угроз чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера является видом комплексной безопасности Арктики в целом» [3].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что до определённого периода вопросы комплексной безопасности в различных сферах были предметом единичного нормативного (в том числе технико-правового) регулирования и научных исследований. В сфере образования это проявилось более широко и привело к утверждению института комплексной безопасности образовательной организации.

Ключевой вехой в утверждении правового института комплексной безопасности стало утверждение Указом Президента в 2023 году Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года [22]. Таким образом, дети как важнейшим приоритет государственной политики России в соответствии с Конституцией стали объектом обеспечения комплексной безопасности.

К несомненным достоинствам документа следует отнести то, что он охватывает максимально широкий и действительно комплексный характер обеспечения безопасности несовершеннолетних, включая как физическую защищенность, так и информационно-психологическую безопасность, а среди угроз предусматривает, как детский травматизм, так и криминальные угрозы.

Именно в подобном ключе предлагается рассматривать комплексную безопасность Арктической зоны Российской Федерации.

Следует оговориться, что понятие «национальная безопасность в Арктике» (которое

сегодня используется в документах стратегического планирования [23] и в научных исследованиях [9]) представляется не вполне корректным, поскольку национальная безопасность – это понятие, которое подразумевает под собой состояние защищенности личности, общества и государства, то есть всего государства в пределах его территории. В этой связи к региону страны употребление понятия «национальная безопасность» не вполне правильным, ввиду специфики объекта (равно как не совсем корректно употреблять словосочетание «национальная безопасность предприятия» вместо безопасности предприятия). Именно поэтому более корректным было бы понятие комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации.

С точки зрения системного подхода В.А. Винокуров и С.Б. Немченко под комплексной безопасностью Арктической зоны предлагают понимать совокупность состояний защищенности человека, его прав и свобод, имущества, природных ресурсов, обеспечиваемая специально образованными органами исполнительной власти на территории Арктической зоны Российской Федерации [2]. Данное определение может быть подвергнуто справедливой научной критике, поскольку существенно сужает сущность рассматриваемого явления. Во-первых, несмотря на перечисление различных объектов защиты, такой перечень является неполным, он не относит объектам защиты, например, экологию, что весьма важно в условиях Арктической зоны. Во-вторых, круг органов обеспечения комплексной безопасности выглядит весьма узко, включая только те органы исполнительной власти, которые специально образованы на данной территории. Представляется, что комплексная безопасность по своей природе предполагает ее обеспечение широкой системной различных органов власти, как федеральных, так и региональных и местных.

Под комплексной безопасностью Арктической зоны Российской Федерации предлагается понимать состояние защищенности национальных интересов в Арктической зоне Российской Федерации, которое достигается посредством проведения комплекса правовых, политических, информационных, экономических и иных мер, направленных на предотвращение различных угроз безопасности.

Ученые также отмечают о необходимости доктринального закрепления понятия «система комплексной безопасности» [13].

При определении содержания комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации необходимо учитывать специфику данного макрорегиона.

При этом стоит отметить, что юридически и административно Арктическая зона Российской Федерации не является ни федеральной территорией и не объединена в рамках единого федерального округа. По сути, какие-либо интеграционные правовые механизмы, объединяющие макрорегион в единое территориальное правовое пространство, сегодня отсутствуют.

Содержание комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации должно включать в себя следующие элементы:

- национальные интересы Российской Федерации в регионе;
- угрозы комплексной безопасности;
- систему сил и средств обеспечения комплексной безопасности.

Национальные интересы Российской Федерации в Арктике обусловлены совокупностью интересов личности, общества и государства в макрорегионе с учетом его значимости для устойчивого развития страны и обеспечения национальной безопасности.

Интересы Российской Федерации в Арктике можно условно разделить на две группы: в сфере развития и в сфере безопасности. Данное разграничение накладывает отпечаток на полномочия соответствующих органов государственной власти, сущность документов стратегического планирования и направлений правового обеспечения комплексной безопасности российской Арктики.

Закрепленный в действующих документах стратегического планирования перечень угроз, вызовов и рисков безопасности в Арктической зоне Российской Федерации нельзя назвать как исчерпывающим, так и системным и комплексным. Большинство из имеющихся угроз и вызовов сосредоточены в сфере развития, но не безопасности.

Основные угрозы комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации прописаны в документах стратегического планирования. При этом необходимо отметить имеющуюся взаимосвязь между различными угрозами комплексной безопасности Арктической зоны России. Противодействие одним угрозам (наращивание военного присутствия) несет в себе другие угрозы (экологические угрозы). В этой связи именно комплексная и системная деятельность по обеспечению безопасности в Арктике будет иметь нужную эффективность.

Система сил и средств представлена как органами общей компетенции, органами безопасности, правоохранительными органами, так и специальными органами, в полномочия которых входят вопросы обеспечения безопасности в Арктике. К специальным органам можно отнести Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики.

При разработке системы комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации возникает вопрос о том, какие виды безопасности необходимо включить в данную систему. Представляется, что комплексная безопасность по определению должна подразумевать обеспечение всей совокупности различных видов безопасности в пределах установленной территории (экономической, экологической, информационной, общественной, и других). В этой связи комплексная безопасность региона по своей сути является определенным аналогом понятия «национальная безопасность» (которое подразумевает широкую совокупность всех видов безопасности), но применительно к региону.

Поэтому вычленение тех или иных видов безопасности было бы методологически неверным шагом, это бы подрывало саму «комплексность» комплексной безопасности. В этой связи можно говорить лишь об основных видах или приоритетных направлениях обеспечения комплексной безопасности, в то время как все остальные имманентно присутствуют в комплексной системе.

Понимание сущности и основных направлений обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации позволит определить ключевые принципы и выстроить многоплановую деятельность органов публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества по ее обеспечению таким образом, чтобы она отвечала национальным интересам России в Арктическом регионе с учетом современных угроз и вызовов.

Список литературы:

- [1] Артамонов В. С. Обеспечение комплексной безопасности в арктической зоне РФ // Защита и безопасность. 2016. № 3 (78).
- [2] Винокуров В.А., Немченко С.Б. Комплексная безопасность в Арктике: термины и понятия // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 3. С. 58.
- [3] Винокуров В.А., Немченко С.Б. Комплексная безопасность в Арктике: термины и понятия // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 3. С. 58.
- [4] Государственно-территориальное устройство России: (экономические и правовые основы): Монография / А.Г. Гранберг, В.В. Кистанов, А.А. Адамеску и др. ; Под ред. А.Г. Гринберга, В.В. Кистанова; Гос. науч.-исслед. учреждение «Совет по изучению произв. Сил» (СОПС) Минэкономразвития России и РАН. - Москва : ДеКА, 2003.
- [5] Зуев Р.О., Надин А.Н. К вопросу об организации публичной власти на федеральных территориях в Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4.

[6] Игнатъева И.А. Арктическая зона Российской Федерации: вопросы определения территории и учета экологических особенностей в правовом регулировании // Экологическое право. 2021. № 3.

[7] Ирошников Д.В. Безопасность как правовая категория : дис. ... д-а юрид. наук - Москва, 2021.

[8] Комплексная безопасность : учебно-методическое пособие / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого ; авт-сост: С.Н. Гладких, О.Н. Виноградова; под общ. ред. С. Н. Гладких. - 2-е изд., испр. и доп. - Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2022.

[9] Куликовская Л.Ю. Правовые основы обеспечения национальной безопасности арктической зоны Российской Федерации // Административное право и процесс. 2017. № 7.

[10] Михайлов Д.А. О некоторых вопросах обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2013. № 1.

[11] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Проф. под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М: Мир и Образование, 2019.

[12] Пашковский П.В. Региональная безопасность российской федеративной государственности в институционально-правовом измерении: дисс. ... канд. юрид. наук. Таганрог, 2009.

[13] Смирнова А.А., Шевченко К.В. Основные проблемы правового регулирования деятельности МЧС России в арктической зоне Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2023. №10 (226).

[14] Чуприян А. П. Обеспечение комплексной безопасности населения и территорий Арктической зоны Российской Федерации // Технологии гражданской безопасности. 2010. № 4.

[15] Шевченко А.В. Оценка деятельности органов управления субъектов Федерации в сфере региональной безопасности // Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России. Региональная безопасность: материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 23 мая 2014 г. / Под ред. д-ра полит. наук С.В. Смутьского, д-ра полит. наук А.В. Шевченко. – М.: «Издательство «Прспект», 2014.

[16] Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. – 3-е изд, стер. М.: ФЛИНТА, 2019.

[17] Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // СПС «КонсультантПлюс».

[19] Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[21] Комплексная безопасность : учебно-методическое пособие / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого ; авт-сост: С.Н. Гладких, О.Н. Виноградова; под общ. ред. С. Н. Гладких. - 2-е изд., испр. и доп. - Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2022. С. 6.

[22] Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

[23] Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Artamonov V. S. Ensuring integrated safety in the Arctic zone of the Russian Federation//Protection and safety. 2016. № 3 (78).

[2] Vinokurov V.A., Nemchenko S.B. Integrated security in the Arctic: terms and concepts//Legal policy and legal life. 2016. № 3. S. 58.

[3] Vinokurov V.A., Nemchenko S.B. Integrated security in the Arctic: terms and concepts//Legal policy and legal life. 2016. № 3. S. 58.

[4] The state-territorial structure of Russia: (economic and legal foundations): Monograph/A.G. Granberg, V.V. Kistanov, A.A. Adamescu et al.; Ed. A.G. Greenberg, V.V. Kistanova; State. scientific-research. institution "Council for the study of production. Forces "(SOPS) of the Ministry of Economic Development of Russia and the Russian Academy of Sciences. - Moscow: DeKA, 2003.

[5] Zuev R.O., Nadin A.N. On the organization of public power in federal territories in the Russian Federation//Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. 2023. № 4.

- [6] Ignatieva I.A. Arctic zone of the Russian Federation: issues of determining the territory and taking into account environmental features in legal regulation//Environmental law. 2021. № 3.
- [7] Iroshnikov D.V. Security as a legal category: dis.... d-a jurid. Sciences - Moscow, 2021.
- [8] Integrated security: teaching aid/Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Yaroslav the Wise Novgorod State University; author: S.N. Gladkikh, O.N. Vinogradova; under the general. ed. S. N. Gladkikh. - 2nd ed., Rev. and add. - Veliky Novgorod: Novgorod State. un-t named after Yaroslav the Wise, 2022.
- [9] Kulikovskaya L.Yu. Legal basis for ensuring the national security of the Arctic zone of the Russian Federation//Administrative law and process. 2017. № 7.
- [10] D.A. Mikhailov. On some issues of ensuring the integrated security of the Arctic zone of the Russian Federation//Civil Protection Strategy: Problems and Research. 2013. №1.
- [11] Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions/S.I. Ozhegov; ed. Prof. ed. L.I. Skvortsova. 28th ed., Revised M: Peace and Education, 2019.
- [12] Pashkovsky P.V. Regional security of the Russian federal statehood in the institutional and legal dimension: diss.... jurid. sciences. Taganrog, 2009.
- [13] Smirnova A.A., Shevchenko K.V. The main problems of legal regulation of the activities of the EMERCOM of Russia in the Arctic zone of the Russian Federation//Agrarian and land law. 2023. №10 (226).
- [14] A.P. Chupriyan. Ensuring the Integrated Safety of the Population and Territories of the Arctic Zone of the Russian Federation//Civil Security Technologies. 2010. № 4.
- [15] A.V. Shevchenko. Assessment of the activities of the governing bodies of the constituent entities of the Federation in the field of regional security//Strategic management in the field of national security of Russia. Regional security: materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, May 23, 2014/Ed. Dr. Polit. S.V. Smulsky, Dr. Polit. A.V. Shevchenko. - M.: "Prospekt Publishing House," 2014.
- [16] Etymological Dictionary of the Modern Russian Language/Comp. A.K. Shaposhnikov: in 2 vols. T. 1. - z-ed, erased M.: FLINT, 2019.
- [17] Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2000 No. 849 "On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District "//SPS" ConsultantPlus".
- [18] Federal Law No. 22.12.2020 of 437-FZ "On the Federal Territory of Sirius "//SPS" Consultant-Plus".
- [19] Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2020 No. 164 "On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035 "//SPS" ConsultantPlus".
- [20] Federal Law of 13.07.2020 No. 193-FZ "On State Support for Entrepreneurial Activity in the Arctic Zone of the Russian Federation "//SPS" ConsultantPlus".
- [21] Integrated security: teaching aid/Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Yaroslav the Wise Novgorod State University; author: S.N. Gladkikh, O.N. Vinogradova; under the general. ed. S. N. Gladkikh. - 2nd ed., Rev. and add. - Veliky Novgorod: Novgorod State. un-t named after Yaroslav the Wise, 2022. S. 6.
- [22] Decree of the President of the Russian Federation of 17.05.2023 No. 358 "On the Strategy for the Integrated Safety of Children in the Russian Federation for the Period up to 2030 "//SPS" ConsultantPlus".
- [23] Decree of the President of the Russian Federation of 26.10.2020 No. 645 "On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035 "//SPS" ConsultantPlus".

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-39-45

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

БОНДАРЕНКО Д.А.,

аспирант кафедры конституционного и административного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
e-mail: dbondarenko265@gmail.com

МЕХАНИЗМ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДНЫЙ ПОИСК ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются правовые основы и критерии ограничения права на информацию в Российской Федерации в условиях цифровизации. Особое внимание уделено анализу конституционного права на свободный поиск, получение, производство и распространение информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) в контексте обеспечения информационной безопасности. Современная информационная среда тесно переплетена с реализацией прав и свобод человека, а потому ограничение доступа к информации должно быть правомерным, соразмерным и обоснованным. На основе анализа нормативных источников, правоприменительной практики Конституционного Суда РФ, международных документов и доктрины делается вывод о необходимости дальнейшей законодательной конкретизации оснований и пределов ограничения права на информацию и свободный доступ к информационным ресурсам. Автор предлагает выработку единой государственной политики в данной сфере, обеспечивающей баланс между правом на информацию и задачами защиты публичных интересов.

Ключевые слова: конституционное право на доступ к информации, информационные права, ограничение права на информацию, информационная безопасность, интернет-цензура.

BONDARENKO D.A.,

Post-graduate student of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
St. Petersburg State University of Economics

THE MECHANISM OF RESTRICTION OF THE RIGHT TO FREE INFORMATION SEARCH IN THE CONTEXT OF ENSURING THE INFORMATION SECURITY OF THE STATE IN MODERN RUSSIA

Annotation. This article examines the legal basis and criteria for restricting the right to information in the Russian Federation in the context of digitalization. Special attention is paid to the analysis of the constitutional right to freely search, receive, produce and disseminate information (Part 4 of Article 29 of the Constitution of the Russian Federation) in the context of ensuring information security. The modern information environment is closely intertwined with the realization of human rights and freedoms, and therefore restrictions on access to information must be lawful, proportionate and justified. Based on the analysis of regulatory sources, the law enforcement practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, international documents and doctrine, it is concluded that further legislative specification of the grounds and limits of restrictions on the right to information and free access to information resources is necessary. The author suggests the development of a unified state policy in this area, ensuring a balance between the right to information and the tasks of protecting public interests.

Key words: constitutional right to access information, information rights, restriction of the right to information, information security, Internet censorship.

Введение

Отсутствие права на свободное распоряжение информацией является серьезным барьером на пути личностного развития, построения социальных связей и обеспечения материального благополучия. Н.Н. Ковалева и Е.В. Холодная относят право на информацию к гарантии полной реализации личных, социально-экономических и политических прав граждан [1]. Не случайно положения ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее по тексту – ФЗ «Об информации») определяют возможность информационного ресурса быть «объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений». Более того, в различных отраслях российского права информация сама по себе может проявляться и использоваться абсолютно по-разному. Например, в гражданском праве информация может являться одновременно как объектом договора (ст. 1468 ГК РФ), так и решающим фактором на преддоговорном этапе для принятия стороной решения о заключении договора (ст. 431.2. ГК РФ). Связано это с тем, что право на поиск, получение, производство и распространение информации может быть отнесено к разным группам прав, исходя из контекста [2].

Общественные отношения сегодня, независимо от предметной принадлежности (экономические, политические, духовные, технологические и т.п.), тесно связаны с доступом к информации и информационным технологиям, а потому абсолютно уместным является обозначение современных процессов как «информационная революция» [3]. Катализатором подобного укоренения является сеть «Интернет», которая «предоставляет безграничные возможности в области передачи, распространения и рассылки информации, но в то же время является эффективным средством влияния на отдельного человека и общество в целом. Интернет располагает такими возможностями в силу того, что способен в кратчайшие сроки доводить до многомиллионной аудитории самые свежие факты общественно-политической жизни, формировать общественное мнение по острым проблемам» [4]. Информация является ресурсом, позволяющим удовлетворять личные потребности человека, а значит отсутствие информации либо же права на доступ к ней прямо влияет на качество жизни.

Однако, с увеличением потенциала информации как ресурса, с помощью которого происходит положительное влияние на развитие государства и общества, в равной степени растет потенциал информации как мощного инструмента для деструктивных и злонамеренных действий. В этой связи особенно остро проявляется необходимость

в наличии структурированного законодательства, определяющего критерии возможного ограничения информационных прав для защиты публичных интересов.

Цель настоящего исследования – определить современное состояние правового механизма ограничения права на поиск и получение информации в Российской Федерации в целях обеспечения информационной безопасности.

Основная часть

В юридической науке отсутствует единообразие в понимании и применении термина «информационное право» для совокупности прав по распоряжению информацией. Некоторые авторы отмечают в своих работах наличие «терминологического хаоса» по данному поводу [5]. На сегодняшний момент ситуация не изменилась. Конституция РФ, после приведенных в 2020 году поправок, так и не внесла большей ясности в этом вопросе, поскольку сохранила в исходном состоянии формулировку из части 4 статьи 29. Все же, в контексте настоящего исследования для описания совокупности прав на поиск, получение, производство и распространение информации будет использован именно термин «информационные права», либо же «право на информацию».

Основное закрепление информационных прав находит свое отражение в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ. Действующая формулировка охватывает полный спектр действий, производимых с информацией в современном мире. Безусловно, Конституция РФ содержит и иные нормы, закрепляющие права граждан на поиск, получение информации: ч. 2 ст. 24, ч. 5 ст. 29, ст. 42. Однако, именно положения ч. 4 ст. 29 Конституции выступают центральным звеном в системе информационных прав, которое охватывает правоотношения различной направленности. По мнению таких авторов как А.В. Малько [6] и А.Б. Венгеров [7], закрепление подобной совокупности прав в основном законе оказывает благоприятное воздействие и на «информационные возможности» граждан, и на расширение возможностей реализации иных конституционных прав. Конституционный суд РФ (далее – КС РФ) подчеркивал, что информационные права относятся к основным правам и свободам человека и гражданина (абз. 2 п. 4 Постановления КС № 4-П от 14.03.1997).

В ООН информационным правам также продолжает уделяться особое внимание, причем в международных актах сеть «Интернет» уже признана сферой, без доступа к которой осуществление для человека своих прав значительно затрудняется. Например, п. 7 Резолюции 50/55 Совета по правам человека указывалось: «Доступ к Интернету повсеместно признан как неотъемле-

мое средство реализации широкого спектра прав человека. Он необходим не только для свободы выражения мнений, но и — по мере развития цифровых технологий — для осуществления, в частности, прав на образование, на свободу ассоциации и собраний, на участие в социальной, культурной и политической жизни, на здоровье, на достаточный жизненный уровень, на труд, на социальное и экономическое развитие». «Те же самые права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также защищаться в онлайн-среде» - отмечалось в п. 1 Резолюции 47/16 Совета по правам человека. Подобные формулировки свидетельствуют о том, что общественные отношения уже полноценно переплетены с информационной средой и отсутствие должного правового обеспечения может значительно ущемлять права человека и гражданина при реализации его правоспособности в информационной среде. В этой связи страны всячески выстраивают механизмы, направленные на оптимизацию общественных отношений, связанных с получением и распространением информации. К примеру, в начале нынешнего столетия органы власти Великобритании, осознавая уровень современного этапа развития информационных и коммуникационных технологий, начинали внедрять цифровое взаимодействие с гражданами посредством создания веб-сайтов государственных органов с публикацией информации о деятельности данных органов, а также с предоставлением определённых общественных и государственных услуг. Д. Моррисон указывал, что направленность данного процесса заключается в стремлении «оживить отношения между гражданами и правительством посредством более подробных консультаций и участия в управлении» [8]. Российская Федерация не осталась в стороне и с 2009 года в РФ работает сервис «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», призванный предоставлять физическим и юридическим лицам спектр государственных и муниципальных услуг, а также обеспечивает упрощённый способ получения информации о деятельности государственных и муниципальных органов. На сегодняшний момент данный сервис действует в соответствии с положениями Постановления Правительства РФ от 24.10.2011 № 861. Помимо этого, в РФ проводится постоянная оптимизация и иных информационных процессов.

В свою очередь, Конституционный Суд РФ в Определении от 26.11.2018 N 3087-О справедливо отметил: «Гарантированное Конституцией Российской Федерации право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, часть 4) не должно, как того тре-

бует ее статья 17 (часть 3), осуществляться с нарушением прав и свобод других лиц, а его реализация возможна только в порядке, установленном законом». Говоря о стремлениях к развитию информационной среды, нельзя забывать о необходимости соблюдения справедливого баланса между интересами общества в информационной среде и защитой государства и общества от негативных последствий, вызываемых неограниченным и неконтролируемым доступом к информационному ресурсу [9]. Бесконтрольный доступ всех лиц к любой информации, а особенно в контексте доступа посредством сети «Интернет», может повлечь за собой угрозу нарушения имущественных и личных неимущественных прав, раскрытия сведения о частной жизни граждан, распространению дезинформации и манипулированию общественным сознанием, угрозу причинения вреда нравственному и психическому здоровью несовершеннолетних, подрыву национальной безопасности, а также угрозу информационному суверенитету государства. Тотальное оставление информационной среды без вмешательства государства могло бы привести к «информационной катастрофе». Как справедливо отмечает О.В. Нардина: «свободное перемещение информации, осуществляемое с помощью Интернета, а также сравнительная новизна рассматриваемых общественных отношений привели к появлению множества проблем, способных нанести ущерб информационной безопасности государства, негативно отразиться на неприкосновенности частной жизни граждан. Особенно опасным представляется распространение деструктивных идей, идеологий и информации через сайты террористических, экстремистских и повстанческих организаций». Число преступлений информационной и кибер-направленности с каждым годом лишь только увеличивается.

Какими же способами осуществляется ограничение информационных прав и свобод в Российской Федерации на сегодняшний момент?

Конституционно-правовой основой для ограничений информационного права является ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая является универсальным средством ограничения того или иного права с целью защиты публичных интересов. В данном случае можно провести некую параллель с ч. 4 ст. 29 Конституции, отмеченную ранее. Несмотря на то, что в Конституции имеются иные положения, направленные на регулирование определенных правоотношений, положения ч. 3 ст. 55 являются основой для ограничения того или иного права в целях защиты публичных интересов. На уровне федерального законодательства ограничения информационных прав осуществляются в контексте ряда федеральных законов: Закон РФ от

21.07.1993 N 5485-1 «О государственной тайне» (далее – Закон «О государственной тайне»), Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ «О коммерческой тайне», Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» и иные. Однако, было бы несправедливо не указать, что именно ФЗ «Об информации» имеет наибольшее значение для реализации положений ч. 4 ст. 29 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ на уровне федерального законодательства. Так ст. 1 ФЗ «Об информации» закреплено, что настоящий федеральный закон напрямую является нормативно-правовым актом, регулирующим общественные отношения, возникающие при: 1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; 2) применении информационных технологий; 3) обеспечении защиты информации. В то же время данный федеральный закон является и нормативным актом, ограничивающим информационное право. Положениями части 2 и 3 статьи 5 ФЗ «Об информации» законодатель дает легальное разграничение информации: по категории доступа – общедоступная и доступ к которой ограничен федеральным законодательством; по порядку предоставления или распространения – свободно распространяемая, предоставляемая по соглашению лиц (участующих в соответствующих отношениях), в соответствии с федеральными законами подлежащая предоставлению или распространению, а также информация, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается.

В свою очередь, ч. 3 ст. 55 Конституции не дает государству безграничную возможность ограничивать информационное или любое иное право, произвольно определяя границы необходимых мер. Конституционный Суд РФ указывал, что «публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату (абз. 4 п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 22.06.2010 N 14-П). Подобной формулировкой Конституционный суд фактически указывает на необходимость применения принципа соразмерности, что подтверждается и иными постановлениями Конституционного суда (№ 17-П от 17.09.1993, № 14-П от 13.06.1996).

Исходя из смысла ч. 3 ст. 55 Конституции, в совокупности с правовыми позициями КС РФ, информационное право граждан может быть ограничено в целях охраны публичных интересов и

только федеральным законом. Дискуссии о правильном толковании смысла ч. 3 ст. 55 Конституции находят отражение в научном сообществе. По мнению М.В. Баглая, формулировка о том, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо» создает предпосылки для слишком широкого толкования нормы, а равно создает риск произвола [10]. В.В. Лапаева указывала на то, что в современном российском праве существует проблема определения оснований и пределов ограничения основных прав и свобод, которая по мнению автора является центральной [11]. Иные же авторы указывают, что возможные меры ограничения конституционных прав и соразмерность данных ограничений лежат за пределами плоскости конституционных норм, а выработка четких критериев должна производиться совместными усилиями Федерального собрания РФ и КС РФ [12]. Конституционный Суд в Постановлении от 30.10.2003 г. № 15-П указал важную формулировку: «публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения». Справедливой видится точка зрения о том, что права могут быть ограничены лишь до момента, когда ограничение начинает вступать в противоречие со своим истинным назначением [13]. Под истинным назначением следует понимать «легитимную цель» [14] – первый элемент теста на пропорциональность для определения соразмерности ограничения прав и свобод, который находит свое отражение в судебной практике ЕСПЧ, иных зарубежных судебных органов конституционного контроля и отчасти в судебной практике КС РФ.

Непосредственно говоря об ограничении информационных прав федеральным законодательством, некоторые авторы приводят в пример Закон «О государственной тайне». Статья 5 данного закона перечисляет определения сведений, составляющих государственную тайну в РФ,

однако легальные определения в статье сформулированы очень широко по смыслу. К примеру, абз. 2 п. 3 ст. 5 относит к государственной тайне сведения в области внешней политики и экономики о внешнеполитической, внешнеэкономической деятельности РФ, преждевременное распространение которых может нанести ущерб безопасности государства. В этом случае определение устанавливает основополагающим фактором для отнесения тех или иных сведений к государственной тайне наличие возможности причинения ущерба безопасности государства в случае раскрытия информации, но далее законодатель не раскрывает критерии, по которым можно было бы определить вероятность нанесения ущерба раскрытием информации. Соответственно, в зависимости от политического контекста может применяться различное толкование данной нормы, при котором абсолютно различная информация, касающаяся внешней политики и внешнеэкономической деятельности РФ будет отнесена к государственной тайне.

Большой список сведений, относимых к государственной тайне содержит Указ Президента РФ от 11.02.2006 № 90 «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне». Примечательно то, что вопреки смыслу положений ч. 3 ст. 55 Конституции о том, что права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом, Указ Президента РФ от 11.02.2006 № 90, являющийся подзаконным актом, содержит в себе дефиниции иных сведений составляющих государственную тайну, а равно ограничивающие права граждан на получение доступа к этим сведениям. Другие авторы также подчёркивают наличие в отечественном законодательстве проблемы ограничения прав и свобод граждан не федеральными законами, а подзаконными актами [15]. Безусловно, в действующей редакции ч. 1 ст. 9 ФЗ «Об информации» указано, что акты Президента РФ могут ограничивать доступ к информации в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако представляется, что подобная редакция статьи была введена для легализации уже принятых подзаконных актов. Легально установленная оговорка о том, что подзаконные акты Президента могут ограничивать доступ к информации все еще не сопоставляется с конституционными нормами ч.1 ст. 15 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Более того, стоит отдельно отметить, что поскольку органы исполнительной власти могут издавать подзаконные акты, ограничивающие права и свободы человека и гражданина, постольку в руках исполнительной власти происходит фактически большая концентрация

объема властных полномочий нежели тот объем, который предусмотрен конституционными нормами. Часть 3 статьи 55 Конституции РФ прямо возлагает возможность ограничения тех или иных прав и свобод в угоду охраны публичного интереса на власть законодательную, путем принятия федеральных законов, однако по приведенным примерам выше исполнительная власть может действовать в обход данного конституционного положения.

Статья 9 ФЗ «Об информации» более подробно описывает особенности ограничения информационного права, но при определении информации, право на получение которой должно быть ограничено, частями 2,3 и 4 закон отсылает к иным федеральным законам и актам Президента. Примечательно, что более точные дефиниции в основном содержатся в федеральных законах, регулирующих общественные отношения по обращению с информацией, задействованной в частных правоотношениях, либо которая менее затрагивает государственные интересы. Например, статьями 4 и 5 ФЗ «О коммерческой тайне» подробно конкретизировано каким образом информация может быть отнесена к коммерческой тайне и указан перечень сведений, которые не могут быть признаны коммерческой тайной.

Вдобавок стоит отметить часть 2.1. статьи 9 ФЗ «Об информации», с помощью которого законодатель фактически возлагает на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, дискрецию по выбору порядка идентификации информации и информационных ресурсов в целях принятия мер по ограничению доступа и требования к методам такого ограничения. Таким органом в РФ является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор). Пунктом 1 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, утвержденного постановлением Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 22827 определены основные функции Роскомнадзора: контроль и надзор в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных (является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по защите прав субъектов персональных данных) требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также функции по организации деятельности радиочастотной службы. В

своей деятельности Роскомнадзор осуществляет блокировку ресурсов в сети Интернет, содержащих запрещенную информацию, опираясь на ФЗ «Об информации» и иные нормативные акты.

Нельзя отрицать того факта, что в сети Интернет содержится большое количество вредоносной информации, в том числе экстремистской и террористической направленности. Однако Роскомнадзор в своей деятельности неоднократно подвергался критике по причине блокировки информационных ресурсов, запрещенность информации которых ставилась под сомнение. О.Л. Солдаткина отметила: «Критики деятельности Роскомнадзора обращают внимание на отсутствие в законодательстве установленных критериев запрещенной в Российской Федерации информации, что вызывает риск злоупотреблений и «лишних» блокировок» [16]. Безусловно, причиной подобного вольного применения мер является формулировка нормы ч. 2.1. ст. 9 ФЗ «Об информации», которая фактически дает Роскомнадзору право применять различного рода санкций на свое усмотрение к нарушениям, которые ведомство определяет самостоятельно. Ухудшает положение дел, опять же, отсутствие в большей части федерального законодательства четких критериев определения запрещенной информации. В совокупности это приводит к случаям явно несопоставимого ограничения прав, предусмотренных ч. 4 ст. 29 Конституции РФ.

Заключение

Несмотря на закрепленные нормами отечественного законодательства информационные права граждан, вопрос соблюдения справедливого баланса между правом и соразмерным его ограничением остается открытым. Российское законодательство не имеет структурированности в определении случаев, при которых информационные права, гарантированные Конституцией РФ, могут быть ограничены. Правоприменитель, ориентирующийся в своей деятельности на существующие нормы, не имеет возможности толковать значение критериев буквально из-за широкого смысла формулировок.

На сегодняшний момент имеется потребность в законодательной выработке более четких критериев для определения того, какая информация должна быть изъята из доступа или ограничена, а какая, напротив, должна сохранять открытость как гарантия конституционного права на информацию. Отсутствие ясного разграничения информации на доступную и недоступную порождает практику необоснованного ограничения конституционных прав граждан в информационной сфере. Должна быть выработана государственная политика, способствующая работе в данном

направлении [17]. Современные технологии продолжают развиваться, а потому реализация прав и свобод человека и гражданина во всех сферах будет только укреплять свою зависимость от возможности реализации гражданами принадлежащих им информационных прав и свобод.

Список литературы:

- [1] Ковалева Н.Н., Холодная Е.В. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». М.: Юстицинформ, 2007. Абз. 613. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [2] Гончаров, И. А. Место права на информацию в системе конституционных прав и свобод / И. А. Гончаров // Академическая наука - проблемы и достижения: Материалы XV международной научно-практической конференции, North Charleston, USA, 26–27 марта 2018 года. Том 3. – North Charleston, USA: CreateSpace, 2018. – С. 113-117. – EDN XMFLVB.
- [3] Фомин, А.А. Информационный суверенитет как фактор обеспечения национальной безопасности / А.А. Фомин // Современное право. – 2021. – № 4. – С. 27-33.
- [4] Нардина О.В. Ограничение конституционного права на доступ к получению и распространению информации в сети «интернет» в связи с противодействием экстремизму и терроризму / О.В. Нардина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017. — Т. 5, № 4
- [5] Гришина В.В. Теоретико-правовой анализ категориального аппарата информационного права России // Информационное право. 2007. № 3.
- [6] Малько А. В. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации / А. В. Малько. //Правоведение. -1995. – № 3. – С. 12 – 20.
- [7] Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с
- [8] Morison J. Modernising and the E-Government Revolution: Technologies of Government and Technologies of Democracy // Bamforth N., Leyland P. Public Law in a Multi-Layered Constitution. Oxford: Hart Publishing, 2003; Morison J. Online government and e-constitutionalism // Public Law. 2003. Vol. 14.
- [9] Фомин, А. А. Юридическая безопасность государства как особого субъекта российского права / А. А. Фомин // Право и политика. – 2005. – № 6. – С. 49-56. – EDN UHEYJP.
- [10] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 180.

[11] Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал рос. права, 2005. № 7. С. 13.

[12] Гаджиев Г.А. Непосредственное применение судами конституционных норм // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 27.

[13] «Круглый стол» по теме «Принципы, пределы и основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» // Государство и право. 1998. № 7. С. 26.

[14] Бажанов А.А. Проблемы реализации принципа соразмерности в судебной практике // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. K2018. Т. 13. № 6. С. 124–157.

[15] Валитова, Л. И. К вопросу об ограничении права на информацию / Л. И. Валитова // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 6(78). – С. 32-35. – EDN MNRAPM.

[16] Солдаткина О.Л. Совершенствование правоохранительных функций Роскомнадзора по обеспечению информационной безопасности как направление современной российской правовой политики // Государство и право. 2022. № 12. С. 112–118.

[17] Хрулева, В. В. Конституционное право на свободу слова и информацию в Российской Федерации / В. В. Хрулева // Территория науки. – 2021. – № 1. – С. 55-60. – EDN LKNRJZ.

References:

[1] Kovaleva N.N., Kholodnaya E.V. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 27 iyulya 2006 goda № 149-FZ «Ob informacii, informacionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informacii». M.: Yusticinform, 2007. Abz. 613. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tanTPlyuS».

[2] Goncharov, I. A. Mesto prava na informaciyu v sisteme konstitucionnykh prav i svobod / I. A. Goncharov // Akademicheskaya nauka - problemy i dostizheniya: Materialy XV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, North Charleston, USA, 26–27 marta 2018 goda. Tom 3. – North Charleston, USA: CreateSpace, 2018. – S. 113-117. – EDN XMFLVB.

[3] Fomin, A.A. Informacionnyj suverenitet kak faktor obespecheniya nacional'noj bezopasnosti / A.A. Fomin // Sovremennoe pravo. - 2021. - № 4. - S. 27-33.

[4] Nardina O.V. Ogranichenie konstitucionnogo prava na dostup k polucheniyu i rasprostraneniyu informacii v seti «interneT» v svyazi s protivodejstviem ehkstremizmu i terrorizmu / O.V. Nar-

dina // Ehlektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». — 2017. — Т. 5, № 4

[5] Grishina V.V. Teoretiko-pravovoj analiz kategorial'nogo apparata informacionnogo prava Rossii // Informacionnoe pravo. 2007. № 3.

[6] Mal'ko A. V. Pravo grazhdanina na informaciyu: neobkhodimost', priroda, garantii realizacii / A. V. Mal'ko. // Pravovedenie. -1995. – № 3. – S. 12 – 20.

[7] Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov. 3-e izd. – M.: Yurisprudenciya, 2000. – 528 s

[8] Morison J. Modernising and the E-Government Revolution: Technologies of Government and Technologies of Democracy // Bamforth N., Leyland P. Public Law in a Multi-Layered Constitution. Oxford: Hart Publishing, 2003; Morison J. Online government and e-constitutionalism // Public Law. 2003. Vol. 14.

[9] Fomin, A. A. Yuridicheskaya bezopasnost' gosudarstva kak osobogo sub"ekta rossijskogo prava / A. A. Fomin // Pravo i politika. – 2005. – № 6. – S. 49-56. – EDN UHEYJP.

[10] Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, 2005. С. 180.

[11] Lapaeва V.V. Problema ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Konstitucii RF (opyt doktrinal'nogo osmysleniya) // Zhurnal ross. prava, 2005. № 7. S. 13.

[12] Gadzhiev G.A. Neposredstvennoe primeneniye sudami konstitucionnykh norm // Rossijskaya yusticiya. 1995. № 12. S. 27.

[13] «Kruglyj stol» po teme «Principy, predely i osnovaniya ogranicheniya prav i svobod cheloveka po rossijskomu zakonodatel'stvu i mezhdunarodnomu pravu» // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 7. S. 26.

[14] Bazhanov A.A. Problemy realizacii principa sorazmernosti v sudebnoj praktike // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. K2018. Т. 13. № 6. S. 124–157.

[15] Valitova, L. I. K voprosu ob ogranichenii prava na informaciyu / L. I. Valitova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2011. – № 6(78). – S. 32-35. – EDN MNRAPM.

[16] Soldatkina O.L. Sovershenstvovanie pravookhranitel'nykh funkcij Roskomnadzora po obespecheniyu informacionnoj bezopasnosti kak napravleniye sovremennoj rossijskoj pravovoj politiki // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 12. S. 112–118.

[17] Khruleva, V. V. Konstitucionnoe pravo na svobodu slova i informaciyu v Rossijskoj Federacii / V. V. Khruleva // Territoriya nauki. – 2021. – № 1. – S. 55-60. – EDN LKNRJZ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-46-50

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ЛИПАТОВ В.Д.,

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: lipatov.valentin@mail.ru*

Научный руководитель: **МЕЛЬНИКОВ Сергей Алексеевич,**

*Профессор кафедры конституционного права
Юридического факультета имени М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»,
доктор юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ КОНСУЛЬТАТИВНЫХ (СОВЕЩАТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Цель исследования. Настоящая работа сфокусирована на исследовании эволюционных процессов, затронувших систему консультативных (совещательных) органов, функционирующих при Президенте Российской Федерации. В рамках исследования рассматривается историческая обусловленность формирования данных органов, а также проводится аналитическая оценка их функциональной структуры и роли в период становления института президентства в России. Особое внимание уделяется выявлению специфических характеристик, присущих консультативным (совещательным) органам на ранних этапах их развития. Трансформация и упразднение консультативных (совещательных) структур также занимают важное место в исследовании, так как изменения в политической ситуации часто приводят к необходимости пересмотра существующих институтов власти. **Выводы.** В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что в условиях глобализации и стремительного развития информационных технологий, роль консультативных (совещательных) структур становится все более значимой, так как они способствуют адаптации государственной политики к современным вызовам и требованиям. Установлено, что консультативные (совещательные) органы не только способствуют более эффективному управлению, но и служат каналом для учета мнения гражданского общества, что в свою очередь повышает легитимность власти. Очевидна также необходимость повышения эффективности системы консультативных (совещательных) органов, в частности улучшения обратной связи между органами власти и всеми участниками процесса могло бы значительно повысить уровень реализации предлагаемых инициатив. В этой связи создание открытых платформ, на которых будут обсуждаться результаты работы консультативных (совещательных) органов, а также вырабатываться рекомендации по их оптимизации может стать важным этапом их последующей эволюции.

Ключевые слова: президентская власть, форма правления, институт президентства, эволюция, трансформация, консультативные (совещательные) органы.

LIPATOV V.D.,

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russian Federation*

Scientific supervisor: **MELNIKOV Sergey Alekseevich,**

*Professor of the Department of Constitutional Law
M.M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Doctor of Law*

EVOLUTION OF THE SYSTEM OF CONSULTATIVE (ADVISORY) BODIES UNDER THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The purpose of the research. The work focuses on the study of evolutionary processes that affected the system of consultative (advisory) bodies operating under the President of the Russian Federation. The study examines the historical determinacy of the formation of these bodies, and also provides an analytical assessment of their functional structure and role during the formation of the institution of the presidency in Russia. Particular attention is paid to identifying the specific characteristics inherent in consultative (advisory) bodies in the early stages of their development. The transformation and abolition of consultative (advisory) structures also occupy an important place in the study, since changes in the political situation often lead to the need to revise existing institutions of power.*

Results. *The study concluded that in the context of globalization and rapid development of information technology, the role of consultative (advisory) structures is becoming increasingly important, as they contribute to the adaptation of public policy to modern challenges and requirements. It was found that consultative (advisory) bodies not only contribute to more effective governance, but also serve as a channel for taking into account the opinion of civil society, which in turn increases the legitimacy of power. There is also an obvious need to improve the efficiency of the system of consultative (advisory) bodies, in particular, improving feedback between government bodies and all participants in the process could significantly increase the level of implementation of the proposed initiatives. In this regard, the creation of open platforms on which the results of the work of consultative (advisory) bodies will be discussed, as well as recommendations for their optimization will be developed, can become an important stage in their subsequent evolution.*

Key words: *presidential power, form of government, institution of the presidency, evolution, transformation, consultative (advisory) bodies.*

Введение

Для достижения эффективного государственного управления и реализации национальных целей необходим систематический анализ динамично изменяющихся условий и объективная оценка механизмов взаимодействия между гражданским обществом и государством. Данный анализ приобретает особую значимость при оценке потенциальных рисков, сопряженных с внедрением инноваций, управлением организационными изменениями, осуществлением контрольных функций, а также при управлении в условиях кризисных ситуаций и чрезвычайных происшествий. Отсутствие подобного анализа может привести к неэффективному распределению ресурсов, увеличению транзакционных издержек и снижению легитимности государственных институтов.

Система консультативных (совещательных) органов при Президенте Российской Федерации, объединяющая представителей власти и общества, относительно нова и мало изучена. Её ключевая роль направлена на защиту интересов граждан, развитие совещательной демократии, которая позволяет гражданам обсуждать сложные вопросы для достижения взаимовыгодных решений.

Консультативные (совещательные) органы – это структуры, осуществляющие консультации и дискуссии между различными группами общества.

Их решения носят рекомендательный характер и не обладают властными полномочиями. Однако, в российской практике, результаты их работы могут фактически иметь признаки властных предписаний, даже без формального закрепления такого статуса. В российском законодательстве закреплены понятия «совещательный», «координационный» и «консультативный» органы, которые в данном исследовании предлагается объединить под общим термином «консультативный орган».

Предпосылки создания консультативных (совещательных) органов при Президенте Российской Федерации

Создание первых консультативных (совещательных) органов при Президенте Российской Федерации было обусловлено кардинальной трансформацией политической и социально-экономической структуры государства, что потребовало внедрения новых механизмов экспертной поддержки принятия управленческих решений. В период конца 1980-х – начала 1990-х годов, обусловленного распадом советской системы, произошел фундаментальный сдвиг парадигмы государственного управления, потребовавший разработки принципиально новых механизмов и институтов. Трансформация политической власти привела к осознанной потребности в создании дискуссионных платформ, ориентированных на

анализ насущных проблем и имплементацию инновационных управленческих стратегий, а также на обеспечение вовлеченности граждан в процессы социально-политической жизни.

Процесс Перестройки актуализировал задачу оптимизации коммуникационных каналов между государственными структурами и гражданским обществом. Возросший уровень политической активности и стремление к демократизации обусловили необходимость разработки и внедрения новых форматов взаимодействия, что выразилось в учреждении консультативных органов, объединяющих экспертное сообщество и представителей общественности. Параллельно, переход к рыночной модели экономики диктовал необходимость поиска эффективных решений для повышения уровня жизни населения и преодоления экономических вызовов, стоящих перед обществом и государством.

В связи с этим, требовался комплексный подход в решении поставленных задач, который подразумевал коллективное обсуждение сложившейся экономической ситуации в стране, что и привело к созданию консультативных органов, включающих экспертов и общественные группы. Таким образом, консультативные (совещательные) органы стали инструментом адаптации к новым реалиям и основой для дальнейшего развития.

Распоряжением Президента Российской Федерации от 3 апреля 1992 года №157-рп учрежден Президентский консультативный совет, ставший первым постоянно функционирующим совещательным органом при Президенте РФ в период 1992–1993 годов. Согласно учредительному акту, Президент РФ осуществлял руководство, а должность заместителя председателя занимал Государственный секретарь РФ. Членство было открыто для государственных и политических деятелей, представителей общественных организаций, научных кругов, экспертов и деятелей культуры.

Президентский консультативный совет осуществлял научно-консультационное и информационно-аналитическое сопровождение деятельности Президента Российской Федерации. В его задачи входила разработка и подготовка предложений по вопросам государственного строительства, национальной экономической, социальной и внешней политики. Деятельность данного органа была прекращена указом Президента РФ от 22 февраля 1993 года №273¹.

Указом Президента Российской Федерации №989, датированным 25 июня 1996 года, был

учрежден Политический консультативный совет. Данный орган был создан в качестве совещательной структуры при главе государства, последовав за упразднением ранее существовавшего Политического консультативного совета².

В задачи совета входило: проведение консультаций по актуальным вопросам общественной жизни; рассмотрение проектов решений, исходящих от Президента и Правительства РФ, касающихся ключевых социально-экономических и политических аспектов; оказание помощи Президенту и Правительству в разработке и представлении в Государственную Думу законопроектов, призванных обеспечить правовую основу для проводимых в стране преобразований.

В состав совета входили представители различных политических сил, общероссийских и межрегиональных общественных объединений, профсоюзов, бизнес-ассоциаций и религиозных организаций.

8 августа 2000 года Президент Владимир Путин принял решение о ликвидации Политического консультативного совета и создании других консультативных и совещательных структур [3, с. 124].

Таким образом, рассмотрев хронологию создания консультативных органов за период с 1990 по 2000 годы, можно сделать вывод о том, что на начальном этапе эта система была достаточно хаотичной и включала в себя как временные, так и постоянно действующие структуры, создаваемые под конкретные задачи государственной власти.

Современное состояние и структура консультативных (совещательных) органов при Президенте Российской Федерации

Начиная с 2001 года система консультативных (совещательных) органов продолжала эволюционировать, адаптируясь к меняющимся политическим и социально-экономическим условиям. Появлялись новые советы и комиссии, занимающиеся вопросами экономики, социальной политики, науки и культуры. При этом происходило усиление роли Администрации Президента РФ в координации деятельности этих органов и обеспечении их взаимодействия с правительством и другими органами власти.

Общественная палата Российской Федерации, основанная в 2005 году, представляет собой институциональный механизм взаимодействия между гражданским обществом и государством, который работает параллельно с консультативными (совещательными) органами. В рамках своей посреднической функции, палата призвана

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22.02.1993 г. № 273 – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3099> (дата обращения: 04.08.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 25.06.1996 г. № 989 – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9661> (дата обращения: 04.08.2025).

обеспечивать защиту прав и свобод граждан, а также содействовать учету их интересов при разработке и реализации государственной политики. Ключевым направлением деятельности является осуществление общественного контроля над органами исполнительной власти, включая Правительство Российской Федерации, с целью повышения транспарентности и подотчетности их деятельности. Кроме того, Общественная палата осуществляет мониторинг соблюдения свободы слова в средствах массовой информации, что указывает на ее роль в обеспечении открытости государства перед обществом.

Общественная палата РФ состоит из 172 членов, распределенных по трем категориям: 40 представителей назначаются непосредственно Президентом Российской Федерации; 89 человек избираются из числа членов региональных общественных палат; 43 члена представляют общенациональные общественные организации. Состав Общественной палаты обновляется каждые три года. С 2023 года функционирует восьмой созыв [4].

Хронология развития системы консультативных (совещательных) органов при Президенте Российской Федерации позволила определить их постепенную консолидацию и унификацию. Статус, полномочия и порядок формирования консультативных (совещательных) органов определяли Указы Президента РФ. Важным этапом стало создание Совета Безопасности РФ, который стал ключевым органом, координирующим деятельность в сфере национальной безопасности.

На современном этапе развития государственного управления в Российской Федерации, существует система консультативных (совещательных) органов при Президенте РФ. Консультативные органы предварительно рассматривают поступающие вопросы государственного управления и проводят подготовку предложений по их решению в рамках своих компетенций. Совещательные органы, в свою очередь, реализуют задачи, связанные с обсуждением вопросов, касающихся реализации государственной политики, и выработки предложений для Президента РФ. В результате в настоящее время сформировалась разветвленная система консультативных (совещательных) органов при Президенте РФ, включающая комиссии и советы, главной целью которых является подготовка предложений и рекомендаций в рамках своих компетенций, а также оказание консультативной помощи Президенту РФ при решении управленческих вопросов.

Советы включают в себя представителей органов власти, представителей гражданского общества и представителей профессионального сообщества. Советы при Президенте РФ влияют

на выработку государственной политики в разных сферах через установление диалога с органами власти и профессиональными сообществами (Совет по науке и образованию, Совет по развитию гражданского общества и правам человека, Совет по развитию местного самоуправления и т.д.).

Комиссии при Президенте РФ играют определенную роль в реализации конституционных норм, а также реализации полномочий Президента РФ в разных сферах экономики и государственного управления (Комиссия по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, Комиссия по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий, Комиссия по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров и т.д.).

Ключевым направлением деятельности консультативных (совещательных) органов при Президенте РФ является диалог профессионального сообщества в отдельных сферах, в рамках которого до Президента РФ доносятся важные проблемы управления, для решения которых Президент РФ формирует перечень поручений.

Определяющими консультативными (совещательными) органами при Президенте Российской Федерации выступают Совет Безопасности и Государственный совет. Данные органы, согласно установленным положениям, обеспечивают комплексную поддержку деятельности главы государства по вопросам национальной безопасности и стратегического планирования.

Совет Безопасности Российской Федерации, являясь конституционным органом, осуществляет деятельность, направленную на обеспечение национальной безопасности. Его ключевая функция заключается в подготовке аналитических отчетов и разработке рекомендаций для Президента Российской Федерации. Его ключевая задача заключается в комплексном анализе существующих и потенциальных угроз безопасности государства и в разработке стратегических решений для их превентивной нейтрализации и оперативного реагирования.

Государственный Совет Российской Федерации – это конституционный государственный орган, выполняющий консультативно-совещательные функции. Он формируется Президентом РФ и призван обеспечивать согласованную работу и взаимодействие различных органов публичной власти.

Основная цель Госсовета – определение ключевых направлений внутренней и внешней политики России, а также приоритетных направлений социально-экономического развития страны.

Правовой статус Госсовета закреплён в Федеральном законе №394-ФЗ от 8 декабря 2020 года «О Государственном Совете Российской Федерации»¹, который определяет его полномочия, структуру и порядок деятельности. Фактически, Госсовет является инструментом для выработки стратегических решений и координации действий различных уровней власти в целях реализации государственной политики.

Все два Совета тесно взаимодействуют между собой, обеспечивая комплексный подход к вопросам безопасности, управления и защиты прав граждан и государства [2].

Выводы

Появление нового общества в результате перестройки 1980-1990 гг., стремящегося к последующей трансформации стало ключевой предпосылкой создания первых консультативных (совещательных) органов. Образовавшаяся в итоге система консультативных (совещательных) органов стала важным инструментом, позволяющим обществу и государству адаптироваться к новым социальным, экономическим и политическим реалиям, что в целом обеспечивает основу для дальнейшего их развития и эволюции.

Система консультативных (совещательных) органов постоянно меняется, отражая политическую конъюнктуру и потребности общества. Некоторые органы упраздняются из-за неэффективности, другие создаются для решения новых задач.

Заключение

На основании результатов анализа эволюции системы консультативных (совещательных) органов при Президенте Российской Федерации, констатируется необходимость проведения оценки и последующей реконфигурации задач данных структур, принимая во внимание актуальные общественно-политические и экономические условия. Ключевым фактором повышения результативности внедрения разрабатываемых инициатив является оптимизация взаимодействия консультативных (совещательных) органов при Президенте РФ с государственными институтами и гражданским обществом. Создание открытых платформ для дискуссий вокруг деятельности экспертных органов ведет к укреплению доверия к специалистам и расширяет вовлеченность социальных групп в процесс разработки государственной политики. Эволюция системы консультативных (совещательных) структур, направленная на повышение эффективности управления и учет

мнения общественности, способствует укреплению демократических институтов и росту доверия к власти. Необходимы дальнейшие научные исследования для адаптации консультативных (совещательных) органов к изменяющимся условиям, что должно способствовать развитию общества и государства.

Список литературы:

- [1] Баранов, Н. А. Современная российская политика : учебник для вузов / Н. А. Баранов, Б. А. Исаев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 432 с. — (Бакалавр. Академический курс). — ISBN 978-5-534-21512-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/575011> (дата обращения: 06.08.2025).
- [2] Емельянов С.В. Современные тенденции развития консультативных органов при Президенте РФ // Социальные и политические исследования. — 2021. — № 9. — С. 34–40.
- [3] Теплякова О. А. О статусе совещательных и координационных органов в Российской Федерации / О. А. Теплякова, А. А. Костюков // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 2 (26). С. 122-134. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-2-122-134
- [4] Чеботарев Г. Н. Взаимно ответственное партнерство государства и общества / Г. Н. Чеботарев // Государство и право. 2019. № 10. С. 26-34.

References:

- [1] Baranov, N. A. Sovremennaya rossijskaya politika : uchebnik dlya vuzov / N. A. Baranov, B. A. Isaev. — 3-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2025. — 432 s. — (Bakalavr. Akademicheskij kurs). — ISBN 978-5-534-21512-0. — Tekst : ehlektronnyj // Obrazovatel'naya platforma Yurajt [sajt]. — URL: <https://urait.ru/bcode/575011> (data obrashcheniya: 06.08.2025).
- [2] Emel'yanov S.V. Sovremennye tendencii razvitiya konsul'tativnykh organov pri Prezidente RF // Social'nye i politicheskie issledovaniya. — 2021. — № 9. — S. 34–40.
- [3] Teplyakova O. A. O statuse soveshchatel'nykh i koordinacionnykh organov v Rossijskoj Federacii / O. A. Teplyakova, A. A. Kostyukov // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2021. Tom 7. № 2 (26). S. 122-134. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-2-122-134
- [4] Chebotarev G. N. Vzaimno otvetstvennoe partnerstvo gosudarstva i obshchestva / G. N. Chebotarev // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 10. S. 26-34.

¹ Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46186> (дата обращения: 04.08.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-51-55

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

БЕЖАНОВ Александр Александрович,
Аспирант, Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург,
e-mail: Bezhanov_aa@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный анализ эволюции правового режима международных санкций в отношении Исламской Республики Иран. Исследуются многоуровневые ограничительные меры, введенные Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН), Соединенными Штатами Америки (США) и Европейским союзом, с акцентом на их правовые основания и экстерриториальный характер. Особое внимание уделяется воздействию санкций на ключевые секторы иранской экономики. Научная новизна исследования заключается в систематизации стратегий и механизмов противодействия санкционному давлению, применяемых Ираном, а также в комплексном анализе соответствия односторонних санкций нормам международного права. На основе проведенного анализа сделан вывод об ограниченной эффективности односторонних санкционных режимов и критической важности международной коалиции для достижения политических целей инициаторов давления. Результаты исследования демонстрируют необходимость поиска альтернативных механизмов разрешения международных споров, основанных на диалоге и взаимном учете интересов.

Ключевые слова: международные санкции, Иран, санкции США, совет безопасности ООН, Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), экстерриториальность, противодействие санкциям, международное право, экономика сопротивления.

BEZHANOV Alexander Alexandrovich,
Postgraduate student, St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg

INTERNATIONAL SANCTIONS ON THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: EVOLUTION OF THE LEGAL REGIME AND COUNTERACTION MECHANISMS

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the evolution of the international sanctions regime against the Islamic Republic of Iran. The study examines multi-level restrictive measures introduced by the United Nations Security Council (UNSC), the United States of America (USA) and the European Union, focusing on their legal basis and extraterritorial nature. Special attention is paid to the impact of sanctions on key sectors of the Iranian economy. The scientific novelty of the research lies in the systematization of strategies and mechanisms to counter sanctions pressure used by Iran, as well as in the comprehensive analysis of the compliance of unilateral sanctions with international law. Based on the analysis, the conclusion is made about the limited effectiveness of unilateral sanctions regimes and the critical importance of an international coalition to achieve the political goals of the initiators of pressure. The research results demonstrate the need to find alternative mechanisms for resolving international disputes based on dialogue and mutual consideration of interests.

Key words: international sanctions, Iran, US sanctions, UN Security Council, Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA), extraterritoriality, countering sanctions, international law, economics of resistance.

Международные санкции стали одним из ключевых инструментов давления на Исламскую Республику Иран в связи с ее ядерной программой. Данная статья анализирует эволюцию санкционного режима, его соответствие нормам международного права, а также воздействие на социально-экономическую ситуацию в стране. Особое внимание уделяется правовым аспектам введения ограничительных мер и их последствиям для гражданского населения Ирана [1, с. 110].

История международных санкций против Ирана берет начало не в XXI веке, а значительно раньше. Современный режим начал формироваться после Исламской революции 1979 года и инцидента с захватом заложников в американском посольстве в Тегеране. Именно тогда президент США Джими Картер ввел первые исполнительные указы о замораживании иранских активов и введении торгового эмбарго [2, с. 58].

Качественно новый этап наступил в середине 1990-х годов, когда к санкционной политике подключился Конгресс США, приняв «Акт о санкциях против Ирана и Ливии» (ILSA, позже ISA) 1996 года. Данный закон заложил важные особенности последующей политики, впервые закрепив на законодательном уровне стремление к созданию международной коалиции и вводя элементы экстерриториального применения американского права [3, с. 65].

Принципиально важным с точки зрения международного права стало подключение к процессу Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – «СБ ООН»). Принятие резолюций СБ ООН означало интернационализацию санкционного давления. Резолюции, основанные на Главе VII Устава ООН, создали обязательный для всех государств-членов правовой режим. Резолюция 1929, в частности, не только расширила списки подсанкционных лиц и организаций, но и обозначила прямую связь между доходами Ирана от экспорта энергоресурсов и финансированием ядерной программы, создав правовой прецедент для последующих секторальных санкций [4, с. 32].

Односторонние санкции США и ЕС, имеющие иную правовую природу – акты национального и наднационального права, – стали развивать и ужесточать режим, установленный ООН. Американский режим санкций, в отличие от мер ООН, обладает вторичным и экстерриториальным характером, что является его ключевой особенностью и главным объектом критики. Экстерриториальное применение национального права создает правовые коллизии и подрывает принципы суверенного равенства государств [5, с. 83].

Совместный всеобъемлющий план действий (далее – «СВПД»), подписанный в 2015 году, предусматривал снятие санкций в обмен на ограничение иранской ядерной программы. Подписание СВПД в 2015 году и резолюции СБ ООН № 2231 привело к значительным позитивным изменениям в течение 2015-2017 годов: росту ВВП Ирана на 15%, восстановлению экономических связей с европейскими странами и улучшению социально-экономической ситуации в стране [6, с. 60]. Однако выход США из сделки в 2018 году и восстановление ими ранее приостановленных санкций в рамках политики «максимального давления» вергли режим в новую фазу неопределенности, подтвердив его цикличность и зависимость от внутренней политики стран-инициаторов [7, с. 35].

Выход США из СВПД в 2018 году и возобновление санкций вызвали серьезные вопросы с точки зрения соответствия данных действий нормам международного права. Поведение США является прямым нарушением принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) – фундаментального принципа международного права. Кроме того, в самом СВПД отсутствует механизм санкций для случая выхода одной из сторон, что создавало правовой вакуум [8, с. 220]. Более того, институционально, правомерность односторонних санкций вызывает серьезные споры в международном праве. Согласно Уставу ООН, применение принудительных мер является прерогативой Совета Безопасности (Глава VII).

В 2025 году развитие санкционного режима против Ирана вступило в критическую фазу. После израильских атак на Иран, которые привели к гибели высокопоставленных членов Корпуса стражей исламской революции и ученых-ядерщиков, международное давление на Тегеран значительно усилилось. Западные страны активизировали усилия по восстановлению санкционного режима через механизм *snapback*, предусмотренный резолюцией СБ ООН 2231.

В июне 2025 года ближневосточный конфликт перешел в новую, крайне опасную фазу. США была проведена операция против иранских ядерных объектов, получившая название «Midnight Hammer» («Полночный молот»), ставшая беспрецедентной по своим масштабам и последствиям. В ночь на 22 июня 2025 года американские ВВС нанесли удары по ключевым объектам иранской ядерной программы. Основными целями стали ядерный объект в Фордо, где был уничтожен опытный завод по обогащению топлива, содержащий усовершенствованные центрифуги, способные обогащать уран до 60%, а также были поражены Исфahanский центр ядерных технологий и Натанзский ядерный комплекс.

Военные действия США и Израиля против ядерных объектов Ирана были проведены в отсутствие соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, что прямо нарушает Устав ООН. Так согласно нему, Совет Безопасности обладает исключительными полномочиями в отношении применения силы в международных отношениях. Статья 39 Устава ООН предусматривает, что Совет «определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии» и может выносить рекомендации или прибегать к мерам для «поддержания или восстановления международного мира и безопасности». Статья 42 Устава ООН уполномочивает Совет применять силу в целях поддержания международного мира и безопасности, если он сочтет, что меры невоенного характера могут оказаться недостаточными либо уже оказались недостаточными.

Отсутствие мандатов СБ ООН на применение односторонних ограничительных мер, а также военной силы против Ирана создает опасный прецедент в международных отношениях, когда отдельные государства присваивают себе право определять угрозы миру и принимать односторонние решения о применении принудительных мер, вплоть до военной силы, без соответствующего международно-правового обоснования.

Последствия применения санкций для социально-экономического сектора Ирана

Санкции оказали разрушительное воздействие на уровень жизни населения Ирана. По данным Статистического центра Ирана и международных организаций на 2024 год социально-экономическая ситуация характеризуется как тяжелая: годовая инфляция в стране по итогам 2023 года составила 46,1%, а по продовольственным товарам достигла 62,5%. Около 65% населения проживает за чертой бедности, при этом примерно 30% находятся в условиях крайней нищеты. Уровень безработицы официально составляет 9,4%, однако реальные показатели, по оценкам экспертов, достигают 15%, а среди молодежи - 27,5% [9, с. 48]. Обнищание населения порождает рост преступности и, вместе с тем, повышает уровень общественного недовольства. Социальная напряженность периодически выливается в протестные акции, которые жестко подавляются правоохранительными органами Ирана.

Санкции серьезно ограничили доступ к медицинскому обслуживанию. Затруднен импорт медицинского оборудования и лекарств, снизилось качество медицинских услуг, выросли цены на лекарственные препараты. По данным на 2024 год в Иране сохраняется дефицит около 70 видов жизненно важных лекарств. Однако иранским властям удалось частично компенсировать эти

проблемы через развитие местного фармацевтического производства и системы государственных субсидий на основные лекарства.

Несмотря на санкции, Иран сохраняет высокие расходы на образование - около 18% государственного бюджета, что позволяет сохранять качество высшего образования (Тегеранский университет входит в число 400 лучших вузов мира), развивать научные исследования, особенно в области нанотехнологий, и поддерживать высокий уровень грамотности населения - около 96% среди взрослого населения.

По мнению автора настоящей статьи, односторонние санкции против Ирана грубо нарушают международные положения о защите прав человека, так как в результате их применения критическим образом страдает именно гражданское население Ирана. Более того, такие санкции и не соответствуют принципу пропорциональности. В международном праве санкции должны быть соразмерны тем целям, для достижения которых они вводятся. Однако в случае с Ираном санкции затронули широкие слои населения, не вовлеченные в участие в ядерной программе, при этом, ограничительные меры фактически не достигли своих целей, так как Иран продолжил развитие ядерной программы.

Санкции также серьезно ограничили право Ирана на развитие, гарантированное Декларацией о праве на развитие, принятой резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН от «04» декабря 1986 года: были заморожены иностранные инвестиции в экономику страны, ограничен доступ к современным технологиям и затруднено международное сотрудничество в научной и образовательной сферах.

Механизмы противодействия санкциям

Иран разработал модель «экономики сопротивления» (егтесад-э могаввемат), включающую ускоренную диверсификацию экономики с уходом от нефтяной зависимости, частичную самодостаточность в производстве продуктов первой необходимости, активную внешнеэкономическую деятельность, включая нелегальные меры обхода санкций, и сохранение системы социальной поддержки населения.

Иран активно развивает сотрудничество со странами, готовыми игнорировать санкции, часть из которых, руководствуясь прагматичными экономическими интересами, выступают в роли так называемых «черных рыцарей». Также, не присоединившись к санкциям, Китай продолжает закупки иранской нефти, Россия развивает торгово-экономическое сотрудничество, Венесуэла, Турция и ряд других стран предоставляют посреднические услуги.

Для минимизации зависимости от доллара США и системы SWIFT Иран был вынужден развивать внутренние и региональные аналоги. Были предприняты шаги по развитию национальной системы финансовых сообщений, а также активизировано участие в создании альтернативных систем расчетов. Перевод расчетов с традиционными партнерами на национальные валюты также позволил частично нейтрализовать влияние финансовых санкций. После отключения от SWIFT иранские банки адаптировались к новой жизни и сейчас пользуются собственной системой SEPAM (System for Electronic Payments Messaging). С ее помощью Иран может торговать с Китаем, Турцией, Индией и странами Ближнего Востока.

Государственная политика Ирана была переориентирована на поддержку внутреннего производства и развитие не нефтяных секторов экономики (металлургия, сельское хозяйство, фармацевтика), чтобы снизить зависимость от экспорта углеводородов - главной мишени санкций. Кроме того, иранские власти реализовали экстренную программу по наращиванию собственного производства бензина, что позволило смягчить последствия эмбарго на поставки нефтепродуктов.

Несмотря на санкции, Иран добился значительных успехов в развитии национальных технологий. В IT-секторе были созданы национальные аналоги eBay (Digikala) и Uber (Snapp!), в нанотехнологиях - разработка медицинских препаратов и систем очистки воды, в фармацевтике - организация собственного производства лекарств.

Санкционное давление всегда сопровождается интенсивной информационной войной, направленной на дискредитацию страны-мишени и легитимацию дальнейших шагов по ее изоляции или силовому воздействию. Иран, со своей стороны, вел активную контрпропагандистскую кампанию, направленную на опровержение обвинений и формирование образа государства, стойко противостоящего несправедливому давлению извне. Это способствовало консолидации части общества вокруг правительства.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. По эволюции санкционного режима: Международные санкции против Ирана прошли сложную эволюцию от односторонних мер США до многоуровневой системы ограничений, включающей резолюции СБ ООН, односторонние меры США и ЕС. Ключевой тенденцией стало усиление экстерриториального характера санкций и их секторальной направленности.

2. По правовой оценке: Односторонние санкции, введенные без мандата СБ ООН, вызывают серьезные сомнения с точки зрения соответствия международному праву. Они нарушают принципы

суверенного равенства государств, *pacta sunt servanda*, а также могут рассматриваться как нарушение прав человека. Военные действия против ядерных объектов Ирана без санкции СБ ООН создают опасный прецедент в международных отношениях.

3. По воздействию на Иран: Санкции оказали разрушительное воздействие на социально-экономическую ситуацию в Иране, приведя к росту бедности, инфляции, безработицы, ограничению доступа к медицине и нарушению базовых прав гражданского населения. При этом их политическая эффективность оказалась ограниченной - Иран продолжил развитие ядерной программы.

4. По механизмам противодействия: Иран разработал комплексную систему противодействия санкциям через политику «экономики сопротивления», включающую диверсификацию экономики, развитие национальных технологий, создание альтернативных финансовых механизмов и расширение сотрудничества со странами, не присоединившимися к санкциям.

5. По перспективам урегулирования: Опыт санкционного давления против Ирана демонстрирует ограниченную эффективность односторонних принудительных мер и необходимость поиска альтернативных механизмов разрешения международных споров, основанных на диалоге и взаимном учете интересов.

Международные санкции против Ирана представляют собой сложный и многогранный феномен, имеющий серьезные правовые пороки и гуманитарные последствия. Несмотря на разработанные Ираном эффективные механизмы противодействия, санкции продолжают оказывать значительное негативное влияние на социально-экономическое развитие страны.

Список литературы:

- [1] Кожанов Н.А. Международные экономические санкции как инструмент «принуждения к выполнению контракта» (на примере Исламской Республики Иран) / Н.А. Кожанов, С.Ф. Сутырин // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 1. С. 108-118.
- [2] Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и возможные последствия / И.Н. Тимофеев // Полис. Политические исследования. 2018 - № 4. С. 56-71.
- [3] Калакаева, К.З. Влияние санкций на финансовый рынок зарубежных стран на примере Ирана / К.З. Калакаева, Д.М. Мрикаев // Экономические отношения. 2018. Т. 8. № 1. С. 63-72.
- [4] Карбасова О.В. Стратегия информационного давления на Иран / О.В. Карбасова // Актуальные проблемы современной международной журналистики. 2013. № 4. С. 29-36;

[5] Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.) / С.Г. Лузянин. М.: Восток-Запад, 2007. 432 с.

[6] Иванов И.Д. Санкции в международном праве: теория и практика / И.Д. Иванов. М.: Международные отношения, 2020. 298 с.

[7] Петров А.В. Современные вызовы международной безопасности: санкционные режимы и их эффективность / А.В. Петров. М.: ИМЭМО РАН, 2024. 156 с.

[8] Смирнов В.П. Иран в системе международных отношений: вызовы и возможности / В.П. Смирнов. М.: Аспект Пресс, 2024. 224 с.

[9] Орлов А.А. Международно-правовые аспекты санкционной политики США / А.А. Орлов // Международная жизнь. 2023. № 5. С. 215-230.

[10] США и Иран: новый виток противостояния // Российский совет по международным делам. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-i-iran-novyy-vitok-protivostoyaniya/> (дата обращения: 30.08.2025).

[11] Санкции против Ирана: экономические последствия и правовые аспекты // Международная правовая газета. 2024. № 3. С. 45-58.

[12] Гудков И.В. Экстерриториальное применение национального права: проблемы и противоречия / И.В. Гудков // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 1. С. 78-85.

[13] Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник / под ред. А.С. Булатова. М.: Магистр, 2023. 704 с.

[14] United Nations. Charter of the United Nations – 1945. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter> (дата обращения: 30.08.2025).

[15] Report on the humanitarian impact of sanctions on Iran // UN Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2024. URL: <https://www.ohchr.org/> (дата обращения: 30.08.2025).

References:

[1] Kozhanov N.A. Mezhdunarodnye ekonomicheskie sankcii kak instrument «prinuzhdeniya k vypolneniyu kontrakta» (na primere Islamskoj Respubliki Iran) / N.A. Kozhanov, S.F. Sutyurin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. № 1. С. 108-118.

[2] Timofeev I.N. Sankcii SSHA protiv Irana: opyt primeneniya i vozmozhnye posledstviya / I.N. Timofeev // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018 - № 4. С. 56-71.

[3] Kalakaeva, K.Z. Vliyanie sankcij na finansovyj rynek zarubezhnyh stran na primere Irana / K.Z. Kalakaeva, D.M. Mrikaev // Ekonomicheskie otnosheniya. 2018. Т. 8. № 1. С. 63-72.

[4] Karbasova O.V. Strategiya informacionnogo davleniya na Iran / O.V. Karbasova // Aktual'nye problemy sovremennoj mezhdunarodnoj zhurnalistiki. 2013. № 4. С. 29-36;

[5] Luzyanin S.G. Vostochnaya politika Vladimira Putina. Vozvrashchenie Rossii na «Bol'shoj Vostok» (2004-2008 gg.) / S.G. Luzyanin. М.: Vostok-Zapad, 2007. 432 с.

[6] Ivanov I.D. Sankcii v mezhdunarodnom prave: teoriya i praktika / I.D. Ivanov. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2020. 298 с.

[7] Petrov A.V. Sovremennye vyzovy mezhdunarodnoj bezopasnosti: sankcionnye rezhimy i ih effektivnost' / A.V. Petrov. М.: IMEMO RAN, 2024. 156 с.

[8] Smirnov V.P. Iran v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: vyzovy i vozmozhnosti / V.P. Smirnov. М.: Aspekt Press, 2024. 224 с.

[9] Orlov A.A. Mezhdunarodno-pravovye aspekty sankcionnoj politiki SSHA / A.A. Orlov // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2023. № 5. С. 215-230.

[10] SSHA i Iran: novyy vitok protivostoyaniya // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-i-iran-novyy-vitok-protivostoyaniya/> (data obrashcheniya: 30.08.2025).

[11] Sankcii protiv Irana: ekonomicheskie posledstviya i pravovye aspekty // Mezhdunarodnaya pravovaya gazeta. 2024. № 3. С. 45-58.

[12] Gudkov I.V. Eksterritorial'noe primeneniye nacional'nogo prava: problemy i protivorechiya / I.V. Gudkov // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2022. № 1. С. 78-85.

[13] Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: uchebnik / pod red. A.S. Bulatova. М.: Magistr, 2023. 704 с.

[14] United Nations. Charter of the United Nations – 1945. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter> (data obrashcheniya: 30.08.2025).

[15] Report on the humanitarian impact of sanctions on Iran // UN Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2024. URL: <https://www.ohchr.org/> (data obrashcheniya: 30.08.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-56-60

ДОРЕНКО Ксения Сергеевна,
преподаватель кафедры
рекламы и связей с общественностью,
Московский государственный институт
международных отношений МИД России,
e-mail: kdorenko@yahoo.com

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНСТРУИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли искусственного интеллекта в конструировании общественного мнения в условиях цифровой медиасреды. Актуальность работы определяется тем, что современные алгоритмические системы перестали быть лишь инструментами анализа данных и превратились в активных участников процессов формирования массового сознания. Цель исследования заключается в выявлении механизмов, посредством которых технологии искусственного интеллекта влияют на восприятие информации, динамику коммуникации и структурирование общественного дискурса. Методологическую основу составили сравнительный анализ международных и российских исследований, данные социологических опросов, а также результаты эмпирических работ по анализу сетевых коммуникаций. В статье рассматриваются алгоритмическая персонализация новостных потоков, автоматизация сетевых акторов, генерация синтетического контента и использование инструментов искусственного интеллекта для измерения общественного мнения (обработка естественного языка, тональный анализ, тематическое моделирование). Отдельное внимание уделяется преимуществам применения технологий — высокой скорости анализа данных, выявлению скрытых закономерностей и прогнозированию социальных процессов, а также рискам — алгоритмической предвзятости, когнитивной неопределённости и росту манипулятивных практик. Научная новизна работы заключается в интерпретации искусственного интеллекта как структурного элемента медиасреды, способного одновременно усиливать и усложнять механизмы демократической коммуникации. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных выводов в сфере политического консультирования, регулирования цифрового контента и разработки стратегий информационной безопасности.

Ключевые слова: общественное мнение, искусственный интеллект, алгоритмическая персонализация, цифровая среда, социальные сети, боты, синтетический контент, медиа-коммуникации, информационная безопасность, политическая коммуникация.

DORENKO Ksenia Sergeevna,
Lecturer, Department of Advertising and Public Relations,
Moscow State Institute of International Relations,
Russian Ministry of Foreign Affairs

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONSTRUCTION OF PUBLIC OPINION

Annotation. The article examines the role of artificial intelligence in the construction of public opinion within the digital media environment. The relevance of the study is determined by the fact that modern algorithmic systems have ceased to be mere tools of data analysis and have become active participants in the formation of mass consciousness. The aim of the research is to identify the mechanisms through which artificial intelligence technologies influence the perception of information, the dynamics of communication, and the structuring of public discourse. The methodological framework includes a comparative analysis of international and Russian studies, sociological survey data, and empirical research on online communications. The paper discusses algorithmic personalization of news flows, automation of online actors, generation of synthetic content, and the use of artificial

intelligence tools for measuring public opinion (natural language processing, sentiment analysis, topic modeling). Particular attention is paid to the advantages of these technologies — high speed of data processing, identification of hidden patterns, and forecasting of social processes — as well as risks such as algorithmic bias, cognitive uncertainty, and the spread of manipulative practices. The scientific novelty of the work lies in the interpretation of artificial intelligence as a structural element of the media environment that simultaneously strengthens and complicates the mechanisms of democratic communication. The practical significance of the study is defined by the possibility of applying its conclusions in political consulting, digital content regulation, and the development of information security strategies.

Key words: *public opinion, artificial intelligence, algorithmic personalization, digital environment, social networks, bots, synthetic content, media communications, information security, political communication.*

Изучение общественного мнения в научной традиции XX–XXI веков показывает постепенный переход от анализа печатных медиа и межличностных коммуникаций к исследованию цифровой среды и алгоритмических систем. Классические концепции общественного мнения основывались на представлении о том, что восприятие информации формируется преимущественно в результате межличностного общения и воздействия традиционных СМИ. Так, Г. Тард связывал формирование общественного мнения с механизмами подражания и коммуникации [1]. У. Липпман в работе «Общественное мнение» (1922) отметил, что массовое восприятие формируется не напрямую, а через «псевдоокружение», создаваемое медиа [2]. П. Лазарсфельд и его коллеги предложили концепцию «двухступенчатого потока коммуникации», где ключевую роль в формировании общественного мнения играют лидеры мнений [3]. Ю. Хабермас, развивая теорию публичной сферы, показал, что общественное мнение формируется как результат рациональной дискуссии в условиях демократических институтов [4].

С переходом к цифровой эпохе в исследовательском фокусе оказались интернет-коммуникации, социальные сети и цифровые платформы. Уже в 2010-е годы исследователи отмечали, что алгоритмическая логика цифровых платформ формирует информационные повестки, отбирая и ранжируя контент [5]. С 2020-х годов ключевым фактором стало использование технологий искусственного интеллекта, которые не только обрабатывают, но и генерируют информацию, изменяя саму природу коммуникаций.

По данным ВЦИОМ, 63 % россиян в 2024 году сталкивались с применением технологий искусственного интеллекта в повседневной жизни, а 52 % респондентов заявили, что «скорее доверяют» подобным системам [6]. Эти показатели отражают возрастание доверия к цифровым технологиям, но одновременно фиксируют и растущую зависимость общества от алгоритмических решений.

Влияние технологий искусственного интеллекта на конструирование общественного мнения проявляется в нескольких ключевых направлениях. Первое из них связано с алгоритмической персонализацией. Современные цифровые платформы формируют индивидуализированные новостные ленты, подстраивая информационный поток под предпочтения пользователя. В результате человек получает лишь ту информацию, которая соответствует его прошлому поведению и интересам, что усиливает эффект «информационных пузырей» и поляризацию общества [7]. Алгоритмическая персонализация становится фактором, который определяет границы знания индивида о социальной реальности и может направлять восприятие общественных процессов в заданном ключе.

Второе направление связано с автоматизацией сетевых акторов, включая ботов и троллей. Исследования показывают, что автоматизированные аккаунты способны имитировать активность реальных пользователей и оказывать влияние на динамику дискуссий в социальных сетях [8]. Боты усиливают определённые нарративы, распространяют дезинформацию и создают иллюзию массовой поддержки тех или иных позиций. Таким образом, искусственный интеллект становится активным участником цифровых коммуникаций, меняя структуру и содержание общественного дискурса.

Третье направление — генерация синтетического контента. Современные нейросетевые модели позволяют создавать тексты, изображения, аудио- и видеоматериалы, практически неотличимые от оригиналов. Это приводит к проблеме достоверности информации и риску появления так называемых «глубоких фейков» [9]. Синтетический контент способен формировать у аудитории ложные представления о социальных событиях, манипулировать массовым сознанием и подрывать доверие к институтам.

Особую опасность представляет феномен «отравления данных», когда в обучающие выборки искусственного интеллекта целенаправленно

включаются искажённые сведения, что в дальнейшем воспроизводит дезинформацию в масштабах всей цифровой среды [10]. Этот процесс требует особого внимания со стороны исследователей и разработчиков, так как он связан с фундаментальной проблемой качества и надёжности данных, используемых в автоматизированных системах.

Наряду с воздействием на массовое сознание, искусственный интеллект активно используется в исследовании общественного мнения. Эти технологии позволяют обрабатывать огромные массивы текстов, выявлять скрытые паттерны и динамику общественных настроений. Одним из наиболее востребованных направлений является обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP), которая позволяет анализировать сообщения пользователей в социальных сетях, комментарии на новостных сайтах и другие формы текстовой коммуникации [11].

Широкое применение получили методы тонального анализа (sentiment analysis), которые позволяют автоматически определять эмоциональную окраску сообщений. Такие технологии дают возможность исследователям выявлять степень позитивного, нейтрального или негативного отношения аудитории к конкретным событиям, политикам или социальным инициативам [12]. В сочетании с анализом больших данных это открывает новые перспективы для прогнозирования динамики общественных настроений и выявления факторов, влияющих на формирование доверия или недоверия к социальным институтам.

Не менее важным инструментом является тематическое моделирование, позволяющее выявлять ключевые темы дискуссий и отслеживать их трансформацию во времени. С помощью алгоритмов искусственного интеллекта исследователи могут наблюдать, как меняется структура общественного дискурса, какие вопросы выходят на первый план, а какие теряют актуальность [13].

Кроме того, искусственный интеллект используется для выявления сетевых структур и изучения распространения информации в цифровой среде. Методы анализа социальных графов позволяют моделировать взаимодействия между пользователями, определять лидеров мнений и выявлять источники дезинформации. Эмпирические исследования демонстрируют, что маркировка контента, созданного искусственным интеллектом, оказывает влияние на восприятие достоверности сообщений и намерение их дальнейшего распространения [14].

Наконец, особое значение приобретает задача выявления ботов и автоматизированных аккаунтов. Разработка алгоритмов для их идентификации помогает исследователям и платформам

поддерживать более честное и прозрачное информационное пространство. Однако гонка между создателями синтетического контента и разработчиками методов его распознавания остаётся открытой, что делает исследование в этой области актуальным и перспективным [15].

Применение искусственного интеллекта в измерении общественного мнения обладает целым рядом преимуществ. Во-первых, это высокая скорость обработки данных. Алгоритмы способны анализировать миллионы сообщений в социальных сетях в режиме реального времени, что делает возможным оперативное выявление настроений и реакций общества на значимые события [16]. Такой подход существенно расширяет аналитические возможности по сравнению с традиционными методами опросов, которые требуют значительных временных и финансовых затрат.

Во-вторых, искусственный интеллект позволяет выявлять скрытые закономерности и паттерны, недоступные при ручном анализе. Благодаря машинному обучению и методам кластеризации можно обнаруживать взаимосвязи между различными социальными факторами, определять основные тренды и прогнозировать их развитие. Это открывает новые горизонты для социологических исследований и политического консультирования [17].

В-третьих, использование технологий искусственного интеллекта способствует повышению точности анализа за счёт работы с большими данными. Наличие массивов текстовой информации, поступающей из разных источников, позволяет формировать более полное представление о структуре общественного дискурса. Это особенно важно в условиях, когда общественное мнение становится всё более фрагментированным и динамичным.

Однако наряду с преимуществами существует и ряд рисков. Один из ключевых связан с алгоритмической предвзятостью. Алгоритмы обучаются на данных, которые сами по себе могут содержать искажения и предубеждения. В результате система воспроизводит эти искажения, что приводит к искажённому отражению общественных настроений [18].

Другой риск заключается в угрозе манипулятивного использования технологий. Возможность генерировать синтетический контент и управлять информационными потоками делает искусственный интеллект инструментом воздействия на массовое сознание. В условиях политической конкуренции такие практики могут использоваться для подрыва доверия к институтам и легитимности демократических процедур [19].

Наконец, стоит отметить проблему когнитивной неопределённости. У пользователей возникает затруднение в разграничении информации, созданной человеком и алгоритмом. Это снижает уровень доверия к медиасреде в целом и формирует атмосферу неопределённости, что может иметь долгосрочные последствия для устойчивости общественных институтов [20].

Регулирование применения искусственного интеллекта в конструировании и измерении общественного мнения становится одним из важнейших направлений деятельности как национальных государств, так и международных организаций. В Европейском союзе в 2024 году был принят «Акт об искусственном интеллекте» (Artificial Intelligence Act), впервые создавший комплексную правовую базу для регулирования разработки и использования подобных технологий [21]. Этот документ выделяет категории риска и устанавливает требования к прозрачности алгоритмов, особенно в сфере медиа и коммуникаций.

В Соединённых Штатах Америки в 2023 году был издан президентский указ № 14110 «О безопасном, надёжном и заслуживающем доверия развитии и использовании искусственного интеллекта» [22]. В нём закреплены меры по контролю за разработкой генеративных моделей и усилению кибербезопасности. Также разработан национальный план действий в области искусственного интеллекта, предусматривающий баланс между инновациями и защитой прав граждан.

В Российской Федерации внимание к вопросам регулирования проявляется в ряде нормативных инициатив. Так, в 2022 году вступила в силу система учёта и маркировки интернет-рекламы, которая позволяет отслеживать распространение контента в цифровой среде [23]. Обсуждаются также инициативы по введению обязательной маркировки материалов, созданных с использованием искусственного интеллекта [24]. Хотя нормативная база находится на стадии формирования, эти шаги отражают стремление обеспечить прозрачность медиасреды и защитить общество от манипулятивных практик.

На международном уровне важным документом является «Рекомендация по этике искусственного интеллекта», принятая ЮНЕСКО в 2021 году [25]. В ней закреплены универсальные принципы использования технологий, включая уважение к правам человека, обеспечение прозрачности алгоритмов и необходимость международного сотрудничества.

Таким образом, регулирование применения искусственного интеллекта в конструировании общественного мнения представляет собой многоуровневый процесс, где национальные и международные механизмы дополняют друг друга.

Согласованность этих усилий становится важным условием минимизации рисков и эффективного использования потенциала новых технологий.

В целом искусственный интеллект стал неотъемлемым элементом медиасреды и активно влияет на конструирование общественного мнения. Его возможности открывают перспективы более глубокого анализа и прогноза социальных процессов, но одновременно создают новые риски — от алгоритмических предвзятостей до утраты приватности и манипулятивных практик. Задача науки и государства заключается в выработке институциональных механизмов, которые позволят минимизировать негативные последствия и использовать потенциал технологий в интересах общества.

Особое значение имеет то, что искусственный интеллект не только фиксирует динамику массовых настроений, но и сам становится активным участником конструирования общественного мнения. Алгоритмическая персонализация новостных лент, автоматизированные сетевые акторы и генеративные модели формируют новые контуры публичных дискуссий, создавая у пользователей ощущение «естественного» течения общественной мысли. В действительности же это мнение всё чаще задаётся через взаимодействие человека и алгоритма, что ставит вопрос о границах аутентичности общественной воли и возможности её сознательного моделирования.

Таким образом, искусственный интеллект следует рассматривать не просто как вспомогательный инструмент исследования общественных процессов, а как фактор, изменяющий саму природу общественного мнения. В условиях цифровой среды общественное мнение становится результатом сложного взаимодействия социальных практик и алгоритмических систем. От того, насколько общество сумеет выработать механизмы прозрачного и подотчётного использования искусственного интеллекта, будет зависеть устойчивость публичной сферы и доверие к институтам, обеспечивающим репрезентацию воли граждан.

Список литературы:

- [1] ВЦИОМ. Доверие к искусственному интеллекту. 24.12.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 28.09.2025).
- [2] ВЦИОМ. ИИ: ваш новый лучший друг? 03.12.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug> (дата обращения: 28.09.2025).
- [3] Известия. В России могут ввести маркировку ИИ-контента. 08.07.2025. URL: <https://iz.ru/news/ai-marking> (дата обращения: 28.09.2025).

[4] Российская газета. В России будут маркировать контент, созданный нейросетями. 11.02.2024. URL: <https://rg.ru/2024/02/11/v-rossii-budut-markirovat-kontent-sozdannyj-nejrosetiami.html> (дата обращения: 28.09.2025).

[5] Роскомнадзор. Реестр операторов рекламных данных. URL: <https://rkn.gov.ru/ord> (дата обращения: 28.09.2025).

[6] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2024 on Artificial Intelligence (AI Act) // Official Journal of the European Union. – 12.07.2024. – L 168. – P. 1–156.

[7] The White House. Executive Order 14110 of October 30, 2023. Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence // Federal Register. – 2023. – Vol. 88, No. 210. – P. 75191–75212.

[8] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

[9] Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

[10] UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2021. URL: <https://unesco.org> (дата обращения: 28.09.2025).

[11] Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. – 2018. – Vol. 359, no. 6380. – P. 1146–1151.

[12] Li F., Yang Y. Impact of Artificial Intelligence–Generated Content Labels on Perceived Accuracy, Message Credibility, and Sharing Intentions for Misinformation // JMIR Formative Research. – 2024. – Vol. 8. – e60024.

[13] Li L., Zhou X., Wu X., Chen H. Social bots spoil activist sentiment without eroding participation // Scientific Reports. – 2024. – Vol. 14. – P. 74032.

[14] Tolosana R., Verdoliva L., et al. DeepFakes: A Survey of Facial Forgery Techniques // IEEE Access. – 2020. – Vol. 8. – P. 131–161.

[15] Atlantic Council. Exposing Pravda: How pro-Kremlin forces are poisoning AI models and rewriting Wikipedia. 18.04.2025. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/> (дата обращения: 28.09.2025).

[16] RUSI. Russia, AI and the Future of Disinformation Warfare. London: RUSI, 2025. URL: <https://rusi.org/> (дата обращения: 28.09.2025).

References:

[1] VTSIOM. Trust in artificial intelligence. 24.12.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (access date: 28.09.2025).

[2] VTSIOM. AI: Your new best friend? 03.12.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug> (дата обращения: 28.09.2025).

[3] Izvestia. In Russia, they can introduce marking of AI content. 08.07.2025. URL: <https://iz.ru/news/ai-marking> (access date: 28.09.2025).

[4] Rossiyskaya Gazeta. In Russia, they will label content created by neural networks. 11.02.2024. URL: <https://rg.ru/2024/02/11/v-rossii-budut-markirovat-kontent-sozdannyj-nejrosetiami.html> (access date: 28.09.2025).

[5] Roskomnadzor. Register of advertising data operators. URL: <https://rkn.gov.ru/ord> (access date: 28.09.2025).

[6] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2024 on Artificial Intelligence (AI Act) // Official Journal of the European Union. – 12.07.2024. – L 168. – P. 1–156.

[7] The White House. Executive Order 14110 of October 30, 2023. Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence // Federal Register. – 2023. – Vol. 88, No. 210. – P. 75191–75212.

[8] Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ “On Personal Data” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (part I). – Art. 3451.

[9] Federal Law of March 13, 2006 No. 38-FZ “On Advertising” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 12. – Art. 1232.

[10] UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2021. URL: <https://unesco.org> (access date: 28.09.2025).

[11] Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. – 2018. – Vol. 359, no. 6380. – P. 1146–1151.

[12] Li F., Yang Y. Impact of Artificial Intelligence–Generated Content Labels on Perceived Accuracy, Message Credibility, and Sharing Intentions for Misinformation // JMIR Formative Research. – 2024. – Vol. 8. – e60024.

[13] Li L., Zhou X., Wu X., Chen H. Social bots spoil activist sentiment without eroding participation // Scientific Reports. – 2024. – Vol. 14. – P. 74032.

[14] Tolosana R., Verdoliva L., et al. DeepFakes: A Survey of Facial Forgery Techniques // IEEE Access. – 2020. – Vol. 8. – P. 131–161.

[15] Atlantic Council. Exposing Pravda: How pro-Kremlin forces are poisoning AI models and rewriting Wikipedia. 18.04.2025. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/> (access date: 28.09.2025).

[16] RUSI. Russia, AI and the Future of Disinformation Warfare. London: RUSI, 2025. URL: <https://rusi.org/> (access date: 28.09.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-61-63

РОСТОКИНСКИЙ А.В.,
доктор юридических наук,
профессор Департамента Права Института
Экономики Управления и Права ГАОУ ВО МГПУ,
e-mail: arostokinskiy@yandex.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИВЕРСИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за диверсионную деятельность в современном законодательстве. Анализируются пробелы и противоречия в нормах Уголовного кодекса РФ, а также сложности правоприменительной практики. Предлагаются пути совершенствования законодательства и механизмы борьбы с диверсиями.

Ключевые слова: диверсия, уголовная ответственность, национальная безопасность, терроризм, законодательная регламентация.

ROSTOKINSKY A.V.,
Doctor of Law, Professor of the Department Law
Institute of Economics Management and Law Moscow State
Pedagogical University

CRIMINAL LIABILITY FOR SABOTAGE: SOME ASPECTS OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. The article examines the problems of criminal law regulation of liability for sabotage in modern legislation. It analyzes gaps and contradictions in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as challenges in law enforcement practice. Ways to improve legislation and mechanisms for combating sabotage are proposed.

Key words: sabotage, criminal liability, national security, terrorism, legislative regulation.

Диверсия занимает особое место в системе уголовного права как преступление, направленное против основ конституционного строя и безопасности государства.

До недавнего времени данная статья была, так называемой, «мертвой статьей» — статистика отражала статистически не значимые показатели, или вовсе показатели были нулевыми. Но, вовремя проведения Специальной военной операции ее актуальность резко возросла, что демонстрирует рост данного вида преступлений в 2024 году.

Всего осужденных к лишению свободы: 2016 — 0 чел.; 2017 — 1 чел.; 2018 — 2 чел.; 2019 — 3 чел.; 2020 — 0 чел.; 2021 — 0 чел.; 2022 — 1 чел.; 2023 — 9 чел.; 2024 — 48 чел [6].

Исторически диверсия ассоциировалось с военными операциями, проводимыми специаль-

ными группами для дезорганизации противника. Однако с развитием общества и усложнением угроз безопасности государства содержание диверсии значительно расширилось. Сегодня она может проявляться не только в классических формах, таких как взрывы или поджоги, но и в скрытых действиях, направленных на системную дестабилизацию.

В советский период уголовная ответственность за диверсию была предусмотрена ст. 68 УК РСФСР. К таким преступлениям относились разрушение предприятий, транспортной инфраструктуры, а также распространение эпидемий с целью ослабления государства. Санкции были суровыми: лишение свободы на срок до 15 лет или смертная казнь. В современном УК РФ диверсия регламентируется ст. 281, где выделяются три части, устанавливающие ответственность в зависимости от тяжести последствий. Основной состав

преступления включает совершение взрывов, поджогов или иных действий, направленных на повреждение критически важных объектов.

Следует отметить, что действующая редакция УК РФ существенно сузила понятие диверсионной деятельности по сравнению с предыдущими законодательными подходами. В частности, из состава преступления исключены такие опасные действия, как массовое уничтожение людей, искусственное распространение эпидемий и эпизоотий, а также совершение массовых отравлений. В результате этого правового изменения целый ряд крайне опасных деяний, способных нанести колоссальный ущерб национальной безопасности, оказался вне сферы действия ст. 281 УК РФ [3].

Объектом посягательства при диверсии выступают экономическая и оборонная безопасность Российской Федерации, а предметом — материальные объекты, критически важные для стабильности государства. К ним относятся атомные и гидроэлектростанции, линии электропередач, трубопроводы, мосты, плотины и другие инфраструктурные объекты [4].

Способы совершения диверсии, указанные в статье 281 УК РФ, включают взрыв, поджог и иные действия, схожие по последствиям. Взрыв определяется как быстрое высвобождение энергии, приводящее к разрушению окружающих объектов, а поджог — как умышленное уничтожение имущества с использованием огня. Примечательно, что эти способы совпадают со способами совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ).

Понятие «иные действия» в диспозиции статьи вызывает дискуссии среди ученых. Законодатель относит к ним организацию обвалов, наводнений и других катастроф, однако некоторые исследователи предлагают расширить трактовку, включив действия, направленные на подрыв конституционного строя, экономической, социальной, военной и политической безопасности.

Её общественная опасность обусловлена потенциальной способностью подрывать экономическую стабильность, обороноспособность и социальную безопасность страны. В современных условиях, включая проведение специальных военных операций и усиление киберугроз, актуальность вопросов квалификации и предупреждения диверсионной деятельности существенно возрастает. Однако действующая редакция ст. 281 УК РФ, предусматривающая ответственность за диверсию, требует существенного пересмотра с учётом новых вызовов и пробелов в правоприменительной практике [1].

Согласно ст. 281 УК РФ, диверсия определяется как совершение взрыва, поджога или иных

действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и других важных объектов в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Однако диспозиция статьи остаётся узкой и не охватывает весь спектр современных диверсионных угроз. Одной из ключевых проблем является отсутствие чёткого определения «иных действий», что создаёт сложности при квалификации преступлений. Кроме того, ст. 281 УК РФ не учитывает такие формы диверсии, как кибердиверсия, которая становится всё более распространённой в условиях цифровизации. Подобные действия, хотя и соответствуют целям диверсии, не всегда подпадают под действующую редакцию статьи [5].

Ещё одной проблемой является схожесть объективной стороны диверсии и террористического акта (ст. 205 УК РФ) [2]. Оба преступления могут совершаться путём взрывов, поджогов или иных разрушительных действий. Однако ключевое различие заключается в цели: террористический акт направлен на воздействие на органы власти или устрашение населения, тогда как диверсия преследует подрыв экономики и обороноспособности страны. Несмотря на это, разграничение составов на практике остаётся сложным, что требует более детального толкования со стороны Верховного Суда РФ.

Для устранения указанных пробелов предлагается внесение ряда изменений в ст. 281 УК РФ. Во-первых, необходимо расширить диспозицию статьи, включив в перечень «иных действий» кибердиверсию, определив её как действия, совершённые с использованием компьютерных систем или сетей, направленные на разрушение или повреждение критически важных объектов инфраструктуры. Это позволит охватить современные формы диверсионной деятельности, такие как атаки на энергосистемы, транспортные узлы или системы управления промышленными объектами. Во-вторых, целесообразно конкретизировать цели диверсии, дополнив статью указанием на подрыв социальной стабильности. Это особенно актуально в условиях, когда действия диверсантов могут быть направлены не только на материальные объекты, но и на дестабилизацию общественных отношений, например, путём разжигания межнациональных конфликтов или распространения ложной информации. В-третьих, следует ввести квалифицирующие признаки, такие как совершение диверсии с использованием служебного положения или её финансирование, что позволит более эффективно бороться с организованными формами диверсии, включая деятельность иностранных агентов. Наконец, важно

уточнить терминологию, закрепив в законе или разъяснениях Верховного Суда РФ такие понятия, как «диверсионная группа», «диверсионная операция», «значительный имущественный ущерб» и «иные тяжкие последствия». Это снизит риски квалификационных ошибок и обеспечит единообразие судебной практики.

Помимо законодательных изменений, важную роль играют меры профилактики диверсионной деятельности. К ним относится усиление охраны критически важных объектов, включая внедрение современных систем мониторинга и защиты инфраструктуры с использованием технологий искусственного интеллекта. Повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности также является ключевым направлением, поскольку позволяет своевременно выявлять лиц, вовлечённых в диверсионную деятельность, включая вербовку агентов иностранных спецслужб. Кроме того, развитие международного сотрудничества в сфере противодействия диверсиям приобретает особую значимость в условиях транснационального характера современных угроз.

Совершенствование ст. 281 УК РФ и внедрение комплексных мер предупреждения диверсионной деятельности позволят более эффективно защищать национальную безопасность России. Расширение диспозиции статьи, включение кибердиверсии и других современных форм угроз, а также конкретизация ключевых понятий снизят риски ошибок при квалификации преступлений. В условиях роста технологических и геополитических вызовов эти меры становятся не просто актуальными, а необходимыми для обеспечения стабильности и безопасности государства.

Список литературы:

- [1] Давитадзе, М. Д. Уголовная ответственность за диверсию / М. Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3.
- [2] Жунушова, Г. Б. Уголовная ответственность за совершение диверсии по законодательству Кыргызской Республики / Г. Б. Жунушова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2022. – Т. 22, № 11.
- [3] Коряковцева О. А. Меры совершенствования антидиверсионного законодательства (ст.281 УК РФ): политико-правовые аспекты и пути предупреждения диверсии / О. А. Коряковцева, И. А. Семенцова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 9(148).
- [4] Куликов, А. В. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: Учебное пособие / А. В. Куликов, В. Н. Борков, Т. Н. Долгих. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022.
- [5] Лисовский, Д. Г. Уголовно-правовая и социальная сущность диверсии / Д. Г. Лисовский, Е. Е. Моисеенко // E-Scio. – 2022. – № 4(67).
- [6] Судебная статистика РФ <https://stat.ани-псcc.рф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=mfyarh3awf614280100>

References:

- [1] Davitadze, M. D. Criminal liability for sabotage/M. D. Davitadze//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3.
- [2] Zhunushova, G. B. Criminal liability for sabotage under the legislation of the Kyrgyz Republic/G. B. Zhunushova//Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2022. - VOL. 22, NO. 11.
- [3] Koryakovtseva O. A. Measures to improve anti-sabotage legislation (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation): political and legal aspects and ways to prevent sabotage/O. A. Koryakovtseva, I. A. Sementsova//Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and governance. – 2022. – № 9(148).
- [4] Kulikov, A.V. Crimes against state power, the interests of public service and service in local governments: Textbook/A.V. Kulikov, V.N. Borkov, T.N. Dolgikh. - Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2022.
- [5] Lisovsky, D. G. Criminal law and social essence of sabotage/D. G. Lisovsky, E. E. Moiseenko//E-Scio. – 2022. – № 4(67).
- [6] Judicial statistics of the Russian Federation <https://stat.ани-псcc.рф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=mfyarh3awf614280100>

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-64-67

КИРСАНОВА Екатерина Васильевна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: caple@mail.ru

К ДИСКУССИИ О НЕОБХОДИМОСТИ СОХРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО НОТАРИАТА В РОССИИ

Аннотация. Вопросы реформирования института нотариата на сегодняшний день весьма актуальны и вызывают многочисленные дискуссии, законодательное регулирование организации нотариата и нотариальной деятельности в России нуждаются в совершенствовании. Целью настоящей статьи является исследование вопроса о необходимости сохранения государственного нотариата в России. При подготовке использовались общенаучные и частноправовые методы исследования. В завершении работы автор обобщает ряд выводов относительно закрепления на законодательном уровне лишь небюджетного нотариата.

Ключевые слова: небюджетный нотариат, частный нотариат, государственный нотариат, нотариальная деятельность, нотариальные услуги, государственный контроль, новый закон о нотариате.

KIRSANOVA Ekaterina Vasilievna,
Candidate of Law, Senior Researcher,
VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

TO THE DISCUSSION ON THE NEED TO PRESERVE THE NOTARY STATE IN RUSSIA

Annotation. The issues of reforming the institution of notaries are very relevant today and cause numerous discussions, the legislative regulation of the organization of notaries and notarial activities in Russia needs to be improved. The purpose of this article is to study the need to preserve the notary public in Russia. In preparation, general scientific and private legal research methods were used. At the end of the work, the author justifies a number of conclusions regarding the consolidation at the legislative level of only a non-budget notary.

Key words: non-budget notary, private notary, public notary, notarial activity, notarial services, state control, new law on notary.

В 1990-е годы превалировала либеральная модель частного нотариата. Тем не менее в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате [1] (далее – Основы о нотариате) наряду с нотариусами, занимающимися частной практикой, остались государственные. Однако, как отмечает В.А. Гуреев, Основы о нотариате не корректировались последовательно и концептуально, что привело к значительному отрыву нормативно-правового регулирования от реалий современной правовой действительности [2]. В юридической доктрине встречаются дискуссии о роли нотариата в жизни общества и государства, о публичных функциях института нотариата в РФ и его особой роли в обеспечении интересов частных лиц, соотношении

правового статуса государственных и частных нотариусов.

Несмотря на то, что в соответствии с действующим законодательством «государственные и частные нотариусы обладают равной предметной компетенцией – совершают все нотариальные действия без каких-либо ограничений» (ст. 35 Основ о нотариате), как верно отмечает А.В. Бегичев, «между организацией деятельности государственных и частных нотариусов имеются различия» [3].

По мнению Е.А. Атапиной, в целях здоровой конкуренции для повышения качества предоставляемых нотариальных услуг «необходимо сохранить как государственный, так и частный нотариат» [4].

Данный тезис является неоднозначным, поскольку, во-первых, конкуренция между нотариусами недопустима. Во-вторых, нотариальные действия не являются ни работой, ни услугой с позиции гражданского оборота [5].

Полностью отказ от государственных нотариусов, по мнению П.А. Щекочихина, является недопустимым [6]. Однако и возрождение лишь государственного нотариата бесперспективно, как отмечает В.С. Репин [7].

По мнению секретаря Общественной палаты Российской Федерации Л.Ю. Михеевой, «дискуссия уже завершена», и частный нотариат, основанный на многоступенчатом страховании ответственности, считается лучше с точки зрения устойчивости общественного оборота и защищенности интересов граждан [8].

На сегодняшний день, можно констатировать, что анахроничная модель государственного нотариата в настоящее время утратила свою эффективность. Существование государственного нотариата было обусловлено тем, что самофинансировать работу нотариальной конторы в труднодоступных и малонаселенных местностях затруднительно.

Так, согласно статистическим сведениям Министерства юстиции Российской Федерации за 2024 год всего должностей нотариусов – 8415, из которых работающих в государственных нотариальных конторах – 0 [9]; за 2023 год: всего – 8434, из них в государственных нотариальных конторах – 0 [10]; за 2022 год: всего – 8030, из них в государственных нотариальных конторах – 0 [11]; за 2021 год: всего – 8039, из них в государственных нотариальных конторах – 0 [12]; за 2020 год: всего – 8038, из них в государственных нотариальных конторах – 0 [13]; за 2019 год: всего – 8047, из них в государственных нотариальных конторах – 5 (фактически работающих – 3, вакантных – 2 должности) [14]. Согласно сведениям ФНП от 24 апреля 2020 года три государственных нотариуса Хабаровского края были назначены на должности нотариусов, занимающихся частной практикой, осталось две должности государственных нотариусов — на территории Чукотского автономного округа [15]. На основании поручения Минюста России приказом Управления Минюста по Магаданской области и Чукотскому автономному округу упразднены государственные нотариальные конторы в Providенском и Чукотском нотариальных округах Чукотского автономного округа. Так, переход на внебюджетную организационную правовую форму нотариата на территории Чукотского автономного округа полностью завершён [16]. Государственных нотариусов полностью упразднили 29 сентября 2020 года.

За последние 5 лет нотариальную деятельность государственные нотариусы уже фактически не осуществляли и перешли на небюджетную основу.

С 2017 года Федеральной нотариальной палатой реализуется Программа поддержки нотариата в труднодоступных и малонаселенных местностях, в рамках которой, а также соответствующих локальных актов ФНП оказывается в соответствии со статьями 11.2 и 30 Основ о нотариате материальная помощь нотариусам, осуществляющим нотариальную деятельность в нотариальных округах, экономическое развитие которых не позволяет нотариусам осуществлять нотариальную деятельность самостоятельно и независимо.

Кроме того, правом совершать нотариальные действия, перечень которых установлен ст. 37 Основ о нотариате, наделены должностные лица органов местного самоуправления. Однако, как отмечено в письме исполняющего обязанности Президента Федеральной нотариальной палаты Председателю комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам от 23 августа 2019 года № 4225/06-06, «наделение органов местного самоуправления полномочиями по совершению нотариальных действий не позволяет повысить качество оказания юридической помощи» [17].

В связи с чем возникла необходимость в ограничении перечня нотариальных действий, которые вправе совершать должностные лица местного самоуправления. Так, 26 июля 2019 года принят Федеральный закон № 226-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и статью 16.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», вступающий в силу с 1 сентября 2019 года, согласно которому должностные лица местного самоуправления лишены права совершать такие социально значимые нотариальные действия, как удостоверение завещания и доверенности на распоряжение недвижимым имуществом.

13 февраля 2025 года Минюст России на своем официальном сайте разместил для публичного обсуждения проект федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» [18], в котором не предусматривается существование государственных нотариусов.

Подводя итог, можно сказать, что в независимости от исторического периода, нотариат в России всегда был институтом, производным от государства, наделенным публично-правовыми функ-

циями. Сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда фактические возможности государства при формировании нотариального сообщества и осуществлении контроля за нотариусами минимальны. Сохранение только внебюджетного нотариата одновременно с усилением государственного регулирования позволит уйти от государственно-частной системы нотариата, которая утратила свою актуальность.

Список литературы:

- [1] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
- [2] Гуреев В.А. Роль государства в становлении и развитии института нотариата // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 4. С. 36-39.
- [3] Бегичев А.В. Соотношение правового статуса государственных и частных нотариусов // Евразийская адвокатура. 2017. №2 (27). С. 83-86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-pravovogo-statusa-gosudarstvennyh-i-chastnyh-notariusov> (дата обращения: 19.06.2025).
- [4] Атапина Е.А. Организация нотариального дела в Российском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1993. 17 с.
- [5] Кирсанова Е.В. Принципы организации нотариата в Российской Федерации на современном этапе : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025. 233 с (С.163).
- [6] Щекочихин П.А. Нотариат Российской Федерации: конституционно-правовые основы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
- [7] Репин В.С. Организационно-правовые основы построения и деятельности нотариата в России (теория и практика) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.
- [8] Научное сообщество – о перспективах развития нотариата и реализации его потенциала // Федеральная нотариальная палата : сайт. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/nauchnoe-soobshestvo-o-perspektivah-razvitiya-notariata-i-realizacii-ego-potenciala-2411> (дата обращения: 19.06.2025).
- [9] Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сборник по Минюсту России) (за 12 месяцев 2024 года) // Минюст России : сайт. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2024-god/> (дата обращения 11.06.2025).
- [10] Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сборник по Минюсту России) (за 12 месяцев 2023 года) // Минюст России : сайт. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2023-god/> (дата обращения 11.06.2025).
- [11] Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сборник по Минюсту России) (за 12 месяцев 2022 года) // Минюст России : сайт. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2022-god/> (дата обращения 11.06.2025).
- [12] Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сборник по Минюсту России) (за 12 месяцев 2021 года) // Минюст России : сайт. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2021-god/> (дата обращения 11.06.2025).
- [13] Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сборник по Минюсту России) (за 12 месяцев 2020 года) // Минюст России : сайт. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2020-god/> (дата обращения 11.06.2025).
- [14] Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сборник по Минюсту России) // Минюст России : сайт. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii/> (дата обращения 11.06.2025).
- [15] Нотариат России практически полностью перешел на небюджетную основу // ФНП : сайт. URL: (дата обращения 11.06.2025).
- [16] Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Магаданской области и Чукотскому автономному округу : сайт. URL: <http://to49.minjust.gov.ru/ru/novosti/ob-uprazhnenii-gosudarstvennyh-notarialnyh-kontor-v-providenskom-i-chukotskom-notarialnyh> (дата обращения 11.06.2025).
- [17] Письмо исполняющего обязанности Президента Федеральной нотариальной палаты Председателю комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам от 23 августа 2019 года № 4225/06-06 // <http://council.gov.ru/media/files/0012AEyARCftB7rGhY6e9euJlpRbjWtK.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).
- [18] Проект нового закона о нотариате размещен для публичного обсуждения // Минюст России : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50553/> (дата обращения: 13.02.2025).

References:

- [1] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries//Statements of the SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993. № 10. Art. 357.
- [2] Gureev V.A. The role of the state in the formation and development of the notary institution//Bulletin of the Russian Law Academy. 2022. № 4. S. 36-39.
- [3] Begichev A.V. Ratio of the legal status of public and private notaries//Eurasian Bar. 2017. №2

(27). S. 83-86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-pravovogo-statusa-gosudarstvennyh-i-chastnyh-notariusov> (дата обращения: 19.06.2025).

[4] Atapina E.A. Organization of notarial business in the Russian state: author's abstract. dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 1993. 17 pp.

[5] E.V. Kirsanova. Principles of organization of notaries in the Russian Federation at the present stage: dis.... cand. jurid. sciences. Moscow, 2025. 233 s (C.163).

[6] Shchekochikhin P.A. Notariat of the Russian Federation: constitutional and legal foundations: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2013.

[7] Repin V.S. The organizational and legal basis for the construction and activity of a notary in Russia (theory and practice): dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 1994.

[8] Scientific community - on the prospects for the development of notaries and the realization of their potential//Federal Notary Chamber: website. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/nauchnoe-soobshestvo-o-perspektivah-razvitiya-notariata-i-realizacii-ego-potenciala-2411> (дата обращения: 19.06.2025).

[9] Information about the notary in the Russian Federation (Collection according to the Ministry of Justice of Russia) (for 12 months of 2024)//Ministry of Justice of Russia: website. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2024-god/> (дата обращения 11.06.2025).

[10] Information about the notary in the Russian Federation (Collection according to the Ministry of Justice of Russia) (for 12 months of 2023)//Ministry of Justice of Russia: website. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2023-god/> (дата обращения 11.06.2025).

[11] Information about the notary in the Russian Federation (Collection according to the Ministry of Justice of Russia) (for 12 months of 2022)//Ministry of Justice of Russia: website. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2022-god/> (дата обращения 11.06.2025).

just.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2022-god/ (дата обращения 11.06.2025).

[12] Information about the notary in the Russian Federation (Collection according to the Ministry of Justice of Russia) (for 12 months of 2021)//Ministry of Justice of Russia: website. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2021-god/> (дата обращения 11.06.2025).

[13] Information about the notary in the Russian Federation (Collection according to the Ministry of Justice of Russia) (for 12 months of 2020)//Ministry of Justice of Russia: website. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2020-god/> (дата обращения 11.06.2025).

[14] Information about the notary in the Russian Federation (Collection according to the Ministry of Justice of Russia)//Ministry of Justice of Russia: website. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii/> (date of contact 11.06.2025).

[15] The notary of Russia has almost completely switched to a non-budget basis//FNP: website. URL: (date of contact 11.06.2025).

[16] Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Magadan Region and the Chukotka Autonomous Okrug: website. URL: <http://to49.minjust.gov.ru/ru/novosti/ob-uprazhnenii-gosudarstvennyh-notarialnyh-kontor-v-providenskom-i-chukotskom-notarialnyh> (дата обращения 11.06.2025).

[17] Letter from the Acting President of the Federal Notary Chamber to the Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets dated August 23, 2019 No. 4225/06-06/// <http://council.gov.ru/media/files/0012AEyARCftB7rGhY-6e9euJlpRbjWtK.pdf> (date of appeal: 13.02.2025).

[18] The draft of the new law on notaries is posted for public discussion//Ministry of Justice of Russia: website. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50553/> (access date: 13.02.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-68-73

ПЕТРОВА Лилия Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
e-mail: lika0801@yandex.ru

БЕЛЯЕВ Данил Сергеевич,
студент, Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ,
e-mail: dbelyaev33@gmail.com

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы применения технологий информационно-психологического воздействия в ходе избирательного процесса. Определены специфические черты и основные технологии информационно-психологического воздействия. Отдельное внимание уделяется роли современных средств массовой информации, медиа и социальных сетей в формировании электорального поведения. В работе рассматривается деструктивная роль данного вида воздействия на электорат как со стороны кандидатов, так и со стороны внешних политических сил, заинтересованных в дестабилизации политического процесса. Тезисы подтверждены практикой избирательных кампаний в России, США, странах Латинской Америки и др. Сформулированы направления защиты избирательных прав граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия.

Ключевые слова: технологии, информационно-психологическое воздействие, избирательная кампания, выборы, электорат, средства массовой информации, пропаганда, агитация, фейки, избирательный процесс.

PETROVA Lilia Evgenievna,
Senior Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines,
Vladimir branch of RANEPA under the President of the Russian Federation

BELYAEV Danil Sergeevich,
student, Vladimir branch of RANEPA
under the President of the Russian Federation

TECHNOLOGIES OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT DURING THE ELECTION CAMPAIGN: ACTUAL ASPECTS

Annotation. The article discusses the current problems of using information and psychological influence technologies during the electoral process. It identifies the specific features and main technologies of information and psychological influence. Special attention is paid to the role of modern mass media, media, and social networks in shaping electoral behavior. The article examines the destructive role of this type of influence on the electorate, both from candidates and from external political forces interested in destabilizing the political process. The thesis is supported by the practice of electoral campaigns in Russia, the United States, Latin American countries, and others. The directions for protecting citizens' electoral rights from destructive information and psychological influence have been formulated.

Key words: technologies, information and psychological influence, election campaign, elections, electorate, mass media, propaganda, agitation, fakes, and the election process.

Выборность органов власти в Российской Федерации является практическим воплощением одного из важнейших принципов конституционного устройства – народовластия. Залогом успеха в ходе конкурентного избирательного процесса для кандидата или партии является правильное позиционирование своей политической программы, как отражения потребностей и предпочтений целевых электоральных групп. В избирательной системе Российской Федерации законодательно установлен агитационный период, прекращающийся в ноль часов по местному времени дня, предшествующего дню голосования [17]. Предвыборная агитация включает призывы голосовать за или против определённой кандидатуры, выражение предпочтения кандидатам или выдвинувшим их политическим движениям (партиям), публичное описание возможных последствий избрания или не избрания кандидатов, распространение сведений о не связанной с профессиональными и служебными обязанностями деятельности кандидатов, а также иные действия, цель которых состоит в формировании положительного или отрицательного образа кандидата в глазах электората. Несмотря на строгую нормативную регламентацию предвыборной агитации в России, избиратели могут оказаться под влиянием деструктивного информационно-психологического воздействия, часто выходящего за рамки закона. Проблема обостряется в контексте развития цифровых форм предвыборной агитации, а также при усилении иностранного вмешательства в избирательные процессы внутри страны. Сегодня защита политических прав и свобод российских граждан требует противодействия деструктивному информационно-психологическому влиянию как со стороны внутренних политических сил, так и извне.

Традиционно двумя базовыми инструментами формирования электорального поведения являются пропаганда и агитация. Цель пропаганды состоит в формировании эмоционально положительного или отрицательного (по отношению к конкуренту) мнения о кандидате, движении или партии, политической идеологии и т.д. Агитация направлена на призыв (побуждение) объекта к конкретным действиям, например, голосовать за определённую кандидатуру или против нее. Так электоральное поведение формируется в процессе агитационного воздействия на индивидов, чьи мировоззренческие установки формируются под влиянием пропаганды. Политическая пропаганда сочетает в себе 2 общих метода воздействия на мировоззрение объекта:

- убеждение (предполагающее открытость и состязательность, использование аргументации и логически обоснованных доказательств);

- внушение (вызывающее к некритическому восприятию информации) [10].

Информационно-психологическое воздействие представляет собой качественно новый уровень работы с электоратом. А.Я. Касюк определяет информационно-психологическое воздействие как влияние на индивидуальное или общественное сознание, вызывающее трансформацию психики, изменение взглядов, мнений, отношений и пр. Отличие от пропаганды видится в преобладании метода внушения [5]. М.М. Ерофеев также справедливо отмечает эмоциональную и морально-психологическую направленность информационно-психологических технологий, позволяющую использовать их в дестабилизирующих общество информационно-психологических операциях [2].

Таким образом, информационно-психологическое воздействие в широком смысле представляет собой целенаправленное влияние на сознание индивида или общественное сознание целевых социальных групп с целью трансформации психологических и мировоззренческих составляющих личности [9], изменения аффективных состояний и активизации тех или иных поведенческих моделей. Специфика информационно-психологического воздействия заключается в его направленности на эмоциональное и поверхностно-образное восприятие [11]. Аспект «информационности» приобрёл особенное значение сначала с развитием средств массовой информации (далее по тексту – СМИ), а затем и с популяризацией интернета [18].

Под технологиями информационно-психологического воздействия следует подразумевать совокупность соответствующих методов и средств. Как было отмечено выше, хотя информационно-психологическое воздействие может апеллировать к рациональному восприятию, основным его методом является эмоциональное внушение. Базовыми средствами воздействия являются слово, речь и невербальные средства коммуникации, приобретающие форму текстов, аудио и видеоматериалов и т.д., как результат деятельности агентов информационного влияния. К агентам влияния по отношению к объекту информационного воздействия можно отнести следующее:

1. Традиционные СМИ и агитации: печатные (листовки, газеты, журналы, книги, брошюры, плакаты и т.д.), телевидение, радио, интернет.
2. Социальные медиа, социальные сети, видеохостинги, стриминговые сервисы, интернет-форумы и т.д.
3. Информационные и аналитические агентства.
4. Межличностное общение: взаимодействие внутри электората, встречи кандидата с

избирателями, публичные выступления и пресс-конференции, митинги и собрания.

5. Таргетированная реклама в интернете [7].

Таким образом, технологии информационно-психологического воздействия приобретают форму внушения через целенаправленную деятельность СМИ, социальных медиа и отдельных лиц. Цель предвыборной информационной кампании состоит в формировании определённого медийного образа, направленного на целевые группы среди электората. В условиях борьбы за поддержку электората в предвыборной агитации неизбежно будут проявляться манипулятивные аспекты, имеющие деструктивный характер по отношению к справедливости избирательного процесса и соблюдению активных избирательных прав граждан.

Современные информационные технологии, используемые в предвыборной агитации, с одной стороны, позволяют частично нивелировать различия в финансовых ресурсах кандидатов, а с другой – открывают новые способы деструктивного информационно-психологического воздействия [4]. Сегодня наиболее распространёнными способами являются различные формы психологических манипуляций и распространение «фейковой» информации.

Информационно-психологические манипуляции предполагают неявное, скрытое воздействие на субъект с целью побудить его к определённым действиям или подвести к необходимым выводам [5]. Один из наиболее распространённых способов манипулирования позицией избирателей – создание образа врага и противопоставления себя данному образу. Образ наделяется чертами, подвергаемыми осуждению целевым электоратом. В США политических оппонентов «клеят» поборниками диктатуры и социализма. В Европе распространено клише «агент России» по отношению к политикам-евроскептикам (таким как Марин Ле Пен, Алис Вайдель, Роберт Фицо и др.). Специфическая функция данного вида манипуляции состоит в смещении акцентов с фактических общественно значимых проблем и программных предложений кандидатов на малозначимые детали. Манипуляции также часто сопровождаются распространением фейков и дезинформации.

Создание и первичное распространение фейковой информации предполагает целенаправленное введение в заблуждение с помощью частично или полностью недостоверной информации под видом достоверной [8]. Сфера применения фейков достаточно обширна: от искажённого и некорректного преподнесения, в целом, достоверной информации (с помощью подмены контекста, смещения эмоциональных акцентов)

до распространения полностью сфабрикованной ложной информации, часто мимикрирующей под официальные заявления и государственные правовые акты и документы [15].

Выборы в России неоднократно сопровождались распространением полностью сфабрикованных материалов о нарушениях на избирательных участках в рамках дискредитации избирательной системы. Фейковая информация рассчитана на некритическое эмоциональное восприятие информации и призваны влиять на формирование общественного мнения по значимым вопросам. Переизбыток фейков, создающий сегодня общественное мнение на основе иррационального и субъективно-эмоционального восприятия, породил теоретическую концепцию «постправды» – состояния информационно-коммуникативной среды, когда эмоциональное восприятие информации (форма) довлеет над фактическим содержанием [3].

Распространение ложных сведений в ходе электорального противоборства часто используется для дискредитации личности оппонента. Президентская кампания в США 2024 г. показала, что сегодня в целях дезинформации можно сфабриковать не только текст или фото, но и видеозапись или голос кандидата. Современные нейросети и технологии дипфейков (англ. – deepfake) всё ещё не позволяют создать неотличимое от реальности видео, но и цель распространения фейковой информации – лишь поддерживать общий информационный фон, не нанося существенного репутационного ущерба самим распространителям фейков (по причине перегруженности современных медиа информацией любого качества) [19].

Технологии информационно-психологического воздействия могут использоваться как непосредственными субъектами избирательного процесса в стране, так и внешними силами с целью дестабилизации текущей политической системы, как составляющую гибридных войн. Внешнее (иностранное) вмешательство в избирательный процесс может принимать разные формы. В данной работе представляет интерес информационное вмешательство иностранных СМИ в процесс предвыборной агитации с нарушением соответствующего порядка, установленного национальным законодательством [1].

Внешнее вмешательство в выборы закономерно является угрозой как для обеспечения политических прав граждан, так и для демократических институтов, в целом. Факторами, сдерживающими внешнее вмешательство, являются развитость институтов демократии, субъектность гражданского общества и устойчивость правовой системы. Более всего внешнему вмешательству

подвержены развивающиеся страны: Африки, Ближнего Востока, Юго-восточной Азии, Латинской Америки. Цель иностранного вмешательства, как правило, заключается в продвижении лояльных политических сил и прокси (в рамках гибридных войн).

Так, например, уже неоднократно поступали официальные заявления из Венесуэлы о вмешательстве в избирательный процесс со стороны США и ряда соседних стран. Официальные представители самой Венесуэлы и дружественных ей государств региона (Кубы, Никарагуа, Боливии и др.) в 2024 г. заявляли об иностранном вмешательстве в поддержку Эдмундо Гонсалеса, кандидата от правых оппозиционных сил и противника боливарианского правительства [14].

Основные формы внешнего информационно-психологического вмешательства: финансирование оппозиционных СМИ (в том числе, по программам USAID) публичные призывы к насильственному свержению власти и уже ставшие обыденностью обвинения Национальной избирательной комиссии Венесуэлы в фальсификации результатов голосования, а также призывы провести повторное голосование, подкреплённые угрозами введения новых экономических санкций. Санкционный фактор также использовался оппозиционными силами с целью дискредитации социально-экономической политики правящей коалиции и дестабилизации общества.

В России, в процессе преодоления кризиса института выборов после 1990-х гг., была проведена существенная работа по ограждению избирательной системы от манипуляций сознанием избирателей и распространения фейков, особенно, в связи с попытками иностранного вмешательства. Информационное сопровождение выборов, включающее предвыборную агитацию, имеет определённые законом границы и связано с рядом ограничений и запретов.

Предвыборную агитацию следует отличать от информирования, которое не имеет целью побудить избирателя проголосовать за определённую кандидатуру. Агитация под видом информирования является правонарушением и может повлечь административную ответственность. Ограничения касаются недобросовестного использования в процессе агитации технологий фотомонтажа и видеомонтажа, а также нейросетей. Попытки введения избирателей в заблуждение с помощью поддельных изображений, аудио и аудиовизуальных материалов являются основанием для отмены регистрации в качестве кандидата. Недопустимыми признаются пропаганда экстремисткой идеологии, злоупотребление свободой массовой информации (из положений ст. 4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах

массовой информации»), использование информационных ресурсов, доступ к которым ограничен Роскомнадзором и др. [13]. В целом, законодатель стремится обеспечить равенство кандидатов, объективность и достоверность информационного сопровождения выборов, а также предотвратить возможное деструктивное информационно-психологическое воздействие на электорат.

Внешнее вмешательство в избирательные процессы Российской Федерации признаётся актуальной проблемой на уровне государственного стратегического планирования («Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», деятельность Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации и т.д.) [12]. Достаточно стабильная и обеспеченная силой государственного принуждения правовая система Российской Федерации способна оградить демократические процессы в стране от прямого иностранного вмешательства. Косвенное вмешательство в виде иностранного финансирования СМИ, НКО и различных общественных организаций постепенно утрачивает смысл после введения в правовую систему статуса иностранного агента (с принятием 20.07.2012 Федерального закона № 121-ФЗ) [16].

Незаконным признаётся финансирование деятельности политических партий из источников иностранного происхождения или имеющих статус иностранного агента (ст. 5.66 КоАП РФ) [6]. Поэтому основными формами внешнего воздействия на избирательную систему (в контексте информационного давления на российское общество) следует признать информационную деятельность иностранных СМИ и интернет-ресурсов (в частности, с помощью анонимных каналов в мессенджере «Телеграм»), направленную не столько на поддержку конкретных кандидатов, сколько на дискредитацию всей избирательной системы. Информационное давление на избирателей с побуждением к политическому абсентизму непосредственно нарушает избирательные права граждан и способствует утрате государственной властью легитимности, её «отдалению» от народа.

Помимо государственной политики обеспечения национальной безопасности, защита политических прав от деструктивных манипуляций и дезинформации требует активного участия гражданского общества. В частности, укрепление демократических институтов связано с развитием культуры политического участия и искоренением абсентизма, являющегося существенной проблемой на региональных и муниципальных выборах.

Гражданское общество может способствовать укреплению институтов демократии на уровне низовой самоорганизации, в таких формах, как деятельность общественных наблюдателей, общественный контроль (в том числе, через участие в общественных советах при органах публичной власти и общественных палатах), самовыдвижение независимо от крупных политических партий. Развитая культура политического участия снижает возможности эмоционального воздействия и манипулирования общественным мнением.

Список литературы:

- [1] Борисов И.Б. Вмешательство в национальные выборы как сопутствующий фактор демократических процессов в глобальном мире // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 3 (21). – С. 107-124.
- [2] Ерофеев М.М. Информационно-психологическое воздействие: содержание и сущность // Психология и педагогика в служебной деятельности: актуальные вопросы теории и практики: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2024. – С. 23-25.
- [3] Зарипов Р.И. Речевое и информационно-психологическое воздействие в эпоху постправды // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 138-148.
- [4] Ивлиев П. В., Кондрашов С.В. Манипулятивные аспекты, используемые СМИ при проведении выборов // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 7 (211). – С. 9-11.
- [5] Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – № 1 (842). – С. 22-34.
- [6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/kodeks/KOAP-RF/> (дата обращения 07.09.2025)
- [7] Логинов К.О. Информационное воздействие на электорат при проведении выборов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2. – С. 28-42.
- [8] Морозов А.В. Психология информационной провокации // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 6 (125). – С. 27-35.
- [9] Морозов А.В. Смыслоразнозначные ориентиры и ценности: трансформация в условиях цифровизации // В сборнике: Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире // Материалы XI Международной научно-практической конференции. – М.: ИМЦ, 2021. – С. 565-567.
- [10] Морозов А.В. Социальная психология. – М.: Академический Проект, 2003. – 336 с.
- [11] Морозов А.В., Радченко Л.Е. Влияние средств массовой информации на нравственное воспитание, психическое и физическое здоровье современной молодежи // В сборнике: Социально-психологические проблемы современной молодежи // Материалы Международной научно-практической конференции. – Арзамас: АГПИ, 2009. – С. 9-12.
- [12] Плетников В.С. Внешнее вмешательство в избирательные процессы России и противодействие ему // Вестник Поволжского института управления. – 2024. – Т. 24. – № 2. – С. 4-13.
- [13] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451069/ (дата обращения 20.09.2025).
- [14] США вмешиваются в выборы в Венесуэле, заявил глава МИД Кубы // [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20240803/ssha-1963804948.html> (дата обращения 10.09.2025).
- [15] Тхориков Б.А. Фейковые новости: анализ изученности, классификация, влияние на поведение человека // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. – 2023. – № 1 (35). – С. 156-167.
- [16] Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35748> (дата обращения 13.09.2025)
- [17] Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 17.09.2025).
- [18] Bashkireva T., Bashkireva A., Morozov A., Tsvetkov S., Popov A. Problems of the formation of digital competence in the modern educational space // В сборнике: Journal of Physics: Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation. – 2020. – Vol. 1691 (1). – P. 012130.
- [19] Deepfakes in the 2024 US Presidential Election // [Электронный ресурс] URL: <https://farid.berkeley.edu/deepfakes2024election/> (дата обращения 19.09.2025).

References:

- [1] Borisov I.B. Interference in national elections as a concomitant factor in democratic processes in the global world//Citizen. Elections. Power. – 2021. – № 3 (21). – S. 107-124.
- [2] Erofeev M.M. Information and psychological impact: content and essence//Psychology and pedagogy in official activities: current issues of theory and practice: Collection of materials of the international scientific and practical conference. – Barnaul, 2024. – S. 23-25.
- [3] Zaripov R.I. Speech and information-psychological impact in the post-truth era//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences. – 2024. – T. 10. – № 3. – S. 138-148.
- [4] Ivliev P.V., Kondrashov S.V. Manipulative aspects used by the media during elections//Agrarian and land law. – 2022. – № 7 (211). – S. 9-11.
- [5] Kasyuk A.Ya. Information and psychological impact in information confrontation//Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. – 2021. – № 1 (842). – S. 22-34.
- [6] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 30.12.2001 dated 195-FZ (as amended by 31.07.2025) // [Electronic Resource] URL: <https://legalacts.ru/kodeks/KOAP-RF/> (date of application 07.09.2025)
- [7] K.O. Loginov. Information impact on the electorate during the elections//Izvestia of Tula State University. Humanities. – 2022. – № 2. – S. 28-42.
- [8] Morozov A.V. Psychology of information provocation//Kazan Pedagogical Journal. – 2017. – № 6 (125). – S. 27-35.
- [9] Morozov A.V. Meaningful landmarks and values: transformation in the context of digitalization//In the collection: Russia and the world: the development of civilizations. Transformations of civilizational values in the modern world//Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. – M.: IMC, 2021. – S. 565-567.
- [10] A.V. Morozov. Social psychology. – M.: Academic Project, 2003. – 336 p.
- [11] Morozov A.V., Radchenko L.E. The influence of the media on the moral education, mental and physical health of modern youth//In the collection: Social and psychological problems of modern youth//Materials of the International Scientific and Practical Conference. – Arzamas: AGPI, 2009. – S. 9-12.
- [12] Pletnikov V.S. External interference in the electoral processes of Russia and counteraction to it//Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2024. – T. 24. – № 2. – S. 4-13.
- [13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2023 No. 24 "On some issues arising when the courts consider administrative cases on the protection of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation" // [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451069/ (date of appeal 20.09.2025).
- [14] The United States interferes in the elections in Venezuela, the Cuban Foreign Minister said// [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20240803/ssha-1963804948.html> (date of appeal 10.09.2025).
- [15] Tkhorikov B.A. Fake news: analysis of knowledge, classification, impact on human behavior//Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Economics. – 2023. – № 1 (35). – S. 156-167.
- [16] Federal Law of 20.07.2012 No. 121-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of the Activities of Non-Profit Organizations Performing the Functions of a Foreign Agent" // [Electronic Resource] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35748> (date of appeal 13.09.2025)
- [17] Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" // [Electronic Resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (date of appeal: 17.09.2025).
- [18] Bashkireva T., Bashkireva A., Morozov A., Tsvetkov S., Popov A. Problems of the formation of digital competence in the modern educational space // В сборнике: Journal of Physics: Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation. – 2020. – Vol. 1691 (1). – P. 012130.
- [19] Deepfakes in the 2024 US Presidential Election// [Electronic Resource] URL: <https://farid.berkeley.edu/deepfakes2024election/> (date of reference 19.09.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-74-79

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ТУЛАЕВА Ксения Вадимовна,
ведущий юрисконсульт отдела правового обеспечения кредитования
субъектов крупного и среднего бизнеса ПАО «ВТБ»,
e-mail: tulaevaxenia@yandex.ru

ЮРИСДИКЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ БАНКА РОССИИ В ПРИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье исследуется порядок реализации юрисдикционных полномочий Банка России, при выявлении им нарушений прав потребителей финансовых услуг в деятельности кредитных и страховых организаций. Доказывается, что судебная практика, существенно ограничивает компетенцию Банка России по наложению финансово-правовых санкций на указанные организации, что негативно сказывается на общем уровне законности на финансовом рынке. В связи с чем, предлагаются пути решения обозначенной проблематики, посредством трансформации действующего законодательства.

Ключевые слова: Банк России, поведенческий надзор, права потребителей финансовых услуг, потребительское кредитование, страхование.

TULAEVA Ksenia Vadimovna,
Leading Legal Advisor of the Lending Legal Support Department
subjects of large and medium-sized businesses of PJSC «VTB»

JURISDICTIONAL POWERS OF THE BANK OF RUSSIA IN THE PRISM OF PROTECTING THE RIGHTS OF CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES

Annotation. The article examines the procedure for implementing the jurisdictional powers of the Bank of Russia when it identifies violations of the rights of consumers of financial services in the activities of credit and insurance organizations. It is proved that judicial practice significantly limits the competence of the Bank of Russia to impose financial and legal sanctions on the specified organizations, which negatively affects the general level of legality in the financial market. In this regard, ways to solve the identified problems are proposed through the transformation of current legislation.

Key words: Bank of Russia, behavioral supervision, rights of consumers of financial services, consumer lending, insurance.

С 2013 года Банк России является участником административно-деликтного производства. Подобное решение законодателя, с одной стороны, окончательно закрепило за Центральным Банком России статус финансового мегарегулятора страны, а с другой - существенно расширило его юрисдикционные полномочия. Юридическая ответственность, применение отдельных мер правового принуждения, способствуют обеспечению законности, ведь носят «... публичный, а не частный характер, так как именно государство призвано охранять существующий правопорядок в обществе...» [1, с. 312]. Тем не менее, несмотря на необходимость дости-

жения данной цели, возможность участия Банка России в производстве по делам об административных правонарушениях, научным сообществом, была воспринята крайне неоднозначно.

М.Г. Кальней отмечает, что правовой статус Банка России, полноценно не определен, и, согласно Федеральному Закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» № 86 - ФЗ (далее - ФЗ № 86) Центральный Банк РФ он является юридическим лицом, в связи с чем, существенно отличается по функциональным и организационным признакам от иных субъектов, уполномоченных на рассмотрение дел об административных правонарушениях [2, с. 78]. Гончарук

Н.С., Кулаженкова Н.В. считают, что действующее правовое регулирование привлечения Банком России организаций к административной ответственности противоречиво; в доктрине административного, финансового права, не сложилось единства мнений относительно определения правовой природы мер, которые уполномочен применять Банк России к участникам финансового рынка [3, с. 128]. Таким образом, исследователи отмечают, что предусмотрение ст.23.74 в КоАП РФ было преждевременным, и напротив, повлекло за собой сложности при применении Центральным Банком мер публично-правовой ответственности к финансовым организациям, по причине образовавшихся правовых коллизий между банковским законодательством и законодательством об административных правонарушениях [4, с. 86].

Статистика показывает, что общий уровень законности на финансовом рынке с трудом можно назвать благоприятным. В 2025 году Банк России констатировал увеличение нарушений прав потребителей финансовых услуг, в т.ч. в области потребительского кредитования, со стороны кредитных организаций, которые, в общей доле выявленных нарушений, по состоянию на июнь 2025 г., составляют 61,3% (в 2024 году - 56,5%) [5]. Рост нарушений в финансовой сфере, повышает актуальность рассмотрения проблемы эффективности и результативности применения финансовым мегарегулятором мер юридической ответственности к финансовым организациям. Почему же, при наличии возможности привлечения банков к юридической ответственности, широкой нормативно-правовой базы, обозначенная ситуация только усугубляется?

Дискуссионными вопросами в теории административного и финансового права, выступают вопросы соотношения применения Банком России финансово-правовых и административно-правовых санкций, к кредитным организациям, за нарушение ими законодательства о банках и банковской деятельности.

Банк России, за нарушение Федеральных Законов, нормативных актов и предписаний Банка России и проч., правомочен наложить на кредитную организацию штраф (ст.74 ФЗ № 86). Между тем, в КоАП РФ существует ст.15.26, которой предусмотрена административная ответственность банков за нарушение ими законодательства о банках и банковской деятельности. И согласно санкции статьи, Банк России также вправе наложить на коммерческий банк штраф, т.е. подвергнуть его мере публично-правовой ответственности.

В связи с данным, по мнению Хихинашвили Л.Г., Карпухина Д.В., - «...возникает правовая коллизия среди норм, касающейся административ-

ной ответственности за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности...» [6, с. 215]. Власов К.А., Беляков А.П. указывают, что штраф, налагаемый Банком России на кредитные организации в порядке ст. 74 ФЗ № 86, представляет собой полноценную меру юридической ответственности, поэтому, между содержанием данной статьи и ст.15.26 КоАП РФ, возникло закономерное противоречие [7, с. 43]. Степанова В.В. полагает, что содержание ст.74 ФЗ № 86 и ст.15.26 КоАП РФ практически тождественно, в связи с чем, «...трудно определить, где заканчиваются границы административной ответственности и начинаются полномочия и компетенция финансовой ответственности...» [8]. По мнению подавляющего большинства ученых, положения ФЗ № 74 и КоАП РФ в отношении осуществления Банком России юрисдикционных полномочий, дублируют друг друга, что во многом нарушает отправное начало юридической ответственности – «non bis in idem». Тем не менее, с указанными позициями, мы полностью согласиться не можем.

В первую очередь, размер и условия наложения штрафа на кредитную организацию между ст.74 ФЗ № 86 и ст.25.26 КоАП РФ разнятся. Если в ст.74 ФЗ № 86 штраф, указан в процентном соотношении к уставному капиталу кредитной организации, то в ст.15.26 санкция изложена в фиксированном размере.

Во-вторых, в п. 1,2,3 ст.74 ФЗ № 86, указывается на множественность оснований применения штрафных санкций Банком России к кредитным организациям в то время, как единственным основанием административной ответственности служит исключительно административное правонарушение.

В - третьих, разнится и процессуальный порядок наложения Банком России штрафа. Если производство по делу об административном правонарушении четко регламентировано КоАП РФ (гл.28 - 29, 30 - 32), то порядок наложения штрафа на кредитную организацию в ФЗ № 86 в принципе не отражен. Банк России самостоятельно устанавливает его основы.

На наш взгляд, главным «камнем преткновения», в рассматриваемой сфере, является итоговый размер налагаемого Банком России штрафа. Это и влечет за собой научные обсуждения необходимости трансформации банковского и административно-деликтного законодательства. Ведь «...величина штрафов, установленных КоАП РФ, характеризуется своим небольшим размером...» [9, с. 192], в отличии от итоговой суммы штрафов, указанных в ст.74 ФЗ № 86. При этом, кредитные организации, зачастую, не согласны с размерами, налагаемыми на них Банком России штрафов, и успешно оспаривают их в судебном порядке.

В качестве примера рассмотрим Постановление Арбитражного суда Уральского округа [10]. Банк России выявил в деятельности ПАО «Нико-Банк» нарушения Федерального Закона «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 № 353 - ФЗ. По результатам надзорных мероприятий, Нико-Банк был подвергнут штрафу в порядке ст.74 ФЗ № 86 в размере 300 000 руб. Не согласившись с решением финансового мегарегулятора, Банк обратился в суд и заявил требования о признании решения Банка России «...недействительным в части размера штрафа, превышающего 30 000 рублей...». Суд первой инстанции удовлетворил требования Нико-Банка.

Не согласившись с судебным решением, Банк России, подал жалобу, в которой просил отменить состоявшееся решение, по причине неправильного применения Арбитражным судом норм материального права, - «...Нико-Банк допустило нарушение требований Федерального закона № 353-ФЗ «...» которое подпадает под действие статьи 74 Федерального закона № 86-ФЗ «...» и не поглощается диспозицией части 2 статьи 15.26 КоАП РФ...».

Рассмотрев жалобу Банка России, суд кассационной инстанции поддержал позицию суда первой инстанции, указав, что «...Банком России «...» в действиях общества «Нико-Банк» установлено нарушение не только Федерального закона № 353-ФЗ, но и требования Указания Банка России «...» объективная сторона правонарушения, описанного в статье 15.26 КоАП РФ, идентична статье 74 Федерального закона № 86-ФЗ «...» часть 2 статьи 15.26 КоАП РФ устанавливает административную ответственность «...» в за несоблюдение обязательных нормативов в виде штрафа в размере от 10 000 до 30 000 руб. «...» судами сделан правильный вывод о том, что состав статьи 15.26 КоАП РФ поглощает состав статьи 74 Федерального закона № 86...». Анализ судебной практики по рассматриваемым вопросам, приводит нас к следующим выводам.

При вышеописанном подходе судов, и превалировании значения положений ст.15.26 КоАП по сравнению со ст.74 ФЗ № 86, в части размера налагаемого штрафа на кредитные организации, значение мер финансово-правового принуждения, которые Банк России правомочен применять самостоятельно, в порядке ФЗ № 86, уничтожено. Судебная практика, в действительности, «блокирует» возможность осуществления Банком России своих юрисдикционных полномочий по наложению штрафов, выраженных в процентном соотношении по отношению к уставному капиталу финансовых организаций, несмотря на то, что, данная мера легальна и составляет его исключительную компетенцию.

И как такое обстоятельство, соответствует принципу независимости Центрального Банка РФ (ч.1 ст.1 ФЗ № 86)?

Складывающаяся правовая ситуация достаточно парадоксальна. Исходя из классификации нормативно-правовых актов, ФЗ № 86, как и КоАП РФ, являются Федеральными Законами. Вследствие чего, оба законодательных акта имеют одинаковую юридическую силу. Кодифицированный нормативно-правовой акт не может считаться «более юридически значим», ибо, он также действует в качестве Федерального Закона, как и некодифицированный. В связи с чем представляется, что определение размера штрафа за нарушение кредитными организациями требований федерального законодательства о банках и банковской деятельности, только лишь в порядке и пределах, предусмотренных ст.15.26 КоАП РФ, делает ст.74 ФЗ № 86 «безжизненной» и существенно ограничивает полномочия Банка России в рамках проводимого им банковского надзора.

Из представленного в качестве примера судебного решения усматривается, что арбитражные суды рассматривают ч.2 ст.15.26 КоАП РФ в качестве нормы, «поглощающей» ч.1 и ч.2 ст.74 ФЗ № 86. Действительно, в диспозиции ч.2 ст.15.26 КоАП содержится крайне оценочное понятие, - нарушение «*иных обязательных требований*» (*кредитной организацией, выделено мной, - К.Т.*). В свою очередь, ч.1, ч.2. ст.74 ФЗ № 86 предусматривают возможность наложения штрафа на кредитную организацию за нарушение ей федеральных законов, нормативных актов Банка России, которые, по сути, и устанавливают перечень обязательных требований, предъявляемых к банкам. Но должно ли данное обстоятельство, автоматически влечь за собой прерогативу штрафных санкций, предусмотренных КоАП РФ по отношению к санкциям, указанных в ФЗ № 86? Видится, что нет.

Часть 2 ст.15.26 КоАП РФ предусматривает санкцию для банков - штраф в размере от 10 000 до 30 000 тысяч рублей. В современных условиях, ведущая роль в экономике государства отдается предпринимательскому сообществу, в т.ч. коммерческим банкам. Поддерживая бизнес-сообщество, государство изменяет и правовую политику в отношении него, таким образом, действует в рамках его интересов. Именно поэтому ежегодно, разрабатывается и принимается множество правовых норм, предназначение которых состоит в улучшении правового положения предпринимательства. Ведь иное может повлечь риск обострения экономических противоречий и кризисов, что не выгодно ни одному участнику экономических отношений.

Но не только законодательные нормы, но и судебная практика, как видно из представленного

выше судебного решения, следуют данной логике, назначая штрафы банкам за нарушение обязательных требований в ничтожно малом размере. Параллельно с этим, наблюдается тенденция к росту допускаемых ими нарушений, особенно в области потребительского кредитования, о чем мы упоминали в начале настоящей работы. Очевидно, что штраф для кредитных организаций, варьирующийся от 10 000 до 30 000 тысяч рублей крайне неэффективен, и не оказывает должного воздействия на банки несмотря на то, что, защита прав потребителей финансовых услуг является важной направленностью деятельности Банка России, а КоАП РФ преследует цели не только по защите прав граждан, но и предупреждения совершения административных деликтов. Однако должную превенцию на банки такие санкции оказать не могут. В общей сумме, чистая прибыль коммерческих банков, в 2024 году достигла рекордных 3,8 трлн. рублей [11]. Даже уплата банками штрафов по ч.2, ч.3 ст.15.26 КоАП РФ в максимальном размере (30 000 тыс.руб.), при имеющейся «чистой прибыли», в любом случае, не влечет никаких ощутимых финансовых и правовых для них последствий.

Имеющиеся законодательные противоречия и судебные позиции, приводят нас к выводу о том, что только финансово-правовые меры принуждения, предусмотренные ст.74 ФЗ № 86, и, налагаемые Банком России, могут оказать должное воздействие на кредитные организации, в части необходимости соблюдения действующего законодательства, особенно касающегося взаимодействия с гражданами по вопросам заключения банковских сделок. Ведь кредитными организациями они воспринимаются гораздо серьезнее. Поэтому, в целях преодоления имеющихся коллизий между банковским и административно-деликтным законодательством, полагаем целесообразным исключить из диспозиции ч.2 ст.15.26 КоАП РФ указание «...иные обязательные требования». Это внесет ясность по поводу определения конкретного вида нарушения (в т.ч. его отраслевой принадлежности), порядка привлечения к юридической ответственности, а также позволит сохранить автономность Банка России в области банковского регулирования и надзора.

Не менее значимые вопросы возникают и при реализации Банком России юрисдикционных полномочий в сфере страхования.

Страхование является одним из видов экономической деятельности, осуществляемый исключительно на основании лицензии [12]. И именно Банк России, осуществляет полномочия по лицензированию страховых организаций, а также осуществляет контроль за соблюдением ими лицензионных требований.

Более того, в случае их нарушения, он обладает полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях в отношении субъектов страховой деятельности (ст.23.74, ст.15.34.1 КоАП РФ). Но привлечение страховых организаций к административной ответственности, по данному основанию, встречается крайне редко.

Банк России обратился в Арбитражный суд г. Москвы с требованиями о привлечении страховой организации АО «Согаз» к административной ответственности по ч.3 ст.14.1. КоАП РФ [13]. В обосновании требований указывалось, что в ходе проведения контрольного мероприятия, Банк России установил, что при заключении договора ОСАГО в электронной форме, страховщик не довел до сведения потребителей финансовых услуг информацию, необходимую для заполнения заявления на предоставление услуг по страхованию, что, по мнению Центрального Банка, нарушает права страховщиков. Но суд отказал в удовлетворении заявленных требований по причине истечения срока давности привлечения организации к административной ответственности, - «... разрешая вопрос об административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований «...» предусмотренных специальным разрешением «...» повлекшее нарушение прав потребителей, компетентные субъекты обязаны обеспечить при применении к лицам, в отношении которых ведется производство по делу «...» по части 3 статьи 14.1 КоАП РФ «...» соблюдение общего (трехмесячного) срока давности привлечения к административной ответственности». Указанная позиция, впервые была сформулирована Конституционным судом Российской Федерации (далее - КС РФ) в 2019 году [14]. КС РФ указал, что в случае, если административное правонарушение, связанное с нарушением лицензионных требований, одновременно повлекло за собой ограничение и (или) нарушение прав потребителей, то, применению подлежит общий срок давности привлечения к административной ответственности, а не специальный, установленный КоАП РФ при нарушении юридическими лицами законодательства о защите прав потребителей (1 год, ст.4.5. КоАП РФ). Но должностное лицо или орган, ведущий производство по делу, правомочен дополнительно, привлечь организацию, по другому составу правонарушения, объектом которого служат общественные отношения, связанные с правами потребителей, при наличии к тому оснований.

К сожалению, позиция, высказанная КС РФ, не может применяться универсально. Действительно, в той ситуации, которую анализировал КС РФ, возможность дополнительного привлечения к

административной ответственности у должностного лица, ведущего производство по делу, по иному составу правонарушения, имелась. Но у Банка России, выявляющего нарушения ч.3 ст.14.1. в деятельности страховых организаций, повлекших нарушение прав потребителей финансовых услуг, в настоящее время, ее нет, причем как с точки зрения отсутствия в КоАП РФ необходимого состава административного деликта, так и компетенции по составлению протокола об административном правонарушении.

Согласно положениям КоАП РФ к компетенции Банка России не относится составление протокола об административном правонарушении, предусмотренного ч.1 ст.14.8 КоАП РФ, если страховая организация не предоставляет необходимую информацию для потребителя при заключении договора страхования. Производство по данному делу полностью относится к компетенции Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Конечно, в КоАП РФ, имеется статья 15.34.1, которая регламентирует административную ответственность страховых организаций, за нарушение прав потребителей финансовых услуг. Но ее диспозиция не содержит указания на нарушение страховой организацией порядка предоставления (размещения) необходимой информации для страхователей. В итоге, Банк России не может привлечь страховую организацию к административной ответственности ни по ст.14.8. КоАП РФ, ни по ст.15.34.1., и права потребителей финансовых услуг остаются незащищенными.

Видится, что неким выходом из сложившейся ситуации может выступить внесение изменений в ст.14.1. КоАП РФ в форме ее дополнения ч.3.1., как материального состава административного правонарушения, с указанием правовое последствие, в виде нарушения прав потребителей, в т.ч. финансовых услуг. На наш взгляд, это позволит Банку России, во - первых, соблюдать сроки, в рамках которых допускается привлечение к административной ответственности страховых организаций, а во - вторых, не оставлять без внимания допущенные ими нарушения, и как следствие, применять надлежащие меры правового реагирования.

В связи с этим, целесообразно дополнить ст.14.1. ч. 3.1. КоАП РФ в следующего содержания:

«3.1. Деяние, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, повлекшее нарушение прав потребителей», - влечет ...»

Резюмируя изложенное следует сказать, что рассмотренные правовые ситуации демонстрируют, что в ряде случаев Банк России не в состоянии реализовать свои юрисдикционные полномо-

чия по применению санкций в отношении участников финансового рынка, допускающих нарушения прав потребителей финансовых услуг. Подобное обстоятельство, лишает, какого - либо смысла сам проводимый им банковский надзор и банковское регулирование. Но у данного факта есть и обратная сторона. В дискурсе рассматриваемой проблематики ею выступают, с правовой т.з., нарушенные права граждан, которые остаются необеспеченными. До момента, пока обозначенные нами противоречия в праве и экономике будут сохраняться, качественного улучшения в области соблюдения прав потребителей финансовых услуг наблюдаться не будет.

Список литературы:

- [1] Морозова Л.А. Теория государства и права, 4-е издание. – 384 с.
- [2] Кальней М. Г. Новые полномочия Банка России в сфере административного производства // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2011. – № 3 (28). – С. 77-79.
- [3] Гончарук Н. С., Кулаженкова Н.В. Проблемы реализации административной ответственности за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 126-136.
- [4] Эриашвили Н., Боброва Э. Административная ответственность за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности // Закон и право. – 2007. – № 2. – С. 85-87.
- [5] Защита прав потребителей финансовых услуг. - URL: https://cbr.ru/protection_rights/ (дата обращения: 08.09.2025).
- [6] Хихинашвили Л. Г., Карпухин Д.В. Некоторые проблемы административной ответственности за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 213-218.
- [7] Власов К. А., Беликов А.П. Вопросы административной ответственности за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 41- 44.
- [8] Степанова В. В. Административная ответственность за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4 (19). – С. 97-100.
- [9] Чежидов М. С. Понятие и элементы административной ответственности за правонарушения в сфере финансового рынка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 190-195.

[10] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 января 2019 г. по делу № А47-2320/2018. - URL: [//sudact.ru/arbitral/doc/iOqgHrW0uslt/](https://sudact.ru/arbitral/doc/iOqgHrW0uslt/) (дата обращения: 08.09.2025).

[11] Российские банки второй год подряд обновили рекорд по чистой прибыли. - URL: <https://www.rbc.ru/finances/30/01/2025/679b28609a79473d36d876e6> (дата обращения: 08.09.2025).

[12] Загивный В. А. Понятие и значение института лицензирования в банковском и административном праве России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. - 2010. - Т. 6, № 2. - С. 86-90.

[13] Решение Арбитражного суда города Москвы от 22 сентября 2023 г. по делу № А40-151932/2023. - URL: [//sudact.ru/arbitral/doc/CqjHzmEm0xZV/](https://sudact.ru/arbitral/doc/CqjHzmEm0xZV/) (дата обращения: 08.09.2025).

[14] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2019 № 3-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "СПСР-ЭКСПРЕСС". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315977/ (дата обращения: 08.09.2025).

References:

[1] Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava, 4-e izdanie. - 384 s.

[2] Kal'nej M. G. Novye polnomochiya Banka Rossii v sfere administrativnogo proizvodstva // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. - 2011. - № 3 (28). - С. 77-79.

[3] Goncharuk N. S., Kulazhenkova N.V. Problemy realizacii administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva o bankah i bankovskoj dejatel'nosti // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. - 2016. - Т. 11, № 3. - С. 126-136.

[4] Jeriashvili N., Bobrova Je. Administrativnaja otvetstvennost' za narushenie zakonodatel'stva o bankah i bankovskoj dejatel'nosti // Zakon i pravo. - 2007. - № 2. - С. 85-87.

[5] Zashhita prav potrebitel'ev finansovyh uslug. - URL: https://cbr.ru/protection_rights/ (дата обращения: 08.09.2025).

[6] Hihinashvili L. G., Karpuhin D.V. Nekotorye problemy administrativnoj otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva o bankah i bankovskoj dejatel'nosti // Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki. - 2021. - Т. 17, № 3. - С. 213-218.

[7] Vlasov K. A., Belikov A.P. Voprosy administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva o bankah i bankovskoj dejatel'nosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. - 2017. - № 4 (44). - С. 41- 44.

[8] Stepanova V. V. Administrativnaja otvetstvennost' za narushenie zakonodatel'stva o bankah i bankovskoj dejatel'nosti // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Juridicheskie nauki. - 2014. - № 4 (19). - С. 97-100.

[9] Chezhidov M. S. Ponjatie i jelementy administrativnoj otvetstvennosti za pravonarusheniya v sfere finansovogo rynka // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. - 2019. - № 6. - С. 190-195.

[10] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 21 janvarja 2019 g. po delu № А47-2320/2018. - URL: [//sudact.ru/arbitral/doc/iOqgHrW0uslt/](https://sudact.ru/arbitral/doc/iOqgHrW0uslt/) (дата обращения: 08.09.2025).

[11] Rossijskie banki vtoroj god podryad obnovili rekord po chistoj pribyli. - URL: <https://www.rbc.ru/finances/30/01/2025/679b28609a79473d36d876e6> (дата обращения: 08.09.2025).

[12] Zagrivnyj V. A. Ponjatie i znachenie instituta licencirovaniya v bankovskom i administrativnom prave Rossii // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. - 2010. - Т. 6, № 2. - С. 86-90.

[13] Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 22 sentjabrja 2023 g. po delu № А40-151932/2023. - URL: [//sudact.ru/arbitral/doc/CqjHzmEm0xZV/](https://sudact.ru/arbitral/doc/CqjHzmEm0xZV/) (дата обращения: 08.09.2025).

[14] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.01.2019 № 3-Р "Po delu o provere konstitucionnosti chasti 1 stat'i 4.5 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah v svjazi s zhaloboj obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost'ju "SPSR-JeKSPRESS". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315977/ (дата обращения: 08.09.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-80-84

ЛАЗАРЕВА Марина Николаевна,
заведующий кафедрой
теоретико-правовых и исторических наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: lazareva-mn@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ ПРАВАХ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Сложность и подвижность отечественного языкового регулирования, проявляющиеся в постоянном принятии поправок в законы о языках, а также в наличии большого числа нормативных правовых актов различной отраслевой принадлежности и различного уровня, содержащих «языковые» нормы, ясно свидетельствуют о незавершенности процесса нормативно-правового регулирования языковых отношений в нашей стране и вызывают потребность проведения исчерпывающего мониторинга его состояния.

Природа языковых правоотношений по законодательству России и Казахстана ставит их на грань личных (негативных) конституционных прав человека и социальных (позитивных) прав гражданина, а также основ конституционного строя (принципов государственной политики), что напрямую влияет на возможности судебной защиты правовых притязаний лиц и общностей и государственного финансирования их осуществления. Актуальность выделению отдельной группы (подгруппы) субъективных языковых прав в современном конституционном праве придает глобальный процесс ускоренного сокращения числа мировых языков, а также тотальная цифровизация общественных отношений.

Ключевые слова: языковые права, языковое законодательство, пределы правового регулирования, языковой капитал, государственный язык, Россия, Казахстан.

LAZAREVA Marina,
Head of Department of Legal Theory and History Sciences
of North-Western Institute (branch)
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
PhD in Law, Associate Professor

ON THE ISSUE OF LANGUAGE RIGHTS IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Annotation. The complexity and mobility of domestic language regulation, appeared in the constant adoption of amendments to language laws, as well as in the presence of a large number of regulatory legal acts of various branch affiliation and various levels containing “language” norms, clearly indicate the incompleteness of the process of normative and legal regulation of language relations in our country and give rise to the need for comprehensive monitoring of its state.

The nature of linguistic legal relations under the legislation of Russia and Kazakhstan puts them on the verge of personal (negative) constitutional human rights and social (positive) rights of citizen, and also the foundations of constitutional system (principles of state policy), which directly affects the possibilities of judicial protection of legal claims of individuals and communities and state financing of their implementation. The relevance of identifying a separate group (subgroup) of subjective linguistic rights in modern constitutional law is given by the global process of accelerated reduction in the number of world languages, in addition by the total digitalization of social relations.

Key words: language rights, language legislation, limits of legal regulation, language capital, state language, Russia, Kazakhstan

3 а последние три года правовое регулирование Российской Федерации в сфере языковых отношений претер-

пело ряд изменений: в Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке РФ» в феврале 2023 года и апреле 2024 года были

внесены новые положения; в июне 2025 года были включены «языковые» новеллы в несколько федеральных законов (о культуре, о защите прав потребителей, о государственной политике в отношении соотечественников за рубежом, об участии в долевым строительстве многоквартирных домов). В июне 2024 года Правительство утвердило Концепцию государственной языковой политики РФ, а в июле 2025 года Указом Президента № 474 были приняты Основы государственной языковой политики РФ.

Кроме того, правила об использовании языков в Российской Федерации содержатся в законах о рекламе, о средствах массовой информации, об образовании, о национально-культурной автономии, о гарантиях прав коренных малочисленных народов и других, и в них тоже время от времени вносятся изменения. Не надо забывать о законодательстве на уровне субъектов Российской Федерации, а также нормах, создаваемых органами местного самоуправления, которые вправе принимать решения, направленные на поддержку и развитие языков и культуры народов РФ, проживающих на территории муниципального образования, реализацию прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств.

Вполне обоснованно с этой точки зрения выглядят заявленные задачи, и соответственно направления действующей государственной языковой политики России – проведение мониторинга состояния нормативно-правового регулирования отношений в сфере функционирования русского языка и языков народов России и его совершенствование.

Действительно, регулирование в рассматриваемой сфере весьма объемное, и его массив растет. Актуальным является кардинальное обновление Закона «О языках народов Российской Федерации», основа которого была принята еще Верховным Советом РСФСР в октябре 1991 года и поверглась многочисленным поправкам.

В Казахстане сложилась во многом схожая правовая ситуация, с той разницей, что государство является унитарным. Закон от 11.07.1997 г. № 151 «О языках в Республике Казахстан» претерпел 37 «волн» изменений с момента своего принятия, в том числе 8 «волн» - за последние три года. В 2023 году Правительство утвердило весьма объемную Концепцию развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023–2029 годы. Аналогично имеются и другие законы с «языковыми» нормами (об образовании, о масс-медиа, о рекламе и т.д.).

Знакомство с действующими законодательными и иными актами обеих стран демонстрирует отличающиеся цели языковой политики каждой из

них: обеспечение «чистоты» русского языка и сбережение языков народов РФ, языковая адаптация иностранных граждан - в России; повышение удельного веса казахского языка и постепенный его перевод на латинскую графику - в Казахстане. В 2017 году был издан Указ Президента Республики Казахстан «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику», который предусмотрел постепенный переход на латиницу в течение нескольких лет.

Обсуждаемым является положение русского языка в Казахстане. Согласно ст. 7 Конституции Казахстана 1995 года, государственным языком признан казахский. Русский язык не называется в конституционном тексте ни государственным, ни официальным, в ч. 2 данной статьи указано, что русский «наравне с казахским официально употребляется» в государственных организациях и органах местного самоуправления. То есть русский язык в Казахстане является не официальным, а «официально употребляемым языком». Как разъяснил Конституционный Совет Казахстана (орган конституционного контроля), конституционная норма о том, что в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык не означает наделение последнего статусом второго государственного языка (Дополнительное постановление Конституционного Совета РК об истолковании постановления Конституционного Совета РК от 8 мая 1997 года N 10/2).

Законы России и Казахстана перечисляют основные области обязательного использования государственного языка: деятельность органов государственной власти и местного самоуправления (и управления в Казахстане), делопроизводство и официальная переписка с гражданами, судопроизводство, опубликование нормативных правовых актов, наименование географических объектов, государственное образование всех уровней, средства массовой информации, реклама, информация для потребителей, международное сотрудничество и некоторые другие.

Есть и отличия, например, казахстанский Закон о языках регулирует использование языков в области науки, включая оформление и защиту диссертаций (ст. 17), соответствующие развернутые положения можно найти в Концепции развития языковой политики в Республике Казахстан (раздел 7). В наших Законе о языках и Законе о государственном языке упоминается научная сфера, но только в контексте исследований языков народов России и подготовки научно-педагогических кадров для образовательных организаций с русским языком за рубежом. В Федеральном законе «О науке и государственной научно-техни-

ческой политике» от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ говорится лишь о языке документов о присвоении учебных степеней и званий (ст. 4). В российском научном сообществе, особенно в последние годы, активно дискутируются вопросы целесообразности размещения и учета публикаций ученых из РФ в международных базах данных (Web of Science, Scopus и других). Фактически в России есть два языка научного общения – русский и английский [4, с.46], но о последнем наши законодательные акты о языках молчат.

Любопытно, что Концепция развития языковой политики в Республике Казахстан упоминает английский язык в своем тексте 43 раза и приводит данные соцпросов, по которым доля взрослого населения Казахстана, владеющего английским, в 2022 году составила 28,5% (при этом доля населения, владеющего русским, за тот же период насчитывала 90,4%). Среди целевых индикаторов государственной программы Казахстана предусмотрена доля населения, владеющего одновременно тремя языками (казахским, русским и английским). Для сравнения французский язык в Концепции встречается 4 раза, немецкий – 3. Это подтверждает тезис о том, что в большинстве стран мира в настоящее время английский повсеместно находится на вершине иерархии «иностранных» языков [7, с.28].

Документы государственного планирования, акты президента и правительства являются обычно более мобильным источником правовых норм, по сравнению с законами, с точки зрения скорости их принятия и отражения действующих общественных отношений в стране. Интересно проанализировать обновленное языковое регулирование наших двух стран на предмет актуальных тенденций в развитии языковых прав.

В последние десятилетия все чаще говорят об отдельной группе (подгруппе) субъективных прав – языковых правах. Носителями таких прав могут быть как коллективные субъекты (республики в составе РФ, народы РФ, в том числе коренные малочисленные народы, малочисленные народы и этнические группы, не имеющие своих национально-государственных и национально-территориальных образований, этнические группы, национально-культурные автономии и т.д.), так и индивидуальные субъекты (граждане, иностранные граждане, лица без гражданства). Интересно, что ни Закон о языках народов РФ, ни Закон о государственном языке РФ, ни Закон о языках Казахстана, ни Концепции не используют термин «национальное меньшинство», только в более поздних Основах государственной языковой политики РФ от 11 июля 2025 года этот термин встречается один раз (п. 14). Среди субъектов языковых прав выделяют учащихся (обучаю-

щихся), родителей, учителей (преподавателей), пациентов и потребителей, получающих медицинские и иные услуги [6, с.191].

К какой же группе субъективных конституционных прав относятся языковые права – к личным (гражданским) правам или к социально-культурным правам?

С одной стороны, Конституции России и Казахстана почти слово в слово провозглашают право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, причем эти положения идут вслед за нормой о праве каждого определять и указывать свою национальную принадлежность (ст. 26 и ст. 19 соответственно). Даже расположение этих статей практически идентично: они идут после статей о праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, тайну переписки. После них следуют статьи о свободе передвижения, совести, слова. По формальному месту этих норм в тексте Конституций можно посчитать закрепляемые ими права личными. Да и по самой природе право на пользование родным языком и на выбор языка общения ближе к личным правам человека.

С другой стороны, здесь есть два нюанса, о которых хотелось бы сказать. Во-первых, надо понимать, что (к нашему счастью) не все отношения между людьми являются предметом правового регулирования, тем более конституционного. Можно поспорить с А.Н. Маркаровым, который в числе языковых прав называет «право на коммуникативное разнообразие, предполагающее право каждого на выбор произношения, словарного запаса, синтаксических конструкций и стиля» [6, с.193], так как выбор произношения вряд ли вообще регулируется правом. То есть большая часть нашего повседневного общения с близкими и друзьями находится вне пределов позитивного правового регулирования, соответственно она охватывается правом на неприкосновенность частной жизни, так называемым «*privacy*», границей, которую ни государство, ни какой-либо другой субъект не вправе пересекать.

И в этом смысле ряд языковых прав (прежде всего на общение и творчество на родном или ином языке) носят характер негативных свобод, которые человек в силах реализовать сам, без посторонней помощи, и которые защищают частное лицо от излишнего вмешательства в его внутренний мир. Как справедливо отметил Конституционный Совет Казахстана, «Конституция не регламентирует функционирование государственного языка, официально употребляемого языка и иных языков в быту, в межличностном, внутриколлективном общении, в негосударственных организациях» (Дополнительное постановление Конституционного Совета РК об истолковании

постановления Конституционного Совета РК от 8 мая 1997 года N 10/2). Не случайно наиболее распространенной языковой нормой в конституциях стран мира и в международных документах является общее провозглашение принципа равенства прав независимо от языка (российская ст. 19 Конституции, казахстанская ст. 14 Конституции, ст. 2 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и т.д.) [5].

Во-вторых, сфера воспитания и особенно образования выходит далеко за рамки частной жизни лица, и здесь без позитивного регулирования и активных усилий государства (в широком смысле) не обойтись. Получается, что права на воспитание и образование на том или ином языке более близки к социальным правам человека и гражданина и встраиваются в государственную политику в этих сферах. Отсюда вытекают действия государства по созданию, организации, материально-техническому, финансовому, учебно-методическому, кадровому и иному обеспечению образовательных учреждений всех ступеней, начиная от муниципальных детских садов и заканчивая аспирантурой в государственных высших учебных заведениях.

Разумеется, есть частные, коммерческие дошкольные и учебные учреждения, но их деятельность во многом также регулируется государством через нормы публичного и частного права. Например, ст. 16 Закона о языках в Республике Казахстан устанавливает, что «Республика Казахстан обеспечивает получение начального, основного среднего, общего среднего, технического и профессионального, послесреднего, высшего и послевузовского образования на государственном, русском, а при необходимости и возможности, и на других языках. В организациях образования государственный язык и русский язык являются обязательными учебными предметами и входят в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании». С этих позиций, регулирование языковых отношений образует как часть института конституционных прав человека и гражданина, так и часть института основ конституционного строя (конституционно-правового регулирования принципов государственной политики) в сфере воспитания и образования. Обычно это влияет на возможность через суд защитить свои языковые права, так как пределы судебного принуждения ограничены, когда речь заходит об осуществлении государственной политики и государственного финансирования.

Допускаем, что мы являемся свидетелями постепенного отмежевания языковых прав в отдельную группу (подгруппу) со своими характер-

ными чертами. Забегая вперед, можно провести аналогию с процессом правовой институционализации и конституционализации информационных прав, исторической основой которым послужили свободы «первого поколения» - свобода выражения мнений и свобода слова. Произойдет ли это с языковыми правами, покажет время. Говоря о субъективных конституционных правах, надо иметь в виду, что нормы конституционного права содержатся не только в текстах конституций, но и в других источниках права (вплоть до муниципального уровня). Об этом гласит ст. 55 Конституции РФ: «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Хотя, конечно, сам факт закрепления того или иного права в национальной конституции в значительной мере продвигает дальнейшее правовое регулирование и доктрину по тому или иному вопросу.

В завершение данного небольшого обзора хотелось бы обратить внимание на развитие правовой терминологии в рассматриваемой сфере. Если сравнить тексты Закона о языках народов РФ и Федерального закона о государственном языке РФ с учетом поправок, во втором можно увидеть новые термины: «нормы современного русского литературного языка», «нормативные словари», «Национальный словарный фонд», даже Сеть «Интернет» встречается один раз (ст. 4.1). Терминология Концепции и Основ государственной языковой политики РФ более соответствует действительному положению дел: в них уже упоминаются цифровые технологии, системы правописания и автоматического перевода, онлайн-переводчики, поисковые системы, электронные СМИ, языковая адаптация иностранных граждан и т.п.

Что касается казахстанского опыта, хочется обратить внимание на употребление Концепцией развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023-2029 годы выражения «языковой (лингвистический) капитал граждан». В частности, в разделе 4 «Видение развития языковой политики» провозглашается, что «современная языковая политика должна реализовывать гармоничную языковую политику, направленную на модернизацию казахского языка на основе латинской графики, дальнейшее повышение языковой культуры, а также развитие языкового капитала граждан, обеспечивая полноценную деятельность казахского языка как государственного». Это словосочетание в Концепции встречается еще трижды, правда, в Законе о языках в Республике Казахстан его нет, и что оно означает, в самой Концепции не поясняется.

Предполагаем, что речь идет о теории языкового капитала французского философа и социолога Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu, 1930–2002 гг.). В своей работе «Формы капитала» (1986) Бурдьё писал о культурном и социальном капитале, который человек может конвертировать в получение престижной должности и в другие личные преимущества [3]. Можно согласиться с тем, что знание языков вполне способно помочь преуспеть, особенно в многоязычном обществе [2]. Законодательные и иные акты России и Казахстана предусматривают целую систему обучения населения языкам, устанавливая среди прочего необходимость для государственных и муниципальных служащих проходить повышение квалификации на знание государственного языка. Особенно это актуально для Казахстана, где на практике многие документы разрабатываются государственными органами на русском языке и переводятся на казахский, который тем самым «стал лишь переводческим языком, не выполняя функции основного языка» (гл. 1 Концепции).

Таким образом, в последние годы в России и Казахстане активно выстраивается, «шлифуется» языковое правовое регулирование, которое включает не только конституционные нормы, но и законодательные отраслевые правила и государственные концепции и планы. Перед нашими странами в условиях глобализации и тотальной цифровизации общественных отношений стоят задачи по поддержанию и развитию, в первую очередь, государственных языков. В России особого внимания также требует сбережение языков народов РФ, так как многие из них находятся под угрозой исчезновения. Что касается языковых прав, то сейчас идет постепенный процесс их выделения в отдельную группу (подгруппу) в системе конституционных прав личности. По словам Х. Арсоза, по-прежнему не существует универсального понимания языковых прав [1, с.31]. Среди них можно увидеть права, которые по своей природе близки к личным (гражданским) правам человека, но в то же время языковые права в сфере образования имеют явно выраженный социальный характер и стоят на грани с основами конституционного строя.

Список литературы:

- [1] Arzoz X. The nature of language rights. JEMIE - Journal on ethnopolitics and minority issues in Europe, 2007, Vol. 6(2), pp. 1-35.
- [2] Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в культурном и образовательном капитале // Социоллингвистика. 2020, № 2(2). С. 8–20.
- [3] Bourdieu P. The forms of capital – In: Richardson J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, Westport, CT: Greenwood, 1986, pp. 241–58.

[4] Буянова Г.В. Язык научного общения в России: к истории вопроса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 43–46.

[5] Кленов А.Л. Конституционный принцип равенства прав человека и гражданина независимо от языка в РФ и США (сравнительно-правовой анализ): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2012. – 171 с.

[6] Маркаров А.Н. К вопросу о понятии и содержании языковых прав в конституционном праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 187–196.

[7] Phillipson R., Shutnabb-Hangas T. Linguistic human rights and English in Europe // World Englishes, 1997, Vol. 16, No. 1, pp. 27–43.

References:

- [1] Arzoz X. The nature of language rights. JEMIE - Journal on ethnopolitics and minority issues in Europe, 2007, Vol. 6(2), pp. 1-35.
- [2] Bogdanov S.I., Marusenko M.A., Marusenko N.M. Yazykovoj kapital v kul'turnom i obrazovatel'nom kapitale [Language capital in cultural and educational capital] // Sociolingvistika. 2020, № 2(2). P. 8–20. (In Russ.).
- [3] Bourdieu P. The forms of capital – In: Richardson J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, Westport, CT: Greenwood, 1986, pp. 241–58.
- [4] Buyanova G.V. Yazyk nauchnogo obshcheniya v Rossii: k istorii voprosa [Language of scientific communication in Russia: history of the issue] // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psikhologiya. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – P. 43–46. (In Russ.).
- [5] Klenov A. L. Konstitucionnyj princip ravenstva prav cheloveka i grazhdanina nezavisimo ot yazyka v RF i SShA (sravnitel'no-pravovoj analiz) [Constitutional principle of equality of human and civil rights regardless of language in the Russian Federation and the USA (comparative legal analysis)]: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. – Saratov, 2012. – 171 p. (In Russ.).
- [6] Markarov A.N. K voprosu o ponyatii i soderzhanii yazykovykh prav v konstitucionnom prave [On the issue of concept and content of linguistic rights in constitutional law] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2014. – № 2. – P. 187–196. (In Russ.).
- [7] Phillipson R., Shutnabb-Hangas T. Linguistic human rights and English in Europe // World Englishes, 1997, Vol. 16, No. 1, pp. 27–43.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-85-89

БАРИКАЕВА Айгуль Фаргатовна,
кандидат экономических наук,
научный сотрудник Международного научно-исследовательского
центра судебной экспертизы и исследований,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕСТНЫЕ БЮДЖЕТЫ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Одним из самых эффективных инструментов современной российской демократии однозначно является местное самоуправление, представляющее собой новый с точки зрения исторического развития российской государственности политико-правовой институт, который несмотря на своё относительно недолгое существование уже успел подтвердить свою эффективность. Местное самоуправление в современной системе отечественной государственности занимает важное место, в связи с чем органы местного самоуправления нуждаются в экономическом обеспечении своей деятельности, который в современном российском праве институционализировано в форме местного (муниципального) бюджета.

Ключевые слова: местное самоуправление, местный бюджет, полномочия органов местного самоуправления, государственная власть, Конституция.

BARIKAEVA Aigul Fargatovna,
Candidate of Economic Sciences,
Researcher at the International Research Center
for Forensic Science and Research

LOCAL BUDGETS AS AN ECONOMIC BASIS FOR EXERCISING THE POWERS OF LOCAL GOVERNMENTS AND THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. One of the most effective instruments of modern Russian democracy is definitely local self-government, which is a new political and legal institution from the point of view of the historical development of Russian statehood, which, despite its relatively short existence, has already managed to confirm its effectiveness. Local self-government in the modern system of domestic statehood occupies an important place, in connection with which local governments need economic support for their activities, which in modern Russian law is institutionalized in the form of a local (municipal) budget.

Key words: local government, local budget, powers of local governments, state power, Constitution.

Местное самоуправление имеет важное значение в контексте демократизации российского государства и общества как с исторической, так и с политико-правовой точек зрения, так как данный институт зародился в первые годы постсоветской эпохи, когда современный конституционный строй нашей страны только начинал своё зарождение. В то

время в Российской Федерации происходили принципиальные преобразования, затрагивающие все сферы жизнедеятельности общества, что было сопряжено социально-политическим напряжением и экономическим кризисом, угрожавшими в дальнейшем привести российское государство к очередному коллапсу. В подобные моменты исторического развития государственные и обще-

ственные институты проверяются на прочность, способны ли они поддержать свой легитимный статус в глазах населения и могут ли они эффективным образом удовлетворять его потребности и интересы.

В этом отношении стоит отметить, что деятельность органов местного самоуправления в первые годы постсоветской эпохи смогла как обеспечить экономическое развитие значительного числа регионов и одновременно с этим на институциональном уровне утвердить новый демократический характер российского государства, что во многом было обеспечено особенностями юридической сущности системы местного самоуправления [1].

По своей правовой природе местные органы власти схожи с государственными органами, так как посредством обоих видов ведомств на территории Российской Федерации реализуется публичная власть. Несмотря на то, что местное самоуправление не относится к государственной власти, как верно пишут некоторые ученые (например, И.В. Бабичев, В.С. Базарова [2], Б.В. Смирнов [3]), оно обеспечивает нормальное функционирование российского общества посредством реализации полномочий, которые либо изначально закреплены в действующем законодательстве, либо были предоставлены непосредственно государственными органами. Местное самоуправление де факто помогает государству в осуществлении его политики по широкому кругу вопросов, одновременно с этим представляя интересы местного населения.

Таким образом, следует заключить, что на органы местного самоуправления возложены ряд важных для государственности функций, которые по своей правовой природе представляют собой сочетание переданных от федеральной и региональной власти ряда полномочий для снятия бюрократической нагрузки и решения вопросов местного значения в целях удовлетворения потребностей населения, проживающего в муниципальном образовании. Исходя из этого можно заключить, что местное самоуправление в современной системе отечественной государственности занимает важное место, в связи с чем органы местного самоуправления нуждаются в экономическом обеспечении своей деятельности, который в современном российском праве институционализировано в форме местного (муниципального) бюджета [4].

В Конституции Российской Федерации положения, связанные с местным бюджетом, закреплены в ст. 132. В указанной статье местный бюджет закреплён в рамках правомочия органов местного самоуправления, заключающегося в утверждении и исполнении местного бюджета.

Данное положение, на наш взгляд, имеет важное значение для местного самоуправления как публично-правового института, так закрепляет за ним наличие бюджета как экономической основы деятельности муниципалитетов, в отношении которого установлено две властные функции – утверждения и исполнения [5].

Утверждение бюджета отличает бюджета является характерной чертой публично-правовых образований, отличающих их от физических и юридических лиц, на которых в основном нет обязанности публично утверждать свой бюджет на определённый период времени. Данный аспект более подробно раскрывается в гл. 21 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) от 31.07.1998 г., в которой установлены правовые нормы, регулирующие вопросы, связанные с принятием бюджетов Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований.

Исходя из указанных положений утверждение бюджетов данных субъектов права являются одним из их важнейших публично-правовых полномочий, благодаря которым юридически закрепляется экономическое обеспечение реализации ими своих властных функций [6].

В свою очередь, исполнение бюджета также может служить индикатором публично-правовой природы бюджета муниципальных образований в контексте властного характера деятельности муниципалитетов, так как именно посредством исполнения бюджета реализуются властные функции органов местного самоуправления, как возложенные на них действующим законодательством, так и переданные им органами государственной власти. По своей сути исполнение бюджета представляет собой непосредственный процесс экономического обеспечения указанной функций, поскольку любое властное действие требует его прямого или косвенного финансового сопровождения [7].

Тем временем на уровне законодательства местный бюджет как институт права примечателен тем, что в силу особенностей своей юридической сущности регулируется как бюджетным, так и муниципальным правом. Важно отметить, что в действующем законодательстве отсутствует отдельная дефиниция конкретно местного бюджета несмотря на то, что закреплённые в законодательстве бюджетные и муниципальные правовые нормы регулируют широкий круг отношений, связанных с местным бюджетом. Так, согласно ст. 6 БК РФ, под бюджетом как таковым понимается «форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления», то есть в основной дефиниции бюджетной системы уже заложена функция эко-

номического обеспечения органов муниципальной власти, что институционально выражается в форме местного бюджета [8].

При этом следует учитывать, что местный бюджет как юридический феномен является частым объектом правовых исследований, что обусловливается его важной ролью в функционировании российской государственности [9].

Так, учёные И.А. Ситнова, А.А. Барлыбаев, И.М. Рахматуллин и Г.И. Якшимбетова детализируют легальную дефиницию бюджета в контексте местного самоуправления, понимая под местным бюджетом форму «образования и расходования денежных средств в расчете на финансовый год, которые предназначены для обеспечения задач и функций, отнесенных к предметам ведения местного самоуправления, путем исполнения расходных обязательств муниципального образования» [10], добавляя в него важное понятие расходных обязательств, посредством которых реализуются функции органов местного самоуправления.

С ними также согласен В.В. Янов, который даёт практически идентичное определение местного бюджета [11], что подтверждает значение расходных обязательств одним из его важнейших элементов для правовой доктрины в вопросе определения юридической сущности местного бюджета, так как именно посредством их исполнения становится возможной реализация функций местного самоуправления, в первую деятельность муниципальных органов власти.

В свою очередь, А.Н. Кокотов прямо указывает на то, что местный бюджет представляет собой «необходимый атрибут муниципальных образований и материальная основа местного самоуправления» [12], прямо указывая на то, что местный бюджет является одним из гарантов реализации местного самоуправления как такового, при этом обеспечивая его именно экономически.

Таким образом, в правовой доктрине подчёркивается, что местный бюджет представляет собой центральный элемент экономической основы местного самоуправления, посредством которого осуществляется финансовое обеспечение реализации муниципальной власти. В этой связи следует подчеркнуть, что в первую очередь это касается деятельности органов местного самоуправления, осуществление различных функций которых в своей совокупности и представляет собой деятельность муниципального образования как субъекта политико-правовых отношений. В этой связи необходимо проанализировать действующее российское муниципальное законодательство об органах местного самоуправления в целях предметного выявления того,

каким образом местный бюджет служит экономической основой деятельности данных ведомств [13].

Так, согласно п. 1 ст. 34 Федерального закона от 06.10.2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон о местном самоуправлении) к муниципальным органам власти относятся:

- 1) представительный орган муниципального образования;
- 2) глава муниципального образования;
- 3) местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования);
- 4) контрольно-счетный орган муниципального образования;
- 5) иные органы местного самоуправления;
- 6) иные выборные должности местного самоуправления.

Представительный орган местного самоуправления является важнейшим в системе органов местного самоуправления, так как именно он непосредственным образом представляет интересы населения муниципального образования. В силу того, что представительный орган формируется посредством выбора граждан, он по своей сути является институционализированной формой местного самоуправления граждан и именно поэтому в его исключительную компетенцию входят важнейшие функции по управлению муниципальным образованием, к которым в соответствии с п. 10 ст. 35 Закона о местном самоуправлении относятся:

- 1) принятие устава муниципального образования и внесение в него изменений и дополнений;
- 2) утверждение местного бюджета и отчёта о его исполнении;
- 3) установление, изменение и отмена местных налогов и сборов;
- 4) утверждение стратегии социально-экономического развития муниципального образования;
- 5) определение порядка управления и муниципальной собственностью;
- 6) определение порядка принятия решений о создании, реорганизации и ликвидации муниципальных предприятий;
- 7) определение порядка участия муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества;
- 8) определение порядка материально-технического и организационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления;

- 9) контроль за исполнением органами и должностными лицами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения;
- 10) принятие решения об удалении главы муниципального образования в отставку;
- 11) утверждение правил благоустройства территории муниципального образования.

Бесспорно, приведённый список полномочий не является исчерпывающим, однако следует отметить, что для реализации большинства из них необходимо финансирование, благодаря которому будут достигнуты такие цели местного самоуправления, как разрешение вопросов местного значения и обеспечения интересов населения муниципального образования [14]. При этом нельзя не согласиться с тем фактом, что такое полномочие, как удаление главы муниципального образования в отставку, однозначно не требует финансовых затрат, однако для осуществления остальных полномочий однозначно нужна экономическая основа, так как формирование и реализация стратегии социально-экономического развития муниципального образования или же порядка благоустройства территории муниципалитета требует вложения значительного количества денежных средств, так как в их отсутствие полномочия представительного органа муниципального образования фактически не будут выполнены.

Список литературы:

- [1] Маковский А.В. Особенности практической реализации приватизации государственного и муниципального имущества в РФ // Право и управление. 2024. № 3. С. 88.
- [2] Базарова, В.С. Собственные доходы местных бюджетов как важный элемент самостоятельности местного самоуправления / В. С. Базарова, Б. В. Жамбалов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 2- 2. – С.206-210.
- [3] Бабичев И.В., Смирнов Б.В. Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты: монография. - М.: Норма, 2011. – 528 с.
- [4] Лихачев А.С. Изменение конституционной модели местного самоуправления: тридцатилетний опыт // Право и государственность. 2024. № 1 (2). С. 39–43.
- [5] Галицкая Н.В. Продовольственная безопасность как особая составляющая национальной безопасности // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 64–69.
- [6] Дворядкина Е.Б. Эволюция понятия «местный бюджет» как компонента экономической основы местного самоуправления // Экономика и предпринимательство. 2019. № 7 (72). – С. 946-951.
- [7] Григорович Е.В. Особенности правового регулирования преимущественного выкупа, арендуемого государственного и муниципального движимого имущества субъектами малого и среднего предпринимательства // Право и управление. 2023. № 3. С. 73.
- [8] Чечета Н.О., Топузов Д.И. Правовые основы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности // Право и управление. 2024. № 3. С. 85.
- [9] Садырова М.Ю. Проблемы и способы совершенствования осуществления государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля в системе управления земельными ресурсами Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 2. С. 240.
- [10] Ситнова И.А., Барлыбаев А.А., Рахматуллин И.М., Якшимбетова Г.И. Некоторые аспекты финансового обеспечения деятельности органов местного самоуправления / И.А. Ситнова, А.А. Барлыбаев, И.М. Рахматуллин, Г.И. Якшимбетова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 1 (107). С. 5.
- [11] Янов В.В. Региональная экономика: парадигма современных финансовых аспектов: монография // Тольятти: Изд-во Поволжского гос. ун-та сервиса, 2015. – С. 113.
- [12] Кокотов А.Н. Муниципальное право России: учебник для вузов / А.Н. Кокотов [и др.]; под редакцией А.Н. Кокотова. – 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 406 с.
- [13] Игонина Л.Л. Региональные и муниципальные финансы : учебник и практикум для вузов / Л. Л. Игонина [и др.] ; под редакцией Л. Л. Игонин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 581 с.
- [14] Миннигулова Д.Б., Шайхуллин М.С. Оценка гражданами эффективности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления: постановка проблемы // Право и управление. 2023. № 1. С. 114.

References:

- [1] Makovsky A.V. Features of practical implementation of privatization of state and municipal property in the Russian Federation//Law and management. 2024. № 3. S. 88.
- [2] Bazarova, V.S. Own revenues of local budgets as an important element of the independence of local self-government/V.S. Bazarova, B.V. Zhambalov//Bulletin of Buryat State University. – 2015 – No 2- 2 - S.206-210.
- [3] Babichev I.V., Smirnov B.V. Local self-government in modern coronavirus Russia: formation and development. Historical and legal aspects: monograph. - M.: Norma, 2011. - 528 p.

[4] Likhachev A.S. Change in the constitutional model of local self-government: thirty years of experience//Law and statehood. 2024. № 1 (2). S. 39-43.

[5] Galitskaya N.V. Food security as a special component of national security//Law and statehood. 2024. № 3 (4). S. 64-69.

[6] Dvoryadkina E.B. Evolution of the concept of "local budget" as a component of the economic basis of local self-government//Economy and entrepreneurship. 2019. № 7 (72). - S. 946-951.

[7] Grigorovich E.V. Features of legal regulation of pre-emptive redemption, leased state and municipal movable property by small and medium-sized businesses//Law and management. 2023. № 3. S. 73.

[8] Checheta N.O., Topuzov D.I. Legal foundations of interaction between state authorities and local self-government bodies in the field of security//Law and management. 2024. № 3. S. 85.

[9] Sadyrova M.Yu. Problems and ways to improve the implementation of state land supervision and municipal land control in the land management system of the Russian Federation//Law and management. 2024. № 2. S. 240.

[10] Sitnova I.A., Barlybaev A.A., Rakhmatullin I.M., Yakshimbetova G.I. Some aspects of financial support for the activities of local governments//I.A. Sitnova, A.A. Barlybaev, I.M. Rakhmatullin, G.I. Yakshimbetova//Management of economic systems: electronic scientific journal. 2018. № 1 (107). S. 5.

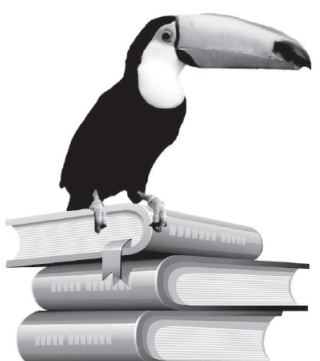
[11] Yanov V.V. Regional economy: paradigm of modern financial aspects: monograph//Togliatti: Publishing House of the Volga State University of Service, 2015. - S. 113.

[12] Kokotov A.N. Municipal law of Russia: a textbook for universities/A.N. Kokotov [et al.]; edited by A.N. Kokotov. - 7th ed., Revised. and add. - M.: Publishing House Yurayt, 2022. - 406 s.

[13] Igonina L.L. Regional and municipal finance: textbook and workshop for universities/L. L. Igonina [et al.]; edited by L. L. Igonina. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 581 p.

[14] Minnigulova D.B., Shaikhullin M.S. Assessment by citizens of the effectiveness of the activities of local self-government bodies and officials: raising a problem//Law and management. 2023. № 1. S. 114.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-90-94

КОСТЮК Михаил Федорович,
профессор кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: kost-mf@yandex.ru

ПОСОХОВА Валерия Александровна,
доцент кафедры права частное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия»,
кандидат юридических наук,
e-mail: 89677439930@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ И ПРОБЛЕМЫ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «семья», позволяющие раскрыть ее содержание, выделить присущие ему признаки. Анализируется конституционно – правовой механизм защиты семьи, взаимосвязь конституционных норм с семейным и уголовным законодательством. Отражена государственная политика в сфере брачно-семейных отношений, основанная на традиционных духовно-нравственных ценностях.

Ключевые слова: государство, брачный возраст, семья, ценность, развитие, традиции, материнство.

KOSTYUK Mikhail Fedorovich,
professor of the Department of State-Legal and Criminal-Legal
Disciplines of the Plekhanov Russian
University of Economics. Plekhanova, Doctor of Law, Professor

POSOKHOVA Valeria Aleksandrovna,
Associate Professor of the Law Department,
Private Educational Institution of Higher Education
“Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy,
Candidate of Law

CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISM OF FAMILY PROTECTION AND PROBLEMS OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS

Annotation. The article examines various approaches to defining the concept of “family”, allowing to reveal its content, to highlight its inherent features. The constitutional and legal mechanism of family protection, the relationship of constitutional norms with family and criminal legislation are analyzed. The state policy in the sphere of marriage and family relations, based on traditional spiritual and moral values, is reflected.

Key words: state, marriage age, family, value, development, traditions, motherhood.

Семья представляет собой составную часть общества с присущими ему противоречиями, объединяющая людей для совместного проживания. Несмотря на пространенность и обыденность восприятия, в настоящее время нет общепризнанного понима-

ния семьи. Это объясняется, в том числе, сложностью взаимоотношений объединенных при этом людей, динамичностью их развития, влиянием внутренних и внешних факторов. Семья – это социальный институт, нуждающийся в правовой защите, где ведущая роль принадлежит государ-

ству. Государственная поддержка семьи предполагает наличие правовых механизмов, которые обеспечивали бы институту семьи эффективную защиту [1]. Такое содействие соответствует историческому этапу развития государства и отражает прерогативы государственной семейной политики. Семья является категорией исторической. Ее типы, формы, цели, задачи и функции характеризуют конкретную историческую эпоху. Любое адекватное историческое толкование дефиниции семьи признало и признает ее центральную роль в социальных и политических, а также личных отношениях, в социальном и биологическом воспроизводстве [2, с. 208].

С философской позиции семья рассматривается как вид социальной общности, основанной на супружеском союзе и родственных связях [3, с. 404]. Данным понятием охватываются организация личного быта, отношения между мужем и женой, их родственниками, которые живут вместе и имеют общее хозяйство. Ключевым философского подхода понимания семьи является супружеский союз и складывающиеся на этой основе родственные отношения. В Библии семья часто употребляется как «семейство» и в переносном смысле – «потомок, потомство» [4, с. 6, 13]. В этом отражаются преемственность поколений, их традиции, обычаи, наследство. Потомки, как правило, развивают дело предшественников, создают трудовые династии, вносят свой вклад в эволюцию государства, его экономику, внешнеэкономическую и культурную деятельность. Российская Федерация содействует развитию российской культуры за рубежом, укреплению позиций русского языка и распространению российской культуры в мире, поддерживая связи с соотечественниками, проживающими за рубежом, и их потомками [5]. Важность этого направления продиктована глобализацией, расширением межгосударственных родственных связей и миграционных процессов, взаимодействием межгосударственных и общественных институтов.

Законодатель исходит из того, что семья – это «лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство» [6]. Экономической составляющей семьи, на что акцентирует внимание законодатель, является совместное ведение хозяйства, где создаются материальные и духовные блага, скрепляющие семейные узы.

В криминологии под семьей понимается группа людей, взаимодействие которых обусловлено как юридическими, так и фактическими брачными либо родственными связями [7, с. 55]. Многообразие семейных отношений порождает различного рода противоречия, проблемы, семейные

конфликты, обладающие повышенной криминогенностью. К основным кризисным проявлениям относятся нестабильность брака и высокий уровень разводов [8, с. 4-5] включая семейное насилие.

Семья – это основанный на нормах права добровольный союз мужчины и женщины, основной целью которого является продолжение человеческого рода. Такое понимание семьи соответствует конституционному положению защиты института брака как «союза мужчины и женщины» (п. ж.1 ст. 72). Термин «семья» является родовым понятием, включающим в свое содержание материнство и детство, которые, в соответствии с ч.1 ст. 38 Конституции РФ, находятся под защитой государства. Данный конституционный подход определяет приоритеты государственной политики, основанной на нормах международного законодательства и получившее развитие в отечественном законодательстве.

Семья находится под защитой и заботой государства. Данный вид деятельности осуществляется различными средствами, включая правовое регулирование семейных отношений, закрепление прав, свобод и обязанностей участников таких взаимоотношений, а также меры ответственности за их нарушение.

Важнейшим элементом в механизме защиты семья являются интересы ребенка. В семье начинается формирование и развитие личности, ее идентичность, социализация с характерными ценностями и мировоззрением о мире и его окружении. В семейной среде формируются определенные идеалы и убеждения, предопределяющие дальнейшее поведение человека. Это ценность, требующая защиты от различного рода внешних и внутренних угроз, разрушающих исторически сложившийся уклад семейных отношений.

Основу механизма защиты и поддержки семьи образуют международные и конституционные нормы, определяющие правовой статус человека, содержанием которого являются его права, обязанности и ответственность, возраст, по достижении которого возможно заключение брака и другие составляющие этого института.

Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать семью [9]. Такой подход призван ограничить заключение брака между детьми, а сам союз должен быть более прочным, основанным не только на физической, но и социальной зрелости образующих семью лиц.

Концептуальная идея о браке и его содержании основана на конвенционном положении «полного упразднения детских браков» [10, с. 667-669].

Прочность брака определяется, в том числе, ответственностью друг перед другом и будущими детьми, процедурой его заключения. Регистрация брака осуществляется уполномоченными для этого органами, что отражается в соответствующем реестре.

Механизм правового регулирования представляет собой упорядоченную систему юридических норм, оказывающих воздействие на сложившиеся в государстве общественные отношения [11, с. 95]. Ключевым звеном такого механизма являются конституционные нормы. Конституционно-правовое регулирование – составная часть системы правового регулирования в целом [12, с. 24]. Конституционные нормы взаимодействуют, прежде всего, с семейным и уголовным законодательством, защищающим присущими им способами и средствами семейно-брачные отношения. Роль конституционного права в современном мире определяется тем, что оно имеет базовый, фундаментальный характер, целью которого является «обеспечения верховенства права на основе равенства всех перед законом» [13, с. 27].

Конституционно-правовой механизм защиты семьи состоит из системы норм, определяющих социальную политику государства, регулирующих семейные отношения. Конституционные нормы поддерживают традиционные семейные ценности – брак как союз мужчины и женщины, уважение детей к старшим поколениям, доверие и заботу нескольких поколений семьи друг о друге [14]. Они находят свое развитие в демографической политике, поддержке многодетности и других направлениях. Предусмотрены судебный и внесудебный порядок защиты семьи, в том числе применение административных мер.

Реализация конституционного права на защиту в суде обеспечивается правосудием [15, с. 53]. Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину право на судебную защиту. Такая защита должна быть доступной для всех граждан и обеспечена судебной системой при нарушении конституционных прав. Органы государственной власти призваны создавать условия, предоставляющие государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства [16]. Особенность конституционно-правовых норм состоит в том, что в них не предусмотрены санкции. С учетом этого «реализация конституционно-правовых предписаний, прав и обязанностей субъектов конституционных правоотношений обеспечивается главным образом посредством других отраслей права» [17, с. 11]. Они являются базовой основой, регулятивные, охранительные и иные функции которых развиваются в других отраслях права, регулирующих семейные отношения.

Государственная поддержка семьи обеспечивается государством (ч.2 ст. 7 Конституции РФ). При этом создаются условия для достойной жизни и свободного развития человека. Достойная – значит осмысленная, ответственная жизнь, которая не столько ставит на попечение, сколько обязывает к самообеспечению [18, с. 4]. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (ч.2 ст. 38 Конституции РФ).

Ответственность за невыполнение родителями конституционной обязанности заботиться о детях и трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о нетрудоспособных родителях предусмотрена уголовным законодательством (глава 20 УК РФ). При наличии к тому оснований, такие деяния могут квалифицироваться как неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК) или неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК).

В отечественном законодательстве брачный возраст устанавливается в 18 лет (ст. 13 СК) [19]. Верхний возрастной предел заключения брака не определен. Часть 2 этой нормы предусматривает возможность снижения возраста вступления в брак до шестнадцати лет. Такая ситуация возможна при наличии уважительных причин. Решение об этом принимают органы местного самоуправления по просьбе лиц, желающих вступить в брак. При этом законодатель не раскрывает содержание уважительных причин.

Анализируемое понятие является оценочным и определяется в каждом конкретном случае индивидуально, что не способствует правильной правовой оценке при принятии решения о заключении брака. Речь идет, преимущественно, о преждевременной беременности и иных исключительных обстоятельствах. Допустимость заключение брака при пониженном возрасте вызывает ошибочное представление о возможности интимных отношений с 14-летнего возраста.

Такие случаи, при достаточных к тому оснований, квалифицируются как половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации по этой проблеме состоит в том, что положения статьи 13 Семейного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 134 УК Российской Федерации исключают противоправность полового сношения лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, только после регистрации их брака, а, следовательно, и официального признания их семей-

ных отношений, и не дают оснований для какого-либо другого истолкования [20]. Ключевым при правовой оценке таких действий является факт заключения брака.

Семейные традиции имеют многовековую историю, являются регулятором общественных отношений, передаются из поколения в поколение. В общепринятом смысле традиция означает способ передачи социального и культурного наследия, устойчивого опыта поколений и эпох [21, с. 5]. Имеющие еще место обычаи и обряды в виде «похищения невесты» подпадают под действия уголовного законодательства как похищение человека (ст. 126 УК РФ). Традиционные ценности лежат в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны. К таким ценностям относятся, в том числе, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность [22].

Трансформация семейных отношений в виде «гражданского брака», «сожительства», иных форм совместного проживания без соответствующей регистрации находятся вне рамок действующего законодательства. Они могут быть продиктованы экономической целесообразностью, физиологическими потребностями, нежеланием рождения детей или иными причинами, не способствующими образованию и укреплению семьи.

Конституционные нормы, таким образом, являются основополагающими в механизме защиты семьи и выступают гарантом соблюдения законности в брачно-семейных отношениях.

Список литературы:

- [1] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2011 N 28-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева»// СПС «КонсультантПлюс».
- [2] Комиссарова Е.Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – N 2. – С. 208 – 238.
- [3] Философский словарь /Под ред. И.Т.Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
- [4] Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и словарем. М. 1999.
- [5] Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
- [6] Федеральный закон от 24.10.1997 N 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 29.10.2024) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс».
- [7] Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья– конфликт – преступление. СПб.: Издательство С. Петербургского университета, 1096. – 264 с.
- [8] Карташова Т.Е. Психологические детерминанты и особенности профилактики деструктивных супружеских конфликтов в условиях кризиса брачно-семейных отношений: автореф. канд. психолог. наук. СПб., 2013.
- [9] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».
- [10] Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков (Заключена в г. Нью-Йорке 10.12.1962)// Международное частное право. Сборник документов.- М.: БЕК, 1997. С. 667 – 669.
- [11] Костюк М. Ф. Правовой механизм охраны социально-экономических прав и свобод граждан // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. – 2025. – № 2. – С. 92–10.
- [12] Таева Н.Е. Нормы конституционного права: теоретические проблемы классификации // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – N 7. – С. 24 – 29.
- [13] Бондарь Н.С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – N 10. – С. 27 – 35.
- [14] Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 N 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года »// Собрание законодательства РФ, 31.03.2025, N 13, ст. 1505.
- [15] Хадусов А.А. Конституционная защита социальных прав и свобод // Евразийская адвокатура. – № 2 (27) –2017. – С. 52-56.
- [16] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2011 N 28-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева»// СПС «КонсультантПлюс».
- [17] Ягудин Р.А. Механизм обеспечения защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. С. 32.
- [18] Джагарян А.А. Достойная жизнь в идеологии российского конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – N 3. – С. 4 – 9.

[19] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 N 568-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[21] Хабриева Т.Я. «Традиция заимствований» и развитие национального права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2025. – N 3. – С. 5 - 13.

[22] Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // «Собрание законодательства РФ», 14.11.2022, N 46, ст. 7977.

References:

[1] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.12.2011 N 28-P «Po delu o provere konstitucionnosti chasti chetvertoj stat'i 261 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.E. Ostaeva» // SPS «Konsul'tanTPlyuS».

[2] Komissarova E.G. Doktrina neposredstvennogo (fakticheskogo) roditel'stva v rossijskom i zarubezhnom semejnom prave // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2022. – N 2. – S. 208 – 238.

[3] Filosofskij slovar' / Pod red. I.T.Frolova. – 6-e izd., pererab. i dop. – M.: Politizdat, 1991. – 560 s.

[4] Bibliya. Kniga svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. V russkom perevode s parallel'nymi mestami i slovarem. M. 1999.

[5] Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kul'ture (utv. VS RF 09.10.1992 N 3612-1) (red. ot 24.06.2025) // SPS «Konsul'tanTPlyuS».

[6] Federal'nyj zakon ot 24.10.1997 N 134-FZ (red. ot 29.12.2020, s izm. ot 29.10.2024) «O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tanTPlyuS».

[7] Shestakov D.A. Semejnaya kriminologiya: sem'YA – konflikt – prestuplenie. SPb.: Izdatel'stvo S. Peterburgskogo universiteta, 1096. – 264 s.

[8] Kartashova T.E. Psikhologicheskie determinanty i osobennosti profilaktiki destruktivnykh supruzheskikh konfliktov v usloviyakh krizisa brachno-semejnykh otnoshenij: avtoref. kand. psikholog. nauk. SPb., 2013.

[9] Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // SPS «Konsul'tanTPlyuS».

[10] Konvenciya o soglasii na vstuplenie v brak, brachnom vozraste i registracii brakov (Zaklyuchena

v g. N'yu-Jorke 10.12.1962) // Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Sbornik dokumentov. – M.: BEK, 1997. S. 667 – 669.

[11] Kostyuk M. F. Pravovoj mekhanizm okhrany social'no-ehkonomicheskikh prav i svobod grazhdan // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26. Gosudarstvennyj audit. – 2025. – № 2. – S. 92–10.

[12] Taeva N.E. Normy konstitucionnogo prava: teoreticheskie problemy klassifikacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2022. – N 7. – S. 24 – 29.

[13] Bondar' N.S. Predmet konstitucionnogo prava v kontekste praktiki konstitucionnogo pravosudiya: stabil'nost' i dinamizm // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2018. – N 10. – S. 27 – 35.

[14] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 15.03.2025 N 615-r «Ob utverzhdenii Strategii dejstvij po realizacii semejnoj i demograficheskoy politiki, podderzhke mnogodetnosti v Rossijskoj Federacii do 2036 goda » // Sobranie zakonodatel'stva RF, 31.03.2025, N 13, st. 1505.

[15] Khadusov A.A. Konstitucionnaya zashchita social'nykh prav i svobod // Evrazijskaya advokatura. – № 2 (27) – 2017. – S. 52-56.

[16] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.12.2011 N 28-P «Po delu o provere konstitucionnosti chasti chetvertoj stat'i 261 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.E. Ostaeva» // SPS «Konsul'tanTPlyuS».

[17] Yagudin R.A. Mekhanizm obespecheniya zashchity konstitucionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2024. S. 32.

[18] Dzhangaryan A.A. Dostojnaya zhizn' v ideologii rossijskogo konstitucionnogo stroya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2025. – N 3. – S. 4 – 9.

[19] Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 N 223-FZ (red. ot 23.11.2024) (s izm. i dop., vstup. v silu s 05.02.2025) // SPS «Konsul'tanTPlyuS».

[20] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21.10.2008 N 568-О-О «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Pavlova Ivana Vasilevicha na narushenie ego konstitucionnykh prav stat'ej 134 Ugolovnog kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tanTPlyuS».

[21] Khabrieva T.YA. «Tradiciya zaimstvovaniy» i razvitie nacional'nogo prava // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2025. – N 3. – S. 5 - 13.

[22] Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 N 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu tradicionnykh rossijskikh dukhovno-nravstvennykh cennostej» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 14.11.2022, N 46, st. 7977.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-95-102

ВИНОКУРОВ Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
заслуженный юрист Российской Федерации,
e-mail: tigp@igps.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЯМИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье проанализировано существующее положение дел с конституционной обязанностью родителей воспитывать своих детей. Подробно рассмотрено понятие «воспитание» в различных правовых аспектах. В основу исследования положены нормы Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», других федеральных законодательных актов, касающихся вопросов воспитания детей. Практическая значимость работы заключается в поиске решений задачи по созданию государством реальных и эффективных условий, способствующих выполнению родителями своих обязанностей по воспитанию детей. В результате проведенного анализа нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы воспитания, справочных изданий, поясняющих смысл воспитания как процесса, связанного не только с образованием, но и с воздействием на человека в любых жизненных вопросах, сформулировано определение термину «воспитание» в общем (широком) смысле, которое предложено включить в Семейный кодекс Российской Федерации. Одновременно предложено освобождать от должности лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной и муниципальной службы, за неисполнение или ненадлежащее исполнение этими лицами, как родителями, своих обязанностей по воспитанию детей.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; воспитание; образование; родители; дети; обязанности родителей; ответственность родителей; лица, замещающие государственные должности; государственные служащие; муниципальные служащие.

VINOKUROV Vladimir Anatolyevich,
Doctor of Law, Associate Professor, Saint Petersburg
University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Professor of the Department of Theory and History
of State and Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

IMPLEMENTATION BY PARENTS CONSTITUTIONAL DUTY PARENTING: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. The article analyzes the current state of affairs with the constitutional duty of parents to raise their children. The concept of “education” in various legal aspects is considered in detail. The research is based on the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law “On Education in the Russian Federation”, and other federal legislative acts concerning the upbringing of children. The practical significance of the work lies in the search for solutions to the problem of creating real and effective conditions for the state that facilitate parents to fulfill their responsibilities for raising children. As a result of the analysis of normative legal acts concerning education, reference publications explaining the meaning of education as a process related not only to education, but also to the impact on a person in any life issues, a definition of the term “education” in a general (broad) sense has been formulated, which is proposed to be included in the Family Code of the Russian Federation. At the same time, it is proposed to dismiss persons holding government positions in

the Russian Federation, government positions in the subjects of the Russian Federation, and positions of state and municipal service for non-fulfillment or improper fulfillment by these persons, as parents, of their duties to raise children.

Key words: *The Constitution of the Russian Federation; upbringing; education; parents; children; duties of parents; responsibility of parents; persons holding public office; civil servants; municipal employees.*

Введение

В российской действительности обострились проблемы, связанные с воспитанием детей и подростков, точнее, с недостаточным или откровенно слабым их воспитанием. Средства массовой информации пестрят заголовками, пугающими законопослушное население так называемым «родительским терроризмом» [1; 2]. Кроме того, увеличилось число случаев, когда родители, вопреки здравому смыслу, становятся на защиту своих чад, которые в образовательном учреждении серьезно напакостили: издевались над одноклассниками или избивали их, оскорбляли педагогов или откровенно лгали по поводу их действий [3; 4].

Обозначенные проблемы с точки зрения права решаются весьма непродуктивно, поскольку кроме многословия правовых актов, смысл которого сводится к общим фразам о необходимости воспитания, индивидуального подхода к каждому обучающемуся, объяснению родителям их роли в процессе воспитания, реальных эффективных мер или не существует, или они не применяются.

Цель статьи – проанализировать существующее положение дел с конституционной обязанностью родителей воспитывать своих детей, рассмотреть понятие «воспитание» в различных правовых аспектах. В основу исследования положены нормы Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», других федеральных законодательных актов, касающихся вопросов воспитания детей. В части методологии использованы общенаучные методы (диалектический, логический, системный), а также специальные – частнонаучные методы (формально-юридический и сравнительно-правовой).

Что есть воспитание? Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона объясняет, что «в отношении к человеку воспитание определяется следующим образом: это есть преднамеренное воздействие взрослого человека на ребенка или юношу, имеющее целью довести его до той доли самостоятельности, которая необходима человеку для исполнения своего назначения на земле» [16]. Д.Н. Ушаков растолковывает, что воспитание – это навыки поведения, привитые семьей, школой, средой, а также обладание этими навыками [17]. В статье, размещенной в Большой Российской энциклопедии, воспитание рассматривается

как целенаправленное создание условий для развития личности и ее соответствия ценностям и интересам общества, причем в двух смыслах: в широком – как влияние общества на личность, и в узком – как одна из сторон образования наряду с обучением [18].

На основе воспроизведенных определений, на наш взгляд, должна формироваться законодательная база, в которой могут быть урегулированы отдельные вопросы, связанные с воспитанием детей. Понять возникшие законодательные проблемы или существующие правовые пробелы в этой области можно обратившись к нормативным правовым актам Российской Федерации.

Основная часть

Конституция Российской Федерации¹ определяет, что воспитание детей является обязанностью родителей (из части 2 статьи 38). Таким образом, Основной Закон страны именно на родителей возлагает конституционную обязанность воспитывать детей. Одновременно Конституция Российской Федерации предусматривает обязанность государства по созданию условий, способствующие воспитанию в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (из части 4 статьи 67¹), то есть государство обязано создать предпосылки, позволяющие возвращать в подрастающем поколении именно эти качества, которые в широком смысле, по нашему мнению, охватывают весь спектр качеств, которыми должен обладать российский гражданин, вступающий в самостоятельную жизнь. К таким предпосылкам следует отнести и государственное принуждение, обязывающее родителей следовать конституционной норме.

В соответствии со статьей 76 Основного Закона государства по вопросам, относящимся к предметам ведения Российской Федерации или совместного ведения (куда включены также вопросы образования и воспитания) должен быть принят федеральный закон. Одним из таких зако-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. 6 октября. № 0001202210060013.

Конституция Российской Федерации далее может именоваться Основным Законом государства, Основным Законом страны.

нодательных актов, регулирующих ряд вопросов воспитания, осуществляемого в процессе образования, является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹. В названном Федеральном законе имеется определение понятия «воспитание», рассматриваемое именно в узкой части, то есть как то, что сопровождает процесс образования.

После нескольких изменений, внесенных в обозначенное определение, теперь под воспитанием понимается «деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» (пункт 2 статьи 2).

Попытка охватить в процитированной дефиниции возможно больший набор качеств, которыми должны обладать обучающиеся, включая те, что обозначены в Конституции Российской Федерации, юридически перевела вопрос воспитания из узкой направленности, когда воспитание осуществляется одновременно с обучением, в широкую плоскость, то есть как влияние всего общества на личность в целом, при том, что понятие «воспитание» в широком смысле не закреплено ни в одном законодательном акте.

В результате фактически и в какой-то мере юридически произошел перекос, когда вопросы образования стали рассматриваться исключительно через призму образовательного процесса. Общество, основой которого является семья, фактически оказались исключенными из процесса воспитания детей и подростков, несмотря на наличие норм, обязывающих родителей воспитывать своих детей.

Семейный кодекс Российской Федерации², повторяя конституционную норму и одновременно декларируя ответственность родителей за воспитание и развитие своих детей (статья 63) за уклонение от выполнения обязанностей родителей,

предусматривает, по сути, лишь одно наказание – лишение родительских прав (статья 69). Провести данную процедуру за уклонение от выполнения обязанностей родителей, которые не осуществляют или плохо выполняют обязанности именно по воспитанию своих детей, весьма проблематично. Сложность заключается, в первую очередь, в отсутствии в законодательстве, в том числе в Семейном кодексе Российской Федерации определения, что есть воспитание в широком смысле, то есть воспитание, не связанное напрямую с обучением. Верховный Суд Российской Федерации попытался объяснить, что следует понимать под уклонением родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей. Так, по мнению высшей судебной инстанции страны, такое уклонение «может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении» (подпункт «а» пункта 16)³. Как видим, в данном документе понятие «воспитание» свелось к отсутствию заботы о названном развитии и обучении, то есть буквально – к отсутствию мысли или деятельности, направленной к благополучию человека [15]. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации, по сути, подменил понятие «воспитание» термином «забота», что создает проблемы для принятия справедливых решений. Но и в этом случае понять, выполняют родители свои обязанности по психическому, духовному, нравственному развитию или не выполняют их, очень непросто.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ предусматривает ответственность родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими обязанностей «по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних» (статья 5.35). Формулировка указанной статьи включает в себя несколько положений, каждое из которых рассматривается как отдельно, так и вкупе с другими. Исключение составляет невыполнение родителями обязанностей по воспитанию детей, которое, как правило, не выступает самостоятельным основанием для привлечения к административной ответственности. Объясняется этот момент отсутствием однозначного правового закрепления понятия «воспитание» как единого процесса, что

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 1.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

делает практически невозможным грамотную фиксацию правонарушения в этой части. Кроме того, нежелание заниматься этим составом правонарушения обуславливается незначительным по суровости наказанием: предупреждением или наложением административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей.

Адвокат Елизавета Бернштейн, подробно останавливаясь на анализе нормы части 1 статьи 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части неисполнения обязанности по воспитанию ребенка, полагает, что «воспитание – это прежде всего личный пример». Одновременно адвокат совершенно справедливо презюмирует, что нельзя привлечь родителей к ответственности до тех пор, пока вина их ребенка не будет юридически доказана [5].

В Уголовном кодексе Российской Федерации¹ содержится норма о наказании за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем, но только если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним (статья 156). Рассматривая проблемы, связанные с привлечением родителей к уголовной ответственности, сравнивая ее с другими видами ответственности, О.О. Борзова и Л.Х. Караева полагают, что неисполнение родителями обязанностей по воспитанию несовершеннолетних – это, в числе прочего, «неправильное, нечеткое, формальное, нерадивое, несвоевременное, неполное их осуществление», далее уточняя, что в части воспитания речь идет о нравственности [6, с. 54, 55]. Предлагая ввести в российское уголовное законодательство ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (без квалифицирующего признака: «соединенного в жестоким обращением»), Т.Г. Лепина не раскрывает смысл воспитания, что, на наш взгляд, грозит сложностями в принятии судебных решений, обусловленными отсутствием конкретики в том составе преступления, который предлагает данный автор [7, с. 224]. О том, что проблема неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних остается одной из самых серьезных с точки зрения ее социальных, экономических и демографических последствий, пишет Б.С. Никифоров, предлагая некоторые совершенствования, связанные с юридической ответственности, но также не раскрывая понятия «воспитание» [8, с. 121]. Осуществляя обзоры судебной практики, касающиеся неисполнения обязанностей по воспитанию несовершен-

нолетних, авторы не находят в судебных решениях составляющих элементов воспитания, за неисполнение обязанностей по которому возможно наступление административной или уголовной ответственности, и сами, к сожалению, не пытаются выявить или сформулировать то, что следует считать воспитанием [9]. Одновременно ряд авторов приходит к выводу о том, что существующие в настоящее время нормы Уголовного кодекса Российской Федерации не достигают целей охраны прав и законных интересов несовершеннолетних... [10, с. 72].

Как отмечает А.В. Глущенко, «Анализ практики показывает, что меры ответственности, установленные российскими законами, за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних не дают необходимых результатов» [11, с. 2748]. Таким образом, предпринимаемые государством меры, которые должны обеспечивать выполнение родителями своих обязанностей, недостаточны для того, чтобы исполнять указанную в начале статьи конституционную норму.

Поиск мер, позволяющих государству создать условия, чтобы родители выполняли свои обязанности по воспитанию детей, привел руководство сопредельного государства к нетрадиционному, но, на наш взгляд, весьма эффективному решению. Так, по данным информационного ресурса «Хроника Туркменистана» Президент Туркменистана уволил министра энергетики и промышленности республики за то, что тот плохо воспитал своего сына, который был замешан в дорожно-транспортном происшествии, подчеркнув при этом «что, к сожалению, некоторые руководители не уделяют достаточного внимания воспитанию своих детей, в то время как авторитет руководителя во многом зависит от того, какое воспитание получают его дети и как они себя ведут в обществе» [12].

Интересно, что и современном российском обществе все чаще стали продвигать идею о том, что «отец за сына в ответе», обосновывая этот тезис тем, что «мы должны нести ответственность за тех, кого родили» [13].

В последнее время на практике стали приниматься решения об освобождении родителей, которые замещают государственные или муниципальные должности, за глупые действия своих детей. Проблема в том, что прямого законодательного основания для освобождения должностных лиц за недостатки в воспитании детей не установлено. По всей видимости, приходится использовать иные причины, включая утрату доверия.

В качестве примера следует упомянуть о ситуации, когда за высказывание в социальных

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

сетях дочери была освобождена от должности ее мать – глава Нюксенского муниципального округа Вологодской области. Губернатор Вологодской области обосновал это решение таким образом: «Глава Нюксенского муниципального округа ... отправляется в отставку ввиду ценностной несовместимости проступка дочери с правилами, принципами и идеологией работы команды правительства Вологодской области» [14], то есть применил основание, которое не содержит федеральный закон.

Таким образом становится ясно, что если признать возможность использования подобных мер, то они должны быть установлены законодательно и, на наш взгляд, в первую очередь, в отношении родителей, занимающих государственные должности, должности государственной и муниципальной службы, чьи дети совершили преступление, правонарушение или проступок, несовместимый с принятыми в нашем обществе нормами поведения и морали (хамство, разнузданность в поведении, угроза родителями, занимающими должности в органах публичной власти, нецензурность в высказываниях, в том числе в отношении конкретных лиц, унижение словами или действиями, демонстрация оскорбительных жестов и т. п.). Несомненно, прежде чем принять решение об освобождении родителя за невыполнение им обязанностей по воспитанию своего ребенка, приведшее к последствиям, за которые государством установлена ответственность, или которые не поддерживаются обществом, то есть за то, что мешает развитию и затрудняет или парализует деятельность других, направленную на созидание, необходимо быть уверенным, что ребенок (как несовершеннолетний, так и достигший совершеннолетия) действительно виновен. Доказательством в этом случае должны служить вступившие в законную силу судебные решения, решения административных органов, принятые в пределах их полномочий, включая, в частности, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, призванных разбираться в проступках детей в возрасте, не позволяющих привлечь их к уголовной или дисциплинарной ответственности.

Выводы и предложения

Уклонение законодателей, авторов научных статей и обзоров от того, чтобы сформулировать определение термину «воспитание» для понимания того, что обязаны делать родители в этой части, зиждется на сложности восприятия различными людьми данного понятия и многообразии действий и (или) бездействий родителей в этой области, которая в большинстве случаев скрыта от общества.

На наш взгляд, общее определение понятию «воспитание» необходимо зафиксировать в Семейном кодексе Российской Федерации, взяв за основу определения, предложенные в энциклопедиях и толковых словарях. Так, предлагается дополнить пункт 1 статьи 63, в которой определяются обязанности родителей по воспитанию детей, абзацем следующего содержания: «Воспитание детей – любое воздействие родителей на ребенка, включая личный пример в поведении, формирующее соответствующую интересам общества и государства самостоятельную личность, для выполнения ею своего предназначения на земле как человека».

При этом, принимая во внимание, что предметом регулирования Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» являются общественные отношения, возникающие в сфере образования, целесообразно переформулировать определение воспитания, используемое в этом Федеральном законе изложив его в следующей редакции: «воспитание – связанный с обучением процесс, направленный на развитие и формирование личности на основе получаемых знаний, базирующихся на социокультурных, духовно-нравственных и моральных ценностях и принятых в современном российском обществе законов, правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства». Одновременно в названном Федеральном законе можно уточнить, что включается в воспитательный процесс, связанный с обучением, дополнив часть 2 статьи 12¹ абзацем вторым следующего содержания: «В рабочей программе воспитания предусматривается, что в процессе воспитания у обучающегося должны формироваться трудолюбие, ответственное отношение к труду и его результатам, чувство патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимному уважению, бережному отношению к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде».

Следующая часть предлагаемых изменений касается необходимости фиксации в законодательстве права главы государства, высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и представителя нанимателя на освобождение лица, замещающего государственную должность, должность государственной или муниципальной службы от должности в связи с неисполнением им обязанности по воспитанию детей. В данном случае в категорию детей должны быть включены не только несовершеннолетние, но и лица, относящиеся по возрасту к социально-демографической группе «молодежь, молодые граждане» (то есть, в

соответствии с Федеральным законом «О молодежной политике в Российской Федерации» – до 35 лет включительно¹).

Для того, чтобы зафиксировать в полномочиях Президента Российской Федерации возможность принимать решения по всему спектру лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, предлагается дополнить статью 83 Основного Закона государства пунктом «н» в следующей редакции:

«н) освобождает от должности лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, за неисполнение ими обязанностей по воспитанию своих детей.».

В отношении лиц, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации, следует дополнить полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, включив в статью 25 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»² пункт 14¹ следующего содержания:

«14¹) освобождает от должности лиц, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации, за неисполнение ими обязанностей по воспитанию своих детей.».

В отношении федеральных государственных служащих и государственных служащих субъектов Российской Федерации, целесообразно в статью 12 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации»³ включить новый пункт 5² следующего содержания:

«5². Государственный служащий может быть освобожден от занимаемой должности в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих обязанностей по воспитанию своих детей.».

Что касается лиц, замещающих муниципальные должности, то право на их освобождение за неисполнение обязанностей по воспитанию детей можно предусмотреть за главой муниципального образования, включив это полномочие отдельным пунктом 5 в часть 1 статьи 20 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁴ в следующей редакции:

«5) освобождает от должности лиц, замещающих муниципальные должности, за неисполнение ими обязанностей по воспитанию своих детей.».

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

Одновременно необходимо предусмотреть соответствующее основания для расторжение трудового договора с муниципальным служащим, дополнив часть 1 статьи 19 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации»⁵ пунктом 6 следующего содержания:

«6) неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей по воспитанию своих детей.».

Освобождение от должности лиц органов публичной власти в связи с не исполнением своих обязанностей по воспитанию детей или исполнением их не должным образом, что привело к привлечению этих детей к ответственности, может рассматриваться как основание для привлечения этих родителей к административной ответственности по части 1 статьи 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также по статье 156 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В случае, если выявится, что лица, замещающие государственные должности, должности государственной или муниципальной службы, пытались использовать свое влияние, чтобы каким-то образом освободить своих детей от ответственности за содеянный неправомерный проступок, правонарушение или преступление, то такие лица, по нашему мнению, должны привлекаться к уголовной ответственности по статье 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Предложенные меры позволят использовать в практической деятельности и в научных исследованиях (в том числе в дискуссиях) сформулированное определение понятию «воспитание» в широком (общем) смысле данного термина, а не использовать лишь тот смысл, который в это понятие вложен применительно к образованию, что сегодня приводит к исключению родителей из процесса воспитания.

Полагаем, что именно реальная угроза лишиться должности за плохое воспитание своих детей, будет выступать надежным стимулом, который заставит сначала чиновников, а затем, возможно, и всех остальных работников исполнять конституционную обязанность, касающуюся воспитания детей, не сваливая эту обязанность на образовательные учреждения.

Список литературы:

[1] Пашкова Е. «Родительский терроризм»: родители кричат, угрожают, выражаются нецензурно. Кто защитит педагогов? // Pedsovet.su. Сообщество педагогов [Электронный ресурс] //

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.

URL: https://pedsovet.su/metodika/6836_zhaloby_roditeley?ysclid=meielik2ex874409624 (дата обращения: 20 августа 2025 года).

[2] Алиева С. Родительский терроризм, или Почему я ушла из школы // Литературная газета, 13 июля 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://lgz.ru/article/roditelskiy-terrorizm/?ysclid=meieumnqr3876080215> (дата обращения: 20 августа 2025 года).

[3] Дмитриева Н. Трудные родители // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области [Электронный ресурс] // URL: <https://ведомостинсо.рф/2023042101?ysclid=meiepzkom0248051722> (дата обращения: 19 августа 2025 года).

[4] Рубцова А. Дочь рыдает, а отец бежит на детскую площадку. Но как вести себя взрослому с обидчиками ребенка? // Сетевое издание «Правмир» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pravmir.ru/daj-sdachi-razberites-sami-i-drugie-oshibki-roditelej-v-detskih-konfliktah/?ysclid=meo7o89gk393661608> (дата обращения: 19 августа 2025 года).

[5] Бернштейн Е. Наказание за неисполнение родительских обязанностей // Адвокатская газета. Спецпроект «АГ-Эксперт» [Электронный ресурс] // <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/nakazanie-za-neispolnenie-roditelskikh-obyazannostey/?ysclid=mek3mcm4ur600541025> (дата обращения: 20 августа 2025 года).

[6] Борзова О.О., Караева Л.Х. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию детей // Вестник магистратуры. 2019. № 5-5 (92). С. 54–58.

[7] Лепина Т.Г. Уголовная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в зарубежных странах // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 216–226.

[8] Никифоров Б.С. Ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 119–121.

[9] Скворцова О.В., Нестеренко А.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: вопросы регламентации, квалификации, совершенствования положений действующего уголовного законодательства, обзор судебной практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 4. С. 130–140.

[10] Безрукова О.В., Живодрова Н.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: анализ материалов судебной прак-

тики // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39). С. 71–82.

[11] Глущенко А.В. Некоторые аспекты правового регулирования воспитания детей в зарубежных странах // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 2746–2750.

[12] Президент Туркменистана уволил министра за плохое воспитание сына // Независимый информационный ресурс правозащитной организации Туркменская инициатива по правам человека «Хроника Туркменистана» 13 апреля 2012 года [Электронный ресурс] // URL: <https://www.hronikatm.com/2012/04/prezident-turkmenistana-uvolil-ministra-za-plohoe-vospitanie-syina/> (дата обращения: 20 августа 2025 года).

[13] Робский В. Сына за отца не отвечает, а отец за сына? (к проблеме ответственности родителей) // Сайт «Педагогический навигатор» 24 января 2024 года [Электронный ресурс] // URL: <https://pednavigator.ru/syn-za-otca-ne-otvechaet-a-otec-za-syna-k-probleme-otvetstvennosti-roditelej/?ysclid=melhfg3vvk61722076> (дата обращения: 20 августа 2025 года).

[14] Главу округа Вологодской области уволили из-за слов ее дочери о спецоперации // Ведомости. Страна. 20 мая 2025 года [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/strana/northwestern/news/2025/05/20/1111237-glavu-okruga> (дата обращения: 25 августа 2025 года).

[15] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. С. 171.

[16] Энциклопедический словарь. Том VII. Санкт-Петербург, 1892 – Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефрон. Том 13. – Ярославль: Издательский центр «ТЕРРА», 1991. С. 269.

[17] Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: «Альта-Принт», ООО Издательство «ДОМ. XXI век», 2008. С. 96–97.

[18] Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / Председатель Науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 5. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2006, С. 738.

References:

[1] Pashkova E. «Roditel'skij terrorizm»: roditeli krichat, ugrozhayut, vyrazhayutsya necenzurno. Kto zashchitit pedagogov? // Pedsovet.su. Soobshchestvo pedagogov [Elektronnyj resurs] // URL: https://pedsovet.su/metodika/6836_zhaloby_roditeley?ysclid=meielik2ex874409624 (data obrashcheniya: 20 avgusta 2025 goda).

[2] Alieva S. Roditel'skij terrorism, ili Pochemu ya ushla iz shkoly // Literaturnaya gazeta, 13 iyulya 2021 g. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://lgz.ru/article/roditelskiy-terrorizm/?ysclid=meieumnqr3876080215> (data obrashcheniya: 20 avgusta 2025 goda).

[3] Dmitrieva N. Trudnye roditeli // Vedomosti Zakonodatel'nogo Sobraniya Novosibirskoj oblasti [Elektronnyj resurs] // URL: <https://vedomostinso.rf/2023042101?ysclid=meiepzkom0248051722> (data obrashcheniya: 19 avgusta 2025 goda).

[4] Rubcova A. Doch' rydaet, a otec bezhit na detskuyu ploshchadku. No kak vesti sebya vzrosloму s obidchikami rebenka? // Setevoe izdanie «PravmiR» [Elektronnyj resurs] // URL: // <https://www.pravmir.ru/daj-sdachi-razberites-sami-i-drugie-oshibki-roditelej-v-detskih-konfliktah/?ysclid=me-po7o89gk393661608> (data obrashcheniya: 19 avgusta 2025 goda).

[5] Bernshtejn E. Nakazanie za neispolnenie roditel'skikh obyazannostej // Advokatskaya gazeta. Specproekt «AG-EhksperT» [Elektronnyj resurs] // <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/nakazanie-za-neispolnenie-roditelskikh-obyazannostej/?ysclid=mek3mcm4ur600541025> (data obrashcheniya: 20 avgusta 2025 goda).

[6] Borzova O.O., Karaeva L.KH. Ugolovnaya otvetstvennost' za neispolnenie obyazannostej po vospitaniyu detej // Vestnik magistratury. 2019. № 5 5 (92). S. 54–58.

[7] Lepina T.G. Ugolovnaya otvetstvennost' za neispolnenie ili nenadlezhashchee ispolnenie obyazannostej po vospitaniyu nesovershennoletnego v zarubezhnykh stranakh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 465. S. 216–226.

[8] Nikiforov B.S. Otvetstvennost' za neispolnenie obyazannostej po vospitaniyu nesovershennoletnikh // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 1. S. 119–121.

[9] Skvorcova O.V., Nesterenko A.A. Neispolnenie obyazannostej po vospitaniyu nesovershennoletnego: voprosy reglamentacii, kvalifikacii, sovershenstvovaniya polozhenij dejstvuyushchego ugovnogo zakonodatel'stva, obzor sudebnoj praktiki // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2020. T. 6 (72). № 4. S. 130–140.

[10] Bezrukova O.V., Zhivodrova N.A. Neispolnenie obyazannostej po vospitaniyu nesovershennoletnego: analiz materialov sudebnoj praktiki // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2016. № 3 (39). S. 71–82.

[11] Glushchenko A.V. Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya vospitaniya detej v zarubezhnykh stranakh // Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Koncept». 2013. T. 3. S. 2746–2750.

[12] Prezident Turkmenistana uvolil ministra za plokhoe vospitanie syna // Nezavisimyj informacionnyj resurs pravozashchitnoj organizacii Turkmen-skaya iniciativa po pravam cheloveka «Khronika TurkmenistanA» 13 aprelya 2012 goda [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.hronikatm.com/2012/04/prezident-turkmenistana-uvolil-ministra-za-plohoe-vospitanie-syina/> (data obrashcheniya: 20 avgusta 2025 goda).

[13] Robskij V. Syna za otca ne otvechaet, a otec za syna? (k probleme otvetstvennosti roditel'ej) // Sajt «Pedagogicheskij navigator» 24 yanvarya 2024 goda [Elektronnyj resurs] // URL: <https://pednavigator.ru/syn-za-otca-ne-otvechaet-a-otec-za-syna-k-probleme-otvetstvennosti-roditel'ej/?ysclid=melhfg3vvk61722076> (data obrashcheniya: 20 avgusta 2025 goda).

[14] Glavu okruga Vologodskoj oblasti uvolili iz-za slov ee docheri o specoperacii // Vedomosti. Strana. 20 maya 2025 goda [Elektronnyj resurs] // URL: // <https://www.vedomosti.ru/strana/northwestern/news/2025/05/20/1111237-glavu-okruga> (data obrashcheniya: 25 avgusta 2025 goda).

[15] Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. prof. L.I. Skvorcova. – 26-e izd., ispr. i dop. – M.: OOO «Izdatel'stvo Oniks»: OOO «Izdatel'stvo «Mir i ObrazovaniE», 2009. S. 171.

[16] Ehnciklopedicheskij slovar'. Tom VII. Sankt-Peterburg, 1892 – Reprintnoe vospro-izvedenie izdaniya F.A. Brokgauz–I.A. Efron. Tom 13. – Yaroslavl': Izdatel'skij centr «TERRA», 1991. S. 269.

[17] Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. – M.: «Al'ta-Print», OOO Izdatel'stvo «DOM. XXI vek», 2008. S. 96–97.

[18] Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya: v 30 t. / Predsedatel' Nauch.-red. sojeta YU.S. Osipov. Otv. red. S.L. Kravec. T. 5. – M.: Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya, 2006, S. 738.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-103-106

КОСТЮК Михаил Федорович,
профессор кафедры государственного-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: kost-mf@yandex.ru

КУНЦ Елена Владимировна,
главный научный сотрудник отдела разработки
методологий исполнения наказаний, связанных
с лишением свободы, и изучения пенитенциарной
преступности центра исследования проблем
обеспечения безопасности в учреждениях
уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: 73kuntc@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОТРАСЛЕВЫХ ПРИНЦИПОВ

Аннотация. Некоторые принципы Конституции Российской Федерации¹ дословно имплементированы в базовые положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Такой подход подтверждает единый конституционно – правовой характер и целевое назначение отраслевого законодательства с духом основного закона государства. Стилистическое дублирование конституционно-правовых норм представляет собой ограничивающий, сдерживающий фактор, который не позволяет осуществлять какие – либо отклонения от применения данной нормы в практической деятельности, поскольку иное означало бы прямое нарушение нормы основного закона.

Ключевые слова: законность, конституционно-правовая основа, отраслевые принципы, справедливость, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство

KOSTYUK Mikhail Fedorovich,
professor of the Department of State-Legal
and Criminal-Legal Disciplines of the Plekhanov
Russian University of Economics, Doctor of Law, professor

KUNTS Elena Vladimirovna,
chief researcher of the department for the development
of methodologies for the execution of punishments
related to deprivation of liberty and the study of penitentiary
crime of the center for research into security issues
in penal institutions of the Federal Penitentiary Service
Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, professor

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF SECTORAL PRINCIPLES

Annotation. Some principles of the Constitution of the Russian Federation are literally implemented in the basic provisions of criminal and penal legislation. This approach confirms the unified constitutional and legal nature and purpose of sectoral legislation with the spirit of the basic law of the state. Stylistic duplication of constitutional and legal norms is a limiting, restraining factor that does not allow any deviations from the application of this norm in practical activities, since otherwise would mean a direct violation of the norm of the basic law.

¹ Далее Конституция РФ

||| **Key words:** *legality, constitutional and legal basis, sectoral principles, justice, criminal and penal legislation.*

Слово принцип происходит от латинского «*principium*», что означает основа, основополагающее начало. Если проанализировать отраслевые принципы, например, принципы уголовного и уголовно-исполнительного права, то система отраслевых принципов базируется на Конституции РФ, поскольку принципы и общие положения, закрепленные в ней. В первую очередь определяющие права и свободы человека и гражданина, согласно ст. 15 Конституции РФ имеют прямое действие, это означает, что она действует на всей территории страны и не требует имплементации в законодательстве субъектов Федерации. Её положения обязательны для всех без исключения органов, должностных лиц и граждан.

Прямое действие Конституции РФ может быть в двух формах: 1) непосредственное, которое осуществляется только конституционными средствами или совместными с другими правовыми нормами, которые обычно определяют процедуру реализации конституционных норм; 2) опосредованное, когда конституционно-правовая норма предварительно конкретизируется в иных законодательных актах.

Особое значение в целях обеспечения прямого действия Конституции РФ имеет Конституционный Суд Российской Федерации¹, так как эти нормы получают возможность реализации.

В научно – практической литературе можно встретить мнения о том, что такого принципа как справедливость, в настоящее время с учетом общественных реалий и к тому же при невозможности достижения такого явления как объективная истина, не существует [1, с. 112]. Данное утверждение не может быть полностью поддержано, так как оно опирается на консервативные взгляды, в которых право является не искусством добра и справедливости, а как минимум выступает механизмом уголовно – правовых репрессий.

Сущность принципа справедливости заключается и в назначении наказания, соразмерного степени общественной опасности преступления, и в обоснованности криминализации тех или иных деяний, а также в установлении конкретных оснований, как для привлечения, так и для освобождения от уголовной ответственности и наказания и так далее [2].

Справедливость как философско – правовая категория позволяет формальному закону отвечать актуальным вызовам современности, при этом учитывая базовые традиции науки права.

Справедливость в уголовном праве проявляется путем оценки общественной опасности совершенного деяния в конкретный период времени и применительно к индивидуальным особенностям личности потерпевшего, а также самого субъекта преступления.

Следует отметить, что некоторые авторы при проведении исследований отмечали, что значимые черты принципа справедливости применительно к положениям действующего уголовного закона находили отражение в правовых позициях КС РФ. Речь идет о квалификации уголовно-правового деяния в качестве преступления, но только в тех случаях, когда за такое деяние установлено ответственность в нормах особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации². Если какое – либо деяние хоть и подпадало формально под признаки преступления, но в силу отсутствия реальной угрозы, незначительности вреда, отсутствием вредных последствий, очевидно, не повлекло опасности для неопределенного круга лиц, то привлечение лица к уголовной ответственности в такой ситуации противоречило бы конституционно – значимым целям охраны и защиты личности от необоснованного обвинения [3].

Конституционно – правовая природа принципа справедливости в уголовном праве выполняет двуединое целевое назначение – с одной стороны, указанный принцип обеспечивает неотвратимость уголовной ответственности и наказания, то есть оперативность и реальность защиты прав и свобод граждан и организации от преступлений, и с другой стороны, смысл данного принципа заключается и в охране прав и законных интересов тех лиц, в отношении которых направлены уголовно – правовые претензии со стороны публичной власти в лице правоохранительной системы. При этом, важно понимать, что принцип справедливости является очень релевантным и чувствительным к общественным и политическим – правовым изменениям, что подразумевает обязательные изменения закона в соответствии с социальными реалиями как в случаях чрезмерного усиления уголовно – правового принуждения, так и при ослаблении механизмов, направленных на защиту конституционно значимых ценностей [4].

Принцип справедливости взаимосвязан с принципом вины (ст. 5 УК РФ). Рассмотрение указанных принципов в совокупности указывает на невозможность применения закона по аналогии, а также распространение обратной силы нового закона, усиливающего уголовную ответ-

¹ Далее – КС РФ

² Далее – УК РФ

ственность на предыдущие временные периоды, не позволяет привлекать лицо к публично – правовой ответственности (как уголовной, так и административной) за те фактически совершенные деяния, которые уже получили юридическую оценку со стороны правоохранительных органов.

В судебной практике есть случаи, когда отменяются судебные решения с одновременным прекращением дел об административных правонарушениях, по основаниям п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, когда основой для уголовного дела является административная перитеция (ст. 6.1.1, 12.8, 12.26) [5], или когда в результате правонарушения через определенное время наступают более серьезные последствия в виде средней тяжести вреда здоровью [6].

Одним из важных позитивных моментов действующего уголовно-исполнительного законодательства является законодательное закрепление прав, свобод и законных интересов осужденных (ст. 12—15 УИК РФ), что обеспечивает гарантии их реализации в процессе исполнения всех видов уголовных наказаний [7, с. 20].

Гуманизм уголовно-исполнительной системы проявляется всегда через правоприменительную практику. Именно она влияет на обеспечение прав и свобод человека и гражданина в стране [8, с. 311].

Декларативный характер основ конституционного строя, целевая направленность норм – принципов, установленных в главе 2 Конституции РФ, являются законодательной основой для норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

В самом духе основного закона Российской Федерации, как «живого организма» уже заложен потенциал для осуществления индивидуального правоприменения. Такой вывод формулируется на основании правовых позиции КС РФ, в которых смысл уголовно-правовой нормы раскрывается через нормы Конституции РФ, чтобы понять, что конституционные идеалы правоприменения не являются шаблонными. Конституция РФ задает вектор правоприменителю, что им в каждом уголовном деле учитывались конституционно – правовые нормы, чтобы гарантировать справедливость и законность при квалификации деяния лица, совершившего преступление.

Целесообразно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ закрепить положение о том, что при разработке дополнений или изменений в УК РФ необходимо учитывать требования Конституции РФ, конституционно – правовой смысл, который придается конкретной норме основного закона посредством практики КС РФ применительно к сфере уголовно – правовых и уголовно-исполнительных отношении, что будет способ-

ствовать и разработке наиболее качественных законодательных инициатив, результаты которых будут эффективны в правоприменении, и станет своего рода механизмом суда при разрешении спорных вопросов относительно квалификации преступления, его наказуемости, наличии основания для прекращения уголовного преследования, освобождения от наказания, то есть во всех тех случаях, когда разрешение спорного вопроса лежит в исключительной компетенции судьи.

Список литературы:

- [1] Янина И.Ю. Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности) // Журнал российского права. 2020. – № 1. – С. 112.
- [2] Дядюн К.В. Принцип равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: понятие и сущность в уголовном праве // «Ленинградский юридический журнал». 2015 год. №2 // СПС «КонсультантПлюс».
- [3] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СПС «КонсультантПлюс».
- [4] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 N 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // СПС «КонсультантПлюс».
- [5] Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2020 года по делу №16-101/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
- [6] Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2020 года по делу №16-95/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
- [7] Уголовно-исполнительное право: учебник / В. Ю. Голубовский, С. В. Захарцев, М. Ф. Костюк, Е.В. Кунц; под ред. д-ра юрид. наук, проф., почет. работника высш. проф. образования В. Ю. Голубовского, д-ра юрид. наук, проф. М. Ф. Костюка. — М. : НИИ ФСИН России, 2022. — С. 20.
- [8] Кунц Е. В. Гуманизм в отношении осужденных: вектор развития современной уголов-

но-исполнительной политики / Е. В. Кунц // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : Материалы IV международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Донецк, 16–17 мая 2024 года. – Донецк: Донбасский государственный университет юстиции, 2024. – С. 311.

References:

[1] Yanina I.Yu. Instruments for recognizing a criminalized act as a criminal offense (using crimes against the individual as an example) // Journal of Russian Law. 2020. - No. 1. - P. 112.

[2] Dyadyun K.V. The principle of equality of citizens before the law, justice and humanism: concept and essence in criminal law // "Leningrad Law Journal". 2015. No. 2 // SPS "ConsultantPlus".

[3] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.02.2017 N 2-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin" // SPS "ConsultantPlus".

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.04.2006 N 4-P "On the case of verifying the constitutionality of Part Two of Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part Two of Article 3 of the Federal Law "On the Introduction of the Criminal Code of the Russian Federation", the Federal Law "On Amendments and Addi-

tions to the Criminal Code of the Russian Federation" and a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning the procedure for bringing court decisions into line with the new criminal law eliminating or mitigating liability for a crime, in connection with the complaints of citizens A.K. Aizhanova, Yu.N. Alexandrov and others" // SPS "ConsultantPlus".

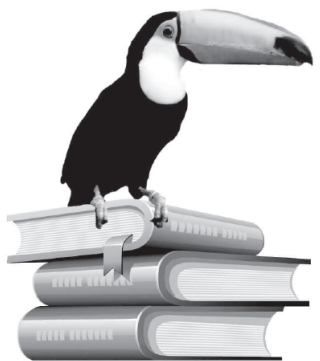
[5] Resolution of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction of 23.01.2020 in case No. 16-101/2020 // SPS "ConsultantPlus".

[6] Resolution of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 23.01.2020 in case No. 16-95/2020 // SPS "ConsultantPlus".

[7] Criminal-executive law: textbook / V. Yu. Golubovsky, S. V. Zakhartsev, M. F. Kostyuk, E. V. Kunts; edited by Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education V. Yu. Golubovsky, Doctor of Law, Professor M. F. Kostyuk. — M.: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. — P. 20.

[8] Kunts E. V. Humanism in relation to convicts: the vector of development of modern penal policy / E. V. Kunts // Actual problems of the theory and practice of criminal law and procedure in modern conditions: Materials of the IV international scientific and practical conference: in 2 volumes, Donetsk, May 16-17, 2024. – Donetsk: Donbass State University of Justice, 2024. – P. 311.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-107-113

КЛЮЕВ Виталий Владимирович,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры «Морское право и международное право»,
Российский университет транспорта (МИИТ),
e-mail: vitality140962@gmail.com

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО МОРСКОГО ПРАВА

Аннотация. Настоящее исследование представляет комплексный анализ исторического развития российского публичного морского права с появления первых кодифицированных актов до настоящего времени. В работе рассматриваются основные этапы формирования морского законодательства России, выявляются закономерности его эволюции и особенности взаимодействия с международным морским правом. Методологической основой исследования послужили историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы. Особое внимание уделяется анализу влияния геополитических факторов на развитие российского морского права, роли международных правовых инструментов в формировании национального законодательства и современным проблемам правового регулирования морской деятельности в условиях изменяющейся международной обстановки. Исследование имеет важное теоретическое и практическое значение для понимания генезиса современных правовых институтов морского права и определения перспектив их дальнейшего развития.

Ключевые слова: морское право, публичное право, история российского права, территориальные воды, исключительная экономическая зона, континентальный шельф, международное морское право, морское законодательство, правовое регулирование.

KLYUEV Vitaly V.,
Candidate of Law,
Prof. (visiting), Maritime Law and International Law,
Russian University of Transport

RUSSIAN MARITIME LAW GENESIS

Annotation. The present study provides a comprehensive analysis of the historical development of Russian public maritime law from its appearance in public form to the present. The paper examines the main stages of the formation of Russian maritime legislation, identifies patterns of its evolution and features of interaction with international maritime law. The methodological basis of the research was historical-legal, comparative-legal, formal-legal and system-structural methods. Special attention is paid to the analysis of the influence of geopolitical factors on the development of Russian maritime law, the role of international conventions in shaping national legislation, and current problems of legal regulation of maritime activities in a changing international environment. The study has important theoretical and practical significance for understanding the genesis of modern legal institutions of maritime law and determining the prospects for their further development.

Key words: maritime law, public law, history of Russian law, territorial waters, exclusive economic zone, continental shelf, international maritime law, maritime legislation, legal regulation.

Введение

Актуальность исследования истории российского публичного морского права определяется несколькими факторами. Во-первых, необходимо-

стью понимания генезиса современных правовых институтов для их эффективного применения и совершенствования. Во-вторых, потребностью в научном осмыслении исторического опыта право-

вого регулирования морской деятельности в контексте современных проблем, включая изменения климатических условий, развитие Арктики и международной конкуренции в морской сфере. В-третьих, важностью анализа взаимодействия российского и международного морского права для определения оптимальной стратегии развития национального законодательства с учетом современной геополитической ситуации.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе основных периодов развития российского морского права с выявлением закономерностей его эволюции и особенностей формирования в различных исторических условиях. В работе впервые проводится систематический анализ влияния международно-правовых факторов на развитие российского морского законодательства на всех этапах его развития и эволюции.

Основная часть

Петровские государственные реформы привели к созданию специализированной системы морского управления, что потребовало разработки и формированию соответствующих правовых норм. Учреждение Адмиралтейств-коллегии в 1718 году стало значимым шагом в формировании централизованного морского управления в Российской Империи.

Регламент Адмиралтейств-коллегии 1722 года определил структуру и полномочия центрального органа морского управления. Коллегия получила большие полномочия по руководству морскими делами, которые включали в себя строительство флота, подготовку морских кадров, управление морскими портами и контроль за соблюдением морского законодательства.

Важным нововведением стало создание специальной системы морского судопроизводства. Морские суды получили исключительную юрисдикцию по делам, связанным с морской службой и морскими правонарушениями, что привело в свою очередь к формированию особой отрасли процессуального морского права.

Указ о вольности дворянства торговать 1719 года предоставил дворянам право заниматься морской торговлей, что способствовало развитию частного торгового мореплавания. Этот нормативно-правовой акт заложил фундамент правового регулирования коммерческого использования морского транспорта, того времени.

Петр I ввел институт обязательного страхования морских грузов, что потребовало создания соответствующих правовых норм. Данные нововведения стали базовой основой для дальнейшего развития морского страхового права в России.

Петровские реформы происходили одновременно с участием Российской Империи в европейской политике, что потребовало приспособления российского морского права к международным морским стандартам. Россия начала участвовать в разработке международных конвенций и договоров в области морских перевозок.

В Мирном договоре с Швецией 1721 года (Ништадтский мир)¹ содержались важные положения о морских правах России в Балтийском море. Договор признал за Россией право свободного мореплавания в Балтике и установил принципы разграничения морских пространств между Россией и Швецией.

В 1720 г. издан «Устав о эверсах», определявший отношения судовладельца к отправителю груза [1]. Данный Устав в ст. 6 впервые законодательно определил и флаг российским торговым кораблям: «Корабли торговые российские, повинны иметь флаг полосатой трех колеров, белой, синей, красной»².

Морской устав 1720 года продолжал действовать как основной источник морского права, но в него вносились многочисленные дополнения и изменения. Указы 1740-х годов уточняли процедуры морского судопроизводства, правила морской службы и принципы организации морского управления. Манифест о вольности дворянства 1762 года расширил права дворян на занятие торговлей, включая морскую, что способствовало развитию частного торгового флота.

Особое значение во второй половине XVIII века имела политика вооруженного нейтралитета, провозглашенная Екатериной II в 1780 году. Декларация о вооруженном нейтралитете 1780 года установила принципы международного морского права: свободу мореплавания нейтральных судов, неприкосновенность нейтральных грузов на неприятельских судах (за исключением военной контрабанды), определение эффективной блокады. Эти принципы оказали существенное влияние на развитие и совершенствование международного морского права в дальнейшем.

XVIII век стал периодом развития морского частного права в России. Это было связано с расширением торгового мореплавания и усложнением морских торговых отношений. В это время формировались институты морского страхования, морского залога, ответственности судовладельцев и правила морской перевозки грузов.

В 1781 г. был принят «Устав купеческого водоходства по рекам, водам и морям», который

¹ Ништадтский мирный договор 30 августа (10 сентября) 1721 года <https://bigenc.ru/c/nishtadtskii-mir-1721-113b7c> (дата обращения 30.08.2025).

² Устав морской. Глава третья. Санкт-Петербург, Императорская академия наук, 1778. С. 38.

во многом был основан на французском праве. Данный устав представлял собой систематизированный закон, включавший в себя нормы: о найме корабля или судна, о договоре фрахта, об ответственности, о хозяине корабля или судна, о страховании судов и грузов, об аварии [2].

XIX век стал периодом систематизации российского законодательства, включая морское право. Работа по кодификации под руководством М.М. Сперанского привела к созданию Свода законов Российской империи, в котором морскому праву была отведена значительная роль. Свод законов Российской империи 1832 года включал морское право в различные тома. Основные положения морского права содержались в томе XIII «Уставы о цензуре, о паспортах и беглых, о предупреждении и пресечении преступлений, о благоустройстве в городах и о благочинии»¹, а также в торговом уставе.

Морской устав, включенный в Свод военных Постановлений [3], регулировал вопросы военно-морской службы, организации флота и морского военного судопроизводства. Стоит отметить, что Устав был значительно переработан по сравнению с Петровским вариантом и учитывал изменения в организации флота и морской службы в данное время.

В Уставе торговом 1865 г. впервые в Российской империи были законодательно закреплены регистрация судов и предоставление права судовладельцу («судохозяину») поднять русский купеческий флаг на собственном его судне. Плавание под Русским флагом разрешается лишь по внесении судна в корабельный список одного из русских портов и по выдаче судохозяину надлежащего в том свидетельства, именуемого патентом на плавание под Русским флагом» [4].

XIX век характеризовался этапом развитием морского процессуального права. Судебная реформа 1864 года [5] оказала влияние на организацию морского судопроизводства, хотя морские суды сохранили свою специфику.

Устав морского судопроизводства 1875 года [6] детально регламентировал процедуры рассмотрения морских дел. Устав разграничил подсудность между различными морскими судами, определил правила производства по морским делам и процедуры исполнения морских судебных решений.

По мнению П.Х. Спасского, «лишь в 1844 г. в Российской империи официально появляется

новый вид страхования - страхование транспортов (Российское страховое и транспортное общество). Под «страхованием транспортов» в этот период подразумевалось «страхование от огня и всякого рода несчастий, могущих приключиться: 1) с товарами и 2) с корпусами судов. Страхование товаров разделяется на: а) сухопутное, б) морское и в) речное; страхование судов на а) морское и б) речное» [7].

Парижская декларация о морском праве 1856 года [8], принятая по итогам Крымской войны, установила важные принципы международного морского права. Декларация отменила каперство², установила принцип неприкосновенности нейтрального флага, определила правила морской блокады и режим нейтральных товаров.

Промышленная революция привела к техническому прогрессу в мореплавании. Появление паровых судов, развитие телеграфной связи и другие технические новшества требовали адаптации правовых норм. Как отмечает **Ю.Б. Шубников**, «формирование соответствующего современной логике систематизированного законодательства о морских перевозках происходит в период времени между тридцатыми годами XIX в. и началом XX в.» [9]. Торговый устав 1887 г. [10] явился прототипом для основных структурных элементы российских Кодексов торгового мореплавания.

На Первой Гаагской конференции 1899 года (или, как принято было провозглашать, «Парламент мира») [11] Россия участвовала в разработке конвенций о законах и обычаях сухопутной войны, которые содержали положения о морской войне, так российской делегацией были предложены ограничения использования определенных видов оружия в морских сражениях. Вторая Гаагская конференция 1907 года уделила большое внимание морскому праву. Были приняты конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны, о превращении торговых судов в военные корабли, о постановке подводных мин и др.

Развитие пассажирского морского транспорта потребовало обеспечения правового регулирования безопасности мореплавания, чему также, способствовала катастрофа «Титаника» в 1912 году. В 1914 году в Лондоне была принята первая международная конвенция об охране человеческой жизни на море (СОЛАС).

¹ Уставы о цензуре, о паспортах и беглых, о предупреждении и пресечении преступлений, о благоустройстве в городах и о благочинии <https://civil.consultant.ru/reprint/books/220/363.html#img364> (дата обращения 30.08.2025).

² Каперство - **военные действия на море вооружённых частных судов**, получивших специальные разрешения (каперские свидетельства) от государства, против неприятельских торговых судов, а также судов нейтральных стран, перевозивших грузы для неприятеля.

Конвенция СОЛАС 1914 года установила международные стандарты безопасности пассажирских судов, включая требования к спасательным средствам, радиооборудованию и процедурам действий в чрезвычайных ситуациях. **Как отмечает А.Н. Шармоянц** «принятие Международной конвенции по охране человеческой жизни на море ведущими государствами мира было важным шагом в повышении безопасности мореплавания, позволило вывести межгосударственное сотрудничество в сфере обеспечения безопасности на новый уровень, ввести новые стандарты по безопасности и качеству конструкций судов, средств спасения» [12].

Октябрьская революция 1917 года привела не только к смене правового режима, но и к кардинальным изменениям в российском морском праве. Советская власть провозгласила принципиально новые подходы к правовому регулированию морской деятельности, основанные на социалистической доктрине и её принципах.

Декрет о национализации морского и речного флота от 26 января 1918 года стал первым актом советского морского права [13]. Декрет провозгласил переход всех торговых судов, принадлежавших частным лицам и акционерным обществам, в собственность государства. Национализация флота потребовала создания новой административной системы управления морским транспортом. Был создан Народный комиссариат морского флота, который получил широкие полномочия по управлению морским транспортом и регулированию морских отношений.

Первые годы советской власти характеризовались отказом от буржуазного морского права и попытками создания принципиально нового социалистического морского права. Однако практические потребности морского транспорта требовали сохранения многих традиционных правовых институтов морского права Российской Империи.

Морской кодекс 1929 года¹ стал первым комплексным актом советского морского права. Кодекс регулировал вопросы торгового мореплавания, морских перевозок, морского страхования, спасания на море и морских происшествий. Кодекс закрепил принцип государственной монополии на морской транспорт, но допускал ограниченное участие частных лиц в морских перевозках.

Кодекс торгового мореплавания СССР 1968 года стал следующей важной вехой в развитии советского морского права [14]. Новый торговый кодекс учитывал изменения в организации мор-

ского транспорта, развитие международных морских связей и необходимость гармонизации советского морского права с международными стандартами. Кодекс с многочисленными изменениями и дополнениями действовал до распада СССР.

СССР играл активную роль в разработке современного международного морского права, особенно в рамках III Конференции ООН по морскому праву (1973-1982 гг.). Документ, состоящий из 320 статей, вступил в силу с 1994 г.; в настоящий момент он подписан и ратифицирован 167 странами².

Распад СССР и образование Российской Федерации поставили перед российским морским правом задачу правопреемства и адаптации к новым политическим и экономическим условиям. Россия как правопреемник СССР восприняла основные международные обязательства в области морского права. Конституция Российской Федерации 1993 года³ заложила основы нового подхода к регулированию морских отношений. Конституция закрепила принципы федерализма в морском праве, разграничив компетенцию между федеральными органами и субъектами федерации.

Переход к рыночной экономике потребовал кардинального пересмотра морского законодательства. Приватизация морского транспорта, развитие предпринимательских отношений в морской сфере и интеграция в международную экономику требовали создания новой обновлённой правовой базы.

Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации 1999 года⁴ (далее по тексту КТМ РФ) стал основным актом современного российского морского права. Кодекс закрепил принципы рыночной экономики в морском транспорте и обеспечил соответствие российского законодательства международным стандартам.

Важным направлением развития российского морского права стало создание комплексного законодательства о правовом режиме морских пространств России. Это законодательство основывалось на принципах Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

² Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (от 10.12.1982). Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf (дата обращения 30.08.2025).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

⁴ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ, 03.05.1999, N 18, ст. 2207.

¹ Кодекс торгового мореплавания Союза ССР (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 14.06.1929) // СЗ СССР, 1929, N 41, ст. 366.

Освоение Арктики стало одним из приоритетных направлений российской морской политики России [15]. Необходимость обеспечения арктического судоходства, включая режим Северного морского пути, потребовала создания эффективного правового регулирования с учетом международно-правовых норм.

Декарбонизация морского транспорта стала важным направлением развития морского права. ИМО приняла стратегию сокращения выбросов парниковых газов от международного судоходства, что требует внесения соответствующих изменений и дополнений в российское законодательство. Концепция «голубой экономики» предполагает использование и развитие морских ресурсов с учетом экологических ограничений. Это требует имплементации экологических принципов во все отрасли морского права.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования морской деятельности предполагает адаптацию российского законодательства к международным стандартам [16] с учетом технологических изменений в организации морского судоходства и геополитических реалий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что история развития российского публичного морского права представляет собой комплексный процесс, который отражает эволюцию российской государственности, изменения в международных отношениях и развитие морских технологий.

Основные этапы развития российского морского права можно охарактеризовать следующим образом:

- древнерусский период (IX-XV вв.) характеризовался формированием первых правовых норм, регулирующих морскую торговлю, под влиянием византийского и западноевропейского права;
- период централизованного государства (XV-XVII вв.) отмечен систематизацией торгового права и первыми попытками комплексного регулирования морских отношений;
- петровская эпоха (конец XVII - первая четверть XVIII вв.) стала революционным периодом в развитии морского права, когда были заложены основы современного российского морского законодательства;
- имперский период (XVIII-XIX вв.) характеризовался систематизацией морского права, активным участием Российской Империи в международном морском правотворчестве и развитием морского частного права;
- советский период (1917-1991 гг.) отмечен кардинальными изменениями в подходах к мор-

скому праву, национализацией флота и активным участием СССР в создании современного международного морского права;

- современный период (с 1991 г.) характеризуется перестройкой, приспособлением к рыночным отношениям и развитием комплексного законодательства о морских пространствах.

Можно выделить особенности развития российского морского права, к которым следует отнести:

- преемственность правовых традиций при кардинальных политических изменениях;
- взаимодействие с международным правом на всех этапах развития;
- особое внимание к геополитическим элементам морского права в связи с уникальным географическим положением России в мире;
- комплексный и системный подход к правовому регулированию морских отношений.

Современное российское публичное морское право представляет собой развитую систему правовых норм, соответствующую международным стандартам и учитывающую национальные интересы России. Основными достижениями современного этапа являются:

- создание комплексного законодательства о правовом режиме морских пространств России;
- приспособление к требованиям рыночных отношений экономики;
- участие в международном морском публичном правотворчестве.

Основными направлениями для дальнейшего развития российского морского права являются:

- цифровизация морской отрасли и необходимость правового регулирования новых технологий;
- экологические требования и переход к устойчивому развитию морской деятельности;
- необходимость защиты национальных интересов;
- изменения климата и их влияние на морскую деятельность, особенно в Арктике.

Проведенное исследование показывает, что российское публичное морское право прошло долгий путь развития от отдельных правовых норм до комплексной отрасли права. Накопленный исторический опыт создает фундаментальную основу для дальнейшего совершенствования морского законодательства в соответствии с современными реалиями.

Научная и практическая значимость исследования заключается в систематизации знаний об историческом развитии российского морского права, выявлении закономерностей его эволюции и определении перспектив дальнейшего разви-

тия. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования действующего морского законодательства, развития морского правотворчества и подготовки специалистов в области морского права.

Список литературы:

[1] Акишин М.О. Морской устав 1720 г.: процедура разработки и законодательная техника // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4 (62).

[2] Устав купеческого водохозяйства по рекам, водам и морям. - Ч. 1. М.: Книга по требованию. 2012. 68 с.

[3] Свод военных постановлений. Книга седьмая. Морской устав. СПб.: Военная типография, 1839.

[4] Полное собрание законов Российской Империи. Том XL, 1865, отделение I. С. 675.

[5] Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1866.

[6] Устав морского судопроизводства 1875 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. L. № 54825. СПб., 1877.

[7] История торговли и промышленности в России / под ред. П. Х. Спасского. СПб., 1910-1914. [Т. 1. Вып. 4: Исторический очерк развития торговых учреждений в России. Страховые учреждения]. [1911]. С. 2.

[8] Даневский В. П. Парижская морская декларация: Истолкование отд. постановлений Париж. мор. декларации 16 апр. 1856 г. и необходимые к ней доп. / [В. Даневский]. Москва: тип. А.И. Мамонтова и К°, ценз. 1879. 24 с.

[9] Шубников Ю.Б. О периодизации истории становления законодательства торгового мореплавания России // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1 (51).

[10] Ланцева В.Ю. Формы правового регулирования морской торговли в Российской империи // Евразийский юридический журнал. 2014.

[11] Фархутдинов И. З. Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг.: кто развязал Первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143).

[12] Шармоянц А.Н. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море от 31 мая 1929 г. и начало ее внедрения в СССР // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1.

[13] Декрет СНК РСФСР от 26.01.1918 «О национализации торгового флота» // Газета Рабочего и Крестьянского Правительства, № 18, 26.01.1918.

[14] Косовская В.А. Морская перевозка груза как частноправовой институт. СПб.: Астерон, 2008.

[15] Ключев, В. В. Становление Севморпути как транспортного коридора / В. В. Ключев, С. И. Кондратьев // Эксплуатация морского транспорта. – 2016. – № 3(80). – С. 12-17. – EDN XAMNVP.

[16] Участие Российской Федерации в разработке международных правовых инструментов в области автономного судоходства / В. В. Ключев, С. Д. Айзинов, Ю. С. Меленас [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2024. – № S1. – С. 9-267. – EDN NVFQUQ.

References:

[1] Akishin M.O. Morskoy ustav 1720 g.: procedura razrabotki i zakonodatel'naya tekhnika // Leningradskiy yuridicheskij zhurnal. 2020. № 4 (62).

[2] Ustav kupecheskogo vodokhodstva po rekam, vodam i moryam. - CH. 1. M.: Kniga po trebovaniyu. 2012. 68 s.

[3] Svod voennykh postanovlenij. Kniga sed'maya. Morskoy ustav. SPb.: Voennaya tipografiya, 1839.

[4] Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Tom XL, 1865, otdelenie I. S. 675.

[5] Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenij, na koikh oni osnovany. CH. 1. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancel'yarii, 1866.

[6] Ustav morskogo sudoproizvodstva 1875 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie vtroe. T. L. № 54825. SPb., 1877.

[7] Istoriya trgovli i promyshlennosti v Rossii / pod red. P. KH. Spasskogo. SPb., 1910-1914. [T. 1. Vyp. 4: Istoricheskij ocherk razvitiya torgovykh uchrezhdenij v Rossii. Strakhovye uchrezhdeniya]. [1911]. S. 2.

[8] Danevskij V. P. Parizhskaya morskaya deklaraciya: Istolkovanie otd. postanovlenij Parizh. mor. deklaracii 16 apr. 1856 g. i neobkhodimye k nej dop. / [V. Danevskij]. Moskva: tip. A.I. Mamontova i K°, cen. 1879. 24 s.

[9] Shubnikov YU.B. O periodizacii istorii stanovleniya zakonodatel'stva torgovogo moreplavaniya Rossii // Leningradskiy yuridicheskij zhurnal. 2018. № 1 (51).

[10] Lanceva V.YU. Formy pravovogo regulirovaniya morskoy trgovli v Rossijskoj imperii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2014.

[11] Farkhutdinov I. Z. Gaagskie konferencii mira 1899 i 1907 gg.: kto razvyazal Pervuyu mirovuyu voynu. Opyt doktrinal'nogo issledovaniya problem

formirovaniya sovremennoj modeli mezhdunarodnykh otnoshenij v kontekste razvitiya mezhdunarodnogo prava // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 4 (143).

[12] Sharmoyanc A.N. Mezhdunarodnaya konvenciya po okhrane chelovecheskoj zhizni na more ot 31 maya 1929 g. i nachalo ee vnedreniya v SSSR // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2018. T. 4 (70). № 1.

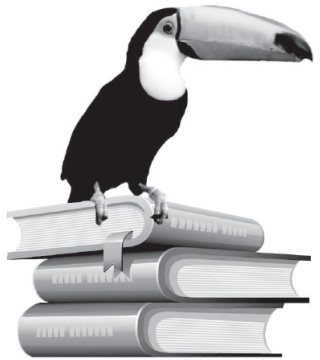
[13] Dekret SNK RSFSR ot 26.01.1918 "O nacionalizacii torgovogo flota" // Gazeta Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva, № 18, 26.01.1918.

[14] Kosovskaya V.A. Morskaya perevozka gruzov kak chastnopravovoj institut. SPb.: Asteron, 2008.

[15] Klyuev, V. V. Stanovlenie Sevmorputi kak transportnogo koridora / V. V. Klyuev, S. I. Kondrat'ev // Ekspluatatsiya morskogo transporta. – 2016. – № 3(80). – S. 12-17. – EDN XAMNVP.

[16] Uchastie Rossijskoj Federacii v razrabotke mezhdunarodnykh pravovykh instrumentov v oblasti avtonomnogo sudokhodstva / V. V. Klyuev, S. D. Ajzinov, YU. S. Melenas [i dr.] // Transportnoe pravo i bezopasnost'. – 2024. – № S1. – S. 9-267. – EDN NVFQUQ.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-114-118

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

АСАТРЯН Армен Араикович,
аспирант кафедры правового обеспечения
национальной безопасности, законности и правопорядка
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, научный сотрудник
Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОКТРИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Аннотация. Без сомнений, обеспечение общественной безопасности входит в число наиболее приоритетных направлений государственной политики. Вместе с тем, если по основным видам национальной безопасности есть соответствующие документы стратегического планирования, то в сфере общественной безопасности на протяжении уже многих лет необходимость нового документа стратегического планирования обсуждается исключительно в рамках научных дискуссий. Однако, если предположим, что компетентные органы государственной власти и научное сообщество начнет разработку такого документа стратегического планирования, то будет ли это новой концепцией? Анализ существующих документов стратегического планирования, в частности доктрин и концепций, позволяет нам утверждать, что государственная политика в сфере обеспечения общественной безопасности должна координироваться не концепцией, а доктриной общественной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Национальная безопасность, общественная безопасность, концепция, доктрина, доктринализация, документ стратегического планирования.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

ASATRYAN Armen Araikovich,
postgraduate student at the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
sciences Researcher at the Center for Security Studies
of the Russian Academy of Sciences

DOCTRINALIZATION OF PUBLIC SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION²

Annotation. There is no doubt that ensuring public safety is one of the top priorities of government policy. However, if there are relevant strategic planning documents in the main areas of national security, then in the field of public security for many years the need for a new strategic planning document has been identified exclusively within the framework of scientific discussions. However, if we assume that the competent government authorities and the scientific community will start developing such a strategic planning document, will it be a new concept? An analysis of existing strategic planning documents, in particular doctrines and concepts, allows us to assert that state policy in the field of public security should be coordinated not by a concept, but by the doctrine of public security of the Russian Federation.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

² The article was prepared as part of the implementation of the state assignment "Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of national security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)".

||| **Key words:** *National security, public safety, concept, doctrine, doctrinalization, strategic planning document.*

За незначительный по историческим меркам период времени Россия прошла огромный путь от государства, переживавшего острейший внутривластный кризис, до государства – ключевого звена в формирующемся новом миропорядке. Вместе с государством эволюционный путь прошло и право, частью которого, несомненно, являются документы стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности (далее – документы стратегического планирования, документы).

На развитие стратегического планирования в целом оказало огромное влияние принятие Федерального закона от 28.06.2014 № 172 (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ (далее – федеральный закон). Из закона мы узнаем о существовании множества документов стратегического планирования, в числе которых: стратегии, доктрины, основы государственной политики и другие. Анализ характерных особенностей документов позволяет нам представить их в качестве системы, где каждому документу стратегического планирования принадлежит определенная роль. Интересно то, что, несмотря на статичность системы документов стратегического планирования, сами по себе виды безопасности, да и национальная безопасность в целом находятся в постоянной динамике. Так, например, единый документ в сфере национальной безопасности из Концепции² превратился в Стратегию³. Разумеется, мы не утверждаем, что в будущем по каждому виду безопасности будет своя стратегия. Тем не менее, развитие от концепции до доктрины вполне реально. И, на наш взгляд, обеспечение общественной безопасности нуждается в такой «доктринализации».

Несмотря на фундаментальные перемены, наблюдающиеся в России в последнее десятилетие, нельзя утверждать, что содержание действующей

Концепции общественной безопасности полностью утратила свою актуальность. Для времени своего принятия это был по-настоящему прорывной документ, так как представлял собой одну из первых серьезных попыток систематизировать государственную политику и придать ей организованный характер, сформировав четкую систему взглядов о состоянии общественной безопасности, обозначив цели, задачи и принципы ее обеспечения. Однако в наше время данный документ представляется морально устаревшим и нуждающимся в качественном обновлении.

Действующая Концепция общественной безопасности представляет собой «гибрид» двух документов стратегического планирования – концепции и доктрины. Для обоснования указанной позиции сравним Концепцию с более близкими ко времени настоящего исследования документами стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности – Концепцией внешней политики Российской Федерации⁴ и Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации⁵.

Как известно, концепция в целом представляет собой систему взглядов о чем-либо. Именно с этого начинается содержание концепций. Однако в отличие от концепции внешней политики, концепция общественной безопасности не содержит упоминаний о том, что является документом стратегического планирования. Возможно, это связано с тем, что документ был принят до вступления в силу указанного выше федерального закона? Но в федеральном законе концепция не упоминается как документ стратегического планирования. Можно утверждать, что под формулировкой «... и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности ...» в подп. «в» п. 1 ст. 11 федерального закона как раз и попадает концепция. Однако это лишь предположение. В полной мере концепция упоминается как документ стратегического планирования в указе Президента Российской Федерации от 08 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / «Собрание законодательства РФ», 30.06.2014, № 26 (часть I), ст. 3378

² Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» / «Российская газета», № 247, 26.12.1997

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, № 21 (часть II), ст. 5351

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» / «Собрание законодательства РФ», 03.04.2023, № 14, ст. 2406

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины Энергетической безопасности Российской Федерации» / «Собрание законодательства РФ», 20.05.2019, № 20, ст. 2421

Российской Федерации»¹, а именно в подп. «б» п. 21 как документ, разрабатываемый в рамках целеполагания на федеральном уровне. Для признания концепции документом стратегического планирования это сыграло ключевую роль. В связи с чем, когда/если будет принято решение о принятии новой концепции общественной безопасности, в нем должно быть упоминание об этом.

В целом, в существующей нормативной правовой базе нет положений о структуре документов стратегического планирования. Однако и без этого очевидно, что действующая концепция по своему содержанию выходит далеко за рамки системы взглядов. Так, например, в ней содержатся разделы, посвященные целям и задачам. Мы принимаем во внимание тот факт, что концепция – документ, принимаемый в рамках целеполагания. В соответствии со статьей 3 федерального закона, под целеполаганием понимается определение целей и направлений обеспечения национальной безопасности. Исходя из сложившейся практики, постановка целей и задач в сфере обеспечения национальной безопасности относится к доктринам (и к стратегиям, но в рамках настоящего исследования остановимся на доктринах). Для развития системы документов стратегического планирования четкое разграничение их «функционала» является крайне важным. В сравнительно недавно принятой Концепции внешней политики нет постановки цели и задач. Данный документ, на наш взгляд, больше соответствует природе концепции, именно как системы взглядов. В связи с тем, что в концепции внешней политики нет постановки целей и задач, то отпадает и необходимость в определении этапов ее реализации.

Доктрина – документ стратегического планирования, содержание которой не просто конкретизирует Стратегию национальной безопасности Российской Федерации. Доктрина принимается именно с целью ее реализации. Таким образом, доктрина документ стратегического планирования более высокого уровня. Рассуждая о доктрине, не можем не согласиться с позицией Л.А. Кононова, в соответствии с которой доктрина представляет собой документ стратегического планирования: «... в котором изложена научно обоснованная государственная политика в отношении одной общественно значимой проблемы с обозначением механизмов ее решения, указанием задач и целей государственной политики» [3]. Дополним лишь, что доктрины принимаются по отдельным видам

национальной безопасности (информационная, энергетическая и др.), которые по своему содержанию выходят за рамки одной значимой проблемы.

Основная задача доктрины, конечно же, детализация содержания стратегии в отношении одного вида безопасности, без чего стратегия получилась бы огромным по содержанию документом стратегического планирования. По содержанию доктрины очень сильно похожи на Стратегию национальной безопасности, но по одному конкретному виду безопасности. Так, например, в доктрине энергетического безопасности, перечисляются основные цели, задачи, а также угрозы и вызовы национальной безопасности в сфере энергетики, что можно встретить и в Стратегии национальной безопасности. В той или иной степени схожее мы можем увидеть в Концепции общественной безопасности, что свидетельствует о предпосылках к доктринализации общественной безопасности.

Под «доктринализацией» общественной безопасности в рамках настоящего исследования, мы понимаем трансформацию системы идей в конкретные доктринальные положения. Общественная безопасность, на наш взгляд, наиболее выделяющийся вид национальной безопасности. Основная причина в многогранности ее содержания. В той или иной степени в ней пересекаются если не все, то большая часть видов безопасности (транспортная, информационная и другие). Такая многогранность делает ее чувствительной к содержанию других документов стратегического планирования, но не должно ставить ее в положение зависимого документа стратегического планирования. Таким образом, считаем, что одно из важнейших видов национальной безопасности не может быть ограничена исключительно в рамках системы взглядов.

В ходе проведения Специальной военной операции (СВО) Россия столкнулась с целым рядом угроз общественной безопасности. В их числе: использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для распространения информации (дезинформации), способной разжечь межнациональную и межконфессиональную рознь; использование социальных сетей и иных систем передачи текстовых сообщений для организации осуществления диверсионно-подрывной деятельности на территории Российской Федерации. Указанные угрозы носят не потенциальный, а реальный характер, что в свою очередь стало причиной существенного повышения роли государства в обеспечении общественной безопасности. Новое положение государства в обществе требует более «свежих» подходов к обеспе-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» / «Собрание законодательства РФ», 15.11.2021, № 46, ст. 7676

чению общественной безопасности. Исходя из чего, обновление основного документа стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности – необходимость далеко не теоретическая.

Однако вызывает затруднение ответ на вопрос о том, когда такой документ будет принят и будет ли принят вообще. Ранее на заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ по общественной безопасности уже высказывалось соображение о необходимости активизации работы по подготовке проекта новой Концепции общественной безопасности Российской Федерации на период до 2030 года¹. Однако с тех пор прошел уже не один год. В связи с чем, дискуссии вокруг того, будет ли новый документ стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности принят не утихают. Как мы выше уже отмечали, общественная безопасность представляется очень многогранным видом безопасности. Возможно, что в ходе анализа реализации Концепции общественной безопасности было принято решение отказаться от единого документа стратегического планирования и сконцентрироваться на ключевых видах общественной безопасности в рамках разных документов. Ведь, как мы ранее отметили, общественная безопасность тесно переплетена с другими видами национальной безопасности. Исходя из этого, возможно, есть необходимость выделения именно «общественного» в национальной безопасности. Именно этим, на наш взгляд, можно обосновать принятие указа Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Тем не менее, это лишь предположение. Есть ученые, по мнению которых концепция общественной безопасности не забыта. Так, С.И. Гирько уверен в «... неизбежности возврата к работе над Концепцией общественной безопасности в будущем» [2], в чем нельзя с ним не согласиться. Учитывая реальную необходимость в существовании подобного документа стратегического планирования, сложно представить, что государство оставит указанный вид национальной безопасности без внимания. Вместе с тем, как мы уже ранее отметили,

обеспечение общественной безопасности должно закреплять в рамках не концепции, а доктрины общественной безопасности.

Так как концепции и доктрины относятся к документам стратегического планирования, принимаемым в рамках целеполагания, считаем необходимым уделить отдельное внимание горизонту такого целеполагания. По мнению З. Тадеуша, «общественная безопасность должна быть рассмотрена на период 15-100 лет ... [4]». На наш взгляд, указанный период хоть и выглядит внушительным даже для долгосрочного целеполагания, но не является чем-то нереализуемым. Кто-то может возразить, заявив, что произошедшие за последнее десятилетие изменения в России невозможно было предугадать во время принятия Концепции общественной безопасности, исходя из чего, принятие нового документа стратегического планирования на столь долгий период неэффективно. Мы же придерживаемся позиции, что документы стратегического планирования, принимаемые в рамках долгосрочного целеполагания эффективны только при периодической актуализации содержания [1] (в том числе, точечного). Таким образом, теоретически, принятие нового документа стратегического планирования в сфере общественной безопасности на (сверх)долгосрочную перспективу реально и реализуемо, однако, маловероятно. На практике важно не то, на какой период принимается такой документ (пятьдесят лет, сто лет). Важна лишь периодическая актуализация.

Если новым документом стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности будет доктрина, то ее «срок службы» следует либо привязать к Стратегии национальной безопасности (то есть шесть лет), либо сократить до трех лет. Наиболее оптимальным мы находим срок службы в три года. Основная польза такой модели заключается в возможности прослеживать реализацию Стратегии национальной безопасности в целом, и ее положений в части общественной безопасности, в частности.

Резюмируем вышеизложенное. Сложившейся практика разработки документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, демонстрирует, что Концепция общественной безопасности 2013 года по своему содержанию представляется собой сочетание доктрины и концепции. Так, в частности, цели/задачи, а также угрозы в соответствующей сфере безопасности присущи доктринам, а не концепциям. Мы считаем, что при возникновении государственно-властной воли по обновлению документа стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности, то

¹ Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации - <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2699/> (дата обращения: 16.06.2025)

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» / «Собрание законодательства РФ», 14.11.2022, № 46, ст. 7977

таким документом должна быть именно доктрина. К тому же, срок службы такой доктрины следовало бы сократить до трех лет. Такая мера позволила бы поддерживать основной документ стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности актуальным (например, при помощи точечных обновлений), а также позволило бы прослеживать реализацию Стратегии национальной безопасности, которая, как известно, принимается сроком на шесть лет.

Однако остается открытым вопрос, будет ли разработан и утвержден новый документ стратегического планирования в сфере общественной безопасности. Учитывая тот факт, что Концепция от 2013 года морально устарела, а новый документ еще не приняли, то, возможно, что государство пересмотрело необходимость в принятии единого документа стратегического планирования в сфере общественной безопасности. Как уже вышло было отмечено, в связи с тем, что по своему содержанию общественная безопасность в той или иной степени включает в себя и множество других видов безопасности, не исключено, что было принято решение сосредоточиться на вычленении именно «общественного» из национальной безопасности. Именно так можно обосновать принятие указа Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Однако, это лишь предположение, реальность же может быть не столь однозначна.

Тем не менее, мы считаем, что в результате усиления позиций государства в обществе в связи с проведением Специальной военной операции (СВО), реальная необходимость в организованной и скоординированной государственной политике в сфере общественной безопасности ощущается как никогда. И это задачу можно было бы решить, утвердив новый документ стратегического планирования – Доктрину общественной безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Асатрян А.А. Целеполагание и прогнозирование на долгосрочную перспективу в сфере правового обеспечения национальной безопасно-

сти Российской Федерации /А.А. Асатрян // Транспортное право и безопасность. – 2024. -№3(51). - С.91-99.;

[2] Гирько С.И. Разработка Концепции общественной безопасности на новый период приостановлена, но необходима, как никогда / С.И. Гирько // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2021. - № 24. – С.11-21.;

[3] Кононов Л.А. Роль официальных документов: концепций, доктрин и стратегий в политическом управлении Российской Федерации / Л.А. Кононов // Право и современные государства. – 2017. -№2. – С.55-66.;

[4] Тадеуш З. Концепция общественной безопасности / З. Тадеуш // Техносферная безопасность, надежность, качество, энерго – и ресурсосбережение : материалы 21 Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 09-13 сентября 2019 года. Том 1. Выпуск 21. – Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2019. – С.312-326.

References:

[1] Asatryan A.A. Targeting and forecasting for the long term in the field of legal support of national security of the Russian Federation/A.A. Asatryan// Transport law and security. – 2024. -№3(51). - S.91-99.;

[2] Girko S.I. The development of the Concept of Public Security for a new period has been suspended, but is more necessary than ever/S.I. Girko// Bulletin of the public research laboratory “Interaction of the penal system with civil society institutions: historical, legal and theoretical-methodological aspects.” – 2021. - № 24. - S.11-21.;

[3] Kononov L.A. The role of official documents: concepts, doctrines and strategies in the political governance of the Russian Federation/L.A. Kononov// Law and modern states. – 2017. -№2. - S.55-66.;

[4] Tadeusz Z. Concept of public safety/Z. Tadeusz//Technosphere safety, reliability, quality, energy and resource saving: materials of the 21st International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, September 09-13, 2019. Volume 1. Issue 21. - Rostov-on-Don: Don State Technical University, 2019. - S.312-326.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-119-123

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ГУРИНОВИЧ Александр Георгиевич,
профессор кафедры
административного и финансового права
Международно-правового факультета Федерального
государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации»,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: a.gurinovich@inno.mgimo.ru

НОВИКОВ Алексей Дмитриевич,
студент 3 курса Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
e-mail: alexei.novikov.2005.07@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ: РОЛЬ, ПРАВОВОЙ СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В данной работе исследуется роль государственных корпораций в современной экономике, их организационно-правовые особенности и механизмы управления. Анализируется российский и международный опыт функционирования госкорпораций в стратегически важных отраслях, включая энергетику, финансы, высокие технологии и инфраструктурное развитие. Особое внимание уделено ключевым проблемам их деятельности – недостаточной прозрачности, зависимости от бюджетного финансирования и дублированию функций с государственными органами. Рассмотрены перспективы развития госкорпораций в условиях цифровой трансформации и глобальных экономических вызовов. На примере ведущих российских (Росатом, Ростех, ВЭБ.РФ) и зарубежных (Petrobras, Saudi Aramco, EDF) корпораций показаны эффективные модели сочетания государственного контроля с рыночными механизмами управления.

Ключевые слова: государственные корпорации, правовой статус, институты развития, стратегические отрасли, корпоративное управление, государственно-частное партнерство, цифровая трансформация.

GURINOVICH Alexander Georgievich,
Academic Supervisor, Professor of the Department
of Administrative and Financial Law Faculty of International Law
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation»,
Doctor of Law, Professor

NOVIKOV Alexei Dmitrievich,
3rd year student of the Faculty of International Law
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation»

STATE CORPORATIONS: ROLE, LEGAL STATUS, CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *This paper examines the role of state corporations in the modern economy, their organizational and legal features, and governance mechanisms. It analyses Russian and international experience of state corporations' functioning in strategically important sectors, including energy, finance, high technology, and infrastructure development. Special attention is paid to key challenges in their operations – insufficient transparency, dependence on budget financing, and duplication of functions with government agencies. The paper explores development prospects for state corporations in the context of digital transformation and global economic challenges. Using examples of leading Russian (Rosatom, Rostech, VEB.RF) and foreign (Petrobras, Saudi Aramco, EDF) corporations, effective models combining state control with market-based management mechanisms are demonstrated.*

Key words: *state corporations, legal status, development institutions, strategic industries, corporate governance, public-private partnership, digital transformation.*

Государственные корпорации представляют собой уникальный институциональный феномен современной экономики, сочетающий в себе элементы государственного управления и рыночных механизмов. Их особая роль в экономической системе обусловлена необходимостью выполнения стратегически важных задач, которые не могут быть эффективно реализованы ни чисто государственными структурами, ни частным бизнесом. В условиях глобализации, технологической революции и экономической нестабильности значение таких организаций существенно возрастает. Вместе с тем их гибридная природа продолжает вызывать оживленные дискуссии среди экономистов, политиков и общественных деятелей.

Основная цель создания государственных корпораций заключается в реализации масштабных национальных проектов и решении стратегических задач, имеющих общегосударственное значение. К ним относятся развитие высокотехнологичных и наукоемких отраслей, обеспечение национальной безопасности и технологического суверенитета, реализация крупных инфраструктурных проектов, поддержка социально значимых инициатив. При этом госкорпорации обладают значительно большей гибкостью и оперативностью в принятии решений по сравнению с традиционными государственными организациями, что позволяет им быстрее адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры и технологическим вызовам.

В российской правовой системе статус государственных корпораций закреплён на законодательном уровне [1]. Согласно положениям Гражданского кодекса Российской Федерации они являются особым видом некоммерческих организаций, создаваемых на основе имущественного взноса Российской Федерации. Характерной особенностью их правового регулирования является

то, что каждая конкретная госкорпорация учреждается отдельным федеральным законом, в котором детально прописываются ее наименование, основные цели и направления деятельности, организационная структура управления, порядок финансирования и механизмы контроля. Источниками финансовых ресурсов для таких организаций могут выступать как прямые бюджетные ассигнования, так и доходы от разрешенной уставом предпринимательской деятельности, а также привлеченные инвестиции.

Современная система управления государственными корпорациями строится на принципах разумного сочетания государственного контроля и оперативно-хозяйственной самостоятельности [2]. Высшим коллегиальным органом управления, как правило, выступает наблюдательный совет, в состав которого входят представители федеральных государственных органов, ведущие отраслевые эксперты, а в некоторых случаях – независимые директора. Текущее оперативное руководство деятельностью корпорации осуществляет правление во главе с генеральным директором, назначаемым в установленном порядке. Особое место в системе управления занимает ревизионная комиссия, на которую возложены функции внутреннего финансового контроля и аудита. Такая трехуровневая структура управления призвана обеспечить оптимальный баланс между стратегическими интересами государства и требованиями эффективного хозяйствования.

История становления и развития государственных корпораций в России отражает эволюцию экономической политики государства на различных этапах его развития [3]. Первые подобные структуры появились в конце 1990-х годов как ответ на глубокий системный экономический кризис. Агентство по реструктуризации кредитных организаций (АРКО), созданное в 1999 году специальным федеральным законом, стало первым

масштабным экспериментом в этой области. Его основной задачей было проведение санационных мероприятий в банковской системе, пострадавшей от последствий дефолта 1998 года. Хотя АРКО просуществовало относительно недолго (всего пять лет), его деятельность позволила сохранить стабильность банковской системы и накопить ценный опыт, который впоследствии был использован при создании других институтов развития.

Настоящий расцвет института государственных корпораций в России пришелся на 2007 год, когда были учреждены такие крупные организации как ВЭБ.РФ, Роснано (преобразована в акционерное общество в 2011 г.), Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (присоединена к публично-правовой компании «Фонд развития территорий» в 2022 г.), Ростех, Росатом. Этот период характеризовался активным стремлением государства усилить свое присутствие в ключевых отраслях экономики, обеспечить технологический прорыв и решить накопившиеся социальные проблемы. Однако со временем некоторые из этих структур были реорганизованы, преобразованы в другие организационно-правовые формы или вообще ликвидированы после выполнения своих задач. Эта динамика наглядно демонстрирует постоянный поиск оптимальных форм государственного управления экономикой в меняющихся условиях.

Среди современных российских государственных корпораций особое место занимает Росатом – глобальный технологический лидер в области атомной энергетики. Созданный в 2007 году на базе существовавших ранее отраслевых структур, он сегодня представляет собой вертикально интегрированный холдинг, охватывающий полный цикл – от добычи урана и производства ядерного топлива до строительства атомных электростанций за рубежом. Помимо традиционных направлений, связанных с атомной энергетикой, корпорация активно развивает такие перспективные сектора как ветроэнергетика, цифровые технологии, ядерная медицина и даже производство литий-ионных аккумуляторов. По данным авторитетных международных рейтингов, Россия стабильно занимает четвертое место в мире по объему производства атомной энергии, что является убедительным доказательством эффективности выбранной модели управления отраслью.

Не менее значима роль госкорпорации Ростех, которая объединяет под своим управлением около 800 организаций в различных отраслях промышленности. Ее деятельность охватывает как оборонный сектор (на долю корпорации приходится около 50% всего государственного

оборонного заказа, согласно информации с официального сайта госкорпорации), так и многочисленные гражданские проекты – такие как производство современных электробусов для городского транспорта, разработка медицинского оборудования и создание новых материалов. Особенностью Ростеха является его четкая ориентация на задачи импортозамещения и развитие высокотехнологичного экспорта, что делает его важным инструментом реализации государственной промышленной политики.

Особую нишу в системе государственных корпораций занимает ВЭБ.РФ, которая специализируется на финансировании крупных инфраструктурных и социальных проектов, часто выступая связующим звеном между государственными интересами и частными инвестициями. Типичным примером может служить программа «Новые трамваи российским городам», которая, согласно информации с официального сайта ВЭБ.РФ, получила финансовую поддержку в размере 84 млрд рублей на исключительно льготных условиях – под 5,65% годовых на срок до 20 лет. Такие условия недоступны на коммерческом рынке и демонстрируют социально-экономическую направленность деятельности корпорации.

Важнейшим элементом финансовой системы страны является Агентство по страхованию вкладов (АСВ), обеспечивающее стабильность банковского сектора и защиту интересов вкладчиков. По данным на 2025 год, под защитой Агентства находятся вклады в 285 банках, что составляет около 97% (96,8%) всех депозитов физических лиц в российской банковской системе. Помимо основной страховой функции, Агентство активно участвует в процессах санации проблемных кредитных организаций, предотвращая развитие системных кризисов и обеспечивая непрерывность функционирования финансовой системы.

Космическая отрасль страны представлена госкорпорацией Роскосмос, созданной в 2015 году путем преобразования Федерального космического агентства. Несмотря на наличие мощной научно-технической базы и богатых традиций, ее деятельность сталкивается с рядом системных проблем, важнейшей из которых является совмещение функций регулятора отрасли и коммерческого оператора. Это противоречие наглядно проявилось в 2023 году, когда значительные ресурсы были перенаправлены на реализацию масштабного кинопроекта «Вызов» в ущерб фундаментальным научным исследованиям и перспективным разработкам (согласно многочисленным заявлениям экспертов, одним из которых выступил, например, лётчик-космонавт М.Б. Корниенко).

Анализ деятельности российских государственных корпораций [4] позволяет выявить несколько ключевых системных проблем, требующих скорейшего решения. Главная из них – недостаточная прозрачность процессов управления и финансовой отчетности. Многие организации либо совсем не публикуют детальных годовых отчетов, либо ограничиваются формальными документами, не позволяющими провести содержательный анализ эффективности использования бюджетных средств. Другой серьезный вызов – избыточная зависимость от государственного финансирования, которая снижает мотивацию руководства к оптимизации затрат и поиску внутренних резервов развития. Третья проблема – не всегда четкое разграничение полномочий между государственными корпорациями и органами исполнительной власти, что приводит к дублированию функций и распылению ресурсов.

Перспективы развития государственных корпораций в России связаны с несколькими стратегическими направлениями. Во-первых, это глубокая цифровая трансформация всех аспектов их деятельности – от управления производственными процессами до взаимодействия с контрагентами и потребителями. Во-вторых – расширение международного сотрудничества, особенно со странами БРИКС и другими дружественными государствами, что позволит выйти на новые рынки и получить доступ к передовым технологиям. В-третьих – последовательное совершенствование системы корпоративного управления через внедрение лучших мировых практик и стандартов прозрачности.

Особого внимания заслуживает вопрос о необходимости разработки специального федерального закона «О государственных корпорациях», который мог бы систематизировать и закрепить единообразное правовое регулирование их деятельности. В настоящее время каждая госкорпорация создается отдельным законом, что приводит к фрагментарности правового поля и отсутствию единых стандартов управления. Новый законодательный акт мог бы установить универсальные принципы организации и функционирования таких структур, четко определив их правовой статус и разграничив с другими формами государственных предприятий.

Важным аспектом закона должно стать формирование прозрачной системы корпоративного управления с четким распределением полномочий между органами управления и действенными механизмами контроля. Особое значение имеет регламентация вопросов финансирования, сочетающая бюджетные ассигнования с возможностями привлечения частных инвестиций. Закон также должен предусматривать единые стандарты

раскрытия информации и публичной отчетности, что позволит обеспечить действенный общественный контроль за деятельностью госкорпораций.

Ключевым элементом законодательного регулирования должно стать установление объективных критериев оценки эффективности деятельности государственных корпораций, увязанных с национальными целями развития. При этом важно предусмотреть гибкие механизмы адаптации к изменяющимся экономическим условиям и технологическим вызовам. Отдельного внимания заслуживают процедуры реорганизации и ликвидации таких структур, которые в настоящее время регулируются разрозненными нормативными актами.

Принятие комплексного закона о государственных корпорациях позволит создать устойчивую правовую основу для их деятельности, повысить эффективность управления и уровень подотчетности, сохранив при этом особую роль этих институтов в реализации стратегических задач национального развития. Это особенно важно в условиях современных экономических вызовов, когда требуется оптимальное сочетание государственного регулирования и рыночных механизмов в управлении стратегически важными отраслями экономики.

Мировой опыт [5] демонстрирует впечатляющее разнообразие успешных моделей государственных корпораций. Бразильская Petrobras и саудовская Saudi Aramco наглядно показывают, как можно эффективно сочетать государственный контроль с рыночными механизмами управления в нефтегазовом секторе. Французская EDF продолжает оставаться мировым лидером в области атомной энергетики, демонстрируя высочайшие стандарты безопасности и эффективности. Японская NTT служит образцом технологического развития в телекоммуникационной сфере, успешно конкурируя с частными компаниями. Эти примеры доказывают, что при глубоко осмысленном управлении государственные корпорации могут быть не менее эффективны, чем частные компании – особенно в стратегически важных отраслях экономики.

В заключение следует подчеркнуть, что государственные корпорации остаются важным инструментом реализации экономической политики современного государства. Их дальнейшее развитие должно основываться на принципах максимальной прозрачности, постоянной инновационности и социальной ответственности. Особое внимание следует уделить совершенствованию системы корпоративного управления, внедрению современных методов стратегического планирования и повышению качества кадрового потенциала. Только при этих условиях государственные

корпорации смогут в полной мере реализовать свой потенциал и внести достойный вклад в развитие национальной экономики и повышение благосостояния граждан.

Список литературы:

- [1] Романовская О.В. Правовой статус государственных корпораций в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-gosudarstvennyh-korporatsiy-v-rossiyskoy-federatsii>
- [2] Русанов Г.М. Анализ эффективности управления государственными корпорациями в современной практике / Г.М. Русанов, В.В. Гребеник // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14. – № 2. – URL: <https://esj.today/PDF/31ECVN222.pdf>
- [3] Линиченко Т.Г. Становление корпораций в России / Т.Г. Линиченко // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – URL: <https://moluch.ru/archive/444/97463/>
- [4] Копуш Д.-Х.М., Тарба Т.О., Захарова И.А. Сравнительный анализ участия государственных корпораций в региональном развитии // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-uchastiya-gosudarstvennyh-korporatsiy-v-regionalnom-razviti>
- [5] Пахомова О.И. Зарубежные модели корпоративных структур и их влияние на региональ-

ные экономические системы: возможности применения лучших практик в России // Вестник Евразийской науки. – 2020. – № 1. – URL: <https://esj.today/PDF/41ECVN120.pdf>

References:

- [1] Romanovskaya O.V. Legal status of state corporations in the Russian Federation//Science. Society. State. – 2013. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-gosudarstvennyh-korporatsiy-v-rossiyskoy-federatsii>
- [2] Rusanov G.M. Analysis of the effectiveness of management of state corporations in modern practice/G.M. Rusanov, V.V. Grebenik//Bulletin of Eurasian Science. – 2022. - T. 14. – № 2. – URL: <https://esj.today/PDF/31ECVN222.pdf>
- [3] Linichenko T.G. Formation of corporations in Russia/T.G. Linichenko//Young scientist. – 2022. – № 49 (444). – URL: <https://moluch.ru/archive/444/97463/>
- [4] Kopush D.-H.M., Tarba T.O., Zakharova I.A. Comparative analysis of the participation of state corporations in regional development//Innovation and investment. – 2023. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-uchastiya-gosudarstvennyh-korporatsiy-v-regionalnom-razviti>
- [5] O.I. Pakhomova. Foreign models of corporate structures and their impact on regional economic systems: opportunities for applying best practices in Russia//Bulletin of Eurasian Science. – 2020. – № 1. – URL: <https://esj.today/PDF/41ECVN120.pdf>

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПЕРМЯКОВ Александр Игоревич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного
и муниципального права имени
профессора Василия Михайловича Манохина,
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДОЛЖНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. В статье исследуется трансформация института должности государственной гражданской службы под влиянием процессов цифровизации. На основе анализа действующего законодательства и стратегических документов, выявлены ключевые административно-правовые и организационные вызовы, связанные с переосмыслением традиционного понимания должности. Особое внимание уделяется критическому анализу норм, регламентирующих цифровые компетенции государственных служащих, и перспективам внедрения технологий искусственного интеллекта в кадровую работу и процессы принятия управленческих решений. Автор приходит к выводу, что цифровая трансформация ведет к фундаментальным изменениям в содержании государственной службы, требуя нового подхода к правовому регулированию, должностным регламентам, оценке эффективности и подготовке кадров.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, должность, цифровая трансформация, электронное правительство, административное право, цифровая компетентность.

PERMIAKOV Alexander Igorevich,
candidate of law, associate professor
of the Department of Administrative and Municipal Law
named after Professor Vasily Mikhailovich,
Saratov State Law Academy,
Candidate of Law

CIVIL SERVICE POSITION IN THE DIGITAL TRANSFORMATION ERA: ADMINISTRATIVE, LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Annotation. The article explores the transformation of the institution of public civil service positions under the influence of digitalization processes. The author analyzes the key administrative and legal and organizational challenges associated with rethinking the traditional understanding of the position. Based on the work of leading domestic and foreign administrative scientists, it is proved that digital transformation leads to fundamental changes in the content of the civil service, requiring a new approach to legal regulation, job regulations, efficiency assessment and training. It is concluded that it is necessary to form the concept of a "digital position" as a new organizational and legal unit in the civil service system.

Key words: civil service, position, digital transformation, e-government, administrative law, digital competence.

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается период активной цифровой трансформации, охватывающей все сферы жизнедеятельности государства и общества. Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий и

глобальной сети «Интернет», наряду с масштабным внедрением цифровых инструментов во все сферы общественной жизни обуславливает необходимость разработки комплексных мер по цифровой трансформации государственного управления.

В официальных документах в перспективе до 2036 г. применение цифровых технологий в деятельности органов власти¹ обозначено как условие, которое позволит повысить качество жизни граждан и развить бизнес, с одной стороны, и в целом обеспечить успешность перехода России к цифровой экономике, с другой. Достижение к 2030 году «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления предполагает автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта. Распоряжением Правительства РФ от 16 марта 2024 г. № 637-р утверждено Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления², что способствует переходу органов государственной власти Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях к модели управления на основе автоматического сбора и анализа данных с использованием информационных платформ. Этот процесс, как справедливо отмечает Троян Н.А., в том числе требует развития эффективных облачных услуг, которые выступают ключевым аспектом стратегического развития и интеграции таких платформ [1, с. 31].

Однако, развитие цифровой эпохи безусловно порождает возникновение системных вызовов в отношении традиционных институтов публичной власти. В этой связи требуется пересмотр роли и функций института государственной должности с целью его адаптации к новым реалиям, влияющим на повышение эффективности государственного управления. Государственная должность представляет собой первичный структурный и ключевой элемент государственного органа, определяющий объем полномочий, ответственность и правовой статус служащего. Определение «должности», предложенное В.М. Манохиным сохраняет свою актуальность и в современной теории административного права. Рассматривая должность как «единицу управленческой структуры, наделенную определенным кругом обязанностей и комплексом полномочий», ученый подчеркивал, что должность включает часть уста-

новленной правовыми актами компетенции соответствующего органа, и лицо, замещающее должность, действует от имени этого органа или представляемой им территории в пределах должностной компетенции [2, с. 138].

Данный институт является фундаментальным элементом системы государственной службы, определяющим ее структуру, функциональность и эффективность. Процессы цифровизации государственного управления оказывают существенное влияние на институт государственной должности, требуя пересмотра квалификационных требований к государственным служащим, изменения содержания их трудовых функций и внедрения новых методов управления.

Использование новых технологий таких как искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, облачные вычисления и многие другие в деятельность государственных органов приводит к автоматизации рутинных задач, повышению скорости обработки информации, улучшению качества принимаемых решений и значительному расширению возможностей для взаимодействия с гражданами. В связи с этим возрастает потребность обладания не только традиционными знаниями и навыками в сфере юриспруденции, экономики и управления, но и цифровыми компетенциями, позволяющими эффективно использовать новые технологии в процессе государственной службы. Нам импонирует сформулированное Камоловым С.Г. и Коржовым И.А. определение идеального государственного служащего – «специалист, обладающий и юридическими, и экономическими познаниями, и знаниями науки государственного (муниципального) управления, владеющий к тому же информационно-коммуникационными технологиями» [3, с. 189].

Сегодня Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в статье 12³ устанавливает общие квалификационные требования к должностям государственной гражданской службы, которые включают требования к уровню профессионального образования, стажу гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, знаниям и умениям, необходимым для исполнения должностных обязанностей. В свою очередь Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд России) формирует справочник квалификационных требований к претендентам на замещение должностей государственной гражданской

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

² См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления» // СЗ РФ. 2024. № 13, ст. 1837.

³ См.: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 23 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215; 2025. № 30, ч. 2, ст. 4392.

службы (ч. 8 ст. 12)¹. Примечательно, что в данном справочнике к базовым квалификационным требованиям Минтруд России относит знания и умения в области информационных технологий в соответствии с Рекомендациями о составе квалификационных требований компьютерной грамотности, необходимых для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими, утвержденными протоколом заочного голосования членов Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской жизни от 18 декабря 2017 г. № 3², а именно:

знание основ информационной безопасности и защиты информации;
знание основных положений законодательства о персональных данных;
знание общих принципов функционирования системы электронного документооборота;
знание основных положений законодательства об электронной подписи;
знания и умения по применению персонального компьютера.

Важно отметить, что с 2017 года данные знания и умения в сфере информационных технологий остались без изменений. В связи с этим возникает необходимость в обновлении базовых квалификационных требований в сфере информационно-коммуникационных технологий для государственных служащих, которые будут отражать компетентность не только в области информационной безопасности, но и будут учитывать стремительную цифровую трансформацию государственного управления, которая требует знаний и навыков в сфере оказания цифровых государственных услуг, управления цифровой информацией, цифрового проектного управления, цифровой безопасности и цифровой этики [4, с. 1000]. На актуальность формирования такого комплекс-

ного подхода к цифровым компетенциям и разработки моделей их оценки все чаще указывается в современных научных исследованиях [5, с. 18].

Государство инвестирует значительные средства в обучение государственных служащих, рассматривая это как важнейший фактор повышения их квалификации и профессионального роста. Ключевыми площадками для реализации масштабной образовательной программы выступают Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Высшая школа экономики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации³. Система профессиональной подготовки, переподготовки и повышению квалификации государственных служащих охватывает ежегодно более 10 тысяч человек, обучаемых за счет бюджетных ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете. Программы повышения квалификации касаются вопросов обеспечения информационной безопасности в работе органов государственной власти при применении цифровых технологий и использовании интернет-сервисов и технической защиты конфиденциальной информации. Однако, недостаточная интеграция обучения в систему карьерного роста государственных служащих снижает заинтересованность в программах повышения квалификации.

Говоря о цифровой трансформации государственной службы, нельзя обойти вниманием внедрение и использование искусственного интеллекта в деятельности государственных служащих.

Стоит отметить, что в 2023 году рассматривался проект Постановления Правительства Российской Федерации, направленный на проведение эксперимента по внедрению цифровых кадровых сервисов для федеральных государственных гражданских служащих и работников государственных органов и учреждений с использованием платформы «Государственные кадры».⁴ В

¹ См.: Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки (к укрупненным группам специальностей и направлений подготовки), к профессиональному уровню, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/1> (дата обращения: 10.09.2025).

² См.: Протокол Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 18 декабря 2017 г. № 3 «Об утверждении рекомендаций о составе квалификационных требований компьютерной грамотности, необходимых для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 марта 2024 г. № 547-р «Об утверждении распределения бюджетных ассигнований федерального бюджета на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов, предусмотренных на профессиональное развитие федеральных государственных гражданских служащих, и государственного заказа на мероприятия по профессиональному развитию федеральных государственных гражданских служащих на 2024 год» // СЗ. 2024. № 11, ст. 1558.

⁴ См.: Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по применению федеральными государственными гражданскими служащими и работниками, замещающими должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы, федеральных органов исполнительной власти и работниками государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, федеральных государственных учреждений цифровых кадровых сервисов с использо-

рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» данный проект предусматривал создание условий для реализации клиентоцентричных цифровых кадровых сервисов для государственных гражданских служащих федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств, территориальных органов указанных федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, а также работников государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, федеральных государственных учреждений.

Эксперимент был направлен на использование современных платформенных решений для реализации эффективного взаимодействия гражданских служащих и работников с кадровой службой и представителем нанимателя (работодателем); создание единого коммуникационного пространства гражданских служащих и работников; внедрение в кадровую работу технологий искусственного интеллекта. Иными словами, представляется, что планировалось создание информационной HR-системы для государственных служащих с внедренной системой искусственного интеллекта, которая смогла бы автоматизировать процесс отбора кандидатов на должности государственной службы, посредством оценки их профессионального развития, мотивации, профессиональной культуры и способности противодействовать коррупции¹.

Несмотря на несомненно прорывное предложение, данная инициатива вызывает ряд дискуссионных вопросов, свойственных научному сообществу и практикующим юристам с точки зрения правового регулирования искусственного интеллекта. Так, например, использование искусственного интеллекта для подбора кадров, оценки эффективности и принятия кадровых решений порождает вопрос: кто будет нести ответственность за ошибку или дискриминационный алгоритм принятия решений в отношении кандидатов? В дальнейшем, необходима разработка механизмов обжалования решений, принятых с участием искусственного интеллекта. На экспериментальной стадии будет очевидна и проблема «цифрового разрыва» - большая часть сотрудников

кадровых служб может оказаться не готовой к работе с новыми сервисами, что может спровоцировать риски их профессионального развития в конкретном органе государственной власти.

Важно отметить, что к 2025 году предложенная инициатива, как следует из информации открытых источников, не была пролоббирована.

Вместе с тем, в 2025 году в целях выработки эффективного механизма использования технологий искусственного интеллекта в государственном управлении и взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации в части обработки и анализа данных с помощью указанных технологий подготовлен проект Постановления Правительства Российской Федерации, который был размещен для публичного обсуждения на официальном сайте для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения². Согласно пояснительной записке проект постановления будет способствовать решению задач развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, закрепленных в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, и направлен на обеспечение реализации национальных целей развития, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Проект Положения о проведении эксперимента по использованию генеративного искусственного интеллекта в государственном управлении определяет Перечень направлений применения больших генеративных моделей искусственного интеллекта в государственном управлении, среди которых пять ключевых направлений использования искусственного интеллекта с конкретными сценариями и критериями оценки эффективности:

1. Управление данными: структурирование информации и генерация меток достоверности данных.

ванием платформы "Государственные кадры" и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (по состоянию на 21 августа 2023 г.) (подготовлен Минцифры России, ID проекта 01/01/08-23/00141122) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/154642> по состоянию на 21.08.2023.

¹ См.: Искусственный интеллект будет нанимать госслужащих: заменит ли технология конкурсную комиссию? // Российская газета. 2023. 23 августа.

² См.: Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по использованию генеративного искусственного интеллекта в государственном управлении» (по состоянию на 23.07.2025) (подготовлен Минцифры России, ID проекта 01/01/07-25/00158629) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте URL: <https://regulation.gov.ru/projects/158629> по состоянию на 23.07.2025.

2. Обработка текстов: автоматизация подготовки ответов на обращения, анализ проектов правовых актов, генерация предложений по совершенствованию законодательства.

3. Развитие кадрового потенциала: первичный анализ резюме и генерация тестовых заданий.

4. Управление рисками: выявление несоответствий в документах.

5. Работа с контентом: генерация и обработка контента для официальных ресурсов.

Критерии эффективности сфокусированы на снижении трудозатрат, сокращении времени выполнения операций, повышении удовлетворенности сотрудников и сокращении количества ошибок. Несмотря на проработанность, проект выявляет ряд комплексных проблем, требующих всестороннего административно-правового анализа. К примеру, проблема распределения ответственности и обеспечения надлежащего уровня доверия к результатам деятельности систем искусственного интеллекта влечет за собой необходимость решения вопроса о субъекте ответственности за юридически значимые ошибки, допущенные при подготовке документов с использованием искусственного интеллекта: следует ли возлагать ее на должностное лицо, утвердившее документ, либо на разработчика (поставщика) соответствующей модели искусственного интеллекта? Актуализируется необходимость разработки механизмов верификации и подтверждения результатов, генерируемых сложными и внутренне непрозрачными нейросетевыми архитектурами, что представляет собой значительную методологическую и практическую задачу.

Для разработки, внедрения и эксплуатации искусственного интеллекта требуются специалисты с соответствующими навыками и знаниями. Недостаток таких специалистов является серьезным препятствием. Прежде чем использовать в государственном управлении большие генеративные модели искусственного интеллекта необходимо обучить должностных лиц. Так, например, на Едином специализированном информационном ресурсе «Профессиональное развитие» в разделе «Обучающие материалы» размещена интерактивная дополнительная профессиональная программа «Введение в искусственный интеллект для госслужащих»¹.

Эксперимент закладывает основы для перехода от «цифровизации» как оцифровки бумаж-

ных процессов к «интеллектуализации» государственного управления, где ключевые решения готовятся и принимаются с помощью систем искусственного интеллекта. Задача права — обеспечить, чтобы этот переход был не только технологичным, но и правовым, безопасным и ориентированным на человека.

Использование больших генеративных моделей искусственного интеллекта в государственном управлении открывает огромные возможности для повышения эффективности и улучшения качества государственных услуг. Однако, необходимо тщательно учитывать потенциальные риски и проблемы, чтобы обеспечить ответственное и этичное внедрение этих технологий. Требуется разработка четких правовых и этических рамок, инвестиции в качественные данные, подготовка квалифицированных кадров и обеспечение безопасности систем искусственного интеллекта.

Внедрение цифровых решений и оптимизация HR-процессов должны преследовать цель повышения эффективности работы государственных служащих, их мотивации и вовлеченности, а также создания условий, способствующих их профессиональному благополучию и снижению риска выгорания. При этом выбор и применение цифровых инструментов должны быть строго ориентированы на то, чтобы они действительно способствовали надлежащему и добросовестному исполнению служебных обязанностей, а не создавали дополнительных сложностей и препятствий.

Цифровая трансформация института государственной должности должна проходить не под лозунгом «технологии ради эффективности», а под эгидой «технологии для человека». Примечательно, что данный подход согласуется с ключевыми направлениями цифровой трансформации, выделяемыми учеными, и для других уровней публичной власти, такими как повышение качества предоставления услуг населению и создание комфортной цифровой среды [6].

В связи с этим возникает потребность в обновлении базовых квалификационных требований в сфере информационно-коммуникационных технологий для государственных служащих, которые будут отражать компетентность не только в области информационной безопасности, но и будут учитывать стремительную цифровую трансформацию государственного управления, которая требует знаний и навыков в сфере оказания цифровых государственных услуг, управления цифровой информацией, цифрового проектного управления, цифровой безопасности и цифровой этики, а также в основах искусственного интеллекта.

¹ См.: Введение в искусственный интеллект для госслужащих // Портал государственной гражданской службы. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/news/d513f91c-ba66-48c3-a4e9-c462f0418ceb> (дата обращения: 10.09.2025)

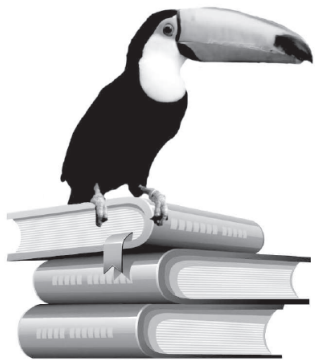
Список литературы:

- [1] Троян Н.А. Эффективные облачные услуги как ключевой аспект стратегического развития и интеграции информационных систем в государственные цифровые платформы // Мониторинг правоприменения. 2025. № 2(55). С. 31–39.
- [2] Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Юрист, 1997. 296 с.
- [3] Камолов С.Г., Коржов И.А. Проблемы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2(3). С. 185–189.
- [4] Карапетян Н.С., Каунов Е.Н. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях развития цифровых технологий // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 6. С. 993–1010.
- [5] Гегедюш Н.С., Масленикова Е.В., Осипов В.А. Модели цифровой компетентности государственных служащих: подходы к формированию и оценке // Вестник университета. 2022. № 10. С. 18–30.
- [6] Лапушинская Г.К., Пилипчук Н.В., Цуркан М.В. Ключевые направления цифровой трансформации муниципального управления // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. № 1. С. 436–461.

References:

- [1] Troyan N.A. Ehffektivnyye oblachnyye uslugi kak klyuchevoj aspekt strategicheskogo razvitiya i integracii informacionnykh sistem v gosudarstvennyye cifrovye platformy // Monitoring pravoprimeneniya. 2025. № 2(55). S. 31–39.
- [2] Manokhin V.M. Sluzhba i sluzhashchij v Rossijskoj Federacii: pravovoe regulirovanie. M.: Yurist", 1997. 296 s.
- [3] Kamolov S.G., Korzhov I.A. Problemy povysheniya kvalifikacii gosudarstvennykh i municipal'nykh sluzhashchikh // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ehkonomiki. 2012. № 2(3). S. 185–189.
- [4] Karapetyan N.S., Kaunov E.N. Transformaciya kompetencij gosudarstvennykh sluzhashchikh v usloviyakh razvitiya cifrovых технологий // Kreativnaya ehkonomika. 2020. Tom 14. № 6. S. 993–1010.
- [5] Gegedyush N.S., Maslennikova E.V., Osipov V.A. Modeli cifrovoj kompetentnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh: podkhody k formirovaniyu i ocenke // Vestnik universiteta. 2022. № 10. S. 18–30.
- [6] Lapushinskaya G.K., Pilipchuk N.V., Curkan M.V. Klyuchevye napravleniya cifrovoj transformacii municipal'nogo upravleniya // Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii. 2025. № 1. S. 436–461.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-130-136

ГРАЧЁВА Ольга Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии,
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: letsik91@mail.ru

АВДОНИНА Татьяна Михайловна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии,
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: avdonina-t@bk.ru

ФОРМЫ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье анализируются формы реализации координационной деятельности органов прокуратуры на основе анализа Закона о прокуратуре РФ, а также Указа Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» и Приказа Генпрокурора РФ № 7. Согласно Закону о прокуратуре деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью координируют Генпрокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, а также приравненные к ним военные и иные специализированные прокуроры. Задачами координационной деятельности является разработка и осуществление правоохранительными органами согласованных действий по своевременному выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений; принятие необходимых мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений; объединение усилий и активизацию работы правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью; устранение дублирования и параллелизма в деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности.

Авторами отмечается, что координация деятельности правоохранительных органов является эффективным способом борьбы с преступностью, однако, данная функция регламентирована в недостаточной степени на законодательном уровне. Делается вывод, что в Законе о прокуратуре Российской Федерации необходимо закрепить специальные нормы, которые будут посвящены конкретным формам и методам координационной деятельности, в том числе с четким изложением полномочий прокуроров по противодействию правонарушениям и преступлениям. Более того, обоснованным считается разработка соответствующих рекомендаций по вопросам координационной деятельности.

Как представляется, необходимо внести в законодательство определение координационной деятельности и детерминировать ее как организационную и направляющую функцию органов прокуратуры по объединению усилий различных правоохранительных органов для эффективной борьбы с преступностью.

Ключевые слова: координационная функция, органы прокуратуры, борьба с преступностью, правоохранительные органы, формы координации, координационные совещания, правоохранительные органы, правовое регулирование.

GRACHEVA Olga Alekseevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Prosecutorial Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy

AVDONINA Tatyana Mikhailovna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Prosecutorial Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy

FORMS OF COORDINATION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE AGAINST CRIME AND THEIR IMPLEMENTATION AT THE PRESENT STAGE

Annotation. *The article analyzes the forms of implementation of the coordination activities of the prosecutor's office based on the analysis of the Law on the Prosecutor's Office of the Russian Federation, as well as the Decree of the President of the Russian Federation No. 567 dated April 18, 1996 (as amended on June 14, 2024), "On Coordinating the Activities of Law Enforcement Agencies in the Fight Against Crime," and Order No. 7 of the Prosecutor General of the Russian Federation.*

According to the Law on the Prosecutor's Office, the activities of law enforcement agencies in combating crime are coordinated by the Prosecutor General of the Russian Federation and subordinate prosecutors, as well as military and other specialized prosecutors equivalent to them. The objectives of the coordination activity are the development and implementation by law enforcement agencies of coordinated actions for the timely detection, disclosure, investigation and prevention of crimes; taking the necessary measures to eliminate the causes and conditions conducive to the commission of crimes; combining efforts and intensifying the work of law enforcement agencies in the field of combating crime; eliminating duplication and overlap in the activities of law enforcement agencies to combat crime.

The authors note that coordinating the activities of law enforcement agencies is an effective way to combat crime, however, this function is insufficiently regulated at the legislative level. It is concluded that the Law on the Prosecutor's Office of the Russian Federation should include special provisions on specific forms and methods of coordination activities, including a clear description of the powers of prosecutors to combat offenses and crimes. Moreover, it is considered reasonable to develop appropriate recommendations on coordination activities.

It is proposed that the legislation should include a definition of coordination activities and define them as the organizational and guiding function of the prosecutor's office to unite the efforts of various law enforcement agencies in order to effectively combat crime.

Key words: *coordination function, prosecutor's office, crime prevention, law enforcement agencies, forms of coordination, coordination meetings, law enforcement agencies, legal regulation.*

Состояние координационной деятельности во многом зависит от ее должного организационного обеспечения, выработки правильной стратегии и тактики участниками координации при осуществлении необходимых действий, а также эффективности и полноты мер и средств, используемых органами правоохранительной системы для сокращения в стране преступных действий.

Координационная деятельность прокуратуры, также, как и все иные виды правоохранительной деятельности имеет свои формы и содержание, которые взаимосвязаны, взаимообусловлены и в значительной степени активно влияют на процессы качественных и количественных изменений, происходящих в этой сфере деятельности. Каждый вид координационной деятельности прокуратуры имеет строго определенную форму, структурно организован и содержателен [1].

Соответственно, координация деятельности правоохранительных органов осуществляется в следующих основных формах: «проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов; обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью; совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучения и распространения положительного опыта; создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений; проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению; взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций; оказа-

ние взаимной помощи в обеспечении собственной безопасности в процессе деятельности по борьбе с преступностью; издание совместных приказов, указаний, подготовка информационных писем и иных организационно-распорядительных документов; выпуск совместных бюллетеней (сборников) и других информационных изданий; разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности»¹.

Каждой из вышеназванных форм координационной деятельности органов прокуратуры следует дать более детальную характеристику, а также определить ее место в борьбе с преступностью.

Одной из наиболее распространенных форм координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью является *проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов*.

Так, в состав координационного совещания входят прокурор (председатель совещания) и руководители соответствующих правоохранительных органов или исполняющие их обязанности (члены совещания). В целях обеспечения координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью Генпрокурор РФ, заместитель Генпрокурора РФ - Главный военный прокурор, прокуроры субъектов РФ и приравненные к ним военные и иные специализированные прокуроры созывают координационные совещания, в состав участников которых входят прокурор (председатель координационного совещания) и руководители правоохранительных органов или должностные лица, исполняющие их обязанности (члены координационного совещания). Координационные совещания проводятся по мере необходимости, в том числе по инициативе одного из членов координационного совещания [2, с. 33-37].

На координационные совещания могут быть приглашены другие должностные лица правоохранительных органов, руководители федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и их подразделений, органов местного самоуправления, органов военного управления, общественных объединений, научные и педагогические работники, представители средств массовой информации.

При этом на координационном совещании рассматриваются вопросы, связанные с практикой выявления, раскрытия, расследования, предупреждения и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению.

Так, на координационных совещаниях необходимо рассматривать наиболее актуальные вопросы борьбы с преступностью, совершенствования правоохранительной деятельности, её правового регулирования, практики предупреждения, выявления и расследования преступлений.

Следует отметить, что по каждому рассматриваемому вопросу принимается отдельное постановление координационного совещания. Справедливо отмечается в специальной литературе, что «в настоящее время, в связи с отсутствием властных полномочий, нередко возникают проблемы с исполнением постановлений координационных совещаний руководителями правоохранительных органов. У прокурора отсутствуют правовые средства, с помощью которых он мог бы привлечь к ответственности участников координации за неисполнение принятых решений» [3].

Заседание считается правомочным, если на нем присутствует большинство членов координационного совещания - руководителей или исполняющих их обязанности должностных лиц правоохранительных органов, на которых возлагается выполнение принятых решений.

Заседание координационного совещания оформляется протоколом, который подписывается секретарем и председателем координационного совещания.

Председатель координационного совещания: созывает координационное совещание; истребует информацию, необходимую для организации координационной деятельности; организует рабочие группы из представителей правоохранительных органов; назначает из числа работников прокуратуры ответственного секретаря координационного совещания.

Члены координационного совещания: вносят предложения по вопросам, относящимся к координационной деятельности, с обоснованием необходимости их рассмотрения, путей и способов решения; вносят в согласованном порядке проекты документов, иные материалы, требующие обсуждения и принятия решения; участвуют в обсуждении и выработке решений по вопросам, вынесенным на рассмотрение; определяют участников рабочих групп; вносят предложения об оценке эффективности принятых совместных решений и мер по их реализации.

В целях подготовки материалов и проектов документов по конкретным вопросам, вынесенным на рассмотрение координационного совещания, сбора и направления необходимой в связи с этим информации в различные государственные органы и осуществления взаимодействия со средствами массовой информации организуются рабочие группы.

¹ Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1958; Собрание законодательства РФ. 2024. № 25. Ст. 3469.

Обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью как самостоятельная форма координации позволяет участникам координационной деятельности совместно анализировать состояние преступности, её структуру и динамику, прогнозировать тенденции развития, изучать практику выявления, расследования, раскрытия, предупреждения и пресечения преступлений. В качестве примера такого взаимодействия, стоит выделить Распоряжение Правительства РФ от 19 мая 2009 г. N 673-р «О подписании Соглашения об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью».

Кроме этого, отдельно в Указе Президента РФ № 567 выделена такая форма координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью как *совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучения и распространения положительного опыта*.

Реализация данной формы координации предусматривает: совместную разработку программы выезда; вынесение распоряжения о создании совместной группы; одновременное и параллельное ознакомление с работой проверяемых органов; предварительное обсуждение всеми членами группы результатов выезда; совместный анализ полученных результатов и последующее их рассмотрение на координационном совещании руководителей правоохранительных органов субъекта Российской Федерации, расширенной коллегии, межведомственном совещании.

Необходимо отметить, что «такая форма координационной деятельности как совместные с правоохранительными органами выезды на места для проведения комплексных проверок требует детальной правовой регламентации, когда законодателем необходимо было бы предусмотреть механизм ее осуществления, а также способы реализации. Одним из вариантов решения данного вопроса может быть разработка на федеральном уровне совместной Инструкции, регулирующей порядок совместного выезда» [4, с. 170].

Между тем, *создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений* как форма координации на современном этапе реализуется в усеченном виде, поскольку «такую форму координации прокуратура не способна реализовать, в связи с отсутствием процессуальных полномочий. УПК РФ закрепляет возможность создания только следственной группы, и таким правом обладает руководитель следственного органа, но никак не прокурор. Поэтому данная форма на сегодняшний день не применяется, в связи с чем исключена из отчетов органов прокуратуры» [5, с. 17-20].

Как справедливо отмечается в специальной литературе, что «в связи с произошедшими изменениями в законодательстве Российской Федерации и структуре федеральных органов исполнительной власти в настоящее время отсутствует нормативно-правовая база, регламентирующая порядок создания и функционирования межведомственных следственно-оперативных групп. Действовавшие ранее совместные нормативные правовые акты правоохранительных органов Российской Федерации по данным вопросам признаны утратившими силу» [6].

Еще одной из форм реализации координационной функции, выделенной в самостоятельную, согласно Указу Президента РФ № 567, является *проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий*.

Как видится, здесь подразумевается проведение иных мероприятий, не упомянутых выше, либо же рассмотрение возможности использования вышеуказанных форм в более широком спектре в целях противодействия преступности.

Так, приказом Генпрокурора РФ № 7 устанавливается, что необходимо шире использовать возможности межведомственных рабочих групп, совместных целевых мероприятий по профилактике и пресечению преступности, а также необходимо обеспечить эффективное взаимодействие с постоянно действующими координационными совещаниями в субъектах Российской Федерации, образованными в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 11.12.2010 № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка», согласно которому определены обязанности прокуроров субъектов Российской Федерации по организации взаимодействия с постоянно действующими координационными совещаниями по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации.

Представляется, что указанные обязанности прокуроров можно рассматривать в качестве относительно самостоятельных форм взаимодействия, выделив следующие: «1) принятие личного участия в качестве постоянных членов в работе координационных совещаний по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации; 2) подготовка и направление высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации предложений в комплексный план мероприятий по своевременному предотвращению противоправных действий, охране и поддержанию правопорядка на территориях субъектов Российской Федерации; 3) участие в разработке комплексных мер по приоритетным направлениям профилактики правонарушений; 4) участие в выработке решений, принимаемых координационными совещаниями» [7].

Однако, следует отметить, что такие координационные совещания по обеспечению правопорядка не должны подменять координационные совещания руководителей правоохранительных органов, а также не вмешиваться в оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность.

Так же, самостоятельной формой координации выступает *взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций*.

В приказе Генпрокурора РФ № 7 указывается на необходимость осуществлять на постоянной основе мониторинг прокурорской, следственной и судебной практики, проявлять активность в распространении положительного опыта.

В практической деятельности все чаще используется такая форма координации, как «межведомственные семинары - совместные занятия работников различных правоохранительных органов, а также органов судебной власти. В ходе подготовки к их проведению совместно утверждаются планы работы (расписания занятий) семинаров, определяются темы, даты и место их проведения, докладчики (лекторы) по каждой теме. Важное значение имеет выбор тематики, которая должна определяться с учетом специфики задач, стоящих перед соответствующими правоохранительными органами, недостатков в их деятельности, уровня теоретической подготовки и опыта практической работы слушателей. При планировании работы особое внимание уделяется актуальным вопросам уголовного права и уголовного процесса, конкретным криминалистическим методикам. В подготовке межведомственных семинаров целесообразно использовать обобщения следственной, прокурорской и судебной практики» [7].

К тому же, выделение такой формы координации как *разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности*, позволяет констатировать тот факт, что данная деятельность достигается через планирование совместных действий.

Так, Генпрокурор РФ, прокуроры субъектов Российской Федерации, городов, районов, другие территориальные прокуроры и приравненные к ним военные и иные специализированные прокуроры разрабатывают во взаимодействии с руководителями правоохранительных органов и утверждают ежегодный план мероприятий, направленных на обеспечение координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (план координационной деятельности). Руководители правоохранительных органов подготавливают в пределах своей компетенции в

обязательном порядке и представляют прокурору предложения для включения в указанный план.

Следует отметить, что такая форма координации как *оказание взаимной помощи в обеспечении собственной безопасности в процессе деятельности по борьбе с преступностью* будет скорее всего сопутствующей обозначенным выше формам на протяжении их реализации, основанной на принципах взаимодействия и сотрудничества правоохранительных органов. Исходя из этого, оказание взаимной помощи в обеспечении собственной безопасности является важной и системной частью борьбы с преступностью, включающей организационные, правовые и практические меры по координации деятельности правоохранительных органов, направленные на повышение эффективности и безопасности их работы

Издание совместных приказов, указаний, подготовка информационных писем и иных организационно-распорядительных документов; выпуск совместных бюллетеней (сборников) и других изданий является одной из форм координации деятельности правоохранительных органов и других государственных структур. Эта форма координации позволяет согласованно регулировать деятельность участников на основе единой нормативной базы и обеспечивать выполнение согласованных решений. В данном случае, совместные приказы и указания служат инструментом организационно-распорядительного воздействия, направленного на обеспечение единства подходов и согласованности действий различных ведомств, формализацию решений координационных совещаний и других коллективных органов, а также установление обязательных для исполнения правил, норм и процедур в рамках взаимодействия участников координации.

Такие документы могут включать инструкции, методические рекомендации, регламенты совместной работы и иные организационно-распорядительные акты в целях использования их для координации проведения целевых мероприятий, обмена информацией и других совместных действий. Это позволяет повысить эффективность взаимодействия и совместно решать задачи, связанные с борьбой с преступностью и обеспечением правопорядка.

Каждая из перечисленных форм определяется её участниками, исходя из конкретной обстановки. При этом материально-техническое обеспечение совместных мероприятий обычно возлагается на сами ведомства [8].

Анализируемые выше формы координационной функции органов прокуратуры можно систематизировать в следующем виде:

1) «организационно-распорядительные формы (координационные совещания, приказы,

распоряжения, планы и программы) – направлены на выработку планов и управленческих решений;

2) оперативно-розыскные формы (создание следственно-оперативных групп, проведение совместных плановых и целевых мероприятий) – нацелены на практическое пресечение преступлений;

3) информационно-аналитические формы (обмен оперативной и аналитической информацией, издание совместных бюллетеней, проведение семинаров и конференций) – обеспечивают анализ преступности и распространение опыта» [9].

Приказ Генпрокурора РФ № 7 ориентирует обращать внимание нижестоящих прокуроров особое внимание совершенствованию форм реализации координационной деятельности с учетом реального состояния преступности.

В связи с чем, «в целях совершенствования координационной функции органов прокуратуры могут быть использованы и иные формы, выработанные практикой, к примеру, разработка мер по борьбе с определенным видом преступных проявлений; проверка выполнения ранее принятых координационными совещаниями решений; совместная разработка предложений для включения в региональные программы борьбы с преступностью и др.» [10, с. 36].

Отдельного внимания заслуживает ряд проблем, существующих при реализации координационной функции органов прокуратуры по борьбе с преступностью, в частности:

- отсутствие должного правового регулирования координационной деятельности;
- использование ограниченного набора форм координационной деятельности;
- отсутствие критериев оценки эффективности координационной деятельности и некоторые другие проблемы.

Стоит констатировать тот факт, что «координационная деятельность по вопросам борьбы с преступностью, как показывает анализ действующего законодательства и правоприменительной практики, нуждается в более подробном правовом регулировании, поскольку именно в Законе о прокуратуре Российской Федерации необходимо закрепить специальные нормы, которые будут посвящены конкретным формам и методам координационной деятельности, в том числе с четким изложением полномочий прокуроров по противодействию правонарушениям и преступлениям. Более того, обоснованным считается разработка соответствующих рекомендаций по вопросам координационной деятельности» [11].

Как представляется, необходимо внести в законодательство определение координационной деятельности и детерминировать ее как организа-

ционную и направляющую функцию органов прокуратуры по объединению усилий различных правоохранительных органов для эффективной борьбы с преступностью.

Для наиболее успешного решения проблемы нормативно-правового регулирования координации деятельности правоохранительных органов необходимо издание специализированного Федерального закона «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в Российской Федерации».

Список литературы:

[1] Абдиров Н.М. Формы координации прокуратурой деятельности правоохранительных и иных государственных органов // Вестник ОГУ. 2015. №13 (188). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-koordinatsii-prokuraturoy-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-i-inyh-gosudarstvennyh-organov> (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Грачева О. А. К вопросу об оценке эффективности координационной деятельности органов прокуратуры по противодействию преступным проявлениям / О. А. Грачева, А. А. Титова // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2. – С. 33-37.

[3] Богатова Е. В. Координационная деятельность органов прокуратуры как способ защиты прав граждан на досудебных стадиях уголовного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsionnaya-deyatelnost-organov-prokuratury-kak-sposob-zaschity-prav-grazhdan-na-dosudebnyh-stadiyah-ugolovnogo-protsessa> (дата обращения: 27.07.2025).

[4] Капитонова Ю.В. Основы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Дисс. канд. юр. наук. М.2003. с.170.

[5] Богатова Е.В. Нормативно-правовое регулирование координационной деятельности органов прокуратуры // Законность. 2023. № 2(1060). С. 17-20.

[6] Румянцев А.Ю. Межведомственное и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом и другими особо опасными преступлениями // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhvedomstvennoe-i-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-borbe-s-terrorizmom-i-drugimi-osobo-opasnymi-prestupleniyami> (дата обращения: 17.09.2025).

[7] Рамазанова Э. Т., Агарабаданова Н. Р. Роль прокуратуры российской федерации в координации деятельности правоохранительных орга-

нов: проблемы и меры повышения эффективности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-v-koordinatsii-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-problemy-i-mery-povysheniya> (дата обращения: 16.09.2025).

[8] Никитин Е.Л., Дытченко Г.В. Организационно-правовые вопросы развития форм координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // КриминалистЪ. 2020. №3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-voprosy-razvitiya-form-koordinatsii-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-po-borbe-s-prestupnostyu> (дата обращения: 22.07.2025).

[9] Азарова Е.С., Внуков В.И. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Legal Concept. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsiya-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-po-borbe-s-prestupnostyu> (дата обращения: 20.07.2025).

[10] Рохлин В. Координирующая роль прокурора в борьбе с преступностью // Законность. 1999. № 3. С. 36.

[11] Грачёва О.А., Титова А.А. Роль органов прокуратуры РФ в координационной деятельности по противодействию преступности // Вестник СГЮА. 2023. №1 (150). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-prokuratury-rf-v-koordinatsionnoy-deyatelnosti-po-protivodeystviyu-prestupnosti> (дата обращения: 30.07.2025).

References:

[1] Abdirov N.M. Formy koordinatsii prokuraturoy deyatel'nosti pravookhranitel'nykh i inykh gosudarstvennykh organov // Vestnik OGU. 2015. №13 (188). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-koordinatsii-prokuraturoy-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-i-inykh-gosudarstvennykh-organov> (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Gracheva O. A. K voprosu ob ocenke ehffektivnosti koordinatsionnoy deyatel'nosti organov prokuratury po protivodeystviyu prestupnym proyavleniyam / O. A. Gracheva, A. A. Titova // Chelovek i pravo – XXI vek: al'manakh Instituta prokuratury Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. – 2023. – № 2. – S. 33-37.

[3] Bogatova E. V. Koordinatsionnaya deyatel'nost' organov prokuratury kak sposob zashchity prav grazhdan na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo processa // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsionnaya-deyatelnost-organov-prokuratury>

-kak-sposob-zashchity-prav-grazhdan-na-dosudebnyh-stadiyakh-ugolovnogo-protsessa (data obrashcheniya: 27.07.2025).

[4] Kapitonova YU.V. Osnovy koordinatsii prokuraturoy deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupnost'yu. Diss. kand. yur. nauk. M.2003. s.170.

[5] Bogatova E.V. Normativno-pravovoe regulirovanie koordinatsionnoy deyatel'nosti organov prokuratury // Zakonnost'. 2023. № 2(1060). S. 17-20.

[6] Rumyantsev A.YU. Mezhdunarodnoe i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s terrorizmom i drugimi osobo opasnymi prestupleniyami // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2013. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhvedomstvennoe-i-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-borbe-s-terrorizmom-i-drugimi-osobo-opasnymi-prestupleniyami> (data obrashcheniya: 17.09.2025).

[7] Ramazanova EH. T., Agarabadanova N. R. Rol' prokuratury rossijskoj federatsii v koordinatsii deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov: problemy i mery povysheniya ehffektivnosti // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-v-koordinatsii-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-problemy-i-mery-povysheniya> (data obrashcheniya: 16.09.2025).

[8] Nikitin E.L., Dytchenko G.V. Organizatsionno-pravovye voprosy razvitiya form koordinatsii deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupnost'yu // Kriminalist. 2020. №3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-voprosy-razvitiya-form-koordinatsii-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-po-borbe-s-prestupnostyu> (data obrashcheniya: 22.07.2025).

[9] Azarova E.S., Vnukov V.I. Koordinatsiya deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupnost'yu // Legal Concept. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koordinatsiya-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-po-borbe-s-prestupnostyu> (data obrashcheniya: 20.07.2025).

[10] Rokhlin V. Koordiniruyushchaya rol' prokurora v bor'be s prestupnost'yu // Zakonnost'. 1999. № 3. S. 36.

[11] Grachyova O.A., Titova A.A. Rol' organov prokuratury RF v koordinatsionnoy deyatel'nosti po protivodeystviyu prestupnosti // Vestnik SGYUA. 2023. №1 (150). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-prokuratury-rf-v-koordinatsionnoy-deyatelnosti-po-protivodeystviyu-prestupnosti> (data obrashcheniya: 30.07.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-137-141

ГАТАУЛИНА Людмила Фаруковна,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
международно-правового
факультета МГИМО МИД России
(Одинцовский филиал),
e-mail: MilissaG@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ АУКЦИОНА КАК СПОСОБА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА

Аннотация. В работе рассматриваются правовые аспекты регулирования порядка организации и проведения аукциона в сфере закупок как способа заключения государственного (муниципального) контракта. С помощью государственных и муниципальных контрактов осуществляется поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, поддержка отечественного производителя, удовлетворения публичного интереса. Они способствуют эффективному расходованию бюджетных средств, стимулируя развитие инфраструктуры, социальной сферы и технологий. Уделяется внимание нормативно-правовой базе, проводится анализ основных юридических понятий, которые являются основополагающими для реализации принципа конкуренции на современном этапе рыночных отношений. Поэтому положительно рассматривается перевод всех способов определения поставщика в электронную форму, что упрощает процедуру закупок и делает ее более прозрачной и эффективной. В связи с динамичным распространением цифровизации уделяется внимание аукционам, проводимых в электронном формате, анализируется конструктивная деятельность по унификации законодательного регулирования электронной формы. Поэтому положительно рассматривается перевод всех способов определения поставщика в электронную форму, что упрощает процедуру закупок и делает ее более прозрачной и эффективной.

Ключевые слова: аукцион, конкурс, торги, государственный контракт, муниципальный контракт, закупки, электронная форма, запрос котировок, запрос предложений, контрактная система.

GATAULINA Lyudmila Farukovna,
Associate Professor of the Department
of Civil and Entrepreneurial Law
International Faculty of International Faculty
of MGIMO Foreign Ministry of Russia (Odintsovo branch)

LEGAL ASPECTS OF CONDUCTING AN AUCTION AS A WAY OF CONCLUDING A STATE (MUNICIPAL) CONTRACT

Annotation. The paper considers the legal aspects of regulating the procedure for organizing and holding an auction in the field of procurement as a way of concluding a state (municipal) contract. With the help of state and municipal contracts, support is provided to small and medium-sized businesses, domestic producers, and public interest is met. They contribute to the efficient use of budget funds, stimulating the development of infrastructure, the social sphere and technology. Attention is paid to the regulatory framework, an analysis is made of the main legal concepts that are fundamental for the implementation of the competition principle at the present stage of market relations. Therefore, the transfer of all methods of determining the supplier to electronic form is positively considered,

which simplifies the procurement procedure and makes it more transparent and efficient. In connection with the dynamic spread of digitalization, attention is paid to auctions held in electronic format, constructive activities to unify the legislative regulation of the electronic form are analyzed. Therefore, the transfer of all methods of determining the supplier to electronic form is positively considered, which simplifies the procurement procedure and makes it more transparent and efficient.

Key words: *auction, competition, bidding, government contract, municipal contract, procurement, electronic form, request for quotations, request for proposals, contract system.*

В современных экономических условиях одним из востребованных способов заключения государственного (муниципального) контракта являются аукционы, которые привлекают широкий круг хозяйствующих субъектов на договорной основе к участию в публичных закупках. Такие государственные и муниципальные контракты нуждаются в особом внимании, поскольку процесс их заключения регулируется рядом специальных законодательных актов, обладающих высокой степенью детализации. Эти нормативные правовые акты влияют на все этапы взаимодействия сторон, от выбора поставщика и определения условий закупки до завершения исполнения контракта.

Особенная правовая природа государственных и муниципальных контрактов требует глубокого анализа тех черт, которые отличают их, чтобы обеспечить их эффективное правоприменение и способствовать достижению целей, ради которых они заключаются. С помощью публичных закупок осуществляется поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, поддержка отечественного производителя, удовлетворения публичного интереса. Они способствуют эффективному расходованию бюджетных средств, стимулируют развитие инфраструктуры, социальной сферы и технологий. Поэтому на сегодняшний день, государственный (муниципальный) контракт является незаменимым элементом системы обеспечения государственных и муниципальных нужд в товарах (работах, услугах). Принимая во внимание значительный объем государственных закупок, их правовое регулирование занимает центральное место в обеспечении прозрачности и конкуренции.

Согласно общим нормам, правовая регламентация торгов в концентрированном виде закреплена всего лишь в четырех статьях: в ст. 447-449.1 ГК РФ [1, ст. 3301]. Так путем организации и проведения торгов может быть заключен любой договор, если только это не противоречит его существу. Такой договор будет заключаться с лицом, выигравшим торги (п. 1 ст. 447 ГК РФ). Торги проводятся в форме аукциона или конкурса (п. 4 ст. 447 ГК РФ). Согласно п. 4 ст. 447 ГК РФ, выигравшим торги на аукционе признается лицо, предложившее наиболее высокую цену. Пред-

ставляется, что для целей регулирования порядка организации и проведения аукциона в сфере закупок такое определение вряд ли подходит, поскольку победителем такого аукциона будет считаться участник, который предложил наименьшую цену заключения контракта.

Стоит отметить, что в современном законодательстве нет четких определений аукциона и конкурса, в связи с чем наблюдается их смешение в различных нормативных актах. Из смысла ст. 447 ГК РФ ясно, что термин «торги» выступает родовым по отношению к терминам «аукцион» и «конкурс», которые являются формами проведения торгов. То есть можно (правда, не совсем точно) употреблять выражения: торги (аукцион); торги (конкурс), но никак нельзя «торги и аукцион», «торги и конкурс», «торги, конкурс, аукцион». Торги соотносятся с аукционом и конкурсом как общее и частное. Определение торгов как способа заключения договора раскрывает функциональный аспект торгов, а заключение договора будет выступать в качестве функции торгов. Зачастую торги являются единственным способом заключения гражданско-правового договора, они уже нашли свое место в сфере закупок определенных товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц, проводятся для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в сфере банкротства, приватизации и др. [2, с. 53].

Развитие рыночной системы экономики повлекло за собой объективную необходимость динамичного включения и распространения цифровизации и информатизации в Российской Федерации [3, ст. 1119], под которой понимают переход взаимодействия всех участников закупочной деятельности в электронную форму, поэтому особый интерес представляют аукционы, проводимые в электронном формате. На сегодняшний день, цифровые технологии являются закономерным стабилизатором соблюдения принципа открытости и прозрачности всей контрактной системы, которые являются гарантом обеспечения честной конкуренции в сфере закупок. Поэтому электронные аукционы получают особую актуальность и значимость, которая говорит нам о том, что сфера закупок в первую очередь строится на таком базисном принципе как открытость и прозрачность информации о проведении закупки. Все необходи-

мые сведения о цифровизированной закупке комплектуются, обрабатываются, хранятся и направляются посредством единой информационной системы в сфере закупок в сети Интернет. Предоставляется открытый доступ для ознакомления в любое время с информацией, находящейся в общедоступной части официального сайта единой информационной системы.

Электронные аукционы, проводятся не только в добровольной форме, но и являются обязательными для проведения в определенных областях хозяйственной деятельности. Они зачастую служат единственным способом заключения государственного (муниципального) контракта. Например, обязательные электронные аукционы проводятся в сфере закупок определенных товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц, закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в сфере банкротства, приватизации и др. На сегодняшний день, электронные аукционы охватывают как частноправовую, так и соответствующую часть публично-правовой сферы, способствуют свободе предпринимательской деятельности, что является одним из важнейших условий честной конкуренции между участниками закупочной деятельности.

В соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее Закон № 44-ФЗ) [4, ст. 1652], конкурентные закупки в основном проводятся в электронной форме, другая форма (на бумаге) осталась лишь только для некоторых закрытых процедур. Что касается закрытых конкурентных способов, то они применяются в случаях закупок товаров, работ, услуг, необходимых для обеспечения федеральных нужд, если сведения о таких нуждах составляют государственную тайну; закупок товаров, работ, услуг, сведения о которых составляют государственную тайну, при условии, что такие сведения содержатся в документации о закупке или в проекте контракта; закупки услуг по страхованию, транспортировке, охране (ценностей Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации, музейных предметов и музейных коллекций, редких и ценных изданий, рукописей, архивных документов) и иных закупок.

Контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок, а любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с действующим законодательством о контрактной системе стать поставщиком, подрядчиком или исполнителем.

Немаловажный момент проведения электронного аукциона состоит в том, что такая форма проведения торгов в большинстве случаев уменьшают риск сговора между участниками аукциона, способствует определению реальной цены, соответствующей рыночной динамике, снижению давления на потенциальных конкурентов.

Необходимо отметить, что в Законе о контрактной системе, пришедшем на смену Федеральному закону от 21.07.2013 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», термин «торги» уже отсутствует, а используется понятие «конкурентные способы определения поставщика». Так, одним из способов определения поставщиков является аукцион (открытый аукцион в электронной форме, закрытый аукцион, закрытый аукцион в электронной форме (п. 2 ст. 24 Закона № 44-ФЗ). Тем самым законодатель отказался от использования термина «торги», а применил более широкое понятие «конкурентный способ определения поставщика», включающие как торги (в форме конкурса и аукциона), так и запрос котировок, и запрос предложений. Отсутствие термина «торги» из Закона № 44-ФЗ не свидетельствует о том, что конкурентные способы определения поставщика в виде аукциона или конкурса не являются торгами. Однако как показывает практика, суды при рассмотрении дел в данной сфере до сих пор используют термин «торги» относительно конкурентных способов определения поставщика.

Аукцион определяется как способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором победителем признается участник закупки, предложивший наименьшую цену контракта. Закон № 44-ФЗ трактует электронный аукцион как конкурентный способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при проведении которого, победителем признается участник закупки, заявка на участие в закупке которого соответствует требованиям, установленным в извещении о проведении закупки и который предложил по результатам проведения процедуры подачи предложений о цене контракта или о сумме цен единиц товара, работы, услуги (в случае, предусмотренном ч. 24 ст. 22 № 44-ФЗ) наиболее низкую цену контракта, наименьшую сумму цен таких единиц либо в случае, предусмотренном п. 9 ч. 3 ст. 49 № 44-ФЗ – наиболее высокий размер платы, подлежащей внесению участником закупки за заключение контракта (п. 5 ст. 24 № 44-ФЗ).

Особенность проведения электронных процедур заключается в том, что все операции в рамках конкурентного определения поставщика –

направление участниками запросов о разъяснениях, заявок на участие в закупке, предложений о цене контракта, предоставление комиссии по закупкам доступа к заявкам, сопоставление предложений, формирование протоколов, а также заключение контракта с победителем закупки – происходят на одобренных Правительством РФ электронных площадках. Закон № 44-ФЗ отдельно закрепляет порядок и требования для каждого из способов определения поставщика в электронной форме.

Что касается правовой регламентации организации и проведения аукционов, нужно отметить, что основным законодательным актом в данной сфере является упомянутый Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Данный закон не раз подвергался реформированию, в частности в отношении способов определения поставщика, при этом изменения имели разноплановые тенденции, то в пользу упрощения и сокращения количества процедур, то в сторону расширения применяемых процедур. Такая ситуация заставляет задуматься о причинах таких решений законодателя и их последствий в целях дальнейшего совершенствования правового поля в данной сфере.

В соответствии с ФЗ № 44-ФЗ с 2013 года аукцион стал проводиться в обязательной электронной форме, а с 2021 года в числе обязательных способов определения поставщиков заняли свою нишу конкурсы, запрос котировок и запрос предложений только в электронной форме [5, ст. 7767]. Электронная форма проведения торгов нашла отражение и в Гражданском кодексе РФ. Так, в связи реформированием гражданского законодательства торги (в том числе электронные) проводятся в форме аукциона, конкурса или в иной форме, предусмотренной законом (п. 4 ст. 447 ГК РФ). Попытки дальнейшего развития деятельности по унификации законодательного регулирования электронной формы в данной сфере были предприняты и в соответствующих законопроектах, в проекте: Федерального закона «Об открытых торгах в Российской Федерации», Федерального закона «Об электронных торгах в Российской Федерации», подготовленные Минэкономразвития России [6, с. 174-177]. На сегодняшний день, доля контрактов государственных (муниципальных) закупок, заключаемых по результатам электронных аукционов продолжает расти, а такой способ определения поставщика является менее затратным, что позволяет экономить значительную часть бюджетных средств. Отношения в данной сфере за последние годы направлены на

развитие и совершенствование электронной формы, рынок государственных закупок продолжает находиться в состоянии цифровизации и информатизации, направленной на продолжение электронизации экономических процессов в рамках российской контрактной системы.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Гатаулина Л.Ф. Правовое регулирование организации и проведения торгов. Диссертация кандидата юридических наук, Краснодар – 2007. С. 53.
- [3] Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. 15.05.2017, N 20, ст. 2901; Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 N 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ.РФ. 18.03.2019, N 11, ст. 1119.
- [4] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013 № 14, ст. 1652.
- [5] ФЗ от 27.12.2019 N 449-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 30.12.2019, N 52 (часть I), ст. 7767.
- [6] Гатаулина Л.Ф. «Торги в эпоху цифровизации» // Перспективы развития гражданского права и процесса в эпоху цифровизации: сборник научных работ по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора Н.А. Барина (г. Саратов, 25 февраля 2022 г.) / [отв. ред. А.В. Габов]; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. С. 174-177.

References:

- [1] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ // SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.
- [2] Gataulina L.F. Pravovoe regulirovanie organizacii i provedeniya trgov. Dissertaciya kandidata yuridicheskikh nauk, Krasnodar – 2007. S. 53.
- [3] Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 N 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017 - 2030 gody» // SZ RF.

15.05.2017, N 20, st. 2901; Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.03.2019 N 234 «O sisteme upravleniya realizaciej nacional'noj programmy «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii» // SZ.RF. 18.03.2019, N 11, st. 1119.

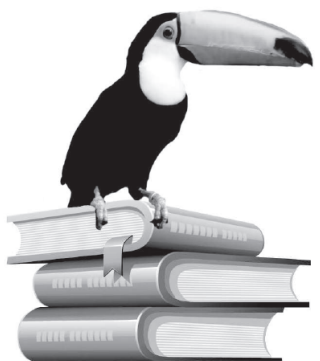
[4] Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» // SZ RF. 2013 № 14, st. 1652.

[5] FZ ot 27.12.2019 N 449-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespech-

eniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» // SZ RF. 30.12.2019, N 52 (chast' I), st. 7767.

[6] Gataulina L.F. «Torgi v epohu cifrovizacii» // Perspektivy razvitiya grazhdanskogo prava i processa v epohu cifrovizacii: sbornik nauchnyh rabot po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyuso dnya rozhdeniya doktora yuridicheskikh nauk, professora N.A. Barinova (g. Saratov, 25 fevralya 2022 g.) / [otv. red. A.V. Gabov]; Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. – Saratov: Izd-vo Sarat. gos. yurid. akad., 2022. S. 174-177.

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ДОГОВОР ПОСТАВКИ МЕДИЦИНСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ С ВЫПОЛНЕНИЕМ РАБОТ ПО ЕГО ВВОДУ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ ДЛЯ КЛИНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. В статье проводится исследование особенностей договора поставки медицинского оборудования с выполнением работ по его вводу в эксплуатацию для клиники пластической хирургии. Отмечено, что в некоторых случаях для приёма и последующего использования медицинского оборудования необходимо выполнить комплекс работ по монтажу и вводу его в эксплуатацию, представляющих собой по сути подрядные работы. Раскрыто, что договор поставки медицинского оборудования с выполнением работ по вводу его в эксплуатацию представляет собой так называемый **смешанный договор**, т.е. договор, который содержит элементы договоров поставки и подряда. **Для признания смешанным необходимо, чтобы в нем были чётко прописаны обязательства, которые являются ключевыми и определяющими для договора.** Установлено, что стороны в смешанном договоре согласовывают и условия поставки оборудования, порядок его монтажа и ввода в эксплуатацию. Указано, что ответственность за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательств по рассматриваемому договору обусловлена конструкцией смешанного договора и касается как поставки товара, так и выполнения работ. Выяснено, что по факту приёма оборудования стороны подписывают акт приема-передачи оборудования, после чего риски случайной гибели, утраты или повреждения оборудования переходят к клинике пластической хирургии. Сделан вывод, что исследуемый договор является смешанным, сочетая в себе элементы поставки и подряда, он дает возможности для защиты прав, поскольку **позволяет адаптировать условия соглашения под потребности сторон, и урегулировать различные отношения сторон в рамках одного договора.** Это упрощает договорный процесс и экономит время, затраты и усилия сторон. В то же время, обращено внимание, что сложность смешанного договора может вызывать правовые споры, поэтому при заключении таких договоров важно учитывать применимые нормы права и судебную практику.

Ключевые слова: клиника пластической хирургии, смешанный договор, поставка, подряд, медицинское оборудование, работы, ввод в эксплуатацию, покупатель, поставщик.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association"
branch "Pelevin and Partners Law Firm", I
awyer

THE CONTRACT FOR THE SUPPLY OF MEDICAL EQUIPMENT WITH THE PERFORMANCE OF WORK ON ITS COMMISSIONING FOR THE CLINIC OF PLASTIC SURGERY

Annotation. The article examines the specific features of a contract for the supply of medical equipment with the performance of work on its commissioning for a plastic surgery clinic. It is noted that in some cases, for the acceptance and subsequent use of medical equipment, it is necessary to perform a set of works on its installation and commissioning, which are essentially contract work. It is disclosed that a contract for the supply of medical equipment with the performance of work on its commissioning is a so-called mixed contract, i.e. a contract that contains elements of a supply con-

tract and a contract. To be recognized as mixed, it is necessary that it clearly spell out the obligations that are key and determining for the contract. It is established that the parties to a mixed contract agree on the terms of equipment supply, the procedure for its installation and commissioning. It is indicated that liability for failure to fulfill (improper fulfillment) of obligations under the contract in question is conditioned by the structure of the mixed contract and concerns both the supply of goods and the performance of work. It was found that upon acceptance of the equipment, the parties sign the equipment acceptance certificate, after which the risks of accidental loss, damage or destruction of the equipment are transferred to the plastic surgery clinic. It was concluded that the contract under study is mixed, combining elements of supply and contract, it provides opportunities for protecting rights, since it allows adapting the terms of the agreement to the needs of the parties, and regulating various relations of the parties within the framework of one contract. This simplifies the contractual process and saves time, costs and efforts of the parties. At the same time, attention is drawn to the fact that the complexity of a mixed contract can give rise to legal disputes, therefore, when concluding such contracts, it is important to take into account the applicable legal norms and judicial practice.

Key words: *plastic surgery clinic, mixed contract, supply, contract, medical equipment, works, commissioning, buyer, supplier.*

Клиники пластической хирургии для оказания качественных медицинских услуг нуждается в соответствующем медицинском оборудовании, нередко являющегося технически сложным. Для эффективного использования медицинского оборудования, поставка должна включать установку, калибровку и обучение персонала.

Однако, действующее законодательство часто ограничивает правоотношения по поставке лишь передачей товара. Это создаёт ситуацию, когда дополнительные услуги, даже оформленные отдельным договором, не влекут за собой ответственности поставщика в рамках основной сделки и покупатель не может требовать устранения недостатков, возникших в результате этих услуг, как по договору поставки.

Решением может быть заключение смешанного договора, содержащего элементы подряда. Такой подход позволяет рассматривать поставку оборудования как комплексное обязательство, включающее передачу товара и выполнение работ, что расширяет ответственность поставщика и предоставляет клинике пластической хирургии (далее – клиника) больше возможностей для защиты своих прав [1, с. 20].

Данная тема разработана недостаточно, выявлен недостаток научных исследований, посвящённых ей.

Цель исследования - анализ особенностей договора поставки медицинского оборудования с выполнением работ по его вводу в эксплуатацию для клиники. Его результаты могут быть использованы при разработке сторонами проекта соответствующего договора, при проведении дальнейших научных исследований по теме.

Гражданско-правовой договор выступает как средство саморегулирования гражданских отношений. Определяющим в правовой природе договора является именно достижение договорённости,

составляющей взаимное согласование воли субъектов права. В свою очередь определяющим в контексте формы закрепления такой договорённости выступает отражение её содержания.

Законодательство о договорах отдаёт предпочтение самостоятельному регулированию отношений между сторонами. Договорные механизмы и свобода договора являются ключевыми инструментами. Стороны наделены широкими правовыми возможностями для согласования условий поставки, максимально учитывающих их интересы.

Для эффективного решения проблем, возникающих при регулировании поставок медицинского оборудования, целесообразно рассматривать обязательства поставщика как единое целое, направленное на достижение конкретного результата. Это включает в себя не только поставку медицинского оборудования как товара, но и его монтаж, а также все необходимые действия для обеспечения его функциональности и возможности использования по назначению.

По договору поставки поставщик обязуется передать, а покупатель принять и оплатить определённое медицинское оборудование. Предмет договора поставки – наименование (тип, марка, модель) и количество поставляемого медицинского оборудования, в состав которого входят инструменты, аппараты, материалы, применяемые для диагностики, мониторинга заболеваний, лечения пациентов.

Товары, приобретаемые по этому договору, предназначены для целей, не связанных с личными нуждами, семейным потреблением или домашним хозяйством. Клиника закупает медицинское оборудование по договорам поставки для оказания своим пациентам медицинских услуг.

Для исследуемого договора определяющим является высокое качество медицинского оборудования, поскольку от этого зависит качество ока-

зываемых медицинских услуг гражданам. На основании п. 2 ст. 456 ГК РФ, при отсутствии иного в договоре, поставщик вместе с передачей товара предоставляет клинике относящиеся к нему документы. Необходимыми документами, прилагаемыми к товару, являются паспорт на медицинское изделие, инструкция по использованию, в необходимых случаях – сертификат (декларация) соответствия.

В некоторых случаях для приёма и последующего использования медицинского оборудования необходимо выполнить комплекс работ по монтажу и вводу его в эксплуатацию, представляющих собой по сути подрядные работы.

Договор поставки медицинского оборудования с выполнением работ по вводу его в эксплуатацию представляет собой так называемый **смешанный договор**, т.е. договор, который содержит элементы договоров поставки и подряда (п. 3 ст. 421 ГК РФ). Смешанные договоры, адаптируют договорные рамки к уникальным условиям и нуждам участников, обеспечивают гибкость без ущерба для действенности гражданско-правового регулирования.

В смешанном договоре к каждой его составляющей применяются правила, относящиеся к соответствующему типу договора. Однако, если стороны договорились об ином, применяются другие правила. Важно не злоупотреблять этой возможностью и соблюдать обязательные требования закона, касающиеся соответствующего типа договора [2, с. 166].

Смешанный договор возникает, когда в одном соглашении объединены элементы двух или более различных типов договоров, как тех, что прямо предусмотрены законом (поименованные), так и тех, что законом не регулируются (непоименованные). Чтобы определить, является ли договор смешанным, необходимо учитывать не только предмет договора, но и другие важные характеристики, такие как стороны и объект. Важно, чтобы в смешанном договоре стороны преследовали единую цель, направленную на один и тот же объект [4, с. 467-478].

При этом, обязательства в таком договоре не просто взаимосвязаны, но и взаимно обусловлены [5, с. 320].

Для признания смешанным необходимо, чтобы в нем были чётко прописаны обязательства, которые являются ключевыми и определяющими для этого договора. Например, для договора поставки – это передача товара, а для договора подряда – выполнение работ.

Обязанность по оплате не позволяет отнести договор к смешанному, поскольку оплата – это общая черта большинства дого-

воров. Так, если в договоре подряда заказчик обязуется оплатить поставщику стройматериалы подрядчика, это не делает договор подряда смешанным с поставкой. **Также обязанности, которые служат исключительно для его исполнения, не делают договор смешанным.** Например, договор поставки, в котором поставщик обязуется доставить товар, не становится смешанным с договором перевозки [6].

По мнению М.И. Брагинского, смешанный договор должен отвечать следующим критериям: включать в себя как минимум два отдельных договора, каждый из которых должен быть прямо предусмотрен гражданским законодательством [3].

Данная позиция вызывает сомнения. Такое узкое понимание статьи 421 ГК РФ противоречит принципу свободы договора, позволяющему сторонам заключать любые соглашения, даже если они не предусмотрены законом. В юридической науке преобладает точка зрения, согласно которой смешанный договор может включать в себя элементы различных договоров.

Стороны в смешанном договоре согласовывают и условия поставки оборудования, и порядок его монтажа и ввода в эксплуатацию.

Поставщик по исследуемому договору обязан:

1. Поставить покупателю в установленные договором сроки медицинское оборудование, соответствующее по качеству и количеству условиям договора и иным обязательным документам (ГОСТ, ТУ и т.д.).

2. После установки покупателем медицинского оборудования на место его эксплуатации, выполнить монтажные работы на оборудовании, ввести его в эксплуатацию, провести инструктаж специалистов клиники с подписанием акта ввода оборудования в эксплуатацию.

3. Осуществить сборку, установку, монтаж и ввод в эксплуатацию медицинского оборудования.

4. Обеспечить в процессе исполнения договора выполнение мероприятий по технике безопасности, охране окружающей среды, а также сохранности имущества покупателя.

5. Соблюдать требования пропускного режима и внутреннего трудового распорядка, установленного у покупателя.

6. Вести мониторинг соблюдения требований охраны труда, изменения условий труда.

Клиника по договору обязана:

1. Своевременно принять медицинское оборудование и работы, произвести оплату цены договора.

2. Выполнить такелажные работы по установке оборудования на место его эксплуатации.

3. Обеспечить подготовку помещения для размещения медицинского оборудования и ввод необходимых коммуникаций.

4. Вызвать представителей поставщика для выполнения монтажных работ на медицинском оборудовании, ввода его в эксплуатацию.

Цена договора включает в себя стоимость медицинского оборудования, а также работ (монтажа, ввода в эксплуатацию, инструктажа специалистов покупателя и пр.).

Подготовка помещения для медицинского оборудования в клинике – это комплексная задача, требующая строгого соблюдения технических, строительных и санитарно-гигиенических норм. Необходимо обеспечить адекватную вентиляцию и кондиционирование, предусмотреть подвод электроэнергии, воды и систему водоотведения, а также организовать дополнительное заземление и установить источники бесперебойного питания.

Основой для подготовки помещения должны служить требования производителя медицинского оборудования и действующие нормативы. Быстрый и безошибочный ввод медицинского оборудования в эксплуатацию – критически важный фактор успеха для клиники, требующий глубокого понимания технологических процессов и конструктивных особенностей медицинского оборудования.

Алгоритм выполнения работ предусматривает:

- изучение технической документации на оборудование;
- распаковку приборов;
- проверку комплектации;
- проведение валидации, калибровки технических устройств;
- установку медицинского оборудования, подключение дополнительного энергообеспечения (при необходимости);
- наладку, настройку, регулировку, испытание, проверку соответствия параметров оборудования;
- тестирование систем.

Инструктаж специалистов клиники по работе на медицинском оборудовании является одним из ключевых этапов сдачи в эксплуатацию медицинского оборудования. При его осуществлении **демонстрируется работа медицинского оборудования, объясняются его основные функции и порядок эксплуатации.**

Представители поставщика, направленные для распаковки оборудования, выполнения монтажных работ на медицинском оборудовании, ввода его в эксплуатацию, инструктажа специалистов покупателя, должны предъявить надлежаще оформленные доверенности на осуществление

данных действий и подписание необходимых документов (актов, накладных и т.д.), и документы, удостоверяющие личности.

В случае если в ходе выполнения монтажных работ на оборудовании, вводе его в эксплуатацию, инструктаже специалистов покупателя будут обнаружены недостатки, составляется акт о недостатках медицинского оборудования с обязательным указанием в указанном акте сроков устранения поставщиком обнаруженных недостатков.

По факту приёмки медицинского оборудования стороны подписывают акт приема-передачи оборудования. После этого риски случайной гибели, утраты или повреждения медицинского оборудования переходят к клинике. Гарантийный срок на медицинское оборудование исчисляется со дня подписания обеими сторонами акта ввода оборудования в эксплуатацию.

Ответственность за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательств по рассматриваемому договору обусловлена конструкцией смешанного договора и касается как поставки товара, так и выполнения работ: например, меры ответственности, могут включать неустойку (штраф) за нарушение сроков поставки и выполнения работ, за поставку некачественного медицинского оборудования и невыполнение надлежащим образом работ по вводу оборудования в эксплуатацию.

Таким образом, исследуемый договор является смешанным, сочетая в себе элементы поставки и подряда. Он даёт возможность для защиты прав, поскольку **позволяет адаптировать условия соглашения под потребности сторон и урегулировать различные отношения сторон в рамках одного договора.** Это упрощает договорный процесс и экономит время, затраты и усилия сторон. Однако сложность смешанного договора может вызывать правовые споры, поэтому при заключении таких договоров важно учитывать применимые нормы права и судебную практику.

Список литературы:

[1] Антонова А.В. Проблемы правового регулирования поставки оборудования // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 11-3 (74). С. 20.

[2] Батурина А.А. Система и системность смешанных договоров в гражданском праве России автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Красноярск, 2019. С. 166.

[3] Брагинский М.И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М.: Статут. 2007.

[4] Дерюгина Т.В. О дихотомии конструкции смешанного договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 3. С. 467 - 478.

[5] Огородов Д.В. и Челышев М.Ю. Конструкция смешанного договора в гражданском (частном) праве / Сделки: проблемы теории и практики: Сборник статей. - М.: Статут, 2008. С. 320.

[6] Что такое смешанный и непоименованный договоры и как они соотносятся // СПС КонсультантПлюс. 2025.

References:

[1] Antonova A.V. Problemy pravovogo regulirovaniya postavki oborudovaniya // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2022. № 11-3 (74). S. 20.

[2] Baturina A.A. Sistema i sistemnost' smeshannykh dogovorov v grazhdanskom prave Rossii avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk. Krasnoyarsk, 2019. S. 166.

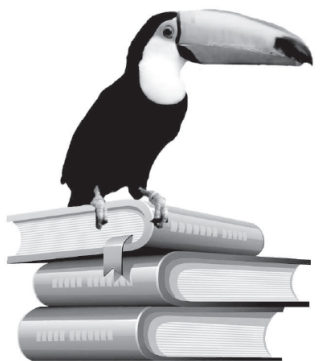
[3] Braginskij M.I. Osnovy ucheniya o nepoimenovannykh (bezymyannykh) i smeshannykh dogovorakh. M.: Statut. 2007.

[4] Deryugina T.V. O dikhotomii konstrukcii smeshannogo dogovora // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2023. № 3. S. 467 - 478.

[5] Ogorodov D.V. i Chelyshev M.YU. Konstrukciya smeshannogo dogovora v grazhdanskom (chastnom) prave / Sdelki: problemy teorii i praktiki: Sbornik statej. - M.: Statut, 2008. S. 320.

[6] Chto takoe smeshannyj i nepoimenovannyj dogovory i kak oni sootnosyatsya // SPS Konsul'tantPlyus. 2025.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПЬАНОВ Кирилл Александрович,
Магистр,
e-mail: kp-2022@yandex.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЯ, ВЫЯВЛЕННЫЕ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ПОЛНОМОЧИЙ

Аннотация. Качественное выполнение своих обязанностей главами муниципальных образований имеет первостепенное значение в общей массе обязанностей муниципальных служащих, поскольку напрямую влияет на качество жизнедеятельности населения. Эффективность функционирования муниципального образования находится в прямой зависимости от компетентности и добросовестности ее руководителя. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы провести анализ института ответственности глав муниципальных образований в Российской Федерации в свете недавних изменений законодательства, регулирующего организацию местного самоуправления в единой системе публичной власти, а также показать случаи наступления такой ответственности. Для достижения поставленной цели использован комплексный подход, включающий в себя, в том числе, формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой методы, а также диалектический метод и метод описания. Основным результатом исследования является повышение правовой грамотности лиц, замещающих должность главы муниципального образования, снижение уровня коррупции посредством объяснения взаимосвязи полномочия и ответственности. Кроме того, статья вносит значительный вклад в область научных знаний муниципального права и управления.

Ключевые слова: привлечение к ответственности, деятельность главы муниципального образования, административная и уголовная ответственность, полномочия главы муниципального образования.

PYANOV Kirill Alexandrovich,
Master

RESPONSIBILITY OF THE HEAD OF THE MUNICIPALITY FOR VIOLATIONS COMMITTED DURING THE EXERCISE OF HIS POWERS

Annotation. The high-quality performance of their duties by the heads of municipalities is of paramount importance in the total mass of duties of municipal employees, since it directly affects the quality of life of the population. The effectiveness of the functioning of a municipality is directly dependent on the competence and integrity of its head. The purpose of this study is to analyze the institution of responsibility of heads of municipalities in the Russian Federation in the light of recent changes in legislation governing the organization of local government in the unified system of public authority, as well as to show cases of such responsibility. To achieve this goal, an integrated approach was used, including formal legal, comparative legal, historical and legal methods, as well as the dialectical method and the method of description. The main result of the study is to increase the legal literacy of persons holding the position of head of a municipality, and to reduce corruption by explaining the relationship between authority and responsibility. In addition, the article makes a significant contribution to the field of scientific knowledge of municipal law and management.

Key words: bringing to justice, activities of the head of the municipality, administrative and criminal liability, powers of the head of the municipality.

Введение

Ответственность главы муниципального образования за свои действия перед населением и представительным органом муниципального образования – один из важных и необходимых элементов института местной власти. Он призван способствовать повышению эффективности деятельности указанного высшего должностного лица муниципального образования [1].

Как показывают последние изменения¹ в системе правового регулирования осуществления местного самоуправления, демонстрирующие значимость данного уровня управления в Российской Федерации, вопрос ответственности главы муниципального образования приобретает все большую актуальность не только с юридической точки зрения, он носит также и политический, этический и социальный аспект. Действия главы муниципального образования формируют доверие граждан не только к институту местного самоуправления, но и к органам государственной власти в целом, несмотря на то что органы местного самоуправления в систему органов государственной власти не входят², однако к системе публичной власти имеют самое непосредственное отношение. Это обусловлено также близостью главы местной администрации к народу и наличием у него полномочий, что отождествляет его в глазах простых граждан с государственной властью, особенно в небольших населенных пунктах.

Цель настоящего исследования - рассмотрение феномена ответственности главы муниципального образования в различных аспектах, начиная с правовых основ и заканчивая механизмами контроля и примерами привлечения к ответственности. Формирование представления о природе и содержании ответственности главы муниципального образования позволит укрепить законность, повысить эффективность механизма местного самоуправления, сделать его способным противостоять трудностям и наиболее полно удовлетворять потребности населения.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при осуществлении полномочий главы муниципального образования. Предметом исследования являются полномочия и ответственность главы муници-

пального образования за ненадлежащее их осуществление.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть полномочия главы муниципального образования и определить, какими нормативными правовыми актами они установлены;
- установить механизмы осуществления контроля за деятельностью главы муниципального образования;
- рассмотреть, какие предусмотрены формы ответственности главы муниципального образования на конкретных примерах.

Исследование данных вопросов позволит глубже понять пределы полномочий главы муниципального образования, выявить проблемные аспекты и предложить пути их решения для укрепления доверия граждан и совершенствования эффективности местного самоуправления.

Основная часть

Ответственность в муниципальном праве – это наступление неблагоприятных правовых последствий для субъектов муниципальных правоотношений в результате принятия ими противоправных решений или ненадлежащего исполнения своих обязанностей [2].

Глава муниципального образования является ключевой фигурой в системе местного самоуправления. Степень его ответственности определяется спектром полномочий, которыми он наделен. Реализуя свои полномочия, глава муниципального образования в рамках своих полномочий обеспечивает жизнедеятельность его жителей, в связи с чем обязан знать и соблюдать множество требований нормативных правовых актов, касающихся различных сфер общественных отношений.

Муниципальная власть является наиболее приближенной к гражданам в силу того, что именно она занята решением злободневных житейских проблем [3].

До настоящего времени полномочия главы муниципального образования определялись Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³, который утрачивает силу с 01.01.2027 в связи с принятием Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁴ (далее по тексту – Закон № 33-ФЗ).

³ Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102083574> (дата обращения: 19.09.2025)

⁴ Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023> (дата обращения: 19.09.2025)

¹ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=608457015> (дата обращения: 18.09.2025)

² Статья 12 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации, режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2025)

Поддержание правовых основ на муниципальном уровне в актуальном состоянии, а также их своевременное редактирование и совершенствование под складывающиеся реалии оказывает положительное влияние на формирование гражданского общества, закрепления принципа верховенства закона, повышение правосознания граждан и их участия в жизни общества [4].

Согласно части 1 статьи 19 Закона № 33-ФЗ глава муниципального образования является его высшим должностным лицом. Устав муниципального образования наделяет его необходимыми полномочиями для оперативного и непосредственного решения вопросов, касающихся жизнеобеспечения населения.

Чтобы проанализировать, какими обязанностями и полномочиями обладает глава муниципального образования, обратимся к статьям 19-22 Закона № 33-ФЗ. Следует отметить, что глава муниципального образования наделен особыми полномочиями, которые входят только в его компетенцию. К ним относятся:

- представление интересов муниципального образования: выступает от имени муниципалитета во взаимоотношениях с другими муниципалитетами, органами государственной власти, гражданами и организациями.

- утверждение нормативных актов: подписывает и публикует нормативные правовые акты, принятые представительным органом муниципального образования, в установленном порядке.

- издание собственных правовых актов: вправе издавать правовые акты (постановления и распоряжения) в рамках своей компетенции.

- инициация внеочередных заседаний: имеет право требовать созыва внеочередного заседания представительного органа муниципального образования.

Помимо перечисленных полномочий, федеральные законы, конституции (уставы), законы субъектов Российской Федерации и уставы муниципальных образований могут наделять главу муниципального образования и другими полномочиями. При этом местная администрация, как исполнительный орган, согласно уставу муниципального образования, также обладает полномочиями по решению вопросов жизнеобеспечения населения и реализации переданных государственных полномочий.

Если глава муниципального образования также возглавляет местную администрацию, то он издает нормативные акты от ее имени и отвечает за то, чтобы органы местного самоуправления реализовывали свои полномочия по обеспечению основных потребностей населения и исполнению отдельных государственных полномочий, переданных им федеральными и региональными законами.

Однако следует различать понятия «глава муниципального образования» и «глава администрации муниципального образования», поскольку они не являются тождественными. Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении от 25.06.2021 № 24-АД21-3-К4, глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования (выборным должностным лицом), наделенным уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Глава администрации муниципального образования - лицо, замещающее должность муниципальной службы, относящуюся к группе высших должностей, которое возглавляет исполнительно-распорядительный орган (администрацию) муниципального образования и осуществляет руководство им.

Глава муниципального образования играет значительную роль по защите и представлению интересов жителей муниципального образования. Его полномочия регламентированы законодательством и уставом конкретного муниципального образования [5].

Рассмотрим теперь более подробно то, какие еще полномочия могут быть у главы муниципального образования на примере устава одной из местных администраций – устава муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края¹ (далее по тексту – Устав города Сочи).

Статьей 35 Устава города Сочи определены полномочия главы города Сочи, который, является главой данного муниципального образования и главой администрации. Полномочия подразделяются на «свои» и полномочия главы администрации, в частности, глава города Сочи руководит деятельностью администрации.

В свою очередь, статьями 40-55 Устава города Сочи определены полномочия администрации в различных сферах общественных отношений. Среди них бюджетные полномочия, полномочия в сфере регулирования земельных отношений, в области градостроительной деятельности, транспорта и связи, в области использования автомобильных дорог, осуществления дорожной деятельности, в области коммунально-бытового, торгового обслуживания населения, защиты прав потребителей, в области жилищных отношений, в сфере образования, социально-культурного обслуживания населения, в области охраны здоровья граждан, развития физической культуры, школьного спорта и массового спорта, в области

¹ Устав муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края, принятый решением Городского Собрания Сочи от 29.10.2020 №44, режим доступа: <https://gs-sochi.ru/ustav-sochi/> (дата обращения: 19.09.2025)

использования и охраны водных объектов, в области функционирования, развития и охраны курортов, лечебно-оздоровительных местностей и природных лечебных ресурсов, охраны окружающей среды, лесных отношений на территории города Сочи, в области мобилизационной подготовки, в области территориальной, гражданской обороны и защиты населения и территории города Сочи от чрезвычайных ситуаций, в области обеспечения первичных мер пожарной безопасности, в сфере приграничного сотрудничества, а также в области противодействия терроризму.

Следует отметить, что главе администрации, как лицу, замещающему должность муниципальной службы, необходимо соблюдать должностную инструкцию, которой также определяются его обязанности и полномочия. Рассмотрим это на примере должностной инструкции главы администрации муниципального образования Павловское Суздальского района Владимирской области¹. Помимо обычных распорядительных функций внутри администрации, глава обладает рядом серьезных полномочий: принимает решение о создании унитарного предприятия и утверждает его устав, организует исполнение местного бюджета, распоряжается средствами поселения, заключает договоры и соглашения с государственными органами и общественными объединениями, предприятиями, учреждениями и организациями, подписывает договоры (соглашения) на осуществление муниципальных заимствований, предоставление муниципальных гарантий, принимает решения по учреждению печатного средства массовой информации и другие.

Таким образом, сфера ответственности главы муниципального образования может быть настолько широкой, что для организации эффективного исполнения всех полномочий требуется колоссальная юридическая и экономическая грамотность, а также компетентный административный аппарат муниципальных служащих.

Закон № 33-ФЗ обязывает главу муниципального образования соблюдать ограничения, запреты и выполнять обязанности, предусмотренные для лиц, занимающих муниципальные должности, а также быть подконтрольным и подотчетным населению и представительному органу муниципального образования. Кроме того, глава муниципального образования не может исполнять полномочия председателя представительного органа муниципального образования. Глава муниципального образования ежегодно отчитывается перед представительным органом о своей работе. Если он также руководит местной администрацией, то отчет должен включать информацию о

деятельности администрации и других подчиненных ему органов, а также о том, как были решены вопросы, поднятые представительным органом.

Переходя к рассмотрению вопроса ответственности лиц, замещающих муниципальные должности, необходимо отметить, что общие положения о такой ответственности закреплены в статье 13 Закона № 33-ФЗ. Так, органы и должностные лица местного самоуправления несут ответственность за нарушения Конституции Российской Федерации, федерального и регионального законодательства, устава муниципального образования, а также за ненадлежащее исполнение переданных им государственных полномочий. Конкретизированные положения, закрепляющие такую ответственность, предусмотрены статьей 29 Закона № 33-ФЗ.

Деятельность главы муниципального образования находится под контролем представительного органа, органов прокуратуры, контрольно-счетных органов, а также граждан через механизмы общественного контроля. Выявленные нарушения могут стать основанием для проведения проверок и последующего привлечения к ответственности.

Контроль за соблюдением органами местного самоуправления и их представителями Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных и обычных законов, конституций (уставов) и законов субъектов Российской Федерации, а также уставов муниципальных образований и их правовых актов возложен на органы прокуратуры Российской Федерации. Кроме того, государственные органы, уполномоченные осуществлять контроль (надзор) за деятельностью органов местного самоуправления и их должностных лиц, в соответствии с федеральным и региональным законодательством, проверяют:

соблюдение Конституции Российской Федерации, федеральных и региональных законов, а также муниципальных уставов и других нормативных актов органами местного самоуправления и их должностными лицами при осуществлении ими полномочий, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения и реализации других прав и полномочий;

соответствие муниципальных нормативных актов Конституции Российской Федерации, федеральным и региональным законам, а также муниципальным уставам.

Необходимо отметить, что уполномоченными органами государственного контроля (надзора) совместно могут проводиться плановые проверки деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления в рамках ежегодного плана проверок. Такой план разрабатывается и согласовывается прокуратурой соответствующего субъекта Российской Федерации. Важно

¹ Режим доступа: <http://www.pavlovskoeadm.ru/documents/1178.html> (дата обращения: 21.09.2025)

отметить, что плановая проверка одного и того же объекта (органа или должностного лица местного самоуправления) не может проводиться чаще, чем раз в два года.

Внеплановые проверки проводятся по решению руководителя соответствующего контролирующего органа после получения согласия от прокуратуры субъекта Российской Федерации. Основанием для принятия такого решения являются обращения граждан, юридических лиц, а также сведения, полученные от государственных органов, указывающие на факты нарушений законодательства Российской Федерации, которые могут привести к возникновению чрезвычайных ситуаций, угрозе жизни и здоровью граждан, либо к массовым нарушениям прав граждан.

Таким образом, нарушения, выявленные в ходе осуществления главой муниципального образования своих полномочий, могут повлечь за собой различные виды ответственности.

Наряду с классификацией ответственности главы муниципального образования, в основу которой положены инстанции ответственности, выделяют классификацию в зависимости от отраслевой принадлежности [6].

В целях настоящего исследования автором выявлены следующие категории ответственности главы муниципального образования (с примерами):

Дисциплинарная ответственность. Положения статьи 21 Закона № 33-ФЗ допускают, что глава муниципального образования может быть подвергнут предупреждению или выговору со стороны высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Так, например в Алтайском крае утвержден порядок вынесения предупреждения, объявления выговора главе муниципального образования, главе местной администрации муниципального образования Алтайского края, отрешения их от должности¹.

Административная ответственность. Возможно за совершение административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ и законами субъектов Российской Федерации. К такого рода нарушению можно отнести нарушение порядка рассмотрения обращений граждан. Наказание предусмотрено статьей 5.59 КоАП РФ. Так, нерассмотрение обращения гражданина послужило основанием для привлечения главы одного из сельских поселений Троицко-Печорского района Республики Коми к административной ответственности². Кроме того, Прокуратурой Ордынского района Новосибирской области за формаль-

ный подход в рассмотрении обращений граждан и отсутствие проверки доводов, изложенных в обращении, главе местного сельсовета было внесено представление и возбуждено в отношении него дело об административном правонарушении по указанной статье КоАП РФ³. Еще одна ситуация связана с нарушением срока оплаты муниципального контракта – администрацией Кожурлинского сельсовета Убинского района Новосибирской области не была произведена оплата работ подрядчика по уборке дорог, что повлекло привлечение к административной ответственности главы муниципального образования по части 1 статьи 7.32.5 КоАП РФ⁴.

Гражданско-правовая ответственность. Вытекает из неисполнения или ненадлежащего исполнения заключенных договоров и может быть предусмотрена, в частности, статьей 1069 ГК РФ. Зачастую такая ответственность возникает после заключения главой муниципального образования договора в отсутствие доведенных бюджетных средств. Так, по результатам оказания исполнителем услуги по техническому обслуживанию уличного освещения в полном объеме, что подтверждается подписанным главой администрации муниципального образования Мамалаевский сельсовет Переволоцкого района Оренбургской области актом приема-передачи выполненных работ (оказанных) услуг, в установленном договором срок обязанность по оплате оказанных услуг не исполнена. Неисполнение главой администрации муниципального образования Мамалаевский сельсовет Переволоцкого района Оренбургской области обязательств послужило основанием для обращения в Арбитражный суд Оренбургской области⁵.

Уголовная ответственность. Распространены коррупционные преступления: получение взятки, коммерческий подкуп, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий. Квалифицируются, в основном, по пункту «в» части 5 статьи 290 «Получение взятки», части 3 статьи 159 «Мошенничество, части 2 статьи 292 «Служебный подлог» УК РФ. Так, в Иркутской области осужден глава муниципального образования за получение взятки и превышение полномочий⁶. А в Архангельской обла-

razyasnyaet/prokuror-razyasnyaet_69.html (дата обращения: 20.09.2025)

³ Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_54/mass-media/news?item=99229137 (дата обращения: 21.09.2025)

⁴ Режим доступа: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/5879645/> (дата обращения: 21.09.2025)

⁵ Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/60543527> (дата обращения: 20.09.2025)

⁶ Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_38/mass-media/news?item=91586398 (дата обра-

¹ Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2200202501220002?index=2> (дата обращения: 21.09.2025)

² Режим доступа: <https://ust-ilich.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/prokuror->

сти глава одного из муниципальных образований признан виновным в мошенничестве и в злоупотреблении должностными полномочиями¹. В Ростовской области за незаконные действия судом вынесен приговор в отношении бывшей главы муниципального образования за предоставление в аренду земельных участков для растениеводства без соблюдения конкурсной процедуры². А экс-глава администрации Мичуринского сельсовета Новосибирского района Новосибирской области оказался на скамье подсудимых за мошенничество в отношении прав на земельные участки стоимостью более 50 миллионов рублей³.

Значительное количество преступлений совершают руководители муниципальных органов низшего звена (небольшого сельского поселения), которые обладают небольшими полномочиями и получают взятки в небольшом размере, порой до 500 рублей, а в ряде случаев – до 10 тыс. рублей [7].

Важно отметить, что привлечение главы муниципального образования к ответственности имеет ряд сопровождающих этот процесс особенностей, обусловленных его статусом:

- процедура отстранения от должности: досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования, как правило, осуществляется по решению представительного органа местного самоуправления или в судебном порядке, в соответствии с основаниями, предусмотренными федеральным законодательством и уставом муниципального образования. Это может быть связано с выражением недоверия, нарушением законодательства, утратой доверия и т.д. Так, губернатор Новосибирской области обратился в суд с требованием досрочно прекратить полномочия главы рабочего поселка Линево Новосибирской области, где ранее произошел коммунальный спор и было возбуждено дело о мошенничестве, в связи с утратой доверия⁴.

- отставка: представительный орган муниципального образования вправе удалить главу в отставку по инициативе депутатов этого органа или по инициативе высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Ответственность органов местного самоуправления является как раз одной из гарантий

реальности местного самоуправления, характеризующих законность деятельности местного самоуправления и одновременно защиту интересов населения [8].

Заключение

Проведенное исследование показало, что наличие законодательно установленных механизмов привлечения к ответственности главы муниципального образования за нарушения, выявленные в ходе реализации его полномочий, служит гарантом законности, эффективности управления и защиты прав граждан. Разнообразие видов ответственности и установленные законом процедуры ее применения призваны обеспечить надлежащее исполнение главой своих обязанностей и предотвратить злоупотребления властью. Важно, чтобы механизмы контроля (надзора) и привлечения к ответственности действовали эффективно, обеспечивая подотчетность глав муниципальных образований перед населением и законом. В этой связи необходима дальнейшая научная проработка вопроса о механизмах, обеспечивающих прозрачность деятельности главы муниципального образования, предотвращение нарушений в ходе реализации им своих полномочий, а также повышение эффективности выявления допущенных нарушений.

Список литературы:

[1] Смирнова Ю.С. Ответственность главы муниципального образования как одна из мер муниципально-правовой ответственности // Вестник РЮК. 2017. №4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-kak-odna-iz-mer-munitsipalno-pravovoi-otvetstvennosti> (дата обращения: 20.09.2025).

[2] Прудникова Т.А. Административно-правовая ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovaya-otvetstvennost-organov-mestnogo-samoupravleniya-i-dolzhnostnyh-lits-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 20.09.2025).

[3] Ёркина Т.Н. Основные современные тенденции развития местного самоуправления в Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-sovremennye-tendentsii-razvitiya-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.09.2025).

[4] Воскресенская Е.В., Ефременков Н.А., Категов А.С. Актуальные вопросы правового регулирования организации и деятельности органов

щения: 20.09.2025)
¹ Режим доступа: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1808288/> (дата обращения: 20.09.2025)

² Режим доступа: <https://мвд.пф/ news/item/18477321/> (дата обращения: 20.09.2025)

³ Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_54/mass-media/news?item=96007312 (дата обращения: 21.09.2025)

⁴ Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestiya/24049069> (дата обращения: 21.09.2025)

местного самоуправления в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-organizatsii-i-deyatelnosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.09.2025).

[5] Демидов М.В., Степанова В.Л. Глава муниципального образования и глава местной администрации: статус, полномочия и взаимоотношения // Вестник РУК. 2015. №2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glava-munitsipalnogo-obrazovaniya-i-glava-mestnoy-administratsii-status-polnomochiya-i-vzaimootnosheniya> (дата обращения: 21.09.2025).

[6] Устинова О.Ю. Ответственность главы муниципального образования в Российской Федерации // Известия ОГАУ. 2014. №4 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.09.2025).

[7] Фоминых С.М. Особенности правового статуса главы органа местного самоуправления как субъекта особо квалифицированного состава получения взятки // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-statusa-glavy-organa-mestnogo-samoupravleniya-kak-subekta-osobo-kvalifitsirovannogo-sostava-polucheniya-vzyatki> (дата обращения: 21.09.2025).

[8] Шишкин С.И., Яковлев В.В. Ещё об одном основании для досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования // Сибирский юридический вестник. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eschyo-ob-odnom-osnovanii-dlya-dosrochnogo-prekrascheniya-polnomochiy-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 21.09.2025).

References:

[1] Smirnova YU.S. Otvetstvennost' glavy municipal'nogo obrazovaniya kak odna iz mer municipal'no-pravovoi otvetstvennosti // Vestnik RUK. 2017. №4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-kak-odna-iz-mer-munitsipalno-pravovoi-otvetstvennosti> (дата обращения: 20.09.2025).

[2] Prudnikova T.A. Administrativno-pravovaya otvetstvennost' organov mestnogo samoupravleniya i dolzhnostnyh lic mestnogo samoupravleniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovaya-otvetstvennost-organov-mestno-go-samoupravleniya-i-dolzhnostnyh-lits-mestno-go-samoupravleniya> (data obrashcheniya: 20.09.2025).

go-samoupravleniya-i-dolzhnostnyh-lits-mestnogo-samoupravleniya (data obrashcheniya: 20.09.2025).

[3] YOrkina T.N. Osnovnye sovremennye tendencii razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-sovremennye-tendentsii-razvitiya-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (data obrashcheniya: 21.09.2025).

[4] Voskresenskaya E.V., Efremkov N.A., Kategov A.S. Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya organizacii i deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-organizatsii-i-deyatelnosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (data obrashcheniya: 21.09.2025).

[5] Demidov M.V., Stepanova V.L. Glava municipal'nogo obrazovaniya i glava mestnoj administracii: status, polnomochiya i vzaimootnosheniya // Vestnik RUK. 2015. №2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glava-munitsipalnogo-obrazovaniya-i-glava-mestnoy-administratsii-status-polnomochiya-i-vzaimootnosheniya> (data obrashcheniya: 21.09.2025).

[6] Ustinova O.YU. Otvetstvennost' glavy municipal'nogo obrazovaniya v Rossijskoj Federacii // Izvestiya OGAU. 2014. №4 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federatsii> (data obrashcheniya: 21.09.2025).

[7] Fominyh S.M. Osobennosti pravovogo statusa glavy organa mestnogo samoupravleniya kak sub'ekta osobo kvalificirovannogo sostava polucheniya vzyatki // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-statusa-glavy-organa-mestnogo-samoupravleniya-kak-subekta-osobo-kvalifitsirovannogo-sostava-polucheniya-vzyatki> (data obrashcheniya: 21.09.2025).

[8] SHishkin S.I., YAKovlev V.V. Eshchyo ob odnom osnovanii dlya dosrochnogo prekrashcheniya polnomochiy glavy municipal'nogo obrazovaniya // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eschyo-ob-odnom-osnovanii-dlya-dosrochnogo-prekrascheniya-polnomochiy-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya> (data obrashcheniya: 21.09.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-154-158

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ЧИРКОВ Александр Дмитриевич,

аспирант,

кафедры гражданского и корпоративного права

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный

экономический университет» (СПбГЭУ),

e-mail: aleks.chirkov@gmail.ru

ВЛИЯНИЕ ДИЗАЙНА ИНТЕРФЕЙСА НА ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается влияние UX- и UI-дизайна на формирование волеизъявления пользователей при заключении договоров в Интернете. Особое внимание уделяется феномену *dark patterns* — манипулятивных приёмов в дизайне интерфейсов, которые побуждают пользователей к совершению действий, не соответствующих их действительной воле. В работе анализируются психологические механизмы принятия решений, включая модель двойственного процесса мышления Д. Канемана, а также рассматриваются примеры применения *dark patterns* в сфере цифровых услуг. На основе зарубежной практики изучены меры государственного регулирования: американское правило *Click-to-Cancel* и немецкий *Kündigungsbutton*, направленные на упрощение отказа от онлайн-подписок и защиту потребителей от недобросовестных практик. В российском праве пока отсутствуют специальные нормы в данной сфере, однако применимы общие положения Гражданского кодекса РФ об ошибках и обмане при заключении сделок. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом числа онлайн-транзакций, что приводит к появлению новых рисков для потребителей, связанных с манипуляциями и нетранспарентными условиями сделок. Цель исследования заключается в выявлении рисков, связанных с использованием манипулятивных интерфейсов, и оценке существующих правовых инструментов противодействия им. В ходе исследования использованы общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также частно-научные подходы, включая сравнительно-правовой и доктринальный анализ. Полученные результаты могут служить основой для совершенствования регулирования цифровых договоров и формирования рекомендаций по защите прав потребителей в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: гражданское право, защита прав потребителей, темные паттерны, *Kündigungsbutton*, *Click-to-Cancel rule*, UX-дизайн.

CHIRKOV Aleksandr Dmitrievich,

postgraduate student,

Department of Civil and Corporate Law

FSBEI HE "Saint-Petersburg State University of Economics" (UNECON)

THE IMPACT OF INTERFACE DESIGN ON USERS' WILL EXPRESSION

Annotation. The article examines the impact of UX and UI design on the formation of users' will expression when entering into online contracts. Special attention is paid to the phenomenon of *dark patterns* — manipulative design techniques that push users toward actions that do not reflect their true intentions. The study analyzes psychological mechanisms of decision-making, including D. Kahneman's dual-process theory of thinking, and provides examples of *dark patterns* applied in the field of digital services. Based on foreign practice, the article explores regulatory measures such as the U.S. *Click-to-Cancel* rule and the German *Kündigungsbutton*, which are aimed at simplifying the process of canceling online subscriptions and protecting consumers from unfair practices. In Russian

law, there are currently no specific provisions regulating this area; however, general rules of the Russian Civil Code regarding mistake and fraud in contract formation may apply. The relevance of the study is driven by the rapid growth of online transactions, which has led to new risks for consumers related to manipulative design and non-transparent contractual terms. The purpose of the study is to identify the risks associated with the use of manipulative interfaces and to evaluate existing legal tools for counteracting them. The research methodology combines general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction) and specific legal approaches, including comparative legal and doctrinal analysis. The results of the study can serve as a basis for improving the regulation of digital contracts and developing recommendations for consumer protection in the context of the digital economy.

Key words: *civil law, consumer protection, dark patterns, Kündigungsbutton, Click-to-Cancel rule, UX design.*

Развитие цифровой экономики затронуло не только изменение текста условий договоров, но и способы их визуального и технического представления. Во многом UX- и UI-дизайн стали инструментами, формирующими восприятие существенных условий договора. От расположения кнопок, выбора цвета, подобранных формулировок и последовательности шагов может зависеть, осознаёт ли пользователь юридические последствия своих действий.

В одном эксперименте участникам предлагалось принять или отклонить подписку на программу защиты данных. Некоторой группе был показан «хитрый вопрос», сформулированный таким образом, что его смысл было сложно распознать без дополнительного анализа. В конце участников попросили самостоятельно указать, приняли ли они программу или отказались от неё. Среди участников, столкнувшихся с запутанной формулировкой, 33,4% фактически согласились на участие в программе. Однако, когда их спросили напрямую, только 16,7% заявили, что сделали такой выбор. Авторы эксперимента указывают, что 310 человек подписались на программу защиты данных, не осознавая, что дали согласие [1, с. 78].

Одним из ключевых методов в дизайне цифрового продукта является A/B тестирование. С технической точки зрения A/B тестирование представляет собой эксперимент, в котором аудитория случайным образом делится на две или более группы. Каждая группа взаимодействует с разными версиями одного и того же элемента продукта (например, кнопкой «Купить»). Затем анализируются ключевые метрики, такие как конверсия, время, проведённое на сайте, или частота отказов. Выигрывающим признаётся тот вариант, который показывает лучшие результаты с точки зрения заранее определённых бизнес-целей. Благодаря этому компании проверяют, какие варианты интерфейса или формулировки текстов максимизируют вероятность заключения договора. Для бизнеса это эффективный инструмент оптимиза-

ции, но для потребителей он часто означает попадание в тщательно выстроенные поведенческие ловушки.

Другим распространённым инструментом является юзабилити-тестирование (usability testing). Оно предполагает наблюдение за действиями пользователей при взаимодействии с продуктом или интерфейсом и сбор данных о том, насколько процесс использования понятен, удобен и последователен. В ходе таких тестов фиксируются моменты, когда пользователь испытывает затруднения, ошибки или задержки, что позволяет лучше понять реальные сценарии поведения и адаптировать под них интерфейс.

Если A/B-тестирование выявляет, какой вариант интерфейса работает эффективнее в статистическом смысле, то юзабилити-тестирование даёт более глубокое понимание того, как именно пользователи воспринимают и выполняют задачи. Совместное использование этих методов позволяет последовательно улучшать цифровые продукты, делая процесс их использования более предсказуемым и управляемым.

Для понимания того, каким образом методы исследования интерфейсов, такие как A/B-тестирование и юзабилити-тестирование, влияют на поведение пользователей, важно рассмотреть психологические механизмы, лежащие в основе процесса принятия решений.

В основе современного подхода к экономическому анализу человеческого поведения лежат идеи поведенческой экономики и когнитивной психологии, которые рассматривают человека не как полностью рационального агента из-за влияния когнитивных искажений или ошибок (cognitive bias) [2, с. 67].

Именно поэтому методы проектирования интерфейсов учитывают не только технические аспекты, но и психологические реакции, стремясь предсказать, как люди будут взаимодействовать с системой. В этом контексте ключевым является понимание того, как функционирует человеческое мышление и какие когнитивные процессы лежат в основе принятия решений.

Согласно модели двойственного процесса мышления, предложенной Дэниелом Канеманом, человеческое сознание работает в двух режимах: Система 1 — быстрая, интуитивная, автоматическая, и Система 2 — медленная, рефлексивная, аналитическая [3, с. 29-131].

При заключении онлайн-договоров интерфейсы часто апеллируют именно к Системе 1 — мгновенному, некритичному восприятию [4, с. 244-245]. В то же время отказ от договора может потребовать перехода к Системе 2, что связано с дополнительными усилиями — множеством кликов, навигацией по сложному меню и чтением юридически сложных формулировок. Такой дисбаланс повышает риск введения в заблуждение, поскольку когнитивная нагрузка снижает способность пользователя принимать осознанные и рациональные решения.

Именно на этой особенности человеческого восприятия строятся dark patterns (тёмные паттерны) — специальные приёмы в дизайне интерфейсов, которые намеренно создаются для того, чтобы склонить пользователя к определённым действиям, которых он, возможно, не совершил бы при более прозрачных условиях. Сам термин dark patterns был введён дизайнером Гарри Бригнеллом (Harry Brignull) в 2010 году. Такие решения ограничивают автономию человека, подталкивают его к выгодным для компании, но не всегда благоприятным для него самому шагам и усиливают дисбаланс между простотой заключения договора и сложностью его расторжения или отказа от нежелательных условий.

На сайте Гарри Бригнелла (<https://www.deceptive.design>), посвящённом dark patterns, представлен подробный каталог типов манипулятивных приёмов в интерфейсах — от скрытых подписок и нагнетающей спешки до хитро сформулированных кнопок и препятствий для отказа. Например, confirmshaming действует через чувство вины при отказе от предложения, fake urgency и fake scarcity создают искусственное давление за счёт спешки или дефицита, hard to cancel и hidden costs усложняют отказ от услуги и добавляют неожиданные траты, а trick wording — путаная формулировка, вводящая в заблуждение даже внимательных пользователей.

В статье *Shining a Light on Dark Patterns* приведены результаты двух экспериментов, демонстрирующих силу таких приёмов. Особенно уязвимыми оказались пользователи с более низким уровнем образования — они чаще поддавались манипуляциям в «мягких» формах [1, с. 80-81].

Другие эмпирические исследования подтверждают массовость использования dark patterns. Например, автоматизированный анализ около 11 000 сайтов электронной торговли обна-

ружил 1 818 случаев подобных паттернов [5, с. 11-12]. Более того, согласно отчёту Европейской комиссии за 2022 год, 97% самых популярных веб-сайтов и приложений, используемых потребителями в странах ЕС, содержали как минимум один элемент, классифицируемый как dark pattern. [6, с. 45].

Вместе эти данные свидетельствуют о том, что dark patterns представляют серьёзную проблему с точки зрения защиты прав потребителей и запрета на недобросовестную конкуренцию. В этой связи далее будут рассмотрены патерналистские методы государственного регулирования, направленные на ограничение использования манипулятивных интерфейсов и защиту пользователей от неосознанных и навязанных решений.

В США Федеральная торговая комиссия (FTC) обладает широкими полномочиями по регулированию недобросовестных и вводящих в заблуждение практик. В последние годы FTC применила эти полномочия на практике, оштрафовав разработчика игры Fortnite, компанию Epic Games, на 245 миллионов долларов за использование dark patterns. Жалоба включала несколько ключевых претензий, в частности компания применяла манипулятивные интерфейсы, которые побуждали чаще несовершеннолетних игроков совершать незапланированные покупки в процессе игры [7].

Другой пример связан с иском против Amazon [8]. В 2023 году комиссия обвинила Amazon в автоматическом продлении подписки без явного согласия пользователей и усложнении процедуры отмены. По данным жалобы, пользователям сначала было сложно найти сам инструмент для отмены подписки. Даже после его обнаружения пользователь проходил через несколько последовательных страниц, где ему предлагались различные альтернативы: продолжить подписку по сниженной цене, либо вовсе отказаться от отмены. Лишь после прохождения всех этих этапов появлялась возможность окончательно прекратить подписку. Судебное разбирательство по этому делу не окончено.

В ответ на подобные случаи злоупотреблений Федеральная торговая комиссия США разработала правило Click-to-Cancel, направленное на упрощение отказа от автоматических подписок [9]. Согласно новым правилам, компании, предлагающие услуги с регулярными платежами, обязаны обеспечить пользователям возможность отменить подписку столь же легко, как и оформить её. Цель инициативы — снизить распространённость dark patterns в сфере подписных сервисов и защитить потребителей от ситуаций, когда их удерживают в платных услугах против их воли. Хотя американ-

ские суды заблокировали внедрение этого правила по процедурным основаниям [10], сам подход отражает новый вектор регулирования: борьбу с *dark patterns* не только на стадии заключения договора, но и на стадии его прекращения.

В Германии с 2022 года действует так называемый *Kündigungsbutton* (§ 312k BGB), который обязывает продавцов предоставлять пользователям заметную кнопку расторжения договора прямо на сайте. Кроме этого, она должна содержать понятные надписи, например: «Договор расторгнуть здесь» (*Vertrag hier kündigen*).

В российском праве пока отсутствуют прямые нормы, аналогичные *Click-to-Cancel* или *Kündigungsbutton*, которые бы обязывали компании обеспечивать простой и прозрачный процесс отказа от подписок или иных онлайн-услуг. Но проблема введения в заблуждение при заключении онлайн-договоров может быть рассмотрена через призму института ошибок в волеизъявлении. Нетранспарентные формулировки условий, избыточно сложные интерфейсы или умышленное сокрытие информации способны привести к тому, что потребитель выражает согласие на условия, фактически не соответствующие его действительной воле. В случаях, когда подобная ошибка была спровоцирована злонамеренными действиями контрагента, речь может идти об обмане и оспаривании договора по п. 2 ст. 179 ГК РФ [11, с. 881]. Если же поведение другой стороны не носило характер явного обмана, но интерфейс или непрозрачные условия всё же привели к искажению восприятия сделки, применимы положения ст. 178 ГК РФ, предусматривающей возможность оспаривания договора, заключённого под влиянием ошибки. Таким образом, российское право уже содержит инструменты для защиты потребителей от эффектов «тёмных паттернов», однако их применение в цифровой среде требует адаптации и развития доктрины.

Таким образом, современные цифровые интерфейсы играют ключевую роль в формировании воли потребителей при заключении онлайн-договоров. Такие элементы интерфейса, как расположение кнопок, структура меню и формулировки текстов, способны не только упростить процесс заключения договора, но и стать инструментами манипуляции. Применение *dark patterns* создаёт серьёзные риски нарушения автономии воли пользователей. Следовательно, дизайн цифрового продукта обладает значимостью для права, поскольку способен ввести потребителей в заблуждение. Перспективным направлением является создание специальных правил, направленных на обеспечение прозрачности и баланса интересов сторон, что позволит не только защитить права потребителей, но и укрепить доверие к цифровым платформам.

Список литературы:

- [1] Luguri J., Strahilevitz L. Shining a Light on Dark Patterns. *Journal of Legal Analysis*, Vol. 13, No. 1, 2021, pp. 43–109..
- [2] Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
- [3] Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. Москва: АСТ, 2024. 653 с.
- [4] Bösch C., Erb B., Kargl F., Kopp H., Pfattheicher S. Tales from the Dark Side: Privacy Dark Strategies and Privacy Dark Patterns. *Proceedings on Privacy Enhancing Technologies*, 2016, pp. 237–254.
- [5] Mathur A., Acar G., Friedman M.J., Lucherini E., Mayer J., Chetty M., Narayanan A. Dark Patterns at Scale: Findings from a Crawl of 11K Shopping Websites. *Proc. ACM Hum.-Comput. Interact.*, 3: CSCW, Article 81, Nov. 2019, 32 pp.
- [6] European Commission, Directorate-General for Justice and Consumers. Lupiáñez-Villanueva F., Boluda A., Bogliacino F. et al. Behavioural Study on Unfair Commercial Practices in the Digital Environment: Dark Patterns and Manipulative Personalisation: Final Report [Электронный ресурс]. Publications Office of the European Union, 2022. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2838/859030> (дата обращения: 08.09.2025).
- [7] Federal Trade Commission. Fortnite Video Game Maker Epic Games to Pay More Than Half a Billion Dollars over FTC Allegations of Privacy Violations and Unwanted Charges [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2022/12/fortnite-video-game-maker-epic-games-pay-more-half-billion-dollars-over-ftc-allegations> (дата обращения: 08.09.2025).
- [8] Federal Trade Commission. FTC Takes Action Against Amazon for Enrolling Consumers in Amazon Prime Without Consent and Sabotaging Their Attempts to Cancel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2023/06/ftc-takes-action-against-amazon-enrolling-consumers-amazon-prime-without-consent-sabotaging-their> (дата обращения: 08.09.2025).
- [9] Federal Trade Commission. Federal Trade Commission Announces Final “Click-to-Cancel” Rule Making It Easier for Consumers to End Recurring Subscriptions and Memberships [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2024/10/federal-trade-commission-announces-final-click-cancel-rule-making-it-easier-consumers-end-recurring> (дата обращения: 08.09.2025).
- [10] Апелляционный суд восьмого округа США. *Custom Communications, Inc. v. Federal Trade Commission*, No. 24-3388 (8th Cir. 2025).

[11] Бевзенко Р.С., Будылин С.Л., Громов А.А. и др. Недействительность сделки: комментарий к статьям 166–181 ГК РФ. Отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: Статут, 2025. 996 с.

References:

[1] Luguri J., Strahilevitz L. Shining a Light on Dark Patterns. *Journal of Legal Analysis*, Vol. 13, No. 1, 2021, pp. 43–109..

[2] Karapetov A.G. *Ehkonomicheskij analiz prava*. M.: Statut, 2016. 528 s.

[3] Kaneman D. *Dumaj medlennO... reshaj bystro*. Moskva: AST, 2024. 653 s.

[4] Bösch C., Erb B., Kargl F., Kopp H., Pfattheicher S. Tales from the Dark Side: Privacy Dark Strategies and Privacy Dark Patterns. *Proceedings on Privacy Enhancing Technologies*, 2016, pp. 237–254.

[5] Mathur A., Acar G., Friedman M.J., Lucherini E., Mayer J., Chetty M., Narayanan A. Dark Patterns at Scale: Findings from a Crawl of 11K Shopping Websites. *Proc. ACM Hum.-Comput. Interact.*, 3: CSCW, Article 81, Nov. 2019, 32 pp.

[6] European Commission, Directorate-General for Justice and Consumers. Lupiáñez-Villanueva F., Boluda A., Bogliacino F. et al. Behavioural Study on Unfair Commercial Practices in the Digital Environment: Dark Patterns and Manipulative Personalisation: Final Report [Ehlektronnyj resurs]. Publications Office of the European Union, 2022. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2838/859030> (data obrashcheniya: 08.09.2025).

[7] Federal Trade Commission. Fortnite Video Game Maker Epic Games to Pay More Than Half a

Billion Dollars over FTC Allegations of Privacy Violations and Unwanted Charges [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2022/12/fortnite-video-game-maker-epic-games-pay-more-half-billion-dollars-over-ftc-allegations> (data obrashcheniya: 08.09.2025).

[8] Federal Trade Commission. FTC Takes Action Against Amazon for Enrolling Consumers in Amazon Prime Without Consent and Sabotaging Their Attempts to Cancel [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2023/06/ftc-takes-action-against-amazon-enrolling-consumers-amazon-prime-without-consent-sabotaging-their> (data obrashcheniya: 08.09.2025).

[9] Federal Trade Commission. Federal Trade Commission Announces Final “Click-to-Cancel” Rule Making It Easier for Consumers to End Recurring Subscriptions and Memberships [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2024/10/federal-trade-commission-announces-final-click-cancel-rule-making-it-easier-consumers-end-recurring> (data obrashcheniya: 08.09.2025).

[10] Apellyacionnyj sud vos'mogo okruga SSHA. Custom Communications, Inc. v. Federal Trade Commission, No. 24-3388 (8th Cir. 2025).

[11] Бевзенко Р.С., Будылин С.Л., Громов А.А. и др. Нedejствительность сделки: комментарий к статьям 166–181 ГК РФ. Отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: Статут, 2025. 996 с.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-159-165

ЧУЧМАН И.М.,
ПАО «ПИК-Специализированный Застройщик»,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: horsny@yandex.ru

О ВЛИЯНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ПРАВОПОНИМАНИЯ НА РОССИЙСКУЮ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье затронут вопрос о влиянии теоретических концепций социологической юриспруденции на правоприменительную деятельность. Предпринята попытка установления корреляции между концептуальными подходами социологии права и правоприменением. Установлены общие тенденции влияния общественных отношений на решения, принимаемые правоприменителями. Проведен анализ решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в части наличия в них теоретических концепций социологической школы права. Отражены теоретические подходы к понятию «юридическая практика» и выявлены позитивные и негативные тенденции влияния указанного явления на правоприменительную деятельность. Описан общий подход правообразования, в основе которого находятся складывающиеся общественные отношения.

Ключевые слова: право, правоприменение, социологическая юриспруденция, юридическая практика, общественные отношения.

CHUCHMAN I.M.,
PAO "PIK-Specialized Developer",
Moscow, Russian Federation

ON THE INFLUENCE OF THE SOCIOLOGICAL TYPE OF LEGAL UNDERSTANDING ON RUSSIAN LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Annotation. The article addresses the issue of the influence of theoretical concepts of sociological jurisprudence on law enforcement activities. An attempt is made to establish a correlation between the conceptual approaches of legal sociology and law enforcement. General trends of the influence of social relations on the decisions made by law enforcement officers are identified. The article analyzes the decisions of general jurisdiction courts and arbitration courts in terms of the presence of theoretical concepts of the sociological school of law. The article reflects theoretical approaches to the concept of "legal practice" and identifies positive and negative trends in the impact of this phenomenon on law enforcement. The general approach to legal education based on emerging social relations is described.

Key words: law, law enforcement, sociological jurisprudence, legal practice, and social relations.

Введение.

Правопонимание, имея фундаментальную теоретическую значимость, позволяет теоретикам и практикам юриспруденции ответить на вопрос о том, чем является право, как наиболее значимый регулятор общественных отношений. Выбор концептуального подхода к пониманию права во многом предопределяет профессиональную деятельность юриста и его взгляды на сущность влияния права на упорядочение и организацию общественных отношений.

Одной из форм юридической профессиональной деятельности является деятельность

правоприменительная, в которой юридические познания применяются должностными лицами, уполномоченными государством на властно обусловленную реализацию правовых норм.

В теоретико-правовой науке обосновано отмечается дуалистичность подхода к понятию правоприменения. Указанное явление рассматривается в качестве:

1) властно организующей деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, целью которой является содействие адресатам правовых норм в реализации принадлежащих им прав и обязанностей;

2) деятельности уполномоченных государственных органов и их должностных лиц, направленной на разрешение конкретного дела, жизненного случая или правовой ситуации [1].

Думается, что указанные подходы нельзя рассматривать в качестве взаимоисключающих (понятий-антагонистов), так как характеризуют одно правовое явление, они, по сути, описывают его формальную и содержательную части (стороны).

Для целей настоящей статьи выбран концептуальный подход к правоприменению, изложенный А.В. Авериним, согласно которому под правоприменением понимается «ответственная право-реализационная деятельность государства, которая осуществляется в особых, строго установленных процессуально-правовыми нормами формах и в определенной последовательности управомоченными на то правом государственными органами и должностными лицами, в результате которой конкретные общественные отношения императивно регулируются посредством издания обязательного к исполнению правоприменительного акта, в котором официально провозглашается статус или факт, влияющий на статус конкретного субъекта права» [1].

Традиционно в структуре правоприменения выделяют этапы (стадии) правоприменительной деятельности: установление фактической основы дела; выбор и анализ юридической нормы; вынесение и документальное оформление правоприменительного решения. Целями правоприменения являются установление (выяснение) фактов прошлого, определение правовой характеристики установленных отношений, а также вынесение на основании установленных фактов законного и обоснованного решения (правоприменительного акта). Указанные стадии условно соответствуют этапам познавательной деятельности. Иными словами, сущностью правоприменения является познание (юридическое познание), под которым можно понимать процесс интеллектуального и деятельностного получения, хранения, переработки, систематизации, трансляции и использования юридически значимой информации индивидуальным или коллективным субъектом, ориентированный на получение достоверных знаний о ситуации с целью ее разрешения в соответствии с действующими нормами права [2].

Правоприменение осуществляется конкретными должностными лицами – людьми, наделенными соответствующими властными полномочиями. Человеческая познавательная деятельность характеризуется определенной степенью субъективизма, т.е. ценностными установками, знаниями и жизненным опытом, приобретенными правоприменителем в процессе его жизнедеятельности.

Таким образом, безусловным является постулат, в соответствии с которым субъективные установки конкретного лица, осуществляющего правоприменение, а также его понимание сущности права, оказывают существенное влияние на правоприменительную деятельность. Правоприменение, являясь одной из форм реализации права, предполагает официальное отражение в правоприменительном акте правовой нормы, являющейся основой для регулирования конкретного общественного (правового) отношения. В зависимости от понимания сущности права, правоприменитель по-разному будет воспринимать истинный смысл нормы права, в качестве основания для разрешения конкретного дела. Иными словами, понимание права, в аспекте правоприменения, будет предопределять итоги правоприменительной деятельности.

Таким образом, понимание права конкретным правоприменителем оказывает существенное влияние на правоприменительную деятельность.

Исследование.

По мнению последователей социологического подхода, право «находится в обществе, производится обществом и немыслимо в аспекте чистого должностования, в отрыве от фактов социальной жизни» [3]. Не отрицая факта существования права позитивного (объективного), сторонники социологической юриспруденции отмечают, что нормы права, сами по себе, не образуют правовую материю, так как в отрыве от чаяний членов социума они бессмысленны.

Социологи права большую роль в регулировании общественных отношений отводили не законным императивам, а деятельности органов правосудия. Это послужило основанием для дифференциации права на «живое» (то есть, применяемое в объективной действительности) и «мертвое» (писанное в законодательных актах). Таким образом, закон для них – являлся лишь проектом права, в то время, как само право создается «профессиональной деятельностью правоприменителей» [4]. Именно суд в своих решениях отделяет «правомерное» от «неправомерного», «правовое» от «неправового», создавая в ходе осуществления правосудия право, «основанное на складывающихся в обществе представлениях о должном и справедливом» [5].

По мнению Р.А. Ромашова иерархия форм права в рамках социологической юриспруденции предполагает доминирование объективных закономерностей общественного развития по отношению к праву позитивному [6].

Особое значение в развитии социологических воззрений на право имеют взгляды Роджера

Коттеррелла (профессора теории права Лондонского университета королевы Марии, члена Британской академии), указывающего на то обстоятельство, что право должно соответствовать социальной реальности. Правовые идеи, заложенные в тексте закона, не могут быть рассмотрены отдельно от контекста, в противном случае – они лишаются какого-либо смысла [7].

По мнению Р. Коттеррелла, порядок и справедливость, являющиеся истинной целью права, в отрыве от реалий общественной жизни и общественных потребностей, являются всего лишь абстрактными понятиями («пустыми формами»). Указанные понятия наполняются смыслом и содержанием исключительно посредством анализа чаяний субъектов права в широком понимании данного термина [7].

Социологическая юриспруденция рассматривается как средство, которое важно и нужно использовать, чтобы правовая норма начала работать. Роль же правоприменителя, при этом, состоит в системной эмпирической деятельности в определенном социально-историческом контексте, который формирует и анализирует содержание, условия устремлений и ожиданий граждан в отношении правового порядка и справедливости [8].

Правовая норма в социологии права является закономерным итогом развития правовых отношений; она резюмирует практику и опыт правовой коммуникации субъектов права. Само право – это не простая совокупность норм, а совокупность обстоятельств, предопределяющих права, обязанности и интересы субъектов права, их поведение, воплощающиеся в правоотношениях [9].

Государство, в лице законодателя, не может предусмотреть все разнообразие общественных отношений, требующих регулирования как в момент принятия нормы права, так и в период ее действия. Приближение права к реалиям общественной жизни необходимо, ибо право, не отвечающее запросам общества, не будет им (обществом) реализовываться (соблюдаться, исполняться, использоваться). Общество, в указанной ситуации, для упорядочения общественных отношений, будет вынуждено заменить правовые нормы на нормы иных социальных регуляторов. Сам по себе процесс правогенеза неразрывно связан с формированием общественного сознания, которое в конечном итоге определяют значимость регулирования того или иного социального отношения.

В обобщенном виде в социологической юриспруденции можно выделить следующие концептуальные позиции:

1) право не может существовать в отрыве от общественных отношений, которые предопределяют его содержание и реализацию;

2) истинным правом является то право, которое реализуется правоприменителями, т.е. значение имеет лишь та норма, которая реально применяется для регулирования общественных отношений (не применяемые («мертвые») нормы бессмысленны);

3) праву позитивному (объективному) противопоставляется «живое» право, основанное на объективных закономерностях общественного развития;

4) закрепленные в позитивном праве понятия «справедливости» и «порядка» наполняются реальным содержанием лишь посредством учета фактических общественных потребностей;

5) основная задача правоприменителя – претворить в жизнь нормы права исходя из ожиданий граждан в отношении действующего правового порядка и справедливости;

6) право является методом достижения социальных целей.

Изложенные концепции в определенной степени находят свое отражение в правоприменительных актах.

Формализм норм права, изложенных в официальных источниках, зачастую не позволяет нормативным предписаниям учитывать все особенности общественных отношений, которые они призваны регулировать. Правоприменитель, в указанной ситуации, встает перед дилеммой, когда предписания закона, в конкретном контексте, не учитывают реальные общественные потребности и регулируют общественные отношения без учета принципа справедливости.

Так, Верховным Судом Российской Федерации¹ (в порядке «выборочной» кассации) рассматривался административный иск матери ребенка дошкольного возраста к администрации муниципального образования о признании бездействия, выраженного в не предоставлении места в детском саду, незаконным. Согласно обстоятельствам дела, местная администрация не смогла зачислить ребенка в дошкольное образовательное учреждение по месту жительства вследствие отсутствия свободных мест и предложила детский сад, находящийся за несколько десятков километров от адреса регистрации места жительства. Нижестоящие суды требования административного истца оставили без удовлетворения, сославшись на формальное соблюдение органом местного самоуправления требований действующего законодательства.

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2019 года по делу №33-КГ18-13// http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1742170.

Действительно, в соответствии с частью 4 статьи 67 Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ в приеме в государственную или муниципальную образовательную организацию может быть отказано по причине отсутствия в ней свободных мест.

При этом, рассматривая дело, Верховный Суд встал перед проблемой формальной ограниченности нормы права, при которой особенности регулируемых ей общественных отношений, в контексте конкретной правовой ситуации, не учитывались гипотезой и диспозицией правовой нормы.

Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2019 года по делу №33-КГ18-13 акты нижестоящих судов были отменены, а требования матери – удовлетворены. Судом указано, что удаленное расположение детского сада не согласуется с принципом доступности дошкольного образования, а орган местного самоуправления должен был предвидеть соответствующую потребность в местах в дошкольных образовательных учреждениях, своевременно принимать меры к увеличению числа либо вместимости существующих образовательных учреждений и их финансированию для создания всех необходимых санитарных и иных условий по осуществлению ими образовательной деятельности.

Думается, что при вынесении правоприменителем указанного акта, стремление к достижению социальной справедливости предопределило необходимость расширительного толкования правовой нормы с учетом реальных общественных потребностей.

В рассматриваемой ситуации в общественном сознании закрепилось правило доступности дошкольного образования и обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления обеспечить практическую реализацию данного правила. При этом, нормы позитивного права не позволяли надлежащим образом обеспечить общественные потребности с учетом особенностей развивающихся общественных отношений.

Правоприменитель, в описываемом случае, не имея нормы права, прямо регулирующей соответствующие общественные отношения, руководствовался общими принципами права (аналогия права), а также сущностью общественных потребностей, сформировавшихся на определенном этапе развития социума.

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // "Собрание законодательства РФ", 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.

Зачастую, динамичное развитие общественных отношений указывает на несовершенство законодательных конструкций и возможности субъектов права, при формальном соблюдении правовых предписаний, недобросовестно реализовывать их субъективные права.

В частности, положениями налогового законодательства предусмотрена возможность освобождения от обязанности по уплате налога на добавленную стоимость для лиц, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами при условии приобретения работ (услуг) по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме указанными налогоплательщиками у организаций и индивидуальных предпринимателей, непосредственно выполняющих (оказывающих) данные работы (услуги) (пункт 30 части 3 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации²).

Реализация диспозиции указанной нормы, таким образом, возможна только в случаях, когда управляющая организация осуществляет деятельность по содержанию общего имущества *не* собственными силами, а посредством привлечения подрядных (и иных специализированных) организаций. Данное обстоятельство повлекло за собой появление такого явления, как «дробление бизнеса», при котором налогоплательщики, с целью освобождения от обязанности по уплате налога на добавленную стоимость создают взаимозависимые юридические лица, выполняющие работы (услуги) по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме.

Рассматривая спор по данному предмету между налоговым органом и управляющей организацией Арбитражный суд Уральского округа отметил³ недопустимость создания в рассматриваемом случае взаимозависимыми лицами схемы организации выполнения работ по содержанию, ремонту и обслуживанию жилого фонда, в которой третьи лица введены в хозяйственный оборот с целью получения дохода за счет налоговой выгоды.

Указанный спор демонстрирует относительную ограниченность позитивного права при отсутствии учета истинного волеизъявления субъектов правовых отношений. Иными словами, буквальное толкование нормы права становится бессмысленным в отрыве от сущностных характери-

² «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», N 31, 03.08.1998, ст. 3824.

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 сентября 2020 года по делу №А34-12158/2018// https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3f6ec098-bd94-476c-bc64-615ad0ef097b/993a360f-c329-4ef5-90e2-51e1169f66d7/A34-12158-2018_20200916_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

стик регулируемых общественных отношений и направленности воли субъектов права. Правоприменитель, в подобных ситуациях, вынужден разрешать правовой спор путем противопоставления внешне законного оформления общественных отношений и неправомерных намерений субъектов указанных правоотношений. При этом, разрешению спора способствовал системный анализ поведения субъектов соответствующих правовых отношений и установление их истинной цели (уход от налогообложения посредством использования формализма норм права).

Правила поведения, вырабатываемые в социальных группах (коллективах), также могут оказывать влияние на правоприменительную деятельность, дополняя положения позитивного права при разрешении конкретных жизненных ситуаций.

Примером может послужить гражданское дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации по трудовому спору между организацией и работником¹.

Организация уволила сотрудника за прогул вследствие того, что последний в свой день рождения покинул свое рабочее место на 4 часа раньше.

Работник увольнение оспорил, сославшись на принятое на предприятии неофициальное правило раньше отпускать работников в их день рождения.

Суд первой инстанции требования работника удовлетворил, сославшись на фактическое соблюдение последним норм, принятых в организации. Суд апелляционной инстанции с таким подходом не согласился, указав на формальное нарушение работником правил внутреннего трудового распорядка, отменив решение суда первой инстанции и требования работника оставив без удовлетворения.

Верховный Суд, рассматривая спор, указал, что суд апелляционной инстанции формально подошёл к рассмотрению дела, связанного с нарушением трудовых прав работника, что недопустимо при разрешении спора данной категории. При рассмотрении дела необходимо было установить действительно ли в организации принято правило отпускать сотрудников раньше окончания рабочего времени в дни рождения.

В рамках рассматриваемого дела Верховным Судом Российской Федерации указано на необходимость учета правил, выработанных в конкретном социальном образовании, при решении правоприменителем конкретных дел. Исходя из положений Трудового кодекса Российской

Федерации отсутствие на рабочем месте более 4 часов подряд является однократным грубым нарушением трудовой дисциплины (подпункт «а» пункта 6 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации). Вместе с тем в рассматриваемом деле противоправность совершенного дисциплинарного проступка была нивелирована. Думается, что подобный подход правоприменителя является скорее исключением, нежели правилом. Однако, важно, что для достижения социальной справедливости правоприменитель указал на необходимость фактического анализа правил, выработанных в социальной группе, при разрешении конкретного спора.

Важным проявлением социологии права в российском правоприменении является такое понятие, как «юридическая практика».

В частности, А.В. Поляков называет указанное явление в качестве вторичного источника права, обосновывая это тем, что в процессе повседневной реализации субъектами права и правоприменителями их прав и обязанностей фактически осуществляется корректировка смысла правовой нормы, которая становится обязательной для субъектов правоприменительной деятельности [10].

На важность формирования устойчивой юридической практики неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации. Так в постановлении от 15 июля 1999 года № 11-П², отмечается, что общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит - к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона.

Юридическая практика отражается в актах правоприменения. Для ее формирования необходимая совокупность правовых норм в течение определенного периода времени применяется идентичным способом для регулирования сходной группы общественных отношений. Устойчивая

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2020 года №16-КГ20-5 // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1901602

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 N 11-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"// СПС «КонсультантПлюс».

единообразная позиция правоприменителей (в частности – судов) является условным образцом для субъектов права, а также иных субъектов правоприменительной деятельности.

Юридическая практика является условным «образцом» в случаях, когда законом для правоприменителя предоставлена возможность усмотрения.

Так, арбитражные суды Московского округа придерживаются мнения о невозможности снижения неустойки по заявлению управляющей организации в рамках споров о взыскании с нее задолженности за поставленные коммунальные ресурсы¹. Суды исходят из принятой презумпции недобросовестности поведения лица, осуществляющего деятельность по управлению многоквартирными домами и аккумулирующего денежные средства жителей за коммунальные услуги без их фактической оплаты поставщикам коммунальных ресурсов. Подобный подход последовательно отражается в правоприменительных актах.

При этом, юридическая практика имеет и существенные негативные проявления. Одним из них является так называемая условная «предвзятость» правоприменителя, при которой он лишен возможности справедливо рассмотреть и оценить фактические обстоятельства дела вследствие наличия выработанных правил рассмотрения подобной категории споров.

При указанном явлении суды фактически (но не юридически) лишаются возможности принимать решение по собственному усмотрению вследствие обоснованных опасений отмены принятого судебного акта судами вышестоящей инстанции вследствие его несоответствия выработанным критериям юридической практики.

Заключение.

Таким образом, социологическая юриспруденция понимает право в качестве социального явления. Оно (право) имеет относительную независимость от государства и находит свои истоки в

складывающихся социальных отношениях. Резюмируя приведенные теоретические положения и анализ судебной практики, можно прийти к выводу о том, что идеи социологической юриспруденции находят свое отражение в деятельности российских правоприменителей.

Влияние социологии права на правоприменение можно обобщенно выразить в следующих тенденциях:

1) социологические концепции правопонимания позволяют «корректировать» формализм содержания правовых норм посредством учета общественных потребностей при рассмотрении конкретных споров;

2) выявление истинного волеизъявления (направленности воли) участников общественных отношений способствует правильному рассмотрению и разрешению дела правоприменителем;

3) учет и применение правил поведения, сложившихся в определенной группе, для разрешения конкретных споров, является необходимым при установленной неурегулированности правовых отношений нормами позитивного права;

4) общественные отношения развиваются динамично, что ведет к «запаздыванию» принятия законодателем правовых норм, способных адекватно регулировать вновь появившиеся общественные отношения.

Важнейшим проявлением социологических концепций в правоприменительной деятельности является доктринальное и практическое признание юридической практики в качестве условного «вторичного источника права». Единообразие в правоприменении способствует стабильности правоприменительной деятельности, а также обеспечивает оправданность ожиданий субъектов права. При этом, использование эталонов юридической практики не должно влечь за собой «предвзятости» правоприменителей, при которой установленный процессуальным законодательством принцип справедливости ставится в зависимость от тенденций развития правоприменительной деятельности.

Список литературы:

- [1] Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т.2 / А.В. Аверин, И.А. Гобозов, А.Г. Гузнов [и др.]. Москва: Проспект, 2011. С. 339-340.
- [2] Боруленков, Ю. П. Теория юридического познания как фундаментальная наука / Ю. П. Боруленков // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 10-15.
- [3] Антонов М.В. Социология права Ойгена Эрлиха / М.В. Антонов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 6. С. 128–137.

¹ См. напр. Решение Арбитражного суда города Москвы от 28.03.2022 по делу №А40-211265/2021 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dba84034-bcd6-48f3-ba1e-403eb4f9276c/a1ef6685-8435-45be-b52b-8984c220a8ee/A40-211265-2021_20220328_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True; Решение Арбитражного суда города Москвы от 03.06.2022 по делу №А40-43045/2022 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/27d5ce35-bea6-4fdd-8d16-76d2d9ec6093/e67f5ba9-d47e-4d12-92fe-636779c936e1/A40-43045-2022_20220603_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True; решение Арбитражного суда города Москвы от 23.11.2021 по делу №А40-133468/2021 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/80d15abd-bbdc-4e97-aba1-3187f9b5a4cc/7d1dcf4c-c49a-4c89-b2b5-78e1a3005d34/A40-133468-2021_20211123_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

[4] Палеха Р.Р. Социологическая юриспруденция: генезис идей // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-yurisprudentsiya-genezis-idey/viewer>.

[5] Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: Учебник. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С.48.

[6] Ромашов Р.А. Ромашов Р.А. Совместимы ли позитивистский и социологический типы правового понимания / Р.А. Ромашов // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 14–15.

[7] R. Cotterrell Sociological jurisprudence: Juristic thought and so-cial inquiry. – New York; London: Routledge, 2018. С. 41.

[8] Алферова Е.В. Коттеррелл Р. Социологическая юриспруденция: правовая мысль и общественный запрос // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. С. 36-39.

[9] Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: Учебник. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. Ун-та. 2005. С.48.

[10] Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 296 – 297.

References:

[1] Filosofiya prava. Kurs lekcij: uchebnoe posobie: v 2 t. T.2 / A.V. Averin, I.A. Gobofov, A.G. Guznov [i dr.]. Moskva: Prospekt, 2011. S. 339-340.

[2] Borulenkova, YU. P. Teoriya yuridicheskogo poznaniya kak fundamental'naya nauka / YU. P. Borulenkova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 11. S. 10-15.

[3] Antonov M.V. Sociologiya prava Ojgena Ehrlikha / M.V. Antonov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie. 2008. № 6. S. 128–137.

[4] Palekha R.R. Sociologicheskaya yurisprudenciya: genезis idej // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-yurisprudentsiya-genezis-idey/viewer>.

[5] Polyakov A.V., Timoshina E.V. Obshchaya teoriya prava: Uchebnik. – SPb.: Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. S.48.

[6] Romashov R.A. Romashov R.A. Sovmestimy li pozitivistskij i sociologicheskij tipy pravoponimaniya / R.A. Romashov // Istoriya gosudarstva i prava. – 2003. – № 6. – S. 14–15.

[7] R. Cotterrell Sociological jurisprudence: Juristic thought and so-cial inquiry. – New York; London: Routledge, 2018. С. 41.

[8] Alferova E.V. Kottterrell R. Sociologicheskaya yurisprudenciya: pravovaya mysl' i obshchestvennyj zapros // Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyj zhurnal. S. 36-39.

[9] Polyakov A.V., Timoshina E.V. Obshchaya teoriya prava: Uchebnik. SPb.: Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. Un-ta. 2005. S.48.

[10] Polyakov A.V., Timoshina E.V. Ukaz. soch. S. 296 – 297.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-166-168

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Аннотация. Автор в своей статье проводит анализ основных направлений борьбы с коррупцией, принимаемых профилактических мер, методы борьбы с коррупционными проявлениями, действенных мер направленных на устранение коррупционных последствий, особое внимание отводится вопросам антикоррупционного просвещения.

Ключевые слова: коррупция, законодательство, федеральный закон, суд, профилактические меры, легализация, реформирование, консолидация, правовое поведение.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Special and Automotive Equipment
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE ANTI-CORRUPTION SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION: SCIENTIFIC AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS

Annotation. The author in his article analyzes the main areas of the fight against corruption, preventive measures taken, methods of combating corruption manifestations, effective measures aimed at eliminating the consequences of corruption, special attention is paid to issues of anti-corruption education.

Key words: corruption, legislation, federal law, court, preventive measures, legalization, reform, consolidation, legal behavior.

В условиях осложнения геополитической ситуации, как правило опасность от коррупционных действий имеет тенденции только к росту данных проявлений.

По утверждению некоторых исследователей реформа антикоррупционного законодательства – «это необходимость в условиях реальности» [1]. Поддерживая озвученную точку зрения, отметим, что в данном направлении делается немало, к примеру, внесены изменения в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Благодаря законодательным корректировкам сомнительные средства, находящиеся на банковских счетах теперь возможно национализировать [1]. У суда появилось право взыскать денежные средства со счета в банке, если законность их поступления никак не подтверждается и при этом сумма превы-

шает официальный доход лица за последние три года. Раньше для того, чтобы изъять наличные денежные средства со счетов банка, прокуратуре и судам нужно было расширительно толковать правовые нормы, ставя под сомнение законность принятых ими решений. Наиболее громким скандальным случаем можно считать национализацию денежных средств бывшего губернатора Сахалинской области [2].

Мы убеждены, что помимо надобности в реформировании антикоррупционного законодательства, все антикоррупционные меры должны осуществляться комплексно. Лишь используемые совместные усилия могут свести к минимуму, а то и искоренить коррупцию в ее негативных проявлениях. Условия, которые прямо или косвенно способствуют распространению коррупции, должны быть устранены.

Существует три направления предотвращения коррупции, и все они приведены ниже с полным их описанием:

1. профилактические меры;
2. борьба с коррупционными проявлениями;
3. устранение коррупционных последствий.

Среди авторов сложно найти единое мнение не только относительно такой категории, как «профилактика», но и тем более «профилактика коррумпированности». Как правило, авторы придерживаются понимания профилактики, как «мер, ориентированных на то, чтобы предотвращать разные правонарушения». С таким выводом вполне можно согласиться, но нельзя не признать его узким. Считаем наиболее правильным законодательный подход к определению профилактики, как мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, в совокупности, направленных на то, чтобы выявлять и нейтрализовать причины и условия, способствующие совершению правонарушений (преступлений), а также оказывать воспитательное воздействие на лиц.

Считаем, что профилактические меры в аспекте противодействия коррупции должны включать следующие мероприятия:

- нужно работать как с коллективом, например, государственных служащих, так и с отдельной личностью, для формирования неприемлемости любых коррупционных проявлений;
- нужно снизить риск, связанных с желанием, например, государственных служащих, совершать преступления и правонарушения коррупционной направленности.

В целом, можно представить следующие научные и практические рекомендации по совершенствованию системы противодействия коррупции в современной России:

Научные:

1. Необходима консолидация законодательства. В пользу высказанной рекомендации приведем ряд аргументов:
 - консолидация способна обеспечить преемственность в развитии права;
 - консолидации можно укрепить и систематизировать систему антикоррупционного законодательства;
 - благодаря консолидации можно качественно структурировать систему антикоррупционного законодательства;
 - благодаря консолидации можно снизить уровень правовой неопределенности, более четко определив границы правового поведения.
2. Нужно совершенствовать нормы антикоррупционного законодательства, принимая во

внимание, что коррупция «умеет» трансформироваться, «подстраиваться» под условия жизни конкретного общества.

Необходимо ужесточить ответственность для коррупционеров, в том числе с полной конфискацией имущества. Совершенствуя систему противодействия коррупции, не следует пренебрегать опытом дружественных зарубежных стран.

3. Следует совершенствовать контрольно-надзорную деятельность за качеством реализации антикоррупционного законодательства. Нельзя только декларировать закон. Его нужно исполнять. При этом любое законодательство малоэффективно, если нет мотивационного начала. Нужно чтобы общество и государство, в целом, были заинтересованы в искоренении коррупционных проявлений. Для этого нужны мотивационные стимулы, которыми может стать контрольно-надзорная деятельность.

4. Необходимо ужесточить контроль над тем, как исполняются антикоррупционные мероприятия на местах (в регионах).

Все государственные служащие обязаны декларировать свои доходы, загружая свои декларации в единую базу данных, к которой любой пользователь может получить доступ в режиме онлайн.

Практические:

1. Пропаганда необходимости искоренения коррупции во всех сферах среди населения. Гражданам необходимо осознать, что дарить подарки за качественное лечение — это неправильный подход. Это не услуга, оказанная врачом, это его непосредственная обязанность, должностная необходимость. Статьи 291.2 (мелкое взяточничество) УК РФ явно недостаточно для искоренения коррупции. Люди должны осознавать разрушительное воздействие коррупции, которое проявляется, прежде всего, в небольших подарках.
2. Квалификация всех государственных служащих должна систематически повышаться. На настоящий момент низкая квалификация специалистов серьезнейшая проблема, препятствующая необходимому использованию правовых норм в антикоррупционной борьбе. Для этого в деятельность большинства организаций необходимо добавить курсы повышения квалификации, тренинги и круглые столы. Эти мероприятия, во-первых, повышают правовую грамотность, во-вторых, улучшают понимание антикоррупционного законодательства.

Необходимо усилить сотрудничество между работниками правоохранительных органов и

общественными организациями ветеранов правоохранительных органов (в части антикоррупционного образования и гражданского и профессионального развития молодых сотрудников).

3. Необходимо добавить антикоррупционное просвещение в образовательных учреждениях и совместить его с антикоррупционным правовым воспитанием. Создание данного образовательного курса позволит сформировать устойчивое понимание антикоррупционного законодательства, начиная со школы.
4. Развитие социальной рекламы может оказать положительное влияние на устойчивое правосознание, направленной на борьбу с коррупцией.

Участниками процесса борьбы с коррупцией выступает широкий перечень субъектов, при этом общий вектор развития задает Президент РФ.

На современном этапе развития социально-политической сферы особое внимание также уделяется такой форме противодействия коррупции как общественный контроль.

Ключевые направления противодействия коррупции определены следующим образом: установление стандартов поведения, совершенствование норм права, регулирующих меры противодействия коррупции, формирование в обществе неприязни к коррупционным проявлениям, разработка мер по предупреждению в обществе конфликта интереса и др.

В заключении, целесообразно отметить, что на основании проведенного анализа приходим к выводу, что определенная часть проблем лежит в области правового регулирования, по мнению современных ученых нормативно-правовая сфера нуждается в систематизации и уточнении некоторых понятий.

Также отметим, что ключевыми направлениями борьбы с коррупцией выступают: профилактические меры; борьба с коррупционными проявлениями; устранение коррупционных последствий. Особое внимание должно быть уделено вопросам антикоррупционного просвещения.

Важным представляется формирование неприязненного отношения к фактам коррупции, в том числе и за счет социальной рекламы.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123862/> (дата обращения 19.05.2024 г.)

References:

[1] Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds of Crime and the Financing of Terrorism" [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/12123862/> (accessed 19.05.2024)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-169-173

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ТРОФИМОВ Николай Владимирович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Волжский государственный университет водного транспорта,
e-mail: Nik-west2010@yandex.ru

Научный руководитель:
МИГУНОВА Татьяна Леонидовна,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: tmigunova@mail.ru

СТАТУС СУДЬИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме установления правового статуса судей в средние века на территории Французского королевства. В течение второй половины XX в. преимущественно изучался аспект эволюции судебного процесса и использования государством легальных форм насилия по отношению к обществу. При этом особенности положения судей на том или ином хронологическом этапе существования того или иного государства исследовались недостаточно. Не проводились сравнение и анализ полномочий судей в государствах Европы в средние века, условия и срок пребывания в должности. В ходе работы над статьей был выявлен последовательный процесс эволюции судебных полномочий и статуса судей во Франции XII-XVIII вв. Было выявлено, что во Франции, в отличие от Англии идея суда присяжных не нашла своего практического воплощения до конца XVIII в. Только идеи французских просветителей и Великой французской буржуазной революции привели к изменению представлений о роли и обязанностях судьи. До этого французские короли были заинтересованы в обеспечении лояльности судебной системы, что обеспечивалось зависимостью судей от королевской власти. При этом от судей требовалось также соответствие моральным нормам, обладание такими качествами, как честность, строгость, беспристрастность. Судей средневекового периода во Франции можно назвать служащими короны, поскольку их положение во многом зависело от расположения и намерений короля. Существование феодальной юстиции, выразившейся в праве феодалов вершить суд в своих владениях, и торговое право, действовавшее в гражданско-правовых отношениях французских городов, не имели большого значения в общей системе судебной власти в средневековой Франции.

Ключевые слова: суд, судья, королевское правосудие, суд присяжных, феодальный суд.

TROFIMOV Nikolay Vladimirovich,
Postgraduate student of the Department of Theory
and History of State and Law,
Volga State University of Water Transport

Scientific Supervisor:
MIGUNOVA Tatyana Leonidovna,
Doctor of Law, Professor

THE STATUS OF A JUDGE IN MEDIEVAL FRANCE

Annotation. The article is devoted to the problem of establishing the legal status of judges in the Middle Ages on the territory of the French Kingdom. During the second half of the 20th century,

the evolution of the judicial process and the use of legal forms of violence by the state against society were predominantly studied. At the same time, the specifics of the position of judges at a particular chronological stage of the existence of a particular state have not been sufficiently studied. No comparison or analysis of the powers of judges in European states in the Middle Ages, the conditions and term of office were made. No comparison or analysis of the powers of judges in European states in the Middle Ages, the conditions and term of office were made. In the course of work on the article, a consistent process of evolution of judicial powers and the status of judges in France in the 12th-18th centuries was identified. It was revealed that in France, unlike in England, the idea of trial by jury did not find its practical implementation until the end of the 18th century. Only the ideas of the French Enlightenment and the Great French Bourgeois Revolution led to a change in ideas about the role and duties of a judge. Before this, the French kings were interested in ensuring the loyalty of the judicial system, which was ensured by the dependence of judges on royal power. At the same time, judges were also required to comply with moral standards and possess such qualities as honesty, strictness, and impartiality. The judges of the medieval period in France could be called servants of the crown, since their position depended largely on the disposition and intentions of the king. The existence of feudal justice, expressed in the right of feudal lords to administer justice in their possessions, and commercial law, which operated in the civil-legal relations of French cities, did not have much significance in the general system of judicial power in medieval France.

Key words: court, judge, royal justice, jury trial, feudal court.

Историки Средневековья, особенно специалисты по истории права, в последние десятилетия вновь обращают внимание на процедуры и практику судебных учреждений, а также на отношение тяжущихся к правосудию, что перекликается с «исследованиями правосознания», развивавшимися в США с 2000-х годов. Аналогичным образом, наблюдается новый интерес к материальному праву, объектам и субъектам) средневекового правосудия, что напоминает о вкладе немецкой юридической археологии («Rechtsarchäologie»). До этого интерес исследователей сосредотачивался на одном аспекте истории органов правосудия – на легальном насилии, осуществляемом системой правосудия. Работы Барбары Хэйнволт[1], Жака Шиффоло [2], Клод Говар [3] во многом способствовали именно такой расстановке акцентов.

Однако за последние двадцать лет ситуация изменилась. Эволюция полномочий и правового статуса судей в разные временные эпохи стала достаточно популярным предметом исследования. Эта тенденция затронула как зарубежных, так и отечественных [4] историков и юристов. Причем интерес вызывают не только статус судьи и особенности судебного процесса в европейских странах в средневековье, но и в Магрибе этого же периода [5], а также тюркско-монгольских средневековых государствах [6]. Отметим, что статус и юридическая ответственность российских судей в контексте историко-правового анализа послужили темой кандидатской диссертации в МГЮА им. О.Е. Кутафина [7] и не только [8].

Отправление правосудия не всегда было обязанностью профессиональных судей, получивших юридическое образование. В судах к уча-

стию в отправлении правосудия в древности и в средние века могли привлекаться и неюристы. Возникла специализация, согласно которой судьей становился представитель власти, обладающей полномочиями отправлять правосудие.

Античная традиция предоставляла судебские полномочия выборным народным представителям. Например, в Афинах Солон (640–558) учредил гелиэю, т.е. судебный орган, в котором участвовали афинские граждане, выбираемые по жребию. Судебное разбирательство было правом граждан как по гражданским, так и по уголовным делам. Они выносили вердикт о виновности и определяли наказание [9]. В Риме граждане также участвовали в правосудии. Зарегистрированный в списке граждан, отвечающий определенным условиям (свободный человек, не моложе 25 лет и обладающий определенным состоянием), мог быть выбран сторонами в качестве судьи [10].

В период раннего Средневековья существовала похожая практика, связанная с германской традицией и осуществлением народного правосудия. При Меровингах существовал трибунал, мальберг или маллус. Это был трибунал всех свободных людей той или иной общины. Для осуществления правосудия их избирал граф. Это были рахимбурги. Они выносили приговоры в соответствии с действующим законодательством [11].

При Карле Великом произошли изменения. Рахимбурги были заменены эшевенами, из судей, назначаемых по случаю, они стали судьями, назначаемыми пожизненно, что ограничило понятие народного правосудия.

В Средние века монархия развивала королевское правосудие через судей. Судьи бы могли иметь разный статус: от низших судей до верхов-

ных судей суверенных судов. Они осуществляли полномочия, предоставленные королем, делегированные особым образом.

В Средние века судья в контексте делегированного правосудия стал королевским чиновником. Назначение судей, как и других королевских чиновников, основывалось на выдвижении по рекомендации, импетации или даже на выборах в определённые периоды (например, ордонамсом от 5 февраля 1389 года). Людовик XI ордонамсом 1467 года установил, что «в наших должностных лицах заключается, под нашей властью, управление делами, посредством которых публичные дела нашего королевства контролируются и поддерживаются»[12]. Юрист Шарль Луазо (1564–1621) в 1610 году уточнил, что «должность есть обычное достоинство с публичной функцией» («Трактат об должностях»)[13]. Служа интересам короны и общественным интересам, магистраты пользовались двумя привилегиями королевских чиновников: королевской защитой в случае насилия в отношении чиновника и требованием признания со стороны народа права короля и неподсудности магистрата, если его ответственность ставится под сомнение при исполнении им своих обязанностей.

Постепенно была признана необходимость постоянства в отправлении обязанностей судьи, сначала неявно, с основой на несменяемость (ордонамс 1467), а затем организованно, с патриомонизацией, т.е. наследования по особым правилам, должностей. Продажа и наследование должностей были установлены при Франциске I (1522) и подтверждены вновь в 1604 году (декретом Королевского совета). Одним из последствий этой системы стало ограничение королевского права назначать должностных лиц, которые стали несменяемыми и независимыми. Вопрос о должности судьи интересовал многих авторов со времен Средневековья. Будучи христианским судьёй, действия которого определялись каноническим правом во многих вопросах, средневековый судья также руководствовался законом. Он должен был вершить суд в соответствии с процедурой и действующими нормами (законом, обычаем). Грациан (XII век) утверждал, что «хороший судья ничего не делает произвольно или по своей воле, но по правилам и закону»[14]. В указе о реформе королевства Людовика Святого 1254 года аналогичное поведение было предписано судебным приставам с принятием присяги. В ордонамсе, в частности, говорится: «Мы, Людовик, милостью Божьей, король Франции, постановляем, что все наши приставы, виконты, прево, мэры и любые другие должностные лица, в каком бы деле и на какой бы должности они ни находились, приносят присягу,

что, пока они находятся на своей должности или в своём бальи, они будут поступать справедливо со всеми без исключения, как с бедными, так и с богатыми, как с иностранцами, так и с местными жителями, и что они будут уважать добрые, испытанные обычаи и традиции. И если случится, что приставы, виконты или другие лица, например, сержанты или лесничие, нарушат свою присягу и будут осуждены, мы желаем, чтобы они были наказаны как имуществом, так и лично, если проступок того требует: приставы будут наказаны нами, а другие – приставами»[15].

Французские юристы эпохи Возрождения сформулировали перечень требований к лицам, которые будут призваны занимать должности в области правосудия, в том числе и посты судей. Среди этих требований преобладают категории нравственного характера: Честность, строгость, беспристрастность и умение хранить секреты – вот некоторые из требований. Канцлер д'Агессо в 1698 году представил «модель магистрата». Она послужила образцом как для судей, так и генеральных прокуроров, государственных обвинителей и их заместителей, призванных произносить вступительные речи на официальных слушаниях в XIX веке, где они, в частности, представляли качества магистрата.

Однако вышеописанные правила замещения и отправления судейских должностей не были единственно возможными.

В феодальные времена, в общем и целом, сеньоры могли отправлять правосудие двумя способами. Манориальное правосудие осуществлялось сеньором, имеющим право распускать знамя. Эту прерогативу феодальный сеньор получал от короля со времени династии Каролингов; она распространялась на людей, проживавших на территории, где распространялась его власть. Феодальное правосудие отличалось тем, что оно основывалось на феодально-вассальном договоре. Оно касалось только тех вассалов, которые имели связи с сеньором. К тому же феодальная элита имела право на суд равных, т.е. пэров.

В средневековых городах, начиная с XII века, такая практика также имела место, встречается в судах, где представители третьего сословия рассматривали интересующие их дела и выносили решения, апеллируя к «праву равных».

Эта идея суда равных себе заложена в институте суда присяжных. Во Франции этот принцип признавался лишь на уровне суда пэров королевства, в то время, как в Англии он был поддержан Великой хартией вольностей 1215 года. Великая хартия вольностей упоминает о суде пэров или суде 25 баронов, которые имеют право вершить суд без присутствия короля[16].

Эта модель была поддержана Habeas corpus Act (1679 г.) в котором определялись полномочия «большого жюри», которое оценивает достаточность обвинений и решает, можно ли продолжать судебный процесс, а также второго жюри, которое выносит приговор.

Ш.-Л. Монтескье идеализировал английский суд присяжных в своем трактате «О духе законов» (XI, 6). Идея правосудия, осуществляемого через суд присяжных, была подхвачена философами Просвещения и нашла применение во время Французской революции в уголовных делах [17] (законы от 16–29 сентября и 29 сентября – 21 октября 1791 года). Были учреждены суд присяжных обвинения и суд присяжных суда. Граждане (группами по 8 и 12 человек) избирались жребием из списков избирателей.

Однако модель, принятая во Франции в 1791 году, отличалась от английской как с процессуальной точки зрения, так и с точки зрения взаимоотношений, устанавливаемых между присяжными и судьей, разделением знаний по вопросам факта и права.

В революционной Франции судьи избирались сроком на шесть лет (статья 5, раздел III Конституции 1791 года) и могли быть переизбраны. Декрет от 2 сентября 1790 года устанавливал условие дееспособности судьи (5-летний стаж работы судьей или адвокатом, особенно адвокатом). Устанавливался минимальный возраст (30 лет). Первые выборы прошли осенью 1790 года. Условие дееспособности было отменено осенью 1792 года. Идея выборов была подхвачена Коммуной (13 января 1871 г.), а затем воплощена в жизнь Республикой (10 июня 1882 г.: «Судьи всех сословий избираются всеобщим голосованием»). Она до сих пор существует во Франции для торговых судей или, например, в судах по трудовым спорам [18].

Отметим, что как феодальный, так и республиканский режимы во Франции стремились поддержать и контроль над судебной системой. Задача состояла в том, чтобы обеспечить лояльность судебной системы.

Список литературы:

- [1] Hanawolt, B. (1979) Crime and conflict in English communities, 1300-1348 – Cambridge – 358 p.
- [2] Chiffolleau, J. (1984) Les justices du pape délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au quatorzième siècle – Paris: Publications de la Sorbonne – 333 p.
- [3] Gauvard, C. (1991) D e grace especial. Crime, État et société en France à la fin du Moyen Âge – 2 vol. – Paris - Publications de la Sorbonne

[4] Назаров Д.И. Два «лица» средневекового правосудия: этико-правовой анализ // Интеллигенция и мир – 2017 - N. 2 – С. 125-132

[5] Груздев В.В., Минеева Т.Г. О судебном процессе в странах средневекового Магриба XIV-XV вв // Вестник Костромского государственного университета. – 2023 – Т. 29 – № 4 – С. 176–181

[6] Почекаев Р.Ю. Ханши и правосудие: правительницы перед судом и правительницы-судьи в средневековых тюрко-монгольских государствах // Гасырлар авазы – Эхо веков – № 1 (106) – 2022 – С. 60-71

[7] Яковлев А.Э. Становление и виды юридической ответственности судей в России XV-XIX вв // Автореферат дисс. к.ю.н. – М. – 2011 – 24 с.

[8] Дунюшкин П.А. Становление и развитие института дисциплинарной ответственности судей: историко-правовое исследование // Авт. дисс. к.ю.н. – Нижний Новгород - 2013 – 33 с.

[9] Кудрявцева Т.В. Народный суд и афинская демократия // Дисс. д.и.н. – 2008 – 677 с.

[10] Медведев В.Г. Уголовный суд и процесс в Древнем Риме в период Империи // Российский юридический журнал – 2011 - №3 (78) – С. 219-223

[11] Кучин М.В. Суд и нормотворчество в древних государствах // Современное право – 2017 - №1 – С. 138-144

[12] Salles D. Vénalité des offices // Vénalité des offices | Cairn.info

Charles Loyseau. Traité des Offices // Cinq livres du droict des offices , avec le livre des seigneuries et celui des ordres, par Charles Loyseau, ... 2e édition / Gallica [Электронный ресурс. Дата обращения 20.08.2025]

[13] Грациан. Согласование несогласных канонов. // ДОКУМЕНТЫ->ИТАЛИЯ->ИОАНН ГРАЦИАН->ДЕКРЕТ (ДО 1150)->ТЕКСТ (vostlit.info) [Электронный ресурс. Дата обращения 23.08.2025]

[14] Joinville, J., Histoire de saint Louis, Paris, 1869, p. 249 // Jean, sire de Joinville : Histoire de Saint Louis ; Credo ; et Lettre áa Louis X : Joinville, Jean, sire de, 1224?-1317? : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive [Электронный ресурс. Дата обращения 20.08.2025]

[15] Великая Хартия вольностей – Ст 52. // ДОКУМЕНТЫ->АНГЛИЯ->ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ->ПУБЛИКАЦИЯ 1918 Г.->ТЕКСТ (vostlit.info) [Электронный ресурс. Дата обращения 20.08.2025]

[16] Projet de loi sur la participation des citoyens au fonctionnement de la justice pénale et le jugement des mineurs // Projet de loi sur la participation des citoyens au fonctionnement de la justice pénale et le jugement des mineurs

[17] L'élection des juges, Krynen, J. (sous la direction de) (1999), coll. « Droit & Justice » - Paris – Puf

References:

- [1] Hanawolt, B. (1979) Crime and conflict in English communities, 1300-1348 – Cambridge–358 p.
- [2] Chiffolleau, J.(1984) Les justices du pape délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au quatorzième siècle – Paris: Publications de la Sorbonne– 333 p.
- [3] Gauvard, C. (1991) D e grace especial. Crime, État et société en France à la fin du Moyen Âge – 2 vol. – Paris - Publications de la Sorbonne
- [4] Nazarov D.I. Dva «lica» srednevekovogo pravosudiya: etiko-pravovoj analiz// Intelligenciya i mir – 2017 - N. 2 – С.125-132 [Nazarov D.I. Two “faces” of medieval justice: ethical and legal analysis// Intelligentsia and the world – 2017 - N. 2 – P.125-132] (in Russ)
- [5] Gruzdev V.V., Mineeva T.G. O sudebnom processe v stranah srednevekovogo Magriba XIV-XV vv//Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023 – T. 29 – № 4 – S. 176–181 [Gruzdev V.V., Mineeva T.G. On the judicial process in the countries of the medieval Maghreb of the 14th-15th centuries // Bulletin of the Kostroma State University. - 2023 - Vol. 29 - No. 4 - P. 176-181] (in Russ)
- [6] Pochekaev R.Yu. Hanshi i pravosudie: pravitel'nicy pered sudom i pravitel'nicy-sud'i v srednevekovykh tyurko-mongol'skikh gosudarstvakh// Gasyrlar avazy - Ekho vekov – № 1 (106) – 2022– S.60-71[Pochekaev R.Yu. Khans and justice: female rulers before the court and female rulers-judges in the medieval Turkic-Mongol states // Gasyrlar avazy - Echo of centuries - No. 1 (106) - 2022 - P.60-71] (in Russ)
- [7] Yakovlev A.E. Stanovlenie i vidy yuridicheskoy otvetstvennosti sudej v Rossii XV-XIX vv// Avtoreferat diss. k.yu.n. - M. – 2011 – 24 s.[Yakovlev A.E. Formation and types of legal liability of judges in Russia in the 15th-19th centuries// Abstract of diss. candidate of legal sciences. - M. – 2011 – 24 p.] (in Russ)
- [8] Dunyushkin P.A. Stanovlenie i razvitie instituta disciplinarnoy otvetstvennosti sudej: istoriko-pravovoe issledovanie// Avt. diss. k.yu.n. – Nizhnij Novgorod - 2013 – 33 s. [Dunyushkin P.A. Formation and development of the institute of disciplinary responsibility of judges: historical and legal research// Author's diss. candidate of legal sciences - Nizhny Novgorod - 2013 - 33 p.] (in Russ)
- [9] Kudryavceva T.V. Narodnyj sud i afinskaya demokratiya// Diss. d.i.n. – 2008 – 677 s. [Kudryavtseva T.V. People's Court and Athenian Democracy// Diss. Doctor of Historical Sciences – 2008 – 677 p.] (in Russ)
- [10] Medvedev V.G. Ugolovnyj sud i process v Drevnem Rime v period Imperii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal – 2011 - №3 (78) – S. 219-223 [Medvedev V.G. Criminal court and process in Ancient Rome during the Empire // Russian Law Journal – 2011 - No. 3 (78) – P. 219-223] (in Russ)
- [11] Kuchin M.V. Sud i normotvorchestvo v drevnih gosudarstvakh//Sovremennoe pravo – 2017 - №1 – S.138-144 [Kuchin M.V. Court and rule-making in ancient states//Modern law – 2017 - No. 1 – P. 138-144] (in Russ)
- [12] Salles D. Vénalité des offices// Vénalité des offices | Cairn.info
Charles Loyseau. Traité des Offices//Cinq livres du droit des offices , avec le livre des seigneuries et celui des ordres, par Charles Loyseau,... 2e édition / Gallica [Electronic resource. Access date 20.08.2025]
- [13] Gracian. Soglasovanie nesoglasnykh kanonov.// DOKUMENTY->ITALIYA->IOANN GRACIAN->DEKRET (DO 1150)->TEKST (vostlit.info) [Elektronnyj resurs. Data obrashcheniya 23.08.2025] [Gratian. Reconciliation of Disagreeing Canons.// DOCUMENTS->ITALY->JOHN GRATIAN->DECREE (BEFORE 1150)->TEXT (vostlit.info)[Electronic resource. Date of access 23.08.2025] (in Russ)
- [14] Joinville, J., Histoire de saint Louis, Paris, 1869, p. 249// Jean, sire de Joinville : Histoire de Saint Louis ; Credo ; et Lettre áa Louis X : Joinville, Jean, sire de, 1224?-1317? : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive[Electronic resource. Date of access 20.08.2025]
- [15] Velikaya Hartiya vol'nostej – St 52.// DOKUMENTY->ANGLIYA->HARTII VOL'NOSTEJ->PUBLIKACIYA 1918 G.->TEKST (vostlit.info)[Elektronnyj resurs.Data obrashcheniya 20.08.2025 [Magna Carta – Art 52.// DOCUMENTS->ENGLAND->MAGNATURE CHARTERS->PUBLICATION 1918->TEXT (vostlit.info)[Electronic resource. Date of access 20.08.2025] (in Russ)
- [16] Projet de loi sur la participation des citoyens au fonctionnement de la justice pénale et le jugement des mineurs// Projet de loi sur la participation des citoyens au fonctionnement de la justice pénale et le jugement des mineurs
- [17] L'élection des juges, Krynen, J. (sous la direction de) (1999), coll. « Droit & Justice » - Paris – Puf

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-174-181

ТЕРЕХОВ Андрей Александрович,
ассистент кафедры судебной власти,
гражданского общества и правоохранительной деятельности
Юридического института ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»,
e-mail: mail@law-books.ru

СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГЕРМАНИИ

Аннотация. О новизне понятия «судейское государство» косвенно свидетельствует интересный казус: когда автор этих строк недавно упомянул этот термин в частной беседе с известным профессором уголовного права, он тут же сделал «поправку», заменив этот термин на «судебное государство». На этом дискуссия закончилась так и не начавшись. Понятие «судейское государство», на мой взгляд, не вполне корректно переводить как «государство судей» (см. ниже). В отечественной юриспруденции это новое понятие воспринимается либо нейтрально как естественный результат эволюции судебной системы т.н. цивилизованных стран, либо оценивается безусловно позитивно как высший этап эволюции правового государства. Обе трактовки являются ложными (см. ниже). Во-первых, любое явление юридического характера рождается как специфический артефакт. Впоследствии он может приобрести инерционный запас «бытия», но инерционная характеристика артефакта не может сделать его *ipso facto* «естественным» явлением. Во-вторых, как артефакт феномен «судейское государство» работает в том числе и за счет «амортизации» предыдущих инерционных артефактов, прежде всего, механизма «полицейского государства», а затем и механизма «правового государства». Автор делает вывод о том, что современное «судейское государство» в Германии не отменило ни старое полицейское государство, ни последующее правовое государство, а переподчинила указанные государственные функции собственным «судейским» целям, интересам и задачам. Можно сказать, что немецкое судейское государство нередко паразитирует на функциях старого полицейского государства и последующего правового государства, дискредитируя обе государственные парадигмы в общественном мнении. В Германии 21 века назрела потребность провести новые демаркационные линии между сторонниками традиционного юридического позитивизма, делающими акцент на приоритете ценностей «законнического государства» (*Gesetzesstaat*), с одной стороны, и сторонниками ценностей «судейского толкования» принципов и норм Основного закона 1949 года, с другой.

Ключевые слова: полицейское государство, правовое государство, судейское государство, законническое государство, разделение властей, независимость судей, объективное толкование конституции, юридический позитивизм, система правосудия, высшие судебные инстанции.

TEREKHOV Andrey Alexandrovich,
Assistant of the Department of Judiciary,
Civil Society and Law Enforcement of the Law Institute
of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Peoples' Friendship University
of Russia named after Patrice Lumumba"

THE EMERGENCE OF THE GERMAN JUDGES' STATE

Annotation. The novelty of the term "a judges' state" within the Russian legal language is indirectly exemplified by my personal experience: recently in a private conversation with an erudite criminal law professor I happened to mention the term "a judges' state", my vis-à-vis hastened to correct me by suggesting another term, i.e. a "state of court procedure". Thus, a potential discussion

ended without having a chance to get rolling. I hold that the term "a judges' state" better fits the problem focused upon in this brief article than the term "a state of judges". The latter bears a misleading connotation of property law, as if a state as a public institution might "belong" to a particular professional group. In the Russian legal language, the term "a judges' state" is either regarded as a neutral word, i.e. as a natural outcome of the court system evolution of the so called civilized nations or is hailed as a welcome term having utterly positive connotations, i.e. as the apex of the evolution of the rule of law principle. Both interpretations are false (see below). Firstly, any legal phenomenon emerges as a specific artifact. Later on, it may acquire an inertia persistence, but the latter may never provide a legal artifact with a natural force of its own. Secondly, remaining a specific artifact, "a judges' state" functions – by the way – as a "parasite", draining the residue inertia force of the old "police state" and that of the more recent "the rule of law state". The author concludes that the recent "the judges' state" in Germany supplanted neither the old "police state", neither the more recent "the rule of law state" but surely succeeded in transforming both of them by reorienting their functions to own goals, interests and tasks of "the judges' state". In the 21st century Germany faces the great national problem concerning the necessity of drawing new demarcation lines between the supporters of a "Gesetzesstaat" (a state of laws), or legal positivism, on the one hand, and the supporters of a free judicial interpretation of the Basic Law of 1949, on the other.

Key words: a police state, a rule of law state, a judges' state, a state of laws, division of powers, independence of judges, the objective interpretation of a constitution, legal positivism, the system of justice, higher courts.

Немецкое слово „Richterstaat“ можно переводить двояко: «судейское государство» или же «государство судей». Я избрал первую версию, так как она, прежде всего, указывает на функционал государства как такового. Второй же вариант содержит дискуссионную коннотацию принадлежности государства отдельному профессиональному сообществу. Название статьи неизбежно провоцирует хотя и риторический, но закономерный вопрос: «А что предшествовало немецкой идеологии судейского государства? Другими словами, как юридически можно охарактеризовать периоды немецкой государственности до принятия Основного закона 1949 года?»

Как известно, романо-германская теория публичного права в момент своего зарождения в начале 19 века была вынуждена опираться на терминологию цивилистики и, соответственно, теорию частного права, восходящую к римским юристам. Теория публичного права на континенте стала приобретать независимые от цивилистики черты сначала в пост-наполеоновской Франции (в связи с деятельностью Госсювета) [11], а затем под французским влиянием и в Германии (особенно, после революции 1848 года).

Отсюда, следует, что в рамках данного исследования главным – независимым от цивилистики – термином публичного права Германии можно рассматривать термин «Polizeistaat» [10] (=полицейское государство). Конкретизирующими версиями этого термина можно считать понятия «Obrigkeitsstaat» (=начальствующее государство), «Verwaltungsstaat» (=управленческое государство) и – совсем узко – «Steuerstaat» (=налоговое государство). В негативном смысле все эти тер-

мины объединяет их смысловая отстраненность от предмета цивилистики. В позитивном смысле их объединяет указание на автономный функционал и специфику государства: непререкаемый авторитет носителей государственных полномочий (в начальствующем государстве), иерархическую специфику бюрократического документооборота (в управленческом государстве) и, наконец, номенклатуру и порядок распределения налоговых тягот между отдельными группами населения (в налоговом государстве).

Интересно, что первоначально термин «Polizeistaat» не был отягощен идеологическим подтекстом и поэтому не имел негативной коннотации. Само слово «Policey» в 18 веке понималось в широком и узком смысле. В широком смысле оно означало любые мероприятия во внутренних делах государства, «которые учреждают и устойчиво преумножают государственные имущества» [9] во всех сферах – от сельского хозяйства, внутренней и внешней торговли до горного дела и мануфактурного производства. Иначе говоря, в широком смысле термин «Policey» был диффузным, но не был «маркером опасности».

Иоганн Генрих Готтлоб фон Юсти сумел придать ему более узкий (технический) смысл. В узком значении термин «Policey» стал означать все мероприятия, по преимуществу направленные на поддержание добронравия (gute Zucht) и порядка среди подданных, а также «меры, повышающие комфорт жизни и уровень питания (Nahrungsstand)» [9]. Как видим, для Юсти термин «Polizeistaat» имел исключительно позитивный подтекст, причем как в широком, так и узком смысле.

Тем не менее, среди современных немецких авторов, особенно, политологов, наблюдается тенденция применять указанный термин исключительно в негативном, педжоративном (=ругательном) смысле. Например, Томас Дарнштедт опубликовал монографию под названием «глобальное полицейское государство» [5] с пугающим подзаголовком: «боязнь террора, озабоченность безопасностью и крах наших свобод».

Впрочем, педжоративная тенденция в толковании термина «*Polizeistaat*» возникла ещё в 19 веке в рамках того, что можно назвать «идеологической атакой» немецких либералов, прежде всего, на немецких конституционалистов, т.е. умеренных монархистов. Либералы поставили перед собой задачу вытеснить термин «*Polizeistaat*» из научного оборота, а главное – противопоставить ему термин «*Rechtsstaat*» (=правовое государство) [4].

Как ни парадоксально, в контексте эволюцию теории права указанное стремление немецких либеральных прогрессистов 19 века можно рассматривать как ретроградный шаг к истокам зарождения публичного права, а именно как молчаливое признание приоритета цивилистики над уже возникшей теорией полицейского права, т.е. публичного права *par excellence* (Лат. «по преимуществу»). Речь идёт о том, что базовым институтом, на котором зиждется вся идеологическая конструкция правового государства, является институт «индивидуальных прав».

Проблема, разумеется, не столько в самом институте прав человека, сколько в попытке либералов рассматривать его как краеугольный камень для ориентации в любой юридической ситуации и для разрешения любого юридического конфликта. Данное обстоятельство в тенденции придает всей конструкции «правового государства» не только авторитарные, но и тоталитарные черты (см. подробнее ниже). Таким образом, считая себя носителями прогресса в политике, немецкие либералы 19 века оказались реакционерами в области теории публичного права.

Если отвлечься от нереализованного проекта конституции 1849 года, то «первым изданием» правового государства в Германии можно считать принятие Веймарской конституции в 1919 году. Это «издание», как выяснилось чуть позже, страдало существенным дефектом, как по форме, так и содержанию. По форме: корпусе конституции глава о правах человека оказалась последней. По содержанию: веймарские права человека оказались неискоспособными. Даже если поведение чиновников Веймарской республики реализовывало состав конституционной нормы о защите определенного конституционного права, то потерпевший гражданин все равно не мог вчинить иск против государства, так как суды по конституции

не были уполномочены принимать такие иски к рассмотрению. Иначе говоря, заключительная глава Веймарской конституции о публичных субъективных правах [8] (Еллинек) представлял собой лишь «*ein Fetzen Papier*» [1] (=клочок бумаги - Ласаль).

Легальный приход нацистов к власти в 1933 году, кстати, в полном соответствии с Веймарской конституцией стал периодом «когнитивного диссонанса». Ведущие нацистские юристы, например, Отто Кёлройтер считали Германию эпохи Гитлера «национал-социалистическим правовым государством» [17], т.е. попросту заимствовали либеральный термин, воплощенный в Веймарской конституции 1919 года для нужд фашистской идеологии. «Жить в правовом государстве означает для каждого фольксгеноссе (Смысл термина «*Volksgenosse*» - в отличие от термина «*Parteigenosse*» - трудно перевести на русский язык адекватно. «*Parteigenosse*» переводится как «товарищ по партии». Смысл термина «*Volksgenosse*» можно передать лишь описательно, а именно как «сотоварищ по народному сообществу», т.е. сотоварищ по этническому родству) чувство принадлежности государству (*Staatswesen*), которому по его сущности (*wesensgemäss*) принадлежит право, в котором господствующую роль играет правовая идея и правовая ценность. В правовом государстве народная общность одновременно ощущает себя правовой общностью» [18]. Чуть далее Кёлройтер уточняет: «Национал-социалистическое государство есть правовое государство, потому что в нём правовая идея теснейшим образом связана с государственной идеей, так как обе сливаются (*föhren sich auf*) в едином источнике, а именно в народной общности» [19].

На первый взгляд, национал-социалистическая концепция государства и права является просто консервативной или – в худшем случае – ретроградной, поскольку она стремится вернуться к долиберальной, т.е. авторитарной концепции полицейского государства. Тем самым, она стремится оттеснить на периферию либеральную концепцию «правового государства» как политического сообщества, стеснённого со всех сторон институтом индивидуальных прав и свобод. Но это не совсем так. Если либералы соотносят идею права и идею государства иерархически (право первично, государство вторично), то нацистские юристы оценивают эти идеи комплементарно, т.е. как дополняющие друг друга и в то же время функционально (см. ниже).

С точки зрения Кёлройтера формально не важно, с какой стороны подходить к феномену национал-социалистического государства (с правовой или государственной): в любом случае мы упираемся в их единый источник под названием

«народная общность». Таким образом, обе идеи в существенном смысле несамостоятельны: они как бы заимствуют свою силу от той сущности, двумя функциями которой они являются, т.е. от народной общности.

Келройтер латентно признаёт, что если идея права базируется на чувстве сопричастности всех фольксгеноссен (см. выше) к тотальной народной общности, то политическая (государственная) идея ориентирована на трансформацию этого чувства в определенные (в каком-то смысле запрограммированные) поведенческие акты, например, на тотальное истребление «евреев и коммунистов» (=негативная национал-социалистическая программа) или же сознательное участие фольксгеноссен в подъёме их собственного благосостояния, например, в осуществлении проекта «народный автомобиль» (Volkswagen). Это уже можно рассматривать как пример позитивной национал-социалистической программы.

Как бы то ни было, гитлеровская идеология совершенно справедливо получила название «нацизм». В самом деле, гитлеровский правопорядок был правовым — и то с существенными изъятиями — лишь для «своих», для «фольксгеноссен». Однако, нацистским юристам не удалось формализовать и, тем более, юридизировать само понятие «фольксгеноссе», поскольку не поддаётся рациональному (научно обоснованному) определению термин «народная общность» (Volksgemeinschaft).

Расовая теория, на которую «опирались» нацисты, аргументируя в пользу термина «народная общность», была пещерной идеологией ещё в начале 20 века. Более того, при таком подходе возникает огромная зона неопределенности в отношении потенциальных «фольксгеноссен». Например, Александр Сергеевич Пушкин как русский потомственный дворянин относится к «русской народной общности», но его абиссинский прадед Абрам Петрович Ганнибал «тянет Пушкина в Африку» к «эфиопской народной общности».

Как бы то ни было, противники нацистского режима в Германии могли рассматривать нацистский порядок лишь в контексте «неправового государства» (Unrechtsstaat). Таким образом, в эпоху Третьего рейха когнитивный диссонанс в определении и оценке термина «правовое государство» заключался в идеологическом противостоянии терминов «национал-социалистическое правовое государство» и термина «правовое государство» в духе классического либерализма.

Символом указанного когнитивного диссонанса стал термин «двойное государство» (Der Doppelstaat), сформулированный Эрнстом Френкелем [6]. Френкель в эпоху Веймарской республики был адвокатом по трудовым спорам. С при-

ходом к власти нацистов он стал адвокатом евреев, которые подвергались преследованиям со стороны правящего режима. Сам попал в поле зрения гестапо, но сумел эмигрировать в США. Соответственно, Френкель располагал инсайдерской информацией о том, как функционировала нацистская юстиция в период с 1933 по 1938 годы. Его знания, эрудиция и профессиональный опыт получили воплощение в книге «двойное государство», опубликованной в 1941 году.

Центральная идея книги сводится к тому, что в нацистской Германии как бы сожительствовавали два государства. Френкель называет их «прерогативное государство» и «нормативное государство» [6]. Первое реализует себя в непрозрачной зоне прерогатив, полномочий, усмотрений, приказов и распоряжений. В принципе в этой зоне «действующие» законы «спят». Второе является «нормальным государством» в либеральном духе, т.е. административной машиной, контролирующей соблюдение законов и судебных решений.

Френкель особо подчеркивает, что сосуществование в одном и том же политическом сообществе «прерогативного государства» и «нормативного государства» не следует понимать как сосуществование партийной бюрократии и государственной (управленческой) бюрократии. Френкель фактически предлагает два критерия, согласно которым можно отличить прерогативное государство и нормативное. Метафорически можно сказать, что прерогативное государство является негативным (отрицающим) в отношении того, в чём нормативное государство является позитивным (утверждающим). Другими словами, прерогативное государство лишь отрицает такие ценности нормативного государства, как формальная рациональность и свобода слова и мнений [6].

Крах Третьего Рейха в 1945 году, казалось бы, означал и прекращение когнитивного диссонанса в части трактовки термина «правовое государство». Однако это не совсем так. С одной стороны, мы видим радикальные изменения по сравнению с Веймарской конституцией 1919 года. Так, приоритет индивидуальных прав был закреплён и формально, и материально: формально в том смысле, что нормативная часть Основного закона 1949 года открывает перечень основных прав и свобод; материально в том смысле, что основные права и свободы индивидов (не только граждан) стали искоспособными.

С другой стороны, Основной закон 1949 года «сгенерировал» свой собственный, но латентный когнитивный диссонанс в ст.20. Эта статья открывается нормой о том, что «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством» (ст.20 абз.1). Трудно сказать а priori, есть ли тут некая

семантическая преемственность между «социалистическим» компонентом идеологии Третьего рейха и провозглашенным «социальным» компонентом идеологии Основного закона 1949 года. Как бы то ни было, вопрос о том, существует ли здесь некий консенсус между Веймарским этапом немецкой государственности и послевоенной Германией или нет ныне может представлять лишь исторический интерес.

Меня же сейчас интересует скрытый когнитивный диссонанс внутри ст.20. Речь идёт о соотношении абз.1 ст.20 с абз.3 этой же статьи, который гласит: «Законодательная власть связана конституционным строем, исполнительная и судебная власть – законом и правом». Ясно, что абз.3 даёт нам развёрнутое и в то же время изящное определение «правового государства». Почему же учредители Основного закона 1949 года отказались просто добавить в абз.1 ст.20 прилагательное «правовое» и даже отказаться от абз.3?

На мой взгляд, возможны два объяснения, а именно в позитивном и негативном формате. Рассмотрим абз.3 ст.20 в позитивном формате. Здесь вопреки своему изяществу он решает сразу два вопроса. Во-первых, как уже сказано, он даёт внятную расшифровку понятию «правовое государство», точнее, его структуре и механизму функционирования. Во-вторых, он фактически разграничивает понятия «позитивный закон» и «право» и признаёт возможное бессилие или неэффективность позитивного закона. В таком случае, вместо «позитивного закона» должно функционировать «право». Ясно, что речь может идти только о «надпозитивном праве» и – в тенденции – о «естественном праве», наличие которого юридический позитивизм фактически отрицает.

Рассмотрим негативный формат толкования абз.3 ст.20 Основного закона 1949 года в отношении абз.1 той же статьи. Прилагательное «правовое» исключено из абз.1 ст.20, на мой взгляд, по той причине, что «правовое государство» НЕ обязано одновременно быть ни демократическим, ни социальным, ни федеративным. «Правовое государство» в эпоху классического либерализма, например, Великобритания середины 19 века нельзя назвать ни демократическим, ни социальным, ни федеративным.

Полагаю, что указанный когнитивный диссонанс ст.20 базируется на двух фундаментальных вопросах: как соотносятся демократическая идеология (ставка на «народную массу») и классический либерализм (ставка на права индивида) и как соотносятся «социальное государство» и «правовое государство», что в новых условиях может воспроизводить модель «двойного государства» в духе Френкеля?

Позитивные законы Германии либо вообще не касаются этих вопросов, либо не могут сфор-

мулировать на них внятные ответы, но, как мы видели, выше законов Основного закона 1949 года ставит «право». Но что такое «право» в смысле Основного закона 1949 года уполномочен «знать» только Федеральный конституционный суд. В некотором смысле, можно утверждать, что скрытый когнитивный диссонанс ст.20 Основного закона 1949 года содействовал трансформации послевоенного «правового государства» в Германии в «судейское государство», под контролем Федерального конституционного суда.

Первоначально немецкоязычные авторы рассматривали дарованные Основным законом 1949 года в ст.100 полномочия судебному корпусу и, особенно, Федеральному конституционному суду как позитивный сигнал, как гарантия окончательного торжества права над неправом. Среди авторов оптимистических концепций судебного государства можно выделить Рене Марича [12] и – в меньшей степени – Фрица Вернера [16]. В частности, Марич рассматривает феномен судебного государства как апогей в эволюции правового государства. Вернер же склонен рассматривать судебное государство формально, а именно как особый механизм контроля над политической и административной властью вообще. При этом судебное государство представляет собой набор специальных средств, которые превращают его в дифференцированное «государство путей правосудия» (Rechtswegestaat) или же дифференцированное «государство правовых средств» (Rechtsmittelstaat). По мнению Вернера, судебное государство необходимо для спасения современной многопартийной демократии [16].

Однако, в конечном итоге возобладала пессимистическая концепция судебного государства, особенно, в исследовании Бернда Рютерса под названием «Тайная революция. От правового государства к судебному государству» [15]. Если кратко изложить концепцию судебного государства Рютерса, то можно ограничиться несколькими тезисами.

1. Феномен судебного государства не является инновацией Федеративной республики Германия. «Прерогативное государство» Эрнста Френкеля (см. выше) – с формальной (процессуальной) стороны – имеет много общего с судебным государством современной Германии.
2. Отцами-основателями современного судебного государства в Германии можно считать маститых юристов «первого поколения» Федеративной республики, т.е. юристов, сделавших карьеру ещё при Гитлере, которые после 1945 года успешно прошли персональную «денацификацию» и сформировали влиятельный (неформальный) контингент внутри юридического сообщества.

3. Они же сформулировали - или усилили - господствующее мнение послевоенной немецкой юриспруденции о том, что во всех несовершенствах Веймарской республики 1919 года, включая легальный приход Гитлера к власти в 1933 году и последующие эксцессы его правления, был виноват т.н. законнический позитивизм (*Gesetzespositivismus*), требующий от правоприменителей, включая судей, слепое следование действующим законам. Многие из них после 1945 года были признаны антиправовыми.
 4. В качестве собственной апологии они же стали применять и пропагандировать метод т.н. объективного толкования законов. Согласно этому методу, правоприменитель должен адаптировать смысл любого (даже старого) закона к реалиям, интересам и задачам современности. Этот метод фактически заблокировал исторический подход, разработанный ещё Карлом Фридрихом фон Савиньи, который требовал от интерпретаторов законов брать за точку отсчёта мотивацию и цели исторического законодателя [13]. При этом они же указывали на трудность в толкования самого термина «исторический законодатель» и с этим на самом деле трудно спорить.
 5. Однако проблема заключается в том, что и термин «современность» является диффузным и многозначным. Соответственно, «объективное толкование» законов судьями Федеративной республики превратилось в субъективное мнение того или иного судьи, стоящего на страже тех или иных корпоративных интересов. Обычной практикой немецкого судейского государства стало то, что сначала судья формулирует для себя решение, а потом, якобы применяя «объективное толкование» подводит под уже готовое решение нормативную базу.
 6. Федеральный конституционный суд распространил эту технику на естественное (надпозитивное) право, упомянутое в ст.20 абз. 3 Основного закона 1949 года. Посредством этой техники конституционные судьи могли нейтрализовать негодный – по тем или иным – причинам закон как несовместимый с (надпозитивным) правом. Из слуги по охране Основного закона 1949 Федеральный конституционный суд тайком превратился в его господина, на полном усмотрении которого находится вопрос о том, какие законы и как именно следует применять, а какие из них следует перевести в «спящий режим» в силу их «несоответствия либо основным правам и свободам, либо надпозитивному праву.
 7. Современное судейское государство является следствием хронической деформации Федерального конституционного суда, который со временем выработал стойкий иммунитет к трём базовым принципам Основного закона 1949 года: принципу связанности судьи законом и правом (именно в такой последовательности!), принципу разделения властей и принципу демократии.
 8. Судебная система в Германии стала ареной политических интриг, баталий и скандалов. Судьями высших судебных инстанций становятся вовсе «не лучшие, а самые преданные» [3]. Другими словами, судьями становятся не самые авторитетные университетские профессора или самые опытные и уважаемые адвокаты, а «самые надежные» партийные функционеры «от юридического контингента соответствующей партии», для которых партийные интересы всегда «über alles» (Нем. «превыше всего»).
 9. Методологический плюрализм, т.е. свободный выбор той или иной методики, следует отменить, прежде всего, это касается метода «объективного толкования». Судейское толкование уместно только в том случае, когда законодатель не желает или неспособен урегулировать вопрос, который должен быть урегулирован, поскольку этого требуют ценности, закрепленные в Основном законе 1949 года.
- Итоги:
1. Историю немецкого публичного права можно обозначить определенными номинативными вехами, символизирующими смену идеологических парадигм от полицейского, или управленческого государства, через категорию «правовое государство» и, наконец, к парадигме современного судейского государства. При этом вопреки расхожему мнению каждая «устаревшая» парадигма вовсе не исчезает, а лишь превращается в «латентный компост» для «торжествующей» новой парадигмы. Другими словами, немецкое полицейское государство позднего Средневековья и Нового времени становится субстратом правового государства где-то во второй трети 19 века, и вместе они становятся «субсидиарными костылями» для современного судейского государства.
 2. В контексте теории публичного права Германии можно сказать, что в тени указанных парадигм остается технически самая главная, но идеологически самая блеклая парадигма, а именно парадигма «законнического государства» (*Gesetzesstaat*). Иначе говоря, какую парадигму из выше названных не взять для анализа, без ссылок на «законни-

- ческое государство» она останется ущербной или даже вовсе неюридической, как это, например, произошло с диффамацией полицейского государства со стороны либералов 19 века.
3. Если термин «закон» понимать в материальном смысле, как нормативный акт любого уполномоченного на то государственного или административного органа, то немецкое полицейское государство от позднего Средневековья вплоть до 19 века было юридически нормальным, т.е. законническим государством, или нормативным государством (в терминах Эрнста Френкеля – см. выше).
 4. Параллельно с усилением либеральной идеологии в германских государствах 19 века стала доминировать иная, а именно формальная трактовка термина «закон». Он стал означать формальный акт парламента любого содержания, принятый по установленной процедуре. Другими словами, под французским влиянием термин «закон» был «монополизирован» представительными органами немецких дуалистических монархий. В принципе это означало начало перехода от парадигмы полицейского государства к парадигме правового государства и полностью соответствовало теории разделения властей Ш.-Л. Монтескье [2].
 5. Вместе с тем, с точки зрения юристов, изучающих историю публичного права Германии, трансформацию полицейского государства в государство правовое нельзя оценивать как исторический прогресс юридической науки, но можно оценивать как её частичный регресс, т.е. возврат теории публичного права «под командование» цивилистики, восходящей к римским юристам. Единственная ценность правового государства для классических немецких либералов заключалась в том, что правовое государство воспринималось ими лишь как функция по обслуживанию индивидуальных прав и свобод.
 6. Национал-социалистический этап немецкой государственности не следует рассматривать как чудовищно экзотический «реванш» полицейского государства, как его попытку демонтировать парадигму правового государства. Во-первых, как заявлено в первом тезисе, «устаревшая» парадигма (например, полицейское государство) и в новых условиях продолжает работать по-прежнему. Более того, новая парадигма (например, правовое государство) нередко эксплуатирует старую парадигму тем, что оставляет ей необходимую, но идеологически невыгодную, скажем, откровенно полицейскую функцию. Соответственно, гитлеровский этап Веймарской республики не отменил институт прав человека совсем, но сильно его деформировал и в таком искаженном виде зарезервировал только для «арийцев».
 7. Современное немецкое судейское государство не отменило ни полицейское, ни правовое государство, но по факту сильно урезало сферу полномочий законодательной и исполнительной власти. Как отмечает, Бернд Рютерс «тайная революция» судей [15], т.е. социально-политическая маргинализация законодательных и исполнительных органов, осуществилась «без потрясений», т.е. формально – технически. Прежде всего, университетские профессора публичного права первого поколения Федеративной республики, имевшие опыт сотрудничества с нацистским режимом, сменили парадигму толкования конституции, сделав ставку на т.н. объективное толкование. Вслед за ними и судьи, особенно судьи Федерального конституционного суда усвоили практику объективного толкования не только Основного закона 1949 года, но и обычных законов, которые с их точки зрения противоречат «постулатам надпозитивного права», упомянутого в ст.20 абз.3 Основного закона.
 8. В итоге, немецкое судейское государство образца Основного закона 1949 года утратило генетическую связь с базовой парадигмой законнического государства. В судейском государстве доминируют уже не нормы законодателя, а произвольные интерпретации этих норм со стороны судебных инстанций. Последние, как правило, стоят на охране непрозрачных корпоративных интересов и, тем самым, нарушают демократический принцип, закрепленный в Основном законе 1949 года. Именно эти интересы, а не интересы сторон в конкретном деле, определяют решения судей. Более того, в судейском государстве нередко нарушается принцип «*nemo iudex in propria causa*» (Лат. «никто не судья в своём деле»), что фактически подрывает статус судьи как «незаинтересованного третьего».

Список литературы:

- [1] Лассаль Ф. О сущности конституции. Пер. с нем. К. Чекеруль-Куша. – Киев: Изд. С.И. Иванова. – 1905. – 36 с.
- [2] Монтескье Ш.-Л. О духе законов. Пер. с франц. Под ред. А.Г. Горнфельда. С.-П.: Изд. Л.Ф. Пантелеева. – 1900. – 811 с.
- [3] Рютерс Б. Государств судей: миф или реальность // Правосудие. Вып.1 №2. – 2019. – с.45 – 50

[4] Bähr O. Der Rechtsstaat. – Göttingen: Georg Wigand. – 1864. – 232 S.

[5] Darnstädt Th. Der globale Polizeistaat: Terrorangst, Sicherheitswahn und das Ende unserer Freiheiten. – Berlin: Deutsche Verlagsanstalt. – 2010. – 371 S.

[6] Fraenkel E. The Dual State [1941]. Translated from the German by E.A.Shils. – Oxford: Oxford UP. – 2017. – 335 p.

[7] Gneist R. Der Rechtsstaat und die Verwaltungsgerichte in Deutschland. – Berlin: Springer. – 1879. – 382 S.

[8] Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. – 2te Aufl. – Tübingen: Mohr Siebeck. – 1919. – 378 S.

[9] Justi J.H.G. Grundsätze der Policey-Wissenschaft. – Göttingen: Verlag der Witwe Vandenhoeck. – 1759. – 400 S.

[10] Lackner Tanja E. Polizeistaat versus Rechtsstaat. – München: GRIN Verlag. – 2010. – 30 S.

[11] Letourneur M., Méric J. Conseil d'Etat et juridictions administratives. – P.: Armand Colin. – 1955. – 208 p.

[12] Marcic R. Vom Gesetzesstaat zum Richterstaat: Recht als Mass der Macht/ Gedanken über den demokratischen Rechts- und Sozialstaat. – Wien: Springer. – 1957. – 548 S.

[13] Savigny Fr. C. Vorlesungen über Juristische Methodologie: 1802-1842. Hrsg. Von Aldo Mazzacane. – Frankfurt/M.: Vittorio Klostermann. – 2004. – 316 S.

[14] Stirn B. Le Conseil d'Etat: son role, sa jurisprudence. – P.: Hachette. – 1991. – 178 p.

[15] Rüthers B. Die heimliche Revolution vom Rechtsstaat zum Richterstaat. 2-te Aufl. – Tübingen: Mohr Siebeck. – 2016. – 205 S.

[16] Werner Fr. Das Problem des Richterstaates. – Berlin: Gruyter. – 1960. – 32 S.

www.NS-ARCHIV.national.socialism.org Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat. – [ohne Ort- und Jahresangabe]. – 43 S.

[17] См. www.NS-ARCHIV.national.socialism.org Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat. – [ohne Ort- und Jahresangabe].

[18] Сайт: www.NS-ARCHIV.national.socialism.org Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat. – S. 5– [ohne Ort- und Jahresangabe].

[19] Сайт: www.NS-ARCHIV.national.socialism.org Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat. – S. 6– [ohne Ort- und Jahresangabe].

References:

[1] Lassalle F. On the essence of the constitution. Per. from German K. Chekerul-Kush. - Kyiv: Ed. S.I. Ivanova. – 1905. - 36 s.

[2] Montesquieu S.-L. About the spirit of the laws. Per. with French. Ed. A.G. Gornfeld. S.-P.: Ed. L.F. Panteleeva. – 1900. - 811 s.

[3] Ruthers B. States of judges: myth or reality// Justice. Issue 1 No. 2. – 2019. - p.45 - 50

[4] Bähr O. Der Rechtsstaat. – Göttingen: Georg Wigand. – 1864. – 232 S.

[5] Darnstädt Th. Der globale Polizeistaat: Terrorangst, Sicherheitswahn und das Ende unserer Freiheiten. – Berlin: Deutsche Verlagsanstalt. – 2010. – 371 S.

[6] Fraenkel E. The Dual State [1941]. Translated from the German by E.A.Shils. – Oxford: Oxford UP. – 2017. – 335 p.

[7] Gneist R. Der Rechtsstaat und die Verwaltungsgerichte in Deutschland. – Berlin: Springer. – 1879. – 382 S.

[8] Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. – 2te Aufl. – Tübingen: Mohr Siebeck. – 1919. – 378 S.

[9] Justi J.H.G. Grundsätze der Policey-Wissenschaft. – Göttingen: Verlag der Witwe Vandenhoeck. – 1759. - 400 S.

[10] Lackner Tanja E. Polizeistaat versus Rechtsstaat. – München: GRIN Verlag. – 2010. – 30 S.

[11] Letourneur M., Méric J. Conseil d'Etat et juridictions administratives. – P.: Armand Colin. – 1955. – 208 p.

[12] Marcic R. Vom Gesetzesstaat zum Richterstaat: Recht als Mass der Macht/ Gedanken über den demokratischen Rechts- und Sozialstaat. – Wien: Springer. – 1957. – 548 S.

[13] Savigny Fr. C. Vorlesungen über Juristische Methodologie: 1802-1842. Hrsg. Von Aldo Mazzacane. – Frankfurt/M.: Vittorio Klostermann. – 2004. – 316 S.

[14] Stirn B. Le Conseil d'Etat: son role, sa jurisprudence. – P.: Hachette. – 1991. – 178 p.

[15] Rüthers B. Die heimliche Revolution vom Rechtsstaat zum Richterstaat. 2-te Aufl. – Tübingen: Mohr Siebeck. – 2016. – 205 S.

[16] Werner Fr. Das Problem des Richterstaates. – Berlin: Gruyter. – 1960. – 32 S.

www.NS-ARCHIV.national.socialism.org Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat. – [ohne Ort- und Jahresangabe]. – 43 S.

[17] См. www.NS-ARCHIV.national.socialism.org Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat. – [ohne Ort- und Jahresangabe].

[18] Сайт: www.NS-ARCHIV.national.socialism.org Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat. – S. 5– [ohne Ort- und Jahresangabe].

[19] Сайт: www.NS-ARCHIV.national.socialism.org Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat. – S. 6– [ohne Ort- und Jahresangabe].

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-182-190

БАЙМАТОВА Акылай,
соискатель учёной степени
при Институте истории, археологии и этнологии
им. Б. Жамгерчинова Национальной Академии Наук
Кыргызской Республики,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МОМБЕКОВА Жыргал Канаевна,
Профессор Кыргызского национального университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ В ЭПОСЕ МАНАС: НОРМЫ, ИНСТИТУТЫ И КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу элементов правовой системы енисейских кыргызов на основе эпоса Манас как уникального источника этноправовой информации. Исследование выявляет наличие нормативных структур, правовых институтов и отраслевых элементов в устной традиции кыргызского народа. Особое внимание уделяется гражданско-правовым и семейно-правовым отношениям, институту собственности, системе распределения ресурсов и жертвоприношения, а также сакральному отношению к земле как правовому объекту. Эпос Манас рассматривается как форма коллективной правовой памяти, отражающая культурную семантику традиционного права. В работе применяются междисциплинарные подходы семиотики, теории обрядов перехода и концепции эпоса как нормативного текста. Полученные выводы позволяют расширить представление о правовом сознании кочевых обществ и реконструировать фундаментальные принципы права енисейских кыргызов, что имеет существенное значение для понимания эволюции правовой культуры центральноазиатского региона.

Ключевые слова: енисейские кыргызы, эпос Манас, культурная семантика, правовая память, семиотика.

BAIMATOVA Akylay,
applicant for a degree at the Institute of History,
Archeology and Ethnology named after B. Zhamgerchinov
of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

Scientific supervisor:
MOMBEKOVA Zhyrgal Kanaevna,
Professor, Kyrgyz National University

LEGAL SYSTEM OF THE YENISEI KYRGYZ IN THE MANAS EPIC: NORMS, INSTITUTIONS AND CULTURAL SEMANTICS

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the elements of the legal system of the Yenisei Kyrgyz based on the Manas epic as a unique source of ethno-legal information. The study reveals the presence of regulatory structures, legal institutions and industry elements in the oral tradition of the Kyrgyz people. Particular attention is paid to civil and family relations, the institution of property, the system of distribution of resources and sacrifice, as well as the sacred attitude to land as a legal object. The Manas epic is seen as a form of collective legal memory, reflecting the cultural semantics of traditional law. The work uses interdisciplinary approaches of semiotics, the theory of rites of passage and the concept of the epic as a normative text. The findings make it pos-

sible to expand the idea of the legal consciousness of nomadic societies and reconstruct the fundamental principles of Yenisei Kyrgyz law, which is essential for understanding the evolution of the legal culture of the Central Asian region.

Key words: *Yenisei Kyrgyz, Manas epic, cultural semantics, legal memory, semiotics.*

Право как универсальный социальный институт сопровождает человечество на протяжении всей его истории, отражая особенности общественного устройства, культуры и мировоззрения. В традиционных обществах, особенно в условиях отсутствия письменных источников, право реализуется преимущественно в устной форме — через обычаи, ритуалы, нормы поведения и коллективную память. Эпосы, как синтетические формы культурной репрезентации, выполняют в этом контексте роль носителей архетипических норм, закрепляя модели социальной организации, правовой практики и моральных ориентиров народа. Особое значение в изучении исторической правовой культуры кочевых народов Центральной Азии приобретает кыргызский эпос Манас, который представляет собой не только величайшее произведение устной литературы, но и уникальный источник этноправовых сведений о жизни енисейских кыргызов. Будучи формой коллективной памяти, эпос фиксирует основные принципы устройства власти, рода, собственности, справедливости и правовых отношений в доисламском и дофеодальном сообществе.

Несмотря на устную природу эпоса, в его текстах сохраняются устойчивые правовые конструкции, которые позволяют говорить о наличии у енисейских кыргызов сложной системы права, включающей нормы, институты и отрасли. Эти элементы проявляются в сюжетах, связанных с договорами дарения, сватовством, брачными ритуалами, судебными механизмами, институтом собственности и военного права. Таким образом, Манас может рассматриваться как косвенный, но чрезвычайно ценный правовой источник. Целью данной работы является реконструкция элементов правовой системы енисейских кыргызов на основе анализа эпоса Манас с опорой на современные теории семиотики, этноправоведения и коллективной памяти. Особое внимание уделяется выявлению структуры системы права, её компонентов, а также взаимодействию правовой нормы с культурным контекстом.

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления эпического наследия не только как памятника словесности, но и как источника права, отражающего глубинные механизмы социальной регуляции и правосознания в традиционном обществе. В условиях отсутствия письменных правовых актов за ранние эпохи истории кыргызов эпос Манас становится важнейшей платформой для правовой реконструкции, позво-

ляя установить взаимосвязь между нормой, обычаем и культурой в архаических формах социального устройства.

Методологические основы исследования

Прежде чем приступить к анализу правовой системы енисейских кыргызов, необходимо определить методологический аппарат исследования. Данная работа опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методы юридической антропологии, этноправоведения, семиотики культуры и фольклористики. Такой синтез позволяет рассматривать эпос не просто как литературный текст, а как целостную правовую модель мира.

В качестве теоретической основы используются:

1. Семиотический подход Ю.М. Лотмана, рассматривающий культурные тексты как системы знаков, кодирующих социальную информацию, в том числе правовую;
2. Теория обрядов перехода А. ван Геннепа, позволяющая интерпретировать правовые ритуалы как механизмы социальной трансформации;
3. Концепция коллективной памяти М. Хальбвакса, объясняющая механизмы сохранения и передачи правовых норм в бесписьменном обществе;
4. Структурно-функциональный анализ правовых институтов.

Принципиально важным является признание того, что исследование права кочевых народов требует отказа от европоцентристских моделей правопонимания и признания специфики традиционных правовых систем, где право существует не в форме формализованных кодексов, а в виде живой традиции, ритуальной практики и нарративов.

Система права енисейских кыргызов

Система, системность — неотъемлемые свойства любого типа права. Системообразующие характеристики права указывают на то, что оно не является случайным набором разрозненных юридических норм, а представляет собой целостное, устойчивое социальное явление, отражающее различные сферы и аспекты социальной реальности в её динамике, структуре, этапах и факторах формирования основных направлений правового регулирования. Целостность и единство права отражают формирующуюся государственность народа в её начальной форме, выра-

жают властную природу государства и государственного механизма управления, а также присутствие в праве как всеобщих интересов, так и интересов составляющих частей общества — в частности, енисейских кыргызов, интересов родовой общины, племён и союзного государства в целом. Под союзным государством здесь подразумевается не федеративная структура, а необходимость учёта структурированной и многослойной природы унитарного централизованного государства, в котором енисейские кыргызы представляли важный компонент. Это находило отражение в сложной иерархии нормативной системы общества и в неодинаковых формах правового воздействия на одни и те же жизненные обстоятельства.

В современных государствах, также как и в ранних формах государственности оседлого населения, основным социальным системообразующим фактором выступает государство, которое в сфере правообразования является главным субъектом правотворчества и несёт на себе ответственность перед народом за состояние законодательства. В далёком прошлом, в отношении енисейских кыргызов — отражение чего мы находим в эпосе «Манас» — современный исследователь пытается определить базовые отправные точки для изучения вопросов государственности и связанных с ней форм права и правового регулирования общественных отношений. Мы, современные потомки кыргызов, наконец-то произнесли своё веское слово: государственность у кыргызов существовала. Она имела свой начальный период становления на Енисее при Манасе, пережила этап расцвета и трансформации в другом географическом регионе. Следовательно, мы должны чётко сформулировать свои позиции относительно макроструктуры права енисейских кыргызов — её системы.

Ведь там, где возникает государство, появляются и определённые формы права, способные интегрировать социальные интересы и нуждающиеся в покровительстве гаранта — государственной власти. Эти формы изначально структурированы по основным отраслям права, что обусловлено структурированностью самих общественных отношений. Возможно, кроме выявления этой структурности, и нечего будет обнаружить по материалам эпоса. Ведь анализ на микроуровне требует наличия письменных правовых текстов, которыми наше время не располагает. Однако в качестве отправной точки мы можем обозначить факторы, наложившие отпечаток на формирование права енисейских кыргызов, а затем обратиться к выявлению правовых элементов, содержащихся в эпосе Манас — в виде повествований о различных событиях и бытовых сценах, имеющих правовое значение и несущих правовую

информацию. Если нам удастся осуществить такой анализ, то мы оставим последующим поколениям хотя бы частичную правовую реконструкцию, позволяющую преодолеть разрыв между историческим прошлым и современностью кыргызского народа.

Естественно, те правовые категории, которые выработаны современной теорией государства и права, трудно применимы к прошлым векам. Однако у нас нет и не может быть иных отправных точек для анализа, поскольку любое прошлое нашего народа — это часть нашей истории, которую мы способны осмыслить лишь с уровня понимания, доступного нам сегодня. Если в будущем перед нами откроется новая информация, то наши потомки уже найдут свои способы осмысления времени и свою систему отсчёта. Таким образом, формирующаяся в прошлом система права кыргызов, в том числе енисейских кыргызов, должна быть рассмотрена не только через призму специфики права как такового, но и в контексте истории, культуры и образа жизни того времени, особенно учитывая кочевой уклад.

Источниковедческое значение эпоса Манас

Поскольку Манас, эпос Манас, представляет собой художественное произведение, вобравшее в себя разные временные пласты, право енисейских кыргызов, отражённое в этом источнике, предстаёт перед нами как историко-правовой феномен. Оно может служить умозрительным мостом, соединяющим разрозненные нити времени, и помогать в реконструкции общих закономерностей формирования правовой системы кыргызов, позволяя составить хотя бы контур единой правовой карты. Правоприменительная практика, описанная в эпосе, демонстрирует, что субъектами права выступали курултай, хан, его исполнительные органы, род, родоначальники и члены рода. Отсутствие законодательного органа в современном понимании не являлось слабостью системы — напротив, власть хана олицетворяла собой монархическую власть, единолично издававшую указы и постановления.

Что касается решений курултая, то они одновременно носили юридический и социальный, политический характер. Такие решения принимались в особых случаях и представляли собой форму народного правотворчества — своеобразный референдум, проводимый в форме открытого публичного голосования. Таким образом, мы наблюдаем ступенчатую, иерархичную макроструктуру права по юридической силе нормативных актов, а также горизонтальную структуру — систему права как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов.

В основе такой целостности и единства системы права лежат как объективные, так и субъективные факторы. К объективным относятся материальные, социальные и иные условия жизни общества, которые определяют не только процесс возникновения и функционирования системы права, но и её внутреннюю необходимость как слаженного механизма регулирования. Материальные и социальные условия формирования системы права енисейских кыргызов были тесно связаны с кочевым образом жизни, аморфностью границ обитания, высокой мобильностью населения и невозможностью письменной фиксации правовых предписаний. В этих условиях основным способом передачи права выступала устная традиция, а правовые нормы существовали в сознании и памяти членов рода.

Субъективные факторы, таким образом, также коренились в особенностях культуры и образа жизни. Устное закрепление в родовой памяти смыслового содержания нормы без её буквального письменного выражения не означает, что такая норма отсутствовала. Если существовало право, значит, существовали и правовые нормы, и правовая система, и система права в целом — с присущими ей элементами: правовой идеологией, правосознанием, правовой культурой и практикой.

Нормы права и их выражение в эпосе

Нормы права — логическая норма и норма предписания — присутствовали в любой правовой материи, хотя форма их фиксации была преимущественно устной. Так, например, при созыве Курултая Манас поставил на повестку дня вопрос о возвращении народа на Ала-Тоо. Утром, он угощал гостей различной едой, каждому представителю рода вручал по одному нарядному халату, а лучших и уважаемых старейшин — аксакалов, глав айылов и родовых объединений — одаривал особо. Этот пример представляет собой яркий образец договора дарения, в котором чётко выражены две стороны: даритель и одариваемые.

Логическая форма этого действия: даритель имеет право передать свою вещь другому лицу на основании частной собственности. Норма предписания: устроитель тоя вправе подарить любому участнику мероприятия любую вещь — будь то скот, одежда, украшения и т.д. Договор дарения, совершённый Манасом, представляет собой правоприменительный акт с его стороны. Это не правовая норма как таковая, но форма её реализации. Договор дарения — это односторонняя сделка, которая одновременно порождает обязанность у другой стороны: принять подарок и не иметь права отказаться от него. Даритель обла-

дает правом подарить имущество, но не имеет права требовать его возврата. Норма предписания в данном случае не совпадает со своей словесной формулировкой, но эквивалентна ей по содержанию и объёму. Она предписывает правила поведения на основании обычаев, которые со временем перешли в категорию правовых обычаев, а затем — в нормы гражданского права. В рамках традиции, устроитель тоя был обязан проявить щедрость — и эта обязанность имела силу не только моральную, но и правовую. Таким образом, мы видим, что правовой обычай является формой проявления нормы права, а договор дарения основан на конкретной правовой норме.

Структура системы права енисейских кыргызов

Система права — это сложный, многоуровневый комплекс. Её структурными элементами, существующими и функционирующими на различных уровнях, являются отрасли, институты и нормы. Нормы права составляют основу — микросистему — любой правовой структуры и являются фундаментальной ячейкой, из которой формируются правовые институты и отрасли. Пример договора дарения, рассмотренный выше, демонстрирует, что в основе гражданского права лежит правовая норма, определяющая права и обязанности сторон.

Правовой обычай в данном контексте выступает как форма проявления права. Таким образом, в многоуровневой системе права енисейских кыргызов можно выделить:

1. Нормы права — как элементарные регуляторы поведения;
2. Институты права — как относительно обособленные комплексы взаимосвязанных норм, регулирующих определённый тип общественных отношений;
3. Отрасли права — как более крупные объединения институтов, охватывающие широкие сферы правового регулирования.

Институты права существуют в пределах отраслей и формируют внутреннюю структуру каждой отрасли. Поскольку по эпосу Манас невозможно воссоздать всю правовую систему енисейских кыргызов в её полноте, мы можем лишь условно реконструировать отдельные институты, в частности в области гражданского права: обязательственное право, купля-продажа, поставка, аренда, прокат, найм, займ, перевозка, хранение, дарение и т.д. По тексту эпоса можно найти достаточное количество сюжетов, соответствующих тем или иным институтам. Особенно ярко выделяется институт сделок, например, в виде уже упомянутого договора дарения.

Институты семейного права в эпосе Манас

В эпосе Манас особенно широко представлены институты семейного права, в частности институт сватовства, заключения брака, имущественных отношений супругов, выкупа невесты (калыңа), а также материального содержания нетрудоспособных членов семьи — женщин, детей, престарелых. Эти элементы формируют основу семейно-правовых отношений енисейских кыргызов. Так, в эпосе упоминается, что у Манаса уже были две жены — Карабөрк и Акылай, полученные в результате военных действий и не по собственному выбору. Однако, чувствуя себя одиноким, он обращается к отцу Жакыпу с упреком, указывая, что тот не исполнил своего отцовского долга: «Ты выполнил долг отца? Как бы я не спалил твоё добро, отец... Я уже достиг тридцати лет, а ты забыл об этом. Как бы тебе самому не стало тяжело».

Эта сцена указывает не только на личную драму героя, но и на общественный обычай: отец обязан обеспечить сыну брак, включая поиск невесты, организацию сватовства и свадьбы. При этом подчёркивается, что предыдущие жёны Манаса были получены как военные трофеи, без участия родовых институтов и соблюдения формальных обрядов, а значит — без соответствующего правового основания. Именно поэтому Манас требует формального брака по обычаям своего народа. Женитьба знатного кыргыза, особенно хана, требовала глубокого знания обрядов, правил, норм, касающихся и имущественных, и социальных аспектов: обсуждения выкупа, приданого, ритуалов кыз узатуу, даров от рода жениха и так далее. Обе стороны — как сваты от имени жениха, так и представители рода невесты — вели переговоры, закрепляя брачный союз как социальный и правовой договор между родами. Таким образом, институт брака в эпосе Манас предстает не как частная сделка между двумя людьми, а как юридически и культурно значимое соглашение между родами, обеспечивающее легитимность, родовую преемственность и социальное равновесие.

Отраслевая дифференциация в правовой системе енисейских кыргызов

Отрасль права представляет собой совокупность относительно обособленных, автономных юридических норм, регулирующих определённую область общественных отношений. Как и сами общественные отношения, отрасли права взаимосвязаны, взаимодействуют и дополняют друг друга. В ранние периоды становления государственности, особенно у кочевых народов, отрасли права, как правило, ещё не были чётко диффе-

ренцированы. Они носили смешанный, синкретический характер: нормы, регулирующие семейные, имущественные, уголовные и административные отношения, зачастую сосуществовали в рамках общего правового массива.

Устная фиксация правил поведения выступала надёжным способом сохранения нормативных предписаний. Как и в случае социальных норм, долгое время в правовой культуре кыргызов преобладали моонормы — универсальные нормы, регулирующие одновременно несколько сфер общественной жизни. На уровне отраслей права это выражалось в устной передаче указов и решений власти — хана и его окружения — которые доводились до сведения народа через глашатаев и исполнялись немедленно.

Быстрота исполнения заменяла необходимость в письменной кодификации. При низком уровне грамотности, в условиях кочевого образа жизни и высокой мобильности, такой способ правового регулирования был не только практичен, но и эффективен. Не существовало потребности — а порой и физической возможности — систематизировать и архивировать правовые акты. Кочевники не могли позволить себе громоздкие писцовые архивы: они хранили право в памяти, передавая его через традиции, обычаи, эпос. Важно понимать: мы пытаемся применить современные категории правовой науки к реалиям глубокой древности. Это неизбежно сопряжено с допущениями. Однако других критериев осмысления специфики древнего права у нас нет. В то же время наличие развитых форм регулирования общественных отношений в контексте существовавшей государственности енисейских кыргызов свидетельствует о наличии правовой системы, пусть и в устной, этнической форме. Таким образом, несмотря на невозможность точной классификации отраслей права енисейских кыргызов из-за отсутствия письменных источников, мы можем на основании эпоса Манас и логики историко-правового анализа условно выделить основные направления правового регулирования. Эти направления, соответствующие современным отраслям права, сформировались как реакция на конкретные жизненные потребности общества и отражают системность традиционного права кыргызов.

1. Гражданское право, тесно связанное с нормами семейного и наследственного права: регулировало вопросы собственности, сделок (в том числе дарения, аренды, обмена), обязательств, имущественной ответственности, а также семейных отношений (брак, калың, приданое, материальное содержание детей и женщин). Элементы обязательственного и вещного права прослеживаются

в эпизодах эпоса, связанных с раздачей даров, договорами между родами, разделом добычи и имущества.

2. Семейное право, хотя и не отделялось от гражданского, имело собственные устойчивые институты: сватовство, брак, развод, калың, имущественные права супругов, положение вдовы и сирот. Семейные отношения играли ключевую роль в социальной организации кочевого общества.
3. Уголовное право формировалось вокруг норм, направленных на защиту жизни, чести, собственности и стабильности рода. В эпосе упоминаются преступления (убийство, воровство, измена) и санкции (месть, изгнание, штрафы), применявшиеся в рамках обычного права.
4. Административное право проявлялось в деятельности хана и курултая, а также в регламентации обязанностей членов рода и племени. Многие нормы носили диспозитивный характер, однако исполнение решений хана и старейшин было обязательным.
5. Военное право имело большое значение в условиях постоянных войн и походов. В эпосе чётко представлены правила сбора войска, распределения добычи, назначения военачальников, а также нормы ответственности за трусость, дезертирство или предательство.
6. Зарождающееся процессуальное право, связанное с деятельностью биев и старейшин, судов рода и курултая. Хотя эпос не содержит чётких процессуальных процедур, упоминаются формы разрешения споров, допросов, публичного обсуждения дел, принесения клятв.
7. Сакральное право, регулирующее отношения человека с высшими силами, обрядовую практику, жертвоприношения и клятвы. Эта область права, хотя и не выделяемая современной юриспруденцией, имела особое значение в традиционном обществе, где религиозные и правовые нормы были тесно переплетены.

Важно понимать, что в традиционном обществе кочевого типа все эти отрасли существовали в нерасчленённом виде, и только с развитием государственности и стабилизацией социальной структуры началась их постепенная дифференциация. Эпос Манас, как фольклорный кодекс правовой памяти, фиксирует именно ту стадию, когда отрасли права лишь начали оформляться, но уже обладали своей системой, внутренней логикой и культурной функцией. А богатство знати измерялось десятками тысяч голов. Так, в эпосе упоминается: «Был такой по имени Уйшумбай. Принад-

лежавших ему одному, коров, верблюдов и лошадей было около трёхсот тысяч голов. Подвластных ему одному было около трёх тысяч душ». Этот эпизод демонстрирует не только масштаб имущественного неравенства, но и наличие правовых представлений о частной и коллективной собственности. Скот воспринимался как главный эквивалент богатства, универсальное средство обмена, меры статуса и объект правовых сделок. Содержание и распределение скота регулировалось как через семейные нормы, так и через обычаи, закреплённые в эпосе.

Имущественные отношения, зафиксированные в Манасе, включают элементы дарения, обмена, наследования, арендных обязательств, жертвоприношений и обязательств между родами. Например, в сценах тоев, организуемых Манасом, чётко описаны акты дарения, имеющие форму юридически значимых действий, соответствующих договорам одностороннего характера. Такие действия подтверждают существование устоявшихся норм, регулирующих передачу имущества и формирующих обязательства между сторонами.

С другой стороны, эпос отражает коллективные обязанности по отношению к имуществу рода, особенно в контексте военной добычи и её распределения. Так, во время походов захваченные трофеи — скот, оружие, юрты, одежда, драгоценности, а иногда и люди — поступали в распоряжение рода и делились в соответствии с определёнными принципами справедливости и иерархии. Военный вождь, как правило, получал львиную долю, но при этом обязан был заботиться о нуждающихся: раненных, вдовах, сиротах.

«После гибели в сражении хана калмаков Орго, его жена Санамкюль пришла к Манасу с дарами и просьбой пощадить её сыновей. Вместо насильственного захвата она предложила сундук золота и драгоценностей как выкуп». Этот эпизод указывает на правовой характер обмена между противниками, обосновывая возможность применения института выкупа (выкуп за жизнь, честь, свободу), что характерно для обычного права большинства кочевых обществ.

Важным элементом имущественного права выступала также земля, которая, несмотря на свою «непринадлежность» в индивидуальном смысле, рассматривалась как коллективное достояние рода или племени. Право на землю подкреплялось историей, преданием, обрядом, силой и договорённостями. Эпос Манас не раз подчёркивает сакральное значение земли:

«Оказывается, эта земля — от отцов завещанная нам...»

Юридически это можно трактовать как право исторического наследования — признание легитимности притязания на территорию на основа-

нии родовой преемственности. Земля не только охранялась и обрабатывалась, но и становилась объектом арендных отношений между племенами. Как отмечается в одном эпизоде: «Калмаки охраняли пастбища, за которые кыргызам приходилось отдавать по 30 кобылиц и 5 коней». Таким образом, в эпосе фиксируется арендное право, выраженное в натуральной форме. В условиях отсутствия денежного обращения, товарно-натуральный обмен был основой экономических и правовых обязательств. Следует особо подчеркнуть, что имущественные отношения регулировались не только нормами распределения и обмена, но и нормами моральной ответственности. Например, щедрость хозяина тоя, обязательство дарить неимущим, забота о раненных и бедных рассматривались как не только этическое, но и юридически значимое поведение, встроенное в систему обычаев.

Эпос Манас позволяет сделать вывод о наличии у енисейских кыргызов хорошо структурированной системы имущественных отношений, в которой устные нормы выполняли функцию законов, а коллективная правовая культура обеспечивала их соблюдение через традиции, авторитет родовой иерархии и сакральное восприятие собственности. Эти элементы формировали основу гражданского права в его архаической, но функциональной форме.

Семейное право и институт брака

Сватовство как правовой и дипломатический акт

Сватовство (куда түшүү) в эпосе Манас — это не просто поиск невесты, а официальная миссия рода жениха. Отец Манаса, Жакып, отправляется к родителям Каныкей с дарами, прославляя род сына. Сватовство было формой заключения союза между родами, с чёткими правовыми, имущественными и социальными последствиями.

«Сказал Жакып: “Пусть будет она дочерью великого хана!”».

Калың и договорённости между родами калың (выкуп за невесту) играл важную роль в легитимизации брака. Он включал скот, оружие, ювелирные изделия. Выступая не как «цена» за женщину, калың символизировал уважение и был актом признания равенства между родами.

Кыз узатуу — переход невесты в новый род

Обряд кыз узатуу сопровождался благословениями, жертвоприношениями, музыкальными номерами. Это был момент ритуального перехода, формализующего новое социальное положение женщины. Её поведение и статус строго регламентировались нормами обычаев.

«Окуривание арчей, слова бата, свадебный платок — всё имело сакральное значение».

Женщина в семье: от объекта к субъекту права

Образ Каныкей в эпосе — пример активной, умной, хозяйственной женщины. Она принимает решения, даёт советы, управляет хозяйством, заботится о воинах. Это свидетельствует о наличии у кыргызской женщины определённой правоспособности и признанного социального статуса.

Многожёнство и правовой баланс

Эпос отмечает случаи многожёнства, однако они не идеализируются. Ранние жёны Манаса (Акылай, Карабөрк) показаны как политические союзницы, но не как духовно близкие. Только Каныкей становится его настоящей супругой. Это подчеркивает различие между юридическим статусом жён и эмоциональной значимостью брака.

Семья как политико-правовой механизм

Браки выполняли функции укрепления политических союзов. Через женитьбу происходило слияние родов, расширялись альянсы, упрочивалось положение хана. Семья выступала не только как частное объединение, но как институциональный элемент правопорядка.

Заключение

Эпос Манас, будучи выдающимся памятником кыргызской устной культуры, содержит в себе не только героико-повествовательную ткань, но и богатейший пласт архаических правовых представлений, которые позволяют реконструировать важнейшие элементы традиционного права енисейских кыргызов. Через призму эпоса перед нами открывается целостная и функциональная правовая система, где право выступает как неотъемлемая часть социального порядка, духовных верований и механизмов воспроизводства общинной и родовой структуры. Анализ имущественных и семейных отношений в эпосе показал, что они охватывали все основные элементы, характерные для сложившихся норм гражданского и семейного права: владение, распоряжение и передача собственности; сватовство, калым, институт брака и положения женщины; коллективные формы собственности на землю и скот; распределение добычи и защита неимущих. Несмотря на отсутствие письменной формы, правовые нормы фиксировались в сознании народа через устойчивые обычаи, ритуалы, обрядовые формулы, песни и повествования.

Особенностью права енисейских кыргызов, отражённой в Манасе, является его органическая

связь с сакральным, коллективным и родовым порядком. Право не отделено от морали, ритуала или мифопоэтического сознания. Оно не институализировано в современном смысле, но в полной мере выполняет свои регулятивные функции — устанавливает правила поведения, санкции, социальные роли и механизмы разрешения конфликтов.

Семейное право предстает в эпосе как инструмент социального баланса и политического согласия между родами. Через сватовство и брак закрепляются союзные отношения, урегулируются споры, создаётся прочная структура родовой солидарности. Женщина, особенно в образе Канекей, показана не как пассивный объект, а как субъект права, хозяйка, участница стратегических решений, что свидетельствует о высоком уровне правосознания и этики в эпической культуре. Имущественные отношения, включая владение скотом, дарение, жертвоприношения и военные трофеи, также регулируются нормами, укоренёнными в обычаях. Право собственности представлено как личное и коллективное, а нормы распределения и перераспределения ресурсов демонстрируют принципы социальной ответственности, экономической справедливости и нравственного баланса. Таким образом, эпос Манас выступает как интегральный правовой текст, отражающий древние нормы, институты и правовое мышление кыргызского народа. Его изучение открывает уникальные возможности для реконструкции доконституционного права, для анализа взаимодействия мифа, обычая и права, а также для формирования современного этноправового дискурса, способного укрепить национальную правовую идентичность. В условиях современных правовых трансформаций обращение к эпическому правосознанию народа может сыграть важную роль в сохранении культурной преемственности, правовой легитимности и исторической самобытности кыргызского общества.

Список литературы:

- [1] Абрамзон, С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Л.: Наука, 1971.
- [2] Айтпаева, Г. Символика кыргызских обрядов. — Бишкек: Аик, 2006.
- [3] Акерев, Т. Древние кыргызы и Великая степь: по следам древнекыргызских цивилизаций. — Бишкек: Бийиктик, 2021.
- [4] Афанасьев, А. Н. Происхождение мифа: статьи по фольклору и этнографии. — М.: Наука, 1996.
- [5] Асанканов, А. и др. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Учебник для вузов. — Бишкек, 2009.

[6] Ван Геннеп, А. Обряды перехода. — СПб.: Университетская книга, 2004.

[7] Г. В. Кубарев. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). — Горно-Алтайск: Изд-во ГАИ, 2012.

[8] Dobozy, M. Review of "The Oral Epic: Performance and Music". // Oral Tradition, 2001.

[9] Howard, K., & Kasmambetov, S. Singing the Kyrgyz "Manas". — Farnham: Ashgate, 2006.

[10] Жакыпбеков, Ашим. Тенири Манас. — Бишкек: Кыргызстан, 1994.

[11] Кочкунов, А. Символика и этнокультурные коды в «Манасе». // Вопросы фольклора и мифологии. — Бишкек, 2002.

[12] Кыдырбаева, Р. Традиции и обряды кыргызов в зеркале эпоса. — Бишкек: Илим, 1987.

[13] Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и концепция текста. — М.: Искусство, 1992.

[14] Материалы по истории киргизов и Киргизии. Том 1. — М.: Институт Востоковедения АН СССР, 1946.

[15] Момбекова, Ж. К. История кыргызов и Кыргызстана с древних времен и до наших дней. — 2021.

[16] Молдобаев, И. Исторические пласты лексик и фольклорная речь в эпосе «Манас». — Бишкек: Кыргызстан, 1995.

[17] Мукамбаева, Г. А. Манас и право. — Бишкек: Бийиктик, 2003.

[18] Орузбаева, Г. Т., Саякбаев, Ж. Формирование мифического мировоззрения у древних кыргызов. — Бишкек: КРСУ, 2020.

[19] Радлов, В. В. Образцы народной литературы тюркских племён. Т. I. — СПб: Императорская академия наук, 1885.

[20] Reichl, K. (Ed.). The Oral Epic: Performance and Music. — Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 2000.

[21] Тегизбекова, Ж. Многожёнство по нормам обычного права кыргызов. — Бишкек: Илим, 2000.

[22] Эралиева, Ю. С. Эпос «Манас»: традиция и культура. — Бишкек: Илим, 1992.

[23] Юнусалиев, Б. М. Язык и стиль эпоса «Манас». — Фрунзе: Илим, 1978.

References:

- [1] Abramzon, S. M. Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural ties. - L.: Science, 1971.
- [2] Aitpaeva, G. Symbolism of Kyrgyz rites. - Bishkek: Aik, 2006.
- [3] Akerov, T. Ancient Kyrgyz and the Great Steppe: in the footsteps of ancient Kyrgyz civilizations. - Bishkek: Biyiktik, 2021.
- [4] Afanasyev, A. N. Origin of myth: articles on folklore and ethnography. - M.: Nauka, 1996.

[5] Asankanov, A. et al. History of Kyrgyzstan (from ancient times to the present day). Textbook for universities. - Bishkek, 2009.

[6] Van Gennep, A. Rites of Passage. - St. Petersburg: University Book, 2004.

[7] G. V. Kubarev. Culture of the ancient Turks of Altai (based on materials from funerary monuments). - Gorno-Altaysk: Publishing House of the Traffic Police, 2012.

[8] Dobozy, M. Review of "The Oral Epic: Performance and Music". // Oral Tradition, 2001.

[9] Howard, K., & Kasmambetov, S. Singing the Kyrgyz "Manas". — Farnham: Ashgate, 2006.

[10] Zhakypbekov, Ashim. Teniry Manas. - Bishkek: Kyrgyzstan, 1994.

[11] Kochkunov, A. Symbolism and ethnocultural codes in Manas //Questions of folklore and mythology. - Bishkek, 2002.

[12] Kydyrbaeva, R. Traditions and rites of the Kyrgyz in the mirror of the epic. - Bishkek: Ilim, 1987.

[13] Lotman, Yu. M. Semiotics of Culture and the Concept of Text. - M.: Art, 1992.

[14] Materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. Volume 1. - M.: Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences, 1946.

[15] Mombekova, J. K. The history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan from ancient times to the present day. — 2021.

[16] Moldobaev, I. Historical layers of vocabulary and folklore speech in the epic "Manas." - Bishkek: Kyrgyzstan, 1995.

[17] Mukambaeva, G. A. Manas and law. - Bishkek: Biyiktik, 2003.

[18] Oruzbaeva, G. T., Sayakbaev, J. Formation of a mythical worldview among the ancient Kyrgyz. - Bishkek: KRSU, 2020.

[19] Radlov, V.V. Samples of folk literature of Turkic tribes. T. I. - St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1885.

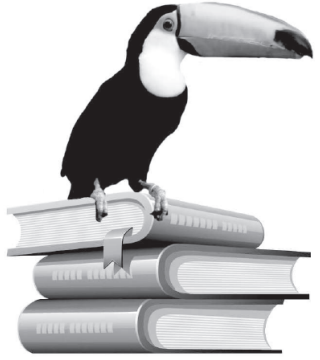
[20] Reichl, K. (Ed.). The Oral Epic: Performance and Music. — Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 2000.

[21] Tegizbekova, Zh. Polygamy according to the norms of the customary law of the Kyrgyz. - Bishkek: Ilim, 2000.

[22] Eralieva, Yu. S. Epic "Manas": tradition and culture. - Bishkek: Ilim, 1992.

[23] Yunusaliev, B. M. Language and style of the epic "Manas." - Frunze: Ilim, 1978.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-191-196

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

САМАРХАНОВ Гордей Зуфарович,
Аспирант кафедры гражданского права и процесса и
международного частного права,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
e-mail: gordei.samarhanov@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РОЗЫСКА ДОЛЖНИКОВ, ИХ ИМУЩЕСТВА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОКРЫТИЮ АКТИВОВ В РФ, ФРГ И США

Аннотация. В статье рассматриваются сравнения правовых механизмов розыска должников, их имущества и способов противодействия сокрытию активов в России, Германии и США. По нашему мнению, основное отличие между обозначенными системами состоит в степени централизации процессов и доступности реестровых данных: РФ делает ставку на автоматизированные межведомственные запросы и быстрые административные ограничения, что позволяет оперативно реагировать на попытки вывода активов. В ФРГ приоритетом выступает процессуальная выверенность – должники обязаны предоставлять имущественную декларацию, а процедуры розыска проходят под строгим контролем суда, хотя это снижает скорость исполнения. Американский подход базируется на состязательности сторон, богатстве инструментов раскрытия активов и активности кредитора, что обеспечивает высокую гибкость, но может приводить к увеличению временных и финансовых затрат. Нам кажется, что успех поиска активов во многом определяется полнотой первичного профиля должника и скоростью межреестрового обмена. Предлагается использовать сильные стороны всех трех моделей: автоматизацию поиска и блокировки в РФ, доказательную дисциплину ФРГ и американскую вариативность раскрытия. Такой подход, по нашему мнению, повысит эффективность исполнения решений и минимизирует риски недобросовестного поведения, если будет обеспечен честный баланс между скоростью розыска и гарантией прав всех участников процесса. В современном правовом поле отдельного внимания заслуживает вопрос, насколько быстро инновационные цифровые решения способны адаптироваться под требования действующего законодательства и существующей инфраструктуры. Мы считаем, что ключевыми вызовами остаются не только технологическая модернизация, но и правовая интеграция новых платформ, а также обучение специалистов работе с большими массивами электронных данных.

Ключевые слова: розыск должников, арест активов, межведомственные запросы, имущественная декларация, судебный контроль, раскрытие активов, оспаривание сделок, субсидиарная ответственность, процессуальные издержки, цифровизация.

SAMARKHANOV Gordei Zufarovich,
Postgraduate Student in the Department
of Civil Law and Procedure and Private International Law,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

COMPARATIVE LEGAL ASPECTS OF THE SEARCH FOR DEBTORS, THEIR PROPERTY AND COUNTERING THE CONCEALMENT OF ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION, GERMANY AND THE USA

Annotation. The article discusses comparisons of legal mechanisms for tracing debtors, their property, and ways to counteract asset concealment in Russia, Germany, and the United States. In our opinion, the main difference between these systems is the degree of centralization of processes and the availability of registry data: the Russian Federation relies on automated interdepartmental

requests and rapid administrative restrictions, which allows it to respond promptly to attempts to withdraw assets. In Germany, procedural verification is a priority – debtors are required to provide a property declaration, and search procedures are strictly controlled by the court, although this reduces the speed of execution. The American approach is based on the competitiveness of the parties, the wealth of asset disclosure tools and the activity of the lender, which provides high flexibility, but can lead to increased time and financial costs. It seems to us that the success of asset search is largely determined by the completeness of the debtor's primary profile and the speed of inter-registry exchange. It is proposed to use the strengths of all three models: the automation of search and blocking in the Russian Federation, the evidentiary discipline of Germany and the American variability of disclosure. This approach, in our opinion, will increase the efficiency of execution of decisions and minimize the risks of unfair behavior if an honest balance is ensured between the speed of the search and the guarantee of the rights of all participants in the process. In the modern legal field, the question of how quickly innovative digital solutions can adapt to the requirements of current legislation and existing infrastructure deserves special attention. We believe that the key challenges remain not only technological modernization, but also the legal integration of new platforms, as well as training specialists to work with large amounts of electronic data.

Key words: *debtor search, asset seizure, interdepartmental inquiries, property declaration, judicial control, asset disclosure, contesting transactions, subsidiary liability, procedural costs, digitalization.*

Введение. Современная экономика усиленно стимулирует мобильность участников оборота и трансграничный характер сделок, а вместе с тем усложняет розыск должников и их активов. В этих условиях эффективность исполнения судебных актов определяется не только скоростью процедур, но и комплексом правовых инструментов, позволяющих оперативно идентифицировать должника, получить достоверные сведения об имуществе и пресечь схемы сокрытия активов. По нашему мнению, сопоставление подходов Российской Федерации, Федеративной Республики Германия и Соединенных Штатов Америки особенно показательно: сходные по целеполаганию системы демонстрируют заметные различия в процессуальных механизмах, степени вмешательства государства, объеме допустимой автоматизации и акцентах правовой защиты. Нам представляется, что именно на стыке этих факторов формируется реальная доступность правосудия: насколько быстро взыскатель получает информацию и насколько надежно обеспечиваются права должника при сборе и обработке персональных данных.

Предметом данного исследования являются сравнительно-правовые аспекты розыска должников, их имущества и противодействия сокрытию активов в названных юрисдикциях, включая правовые основания доступа к регистрам и базам данных, процессуальные полномочия органов исполнения и применение превентивных мер, блокирующих отчуждение или вывод активов. Мы исходим из того, что выбор архитектуры правового регулирования – от централизованных реестров и межведомственного обмена данными до децентрализованных моделей – предопределяет как доказательные стандарты и процессуальную

экономию, так и риски ошибок, избыточного вторжения в частную сферу и появления «регуляторных арбитражей». По нашему мнению, выявление оптимального баланса между оперативностью розыска, пропорциональностью вмешательства и гарантией прав участников требует интеграции лучших практик и трезвой оценки пределов цифровизации, что и обуславливает актуальность предпринятого сопоставительного анализа.

Материалы и методы. Эмпирическую основу составили нормы российского закона от 02 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», положения ГПК ФРГ, а также федеральные правила гражданского процесса США и модели исполнения на уровне штатов с использованием публичных реестров. Методологически применены сравнительно-правовой метод, формально-юридический анализ процессуальных полномочий органов исполнения.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрение обозначенного вопроса начнем с того, что общий порядок розыска должников, из имущества, да и исполнительного розыска в целом урегулирован ст. 65 федерального закона от 02 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». При этом в соответствии со п. 1.1. указанной статьи под исполнительным розыском должника, его имущества или исполнительным розыском ребенка (далее – розыск) понимаются «проводимые судебным приставом-исполнителем, на которого возложены функции по розыску (далее – судебный пристав-исполнитель, осуществляющий розыск), предусмотренные настоящей статьей исполнительно-розыскные действия, направленные на установление местонахождения должника, имущества должника или местонахождения ребенка» [1].

В контексте рассматриваемого вопроса отметим, что розыск объявляется по месту исполнения исполнительного документа либо по последнему известному месту жительства или месту пребывания должника, местонахождению имущества должника либо месту жительства взыскателя. Объявление розыска является основанием для его осуществления на территории России, а также в порядке, установленном международными договорами Российской Федерации, на территориях иностранных государств. При этом, как совершенно верно отмечает А.В. Зарубин, «розыск должника или его имущества по исполнительным документам имущественного характера возможен лишь в случае, если размер долга превышает 10 тыс. руб., в том числе по сводному исполнительному производству, и при наличии других условий...» [2, с. 28]. Другими словами, как мы можем сделать вывод, розыск осуществляется не во всех случаях, а только при наличии у должника определенной суммы задолженности. При этом в практической деятельности приставов-исполнителей уже не один год существует объективная проблема: установление предмета розыска. Если в случае с должником все очевидно – пристав разыскивает конкретного человека, то в отношении имущества возникает вопрос: что разыскивать в этом случае – индивидуально-определенное имущество (в том числе деньги и ценные бумаги), принадлежащее должнику (понятие розыска в узком смысле), или же в целом принадлежащее должнику имущество (понятие розыска в широком смысле)? На практике, как отмечает И.В. Решетникова, судебные приставы-исполнители осуществляют розыск имущества должника в широком смысле [3]. При этом в определении от 29 мая 2014 г. № 1174-О Конституционный Суд РФ указал, что, «поскольку основной задачей исполнительного производства является правильное и своевременное исполнение судебных актов, вынесенных по спору о материальных правах и обязанностях сторон правоотношения (истца и ответчика), судебный пристав-исполнитель в ходе исполнительного производства по исполнению конкретного судебного акта объявляет розыск только того имущества должника в целях его реализации, которое принадлежит должнику. Розыск судебным приставом-исполнителем имущества лиц, не участвующих в исполнительном производстве и не являвшихся сторонами спорного материального правоотношения, бывшего предметом рассмотрения в судебном порядке, указанным задачам исполнительного производства не соответствует и не может быть признан допустимым».

Если говорить о самом алгоритме розыска, то судебный пристав-исполнитель выносит постановление о возбуждении, уведомляет стороны и

запрашивает сведения в реестрах и информационных системах. Базовые запросы адресуются в налоговые органы, Фонд пенсионного и социального страхования и банки, а также в Росреестр и ГИБДД для выявления наличия у должника недвижимого и движимого имущества. При необходимости пристав назначает исполнительский сбор (ст. 112), который является «денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также в случае неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства». Такой сбор является определенной мотивацией для должника погасить задолженность своевременно. По нашему мнению, именно полнота первичного информационного профиля должника – банковские счета, регистрация по месту жительства, транспорт, доли в юрлицах – задает темп всего розыска и снижает риск «ухода» активов на раннем этапе.

Если должник уклоняется, запускаются специальные меры розыска. Основания и порядок розыска лица и имущества закреплены в ст. 65 Закона № 229-ФЗ: пристав выносит постановление о розыске, направляет поручения в ОВД, размещает информацию в соответствующих учетах, при необходимости объявляет запрет на регистрационные действия с транспортом и недвижимостью, а также ограничивает выезд должника из РФ и специальное право управления транспортным средством. Блокируются счета и электронные кошельки, обращается взыскание на доходы, накладывается арест на имущество с описью и последующей реализацией. Отдельно действует механизм электронного межведомственного взаимодействия: запросы в банки и регистрационные органы могут идти автоматически через ГИС ФССП и СМЭВ, что, по нашему мнению, повышает скорость и снижает вероятность сокрытия активов. Для юридических лиц и ИП добавляется работа с бухгалтером, контрагентами и дебиторской задолженностью, в том числе обращение взыскания на исключительные права и доли в уставном капитале.

Противодействие сокрытию активов строится в большей части на превентивных ограничениях. К ключевым инструментам относятся: немедленное вынесение постановлений о временных ограничениях и арестах при появлении информации об имуществе, оспаривание мнимых и притворных сделок по инициативе взыскателя с процессуальной поддержкой пристава, привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответ-

ственности в банкротстве, а также возможность временно ограничить операции по счетам и электронным средствам платежа при наличии исполнительного документа. В исключительных случаях применяются меры административной и уголовной ответственности за неисполнение и сокрытие имущества. Нам представляется, что наилучший эффект достигается при сочетании быстрого ареста ликвидных активов, адресной работы с регистрами прав и своевременного перехода к процедуре банкротства, если у должника прослеживаются признаки вывода активов: тогда инструменты оспаривания сделок и субсидиарной ответственности становятся не угрозой «в теории», а реально работающим фильтром против недобросовестного поведения.

Германия, как федеративное государство поделена на земли, в каждой из которых свои правовые акты, тем самым в государстве нет единого закона об исполнительном производстве. Принудительное исполнение судебных решений выполняют регистраторы суда, приравненные к чиновникам. Как отмечает А.Х. Канкулов, «непосредственно розыск должников и их имущества осуществляют органы полиции, а регистраторы исполняют вступившие в законную силу решения суда» [3, с. 238]. Для исполнения распоряжения суда об обеспечении иска орган принудительного исполнения либо задерживает лицо, либо налагает арест на имущество, либо непосредственно производит действия, которые должен был произвести должник. Система исполнительного производства в Германии разделена на два этапа: первый розыск должника и его имущества полицией, второй судебные притязания и исполнение решения регистраторами суда.

Отправная точка розыска – получение кредитором исполнительного титула и его снабжение исполнительной оговоркой, что закреплено в §§ 704, 724 – 729 Гражданского процессуального кодекса ФРГ (далее – ГПК ФРГ) [4], после чего выбирается способ приведения судебного приказа в исполнение: арест движимого имущества, удержания из доходов, обращение взыскания на счета и иные требования. Для целенаправленного поиска активов применяется механизм получения информации от должника: на него возлагается обязанность предоставить декларацию о своем финансовом положении (нем. *vermögensauskunft*). Сведения из декларации хранятся и доступны в специальном электронном реестре, что, на наш взгляд, является важным противовесом попыткам «растворить» [5, с. 71] активы в цепочке счетов и псевдосделок. Дополнительно кредитор вправе запрашивать доступ к государственным источникам данных через суд или специализированные органы, например требовать сведения от налого-

вых органов о местах работы и счетах должника, а также данные реестров транспортных средств и торговых реестров.

В США принудительным исполнением занимается Федеральная служба маршалов, которая является одним из старейших правоохранительных органов. Как отмечает А.Г. Чобанян, «маршалская служба работает в тесном контакте с ФБР, полицией и другими правоохранительными органами, обеспечивает не только исполнение решений, но и безопасность судебных учреждений и участников процесса» [6, с. 37]. Маршалы США осуществляют розыск должников, также они наделены правом производства расследования и осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

После получения судебного решения кредитор оформляет исполнительный лист или аналогичный приказ (на уровне штата – по правилам соответствующего Гражданского процессуального кодекса штата; в федеральных судах – в соответствии с п. 69 (а) Федеральных правил гражданского процесса (англ. *Federal Rule of Civil Procedure, FRCP*), отсылающее к праву штата места суда), и переходит к раскрытию сведений об активах должника [7, с. 219]. Важное значение имеют информационные базы штатов: реестры залогов движимого имущества, земельные реестры округов, а также реестры движимого имущества для транспорта [8, с. 213].

По нашему мнению, именно комбинация широких полномочий по розыску должника и его имущества, и доступности реестров создает практическую «карту» активов, которой часто достаточно для точечного ареста должника или имущества без затратного «вылавливания» сведений по крупицам.

Сравнивая подходы всех трех стран к розыску должников, их имущества, а также противодействия сокрытию активов, стоит отметить, что на наш взгляд, ключевое различие между Россией, Германией и США заложено в устройстве розыска должников и источниках сведений об активах. Российская модель более централизована и административно управляемая: служба судебных приставов действует на основании закона № 229-ФЗ, опираясь на межведомственные каналы и автоматизированные запросы к налоговой, банкам и государственным реестрам, что позволяет быстро сформировать первичный профиль должника и оперативно заблокировать ликвидные активы. Германская модель достаточно формализована: ядром служит обязательная декларация о имущественном положении должника с последующим внесением сведений в официальный реестр, а дальнейшие запросы к государственным базам осуществляются при осу-

ществлении строго судебного контроля; исполнение проводят судебные исполнители, что повышает точность процедуры розыска, но делает процесс более затянутым и нередко зависимым от непосредственного участия в ней должника. Американская система децентрализована и состязательна: раскрытие сведений после вынесения решения строится на отправлении большого количества запросов к должнику и третьим лицам по правилам гражданского процесса. Также активно используются публичные реестры залогов движимого имущества, земельные книги округов и базы учетных записей, что компенсирует отсутствие единой централизованной системы исполнения судебных решений. Полагаем, что по скорости стартового розыска преимуществом обладает российская система, по доказательной выверенности и пропорциональности мер – немецкая, а по широте охвата и гибкости – американская.

Если сопоставлять противодействие сокрытию активов, видно, что все три страны сочетают оперативные аресты с последующим оспариванием подозрительных сделок, однако акценты различаются. В России преобладают быстрые административные блокировки и аресты, ограничения на выезд и специальные статусные меры; при признаках вывода активов кредиторы нередко переходят к банкротным инструментам оспаривания и привлечения контролирующих лиц к ответственности в соответствии с федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [9], что, по нашему мнению, с одной стороны достаточно эффективно, но одновременно с этим чувствительно к рискам избыточного вмешательства со стороны иных органов. В Германии противодействие строится на раннем обращении взыскания на счета и доходы, обеспечительных мерах до решения суда и системном оспаривании подозрительных сделок. При этом баланс интересов поддерживается жесткими пределами неприкосновенного минимума имущества, публичными реестрами должников и постоянным судебным контролем. В США связка предварительных и последующих мер (арест имущества до решения, временные запреты, затем обращение взыскания после решения) дополняется широкими правилами оспаривания недобросовестных сделок в рамках дел о несостоятельности и по законам штатов, а также санкциями за неисполнение судебных предписаний, что, по нашему убеждению, обеспечивает высокую адаптивность к сложным многоуровневым схемам, но повышает стоимость и процессуальную нагрузку.

В целом стоит отметить, что существующие и обозначенные нами различия объясняются балансом между централизацией данных, судеб-

ным контролем и состязательностью сторон. Россия в этом аспекте выигрывает за счет скорости межреестрового доступа к информации о должнике и его имуществу, а также за счет существования широкого спектра административных рычагов. В практической перспективе оптимальная модель могла бы совместить российскую автоматизацию первичного профилирования, немецкий стандарт соразмерности и реестровой дисциплины, а также американскую глубину последующего раскрытия и развитый инструментарий оспаривания сделок; именно такой гибрид минимизировал бы пространство для вывода активов без увеличения числа ошибок и чрезмерного вмешательства со стороны иных органов и третьих лиц.

Выводы. Системы России, Германии и США решают одну задачу разными правовыми средствами, что по-разному влияет на скорость, надежность и стоимость исполнения. В России преимущество дает быстрый межведомственный доступ к данным и оперативные меры блокировки, а при признаках вывода активов – переход к инструментам банкротного оспаривания и привлечения контролирующих лиц. В Германии приоритетом является доказательная надежность: имущественные декларации должника, публичные реестры и постоянный судебный контроль обеспечивают высокий уровень проверки, но снижают темп розыска. В США основой выступает состязательное раскрытие и широкое использование публичных реестров, дополненное сильными средствами противодействия недобросовестным сделкам, что повышает адаптивность системы, но увеличивает процессуальные затраты.

Оптимальная модель может объединять сильные стороны всех трех подходов. На стартовом этапе целесообразны автоматизированный межреестровый поиск и быстрые обеспечительные меры (российский опыт), далее – строгая реестровая дисциплина и контроль соразмерности вмешательства судом (немецкий стандарт), а на этапе последующего раскрытия и оспаривания – развитые процедуры выявления активов и отмены подозрительных сделок (американская практика). Такой гибридный вариант одновременно ускорит идентификацию активов, снизит риск ошибок и обеспечит разумные пределы вмешательства в частную сферу, повышая эффективность и устойчивость исполнения судебных решений.

Список литературы:

- [1] Об исполнительном производстве : федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ : ред. от 31.07.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
- [2] Зарубин, А. В. Некоторые вопросы исполнительного розыска имущества должника / А. В.

Зарубин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2022. – № 6. – С. 27-31.

[3] Канкулов, А. Х. Исполнительное производство: опыт зарубежных стран / А. Х. Канкулов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (206). – С. 238-240.

[4] Code of Civil Procedure // Federal Ministry of Justice and Consumer Protection: site. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/index.html (дата обращения: 29.08.2025).

[5] Bartels, K. Rechtsvergleichende Forschung zur Reform des Gesetzes über die Zwangsversteigerung und die Zwangsverwaltung / K. Bartels. – Hamburg, 2017. – 155 p.

[6] Чобанян, А. Г. Некоторые вопросы розыска должников и их имущества в развитых зарубежных странах / А. Г. Чобанян // Российский следователь. – 2011. – № 9. – С. 36-39.

[7] Baker, M. Debtors' prisons in America: An economic analysis / M. Baker // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2020. – № 84. – P. 216-228.

[8] Sullivan, T. A Study of Alleged Abuse and of Local Legal Culture / T. A. Sullivan // Journal of Consumer Policy. – 2021. – P. 211-219.

[9] О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ : ред. от 31.07.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

References:

[1] On Enforcement Proceedings: Federal Law No. 02 dated October 2007, 229-FZ: Rev. dated

31.07.2025 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – № 41. - Art. 4849.

[2] Zarubin, A. V. Some issues of executive search of the debtor's property/A. V. Zarubin//Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. – 2022. – № 6. - S. 27-31.

[3] Kankulov, A. Kh. Enforcement proceedings: experience of foreign countries/A. Kh. Kankulov//Law and state: theory and practice. – 2022. – № 2 (206). - S. 238-240.

[4] Code of Civil Procedure // Federal Ministry of Justice and Consumer Protection: site. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/index.html (access date: 29.08.2025).

[5] Bartels, K. Rechtsvergleichende Forschung zur Reform des Gesetzes über die Zwangsversteigerung und die Zwangsverwaltung / K. Bartels. – Hamburg, 2017. – 155 p.

[6] Chobanyan, A. G. Some issues of the search for debtors and their property in developed foreign countries/A. G. Chobanyan//Russian investigator. – 2011. – № 9. - S. 36-39.

[7] Baker, M. Debtors' prisons in America: An economic analysis / M. Baker // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2020. – № 84. – P. 216-228.

[8] Sullivan, T. A Study of Alleged Abuse and of Local Legal Culture / T. A. Sullivan // Journal of Consumer Policy. – 2021. – P. 211-219.

[9] On insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002: rev. of 31.07.2025 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 43. - Art. 4190.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-197-202

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

КРИВЕЛЬСКАЯ Ольга Валентиновна,
заместитель заведующего кафедрой
административного и финансового права
по научной работе Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию административного процесса в Германии, Австрии и Швейцарии. Административный процесс анализируется как комплекс процедур и судебных механизмов, обеспечивающих баланс интересов государства и граждан. Рассматриваются ключевые нормативные акты: Закон об административных процедурах Германии (VwVfG), Общий закон об административной процедуре Австрии (AVG) и Федеральный закон Швейцарии об административной процедуре (VwVG).

Выявлены общие черты – законность, равенство, состязательность, мотивированность решений, – а также различия: федеративная полицентричность Германии, унифицированная модель Австрии и «двойная» система Швейцарии. Германия делает акцент на цифровизацию (§35a VwVfG), Австрия – на институциональной реформе судов, Швейцария – на развитии электронных сервисов.

Автор предлагает концепцию «синтезирующего административного процесса», идею унификации процедур в едином законе и трёхуровневую типологию разрешительных процедур. Новизна исследования состоит в комплексном сравнении моделей «германской группы», а практическая значимость заключается в возможном использовании выводов для совершенствования российского административного законодательства.

Ключевые слова: административный процесс, Германия, Австрия, Швейцария, VwVfG, AVG, VwVG, процедуры, судопроизводство, цифровизация.

KRIVELSKAYA Olga Valentinovna,
Deputy Head of the Department of Administrative and
Financial Law for Scientific Work of the International Law
Faculty of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation",
Candidate of Law, Associate Professor

ADMINISTRATIVE PROCESS IN CENTRAL EUROPEAN COUNTRIES

Annotation. The article is devoted to the comparative legal study of the administrative process in Germany, Austria and Switzerland. The administrative process is analyzed as a set of procedures and judicial mechanisms that ensure a balance between the interests of the state and citizens. Key regulatory acts are being considered: the German Administrative Procedure Act (VwVfG), the Austrian General Administrative Procedure Act (AVG) and the Swiss Federal Administrative Procedure Act (VwVG).

The author identifies common features – legality, equality, competitiveness, motivation of decisions, as well as differences: the federal polycentricity of Germany, the unified model of Austria and

the “dual” system of Switzerland. Germany focuses on digitalization (§35a VwVfG), Austria – on the institutional reform of courts, Switzerland – on the development of electronic services.

The author proposes the concept of a “synthesizing administrative process”, the idea of unifying procedures in a single law, and a three-level typology of licensing procedures. The novelty of the study consists in a comprehensive comparison of the models of the “German group”, and the practical significance lies in the possible use of the findings to improve Russian administrative legislation.

Key words: administrative process, Germany, Austria, Switzerland, VwVfG, AVG, VwVG, procedures, legal proceedings, digitalization.

Административный процесс выступает связующим звеном между властными органами и гражданами, организуя порядок принятия и обжалования управленческих решений. Современная наука обращает внимание на необходимость синтезирующего понимания административного процесса как единого целого, объединяющего внесудебный и судебный аспекты.

Административный процесс понимается как совокупность правовых норм и процедур, обеспечивающих рассмотрение и разрешение административных дел [1]. Как подчёркивают современные российские исследователи, административный процесс следует рассматривать в интегративном (или «синтезирующем») ключе, объединяющем административно-правовые процедуры (принятие решений администрацией) и административное судопроизводство. По мнению А.Б. Зеленцова и О.А. Ястребова, всё большее распространение получает модель общей кодификации (единого закона), где нормы как административного производства, так и административного судопроизводства объединяются в одном акте [2]. В противоположность ей стоит модель отдельной кодификации, применяемая, в частности, в Германии и Швейцарии, где административные процедуры и судебные производства регулируются раздельно (VwVfG vs VwGO, VwGG, VwVG и VGG).

В Германии административный процесс на федеральном уровне регулируется Законом об административных процедурах (Verwaltungsverfahrensgesetz, VwVfG) от 25 мая 1976 г. [3]. Закон об административных процедурах задаёт общие принципы и порядок принятия административных актов федеральными органами: формы распоряжений, порядок их обнародования, требования к обоснованию, срокам и обжалованию. Ключевой институт – административный акт (Verwaltungsakt), представляющий собой одностороннюю волевою диспозицию органа, регулиующую конкретную ситуацию в индивидуальном порядке. Согласно Закону об административных процедурах, административное решение должно быть мотивированным (§39), должно учитываться участие лиц (§28–§29) и соблюдаться баланс между публичными и частными интересами.

Структурно немецкое административное производство включает подачу заявления гражданином, рассмотрение его административным органом и либо вынесение решения, либо отказ (например, «Bescheid» или «Verfügung»). В практике современной Германии усиливается роль цифровизации: с 2017 г. в VwVfG введён §35a, позволяющий полностью автоматизированные процедуры на основе алгоритмов [5]. Значимые изменения связаны с электронной документацией (§3a) и возможности подачи электронных заявлений, хотя федеративный характер государства усложняет единую цифровую платформу. Так, в налоговой сфере реализована возможность «роботизированного» пересмотра актов по новым нормам §155 Налогового кодекса, а в Законе об административных процедурах появилось специальное «электронное предоставление» (§71a), сделавшее доступ к административным услугам более гибким.

Судебную защиту в административном процессе ФРГ обеспечивают Административные суды (Verwaltungsgerichte) как первая инстанция, а затем Высшие административные суды (Oberverwaltungsgerichte) и, наконец, Федеральный административный суд (Bundesverwaltungsgericht, BVerwG). Характерной особенностью является узкая специализация: В Федеральном административном суде рассматривает преимущественно вопросы права и может ссылаться на общую практику европейского права. Например, Федеральный административный суд в решении от 25.05.2022 (дело № 8 С 11.21) уточнил правила исчисления сроков отмены административных актов – установив, что трёхлетний срок (§49 VwVfG) «исчисляется» отдельно по каждому основанию отмены. Это демонстрирует, как немецкие суды адаптируют национальный процессуальный порядок к сложным ситуациям. Важно, что Федеральный административный суд не пересматривает фактические обстоятельства, а ограничивается оценкой законности решений нижестоящих инстанций.

В Австрии административные процедуры регулируются Общим законом об административной процедуре 1991 г. (Allgemeines Verwaltungsverfahrensgesetz – AVG), вступившим в силу 1 января 1991 г. [6]. Общий закон об административ-

ной процедуре действует во всей республике и применяется федеральными органами и большинством инстанций. Закон закрепляет принципы законности, пропорциональности, участия граждан и мотивированности решений, близкие к немецким.

В отличие от Германии, Австрия в 2014 г. провела судебную реформу, создав единый федеральный Административный суд (Bundesverwaltungsgericht) вместо прежнего Административного суда (Verwaltungsgerichtshof) в качестве высшей апелляционной инстанции.

Согласно нового порядка, решение органа (например, отказ в предоставлении лицензии) сначала обжалуется в Федеральном административном суде или местных судах первой инстанции (Verwaltungsgerichte), а затем – подается жалоба в Высший административный суд (Verwaltungsgerichtshof, VwGH) по вопросам права.

Особое место занимает вопрос приостановления обжалованного решения: подача жалобы в Административный суд автоматически приостанавливает действие актов (заявленная по умолчанию отсрочка), за исключением отдельных категорий дел (иммиграция и др.), где законодатель сделал исключения. Решения судов обладают эффектом *res iudicata* между сторонами, однако повторное рассмотрение того же дела невозможно, пока не изменится факт или закон. Важным механизмом является института представительства: жалобу в судах могут подавать не только физические лица, но и органы Генерального адвоката (Volksanwalt), выступающего как омбудсмен.

В контексте электронного взаимодействия Австрия также движется в сторону э-правосудия: §13 AVG позволяет направлять в органы любые технически доступные формы коммуникации, в том числе по электронной почте, если иное не установлено специальными правилами. Однако формальную электронную подачу документов регулируют отдельные правила высших судов – например, Верховный суд Австрии (VwGH) требует квалифицированной подписи, а федеральный Административный суд допускает отправку заявлений по электронной почте лишь в определённые часы.

Что касается судебной практики, Верховный суд Австрии склонен к строгой формальной проверке процессуальных требований. Так, в постановлении от 25.04.2019 (дело Ra 2018/07/0380–0382) суд отклонил ревизию заявителей за несоблюдение обязательного требования (§42 VwGG) к изложению существенных нарушений, указав, что «ревизия не доказывает релевантность предполагаемых процессуальных нарушений» [4]. Это подчёркивает, что австрийское административное

судопроизводство строго обременено формальными правилами (подробное обоснование, соблюдение сроков), и нарушение любого из них может привести к оставлению жалобы без рассмотрения.

Швейцария представляет отдельную модель. На федеральном уровне действует Федеральный закон от 20 декабря 1968 г. «Об административной процедуре» (Verwaltungsverfahrensgesetz, VwVG) [7]. Он регулирует процедуры принятия административных актов (Verfügung) и рассмотрения жалоб в рамках федеральных исполнительных органов. Федеральное административное правосудие устроено иначе: после многоуровневых реформ сначала надзор за федеральными органами осуществлял Федеральный суд (Bundesgericht), а с 2007 г. действует Федеральный административный суд (Bundesverwaltungsgericht) как специальный орган первой инстанции по жалобам на решения федеральных властей. Федеральный суд (Bundesgericht) в административных делах апелляции больше не рассматривает.

Основные положения закона об административной процедуре близки к европейским стандартам. Например, термин «Verfügung» в указанном законе охватывает решения, которые изменяют права и обязанности граждан. Статья 31 закона об административной процедуре допускает обжалование любых таких распоряжений, за исключением особых случаев. Как и в Германии и Австрии, в Швейцарии предусмотрено право участия: заявитель, не привлечённый в процедуре, но чьи интересы затрагиваются, имеет право обратиться в суд (Art. 48 VwVG). Суд определяет и устанавливает факты самостоятельно (Art. 12 VwVG), за исключением тех сведений, которые были бы недоступны без опроса сторон.

Цифровизация административного процесса в Швейцарии также развита: федеральное правительство разрешило электронную подачу документов всем органам и судам с 1 января 2011 г. [8]. Для подачи требуется идентификация, и на созданных платформах для безопасной передачи документов. Федеральная канцелярия публикует списки адресов и аккредитованных электронных сервисов, через которые осуществляются электронные обращения.

В судебной практике Федеральный административный суд ориентирован на соблюдение формальных требований. В деле A-4762/2022 (12.11.2024) суд уточнил, что жалоба считается допустимой, если заявитель участвовал в предыдущем административном производстве либо не имел такой возможности (Art. 48 VwVG) [9]. В этом решении суд также привёл разъяснения Федерального суда (BGer) о необходимости формули-

ровать правовые доводы жалобы в отношении конкретных нарушений. Таким образом, швейцарский подход сочетает арбитражный характер административных судов с высокой степенью формализма при подаче жалоб.

Сравнивая системы ФРГ, Австрии и Швейцарии, можно выделить общие черты и различия. Во всех трёх государствах действует административно-процессуальная норма высшего уровня (VwVfG, AVG, VwVG). Однако в Германии и Швейцарии административные процедуры (управленческое производство) и административное судопроизводство регулируются в отдельных нормативных актах (отдельный Кодекс административного судопроизводства), тогда как в Австрии речь идёт о едином процедуральном праве (AVG) при одновременном разделении функций судов и органов. Все три системы базируются на сходных принципах: законности, равенства перед законом, состязательности сторон, мотивированности решений. Практика судебной защиты также во многом аналогична: подача жалобы в течение установленного срока приводит к приостановлению оспариваемого решения (по общему правилу), а окончательное решение выносится судом только на основе правовых вопросов.

Между тем, при всей близости исследуемых правопорядков заметны и существенные отличия.

Прежде всего, федеративное устройство Германии объективно осложняет процесс унификации процедур. Хотя Закон об административных процедурах (VwVfG, 1976) задаёт федеральные стандарты (принципы законности, участия, обоснованности решений), каждая из земель вправе принимать собственные процессуальные законы. Так, Bayerisches Verwaltungsverfahrensgesetz (BayVwVfG) или Hessisches Verwaltungsverfahrensgesetz (HessVwVfG) содержат дополнительные или уточняющие положения, касающиеся участия органов местного самоуправления, сроков и форм обжалования. В результате в Германии складывается ситуация «полицентрической кодификации»: федеральный закон задаёт общие рамки, а земельные законы адаптируют процедуры под региональные особенности. Это, с одной стороны, позволяет учитывать местные условия, а с другой — создаёт риск фрагментарности и затрудняет формирование единого правоприменительного стандарта, что подтверждается неоднократными решениями Федерального административного суда (BVerwG), вынужденного устранять расхождения в толковании норм разных земель.

В Австрии, напротив, удалось достичь относительной унификации. Allgemeines Verwaltungsverfahrensgesetz (AVG, 1991) действует в масштабе всей страны и применяется как федераль-

ными органами, так и провинциальными структурами. Этот закон обеспечивает единообразие процедур по ключевым вопросам: от подачи заявлений и прав участников до стадий рассмотрения и обжалования. Хотя земельные особенности также существуют, они не приобретают столь самостоятельного значения, как в Германии. Более того, судебная практика Верховного административного суда Австрии (Verwaltungsgerichtshof, VwGH) направлена на поддержание единообразия толкования норм AVG, что делает австрийскую модель более централизованной и предсказуемой.

Швейцария же сохраняет особую модель «двух процессов». На федеральном уровне действует Verwaltungsverfahrensgesetz (VwVG, 1968), регулирующий общие процедуры принятия и обжалования актов федеральной администрации. Однако в силу федерализма каждое кантональное образование вправе принимать собственные процессуальные законы, что приводит к значительной вариативности. Например, в кантоне Цюрих административная процедура закреплена в отдельном законе (Verwaltungsrechtspflegegesetz des Kantons Zürich), который содержит иные правила по срокам подачи жалобы, чем федеральное законодательство. В итоге единообразие поддерживается в большей мере судебной системой: Федеральный административный суд (Bundesverwaltungsgericht, BVGer) и Федеральный суд (Bundesgericht, BGer) выполняют функцию унификации правоприменения, вырабатывая стандарты, обязательные для кантонов.

Существенные различия прослеживаются и в части инноваций. Германия уверенно лидирует по направлению цифровизации: с 2017 года в VwVfG введён §35a, допускающий полностью автоматизированное принятие решений без участия должностного лица, если закон прямо не требует обратного. Это стало революционным новшеством, позволившим применять алгоритмы для массовых однотипных решений (например, налоговых уведомлений). Кроме того, активно развивается практика электронного досье заявителя, подачи заявлений через портал Verwaltungsportal и стандартизации межведомственного электронного взаимодействия.

В Австрии инновации касаются в первую очередь институциональной сферы. Судебная реформа 2014 года радикально изменила систему: были созданы новые административные суды первой инстанции (Landesverwaltungsgerichte и Bundesverwaltungsgericht), а классический Verwaltungsgerichtshof сохранил кассационную роль. Это позволило сократить сроки рассмотрения жалоб, приблизить судебную защиту к гражданам и снизить нагрузку на высший орган. Таким

образом, австрийская модель демонстрирует пример институционального контроля и перераспределения полномочий, что укрепляет процессуальные гарантии.

Швейцария сделала акцент на развитии электронного взаимодействия. С 2011 года действует система электронной подачи жалоб и обращений в федеральные органы, а Федеральная канцелярия аккредитует специализированные сервисы для обмена юридически значимыми документами. Это решение обусловлено традицией прямой демократии и стремлением максимально облегчить доступ граждан к административным процедурам. В отличие от Германии, где цифровизация носит скорее управленческо-бюрократический характер, в Швейцарии инновации подчинены задаче повышения прозрачности и инклюзивности процедур.

Таким образом, различия в административном процессе трёх стран выражаются в трёх ключевых аспектах:

1. Степень унификации процедур: Германия демонстрирует полицентричность и федеративный плюрализм, Австрия – относительное единство и системность, Швейцария – двойственность федерального и кантонального регулирования.
2. Направления инноваций: Германия сосредоточена на цифровизации и автоматизации, Австрия – на институциональном реформировании судебной системы, Швейцария – на электронных сервисах и демократическом участии.
3. Роль судебной практики: в Германии и Швейцарии именно высшие суды обеспечивают унификацию разнородных норм, тогда как в Австрии главная нагрузка ложится на единый закон AVG и кассационный надзор VwGH.

Подводя итоги, можно отметить, что автором предлагается рассматривать административный процесс в сравнительно-правовой перспективе через призму концепции «синтезирующего процесса» и идеи единого кодекса. В анализе выявлены общие тенденции, характерные для германской, австрийской и швейцарской моделей, – наличие обобщённых механизмов участия граждан в процедурах и закрепление унифицированных правил обжалования решений. Вместе с тем, в отличие от некоторых современных проектов полной консолидации процедур и судебных норм, в Германии и Швейцарии сохраняется традиционная раздельная модель, тогда как Австрия демонстрирует пример единой процедурной кодификации без глубокой интеграции с судебным производством.

Предлагаемая трёхуровневая типология разрешительных процедур (от базовых информационных до сложных лицензий) отражает разную правовую природу актов – регламентов, разрешений и лицензий – и может быть использована для стандартизации классификации административных действий в разных правовых системах.

Таким образом, автор формулирует три ключевых предложения:

- закрепить концепцию «синтезирующего административного процесса» как основу для дальнейшего совершенствования законодательства;
- рассмотреть возможность унификации процедур в едином законе об административных процедурах;
- внедрить предложенную типологию разрешительных процедур для повышения прозрачности и эффективности публичного управления.

Научная новизна заключается в обосновании указанных моделей и их апробации на материале стран Центральной Европы, что позволяет определить ориентиры для развития административного процесса в правовых системах, стремящихся к большей системности и цифровизации. Практическая значимость выражается в том, что данные предложения могут быть использованы для совершенствования российского административно-процессуального законодательства, особенно в части кодификации процедур и повышения гарантий участников административных отношений.

Список литературы:

- [1] Зеленцов А.Б., Кононов П.И., Стахов А.И. Административный процесс как вид юридического процесса: современные проблемы понимания и нормативно-правовой регламентации // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-protsess-kak-vid-yuridicheskogo-protssessa-sovremennye-problemy-ponimaniya-i-normativno-pravovoy-reglamentatsii> (дата обращения: 02.09.2025).
- [2] Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Современные модели административно-процессуального регулирования: опыт сравнительно-правового исследования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-administrativno-protssessualnogo-regulirovaniya-opyt-sravnitelno-pravovogo-issledovaniya> (дата обращения: 01.09.2025).
- [3] Федеральный закон Германии об административной процедуре (Verwaltungsverfahrensgesetz – VwVfG) [Текст] : от 25.05.1976 (в

ред. от 21.06.2023) // Bundesgesetzblatt. – 1976. – Teil I. – S. 1253; послед. изм. : BGBl. I, 2023, S. 1508. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/vwvfg> (дата обращения: 01.09.2025).

[4] Решение Верховного административного суда Австрии от 25 апреля 2019 г. по делу № Ra 2018/07/0380 bis 0382-9 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Verwaltungsgerichtshof». – URL: https://www.vwgh.gv.at/rechtsprechung/aktuelle_entscheidungen/2019/ra_2018070380_1.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

[5] European Review of Digital Administration & Law – Erdal 2020, Volume 1, Issue 1-2, June-December, p. 105-111 ISBN 978-88-255-3896-0 – DOI 10.4399/978882553896010

[6] Allgemeines Verwaltungsverfahrensgesetz 1991 (AVG) [Текст] : федеральный закон Австрийской Республики от 21 декабря 1990 г. № 51/1991 // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. – 1991. – Nr. 51. – § 8. – URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10005768> (дата обращения: 01.09.2025).

[7] Bundesgesetz über das Verwaltungsverfahren (VwVG) [Текст] : Союзный закон Швейцарии от 20.12.1968 г. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20759> (дата обращения: 01.09.2025).

[8] Elektronischer Rechtsverkehr mit Behörden [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bk.admin.ch/bk/de/home/dokumentation/e-government/elektronischer-rechtsverkehr-mit-behoerden.html> (дата обращения: 01.09.2025).

[9] Bundesverwaltungsgericht = Tribunal administratif fédéral = Tribunale amministrativo federale = Tribunal administrativo federal. Urteil vom 12. November 2024 по делу № A-4762/2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bvger.ch/media-releases/8fa2dadb-cff8-4546-b87c-0bcd1fa660dd/en/a-4762_2022_web.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

References:

[1] Zelentsov A.B., Kononov P.I., Stakhov A.I. Administrative process as a type of legal process: modern problems of understanding and regulatory regulation // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-protsess-kak->

vid-yuridicheskogo-protsess-a-sovremennye-problemy-ponimaniya-i-normativno-pravovoy-reglamentatsii (дата обращения: 02.09.2025).

[2] Zelentsov A.B., Yastrebov O.A. Modern models of administrative and procedural regulation: experience in comparative legal research // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-administrativno-protsessualnogo-regulirovaniya-opyt-sravnitelno-pravovogo-issledovaniya> (дата обращения: 01.09.2025).

[3] German Federal Administrative Procedure Law (Verwaltungsverfahrensgesetz - VwVfG) [Text]: from 25.05.1976 (as amended by 21.06.2023) // Bundesgesetzblatt. – 1976. – Teil I. – S. 1253; after. rev.: BGBl. I, 2023, S. 1508. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/vwvfg> (access date: 01.09.2025).

[4] Decision of the Supreme Administrative Court of Austria dated 25 April 2019 in case No. Ra 2018/07/0380 bis 0382-9 [Electronic Resource]. – Access from the “Verwaltungsgerichtshof” legal system. – URL: https://www.vwgh.gv.at/rechtsprechung/aktuelle_entscheidungen/2019/ra_2018070380_1.pdf (access date: 01.09.2025).

[5] European Review of Digital Administration & Law – Erdal 2020, Volume 1, Issue 1-2, June-December, p. 105-111 ISBN 978-88-255-3896-0 – DOI 10.4399/978882553896010

[6] Allgemeines Verwaltungsverfahrensgesetz 1991 (AVG) [Text]: Federal Law of the Republic of Austria of 21 December 1990 No. 51/1991 // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. – 1991. – Nr. 51. – § 8. – URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10005768> (дата обращения: 01.09.2025).

[7] Bundesgesetz über das Verwaltungsverfahren (VwVG) [Text]: Swiss Union Law of 20.12.1968 – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20759> (Accessed: 01.09.2025).

[8] Elektronischer Rechtsverkehr mit Behörden. – Access mode: <https://www.bk.admin.ch/bk/de/home/dokumentation/e-government/elektronischer-rechtsverkehr-mit-behoerden.html> (access date: 01.09.2025).

[9] Bundesverwaltungsgericht = Tribunal administratif fédéral = Tribunale amministrativo federale = Tribunal administrativo federal. Urteil vom 12. November 2024 in case No. A-4762/2022 [Electronic Resource]. – URL: https://www.bvger.ch/media-releases/8fa2dadb-cff8-4546-b87c-0bcd1fa660dd/en/a-4762_2022_web.pdf (access date: 01.09.2025).

СЫЧЕВ Матвей Сергеевич,
аспирант, МФПУ «Синергия» г. Москва,
e-mail: matvey-sychev@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В настоящей научной статье автор рассматривает особенности международной биржевой торговли в современных условиях с правовой точки зрения. Автор кратко приводит статистику развития мировой биржевой торговли в целом, отмечает явные перспективы для дальнейшего развития. Далее автор переходит к изучению опыта правового регулирования международной биржевой торговли на территории ЕС и ЕАЭС, рассматривает конкретные правовые источники. В заключении научной статьи автор выделяет общие тенденции в правовом регулировании международной биржевой торговли, указывает на наличие предпосылок для дальнейшего совершенствования правовой регламентации. Объектом исследования являются особенности международной биржевой торговли в современных условиях с правовой точки зрения. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей международной биржевой торговли в современных условиях с правовой точки зрения. Методы исследования: формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, обобщение, конкретизация, систематизация и системный метод, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей международной биржевой торговли в современных условиях с правовой точки зрения. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями международной биржевой торговли в современных условиях с правовой точки зрения.

Ключевые слова: правовое регулирование, биржа, биржевая торговля, международная биржевая торговля, современное состояние, мировая экономика, правовые аспекты.

SYCHEV Matvey Sergeevich,
postgraduate student,
IFPU "Synergy", Moscow

FEATURES OF INTERNATIONAL EXCHANGE TRADING IN MODERN CONDITIONS

Annotation. In this scientific article, the author considers the features of international exchange trading in modern conditions from a legal point of view. The author briefly provides statistics on the development of global exchange trading in general, notes obvious prospects for further development. Then the author moves on to study the experience of legal regulation of international exchange trading in the EU and the EAEU, considers specific legal sources. In the conclusion of the scientific article, the author highlights general trends in the legal regulation of international exchange trading, indicates the presence of prerequisites for further improvement of legal regulation. The object of the study is the features of international exchange trading in modern conditions from a legal point of view. The purpose of the study is a comprehensive, consistent analysis of the features of international exchange trading in modern conditions from a legal point of view. Research methods: formal-legal, comparative, comparative analysis, dialectical, generalization, specification, systematization and system method, deduction, other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of the research lies in the preparation of a comprehensive study, the formation

of the author's conclusions regarding the features of international exchange trading in modern conditions from a legal point of view. This scientific article, therefore, will be useful to theorists, practitioners, students and faculty of humanitarian and other areas of training, as well as a wider range of readers interested in the features of international exchange trading in modern conditions from a legal point of view.

Key words: legal regulation, exchange, exchange trading, international exchange trading, current state, global economy, legal aspects.

Биржевая торговля в современной экономике выступает одной из значимых ее составляющих и наиболее высокодоходных. При этом нельзя сказать, что в каком-либо государстве мира биржевая торговля преобладает среди других – так, сегодня достаточно

крупными игроками на фондовом рынке являются США, страны Европы, Канада, Индия, Япония, Австралия. В последний год наблюдается активное развитие также рынков России и Китая, на что обращают внимание как зарубежные исследователи, так и отечественные экономисты (диаграмма 1) [7].

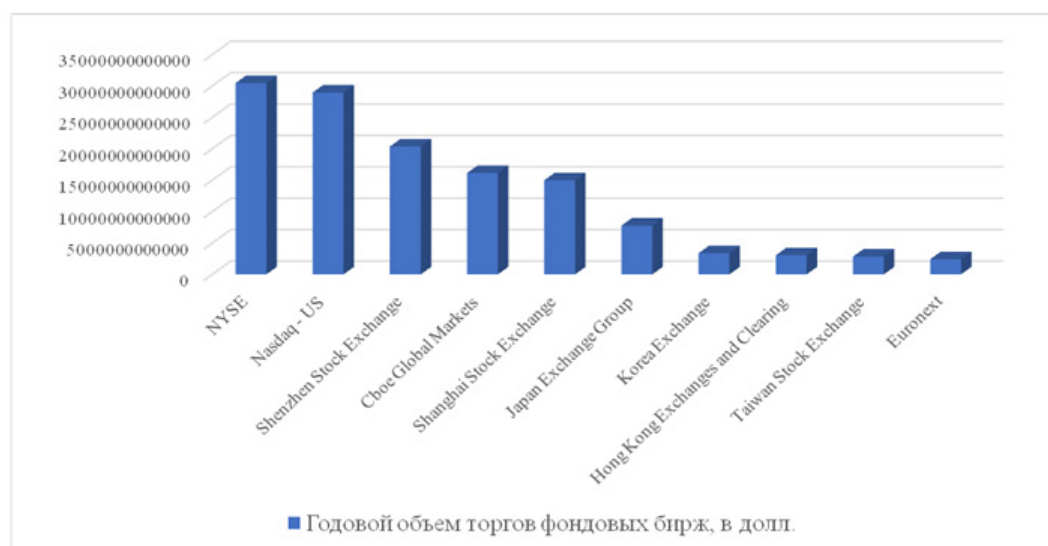

Диаграмма 1. Статистические показатели по годовому объему торгов крупнейших мировых фондовых бирж, топ-10 по доходности (по данным Statbase.ru)

Так, в 2024 г., по отметкам издания «Bloomberg», из 20 крупнейших мировых фондовых рынков своего исторического максимума достигли 14, и это, по замечаниям экспертов, «небывалый рост», что сопровождается ростом корпоративных доходов и развитием «здоровой экономики» в целом. По прогнозам издания, в дальнейшем ожидается продолжение роста рынков при снижении процентных ставок и рисков, что, собственно, и можно наблюдать по статистическим показателям уже текущего года [7].

Иными словами, биржевая торговля на международном уровне в последние несколько лет развивается достаточно активно, характеризуется стабильностью и устойчивостью, а также обладает качественными предпосылками для дальнейшего поступательного роста. Учитывая такую практическую востребованность биржевых сделок, очевидным выступает вопрос о формирова-

нии качественного правового регулирования таких правоотношений. Остановимся на данном вопросе более детально.

Анализируя нормативно-правовую базу, в первую очередь, необходимо отталкиваться от того, что, несмотря на усложненность иностранным элементом, тем не менее, биржевая торговля в любом государстве базируется, прежде всего, на нормах национального права [2; 4]. Таким образом, всегда международная биржевая торговля – это совокупность правовых источников национального и международного уровня.

На международном уровне правовое регулирование биржевой торговли осуществляется, прежде всего, в рамках конкретных публично-правовых объединений. Например, на территории Европейского Союза (далее – ЕС), страны-участницы которого выступают одними из наиболее крупных игроков мирового фондового рынка,

регламентация биржевых правоотношений осуществляется с помощью нескольких ключевых документов. В частности, это принятые в 2018 г. и значительным образом расширившие существующую на тот момент правовую базу MiFID II/MiFIR (Markets in Financial Instruments Directive/Regulation). Целью принятия данных источников стало совершенствование правового регулирования функционирования финансовых рынков на территории ЕС, а также повышение защищенности прав инвесторов. Наиболее значимыми положениями документа необходимо назвать следующие:

- закрепление более жестких требований к прозрачности биржевых сделок;
- развитие механизмов контроля, в т.ч. внедрение инструментов мониторинга, автоматизированных проверок и лимитов;
- установление «ограничителей», которые автоматически блокируют биржевую торговлю в периоды крайней волатильности, что, в общем и целом, позволяет поддерживать стабильность финансового рынка;
- скорректированы требования к отчетности о рыночных данных участников рынка;
- иное [5].

Другим важным документом, регламентирующим биржевые правоотношения на территории ЕС, следует обозначить вступивший в силу в 2012 г. Регламент ЕС EMIR (European Market Infrastructure Regulation) (далее – Регламент). Последняя редакция документа датируется 2019 г. Основная направленность Регламента – это качественное влияние на снижение системных рисков и операционной деятельности, содействие предотвращению фактического краха финансовой системы в потенциальном будущем.

Регламент включает правовое регулирование по ряду отдельных направлений, среди которых выделим следующие: – регламентация внебиржевых деривативов, что устанавливает более жесткие требования к предоставлению отчетности, причем по всем производным инструментам вне зависимости от их конкретных характеристик;

– среди требований к отчетности отдельно необходимо отметить обязательство субъектов биржевой торговли по предоставлению отчетов с детальным описанием каждой реализованной внебиржевой сделки в торговые репозитории;

– внедрение системы и отдельных ее элементов по управлению рисками, что включает, к примеру, методологический инструментарий по снижению рисков, практические рекомендации по использованию отдельных процедур, и т.д.

Иными словами, принятие рассматриваемого Регламента имеет своей главной целью повышение стабильности и устойчивости бирже-

вых сделок, установление мер гарантированности соблюдения прав и законных интересов участников биржевых правоотношений, а также повышение прозрачности финансового рынка и привлечение к участию в таких сделках новых игроков [10].

Проанализируем еще один стратегически значимый документ, действующий на территории ЕС, – это UCITS (Undertakings for Collective Investment in Transferable Securities), или регуляторная рамка Европейской комиссии для управления и продажи взаимных фондов (далее – Директива). Отметим, что данная Директива имеет несколько различных редакций, последняя из которых вступила в силу в январе 2023 г. Цель данного документа – повышение общей эффективности функционирования единого рынка, упрощение движения фондов на территории ЕС, а также повышение защищенности инвесторов, вкладывающихся в коллективные инвестиционные фонды. Основными положениями Директивы выступают следующие:

- определение общих стандартов управления фондами, а также требований непосредственно к активам фондов;
- повышение прозрачности и открытости работы финансового рынка, в т.ч. это касается требований к раскрытию информации о рисках и комиссиях;
- внедрение инструментов диверсификации портфелей, ограничения концентрации инвестиций и ряда других;
- иное [5; 7].

Таким образом, рассмотренные выше документы – это часть регуляторной системы ЕС по обеспечению качественной стабильности и устойчивости биржевой торговли в рамках региона, повышению защищенности и нормативной гарантированности прав, законных интересов участников биржевых сделок, а также по созданию комплексной базы для дальнейшего поступательного развития мирового биржевого рынка в целом.

ЕС в данном отношении ожидаемо выступает одним из лидеров, где мы можем наблюдать не только широкую практическую востребованность биржевой торговли как таковой, но также параллельное формирование соответствующего правового регулирования, которое отличается оперативностью в реагировании, системностью, комплексностью, высоким качеством нормативной проработки и юридической техники, а потому вполне может служить примером для других публично-правовых объединений.

Проанализируем еще одно региональное объединение, государства которого также активно участвуют в биржевой торговле, – это ЕАЭС, участником которого в т.ч. выступает и Россия, одновременно являясь одним из лидеров Союза.

Так, одним из наиболее «свежих» правовых источников, действующих на территории ЕАЭС, в настоящее время является принятое в октябре 2024 г. Распоряжение Евразийского межправительственного совета «Об утверждении Концепции формирования общего биржевого (организованного) рынка товаров в рамках ЕАЭС» (далее – Распоряжение, Концепция). В частности, наиболее значимыми положениями документа выступают следующие:

- разработка единого терминологического аппарата, включающего совокупность наиболее значимых для биржевых правоотношений понятий – к примеру, это «биржевая (организованная) торговля товарами», «товар», «спецификация на товар», иные;

- принципы формирования общего биржевого рынка ЕАЭС, цели и задачи функционирования такого рынка, а также правовой статус субъектов правоотношений;

- особенности правового регулирования на территории, реализация разного рода инструментов ценообразования, мониторинга и информационного обеспечения;

- иное [8].

Таким образом, рассматриваемая Концепция, по справедливым замечаниям экспертов, представляет собой детальный, системно проработанный правовой источник, комплексную базу для создания качественно нового биржевого рынка, действующего на территории ЕАЭС. Это показывает, что законодатель, под которым в данном случае понимается совокупность законотворческих субъектов государств-участников, крайне заинтересован в развитии биржевой торговли в рамках ЕАЭС, в ее совершенствовании, что выступает источником повышения стабильности и устойчивости всего ЕАЭС как регионального публично-правового образования.

Еще одним примером правовых источников, регламентирующих биржевые правоотношения на территории ЕАЭС, можно обозначить принятое в январе 2025 г. в г. Алматы Соглашение о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах-членах ЕАЭС. Предполагается, что любая страна-участница обладает правом на допуск ценных бумаг к размещению в других государствах-участниках, причем такое размещение происходит на обычных условиях, не менее благоприятных, чем при традиционном размещении самим государством-участником. Несмотря на общий либеральный характер, тем не менее, документ определяет и ряд ограничений, связанных, к примеру, с запретом на размещение по обозначенным «льготным» условиям ценных бумаг,

действующих только в пределах территорий стран-участниц (государств-членов) с особым правовым режимом в области финансового рынка [2; 4]. Иными словами, биржевая торговля ЕАЭС, несмотря на явный демократичный характер, тем не менее, санкционирована некоторыми более жесткими рамками, что не позволяет допускать нарушения конкуренции или злоупотребление правом в целом.

Кроме обозначенных, биржевая торговля на территории ЕАЭС регламентирована и рядом других правовых источников.

Таким образом, на основании представленного анализа, можно определить следующие особенности международной биржевой торговли в контексте ее правовой составляющей.

Во-первых, мы наблюдаем, как законодатель стремится сохранять правило «кнути и пряника», т.е., даже допуская определенный либерализм в отношении реализации биржевых сделок, параллельно устанавливает жесткие требования для участников правоотношений, что призвано не допускать разного рода злоупотреблений, недобросовестного поведения, а также создать единые правовые рамки для каждого субъекта биржевой торговли. Поэтому можно говорить о сочетании императивного и диспозитивного методов в правовом регулировании.

Во-вторых, как видно из представленного выше анализа статистических данных, сегодня биржевая торговля развивается довольно активно, а это свидетельствует о необходимости правового регулирования быть динамичным, гибким, уметь оперативно реагировать на изменения в общественных отношениях. Анализ некоторых правовых источников выше показывает, что современное правовое регулирование международной биржевой торговли вполне соответствует этим требованиям. Причем законодатель идет не только по пути принятия новых правовых документов, но и активно вносит изменения в уже действующие [6].

В-третьих, мы можем наблюдать явную зависимость международной биржевой торговли от ее территориального признака. Так, на территории ЕС, где биржи действуют довольно давно, имеют уже солидный исторический опыт (в т.ч. в контексте правового регулирования), профильные нормы права отличаются более точечным, детальным характером, а положения общей направленности если и включены в законодательство, то являются качественно новыми, смелыми правовотворческими решениями, скорее – реакцией на требования финансового рынка к изменениям.

Если же, например, анализировать правовое регулирование на территории ЕАЭС, то мы наблюдаем, что здесь в настоящее время даже к

понятийному аппарату биржевых правоотношений существуют большие вопросы, что явно прослеживается через исследование Концепции, представленное выше по тексту. Иными словами, на территории ЕАЭС профильное правовое регулирование в настоящее время лишь формируется, с учетом правовых и социально-экономических особенностей стран-участниц. Как справедливо отмечают эксперты, в разработке правового регулирования в т.ч. активно используется и позитивный опыт ЕС как одного из лидеров в законодательной составляющей [9].

Иными словами, правовое регулирование международной биржевой торговли сегодня отличается динамичным, постоянно меняющимся характером, наличием определенной совокупности базовых правовых норм и источников, с одновременным поиском надежных правовых инструментов для повышения эффективности функционирования финансового рынка.

Полагаем, в подобной ситуации сложно обозначить конкретные точки роста для правовой составляющей международной биржевой торговли, т.к. региональные финансовые рынки находятся в несколько разных состояниях. Однако очевидной во всех представленных вариантах выступает целевая направленность законодателя на повышение прозрачности, обеспечение стабильности функционирования биржевой торговли, повышение степени защищенности участников правоотношений. Так, обозначенные цели заявлены в качестве ключевых в Распоряжении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 03.11.2020 № 159 «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по формированию общего биржевого пространства в рамках Евразийского экономического союза», положения которой активно реализуются и в настоящее время [3]. Считаем это еще одним явным доказательством того, что в дальнейшем международная биржевая торговля будет лишь развиваться, а правовое регулирование – трансформироваться и совершенствоваться.

Кратко обозначим ключевые выводы по результатам представленного выше научного исследования.

Предметом изучения в настоящей научной статье выступают особенности международной биржевой торговли в правовом аспекте.

Прежде всего, автор исследует статистические показатели о развитии международной биржевой торговли, акцентирует внимание на территориальном признаке реализации биржевых правоотношений. В научной работе это более детально анализируется на примерах функционирования биржевых рынков ЕС и ЕАЭС.

Рассмотрев некоторые ключевые правовые источники, автор отмечает следующие характерные особенности международной биржевой торговли в правовом аспекте:

- сочетание императивного и диспозитивного методов в правовом регулировании;
- необходимость правового регулирования быть динамичным, гибким, уметь оперативно реагировать на изменения в общественных отношениях;
- явная зависимость международной биржевой торговли от ее территориального признака;
- иное [5].

Опыт ЕС, в т.ч. приведенный в данной работе, представляет особый интерес при разработке правового регулирования рассматриваемых правоотношений «с нуля»: к примеру, это правовая форма регулирования в диалектике – т.е., фактически с момента имплементации первых актов, которые косвенно затрагивали функционирование рынков, до находящегося в постоянном движении современного пакета правовых источников. Автор справедливо отмечает, что позитивный опыт ЕС используется при формировании законодательной базы других публично-правовых образований, в т.ч. ЕАЭС [9].

В конечном итоге, автор делает вывод, что высокая практическая значимость биржевой торговли и широкое распространение таких правоотношений свидетельствует о наличии явных точек роста для развития, совершенствования профильного правового регулирования, а также усиления взаимодействия между субъектами.

Список литературы:

- [1] Алхутов А. В. История правового регулирования биржевой торговли / А. В. Алхутов. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2025. № 11 (562). – С. 111-114.
- [2] Кривокорченко Л.В. Современные особенности товарной биржи // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 13. – С. 185-194.
- [3] Правовое регулирование электронной торговли в зарубежных странах: монография / О.М. Сакович, С.В. Соловьева, С.С. Щербак и др.; отв. ред. Н.Г. Семилютина, О.А. Терновая; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2019. – 272 с.
- [4] Сребник Б. В. Финансовые рынки: профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг: учеб. пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2022. – 366 с.
- [5] Тимофеева А.А., Марков Д.Е. Московская биржа и ее позиция среди ведущих мировых бирж // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 10. – С. 99-108.

[6] Тихонов М.А., Мужиканова Я.Р. Особенности развития фондовой биржи в современных условиях // Символ науки. 2023. № 11. – С. 53-70.

[7] Тренды развития финансового сектора 2023–2025: как они отразятся на фондовом рынке [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: <https://journal.open-broker.ru/research/trendy-razvitiya-finanso-vogo-sektora/>

[8] Хачатурова К.И. Меры противодействия недобросовестным торговым практикам на зарубежных биржевых товарных рынках // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. – С. 88–98.

[9] Черненко И. Российский рынок под санкциями. Что делать инвестору после февраля? [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: <https://investfuture.ru/articles/id/rossijskij-rynok-pod-sanktsijamichto-delat-investoru-posle-fevralja>

[10] Чуприна Я.С. К вопросу правового регулирования биржевых сделок [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/17080/s07_191.pdf?sequence=1&isAllowed=y

References:

[1] Alkhutov A. V. Istoriya pravovogo regulirovaniya birzhevoj trgovli / A. V. Alkhutov. Tekst: neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. 2025. № 11 (562). – С. 111-114.

[2] Krivokorchenko L.V. Sovremennye osobennosti tovarnoj birzhi // Rossijskij vneshneehkonomicheskij vestnik. 2019. № 13. – С. 185-194.

[3] Pravovoe regulirovanie ehlektronnoj trgovli v zarubezhnykh stranakh: monografiya / O.M. Sakovich, S.V. Solov'eva, S.S. Shcherbak i dr.; otv. red.

N.G. Semilyutina, O.A. Ternovaya; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. M.: ООО «YURIDICHESKAYA FIRMA KONTRAKT», 2019. – 272 s.

[4] Srebnik B. V. Finansovye rynki: professional'naya deyatel'nost' na rynke cennykh bumag: ucheb. posobie. M.: NIC INFRA-M, 2022. – 366 s.

[5] Timofeeva A.A., Markov D.E. Moskovskaya birzha i ee poziciya sredi vedushchikh mirovykh birzh // Azimut nauchnykh issledovanij: ehkonomika i upravlenie. 2021. № 10. – С. 99-108.

[6] Tikhonov M.A., Muzhikanova YA.R. Osobennosti razvitiya fondovoj birzhi v sovremennykh usloviyakh // Simvol nauki. 2023. № 11. – С. 53-70.

[7] Trendy razvitiya finansovogo sektora 2023–2025: kak oni otrazyatsya na fondovom rynke [Ehlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: – URL: <https://journal.open-broker.ru/research/trendy-razvitiya-finanso-vogo-sektora/>

[8] Khachaturova K.I. Mery protivodejstviya nedobrosovestnym trgovym praktikam na zarubezhnykh birzhevykh tovarnykh rynkakh // Pravovoj ehnergeticheskij forum. 2024. № 2. – С. 88–98.

[9] Chernenko I. Rossijskij rynek pod sankciyami. Chto delat' investoru posle fevralya? [Ehlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: – URL: <https://investfuture.ru/articles/id/rossijskij-rynok-pod-sanktsijamichto-delat-investoru-posle-fevralja>

[10] Chuprina YA.S. K voprosu pravovogo regulirovaniya birzhevykh sdelok [Ehlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: – URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/17080/s07_191.pdf?sequence=1&isAllowed=y

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-209-216

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ТРУБИН Никита Игоревич,
аспирант Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, курс 3,
e-mail: mail@law-books.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ НАВЯЗЫВАНИЕ ПЛАНА РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ В ЕС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ

Аннотация. Разрешение кризисной экономической ситуации конкретного лица на этапе ее формирования и на ранних этапах ее развития - важные элементы преодоления кризиса в целом, поскольку спасение должника, еще обладающего достаточными для такого спасения ресурсами, проходит значительно проще и с большей вероятностью может не приводить к реализации ликвидационной направленности. Одним из инструментов, направленных на реализацию такого подхода в Европе является превентивная реструктуризация, которая может быть введена вопреки воле частных лиц через применение публично-правового навязывания плана такой реструктуризации – «cross-class cram down». В настоящей работе предлагается рассмотреть основания применения публично-правового навязывания плана реструктуризации в соответствии с директивой № 2019/1023 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об основах превентивной реструктуризации, погашении задолженности и дисквалификациях, о мерах по повышению эффективности процедур, касающихся реструктуризации, несостоятельности и погашения задолженности, а также об изменении Директивы (ЕС) 2017/1132 (Директива о реструктуризации и несостоятельности)», а также в соответствии с действующими законодательствами Великобритании и Франции.

Ключевые слова: банкротство, превентивная реструктуризация, реабилитация должника, реструктуризация должника, навязывание плана реструктуризации, навязывание плана реабилитации.

TRUBIN Nikita I.,
postgraduate student at St. Petersburg State
University of Economics, course 3

PUBLIC LAW IMPOSITION OF A RESTRUCTURING PLAN IN THE EU THROUGH THE PRISM OF UK AND FRENCH LEGISLATION

Annotation. Resolving the crisis economic situation of a particular person at the stage of its formation and at the early stages of its development are important elements of overcoming the crisis as a whole, since the rescue of a debtor who still has sufficient resources for such a rescue is much easier and more likely may not lead to the implementation of a liquidation focus. One of the tools aimed at implementing this approach in Europe is preventive restructuring, which can be introduced against the will of individuals through the application of a public law enforcement plan for such restructuring – “cross-class cram down”. In this paper, it is proposed to consider the grounds for applying the cross-class cram down of a restructuring plan in accordance with Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and disqualifications, and on measures to increase the efficiency of procedures concerning restructuring, insolvency and discharge of debt, and amending Directive (EU) 2017/1132 (Directive on restructuring and insolvency), as well as in accordance with the current laws of Great Britain and France.

Key words: bankruptcy, preventive restructuring, rehabilitation of the debtor, restructuring of the debtor, cram down, cross-class cram down.

20.06.2019 в Брюсселе была принята Директива № 2019/1023 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об основах превентивной реструктуризации, погашении задолженности и дисквалификациях, о мерах по повышению эффективности процедур, касающихся реструктуризации, несостоятельности и погашения задолженности, а также об изменении Директивы (ЕС) 2017/1132 (Директива о реструктуризации и несостоятельности)» (далее – Директива), которая должна быть имплементирована в законодательство всех стран – участниц ЕС [1].

Данная Директива была призвана установить возможность превентивной реструктуризации для организаций, попавших в затруднительное финансовое положение, посредством достижения компромисса между такими организациями и их кредиторами. Такая реструктуризация при ее проведении на ранних этапах кризиса предотвращает сокращение рабочих мест, утрату «ноу-хау» и профессиональных навыков, способствует поддержке экономики в целом, а также наибольшему удовлетворению кредиторов и собственников в сравнении с тем, что они бы получили в случае ликвидации должника или «в случае наступления наилучшего ближайшего альтернативного сценария при отсутствии плана» [1].

Превентивная реструктуризация проводится в соответствии с представленным планом реструктуризации. При этом в соответствии с положениями ст. 9 Директивы для требований и интересов предусмотрено деление на классы. В свою очередь, утверждение плана происходит получением большинства голосов в каждом классе исходя из размера требований кредиторов и затрагиваемых интересов.

Утверждение плана также может производиться судом или административным органом по предложению должника или с его согласия в отсутствие одобрения такого плана всеми классами. Более того, в соответствии с положениями ст. 11 Директивы для утверждения плана может быть достаточно одобрения плана лишь одним классом («cross-class cram down»).

Навязываемый план, помимо согласия с ним как минимум одного класса, при этом также должен соответствовать следующим критериям:

1. План предусматривает одностипное обращение с лицами, входящими в один класс и имеющими достаточную общность интересов, исходя из пропорциональности размеров их требований;

2. Уведомление о реструктуризации должно быть сделано в соответствии с национальным законодательством в адрес всех заинтересованных лиц;

3. При наличии несогласных лиц план должен отвечать требованиям теста на соответствие наилучших интересов;

4. План должен иметь разумный прогноз на предотвращение несостоятельности должника или обеспечение жизнеспособности бизнеса.

5. Получение нового финансирования, если это применимо, должно быть необходимо для реализации плана, а также не должно причинять необоснованного ущерба интересам кредиторов [1].

6. План должен обеспечивать одинаковое благоприятное отношение как к несогласным классам требований или интересов, так и к иным классам той же очереди, а также более благоприятное отношение к несогласным классам, чем к любым классам нижестоящей очереди удовлетворения;

7. Ни один класс требований или интересов по результатам реструктуризации не может получить больше, чем полная сумма его требований или интересов.

Согласно ст. 11 Директивы первые 5 критериев являются общими для любого плана превентивной реструктуризации, последующие – специальными для навязываемого плана.

Стоит отметить, что в соответствии с п. 2 ст. 15 Директивы принимаемый план реструктуризации связывает лишь тех лиц, которые участвовали в принятии плана. При этом в п. 64 вводных положений (преамбулы) Директивы указано, что государства-члены ЕС могут самостоятельно определить понятие «участие в принятии плана», в том числе связать планом лиц, которые были надлежащим образом уведомлены о предстоящей процедуре принятия плана, но по своему усмотрению не приняли в ней участие (возможность своим отказом от участия в голосовании за принятие плана вывести себя за пределы действия такого плана не должна поощряться, поскольку такое поведение противно целям Директивы) [4].

Таким образом, Директивой допускается возможность государств-членов ЕС разработать порядок навязывания процедуры реструктуризации не только не одобрявшим план классам, но и лицам, которые в принятии плана не принимали участие вовсе.

Принятие указанной Директивы обеспечило постепенное появление механизма «cross-class cram down» в странах Европы (в частности в государствах-членах ЕС).

Так, в Англии 26 июня 2020 года вступил в силу Закон о корпоративной несостоятельности и управлении 2020 года («The Corporate Insolvency and Governance Act 2020»), который ввел в действие часть 26А Закона о компаниях («Companies Act 2006») [5,6].

Формально Директива не стала причиной принятия The Corporate Insolvency and Governance Act 2020, поскольку в начале 2020 года Великобритания объявила о своем выходе из ЕС, однако содержательно получившиеся режимы применения механизма «cross-class cram down» очень схожи. При этом исследователями также подчеркивается идейная близость созданного в Англии механизма и механизма «cramdown» в США [7].

В качестве условий для применения части 26А Закона о компаниях (условиям присвоены соответственно буквенные значения А и В) выделены следующие (должны выполняться одновременно):

А) организация столкнулась или может столкнуться с финансовыми трудностями, которые влияют или могут повлиять на возможность продолжать деятельность предприятия;

В) предлагается компромисс (или договоренность) (далее – компромисс, план реструктуризации) между организацией и либо ее кредиторами (или классами кредиторов), либо ее участниками (или классами участников), при этом целью данного компромисса является уменьшение, устранение, предотвращение указанных в условии А финансовых трудностей [8].

Для голосования за компромисс проводится собрание классов кредиторов (аналогично классу требований в США) и классов участников (аналогично классу интересов в США). При этом, по общему правилу, каждому кредитору или участнику обеспечивается право проголосовать (исключение составляет ситуация, в которой будет доказано в судебном порядке, что ни один из членов класса кредиторов или участников не имеет подлинного экономического интереса в организации, попавшей в затруднительное финансовое положение; в таком случае лица, составляющие указанный класс могут не принимать участие в голосовании) [9].

Оповещение о собрании может быть сделано как непосредственно в адрес конкретных кредиторов и участников, так и путем размещения рекламы. К такому оповещению в обязательном порядке (для индивидуального оповещения) должно прилагаться содержание компромисса или информация о месте и времени, где кредиторы и участники могут получить копию указанного содержания (для размещения рекламы). При этом содержание компромисса одновременно должно включать в себя:

- развернутое объяснение последствий компромисса (или договоренности);
- информацию об интересах бенефициаров независимо от их положения в рамках отношений с организацией (например, обладание бенефици-

аром статуса кредитора) и о воздействии компромисса на такие интересы [10].

Принятие компромисса, по общему правилу, производится по решению суда при условии, если за такое принятие проголосовали 75% и более по стоимости требований (или интересов) кредиторов и участников в каждом классе [11].

При этом, поскольку часть 26А предусматривает возможность всех заинтересованных лиц проголосовать за принятие компромисса, которая обеспечивается посредством необходимого оповещения о проведении собрания, то положения Закона о компаниях вполне справедливо исходят из обязательности распространения силы такого компромисса на всех кредиторов, участников и саму организацию, находящуюся в затруднительном финансовом положении [11].

Механизм «cross-class cram down», в свою очередь, регулируется секцией 901G части 26А Закона о компаниях.

Так, если за компромисс проголосовали менее указанных выше 75 %, то суду для навязывания такого компромисса несогласным необходимо одновременное выполнение следующих двух условий (условиям присвоены соответственно буквенные значения А и В):

А) у суда есть достаточные основания полагать, что ни один из членов несогласного класса не окажется в положении худшем («any worse off»), нежели они бы оказались при выборе достижимой разумной альтернативы («the relevant alternative») компромиссу;

В) хотя бы один класс кредиторов или участников, который имел бы реальное исполнение или экономический интерес при выборе достижимой разумной альтернативы, проголосовал за компромисс (компромисс получил одобрение 75 % и более по стоимости требований членов класса).

Таким образом, часть 26А Закона о компаниях установила в Англии возможность осуществления превентивной реструктуризации организаций практически аналогичную с предложенной Директивой моделью, в том числе с механизмом навязывания плана реструктуризации (компромисса) несогласным кредиторам и участникам («cross-class cram down»).

При этом на практике в Англии уже возник ряд вопросов в рамках применения такого механизма.

Так, возможность навязывания компромисса обсуждалась в деле Re DeepOcean - решением от 13.01.2021 Высокий суд Англии («English High Court») применил «cross-class cram down» [12].

В указанном деле на голосование выносились 3 компромисса по трем связанным организациям: DeepOcean 1 UK Limited, DeepOcean Subsea Cables Limited, Enshore Subsea Limited.

Одобрения кредиторов и участников в необходимом количестве были получены лишь по двум организациям: DeepOcean 1 UK Limited и Enshore Subsea Limited.

В свою очередь, по DeepOcean Subsea Cables Limited в классе кредиторов с необеспеченными требованиями удалось получить лишь 64,6 % одобрения предложенного компромисса, что означало не принятие этим классом такого компромисса.

Однако, судья Mr. Justice Trower, применив механизм «cross-class cram down», утвердил предлагаемый план реструктуризации.

При этом одним из вопросов рассмотрения возможности навязывания являлась проблема достижимой разумной альтернативы.

Так, судья Mr. Justice Trower, указал, что в качестве достижимой разумной альтернативы в большинстве случаев будут выступать процедуры администрирования или ликвидации компании. Однако, такой подход не всегда будет работать, поскольку могут возникать случаи, где определение такой альтернативы вызовет затруднения, что, в свою очередь, в худшую сторону скажется на возможности корректно оценить предлагаемый план реструктуризации (п. 31 акта Высокого суда Англии) [12].

В рамках дела DeepOcean Subsea Cables Limited в качестве альтернативы была выбрана процедура ликвидации, поскольку предполагалось, что материнская компания DeepOcean Group Holding BV, находящаяся в Нидерландах, скорее предпочтет сохранить ядро группы финансово устойчивым и перестанет оказывать поддержку дочерним организациям, таким как, DeepOcean Subsea Cables Limited, что послужит катализатором ликвидации. В обратном же случае, банкротство ожидает весь холдинг (п. 32 акта Высокого суда Англии) [12].

Следующим вопросом стало исследование соблюдения условия А для навязывания процедуры, поскольку из нормы секции 901G части 26А Закона о компаниях прямо не следовало, что законодатель понимал под «худшим положением». Так, было не ясно, рассматривать ли в качестве маркера окончательный финансовый результат применения плана реструктуризации или же необходимо принимать во внимание любое возможное отклонение положения в худшую сторону в ситуации с утверждением компромисса и в ситуации достижимой разумной альтернативы.

Судья Mr. Justice Trower пришел к выводу о том, что при разрешении данного вопроса основным будет являться именно финансовый результат исполнения компромисса. Однако, по мнению суда, сама формулировка «any worse off» гораздо

шире, чем исключительный финансовый результат, соответственно, помимо такого результата, должны быть рассмотрены все аспекты ответственности, в том числе сроки исполнения, предоставляемые обеспечения и так далее (п. 34-35 акта Высокого суда Англии) [12].

Соблюдение условия В было обеспечено одобрением плана классом кредиторов с обеспеченными требованиями. Единственное, на что суд рекомендует обратить внимание в данном случае – ситуации, в которых классы могут быть созданы искусственно для выполнения требования В (п. 41 акта Высокого суда Англии) [12].

Само по себе формальное наличие данных условий не обязывает суд утверждать план реструктуризации, на что также обращает внимание судья Mr. Justice Trower, поскольку в пояснительных записках к The Corporate Insolvency and Governance Act 2020 в пунктах 190, 192 указывается на абсолютную дискрецию суда при утверждении компромисса (п. 42 акта Высокого суда Англии) [13,14]. Так, компромисс может не быть утвержден судом, например, в ситуации, когда предлагаемый план не является справедливым и беспристрастным. При этом, судья Mr. Justice Trower указал, что соблюдения формальных критериев достаточно для того, чтобы суд воспользовался возможностью придать плану «попутный ветер» («a fair wind behind it») (п. 48-49 акта Высокого суда Англии).

Однако, в то же время, Высокий суд Англии, в лице судьи Mr. Justice Trower, для целей выявления ситуаций, в которых план не является справедливым и беспристрастным, предложил исследовать несколько критериев:

- общую поддержку плана реструктуризации кредиторами и участниками (п. 53 акта Высокого суда Англии) [14];

- справедливо ли были представлены несогласные и одобрявшие план классы на собрании (так, в случае низкой явки суду следует рассмотреть вопрос о причинах такой явки, о наличии каких-либо препятствий) (п. 53 акта Высокого суда Англии);

- справедливо ли классы голосовали в условиях отсутствия каких-либо «теневых» интересов, которые, например, не были отражены в плане (п. 57 акта Высокого суда Англии) [14];

- справедливо ли положение у аналогичных классов при утверждении планов по нескольким компаниям как в деле Re DeepOcean (п. 59 акта Высокого суда Англии);

- справедливо ли положение несогласных классов в сравнении с положением одобрявших план реструктуризации классов (применение теста горизонтального сравнения «the horizontal

comparaison» классов) и, если имеются расхождения в подходах, то объяснимы ли они (п. 62-63 акта Высокого суда Англии);

- имеются ли в плане неясности относительно его применения в целях распределения имеющихся активов (п. 66 акта Высокого суда Англии) [14].

Активное изучение данных вопросов в Великобритании до настоящего времени продолжается, поскольку в практике английских судов появляются новые процессы относительно навязывания планов реструктуризации. Так, например, в деле Hurricane Energy PLC [15], суд установил, что предложенный компромисс не соответствует условию А секции 901G части 26A Закона о компаниях и предпринял попытку доказать, что при выполнении достижимой разумной альтернативы кредиторы и участники могут получить больше, нежели при выполнении плана реструктуризации (п. 53 – 128 акта высокого суда Англии) [15].

В общем, стоит признать, что установленный в Англии механизм «cross-class cram down» в настоящее время является предметом изучения как ученых и исследователей, так и практиков и правоприменителей. Его введение, так или иначе, позволило оставаться Великобритании государством, учитывающим современные мировые тенденции, привлекающим и обеспечивающим надлежащую защиту зарубежных инвестиций [16].

Во Франции действующее в настоящее время законодательство о банкротстве имеет продолжниковскую направленность. Это выражается, в том числе в стремлении сохранить предприятие, избежав введение ликвидационных процедур. В связи с этим, во Франции еще до вступления в силу Директивы существовали механизмы навязывания.

Так, например, законом № 2015-990 от 06.08.2015 «О росте активности и равных экономических возможностях» («LOI n° 2015-990 du 6 août 2015 pour la croissance, l'activité et l'égalité des chances économiques») в Коммерческий Кодекс Франции («Code de commerce») была введена ст. 631-19-2, согласно которой доля мажоритарного акционера или акционера, занимающего блокирующую миноритарную позицию, отказывающегося поддержать план реструктуризации или сотрудничать в его рамках с иными лицами, может быть размыта или принудительно продана с целью утвердить и осуществить реабилитационную процедуру [17-19].

Данное правило могло быть применено для организаций-должников под несколькими условиями:

- у организации-должника работает более 150 сотрудников;

- при прекращении деятельности организации-должника будет нанесен существенный ущерб национальной или региональной экономике, а также будет снижен уровень региональной занятости;

- размытие или изъятие и продажа акций является единственным способом избежать ликвидации компании и достичь восстановления платежеспособности должника.

Сам же механизм навязывания «cross-class cram down», утвержденный Директивой, был введен во Франции в 2021 году. Так, был принят Ордонанс № 2021-1193 от 15.09.2021 («Ordonnance n° 2021-1193 du 15 septembre 2021 portant modification du livre VI du code de commerce»), который ввел изменения во многие статьи Коммерческого Кодекса Франции, а также утвердил новые положения в соответствии с нормами Директивы.

Так, согласно ст. 626-30 Коммерческого Кодекса Франции за план вправе голосовать лишь затронутые планом стороны («sont des parties affectées»), к которым относятся кредиторы, чьи права прямо затрагиваются планом, и участники или акционеры предприятия (в Коммерческом Кодексе Франции в разделе, регулирующем утверждение плана реструктуризации участников и акционеров предлагается называть едино – акционеры или «détenteurs de capital»).

Данные кредиторы и акционеры делятся на классы судебным администратором в зависимости от требований и интересов (на основе достаточной общности экономических интересов).

Решение об одобрении плана принимается каждым классом большинством голосов, при этом порог установлен как 2/3 и более голосующих, или соглашением, составленным внутри класса, также с требованием порога одобрения – 2/3 и более голосующих.

В соответствии со ст. 626-31 Коммерческого Кодекса Франции суд утверждает план реструктуризации при соблюдении следующих условий [20]:

- все классы одобрили такой план;

- план принимается в соответствии с требованиями ст. 626-30 Коммерческого Кодекса Франции;

- планом предусмотрено одинаковое отношение к затронутым сторонам в рамках одного класса, пропорциональное их требованиям и интересам;

- уведомления о голосовании за план и его принятии направлялись надлежащим образом всем заинтересованным лицам;

- получение нового финансирования, если это применимо, должно быть необходимо для реализации плана, а также не должно причинять необоснованного ущерба интересам кредиторов;

- планом предусмотрено, что голосовавшие против одобрения плана затронутые стороны, не окажутся при применении плана в худшем положении, нежели они бы оказались при ликвидации должника или при ином альтернативном варианте, в котором план бы не был утвержден;

- план содержит разумные гарантии осуществления платежей должником кредиторам, а также гарантии общей жизнеспособности организации-должника;

При этом указывается, что суд обеспечивает достаточную защиту интересов затронутых сторон, поэтому план для всех затронутых сторон обязателен.

Механизм «cross-class cram down», в свою очередь, закреплён в ст. 626-32 Коммерческого Кодекса Франции [20].

Так, для навязывания судом плана реструктуризации несогласным классам во Франции требуется соответствие плана всем иным условиям ст. 626-31 Коммерческого Кодекса, кроме, соответственно, одобрения плана всеми классами.

Более того, необходимо, чтобы план был одобрен или большинством классов (при этом одобрение должно быть получено как минимум от одного класса кредиторов, чьи требования являются обеспеченными, или иного класса, находящегося выше, чем необеспеченные кредиторы), или хотя бы одним голосующим классом, за исключением классов акционеров.

Также план для навязывания должен соответствовать следующим условиям:

- план предусматривает полное удовлетворение требований несогласного класса, если более низкий класс в соответствии с планом претендует на какое-либо возмещение;

- план не предусматривает для какого-либо класса большее возмещение, чем общая сумма требований или интересов.

Также при отсутствии согласования плана классами акционеров крупных компаний предусмотрена аналогичная указанной в ст. 631-19-2 Коммерческого Кодекса Франции возможность размыть или изъять и продать акции организации-должника для утверждения плана.

Таким образом, для акционеров во Франции существует реальная угроза лишения акций при условии отказа во взаимодействии в реструктуризации организации – должника, что способствует их большей заинтересованности в утверждении плана реструктуризации и его успешном проведении.

В целом, по результатам настоящего исследования стоит отметить, что страны Европы активно перестраивают свое законодательство, увеличивая роль реабилитации лиц, находящихся в тяжелом финансовом положении. Одним из

важных элементов создаваемой системы, как видно, является «cross-class cram down», позволяющий ввести суду реабилитацию должника вопреки воле некоторых кредиторов, пытающихся по разным причинам блокировать введение реабилитации.

Список литературы:

[1] Об основах превентивной реструктуризации, погашении задолженности и дисквалификации, о мерах по повышению эффективности процедур, касающихся реструктуризации, несостоятельности и погашения задолженности, а также об изменении Директивы (ЕС) 2017/1132 (Директива о реструктуризации и несостоятельности): Директива № 2019/1023 Европейского парламента и Совета Европейского Союза: Принята в г. Брюсселе 20.06.2019. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=66844> (дата обращения 27.06.2025.)

[2] Skauradszun, D., Christoph G. P. Ein Umsetzungskonzept für den präventiven Restrukturierungsrahmen // Zeitschrift für Insolvenzrecht. – 2019. – № 2. – S. 161–192

[3] Corporate Insolvency and Governance Act 2020 [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/12/contents/enacted> (дата обращения 03.08.2025)

[4] Companies Act 2006 [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения 03.08.2025)

[5] Europe, Middle East and Africa Restructuring Review 2022 // Celine Domenget Morin // Law Business Research Ltd. – С. 3-4.

[6] Companies Act 2006: PART 26A, Section 901A Arrangements and reconstructions: companies in financial difficulty [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/part/26A> (дата обращения 03.08.2025)

[7] Companies Act 2006: PART 26A, Section 901C Arrangements and reconstructions: companies in financial difficulty [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/part/26A> (дата обращения 03.08.2025)

[8] Companies Act 2006: PART 26A, Section 901D Arrangements and reconstructions: companies in financial difficulty [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/part/26A> (дата обращения 03.08.2025)

[9] Companies Act 2006: PART 26A, Section 901F Arrangements and reconstructions: companies

in financial difficulty [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/part/26A> (дата обращения 03.08.2025)

[10] Deepocean I UK LTD & ORS, RE : a restructuring plan in respect of three companies in the DeepOcean group (the «Plan Companies») [Электронный ресурс] // CaseIQTM versatile legal research. – Режим доступа: <https://www.casemine.com/judgement/uk/6018f7f92c94e0280caf4aca> (дата обращения 05.08.2025)

[11] Corporate Insolvency and Governance Act 2020 : Chapter 12 [Электронный ресурс] // Explanatory notes. – Published by TSO (The Stationery Office), part of Williams Lea. – 2020. – 72 p.

[12] Deepocean I UK LTD & ORS, RE : a restructuring plan in respect of three companies in the DeepOcean group (the «Plan Companies») [Электронный ресурс] // CaseIQTM versatile legal research. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/6018f7f92c94e0280caf4aca> (дата обращения 05.08.2025)

[13] An application to sanction a restructuring plan (the “Plan”) in respect of Hurricane Energy PLC (the “Company”) under section 901F of the Companies Act 2006 (CA “2006”) [Электронный ресурс] // CaseIQTM versatile legal research. – URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/60e2a2192c94e01fd73c1373> (дата обращения 07.08.2025)

[14] Europe, Middle East and Africa Restructuring Review 2022 // Celine Domenget Morin // Law Business Research Ltd. – 2022. – С. 3.

[15] Pour la croissance, l'activité et l'égalité des chances économiques (1): LOI n° 2015-990 du 6 août 2015 [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000030978561> (дата обращения 10.08.2025)

[16] Code de commerce [Электронный ресурс]. // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/ (дата обращения 10.08.2025.)

[17] Code de commerce : TITRE III : Du redressement judiciaire, Chapitre Ier : De l'ouverture et du déroulement du redressement judiciaire, Article L631-19-2 [Электронный ресурс]. // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000044052913 (дата обращения 10.08.2025.)

[18] Code de commerce : Replier TITRE II : De la sauvegarde, Replier Chapitre VI: Du plan de sauvegarde, Article L626-32 [Электронный ресурс]. // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000044052705/2021-10-01 (дата обращения 10.08.2025.)

References:

[1] Ob osnovakh preventivnoj restrukturizacii, pogashenii zadolzhennosti i diskvalifikacijakh, o merakh po povysheniyu ehffektivnosti procedur, kasayushchikhsya restrukturizacii, nesostoyatel'nosti i pogasheniya zadolzhennosti, a takzhe ob izmenenii Direktivy (ES) 2017/1132 (Direktiva o restrukturizacii i nesostoyatel'nosti): Direktiva № 2019/1023 Evropejskogo parlamenta i Soveta Evropejskogo Soyuz: Prinyata v g. Bryussele 20.06.2019. [Ehlektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tant-PlyuS». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=66844> (data obrashcheniya 27.06.2025.)

[2] Skauradszun, D., Christoph G. P. Ein Umsetzungskonzept für den präventiven Restrukturierungsrahmen // Zeitschrift für Insolvenzrecht. – 2019. – № 2. – S. 161–192

[3] Corporate Insolvency and Governance Act 2020 [Ehlektronnyj resurs] // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/12/contents/enacted> (data obrashcheniya 03.08.2025)

[4] Companies Act 2006 [Ehlektronnyj resurs] // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (data obrashcheniya 03.08.2025)

[5] Europe, Middle East and Africa Restructuring Review 2022 // Celine Domenget Morin // Law Business Research Ltd. – S. 3-4.

[6] Companies Act 2006: PART 26A, Section 901A Arrangements and reconstructions: companies in financial difficulty [Ehlektronnyj resurs] // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/part/26A> (data obrashcheniya 03.08.2025)

[7] Companies Act 2006: PART 26A, Section 901S Arrangements and reconstructions: companies in financial difficulty [Ehlektronnyj resurs] // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/part/26A> (data obrashcheniya 03.08.2025)

[8] Companies Act 2006: PART 26A, Section 901D Arrangements and reconstructions: companies in financial difficulty [Ehlektronnyj resurs] // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/part/26A> (data obrashcheniya 03.08.2025)

[9] Companies Act 2006: PART 26A, Section 901F Arrangements and reconstructions: companies in financial difficulty [Ehlektronnyj resurs] // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/part/26A> (data obrashcheniya 03.08.2025)

[10] Deepocean I UK LTD & ORS, RE : a restructuring plan in respect of three companies in the DeepOcean group (the «Plan Companies») [Ehl-

elektronnyj resurs] // CaseIQTM versatile legal research. – Rezhim dostupa: <https://www.casemine.com/judgement/uk/6018f7f92c94e0280caf4aca> (data obrashcheniya 05.08.2025)

[11] Corporate Insolvency and Governance Act 2020 : Chapter 12 [Elektronnyj resurs] // Explanatory notes. –Published by TSO (The Stationery Office), part of Williams Lea. –2020. – 72 p.

[12] Deepocean I UK LTD & ORS, RE : a restructuring plan in respect of three companies in the DeepOcean group (the «Plan Companies») [Elektronnyj resurs] // CaseIQTM versatile legal research. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/6018f7f92c94e0280caf4aca> (data obrashcheniya 05.08.2025)

[13] An application to sanction a restructuring plan (the “Plan”) in respect of Hurricane Energy PLC (the “Company”) under section 901F of the Companies Act 2006 (CA “2006”) [Elektronnyj resurs] // CaseIQTM versatile legal research. – URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/60e2a2192c94e01fd73c1373> (data obrashcheniya 07.08.2025)

[14] Europe, Middle East and Africa Restructuring Review 2022 // Celine Domenget Morin //Law Business Research Ltd. – 2022. – S. 3.

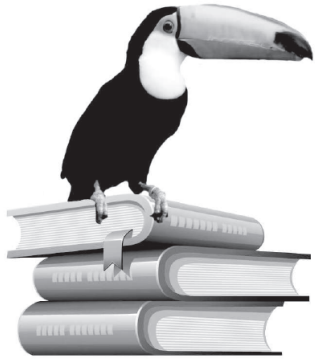
[15] Pour la croissance, l'activité et l'égalité des chances économiques (1): LOI n° 2015-990 du 6 août 2015 [Elektronnyj resurs]. // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000030978561> (data obrashcheniya 10.08.2025)

[16] Code de commerce [Elektronnyj resurs]. // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/ (data obrashcheniya 10.08.2025.)

[17] Code de commerce : TITRE III : Du redressement judiciaire, Chapitre Ier : De l'ouverture et du déroulement du redressement judiciaire, Article L631-19-2 [Elektronnyj resurs]. // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIA-RTI000044052913 (data obrashcheniya 10.08.2025.)

[18] Code de commerce : Replier TITRE II : De la sauvegarde, Replier Chapitre VI: Du plan de sauvegarde, Article L626-32 [Elektronnyj resurs]. // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEG-IA-RTI000044052705/2021-10-01 (data obrashcheniya 10.08.2025.)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-217-225

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ЩЕПОТИН Алексей Владимирович,
аспирант Кафедры теории и истории государства и права
Юридического факультета Таганрогского
института управления и экономики,
e-mail: tuchman@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *Цель:* Выявить особенности цифровизации правореализационной деятельности в англо-американском юридическом процессе, определить современное состояние цифровизации правовых актов и доказательств в судебном процессе англо-американской правовой семьи, провести сравнительную характеристику с современным уровнем цифровизации в российском уголовном процессе и предложить меры его совершенствования.

Методы: Формально-логический, структурно-функциональный и сравнительно-правовой.

Результаты: Исследование процесса и предварительных итогов цифровизации процессуальной деятельности сторон в англо-американском юридическом процессе приводит к выводу, что в нём уже состоялся переход от отдельных способов, приёмов его цифровизации – к комплексным, системным решениям, позволяющим практически полностью исключить личное присутствие в зале суда – с одной стороны и обеспечить непосредственное восприятие судом представляемых доказательств – с другой. Следовательно, ближайшей задачей цифровизации правореализационной деятельности сторон и иных участвующих в гражданском, административном или уголовном деле лиц является предложение комплексного решения, позволяющего (например, посредством развития национального мессенджера Max) гражданам реализовать право на доступ к правосудию на всех стадиях судопроизводства.

Выводы: Исследование проавореализационной деятельности сторон в судопроизводстве США приводит к выводу, что даже в случаях, когда осуществляется исключительно посредством цифровых технологий, особой формой судопроизводства признать можно лишь при условии создания специальных правил, которые обеспечат гарантии лиц, участвующих в такой форме судопроизводства. Речь идет не только о способах фиксации судопроизводственных процедур, но и о способах легитимации участников судебного процесса, о гарантиях правовой определенности статуса участвующих в деле лиц, о степени не столько технической, сколько юридической конфиденциальности их персональных данных и о качестве применяемых в цифровом процессе доказательств (как собственно-цифровых в своем первоначальном виде, так и изготовленных с помощью программных технологий, т.е. производных).

Ключевые слова: юридический процесс, англо-американский юридический процесс, цифровая процессуальная форма, цифровизация юридического процесса, реализация процессуальных прав в цифровой форме, исполнение процессуальных обязанностей в цифровой форме.

SCHEPOTIN Alexey,
Postgraduate Student of the Department
of Theory and History of State and Law at the Faculty
of Law of the Taganrog Institute of Management and Economics

FEATURES OF DIGITALIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN THE ANGLO-AMERICAN LEGAL PROCESS

Annotation. Objective: To identify the features of the digitalization of legal realization activities in the Anglo-American legal process, to determine the current state of digitalization of legal acts and evidence in the judicial process of the Anglo-American legal family, to conduct a comparative characteristic with the current level of digitalization in the Russian criminal process and to propose measures to improve it.

Methods: Formal-logical, structural-functional and comparative-legal.

Results: A study of the process and preliminary results of the digitalization of the procedural activities of the parties in the Anglo-American legal process leads to the conclusion that it has already undergone a transition from individual methods and techniques of its digitalization to complex, systematic solutions that allow almost completely eliminating personal presence in the courtroom, on the one hand, and ensuring the direct perception of the represented by the court. The evidence is on the other hand. Therefore, the immediate task of digitalizing the legal implementation activities of the parties and other persons involved in a civil, administrative or criminal case is to offer a comprehensive solution that allows (for example, through the development of the national messenger Max) citizens to realize the right to access justice at all stages of legal proceedings.

Conclusions: A study of the parties' pro-authorization activities in US legal proceedings leads to the conclusion that even in cases where it is carried out exclusively through digital technologies, a special form of legal proceedings can be recognized only if special rules are created that will ensure the guarantees of persons involved in this form of legal proceedings. We are talking not only about ways to record judicial procedures, but also about ways to legitimize participants in the judicial process, about guarantees of legal certainty of the status of the persons involved in the case, about the degree of not so much technical as legal confidentiality of their personal data and about the quality of evidence used in the digital process (both digital in its original form and and manufactured using software technologies, i.e. derivatives).

Key words: legal process, Anglo-American legal process, digital procedural form, digitalization of the legal process, realization of procedural rights in digital form, performance of procedural duties in digital form.

Введение. Произошедшая 07.10.2024 г. хакерская атака на ГАС «Правосудие» показала не только технические уязвимости данной системы, но и потребность обновления всех цифровых технологий судопроизводства[1]. По мнению экспертов Счетной палаты России (С. Орлова), российская судебная власть оказалась «вне области цифровой трансформации государственного управления» – в силу децентрализованности судебных цифровых систем и как следствие - разрозненности судебной информации и неясности самой стратегии цифровизации. Актуальным в этой связи является анализ тенденций, характерных для цифровизации англо-американского правосудия, угроз и вызовов, с которыми оно сталкивается в процессе цифровизации, а также формулирование рекомендаций, позволяющих ответить на связанные с этим процессом новые вызовы.

Научная значимость публикации обусловлена выявленными научными проблемами, едиными для судебного процесса, которые до сих пор не ставились в российской теории процессуального права, а также сформулированными по некоторым из них предложениями.

Литературный обзор. Англо-американская правовая семья, несмотря на серьезные типологические различия с европейской и евразийской правовыми семьями, признаётся одной из

самых передовых и с точки зрения развития судопроизводства, и с точки зрения развития в нём цифровизации, что и обусловило интерес к ней в российской процессуальной науке. В силу молодости самой проблематики цифровизации право-реализационной деятельности в судопроизводстве и отсутствия диссертационных исследований по данной тематике, наиболее значимыми представляются публикации Л.Ю. Грудцыной 2025 г.[2, с. 35-38], А.А. Собенина 2020 г.[3, с. 158-166], О.В. Брянцевой и О.Л. Солдаткиной 2019 г.[4, с. 36-47], П.С. Пастухова 2018 г.[5, с. 81-87]. За рубежом достаточно широко известны работы профессора Ричарда Саскинда, продвигающего проект Remote Courts Worldwide («Удаленные суды в мировой сети»)[6].

Материалы и методы.

Наибольший объем материала дают сами изучаемые электронные системы, доступ к которым возможен посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Исследование этих систем позволяет выделить ряд особенностей электронного правосудия государств англо-американской правовой семьи, которые, в случае их заимствования в российском судопроизводстве, потребуют создания новых процессуальных норм:

- особенности совершения процессуальных действий при обращении в суд. К ним относится специальный порядок легитимации заявителя и иных лиц, участвующих в деле: посредством выдачи им логина и пароля, под которыми они могут быть идентифицированы в электронно-цифровой среде в качестве участников юридического дела. Иначе говоря, статус участника процессуальных отношений приобретает на иных основаниях и в ином порядке, нежели в судопроизводстве на основе бумажных носителей. В литературе отмечается, что электронные системы, используемые в англо-американском судопроизводстве, «обеспечивают электронную регистрацию и управление делами, а также открытый доступ к судебным материалам»[2, с. 36], однако на самом деле порядок реализации процессуальных прав в этих электронных системах несколько иной: электронная регистрация в системе – главное условие и начальный шаг для последующего её использования. Регистрация – обеспечивает и управление делами, и доступ к судебным материалам, при этом доступ к управлению делами и доступ к судебным материалам – предоставляется различными цифровыми системами, а потому и (идентификационная) регистрация необходима для обеих систем;

- особенности реализации статуса участника юридического процесса и в первую очередь – особенности гарантий в рамках этого статуса. Одна из основных проблем электронной формы в целом и дистанционного ведения судебного процесса в частности – те юридические последствия, которые возникают в случае неправомерного вторжения в судебный процесс лиц, выдающих себя за одного из участников процесса – с целью повлиять на его исход. Риски появления таких ситуаций неизмеримо возрастают в связи с главной особенностью электронно-цифровой формы – правовой презумпцией или даже правовой аксиомой того, что действия, совершенные в электронной системе судопроизводства, совершены именно тем лицом, которое идентифицировано системой в качестве такового. Отсюда вытекает и проблема гарантий статуса иных лиц, участвующих в деле под своим именем. Эта проблема, на практике, связана с центральным вопросом: является ли логин и пароль, который выдается в США судом на основе документов обратившегося, истинными для этого суда в качестве презумпции, т.е. предположения, пока не доказано обратное, или они являются для него истинными в качестве правовой аксиомы, т.е. непреложного (неоспоримого) факта. В первом случае все процессуальные действия, которые совершены третьими лицами под именем участника процесса, могут быть аннулированы (следовательно, у всех иных участников

процесса отсутствуют какие-либо гарантии правовой определенности их статуса), во втором – вторжение третьих лиц под именем участника процесса признается риском самого этого участника процесса, с возложением на него всех негативных последствий такого вторжения. Во всяком случае, такая ситуация требует развития системы процессуальных гарантий, направленных на обеспечение прав участников процесса, связанных с правовой определенностью их положения в процессе, что, по-своему, влияет на формирование действительно новой формы правосудия, отличной от традиционных;

– характер информационных баз (WebCivilLocal, WebCriminal (или WebCrims), WebFamily) - аналогичен российской ГАС «Правосудие», однако и в них для получения любого документа необходима обязательная регистрация. Кроме того, в США существуют программы, которые, дополнительно к информированию о судебных актах, направлены на предварительное предупреждение пользователя об ответственности за разглашение данных, которые могут быть получены пользователем при обращении к этим судебным актам[7];

- особенности юридической ответственности как лиц, участвующих в юридическом процессе, так и лиц, обеспечивающих электронные способы его фиксации. В частности, расширение коммуникативных возможностей судопроизводства связано с ростом рисков утраты конфиденциальности передаваемой по электрическим сетям (как проводным, так и беспроводным) информации. Такое положение особенно актуально для арбитражного процесса (в котором особо требуется обеспечение коммерческой тайны), но в наибольшей мере ставит под угрозу участников уголовного процесса, в первую очередь – систему защиты свидетелей. Значимым является также обеспечение конфиденциальности по делам об усыновлении. Оно требует выявления всех лиц, обеспечивающих электронную форму судебного процесса, и установления для них новых, специальных обязанностей, позволяющих сохранить конфиденциальность передаваемых в цифровой среде данных. Речь идет не только о должностных лицах (следователях, судьях, прокурорах) или адвокатах, вся деятельность которых составляет профессиональную тайну, а о тех лицах, которые составляют органы, через которые происходит передача информации, поскольку эти лица не участвуют непосредственно в уголовном процессе и обязанность сохранения процессуальной тайны на них не распространяется. К этой же категории проблем относится обеспечение конфиденциальности при публикации судебных решений. Возникает вопрос, в каких случаях допустимо опублико-

вать имена участников судебного процесса полностью, а в каких необходимо ограничиться лишь их аббревиатурой? Все эти задачи возникли в первую очередь перед англо-американской правовой системой – при реализации в начале нашего века электронного правосудия. Так, в канадском правосудии одним из основных вопросов оказался именно вопрос обеспечения конфиденциальности при публикации судебных актов. Для решения этой проблемы Судебный консультативный комитет Канады (орган с рекомендательными полномочиями) подготовил ряд документов, содержащих принципы, позволяющие лицу, публикующему судебные акты, сориентироваться между обязанностью их опубликования и обязанностью сохранения персональных данных ((Use of Personal Information in Judgments and Recommended Protocol). Протокол требует создания многоуровневой защиты сведений о процессе. Первый уровень связан с делами, ход расследования и судебного заседания по которым полностью конфиденциален, т.е. не подлежит разглашению ни при каких условиях и ни в каком объеме. Второй уровень защиты сведений о процессе связан с необходимостью сохранения конфиденциальности определенных фактов (связанных с действиями детей, с сексуальным насилием и т.д.). Третий (самый низкий) уровень защиты предполагается для всех иных судебных актов, в которых конфиденциальными признаются только сведения об участвующих в них лицах;

- особенности доказывания по делам, рассматриваемым в электронной форме. С одной стороны, в электронном правосудии очевидно имеет место расширение доказательственных возможностей – за счет использования так называемых инновационных средств доказывания или, во всяком случае, средств формирования у суда представления об объективно произошедших событиях, воссозданных с помощью технических средств. Так, в 2001 году в США был проведен эксперимент «Зал суда 21», в котором было задействовано сразу несколько информационных новшеств. Во-первых, различное местоположение сторон, связавшихся друг с другом по технологии «Скайп»: суд территориально находился в Вирджинии, защитник – в Великобритании, а один из участников процесса – в Австралии. В помещениях каждого из находившихся была оборудована связь со специальной защитой передаваемого трафика. Тем самым доказательства, полученные по видеосвязи (итоги допроса), должны были быть признаны процессуально-допустимыми. Во-вторых, специфические методы доказывания: была применена воссозданная на основе объективных данных голографическая картина взрыва бомбы в

гражданском воздушном судне, для чего в зале суда были дополнительно установлены технические средства для приема и показа трехмерных изображений. При этом представленную голограмму судья мог увидеть с любой точки. Еще один эксперимент по комплексному электронному (цифровому) формированию судебных доказательств был проведен в 2013 г. в Великобритании, хотя и был направлен не на объективную достоверность, а преимущественно на оценку психологии восприятия доказательств. Эксперимент проводился в рамках программы Swift and Sure Justice (Скорая и Обязательная (неизбежная) юстиция, или правосудие). Местом проведения судебного заседания стал Бирмингем, где было сосредоточено все возможное на 2013 год цифровое оборудование: для трансляции видеоизображений, для наглядных презентаций, для беспроводной передачи данных и т.д. Все эти средства, в комплексе, должны были показать возможности электронной юстиции. В итоге после трансляции в суд данных (записей камер) видеонаблюдения, обвиняемый признал вину уже на стадии предварительного слушания. Однако и это обстоятельство выдвигает особые требования к качеству доказательств, к их исходным характеристикам, а в противном случае все основанные на них ретроспективные изображения (голограммы исследуемых событий) - теряют доказательственную силу.

США стали вторым, после Сингапура, государством, которое начало облекать правосудие в цифровую форму. В настоящее время правила электронно-цифрового судопроизводства закреплены в Главе 28 части I («Организация судов») Свода законов США (или «Кодекса США»)[8], однако при характеристике источников правового регулирования США необходимо учитывать значительную роль судебного прецедента: как сообщает, например, Анжела Моррис, вслед за решением одного техасского судьи об использовании китайской видеокоммуникационной программы Zoom – её начали использовать в период социальной (пандемийной CoViD-19) изоляции суды многих штатов[9].

Организация делопроизводства в американской судебной системе (State Unified Court System) отличается тем, что это государство первым приняло акт о цифровом правительстве в 2000 году, однако первые опыты введения цифровых технологий относятся к 1988 году. Именно с этого времени в США появляются первые цифровые базы данных, включающие и нормативные правовые акты, и тексты судебных решений (в России эти базы – «КонсультантПлюс» и «Гарант» - появились в 1993 г.). Далее, с 1996 органами, управляющими хозяйственной деятельностью судов (ана-

логи Судебного департамента в России), была создана электронная база судебных актов Case Management / Electronic Case files (CM/ECF). Первоначально эта база была предназначена для использования в делах о несостоятельности (вследствие необходимости выявления всех судебных производств, ведущихся в отношении несостоятельного должника), но с 1998 – на ее основе была создана электронная база всего делопроизводства во всех федеральных судах.

На первой стадии (поступления документов в систему или непосредственного создания документов в этой системе) создаются файлы документов в определенном цифровом формате (Word, PDF), после чего (момент легитимации) сторона по делу получает от судебного учреждения доступ к электронной системе подачи заявлений в форме логина и пароля. Далее пользователь уже самостоятельно загружает посредством своих технических средств документы в электронную систему и направляет их по определенному электронному адресу (электронному адресу суда).

На второй стадии действует вторая система – Public Acces to Court Electronic Records (PACER), позволяющая получить доступ к информации в CM/ECF. «Public Access to Court Electronic Records» (PACER). Так именуется система, в которой собраны в электронной форме все судебные акты (судебные записи), причем доступ к этим записям – свободен как для всех лиц (открытый, или публичный) и располагается на отдельном государственном сайте США»[10]. Эта система отличается пятью особенностями:

- CM/ECF, логин и пароль в эту систему – действуют не для пользователя и всех его дел в целом, а только в рамках одного, определенного дела (для другого дела выдается другой логин и пароль). Таким образом, в CM/ECF не действует принцип «личного кабинета»;

- логин и пароль в CM/ECF – не совпадает с логином и паролем в информационную систему, в которой отражается движение юридического дела (PACER). Причины такого подхода, как представляется, в большей мере технологические, нежели юридические;

- данная система функционирует в ежедневном режиме, без выходных, круглые сутки, что исключает влияние человеческого фактора (в частности, расписания работы судебной или почтовой организации) и позволяет отправить исковое заявление даже в последнюю минуту срока исковой давности;

- база ее данных обеспечивается не централизованно (например, путем загрузки в систему файлов судебных решений главным администратором системы), а децентрализованно, т.е. теми

судами, судебные акты которых помещаются в систему. Тем самым каждый из американских федеральных судов, в пределах своей юрисдикции, участвует в общем формировании базы данных;

- PACER, опять же в целях повышения рентабельности, разбита на две части, одна из которых является публичной, т.е. доступной неограниченному кругу лиц, а вторая – передается в частные справочные правовые системы (Weslaw, Lexis-Nexis).

На третьей стадии программа CM/ECF отправляет, во-первых, сообщение самому заявителю, возбудившему дело в суде, во-вторых, всю необходимую информацию по делу – другой стороне и всем иным участникам процесса.

Поскольку поддержание работоспособности системы PACER требует финансовых затрат, а возможность обращения в рамках этой системы ко всем судебным прецедентам США оказалась востребованной, ее документы стали предоставляться за 8 центов (за лист, но более 2,4 доллара за весь электронный документ, т.е. весь текст судебного решения).

Исключением из общего правила оплаты является возможность использовать систему до тех пор, пока пользователю не потребуется от системы услуга (несколько услуг) стоимостью более, чем 10 долларов США, которая исчисляется в течение года. Это правило направлено на то, чтобы обеспечить бесплатными услугами непрофессиональных (непостоянных) пользователей системы – с одной стороны и взыскивать постоянную оплату с профессиональных пользователей – с другой. Иначе говоря, оплачиваемой система становится при нескольких признаках, свидетельствующих о профессиональной юридической деятельности пользователя. Тем самым достигается платность пользования данной системой для адвокатов и иных практикующих юристов.

CM/ECF начала свое действие с 2001 года, при этом, как и PACER, администрирование данной системы ведется каждым федеральным судом самостоятельно, а пользовательские пароли – генерируются автоматически при обращении пользователя в судебное учреждение. Отдельный и самостоятельный характер администрирования каждым федеральным судом своей части PACER основан также на отдельном для каждого суда сервере: в случае его порчи по каким-либо причинам информационное взаимодействие между другими судами и с пользователями – не страдает.

Обязательность электронной подачи судебных документов не исключается и в случае, когда они подаются в бумажной форме, поскольку такая

подача сопровождается принятием на себя подающим лицом обязательства о подаче этих документов в электронной форме сразу после отпадения обстоятельств, повлекших невозможность исполнения обязанности электронной подачи. При этом регламентируются даже самые мелкие технические условия подачи. В частности, система ECF позволяет загрузить файлы лишь одной программы - Adobe (или формат Portable Document Format (PDF)), при этом они не могут быть цветными (в том числе цветным шрифтом) или превышать разрешение 300 dpi (очевидно, файлы с более мелким разрешением включают в себя больший объем информации, содержат большее количество байт и мегабайт и являются, говоря языком программирования, более «тяжелыми»). Возможно, такие требования стали необходимы для исключения технологической перегрузки серверов федеральных судов. На это указывает и правило о том, что максимальный объем каждого документа определяется федеральным судом. Однако тем самым формируется система процессуальных правил электронного судопроизводства на уровне федеральных судов, что не представляется оправданным, поскольку может нарушать единый и равный статус заявителей, негативно влияя, в конечном счете, на равное право на судебную защиту.

Однако все сказанное распространяется в США именно на федеральное судопроизводство. Федеративный характер США и высокий уровень самостоятельности штатов, в первую очередь – присутствие в них самостоятельной судебной власти – приводит к различным формам развития цифровизации в региональном правосудии. «Принимая во внимание то обстоятельство, что США являются федеративным государством, каждый суд штата внедрил и использует свой вариант ИТ-систем на основе общих платформ»[11]. Специалисты выделяют на уровне штатов две основные тенденции, в рамках которых идет цифровизация судов: «в некоторых штатах акцент делается на интеграцию электронных систем с существующими правовыми процессами, в то время как другие штаты стремятся к полной цифровизации всех этапов судопроизводства»[2, с. 36].

На некоторую раздробленность информационно-цифровой среды указывают и правила канадского судопроизводства. В частности, установив обязательность электронной подачи документов, канадский законодатель распространил ее не на все провинции (в частности, специфику судопроизводства приобрела провинция Квебек).

Кроме того, не являются едиными и процессуальные правила подачи электронных докумен-

тов (по местной терминологии - e-filing). Так, все документы, которые передаются сторонами суду или которыми они обмениваются между собой, создаются в формате, который определяется судом. Такое положение не вполне удобно, так как юридической фирме необходимо иметь специалиста, способного работать в множестве форматов (word, excel, access, pdf), что никак не способствует удешевлению судебной процедуры и единообразию судопроизводства. Кроме того, под электронной формой в Канаде понимается не только собственно электронный файл, но и жесткий диск (в ряде провинций), на котором содержится исковая документация и который также может быть передан в суд, что приравнивается к подаче искового заявления. Таким образом, в Канаде варьируется и формат электронного документа, и размер электронного файла, и способ его представления в суд, что позволяет заключить о нахождении электронного судопроизводства в Канаде в стадии становления.

В 2002 в Канаде состоялась конференция ElectronicFilingStudy, в рамках которой суды нескольких провинций и Верховный Суд предложили несколько направлений развития электронного оформления возникающих процессуальных правоотношений и электронного взаимодействия (коммуникации). В 2008 в обязательную электронную форму было облечено апелляционное производство, а также возражения ответчика (и иные доводы участвующих в деле лиц) и отношения судебного представительства. В значительной мере на введение обязательности многих процессуальных действий повлиял положительный американский и сингапурский опыт, однако наиболее он оказался значим для формирования электронной системы подачи цифровых документов.

Ныне процессуальные документы в Канаде формируются в формате pdf, а для транспортировки файлов от пользователя в суд используется система Lexis-Nexis Canada.

Еще одна канадская платформа для право-реализации в области судопроизводства - Canadian Legal Information Institute (CanLII), служащая для обеспечения свободного доступа к судебным актам.

Обращение к нормативным правовым актам осуществляется через электронную платформу www.canlii.org.

Помимо названных, информация для право-реализации может быть получена канадскими пользователями непосредственно через Интернет, в который помещены официальные сайты Верховного и Федерального судов. Порядок подключения пользователя закреплен в Модельной

политике: для создания личного кабинета вводятся основные личные данные (ФИО, телефон, электронная почта). Передача документов, по общему правилу, бесплатная, принимаются файлы формата Word, PDF, Excel, JPG, RTF, GIF (наиболее подходящие для создания презентаций и графиков), однако после принятия все файлы (в целях недопущения в них последующих изменений) переводятся в PDF. Действуют также ограничения по «весу» файла и по количеству листов в одном документе. Однако, в отличие от процессуальных правил США и Австралии, участник производства по делу не имеет ни прав, ни технической возможности обращения к материалам своего дела.

Австралийская система электронного доступа к судопроизводству (Electronic Filing System (eFiling)) действует с 2000 г. и доступна через сайт Федерального суда. Как и рассмотренные выше системы электронного доступа, она включает в себя порядок легитимации (посредством регистрации в системе), порядок подачи документов в судебные органы, а также специально - порядок оплаты судебных пошлин и иных судебных расходов различными видами платежных систем. Ее особенностью является последовательное расширение ее функций. Так, в течение первых 10 лет австралийским судьям удалось наладить обратную связь с заявителями (в частности, истцы стали получать сообщения о принятии или отказе в принятии исков), а с 2010 eFiling была заменена более современной системой eLodgment¹, имеющей внутриведомственные связи, возможности действия 24/7 и способную обеспечить многопользовательскую видеосвязь (в настоящее время использование услуг видеосвязи в суде оплачивается отдельно от судебной пошлины).

Результаты. Итак, правореализационную деятельность сторон, как представляется, возможно признать особой формой лишь при условии создания специальных правил, которые обеспечат гарантии лиц, участвующих в такой форме судопроизводства. Речь идет не только о способах фиксации судопроизводственных процедур, но и о способах легитимации участников судебного процесса, о гарантиях правовой определенности статуса участвующих в деле лиц, о степени не столько технической, сколько юридической конфиденциальности их персональных данных и о качестве применяемых в цифровом процессе доказательств (как собственно-цифровых в своем первоначальном виде, так и изготовленных с помощью программных технологий, т.е. производных).

Обсуждение. Наиболее общий вопрос, возникающий в настоящее время для оптимизации правореализационной деятельности в российском судопроизводстве, состоит в том, какую из форм развития цифровизации избрать: первая из форм развития цифровизации характеризуется разовым внедрением цифровой модели, полностью дублирующей (альтернативно заменяющей) традиционный судебный процесс (как это произошло с внедрением программы «Госуслуги»), тогда как вторая форма развития предполагает постепенное внедрение в юридический процесс отдельных элементов цифровизации, или последовательным «подключением» к традиционной модели процесса оптимизирующих, более совершенных - цифровых способов взаимодействия между его участниками. Пока развитие цифровизации в судопроизводстве происходило путём «подключения» к традиционной процессуальной форме новых цифровых возможностей, однако порочность этого пути показывает не только рост расходов на содержание данных систем, но и рост их уязвимостей. Поэтому в качестве постановки вопроса к научной дискуссии следует предложить создание единой, хотя и распределенной, но централизованно управляемой судебной информационной системы, охватывающей не только систему судов общей юрисдикции и Верховный Суд РФ, но и Конституционный Суд РФ и систему арбитражных судов. Данная система должна полностью обеспечить реализацию прав граждан на доступ к правосудию в цифровой форме.

Еще одна проблема, с которой столкнулась цифровизация американского правосудия, достаточно хорошо известна и российским юристам-практикам: опечатки в размещаемых в информационной системе судебных актах. Речь идет не о всех вообще опечатках (также крайне нежелательных для любой поисковой системы), а об опечатках при ссылках в судебных актах на статьи нормативных актов. Эти опечатки в статьях нормативных актов, обычно понимаемые специалистом при чтении одного судебного акта (например, читающий юрист «автоматически» определит ошибку, если вместо статьи 73 УК РФ будет указана статья 73 УПК РФ, или наоборот), становятся критичны при формировании на них гипертекстовых ссылок. В этом случае поиск выдает не те судебные акты, запрос на которые был сформулирован по критерию определенной статьи (или части статьи) нормативного акта, а любые другие, в которых эта статья (или часть статьи) нормативного акта была впечатана по ошибке (описке). Например, в поисковой системе «Судебные и нормативные акты РФ» по поисковому запросу «статья 153 УК РФ» («Подмена ребёнка») нашлось

298 судебных актов[12], однако связаны они были с совершенно иными, нежели подмена ребенка, правовыми ситуациями – в силу опечаток, допущенных при изготовлении этих судебных актов и размещении их в данной поисковой системе. Аномально долго (несколько часов) продолжался поиск по этому же поисковому запросу («153 УК РФ») в подрубке «Статья (категория)» рубрики «Поиск по делам и судебным актам» в Государственной автоматизированной системе РФ «Правосудие», а результат поиска оказался аналогичным. Еще более и, возможно, принципиально критичны становятся такие ошибки, если они окажутся объектом анализа искусственного интеллекта. Будучи связан в своих выводах ограничениями лишь в отношении определенных дел, содержащихся в массиве ошибочных гиперссылок, он может, в свою очередь, начать выдачу некорректных рекомендаций.

При таких условиях правореализационная деятельность участников судопроизводства и их права на доступ к правосудию в цифровой форме оказываются ограничены, что требует более глубокого обращения к опыту цифрового судопроизводства в англо-американской правовой семье, уже решившей эти задачи.

Заключение. Исследование позволяет сделать вывод, что определения электронного правительства, данные административными органами США, Канады и Новой Зеландии – включают в себя электронную демократию, тогда как определения, сформулированные в Великобритании, Австралии и Сингапуре – в свое содержание институты и процессы электронной демократии не включают. Однако во всех названных правовых порядках правовая доктрина исходит из того, что процессы цифровизации и, в частности, институт электронного судопроизводства – направлен на расширение демократии и непосредственной правореализации граждан, что и создаёт основу для возможности заимствования технологического и организационного опыта цифровизации правореализационной деятельности участников судопроизводства.

Список литературы:

[1] «Правосудие» выглядит устаревшим. – Текст электронный // Коммерсант. – 19.05.2025. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7734610?ysclid=mf8ghk0mu0419809448> (дата обращения: 30.05.2025)

[2] Грудцына Л.Ю. Электронное правосудие в США / Л.Ю. Грудцына // Экономика и право. XXI век. – 2025. №1. С. 35-38.

[3] Собенин А.А. Комплексные информационные системы уголовной юстиции США / А.А. Собенин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – №10. – С. 158-166.

[4] Брянцева О.В. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия / О.В. Брянцева, О.С. Солдаткина // Вестник ПАГС. – 2019. №6. С. 36-47.

[5] Пастухов П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США / П.С. Пастухов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №4. – С. 81-87.

[6] Our purpose. – Текст электронный // Remote Courts Worldwide: [сайт]. – URL: <https://remotecourts.org> (дата обращения: 22.08.2025)

[7] Proposed amendment to the federal rules of appellate procedure. – Текст электронный // https://www.uscourts.gov/sites/default/files/document/2025_congressional_package_final.pdf

[8] Свод законов США, часть I – Организация судов. – Текст электронный // Legal Information Institute: [сайт]. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.09fdaa0d-68bbfd42-82893fb8-74722d776562/https/www.law.cornell.edu/uscode/text/28/part-I (дата обращения: 22.08.2025)

[9] Morris A. Judges Rush to Learn Video Conferencing as Shelter-In-Place Orders Spread Across Texas Metros. – Текст электронный / Angela Morris // TEXAS LAWYER: [сайт]. – URL: <https://www.law.com/texaslawyer/2020/03/24/judges-rush-to-learn-video-conferencing-as-shelter-in-place-orders-spread-across-texas-metros/?slreturn=20250906075748> (дата обращения: 22.08.2025)

[10] Public Access to Court Electronic Records. – Текст: электронный // PACER: [сайт]. – URL: <https://pacer.uscourts.gov> (дата обращения: 30.03.2025)

[11] Жанкелдіулы Торекелдi. Зарубежный опыт организации работы судопроизводство в электронном формате. – Текст электронный // Академик. Международный научный журнал. – 2022. – URL: <https://journal-academic.com/nashi-avtory/post/osobennosti-provedeniya-antikorupcionnoj-ekspertizy-normativnyh-pravovyh-aktov-i-ih-proektov-v-sovremennyh-usloviyah-zarubezhnyj-opyt> (дата обращения: 30.03.2025)

[12] Статья 153. Подмена ребенка(УК РФ). – Текст электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+153.+Подмена+ребенка%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=#searchResult (дата обращения: 30.03.2025)

References:

- [1] «PravosudiE» vyglyadit ustarevshim. – Tekst ehlektronnyj // Kommersant. – 19.05.2025. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7734610?ysclid=mf8ghk0mu0419809448> (data obrashcheniya: 30.05.2025)
- [2] Grudcyna L.YU. Ehlektronnoe pravosudie v SSHA / L.YU. Grudcyna // Ehkonomika i pravo. XXI vek. – 2025. №1. S. 35-38.
- [3] Sobenin A.A. Kompleksnye informacionnye sistemy ugovnoy yusticii SSHA / A.A. Sobenin // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. – 2020. – №10. – S. 158-166.
- [4] Bryanceva O.V. Sravnitel'nyj analiz zarubezhnykh sistem ehlektronnogo pravosudiya / O.V. Bryanceva, O.S. Soldatkina // Vestnik PAPS. – 2019. №6. S. 36-47.
- [5] Pastukhov P.S. Ehlektronnyj dokumentooborot v ugovnom processe SSHA / P.S. Pastukhov // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2018. – №4. – S. 81-87.
- [6] Our purpose. – Tekst ehlektronnyj // Remote Courts Worldwide: [sait]. – URL: <https://remotecourts.org> (data obrashcheniya: 22.08.2025)
- [7] Proposed amendment to the federal rules of appellate procedure. – Tekst ehlektronnyj // https://www.uscourts.gov/sites/default/files/document/2025_congressional_package_final.pdf
- [8] Svod zakonov SSHA, chast' I – Organizaciya sudov. – Tekst ehlektronnyj // Legal Information Institute: [sait]. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.09fdaa0d-68bbfd42-82893fb8-74722d776562/https/www.law.cornell.edu/uscode/text/28/part-I (data obrashcheniya: 22.08.2025)
- [9] Morris A. Judges Rush to Learn Video Conferencing as Shelter-In-Place Orders Spread Across Texas Metros. – Tekst ehlektronnyj / Angela Morris // TEXAS LAWYER: [sait]. – URL: <https://www.law.com/texaslawyer/2020/03/24/judges-rush-to-learn-video-conferencing-as-shelter-in-place-orders-spread-across-texas-metros/?slreturn=20250906075748> (data obrashcheniya: 22.08.2025)
- [10] Public Access to Court Electronic Records. – Tekst: ehlektronnyj // PACER: [sait]. – URL: <https://pacer.uscourts.gov> (data obrashcheniya: 30.03.2025)
- [11] Zhankeldiyly Torekeldi. Zarubezhnyj opyt organizacii raboty sudoproizvodstvo v ehlektronnom formate. – Tekst ehlektronnyj // Akademik. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. – 2022. – URL: <https://journal-academic.com/nashi-avtory/post/osobennosti-provedeniya-antikorrupcionnoj-ekspertizy-normativnyh-pravovyh-aktov-i-ih-proektov-v-sovremennyh-usloviyah-zarubezhnyj-opyt> (data obrashcheniya: 30.03.2025)
- [12] Stat'ya 153. Podmena rebenka(UK RF). – Tekst ehlektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF: [sait]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Stat'ya+153.+Podmena+rebenka%28UK+RF%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=#searchResult (data obrashcheniya: 30.03.2025)

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-226-229

ЕРМАКОВ Алексей Рудольфович,
кандидат медицинских наук, доцент,
доцент кафедры тактико-специальной подготовки,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
e-mail: arermakov@gmail.com

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИМ НАВЫКАМ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ ПРИ ДТП - ОЦЕНКА ОПЫТА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Аннотация. Статья посвящена критически важной проблеме эффективности обучения населения практическим навыкам оказания первой помощи при дорожно-транспортных происшествиях (ДТП). Автор проводит сравнительный анализ краткосрочных (4-часовых) и длительных (16-часовых) курсов обучения, принятых в различных европейских странах. Результаты демонстрируют существенное превосходство 16-часового опытного (практико-ориентированного) обучения. Делается вывод о необходимости внедрения продолжительных практико-ориентированных курсов первой помощи, включающих отработку действий в смоделированных чрезвычайных ситуациях, для подготовки водителей и повышения уровня безопасности на дорогах.

Ключевые слова: первая помощь, ДТП, эффективность обучения, практические навыки, симуляционное обучение, продолжительность курса, сердечно-легочная реанимация (СЛР), готовность помочь, психологический стресс.

ERMAKOV Alexey Rudolfovich,
candidate of medical sciences, associate professor,
associate professor of the department of tactical and special training,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

EFFICIENCY OF TRAINING PRACTICAL FIRST AID SKILLS IN ROAD ACCIDENTS - ASSESSMENT OF THE EXPERIENCE OF EUROPEAN COUNTRIES

Annotation. The article addresses the critical issue of the effectiveness of training the general public in practical first aid skills for road traffic accidents (RTAs). The author presents a comparative analysis of short-term (4-hour) and long-term (16-hour) training courses adopted in various European countries. The results demonstrate a significant superiority of 16-hour experience-based (practice-oriented) training. Participants of such training not only showed higher knowledge and skills but also exhibited better psychological readiness, less stress, and greater risk awareness. The conclusion emphasizes the necessity of implementing extended practice-oriented first aid courses, including training in simulated emergencies, for driver education and improving road safety.

Key words: first aid, road traffic accident (RTA), training effectiveness, practical skills, simulation training, course duration, cardiopulmonary resuscitation (CPR), willingness to help, psychological stress.

Введение

Первая помощь - это фактор, уменьшающий ущерб здоровью и гибель людей в дорожно-транспортных происшествиях. Поэтому необходимость подготовки людей к оказанию хотя бы базовой первой помощи является важнейшим фактором снижения смертности на дорогах.

Согласно последнему Глобальному докладу ВОЗ о состоянии безопасности дорожного движения [3], ежегодно в результате ДТП в мире гибнет около 1,19 миллиона человек, а еще от 20 до 50 миллионов получают травмы, зачастую приводящие к инвалидности. Дорожно-транспортный травматизм остается ведущей причиной смерти

детей и молодежи в возрасте от 5 до 29 лет, что подчеркивает его катастрофическое влияние на будущее поколение. Интересно отметить, что более 90% смертности приходится на страны с низким и средним уровнем дохода.

В случае аварии немедленная помощь прохожих может спасти жизни и уменьшить вред здоровью. Лица, оказывающие первую помощь, также могут значительно сократить время до прибытия профессиональной медицинской помощи, немедленно вызвав профессиональную помощь. Таким образом, надлежащая первая медицинская помощь является одним из важных аспектов безопасности дорожного движения.

В европейских странах, где уровень медицинского обслуживания высок, 50% смертельных случаев происходит до поступления в больницу. Первые несколько минут после аварии имеют решающее значение, и во многих случаях только немедленные действия случайных прохожих могут спасти жизни.

Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (IFRC) [4] заявляет, что более 50% смертей в результате дорожно-транспортных происшествий происходит в первые несколько минут после аварии. В случае остановки сердца мозг начинает умирать в течение 4 мин. Каждая минута снижает шансы на выживание на 10%. В Европе это примерно 8 - 15 мин до приезда службы экстренной помощи [5]. Многие неотложные состояния необходимо лечить намного быстрее, поэтому помощь посторонних имеет решающее значение.

Поэтому МФКК, а также национальные организации Красного Креста призывают к тому, чтобы более высокий процент населения проходил обучение методам оказания первой помощи. Однако количество людей, обученных оказанию первой помощи, сильно различается по всей Европе. Современные данные свидетельствуют, что процент населения, прошедшего обучение первой помощи и готового к ее оказанию, по-прежнему сильно варьируется в Европе. Согласно отчету Европейского Совета по Реанимации (2021), готовность очевидцев к проведению сердечно-легочной реанимации (СЛР) — ключевого навыка первой помощи — составляет от 13% до 82% в разных странах [8]. Это косвенно, но красноречиво отражает разницу в подходах к обучению. В таких странах, как Германия, по данным национального общества Красного Креста (2023), около 20-25% населения обновили свои знания за последние несколько лет [9]. При этом в странах с обязательным и глубоким обучением (например, в рамках получения водительских прав) отмечаются и более высокие показатели реальной готовности помочь.

При этом в некоторых странах, например, в Чехии, автошколы предлагают только 4-часовые курсы по оказанию первой помощи. В некоторых других странах время обучения составляет 16 часов и даже больше.

Но обязательно ли большее время обучения - значит больший эффект его.

По оценкам, в Чешской Республике только 4% людей систематически обучаются оказанию первой помощи. Однако процент людей, прошедших обучение оказанию первой помощи, не обязательно указывает на высокий уровень компетенций, готовность помочь на требуемом уровне и может не иметь ничего общего с фактическими показателями оказания первой помощи непрофессионалам. По сравнению с Чешской Республикой, а также с остальной Европой, процент населения в Австрии и Германии, прошедшем обучение оказанию первой помощи, очень высок. Однако фактический уровень навыков оказания первой помощи в Германии и Австрии довольно низок [1,5]. В Австрии и Германии только 12,5% людей действительно готовы помочь [6]. Обучение оказанию первой помощи обычно носит слишком теоретический характер и не имеет никакого отношения к реальности. Из-за этого многие люди не способны действовать должным образом, хотя формально прошли обучение.

Цель работы

В нашей работе, мы решили сравнить эффективность стандартного 16-часового курса первой помощи, принятого во многих странах Европы, в том числе России, с эффективностью стандартного 4-часовым обучения, принятого в других странах.

Оценка осуществлялась путем метаанализа работ, проведенных в Чехии и Германии по исследованию влияния продолжительности обучения на три уровня компетенций:

1. Знания;
2. Навыки;
3. Производительность в смоделированной ситуации.

По результатам анализа исследований, проведенных в Чехии и Германии после обучения группы участников. Первые прошли стандартную 4-часовую программу, а вторые - 16-часовую практическую подготовку оценивался уровень знаний, навыков и результативности в смоделированных ситуациях, чтобы увидеть, есть ли различия между двумя группами.

Оценивались три основных навыка - проверка жизненных функций (лечение пострадавшего без сознания, около 1 мин), СЛР - искусственное дыхание и СЛР - компрессии грудной клетки (примерно 2,5 мин). Работа была оценена

и отмечена опытным наблюдателем. Затем была создана смоделированная ситуация. - место ДТП с пострадавшими, которым участники должны были оказать первую помощь. Одновременно было три участника, и моделирование длилось примерно 5 минут. Производительность в смоделированной ситуации наблюдалась и оценивалась обученным наблюдателем (инструктором по оказанию первой помощи, отличным от инструкторов обеих групп). Один и тот же наблюдатель наблюдал за всеми участниками в обеих группах и не имел информации о том, через какое обучение прошли участники. Для проверки их работоспособности использовалась видеозапись. Были оценены четыре основных аспекта - активность, скорость реакции, точность действия и осведомленность о рисках безопасности. Результаты были отмечены по той же шкале, что и выше). Наблюдатель также отметил любую нестандартную реакцию (эмоции, стресс).

Результаты

Оценки, полученные участниками 16-часового тренинга на основе опыта, сравнивались с оценками участников, прошедших стандартный 4-часовой курс оказания первой помощи. Из-за небольшого количества проанализированных работ была проведена только основная описательная статистика.

Наш анализ показывает различия в знаниях между участниками длительного и обычного обучения. Во всех результатах есть заметная разница между группами. Результаты 4-часового стандартного обучения были довольно плохими, с другой стороны, результаты 16-часового практического обучения были очень хорошими. По вопросам внутренних травм и травм позвоночника различия были огромными, поскольку такие темы не рассматривались в большинстве коротких 4-часовых тренировок, поэтому никто из участников 4-часовой тренировки не знал правильных ответов. Также было очевидно, что на знания участников стандартного 4-часового тренинга также повлияло множество мифов и недоразумений.

При сравнении основных навыков отчетливо видна замечательная разница между 16-часовым обучением на основе опыта и стандартной концепцией. Самая большая разница в проверке жизненных функций - бессознательное лечение травм, при котором участники стандартного тренинга показали низкую производительность. Наименьшая разница была в компрессии грудной клетки. Вероятно, это связано с тем, что компрессия грудной клетки - одно из немногих практических занятий, которые проводятся в форме 4-часовой стандартной тренировки. Однако показатели участников стандартной 4-часовой тренировки

продолжали ухудшаться, и они также спонтанно отмечали большее напряжение и стресс во время занятий.

Когда участников попросили действовать в смоделированной ситуации (дорожно-транспортное происшествие с пострадавшими), стали заметны некоторые различия в активности и скорости реакции. Однако была еще большая разница в точности работы и особенно в осведомленности о рисках безопасности. Участники тренинга, основанного на опыте, где риски для непрофессионалов - одна из важнейших тем, были гораздо лучше осведомлены о потенциальных опасностях, чем люди, не прошедшие такое обучение. Во многих стандартных ситуациях участники также испытали панику или огромную эмоциональную реакцию, которая повлияла на их выступления. Они спонтанно сообщили о сильном напряжении и стрессе, а также о чувстве неудачи, которое сохранялось после симуляции.

Вывод

Эффективная первая медицинская помощь - это фактор, снижающий вред здоровью и человеческие жертвы в дорожно-транспортных происшествиях. Поэтому необходимо подготовить население к оказанию первой эффективной помощи. В четырехчасовые тренинги по оказанию первой помощи, которые являются неотъемлемой частью курсов автошколы, не обеспечивают должного уровня знаний. Поэтому мы за концепцию 16-часового курса оказания первой помощи, основанного на опыте, который может улучшить подготовку кандидатов на водительские права, а также лицензированных водителей. Тренинг содержит сокращенный объем информации, которая хорошо структурирована и понятна. Отработка необходимых навыков также является частью курса. Наиболее важной частью обучения оказанию первой помощи, основанного на опыте, являются смоделированные ситуации и подробный анализ производительности и эффективности, а также эмоциональных процессов. Все эти мероприятия помогают участникам эффективно управлять чрезвычайными ситуациями.

Исследования показали заметные различия в знаниях и навыках, а также в способности действовать в смоделированной ситуации между людьми, прошедшими обучение на основе опыта, и людьми, прошедшими стандартный курс оказания первой помощи. По сравнению с 4-часовым стандартным обучением, 16-часовое обучение, основанное на опыте, демонстрирует больше знаний, а также лучшие навыки. Они также лучше работают в смоделированных чрезвычайных ситуациях и заявляют о большем комфорте и меньшем количестве неадекватных эмоциональных реакций.

Список литературы:

[1] Burghofer K, Köhler MUA (2008) Erste-Hilfe-Maßnahmen bei Notfällen, Prospektive Beobachtungsstudie bei Primäreinsätzen des RTH Christoph 1. Notfall & Rettungsmedizin 11(2):127–136. doi:10.1007/s10049-007-0985-5

[2] Hasík J, Srnský P, Škola P et al (2012) Standardy první pomoci. Czech Red Cross, Prague (First aid standards—based on the 2010 first aid guidelines)

[3] World Health Organization. (2023). Global status report on road safety 2023. Geneva: World Health Organization. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO

[4] IFRC health and care department (2010) First aid for a safer future, Updated global edition; Advocacy report 2010. Available in: <http://www.ifrc.org/PageFiles/53459/First%20aid%20for%20a%20safer%20future%20Updated%20global%20edi->

[tion%20%20Advocacy%20report%202010%20%282%29.pdf?epslanguage=en](#)

[5] Müller MU (2008) Notfall im Ohrensessel. . Nr. 15, 2008, S. 152

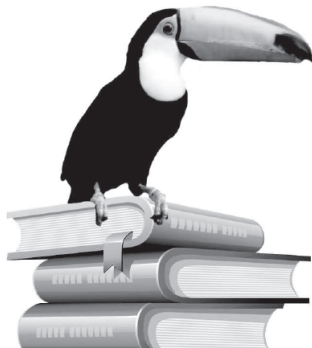
[6] Pleskot R, Štěpánek K, Šímanovská B, Nižňanský M et al (2018) První pomoc zážitkem (First aid by experience). ZDRSEM, Prague (internal methodical handbook)

[7] Sobotka P (2014) Přehled o nehodovosti na pozemních komunikacích v České Republice za rok 2019. Ředitelství služby dopravní policie policejního presidia, Prague

[8] Gräsner, J. T., et al. (2021). European Resuscitation Council Guidelines 2021: Epidemiology of cardiac arrest in Europe. Resuscitation, 161, 61-79.

[9] Deutsches Rotes Kreuz. (2023). Erste-Hilfe-Ausbildung: Zahlen und Fakten.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БЕСПАЛОВ Александр Викторович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории и экономической теории,
Академия ГПС МЧС России, г. Москва,
e-mail: bds_69@mail.ru

КРИЗИС ДАТСКО - ГОТТОРПСКИХ ОТНОШЕНИЙ ИЗ-ЗА ПРАВОВОГО СТАТУСА ГЕРЦОГСТВ ШЛЕЗВИГ И ГОЛЬШТЕЙН В 1694-1699 ГГ.

Аннотация. Юридическая практика в системе международных отношений играет одну из ведущих ролей, закрепляя права того или иного государства, участвующего в переговорах.

В нашем случае автор на основе анализа документов земельного архива Шлезвиг-Гольштейна, опубликованных документов Королевского архива Дании, научных монографий и статей пытается рассмотреть все основные и второстепенные аспекты многосторонних переговоров между королевским домом датских Ольденбургов и представителями младшей ветви династии - герцогов Шлезвиг-Гольштейн-Готторпских, пытавшихся определить и закрепить за собой суверенные права на спорные территории в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн в конце 90-х годов XVII века.

Ключевые слова: империя, суверенитет, герцогства, Дания, право.

BESPALOV Alexander Viktorovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of History and Economic Theory,
Academy of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia

CRISIS IN DANISH-GOTTORP RELATIONS OVER THE LEGAL STATUS OF THE DUCHIES OF SCHLESWIG AND HOLSTEIN IN 1694-1699.

Annotation. In our case, the author, based on an analysis of documents from the Schleswig-Holstein land archive, published documents from the Royal Danish Archives, scientific monographs and articles, attempts to examine all the main and secondary aspects of the multilateral negotiations between the royal house of the Danish Oldenburgs and representatives of the junior branch of the dynasty - the Dukes of Schleswig-Holstein-Gottorp, who tried to define and secure their sovereign rights to the disputed territories in the duchies of Schleswig and Holstein in the late 90s of the 17th century.

Key words: empire, sovereignty, duchies, Denmark, law.

Введение

Основным документом, регулировавшим правовые отношения между Датско-Норвежским королевством и герцогством Шлезвиг-Гольштейн-Готторп в конце XVII века являлся Альтонский договор (соглашение) 20 июня 1689 года. Этот правовой документ считается в юридической практике нового времени одним из значимых примеров достижения компромисса путем длительных многосторонних переговоров. При ведении

этих переговоров стороны постоянно ссылались на правовые нормы того времени, а именно «германского» (имперского права), разработанного на основе «римского права» и так называемого датского права, основанного на местных традициях[5;6;8;9;10;11;12;13;14;21;22;37;39].

Все это стройно переплеталось с династическими правами и международным правом.

Цель нашей статьи - показать как развивались датско - готторпские отношения после заклю-

чения Альтонского договора и какие причины привели к обострению противоречий между монархами Дании-Норвегии и герцогом Шлезвиг-Гольштейн-Готторпа в конце 90-х годов 17-го века.

Задача - на основе анализа документов земельного архива Шлезвиг-Гольштейна, опубликованных документов Государственного архива Дании, научных монографий и статей воссоздать наиболее полную картину переговоров и противостояния между Данией, Гольштейн-Готторпом и их посредниками в конце 90-х годов 17-го века.

Основная часть

Источник конфликта между Данией-Норвегией и Шлезвиг-Гольштейн-Готторпом был изначально заложен в юридическо - правовом статусе территорий герцогств Шлезвиг и Гольштейн, династическими правами на эти территории двух ветвей одной династии, а также выгодным географическим положением этих территорий.

Специалисты отмечают неурегулированность юридических и земельных вопросов между королевским и герцогскими домами, что, в свою очередь, и породило главную проблему - неопределенность правового статуса Гольштейн-Готторпской династии, а вместе с этим и неотвратимое желание герцогов добиться полного суверенитета от датской короны[1;3;6;10].

Если герцогство Гольштейн входило в состав «Священной римской империи германской нации», то герцогство Шлезвиг было независимым владением датских королей. Вместе с тем, короли Дании-Норвегии тоже являлись вассалами императора, так как они владели частью Гольштейна, Ольденбурга, Дальменхорста и Альтоны, а эти территории входили в состав «Священной римской империи германской нации».

Семейный раздел 1544 года между Ольденбургами был обычной практикой того времени и должен был гарантировать сохранение целостности датской державы и передачу трона старшей линии дома Ольденбургов, в то же время король был кровно заинтересован в тотальном контроле за территориями, выделенными во владение его сводным братьям[19;20;22;23;24;34].

Именно поэтому учитывалась не целостность выделяемой в наследство территории, а уровень собираемых на ней доходов. Кроме того, в герцогстве Шлезвиг использовалось вплоть до 1687 года ютландское право, а в герцогстве Гольштейн - имперское право. При этом в правовом отношении датский король настаивал на выполнении т.н. «унионов» - статуты, чрезвычайно ограничивавших самостоятельность новоявленных монархов[13;23].

« В герцогствах и королевстве применялись разные правила наследования, что усложняло историю. В Дании, как правило, старший сын короля назначался наследником престола и наследником всего королевства, в то время как в герцогствах было принято делить владения между всеми сыновьями. Таким образом, со временем размеры герцогств стали дифференцированными, а вместе с ними и ранг и статус герцогов. Таким образом, в Шлезвиг-Гольштейне возникло несколько герцогств, но они не были автономными и независимыми...»[37.]

Это обстоятельство, в свою очередь, порождало серьезные противоречия. так как размер владений представителей герцогских домов и короля, а значит и их влияние на принятие решений был разным.

В связи с этим следует вспомнить, что договор 1460 года в Риге четко оговаривал, что Шлезвиг и Гольштейн управляются совместно[33.]. При разделении герцогств это означало лишь то, что герцогу предоставлялось право управлять только выделенной ему частью герцогств, но все спорные вопросы, имеющие значение для Шлезвиг-Гольштейна в целом, должны были приниматься в рамках совместного управления. То есть, суверенитет обеих сторон, и королевской, и герцогской, был формально ограничен их наследственной территорией. Они, в частности, заботились о ремонте дорог, назначении священников и сборе налогов с крестьян. В отличие от других герцогов, король не жил в герцогствах. От его имени управлял наместник - штатгальтер.

Таким образом, вопросы местного управления находились в компетенции штатгальтера и герцогов, а вопросы внешней политики герцогств, которые должны были рассматриваться на заседаниях объединённого правительства, как правило решались исходя из точки зрения датского короля, обладавшего реальной военной мощью, что наглядно демонстрировало ограниченность суверенитета правящих герцогских домов - в том числе и герцогов Гольштейн-Готторпских.

Проблема усугубилась в 1581 году во время второго раздела Шлезвига и Гольштейна между королем Фредериком II, герцогом Адольфом Гольштейн-Готторпским и Хансом (Младшим) в той пропорции, в какой находились их прежние владения на территории обоих герцогств. После смерти в 1622 г. Ханса (Младшего) его владения были поделены на пять мелких герцогств: Сённерборг, Нордборг, Глюксбург, Эре и Плен, из которых Эре оставалось отдельным герцогством лишь до 1633 г.[12.]

Таким образом, в герцогствах сложилась следующая форма собственности[30;35.] :

- анклавы принадлежащие датской короне, то есть территории, на которых король обладал полным суверенитетом;

- анклавы принадлежащие герцогам Гольштейн-Готторпским, то есть территории, на которых герцог обладал полным суверенитетом;

- «унионы», то есть территории, находящиеся в совместном управлении короля и герцога. Здесь суверенитет обеих сторон ограничивался ландтагом;

- владения князя-архиепископа Любекского;

- владения вольных городов Гамбург, Любек;

- владения находящиеся в совместном управлении герцогов Гольштейн-Готторпа, вольных городов Гамбург и Любек;

- графство Пиннеберг;

- графство Рантцау;

- выморочными владениями герцогов Шлезвиг-Гольштейн-Зонденторпских. Они являлись частными владельцами земель в герцогствах, но не имели права суверенитета, а также права чеканить свою монету и содержать постоянную армию.

Анализ документов земельного архива Шлезвиг-Гольштейна [34.№. 731;732;1587] показывает нам всю противоречивость взаимоотношений датских монархов и герцогов Гольштейн-Готторпа, являвшихся противниками монарха на юге Ютландского полуострова.

Из-за разного разъяснения одних и тех же юридических норм и статей противоборствующими сторонами, размытости границ и полномочий, герцоги могли управлять в качестве суверенов только третью своих владений, что ставило их в заведомо невыгодное положение. В свою очередь датские монархи всячески ограничивали суверенитет герцогов, пытаясь свести его к нулю.

До Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) шансы герцогов на обретение полного суверенитета были невелики, но король Кристиан IV (1588-1648 гг.), в обход ландтага Шлезвига и Гольштейна принял решение объявить войну императору Фердинанду II (1619-1637 гг.). Это привело к разгрому датских войск и оккупации Шлезвиг-Гольштейна. Именно тогда герцог Фридрих III (1615-1659 гг.) начал искать покровительства у Швеции- противника Дании [1;2;4;6;8;16;17;21;32;36].

Вместе с тем, ситуация еще более усугубилась после заключения в 1648 году по итогам Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) Вестфальского мира.

«Вестфальский мир закрепил принципы государственного интереса как средства улаживания конфликтов во внешней и внутренней политике европейских государств, а также констатировал институциональное закрепление наций в Европе. Новые изменения обусловили и новые подходы абсолютных монархий к своей деятель-

ности в период XVII—XVIII вв. Хотя в значительной степени государственно-правовые изменения абсолютизма были подготовлены идеологически теориями Ж. Боссюэ, Ж. Бодена и Р. Филмера, институционально они были реализованы благодаря положениям Вестфальского мира, не только усилившего абсолютную власть французского короля, но и фактически санкционировавшего распад Священной Римской империи германской нации на 355 самостоятельных государств, правители которых получили возможность конструирования новой политической системы, основанной на рациональном подходе к государственному интересу. При этом речь шла не просто о дальнейшем развитии политического партикуляризма, характерного для Германии в период Средневековья, а о переходе к принципиально новой политической системе. Несмотря на формальное сохранение верховенства власти императора, германские князья приобрели широкие политические полномочия, делавшие их самостоятельным субъектом международных отношений.

Свидетельством формального равенства германских князей и императора в международной право-субъектности являются § 10 ст. 17 Оснабрюкского договора и § 119 Мюнстерского договора, в которых перечислены участники Вестфальского мирного конгресса, в том числе наряду с императором называются германские курфюрсты и князья. Несмотря на то что названные в тексте субъекты обладали различным правовым статусом, перечисление их в одном ряду позволяет предположить, что для авторов договоров все эти субъекты обладали определенной общей чертой, которая и позволяет их рассматривать в одном ряду. Представляется, что в качестве такого признака, объединяющего всех упомянутых субъектов на международной арене, и выступает суверенитет.

Поддержание политической системы, созданной Вестфальским миром, возлагалось на Швецию и Францию. Без их согласия нельзя было отменить или изменить ни одного положения Вестфальского мира. Речь шла как о территориальных изменениях, так и политическом строе Германии. Аксиологически эта норма дихотомична. С одной стороны, создавались гарантии для германских княжеств, что империя не сможет посягнуть на их суверенитет, с другой — пресекались потенциальные попытки княжеств к объединению в единое государство.

Онтологически это означало победу партикулярной тенденции государственно-правового развития Германии над универсалистской и установление определенного баланса сил на территории Империи, которая в силу этого приобретала двойственный характер: формально сохранялись

феодалы принципы организации формы государства, фактически взаимоотношения германских князей между собой и с иностранными государствами приобретали характер межгосударственных. В совокупности это задержало процесс формирования единой Германии почти на два столетия.

При этом стремление к независимости германских князей не могло быть реализовано прежде, чем были преодолены универсалистские устремления не только императора Священной Римской империи германской нации, но и папы римского. Поэтому Вестфальский мир как в части установления политического и юридического равноправия, одновременно затрагивали и конституционное устройство империи и княжеств. В частности, § 1 ст. 5 Оснабрюкского договора, закрепивший равенство сословий независимо от их религиозной принадлежности, фактически означал установление политического равноправия владетельных князей независимо от их места в феодальной иерархии.

... эта победа партикуляризма над универсализмом была осуществлена не традиционными средневековыми средствами, а созданием нового государственного механизма, основанного на политическом суверенитете. Закрепление режима суверенитета в качестве единственной формы политической организации на европейском континенте стало одним из основных достижений Вестфальского мира... [18].

Ссылаясь на положения Вестфальского мирного договора и поддержку Швеции в 1660 году герцоги получили право суверенитета на принадлежащие им владения в Шлезвиге [17;19;25]. Однако до полного суверенитета герцогств было ещё далеко. Шлезвиг-Гольштейн по-прежнему управлялся совместной королевско-герцогской администрацией (Kommunion), и это ограничение самостоятельности Гольштейн - Готторпов ликвидировано не было. Но нелёгким оказалось и положение Дании. Отныне у неё в подбрюшье находился политически чуждый анклав, который делал величие и мощь королевства ущербными и неполноценными. Отныне те же шведы могли когда угодно ввести свои войска в основную часть державы — на юг Ютландского полуострова — без согласия королей. В то же время флот, базировавшийся в Стокгольме, постоянно угрожал безопасности датских островов, что представляло собой уникальную в истории Дании, постоянную угрозу. Именно она заставляла Кристиана V постоянно стремиться изменить это положение силой, что показали события Сконской войны (1675-1679 гг.) [16].

Оккупация датчанами герцогских владений в 1675 году привела к новому международному кри-

зису на севере Европы и была разрешена только в 1689 году после длительных переговоров в Альтоне.

Альтонский договор восстанавливал суверенитет герцога в его владениях, но он был вынужден подтвердить униионы — то есть, ряд законов, подписанных датскими королями и герцогами в XV—XVII вв., которые лимитировали количество солдат и мощь крепостей в каждом герцогском анклав[34.№.1596; 1690;3451; 3514;6761].

Договаривающие стороны гарантировали решение спорных вопросов в суде. Кроме того, договор подтверждал взаимный запрет поддержки врагов: короли и герцоги должны были даже помогать друг другу в случае нападения на одну из сторон. Кроме того, герцог не мог нанимать за рубежом войска, самостоятельно заключать военные союзы и усиливать пограничные с Данией укрепления[34. №. 517].

Гарантами договора выступили Англия, Нидерланды, Швеция, герцогства Брауншвейн-Люнебург и Брауншвейг-Вольфенбюттель.

Альтонский договор явился плодом тяжелого компромисса между королями Дании и герцогами Гольштейн-Готторпа, достигнутого путем долгих, изматывающих переговоров всех заинтересованных в этом сторон. Увы, но формулировки пунктов 3 и 5 этого договора были столь расплывчаты и двусмысленны, а объявленный в нем суверенитет герцога и содержание униионов были в таком противоречии, что датско-готторпские столкновения стали неизбежны, так как герцог в осуществлении своих прав как суверенного правителя не мог не нарушать пунктов нового соглашения. Таким образом Дания в ожидании очередного конфликта могла надеяться только на поддержку гарантов Альтоны, а герцог — лишь на Швецию.

Приход к власти в Шлезвиг-Гольштейн-Готторпе в январе 1695 года молодого, амбициозного герцога Фридриха IV (1695-1702) обострило отношения с Копенгагеном. Он был ревностным другом Швеции и питал глубокую неприязнь к Дании. Герцог отправил в отставку главного советника фон Алефельта и канцлера фон Рейхенбаха, являвшимися сторонниками поиска баланса в отношениях с Данией и назначил на их посты тайного советника фон Веддеркопа и камергера фон Кёнигштайна, которые выступали за более тесный союз с Швецией[31.S.13.].

В рамках нового политического курса были возобновлены переговоры о браке герцога со старшей дочерью короля Швеции Карла XI принцессой Хедвигой Софией[7.]. Кроме того, герцог принял меры, направленные на суровый ответ на датские претензии, которые могли нанести ущерб интересам Готторпского дома. В начале 1695 года он добился от шведского правительства оказания

военной помощи. Карл XI удовлетворил просьбу герцога. Он приказал генерал-губернатору Бремена, графу Дальбергу, принять меры к тому, чтобы герцог в случае возникновения угроз со стороны Дании, получил пять рот из состава расквартированных в герцогстве Бремен-Верден шведских войск. Однако эти войска по-прежнему должны были получать содержание из Бремена. Одновременно с отправкой этих распоряжений графу Дальбергу Карл XI возобновил свои гарантии Северного мира и Альтонского договора в пользу Готторпского дома. Он сделал это тем более охотно, что процветание Швеции во многом было связано с успехами Готторпского дома. И Карл XI и герцог могли считать интересы друг друга общими и неразделимыми[38].

Заручившись поддержкой Стокгольма, герцог решил привести к присяге сословия, что вызвало возмущение в Копенгагене, ибо эта церемония могла быть проведена только с согласия короля, патрициата вольных городов Гамбурга, Любека, а также князя-архиепископа Любека. Представители герцога ссылались на прецедент 1671 года, когда и король Кристиан V и герцог Кристиан Альбрехт не принимали оммаж у «вольных городов» и поэтому процедура, по их мнению, будет проведена без нарушений. Копенгаген настаивал на противоположном. В итоге герцог отказался приводить к присяге сословия «вольных городов», так как это грозило ему испорченными отношениями с императором, империей и нижнесаксонским округом[35.S.14-15.].

Герцог вскоре после окончания Рендсбургской конференции направил Кристиану V довольно резкое письмо, обвиняя его представителей в прямом препятствовании приведения к присяге сословий герцогств и ограничении его прав. Особенно это касалось владений Готторпов в Шлезвиге. В Шлезвиге, как и Кристиан V, он обладал суверенитетом, который не мог быть оспорен. Герцогство Гольштейн вместе с присоединёнными к нему землями было для него старым наследственным феодалом императора и империи. После смерти герцога Альбрехта его права, естественно, перешли к его сыну, а это означало, что герцог Фридрих обладал равными с Кристианом V полномочиями и властью. Однако из этого следовало, что соправитель не мог чинить никаких препятствий в отношении сбора налогов с его владений в герцогстве чему всячески препятствовали королевские чиновники.

Наконец, герцог хотел обратиться к датскому правительству с просьбой предоставить королевским советникам полномочия рассматривать апелляцию герцога и принимать решения о том, какие положения Альтонского соглашения подлежат реализации.

В ответ на это король Дании потребовал опубликовать завещание герцога Кристиана Альбрехта, чтобы Земельный суд удостоверился в том, что герцог Фридрих IV действительно является единственным наследником своего отца и его прав на часть Шлезвига. Столь последовательная позиция Копенгагена по ограничению суверенных прав герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского привело к тому, что герцог на заседании ландтага призвал подтвердить его право на мобилизацию войска по любому поводу, на расширение крепостного строительства и на заключение союзов с любой державой. Кроме того, опасаясь полной утраты своих владений, Фридрих IV огласил своё твёрдое решение не возобновлять в будущем унию с датским королём. Таким образом, это было воскрешение старинной политики жёсткого противостояния Дании[35.S.18-19.].

Перемена курса «лабиринта» между более сильными соседями, проводившаяся покойным герцогом, была абсолютно неприемлема для Фридриха IV, который мечтал не только получить полную самостоятельность от Дании, но и расширить свои владения за счет присоединения «королевской» части Шлезвига и Гольштейна. Неуемный аппетит герцога, при отсутствии в его распоряжении реальных сил и средств, и послужил предлогом к вступлению Дании в Северную войну.

Дело в том, что шведский король не мог открыто применить политику силы, из-за сложившихся международных отношений. То, что он угрожал Дании не с востока, а с юга (через Шлезвиг-Гольштейн), действительности нажима не уменьшало, но снимало с него всю ответственность за попытки нарушения баланса, устраивавшего великие державы. Активизация агрессивной внешней политики Гольштейн-Готторпа играла на руку Швеции, и привело к еще более тесному сближению двух стран.

«Такое сближение предоставляло неоспоримые выгоды обоим агрессорам: карликовому герцогству — всю мощь шведской армии, а Швеции — возможность эту мощь применить в любых масштабах, оказывая помощь герцогу, но, не объявляя войны Дании. Так, отпадала опасность санкций великих держав; возможные попытки разобратся в запутанной юрисдикции территорий герцогов и королей Дании были неизбежно обречены на провал, это хорошо понимали оба врага Дании» [10. С.57].

Безусловно, здесь сыграли большую роль личностные отношения между Карлом XII и Фридрихом IV. Герцог прибыл в Стокгольм и попросил руки любимой сестры короля Хедвиги-Софии. Карл XII не отказал ему в руке принцессы. Новоявленные родственники прониклись друг к другу большой симпатией. Герцог стал правой рукой

короля во всех его развлечениях. Когда он пожаловался на притеснения датчан, Карл XII со свойственной ему манерой ответил: «Коль скоро ваше королевское высочество отдается под мое высокое покровительство, то я клянусь сделать все для защиты интересов его герцогства» [26.S.94; 27. S.112-113; 28.S.32].

Слова короля никогда не расходились с делом. В 1698 г. Фридрих IV был назначен командующим шведскими войсками в Северной Германии. «Если установление родственных связей должно было продемонстрировать активизацию шведско-готторпских связей, то передачей шведских войск под командование герцога было сделано прямое предупреждение Дании: в случае военного конфликта с готторпскими сепаратистами на нее обрушится вся мощь шведской военной машины» [10.C.59].

Подобные акции нельзя было называть провокационными или демонстративными. Они были прямо направлены против Дании. Подтверждением этих тезисов могут служить следующие факты: осенью 1698 г. для инспекции укреплений и вооруженных сил Гольштейн-Готторпа прибыл генерал-квартирмейстер шведской армии Карл Магнус Стюарт. В июле 1699 г. герцог начал восстановление линии укреплений на границе с Данией, а Карл XII ввел на территорию Гольштейн-Готторпа 1200 шведских солдат (по одному батальону Штадского гарнизонного и Висмарского генерал-губернатора полков) [29.S.150-154]. Подобные акты явно противоречили Альтонскому трактату, однако ни один из гарантов договора не сделал никакого представления по этому поводу. Вопреки ожиданиям не последовало ответной акции и со стороны Дании.

«Вряд ли такую безответность можно объяснить какими-либо глубокими переменами в политическом курсе Дании; причина была проще — король и верховный главнокомандующий Кристиан V был тяжело болен. Перчатку, брошенную врагом, поднял его сын, Фредерик IV, но случилось это уже после смерти старого короля (август 1699 г.). Пока же страна лихорадочно готовилась к войне — действия противника сделали любой компромисс невозможным. Велась подготовка и на дипломатическом фронте, причем сразу на трех направлениях: польско-саксонском, англо-нидерландском и русском» [10. C.60].

Выводы

Вопрос статуса герцога как суверена в Гольштейне и Шлезвиге из частного вопроса, касавшего только Дании и герцога, благодаря вмешательству иностранных держав, превратился в общеевропейский вопрос. Вначале разногласия были совершенно незначительны, и спор, по-ви-

димому, возник вовсе не под влиянием извне. Всё началось с того, что Дания, не без некоторой мелочности, воспрепятствовала герцогу принести оммаж. Причиной такого поведения Дании, должно быть, было то, что в Копенгагене, где за действиями и поведением Готторпского дома всегда внимательно следили, были слишком хорошо осведомлены об антидатских взглядах нового герцога. Выбор герцогом новых советников, чья политика заключалась в проведении курса на полную независимость Готторпского дома от Дании, дал Копенгагену убедительное представление о том, что можно ожидать от дерзкого соседа. Более того, шведские симпатии герцога, проведенного большую часть своего детства в Швеции, не могли быть неизвестны копенгагенскому правительству. Для датских государственных деятелей, настолько хорошо знавших взгляды герцога, стало невозможным проявлять дружелюбие и готовность идти на уступки [35.S.24]. Дания всегда была более сильной стороной, и совершенно естественно, что датчане хотели дать герцогу это понять, поскольку заранее знали, что у Дании есть враг. И как только спор начался, ни одна из сторон не хотела ни на волос отступить от своих требований, но, напротив, обе жаждали воспользоваться правом возмездия против своей противоположной стороны за мнимые или реальные злоупотребления, совершённые последней. Так зародилась ожесточённая вражда. Но ни в коем случае нельзя считать совпадением тот факт, что спор вскоре принял столь непримиримый характер. Это было естественным следствием фундаментальных противоречий между Данией и Готторпским домом [35.S.26].

Герцог и его советники стремились сохранить и укрепить свою обретенную независимость с помощью Швеции. В свою очередь датский монарх Кристиан V во время своего правления делал все для укрепления своей абсолютной власти и для него герцог Фридрих IV, ставший теперь лидером Готторпской политики, стал главным раздражителем, который отказывался подчиняться его воле и вел свое государство к полной независимости от датской монархии. Именно в результате этих принципиальных противоречий незначительное расхождение во взглядах переросло в ожесточённую вражду. В ходе развития спора свою роль, хотя поначалу и косвенно, сыграли и иностранные державы. Герцог никогда бы не решился на столь дерзкие действия против Дании, если бы не был убеждён, что в лице Швеции, в случае открытого разрыва, у него есть союзник, который никогда не оставит его в беде. Дания же, в свою очередь, могла больше полагаться на себя, чем на герцога, поскольку обладала значительной военной силой, но, кроме того, у неё были защит-

ники во Франции и, при необходимости, в лице нескольких немецких князей. Таким образом, противоречия между Данией и Готторпским домом к концу 1699 года создали в Северной Европе ситуацию, сильно напоминавшую ту, которая беспокоила европейских государственных деятелей перед окончанием Альтонской рецессии в 1689 году. Гольштейнский спор, дремавший в течение десяти лет, вновь угрожающе проявился в Скандинавии; он снова потребовал прямого вмешательства европейских держав, если они хотели своевременно предотвратить войну на Севере, которая могла иметь непредсказуемые последствия для и без того достаточно сложной обстановки в Европе.

Список литературы:

- [1] Беспалов А. В. Карл XI: слуга своего Отечества. /А.В. Беспалов// : Монография. –Чебоксары : Среда, 2023.
- [2] Беспалов А. В. АСПЕКТЫ ШВЕДСКО-ГОЛЬШТЕЙНСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700-1721 гг.). /А.В. Беспалов// Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. № 11-4 (36). С. 3-17.
- [3] Беспалов А. В. Рыцарь на перепутье. /А.В. Беспалов// Техника- молодежи. №4. 2004. – с.48-51
- [4] Беспалов А. В. Шведско-гольштейнский военно-политический союз в Великой Северной войне (1700-1721гг.) /А.В. Беспалов// Материалы XV конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.: ИВИ РАН.- 2004.- с. 24-28
- [5] Беспалов А. В. Суверенитет герцогств Шлезвиг и Гольштейн в противостоянии старшей и младшей ветвей Ольденбургского дома в XVI–XVII веках./А.В. Беспалов// Культура и безопасность. №4/2024. с.71-78.
- [6] Беспалов А.В., Блохин А.А. Правовые аспекты Альтонского договора 20 июня 1689 года. /А.В. Беспалов, А.А. Блохин// Образование и право. №1/2025. с.505-510.
- [7] Беспалов А.В., Блохин А.А. Роль династических браков в формировании Шведско-гольштейнского союза в XVII веке /А.В. Беспалов, А.А. Блохин// Образование и право. №4/2025. с.108-116.
- [8] Возгрин В.Е. Русско-датский союз в Великой Северной войне (1697-1716) /В.Е. Возгрин.//: Автореф.дисс. канд. ист. наук. М., 1977.
- [9] Возгрин В.Е. Травентальский договор и его значение в истории Северной войны./В.Е. Возгрин.// Скандинавский сборник. Таллин 1975, №20, с. 81-93.
- [10] Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697-1710 гг. /В.Е. Возгрин.//. Л., 1986.
- [11] Дубинко-Гуща Е. О. Исторические предпосылки шлезвиг-гольштинского конфликта и его влияние на формирование внешней политики Дании / Е. О Дубинко-Гуща. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПбГУ, 2011. № 7. С. 132–138.
- [12] История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996.
- [13] История Дании. М., ИД «Весь мир», 2007.
- [14] История Северной войны 1700-1721 гг. / Ростунов И.И., Авдеев В.А., Осипова М.Н., Соколов Ю.Ф.//: М., 1987.
- [15] Кан А.С. История скандинавских стран. /А.С. Кан//: М., 1980
- [16] Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. /Н.Н.Молчанов//: М., 1990.
- [17] Стерликова А.А. Возникновение Гольштинского вопроса в русской дипломатии в 1713-1714 гг. / А.А. Стерликова // Международные отношения в Новое и Новейшее время: Материалы международной научной конференции памяти профессора К.Б. Виноградова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Унта, 2005. С. 46-50.
- [18] Скоробогатов А. В. Вестфальский мир 1648 г. и формирование суверенной государственности в Западной Европе/ А. В. Скоробогатов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 5. С. 5—14.
- [19] Петухова М.В., Шалькова В.А., Беспалов А.В., Новиков К.Ю., Машура С.В. Народ-победитель и его Герои: персоналии Великой Отечественной войны//Исторический бюллетень. -2025. Т. 8. -№ 5. -С. 178-185.
- [20] Петухова М.В., Шалькова В.А., Беспалов А.В., Машура С.В. Советская дипломатия на завершающем этапе Великой Отечественной войны: формирование послевоенного миропорядка// Вопросы политологии. -2025. Т. 15. - № 4 (116). - С. 1486-1497.
- [21] Arup E. Den finansielle side af erhvervelsen af hertugdømmerne 1460-1487./ E. Arup //Historisk Tidsskrift, Bind 7. række, 4.1902.
- [22] Boggild-Amiersen C. O. Statsomlvaentelingen 1660./ C. O. Boggild-Amiersen // Kobenhavn, 1936. P.27-29.
- [23] Bidrag til den Store Nordiske krigs Historie/ Utg. af Generalstaben. København, 1893-1922, Bd.1, 5.
- [24] Die schleswig-holsteinische Frage, ihre Vorgeschichte und Entwicklung bis zur Erhebung der Herzogtümer gegen Dänemark... von Ernst Emol Lohr. Gießen, 1895. S.18-19.
- [25] Erslev Kr. Har P. Lauridsen godtgjort, at Kongelovens Arvefølge gjaldt i den kongelige Andel

af Slesvig allerede før 1721?/ Kr.Erslev //Historisk Tidsskrift, Bind 8. række, 5. 1914.

[26] Fabricius Knud. Kr. Erslevs Tolkning af den saakaldte Gonstitutio Valdemariana./ Knud Fabricius // Historisk Tidsskrift, 11. række, Bind 6; 1960.

[27] Hjärne H. Karl XII, omstörtningen i Östeuropa 1697-1703./ H. Hjärne// Stockholm. 1902.

[28] Haintz O. König Karl XII von Sweden. / O. Haintz // Berlin. 1958. Bd. 1-3.

[29] Hallendorff C. Bidrag till det stora nordiska kriget förhistoria. / C.Hallendorff // Uppsala. 1897

[30] Höglund L.E. Sallnäs Å. The Great Northern War 1700-1721. Colours and Uniformes. / L.E. Höglund, Å. Sallnäs // Karlstad.2000.

[31] Höglund L-E, Sallnäs Å. Stora Nordiska Kriget 1700-1721. Del. II., Danmark/Norge, Holstein-Gottorp. Karlstad. / L.E. Höglund, Å. Sallnäs // 2003.

[32] Hansen K. Hertug Hans den ældre i Haderslev/ K.Hansen // Historisk Tidsskrift, Bd. 4, rk. 6; 1877.

[33] Kobbe P. v.. Schleswig-Holstein Geschichte von Tode des Hzg.s Christian Albrecht b. z. Tode Kg. Christian VIII. (1694–1808). / P. v Kobbe.// 1834. S.13.

[34] Landsberg G. Den svenska utrikespolitikens historia (1648-1697)./ G. Landsberg // Stockholm. 1952.

[35] Landesarchiv Schleswig-Holstein, Abt. 8 Nr.394

[36] Landesarchiv Schleswig-Holstein, Abt. 7 Nr.204;205;277;393;394; 504;505;512;513;514;517; 650;1113;1114;1115;1596;1690; 3451; 3514; 6586; 6761.

[37] Olmer E. Konflikten mellan Danmark och Holstein-Gottorp. / E. Olmer // Bind I. Mars 1695-April 1697. Göteborg, 1898.

[38] Rozen J. Den svenska utrikespolitikens historia 1697-1721./ J. Rozen // Stockholm, 1952.

[39] Rasmussen, Carsten Porskrog (red., m.fl.). De Slesvigske Hertuger, Historisk Samfund for Sønderjylland. København, 2008.

[40] Riksarkivet. (Государственный архив Швеции). Statskontorets registratur, expedierade handlingar och protokoll 1695-1697. (Государственная регистра тура, экспедиционные документы и протоколы 1695-1697). Renovation der ausgestellten garantie for den h. herzog Friedrich zu Schleswig - Holstein 5 marz 1695.

[41] Stille A. Studier over Bengt Oxenstjernas utrikespolitiske system och Sveriges förbundelser med Danmark och Holstein-Gottorp 1689-1692./ A Stille // Uppsala. 1947.

References:

[1] Bespalov AV Charles XI: Servant of His Fatherland./AV Bespalov// : Monograph. – Cheboksary : Sreda, 2023.

[2] Bespalov AV ASPECTS OF THE SWEDISH-HOLSTEIN MILITARY-POLITICAL UNION DURING THE GREAT NORTHERN WAR (1700-1721). / AV Bespalov// Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. No. 11-4 (36). P. 3-17.

[3] Bespalov AV Knight at the Crossroads. /AV Bespalov// Technology for the Youth. No. 4. 2004. - p. 48-51

[4] Bespalov AV Swedish-Holstein military-political alliance in the Great Northern War (1700-1721) / AV Bespalov// Proceedings of the XV conference on the study of the history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland. Moscow: IVI RAS.- 2004.- p. 24-28

[5] Bespalov AV Sovereignty of the Duchies of Schleswig and Holstein in the confrontation between the senior and junior branches of the House of Oldenburg in the XVI-XVII centuries./AV Bespalov// Culture and Security. No. 4/2024. p. 71-78.

[6] Bespalov AV, Blokhin AA Legal aspects of the Altona Treaty of June 20, 1689. /AV Bespalov, A.A. Blokhin// Education and Law. No. 1/2025. p. 505-510.

[7] Bespalov A.V., Blokhin A.A. The Role of Dynastic Marriages in the Formation of the Swedish-Holstein Union in the 17th Century /A.V. Bespalov, A.A. Blokhin// Education and Law. No. 4/2025. p. 108-116.

[8] Vozgrin V.E. The Russian-Danish Union in the Great Northern War (1697-1716) /V.E. Vozgrin.//: Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow, 1977.

[9] Vozgrin V.E. The Treaty of Traventhal and its Significance in the History of the Northern War./V.E. Vozgrin.// Scandinavian collection. Tallinn 1975, No. 20, pp. 81-93.

[10] Vozgrin V.E. Russia and European countries during the Northern War. History of diplomatic relations in 1697-1710 /V.E. Vozgrin.//. L., 1986.

[11] Dubinko-Gushcha E.O. Historical background of the Schleswig-Holstein conflict and its influence on the formation of Denmark's foreign policy / E.O. Dubinko-Gushcha. // Works of the Department of History of Modern and Contemporary Times. St. Petersburg State University, 2011. No. 7. P. 132-138.

[12] History of Denmark from ancient times to the beginning of the twentieth century. M., 1996.

[13] History of Denmark. M., ID "Ves mir", 2007.

[14] History of the Northern War of 1700-1721 / Rostunov I.I., Avdeev V.A., Osipova M.N., Sokolov Yu.F.//: M., 1987.

[15] Kan A.S. History of the Scandinavian countries. /A.S. Kan//: M., 1980

[16] Molchanov N.N. Diplomacy of Peter the Great. /N.N.Molchanov//: M., 1990.

- [17] Sterlikova A.A. The emergence of the Holstein question in Russian diplomacy in 1713-1714 / A.A. Sterlikova // International relations in the New and Modern Times: Proceedings of the international scientific conference in memory of Professor K.B. Vinogradov. SPb.: Publishing house of St. Petersburg Unta, 2005. Pp. 46-50.
- [18] Skorobogatov AV The Peace of Westphalia of 1648 and the formation of sovereign statehood in Western Europe / AV Skorobogatov // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2022. Vol. 18. No. 5. Pp. 5-14.
- [19] Petukhova MV, Shalkova VA, Bespalov AV, Novikov K.Yu., Mashura SV The victorious people and their heroes: personalities of the Great Patriotic War // Historical bulletin. -2025. Vol. 8. -No. 5. -Pp. 178-185.
- [20] Petukhova M.V., Shalkova V.A., Bespalov A.V., Mashura S.V. Soviet diplomacy at the final stage of the Great Patriotic War: the formation of the post-war world order // Questions of political science. - 2025. Vol. 15. - No. 4 (116). - P. 1486-1497.
- [21] Arup E. The financial side of the war in 1460-1487. / E. Arup // Historisk Tidsskrift, Bind 7. række, 4.1902.
- [22] Boggild-Amiersen S. O. Statsomlvaenteligen 1660. / S. O. Boggild-Amiersen // Kobenhavn, 1936. P. 27-29.
- [23] Bidrag til den Store Nordiske krigs Historie/ Utg. af Generalstaben. København, 1893-1922, Bd.1, 5.
- [24] Die schleswig-holsteinische Frage, ihre Vorgeschochte und Entwicklung bis zur Erhebung der Herzogtümer gegen Dänemark... von Ernst Emol Lohr. Gießen, 1895. S.18-19.
- [25] Erslev Kr. Har P. Lauridsen godtgjort, at Kongelovens Arvefølge gjaldt i den kongelige Andel af Slesvig allerede før 1721?/ Kr.Erslev //Historisk Tidsskrift, Bind 8. række, 5. 1914.
- [26] Fabricius Knud. Kr. Erslevs Tolkning af den saakaldte Gonstitutio Valdemariana./ Knud Fabricius // Historisk Tidsskrift, 11. række, Bind 6; 1960.
- [27] 27.Hjärne H. Karl XII, omstörtningen i Östeuropa 1697-1703./ H. Hjärne // Stockholm. 1902.
- [28] Haintz O. König Karl XII von Sweden. / O. Haintz // Berlin. 1958. Bd. 1-3.
- [29] Hallendorff C. Bidrag till det stora nordiska kriget förhistoria. / C. Hallendorff // Uppsala. 1897
- [30] Höglund L.E. Sallnäs Å. The Great Northern War 1700-1721. Colors and Uniforms. / L.E. Höglund, Å. Sallnäs // Karlstad.2000.
- [31] Höglund L-E, Sallnäs Å. Stora Nordiska Kriget 1700-1721. Del. II., Danmark/Norge, Holstein-Gottorp. Karlstad. / L.E. Höglund, Å. Sallnäs // 2003.
- [32] Hansen K. Hertug Hans den ældre i Haderslev/ K.Hansen // Historisk Tidsskrift, Bd. 4, rk. 6; 1877.
- [33] Kobbe P. v.. Schleswig-Holstein Geschichte von Tode des Hzg.s Christian Albrecht b. z. Tode Kg. Christian VIII. (1694–1808). / P. v Kobbe.// 1834. S.13.
- [34] Landsberg G. Den svenska utrikespolitikens historia (1648-1697)./ G. Landsberg // Stockholm. 1952.
- [35] Landesarchiv Schleswig-Holstein, Abt. 8 Nr.394
- [36] Landesarchiv Schleswig-Holstein, Abt. 7 Nr.204;205;277;393;394; 504;505;512;513;514;517; 650;1113;1114;1115;1596;1690; 3451; 3514; 6586; 6761.
- [37] Olmer E. Konflikten mellan Danmark och Holstein-Gottorp. / E. Olmer // Bind I. Mars 1695-April 1697. Göteborg, 1898.
- [38] Rozen J. Den svenska utrikespolitikens historia 1697-1721./ J. Rozen // Stockholm, 1952.
- [39] Rasmussen, Carsten Porskrog (red., m.fl.). De Slesvigske Hertuger, Historisk Samfund for Sønderjylland. København, 2008.
- [40] Riksarkivet. (Gosudarstvennyj arkhiv Shvecii). Statskontorets registratur, expedierade handlingar och protokoll 1695-1697. (Gosudarstvennaya registratura, ehkspepcionnye dokumenty i protokoly 1695-1697). Renovation der ausgestellten garantie for den h. herzog Friedrisch zu Schleswig - Holstein 5 marz 1695.
- [41] Stille A. Studier over Bengt Oxenstjernas utrikespolitiske system och Sveriges förbundelser med Danmark och Holstein-Gottorp 1689-1692./ A Stille // Uppsala. 1947.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-239-243

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

КАРИМУЛЛИНА Алсу Эриковна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Казанского филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В. М. Лебедева»,
доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: aekarimullina@mail.ru

ОТ НАТУРАЛЬНОГО СТРАХОВОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ КО ВЗЫСКАНИЮ УБЫТКОВ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ОСАГО

Аннотация. В статье рассматриваются сложившиеся в судебной практике тенденции рассмотрения споров о нарушении страховщиком ОСАГО обязательства по организации ремонта транспортных средств. Анализ правоприменительной практики демонстрирует отступление от принципа натурального возмещения в сторону согласованной сторонами страховой выплаты либо судебного взыскания убытков по правилам гражданского законодательства.

Ключевые слова: обязательное страхование, страховщик, страховая выплата, восстановительный ремонт, транспортное средство.

KARIMULLINA Alsu Erikovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Civil Law
of the Kazan branch of the Russian State University of Justice,
Associate Professor of the of the Department
of Environmental Law, Labor Law and Civil
Process of Kazan Federal University

FROM NATURAL INSURANCE COMPENSATION TO THE RECOVERY OF LOSSES: TRENDS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN OSAGO

Annotation. The article discusses the trend of consideration of disputes on violation by the insurer obligations to organize vehicle repair. An analysis of law enforcement practice demonstrates a deviation from the principle of natural compensation in the direction of insurance payment agreed by the parties or a judicial recovery of losses according to the rules of civil law.

Key words: compulsory insurance, insurer, insurance payment, restoration, vehicle.

Проблемы исполнения страховщиком договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее- ОСАГО) становятся ключевой причиной страховых споров с момента введения данного вида страхования гражданской ответственности по настоящее время. Попытки законодателя решить данную проблему в нормативном порядке порождает еще больше вопросов в правоприменительной деятельности.

Так, изначально институт ОСАГО основывался на принципе денежной формы страхового возмещения. Натуральная форма возмещения в страховой практике встречалась нечасто, лишь по согласованию страховщика и потерпевшего. При этом законодательство об ОСАГО более десяти лет не предусматривало общей методики определения стоимости восстановительного ремонта транспортных средств (далее-ТС), что порождало большое количество споров и привело к серии нормативных изменений, внесенных в законодательство об ОСАГО.

Одним из этапов такого реформирования стало правило об обязательном направлении на ремонт ТС, находящихся в собственности физических лиц (далее- натуральное возмещение), которое было введено весной 2017 года.

Очевидно, в первую очередь, данное положение служило интересам страховщиков, которые за счет преобладающего использования натуральной формы возмещения отсекали вероятность многочисленных денежных судебных споров, где основное требование по страховой выплате подчас могло быть ниже совокупного размера судебных расходов и санкций, предусмотренных Федеральным законом от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее- Закон об ОСАГО). Однако одновременно данное преимущество породило массу проблем.

Во-первых, процедура урегулирования убытков усложнилась за счет появления еще одного участника этих отношений- станции технического обслуживания автомобилей (далее- СТОА, ремонтная организация), от деятельности которой во многом зависит итоговая оценка качества оказания страховых услуг. Так как за некачественное выполнение ремонта ТС, прежде всего, отвечает страховщик как должник в страховом обязательстве.

Во-вторых, обеспечение качественного страхового возмещения стало затруднительно в связи с необходимостью согласования цен на комплектующие, а также налаживания бесперебойных своевременных поставок автозапчастей и агрегатов, что подчас напрямую от страховщика не зависит. Наличие таких трудностей и повлекло «незаинтересованность страховщиков в натуральном возмещении ущерба гражданам – собственникам легковых автомобилей» [1]. Поэтому страховщики стали возвращаться к денежной страховой выплате не только путем добровольного согласования данной формы возмещения с потерпевшими, но и подчас недобросовестными односторонними действиями.

Данная ситуация неизбежно привела к очередному витку страховых споров, которые были связаны не с требованиями о страховых выплатах, а о надлежащем ремонте. Причинами неисполнения страховщиком обязанности по обеспечению ремонта, как правило, называются односторонний неправомерный отказ страховщика от ремонта, одностороннее изменение условий исполнения обязательства на выплату в денежной форме [2], отсутствие договоров со СТОА, удовлетворяющим требованиям Закона об ОСАГО [3].

При этом в такой категории споров важным является не причина нарушения страхового обязательства, а ответственность страховщика за подобное недобросовестное поведение.

Одним из первых судебных актов, где был рассмотрен такой спор, стало Определение Верховного Суда РФ № 45-КГ20-26-К7 от 02 марта 2021 года, которое и задало новый тренд рассмотрения типовых споров.

Так, согласно позиции правоприменителя, последствия неисполнения страхового обязательства по натуральному возмещению не закреплены в законодательстве об ОСАГО, поэтому необходимо руководствоваться общими положениями гл. 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательства. В частности, абз. 1 п. 1 ст. 393 ГК закрепляет обязанность должника по возмещению убытков, возникших в результате нарушения обязательства. Кроме того, согласно ст. 397 ГК РФ неисполнение должником обязательства по оказанию услуги приводит к возникновению у кредитора права требования от должника возмещения понесенных необходимых расходов и других убытков, возникших в связи с выполнением обязательства собственными силами кредитора либо посредством поручения третьим лицам.

Таким образом, если страховая организация не организует надлежащий ремонт ТС, у потерпевшего возникает право требовать полного возмещения убытков по общим правилам гражданского законодательства, а не в рамках страхового обязательства. Поэтому в данном случае не применяется Закон об ОСАГО в части определения стоимости ремонта с учетом износа ТС [4] и по Единой методике [5]. Данное правило было включено в п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [6] (далее- Постановление Пленума ВС РФ № 31). При этом правоприменитель отмечает, что при предъявлении требования о возмещении убытков, последний должен оказаться в том же положении, в котором он находился бы, если бы страховщик надлежаще исполнил обязательства (пункт 2 статьи 393 ГК РФ). Именно такое содержание принципа полного возмещения убытков раскрывается и в специальной литературе [7, 8].

Необходимо отметить, что в одном из проектов Постановления Пленума ВС РФ № 31 указывалось на взыскание убытков как без учета износа, так и с превышением предельного размера страховой суммы [9]. Однако в процессе обсуждения данное неоднозначное положение было существенно переработано и получило современную редакцию [10].

На практике же содержание п. 56 Постановления Пленума ВС РФ № 31 трактуется двояко.

Первая позиция судов указывает на необходимость придерживаться лимита страховой суммы в четыреста тысяч рублей [11]. Отдельные из таких судебных актов были обжалованы в Верховный Суд Российской Федерации, который отказал в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании [12]. Кроме того, в судебной практике встречаются примеры отмены решения финансового уполномоченного, взыскавшего убытки сверх страховой суммы [13].

Согласно второй позиции, акцент делается на нарушение страховщиком обязанности по организации ремонта [14]. Поэтому обосновывается взыскание убытков, размер которых может превышать установленный законодательством об ОСАГО предел страховой суммы [15].

Таким образом, несовершенство законодательства об ОСАГО на практике породило кардинально противоположные варианты ответственности страховщика за нарушение обязательства по организации ремонта. Поэтому решение данной проблемы должно быть разрешено путем устранения ее причины, то есть путем изменения законодательства.

Представляется, что норма, закрепляющая правовые последствия неисполнения страховщиком натурального обязательства, не должна допускать выхода за пределы страховой суммы, так как иное будет противоречить существу страхового обязательства. Так, согласно ст. 397 ГК РФ право кредитора поручить выполнение обязательства по ремонту третьему лицу и возложить на должника понесенные убытки связано оговоркой «если иное не вытекает из закона, иных правовых актов, договора или существа обязательства». При этом как ГК РФ и Закон об ОСАГО, так и существо страхового обязательства предполагает абсолютную невозможность превышения страховой суммы ни при каких обстоятельствах.

Существо гражданско-правового обязательства базируется на основных принципах такого обязательства. Существо страхового обязательства исходит из принципа ограниченности размера страховой суммы, содержание которого раскрывается в п. 1 ст. 929, п. 4 ст. 941, п. 1 ст. 942 ГК РФ, где последовательно и системно говорится о возможности предъявления к страховщику требования исключительно в пределах страховой суммы.

И если, например, правила определения размера вреда (в том числе по Единой методике или по рыночным ценам, с учетом износа или без учета износа) могут меняться в зависимости от вида страхования и не отражают существа стра-

хового обязательства в целом, то пределы страховой суммы имеют принципиальное значение как для правового, так и экономического обоснования страховых отношений.

Нельзя забывать, что страхование – это, прежде всего, экономический механизм, основой которого является актуарное соотношение страховых премий и условий предоставления страховой услуги. В свою очередь, страховая сумма имеет ключевое значение при определении цены договора страхования, поэтому несовершенство правовых конструкций, которые позволяют двояко толковать одни и те же нормы, не должно подрывать экономические основы страхования. Схожие примеры неоднозначного правоприменения без учета экономического обоснования, например, в сфере добровольного страхования ТС давно известны профессиональному страховому сообществу. В частности, страховой рынок помнит существовавшую длительный период времени практику судов общей юрисдикции по взысканию со страховщиков выплат при обстоятельствах, которые договор добровольного страхования ТС не относит к страховым случаям, например, при невключении виновника ДТП в перечень лиц, допущенных к управлению ТС [16], исключении утраты товарной стоимости из-под объема страхового покрытия [17], и др. В дальнейшем судебная практика была обобщена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» [18], где красной нитью проходит идея, обосновывающая необходимость более внимательного отношения к условиям страхования, которые, в свою очередь, привязаны через актуарные расчеты к цене договора (страховой премии).

Список литературы:

- [1] Кратенко М.В. Отчет о мониторинге судебной практики по теме «Натуральная форма страхового возмещения по договору ОСАГО» на 01.07.2022г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoprim.spbu.ru/images/> свободный (дата обращения: 10.01.2025).
- [2] Определение Верховного Суда Российской Федерации № 45-КГ20-26-К7 от 02 марта 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1978796 свободный (дата обращения: 10.07.2025).
- [3] Определение Верховного Суда Российской Федерации № 41-КГ22-4-К4 от 26 апреля 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2121372 свободный (дата обращения: 10.07.2025).
- [4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021), утверж-

денный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2021 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/practice/30181/> свободный (дата обращения: 10.06.2025).

[5] Определение Верховного Суда Российской Федерации № 41-КГ22-4-К4 от 26 апреля 2022 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2121372 свободный (дата обращения: 10.06.2025).

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. 2022. №261 (8909).

[7] Григорьева И.М. Проблемы возмещения убытков при нарушении гражданско-правовых обязательств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. №13(4). С. 34–42;

[8] Мирная А. А. Проблемы возмещения убытков в гражданском праве России // Юридический факт. 2020. № 95. С. 3–5.

[9] Проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.asn-news.ru/uploads/mediacontent/docs/news/2323.pdf>. свободный (дата обращения: 10.01.2025).

[10] Верховный суд уберёт страховщиков от безлимитных выплат по ОСАГО [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.asn-news.ru/news/81282> свободный (дата обращения: 10.01.2025).

[11] Определение Восьмого кассационного суда от 05.03.2024 по делу № 88-4327/2024 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=28984238&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 свободный (дата обращения: 10.01.2025)

[12] Верховный суд Российской Федерации. Карточка производства. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/21-35433235#21-35433235> свободный (дата обращения: 10.01.2025)

[13] Определение Первого кассационного суда от 13.11.2024 по делу № 88-33330/2024 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=39833374&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 свободный (дата обращения: 10.06.2025)

[14] Решение Нижнекамского городского суда Республики Татарстан по делу № 2-1028/2023 от 07 апреля 2023 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://nizhnekamsky-tat.sudrf.ru/>; Определение 6 кассационного суда по делу № 88-27122/2023 от 06 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo# свободный (дата обращения: 10.06.2025)

[15] Определение Верховного Суда Российской Федерации № 41-КГ24-58-К4 от 18 февраля 2025 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2447698 свободный (дата обращения: 15.06.2025).

[16] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/practice/29424/> свободный (дата обращения: 10.06.2025).

[17] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2019 г. N 37-КГ19-2 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1770640 свободный (дата обращения: 10.06.2025).

[18] Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // Российская газета. 2024. №148(9390).

References:

[1] Kratenko M.V. Otchet o monitoringe sudebnoj praktiki po teme «Natural'naya forma strakhovogo vozmeshcheniya po dogovoru OSAGO» na 01.07.2022g. [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://pravoprim.spbu.ru/images/svobodnyj> (data obrashcheniya: 10.01.2025).

[2] Opređenje Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 45-KG20-26-K7 ot 02 marta 2021 g. [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1978796 svobodnyj (data obrashcheniya: 10.07.2025).

[3] Opređenje Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 41-KG22-4-K4 ot 26 aprelya 2022 g. [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2121372 svobodnyj (data obrashcheniya: 10.07.2025).

[4] Obzor sudebnoj praktiki Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 2 (2021), utverzhdenyj Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 30 iyunya 2021 g. [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://vsrf.ru/documents/practice/30181/> svobodnyj (data obrashcheniya: 10.06.2025).

[5] Opređenje Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 41-KG22-4-K4 ot 26 aprelya 2022 g.

[Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2121372 svobodnyj (data obrashcheniya: 10.06.2025).

[6] Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 8 noyabrya 2022 g. № 31 «O primenении sudami zakonodatel'stva ob obyazatel'nom strakhovanii grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'cev transportnykh sredstv» // Rossijskaya gazeta. 2022. №261 (8909).

[7] Grigor'eva I.M. Problemy vozmeshcheniya ubytkov pri narushenii grazhdansko-pravovykh obyazatel'stv // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2023. №13(4). S. 34–42;

[8] Mirnaya A. A. Problemy vozmeshcheniya ubytkov v grazhdanskom prave Rossii // Yuridicheskij fakt. 2020. № 95. S. 3–5.

[9] Proekt Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii «O primenении sudami zakonodatel'stva ob obyazatel'nom strakhovanii grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'cev transportnykh sredstv» [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://www.asn-news.ru/uploads/mediac-content/docs/news/2323.pdf>. svobodnyj (data obrashcheniya: 10.01.2025).

[10] Verkhovnyj sud uberyog strakhovshchikov ot bezlimitnykh vyplat po OSAGO [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://www.asn-news.ru/news/81282> svobodnyj (data obrashcheniya: 10.01.2025).

[11] Opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda ot 05.03.2024 po delu № 88-4327/2024 [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=28984238&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 svobodnyj (data obrashcheniya: 10.01.2025)

[12] Verkhovnyj sud Rossijskoj Federacii. Kar-tochka proizvodstva. [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://vsrf.ru/lk/practice/>

[appeals/21-35433235#21-35433235](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2121372) svobodnyj (data obrashcheniya: 10.01.2025)

[13] Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda ot 13.11.2024 po delu № 88-33330/2024 [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=39833374&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 svobodnyj (data obrashcheniya: 10.06.2025)

[14] Reshenie Nizhnekamskogo gorodskogo suda Respubliki Tatarstan po delu № 2-1028/2023 ot 07 aprelya 2023 g. [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://nizhnekamsky--tat.sudrf.ru/>; Opredelenie 6 kassacionnogo suda po delu № 88-27122/2023 ot 06 dekabrya 2023 g. [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo# svobodnyj (data obrashcheniya: 10.06.2025)

[15] Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 41-KG24-58-K4 ot 18 fevralya 2025 g. [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2447698 svobodnyj (data obrashcheniya: 15.06.2025).

[16] Obzor sudebnoj praktiki Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 3 (2020), utverzhdenyj Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 25 noyabrya 2020 g. [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://vsrf.ru/documents/practice/29424/> svobodnyj (data obrashcheniya: 10.06.2025).

[17] Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 maya 2019 g. N 37-KG19-2 [Ehlektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1770640 svobodnyj (data obrashcheniya: 10.06.2025).

[18] Postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 iyunya 2024 g. № 19 «O primenении sudami zakonodatel'stva o dobrovol'nom strakhovanii imushchestva» // Rossijskaya gazeta. 2024. №148(9390).

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-244-250

КОНЬКОВ Илья Алексеевич,
Аспирант 3 курса гр. АЮР-221
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»,
г. Тамбов,
e-mail: ilyakonkov16@gmail.com

ИСТОРИОГРАФИЯ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Аннотация. Статья посвящена анализу историографии и научных подходов к изучению национального правосознания в многонациональной Российской империи XIX – начала XX века. Автор рассматривает основные этапы формирования представлений о правосознании в российской юридической мысли – от дореволюционных правовых философий до советской доктрины и современных междисциплинарных подходов. В центре внимания – методологические трансформации, влияние идеологических рамок, роль культурных и этнических факторов в юридическом анализе. Статья предлагает критическую оценку текущего состояния исследований и обозначает перспективы дальнейшего изучения правосознания в имперском и постколониальном контексте.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, историография, юридическая мысль, этнический фактор, правовая идеология, Российская империя.

KONKOV Ilya Alekseevich,
3rd year postgraduate student gr. AYUR-221
Tambov State Technical University,
Tambov, Russia

HISTORIOGRAPHY AND SCIENTIFIC APPROACHES TO THE STUDY OF NATIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE IMPERIAL CONTEXT (19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Annotation. The article is devoted to the analysis of historiography and scientific approaches to the study of national legal consciousness in the multinational Russian Empire of the XIX – early XX century. The author examines the main stages of the formation of ideas about legal awareness in Russian legal thought – from pre-revolutionary legal philosophies to Soviet doctrine and modern interdisciplinary approaches. The focus is on methodological transformations, the influence of ideological frameworks, and the role of cultural and ethnic factors in legal analysis. The article offers a critical assessment of the current state of research and outlines the prospects for further study of legal awareness in the imperial and postcolonial context.

Key words: legal awareness, legal culture, historiography, legal thought, ethnic factor, legal ideology, Russian Empire.

Вопрос о национальном правосознании народов Российской империи остаётся относительно слабо разработанным в отечественной и зарубежной юридической науке.

Несмотря на наличие масштабных исследований по истории права, правовым реформам и государственной политике в сфере межнациональных отношений, категория правосознания часто оказы-

вается вне аналитического фокуса. Это объясняется как сложностью самого понятия, так и методологической фрагментированностью подходов к его изучению.

На протяжении XIX–XX веков представления о правосознании в России претерпели существенные изменения:

1. От философских построений Чичерина и Кавелина;
2. Через социологические теории Петражицкого;
3. К идеологизированной концепции «правосознания масс» в советский период;
4. И далее – к постсоветской гуманитарной рефлексии и попыткам интеграции социокультурного и правового анализа.

Особое внимание в последние десятилетия стали привлекать интерпретации правосознания как феномена межэтнического взаимодействия, проявляющегося не только в политических, но и в правовых практиках, обращениях, юридической риторике. Однако до сих пор нет единой научной модели, позволяющей учитывать региональный, этноконфессиональный и историко-культурный контекст в рамках правоведения.

Цель настоящей статьи – дать систематизированный обзор историографии и подходов, касающихся национального правосознания в имперском контексте, проследить их трансформации и обозначить ключевые лакуны в исследовательском поле. Задачи:

1. Проанализировать эволюцию понятий правосознания в российской и зарубежной правовой мысли;
2. Охарактеризовать методологические рамки основных подходов (философско-правовой, социологический, культурный);
3. Рассмотреть, как менялось понимание роли этноса и идентичности в юридических интерпретациях;
4. Выявить слабые места существующей научной традиции и предложить направления её дальнейшего развития.

Методология статьи включает историографический и метатеоретический анализ, позволяющий не только реконструировать подходы, но и критически осмыслить их применимость к многонациональной реальности Российской империи.

Формирование научных представлений о правосознании в России началось задолго до появления самого термина в его современном понимании. Уже в юридико-философской мысли второй половины XIX века прослеживаются размышления о восприятии закона, его моральной легитимности и связи между правом и общественным сознанием. Эти идеи, разрозненные и нередко метафизические, заложили интеллектуальные основы для последующих концепций.

Одним из первых, кто предложил философско-правовое понимание национального отношения к праву, был Б. Н. Чичерин. В своём «*Курсе государственной науки*» он писал: «Нация, в своём историческом развитии, вырабатывает идею права, которая становится мерилom государственной жизни» [1].

Для Чичерина право имело не просто нормативный, но ценностно-культурный смысл. Он подчёркивал, что для разных народов характерны разные степени восприимчивости к праву как институту – одни склонны к дисциплине и законности, другие – к вольности и анархии. Это рассматривалось не как упрёк, а как исторически сложившийся правовой менталитет, что впоследствии легло в основу идеи правосознания.

К. Д. Кавелин рассматривал право в тесной связи с народным бытом и исторической традицией. Он выступал против абстрактного понимания права и призывал учитывать «дух народа» как элемент правотворчества. В одном из своих эссе он отмечал: «Истинное право – это не просто текст закона, а то, как он воспринимается народом, как действует в его нравственной среде» [2].

Для Кавелина характерно раннее социологизирующее понимание правовой действительности, где акцент делался на правовом сознании как коллективном феномене. Его подход можно считать предтечей более поздней концепции правовой культуры.

Особое место занимает концепция Л. И. Петражицкого, разработанная уже на рубеже веков. В его работах – прежде всего в «*Теории права и государства*» (1907) – правосознание впервые получило терминологическое и аналитическое оформление. Он писал: «Право – это прежде всего психическое переживание обязательности и дозволенности, возникающее в сознании субъекта» [3].

Петражицкий рассматривал право как интуитивно переживаемую норму, а правосознание – как сложную систему аффектов и убеждений, не сводимых к тексту закона. Хотя его теория была слабо воспринята современниками, она предвосхитила целый ряд идей поздней правовой социологии и культурной юриспруденции.

Таким образом, уже в дореволюционной науке были заложены ключевые компоненты будущего анализа правосознания:

1. Признание исторической и национальной специфики восприятия права;
2. Интерес к моральным, психологическим и культурным основам законности;
3. Попытки описать право не только как норму, но и как социальное и духовное явление.

Однако ни у Чичерина, ни у Кавелина, ни у Петражицкого не было систематического изуче-

ния национального правосознания в имперском многоэтническом контексте. Их теории были ориентированы либо на «русский народ», либо на абстрактного субъекта. Тем не менее, они стали интеллектуальной основой для будущих попыток осмысления правосознания как коллективного, культурно обусловленного феномена.

После революции 1917 года изучение правосознания оказалось под сильным влиянием марксистско-ленинской теории и приобрело выраженную идеологическую окраску. Правосознание перестаёт восприниматься как многоуровневое культурное явление и рассматривается прежде всего как надстройка над экономическим базисом, отражающая интересы определённого класса.

В советской юриспруденции правосознание трактовалось как идеологическое выражение интересов правящего класса. Как писал А. Я. Вышинский: «Правосознание – это сознание, формируемое под действием господствующей идеологии. В буржуазном обществе оно обслуживает интересы капиталистов, в социалистическом – интересы трудящихся» [4].

Такое определение предполагало, что правосознание – не субъективный опыт, а отражение объективной социальной структуры. Оно не анализировалось как феномен культуры, языка или этничности, а лишь как компонент классовой борьбы.

П. И. Стучка – один из основателей советской теории права – подчеркивал активную функцию права: «Революция ломает старое буржуазное правосознание и формирует новое – социалистическое, в котором господствует идея диктатуры пролетариата» [5].

По сути, правосознание здесь выступает как объект воздействия со стороны государства: его нужно воспитать, дисциплинировать, трансформировать. Тем самым была отменена субъектность носителя правосознания, особенно в национальном измерении: единое социалистическое правосознание вытесняло любые этнические, религиозные и региональные формы правовой идентичности.

С 1960-х годов, на волне общего либерализационного сдвига, в советской правовой науке появляются попытки более прикладного и социологического изучения правосознания. Исследователи начинают говорить о правовом нигилизме, юридической грамотности, ценностном восприятии права у разных групп населения.

Однако и в этих подходах национальный и этнокультурный аспекты практически отсутствуют. Правосознание изучается как обобщённая «установка личности» на закон, не учитывающая этническую специфику имперского прошлого. Идея,

что правосознание может быть связано с языком, религией или культурным кодом, по-прежнему считалась идеологически сомнительной.

Советская теория права, несмотря на некоторые попытки развития правосознательной тематики, в целом:

1. Игнорировала этническое разнообразие и правовую историю имперского периода;
2. Редуцировала правосознание до идеологии, лишая его культурной и языковой глубины;
3. Не выработала методологии анализа правосознания как историко-социального феномена, существующего на стыке права, идентичности и субъективности.

Тем не менее, именно в советский период было заложено представление о социальной функции права и о том, что правосознание можно формировать и управлять им, – идея, которая позже была переосмыслена в гуманитарной правовой науке.

После распада СССР юридическая наука в России претерпела значительные изменения – как в содержании, так и в методологии. Одним из главных трендов стал отказ от идеологической однозначности и постепенное возвращение к гуманитарному и философскому осмыслению права. В этом контексте правосознание вновь стало предметом научного интереса, но уже в качестве сложной культурной и социальной категории, тесно связанной с идентичностью, традицией и историей.

В постсоветской юридической теории термин «правосознание» стал использоваться в связке с категориями: правовая культура, правовое поведение, ценностно-нормативная установка личности.

Так, С. С. Алексеев подчёркивал, что правосознание – это не только отражение существующего права, но и канал его трансформации через представления, ожидания, установки граждан. Он писал: «Правосознание выступает как механизм правового самопознания личности и общества» [6].

А. Х. Гаджиев в своих трудах предложил рассматривать правосознание в контексте социокультурной среды, утверждая, что: «Правосознание, как и право, является результатом длительной исторической эволюции и укоренено в коллективной памяти этноса» [7].

Этот подход открыл возможность для включения исторических и этноконфессиональных факторов в исследование юридической ментальности, что особенно актуально при изучении многонациональной империи. Гаджиев подчёркивает, что формальные правовые нормы действуют эффективно только тогда, когда они совпадают с устойчивыми структурами правового восприятия.

Некоторые исследователи, в том числе В. В. Ершов, начали переосмысливать идеи Петражицкого, интерпретируя правосознание как глубинное нормативное чувство, сочетающее интуицию, привычку, ценности и опыт. В его работах прослеживается интерес к правосознанию разных социальных групп, включая этнические и региональные сообщества: «Правосознание народа, особенно в его исторической проекции, невозможно без анализа языковых, религиозных и правокультурных кодов» [8].

Несмотря на богатство интерпретаций, постсоветская наука о правосознании сталкивается с рядом трудностей:

1. Отсутствует единая теоретическая рамка или согласованная терминология;
2. Методология часто фрагментарна, преобладает описательность;
3. Этнический и исторический аспекты изучаются недостаточно системно;
4. Наследие имперского правосознания как тема почти не исследуется.

Тем не менее, именно в этот период происходит открытие темы национального правосознания как возможного направления междисциплинарного анализа, особенно в контексте правовых реформ, языковой политики и идентичности.

Таким образом, постсоветская наука о правосознании сделала важный шаг в сторону переосмысления права как феномена культуры, что создаёт теоретическую основу для включения в исследовательское поле многонационального и имперского контекста.

В последние два десятилетия в международной академической среде возрос интерес к историческим формам правосознания в Российской империи. Этот поворот обусловлен как общим развитием правовой антропологии, так и усилением постколониальной оптики в отношении имперских обществ Восточной Европы и Евразии. В зарубежных исследованиях правосознание всё чаще трактуется как комплекс правовых представлений, встроенных в культурную, языковую и политическую ткань имперского общества.

Одним из влиятельных направлений стал антропологический подход к праву как к социальной практике, а не только нормативной системе. Так, С. Б. Кирмзе в статье *Law and Society in Imperial Russia* подчёркивает: «В Российской империи право имело множество уровней действия – от официальной нормы до повседневных юридических интерпретаций, обусловленных этносом, сословием, регионом» [9].

Кирмзе обращает внимание на плюрализм правовых порядков, существовавших параллельно: имперское право, обычай, шариат,

раввинская традиция, христианское каноническое право. Национальное правосознание, в этом контексте, – это перекрёсток разных правовых кодов.

Р. Пул (R. Poole) в эссе *A Russian Conception of Legal Consciousness* (2021) рассматривает правосознание в Российской империи как область колониального напряжения между центром и периферией. Он подчёркивает, что: «Право в империи одновременно символизировало цивилизацию и насилие – его принятие не означало согласие, а его отвержение – не всегда означало бунт» [10].

Такая трактовка позволяет говорить о правосознании не как о согласии с нормой, а как о способе существования внутри нормативного давления – с элементами адаптации, маневра, риторического согласия или молчаливого сопротивления.

Р. Werth в монографии *The Tsar's Foreign Faiths* анализирует религиозную политику как форму управления через право, при этом фиксируя, как различные группы (мусульмане, лютеране, католики, иудеи) переосмысливали имперское законодательство в своих юридических традициях [11]. Он пишет: «Религиозные меньшинства не просто подчинялись праву – они вели с ним диалог, осваивали его язык, адаптировали к своему миру».

Этот подход сближает правосознание с понятием символического участия, при котором группы, лишённые полноценной субъектности, используют право как ритуальный и институциональный ресурс.

Зарубежная историография характеризуется вниманием к локальному правовому опыту, включением языка, риторики, культурных кодов в правовой анализ, признанием многоуровневой правовой субъектности, интересом к империи как многоязыковому правовому пространству.

Эти исследования могут существенно обогатить российскую науку о правосознании, особенно при рассмотрении национального и конфессионального измерения.

Несмотря на растущий интерес к теме правосознания, как в российской, так и в зарубежной науке сохраняется ряд методологических и концептуальных ограничений, препятствующих комплексному исследованию национального правосознания в имперском контексте. Эти дефициты проявляются как в неполноте источниковой базы, так и в отсутствии общих категориальных рамок, что ограничивает продуктивность сравнительных и междисциплинарных исследований.

В научной литературе используется множество понятий – «правосознание», «правовая куль-

тура», «юридическая ментальность», «юридическая идентичность» – нередко без чётких различий между ними. Это порождает концептуальную путаницу и делает затруднительным сопоставление разных подходов.

Так, в одних работах правосознание рассматривается как индивидуальное психическое состояние, в других – как историко-культурное явление, в третьих – как коллективная идеология. В результате отсутствует согласованная типология, позволяющая различать, например, крестьянское, бюрократическое, национальное или конфессиональное правосознание в имперской среде.

Несмотря на многообразие этносов в Российской империи, национальный компонент правосознания остаётся на периферии юридических исследований. Как правило, он рассматривается либо в виде обобщённого «духа народа», либо в рамках политической лояльности, но не через призму юридических практик и восприятия норм.

Даже в историко-правовых исследованиях XIX века влияние языка, конфессии, культурной памяти на правосознание этносов практически не анализируется. Это особенно заметно в советских и постсоветских источниках, где идея единообразного правосознания долгое время доминировала над идеей разнообразия.

Для полноценного анализа правосознания необходимы данные из практики правоприменения, судебных дел, петиций, переписки, прессы. Однако: эти материалы фрагментарны, слабо систематизированы, редко анализируются именно с точки зрения языка и риторики.

Особенно остро ощущается недостаток исследований региональных архивов, где зафиксированы локальные формы правовой аргументации и коллективной юридической репрезентации. Практика петиционного письма, юридических жалоб, этнической прессы остаётся мало исследованной как источник выраженного правосознания.

Многие исследования опираются исключительно на юридическую догматику или философию права, игнорируя возможности правовой антропологии, социолингвистики, постколониальной теории. Особенно остро стоит задача включения юридической лингвистики и анализа риторики, что позволило бы увидеть, как этносы не просто «подчинялись» закону, но вели с ним диалог.

Современное изучение национального правосознания требует объединения методов: истории права, культурной истории, социологии и философии права, анализа нарратива, языка и символики.

Без такой интеграции тема будет оставаться второстепенной и недостаточно понятийно

оформленной, несмотря на её важность для понимания имперского правового порядка и политической идентичности.

Таким образом, ключевые методологические дефициты в исследовании национального правосознания заключаются в отсутствии категориального единства, игнорировании этнического фактора, фрагментарности источников, методологической ограниченности, недооценке роли языка и нарратива как носителей юридического сознания.

Исследование эволюции научных подходов к понятию правосознания позволяет сделать вывод: от дореволюционных философско-исторических интуиций до современных гуманитарно-правовых концепций путь оказался не только длительным, но и противоречивым. Особенно остро это проявляется в контексте национального правосознания, которое до сих пор остаётся на периферии отечественной юридической науки.

Дореволюционная мысль (Чичерин, Кавелин, Петражицкий) заложила основы понимания правосознания как ценностного и культурного феномена, но была ориентирована преимущественно на абстрактного или «великорусского» субъекта.

Советская правовая теория интерпретировала правосознание как отражение классовой идеологии, исключив из анализа культурное и этническое многообразие. Вместо диалога с традициями происходила унификация юридического восприятия.

Постсоветская юриспруденция вернула интерес к правовой культуре и субъективному правовому опыту, но ещё недостаточно систематизировала этнические, исторические и лингвистические особенности правосознания.

Зарубежные исследования активно развивают междисциплинарный подход, обращая внимание на правовой плюрализм, язык права, нарративы идентичности. Российская наука может многое перенять из этих подходов.

Чтобы национальное правосознание стало предметом полноценного научного анализа, необходимо:

1. Включение этнического и конфессионального измерения в исследования правовой культуры Российской империи;
2. Разработка категориального аппарата, позволяющего различать типы правосознания: бюрократическое, крестьянское, этническое, региональное;
3. Применение юридической лингвистики и анализа риторических стратегий, особенно при изучении петиций, жалоб, административных документов;

4. Развитие архивной базы и кейс-стадий, с акцентом на региональные и национальные практики взаимодействия с законом;

5. Построение моделей трансформации правосознания в условиях модернизации и смены политических режимов.

Национальное правосознание как объект изучения на стыке права, культуры и истории позволяет:

1. Переосмыслить имперскую политику легитимации и включения;

2. Выявить скрытые формы правового участия этносов в условиях правовой асимметрии;

3. Раскрыть механизмы правовой адаптации, маневра, сопротивления и ритуального согласия.

Эта категория открывает путь к неформальной истории права, где в центре оказывается не система норм, а система смыслов, вырабатываемая и воспроизводимая различными группами внутри империи.

Статья представляет собой попытку целостного историографического и метатеоретического осмысления национального правосознания в контексте многоэтнической Российской империи XIX – начала XX века. Научная новизна заключается в том, что автор обосновывает необходимость переосмысления правосознания как междисциплинарной категории, выходящей за рамки правовой догматики и включающей культурные, языковые и идентификационные аспекты. Предложены оригинальные аналитические понятия – «юридическое риторическое маневрирование» и «символическое участие в праве», которые позволяют по-новому рассмотреть правовые практики этносов в условиях правовой асимметрии. Впервые проведена систематизация научных подходов – от Чичерина и Петражицкого до современных постколониальных исследований – с фокусом на правосознание как инструмент включения, адаптации и сопротивления.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке образовательных курсов по правовой культуре, истории российской государственности, сравнительному правоведению, а также в исследовательских проектах, посвящённых межэтническим отношениям, правовой социализации и культурной памяти. В практическом аспекте выводы статьи могут помочь в анализе современных проблем правовой идентичности в полиэтнических государствах и при разработке правовых стратегий, учитывающих специфику исторического правосознания. Кроме того, статья может быть полезна при подготовке архивных кейс-стадий и междисциплинарных исследований на стыке права, истории и лингвистики.

В дальнейшем особую научную значимость представляет разработка типологии национальных форм правосознания на основании региональных и этноконфессиональных различий. Требуют отдельного изучения языковые и риторические особенности правовых текстов – петиций, жалоб, судебных актов – как источников правосознания. Перспективным направлением является расширение эмпирической базы за счёт анализа локальных архивов и включение методов юридической лингвистики, нарратологии, культурной антропологии. Особое внимание может быть уделено сравнительным исследованиям правосознания в различных имперских пространствах – Российской, Османской, Австро-Венгерской империях – как площадке для формирования новых теоретико-правовых подходов.

Таким образом, историографический обзор показывает: национальное правосознание в имперском контексте требует нового методологического внимания. Только в рамках интеграции права, истории, языка и культуры возможно раскрыть его как полноценный научный объект, имеющий не только теоретическое, но и прикладное значение – для понимания правовых реформ, кризисов идентичности и путей эволюции правового порядка.

Список литературы:

- [1] Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. – М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. – Т. 1. – С. 235. (дата обращения 15.10.2023).
- [2] Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Русская мысль. – 1882. – № 9. (дата обращения 15.10.2023).
- [3] Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Общественная польза, 1907. – С. 78–79. (дата обращения 15.10.2023).
- [4] Вышинский А. Я. Теория государства и права. – М.: Юридиздат, 1949. – С. 73. (дата обращения 15.10.2023).
- [5] Стучка П. И. Революция и право. – М.: Госюриздат, 1921. – С. 52. (дата обращения 15.10.2023).
- [6] Алексеев С. С. Теория права. – М.: БЕК, 1994. – С. 73. (дата обращения 15.10.2023).
- [7] Гаджиев А. Х. Правовое государство: теория и практика. – М.: Норма, 2013. – С. 111. (дата обращения 15.10.2023).
- [8] Ершов В. В. Правосознание и правовая культура: философско-правовой анализ. – М.: Юрист, 2016. – С. 144. (дата обращения 15.10.2023).
- [9] Kirmse, S. B. (2012). Law and Society in Imperial Russia. *InterDisciplines*, 3(2), 115–138. (дата обращения 15.10.2023).

[10] Poole, R. (2021). A Russian Conception of Legal Consciousness. Canopy Forum. URL: <https://canopyforum.org/2021/10/29/a-russian-conception-of-legal-consciousness/>. (дата обращения 15.10.2023).

[11] Werth, P. W. (2014). The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press. (дата обращения 15.10.2023).

References:

[1] Chicherin B. N. Kurs gosudarstvennoj nauki. – M.: Tip. M. G. Volchaninova, 1894. – T. 1. – S. 235. (дата обращения 15.10.2023).

[2] Kavelin K. D. Mysli i zametki o russkoj istorii // Russkaya mysl'. – 1882. – № 9. (дата обращения 15.10.2023).

[3] Petrazhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. – SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1907. – S. 78–79. (дата обращения 15.10.2023).

[4] Vyshinskij A. YA. Teoriya gosudarstva i prava. – M.: Yuridizdat, 1949. – S. 73. (дата обращения 15.10.2023).

[5] Stuchka P. I. Revolyuciya i pravo. – M.: Gosyurizdat, 1921. – S. 52. (дата обращения 15.10.2023).

[6] Alekseev S. S. Teoriya prava. – M.: BEK, 1994. – S. 73. (дата обращения 15.10.2023).

[7] Gadzhiev A. KH. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – M.: Norma, 2013. – S. 111. (дата обращения 15.10.2023).

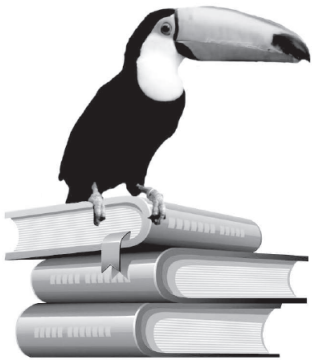
[8] Ershov V. V. Pravosoznanie i pravovaya kul'tura: filosofsko-pravovoj analiz. – M.: Yurist", 2016. – S. 144. (дата обращения 15.10.2023).

[9] Kirmse, S. B. (2012). Law and Society in Imperial Russia. InterDisciplines, 3(2), 115–138. (дата обращения 15.10.2023).

[10] Poole, R. (2021). A Russian Conception of Legal Consciousness. Canopy Forum. URL: <https://canopyforum.org/2021/10/29/a-russian-conception-of-legal-consciousness/>. (дата обращения 15.10.2023).

[11] Werth, P. W. (2014). The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press. (дата обращения 15.10.2023).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-251-255

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

САВИНА Елена Александровна,
Ведущий специалист-эксперт отдела законодательства
Главного управления Минюста России по Москве,
Член ассоциации историков права,
e-mail: elena.sa93@mail.ru

ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА XX–НАЧАЛА XXI ВВ

Аннотация. Статья посвящена комплексному историко-правовому анализу Основ законодательства как источника права в советский и постсоветский периоды. Исследуются особенности юридической природы Основ законодательства, их место в системе права и роль в обеспечении единства правового регулирования в масштабах СССР. Прослеживается эволюция Основ законодательства, связанная с постепенным расширением сферы прямого регулирования общественных отношений наряду с программным характером норм. Анализируются причины утраты Основами законодательства своего значения в постсоветский период. Обосновывается научная и практическая значимость обращения к опыту систематизации законодательства посредством Основ в целях упорядочения комплексных правовых общностей в современной России. Автор приходит к выводу о необходимости серьезной научной разработки потенциала Основ законодательства как правовой формы с учетом исторических уроков.

Ключевые слова: источники права, Основы законодательства, систематизация законодательства, иерархия нормативных правовых актов, общесоюзное законодательство, история права.

SAVINA Elena Alexandrovna,
Leading specialist-expert of the Legislation Department
of the Main Directorate of the Ministry of Justice of Russia
in Moscow Member of the Association of Legal Historians

FUNDAMENTALS OF LEGISLATION IN THE SYSTEM OF SOURCES OF NATIONAL LAW OF THE XX–EARLY XXI CENTURIES

Annotation. The article is devoted to a comprehensive historical and legal analysis of the Fundamentals of legislation as a source of law in the Soviet and post-Soviet periods. The article examines the features of the legal nature of the Foundations of legislation, their place in the legal system and their role in ensuring the unity of legal regulation across the USSR. The evolution of the Foundations of legislation is traced, associated with the gradual expansion of the sphere of direct regulation of public relations, along with the programmatic nature of the norms. The reasons for the loss of the Fundamentals of legislation in the post-Soviet period are analyzed. The scientific and practical significance of referring to the experience of systematization of legislation through Fundamentals in order to streamline complex legal communities in modern Russia is substantiated. The author comes to the conclusion that there is a need for serious scientific development of the potential of the Foundations of legislation as a legal form, taking into account historical lessons.

Key words: sources of law, Fundamentals of legislation, systematization of legislation, hierarchy of normative legal acts, all-Union legislation, history of law.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ключевым значением Основ законодательства для систематизации и унификации правового регулирования в советском государстве. Представляя собой уникальный правовой феномен,

Основы законодательства, с одной стороны, позволяли устанавливать единые принципы и общие положения для важнейших сфер общественной жизни, с другой – обеспечивали учет специфики союзных республик путем разграничения союзной и республиканской компетенции.

Исторический опыт разработки и применения Основ законодательства приобретает особую значимость в современный период ввиду активных процессов формирования комплексных правовых общностей, преодоления пробельности и противоречивости законодательства. Нуждаются в осмыслении причины отказа от формы Основ законодательства в постсоветской России, условия ее возможного возрождения на новом уровне. Научный анализ эволюции Основ законодательства в контексте развития отечественной правовой системы позволит по-новому взглянуть на перспективы систематизации нормативного массива в федеративном государстве, роль кодифицированных актов в этом процессе. В этом заключается теоретическая и практическая значимость исследования.

Методология исследования базируется на сочетании общенаучных и специально-юридических методов. Среди первых ключевую роль играет диалектический метод, позволяющий раскрыть генезис и эволюцию Основ законодательства как правовой формы в ее связи с развитием общественных отношений и государственности. Используются также общелогические методы анализа и синтеза, индукции и дедукции при выявлении предпосылок возникновения Основ законодательства и их влияния на систему права. Из числа специальных методов применяются историко-правовой метод при исследовании конкретно-исторических условий появления и эволюции Основ законодательства, формально-юридический анализ нормативных положений Основ, сравнительно-правовое сопоставление союзных Основ и республиканских кодифицированных актов, советского и постсоветского опыта систематизации законодательства.

Основное исследование

Понятие и признаки Основ законодательства как источника права. В теории права Основы законодательства определяются как вид закона, издаваемый высшими органами государственной власти федеративного государства и содержащий исходные нормы по предметам совместного ведения федерации и ее субъектов [1, с. 82]. К ключевым признакам Основ законодательства относятся:

- 1) высшая юридическая сила по отношению к текущему законодательству;
- 2) базовый, отправной характер правовых предписаний;
- 3) направленность на обеспечение единства правового регулирования в масштабе всей страны;
- 4) установление вопросов, по которым субъекты федерации вправе осуществлять собственное регулирование [5, с. 133-148].

Следовательно, Основы законодательства – особая разновидность кодифицированных актов, призванная осуществлять регулирование на началах разграничения и согласования законодательных полномочий федерации и ее субъектов.

Место Основ законодательства в системе источников советского права. Как отметила С.В. Поленина, Основы законодательства в системе источников советского права рассматривались как акты, имеющие большую юридическую силу по сравнению с обычными законами [8, с. 49]. На первом этапе развития (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) Основы не действовали напрямую, а служили правовой базой для кодификации в союзных республиках. Издание Основ призвано было ограничить самостоятельность республик в регулировании отдельных общественных отношений под лозунгом укрепления социалистической законности. Начиная с принятия Основ гражданского законодательства 1961 г. в них стали закрепляться общие положения, имеющие прямое действие на всей территории СССР. Вместе с тем сфера прямого регулирования в Основах была ограничена, основная нагрузка возлагалась на развивающееся республиканское законодательство. В литературе Основы именовались «конституциями» соответствующих отраслей и ставились непосредственно после Конституции СССР в иерархии советского законодательства [7]. При этом они не обладали верховенством над Конституцией, поэтому концепция их отраслевого приоритета представляется спорной.

Исторические предпосылки появления Основ законодательства в советской правовой системе. Потребность в издании Основ законодательства была обусловлена противоречиями советского строительства после XX съезда КПСС. С одной стороны, провозглашенный курс на расширение самостоятельности республик предполагал расширение их законодательных полномочий, с другой – партийно-государственное руководство не было готово поступаться единством законодательной политики. В этих условиях издание Основ позволяло центру закрепить свои полномочия и контролировать регулирование наиболее значимых общественных отношений. Первоначально этот контроль осуществлялся через утверждение Основ Верховным Советом СССР, позже и через их прямое действие [7, с. 2]. Еще одной причиной появления Основ стала необходимость устранить пробелы и отставание правового регулирования от меняющихся общественных потребностей без немедленной полномасштабной кодификации.

Эволюция Основ законодательства Союза ССР и союзных республик. Хронологически первыми в 1958 г. были приняты Основы уголовного

законодательства и Основы уголовного судопроизводства, функционально являвшиеся базой для принятия новых уголовных и уголовно-процессуальных кодексов союзных республик. За их разработкой последовало создание Основ по гражданскому, земельному, семейному, трудовому праву и другим ключевым отраслям. Структура большинства Основ законодательства Союза ССР и союзных республик выглядела типично: открывались они статьей о задачах регулирования соответствующей сферы, за которой следовали общие положения, принципиальные правила по важнейшим институтам, определяющие направления развития данной отрасли [9, с. 18]. Отдельные вопросы непосредственного регулирования определялись дифференцированно, с учетом специфики отрасли. С принятием Конституции СССР 1977 г. Основы законодательства получили конституционное закрепление. Согласно ст. 73 Конституции, ведению Союза ССР подлежали обеспечение единства законодательного регулирования на всей территории страны, установление Основ. В рамках союзных республик на базе Основ разрабатывались кодифицированные акты, воспроизводившие положения Основ и развивающие их с учетом специфики. В 1980-е годы большинство кодексов РСФСР и других республик носили подчиненный характер по отношению к Основам законодательства [11, с. 38].

Юридическая природа Основ законодательства и концепция предметной иерархии. Советская юридическая наука рассматривала Основы законодательства как акты с двойственной природой. С одной стороны, они представляли собой общесоюзные законы, обладающие высшей юридической силой на всей территории СССР и общеобязательные для всех правоприменителей. С другой стороны, Основы имели программный характер, служили ориентиром для республиканского законодателя [2, с. 98].

Как утверждает Т.Ф. Ящук, терминология Основ законодательства изначально не была унифицирована. В Конституции СССР 1924 г. использовались различные юридические конструкции: «основы» о судостроительстве и судопроизводстве; «основные законы» о труде; «общие начала» о народном просвещении, землеустройстве и землепользовании; «общие меры» о народном здравии и другие. Таким образом, термин «Основы» носил собирательный характер и не имел официального толкования. В юридической доктрине Основы характеризовались как «форма кодификации общесоюзного законодательства» [13, с. 62].

На этой двойственности базировалась концепция предметной (горизонтальной) иерархии нормативных правовых актов, согласно которой

общесоюзные Основы законодательства наделялись приоритетом применения перед иными законами в строго очерченной сфере регулирования [6]. Эта концепция не получила всеобщего теоретического признания, но оказала значительное влияние на законотворческую практику.

Трансформация Основ законодательства в постсоветский период после распада СССР и образования СНГ Основы законодательства какое-то время продолжали функционировать в качестве рекомендательных актов для республик бывшего Союза ССР. В частности, на основе Основ о нотариате 1973 г. были приняты соответствующие законы стран СНГ [12, с. 22]. В России 1990-х годов Основы законодательства использовались на начальном этапе рыночных реформ как средство оперативного правового регулирования социально-экономических отношений. В частности, Основами законодательства об охране здоровья граждан 1993 г., Основами законодательства о культуре 1992 г. непосредственно регулировалась значительная часть отношений. В законодательстве большинства постсоветских республик Основы законодательства были преобразованы в обычные кодифицированные законы. Исключением являются Основы законодательства РФ о нотариате, сохраняющие рамочный характер в силу особенностей организации нотариата в нашей стране.

Роль Основ законодательства в обеспечении единства правового пространства СССР. Единый правовой режим Основ законодательства выступал ключевым фактором обеспечения единства законодательного пространства и укрепления советской федерации [4]. Положения Основ инкорпорировались в республиканское законодательство, формируя ядро правового регулирования по важнейшим отраслям. Уникальный для федеративного государства правовой инструмент Основ законодательства позволял достаточно гибко сочетать общесоюзное регулирование и нормотворчество субъектов федерации. Эта гибкость достигалась за счет различного удельного веса и соотношения норм прямого действия и отсылочных норм в тексте Основ. Значение Основ законодательства особенно возрастало по мере развития системных противоречий советского строя.

Перспективы использования Основ законодательства в современных условиях. Согласно позиции Т.Я. Хабриевой, в современных условиях, когда в системе российского законодательства активно формируются комплексные правовые общности, внимание к Основам законодательства как форме систематизации приобретает особую актуальность [10]. Представляется, что использование Основ может быть продуктивным для таких

межотраслевых массивов, как антикоррупционное, миграционное, инновационное законодательство. На базе единых Основ законодательства возможно осуществление кодификационных работ в субъектах РФ с учетом региональной специфики [3]. При разработке современных Основ законодательства целесообразно учитывать исторический опыт, связанный с необходимостью обеспечения внутренней непротиворечивости правовых норм, их прямого действия, четкого разграничения нормотворческой компетенции между федеральным центром и регионами.

Выводы

Историко-правовой анализ показывает, что Основы законодательства представляют собой уникальный для отечественной правовой системы вид кодифицированного закона, функционально направленный на установление общих принципов регулирования по предметам совместного ведения федерации и ее субъектов. В советский период Основы законодательства занимали центральное место среди источников права, упорядочивали союзное и республиканское законодательство, служили правовой базой для кодификации. Наряду с программным характером Основы обладали свойством прямого действия, что позволило выдвинуть концепцию их отраслевого приоритета. В современных условиях опыт разработки и применения Основ законодательства может быть востребован в целях совершенствования законодательства. Речь идет о принятии Основ по ключевым комплексным сферам общественных отношений, требующим согласованного правового регулирования. Основы законодательства могли бы стать действенным средством преодоления пробельности, разрозненности правовых норм без проведения глубокой кодификации. Важно подчеркнуть, что потенциал Основ законодательства не исчерпан, они органично вписываются в логику построения российского законодательства на принципах разграничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Для эффективной реализации этого потенциала необходима существенная научная проработка и адаптация данного правового института к реалиям XXI века.

Список литературы:

- [1] Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 864 с.
- [2] Берлявский Л.Г. Конституционно-программный характер советского государственного права // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 6.

[3] Иваныш С.В. Кодификация нормативных правовых актов субъекта РФ // Молодой ученый. 2010. № 11 (22). С. 8-10.

[4] Кодан С.В. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик в централизации и образовании единого правового пространства СССР (вторая половина 1950-х - 1970-е гг.).

[5] Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. М.: Норма, 2018. 672 с.

[6] Петров А.А. Динамика правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросу о легитимности предметной (горизонтальной) иерархии нормативных правовых актов // Научные исследования и разработки. Право. 2013. Т. 1. № 4. С. 189-196.

[7] Петров А.А. Основы законодательства СССР и союзных республик в контексте развития идеи формального приоритета кодифицированных актов // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2. С. 23-31.

[8] Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / Отв. ред. Р.О. Халфина. М.: Наука, 1987. 152 с.

[9] Полянская Г.Н. Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик // Новое советское законодательство. 1978. № 5. С. 18-28.

[10] Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука РАН, 2016. 320 с.

[11] Чертков А.Н. Формирование в России сферы совместного ведения федерации и её субъектов // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2004. № 3 (57). С. 38-40.

[12] Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учеб. пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ, 2018. 144 с.

[13] Ящук Т.Ф. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик в системе источников советского права // История государства и права. 2024. № 9. С. 61-64.

References:

- [1] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia. Training course: tutorial. In 2 vols. 1. 5th ed., Revised and add. M.: Norm: INFRA-M, 2014. 864 pp.
- [2] Berlyavsky L.G. The constitutional and programmatic nature of Soviet state law//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. № 6.
- [3] Ivanys S.V. Codification of regulatory legal acts of the subject of the Russian Federation//Young scientist. 2010. № 11 (22). S. 8-10.

[4] Kodan S.V. Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union republics in the centralization and formation of a single legal space of the USSR (second half of the 1950s - 1970s).

[5] M.N. Marchenko. Sources of law: textbook. M.: Norma, 2018. 672 p.

[6] A.A. Petrov. Dynamics of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the legitimacy of the subject (horizontal) hierarchy of regulatory legal acts//Research and development. Right. 2013. VOL. 1. № 4. S. 189-196.

[7] A.A. Petrov. Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union republics in the context of the development of the idea of the formal priority of codified acts//Leningrad Law Journal. 2016. № 2. S. 23-31.

[8] Polenina S.V., Silchenko N.V. Scientific foundations of the typology of regulatory legal acts in the USSR/Rev. ed. R.O. Halfin. M.: Science, 1987. 152 s.

[9] Polyanskaya G.N. Fundamentals of forest legislation of the USSR and union republics//New Soviet legislation. 1978. № 5. S. 18-28.

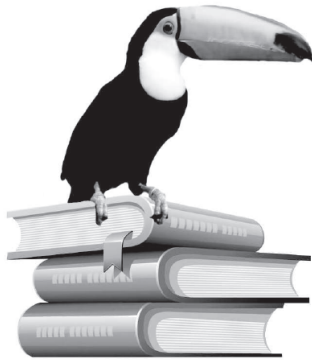
[10] Khabrieva T.Ya. Constitutional reform in the modern world: monograph. M.: Science RAS, 2016. 320 s.

[11] Chertkov A.N. Formation in Russia of the sphere of joint jurisdiction of the federation and its subjects//Representative power - XXI century: legislation, comments, problems. 2004. № 3 (57). S. 38-40.

[12] Chernogoror N.N., Zaloilo M.V. Actual problems of law-making: textbook. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: LAW FIRM CONTRACT, 2018. 144 p.

[13] Yashchuk T.F. Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union republics in the system of sources of Soviet law//History of state and law. 2024. № 9. S. 61-64.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-256-259

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ПАШКОВА Виктория Романовна,
студенка 3 курса Института онлайн образования
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: 235335@edu.fa.ru

САМИГУЛИНА Алла Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
правового регулирования экономической деятельности
Юридического факультета Финансового университета
при Правительства РФ,
e-mail: avsamigulina@fa.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЖИЛИЩНЫМ ФОНДОМ: ОТ РАСПАДА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ДО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются проблемы, затрагивающие один из секторов экономики как жилищно-коммунальное хозяйство, охватывающий период его кризисного состояния накануне распада советского государства до современной России. Статья посвящена анализу подходов и проблем, связанных с дальнейшим реформированием жилищно-коммунального хозяйства, а также оценки эффективности правовых основ деятельности по управлению жилищным фондом.

Кроме того, актуальность статьи предопределяется малым количеством доктринальных исследований, в которых бы поднимались проблемы управления жилищным фондом. Главным образом, это связано с тем, что авторы фокусируют внимание на экономической стороне вопроса, без исследования правовой составляющей.

Автор статьи с применением историко-правового метода рассматривает процессы реформирования жилищно-коммунального хозяйства, выделяет основные причины необходимости реформ – аварийность жилого фонда, отсутствие должного финансирования, предоставление услуг ненадлежащего качества, неэффективное управление.

В статье дается оценка промежуточным результатам реформ, выявлены факторы как способствующие, так и препятствующие процессу формирования стабильного и высокоэффективного управления жилищным фондом. В качестве наиболее успешных итогов реформирования автор выделяет: внедрение механизмов дополнительного контроля над деятельностью управляющих компаний и формированию прозрачной системы тарифообразования, ориентированной на целевое использование денежных средств и качество обслуживания жилого фонда. Также проведен обзор законодательных инициатив, направленных на повышение доступности жилья для всех слоев населения и повышение качества жилищно-коммунальных услуг.

На основании изученного многолетнего процесса реформирования жилищно-коммунального хозяйства сделан вывод, что только сочетание комплексного подхода, включающего государственное регулирование и рыночные механизмы способны обеспечить дальнейшую устойчивость системы управления жилищным фондом и повысить качество жизни населения.

Ключевые слова: правовое регулирование, реформирование, жилищно-коммунальное хозяйство, жилищный фонд, многоквартирный жилой дом, частная собственность, управление многоквартирными домами, жилищные программы, рыночная экономика.

PASHKOVA Victoria Romanovna,
Third-year student, Institute of Online Education,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

SAMIGULINA Alla Viktorovna,
Candidate of law, associate professor of Department
of legal regulation of economic
activities, faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

DEVELOPMENT OF THE HOUSING MANAGEMENT SYSTEM: FROM THE COLLAPSE OF THE SOVIET STATE TO MODERN RUSSIA.

Annotation. *This article examines issues affecting one sector of the economy—housing and utilities—from its crisis period on the eve of the collapse of the Soviet state to modern Russia. The article analyzes approaches and problems associated with further reform of the housing and utilities sector, as well as assesses the effectiveness of the legal framework for housing management.*

Furthermore, the relevance of the article is determined by the paucity of doctrinal studies addressing housing management issues. This is primarily due to the authors' focus on the economic aspect of the issue, without examining the legal component. The author of the article, using a historical and legal method, examines the processes of reforming the housing and communal services, highlighting the main reasons for the need for reform – the emergency state of the housing stock, the lack of adequate funding, the provision of poor-quality services, and ineffective management.

The article assesses the interim results of the reforms, identifying factors both facilitating and hindering the development of stable and highly effective housing management. The author highlights the introduction of additional mechanisms for oversight of management companies and the development of a transparent tariff system focused on the targeted use of funds and the quality of housing services as the most successful outcomes of the reform. A review of legislative initiatives aimed at increasing housing affordability for all segments of the population and improving the quality of housing and utilities services is also provided.

Based on a study of the long-term process of housing and utilities reform, it is concluded that only a combination of an integrated approach, including state regulation and market mechanisms, can ensure the continued sustainability of the housing management system and improve the quality of life.

Key words: *legal regulation, reform, housing and utilities, housing stock, multi-apartment residential building, private property, multi-apartment building management, housing programs, market economy.*

В конце 90-х годов двадцатого века в России начинается процесс реорганизации системы управления жилищным фондом. Необходимость проведения реформы острая ощущалась из-за долгого распределения жилья между гражданами, отсутствия возможности участия граждан в вопросах управления и содержания своего жилищного фонда, неравенства предоставляемых жилищно-коммунальных услуг, хотя идеологически были заложены положения об обратном. Управление жилищным фондом и поддержание его в надлежащем состоянии в комплексе с обеспечением безопасных условий проживания возлагались на жилищно-эксплуатационные конторы (ЖЭК), но из-за низкого уровня вовлеченности и финансирования качество предоставляемых услуг оставляло желать лучшего. Накануне распада СССР отправной точкой к изменениям послужил прецедент возникновения частных форм собственности, заложив основы для дальнейших преобразований [2].

С появлением нового государственного строя и переходом к рыночной экономике произошли кардинальные преобразования всех аспектов жилищной политики: за жильцами законодательно закрепились совокупность «триада» трех правомочий: владения, пользования и распоряжения своим имуществом, а также появилась возможность с привлечением собственных денежных средств участвовать в содержании и управлении своего жилищного фонда. Проведение косметического, а в некоторых случаях и капитального ремонта жилищного фонда требовало значительных капиталовложений, которые не могли себе позволить новоиспечённые домовладельцы из-за сложившаяся на тот момент социально-экономической ситуации в стране. После многолетних монополии государства жилищно-коммунального хозяйства и отсутствия управленческих навыков домовладельцы не могли принимать рациональные решения по управлению своим жилищным фондом. Основная часть населения даже не

знала на какие нужды и куда уходят денежные средства от оплаты жилищно-коммунальных услуг [6, с.312].

Сложившаяся ситуация привела к новому ряду проблем:

1) к преждевременному износу и ухудшению состояния жилищного фонда из-за отсутствия должного управления и обслуживания;

2) ущемлению менее защищенных прав граждан, поскольку качество содержания жилищного фонда стало зависеть от материального положения.

На федеральном уровне в 1992 году для дальнейшего реформирования и усовершенствования жилищно-коммунального хозяйства принимается федеральный закон «Об основах жилищной политики». Сущность вносимых изменений данным нормативно-правовым актом заключалась в разделении полномочий по управлению и обслуживанию в сфере жилищно-коммунального хозяйства, установление порядка предоставления коммунальных услуг, определении способа оплаты за жилищно-коммунальные услуги, введении мер социальной защиты незащищенных слоев населения в жилищной сфере [7, с.6]. Сформировались новые формы активного участия граждан в управлении жилищным фондом через частные управляющие компании, товарищества собственников жилья, а также кооперативы и партнерства [3, с.852].

Одним из положительных моментов принятой «Концепции реформы ЖКХ 1997г.» становится изменения в части системы финансирования с постепенным переходом от дотирования государством оплаты жилья и коммунальных услуг к потребителям к 2003 году. Концепцией была дана оценка состояния жилищно-коммунального хозяйства, резюмирую все факторы предыдущих лет, которые замедляли внедрение новых форм и методов управления: социально-экономическое положение страны, формальный подход к заключению договоров в целях обеспечения многоквартирного дома коммунальными ресурсами, отсутствие эффективных мер по энергосбережению, уменьшение размеров инвестиции в жилищно-коммунальное хозяйство в 2 раза, низкой уровень квалификации сотрудников инженерной службы управляющих и (или) эксплуатирующих организаций, снижение надежности конструкций многоквартирных домов и отсутствия готовности инженерных систем.

Для решения вышеупомянутых проблем было предложено: внести изменения в систему жилищно-коммунального хозяйства в части управления, эксплуатации многоквартирного дома и повышения контроля за эксплуатирующей компанией, повысить уровень конкурентной среды путем конкурсного отбора организаций, осуществ-

ляющих деятельность по управлению жилищным фондом [5, с.37]. Позднее положения «Концепции реформы ЖКХ 1997г.» взяты за основу и развиты в дальнейшем в подпрограмме «Реформирование и модернизация ЖКХ 2002-2010гг» [8, с.32].

С марта 2005 года вступает в законную силу обновленный Жилищный кодекс РФ. Впервые в истории жилищно-коммунального хозяйства в очередь на улучшение жилищных условий стали ставить малоимущих граждан, размер платы за содержание жилья стал зависеть от стоимости услуг и общей площади многоквартирного дома, появился новый посредник в виде ресурсоснабжающей организацией между управляющей организацией и собственниками многоквартирного дома, а также у собственников возникает обязанность по уплате взносов за капитальный ремонт жилищного фонда [1;9].

В 2007 году после принятия федерального закона «О фонде содействия реформирования ЖКХ» запускается процесс активизации полномасштабного проведения капитального ремонта и переселения граждан из ветхого аварийного жилья. Финансовую основу для реформирования жилищно-коммунального хозяйства закладывает создание Фонда содействия реформирования ЖКХ.

На следующие 10 лет утверждается новая федеральная программа «Комплексная программа модернизации и реформирования ЖКХ 2010-2020гг.» Главными целями данной программы было обеспечить жильцов многоквартирного дома благоприятные условиями проживания посредством комплекса жилищно-коммунальных услуг (холодной и горячей водой, водоотведением, подогревом (компонент для тепловой энергии), отоплением, электрической энергией) с установлением доступных тарифов для населения. Спустя несколько лет была отменена из-за недостаточного государственного финансирования.

Для достижения ранее поставленных целей утверждается новая государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ от 30.11.2012г.». Основными направлениями данной программы становится: борьба с износом жилищного фонда, переселения граждан из ветхого и аварийного жилья посредством реновации, повышение качества предоставляемых жилищно-коммунальных услуг, внедрения усовершенствованных механизмов управления жилищным фондом, стимулирования рационального потребления энергоресурсов [4, с.516].

Рассматривая отечественный исторический путь трансформации системы жилищно-коммунального хозяйства видно не вооруженным взглядом, что в течении прошлого столетия формы управления жилищного фонда менялись по

меньшей мере пять раз. Несмотря на многочисленные попытки реформирования жилищно-коммунального хозяйства система управления жилищным фондом становится более гибкой к динамично развивающимся рыночным отношениям.

Список литературы.

[1] Бородин, И. А. Правовые проблемы правового регулирования управления жилищным фондом РФ / И. А. Бородин // Эпоха науки. – 2024. – № 37. – С. 97-99.

[2] Ващишин Д. С. Реформирование жилищно-коммунального хозяйства: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2009. №3.

[3] Жибоедова, А. В. Способы и модели управления многоквартирным жилищным фондом / А. В. Жибоедова // Инвестиции, строительство, недвижимость как драйверы социально-экономического развития территории и повышения качества жизни населения : Материалы IX Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Томск, 12–15 марта 2019 года / Под редакцией Т.Ю. Овсянниковой, И.Р. Салагор. Том Часть 2. – Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2019. – С. 850-856.

[4] Каратаев Е. М., Меркурьев В. В. ЭТАПЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ // Московский экономический журнал. 2020. №9.

[5] Критина, Е. Д. Совершенствование управления жилищным фондом в условиях реформирования ЖКХ / Е. Д. Критина // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2018. – № 1. – С. 37-41.

[6] Романцов, А. Н. Особенности управления многоквартирным жилищным фондом / А. Н. Романцов // Заметки ученого. – 2022. – № 3-1. – С. 312-315. – EDN KBCQEB.

[7] Рыбалкина Анна Андреевна Государство и общество: осознание критической ситуации в сфере ЖКХ // УЭКС. 2014. №11 (71).

[8] Сагадиев, Р. Э. Эволюция системы управления жилищным фондом в России: от СССР к современности / Р. Э. Сагадиев // Всероссийский форум молодых исследователей - 2023 : Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 25 декабря 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 29-34.

[9] Седаков Дмитрий Александрович Развитие нормативно-правовой базы реформирования ЖКХ // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2015. №4 (14).

References:

[1] Borodin, I. A. Pravovye problemy pravovogo regulirovaniya upravleniya zhilishhnym fondom RF / I. A. Borodin // [Jepoha nauki]. – 2024. – № 37. – S. 97-99. (In Russ.)

[2] Vashhishin D. S. Reformirovanie zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva: sovremennoe sostojanie, problemy i perspektivy // [Vestnik OmGU]. Serija: Jekonomika. 2009. №3. (In Russ.)

[3] Zhiboedova, A. V. Sposoby i modeli upravlenija mnogokvartirnym zhilishhnym fondom / A. V. Zhiboedova // [Investicii, stroitel'stvo, nedvizhimost' kak drajvery social'no-jekonomicheskogo razvitija territorii i povysheniya kachestva zhizni naselenija] : Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-h chastjah, Tomsk, 12–15 marta 2019 p. / Pod redakciej T.Ju. Ovsjannikovoj, I.R. Salagor. Tom Chast' 2. – Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj arhitekturno-stroitel'nyj universitet, 2019. – S. 850-856. (In Russ.)

[4] Karataev E. M., Merkur'ev V. V. JeTAPY REFORMIROVANIJa ZHILISHHNO-KOMMUNAL'NOGO HOZJaJSTVA V ROSSII // [Moskovskij jekonomicheskij zhurnal]. 2020. №9. (In Russ.)

[5] Kritina, E. D. Sovershenstvovanie upravlenija zhilishhnym fondom v uslovijah reformirovaniya ZhKH / E. D. Kritina // [Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI)]. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki. – 2018. – № 1. – S. 37-41. (In Russ.)

[6] Romancov, A. N. Osobennosti upravlenija mnogokvartirnym zhilishhnym fondom / A. N. Romancov // [Zametki učenogo]. – 2022. – № 3-1. – S. 312-315. – EDN KBCQEB. (In Russ.)

[7] Rubaeva L. M. Perspektivy razvitija zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva Rossii / L. M. Rubaeva, A. Ju. Galich // [Gumanit. soc.-jekonom. nauki]. – 2016. – № 3. – S. 86-89. (In Russ.)

[8] Rybalkina Anna Andreevna Gosudarstvo i obshhestvo: osoznanie kriticheskoj situacii v sfere ZhKH // [UjekS]. 2014. №11 (71). (In Russ.)

[9] Sagadiev, R. Je. Jevoljucija sistemy upravlenija zhilishhnym fondom v Rossii: ot SSSR k sovremennosti / R. Je. Sagadiev // [Vserossijskij forum molodyh issledovatelej] - 2023 : Sbornik statej III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Petrozavodsk, 25 dekabrja 2023 p. – Petrozavodsk: Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva «Novaja Nauka» (IP Ivanovskaja I.I.), 2023. – S. 29-34. (In Russ.)

[10] Sedakov Dmitrij Aleksandrovich Razvitie normativno-pravovoj bazy reformirovaniya ZhKH // [Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, jekonomika]. Serija: Jekonomika. 2015. №4 (14). (In Russ.)

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-260-266

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры теории, методологии и правового
обеспечения государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность»,
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»,
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРА,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: olbyk75@mail.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКСКУРСИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБЗОРНОЙ ЭКСКУРСИИ ПО Г. СЫСЕРТЬ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В данной статье освещаются вопросы проектирования и проведения качественной экскурсии. Авторы выделяют основные элементы структуры экскурсии, этапы ее подготовки. Акцентируется внимание на том, что качество экскурсии зависит не только от профессионализма экскурсовода, но и от качества подготовки основной документации, необходимой для ее проведения.

На примере разработки авторской обзорной экскурсии по г. Сысерть Свердловской области «Сысерть: большие тайны маленького города» рассматриваются особенности составления ее технологической карты.

Авторы приходят к выводу, что от того, насколько гид владеет принципами экскурсионной методики, от его коммуникабельности и знания основ педагогики и психологии, от умения трансформировать свои знания в оригинальные маршруты будет зависеть успех проектирования и проведения самой экскурсии.

Ключевые слова: туризм, экскурсия, проектирование, инновации, методика, технологическая карта.

SINKO Vera N.,

*Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University*

SHILOVTSEV Andrey V.,

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University,
Associate Professor of the Department of Theory,
Methodology and Legal Support of Public and Municipal Administration,
Ural Federal University,*

ILYASOV Oleg R.,

*Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University,
Senior Researcher, Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*

BYKOVA Olga A.,

*doctor of agricultural sciences,
professor of the Department
of biotechnology and food products,
Ural State Agrarian University*

SMIRNOVA Ekaterina S.,

*Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University*

ON THE TECHNOLOGY OF DESIGNING A MODERN EXCURSION (ON THE EXAMPLE OF A GENERAL EXCURSION IN SYSERT, SVERDLOVSK REGION)

Annotation. *This article covers the issues of designing and conducting a high-quality excursion. The authors highlight the main elements of the excursion structure and the stages of its preparation. They emphasize that the quality of an excursion depends not only on the professionalism of the guide, but also on the quality of the basic documentation required for its implementation.*

The article uses the example of developing an author's review excursion in Sysert, Sverdlovsk Region, "Sysert: The Big Secrets of a Small Town" to explore the features of creating a technological map for the excursion.

The authors conclude that the success of tour design will depend on the guide's knowledge of pedagogy and psychology, the principles of excursion methodology, and their ability to communicate and transform their knowledge into original routes.

Key words: *tourism, excursion, design, innovation, methodology, technological map.*

В настоящее время интерес к путешествиям по территории России растет с каждым годом. Развитию внутреннего туризма способствуют появление новых туристских центров и усиление интереса к РФ со сто-

роны зарубежных гостей. Благодаря государственной поддержке в нашей стране с недавних пор реализуется национальный проект «Туризм и гостеприимство». Значительные вложения в соответствующую инфраструктуру позволяют форми-

ровать привлекательные турпродукты и в дальнейшем продвигать их на рынке, поэтому внутренний туризм становится все более востребованным, развиваясь по многим направлениям [1, с. 266].

Согласно Единому плану по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., к 2030 г. количество туристов должно увеличиться до 140 млн человек в год [2].

В условиях конкуренции рынок труда постоянно меняется, и поэтому ключевым фактором для успешного существования предприятий туристической индустрии является их способность адаптироваться и оставаться востребованными. Большую роль в сфере туризма играют инновации, поскольку они являются одним из методов конкуренции. Инновационные процессы имеют специфические особенности, хотя и подчиняются общим закономерностям экономического развития. Это касается и важной составной части туристского бизнеса - экскурсионной деятельности. Как отмечают О. А. Лях и В. В. Лиханова, «инновации в экскурсионной деятельности способствуют успешному продвижению экскурсионных услуг на туристском рынке, они дают преимущество одной экскурсии над другой. Важная роль при этом отводится как подготовке экскурсоводов, так и качественной разработке самой экскурсии, освоению методики и техники ее проведения» [3, с. 161].

Высокое качество экскурсии обеспечивается взаимообусловленными процессами ее подготовки и проведения.

Структура экскурсии, как правило, включает в себя несколько элементов:

1. Вступление (знакомство, инструктаж, краткая информация об экскурсии);
2. Основная часть (раскрытие темы по мере показа объектов и посредством устного рассказа вдоль маршрута экскурсии);
3. Заключение (подведение итогов экскурсии, информация о других экскурсионных продуктах и контактах компании).

Выделяют следующие этапы подготовки экскурсии:

1. Анализ рынка, выбор целевой аудитории;
2. Выбор темы (концепции);
3. Выбор маршрута, объектов показа, остановок;
4. Технологическая карта экскурсии (методическая разработка);
5. Контрольный и индивидуальный тексты;
6. Портфель экскурсовода;
7. Калькуляция затрат.

Качество экскурсии зависит не только от профессионализма экскурсовода, но и от каче-

ства основных документов, необходимых для ее проведения, одним из которых является технологическая карта.

Стоит обратить внимание на само понятие «технологическая карта экскурсии», имеющее несколько значений. К примеру, если рассматривать ее с точки зрения правовых отношений, то технологическая карта экскурсии – это обязательный документ туристской организации. Согласно ГОСТ Р 50681-2010. «Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Проектирование туристских услуг» одним из результатов проектирования услуги «Экскурсия» является «технологическая карта экскурсии - документ, устанавливающий логическую последовательность осмотра объектов на маршруте в соответствии с определенной тематикой» [4].

С точки зрения экскурсионной методики технологическая карта экскурсии – это важнейший документ, который определяет, как провести данную экскурсию, аккумулирует систему наиболее подходящих методических приемов и организационных указаний, дающих экскурсоводу возможность чувствовать себя уверенно на выбранном маршруте.

Технологическая карта содержит пространственно-временные характеристики отдельных этапов экскурсии: продолжительность, протяженность, месторасположение остановок, точек обзора и пр. В ней указывается тема экскурсии, время в часах, протяженность в километрах, автор - разработчик (это может один автор / коллектив авторов / организация), содержание экскурсии, маршрут, в т.ч. варианты его (летний, зимний) и т. Д.

Технологическая карта состоит из следующих разделов: участки (этапы) перемещения по маршруту от места сбора экскурсантов до конечного пункта на конкретном участке маршрута; места остановок; объект показа; продолжительность осмотра в минутах; основное содержание информации; указание по организации (предпочтительные точки, ракурсы обзора объектов показа; выходы экскурсантов из автобуса; конкретные моменты предоставления информации); методические указания по созданию определенного эмоционально-психологического настроения экскурсантов, по использованию конкретных методических приемов ведения экскурсии.

Свердловская область, как один из крупных территориальных субъектов РФ располагает большими возможностями для развития внутреннего туризма, что обусловлено не только богатыми природными ресурсами, но и уникальным историко - культурным своеобразием.

На пресс-конференции в рамках XV Уральского медиафорума, проходившего в г. Екатеринбурге 17 июля 2025 г., врио губернатора Сверд-

ловской области Д. В. Паслер акцентировал особое внимание на развитии внутреннего туризма, отмечая уникальность свердловских городов: «Наша область большая, в каждом городе есть своя судьба, своя история, которая по-своему уникальна. Регион прошел огромный путь со времен, когда города были закрытыми. Думаю, что о нашей области и о наших предприятиях знают и в стране, и в мире. Я в этом убежден. Чтобы стали известны другие города, кроме Екатеринбурга и Верхней Пышмы, нужно работать в направлении раскрытия потенциала, культуры и самобытности. Это то, чем мы будем обязательно заниматься» [5].

Потребность в местном региональном туризме сегодня растет благодаря и красоте уникальной уральской природы, и самобытным народным обычаям и традициям, культурному наследию края и многим другим факторам.

Несомненно, что в Уральском регионе с высоким потенциалом развития различных видов туризма (событийный, промышленный, образовательный, познавательный, паломнический, агротуризм и т.д.) необходимы профессионально подготовленные специалисты в этой сфере. Следовательно, подготовка кадров является одной из важных задач в области туризма.

В Уральском государственном аграрном университете (г. Екатеринбург) с 2024 г. осуществляется подготовка специалистов в области агротуризма (образовательная программа высшего образования – программа бакалавриата 43.03.02 Туризм – профиль «Агротуризм»).

К числу дисциплин обязательной части профессионального цикла, обеспечивающих фундаментальную теоретическую и практическую подготовку, необходимую для формирования обязательных профессиональных компетенций будущего специалиста, относятся «Основы агротуризма и экскурсионного дела» и «Технологии и организация экскурсионных услуг». Цель их – сформировать у обучающихся соответствующие компетенции и знания в области экскурсионных услуг, овладение специальными профессиональными технологиями подготовки, организации и проведения экскурсионного обслуживания. В процессе изучения дисциплины «Технологии и организация экскурсионных услуг» студент приобретает такие компетенции как ПК-2 – способность осуществлять взаимодействие с потребителями и заинтересованными сторонами и ПК-4 – способность оказывать экскурсионные услуги.

Одним из заданий, получаемых студентами на практических занятиях и во время прохождения ознакомительной учебной практики, относится разработка и апробация обзорных экскурсий по г. Екатеринбургу и Свердловской области.

На примере разработки обзорной экскурсии по г. Сысерть Свердловской области «Сысерть:

большие тайны маленького города» рассмотрим особенности составления ее технологической карты.

В 50 км от г. Екатеринбурга расположен небольшой г. Сысерть, обладающий выгодным географическим положением и особым культурно-историческим потенциалом, что делает его привлекательным для туристов со всей России. г. **Сысерть** — один из 200 городов России, выбранных для развития туризма в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» [6].

В последнее время город, основанный еще в 1732 г., переживает свое возрождение, привлекая миллиарды рублей частных инвестиций. Если раньше город позиционировался как одна из локаций горнозаводской цивилизации (старинные уральские заводы, купеческие особняки и пр.) и родина знаменитого уральского писателя Павла Петровича Бажова, а также как знаменитый природный парк «Бажовские места» площадью 40 тысяч гектаров (озеро Тальков Камень, гора Бессонова и другие знаковые природные объекты), то сегодня центром притяжения становится и современная инфраструктура, включающая благоустроенные туристические маршруты. Неравнодушные к своей богатой истории горожане делают г. Сысерть одним из наиболее интересных туристических центров Урала, привлекая гостей со всей России фестивалями, креативными проектами (главный фестиваль уральского лета «Лето на заводе», зимний гастрономический фестиваль супов **«Переборщи»**, фестиваль чтецов **«Вдохновение»**, фестиваль цветов «Сады Турчанинова 2025» и др.).

Большой популярностью пользуются исторические экскурсии в г. Сысерти, т.к. за фасадом его провинциальной жизни буквально в каждом камне, в каждом здании открывается история одной из горнозаводских цивилизаций края.

Продолжительность экскурсии «Сысерть: большие тайны маленького города» составляет 2 часа; ее протяженность – 2,5 км; сезонность – летний период во время работы фестиваля «Лето на заводе»; содержание экскурсии – обзорная пешеходная экскурсия по г. Сысерти.

Маршрут экскурсии включает в себя следующие основные точки: памятник А. Ф. Турчанинову — Белая площадь — бюст уральского писателя П. П. Бажова, краеведческий музей — старый железнодорожный завод XVIII в. — туристско-информационный центр — поклонный крест на Бессоновой горе — навигационный столб Сысертской сотни.

Приведем фрагмент технологической карты экскурсии, включающий начало и конец экскурсии (табл. 1.)

Таблица 1. Фрагмент технологической карты экскурсии

Маршрут	Места остановок	Объекты показа	Время (мин.)	Основное содержание	Указания (метод./орг.)
Место встречи: Памятник А.Ф. Турчанинову (ул. Быкова, 53)	Площадка у памятника А.Ф. Турчанинову	Памятник А.Ф. Турчанинову	10	Этимология топонима «Сысерть». История Сысерти.	Инструктаж экскурсантов по технике безопасности. Рассказ основного содержания; методический прием экскурсионной справки; метод литературного монтажа; показ фото из портфеля экскурсовода.
Белая площадь (ул. Большевиков, 53)	Храм Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы	Храм Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы; Памятник пограничникам всех поколений; Стела в честь 300-летия Российского флота; Памятник Бажову.	10	История Симеона-Аннинского Храма. Справка о других объектах Белой площади.	Прием описания, осмотр фасада Храма, памятников на площади (прием объяснения), показ фото из портфеля экскурсовода.
Гора Бессонова	Смотровая площадка на Горе Бессонова	Чугунный крест. Панорама пруда и города.	30	Рассказ о легендах, связанных с горой. В 2001 г. на вершине горы установили самый большой чугунный крест в мире высотой 12 м. и весом 23 т.	Панорамный рассказ. Прием зрительной реконструкции с помощью материалов портфеля экскурсовода (оживление старого фото с помощью ИИ). Использование аудиоматериалов из портфеля экскурсовода
Навигационный столб	Площадка у столба Сысертской сотни	Столб Сысертской сотни	10	Окончание экскурсии. Справка о достопримечательностях в окрестностях Сысерти.	Метод вопросов и ответов. Обмен впечатлениями Благодарность экскурсантам за внимание и активное участие, пожелание новых открытий туристских объектов региона. Информация о других экскурсиях, которые могут расширить и углубить данную тему.

Таким образом, данная технологическая карта соответствует общепринятым требованиям. В экскурсии используются методические приемы, включающие интерактивные элементы, что немаловажно для привлечения внимания потребителей этого турпродукта.

Особую роль в востребованности экскурсионного продукта играют активные и интерактив-

ные формы разработки и построения маршрута. Именно прямая интеграция экскурсанта в процесс экскурсии посредством общения может послужить залогом его большей заинтересованности в происходящем [7].

В настоящее время в распоряжении гидов существует удобный рабочий инструмент - нейросеть, с помощью которой можно составить черно-

вик экскурсии: задать тему, длительность, район, т.е. получить основу маршрута, которая адаптируется под разработчика. Также искусственный интеллект умет генерировать реконструкции зданий, «оживлять» старые фотографии. В процессе подготовки экскурсии нейросеть можно использовать для сбора теоретического материала и др.

Можно выделить следующие пути совершенствования экскурсионной методики: постоянное повышение квалификации; разработка документации, являющейся основой для высокого уровня ведения экскурсии; детальная разработка технологии использования методических приемов показа и рассказа с учетом особенностей различных экскурсионных тем и дифференциации групп экскурсантов; практическое усвоение методических приемов проведения экскурсий экскурсоводами, эффективное использование рекомендованных приемов на маршрутах, четкая отработка техники ведения экскурсий; усвоение и сохранение контактов между экскурсоводом и экскурсионной группой; владение основами таких наук, как психология и логика и т.д.

Качественную экскурсию невозможно провести без использования методики, поскольку именно ее применение подчеркивает уровень подготовки экскурсовода и помогает ему не только грамотно работать с группой экскурсантов, но и совершенствоваться в дальнейшем, используя на практике новые методы [8, с. 73].

При проектировании экскурсии необходимо учитывать следующие принципы: познавательная ценность, научность, выразительность, доступность, убедительность, организация показа объектов в логической последовательности [9, с. 445].

Каждый автор экскурсии должен знать, что создание экскурсионного продукта - это достаточно сложный и трудоемкий процесс. От того, насколько гид владеет принципами экскурсионной методики, от его коммуникабельности, владения основами педагогики и психологии и умения трансформировать свои знания в оригинальные маршруты будет зависеть успех проектирования и проведения экскурсии.

Список литературы:

[1] Шиловцев А. В., Синько В. Н., Ражина Е. В., Смирнова Е. С., Ильясов О. Р., Стахеева Л. М. К вопросу о роли музеев в системе аграрного туризма Свердловской области // Российский научный вестник. 2025. № 3. С. 266-271.

[2] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/53927/>

[3] Лях О. А. Инновации в экскурсионной деятельности / О. А. Лях, В. В. Лиханова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12, № 3. С. 160-168.

[4] ГОСТ Р 50681-2010 Туристские услуги. Проектирование туристских услуг. [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=341020&ysclid=mda0tn5d1k316123484>

[5] По материалам Департамента информационной политики Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://dip.midural.ru/presscenter/news/7291/>

[6] Национальные проекты России. [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/turisticheskij-tsentr-syserti-blagoustroyat-v-2025-godu/>

[7] Майорова В. Ю. Новое поколение выбирает квест: к вопросу о реализации современных форм экскурсионного продукта // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № S18. С. 18–22. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76202.htm>.

[8] Леонов Е. Е. Особенности методики проведения экскурсий / Е. Е. Леонов, А. В. Тараканов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 21. С. 64-74.

[9] Шиловцев А. В. Экскурсионный метод в изучении истории природных достопримечательностей Урала / А. В. Шиловцев, В. Н. Синько // Социально-гуманитарное образование: новые подходы и тренды: Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции, Екатеринбург, 13 октября 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2023. С. 439-447.

References:

[1] Shilovcev A. V., Sin'ko V. N., Razhina E. V., Smirnova E. S., Il'yasov O. R., Stakheeva L. M. K voprosu o roli muzeev v sisteme agrarnogo turizma Sverdlovskoj oblasti // Rossijskij nauchnyj vestnik. 2025. № 3. S. 266-271.

[2] Edinyj plan po dostizheniyu nacional'nykh celej razvitiya Rossijskoj Federacii do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda [Elektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/docs/53927/>

[3] Lyakh O. A. Innovacii v ehkursionnoj deyatelnosti / O. A. Lyakh, V. V. Likhanova // Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 12, № 3. S. 160-168.

[4] GOST R 50681-2010 Turistskie uslugi. Proektirovanie turistskikh uslug. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=341020&ysclid=mda0tn5d1k316123484>

[5] Po materialam Departamenta informacionnoj politiki Sverdlovskoj oblasti. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dip.midural.ru/presscenter/news/7291/>

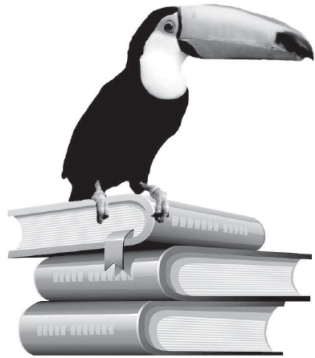
[6] Nacional'nye proekty Rossii. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://nacional'nyeproekty.rf/news/turisticheskij-tsentr-syserti-blagoustroyat-v-2025-godu/>

[7] Majorova V. YU. Novoe pokolenie vybiraet kvest: k voprosu o realizacii sovremennykh form ehkskursionnogo produkta // Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Koncept». 2016. № S18. S. 18–22. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76202.htm>.

[8] Leonov E. E. Osobennosti metodiki provedeniya ehkskursij / E. E. Leonov, A. V. Tarakanov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012. № 21. S. 64–74.

[9] Shilovcev A. V. Ehkskursionnyj metod v izuchenii istorii prirodnykh dostoprimechatel'nostej Urala / A. V. Shilovcev, V. N. Sin'ko // Social'no-gumanitarnoe obrazovanie: novye podkhody i trendy: Materialy Vserossijskoj nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ekaterinburg, 13 oktyabrya 2023 goda. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2023. S. 439–447.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-267-271

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ИГНАТЬЕВА М.В.

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права
РГПУ имени А.И. Герцена, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»,
научный сотрудник кафедры общетеоретических правовых дисциплин
СЗФ ФГБОУВО «РГУП», Северо-Западного филиала Федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: imarina.79@mail.ru*

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПОНИМАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты правового регулирования, выделяются основные факторы, влияющие на эффективность реализации права. Проводится анализ взаимодействия правореализации с правовым регулированием и правом пониманием.

Ключевые слова: правовое регулирование, эффективность правового регулирования, правом понимание, реализация права.

IGNATEVA M.V.

*candidate of juridical sciences, associate professor of the department
of international law of the Herzen State Pedagogical University of Russia Researcher,
Department of General Theoretical Legal Disciplines, North-West Branch,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education,
“Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev”*

THE MAIN CRITERIA FOR THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION AND LEGAL UNDERSTANDING

Annotation. The article examines the main aspects of legal regulation, highlights the main factors influencing the effectiveness of the implementation of law. An analysis is conducted on the interaction of law enforcement with legal regulation and legal understanding.

Key words: legal regulation, effectiveness of legal regulation, legal understanding, implementation of law.

Правовое регулирование играет важную роль в обществе и это позволяет обеспечивать как порядок и справедливость, а также защиту прав и свобод граждан. Эффективность законов и нормативных актов зависит от их соответствия реальным потребностям общества, ясности и доступности для всех граждан.

Одним из основных принципов правового регулирования является законность. Этот принцип подразумевает, что действия государственных органов, организаций и граждан должны соответствовать законам и не противоречить им.

Кроме того, правовое регулирование должно быть справедливым и равноправным для всех членов общества, независимо от их положения, социального статуса или материального благосостояния.

В современном мире правовое регулирование сталкивается с рядом вызовов, таких как: быстрое развитие технологий, глобализация экономики, изменения климата и демографические изменения. Для эффективного решения этих проблем необходимо постоянное совершенствование законодательства и адаптация их к новым условиям жизни. Важным аспектом успешного правового регулирования является консультация с

общественными организациями, экспертами, бизнес-сообществом и другими заинтересованными сторонами для обеспечения широкой обратной связи и учета различных точек зрения [8].

Одним из инструментов, способствующих повышению эффективности правового регулирования, является использование современных информационно-коммуникационных технологий. Электронные порталы и интернет-ресурсы позволяют упростить доступ граждан к законодательству, предоставляя информацию об актуальных нормативных актах, изменениях в законодательстве и правах граждан. Также цифровизация правовых процессов способствует ускорению процедур, снижению бюрократии и повышению прозрачности деятельности органов власти [2].

Плюсами всех этих процессов является то, что эта система полностью открыта, доступна и ей могут пользоваться все граждане. Она обеспечивает более упрощенную работу для суда, сокращает ожидание, волокиту и очереди, а также потерю каких-либо важных документов, что является частым явлением в различных организациях. Все это может позволить участникам любого процесса спокойно и беспрепятственно отслеживать движение по конкретным делам, способствовать получению всех необходимых судебных и иных документов с помощью электронных средств.

Но, рассмотренные плюсы введения цифровизации в судебную систему и в иные органы дает возможность сделать вывод о том, что явными преимуществами такой вводимой системы могут быть: мобильность, быстрота, открытость, гласность правосудия. Помимо этого, можно выделить такой момент как независимость судей при рассмотрении конкретных дел, а это достаточно важный критерий, который необходим при рассмотрении эффективности правосудия и правоприменения.

Теперь более подробно остановимся на минусах такой системы. Общеизвестно, что в любом нововведении существует значительное число проблемных моментов, которые не дают развития в полной мере и эффективной работы как в вопросах электронного правосудия, так и в других сферах. В связи с этим необходимо остановиться и рассмотреть следующие аспекты:

Во-первых, это проблемы, связанные с информацией, ее защитой. Этот вопрос остро стоит на повестке дня, так как эффективности в данном вопросе в настоящее время не достигнуто, и информация часто пропадает и используется в неправомερных деяниях. Еще одним острым вопросом является выделение огромных финансовых средств для защиты такой информации, что приводит к огромным тратам, но и это не способствует сто процентной защите участника

любого процесса. Указанная проблема до сих пор остается не решенной и нет возможности достичь результата в этой сфере.

Во-вторых, это разный уровень информационно-технического обеспечения судов в различных регионах. И в связи с этим невозможность применения всех возможных элементов электронного правосудия.

В-третьих, разная степень финансирования, отсутствие, либо недостаточное количество профессиональных кадров.

В-четвертых, это уровень информированности в данной сфере. Не все граждане в полной мере знакомы с такими функциями, которыми можно пользоваться для более эффективного процесса. Это приводит к невозможности полного введения цифровизации в данных сферах. И это процесс замедляет дальнейшее развитие и эффективность правоприменения.

Важным элементом правового регулирования является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина. Это касается основных прав таких как право на жизнь, свободу и собственность, но и права на равенство, справедливость, свободу слова и религию[6]. Также важно учитывать интересы уязвимых групп населения, таких как дети, пожилые люди, инвалиды и мигранты, и обеспечивать им особую защиту и поддержку со стороны государства.

В целом, эффективность правового регулирования зависит от его соответствия основным принципам правового государства, открытости и прозрачности, доступности для всех граждан.

Всем это играет ключевую роль в обществе и определяет порядок и справедливость, а также эффективность данных процессов, которые напрямую влияют на стабильность правопорядка, защиту прав граждан и развитие государства.

В связи с этим возникает необходимость изучения критериев, по которым можно оценить эффективность правового регулирования и правопонимания[4].

Определение этих критериев позволит лучше понять, какие аспекты нуждаются в усовершенствовании для повышения эффективности действующей системы законодательства. Анализ различных подходов к оценке правопонимания и регуляции поможет выделить наиболее значимые факторы, способствующие повышению уровня соблюдения закона и обеспечению равенства перед ним.

Понимание основных принципов законодательства и способность его применения являются неотъемлемыми компетенциями для всех участников юридической сферы, от государственных органов до обычных граждан.

В данной статье мы рассмотрим важность эффективного правопонимания и правового регулирования, а также выявим основные факторы,

влияющие на успешное функционирование юридической системы. Мы проанализируем практические примеры из различных стран и представим рекомендации по улучшению механизмов контроля за исполнением законов. Разберемся, как повысить осведомленность граждан о своих правах и возможностях защиты, чтобы обеспечить более справедливое и равноправное общество[1].

Что касается роли правопонимания, то можно отметить следующие положения. Эффективность правового регулирования неразрывно связана с правопониманием - умением осознавать и правильно интерпретировать нормы права. Роль правопонимания заключается в том, что оно является основой для принятия правильных решений в области применения законов и нормативных актов. Таким образом можно отметить, что правовое регулирование - это система норм и правил, призванная устанавливать порядок в обществе, регулировать отношения между людьми и государством, а также между субъектами права [3].

Правопонимание помогает достичь эффективности правового регулирования путем обеспечения понимания и исполнения законов со стороны всех субъектов правовых отношений. Корректное осмысление норм права способствует предотвращению правовых конфликтов, обеспечивает соблюдение прав и обязанностей граждан, а также способствует справедливому разрешению споров. Без правильного понимания правовых норм возникает риск неправомерных действий, нарушений закона и негативных последствий для общества в целом.

Необходимо также подчеркнуть, что основой для эффективного правопонимания, является комплексное изучение и анализ нормативных актов, прецедентов и судебной практики. Четкое и точное толкование законов способствует устойчивому развитию правовой системы и повышению общественной стабильности. Регулярное обновление нормативной базы к современным условиям позволяет своевременно реагировать на изменяющуюся действительность и эффективно решать возникающие вопросы.

Влияние принципов правопонимания на эффективность правового регулирования проявляется в том, что они способствуют повышению качества законов, обеспечивают их адекватность социальному порядку и потребностям общества.

Таким образом, основные принципы правопонимания и их влияние на эффективность законодательства несомненно играют важную роль в формировании правовой системы. При соблюдении принципов правопонимания обеспечивается не только стабильность, но и эффективность правового регулирования, что необходимо для развития гражданского общества и соблюдения принципов правового государства.

Анализ механизмов правового регулирования и их роль в обеспечении справедливости подразумевает глубокое изучение основных инструментов, используемых для формирования и применения юридических норм и принципов. Важно понимать, что эффективность правопонимания и правового регулирования напрямую зависит от эффективности регуляторных механизмов, которые определяют структуру и функционирование правовой системы общества[8].

Один из ключевых аспектов критического анализа механизмов правового регулирования заключается в оценке соответствия нормативных актов и юридических правил принципам справедливости и социальной равноправности. Отсутствие такого соответствия может привести к негативным последствиям, таким как нарушение прав граждан, искажение правосудия и ущемление интересов меньшинств.

Важно также обратить внимание на роль механизмов правового регулирования в обеспечении справедливости через предоставление доступа к правовой защите и судебной защите для всех членов общества, независимо от их социального статуса, положения или мировоззрения. Это позволяет создать равные условия для реализации прав и свобод каждого индивида и способствует укреплению правового государства.

Одним из важных моментов анализа является изучение применения правовых норм и механизмов регулирования в различных сферах жизни общества. Понимание эффективности данных механизмов в контексте различных социальных реалий позволяет выявить и устранить недостатки и противоречия, обеспечивая таким образом более справедливое и эффективное функционирование правовой системы [4].

Делая вывод можно отметить, что анализ механизмов правового регулирования и их роль в обеспечении справедливости является необходимым шагом на пути к улучшению правовой системы и обеспечению реальной защиты прав и интересов всех членов общества. Только через постоянное изучение, анализ и совершенствование правовых механизмов можно достичь идеала справедливого и равноправного общества.

Помимо всего рассмотренного, есть и еще одна проблема и это совершенствование законодательства, которое необходимо для эффективности правоприменения. А все изменения и нововведения естественно требуют соответствующего регулирования и контроля.

Кроме того, можно остановиться и еще на одной проблеме, которая затрагивает взаимодействие судов и как следствие эффективную работу между ними. И это тоже одна из глобальных проблем, которую надо решать на законодательном уровне. Без единой системы документов, работа в новом режиме может оказаться невозможной.

Помимо всего прочего, проблемы могут возникать и в сфере оснащения техникой, информацией и это приводит к обстоятельствам, которые лишают возможности полноценно защищать и отстаивать свои права гражданам. В результате чего, принятое решение судом может быть некорректным с допущением ошибок из-за невозможности оценить какие - либо факты или документы сторонами. В случае такой ситуации, в дальнейшем могут возникать проблемы и затягивания процесса [5].

Нужно отметить, что в России уже принято несколько нормативных актов, посвященных данной проблеме, помимо этого, начали действовать новые информационные технологии, которые способствуют и позволяют работать эффективнее и быстрее. Но, естественно, все это требует еще огромной работы и совершенствования законодательства. Еще потребуется значительное количество времени, чтобы исследовать на практике все новые технологии и их продуктивность в судебной сфере. Конечно же появятся пробелы, которые необходимо будет устранять и дорабатывать.

Таким образом, проанализировав все стороны и моменты, можно прийти к выводу о том, что с одной стороны электронное правосудие развивается стремительно не только за рубежом, но и в России и связано это с достаточно большим количеством положительных моментов в этой системе. И все больше уделяется внимание реализации и совершенствованию этой системы, так как в ней видны основные принципы правосудия, такие как гласность, открытость и доступность судебного.

Обратимся к такому вопросу, как взаимосвязь между правопониманием и правоприменением, которая является ключевым аспектом эффективности правового регулирования. Существуют определённые проблемы в этой области, которые затрудняют успешное применение законов и норм в реальной жизни. Одной из основных проблем является различное толкование законов различными субъектами права.

Таким образом, важность правопонимания в современном обществе неоспорима и имеет ключевое значение для эффективного правового регулирования. Поддержание высокого уровня правосознания в обществе способствует укреплению правовой дисциплины, справедливости и безопасности, что является фундаментом стабильности и развития современного общества.

Анализ влияния правопонимания на эффективность правового регулирования позволяет понять, какие факторы могут повлиять на успешность применения законов. Правопонимание олицетворяет собой общество в целом и его отношение к закону. Если правопонимание широко распространено и соответствует ценностям общества, то правовое регулирование в данном

обществе будет эффективным и устойчивым. Напротив, если правопонимание и законы расходятся, это может привести к непониманию, несоблюдению правил и, как следствие, к нарушениям [8].

Влияние правопонимания на эффективность правового регулирования обусловлено несколькими факторами:

- Во-первых, общее уважение к закону и его авторитет в глазах граждан имеют огромное значение. Если законы воспринимаются как честные, справедливые и необходимые, то люди более склонны следовать им. В этом случае контроль за соблюдением законов становится менее жестким, что способствует более гармоничным отношениям в обществе.
- Во-вторых, правопонимание может оцениваться через призму общественного мнения и нравственных норм.
- Еще одним важным фактором является образование и информированность граждан. Чем более осведомлены люди о законах, тем лучше они могут соблюдать их, а также защищать свои интересы. Поэтому государственные органы и общественные институты должны активно работать над информированием граждан о правилах и нормах.

Таким образом, анализ влияния правопонимания на эффективность правового регулирования подчеркивает важность соответствия законов ценностям общества, уважения к праву, образованности и информированности граждан. Отсутствие понимания и принятия правовых норм может снизить эффективность правового регулирования и привести к нарушениям законов.

Существует несколько подходов к оценке эффективности правового регулирования, которые предлагают различные критерии успешности законодательных мер. Один из таких подходов - количественный. Он заключается в оценке степени достижения поставленных целей в числовом эквиваленте. Например, можно измерять количество принятых законов, количество обращений в суд по определенной проблеме или количество урегулированных споров. Такой подход позволяет проводить объективное сравнение различных правовых систем и выявлять лучшие практики [7].

Другой подход - качественный. Он оценивает эффективность правового регулирования не на основе количественных показателей, а по степени соответствия установленным целям и принципам права.

Основным моментом в правопонимании является доступность любой правовой информации для граждан. Это необходимо для эффективного применения и толкования законов. Информированность граждан, один из основных критериев

эффективности, который можно выделить из вышесказанного. От этого зависит правильность применения законов в жизни каждого гражданина и его защиты от каких-либо неправомерных действий, а также от возникновения конфликтных ситуаций.

Быстрое изменение обстоятельств и законодательства, которое происходит под влиянием новых вызовов и развитием новых технологий, приводит к возрастанию роли правопонимания и грамотного применения правовых норм в соответствующих ситуациях. Это обеспечивает возможность гражданам защищать свои права и предотвращать какие-либо нарушения.

В качестве еще одного гаранта эффективности, можно выделить усиление контроля за соблюдением законодательства и исполнения решений судебных органов. Что также немаловажно для развития общества и эффективности правовых мер.

Еще одним моментом, который мог бы усилить эффективность правоприменения, это доступность любой информации гражданам, которые могли бы знакомиться с ней различными способами. Такими как, например, информационные ресурсы, брошюры с понятной информацией, может быть какие-то семинары по конкретным правовым вопросам. Все это могло бы помочь разобраться в вопросах в разных сферах и лучше понять свои права и обязанности. Помимо этого, граждане могли бы более эффективно защищать свои нарушенные права.

Подводя итог, можно выделить следующие основные критерии эффективности:

во-первых, это доступность информации о правовых актах;

во-вторых, это необходимость разъяснения гражданам содержание законов, для более эффективного применения;

в-третьих, это возможность участия граждан в принятии законов.

Для решения этих задач, необходимо усилить контроль за соблюдение законов, необходимо избегать противоречий в нормативных актах, повышать правовую культуру общества. Все это позволит снизить уровень негативных факторов, которые влияют на эффективность правовых норм [5].

Список литературы:

- [1] Деменишин Д.О. Пути повышения эффективности правового регулирования // *The Newman in Foreign policy*, № 40, 2018. с. 25-27.
- [2] Дорская А.А. Проблемы цифровизации правовой сферы: основные направления исследований // *Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов*. М., 2019. с. 18-28.

[3] Евтягина В.Ф., Бандур В.Е. Правоприменение и правовое регулирование // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2021. № 1. с. 30-33.

[4] Лустова О.С. Понятие, критерии и условия эффективности правовых норм // *Вестник ЧелГУ*. 2004. № 1. с. 22-29.

[5] Пономарев К.Н. Результативность правоприменительной деятельности: факторы эффективности // *Вестник экономической безопасности*. 2019. № 6, с. 114-115.

[5] Попова Е.С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // *Актуальные вопросы юридических наук: материалы V Международной научной конференции*. 2019. С. 12-14.

[6] Рыбаков В.А. Критерии определения эффективности права // *Правоприменение*. 2019. № 2, с. 5-13.

[7] Цацалов О.О. К вопросу о принципах правосудия как принципах судебной деятельности // *Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал*, № 7. 2017. с. 181-184.

[8] Яхьева М.Г. Критерии оценки эффективности правоприменения: правовые аспекты // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2012. № 4, С. 67-70.

References:

[1] Demenishin D.O. Ways to improve the effectiveness of legal regulation//*The Newman in Foreign policy*, No. 40, 2018. from. 25-27.

[2] Dorskaya A.A. Problems of digitalization of the legal sphere: the main directions of research// *Transformation of legal reality in the digital era: a collection of scientific works*. M., 2019. from. 18-28.

[3] Evtyagina V.F., Bandur V.E. Law enforcement and legal regulation//*Education. Science. Scientific cadres*. 2021. № 1. from. 30-33.

[4] O.S. Lustova. Concept, criteria and conditions for the effectiveness of legal norms//*Vestnik ChelGU*. 2004. № 1. from. 22-29.

[5] K.N. Ponomarev. Effectiveness of law enforcement activities: efficiency factors//*Bulletin of Economic Security*. 2019. No. 6, p. 114-115.

[5] Popova E.S. Problems and prospects for the development of electronic justice//*Current issues of legal sciences: materials of the V International Scientific Conference*. 2019. S. 12-14.

[6] Rybakov V.A. Criteria for determining the effectiveness of law//*Enforcement*. 2019. No. 2, p. 5-13.

[7] Tsatsalov O.O. On the principles of justice as principles of judicial activity//*Gaps in Russian legislation. Legal Journal*, No. 7. 2017. p. 181-184.

[8] Yakhyeva M.G. Criteria for assessing the effectiveness of law enforcement: legal aspects// *Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2012. NO. 4, S. 67-70.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-272-275

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

КВИТЧУК Анатолий Сергеевич,
начальник кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ,
e-mail: pr.ankvt@mail.ru

СИНЬКЕВИЧ Николай Александрович,
профессор кафедры правоохранительной
деятельности, уголовного права и процесса
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: Nikolay.Sinkevich@novsu.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ (МИЛИЦИИ) РОССИИ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового положения и деятельности полиции в период Февральской буржуазной революции. Акцентируется внимание на обстоятельствах, в рамках которых начинают действовать подразделения народной милиции центрального уровня и на местах. На основании нормативных правовых актов, принятых Временным правительством, был выявлен ряд особенностей, которые свойственны для правового положения полиции в рассматриваемый период, отмечены сложности профессиональной деятельности, и комплектования, показаны основные обязанности народной милиции.

Ключевые слова: полиция, народная милиция, Февральская буржуазная революция, Временное правительство, правовое положение.

KVITCHUK Anatoly Sergeevich,
Head of the Department of Special and Automotive Equipment
of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor, Honored Officer of the Department
of Internal Affairs of the Russian Federation

SINKEVICH Nikolay Alexandrovich,
Professor, Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure,
Yaroslav the Wise Novgorod State University,
Doctor of Law, Professor

LEGAL STATUS AND ACTIVITIES OF THE RUSSIAN POLICE (MILITIA) DURING THE FEBRUARY BOURGEOIS REVOLUTION OF 1917

Annotation. The article discusses the legal status and activities of the police during the February bourgeois revolution. Attention is focused on the circumstances within which the units of the people's militia of the central level and on the ground begin to operate. On the basis of regulatory legal acts adopted by the Provisional Government, a number of features were identified that are characteristic of the legal status of the police in the period under review, the difficulties of professional activity and manning were noted, and the main duties of the people's militia were shown.

Key words: police, people's militia, February bourgeois revolution, Provisional government, legal situation.

Современный этап развития Российского государства, возникающие вызовы безопасности внутри страны и за ее пределами, требуют от правоохранительной системы выбора новых форм, методов и средств профессиональной деятельности. Оценка деятельности органов государственной власти, в том числе полиции (милиции) требует изучения имевшегося исторического пути, существенно меняющих социальную ситуацию в стране событий. Одним из таких событий является Февральская буржуазная революция, 1917 года.

Февральская буржуазная революция 1917 года стала результатом политических, социальных изменений, востребованности трансформации всей системы государственной власти, изменения сущности и содержания общественных отношений, а также итогом неспособности полноценно, оперативно реагировать на угрозы охраняемых государством благ, а именно жизни, здоровью, собственности, общественному порядку, безопасности и т.д. Для образованного после 1917 года нового государства одной из первостепенных задач выступал возврат к нормальному обеспечению правопорядка, защите основных прав, свобод и интересов в обществе [2. С. 55]. Одновременно с этим требовалось коренное изменение правоохранительной системы, ее перестрой на реализацию концептуальных основ нового государства.

Первоначальным управленческим решением новой государственной власти в России была ликвидация действующей системы органов правопорядка, к которым в первую очередь относились подразделения полиции. Как вспоминал А. Ф. Керенский, один из первых лиц февральской революции, «ни одно ведомство не было так до конца, сразу, с корнем уничтожено во время революционного взрыва, как именно Министерство внутренних дел» [6. С. 143]. Так, Постановлениями Временного правительства от 6 марта и от 10 марта 1917 года были ликвидированы корпус жандармов и Департамент полиции [7. С. 189].

Необходимость поддержания правопорядка, реализации полномочий в области защиты прав, законных интересов, борьбы со сторонниками прежнего режима потребовало от Временного правительства принятия мер, направленных на создание новой полиции и в частности, милиции. Так, в столице новой России – Петрограде уже 7 марта был издан приказ о создании первых подразделений народной милиции [7. С. 190]. В отдельных административных образованиях, как правило, в крупных городах России параллельно создавались аналогичные подразделения народной милиции (Москва, Казань, Киев, Харьков и др.). Лишь 30 апреля 1917 года было издано Постановление Временного правительства,

согласно которому на всех уровнях образовывались подразделения и органы милиции. Помимо этого, было утверждено временное положение о милиции [7. С. 191].

Уже к моменту действия представленных выше правовых актов происходило фактическое формирование органов и подразделений народной милиции. С учетом правовых актов, а также правоприменительной деятельности можно выделить следующие основные черты народной милиции.

Во-первых, начальник народной милиции в уезде или в городе назначался городской или уездной управой, то есть органами местного самоуправления. Между тем в рассматриваемый период отсутствия единства политической власти на местах предполагалось назначение собственных руководителей милиции и со стороны местных советов, куда входили депутаты из политических партий страны. Все это приводило к дисбалансу и невозможности эффективного управления органами и подразделениями милиции на местах.

Во-вторых, были определены требования к кандидатам на замещение должностей в народную милицию. Если до принятия Постановления Временного правительства «О народной милиции» и «Положения о народной милиции» существовали запреты на прием судимых лиц, лиц, в отношении которых ведется следствие, а также состоящих в гражданстве иностранного государства и др., то уже с момента действия указанных правовых актов милиционерами могли стать лица, не находящиеся под следствием и судом по обвинению в преступлении, несостоятельные должники, содержатели домов терпимости. Вместе с тем могли быть приняты на службу в милицию лица, осужденные за кражу, мошенничество, укрывательство похищенного, подлоги, лихоимство, ростовщичество, если со дня отбытия наказания прошло более 5 лет.

Таким образом, в народную милицию могли быть взяты лица, которые ранее уже привлекались к уголовной ответственности, однако такое решение было продиктовано тем, что основной движущей силой Февральской революции были лица, в том числе ранее судимые предыдущей властью, то есть Российской империей. Исходя из понимания смысла народной милиции и было принято такое решение.

В-третьих, обеспечивался контроль за деятельностью полиции (милиции) за счет введения должности правительственного комиссара по делам милиции. Правительственный комиссар назначался на уровне губерний и подчинялся непосредственно Временному правительству. Данная должность была обусловлена потребно-

стью противодействия незаконным решениям органов местного самоуправления. Однако, Правительственные комиссары обеспечивали исключительно контрольно-надзорные полномочия, в непосредственной деятельности народной милиции по борьбе с преступностью, охране правопорядка они не принимали участие [4. С. 27].

В-четвертых, на нормативном правовом уровне отсутствовало понимание принципов деятельности народной милиции, что приводило к неопределенному направлению правоприменительной практики, разным подходам к принятию процессуальных решений и привлечению лиц к ответственности. Вместе с тем уже к июню 1917 года был принят ряд правовых актов Министерства внутренних дел, согласно которым определены принципы, направления деятельности полиции, в том числе законность, защита прав и законных интересов, отграничение от политических движений, потребность в обеспечении правопорядка, содействии следствию и суду [3. С. 59].

В-пятых, значительное количество сотрудников народной милиции не имели профессионального образования, опыта работы в правоохранительной системе, практически перестал реализовываться принцип единоначалия, позволяющий эффективно обеспечивать управление силами и ресурсами подразделений полиции. Само законодательство об ответственности за совершение преступлений перестало применяться за исключением фактов совершения преступлений, не воспринимающих в обществе разногласий (например, убийств, краж, разбоев).

В-шестых, к основным обязанностям народной милиции относилось:

- расследование преступлений, то есть непосредственное проведение следственных и иных процессуальных действий. Все это позволяет указать, что к народной милиции относились и следственные подразделения. Помимо этого, сыскные подразделения обеспечивали проведение оперативно-розыскных мероприятий, взаимодействие с органами следствия и суда с целью сбора доказательств по уголовным делам;
- охрана общественного порядка, что проявлялось в обеспечении патрулирования улиц, скверов, реагировании на массовый сбор населения. При этом народной милиции оказывали помощь и представители рабочих, крестьян, которые в дальнейшем зачастую и становились сотрудниками народной милиции;
- охрана политических прав, что обусловлено поддержкой политических сил, прав населения на собрание, митинги, высказывание своего мнения и др. В данном направлении

народная милиция в отличие от современной являлась зачастую стороной политических конфликтов;

- миграционный контроль, обеспечивающий постановку и снятие с регистрационного учета, контроль за нахождением иностранных граждан;
- статистический учет населения;
- надзор за дорожным движением, что проявляется в учете транспортных средств и лиц, имеющих водительское удостоверение.

В качестве сложностей, с которыми сталкивалась полиция в период Февральской буржуазной революции, следует отметить: недостаточный уровень правового регулирования, отмена действия ранее принятых правовых актов Министерством внутренних дел Российской империи; отсутствие выстроенной структуры и единоначалия; неукомплектованность и зачастую несоздание в некоторых губерниях и уездах подразделений народной милиции; подверженность политическим силам, зачастую не воспринимающим фактический объем возложенных на органы правопорядка полномочий; низкий уровень профессиональных и личностных качеств, которые востребованы для службы в органах и подразделениях полиции (милиции).

Система органов внутренних дел, выстроенная новой революционной Российской властью и действовавшая в период с февраля по октябрь 1917 г., оказалась весьма слабым подобием аналогичных органов царского правительства, что проявилось в полной их недееспособности противостоять как уголовной, так и политической преступности. В ходе революции была разрушена прежняя система органов государственной безопасности. Агентурная сеть, обеспечивавшая поступление информации об уголовниках, революционерах, террористах, шпионах иностранных государств была распущена и заброшена. При этом предпринимаемые руководством страны меры по стабилизации ситуации с организацией работы полиции не были успешны и были закончены с началом уже Октябрьской революции в октябре 1917 года.

Однако, несмотря на возникающие сложности, органы и подразделения полиции продолжали после февраля 1917 года осуществлять борьбу с преступностью, розыск лиц, совершивших преступление, а также обеспечивать охрану общественного порядка и общественной безопасности [1. С. 15].

Л.В. Милованова отмечает, что, создавая гражданскую милицию по образцу муниципальной полиции западноевропейских стран, Временное правительство не учитывало того факта, что в этих странах наряду с муниципальной полицией,

существуют органы государственной безопасности, специализированные внутренние войска, а также боеготовая армия. Временное правительство было вынуждено использовать гражданскую милицию как вооруженную опору своей власти, тем самым, фактически вынуждая ее защищать собственность помещиков, и участвовать в ликвидации аграрных «беспорядков», что противоречило самим задачам гражданской милиции и целям ее создания [5. С. 14].

Таким образом, анализ правового положения и деятельности полиции в период Февральской буржуазной революции свидетельствует, что исходя из состояния политической обстановки, революционных движений, отсутствия единого центра власти, подразделения и органы, входящие в структуру народной полиции, обеспечивали выполнение служебных полномочий со значительным различием на местах. Приведенные сложности деятельности полиции свидетельствуют о том, что на современном этапе развития органов внутренних дел требуется внимание к уровню правового регулирования, исполнению требований действующих нормативных правовых актов, морально-психологическому состоянию личного состава, соотношению профессиональной деятельности с основными принципами полиции.

Список литературы:

- [1] Касьянов, А. В. Особенности организационно-правового обеспечения деятельности полиции Российской империи в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Касьянов Александр Викторович. – М., 2015. – 22 с.
- [2] Линдер, И. Б., Чуркин С. А. История специальных служб России X- XX веков / И. Б. Линдер, С. А. Чуркин. – М.: РИПОЛ классик, 2004. – 736 с.
- [3] Луппо, С. В. Организационно-правовые основы деятельности полиции России в 1718-1917 годах / С. В. Луппо // Мир юридической науки. – 2011. – № 2. – С. 54-64.
- [4] Матиенко, Т. Л. Компетенция сыскной полиции российской империи (1908 - октябрь 1917 года) / Т. Л. Матиенко // Образование. Наука. Научные кадры. – 2008. – № 4. – С. 26-29.
- [5] Милованова Л. В. Гражданская милиция в России в 1917 году: Историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Милованова Лада Вячеславовна. – М., 2004. – 24 с.
- [6] Министерство внутренних дел 1902-2002. Исторический очерк / под общ. ред. Министра внутренних дел Российской Федерации Р. Г. Нургалиева. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2004. – 648 с.
- [7] Сафонов, Д. А. Замена полиции милицией в России 1917 года: региональный аспект / Д. А. Сафонов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 7(262). – С. 21-25.
- [8] Сборник указов и постановлений Временного правительства. 27 февраля-5 мая 1917. – Петроград: Государственная Типография, 1917. – 554с.

References:

- [1] Kasyanov, A.V. Features of organizational and legal support for the activities of the police of the Russian Empire during the First World War (1914-1917): author. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.01/Kasyanov Alexander Viktorovich. - M., 2015. - 22 s.
- [2] Linder, I. B., Churkin S. A. History of special services of Russia of the X- XX centuries/I. B. Linder, S. A. Churkin. - M.: RIPOL classic, 2004. - 736 s.
- [3] Luppov, S.V. Organizational and legal foundations of the activities of the Russian police in 1718-1917/S.V. Luppov//World of legal science. – 2011. – № 2. - S. 54-64.
- [4] Matienko, T. L. Competence of the detective police of the Russian Empire (1908 - October 1917)/T. L. Matienko//Education. Science. Scientific cadres. – 2008. – № 4. - S. 26-29.
- [5] Milovanova L.V. Civil police in Russia in 1917: Historical and legal aspect: abstract. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.01/Milovanova Lada Vyacheslavovna. - M., 2004. - 24 s.
- [6] Ministry of the Interior 1902-2002. Historical essay/under the general. ed. Minister of Internal Affairs of the Russian Federation R. G. Nurgaliev. - M.: Joint Edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. - 648 s.
- [7] Safonov, D. A. Replacement of the police by the police in Russia in 1917: regional aspect/D. A. Safonov//Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2012. – № 7(262). - S. 21-25.
- [8] Collection of decrees and decrees of the Provisional Government. February 27-May 5, 1917. - Petrograd: State Printing House, 1917. - 554s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-276-280

ТАУЛУЕВ Юрий Муратович,
аспирант кафедры
теории и истории государства и права
Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
(Россия, г. Нальчик),
e-mail: mail@law-books.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье представлен анализ правовой политики Российской Империи в сфере межнациональных отношений в начале XX века. В статье подчеркивается, что Россия отличалась от других государств тем, что на присоединенных территориях она не искала сырьевых источников для индустриального развития и рынков сбыта. Показаны меры разрешения конфликтов, которые неизбежно возникали в местах компактного расселения нескольких народов. Рассматривается формирование и становление прав и свобод человека и гражданина как результат длительного исторического процесса, который отражает как общие тенденции развития данного правового института, так и учитывает национальные особенности. В статье уделено внимание тому, как в начале XX века на правовую политику Российской империи в сфере межнациональных отношений влияло множество международных факторов. Автор обращает внимание на статистическую характеристику рассматриваемого вопроса, относящуюся к началу XX столетия в России.

Ключевые слова: правовая политика Российской Империи, государства, межнациональные отношения, национальные особенности, Конституционная реформа, нормативные акты.

TAULUEV Yuri Muratovich,
Postgraduate student of the Department of Theory and History
of State and Law Institute of Law, Economics and Finance
Kabardino-Balkarian State University named after
H.M. Berbekov (Nalchik, Russia)

HISTORICAL AND LEGAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN INTERETHNIC RELATIONS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Annotation. The article presents an analysis of the legal policy of the Russian Empire in the field of interethnic relations at the beginning of the 20th century. The article emphasizes that Russia differed from other states in that it did not look for raw materials for industrial development and sales markets in the annexed territories. The measures of conflict resolution that inevitably arose in places of compact settlement of several peoples are shown. The article considers the formation and formation of human and civil rights and freedoms as the result of a long historical process that reflects both the general trends in the development of this legal institution and takes into account national peculiarities. The article focuses on how, at the beginning of the 20th century, the legal policy of the Russian Empire in the field of interethnic relations was influenced by many international factors. The author draws attention to the statistical characteristics of the issue under consideration, dating back to the beginning of the 20th century in Russia.

Key words: legal policy of the Russian Empire, states, interethnic relations, national peculiarities, Constitutional reform, normative acts.

Введение

Особое место в системе конституционных норм любого государства занимает институт, закрепляющий и регулирующий правовой статус личности. Согласно действующей Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Формирование и становление прав и свобод человека и гражданина является результатом длительного исторического процесса, который отражает как общие тенденции развития данного правового института, так и учитывает национальные особенности.

Конституционная реформа, проведенная в начале XX в. в Российской империи, привела к коренному обновлению государственного строя, и в том числе, к дарованию населению политических прав и свобод. Изначально реформы не входили в правительственную программу и явились порождением сложившейся внутренней ситуации начала XX в. Следует вспомнить речь Николая II 1895 г. в который он заявил, что «в последнее время слышались в нескольких земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления».

Цель исследования –изучить правовой политики Российской Империи в сфере межнациональных отношений в начале XX века. При достижении указанной цели решались следующие задачи: во-первых, историко-правовые предпосылки формирования Российской империи в сфере межнациональных отношений в начале XX-го века; во –вторых межнациональные отношения в России в начале XX веке.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению историко-правовых предпосылок формирования Российской империи в контексте межнациональных отношений в начале XX века. В работе впервые предпринята попытка систематизации и анализа широкого круга правовых актов, отражающих политику империи в отношении национальных меньшинств

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использовались Конституция Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, акты Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, а также научная литература по теории государства и права, конституционному праву.

В процессе исследования применялись различные методы научного познания, в том числе: восхождения от абстрактного к конкретному, единства исторического и логического, системного подхода, так и специальные: конструирование теоретической модели, отнесение к ценности. Особое значение имел структурно-функциональный подход к объекту исследования. В процессе работы использовались методы историко-правового и сравнительно-юридического анализа.

Результаты и обсуждения

В 1905 году произошла первая русская революция, приведшая к предоставлению некоторых политических свобод, что также усилило давление со стороны национальных меньшинств. Власть, осознав потребность в легитимации своего контроля над многонациональным государством, начала разрабатывать законодательные инициативы, направленные на упорядочение межнациональных отношений.

По мнению современника событий, политического деятеля и публициста А.А. Кизеветтера, действия властей в условиях экономического и политического кризиса начала XX в. были непродуманными и не принесли желаемого результата в виде успокоения внутренней обстановки в стране: «все меры, направленные против освободительного движения, только подрывали авторитет власти. Решительный удар этому авторитету был нанесен русско-японской войной» [2, с.133].

Осенью 1904 г. съезд земских и городских деятелей, солидаризуясь и поддерживая П.Д. Святополк-Мирского в деле проведения реформ, выдвинул резолюцию, в которой в качестве основных требований звучало обеспечить гарантии неприкосновенности личности, гражданское и политическое равноправие населения Российской империи, уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, введение свободы вероисповедания и печати, расширение полномочий органов самоуправления и создание народного представительства.

Программа реформ П.Д. Святополк-Мирского в усеченном виде была воплощена в указе 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [2,39]. На Комитет министров возлагалась обязанность по подготовке законодательной базы, которая бы ввела бы в действующий государственный строй правовые начала: «озаботиться изысканием мер для водворения законности, расширения свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления, устранения излишних стеснений инородцев и всяких исключительных законов» [4, с.174].

18 февраля 1905 г. были изданы три нормативных акта, которые явились предтечей форми-

рования высшего представительного органа в России – Государственной думы. В ходе обсуждения проектов министр внутренних дел А.Г. Булыгин, руководивший деятельностью Особого совещания, старался учесть мнение либеральных кругов российской общественности.

Поэтому были отвергнуты предложения о создании народного представительства на местах или при министерствах, а также, как не удовлетворяющее историческим условиям, совещательное учреждение, которое собиралось бы по особым случаям для рассмотрения вопросов внутренней и внешней политики, по подобию Земских соборов периода сословно-представительной монархии.

Даже сам термин – Земский Собор – предлагавшийся некоторыми разработчиками, был отклонен как явный анахронизм [6, с.136].

Таким образом, созданная Особым совещанием законосовещательная с ограниченной компетенцией Государственная дума, избираемая на определенный срок, фактически олицетворяла ту форму представительства, которая предлагалась в правительственных проектах времен Александра II.

Создание местных самоуправлений и законы о выборах, принятые в ответ на революционные требования, оказали воздействие на правовые механизмы взаимодействия с этническими группами. Однако эти меры зачастую использовались для консолидации власти, а не для реального учёта интересов народов. Важным моментом этой эпохи стало и то, что международный контекст оказывал влияние на внутренние процессы.

Политические идеологии различных стран, стремления к национальной независимости и рост движений за освобождение на Балканах и в других регионах активизировали аналогичные процессы в Российской Империи. Принятие участия в международных конференциях и применение концепций национального самоопределения стали факторами, подталкивавшими российскую власть к разработке новых правовых рамок.

Комплекс факторов, включая социальные изменения, требования разных этнических групп и международные вызовы, приводил к выработке стратегий, направленных на поддержание стабильности. Однако реальные шаги часто оказывались недостаточными для урегулирования существующих противоречий. Законы, касающиеся межнациональных отношений, разрабатывались с учётом централизованной логики, что ограничивало их гибкость и работоспособность [3, с. 122].

Таким образом, история правовой политики Российской Империи в сфере межнациональных отношений начала XX века формировалась под воздействием сложного взаимодействия множе-

ства факторов. Именно этот контекст стал основой для дальнейшего развития правовых мер, которые были призваны реагировать на вызовы многообразного общества, но нередко выражали лишь интересы правящих кругов, не учитывая реальных потребностей народов.

Одним из важнейших направлений проводимой правовой реформы явилось провозглашение свободы вероисповедания. 17 апреля 1905 г. указом «Об укреплении начал веротерпимости» любому совершеннолетнему российскому подданному было даровано право исповедовать любое христианское вероучение и были отменены все прошлые, не соответствующие новому постановлению, законы.

Формирование правовой политики Российской Империи в сфере межнациональных отношений тесно связано с историческими обстоятельствами, развивавшимися на протяжении длительного времени.

Начало XX века характеризовалось динамичными изменениями, возникавшими под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Упадок феодальных структур, усиливающаяся роль буржуазии и зарождающийся рабочий класс формировали новый социальный ландшафт, требующий коренных изменений в правовой системе [7, с.128].

Необходимость учёта многообразия национальных культур и языков становилась всё более актуальной на фоне растущей этнической напряжённости и стремления различных народов к самовыражению. Культурные и политические движения, возникавшие на окраинах империи, ставили под сомнение централизованную власть и выдвигали на передний план идеи автономии и самоуправления [1, с. 25].

Рассматривая многонациональные государства того времени, можно выделить несколько ключевых примеров, которые оказали влияние на формирование подходов в России. Например, австро-венгерская империя, с ее сложной этнической структурой, разрабатывала разнообразные методы управления своими народами.

Правовая политика Российской Империи на рубеже XX века оказала глубокое воздействие на социальную и политическую структуру многонационального общества, создавая как возможности для интеграции, так и условия для конфликтов [10, с. 200]. Принятые меры, в том числе законодательные акты, формировали правовую среду, в которой существовали различные этнические группы, и определяли их место в обществе.

Одним из заметных социальных последствий правовой политики стало укрепление этнической идентичности. Законодательство, ослабляющее местные традиции, вызывало ответные

реакции со стороны народов, стремящихся сохранить свою культуру и язык. В то время как одни группы успешно адаптировались и интегрировались в имперскую систему, другие проявляли сопротивление, порой приводя к масштабным конфликтам.

Ярким примером стали волнения на этнической почве, которые резонировали в разных регионах и подчеркивали взаимосвязь между правовыми рамками и социальной устойчивостью. Политические изменения, связанные с правовой политикой, также бросали вызов существующему порядку. На фоне роста национального самосознания этнические группы требовали улучшения своих прав.

Этот процесс часто вызывал реакцию со стороны центральных властей, стремившихся сохранить контроль и стабильность. Законы, затрагивающие местное самоуправление и права меньшинств, создавали политическое напряжение, обостряя противоречия между имперским центром и окраинами [4, с.85].

В результате, многие этнические группы начали формировать собственные политические движения, стремясь к автономии и большему представлению своих интересов. Влияние правовых норм на интеграцию и возможные конфликты прослеживается в разных аспектах жизни. Например, образование, доступ к медицине и другим социальным услугам были напрямую связаны с правовым статусом этнических групп.

В условиях, где закон ставил одни народности в привилегированное положение, а другие вынуждал вынуждены мириться с ограничениями, возникали социальные разногласия [8, с. 2]. Это оказывало воздействие на идентичность и приверженность, порой провоцируя расколы внутри самих этнических сообществ.

В целом, правовая политика оказала долгосрочное влияние на развитие межнациональных отношений в России. Ее последствия проявились не только в краткосрочном увеличении напряженности, но и в формировании новой политической картины, где этнические группы стали центрами силы, а не просто объектами имперской политики. Будущее развитие межнациональных отношений во многом будет зависеть от того, как правовые нормы будут переосмысливаться и адаптироваться в контексте многонациональности и культурных разнообразий [3, с.132].

Важно учитывать, что понимание исторического контекста правовой политики позволяет глубже осознать, как положительные, так и отрицательные последствия для социальной устойчивости и политической стабильности, что особенно актуально в условиях современности [5, с. 152].

В начале XX века на правовую политику Российской Империи в сфере межнациональных отношений оказывало влияние множество факторов. Рассматривая многонациональные государства того времени, можно выделить несколько ключевых примеров, которые оказали влияние на формирование подходов в России. Например, австро-венгерская империя, с ее сложной этнической структурой, разрабатывала разнообразные методы управления своими народами.

Центральной задачей было создание системы, способствующей сосуществованию различных культур и языков в рамках единого государства. Для этого использовались как административные, так и культурные стратегии, обеспечивающие представительство этнических групп. Также стоит обратить внимание на опыт Османской империи. В то время как империя теряла свои территории, она активно пыталась внедрить политику «братства народов», опираясь на идею единства исламской веры. Эта идея не всегда срабатывала, но на международной арене она позволяла Османам демонстрировать свою приверженность многонациональному устройству [9, с.128].

Выводы

Сравнительно успешная интеграция различных народов, включая арабов, курдов и армян, помогала империи сохранять влияние на Ближнем Востоке. Франция, в свою очередь, представляла интересный пример с ее колониальной политикой и «плугом цивилизации». Несмотря на этническое разнообразие, французская система государственной политики стремилась к унификации прав и свобод для всех граждан, однако эффективность этого подхода варьировалась в зависимости от региона.

Факт колонизации и ассимиляции вызывал неоднородные реакции среди различных групп населения, что подтверждало необходимость тонкой настройки стратегии правления на местном уровне. Каждый из этих примеров иллюстрирует, как внешние факторы и международный опыт смогли повлиять на установление правовой политики в межнациональных отношениях.

Обращаясь к статистической характеристике рассматриваемого вопроса, необходимо отметить, что на начало XX столетия в России насчитывалось 146 различных языков и наречий. Дело в том, что во время первой общероссийской переписи национальный состав определялся по родному языку. В то время это был объективный показатель, ибо этничность и родной язык были идентичны. Это же обстоятельство в определен-

ной мере свидетельствует о том, что в самодержавной России никогда не принималось законов, ограничивавших права подданных в зависимости от национальной принадлежности, официально она даже не фиксировалась

Российской Империи имела шанс извлечь уроки из успешных и неудачных практик аналогичных государств. Например, было бы полезно обратить внимание на важность культурной автономии для меньшинств как способа снижения напряженности и предотвращения конфликтов.

Таким образом, рассматривая данные Международные практики, акцент на местные особенности и разнообразие подходов становится очевидным. Необходимость синергии между централизованным управлением и уважением к местным традициям и культуре становится ключевой. Россия могла бы использовать эти уроки, чтобы не только улучшить свою правительственную структуру, но и создать пространство для диалога и взаимопонимания между ее многообразными этническими группами. Обогащение опыта других стран позволило бы стране не только предотвратить кризисы, но и наладить гармоничное сосуществование.

Список литературы:

- [1] Гессен В.М. Новый избирательный закон / В.М. Гессен // Право.1905. № 50. С.25-32
- [2] Кизеветтер, А. А. Исторические портреты / А. А. Кизеветтер. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 307 с.
- [3] Национальная политика в России: история и современность / сост. Н. И. Наумова. — Москва: Русский мир, 2007 - С. 54—55.
- [4] Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. — Москва: Издательство политической литературы, 1989. - С. 397-398.
- [5] Туманова А.С. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века / А.С. Туманова, Р.В. Киселев. М., 2011. С.152
- [6] Шавлохова Е. С. Проблема независимости в контексте теоретического осмысления понятия «национальное государство» / Е. С. Шавлохова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2018. - № 81. - С. 131-138.

[7] Шелохаев В.В. «Либеральная модель переустройства России». М.: «Российская политическая энциклопедия». 2009. 280 с.

[8] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М. : РОССПЭН, 2007. С. 1-6.

[9] Яковлев С.Н. История правовой политики в России: взаимодействие народов и закон в начале XX века // Законотворчество и право. – 2017. – № 3. – С. 78–85.

[10] Яцкова А.П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. - первая российская конституция : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. - 217 с.

References:

- [1] Hessen V.M. New electoral law/V.M. Hessen//Pravo.1905. № 50. Page 25-32
- [2] Kizevetter, A. A. Historical portraits/A. A. Kizevetter. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 307 s.
- [3] National politics in Russia: history and modernity/comp. N.I. Naumova. - Moscow: Russian World, 2007 - S. 54-55.
- [4] Russian Orthodoxy: milestones of history/scientific. ed. A.I. Klibanov. - Moscow: Publishing House of Political Literature, 1989. - S. 397-398.
- [5] Tumanova A.S. Human rights in the legal thought and lawmaking of the Russian Empire of the second half of the XIX - early XX centuries/A.S. Tumanova, R.V. Kiselev. M., 2011. Page 152
- [6] Shavlokhova E. S. The problem of independence in the context of a theoretical understanding of the concept of "national state" /E. S. Shavlokhov//News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. - 2018. - № 81. - S. 131-138.
- [7] Shelokhaev V.V. "Liberal model of the reorganization of Russia." M.: "Russian Political Encyclopedia." 2009. 280 s.
- [8] Shipov D.N. Memories and thoughts about the experience. M.: ROSSPEN, 2007. S. 1-6.
- [9] Yakovlev S.N. History of legal policy in Russia: interaction of peoples and the law at the beginning of the 20th century//Lawmaking and law. – 2017. – № 3. - S. 78-85.
- [10] Yatskova A.P. Basic state laws of the Russian Empire April 23, 1906 - the first Russian constitution: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2001. - 217 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-281-285

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

КУЛИКОВА Светлана Геннадьевна,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
e-mail: svetlana-1977@mail.ru

ПОТАПОВА Елена Владимировна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственной политики и управления
Тверского филиала Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
e-mail: svetlica2007@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ ЦЫГАН В КАТЕГОРИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН (ИСТОРИКО- ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Авторы статьи анализируют попытки власти законодательно закрепить цыган в сословной структуре российского общества XVIII – первой половины XIX вв. Историко-правовое исследование проведено на материалах Тверской губернии.

Ключевые слова: цыгане, законодательство, бродяжничество, причисления, государственные крестьяне.

KULIKOVA Svetlana Gennadyevna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines
at the International Law Institute, Professor of the Department
of Constitutional and Municipal Law at the V.Ya. Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

POTAPOVA Elena Vladimirovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Public Policy and Management
of the Tver Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation

TO THE QUESTION OF LEGISLATIVE TRANSFER OF THE ROMANI IN THE CATEGORY OF STATE PEASANTS (HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH ON MATERIALS OF THE TVER PROVINCE)

Annotation. The authors of the article analyze the attempts of the authorities to legally establish the Gypsies in the class structure of Russian society in the 18th and the first half of the 19th centuries. The historical and legal research was conducted on the materials of the Tver province.

Key words: Gypsies, legislation, vagrancy, classification, state peasants.

История цыган – это история кочевого этноса без государственности, прав на землю век за веком переходящего из страны в страну в поисках лучшей доли, но не имея какой-то конкретной цели переселения (пункта назначения).

С конца XV в. в странах Европы начинают приниматься антицыганские законы. С XV по XVIII в. в Европе было принято 148 антицыганских законов. Самые жестокие из них принимались в протестантских странах Германии, Англии и Скандинавии. Самое толерантное отношение к цыганам было в таких странах, как Испания, Турция и Россия [6].

Появление цыган в России отмечается начиная с XV – XVI вв. в южных областях (через балканские страны) и в XVI – XVII вв. в северо-западных районах, где они оказались переместившись из Германии и Польши.

Массовое же появление представителей этого этноса в пределах Российского государства связано с присоединением Слободжанщины, Малороссии, Смоленщины и областей Северщины по итогам русско-польской войны 1654 – 1667 гг. В первой половине XVII в. цыгане обычно приписывались к воинским частям, в пользу которых и шли подати с них.

Однако вплоть до 1733 г. установлений центральной российской власти в отношении цыган не появляется. Это связано с тем, что их основная масса была расселена в Слободской Украине и Малороссии, где их положение регулировалось местными нормами [5].

Начиная с первой половины XVIII в. можно отметить достаточно лояльную политику правительства России в отношении этого этноса. Хотя власти пытались неоднократно регламентировать поселение, передвижение и образ жизни цыган, все же им разрешалось приписываться на любые земли, заниматься ремеслом, торговлей и их не гнали с насиженных мест. Главной задачей властей было удержание цыган от кочевков, придание их жизни оседлого характера и преобразование их в податное население.

Первым указом общероссийского характера в отношении цыган был указ Анны Иоанновны от 5 июля 1733 г., где говорится, что «на содержание (новых) полков определить сборы с цыган, как в Малой России с них собирают, так и в Слободских полках и в Великороссийских городах и уездах, приписанных к Слободским полкам, и для этого сбора определить особого человека, так как цыганы в перепись не написаны» [3]. То есть цыган впервые обложили налогом.

Интересно, что в 1733 г. (указ от 13 сентября 1733 г.) группе цыган было разрешено проживать

на территории Ингерманландии и заниматься торговлей лошадьми [3], однако императрица Елизавета Петровна указом от 16 августа 1759 г. изгнала цыган из Ингерманландии и объявила: «Цыган в Санкт-Петербург и близ оного отнюдь не пускать, и въезду им не позволять» [3].

Указом от 1 марта 1766 г. всех «живущих в Слободско-Украинской и прочих губерниях цыган» было предписано с 1767 г. положить в семигривенный оклад, то есть платить 70 коп. с каждого цыгана. Из указа видно, что с этого времени существовала откупная система взимания податей с цыган [3]. Однако через 17 лет был издан указ от 31 декабря 1783 г. «О положении цыган в равный с прочими государственными крестьянами оклад» фактически приравнял цыган к государственным крестьянам», поскольку они были обложены оброком наряду с государственными крестьянами, были вверены Директору Домоводства и им запрещалось праздно шататься [3].

В 1784 г. так же было принято несколько указов, в которых определялась необходимость отслеживать кочующих цыган и высылать их на места платежа податей (в рамках казенного ведомства): Сенатский указ от 24 января 1784 г. «О высылке цыган из Лифляндии» еще раз напомнил об оброке с цыган, как у государственных крестьян и предписал выслать кочующих цыган из Лифляндии на места приписки [3] и Сенатский указ от 4 ноября 1784 г. «О поручении поселения в Московской губернии цыган Директору Экономии» [3] так же еще раз напомнил о необходимости отсылать цыган по месту приписки и не давать им паспортов.

В Екатеринославской губернии указом от 28 мая 1792 г. цыган, пришедших из Малороссии так же причислили к государственным крестьянам, но, в связи с необходимостью заселения региона, власти не препятствовали, по их желанию, «записываться в мещанство и цехи» [3].

Сенатский указ от 16 июля 1800 г. «О поступании с цыганами относительно поселения их, на основании изданных о них узаконений» [3] был направлен на выявление кочующих цыган или цыган не платящих подати и водворении их на землях, где они приписаны, был вновь обозначен запрет на выдачу им паспортов как ведомствами, так и в особенности помещиками, которые выдавали цыганам паспорта за взятки. Кроме того, указ предписывал обложить цыган денежным оброком в 3 рубля, как были обложены государственные, дворцовые, экономические крестьяне и однодворцы по указу от 3 мая 1783 г. [3]. Однако данный указ, скорее всего не соблюдался, поскольку через три года последовал новый Сенатский указ от 17 июня 1803 г. «О привидении

в известность жительствовавших в России цыган и воспрещении казенным селениям и помещикам, во владении коих находятся цыгане, выдавать им от себя паспорта» [3], в котором вновь ставился вопрос о своеволии цыган, запрещалось бродяжничество и указывалось на необходимость запрета выдачи им паспортов.

Именной указ от 20 апреля 1809 г. «О привидении в лучшее устройство цыган; о пресечении перехода их с места на место; о принуждении их к оседлости и законной промышленности и о приписке их к городам в состояние ремесленников или рабочих людей» впрочем, констатировал, что удержать крестьян от бродяжничества практически не возможно и заниматься земледелием они не могут и не хотят. Поэтому указ предписывал переписать цыган, состоящих в казенных селениях к городам; помещикам, «которые не получают от цыган никакой пользы, но оные еще и в тягость» так же разрешали избавиться от цыган, и перечислить их в казенные селения, а потом опять приписать их в города на ремесленную работу или просто рабочими. И опять в указе было жесткое напоминание о запрете выдачи паспортов цыганам и о взыскании с тех, кто нарушит данное установление по одному рублю в пользу Приказа общественного призрения [3].

В сентябре 1811 г. последовал еще один именной указ «О причислении цыган к городам и селениям», в котором еще раз губернаторам указывалось о необходимости контролировать цыган во вверенных губерниях, всячески склонять их к приписке в города и даже записываться в гильдии, если есть капиталы. Устройство в казенные селения ставилось в зависимость от земельного обеспечения сельских обществ [3]. Такое желание устройства цыган именно в город объяснялось лучшим контролем за порядком со стороны полиции.

К 30-м гг. XIX в. на территории Российской империи сложились 3 группы цыган:

1. проживающие на владельческих землях и постепенно превратившиеся в крепостных крестьян,
2. казенные цыгане, издавна поселившиеся на государственных землях,
3. вольные цыгане, не приписанные ни к каким владельцам.
4. Кроме того, внутри каждой группы можно было наблюдать деление на оседлых, полuosедлых и кочевых цыган.

При этом, многочисленные законы, относительно оседлости цыган и их приписке к постоянному жительству и платежу податей не затрагивали какую-то часть цыган, которая продолжала кочевать. Именно их кибитки и увидел император

Николай I во время путешествий по Новороссии и Бессарабии. Эти впечатления и жалобы губернаторов других регионов вновь заставили власти обратить внимание на цыган.

Поэтому 13 марта 1839 года (распубликован 24 апреля) появился именной указ Министру государственных имуществ «О мерах к пресечению бродяжничества цыган» [3]. Появление этого указа в марте 1839 г. было не случайно. Уже порядка двух лет шла реформа управления государственной деревней. В декабре 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ, в губерниях для проведения реформы и попечения над казенными крестьянами созданы Палаты государственных имуществ. К весне 1839 г. были разработаны Сельский Полицейский и Судебный уставы для государственных крестьян, которые вступили в силу 23 марта 1839 г. [3]. В селениях государственных крестьян появились органы занимающиеся наведением порядка, строже стал контроль за нравственностью, поведением крестьян, выдачей паспортов, поэтому приписка неоседлых цыган в казенные селения устраивала власти.

Данный указ был подкреплен Положением Комитета министров от 20 февраля 1840 г., в котором были оговорены действия Министерства государственных имуществ и Министерства внутренних дел относительно обнаруженных кочующих или сбежавших в места приписки цыган. МВД занималось наблюдением за задержанием, пересылкой (если это требовалось) и содержанием цыган под стражей. Министерство государственных имуществ – только попечением о водворенных в казенные селения цыганах, причем приписывать можно были лишь одну цыганскую семью в сельское общество государственных крестьян (сельское общество – до 1500 душ м.п.). Цыганам обязались предоставить льготы как пересылаемым государственным крестьянам в малоземельные губернии и сложение недоимок [3].

16 апреля 1840 г. было опубликовано еще одно Положение Комитета министров «О правилах, составленных для содержания и препровождения бродяжничествующих цыган, при водворении их в казенных селениях», в котором был прописан механизм действий властей при выявлении, пересылке или препровождении цыган в казенные селения. Выявлением сбежавших или просто бродяжничающих цыган занималась городская и земская полиция, которая сообщала Гражданскому губернатору сведения о количестве цыган и их имуществе (со списками). Гражданский губернатор после получения сведений сообщал их местной Палате государственных имуществ, которая в свою очередь и принимала решение о

водворении цыган в казенные селения местной губернии или о высылке в другие губернии. Пересылка и отправление цыган в казенные селения шла под контролем нижних полицейских служителей или чиновников земской полиции. Отправление цыган происходило или семьями или партиями. Для пересылаемых, если у них не было средств пропитания, выделялись кормовые деньги [3].

И еще одно Положение Комитета министров от 20 июля 1843 г. (распубликовано 19 августа) «О причислении цыган в казенные крестьяне только в том числе душ, какое в семействе состоит на лицо» уточнило, какое количество цыган приписывать в казенные селения. Было решено, что будут приписаны именно наличные цыгане в каждом семействе, а не учтенные по 8 ревизии. Исключение было сделано для отданных в рекруты, их оставили в списках для окладных сборов [3].

После данного указа наблюдается тенденция обращений цыган о приписке в казенные селения. Так, например, из 11 выявленных дел Тверского губернского правления за 1841-1845 гг., семь было с прошениями цыган о прикреплении в государственную деревню, 4 – о прикреплении в мещанство [1].

Представляется интересным разобрать несколько сюжетов, связанных с причислениями цыган в казенные селения Тверской губернии.

Так в 1843 г. в Тверское губернное правление обратились два цыгана Василий Иванов и Дмитрий Антонов, оба появились «из-за границы», которые узнали о «Манифесте 1839 г.» и изъявили желание поселиться в Ржевском уезде в Берестинской волости, где по близости жили их «своиственники» (в Ржевском, Зубцовском и Старицком уездах) [1]. Каждый цыган был опрошен и сохранились записи этого «опроса - допроса». Цыгане заявили, что они православные (были на причастии и на исповеди, но не помнят где). Где были ранее тоже не помнят, но последний раз точно были в Псковской губернии. Впрочем, позднее они дополнили свой рассказ. Один из них родился в России (точное количество лет неизвестно), во время французского нашествия (1812 г.) вместе с табором оказался за границей, в Пруссии, далее в Молдавии и Валахии, потом через Дунай они перебрались в неизвестном направлении, но в конечном счете оказались в Польше и уже потом перебрались в границы Российской империи в Псковскую губернию. Далее оказались в Новоторжском уезде Тверской губернии и позднее пришли в Тверь, где и подали прошение на поселение в Ржевском уезде.

Власти определили, что лишь в селе Спас Матково Берестинской волости Ржевского уезда

по 6 дес. на м.д., остальные селения волости малоземельны и поэтому цыган можно причислить только в это село.

В 1841 г. было обнаружено, что 12 семейств цыган г. Кашина (записанные в мещанство) не исполняют свои обязательства «в приобретении хозяйственного обзаведения», поэтому было принято решение к 1 января 1842 г. причислить 7 семейств (22 д. м.п.) в казенные крестьяне в селения, имеющее более 100 душ и земли на каждую душу от 6 до 10 десятин и 5 семейств (15 душ м.п.) в селения, где душ не менее 80, а земли на каждую душу более 10 десятин. Причем причисление шло именно по отдельным семьям в каждое из 12 селений казенных крестьян [1].

В целом, к 1849 г. в селениях казенных крестьян Тверской губернии числилось 77 цыганских семей (169 душ м.п. и 172 души ж.п.). Через 10 лет по данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел на территории Тверской губернии проживало в общей сложности около 1 тыс. цыган [2].

Таким образом, на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. власти постепенно, но целенаправленно наступали на цыганские «вольности», изначально приписывая цыган к воинским подразделениям, налагая денежные обязательства от нескольких десятков копеек до нескольких рублей, подгоняя налогообложение цыган под крестьян находящихся в казенном управлении. Дальнейшее ограничение последовало в сфере перемещения, получения паспортов и закончилось приписыванием в горожане или в казенные поселяне, что отражало стремление властей структурировать податные сословия и повысить количество поступающих в казну податей.

Список литературы:

[1] ГКУ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. ДД. 11316, 11338, 11305, 11341, 11340, 11315, 11339, 11317, 11318, 23354, 24193.

[2] Потапова Е.В. Государственные крестьяне Тверской губернии в первой половине XIX в.: дисс....канд. ист. наук: 07.00.02. – Тверь, 2005.

[3] Полное собрание законов. Собрание первое / сост. М.М. Сперанский. – СПб.: Тип. II отделения СЕИВК, 1830. – Т. XV, XVII, XXI, XXII, XXIII, XXVI, XXVII, XXX, XXXI.

[4] Полное собрание законов. Собрание второе. – СПб.: Тип. II отделения СЕИВК, 1840. – Т. XV, XVIII.

[5] Смирнова-Сеславинская М. В. Законодательство и государственная политика Российской империи в отношении цыганского населения// Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 8. – С. 1-21.

[6] Череповский Л. Цыгане: скитания по дорогам мира и тропам истории // Русин. – 2006. – № 4(6). – С. 191-196.

References:

[1] GATO MCC. F. 466. Op. 1. DD. 11316, 11338, 11305, 11341, 11340, 11315, 11339, 11317, 11318, 23354, 24193.

[2] Potapova E.V. State peasants of the Tver province in the first half of the XIX century.: diss.... cand. east. sciences: 07.00.02. – Tver, 2005.

[3] Complete collection of laws. First meeting/ comp. M.M. Speransky. – St. Petersburg: Type. II

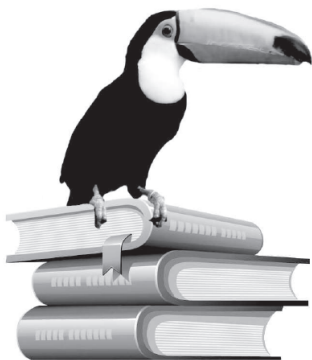
branches of SEIVK, 1830. – Т. XV, XVII, XXI, XXII, XXIII, XXVI, XXVII, XXX, XXXI.

[4] Complete collection of laws. Second meeting. – St. Petersburg: Type. II branch of SEIVK, 1840. – Т. XV, XVIII.

[5] Smirnova-Seslavinskaya M.V. Legislation and state policy of the Russian Empire in relation to the gypsy population//Genesis: historical research. – 2017. – No. 8. – S. 1-21.

[6] Cherepovsky L. Gypsies: wanderings on the roads of the world and the paths of history//Rusin. – 2006. – No. 4 (6). – S. 191-196.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-286-291

МЯКУШКИН Артем Владимирович,
e-mail: myakushkin.artem@yandex.ru

ФЕНОМЕН ОШИБКИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация. Введение. Автор статьи раскрывает смысл понятия «ошибка», выявляет признаки и дидактические функции типичных ошибок, даёт рекомендации по предупреждению ошибок студентов юридических вузов. Устанавливаются причинно-следственные и функциональные связи типичных ошибок обучающихся, осваивающих образовательные программы по направлению подготовки «Юриспруденция» и профессиональных юридических ошибок.

Методы. Всеобщий диалектический подход. Общенаучные методы: методы формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, аналогия, абстрагирование, сравнение, моделирование), методы систематизации, используемые в теоретико-исторических правовых науках (классификация и типология), системный и структурно-функциональный методы. Специально-юридические методы: метод правового прогнозирования.

Результаты. Автор приходит к выводу, что своевременное выявление и предупреждение типичных ошибок обучающихся, осваивающих образовательные программы по направлению подготовки «Юриспруденция», способствует предупреждению профессиональных юридических ошибок. Понимание дидактических функций типичных ошибок повысит эффективность как процесса, так и результата обучения юристов.

Ключевые слова: ошибки, типичные ошибки, юридические ошибки, ошибки обучающихся, фактические ошибки, речевые ошибки, логические ошибки, когнитивные ошибки.

MYAKUSHKIN Artem Vladimirovich

THE PHENOMENON OF ERROR: THEORETICAL AND LEGAL INTERPRETATION

Annotation. Introduction. The author of the article reveals the meaning of the concept of “error”, identifies the signs and didactic functions of typical errors, gives recommendations for preventing errors of law school students. Cause-and-effect and functional relationships between typical errors of students mastering educational programs in the field of training “Jurisprudence” and professional legal errors are established.

Methods. General dialectical approach. General scientific methods: methods of formal logic (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, analogy, abstraction, comparison, modeling), methods of systematization used in theoretical and historical legal sciences (classification and typology), systemic and structural-functional methods. Specialized legal methods: method of legal forecasting.

Results. The author comes to the conclusion that timely identification and prevention of typical errors of students mastering educational programs in the field of training “Jurisprudence” helps to prevent professional legal errors. Understanding the didactic functions of typical errors will increase the effectiveness of both the process and the outcome of legal training.

Key words: errors, typical errors, legal errors, student errors, factual errors, speech errors, logical errors, cognitive errors.

I. Понятие и признаки ошибки

С общеправовых позиций, способность человека ошибаться и предупреждать свои ошибки есть истинный источник и движущая сила становления субъектности [8, с. 57].

Согласно рефлексивно-деятельностному подходу, **ошибка — это расхождение двух элементов структуры деятельности: цели и результата («хотели одно — получили другое»)**. С точки зрения нормативного подхода, **ошибка есть непреднамеренное отклонение от нормы (языковой, социальной, технической и т.д.)**.

Определённые типы повторяющихся регулярных ошибок называют **типичными ошибками** [1, с. 182]. Сформулируем ключевые признаки понятия «типичная ошибка».

1. **Непреднамеренный характер.** Люди, допускающие типичные ошибки, исходят из предположения правильности своих действий. По этому признаку ошибку следует отличать, например, от *обмана, софизмов* (намеренного нарушения правил формальной логики), *манипуляций* (имитации субъектности¹), *фейков* (фальсификаций), *правонарушений* (преступлений и проступков), *травли* и других вариантов сознательного отклонения от нормы. Именно поэтому за ошибки нельзя наказывать. Их нужно предупреждать.

2. **Конкретность.** Ошибка, как и истина, всегда конкретна. Квалификация деяния в качестве ошибочного зависит от времени, места, социокультурной обстановки, возраста и других условий. Например, нельзя считать ошибкой неразличение пятиклассником терминов «правовая система» и «система права». Однако, если такую оплошность допускает выпускник юридического вуза, это грубая ошибка.

3. **Опосредованность нормой.** Не существует ошибок вне нормативной системы. Ошибка всегда вторична по отношению к норме (правилу, закону, критерию оценивания и т.д.). Например, не может быть орфографических или пунктуационных ошибок без правил орфографии и пунктуации. Логических ошибок — без законов формальной логики, фактических ошибок — без требований факто-

логической точности, арифметических ошибок — без правил выполнения арифметических действий, процессуальных ошибок — без процессуальных норм и т.д.

4. **Социальный характер.** Совершая ошибку, субъект вносит её в коллективный опыт и предупреждают ошибки других людей. Это позволяет учёным и практикам прогнозировать ошибки, создавать аналитические и методические материалы, направленные на их предупреждение.

5. **Историческая изменчивость.** Представления о том, какие деяния считать ошибками, изменяются во времени и в пространстве. Например, до 2006 г. считалось, что в Солнечной системе девять планет, включая Плутон. В настоящее время правильным будет сказать, что их восемь.

Синтезируя указанные посылки в единое целое, мы получаем следующее определение: **ошибка — это непреднамеренное действие человека или социальной группы, а также негативный результат этого действия, вызванные несоблюдением тех или иных норм (требований, правил)**.

II. Юридические ошибки

Поскольку ошибка есть не только отклонение от нормы, но и негативный результат деятельности, можно говорить об особом типе ошибок — **профессиональных ошибках**, опосредованных тем или иным **видом (типом) профессиональной деятельности** (юридические ошибки, врачебные ошибки, педагогические ошибки и т.д.).

Обучающиеся юридических вузов, осваивающие образовательные программы, готовятся к следующим **видам (типам) профессиональной деятельности**:

- нормотворческая
- правоприменительная
- правоохранительная
- экспертно-консультационная
- педагогическая (преподавание правовых дисциплин).

Учитывая указанные **виды (типы) профессиональной деятельности**, правоведы выделяют следующие **группы юридических ошибок**:

- правотворческие (нормотворческие);
- правоприменительные;
- интерпретационные;
- доктринальные;
- правореализационные.

¹ Термин «имитация субъектности индивидов» ввёл в научный оборот профессор Ю.А. Ермаков при описании сущности феномена манипуляции.

Таблица 1. Группы юридических ошибок и их характеристика
(по Л.А. Морозовой) [6, с. 359-369]

Группа юридических ошибок	Характеристика
Правотворческие	Отступление от требований правотворческой техники, логики, грамматики, которое снижает качество нормативного правового акта, вызывает затруднения в его толковании и препятствует реализации нормы права в конкретных отношениях.
Интерпретационные (ошибки толкования)	Отступление от правил толкования норм права. Несоблюдение требований, установленных способами (приемами) толкования.
Правоприменительные	Негативный непреднамеренный результат правоприменительной деятельности, обусловленный заблуждением уполномоченных субъектов, принимающих правоприменительный акт (ошибки следователей, прокуроров, судей и т.д.).
Доктринальные	Заблуждение разработчиков общей или конкретной доктрины относительно истинных свойств, теоретической и практической значимости проведенных научных исследований, обобщений и выводов.
Правореализационные	Неправильное соблюдение, использование или исполнение норм права. Эти юридические ошибки допускаются самими участниками правоотношений в рамках их юридически значимых действий и поступков и влекут определённые правовые последствия [6, с. 359-369].

В научной литературе имеются и иные классификации юридических (правовых) ошибок.

Н.Г. Муратова выделяет следующие группы правовых ошибок [7, с. 55]:

Таблица 2

Исторические ошибки	Законодательные ошибки	Профессиональные (правоприменительные) ошибки	Ошибка преступной личности
Например, военная уголовная юстиция начала XX века - с августа 1905 по апрель 1906 гг.; создание чрезвычайных судов в 30-40 гг.; политические репрессии 40-50 гг. и т.д.	Например, ошибки в терминологии, концептуальные ошибки при конструировании нормы права, пробелы в праве, коллизии в праве.	Следственные, судебные, адвокатские, тактико-экспертно-криминалистические ошибки.	Заблуждение лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния, которые характеризуют его как преступление.

Выделяют **объективные** (не зависят от воли и сознания правоприменителей) и **субъективные** (зависят от воли и сознания правоприменителей) **причины** юридических ошибок.

Д. И. Советов предлагает классификацию **причинности** юридических ошибок и выделяет следующие категории:

– **абстрактные причины юридических ошибок** (свойственны всем видам ошибок; они зависят от эффективности системы права в отдельно взятом государстве);

– **конкретные причины юридических ошибок** (свойственны отдельно взятому юридическому факту) [9, с. 163].

Н. Н. Волленко называет **внутренние** (обусловленные уровнем профессионализма и личными качествами должностных лиц) и **внешние** (например, неблагоприятная экономическая, политическая ситуация в стране) причины юридических ошибок [2, с. 41].

III. Типичные ошибки обучающихся и способы их предупреждения

Признание своего права и права других людей на ошибки» действующие Федеральные государственные образовательные стандарты относят к **универсальным учебным регулятивным действиям (УУД)**. Возможность обучающегося совершить ошибку и работать над её исправлением выступает базовым элементом умения учиться.

Существуют сферы жизни, где ошибки в принципе недопустимы, а сама мысль об их нормальности ставит под угрозу общественную безопасность. Дело в том, что последствия таких непреднамеренных действий могут быть необратимыми. И юридические ошибки, как и врачебные,

здесь не исключение. Вместе с тем при обучении какому-либо делу ошибки неизбежны и даже полезны. Народная мудрость гласит: «не ошибается тот, кто ничего не делает, а кто не делает — ошибается» [11, с. 398].

Результаты научных исследований показывают, что работа над ошибками в процессе обучения способствует предупреждению профессиональных ошибок. Поэтому необходимо обратить особое внимание на **дидактические функции типичных ошибок** — *речевых, логических, когнитивных, фактических, вычислительных, социокультурных, методологических*. Это позволит застраховать студентов от повторения подобных ошибок в будущей профессиональной деятельности.

Таблица 3. Дидактические функции ошибок (по Н.А. Лариной) [5, с. 8]

Функция	Объяснение функции
Информационно-контролирующая	Отражает на данный момент состояние обученности.
Организационно-стимулирующая	Порождает в сознании установку на получение правильного результата.
Фасилитативная	Помогает в разрешении проблемных ситуаций, включает познавательные функции: актуализации, усиления понимания и самовыражения, включения перехода от незнания к знанию [5, с. 8]

Таблица 4. Типичные ошибки обучающихся

Ошибки	Определение	Нормы, усвоение которых позволит предупредить ошибку
Речевые	Любые случаи отклонения от действующих языковых норм (С.Н. Цейтлин) [13]	Языковые нормы
Логические	Нарушения законов, правил и схем логики. Если ошибка допущена неумышленно, она называется паралогизмом, если правила логики нарушены умышленно — это софизм (А.А. Ивин, А.Л. Никифоров) [3, с. 261]	Законы формальной логики Правила аргументации

Фактические	Ошибки, связанные с неправильным изложением факта (Т.В. Жеребило). [4, с. 248]. Искажение изображаемой в высказывании ситуации или отдельных её деталей	Требования фактологической точности
Методологические	Результаты исследовательских действий и процедур, выполненных с нарушением правил или законов методологии научного познания (Е. В. Титова).	Методология научного познания + критерии доказательности исследований
Когнитивные	Ошибки восприятия и переработки информации, возникающие при построении объяснительных схем сложившейся жизненной ситуации (В.Б. Пархомович) [10, с 80].	Когнитивные принципы
Социокультурные	Ошибки, вызванные социокультурной интерференцией.	Культурные нормы и ценности
Вычислительные	Ошибки, допущенные при выполнении арифметических действий: сложения, вычитания, умножения, деления.	Правила выполнения арифметических действий

Выводы

1. Своевременное выявление и предупреждение типичных ошибок обучающихся, осваивающих образовательные программы по направлению подготовки «Юриспруденция», способствует предупреждению профессиональных юридических ошибок.

2. Осознание социальной ценности дидактических функций ошибок повысит эффективность как процесса, так и результата обучения юристов.

Список литературы:

- [1] Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: ИКАР, 2010. – 446 с.
- [2] Вопленко Н. Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды / Н. Н. Вопленко // Советское государство и право. – 1981. – № 4. – С. 41.
- [3] Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике - М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАД ОС, 1997. С. 261.
- [4] Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – С. 248.
- [5] Ларина Н.А. Дидактические функции ошибок : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Кузбас. гос. пед. акад. - Новокузнецк, 2005. С. 8

- [6] Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М: Норма : ИНФРА-М, 2024. С. 359-369.

- [7] Муратова Н.Г. Правовые ошибки в уголовной юстиции // Судья. 2007. № 7 (31). С. 55-58.

- [8] Сафин, А. М. Феномен ошибки в структуре человеческой деятельности / А. М. Сафин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155, № 1. – С. 157-162.

- [9] Советов, Д. И. Проблемы определения правовой природы причин и условий совершения юридических ошибок в отечественной практике / Д. И. Советов // Теория государства и права. – 2019. – № 4(16). – С. 163.

- [10] Пархомович, В. Б. Когнитивные искажения в оценке трудных жизненных ситуаций прошлого при переживании психологического кризиса / В. Б. Пархомович // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 3(11). – С. 80-90.

- [11] Пословицы русского народа в 2 ч. Часть 1 / составитель В. И. Даль. — М : Юрайт, 2025. С. 398.

- [12] Титова, Е. В. О методологических ошибках в педагогических исследованиях / Е. В. Титова // Письма в Эмиссия.Оффлайн. – 2011. – № 9. – С. 1648.

[13] Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. — М.: Просвещение, 1982. — 143 с.

References:

[1] Azimov E.H. G. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teo-riya i praktika obucheniya yazykam) / E.H. G. Azimov, A. N. Shchukin. — M.: IKAR, 2010. — 446 s.

[2] Voplenko N. N. Oshibki v pravoprimenenii: ponyatie i vidy / N. N. Voplenko // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1981. — № 4. — S. 41.

[3] Ivin A. A., Nikiforov A. L. Slovar' po logike - M.: Gumanit. izd. Centr VLAD OS, 1997. S. 261.

[4] Zhrebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop. — Nazran': OOO «Piligrim», 2010. — S. 248.

[5] Larina N.A. Didakticheskie funktsii oshibok : avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk : 13.00.01 / Kuzbas. gos. ped. akad. - Novokuzneck, 2005. S. 8

[6] Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik / L. A. Morozova. — 6-e izd., pererab. i dop. — M: Norma : INFRA-M, 2024. S. 359-369.

[7] Muratova N.G. Pravovye oshibki v ugodnoy yustitsii // Sud'ya. 2007. № 7 (31). S. 55-58.

[8] Safin, A. M. Fenomen oshibki v strukture chelovecheskoj deyatel'nosti / A. M. Safin // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. — 2013. — T. 155, № 1. — S. 157-162.

[9] Sovetov, D. I. Problemy opredeleniya pravovoj prirody prichin i uslovij soversheniya yuridicheskikh oshibok v otechestvennoj praktike / D. I. Sovetov // Teoriya gosudarstva i prava. — 2019. — № 4(16). — S. 163.

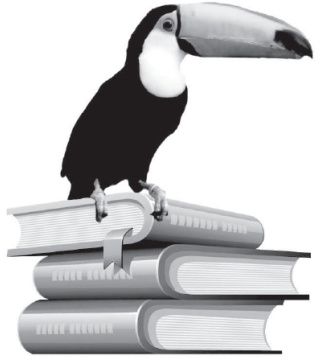
[10] Parkhomovich, V. B. Kognitivnye iskazheniya v ocenke trudnykh zhiznennykh situatsij proshlogo pri perezhivanii psikhologicheskogo krizisa / V. B. Parkhomovich // Pravo. Ekonomika. Psikhologiya. — 2018. — № 3(11). — S. 80-90.

[11] Posloviцы russkogo naroda v 2 ch. Chast' 1 / sostavitel' V. I. Dal'. — M : Yurajt, 2025. S. 398.

[12] Titova, E. V. O metodologicheskikh oshibkakh v pedagogicheskikh issledovaniyakh / E. V. Titova // Pis'ma v Ehmissiya.Offlajn. — 2011. — № 9. — S. 1648.

[13] Cejтlin S.N. Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie. — M.: Prosveshchenie, 1982. — 143 s.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-292-295

МАТЫЦИН Александр Дмитриевич,
старший преподаватель.
кафедры уголовно-процессуального права
Центральный филиал
РГУП им. В.М. Лебедева,
e-mail: alek-matycin@yandex.ru

ОБЪЕКТ МЕДИАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы объекта как обязательного элемента в структуре медиативных правоотношений с позиции общей теории права. Раскрыты и проанализированы основные направления развития нового в отечественном законодательстве института медиации, констатирована необходимость выработки методологического обоснования института медиативных правоотношений в рамках общей теории права.

Ключевые слова: медиация; правоотношение; объект, обязательный элемент, медиативное соглашение; механизм правового регулирования, медиатор; примирительные процедуры; общая теория права.

MATYTSIN Alexander Dmitrievich,
senior lecturer
Departments of Criminal Procedure Law,
Central Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice

THE OBJECT OF MEDIATION LEGAL RELATIONS: THE GENERAL THEORETICAL ASPECT

Annotation. The article examines the issues of the object as an obligatory element in the structure of mediation legal relations from the perspective of the general theory of law. The main directions of the development of the mediation institute, which is new in Russian legislation, are revealed and analyzed, and the need to develop a methodological justification for the institute of mediation legal relations within the framework of the general theory of law is stated.

Key words: mediation; legal relationship; object, required element, mediation agreement; mechanism of legal regulation, mediator; conciliation procedures; general theory of law.

По-видимому, все без исключения теории права согласны с тем, что объект выступает обязательным элементом в структуре правоотношения. Однако точное его определение уже не является предметом всеобщего консенсуса. Как отмечают В.В. Лазарев и С.В. Липень, имеет смысл различать монистическую и плюралистическую концепции объекта правоотношения. В первой в качестве такового рассматриваются «только действия сторон, поскольку именно они регулируются правовыми нормами» [1], во второй – материальные блага, различные ценности нематериального порядка и действия (или результаты этих действий) конкретных лиц.

Расширительное понимание объекта правоотношения используется для описания интересов и потребностей субъектов, вступивших в правовую связь, что оправданно с научной точки зрения, поскольку субъект в права – сущность довольно-таки абстрактная и рассматривать его отдельно и вне атрибутов, присущих социализированному человеческому существу, ошибочно. Например, Г.М. Лановая и Н.И. Правкина формулируют свою позицию так: «В своем соотношении с правоотношением, в рамках которого происходит реализация субъективного права, объект предстает предметом, благом неимущественного характера, действием или процессом, свойства которого управомоченный субъект в действительности использует

для удовлетворения существующих у него потребностей и который в этой связи оказывается для управомоченного субъекта реальной ценностью» [2]. Поскольку интересы разных лиц, сами по себе имеющие психологическую основу, изначально различаются, а кроме того, интересы любого субъекта, индивидуального или коллективного, меняются с течением времени, эмпирически полного перечня объектов составить нельзя, отсюда и появляются расплывчатые формулировки «всё то, на что направлено...», «всё удовлетворяющее потребностям» и пр. Такие формулировки не могут претендовать на строгость и полноту. Но при этом исключать интересы из сферы научного анализа столь же неверно, тем более что и законодатель зачастую связывает с интересом ту или иную особенность правового положения субъектов.

Таким образом, монистическая концепция объекта правоотношения в большей степени соответствует стандартам классической научной рациональности, принятым и в социально-гуманитарных исследованиях. Но обращение к этой концепции не заменяет изучения специфики предмета. Условно говоря, медиативные правоотношения имеют своим объектом конкретные действия конкретных лиц, но задача состоит в том, чтобы выявить особые признаки этих действий и привести их в систему.

Если следовать законодателю, то предметом правового регулирования для Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ следует считать применение процедуры медиации к спорам, «возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений» [3]. Итак, должен существовать некий спор, обязательно возникший из какого-либо правоотношения, и как только определенный законом набор формальных и неформальных правил (что и составляет процедуру медиации) начнет применяться к данному спору, налицо будет объект медиативных правоотношений. Завершение процедуры, соответственно, влечет за собой исчезновение объекта и прекращение самого правоотношения, равно как и прекращение применения Закона № 193-ФЗ.

Для решения задачи научного описания объекта медиативного правоотношения, с нашей точки зрения, необходимо строго различить медиацию и иные формы разрешения споров или урегулирования конфликтов. В первой главе на широком историческом и компаративистском матери-

але было продемонстрировано развитие альтернативных форм разрешения споров в разных странах от древних времен до наших дней. Из представленного материала следовало, что все эти формы развивались из каких-то единых элементарных отношений посредством дифференциации (подобно тому, как нормы права отличались от моральных и религиозных, но такое отличие сформировалось отнюдь не сразу).

Оставляя в стороне факторы такой дифференциации (экономическая эффективность, исторические традиции, психологические особенности тех или иных этносов, религиозные основания примирительных процедур), сосредоточимся на проведении важных различий, исходя из сложившихся общепринятых практик.

Наиболее явным различием обладают медиация и судебное разрешение споров. Оно настолько очевидно и контрастно, что не требует развернутых комментариев. Суд – это орган, осуществляющий правосудие от имени государства и именем государства. В его действиях реализуется полнота суверенитета публичной власти. Последствия вынесения решения судом могут быть достаточно значительными для сторон конфликта в личном, имущественном или организационном отношении. Соответственно, и к процедурам рассмотрения дела, и к решениям судов законодатель предъявляет самые жесткие требования. Вместе с тем, некоторые принципы медиативной практики сходны с принципами правосудия, например, медиаторы так же, как и судьи, должны быть независимыми в своих действиях. Медиаторы, безусловно, не должны в своих действиях противоречить закону. Но различий, как мы можем убедиться, намного больше.

Принципиально важно то, что суд всегда осуществляет правоприменительную деятельность в форме правосудия, тогда как к медиатору корректнее было бы относить иные формы реализации права: соблюдение (запретов), использование (возможностей), исполнение (предписаний). Действительно, в положениях Закона № 193-ФЗ присутствуют предписания различного содержания (модальности), но ни одно из них не превращает медиатора в правоприменителя, т.к. у него отсутствует установленная нормативными правовыми актами компетенция, а его решения не являются обязательными для участников правоотношения, и неисполнение данных решений не влечет за собой юридическую ответственность по законодательству РФ. Представляется, что неким средним (между применением права и другими формами его реализации) феноменом выступает обязательная медиация, но и здесь не всё однозначно: законодатель может обязать стороны при-

бегнуть к услугам посредника, но это не придаёт медиатору публично-установленных полномочий, хотя таковые потенциально могут быть закреплены в законе – принципиальных препятствий этому, как представляется, не существует.

Следующее, с чем необходимо сопоставить медиацию, это арбитраж. Здесь нейтральное лицо, называемое арбитром, рассматривает доказательства и аргументы каждой из сторон, а затем решает спор. Арбитраж – намного менее формальный вид деятельности по сравнению с судебной процедурой, но более формален по сравнению с медиацией. Здесь возможны некоторые смягчения правил представления и оценки доказательств. Различают обязательное и необязательное арбитражные разбирательства. В различных юрисдикциях соотношение этих двух видов может быть разным, при этом стороны либо отказываются от своего права на судебное разбирательство и принимают решение арбитра как окончательное, либо такое право за ними сохраняется, т.е. стороны могут потребовать судебного разбирательства, если не достигли согласия в отношении решения, уже вынесенного арбитром.

При нейтральной оценке (эта форма известна лишь некоторым зарубежным правовым порядкам) каждая сторона получает возможность направить документы и иную важную информацию незаинтересованному лицу. Затем данное лицо (оценщик) высказывает своё мнение о сильных и слабых сторонах доказательств и аргументов каждой из сторон. Он может, кроме того, наметить стратегию решения проблемы. Несмотря на то, что заключение оценщика не является обязательным, стороны, как правило, используют его в качестве основы для переговоров по урегулированию спора. Нейтральная оценка может быть наиболее подходящей в случаях, когда существуют технические проблемы, требующие специальных знаний для разрешения, или единственным существенным вопросом в деле является размер ущерба. Таким образом, нейтральная оценка может предшествовать процедуре медиации, обращению в суд или арбитраж, но ни одну из этих форм полноценно заместить не может.

То же самое можно сказать о еще одной форме, известной в США и Великобритании – конференциях по урегулированию. Они могут быть как обязательными, так и добровольными. В обоих типах конференций по урегулированию спора стороны и их адвокаты встречаются с судьей или нейтральным лицом, называемым «должностным лицом по урегулированию», чтобы обсудить возможное урегулирование их спора. Судья или должностное лицо, ответственное за урегулирова-

ние спора, не принимает решения по делу, но помогает сторонам оценить сильные и слабые стороны дела и вести переговоры об урегулировании. Здесь, как мы видим, немало сходства с процедурой медиации.

Как отмечает В.С. Дегтярева, «процедура медиации, как примирительная процедура с участием посредника в лице медиатора, является внешней по отношению к судопроизводству, т.е. не является частью (стадией, этапом) гражданского процесса, поскольку носит исключительно договорный характер и основывается на автономии волеизъявлений сторон» [4]. Те формы, о которых шла речь ранее, также не считаются с точки зрения закона обязательными для судебного движения дела.

Также В.С. Дегтярева отмечает, что «Судебной медиации как примирительной процедуры не существует ввиду отсутствия у судьи и работника судебной системы (помощника судьи, сотрудника аппарата суда) либо лица, оказывающего содействие правосудию, качественных характеристик, необходимых для его квалификации в качестве медиатора. Существование понятия судебной медиации подвергается сомнению ввиду того, что процедура медиации имеет договорную природу. ... В гражданском судопроизводстве может быть предусмотрена процедура медиации, назначенная с согласия сторон судом в отношении спора, находящегося в производстве суда. В этом случае суд назначает медиатора, устанавливает срок проведения процедуры и может его продлить по ходатайству сторон (-ны) или медиатора, вправе завершить по собственной инициативе проведение процедуры в случае объективной невозможности примирения сторон» [5].

Итак, можно заметить определенную, хотя и не абсолютную автономию объекта медиативных правоотношений. Он может быть определен как действия лиц – сторон спорного материального правоотношения и посредника, охваченные единой целью – достижение урегулирования спора, т.е. выработки взаимоприемлемого решения. Законодатель подчеркивает, что положения Закона о медиации не распространяются на деятельность судебных органов, по аналогии можно говорить и о коммерческом арбитраже, судебном примирителе, комиссии по трудовым спорам, нотариусе и иных субъектах, чьи действия регулируются иными нормами права.

Подводя итоги, можно констатировать, что объект медиативных правоотношений является их обязательным и важным элементом, требующим дальнейшего осмысления с позиции общей теории права.

Список литературы:

- [1] Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Издательство «Спарк», 1998. С. 298.
- [2] Лановая Г.М., Правкина И.Н. Соотношение понятий «объект субъективного права» и «объект правоотношения» // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1. С. 45.
- [3] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», ст. 1.
- [4] Дегтярева В.С. Примирительные процедуры в ГПК России и в ГПК Франции: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2023. С. 13.
- [5] Дегтярева В.С. Примирительные процедуры в ГПК России и в ГПК Франции: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2023. С. 14.

References:

- [1] Lazarev V.V., Lipen' S.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov. – M.: Izdatel'stvo «SparK», 1998. S. 298.
- [2] Lanovaya G.M., Pravkina I.N. Sootnoshenie ponyatij «ob"ekt sub"ektivnogo pravA» i «ob"ekt pravootnosheniYA» // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2021. № 1. S. 45.
- [3] Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)», st. 1.
- [4] Degtyareva V.S. Primiritel'nye procedury v GPK Rossii i v GPK Francii: diss. ... kand. yurid. nauk. – M., 2023. S. 13.
- [5] Degtyareva V.S. Primiritel'nye procedury v GPK Rossii i v GPK Francii: diss. ... kand. yurid. nauk. – M., 2023. S. 14.

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-296-299

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт Федеральной
службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХИАТРИЯ В ФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ: ОНТОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, АКСИОЛОГИЯ

Аннотация. Статья предлагает философскую рамку осмысления пенитенциарной психиатрии через четыре взаимосвязанных измерения: онтологию психических расстройств в условиях изоляции; антропологию «тотального» института; эпистемологию клинично-правовой диагностики; аксиологию и биоэтику лечебного процесса. Аргументируется, что биопсихосоциокультурная модель служит не только прикладной организационной схемой, но и философией практики, согласующей клиническую истину с институциональной реальностью и ценностями человеческого достоинства. Делается вывод о необходимости эволюционной интеграции доказательных клинических методов, диалоговых практик и культурно валидных форм повседневности для укрепления субъектности пациента и межведомственной преемственности.

Ключевые слова: пенитенциарная психиатрия, философия психиатрии, «тотальные институты», биопсихосоциокультурная модель, субъектность, дуальная лояльность, этика, нормальность и патология.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences,
Senior Researcher at FKU
Scientific Research Institute of the Federal
Penitentiary Service

PRISON PSYCHIATRY IN A PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE: ONTOLOGY, ANTHROPOLOGY, EPISTEMOLOGY, AXIOLOGY

Annotation. The paper articulates a philosophical framework for prison psychiatry across four dimensions: the ontology of mental disorders under conditions of confinement; the anthropology of the total institution; the epistemology of clinical-legal diagnosis; and the axiology and bioethics of care. We argue that the biopsychosociocultural model functions as a philosophy of practice aligning clinical truth with institutional reality and the value of human dignity. We conclude with an evolutionary integration of evidence-based methods, dialogical practices, and culturally valid daily routines to strengthen agency and inter-agency continuity.

Key words: prison psychiatry, philosophy of psychiatry, total institutions, biopsychosociocultural model, agency, dual loyalty, ethics, normality and pathology.

Введение. Пенитенциарная психиатрия образует «двойную сопряжённость» клинической и юридической реальностей, неизбежно попадая в поле биоэтики и философии медицины. В пенитенциарной среде высокий уровень психических расстройств и коморбидности сочетается с особенностями «тотальной» институции, превращая организацию помощи в проблему смысла, нормальности и ответственности [2; 3; 8]. Биопсихосоциальная парадигма, предложенная G. L. Engel,

дала язык для объединения биологических, психологических и социальных факторов [1]. Её развитие в биопсихосоциокультурную рамку позволяет добавить анализ ритуалов повседневности, статусных ожиданий и символических порядков, через которые опосредуется комплаенс, обращаемость и поведенческая динамика в учреждении [3; 6]. Практика показывает, что устойчивые изменения требуют не только фармакотерапии и психотерапии, но и культурно валидной «настройки»

среды, поддерживающей новые роли и формы коллективной ответственности [6; 11]. Эта установка согласуется с современными стратегиями риск-потребностного подхода и с этическими регулятивами охраны психического здоровья в местах лишения свободы [2; 9; 10].

1. Онтологическое измерение: болезнь, девиация и ответственность. Онтология пенитенциарной психиатрии разворачивается между нормальностью и патологией, как их понимал G. Canguilhem, показывая, что «норма» в медицине не равна статистическому усреднению, а задаётся жизненной ценностью и способностью организма к нормативированию [5]. В условиях изоляции понятие патологии приобретает дополнительные контуры: симптомы, риски и ресурсы вписываются в режимный порядок, где безопасность и правопорядок становятся конститутивной частью «среды болезни» [2; 8]. Принципиально важно различать клиническую детерминацию поведения и юридическую ответственность. В противовес редукционизму, который отождествляет преступность с болезнью или, наоборот, снимает с болезни всякий онтологический статус, философски оправдана позиция *двойной причинности*, признающая совместное действие психопатологических, личностных и средовых факторов [1; 5]. Такая позиция позволяет избегать как стигматизации, так и медицинского абсолютизма, поддерживая персонализированную тактику и уважение к достоинству лица.

2. Антропологическое измерение: «тотальная» институция, субкультура и субъектность. По И. Гоффману, тюрьма — парадигмальный пример «тотального» института, где разрыв прежних связей, депривация и ригидные регламенты конструируют особую идентичность и сценарии поведения [3]. Для клиники это означает, что лечение неизбежно происходит внутри культурной сцены, где ритуалы признания и санкций усиливают или ослабляют терапевтический эффект. Антропологически взвешенная организация среды — образовательные и трудовые маршруты, публичные формы признания, диалоговые нормы взаимодействия — превращает лечение в социальное учение роли, укрепляющее субъектность пациента [6; 11]. В отечественной традиции коллективной педагогики, актуализированной в рамках биопсихосоциокультурной модели и субъектно-соучаствующего подхода, эта логика получает культурную валидность и управляемость внедрения, что важно для клинико-поведенческих исходов и преемственности помощи.

3. Эпистемологическое измерение: диагноз на стыке науки, интерпретации и права. Диагностическая деятельность в пенитенциарной психиатрии объединяет нозологическую класси-

фикацию, риск-стратификацию и юридически релевантное свидетельствование. Феноменологическая чувствительность психиатра, на которой настаивал К. Ясперс, предупреждает о границах объективизма там, где клинические факты неотделимы от смысла, контекста и самопонимания пациента [4]. В то же время пенитенциарная практика требует процедурной надёжности: стандартизированных шкал, протоколов оценки суицидального и агрессивного риска и документированных маршрутов помощи [2; 9]. Эпистемологическая дилемма «индивидуального смысла» и «статистического доказательства» разрешается через *клиническую суждательность*: врач опирается на данные исследования, но принимает решения с оглядкой на уникальность жизненной ситуации, правовые гарантии и ресурсы среды [1; 2; 10]. Такая суждательность минимизирует «эпистемическую несправедливость» по отношению к человеку в изоляции и поддерживает доверие к процедурам.

4. Аксиологическое измерение: достоинство, дуальная лояльность и этика повседневности. Ценности пенитенциарной психиатрии задаются не только Кодексами и Законом о психиатрической помощи, но и «этикой повседневности» — регламентами, микропрактиками, языком общения, где достоинство либо поддерживается, либо разрушается [10]. Биоэтические принципы благодеяния, невредимости, уважения автономии и справедливости, артикулированные в современной этике, в УИС сталкиваются с вызовами безопасности и дуальной лояльности медицинского работника, который должен одновременно быть верен пациенту и правопорядку [6; 16]. Философски выдержанная позиция не устраняет конфликта, но переводит его в процедуру: прозрачность критериев, документирование, независимые консультации, добровольность участия в программах, мультиконфессиональная толерантность — всё это формирует «ценностный каркас» доверия [2; 10]. В случаях духовно-нравственной поддержки особенно важны добровольность и недопущение прозелитизма, поскольку смысловое измерение должно усиливать, а не подменять клиническую и правовую логику [12; 18; 19].

5. Временность, нарратив и надежда: от травмы к жизненному проекту. Лишение свободы резко меняет структуру времени. Нарушается «обычная» темпоральность, и человек начинает жить в режиме ожидания и реминисценции. Феноменологическая психопатология указывает, что переживание времени связано с чувством смысла и ответственности, а реабилитация требует переработки вины, стыда и травмы в нарратив, допускающий будущее [4; 14]. Исследова-

ния «нарративной реконверсии» показывают, что создание биографии с опорой на труд, обучение, семью и признание может стать клинико-социальным фактором снижения деструктивной тревоги и агрессии [7; 11]. В этой перспективе религиозная и иная смыслопорождающая практика может служить ресурсом рефлексии и надежды, если встроена в индивидуальный план лечения с соблюдением добровольности и правовых гарантий [12; 18; 19].

6. Философия практики: биопсихосоциокультурный синтез как принцип организации помощи. Биопсихосоциокультурная модель — не просто «четвёртое звено» к биопсихосоциальной парадигме, а философия практики, согласно которой истина лечения формируется в «между» клинических фактов, субъективного смысла и культурного порядка повседневности [1; 5; 6]. Практически это выражается в персонализированной фармакотерапии, когнитивно-поведенческих и мотивационных техниках, диалоговых форматах и антропологически взвешенном устройстве среды, где новая роль осуждённого поддерживается реальными возможностями труда, учёбы и признания [2; 6; 9; 11]. Такой синтез соотносит клинику с правом, минимизирует этические конфликты и повышает предсказуемость поведенческих исходов и качество преемственности на этапе подготовки к освобождению [2; 8; 10].

Заключение. Философский взгляд на пениitenciарную психиатрию подчёркивает, что речь идёт не о «медицине в тюрьме», а о целостной практике, где клиническая истина соизмеряется с онтологией болезни, антропологией института, эпистемологией процедуры и аксиологией достоинства. Биопсихосоциокультурная рамка предлагает понятный язык для согласования этих измерений и задаёт принцип эволюционной модернизации: укреплять доказательную клинику, заботиться о «этике повседневности», развивать диалоговые формы и культурно валидную организацию среды, не нарушая проверенные временем институты и правовые гарантии [1; 2; 3; 5; 6; 10; 11]. В практическом отношении это означает, что субъектность пациента должна становиться не только терапевтической целью, но и организационным принципом, а философия — инструментом рефлексии, помогающим удерживать баланс между безопасностью и милосердием, медицинской необходимостью и правом, традицией и открытостью будущему.

Список литературы:

[1] Engel G.L. The need for a new medical model: a challenge for biomedicine. *Science*. 1977;196(4286):129–136.

[2] Всемирная организация здравоохранения. *Mental health in prisons*.

[3] Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Anchor; 1961.

[4] Jaspers K. *General Psychopathology*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press; 1997 (1913).

[5] Canguilhem G. *Le Normal et le Pathologique*. Paris: PUF; 1966.

[6] Beauchamp T.L., Childress J.F. *Principles of Biomedical Ethics*. 7th ed. Oxford: OUP; 2013.

[7] Maruna S., Wilson L., Curran K. Why God Is Often Found Behind Bars: Prison Conversions and the Crisis of Self-Narrative. *Research in Human Development*. 2006;3:161–184.

[8] Искандаров, Р. Р. Специфические факторы пенитенциарной среды в формировании химических аддикций / Р. Р. Искандаров, Д. Е. Дикопольцев // Наркология. — 2025. — Т. 24, № 4. — С. 58-63. — DOI 10.25557/1682-8313.2025.04.58-63. — EDN RYVTVX.

[9] Blevins K.R., Listwan S.J., Cullen F.T. The RNR principles: applications in correctional settings. *Federal Probation*. 2010;74(2):10–17.

[10] Федеральный закон РФ № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» от 02.07.1992 (с изм.).

[11] Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: ИТПК; 2003.

[12] Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение. М.: София; 2020.

[13] Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage; 1977 (1975).

[14] Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс; 1990.

[15] Newberg A.B., d'Aquili E.G., Rause V. *Why God Won't Go Away: Brain Science and the Biology of Belief*. New York: Ballantine; 2001.

[16] Pont J., Stöver H., Wolff H. *Dual Loyalty in Prison Health Care*. 2012.

[17] Prochaska J.O., DiClemente C.C. Stages and processes of self-change of smoking. *J Consult Clin Psychol*. 1983;51(3):390–395.

References:

[1] Engel G.L. The need for a new medical model: a challenge for biomedicine. *Science*. 1977;196(4286):129–136.

[2] Vsemirnaya organizaciya zdra-vookhraneniya. *Mental health in prisons*.

[3] Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Anchor; 1961.

[4] Jaspers K. *General Psychopathology*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press; 1997 (1913).

[5] Canguilhem G. *Le Normal et le Pathologique*. Paris: PUF; 1966.

[6] Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of Biomedical Ethics. 7th ed. Oxford: OUP; 2013.

[7] Maruna S., Wilson L., Curran K. Why God Is Often Found Behind Bars: Prison Conversions and the Crisis of Self-Narrative. Research in Human Development. 2006;3:161–184.

[8] Iskandarov, R. R. Specificheskies faktory penitentsiarnoj sredy v formirovanii khimicheskikh addikcij / R. R. Iskandarov, D. E. Dikopol'cev // Narkologiya. – 2025. – T. 24, № 4. – S. 58-63. – DOI 10.25557/1682-8313.2025.04.58-63. – EDN RYVTVX.

[9] Blevins K.R., Listwan S.J., Cullen F.T. The RNR principles: applications in correctional settings. Federal Probation. 2010;74(2):10–17.

[10] Federal'nyj zakon RF № 3185-1 «O psikhiatricheskoj pomoshchi i garantiyakh prav grazhdan pri eyo okazanii» ot 02.07.1992 (s izm.).

[11] Makarenko A.S. Pedagogicheskaya poehma. M.: ITRK; 2003.

[12] Rozenberg M. Yazyk zhizni. Nenasil'stvennoe obshchenie. M.: Sofiya; 2020.

[13] Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage; 1977 (1975).

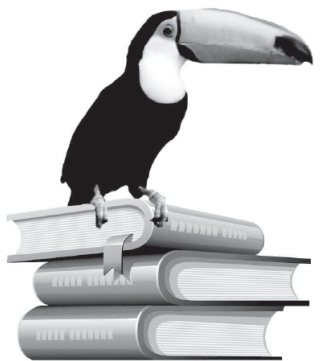
[14] Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. M.: Progress; 1990.

[15] Newberg A.B., d'Aquili E.G., Rause V. Why God Won't Go Away: Brain Science and the Biology of Belief. New York: Ballantine; 2001.

[16] Pont J., Stöver H., Wolff H. Dual Loyalty in Prison Health Care. 2012.

[17] Prochaska J.O., DiClemente C.C. Stages and processes of self-change of smoking. J Consult Clin Psychol. 1983;51(3):390–395.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-300-304

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

АСПЕКТЫ КОМПЕТЕНТНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ, СОВЕРШИВШИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В материалах публикации приводятся данные ряда проведенных исследований в области пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики, свидетельствующие о сложности и многозначности содержательных аспектов вопроса компетентности пенитенциарных психологов в реализации психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере. К числу конкретных вопросов, определяющих содержательные аспекты рассматриваемого в публикации проблемного вопроса, относятся, прежде всего, вопрос алгоритма реализации эффективной психокоррекционной работы, реализуемой посредством проведения тренингов, с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере.

Целью статьи определяется установление содержательных аспектов компетентности пенитенциарных психологов в реализации психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере. Соответственно, разрешению подлежат следующие задачи: установление компетентностных аспектов пенитенциарных психологов в разработке в рамках группы участников тренинговых занятий правил проведения тренинга, а также в существующих общеустановленных и апробированных норм группового взаимодействия в процессе тренинга; формирование соблюдения психологом своей работе ряда общеизвестных, но обязательных к исполнению правил проведения тренинга; формирование способности пенитенциарных психологов к проработке личностных смыслов, системы ценностей и личностных ценностных конструктов осужденных, рассматриваемой категории. Рабочие гипотезы исследования: сформированные в группе участников тренинговых занятий правила проведения тренинга, а также существующие общеустановленные апробированные нормы группового взаимодействия в процессе тренинга способствуют оптимальному характеру проведения психокоррекционной работе с осужденными за преступления в экономической сфере; оптимальность работы ведущего тренинга психолога зависит от соблюдения им в своей работе ряду общеизвестных, но обязательных к исполнению правил; успешность формирования компетентности пенитенциарных психологов, при реализации психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления, определяется от способности проработки личностных смыслов, системы ценностей и личностных ценностных конструктов осужденных, рассматриваемой категории. Результаты исследования – установлены основные аспекты компетентности пенитенциарных психологов, актуальные для реализации психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере и представляющие, прежде всего направления диагностики и проработки личностных смыслов осужденных.

Ключевые слова: психокоррекционная работа, компетентность, осужденные, система ценностей, психодиагностика, тренинг, профилактика, социальная адаптация, психологи.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher
FKU Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia

ASPECTS OF COMPETENCE IN THE IMPLEMENTATION OF PSYCHOCORRECTIONAL WORK WITH CONVICTS WHO HAVE COMMITTED CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE

Annotation. *The publication materials present data from a number of studies conducted in the field of penitentiary psychology and penitentiary pedagogy, indicating the complexity and ambiguity of the substantive aspects of the issue of the competence of penitentiary psychologists in the implementation of psychocorrectional work with convicts who have committed crimes in the economic sphere. The specific issues that determine the substantive aspects of the problematic issue considered in the publication include, first of all, the issue of the algorithm for implementing effective psychocorrectional work, implemented through training, with convicts who have committed crimes in the economic sphere. The purpose of the article is to establish the substantive aspects of the competence of penitentiary psychologists in the implementation of psychocorrectional work with convicts who have committed crimes in the economic sphere. Accordingly, the following tasks are subject to resolution: establishing the competence aspects of penitentiary psychologists in the development of rules for conducting training within the group of participants in training sessions, as well as in the existing generally established and tested norms of group interaction during the training; the formation of the psychologist's compliance with a number of well-known but mandatory rules for conducting training; the formation of the ability of penitentiary psychologists to work through personal meanings, a value system and personal value constructs of convicts of the category under consideration. Working hypotheses of the study: the rules for conducting training formed in the group of participants in training sessions, as well as the existing generally established and tested norms of group interaction during the training contribute to the optimal nature of psychocorrectional work with convicts for crimes in the economic sphere; the optimality of the work of the leading psychologist depends on his compliance with a number of well-known but mandatory rules in his work; the success of the formation of the competence of penitentiary psychologists, when implementing psychocorrectional work with convicts who have committed crimes, is determined by the ability to work through personal meanings, a value system and personal value constructs of convicts of the category under consideration. The results of the study - the main aspects of the competence of penitentiary psychologists have been established, which are relevant for the implementation of psychocorrectional work with convicts who have committed crimes in the economic sphere and represent, first of all, the directions of diagnostics and development of personal meanings of convicts.*

Key words: *psychocorrectional work, competence, convicts, value system, psychodiagnostics, training, prevention, social adaptation, psychologists.*

Введение. Особое значение для реализации эффективной психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере имеют вводные психологические задания, в рамках которых происходит знакомство участников совместной группы (работы), а также обсуждаются условия такой работы [3, с. 132; 7, с. 85]. Целью таких вводных психологических заданий является знакомство, формирование представлений о принципах работы с психологом и готовности группы к публичному самораскрытию. В ходе этого занятия происходит знакомство психолога с участником(ами) работы. Участники договариваются о правилах работы и намечается перспективная работа [1, с. 182; 6, с. 438].

Гипотезы исследования:

разработанные в рамках группы участников тренинговых занятий правила проведения тренинга, а также существующие общеустановлен-

ные апробированные нормы группового взаимодействия в процессе тренинга способствуют оптимальному характеру проведения психокоррекционной работе с осужденными за преступления в экономической сфере;

эффективность работы ведущего тренинг психолога зависит от соблюдения им в своей работе ряду общеизвестных, но обязательных к исполнению правил;

успешность формирования компетентности пенитенциарных психологов, при реализации психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления, определяется от способности проработки личностных смыслов, системы ценностей и личностных ценностных конструктов осужденных, рассматриваемой категории.

Целью статьи определение содержательных аспектов компетентности реализации психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере.

Задачи, направленные на достижение цели, определяют необходимость: установления компетентностных аспектов пенитенциарных психологов в разработке в рамках группы участников тренинговых занятий правил проведения тренинга, а также в существующих общеустановленных и апробированных норм группового взаимодействия в процессе тренинга; формирования соблюдения психологом своей работе ряда общеизвестных, но обязательных к исполнению правил проведения тренинга; формирование способности пенитенциарных психологов к проработке личностных смыслов, системы ценностей и личностных ценностных конструкторов осужденных, рассматриваемой категории.

Методы, методики, примененные в исследовании: анализ, индукция, синтез, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

В рамках вводных психологических заданий реализуется ряд конкретных упражнений [2, с. 35; 5, с. 71]. Например, в ходе выполнения упражнения «Самопрезентация» психолог поясняет осужденным, что то, чем они сейчас будут заниматься, позволит им в процессе тренинга взглянуть на себя другими глазами, поможет научиться в дальнейшем противостоять негативным факторам социальной среды после освобождения, сохранить свое психическое и физическое здоровье в процессе поиска работы. Но прежде всего ведущий выясняет мнение участников группы о том, что их волнует в области данных проблем. Далее происходит обсуждение намеченных вопросов.

Ведущим психокоррекционный процесс психологом, при реализации упражнения «Что такое благополучие?», предлагается участникам поразмышлять о том, что такое хорошая жизнь. Определяется, что думают осужденные, о том, что необходимо для того, чтобы их жизнь можно было назвать удавшейся? В ходе обсуждения этого упражнения ведущему важно сосредоточить внимание участников на цене, которую надо платить за достижение желаемого [4, с. 147].

Для установления границ доступности и обязательности в общении участников реализуется упражнение «Правила нашей группы». Цель данного упражнения – это установление границ доступности и обязательности в общении участников. Для этого необходимы, в том числе, определенные материалы. Необходим лист ватмана и фломастеры. Организационный момент: ведущий может иметь заготовленный плакат со стандарт-

ными правилами проведения тренинга. В процессе своего обращения ведущий обращает внимание участников на то, что началась реализация социально-психологического тренинга. Для того, чтобы он проходил более эффективно, необходимо соблюдение определенных правил. Осужденным предлагается выработать правила работы именно своей группы. Они должны подумать и определить для себя условия, при которых общение в группе будет наиболее продуктивным и комфортным. Каждый называет свое правило, и, если оно принимается всей группой, то оно записывается на листе ватмана.

Кроме разработанных в рамках группы участников правил проведения тренинга, существуют общеустановленные апробированные нормы группового взаимодействия, а в частности: доверительный стиль общения, формат общения «здесь и теперь», выражение чувств (нельзя говорить: «Я ничего не чувствую», или «Я чувствую себя нормально». Надо – «Я чувствую ...»), конфиденциальность в работе группы, запрет на оценку личности, активность участников, уважение говорящего.

В итоге подготовительной работы по началу тренинга психолог предлагает рассмотреть еще раз все предложенные правила, не противоречат ли они тем, которые мы разработали ранее. Ведущим уясняется все готовы следовать этим правилам. В результате формируется представление о том, что все правила приняты членами группы.

В это же самое время ведущему необходимо подробно объяснить участникам правила проведения тренинга. Во время обсуждения правил возможность высказаться предоставляется всем желающим, выслушиваются и обсуждаются все предложения и замечания. Сам ведущий в своей работе также следует ряду общеизвестных, но обязательных к исполнению правил:

1. в качестве первого шага к практике необходимо создание климата доверия,
2. ведущий должен быть достаточно искренним в общении. Для того, чтобы не породить конфликт в группе, необходимо ориентироваться только на позитивные гуманные формы общения. Не допускается вступать с участниками группы в конфликтные отношения,
3. ведущий должен уметь «заразить» участников группы своими активными положительными эмоциями,
4. не допускается обсуждение ведущим результатов работы группы вне тренинговой ситуации, подчеркивая тем самым соблюдение пра-

вил и ведущим. Исключение может составлять индивидуальная беседа вне группы с одним из участников по его согласию относительно его жизненных проблем,

5. ведущему необходимо поправить любого участника, если он начинает «скатываться» в область обсуждения личностных качеств других участников,

6. необходимо одинаково контактировать со всеми участниками, для того, чтобы у группы не сложилось мнение о том, что отношение ведущего к некоторым участникам более внимательное или лучшее;

7. ведущий должен быть активным участником, а не пассивным наблюдателем. Это, однако, не говорит о том, что ведущий должен участвовать во всех, выполняемых участниками, упражнениях. Он должен активно сопровождать группу, реагируя на результаты общения,

8. ведущий должен проявлять уважение к личности всех участников, независимо от индивидуальных особенностей.

Отметим, что особый акцент в формировании компетентности пенитенциарных психологов при реализации психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления

делается в направлении проработки личностных смыслов, системы ценностей и личностных ценностных конструкторов осужденных, рассматриваемой категории.

С целью разрешения важнейших вопросов у участников на начальном этапе проведения занятий проводится дискуссионное занятие на тему «Что такое жизненные ценности?». В рамках занятия обсуждаются вопросы: «Что такое жизненные ценности?», «Как формируются жизненные ценности?», «В какой степени они важны для каждого?», «В какой период жизни человека формируются жизненные ценности?», «Важны ли они для социального окружения?», «Какими способами удовлетворяются жизненные ценности и потребности?». В помощь тренера, проводящего занятия предоставляется лекционный материал «Что такое жизненные ценности?».

Типичными психотехниками, для направления проработки личностных смыслов осужденных, являются: «Мои ценности» и «Перцептивный сдвиг». Для выявления актуальных ценностей участников и возможности их позитивной коррекции, в процессе выполнения психотехники «Мои ценности» осужденным предлагается заполнить содержание *таблицы 1*.

Таблица 1

Мои жизненные ценности до преступления	Мои жизненные ценности в данный момент	Как изменятся мои жизненные ценности на свободе

Психотехника «Перцептивный сдвиг» предполагает заполнение участниками содержания *таблицы 2*.

Таблица 2

Мысль (убеждение)	Полезно или нет	Ваш лучший аргумент против этой мысли	Доказательство из вашего личного опыта, поддерживающее лучший аргумент

В первом столбце участник перечисляет свои мысли, вызывающие проявление негативных эмоций. Далее, оценив полезность таких мыслей, подбираются рациональные аргументы против этой мысли. В итоге, участник тренинга приводит доказательства из собственного анамнеза, подтверждая свои аргументы.

Выводы, заключение. Таковы основные аспекты компетентности пенитенциарных психологов, актуальные для реализации психокоррекционной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере и представляющие, прежде всего направления диагностики и проработки личностных смыслов осужденных.

Список литературы:

[1] Баимова Р.Р. Особенности фрустрации у подростков с девиантным поведением // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 3А. С. 182-193. DOI: 10.34670/AR.2021.90.40.019

[2] Вилкова А.В. Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних // Уголовно – исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 34-38.

[3] Ежова О. Н. Зарубежный опыт организации процесса ресоциализации осужденных к лишению свободы // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 132–136.

[4] Зауторова Э.В. Особенности воспитательной работы с осужденными за экономические преступления в местах лишения свободы // Образование и наука в России и за рубежом. – 2019. – № 1(49). – С. 147-151.

[5] Ильин И.В. Социально-демографические признаки личности экономического мошенника // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. - 2010. - №7. - С. 71.

[6] Караваев О.В., Субботина О.М. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с региональными органами власти по вопросам социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань, 2016. Т. 2. С. 437–440

[7] Хасанова, Г.М., Латыпова Л.Р. Социально-медицинская работа в пенитенциарных учреждениях // Социально-медицинская работа: состояние, проблемы и перспективы развития в современном обществе : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 23–24 ноября 2011 года / Ответственный редактор: Хасанова Г.М.. Том 2. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2011. – С. 84-86.

References:

[1] Baimova R.R. Osobennosti frustracii u podrostkov s deviantnym povedeniem // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2021. T. 10. № 3A. S. 182-193. DOI: 10.34670/AR.2021.90.40.019 (In Russ.).

[2] Vilkova A.V. Prichiny, usloviya, predposylki, faktory vozniknoveniya i razvitiya deviantnogo pove-

deniya nesovershennoletnih // Ugolovno – ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2018. № 2. S. 34-38. (In Russ.).

[3] Ezhova, O. N. Zarubezhnyj opyt organizacii processa resocializacii osuzhdennyx k lisheniyu svobody [Foreign experience in organizing the process of resocialization of convicts sentenced to imprisonment] // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. [Legal Bulletin of Samara University] – 2018. – Т. 4. – № 2. – P. 132–136. (In Russ.).

[4] Zautorova E.V. Osobennosti vospitatel'noj raboty s osuzhdennyimi za e'konomicheskie prestupleniya v mestax lisheniya svobody [Features of educational work with persons convicted of economic crimes in places of deprivation of liberty] // Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom. [Education and Science in Russia and Abroad.] – 2019. – № 1(49). – P. 147-151. (In Russ.).

[5] Il'in I.V. Social'no-demograficheskie priznaki lichnosti e'konomicheskogo moshennika [Socio-demographic characteristics of the personality of an economic fraudster] // Vestnik Akademii e'konomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia] - 2010. - №7. - P. 71. (In Russ.).

[6] Karavaev O.V., Subbotina O. M. Sovershenstvovanie form i mexanizmov vzaimodejstviya uchrezhdenij i organov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy s regional'nyimi organami vlasti po voprosam social'noj adaptacii osuzhdennyx [Subbotina O.M. Improving the forms and mechanisms of interaction between institutions and bodies of the penal system and regional authorities on issues of social adaptation of convicts] // Ugolovno-ispolnitel'naya politika i voprosy ispolneniya ugolovnyx nakazaniy [Penal policy and issues of execution of criminal penalties: collection of materials of the Int. scientific and practical. conf] : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ryazan', 24–25 noyab. 2016 g.): v 2 t. Ryazan', 2016. T. 2. P. 437–440. (In Russ.).

[7] Xasanova, G.M., Latypova L.R. Social'no-medicinskaya rabota v penitenciar'nyx uchrezhdeniyax [Social and medical work in penitentiary institutions] // Social'no-medicinskaya rabota: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya v sovremennom obshchestve : Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, [Social and medical work: state, problems and development prospects in modern society: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation] Ufa, 23–24 noyabrya 2011 goda / Otvetstvennyj redaktor: Xasanova G.M.. Tom 2. – Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2011. – P. 84-86. (In Russ.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-305-311

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР У ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Необходимо уточнить, что категориальные структуры индивидуального сознания как таковые самим лицом, совершаемым преступление в экономической сфере, как правило, не осознаются и не рефлексированы. Обстановочная и пусковая афферентация стимулов, доминирующая мотивация, самооправдательные механизмы, позволяющие принимать определенные решения через реализацию программы преступного поведения и акцептор результата действия порождают обстоятельства, которые не могут быть выявлены, как показала практика, стандартным психолого-диагностическим инструментарием (анкетами, тестами, опросниками).

Целью статьи является интерпретация результатов факторного анализа, посвященного семантическим категориальным структурам у лиц, совершивших преступления в экономической сфере.

Для реализации цели были сформулированы следующие задачи, к числу которых относятся: реализация исследования на уровне семантических категориальных структур у лиц, совершивших преступления в экономической сфере представляется; реализация в едином взаимодополняющем блоке, психолого-диагностических методов исследования семантического пространства: многофакторная матрица категориальных структур сознания, теста Рокича и личностный опросник Кеттелла «А»; интерпретация результатов, обусловленных поворотом факторных структур по правилу «varimax» и выделение девяти ортогональных факторов.

Методическим инструментарием, используемым в исследовании выступили: анализ, индукция, синтез, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Рабочие гипотезы исследования: осуществление исследования на уровне семантических категориальных структур у лиц, совершивших преступления в экономической сфере способствует определению системы жизненных ценностей осужденных, относящихся к исследуемой категории; использование психолого-диагностических методов исследования семантического пространства: многофакторная матрица категориальных структур сознания, теста Рокича и личностный опросник Кеттелла «А», способствует определению психокоррекционных мишеней работы психологов с этими осужденными; интерпретация результатов, обусловленных поворотом факторных структур по правилу «varimax» и выделение девяти ортогональных факторов способствует определению конкретных психодиагностических критериев.

Результаты исследования – формирование основания семантического пространства с учетом выделенных структур сознания способствовало выявлению специфики «картины мира» преступников, отбывающих уголовное наказание за совершение преступлений в экономической сфере.

Ключевые слова: семантические категориальные структуры, компетентность психолога, психодиагностика, тесты, диагностическая работа, с осужденные, экономические преступления, психокоррекция.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher
FKU Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia

RESULTS OF THE STUDY OF THE LEVEL OF SEMANTIC CATEGORICAL STRUCTURES IN PERSONS WHO COMMITTED CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE

Annotation. *It is necessary to clarify that the categorical structures of individual consciousness as such by the person committing a crime in the economic sphere, as a rule, are not realized and are not reflected upon. The situational and triggering afferentation of stimuli, dominant motivation, self-justifying mechanisms that allow making certain decisions through the implementation of the program of criminal behavior and the acceptor of the result of the action give rise to circumstances that cannot be identified, as practice has shown, by standard psychological diagnostic tools (questionnaires, tests, questionnaires). The purpose of the article is to interpret the results of factor analysis devoted to the semantic categorical structures of persons who have committed crimes in the economic sphere.*

To achieve the goal, the following tasks were formed, which include: the implementation of the study at the level of semantic categorical structures of persons who have committed crimes in the economic sphere is presented; implementation in a single complementary block of psychological and diagnostic methods for studying semantic space: a multifactorial matrix of categorical structures of consciousness, the Rokeach test and the Cattell personality questionnaire "A"; interpretation of the results due to the rotation of factor structures according to the "varimax" rule and the identification of nine orthogonal factors. The methodological tools used in the study were: analysis, induction, synthesis, deduction, interview, analysis of the practice of organizing educational work, generalization, observation, etc.

Working hypotheses of the study: the implementation of research at the level of semantic categorical structures in persons who have committed crimes in the economic sphere helps to determine the system of life values of convicts belonging to the studied category; the use of psychological and diagnostic methods for studying semantic space: a multifactorial matrix of categorical structures of consciousness, the Rokeach test and the Cattell personality questionnaire "A" helps to determine the psychocorrectional targets of the work of psychologists with these convicts; interpretation of the results, caused by the rotation of factor structures according to the "varimax" rule and the allocation of nine orthogonal factors contributes to the definition of specific psychodiagnostic criteria.

Results of the study - the formation of the basis of the semantic space, taking into account the identified structures of consciousness, contributed to the identification of the specifics of the "picture of the world" of criminals serving a criminal sentence for committing crimes in the economic sphere.

Key words: *semantic categorical structures, competence of a psychologist, psychodiagnostics, tests, diagnostic work, with convicts, economic crimes, psychocorrection.*

Введение. Отметим, что категориальные структуры индивидуального сознания как таковые самим лицом, совершаемым преступление в экономической сфере, как правило, не осознаются и не рефлексированы [4, с. 12; 6, с. 8; 8, с. 283]. Обстановочная и пусковая афферентация стимулов, доминирующая мотивация, самооправдательные механизмы, позволяющие принимать определенные решения через реализацию программы преступного поведения и акцептор результата действия порождают обстоятельства, которые не могут быть выявлены, как показала практика, стандартным психолого-диагностическим инструментарием (анкетами, тестами, опросниками). Личность, совершающая преступления в

сфере экономической деятельности, более сложна в когнитивном и других отношениях, чем, например, «обычный» убийца, насильник, хулиган [1, 3, 9].

Гипотезы исследования:

реализация исследования на уровне семантических категориальных структур у лиц, совершивших преступления в экономической сфере способствует определению системы жизненных ценностей осужденных, относящихся к исследуемой категории;

использование в едином взаимодополняющем блоке, психолого-диагностических методов исследования семантического пространства: мно-

гофакторная матрица категориальных структур сознания, теста Рокича и личностный опросник Кеттелла «А»;

интерпретация результатов, обусловленных поворотом факторных структур по правилу «varimax» и выделение девяти ортогональных факторов.

Цель статьи является интерпретация результатов факторного анализа, посвященного семантическим категориальным структур у лиц, совершивших преступления в экономической сфере.

Задачи статьи:

реализация исследования на уровне семантических категориальных структур у лиц, совершивших преступления в экономической сфере представляется;

реализация в едином взаимодополняющем блоке, психолого-диагностических методов исследования семантического пространства: многофакторная матрица категориальных структур сознания, теста Рокича и личностный опросник Кеттелла «А»;

интерпретация результатов, обусловленных поворотом факторных структур по правилу «varimax» и выделение девяти ортогональных факторов.

К числу **методов, методик**, использованных в исследовании, относятся: анализ, индукция, синтеза, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

Исследования на уровне семантических категориальных структур у лиц, совершивших преступления в экономической сфере представляется наиболее перспективным направлением современной психологической диагностики [2. с. 35; 5, с. 77].

Наиболее оптимальным решением выявления психокоррекционных мишеней данной категории осужденных являются, представленные в едином взаимодополняющем блоке, психолого-диагностические методы исследования семантического пространства: многофакторная матрица категориальных структур сознания, теста Рокича и личностный опросник Кеттелла «А».

Формирование основания семантического пространства с учетом выделенных структур

сознания способствовало выявлению специфики «картины мира» преступников, отбывающих уголовное наказание за совершение преступлений в экономической сфере.

Факторный анализ является значимым действием в алгоритме статистико-математической интерпретации итогов психосемантического изучения. По математической функции факторный анализ обеспечивает снижение размерности пространства, а по психологической функции это действие служит интеграции шкал по группам-факторов с сходными значениями, где группа понимается как обобщенная шкала, являющаяся объективной оценкой категории для индивида [7].

На практике тестируемому предстоит дать оценку согласно содержания матрицы только наиболее близким по смыслу шкалам, значимым для практики его жизни. Всего в стандартизированной матрице семьдесят семь шкал. В результате определяется небольшое количество категорий оценки. Полученные данные формируют картину иерархического соотношения смысловых категорий осужденного за совершение преступлений в экономической сфере.

Совокупность шкал равноправна в исходной матрице, но посредством факторного анализа формируется совокупность категорий по убыванию количества шкал, интегрированных в фактор, выявляя иерархию важности для тестируемого. Это важный итог, который формирует картину системы отношений тестируемого.

Итогом интерпретации результатов, обусловленных поворотом факторных структур по правилу «varimax», стало выделение девяти ортогональных факторов. Столь большое количество выделенных факторов может говорить только о том, что осужденные за совершение преступлений в экономической сфере имеют весьма высокий образовательный уровень, во всяком случае более высокий, чем у иных категорий осужденных, относящихся к насильственному типу преступников, например.

Далее, нам предстоит анализ значений нескольких факторов и шкал, в них входящих.

Два полюса принадлежит первому фактору (11% дисперсии): полюс положительный — это «Ответственность, самостоятельность»; полюс отрицательный — это «Агрессивность» (см. таблицу 1).

Таблица № 1. Показатели фактора «Ответственность»,
«самостоятельность» и «Агрессивность»

1	Умение держать слово	,771
2	Умение принимать решения	,710
3	Способность действовать самостоятельно	,705
4	Занимать позицию невмешательства	,682
5	Надеяться только на себя	,674
6	Хорошие манеры	,650
7	Умение ладить с людьми	,635
8	Уверенность в себе	,621
9	Решительность	,539
10	Нужны способности	,524
11	Хорошее образование	,514
12	Нужна настойчивость	,457
13	Признание себя как личности	,420
14	////////////////////////////////////	////////////////////////////////
15	Злопамятность	-,495
16	Конфликтность	-,469
17	Злость	-,453
18	Нетерпимость к людям	-,408
19	Принимать свои слабости	-,403

Мы можем отметить, что первые места в иерархии шкал принадлежит шкалам, которые относятся к «Ответственности» и «Самостоятельности».

Таблица № 2. «Удача и образование»

1	Нужна удача	,698
2	Хорошее образование	,696
3	Нужны связи	,676

4	Много работать (трудолюбие)	,671
5	Интересная работа	,651
6	Помощь государства	,632
7	Нужен опыт	,626
8	Находчивость	,605
9	Нужно дополнительное образование	,601
10	Дополнительные знания	,549
11	Необходимо много читать	,547
12	Умение приспособиться	,437
13	Зависть	,403

Первую позицию выбора осужденных занимает шкала, характеризующая самостоятельность и ответственность. На уровне первого фактора располагается шкала «хорошее образование», определяя, таким образом, что тестируемые осужденные осознают значимость знаний и образования в целом. Показатели второго фактора «Удача и образование» наиболее выделяются объекты «иметь собственный бизнес», «стать известным», «построить карьеру», «стать квалифицированным специалистом», «зарабатывать достаточно денег», «иметь работу». Противостоят этим объектам следующие: «научиться управлять собой», «иметь сильный характер». Из этого следует, что осужденные осознают важность образования для карьерного роста и работы, но недоо-

ценивают его для работы над собой. Рассмотрим положение объектов в семантическом пространстве относительно друг друга. На значительном расстоянии друг от друга находятся объекты «иметь семью», «иметь одного сексуального партнера», «встретить любимого человека», «иметь детей». Это свидетельствует о том, что эти понятия не взаимосвязаны в сознании осужденных. Причем по фактору «Удача и образование» значения всех перечисленных объектов не сильно отличаются между собой. А по фактору «Ответственность, самостоятельность» различие существенное. Менее всего ответственность необходима для того, чтобы «иметь одного сексуального партнера».

Таблица № 3. «Агрессивность»

1	Конфликтность	,752
2	Умение отомстить	,696
3	Отчаяние	,649
4	Лень	,635
5	Скрытность	,624
6	Умение обойти закон	,535
7	Эгоизм	,534

8	Страх	,496
9	Умение рисковать	,481
10	Нетерпимость к людям	,416

Выводы, заключение.

Резюмируя итоги проведенного исследования, отметим, что наиболее перспективным направлением современной психологической диагностики в сфере изучения личности осужденных, отбывающих наказание за преступления в экономической сфере является исследование на уровне семантических категориальных структур у лиц, совершивших преступления изучаемой категории. Формирование основания семантического пространства с учетом выделенных структур сознания способствовало выявлению специфики «картины мира» преступников, отбывающих уголовное наказание за совершение преступлений в экономической сфере.

Список литературы:

- [1] Баимова Р.Р. Особенности фрустрации у подростков с девиантным поведением // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 3А. С. 182-193. DOI: 10.34670/AR.2021.90.40.019
- [2] Вилкова А.В. Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних // Уголовно – исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 34-38.
- [3] Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Агрессия и психическое здоровье. – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 2002. 464 с.
- [4] Змановская Е.В. Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. 352 с.
- [5] Кулакова С.В. Профессиональное выгорание психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: история феномена, анализ актуальной проблематики, направления профилактики // Педагогика и современное образование : Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования, Санкт-Петербург, 08 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2022. – С. 76-80.
- [6] Кровяков В.М. Психотравматология. Психическая травма, психогении в этиопатогенетиче-

ских механизмах развития психических расстройств: монография. – Екатеринбург, 2006. С. 10.

[7] Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. – М: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2003. 96 с.

[8] Соколов В.А. Криминальная агрессия в контексте обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних // Органы государственной власти в системе правоохранительной деятельности на современном этапе : Сборник научных трудов II Национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 декабря 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2019. – С. 281-284.

[9] Шмаонова Л.М. Возможности эпидемиологического метода и некоторые результаты популяционного исследования шизофрении // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1983. Т. 83, № 5. С. 707-716.

References:

- [1] Baimova R.R. Osobennosti frustracii u podrostkov s deviantnym povedeniem // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2021. T. 10. № 3A. S. 182-193. DOI: 10.34670/AR.2021.90.40.019
- [2] Vilkova A.V., Holopova E.Yu. Stressogennost': psihotravmiruyushchie pedagogicheskie faktory // Perspektivy nauki. – 2021. – № 12(147). – S. 95-97. (In Russ.).
- [2] Vilkova A.V. Prichiny, usloviya, predposylki, faktory vznikeniya i razvitiya deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih // Ugolovno – ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2018. № 2. S. 34-38. (In Russ.).
- [3] Dmitrieva T.B., Shostakovich B.V. Agressiya i psihicheskoe zdorov'e. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr press, 2002. 464 s. (In Russ.).
- [4] Zmanovskaya E.V. Rybnikov V.Yu. Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy: Uchebnoe posobie. – Sankt-Peterburg: Piter, 2011. 352 s. (In Russ.).
- [5] Kulakova S.V. Professional'noe vygoranie psihologov ugolovno-ispolnitel'nykh sistema Rossijskoj Federacii: istoriya fenomena, analiz aktual'noj problematiki, napravleniya profilaktiki // Pedagogika i sovremennoe obrazovanie : Materialy Vserossijskoj

nauchno-prakticheskoy konferencii aspirantov, soiskatelej, doktorantov, nauchnyh rukovoditelej, molodyh uchenyh, specializiruyushchihsya v oblasti obrazovaniya, Sankt-Peter'urg, 08 iyunya 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya, 2022. – S. 76-80. (In Russ.).

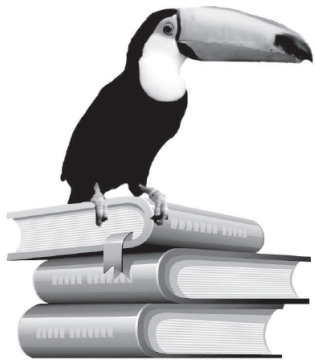
[6] Krovyakov V.M. Psihotravmatologiya. Psihicheskaya travma, psihogenii v etiopatogeneticheskikh mekhanizmakh razvitiya psihicheskikh rasstrojstv: monografiya. – Ekaterinburg, 2006. S. 10. (In Russ.).

[7] Semenyuk L.M. Psihologicheskie osobennosti agressivnogo povedeniya podrostkov i usloviya ego korrekcii. – M: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, Flinta, 2003. 96 s. (In Russ.).

[8] Sokolov V.A. Kriminal'naya agressiya v kontekste obespecheniya i zashchity prav, svobod i zakonnyh interesov nesovershennoletnih // Organy gosudarstvennoj vlasti v sisteme pravozashchitnoj deyatel'nosti na sovremennom etape : Sbornik nauchnyh trudov II Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 21 dekabrya 2018 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet tekhnologij upravleniya i ekonomiki, 2019. – S. 281-284. (In Russ.).

[9] Shmaonova L.M. Vozmozhnosti epidemiologicheskogo metoda i nekotorye rezul'taty populyacionnogo issledovaniya shizofrenii // Zhurnal nevropatologii i psichiatrii im. S.S. Korsakova. 1983. T. 83, № 5. S. 707-716. (In Russ.).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-312-315

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

СТЕПАНОВ Роман Иванович,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры иностранных языков,

Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: stepanov_ri@urgau.ru

СОРОКИНА Наталья Ивановна,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры иностранных языков,

Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sorokina_na@urgau.ru

МАКАРОВА Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков,

Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: makarova_tn@urgau.ru

ВОЛКОВА Светлана Александровна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков,

Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: volkova_sa@urgau.ru

ШАКИРОВА Елизавета Романовна,

преподаватель кафедры иностранных языков,

Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: shakirova_er@urgau.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ О СИСТЕМЕ ДЕЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Аннотация. Мотивация студентов на изучение дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации» включает в себя элемент исследования системы деловых коммуникаций в сельском хозяйстве. В статье анализируются система деловых коммуникаций в сельском хозяйстве как таковая, а также представление о ней, сложившаяся у современных студентов. Результаты исследования показывают, что студенты несколько идеализируют сложившуюся систему взаимодействия современных представителей сельского хозяйства, тем не менее осознают, ценность работы по распространению знаний об установлении каналов связи, напрямую связанных с качеством процесса обмена информацией и влиянием ее на эффективность развития фермерских хозяйств.

Ключевые слова: коммуникация, система деловых коммуникаций, каналы связи, сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, агропромышленный комплекс.

STEPANOV Roman Ivanovich,

Associate Professor,

Department of Foreign Languages,

Ural State Agrarian University

SOROKINA Natalia Ivanovna,

Associate Professor,

Department of Foreign Languages,

Ural State Agrarian University

MAKAROVA Tatyana Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

VOLKOVA Svetlana Aleksandrovna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

SHAKIROVA Elizaveta Romanovna,
Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

MODERN STUDENTS' PERCEPTION OF THE BUSINESS COMMUNICATION SYSTEM IN AGRICULTURE

Annotation. *Students' motivation to study the discipline "Speech culture and business communication" includes the element of research of the business communication system in agriculture. The article analyzes the business communication system in agriculture, as well as the perception of it that has developed among modern students. The results of the study show that students quite idealize the existing system of interaction between modern representatives of agriculture, however, they realize the value of work on disseminating knowledge about establishing communication channels directly related to the quality of the information exchange process and its impact on the effectiveness of farm development.*

Key words: *communication, business communication system, communication channels, agriculture, agricultural products, agro-industrial complex.*

Для состоявшихся работников аграрного сектора (полностью вовлеченных в процесс производства сельскохозяйственной продукции или ее реализации) их деятельность является не просто работой или бизнесом, а, практически, образом жизни. Планирование, бухгалтерия, производство, затраты личных физических и умственных усилий, анализ результатов деятельности, взаимодействие с организациями и партнерами и так далее и тому подобное – требует от человека полной самоотдачи и включенности в процесс. В подобной ситуации представитель аграрного сектора является не просто субъектом обычного делового общения, а всецело растворен в среде потребления, обмена и распространения различных знаний и данных.

На микроуровне мы привыкли воспринимать сельское хозяйство как людей «пашущих, сеющих, поливающих, пропалывающих, жнущих, собирающих, заготавливающих» и т.п.). Но на самом деле – это еще и пользование различными видами энергий, учет биологического разнообразия, стремление к продовольственной независимости, своевременное реагирование на изменение климата и многое другое. Отсюда возникает и макроуровень делового общения – взаимодействие с правительственными и общественными организациями на уровне страны и зарубежья, выстраивание и сопровождение цепочек поставок продукции, реализация товара и так далее.

В Уральском государственном университете нами был проведен опрос среди студентов первого курса, которым были заданы следующие вопросы.

1. Как сегодня люди воспринимают агропромышленность? Как соотносят себя с ней?
2. Что думают о проблемах, связанных с изменением климата и сельскохозяйственным сектором?
4. Есть ли у них четкое понимание того, что происходит в данной сфере?
5. Какую роль во всем этом играют непосредственно фермеры? И ряд других вопросов.

Ниже приведем результаты анализа мнения студентов о системе деловых коммуникаций в сельском хозяйстве.

Студенты отмечают, что современные фермеры читают научные статьи по направлению, которым они занимаются (ответы представлены в процентах от количества опрошенных). 90 процентов утверждают о том, что это именно так. Еще 10 процентов предполагают этот факт. В своих пояснениях обучающиеся утверждают, что современная наука предлагает сегодня результаты исследований, которые позволяют фермерам организовать свою работу максимально эффективно.

По мнению студентов современные фермеры доверяют цифровым технологиям, поэтому читают научные статьи, используя социальные сети.

Современные студенты уверены, что фермеры пользуются социальными сетями в своих профессиональных целях. Так считают 94 процента респондентов. Уровень развития современной аграрной науки не равномерно распределен в разных странах. Потому такие контакты являются насущной явлением.

Меньше всего информации студенты представили по вопросу возможного взаимодействия фермеров и журналистов и интересами фермеров темами, не связанными непосредственно с их деятельностью?

Более полная информация содержится в Таблице 1.

Таблица 1. Мнение студентов о деловых коммуникациях современных фермеров

Читают ли современные фермеры научные статьи по направлению, которым они занимаются?	
Да, я точно знаю	90
Я предполагаю: скорее да, чем нет	10
Затрудняюсь ответить, точно не знаю	0
Я предполагаю: скорее нет, чем да	0
Нет, я точно знаю	0
Доверяют ли современные фермеры цифровым технологиям?	
Да, я точно знаю	82
Я предполагаю: скорее да, чем нет	18
Затрудняюсь ответить, точно не знаю	0
Я предполагаю: скорее нет, чем да	0
Нет, я точно знаю	0
Читают ли современные фермеры научные статьи по направлению, которым они занимаются	
Да, я точно знаю	94
Я предполагаю: скорее да, чем нет	6
Затрудняюсь ответить, точно не знаю	0
Я предполагаю: скорее нет, чем да	0
Нет, я точно знаю	0
Общаются ли современные фермеры с журналистами, по вопросам направления, которым они занимаются?	
Да, я точно знаю	28
Я предполагаю: скорее да, чем нет	60
Затрудняюсь ответить, точно не знаю	12
Я предполагаю: скорее нет, чем да	0
Нет, я точно знаю	0
Интересуются ли современные фермеры темами, которые не связаны непосредственно с их деятельностью?	
Да, я точно знаю	6
Я предполагаю: скорее да, чем нет	10
Затрудняюсь ответить, точно не знаю	0
Я предполагаю: скорее нет, чем да	20
Нет, я точно знаю	64

Дисциплину «Культура речи и деловые коммуникации» студенты Уральского государственного аграрного университета начинают изучать с первого курса. К концу обучения они владеют информацией, основанной нами на исследовании различных источников по заявленной нами теме статьи:

1. Деловые коммуникации в сельском хозяйстве представляют из себя сложную систему.

2. Условия конкурентной борьбы между предприятиями аграрного сектора очень высока.

3. Для эффективного функционирования требуются самые различные каналы и многочисленные формы взаимодействия [4].

4. Они имеют представление о том, на каких сайтах можно найти современную информацию о новостях аграрного рынка (agrobook.ru; rep.bsatu.by; cyberleninka.ru и другие) [1].

При изучении важности делового взаимодействия и способах ее осуществления студенты активно обращаются к учебной литературе, разработанной преподавателями самых разных регионов страны [2; 3; 5].

Поэтому по итогам обучения студенты получают представление о том, какие бывают каналы связи:

- отраслевые выставки;
- средства массовой информации;
- маркетплейсы;
- дилерские сети.

Что каналы коммуникации бывают внутренние и внешние.

Что формами делового общения чаще всего являются индивидуальные и групповые беседы, переговоры, собрания, совещания, дискуссии и другие.

Таким образом, следует отметить, что, имея несколько идеализированное представление о сложившейся системе взаимодействия современных представителей сельского хозяйства, студенты в итоге коррелируют его с реальным положением дел в этом явлении и осознают ценность работы по распространению знаний об установлении каналов связи, и влиянием ее на эффективность развития фермерских хозяйств.

Список литературы:

- [1] Богданова, Ю. З. Использование инновационных технологий обучения в формировании культуры коммуникативных качеств речи у студентов аграрного вуза / Ю. З. Богданова // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 3. – С. 202-210. – DOI 10.18522/2070-1403-2021-86-3-202-210.
- [2] Борина, Н. П. Дисциплина «Русский язык и культура речи» как элемент подготовки специа-

листов в области сельского хозяйства / Н. П. Борина, Л. И. Юревич // Вестник АПК Верхневолжья. – 2018. – № 2(42). – С. 3-6.

[3] Зорина, Е. Б. Технология формирования профессионально-речевой культуры у студентов аграрного университета / Е. Б. Зорина. – Ставрополь : Издательство «АГРУС», 2006. – 140 с. – ISBN 5-9596-0281-4.

[4] Новикова, Т. С. К вопросу о развитии современных систем коммуникации в сельском хозяйстве / Т. С. Новикова, И. Е. Булацел // Место и роль аграрной науки в обеспечении продовольственной безопасности страны : сборник материалов международной научной конференции, Смоленск, 09 декабря 2022 года. – Смоленск: ФГБОУ ВО Смоленская ГСХА, 2022. – С. 158-161.

[5] Ротенко, Л. А. Особенности преподавания культуры русской речи в аграрном вузе / Л. А. Ротенко // Доклады ТСХА : Сборник статей, Москва, 01 января – 31 2012 года. Том Выпуск 283, Часть II. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2012. – С. 580-582.

References:

- [1] Bogdanova, Yu. Z. Ispol'zovanie innovatsionnykh tekhnologii obucheniia v formirovanii kul'tury kommunikativnykh kachestv rechi u studentov agrarnogo vuza / Yu. Z. Bogdanova // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. – 2021. – № 3. – S. 202-210. – DOI 10.18522/2070-1403-2021-86-3-202-210.
- [2] Borina, N. P. Distsiplina «Russkii iazyk i kul'tura rechi» kak element podgotovki spetsialistov v oblasti sel'skogo khoziaistva / N. P. Borina, L. I. Iurevich // Vestnik APK Verkhnevolzh'ia. – 2018. – № 2(42). – S. 3-6.
- [3] Zorina, E. B. Tekhnologiya formirovaniia professional'no-rechevoi kul'tury u studentov agrarnogo universiteta / E. B. Zorina. – Stavropol' : Izdatel'stvo "AGRUS", 2006. – 140 s. – ISBN 5-9596-0281-4.
- [4] Novikova, T. S. K voprosu o razvitiі sovremennykh sistem kommunikatsii v sel'skom khoziaistve / T. S. Novikova, I. E. Bulatsel // Mesto i rol' agrarnoi nauki v obespechenii prodovol'stvennoi bezopasnosti strany : sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Smolensk, 09 dekabria 2022 goda. – Smolensk: FGBOU VO Smolenskaia GSKhA, 2022. – S. 158-161.
- [5] Rotenko, L. A. Osobennosti prepodavaniia kul'tury russkoi rechi v agrarnom vuze / L. A. Rotenko // Doklady TSKhA : Sbornik statei, Moskva, 01 ianvaria – 31 2012 goda. Tom Vypusk 283, Chast' II. – Moskva: Rossiiskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet - MSKhA im. K.A. Timiriacheva, 2012. – S. 580-582.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-316-320

ВИЛЬДАНОВА Марина Михайловна,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
центра частного права Института
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОМОВ БЛОКИРОВАННОЙ ЗАСТРОЙКИ В РОССИИ

Аннотация. В статье автор рассматривает особенности правового регулирования домов блокированной застройки.

Ранее в российской практике использовался термин «таунхаус», однако с введением в действие 1 марта 2022 г. изменений в Градостроительный и Жилищный кодексы Российской Федерации было введено определение домов блокированной застройки.

Согласно этому определению дом блокированной застройки – жилой дом, блокированный с другим жилым домом/другими жилыми домами без проемов и имеющий отдельный выход на земельный участок. Дом блокированной застройки состоит из комнат и помещений вспомогательного использования, которые предназначены для удовлетворения гражданами их потребностей. Такое жилье не предназначено для раздела на самостоятельные объекты недвижимости, и его параметры должны соответствовать установленным в нормативных правовых актах требованиям.

В работе рассматривается отличие домов блокированной застройки от других категорий жилья, а также порядок перевода объекта в дом блокированной застройки и порядок оформления прав на земельные участки под ними.

Анализируя российское законодательство, автор отмечает противоречивость и недостаточность регулирования, что влечет незащищенность прав собственников домов блокированной застройки и в связи с этим многочисленные судебные процессы.

В статье рассматриваются особенности возможного совершенствования законодательства о домах блокированной застройки путем принятия проекта федерального закона №155842-8 «О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых комплексах», в котором предполагается установить порядок их управления домами блокированной застройки, в том числе земельными участками с общей инфраструктурой, инженерно-технической и транспортной инфраструктурами, предназначенными для обслуживания расположенных в границах территории малоэтажного жилого комплекса, в том числе котельными, водонапорными башнями, тепловыми пунктами, проездами, пешеходными переходами, тротуарами, детскими площадками, парковочными местами, площадками для размещения контейнеров для сбора коммунальных отходов.

Ключевые слова: жилой дом, многоквартирный дом, дом блокированной застройки, коттедж, государственная регистрация недвижимости, общая долевая собственность, инфраструктура поселка, защита прав жителей, управляющая компания, товарищество собственников недвижимости

VILDANOVA Marina Mikailovna,
PhD in Law,
leading research fellow of the Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation

ON SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF COMMODITY AND FINANCIAL MARKETS IN RUSSIA

Annotation. *In this article, the author examines the legal regulation of block-built houses.*

Previously, the term "townhouse" was used in Russian practice, but with the introduction of amendments to the Town Planning Code and the Housing Code of the Russian Federation on March 1, 2022, the definition of block-built houses was introduced.

According to this definition, a block house is a residential building that is blocked with another residential building (or other buildings) without any openings and has a separate exit to the land plot. A block-built house consists of rooms and auxiliary spaces that are intended for the citizens' domestic and other needs. Such housing is not intended for division into independent real estate objects, and its parameters must comply with the requirements established in regulatory legal acts.

The paper examines the differences between block-built houses and other types of housing, as well as the procedure for converting an object into a block-built house and the procedure for obtaining rights to the land plot under it.

Analyzing Russian legislation, the author notes the inconsistency and lack of regulation, which leads to the lack of protection of the rights of owners of block-built houses and, consequently, numerous lawsuits.

The article discusses the possible improvement of legislation on block-built houses by adopting Federal Law No. 155842-8 "On Residential Complexes and Property Management in Residential Complexes," which proposes to establish a procedure for managing block-built houses, including land plots with shared infrastructure, engineering, and transport infrastructure, intended for servicing low-rise residential complexes, including boiler houses, water towers, heating stations, driveways, pedestrian crossings, sidewalks, and playgrounds for collecting municipal waste.

Key words: *residential building, apartment building, block-built house, cottage, state registration of real estate, shared ownership, village infrastructure, protection of residents' rights, management company, association of property owners*

В российской юридической литературе вопросы правового регулирования домов блокированной застройки иногда отождествляют с регулированием таунхаусов в зарубежных странах (англ. *townhouse* от *town* — «город» и *house* — «дом»). Несмотря на некую схожесть, не стоит смешивать таунхаусы с блокированными домами, поскольку под термином «таунхаус» может пониматься как блокированное, так и отдельно стоящее жилое здание (например, Bute House или Queensberry House в Эдинбурге и др.) [1].

Таунхаусы появились в XIX веке в Великобритании. Изначально таким термином называли жилье, построенное для представителей аристократии, но в скором времени в этих домах стали проживать средние слои населения. Дома могли стоять отдельно, но в большинстве случаев они были встроены в ряд примыкающих друг к другу домов. Таунхаусы строятся «непрерывной линией» домов вплотную друг к другу; «концевой террасой», когда каждая линия таунхаусов имеет свои начало и конец (т.е. по одному дому, отличающемуся от других в противоположных сторонах всего дома); дуплексом (соединением двух квартир), квадрохаусом (соединением четырех квартир) и т.д.

В настоящее время аналоги таунхаусов являются видом жилья, получившим распространение в европейских городах и пригородах на территории застройки невысокой плотности. Как пра-

вило, это малоэтажные жилые дома, разделенный на несколько квартир, с изолированными входами с улицы. Каждая квартира в большинстве случаев имеет небольшой земельный участок и иногда гараж.

Первые упоминания о таунхаусах в России относятся к концу прошлого века. Этот тип жилья представлял нечто среднее между частным коттеджем и многоквартирным домом. В начале XXI века в России (прежде всего, в Московской области) наблюдался «бум таунхаусов». Поселки таунхаусов стали в большей части возводиться в непосредственной близости от автомагистралей и вдали от крупных населенных пунктов.

Вопросы правового регулирования таунхаусов и/или домов блокированной застройки в России неоднократно пытались решить в законодательном порядке на протяжении последних 20 лет. За основу классификации указанных жилых объектов предлагалось взять особенности проектирования и застройки объектов, однако до настоящего времени регулирование остается фрагментарным и противоречивым, что существенно сказывается на порядке обслуживания жилья, а также влечет нарушение прав собственников домов блокированной застройки.

В соответствии с пунктом 9 части 5 статьи 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [2] здания по своему назначению могут быть следующими: нежилое здание, многоквартирный

дом, жилой дом, садовый дом, гараж. Таким образом, прямое указание на таунхаусы или дома блокированной застройки отсутствовало.

Важным этапом в подготовке позиции для законотворчества стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 55-П, в котором Конституционный суд указал, что Федеральному законодателю надлежит руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации в кратчайшие сроки внести в законодательство изменения, с тем чтобы «закрепить надлежащую модель правового регулирования организационных и имущественных отношений, связанных с функционированием комплексов индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой, обеспечивающую поддержание справедливого баланса интересов, прав и обязанностей собственников различного имущества, входящего в эти комплексы, и конкретизирующую в том числе критерии определения и правовой режим имущества, используемого в таких комплексах для общих нужд» [3].

Кроме того, следует отметить, что с 1 марта 2022 г. вступили в силу изменения в Градостроительный кодекс Российской Федерации и Жилищный кодекс Российской Федерации [4], которые касаются категорий жилья, т.е. многоквартирный дом и дом блокированной застройки.

Дом блокированной застройки (а не таунхаус) – это жилой дом, блокированный с другим жилым домом/жилыми домами в одном ряду общей боковой стеной/стенами без проемов и имеющий отдельный выход на земельный участок. При этом количество надземных этажей должно быть не более 3, а высота дома – не более двадцати метров.

В нормативных правовых актах регионов среди видов допустимых застроек иногда фигурируют блокированные жилые дома. Например, в пункте 1.8 «Нормативов градостроительного проектирования Московской области», утвержденных Постановлением Правительства Московской области от 17 августа 2015 г. № 713.30 (ред. на 12 февраля 2025 г.) [5] содержатся указания на многоквартирные жилые дома, блокированные жилые дома и индивидуальные жилые дома. Реализация квалификации домов зависит от конкретных застройщиков и собственников жилья.

Однако переоформление жилья из жилых домов в дома блокированной застройки, в том числе в Московской области, является не частым явлением ввиду отсутствия регулирования вопросов управления и содержания общей долевой собственности жителей, являющихся собственниками такого жилья. Как ранее, так и теперь соб-

ственникам приходится часто обращаться в суд, чтобы установить правовой статус объектов, поскольку еще не исключена правовая неопределенность данного понятия.

При принятии решения о переводе объекта недвижимости в дом блокированной застройки следует иметь в виду, что:

- для строительства домов блокированной застройки необходимо оформить проектную документацию, получить разрешение на строительство, а далее после его окончания – разрешение на ввод в эксплуатацию;

- упрощенный порядок регистрации в ЕГРН, действующий в отношении индивидуальных жилых домов, не применяется;

- в случае необходимости реконструкции одного из блоков, для обеспечения безопасности всех домов-блоков, требуется согласие на проведение реконструкции всех домов блокированной застройки, расположенных в одном ряду;

- в домах блокированной застройки отсутствует такая общая долевая собственность, как в многоквартирных домах на лестничный пролет, коридор и земельный участок под зданием;

- при продаже дома блокированной застройки не требуется согласия собственников иных блоков;

- права при переходе прав собственности на такие объекты регистрируются в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) в установленном законом порядке.

В настоящее время возможен перевод объекта жилья в дом блокированной застройки при принятии об этом решения всеми собственниками жилого дома. Заявление о переводе с комплектом правоустанавливающих документов можно подать через Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. Если при этом требуется раздел земельного участка, то решение о переводе в дом блокированной застройки должно содержать указание на решение о разделе данной земли с образованием земельных участков под каждым домом блокированной застройки. Кроме того, в указанных документах должна содержаться информация о согласии всех собственников на прекращение права общей долевой собственности на земельный участок, на его раздел с образованием земельного участка в счет доли в праве общей долевой собственности под конкретным объектом недвижимости, а также данные о лицах, право собственности (либо общей долевой собственности, в том числе размеры долей) которых возникает на образуемые участки.

Однако на практике мало подобных решений принимается из-за того, что не решены

вопросы управления комплексами индивидуальных жилых домов, в том числе домами блокированной застройки, и земельными участками с общей инфраструктурой, где находятся такие дома.

Наиболее часто встречаются вопросы, связанные с навязываем услуг застройщиком, который отказывается продавать жилье без заключения договора об обслуживании с его дочерней компанией. Бывают случаи продажи застройщиком объектов, построенных на деньги дольщиков (например, въездной группы, в которой, как правило, располагаются контрольно-пропускной пункт и административное здание), или оформление земельных участков для общего пользования в свою собственность и установление платного проезда на территорию поселков, где построены жилые дома, и платной парковки рядом с домами. Можно было бы говорить об обжаловании указанных выше нарушений, но в связи с весьма затратными судебными процессами люди не всегда решаются на обжалование. В связи с длительным непринятием нормативно-правовой базы, истекают не только сроки исковой давности по гражданским делам, но и сроки давности по различным категориям преступлений согласно Уголовному кодексу Российской Федерации.

Если нет правовой базы для жилых домов, созданных как таунхаус или дом блокированной застройки, то не ясно: зачем выдавались и выдаются разрешения на строительство таких объектов, и почему не было принято решение уполномоченными органами об отказе от строительства подобного жилья до принятия надлежащего регулирования правоотношений в этой области.

В целях восполнения законодательного пробела в сфере создания малоэтажных жилых комплексов, в том числе сформированных домами блокированной застройки, Правительством Российской Федерации в порядке законодательной инициативы в соответствии со статьей 104 Конституции Российской Федерации был внесен в Государственную думу проект федерального закона №155842-8 «О малоэтажных жилых комплексах» [6], подготовленный к рассмотрению во втором чтении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Решение о необходимости восполнения пробела подтверждается анализом части 3 статьи 3 Федерального закона от 24.07.2023 г. №351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [7], в соответствии с которой имущество, отвечающее признакам, установленным для общего имущества пунктами 1 и 2 статьи 259.1 ГК РФ, переходит в общую долевую собственность собственников

недвижимых вещей в порядке, определенном федеральным законом. Именно таким федеральным законом и должен стать указанный выше проект федерального закона.

Вместе с тем, во время слушаний в Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации 2 июля 2025 г. [8] подготовленный проект федерального закона не был рекомендован к рассмотрению во втором чтении и отмечена необходимость доработки с учетом:

- включения в границы малоэтажного жилого комплекса наряду с индивидуальными жилыми домами домов блокированной застройки (в случае, если под каждым блоком сформирован самостоятельный отдельный участок);

- конкретизации порядка управления общим имуществом в малоэтажных жилых комплексах в случаях, когда собственниками не выбран и/или не реализован один из возможных способов управления таким общим имуществом;

- организации разработки единой методики определения платы за содержание и управление общим имуществом в малоэтажных жилых комплексах.

Указанные выше мотивы такого решения во многом оправданы. Вместе с тем, отсутствие консенсуса различных государственных органов по ряду ключевых положений законопроекта на протяжении многих лет и непринятие законопроекта по вопросам, жизненно необходимым людям, приводит к крайне негативным явлениям, в том числе, к нарушению конституционных прав граждан.

Остается только уповать на понимание законодателя сложившейся ситуации и обеспечение эффективной доработки законопроекта в ближайшее время.

Список литературы:

- [1] <https://ru.ruwiki.ru>
- [2] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218 - ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).
- [3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой»// Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).
- [4] Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[5] «Нормативы градостроительного проектирования Московской области», утвержденные Постановлением Правительства Московской области от 17 августа 2015 г. № 713.30 (ред. на 12 февраля 2025 г.)//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[6] Строительная орбита. Официальное издание РСС. <https://stroyorbita.com>.

[7] Федеральный закон от 24.07.2023 г. №351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[8] <https://council.gov.ru>

References:

[1] <https://ru.ruwiki.ru>

[2] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218 - ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7,

части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой»// Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[4] Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

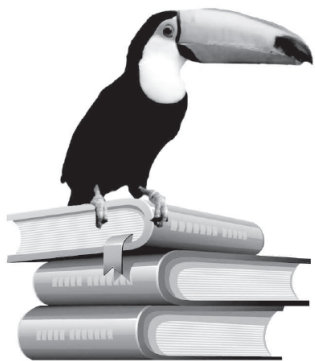
[5] «Нормативы градостроительного проектирования Московской области», утвержденные Постановлением Правительства Московской области от 17 августа 2015 г. № 713.30 (ред. на 12 февраля 2025 г.)//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[6] Строительная орбита. Официальное издание РСС. <https://stroyorbita.com>.

[7] Федеральный закон от 24.07.2023 г. №351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[8] <https://council.gov.ru>

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ВОПРОСЫ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СОДЕРЖАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ, СОВЕРШИВШИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Стоит указать, что многочисленные содержательные вопросы в сфере компетентности сотрудников службы социальной защиты ФСИН России в индивидуальной социальной работе с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере, носят сложный и проблемный характер, требуя своего своевременного разрешения. Эта проблемность вопроса исходит также и из результатов Анализ имеющейся теоретической литературы и источников прикладного характера определяет, что к числу таких аспектов относятся: индивидуальная социальная диагностика, помощь в восстановлении, налаживании и укреплении социально полезных связей осужденных, помощь в сфере пенсионного и медицинского обеспечения, помощи в восстановлении и оформлении документов, необходимых осужденному и т.д.

Целью статьи – это раскрытие вопросов компетентности сотрудников ФСИН России в содержании индивидуальной социальной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере, для оптимизации этой работы. Задачи статьи, определяют необходимость раскрытия: содержательных аспектов реализации оказания помощи в профессиональной ориентации осужденных; содержательных вопросов реализации оказания помощи в профессиональной ориентации осужденных; содержательных аспектов реализации оказания помощи в решении бытовых проблем во время отбывания наказания и в устройстве после освобождения. Методическим инструментарием, используемым в исследовании выступили: анализ, индукция, синтеза, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

В качестве рабочих гипотез определены: раскрытие вопросов содержания индивидуальной социальной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере, способствуют формированию компетентности сотрудников в рассматриваемом направлении работы; определение содержательных аспектов реализации оказания помощи в профессиональной ориентации осужденных способствуют формированию компетентности сотрудников социальной службы; установление содержательных вопросов реализации оказания помощи в профессиональной ориентации осужденных способствуют формированию компетентности сотрудников в рассматриваемом направлении работы; раскрытие содержательных аспектов реализации оказания помощи в решении бытовых проблем во время отбывания наказания и в устройстве после освобождения способствуют формированию компетентности сотрудников в рассматриваемом направлении работы.

Результаты исследования – раскрыты вопросы компетентности сотрудников ФСИН России в содержании индивидуальной социальной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере, способствовало детализации отдельных аспектов этой компетентности и оказывает позитивное значение для дальнейшей подготовки сотрудников.

Ключевые слова: компетентность, социальная работа, индивидуальная работа, преступления в экономической сфере, осужденные, сотрудники.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher
FKU Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia

ISSUES OF COMPETENCE IN THE CONTENT OF INDIVIDUAL SOCIAL WORK WITH CONVICTS WHO HAVE COMMITTED CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE

Annotation. *It is worth noting that numerous substantive issues in the area of competence of employees of the social protection service of the Federal Penitentiary Service of Russia in individual social work with convicts who have committed crimes in the economic sphere are complex and problematic, requiring their timely resolution. This problematic nature of the issue also comes from the results of Analysis of the available theoretical literature and applied sources determines that such aspects include: individual social diagnostics, assistance in restoring, establishing and strengthening socially useful ties of convicts, assistance in the area of pension and medical provision, assistance in restoring and processing documents necessary for the convict, etc. The purpose of the article is to disclose the issues of competence of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia in the content of individual social work with convicts who have committed crimes in the economic sphere, in order to optimize this work. The objectives of the article determine the need to disclose: substantive aspects of the implementation of assistance in the vocational guidance of convicts; substantive issues of the implementation of assistance in the vocational guidance of convicts; substantive aspects of the implementation of assistance in solving everyday problems while serving a sentence and in settling down after release. The methodological tools used in the study were: analysis, induction, synthesis, deduction, interview, analysis of the practice of organizing educational work, generalization, observation, etc.*

The following working hypotheses were defined: disclosure of the issues of the content of individual social work with convicts who have committed crimes in the economic sphere contributes to the formation of the competence of employees in the considered area of work; determination of the substantive aspects of the implementation of assistance in the vocational guidance of convicts contributes to the formation of the competence of social service employees; establishment of substantive issues of the implementation of assistance in the vocational guidance of convicts contributes to the formation of the competence of employees in the considered area of work; disclosure of the substantive aspects of the implementation of assistance in solving everyday problems while serving a sentence and in placement after release contributes to the formation of the competence of employees in the considered area of work.

The results of the study - the issues of the competence of the FSIN of Russia employees in the content of individual social work with convicts who have committed crimes in the economic sphere were disclosed, contributed to the detailing of individual aspects of this competence and has a positive effect on the further training of employees.

Key words: *competence, social work, individual work, economic crimes, convicts, employees.*

Введение. К содержанию компетентности сотрудников социальной службы ФСИН России в индивидуальной социальной работе с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере, относится достаточно большое количество аспектов [4 с. 147; 5 с. 71]. Анализ имеющейся теоретической литературы и источников прикладного характера определяет спектр аспектов, требующих содержательного раскрытия [1, с. 52; 3, с. 132; 6, с. 440].

Гипотезы исследования:

Раскрытие вопросов содержания индивидуальной социальной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере, способствуют формированию компетентности сотрудников в рассматриваемом направлении работы;

определение содержательных аспектов реализации оказания помощи в профессиональной

ориентации осужденных способствуют формированию компетентности сотрудников социальной службы;

установление содержательных вопросов реализации оказания помощи в профессиональной ориентации осужденных способствуют формированию компетентности сотрудников в рассматриваемом направлении работы;

раскрытие содержательных аспектов реализации оказания помощи в решении бытовых проблем во время отбывания наказания и в устройстве после освобождения способствуют формированию компетентности сотрудников в рассматриваемом направлении работы [2, 5, 7].

Целью статьи является раскрытие вопросов компетентности сотрудников ФСИН России в содержании индивидуальной социальной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере, для оптимизации этой работы.

Задачи статьи, способствуя достижению цели, определяют необходимость раскрытия: методов и направлений оказания помощи в профессиональной ориентации осужденных рассматриваемой категории; направлений оказания помощи осужденным в решении бытовых проблем во время отбывания наказания; направлений и путей сохранения и укрепления социально-полезных связей после освобождения.

К числу **методов, методик,** использованных в исследовании, относятся: анализ, индукция, синтеза, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

К направлениям реализации содержания индивидуальной социальной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере, относятся следующие:

составление программы психодиагностики и коррекции негативных личностных свойств, качеств и поведенческих паттернов;

укрепление социально-полезных связей и поддержание социально одобряемых контактов;

оказание помощи в различных социальных аспектах (например, медицинской, пенсионной и т.д. сферах);

оформление, восстановление, получение справок, документов, получение социальной помощи;

получение образования и профессионального статуса, в том числе в период послепенитенциарной probation.

Ниже в содержании таблиц 1-3 представлено содержание основных направлений индивидуальной социальной работы с осужденными, совершившими преступления в экономической сфере.

Таблица 1. Содержательные аспекты реализации социальной диагностики осужденных, совершивших преступления в экономической сфере

№	Направления работы	Планируемые мероприятия, формы	Результат	Исполнитель	Срок исполнения
1.	Индивидуальная диагностика социальных проблем, возникших у вновь прибывшего осужденного	Изучение материалов личного дела; беседы, анетирование, тестирование, осмотры, диагностика; переписка с родственниками и иными представителями социального окружения а также представителями государственных органов по социальному обеспечению	Определение социальных проблем; оформление социальной карты осужденного, составление программы по восстановлению необходимых документов, социальной помощи и т.д.	Сотрудники группы социальной защиты осужденных, начальники отряда, психологи, медики	В период нахождения осужденного в карантинном помещении

В таблице 1 систематизированы направления и методы оказания социальной помощи осужденным, совершившим преступления в экономи-

ческой сфере. Обращаем внимание, что особый необходимо комплексно подходить к вопросу составления программы социальной помощи.

Таблица 2. Содержательные аспекты реализации оказания помощи в профессиональной ориентации осужденных

№	Направления работы	Планируемые мероприятия, формы	Результат	Исполнитель	Срок исполнения
1.	Оказание помощи в профессиональной ориентации и развития профессиональных навыков в период отбывания наказания и в последующем трудоустройстве после освобождения	Профориентационная работа, развитие профессиональных навыков и компетенций; юридические консультации по вопросам трудового законодательства, коучинг; трудоустройство по имеющейся профессии, получение новых профессий, повышение профессиональных разрядов и т.д.; участие в ярмарках вакансий и создание условий для получения востребованных профессий, помощь в трудоустройстве после освобождения; консультации представителей территориальных органов; занятия в «Школе по подготовке к освобождению»; групповые тренинги «Как устроиться на работу»; пенитенциарная пробация	Рекомендации психолога в части профориентации и приобретения профессии, получение документов об окончании профессионального училища, трудоустройство	Сотрудник группы социальной защиты, психолог, начальник отряда, преподаватели профучилища	В период срока отбывания наказания

Таблица 2 раскрывает аспекты и направления реализации помощи в профессиональной ориентации осужденных. Здесь особое внимание

уделяется, прежде всего, беседам, тестированию и консультациям осужденных по вопросам трудового законодательства и ориентирования.

Таблица 3. Содержательные аспекты реализации оказания помощи в решении бытовых проблем во время отбывания наказания и в устройстве после освобождения

№	Направления работы	Планируемые мероприятия, формы	Результат	Исполнитель	Срок исполнения
1.	Оказание помощи в решении бытовых проблем во время отбывания наказания и в устройстве после освобождения	Беседа с осужденным о его правах в области Жилищного законодательства; изучение жилищно-бытовых условий осужденного; оформление запросов в территориальные органы по возможному бытовому устройству после освобождения; консультации с осужденным по вопросам гражданского и жилищного законодательства, регистрации по месту жительства; занятия в «Школе по подготовке к освобождению»; групповые тренинги «Как зарегистрироваться по месту жительства»; оформление путевок в реабилитационные центры (для определенной категории осужденных), центры исправления в рамках постпенитенциарной пробаии	Ответ из территориальных органов на запрос о возможном бытовом устройстве после освобождения, справка о состоянии жилищно-бытовых условий осужденного	Сотрудник группы социальной защиты, начальник отряда, представители общественных объединений, попечительских советов ИУ	В период срока отбывания наказания

В таблице 3 представлены направления и методы оказания помощи осужденным в решении бытовых проблем во время отбывания наказания и в социально-бытовом устройстве после освобождения.

Выводы, заключение.

В работе представлены систематизированные направления и методы социального сопрово-

ждения осужденного в различные периоды отбывания наказания и в зависимости от направлений индивидуальной социальной работы. Детализация направлений данной работы и табличное представление аспектов профессиональных компетенций сотрудников позволяет уточнить их необходимость для дальнейшего совершенствования подготовки сотрудников.

Список литературы:

[1] Веселова А.П. Трудовое и бытовое устройство лиц, освобождаемых из мест заключения, в Российской империи // История государства и права. – 2024. – № 7. – С. 50-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2024-7-50-54.

[2] Горкина С.А. Система исправительных технологий работы с осужденными как основа для успешной ресоциализации осужденных (на примере УФСИН России по Томской области) // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 3(40). – С. 141-145.

[3] Ежова, О. Н. Зарубежный опыт организации процесса ресоциализации осужденных к лишению свободы // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 132–136.

[4] Зауторова Э.В. Особенности воспитательной работы с осужденными за экономические преступления в местах лишения свободы // Образование и наука в России и за рубежом. – 2019. – № 1(49). – С. 147-151.

[5] Ильин И.В. Социально-демографические признаки личности экономического мошенника // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №7. – С. 71.

[6] Караваев О.В., Субботина О.М. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с региональными органами власти по вопросам социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань, 2016. Т. 2. С. 437–440

[7] Хасанова, Г.М., Латыпова Л.Р. Социально-медицинская работа в пенитенциарных учреждениях // Социально-медицинская работа: состояние, проблемы и перспективы развития в современном обществе : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 23–24 ноября 2011 года / Ответственный редактор: Хасанова Г.М.. Том 2. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2011. – С. 84-86.

References:

[1] Veselova A.P. Trudovoe i by'tovoe ustroystvo licz, osvobozhdaemy'x iz mest zaklyucheniya, v Rossijskoj imperii [Labor and everyday arrangements of persons released from places of detention in the Russian Empire] // Istoriya gosudarstva i prava. [History of the state and law.] – 2024. – № 7. – S. 50-54. – DOI 10.18572/1812-3805-2024-7-50-54. (In Russ.).

[2] Gorkina S.A. Sistema ispravitel'ny'x tekhnologij raboty s osuzhdenny'mi kak osnova dlya uspeshnoj resotsializatsii osuzhdenny'x (na primere

UFSIN Rossii po Tomskoj oblasti)[The system of correctional technologies for working with convicts as a basis for successful resocialization of convicts (on the example of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Tomsk Region)] // Prikladnaya yuridicheskaya psixologiya. [Applied Legal Psychology] – 2017. – № 3(40). – P. 141-145. (In Russ.).

[3] Ezhova, O. N. Zarubezhny'j opy't organizatsii processa resotsializatsii osuzhdenny'x k lisheniyu svobody' [Foreign experience in organizing the process of resocialization of convicts sentenced to imprisonment] // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. [Legal Bulletin of Samara University] – 2018. – Т. 4. – № 2. – P. 132–136. (In Russ.).

[4] Zautorova E.V. Osobennosti vospitatel'noj raboty s osuzhdenny'mi za e'konomicheskie prestupleniya v mestax lisheniya svobody' [Features of educational work with persons convicted of economic crimes in places of deprivation of liberty] // Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom. [Education and Science in Russia and Abroad.] – 2019. – № 1(49). – P. 147-151. (In Russ.).

[5] Il'in I.V. Social'no-demograficheskie priznaki lichnosti e'konomicheskogo moshennika [Socio-demographic characteristics of the personality of an economic fraudster] // Vestnik Akademii e'konomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia] – 2010. – №7. – P. 71. (In Russ.).

[6] Karavaev O.V., Subbotina O.M. Sovershenstvovanie form i mexanizmov vzaimodejstviya uchrezhdenij i organov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy s regional'ny'mi organami vlasti po voprosam social'noj adaptatsii osuzhdenny'x [Subbotina O.M. Improving the forms and mechanisms of interaction between institutions and bodies of the penal system and regional authorities on issues of social adaptation of convicts] // Ugolovno-ispolnitel'naya politika i voprosy ispolneniya ugolovny'x nakazaniy [Penal policy and issues of execution of criminal penalties: collection of materials of the Int. scientific and practical. conf] : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. conf. (g. Ryazan', 24–25 noyab. 2016 g.): v 2 t. Ryazan', 2016. T. 2. P. 437–440. (In Russ.).

[7] Xasanova, G.M., Latypova L.R. Social'no-medicinskaya rabota v penitentsiarny'x uchrezhdeniyax [Social and medical work in penitentiary institutions] // Social'no-medicinskaya rabota: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya v sovremennom obshchestve : Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem, [Social and medical work: state, problems and development prospects in modern society: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation] Ufa, 23–24 noyabrya 2011 goda / Otvetstvenny'j redaktor: Xasanova G.M.. Tom 2. – Ufa: Bashkirskij gosudarstvenny'j universitet, 2011. – P. 84-86. (In Russ.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-326-329

ГОРБУНОВ Сергей Валерьевич,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»,
Россия, Мурманск,
e-mail: sergeygorbunov@bk.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ИХ РОЛЬ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается роль общественных объединений потребителей в защите прав граждан. Анализируются их правовой статус, полномочия и механизмы реализации функций, включая участие в разработке нормативных актов, проведение независимых экспертиз, информационно-просветительскую деятельность и судебную защиту прав группы потребителей и неопределенного круга лиц. Особое внимание уделяется праву общественных объединений на обращение в суд за защитой прав группы потребителей, выявляются ограничения правоприменительной практики и предлагаются рекомендации по повышению эффективности коллективной защиты интересов потребителей.

Ключевые слова: общественные объединения потребителей, защита прав потребителей, группа потребителей, коллективный иск, гражданское право, судебная защита, Роспотребнадзор, независимые экспертизы.

GORBUNOV Sergey Valerievich,
Graduate student of the Department of Theory
and History of State and Law
Faculty of Law Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
«Murmansk Arctic University»,
Russia, Murmansk

PUBLIC ASSOCIATIONS OF CONSUMERS AND THEIR ROLE IN THE PROTECTION OF CONSUMER RIGHTS

Annotation. This article explores the significance of consumer associations in safeguarding the rights of individuals. It provides an in-depth analysis of their legal framework, authority, and the practical tools they employ, ranging from participation in drafting regulatory provisions and carrying out independent assessments to engaging in public awareness campaigns and representing consumer groups in court. Special emphasis is placed on the legal capacity of such organizations to initiate litigation on behalf of a collective group of consumers. The study highlights existing challenges within law enforcement practice and offers recommendations aimed at strengthening the mechanisms of collective protection and ensuring more effective defense of consumer interests.

Key words: public associations of consumers, protection of consumer rights, group of consumers, class action, civil law, judicial protection, Rosпотrebnadzor, independent examinations

Общественные объединения потребителей представляют собой важный институт гражданского общества, функционирующий во всех развитых странах мира. Их деятельность направлена на защиту

прав потребителей, обеспечение контроля за качеством товаров и услуг, а также формирование общественного мнения о стандартах потребительского рынка. Эти организации имеют некоммерческий характер и отличаются независимостью от

государства, политических структур и коммерческих интересов, что обеспечивает объективность их работы и доверие со стороны граждан.

Общественные объединения потребителей в современной России представлены целым рядом организаций, каждая из которых имеет свои особенности и направления деятельности, однако в совокупности они формируют важный институт гражданского общества. Так, значительное место среди рассматриваемых организаций занимает Союз потребителей Российской Федерации, который осуществляет деятельность в области общественного контроля качества товаров и услуг, а также организует независимую экспертизу продукции. Эта организация активно работает с обращениями граждан, представляя их интересы в судах и иных государственных инстанциях. Кроме того, Союз ведет работу в сфере просвещения, публикуя аналитические материалы и рекомендации, направленные на повышение потребительской грамотности населения.

Особого внимания заслуживает деятельность Общества защиты прав потребителей, которое известно широкой практике судебных разбирательств с недобросовестными производителями и продавцами. Организация не ограничивается решением частных вопросов, а стремится создать прецеденты, способные изменить правоприменительную практику в сфере защиты потребителей. Благодаря этому деятельность общества имеет системный характер, способствуя формированию устойчивых правовых механизмов обеспечения интересов граждан.

Наряду с крупными объединениями функционирует большое количество региональных и специализированных организаций, таких как Национальная лига потребителей, которые сосредотачиваются на отдельных направлениях защиты прав — например, в сфере услуг ЖКХ, финансовых услуг или здравоохранения. Их работа позволяет учитывать специфику потребностей различных категорий населения и обеспечивает более адресную помощь. В совокупности деятельность этих объединений создает эффективную систему защиты прав потребителей, где сочетаются правозащитные, экспертные и образовательные функции.

В Российской Федерации право граждан объединяться для защиты собственных интересов закреплено на законодательном уровне. Статья 45 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон «О защите прав потребителей») закрепляет право граждан создавать общественные объединения потребителей, включая ассоциации и союзы, и осуществлять их деятельность в рамках уставов и законодательства. Данная норма реализует кон-

ституционное право на свободу объединения, закрепленное в статье 30 Конституции Российской Федерации, и обеспечивает юридические гарантии независимости граждан при защите своих прав.

Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» расширяет эти права, закрепляя возможность создавать добровольные объединения для реализации общих интересов. Закон обеспечивает свободу выбора граждан при вступлении в существующие объединения, воздержании от участия или выходе из них. Таким образом, граждане могут свободно организовываться для защиты прав потребителей и коллективного достижения целей, отражающих их интересы.

Создание общественных объединений потребителей выступает важным инструментом реализации прав и законных интересов граждан, поскольку осуществляется на основе принципа свободы объединений и не требует предварительного разрешения со стороны государственных органов или органов местного самоуправления. Такая форма самоорганизации позволяет гражданам и юридическим лицам действовать совместно для защиты своих интересов, формируя активный сегмент гражданского общества. Общественные объединения могут существовать как в форме зарегистрированных юридических лиц, обладающих всеми правами и обязанностями, предусмотренными законодательством, так и без государственной регистрации, что придает их деятельности дополнительную гибкость и позволяет оперативно реагировать на возникающие вызовы в сфере защиты прав потребителей [1].

В правовом аспекте подобные структуры рассматриваются как добровольные и самоуправляемые объединения граждан, формирующиеся на основе общности интересов и стремления к достижению общественно значимых целей. Их работа охватывает не только защиту индивидуальных интересов потребителей, но и создание новых правил взаимодействия граждан, предпринимательских структур и государственных институтов. Фактически такие объединения выполняют функцию посредника между обществом и рынком, оказывая влияние на уровень качества товаров и услуг, формируя предложения и инициативы, которые со временем превращаются в закреплённые общественные стандарты и нормы поведения.

Особое значение имеет тот факт, что такие объединения наделены широкими возможностями в сфере правотворчества и правоприменения. Они вовлекаются в процесс разработки и рассмотрения правовых актов, регулирующих сферу качества товаров и услуг, а также обладают воз-

возможностью направлять в государственные и муниципальные органы инициативы, касающиеся улучшения стандартов продукции и обслуживания. Кроме того, им предоставлено право предлагать меры по контролю цен, изъятию из оборота потенциально опасной продукции и ограничению распространения недостоверной рекламной информации.

Тем самым они активно влияют на развитие законодательства о защите прав потребителей. Участие общественных объединений в законодательной деятельности позволяет учитывать реальные потребности граждан, повышает качество нормативного регулирования и снижает риск принятия актов, не отвечающих интересам общества.

Важной составляющей их деятельности является аналитическая работа: изучение потребительских предпочтений, проведение социологических исследований, выявление актуальных проблем рынка. На этой основе формируется объективная оценка уровня удовлетворенности потребителей, а также вырабатываются рекомендации по совершенствованию механизма защиты их прав.

Не менее значимой является экспертная функция общественных объединений. Они могут организовывать независимые проверки качества и безопасности товаров, что повышает прозрачность рынка и стимулирует производителей к добросовестной конкуренции. Кроме того, данные организации нередко привлекаются к участию в экспертизах по конкретным делам о нарушении прав потребителей, представляя интересы граждан и обеспечивая объективность оценки представленных фактов.

Информационно-просветительская деятельность общественных объединений потребителей представляет собой одно из ключевых направлений их функционирования, поскольку именно она формирует основу правовой культуры и потребительской грамотности населения. Путем организации образовательных мероприятий такие объединения формируют устойчивую систему просвещения граждан. Это позволяет регулярно расширять знания населения о доступных инструментах защиты прав и доступных процедурах получения юридической поддержки. Особое внимание уделяется разъяснению положений действующего законодательства, что позволяет потребителям более уверенно действовать в условиях рыночных отношений и снижает риск их правовой уязвимости. Кроме того, просветительская деятельность объединений способствует формированию у граждан активной гражданской позиции, укреплению доверия к институтам гражданского общества и развитию партнерских отношений между потребителями, бизнесом и государством.

Общественные объединения также участвуют в формировании предложений по повышению качества товаров и услуг, введению обязательных стандартов и процедур контроля. Они иницируют меры по приостановке реализации продукции, не соответствующей требованиям законодательства, и организуют отзыв небезопасных товаров с внутреннего рынка. Такая деятельность обеспечивает оперативное реагирование на угрозы безопасности потребителей и предотвращает возможный ущерб [2].

Особое значение имеет взаимодействие объединений с органами прокуратуры и федеральными исполнительными органами. Они направляют материалы о нарушениях законодательства и иницируют привлечение к ответственности недобросовестных производителей. Кроме того, общественные объединения активно используют судебные механизмы для защиты интересов отдельных граждан, групп потребителей или неопределенного круга лиц, что повышает эффективность правовой защиты.

Общественные объединения потребителей на практике выступают самостоятельным субъектом контроля за соблюдением законодательства в сфере защиты прав граждан. Им предоставлено право добиваться привлечения к ответственности тех производителей, исполнителей или продавцов, которые нарушают установленные нормы безопасности и качества продукции. Эти организации могут обращаться в органы прокуратуры и суды, отстаивая интересы потребителей, добиваться отмены недобросовестных условий договоров, понуждать нарушителей к устранению выявленных недостатков и возмещению причиненного вреда. Таким образом, правовой инструментарий, закрепленный за общественными объединениями, отличается широким охватом и реальной эффективностью, что позволяет им играть значимую роль в обеспечении справедливости и формировании добросовестных правил поведения на потребительском рынке.

Из всего обозначенного комплекса полномочий рассматриваемых общественных объединений проанализируем более детально право общественных объединений потребителей на обращение в суд за защитой прав группы потребителей, которое представляет собой важный инструмент реализации их функций в сфере защиты прав и законных интересов граждан. Следует отметить, что действующее законодательство, в частности п. 2 ст. 45 Закона «О защите прав потребителей», закрепляет возможность подачи заявлений в суд не только в интересах отдельных потребителей, но и группы или неопределенного круга лиц. Анализ норм показывает, что законодатель концентрирует внимание на коллективном характере

защиты, при этом категория «группа потребителей» остается менее конкретизированной по сравнению с «неопределенным кругом потребителей». В правоприменительной практике это проявляется в том, что суды чаще всего рассматривают группы как «адресные», формируемые на основе конкретного объединяющего критерия для определенного круга граждан, участвующих в отношениях с конкретным субъектом предпринимательской деятельности, что отражено в ряде судебных решений¹².

Таким образом правоприменительная практика выявляет определенные ограничения реализации этого права. Иными словами, несовпадение предмета регулирования Закона «О защите прав потребителей» и процессуальных кодексов приводит к тому, что полномочия общественных объединений ограничены подачей заявления в суд, без автоматического делегирования всех процессуальных прав группы потребителей. В этой связи целесообразно рекомендовать законодательное уточнение категории «группа потребителей» и закрепление процессуальных механизмов взаимодействия общественных объединений с судебными органами для обеспечения непрерывности и эффективности коллективной защиты потребителей.

Следует также отметить, что важным инструментом при использовании рассматриваемыми общественными организациями механизмов судебной защиты нарушенных прав потребителей при этом является предварительная экспертиза фактов нарушения прав, сбор доказательств массового характера и аргументация экономической и социальной значимости иска для группы потребителей. Судебные решения последних лет показывают, что такой подход позволяет общественным объединениям эффективно защищать права как отдельных лиц, так и целых групп, добиваясь устранения нарушений и компенсации ущерба, что подтверждается практикой Верховного Суда РФ по делу № СИП-1046/2022 от 16.10.2023 г.³

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 02.07.2019 г. по делу № 3328692/2019 // СПС КонсультантПлюс.

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 г. № 88-27737/2023 по делу № 2-3280/2023 // СПС КонсультантПлюс.

³ Определение Верховного Суда РФ от 16.10.2023 г. № 300-ЭС23-19957 по делу № СИП-1046/2022 // СПС КонсультантПлюс.

Проведенный анализ показал, что общественные объединения потребителей в современной России выступают не только институтом защиты индивидуальных прав граждан, но и важным элементом формирования правовой культуры, устойчивых рыночных стандартов и механизмов коллективной защиты интересов. Их правовой статус и закрепленные полномочия позволяют оказывать реальное влияние на развитие законодательства, правоприменительной практики и систему контроля качества продукции и услуг. В то же время выявленные ограничения судебной защиты, связанные с недостаточной процессуальной регламентацией права на обращение в интересах группы потребителей, указывают на необходимость совершенствования нормативной базы. Усиление роли общественных объединений, расширение их процессуальных возможностей и институциональная поддержка способны повысить эффективность коллективной защиты потребителей и укрепить систему гражданского общества в целом.

Список литературы:

[1] Фирсов Н.А. Правовой статус и полномочия общественных объединений потребителей / Н.А. Фирсов // Правовестник. 2019. № 5 (16). С. 219-221.

[2] Нигматуллина Ю.Р. Право общественных объединений на обращение в суд за защитой прав группы потребителей / Ю.Р. Нигматуллина // ВЭПС. 2024. №1. С.192-195.

[3] Кирилловых А.А. Право потребителя на просвещение: содержание и проблемы механизма реализации / А.А. Кирилловых // Право и экономика. 2020. № 2.

References:

[1] Firsov N.A. Pravovoi status i polnomochiya obshchestvennykh ob"edinenii potrebiteli / N.A. Firsov // Pravovestnik. 2019. № 5 (16). S. 219-221.

[2] Nigmatullina Yu.R. Pravo obshchestvennykh ob"edinenii na obrashchenie v sud za zashchitoy prav gruppy potrebiteli / Yu.R. Nigmatullina // VEPS. 2024. № 1. S. 192-195.

[3] Kirillovykh A.A. Pravo potrebiteli na prosveshchenie: sodержanie i problemy mekhanizma realizatsii / A.A. Kirillovykh // Pravo i ekonomika. 2020. № 2.

ФОКИН Глеб Олегович,
аспирант,
кафедра теории и истории государства и права,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный
исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва»,
e-mail: gfokin98@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются специфика и структура системы факторов, влияющих на развитие современного российского права. Акцентируется внимание на внутренних и внешних детерминантах, определяющих направление эволюции правовой системы России. Анализируется влияние социально-экономических преобразований, институциональных изменений, процессов цифровизации, современных вызовов глобализации, а также интеграции международных правовых стандартов. Исследование затрагивает роль правовой культуры, общественного мнения и уровня профессиональной подготовки кадров в формировании эффективной правовой среды. Особое значение придается законодательным реформам, совершенствованию механизмов правоприменения и правовой адаптации к изменяющимся условиям. В работе обобщается практический опыт внедрения новых правовых институтов, проводится сравнительный анализ развития отдельных элементов системы права. На основе полученных результатов делаются выводы о необходимости комплексного подхода к модернизации российского права, учитывающего многоуровневое взаимодействие различных факторов для гармоничного развития правовой сферы. Представленный материал может быть использован для дальнейших исследований, методологических разработок и формирования стратегий совершенствования национального законодательства.

Ключевые слова: российское право, факторы развития, правовая система, правовая культура, цифровизация, законодательство, реформы, правоприменение, институциональные изменения, глобализация.

FOKIN Gleb Olegovich,
PhD student,
Department of Theory and History of State and Law,
Federal State Budgetary
Education Institution of Higher
Education "National Research University
Ogarev Mordovian State University"

FEATURES OF THE SYSTEM OF FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN LAW

Annotation. The article examines the specifics and structure of the system of factors influencing the development of modern Russian law. Attention is focused on internal and external determinants that define the direction of the evolution of Russia's legal system. The impact of socio-economic transformations, institutional changes, digitalization processes, contemporary challenges of globalization, as well as the integration of international legal standards, is analyzed. The study addresses the role of legal culture, public opinion, and the level of professional training in shaping an effective legal environment. Special importance is given to legislative reforms, the improvement of

law enforcement mechanisms, and legal adaptation to changing conditions. The paper summarizes practical experience in the implementation of new legal institutions and provides a comparative analysis of the development of individual elements of the legal system. Based on the results obtained, conclusions are drawn about the necessity of a comprehensive approach to the modernization of Russian law, which takes into account the multi-level interaction of various factors for the harmonious development of the legal sphere. The presented material can be used for further research, methodological developments, and the formation of strategies for improving national legislation.

Key words: Russian law, development factors, legal system, legal culture, digitalization, legislation, reforms, law enforcement, institutional changes, globalization.

Вопрос развития современной правовой системы России в последние десятилетия приобретает особое значение, обусловленное как внутренними социально-экономическими процессами, так и внешним воздействием глобализационных тенденций. Российское право характеризуется динамичностью и многоуровневостью, формирование которой происходит под влиянием целого спектра факторов: цифровизация, реформы законодательства, правоприменительная практика, институциональные изменения и процессы глобализации [1]. Анализ этих факторов не только позволяет определить специфику национального правового развития, но также выявить наиболее острые проблемы современной правовой системы и перспективные направления дальнейшей эволюции.

С одной стороны, современная правовая система предстаёт результатом долгого исторического пути, пересмотра фундаментальных ценностей и адаптации к новым условиям общества. С другой – проявляет способность гибко реагировать на вызовы инновационного века, обеспечивая баланс между традиционными институтами и новыми, формируемыми под воздействием цифровых и глобальных изменений.

В современной юридической науке под фактором развития права понимаются обстоятельства, условия и процессы, оказывающие существенное влияние на траекторию развития и эволюцию правовой системы [2]. Принято различать объективные и субъективные факторы, к которым относятся, соответственно, исторический контекст, социально-экономическое положение, политические особенности, менталитет народа, а также уровень технологического прогресса в обществе [1].

Российское право на протяжении всей своей истории формировалось под влиянием переходных процессов: смена общественного строя, изменение границ, трансформация политических институтов. Особую роль играет Конституция Российской Федерации – основной источник принципов формирования и развития законодательной системы, определяющий ценности, на которых базируется вся последующая эволюция права.

Юридическая мысль подчеркивает тесную взаимосвязь между условием развития права и реальными потребностями общества. Э.И. Королев отмечает, что развитие отечественного права невозможно без учёта особенностей социальной структуры, идеологических позиций и культурных традиций населения. Закон должен служить не только инструментом регулирования, но и механизмом интеграции общества и обеспечения его устойчивого развития [3].

Цифровизация – один из важнейших факторов развития российской правовой системы. Под этим процессом понимается внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в юридическую деятельность, создание электронных институтов, перевод права и законопроектной деятельности в информатизированное пространство [4].

В последние годы существенно изменились механизмы правового регулирования. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и другие нормативные акты заложили основу нового этапа – цифровой трансформации права. Широкое распространение получила система электронного документооборота, дистанционное взаимодействие с государственными органами, формирование единого реестра электронных подписей, онлайн-сервисы юридических консультаций.

Правовые нормы, регулирующие вопросы оборота электронных данных, защиты персональных сведений, внедрения электронных сделок, позволили по-новому взглянуть на границы права в цифровом обществе. Институт электронной подписи стал центральным механизмом легитимации электронных договоров, судебных решений, нотариальных действий в виртуальном пространстве [3].

Цифровизация сделала правовую систему более доступной не только для граждан, но и для бизнеса, органов власти. Внедрение государственных услуг на портале «Госуслуги», развитие электронных судов, виртуальных нотариусов, дистанционных консультаций существенно повысило эффективность правоприменения, повысило уровень прозрачности и доверия к правовой системе.

Вместе с тем цифровизация порождает новые вызовы, связанные с необходимостью адаптации действующего законодательства к специфике цифрового права: регулирование искусственного интеллекта, большие данные, конфиденциальность информации в социальных сетях, виртуальные финансовые активы – все это требует разработки новых нормативных актов и совершенствования юридической науки [4].

Реформирование законодательства выступает важнейшим фактором обновления и развития правовой системы России. Современный этап преобразований в законодательстве связан с необходимостью соответствия быстро меняющимся условиям жизни, экономическим процессам, общественным ожиданиям.

С.Н. Братусь считает, что прерывность и обновляемость законодательства являются сутью развития права: закон корректируется, становится более гибким, приспосабливается к новым социальным реалиям [5]. В последние десятилетия происходило реформирование ключевых отраслей законодательства: Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ. Новые редакции и многочисленные поправки стали ответом на вызовы нового времени – цифровой экономики, развития предпринимательства, необходимости обеспечения защиты прав личности.

Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ ознаменовал реформу социальной сферы, финансовых и налоговых отношений, а многочисленные изменения в уголовном и административном праве усилили защиту конституционных принципов, ужесточили ответственность за цифровые преступления, усовершенствовали институты медиации и альтернативного разрешения споров.

Однако эффективность законодательных реформ во многом зависит от механизмов реализации права. По мнению П.В. Крашенинникова, требуется не только обновлять законы, но и гарантировать их реализацию в практической деятельности государственными органами, формировать высокую правовую культуру общества, внедрять новые стандарты качества правоприменения [6].

Правоприменительная практика – основа стабильного функционирования и развития правовой системы. Она служит индикатором эффективности закона, позволяет выявить пробелы и противоречия в правовом регулировании, влияет на формирование судебных precedентов и развитие новых институтов.

Юристы отмечают, что качество правоприменения определяется не только структурой законодательства, но и профессионализмом исполни-

телей: судей, прокуроров, адвокатов, полицейских [7]. Конкретные правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ оказывают серьезное влияние на законодательную практику: они формируют новые подходы к разрешению споров, особенно в области цифровых контрактов, интеллектуальной собственности, электронной коммерции, гражданских и трудовых правоотношений.

Определения и постановления Конституционного Суда РФ (например, Определение от 13.04.2023 № 594-О) становятся источниками новых правовых стандартов, стимулируют развитие законодательных инициатив, формируют единоеобразие правоприменения во всей стране.

Правоприменительная практика также испытывает влияние процессов цифровизации: внедрение онлайн-судебных процессов, электронных систем мониторинга выполнения решений, применение однотипных алгоритмов для анализа доказательств и разрешения мелких споров – всё это способствует ускорению и упрощению доступа граждан и организаций к юридической защите [2].

Модернизация институтов права – важное направление развития современной российской правовой системы. Создание новых государственных и общественных институтов, внедрение новых форм взаимодействия между гражданами и органами власти способствуют развитию правового государства.

В качестве примера можно привести создание Единого портала государственных услуг, обеспечивающего универсальный доступ к юридически значимым государственным сервисам, а также совершенствование судебной системы: внедрение электронных судов, развитие института медиации, третейских судов и иных форм альтернативного разрешения споров.

Институциональные реформы также затрагивают сферу юридического образования, повышение квалификации специалистов, развитие профессиональных стандартов. Важным моментом выступает формирование системы непрерывного образования: адвокаты, юристы, специалисты по защите персональных данных проходят регулярное обучение в соответствии с меняющимися нормативными требованиями.

Профессионализация кадрового потенциала в государственных органах обеспечивает высокое качество реализации права, способствует развитию эффективных институтов защиты интересов личности, бизнеса, общества.

Процессы глобализации оказывают всё большее влияние на развитие национального права, способствуют интеграции международных стандартов, унификации законодательных норм с учетом международных обязательств [8].

Российское право активно взаимодействует с международными и региональными правовыми системами, что отражается в практике ратификации международных конвенций, транспонировании международных стандартов в национальное законодательство (например, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод). Немаловажную роль играет участие России в таких структурах, как Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз – эти объединения требуют унификации правовых норм, согласования ключевых стандартов, а также развития механизмов взаимного признания решений судов.

В то же время международное право становится всё более значимым для российских граждан и бизнеса: российские суды применяют нормы международных договоров, решения международных судебных органов, что ускоряет развитие нормативной правовой базы и стимулирует совершенствование национального законодательства.

Современная система факторов формирования российского права содержит ряд сложных проблем. Основные сложности связаны с недостаточной скоростью проведения реформ, низкой правовой культурой общества, разрывом между теорией и практикой реализации закона, трудностями внедрения современных цифровых технологий в консервативные институты [5].

Недостаточная интеграция институциональных изменений, сопротивление старых форм организации государственной власти, опасения по поводу расширения цифровых механизмов – всё это создает вызовы, требующие комплексных решений на уровне философии права, юридического образования, бизнеса и государства.

Тем не менее перспективы дальнейшего развития российской правовой системы во многом позитивны. Цифровизация права, расширение международного сотрудничества, внедрение инновационных технологий, реформирование законодательства и увеличение роли правоприменительной практики имеют потенциал для повышения эффективности и справедливости всей правовой системы [9].

Ключевыми направлениями развития выступают: совершенствование нормативно-правовой базы, внедрение прогрессивных цифровых технологий, повышение прозрачности деятельности государственных органов, развитие институтов альтернативного разрешения споров и стимулирование правовой культуры населения.

Развитие российского права обусловлено комплексным воздействием цифровизации,

реформирования законодательства, совершенствования правоприменительной практики, институциональных трансформаций и влиянием глобализации. Анализ этих факторов позволяет выявить основные тенденции и определить стратегические направления дальнейшей эволюции правовой системы России. Успешное развитие возможно только при гармоничном сочетании инновационных подходов, строгом соблюдении фундаментальных принципов, интеграции международных стандартов и постоянном повышении правовой культуры общества [7].

В будущем российская правовая система способна стать эффективным инструментом обеспечения прав и интересов граждан, поддержания экономического роста, интеграции в мировое юридическое пространство. Для этого необходимо не только совершенствовать действующее законодательство и реформировать существующие институты, но и формировать новую философию права – ориентированную на инновации, открытость и социальную справедливость.

Список литературы:

- [1] Кутафин О.Е. Правовая система современной России: проблемы и перспективы. – М.: Проспект, 2019. – 352 с.
- [2] Новгородцев П.И. Теоретические основы права. – М.: Наука, 2020. – 416 с.
- [3] Королев Э.И. Особенности системы факторов развития современного российского права. – М.: Наука, 2022. – 215 с.
- [4] Савенков А.И. Цифровизация права: возможности и перспективы // Государство и право. – 2022. – №7. – С. 112–121.
- [5] Братусь С.Н. Механизмы развития российского законодательства. – М.: Юридическая литература, 2018. – 288 с.
- [6] Крашенинников П.В. Реформы российского законодательства: современные тенденции. – М.: Эксмо, 2021. – 304 с.
- [7] Хабриева Т.Я. Современное правоприменение в России. – М.: Юридический мир, 2018. – 272 с.
- [8] Зарубина О.И. Международное право и российское законодательство. – М.: Инфотрек, 2021. – 230 с.
- [9] Грязнова Е.В. Инновационные технологии в юридической деятельности. – М.: Юрайт, 2023. – 192 с.

References:

- [1] Kutafin O.E. Pravovaya sistema sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy. – M.: Prospekt, 2019. – 352 s.

[2] Novgorodcev P.I. Teoreticheskie osnovy prava. – M.: Nauka, 2020. – 416 s.

[3] Korolev E.H.I. Osobennosti sistemy faktorov razvitiya sovremennogo rossijskogo prava. – M.: Nauka, 2022. – 215 s.

[4] Savenkov A.I. Cifrovizaciya prava: vozmozhnosti i perspektivy // Gosudarstvo i pravo. – 2022. – №7. – S. 112–121.

[5] Bratus' S.N. Mekhanizmy razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva. – M.: Yuridicheskaya literatura, 2018. – 288 s.

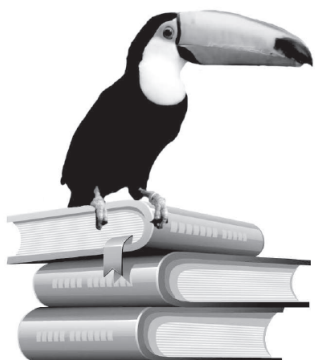
[6] Krashenninnikov P.V. Reformy rossijskogo zakonodatel'stva: sovremennye tendencii. – M.: Ehksmo, 2021. – 304 s.

[7] Khabrieva T.YA. Sovremennoe pravoprimenenie v Rossii. – M.: Yuridicheskij mir, 2018. – 272 s.

[8] Zarubina O.I. Mezhdunarodnoe pravo i rossijskoe zakonodatel'stvo. – M.: Infotrek, 2021. – 230 s.

[9] Gryaznova E.V. Innovacionnye tekhnologii v yuridicheskoy deyatel'nosti. – M.: Yurajt, 2023. – 192 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-335-341

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

НОВИКОВА Надежда Владимировна,
старший государственный инспектор БДД 8
отделения регистрационной работы
МО ГИБДД ТНРЭР № 4 МВД России по г. Москве,
капитан полиции, адъюнкт кафедры административная
деятельность органов внутренних дел,
Московский университет МВД Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя, Москва,
e-mail: vacena2011@mai.ru

РОЛЬ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье проанализирована современная система государственного контроля (надзора) и роли Госавтоинспекции МВД России в области обеспечения безопасности дорожного движения. Исследованы процессы цифровизации надзорных функций, выявлены проблемы организационно-штатного построения специализированных подразделений и определены направления совершенствования нормативно-правовой базы. На основе статистических данных за 2023-2024 годы проанализирована динамика привлечения к административной ответственности, включая структуру выявляемых нарушений и региональные особенности применения технических средств контроля. Особое внимание уделено влиянию законодательных ограничений на правоприменительную практику и системным недостаткам дорожной инфраструктуры. Предложены меры по унификации терминологического аппарата, устранению правовых коллизий в процедурах административного производства и созданию отделов технического надзора в структуре управлений Госавтоинспекции (подразделений Госавтоинспекции на региональном уровне). Научные выводы исследования применимы для разработки рекомендаций по совершенствованию государственного регулирования в сфере безопасности дорожного движения и повышению результативности мероприятий по предупреждению дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, контроль, надзор, безопасность дорожного движения, цифровизация, автоматическая фиксация нарушений, технический надзор.

NOVIKOVA Nadezhda Vladimirovna,
police captain, senior state road safety inspector
of the 8th department of registration work of the State
Traffic Safety Inspectorate of technical supervision
and registration and examination work No. 4 of the Ministry
of Internal Affairs of Russia for the city of Moscow,
adjunct of the department of administrative activities of internal affairs agencies,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Moscow

THE ROLE OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE IN THE SYSTEM OF FEDERAL STATE CONTROL (SUPERVISION) IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC SAFETY

Annotation. This article analyzes the current system of control and supervisory activities of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in ensuring road traffic safety. The processes of digitalization of supervisory functions are examined, problems in the organization-

al and staffing structure of specialized units are identified, and directions for improving the regulatory and legal framework are outlined. Based on statistical data from 2023–2024, the dynamics of administrative penalty activities are analyzed, including the structure of detected violations and regional features of the use of technical control devices. Special attention is given to the impact of legislative restrictions on law enforcement practices and systemic shortcomings of road infrastructure. Measures are proposed for establishing technical supervision departments within the State Traffic Inspectorate, unifying the terminological framework, and resolving legal conflicts in administrative procedures. The results of the study can be used to optimize the state control system in the field of road traffic safety and enhance the effectiveness of preventive activities aimed at reducing road traffic accidents.

Key words: *State Traffic Inspectorate, control, supervisory activities, road traffic safety, digitalization, automated violation detection, administrative fines, technical supervision.*

Современная система правового регулирования деятельности Госавтоинспекции характеризуется комплексным подходом к определению компетенции данного органа. Административные регламенты по направлениям деятельности подразделений Госавтоинспекции играют ключевую роль в структурировании полномочий службы, определяя цели, задачи, права и обязанности сотрудников [1]. Данные документы формируют практическую основу для реализации надзорных функций в сфере безопасности дорожного движения.

Особенностью нормативного регулирования выступает разделение функций Госавтоинспекции на три основные категории: контрольные, надзорные и разрешительные. Такая классификация позволяет более четко определить границы компетенции службы и обеспечить эффективное выполнение возложенных задач по охране жизни, здоровья и имущества граждан, защите их прав и законных интересов.

Анализ правового статуса Госавтоинспекции выявляет его дуалистическую природу, которая проявляется в сочетании функций контрольно-надзорного органа и подразделения органов внутренних дел. Эта особенность создает определенные сложности в организационном построении службы и может влиять на эффективность выполнения основных функций [2].

Неоднозначность правового положения наиболее отчетливо выражается в районных подразделениях, где существует сложность непосредственного административного подчинения ведущего государственного инспектора дорожной безопасности руководству территориального органа внутренних дел. Подобное положение формирует конфликт подчиненности одновременно руководству районного отдела внутренних дел и регионального управления Госавтоинспекции, что порождает организационные препятствия в реализации федеральных полномочий в сфере безопасности дорожного движения.

Сопоставительное исследование основной функции Госавтоинспекции с направлениями

работы по обеспечению безопасности дорожного движения, закрепленными в ФЗ-196 «О безопасности дорожного движения» [3], выявляет расширительное толкование функционала подразделений обеспечения безопасности дорожного движения. Федеральное законодательство предусматривает «контроль за соблюдением нормативных актов в сфере безопасности дорожного движения», что существенно увеличивает границы служебных полномочий ведомства.

Центральной функцией Госавтоинспекции является контроль за выполнением императивных предписаний правовых актов, регламентов, стандартизированных требований и технических условий в сфере безопасности дорожного движения различными категориями субъектов. В сферу ответственности ведомства включается надзор за выполнением законодательных требований хозяйствующими субъектами вне зависимости от организационно-правовых форм, предпринимателями, руководящими работниками предприятий, российскими подданными, зарубежными гражданами, апатридами.

Технологическая трансформация деятельности по контролю (надзору) наиболее ярко проявляется в области автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения. В 2024 году зафиксировано 255 миллионов административных дел о нарушениях Правил дорожного движения (далее — ПДД), из которых 93% оформлены автоматически через камеры на общую сумму 176,3 миллиарда рублей. Количество комплексов фотовидеофиксации достигло 30 тысяч единиц, что свидетельствует о последовательной цифровизации надзорных функций. Однако региональные диспропорции остаются значительными: Москва и Московская область лидируют по количеству правонарушений, тогда как в регионах с низкой плотностью камер нарушения зачастую остаются незамеченными [8].

Анализ структуры выявленных нарушений обязательных требований безопасности дорожного движения указывает на системные проблемы в области содержания дорожной инфраструктуры.

Согласно информации Научного центра безопасности дорожного движения МВД России, в 2024 году в числе нарушений, регулярно выявляемых на участках ДТП, находились:

1. Отсутствие либо неудовлетворительная видимость линейной разметки дорожного полотна

— 62,6% от общего количества происшествий с подобными недостатками.

2. Дефекты обслуживания дорог в холодный период — 23,9%.

3. Отсутствие информационных указателей в требуемых точках — 14,4% [8].

Таблица 1. Основные показатели привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере безопасности дорожного движения в России за 2023 и 2024 годы

Показатель	2023 год	2024 год
Общее число выявленных административных правонарушений	237,6 млн	255 млн
Сумма административных штрафов	170,2 млрд руб.	176,3 млрд руб.
Доля правонарушений, выявленных с помощью работающих в автоматическом режиме специальных технических средств	92%	93%
Лидеры по штрафам	Москва (41,5 млн), Московская область (39,9 млн)	Москва (42,9 млн), Татарстан (9,3 млн)

Анализ динамики размеров административных штрафов показывает существенные изменения в 2024-2025 годах. Если в начале 2024 года средний размер административного штрафа составлял 692 рубля по сравнению с 716 рублями в 2023 году, что первоначально указывало на снижение средней суммы взысканий, то к маю 2025 года ситуация кардинально изменилась [2].

По актуальным данным на май 2025 года, средний размер административного штрафа за нарушения в сфере дорожного движения в России достиг 930 рублей, что означает увеличение на 50% по сравнению с показателями 2024 года. Данное повышение связано с корректировкой размеров санкций, проведенной в конце 2024 года, и отражает политику государства по усилению ответственности за нарушения правил дорожного движения [2].

Особое внимание следует обратить на неизменно высокую долю автоматически оформленных административных правонарушений, которая увеличилась с 92% до 93%, подтверждая доминирующую роль технических средств фиксации в современной системе контроля за соблюдением правил дорожного движения.

Региональное распределение лидеров по количеству административных правонарушений претерпело значительные изменения: если Москва сохранила первенство с незначительным увеличением показателя с 41,5 до 42,9 миллионов

выявленных административных правонарушений, то Московская область уступила второе место Республике Татарстан. Количество протоколов об административных правонарушениях в Республике Татарстан составило 9,3 миллиона, в то время как в Московской области в предыдущем году этот показатель достигал 39,9 миллионов. Столь существенное различие в показателях может свидетельствовать об изменении методологии учета или территориальном перераспределении деятельности в сфере контроля (надзора) [9].

Деятельность по снижению тяжести последствий ДТП составляет одну из основных задач Госавтоинспекции в области обеспечения безопасности дорожного движения и приобретает критическое значение в контексте современной аварийности на российских дорогах. Статистический анализ за 2024 год демонстрирует относительную стабилизацию общих показателей аварийности при сохранении высокого уровня человеческих потерь: при незначительном снижении общего количества ДТП до 132 тысяч (-0,3% к предыдущему году) и числа погибших до 14,4 тысяч человек (-0,7%), количество раненых остается критически высоким и составляет 164,7 тысяч человек. Особую озабоченность вызывает негативная динамика детского травматизма, характеризующаяся ростом ДТП с участием несовершеннолетних на 7,3% (18,038 случаев) и увеличением числа

погибших детей на 2,6%, что свидетельствует о недостаточной эффективности превентивных мер и системы защиты наиболее уязвимых участников дорожного движения. Региональная дифференциация аварийности, где лидирующие позиции занимают Москва (8,9 тыс. ДТП), Краснодарский край (6,1 тыс.) и Нижегородская область (4,6 тыс.), отражает концентрацию транспортных потоков в урбанизированных регионах и указывает на необходимость дифференцированного подхода к реализации мероприятий по обеспечению БДД с учетом специфики транспортно-планировочных условий конкретных территорий [10].

Обозначенные функции реализуются в процессе выполнения контрольных полномочий Госавтоинспекции, составляющих фундамент служебных возможностей ведомства. Системный подход к выполнению данных взаимообусловленных функций дает возможность структуре достигать основной цели – обеспечения сохранности жизни, здоровья и собственности населения, гарантии их прав и правомерных интересов, а также интересов социума и государства в области дорожной безопасности.

Среди основных проблематичных аспектов административно-правового положения Госавтоинспекции следует выделить непосредственную административную зависимость государственного инспектора безопасности дорожного движения в районных подразделениях от руководства территориального органа внутренних дел. Подобная специфика формирует обстоятельства неоднозначной подчиненности, в рамках которой инспектор параллельно отчитывается перед руководством районного отдела внутренних дел и регионального управления Госавтоинспекции [11].

Для разрешения обозначенной проблематики видится рациональным исключить структуры Госавтоинспекции районного звена из организационной структуры территориального органа внутренних дел, сохранив их статус «при ОМВД, МО МВД», что даст возможность ликвидировать вероятность дублированной подчиненности. Подобное организационное решение способствовало бы более четкому определению управленческой вертикали и повышению эффективности функционирования службы [12].

Значительной трудностью в функционировании Госавтоинспекции выступает вовлечение ее персонала в исполнение универсальных полицейских обязанностей, не имеющих прямого отношения к специализированной деятельности по контролю (надзору) в сфере безопасности дорожного движения. Данная проблема носит системный характер и существенно снижает эффективность работы специализированных подразделений,

предназначенных для решения узкопрофильных задач в области обеспечения безопасности дорожного движения.

В число подобных обязанностей входят обеспечение правопорядка общего характера, обнаружение и пресечение криминальных деяний против личности и имущества населения, патрулирование территорий в рамках охраны общественного порядка, а также содействие в расследовании правонарушений и доставке граждан в территориальные органы внутренних дел по уголовным производствам, выявленным не персоналом Госавтоинспекции. Кроме того, сотрудники ДПС нередко привлекаются к обеспечению безопасности массовых мероприятий, розыскной деятельности, исполнению судебных решений и другим функциям, которые отвлекают их от основной специализации.

Такое смешение функций приводит к ряду негативных последствий. Во-первых, снижается качество контроля за соблюдением правил дорожного движения, поскольку сотрудники физически не могут находиться на постах и маршрутах патрулирования. Во-вторых, происходит деградация профессиональных навыков и компетенций в области дорожного надзора, так как персонал вынужден заниматься несвойственными задачами. В-третьих, нарушается принцип рационального использования человеческих ресурсов и специализированной подготовки кадров.

Особую остроту данная проблема приобретает в условиях дефицита кадров в территориальных органах внутренних дел, когда руководство вынуждено использовать имеющийся персонал для решения самых неотложных задач, зачастую в ущерб профильной деятельности. Это создает порочный круг: снижение эффективности работы Госавтоинспекции по основному направлению деятельности ведет к росту аварийности и нарушений ПДД, что, в свою очередь, требует дополнительных усилий для исправления ситуации.

Стоит отметить действовавший в 2002-2008 гг. приказ МВД России № 627 от 20.06.2002 г. [5], в котором содержался прямой запрет на привлечение сотрудников дорожно-патрульной службы для выполнения несвойственных функций. Данный нормативный акт был направлен на обеспечение специализации подразделений ГИБДД и повышение эффективности их работы в сфере безопасности дорожного движения. Однако последующая отмена этого приказа привела к возврату практики использования сотрудников Госавтоинспекции в качестве универсальных полицейских, что негативно сказалось на результатах их профильной деятельности.

Подобная деятельность формирует организационные препятствия в реализации федераль-

ных полномочий по контролю (надзору) в сфере безопасности дорожного движения, так как перекладывает потенциал ведомства с выполнения профильных функций. Распыление функций негативно сказывается на качестве выполнения специализированных обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения.

Организационные недостатки в структуре Госавтоинспекции оказывают прямое воздействие на эффективность деятельности по контролю (надзору). Особую важность представляет проблематика нехватки в организационных звеньях специально назначенных работников технического контроля. Обязанности в сфере технического контроля распределяются между государственными инспекторами безопасности дорожного движения под началом вышестоящих государственных инспекторов безопасности дорожного движения, что влечет за собой объединение разнородных векторов работы.

Осуществленное анкетирование работников Управления ГИБДД ГУ МВД России по г. Москве (далее – УГИБДД) выявило, что 58 респондентов (46,4%) признают целесообразным включение в штатную структуру позиции государственного инспектора (старшего) технического контроля, заменив должности государственных инспекторов по обеспечению дорожной безопасности. Одновременно 42 опрошенных (33,6%) не поддерживают данную инициативу, а 25 участников (20%) считают, что модификация наименования должности не повлияет на исполнение профессиональных функций. Учитывая специфику работы столичной Госавтоинспекции и высокую интенсивность дорожного движения в Москве, для повышения эффективности надзорных мероприятий за субъектами, эксплуатирующими транспортные средства, предлагается создать в штатном расписании УГИБДД специализированный отдел технического надзора с непосредственным подчинением их руководителей начальнику управления Госавтоинспекции.

Терминологические изменения в сфере государственного надзора за безопасностью дорожного движения отражают существенную трансформацию данного правового института. Понятие «федеральный государственный надзор в сфере безопасности дорожного движения» по существу пришло на смену применявшемуся прежде определению «государственный контроль (надзор) за выполнением правил, стандартов, технических требований и прочих предписаний нормативных актов в области обеспечения дорожной безопасности». Данный правовой механизм был закреплен ФЗ от 18 июля 2011 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

РФ по вопросам реализации государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [12].

Развитие данного понятия сопровождалось не только изменением наименования контрольной деятельности, но и трансформацией ее сущности. Анализируемый тип надзора получил статус «федерального» и стал обозначаться исключительно термином «надзор», а не как равнозначное «контролю» понятие. Федеральный надзор был установлен в качестве одного из двенадцати ключевых векторов обеспечения дорожной безопасности, а его организация и реализация были отнесены к компетенции Российской Федерации, что демонстрирует его важность в решении задач по профилактике дорожно-транспортного травматизма [13].

Различие федерального надзора от предыдущей формы деятельности состоит в особенностях организации и осуществления инспектирования работы хозяйствующих субъектов и предпринимателей, которые должны выполнять требования безопасности в сфере дорожного движения. Строгая регулятивность и ограничения при проведении соответствующих инспекций вызваны объективной потребностью гарантирования соблюдения прав и правомерных интересов поднадзорных субъектов, ведущих коммерческую деятельность.

Транспортный контроль Госавтоинспекции реализуется главным образом в отношении организаций и частных предпринимателей посредством осуществления инспекций и прочих действий. Тем не менее указанный нормативный акт на данный момент частично утратил актуальность, так как деятельность по контролю (надзору) в нем регламентирована согласно положениям Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ [4], в то время как с 1 июля 2021 г. начал действовать Федеральный закон от 31 июля 2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [4]. Осуществляемое реформирование исследуемой сферы характеризуется некоторой непоследовательностью, результатом чего стала ситуация «дублированного регулирования» – параллельного функционирования двух нормативных актов, регламентирующих аналогичные правовые отношения.

С целью повышения эффективности исполнения служебных функций государственными инспекторами дорожной безопасности и обеспечения комплексности контрольных мероприятий в отношении субъектов, использующих автотранспорт, целесообразно сформировать в организационной структуре управлений Госавтоинспекции отделы технического надзора. Начальник создан-

ного контрольного подразделения должен находиться в прямом административном подчинении у руководителя управления Госавтоинспекции. Указанные структурно-кадровые преобразования позволят эффективно осуществлять контрольные мероприятия в отношении деятельности организаций и частных лиц, использующих автотранспортные средства.

Развитие законодательной основы функционирования Госавтоинспекции нуждается в стандартизации понятийного аппарата, применяемого в разнообразных нормативных документах. Исследование основной цели Госавтоинспекции и активности по гарантированию дорожной безопасности, представленной в ФЗ № 196, демонстрирует некоторые несоответствия в определениях.

Для устранения терминологических противоречий необходимо привести в соответствие формулировки задач и функций службы на законодательном уровне. Унификация понятийного аппарата позволит четко определить компетенцию Госавтоинспекции и исключить возможность неоднозначного толкования полномочий службы при осуществлении деятельности по контролю (надзору) в области безопасности дорожного движения.

По результатам проведенного анализа можно констатировать, что деятельность Госавтоинспекции по контролю (надзору) в сфере безопасности дорожного движения находится в состоянии активной трансформации, обусловленной как технологическими инновациями, так и законодательными изменениями. Цифровизация надзорных функций, проявляющаяся в масштабном внедрении систем автоматической фиксации нарушений (93% от 255 миллионов протоколов об административных правонарушениях в 2024 году), демонстрирует высокую эффективность технологических решений, однако выявляет проблему региональных диспропорций в обеспечении контроля. Одновременно законодательные ограничения 2022-2023 годов, требующие согласования с прокуратурой при возбуждении административных дел, существенно снизили правоприменительную активность службы (сокращение в 3,5 раза), что создает противоречие между выявлением нарушений и их процессуальным оформлением. Системные недостатки дорожной инфраструктуры (62,6% ДТП связаны с отсутствием разметки) указывают на необходимость усиления профилактической составляющей деятельности. Для повышения эффективности деятельности по контролю (надзору) требуется комплексный подход, включающий совершенствование организационно-штатной структуры специализированных подразделений, устранение правовых коллизий в

процедурах административного производства и обеспечение сбалансированного развития цифровых технологий контроля во всех регионах Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения (Зарегистрировано в Минюсте России 30.06.2023 № 74087): Приказ МВД России от 02.05.2023 № 264. Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 02.06.2025).

[2] Беликов И. Назван средний размер штрафа за нарушение ПДД в России в 2025 году // Рамблер. 2025. URL: <https://auto.rambler.ru/novosti/54726013/> (дата обращения: 16.06.2025).

[3] О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 02.06.2025).

[4] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 02.06.2025).

[5] О мерах по совершенствованию деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения и укреплению доверия к ней со стороны участников дорожного движения: Приказ МВД РФ от 02.07.2002 N 627 (ред. от 10.08.2006) (Утратил силу). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 02.06.2025).

[6] Майоров В. И. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России: проблемы и перспективы / В. И. Майоров, С. В. Полякова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 4 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-gosavtoinspektsii-mvd-rossii-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 03.06.2025).

[7] Капустина Е. Г. Способы формирования у участников дорожного движения устойчивых навыков безопасного поведения на дорогах / Е. Г. Капустина // Закон и право. 2023. № 11. С. 93–96.

[8] Научный центр безопасности дорожного движения МВД России. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году: информационно-аналитический обзор. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/11400230> (дата обращения: 26.06.2025).

[9] Показатели состояния безопасности дорожного движения // Госавтоинспекция: официальный сайт. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 03.06.2025).

[10] Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2024 года: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. – 36 с.

[11] Дуброва В. А. Административно-юрисдикционная деятельность Госавтоинспекции. Современные проблемы реализации, пути решения / В. А. Дуброва // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 224–227.

[12] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 18.07.2011 № 242-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 02.06.2025).

[13] Шукаева И. Н. Деятельность подразделений технического надзора Госавтоинспекции МВД России: проблемы организационно-штатного построения и пути решения / И. Н. Шукаева, И. А. Былинин // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции, Орёл, 20–21 апреля 2023 года / редкол.: Д. Л. Проказин [и др.]. Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2023. С. 425–430.

References:

[1] Ob utverzhdenii Poryadka osushchestvleniya nadzora za soblyudeniem uchastnikami dorozhnogo dvizheniya trebovanij zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 30.06.2023 № 74087): Prikaz MVD Rossii ot 02.05.2023 № 264. Dostup: SPS «Konsul'tant Plyus Prof» (Data obrashcheniya: 02.06.2025).

[2] Belikov I. Nazvan srednij razmer shtrafa za narushenie PDD v Rossii v 2025 godu // Rambler. 2025. URL: <https://auto.rambler.ru/novosti/54726013/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).

[3] O bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 № 196-FZ (red. ot 08.08.2024). Dostup: SPS «Konsul'tant Plyus Prof» (Data obrashcheniya: 02.06.2025).

[4] O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ (red. ot 28.12.2024). Dostup: SPS «Konsul'tant Plyus Prof» (Data obrashcheniya: 02.06.2025).

[5] O merah po sovershenstvovaniyu deyatelnosti Gosudarstvennoj inspekcii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i ukrepleniyu doveriya k nej so

storony uchastnikov dorozhnogo dvizheniya: Prikaz MVD RF ot 02.07.2002 N 627 (red. ot 10.08.2006) (Utratil silu). Dostup: SPS «Konsul'tant Plyus Prof» (Data obrashcheniya: 02.06.2025).

[6] Majorov V. I. Cifrovizatsiya kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti Gosavtoinspekcii MVD Rossii: problemy i perspektivy / V. I. Majorov, S. V. Polyakova // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2024. № 4 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-gosavtoinspekcii-mvd-rossii-problemy-i-perspektivy> (data obrashcheniya: 03.06.2025).

[7] Kapustina E. G. Sposoby formirovaniya u uchastnikov dorozhnogo dvizheniya ustojchivyh navykov bezopasnogo povedeniya na dorogah / E. G. Kapustina // Zakon i pravo. 2023. № 11. С. 93–96.

[8] Nauchnyj centr bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya MVD Rossii. Dorozhno-transportnaya avarijnost' v Rossijskoj Federacii v 2024 godu: informacionno-analiticheskij obzor. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/11400230> (data obrashcheniya: 26.06.2025).

[9] Pokazateli sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Gosavtoinspekcija: oficial'nyj sajt. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (data obrashcheniya: 03.06.2025).

[10] Dorozhno-transportnaya avarijnost' v Rossijskoj Federacii za 6 mesyacev 2024 goda: informacionno-analiticheskij obzor. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. – 36 с.

[11] Dubrova V. A. Administrativno-yurisdikcionnaya deyatel'nost' Gosavtoinspekcii. Sovremennye problemy realizacii, puti resheniya / V. A. Dubrova // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 1. С. 224–227.

[12] O vnesenii izmenenij v otel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya: Federal'nyj zakon ot 18.07.2011 № 242-FZ (red. ot 30.12.2021). Dostup: SPS «Konsul'tant Plyus Prof» (Data obrashcheniya: 02.06.2025).

[13] SHukaeva I. N. Deyatel'nost' podrazdelenij tekhnicheskogo nadzora Gosavtoinspekcii MVD Rossii: problemy organizacionno-shtatnogo postroeniya i puti resheniya / I. N. SHukaeva, I. A. Bylinin // Upravlenie deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya: sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Oryol, 20–21 aprelya 2023 goda / redkol.: D. L. Prokazin [i dr.]. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova, 2023. С. 425–430.

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к правовой природе административного судопроизводства. Автором изучается заложенная в Кодексе об административном судопроизводстве Российской Федерации законодательная основа и административно-процессуальная форма, предназначенной для полноценного рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции административных дел. Дается оценка исключению производства по делам из публичных правоотношений из норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Рассматриваются высказывающиеся сомнения в универсальной самостоятельности и самодостаточности административного процесса. Выдвигаются предположения о сохраняющейся «двойкой» природе российской модели административного судопроизводства.

Ключевые слова: административное судопроизводство, вид правосудия, правовое регулирование.

SHESTAK Viktor Anatolyevich,
Professor of the 25th Department
(Military Administration, administrative and financial law)
of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Science, Moscow

ON THE ISSUE OF THE PLACE OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Annotation. The article discusses approaches to the legal nature of administrative legal proceedings. The author studies the legislative framework and administrative procedure form laid down in the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, designed for full-fledged consideration and resolution of administrative cases by courts of general jurisdiction. An assessment is given of the exclusion of proceedings in cases from public legal relations from the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The article considers the doubts expressed about the universal independence and self-sufficiency of the administrative process. Assumptions are made about the continuing “dual” nature of the Russian model of administrative proceedings.

Key words: administrative proceedings, type of justice, legal regulation.

Позиция приверженцев административного процесса, которой они придерживаются в борьбе за оправданность существования Кодекса об административном судопроизводстве Российской Федерации (далее – КАС РФ¹) и опровержение его «вторичности»,

полагаем, заключается в следующем. КАС РФ является законодательной основой и административно-процессуальной формой, предназначенной для полноценного рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции административ-

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от

07.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения 08.09.2025).

ных дел, чем положил начало развитию судебной практики по административным делам в соответствии с административно-процессуальными нормами [1, 3].

Цивилисты не всегда разделяют данный подход, полагая, что административный процесс является классическим слепком гражданского процесса в силу совпадения ключевых принципов, стадий и правил. Более того сторонники гражданского процесса расценивают исключение производства по делам из публичных правоотношений из норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹ дезинтеграцией гражданского процесса, полагая, что дела, возникающие из публичных правоотношений, вообще не относятся к административному судопроизводству. С их точки зрения административное судопроизводство – это производство по делам о привлечении к административной ответственности и об обжаловании постановлений административных органов.

Представляется, что почву для приведенных выводов, которые отстаивают цивилисты, дает как сам КАС РФ, так и содержащийся в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) перечень способов защиты гражданских прав², который с принятием КАС РФ никаких изменений не претерпел. Среди таких способов статья 12 ГК РФ называет и признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления. Конкретизируя этот способ защиты гражданских прав, статья 13 ГК РФ в части 2 говорит о том, что в случае признания ненормативного акта недействительным нарушенное право подлежит восстановлению либо защите иными способами, предусмотренными статьей 12 ГК РФ.

Анализ приведенных норм ГК РФ свидетельствует о возникающей сложности не согласиться с утверждением о «вторичности» административного процесса или же об его отсутствии при рассмотрении публичных требований вовсе [2]. Полагая, что такое утверждение основано на следующем. Действующий правовой порядок допускает, что защита нарушенного права (если речь идет о гражданском праве), в основе нарушения которого лежит публичный акт (действие, решение должностного лица), может последовательно осуществляться двумя способами. Первый способ

состоит из двух этапов. Изначально лицо оспаривает ненормативный акт – и тогда это требование, по общему правилу, будет рассматриваться в порядке административного судопроизводства: в судах общей юрисдикции – по КАС РФ, в арбитражных судах – согласно разделу III Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³. Получив положительное решение о незаконности оспариваемого акта, это лицо уже в порядке гражданского судопроизводства восстанавливает свое нарушенное право одним из способов, указанных в статье 12 ГК РФ (к примеру, посредством предъявления требования о возмещении убытков).

При этом не исключен и второй, более быстрый способ защиты права, нарушенного административным актом. Так, лицо может немедленно обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства за возмещением убытков. В таком случае законность публичного акта (действия, решения) будет оцениваться судом уже в гражданском процессе как подтверждение обоснованности исковых требований. Оправданность подобной альтернативы подтверждает и судебная практика, в том числе и на уровне разъяснений высших судов (к примеру, пункт 4 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами)⁴.

В этой связи может возникнуть предположение, что российский правопорядок не требует последовательного соблюдения процессов, а кроме того, допускает своеобразное «поглощение» административного процесса гражданско-процессуальной формой, что ставит в уязвимое положение утверждение об «универсальности» административного процесса. Более того, если исполнение оспариваемого акта привело к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, споры о признании таких актов недействительными подлежат рассмотрению в порядке гражданского, а не в порядке административного судопроизводства.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 08.09.2025).

⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 №145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116799/dfd7b059123c0d35722182d4de1855424e300e9c/ (дата обращения: 08.09.2025).

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 08.09.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.09.2025).

Такое тезис можно сформировать из системного анализа вышеприведенных положений ГК РФ и части 4 статьи 1 КАС РФ.

Отметим, что подобной позиции склонен придерживаться и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который дал соответствующее разъяснение в пункте 1 своего постановления от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»¹. В качестве подобных дел Пленум указал следующие споры, возникшие на основании акта (действия, решения) публичного органа или его должностного лица: служебные споры, в том числе дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами трудовых прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда. Думается, что приведенный перечень может быть продолжен, что может формировать сомнение в универсальной самостоятельности и самодостаточности административного процесса, т.к. им охватывается далеко не весь объем дел с публичным элементом.

Вместе с тем современными требованиями нормы, предусмотренной статьей 118 Конституции Российской Федерации, определена возможность осуществления судебной власти посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205136/ab0edd6010c62b4893e5dff2841282fd16951aef/ (дата обращения 08.09.2025).

² Конституция Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.09.2025); Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации

Таким образом, отечественный законодатель уже с принятием 12.12.1993 Конституции Российской Федерации, по сути, дал однозначный ответ в возникающем вопросе о якобы «вторичности» административного судопроизводства, определив его в качестве самостоятельного вида правосудия. Хотя российская модель административного судопроизводства и продолжает сохранять свою «двоякую» природу как с точки зрения органа, компетентного на его осуществление, так и с точки зрения полноты требований, которые с участием публичного элемента подлежат судебной защите в данном процессуальном порядке.

Список литературы:

[1] Ноздрачев А.Ф. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления). М., 2020. 496 с.

[2] Сахнова Т.В. О сущности цивилистического процесса и его современных тенденциях / Т.В. Сахнова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 2 (277). 2008. С. 81-92.

[3] Старилов Ю.Н. Кодекс административного судопроизводства: значение для судебной и административной практики проблемы преподавания учебного курса // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 9-10.

References:

[1] A.F. Nozdrachev. Modernization of administrative legislation (goals, objectives, principles and current directions). M., 2020. 496 pp.

[2] Sakhnova T.V. On the essence of the civil process and its modern trends/T.V. Sakhnova//News of higher educational institutions. Jurisprudence. № 2 (277). 2008. S. 81-92.

[3] Starilov Yu.N. Code of Administrative Procedure: Importance for Judicial and Administrative Practice of the Problem of Teaching a Training Course//Administrative Law and Process. 2015. № 7. S. 9-10.

от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 08.09.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-345-348

МАКЕЕВА Ирина Александровна,
доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин,
кандидат юридических наук,
доцент, Ленинградский областной филиал
СПбУ МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

МУСИН Игорь Ринатович,
преподаватель кафедры
административной деятельности
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА УЛИЦАХ И В ДРУГИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ СИЛАМИ ППСП

Аннотация. В статье рассматривается деятельность руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на улицах и в других общественных местах силами ППСП. Проводится краткий анализ управленческих мер, направленных на обеспечение эффективного функционирования подразделения в повседневных условиях и при возникновении чрезвычайных ситуаций. Исследуются вопросы взаимодействия сотрудников ППСП с иными подразделениями при выполнении служебных задач по обеспечению общественного порядка.

Ключевые слова: руководитель, патрульно-постовая служба, административное правонарушение, общественная безопасность общественный правопорядок, общественное место.

MAKEEVA Irina Aleksandrovna,
Associate Professor of the Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines, Candidate of Law,
Associate Professor, Leningrad Regional Branch
of the St. Petersburg State University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

MUSIN Igor Rinatovich,
lecturer at the Department of Administrative Activities
of the Tver Branch of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot, police Colonel

ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF MANAGERS FOR THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND ENSURING PUBLIC SAFETY ON THE STREETS AND IN OTHER PUBLIC PLACES BY THE SECURITY FORCES

Annotation. *The article examines the activities of the heads of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level to protect public order and ensure public safety on the streets and in other public places by the security forces. A brief analysis of management measures aimed at ensuring the effective functioning of the unit in everyday conditions and in case of emergencies is carried out. The issues of interaction of the staff of the CPP with other departments in the performance of official tasks to ensure public order are being investigated.*

Key words: *supervisor, patrol and guard service, administrative offense, public safety, public order, public place.*

Деятельность руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне характеризуется непосредственной близостью к практической реализации задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Именно на этом уровне управления стратегические установки и планы трансформируются в конкретные тактические решения и действия сотрудников патрульно-постовой службы полиции на обслуживаемой территории.

Руководители районного уровня осуществляют оперативное руководство и управление деятельностью патрульно-постовой службы полиции (далее – ППС) посредством реализации комплекса организационно-практических мер, направленных на обеспечение эффективного функционирования подразделения в повседневных условиях и при возникновении чрезвычайных ситуаций. В основе этой деятельности лежит принцип единоначалия, предполагающий персональную ответственность руководителя за принимаемые решения и их последствия.

Ключевым элементом системы оперативного управления является дежурная часть территориального органа, функционирующая в круглосуточном режиме. Руководители районного уровня обеспечивают ее надлежащее комплектование, техническое оснащение и методическое сопровождение. Взаимодействие дежурной части с нарядами ППС строится на основе непрерывного информационного обмена, включающего передачу сведений о складывающейся оперативной обстановке, поступающих сообщениях о происшествиях, местонахождении и маршрутах движения нарядов.

Оперативное реагирование на происшествия и вызовы предполагает мобилизацию необходимых сил и средств, их своевременное направление к месту происшествия, координацию действий задействованных подразделений. Руководители районного уровня лично контролируют реагирование на наиболее серьезные происшествия, выезжая на место происшествия, принимая непосредственное участие в организации розыскных мероприятий, обеспечении сохранности следов преступления, работе с очевидцами и потерпевшими.

Эффективность деятельности ППС во многом определяется качеством планирования и организации патрулирования на обслуживаемой территории. Руководители районного уровня осуществляют данную функцию с учетом результатов комплексного анализа оперативной обстановки, включающего выявление наиболее криминогенных зон и временных интервалов, типичных способов совершения преступлений, категорий потенциальных правонарушителей и потерпевших.

Определение маршрутов патрулирования и расстановка постов производятся с учетом дислокации объектов особой важности, мест массового пребывания граждан, транспортных узлов, торговых и развлекательных центров, а также территорий с повышенным уровнем криминальной активности. При этом учитываются особенности местности, включая рельеф, наличие естественных преград, удаленность от места дислокации подразделения ППС, транспортную доступность.

Особое внимание уделяется временной составляющей организации патрулирования. Руководители районного уровня обеспечивают адаптацию графика работы нарядов ППС к суточной, недельной и сезонной динамике криминальной активности, усиливая плотность патрулирования в наиболее проблемные периоды, такие как вечернее и ночное время, выходные и праздничные дни, период проведения массовых мероприятий.

Комплексный характер задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности требует эффективного взаимодействия ППС с иными подразделениями полиции и другими правоохранительными органами. Руководители районного уровня выступают организаторами такого взаимодействия, обеспечивая согласованность действий различных служб при решении общих задач.

Взаимодействие ППС с подразделениями уголовного розыска предполагает обмен информацией о лицах, представляющих оперативный интерес, местах концентрации криминального элемента, готовящихся и совершенных преступлениях. Наряды ППС привлекаются к участию в оперативно-розыскных мероприятиях, включая наблюдение за местами возможного появления

разыскиваемых лиц, отработку жилого сектора, оказание содействия при задержании подозреваемых.

Сотрудничество с подразделениями ГИБДД реализуется через проведение совместных рейдов по выявлению нарушений правил дорожного движения, контроль за соблюдением правил парковки, обеспечение безопасности дорожного движения при проведении массовых мероприятий. Наряды ППСП оказывают содействие инспекторам ДПС при оформлении дорожно-транспортных происшествий, осуществлении розыска угнанных транспортных средств, пресечении попыток уклонения от прохождения медицинского освидетельствования.

Координация действий различных подразделений осуществляется через проведение совместных инструктажей перед заступлением на службу, регулярный обмен информацией в ходе несения службы, а также проведение оперативных совещаний по результатам совместных мероприятий. Руководители районного уровня обеспечивают четкое разграничение полномочий взаимодействующих подразделений, определяют порядок совместных действий при различных сценариях развития оперативной обстановки.

Эффективность деятельности ППСП напрямую зависит от профессиональных качеств сотрудников, их мотивации и дисциплинированности. Руководители районного уровня уделяют значительное внимание работе с личным составом, создавая условия для профессионального роста сотрудников и поддержания высокого уровня служебной дисциплины.

Профессиональная подготовка сотрудников ППСП осуществляется в рамках системы служебной подготовки, включающей занятия по правовой, огневой, физической и тактико-специальной подготовке. Руководители районного уровня обеспечивают регулярность проведения занятий, их методическое сопровождение, контроль уровня усвоения учебного материала. Особое внимание уделяется отработке практических навыков действий в типичных и экстремальных ситуациях, возникающих при несении службы на маршрутах патрулирования.

Контроль за соблюдением дисциплины и законности в деятельности ППСП предполагает систематическое проведение проверок несения службы нарядами, анализ обращений граждан, содержащих информацию о возможных нарушениях со стороны сотрудников, проведение служебных проверок по фактам нарушений. Руководители районного уровня формируют в подразделении атмосферу нетерпимости к нарушениям законности, обеспечивают неотвратимость дисциплинарной ответственности за допущенные про-

ступки, а также поощрение сотрудников, добросовестно исполняющих служебные обязанности.

Непрерывное совершенствование деятельности ППСП требует систематического анализа и объективной оценки достигнутых результатов. Руководители районного уровня осуществляют данную функцию на основе комплексного подхода, предполагающего учет как количественных, так и качественных показателей работы подразделения.

Статистические данные о количестве выявленных и пресеченных преступлений и административных правонарушений, числе задержанных лиц, раскрытых преступлений сопоставляются с аналогичными показателями за предыдущие периоды, а также с результатами работы аналогичных подразделений. При этом учитываются особенности оперативной обстановки, изменения численности личного состава и материально-технического обеспечения.

Аналитические отчеты, формируемые на основе статистических данных, содержат информацию о динамике основных показателей, выявленных тенденциях, проблемных аспектах деятельности подразделения. На основе результатов анализа руководители районного уровня разрабатывают и внедряют меры по совершенствованию работы ППСП, включающие оптимизацию расстановки сил и средств, корректировку маршрутов патрулирования, совершенствование системы контроля за несением службы, повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников.

Особое внимание уделяется внедрению современных технологий в деятельность ППСП, включая использование систем позиционирования нарядов, средств видеофиксации, мобильных устройств для проверки документов и идентификации личности. Руководители районного уровня обеспечивают техническое оснащение подразделения, обучение сотрудников работе с новым оборудованием, а также контроль за эффективностью его использования.

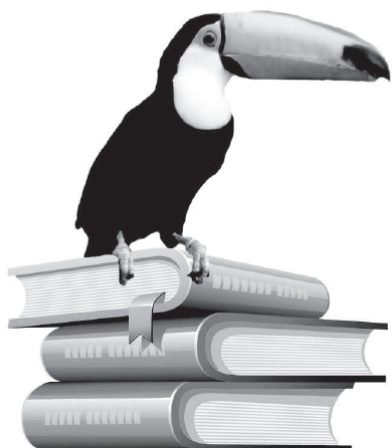
Таким образом, деятельность руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности силами патрульно-постовой службы полиции представляет собой комплексный процесс, направленный на практическую реализацию задач, возложенных на полицию в данной сфере. Эффективность этой деятельности определяется способностью руководителей адаптировать общие установки к конкретным условиям обслуживаемой территории, рационально использовать имеющиеся ресурсы, а также своевременно реагировать на изменения оперативной обстановки.

Список литературы:

[1] Корякин, В. М., Правоохранительная деятельность на транспорте : учебник / В. М. Корякин. — Москва : КноРус, 2024. — 331 с. — ISBN 978-5-406-11916-7. — URL: <https://book.ru/book/950125> (дата обращения: 21.04.2025). — Текст : электронный.

References:

[1] Koryakin, V. M., Pravookhranitel'naya deyatel'nost' na transporte : uchebnik / V. M. Koryakin. — Moskva : KnORus, 2024. — 331 s. — ISBN 978-5-406-11916-7. — URL: <https://book.ru/book/950125> (data obrashcheniya: 21.04.2025). — Tekst : ehlektronnyj.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-349-351

ЖИХАРЕВ Д.П.,

Аспирант Санкт-Петербургского
университета технологий управления и экономики
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: dzhikharev@gmail.com

Научный Руководитель:

БАДАНОВА Елена Вениаминовна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
и процесса Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ
РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАТОВ СМОТРЕНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

Аннотация. В настоящий момент наблюдается явный дисбаланс в регулировании различных форматов просмотра аудиовизуальной продукции. Прежде всего очевиден недостаток разработки законодательных механизмов функционирования аудиовизуальных сервисов как нового формата проката аудиовизуальных произведений. На примере законодательного регулирования по вопросу выдачи прокатных удостоверений, будет дана оценка возможности применения аналогичного регулирования для целей проката аудиовизуальной продукции на иных платформах. В работе также рассмотрена терминология, применяемая в сфере кино, а также оценена возможность ее использования на иных платформах.

Ключевые слова: аудиовизуальный сервис; прокат; прокатное удостоверение; демонстрация фильма с помощью других технических средств; общественный интерес; социальные сети.

ZHIKHAREV D.P.,

Postgraduate Student at St. Petersburg
University of Management Technologies and Economics
St. Petersburg, Russia

Scientific supervisor:

BADANOVA Elena Veniaminovna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Civil Law
and Procedure, St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics
St. Petersburg, Russia

**FEATURES OF FUNCTIONING AND REGULATION OF VARIOUS
FORMATS OF VIEWING AUDIOVISUAL WORKS**

Annotation. *Currently, there is a clear imbalance in the regulation of various formats of viewing audiovisual products. First of all, there is an obvious lack of development of legislative mechanisms for the functioning of audiovisual services as a new format for the rental of audiovisual works. Using the example of legislative regulation on the issue of issuing distribution certificates, an assessment will be given of the possibility of applying similar regulation for the purposes of renting audiovisual products on other platforms. The paper also examines the terminology used in the field of cinema, and assesses the possibility of its use on other platforms.*

Key words: *audiovisual service; rental; rental certificate; showing of a film by other technical means; public interest; social networks*

В гражданском праве существует понятие «аудиовизуальное произведение», которое позволило объединить произведения кино, телевидения, видео и иные объекты, основанные на одновременном зрительном и слуховом восприятии. В настоящее время аудиовизуальные произведения занимают особое место среди других объектов, охраняемых авторским правом во всем мире [1]. На сегодняшний день форм просмотра в сети Интернет достаточно и грани между платформами постепенно размываются. Если провести категоризацию существующих на сегодняшний день платформ, где размещаются аудиовизуальные произведения, то по мнению автора, она будет выглядеть следующим образом.

Первым в списке идет аудиовизуальный сервис, он же онлайн-кинотеатр. Подобные сервисы являются легальной частью рынка профессионального видеоконтента, и каждый такой сервис включен в профильный реестр, который доступен на сайте Роскомнадзора (<https://rkn.gov.ru/opendata/7705846236-AudiovisualService-table/>). На момент написания статьи, сервисов зарегистрировано 23, среди них помимо непосредственно онлайн-кинотеатров, также указаны официальные сайты крупнейших телекомпаний. Сервис определяется следующими критериями, изложенными в ст.10.5 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» N 149-ФЗ: владелец сайта (информационной системы или программы) распространяющий аудиовизуальные произведения за плату и (или) при условии просмотра рекламы. Количественный критерий определяет общую численность посетителей в течение суток — более ста тысяч пользователей. Что аудиовизуальными сервисами не является законодатель определил методом исключения в п.16 той же статьи. Это СМИ, поисковые системы, информационные ресурсы, на которых аудиовизуальные произведения размещаются преимущественно пользователями сети «Интернет». Последнее определение, вероятно, означает социальные сети и смежные ресурсы. На самом сервисе материалы не должны быть связаны с телеканалами или программами, не оформленными как СМИ [2].

Наиболее близки содержательно к аудиовизуальным сервисам онлайн-сервисы для хостинга и просмотра видео в онлайн формате (Rutube, VK Видео). На таких платформах контент выкладывают и авторы и правообладатели, а также любые пользователи. Модерация в целях защиты исключительных прав, а также иных обязательных требований, предъявляемых к контенту не всегда эффективна, поскольку либо проходит в автоматическом режиме, либо с минимальным участием модератора. Возможность оценить критерий количества аудиовизуальных произведений, размещенных лицами, не являющимися владельцами информационного ресурса не представлена широкому кругу лиц, поскольку данная информация не является открытой.

Следующая категория — информационные ресурсы, на которых аудиовизуальные произведения размещаются преимущественно пользователями сети «Интернет» (или социальные сети). Разделение между социальной сетью и хостингом для просмотра видео вообще может быть номинальной, например в случае с социальной сетью VK. Очевидно, что в реестре аудиовизуальных сервисов не перечислены социальные сети. Хотя совокупный объем аудитории VK Видео почти в 5 раз больше (активная месячная аудитория сервиса составляет 72,2 млн.пользователей) (https://vk.com/wall-73662138_905010), чем у самого большого аудиовизуального сервиса РФ, в то время как у Кинопоиска 14 млн. пользователей (<https://habr.com/ru/news/868442/>). С целью однозначного отнесения ресурсов к ним, Роскомнадзор определил критерии в приказе от 26.06.2017 N 113. Это и критерий независимого действия (возможность размещения, удаления и редактирования пользователем), критерий гарантий прав правообладателей (возможность обращения с требованием об удалении), критерий количества размещенных произведений (в течение одного месяца превышает число произведений, размещенных владельцем сервиса и (или) третьими лицами на основании лицензионного договора).

Задача регулирования всех платформ является приоритетной для государства. И это неудивительно, ведь как указывает Е. В. Грунчева, такая интегрированная художественная культура путем

различных выразительных средств (аудиовизуальных, телекоммуникационных мультимедийных технологий) способна оказывать сильнейшее воздействие на формирование массовой культуры, ее вкусов и ориентаций [3]. ФЗ от N 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» описывает «прокатное удостоверение на фильм», которое является важнейшей частью публичного регулирования данной сферы. Если прокат фильма — это процесс распространения фильма или аудиовизуального произведения в любой форме и любыми способами, то насколько обоснованно требование получения прокатных удостоверений только для классических форматов просмотра? Афанасьева Е.Г.[4] указывает, что разрешительный порядок демонстрации фильмов является де-факто аналогом системы лицензирования в сфере вещания, а формой такого разрешения является прокатное удостоверение, выдача которого находится в зоне ответственности Министерства Культуры. Отметим, что именно для онлайн-кинотеатров законодатель одно время подумывал вводить новые ограничения, например Законопроект № 795587-8 изначально предполагал унификацию требований к демонстрации фильмов в кинозалах и на аудиовизуальных сервисах и недопустимости распространения фильмов без прокатного удостоверения. Однако в своей финальной редакции после заключений многих профильных комитетов закон (ФЗ от 31.07.2025 № 324-ФЗ) был изменен в части требования об удалении контента в течение суток в отношении которого принято решение об отзыве прокатного удостоверения или в случае обнаружения, что материал не соответствует действующему регулированию о защите детей.

Этот очень разумный законодательный баланс свидетельствует о понимании законодателя, что излишнее регулирование может привести к перетоку пользователей в иные форматы просмотра, прежде всего на пиратские сервисы. Такое регулирование бы нивелировало всю охрану исключительных прав, поскольку ценность чужой интеллектуальной собственности размыва-

ется (прежде всего российских правообладателей) и теряет свою ценность. Не говоря уже о том, что подобный переток пользователей полностью стирает все усилия по регулированию аудиовизуальной продукции. Однако регулирование остальных платформ все еще остается неполным и аналогичные механизмы должны быть применены и к ним.

Список литературы:

- [1] М.С. Андрианова. Правовая охрана аудиовизуального искусства (кинематографа): этапы развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2014. С.84
- [2] А.Р. Акопян, А.М., Аракелян, Ю.В. Воронцова В.В. Крысов. Оценка подходов к регулированию цифрового кинопроката // Вестник университета. 2021. № 4. С. 33.
- [3] Е.В. Грунчева. Эволюция экранного искусства. От немого кино к 3d-видеомэппингу // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств». 2016. №3(47). С.22.
- [4] Е.Г. Афанасьева. Вот такое кино: российская цензура под маской прокатного удостоверения // Предпринимательское право. 2020, № 4. С.63.

References:

- [1] M.S. Andrianova. Pravovaya ohrana audiovizual'nogo iskusstva (kinematografa): etapy razvitiya // Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». 2014. S.84
- [2] A.R. Akopyan, A.M., Arakelyan, Yu.V. Voroncova V.V. Krysov. Ocenka podhodov k regulirovaniyu cifrovogo kinoprokata // Vestnik universiteta. 2021. № 4. S. 33.
- [3] E.V. Gruncheva. Evolyuciya ekrannogo iskusstva. Ot nemogo kino k 3d-videomeppingu // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv». 2016. №3(47). S.22.
- [4] E.G. Afanas'eva. Tot takoe kino: rossijskaya cenzura pod maskoj prokatnogo udostovereniya // Predprinimatel'skoe pravo. 2020, № 4. S.63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-352-356

БЕЛОВ Владимир Владимирович,
Помощник Таганского
межрайонного прокурора г. Москвы, юрист 2 класса.
Аспирантура 2 курс, Кафедра гражданского права
и процесса и международного частного права,
РУДН им. Патриса Лумумбы,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НОРМ АВТОРСКОГО ПРАВА, КАК ОТРАСЛИ ЧАСТНОГО ПРАВА: ВОПРОСЫ ДОКТРИНЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В публикации на теоретико-методологическом уровне с позиций современного системного нормативного подхода к пониманию права исследуются темпоральные характеристики норм авторского права, как комплексной отрасли частного права. Методология исследования строится через описание и раскрытие основных теоретических положений о темпоральности норм авторского права как особой регулятивной подсистемы в отечественной правовой системе, с иллюстрированием теоретических выводов и положений примерами правоприменительной практики.

Цель публикации заключается в системной правовой характеристике, обоснованию эффективности и необходимости использования в правовом регулировании разных типов действия норм авторского права во временном континууме. Динамика развития и трансформации социальной системы, требует новых теоретических осмыслений и совершенствования правовой регламентации правоотношений в сфере авторского права.

В связи с отсутствием в настоящий момент исследований диссертационного и доктринального уровней, касаясь теоретической разработки вопросов определения объема и типа прав и обязанностей субъектов авторских правоотношений, актуальны и необходимы законодательные инициативы по внесению соответствующих поправок в профильную нормативную-правовую базу. Руководствуясь принципами правовой определенности и единообразия применения и толкования норм права, необходимо определить степень и особенности темпорального действия норм авторского права, поэтому настоящее исследование является актуальным и прагматичным для целей постановки и раскрытия фундаментальной проблематики (действия права во времени и пространстве) общей теории частного авторского права и развития отечественного правоприменения.

Ключевые слова: темпоральность норм права, авторское право, как комплексная отрасль, системный нормативный подход, правопонимание и правоприменение, авторские правоотношения.

BELOV Vladimir Vladimirovich,
Assistant to the Tagansky
Interdistrict Prosecutor of Moscow, 2nd class lawyer.
Postgraduate course 2, Department of Civil Law
and Process and Private International Law,
RUDN University named after Patrice Lumumba

TEMPORAL CHARACTERISTICS OF COPYRIGHT NORMS AS A BRANCH OF PRIVATE LAW: ISSUES OF DOCTRINE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. The publication examines the temporal characteristics of copyright norms as a complex branch of private law at the theoretical and methodological level from the standpoint of a modern systemic normative approach to understanding law. The research methodology is based on

the description and disclosure of the main theoretical provisions on the temporality of copyright norms as a special regulatory subsystem in the domestic legal system, illustrating the theoretical conclusions and provisions with examples of law enforcement practice. The purpose of the publication is to provide a systematic legal description, substantiate the effectiveness and necessity of using different types of copyright law in the legal regulation in a time continuum. The dynamics of the development and transformation of the social system requires new theoretical understanding and improvement of the legal regulation of legal relations in the field of copyright. Due to the current lack of research at the dissertation and doctrinal levels, with regard to the theoretical development of issues of determining the scope and type of rights and obligations of subjects of copyright relations, legislative initiatives are relevant and necessary to introduce appropriate amendments to the relevant regulatory framework. Guided by the principles of legal certainty and uniformity of the application and interpretation of legal norms, it is necessary to determine the degree and features of the temporal effect of copyright norms, therefore, this study is relevant and pragmatic for the purpose of setting and disclosing the fundamental issues (the action of law in time and space) of the general theory of private copyright and the development of domestic law enforcement.

Key words: *temporality of legal norms, copyright as a complex branch, systemic regulatory approach, legal understanding and law enforcement, copyright relations.*

В своем выступлении на пленарной сессии XXI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент России Путин В.В., обозначил ключевую для настоящего исследования концептуальную идею: «...право отражает жизнь, а не наоборот... реальная жизнь развивается быстрее, чем нормы права...¹». Право являясь системообразующим элементом общесоциального регулятивного механизма есть особое социальное явление – регулятор общественных отношений в социуме, и оказывая регулирующее воздействие системой юридических норм (правил поведения) преобразует общественные отношения в правоотношения. Отношения в социуме не существуют вне контекста пространства и времени, раскрываемых в общей методологии науки через понятие временного континуума. Для целей настоящей публикации стоит отметить, что правоотношения как особый тип социальных отношений существуют и зависят от физического времени т.е. обладают темпоральными характеристиками. Темпоральность как общефилософский термин в классическом доктринальном понимании означает «системную связанность моментов времени и временных характеристик, с учетом динамики изменений явлений и процессов контексте среды [1]», получает свое развитие и научное исследование в социальной философии, а позднее и в общей теории права.

В эпоху глубокой трансформации содержательной части отечественной правовой системы и как следствия реформирования регулирующей законодательной базы, в развивающейся ситуа-

ции активной динамики протекания социальных процессов изменения парадигм устройства и работы «старого миропорядка», смены технологических укладов, влияния цифровизации и виртуальной реальности на характер и типы социальных отношений и коммуникативно-акторного поля взаимодействия субъектов мировой и отечественной социальной системы и государств в целом, возрастает научная потребность фундаментального системного осмысления проблематики темпорального действия права в целом и отдельных его отраслей (авторское право – в целях настоящей публикации) в частности. Понимание субъектами правоотношений каким-образом, как, с какого времени, в отношении кого и как долго действуют юридические нормы (правила поведения) является точкой стабилизации и проявлением регулятивного баланса права в ситуациях неопределенности, турбулентности и быстрой изменчивости социальных процессов.

Правоотношение само по себе не может существовать вне влияния и воздействия на него времени, оно имеет длительность и «развертываемость» в пространстве, поэтому вопросы понимания феномена темпоральности права и темпоральных характеристик норм отдельных отраслей права необходимо рассматривать в контексте управления правовым временем и его регулятивного контроля. Поэтому, одной из важных теоретико-правовых плоскостей, затрагиваемой в исследовании выступает рассмотрение соотношения и взаимосвязанности таких категорий как «пространство», «время» и «право» сведенных под общим онтологическим концептом – темпоральные характеристики, - применительно и на примере действия норм авторского права. Согласимся с позицией Сигалова К.Е., согласно которой «право так же, как и любое социокультурное явление, развивается во времени и пространстве. Это

¹ Президент Российской Федерации Путин В.В. «Выступление на пленарной сессии XXI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521> (Дата обращения: 01.09.2025).

проявляется не только в том, что действие нормативно-правовых актов происходит во времени и пространстве, но и в том, что сами современные правовые системы, имеют различия в зависимости от регионов и национальной принадлежности [2]». Рассмотрение права как регулятивной системы вне социального контекста и эволюции его существования не позволяет ученому, выделить и проследить особенности типологии правовой темпоральности.

Для того, чтобы на теоретико-методологическом уровне рассматривать темпоральные характеристики норм авторского права, как отрасли частного права, необходимо сформулировать основные концепции и подходы на котором будет строиться фундамент исследования. Автор настоящей публикации, являясь сторонником современного системного нормативного правопонимания, как наиболее прагматичного (авторское мнение) и практико-ориентированного на правоприменительную деятельность подхода из отечественной правовой теории в настоящий момент, строит исследование на следующих утверждениях:

- авторское право – это система юридических норм (правил поведения) регулирующих общественные отношения, складывающиеся в сфере создания и использования объективных результатов творческой деятельности субъектов отношений;

- система авторских прав – это совокупность личных неимущественных прав субъектов, исключительных прав на произведение и иных прав с учетом реализации права вознаграждения за авторское произведение;

- типология темпоральности права - типы действия юридических норм (правил поведения) во времени, представленных тремя группами действий: перспективное (немедленное), ретроактивное (обратное), ультра-активное.

Действие гражданского законодательства во времени, как его правовая характеристика нормативно закреплена в ст.4 ГК РФ, которая системно связана с иными нормативными предписаниями образующими темпоральную норму права и раскрывает темпоральные характеристики действия норм права части четвертой ГК РФ (интеллектуальные, авторские и смежные права). В общей теории права касаясь положений действия нормы права во времени выработался подход, согласно которому «вступившая в юридическую силу норма права применительно к конкретным отношениям, правам и обязанностям может обладать либо перспективным (немедленным), либо ретроактивным (обратным) действием [3]». Законодатель не дает четкого ответа на вопрос, и это является предметом теоретико-правовых дискуссий цивилистов – объем действия нормативных положений, закрепленных в ст.4 ГК РФ распространяется на дей-

ствие во времени всех нормативных-правовых актов, содержащих нормы гражданского права или только непосредственно на ГК РФ? В попытке теоретического осмысления данного вопроса согласимся с аргументированной позицией Гаврилова Э.Ю.: «статья 4 ГК РФ посвящена действию во времени всех нормативных -правовых актов, содержащих нормы гражданского права, а не только законов [4]», ни законодатель ни правоприменитель не связывают смысловое содержание ст.4 ГК РФ императивно с гражданским законодательством, напротив темпоральные характеристики иных нормативных-правовых актов, содержащих нормы гражданского права не могут подчиняться иным правилам, кроме как установленных в ст.4 ГК РФ, иных правил и законодательных новелл и не имеется.

Вышеуказанные нормативные положения гражданского права, закрепленные в ч.1 и ч.2 ст.4 ГК РФ находят обобщение в общеправовом принципе, впервые получившим развитие в теории римского частного права «*Lex retro non agit*» – «закон обратную силу не имеет». В авторском праве подобного правоотношения с подобным типом характеристик нормативного действия имеют место быть, так, если нарушение исключительного права на охраняемый объект, согласно части четвертой ГК РФ, фактически имело место до 1 января 2008 года (дата вступления в силу части четвертой ГК РФ), а судебное разбирательство по делу о нарушении начато после 31 декабря 2007 года, нормы части четвертой ГК РФ к данному правонарушению применяться не могут.

Аналогично, нормы части четвертой ГК РФ не подлежат применению при оспаривании субъектом патента на изобретение, если исключительное право на данное изобретение прекратило свое действие до 1 января 2008 года.

В связи с вышеприведенными примерами возникает теоретико-правовой вопрос имеющий фундаментальное значение для определения темпоральных характеристик авторского права: какие нормы должны применяться в случаях, когда заявка на охрану объекта права была подана до 1 января 2008 года, а государственная регистрация и выдача охранного документа состоялись после указанной даты, уже в рамках действия части четвертой ГК РФ? В настоящий момент в действующем гражданском законодательстве России ответ на этот вопрос отсутствует, хотя он остаётся весьма актуальным, поскольку выдача охранного документа обычно осуществляется через значительный промежуток времени после подачи заявки, это связано со сложной регламентацией процедуры выдачи и большим количеством подаваемых заявок.

Правоотношения авторского права, как вид частноправовых отношений по характеру взаимо-

отношения субъектов права являются координационными, т.е. наличие доминирующего субъекта правового интереса, не влечет ситуацию при которой улучшение правового положения одного субъекта обязательно ведет к ухудшению положения другого, как в отношениях субординации. Такой подход требует гибкости правоприменителя и соблюдения баланса между судебным усмотрением и правоприменительным произволом в толковании и применении норм регулирующих вышеприведенную модель отношений

Вопрос о возможности придания обратной силы нормативным правовым актам неоднократно был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Так, к примеру, в Определении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2015 г. № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации», правовая позиция суда была отражена следующим образом: «придание обратной силы закону - исключительный тип его действия во времени, использование которого относится к прерогативе законодателя; при этом либо в тексте закона содержится специальное указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма; законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений; обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида; в отношениях, субъектами которых выступают физические и юридические лица, обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон¹».

Развивая приведенную правовую позицию, Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что преобразование отношений в той или иной сфере жизнедеятельности не может осу-

ществляться вопреки нашедшему отражение в статье 4 ГК Российской Федерации общему (основному) принципу действия закона во времени, который имеет целью обеспечение правовой определенности и стабильности законодательного регулирования в России как правовом государстве (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации) и означает, что действие закона распространяется на отношения, права и обязанности, возникшие после введения его в действие, и только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до введения соответствующих норм в действие, т.е. придать закону обратную силу (ретроактивность), либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утративших силу норм (ультраактивность).

Данный подход правоприменителя обусловлен необходимостью достижения соразмерности при соблюдении интересов общества и условий защиты основных прав личности, обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей, а потому вопрос придания обратной силы закону, изменяющему обязательства юридически равных участников гражданского правоотношения, требует дифференцированного подхода, обеспечивающего сбалансированность и справедливость соответствующего правового регулирования, не допускающего ущемления уже гарантированных прав и законных интересов одной стороны и умаления возможностей их защиты в пользу другой.

Авторское право регулирует особый тип общественных отношений, связанных с результатами творчества субъектов социально-экономической системы, влияющей не только на конкретного автора создателя, но и формирующее культуру и непосредственно влияя на действия иных частей обще-социального регулятивного механизма (мораль, эстетические представления, нравственность и.д.).

Изучение темпоральных характеристик норм авторского права должно происходить в системной взаимосвязанности рассмотрения различных плоскостей действия соответствующих норм: необходимо выделить временные характеристики, наиболее ярко выражающиеся в переходных нормах права, сроках охраны авторского права, ретроактивности. Другой гранью выступает временные режимы действия норм авторского права, такие как абсолютные сроки охраны, конкретные сроки охраны произведений, прерывность и непрерывность прав [5]. Судебная практика в данном вопросе стремится к реализации принципа единообразия применения и толкования минимизируя своими решениями проблемы актуальности и стабильности действия норм во времени.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2015 г. № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» / Сайт судебных и нормативных актов РФ. - Режим доступа: <https://sudact.ru>, свободный. (Дата обращения: 02.09.2025);

Авторская методика определения объема и основных темпоральных характеристик норм авторского права строится на определении и фиксации основных этапов процесса правореализации абстрактной нормы авторского права при регуляции конкретного фактического правоотношения. Для более полного описания и исследования проявления темпоральных характеристик в конкретном авторском правоотношении необходимо выделить и отдельно проанализировать срок охраны авторского права, момент создания произведения, момент официальной публикации, дата и способ публикации. Актуальным в плане теоретического исследования остается проблематика толкования темпоральных норм правоприменителем: как учитывать даты фиксации, регистрации, публикации, передачи прав.

Темпоральность, как важная характеристика действия норм авторского права во времени, теоретически наиболее полно может изучаться на структуре и действии переходных юридических норм. Кроме того, темпоральность права – это межсистемная нормативная характеристика, присутствующая не только отечественной, но и международной правовой системе. Так, интерес вызывает ныне утратившее силу Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах», в п. 4 которого закреплено: «международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором, в котором участвует Российская Федерация, установлены иные правила, то применяются правила международного договора. Ряд положений, содержащихся в международных договорах, не закреплен в российском законодательстве¹». В связи с этим судам необходимо было учитывать, что Российская Федерация является участницей ряда международных договоров, регулирующих авторские правоотношения. В связи с внесением поправок в Конституцию России, ч.4 ст.15 Конституции РФ: «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», – это яркий пример утрактивной регуляции, когда нормы международного авторского права, в силу императива Основного Закона России продолжают регу-

лировать правоотношения в отечественном авторском праве.

Подводя итог вышесказанному, автор публикации приходит к выводу о необходимости дальнейшей комплексной методологической разработки в теоретико-прикладном ключе вопросов сущности и теоретических нюансов (коллизий) проявления темпоральных характеристик норм авторского права, выработки единой правоприменительной концепции данного института, направленной на внесение рассмотрение и принятие законодательных инициатив с целью единообразного применения авторского права к регулируемым отношениям в социальной системе.

Список литературы:

- [1] Тазетдинова Р.Р. Темпоральность как ретенция бытия в философской рефлексии пространства и времени // ВЕСТНИК КазГУКИ № 4. 2011. – 1-5с.
- [2] Сигалов К.Е. Пространственные и темпоральные характеристики права // Журнал «Пространство и время» 1 (11). 2013 – С.70.
- [3] См.: Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 348–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371.
- [4] Гаврилов Э.Ю. Действие во времени гражданского законодательства, касающегося интеллектуальных прав // Э. Гаврилов, «Хозяйство и право», № 5, май 2012 г. – 1-8с.
- [5] Кузеванов А.И. Соотношение гражданско-правовых средств и способов защиты авторских и смежных прав. Дисс... к.ю.н. Специальность 12.00.03, Москва 2018. – 185с.

References:

- [1] Tazetdinova R.R. Temporal'nost' kak retenciya bytiya v filosofskoj refleksii prostranstva i vremeni // VESTNIK KaZGUKI № 4. 2011. – 1-5s.
- [2] Sigalov K.E. Prostranstvennye i temporal'nye kharakteristiki prava // Zhurnal «Prostranstvo i vremYA» 1 (11). 2013 – S.70.
- [3] Sm.: Golubcov V. G., Kuznecova O. A. Tipy dejstviya norm prava vo vremeni // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2022. Vyp. 57. S. 348–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371.
- [4] Gavrilov E.H.YU. Dejstvie vo vremeni grazhdanskogo zakonodatel'stva, kasayushchegosya intellektual'nykh prav // E.H. Gavrilov, "Khozyajstvo i pravo", № 5, maj 2012 g. – 1-8s.
- [5] Kuzevanov A.I. Sootnoshenie grazhdansko-pravovykh sredstv i sposobov zashchity avtorskikh i smezhnykh prav. DisS... k.yu.n. Special'nost' 12.00.03, Moskva 2018. – 185s.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» / Сайт судебных и нормативных актов РФ. – Режим доступа: <https://clck.ru/hVNiz>, свободный. Документ утратил силу. (Дата обращения: 05.09.2025).

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-357-371

СМОЛЕНЧУК Михаил Михайлович,
аспирант, кафедра теории и истории государства и права,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
помощник судьи, Омский областной суд,
e-mail: mixailsmolenchuk@mail.ru

Научный руководитель:
БИРЮКОВ Сергей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: svbir@mail.ru

ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы судебного правотворчества применительно к его месту и роли в правовой системе Российской Федерации и доктрине с учетом сформировавшихся в юридической науке взглядов. Особое внимание уделяется вопросам принципов, на которых базируется судебное правотворчество, как основополагающих начал, в соответствии с которыми судебное правотворчество осуществляется судами на практике в процессе правоприменения. Исходя из анализа теоретических положений, действующих норм закона и актов судебного правоприменения делается вывод о характере и видах заложенных в судебном правотворчестве принципов, что позволяет более углубленно определить место и роль судебного правотворчества в правовой системе, а также при разрешении проблем правоприменения, в том числе путем сравнения соответствия принципов правотворчества и судебного правотворчества. В порядке отражения правового регулирования судебное правотворчество рассматривается в качестве консервативно-динамичной системы, имеющей собственный набор и специфику принципов построения.

Ключевые слова: правотворчество, принципы права, судебное правотворчество, принципы судебного правотворчества, законотворчество, правоприменение, правовое регулирование, судебная практика, единообразие правоприменения, правовая система, судебный прецедент, источник права.

SMOLENCHUK Mikhail Mikhailovich,
PhD Student, Department of Theory and History of State and Law,
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky,
Assistant judge, Omsk Regional Court

Scientific supervisor: **BIRYUKOV Sergey Viktorovich**,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

PRINCIPLES OF JUDICIAL LAW-MAKING

Annotation. This article examines the issues of judicial lawmaking in relation to its place and role in the legal system of the Russian Federation and doctrine, taking into account the views formed in legal science. Particular attention is paid to the issues of principles on which judicial lawmaking is

based, as fundamental principles, in accordance with which judicial lawmaking is carried out by courts in practice in the process of law enforcement. Based on the analysis of theoretical provisions, current norms of law and acts of judicial law enforcement, a conclusion is made on the nature and types of principles laid down in judicial lawmaking, which allows for a more in-depth determination of the place and role of judicial lawmaking in the legal system, as well as in resolving law enforcement problems, including by comparing the conformity of the principles of lawmaking and judicial lawmaking. In order to reflect legal regulation, judicial lawmaking is considered as a conservative-dynamic system with its own set and specificity of principles of construction.

Key words: *lawmaking, principles of law, judicial lawmaking, principles of judicial lawmaking, law enforcement, legal regulation, judicial practice, uniformity of law enforcement, legal system, judicial precedent, source of law.*

Классической темой в юридической науке является вопрос о правовых принципах, соотносящихся как с самим разносторонним понятием права или, что более предметно, рассматриваемой правовой системой в целом, так с отдельными правовыми явлениями, институтами или процессами в правовой сфере, в частности, правотворчеством. И если по прошествии многих столетий развития юридической мысли может быть констатировано, что соответствующие принципы применительно к правотворчеству в воззрениях тех или иных авторов неоднократно находили свое систематическое выражение, в том числе не соответствующее общему знаменателю, который, более того, не может считаться в полной мере достигнутым, поскольку относительно множества присуждаемых правотворчеству принципов до сих пор позволительно вести определенную дискуссию, то в случае с таким неоднозначным явлением, как судебное правотворчество, вопрос о принципах традиционно на протяжении длительного периода не только являлся гораздо менее раскрываемым и, как следствие, неясным, но и оставляемым за рамками обсуждения, что не позволяет в отсутствие существенных наработок в заданном вопросе говорить об идентичности или непримиримой разности принципов правотворчества и судебного правотворчества, в том числе в сравнении. Однако, учитывая и воспринимая позицию о том, что «принципы правотворческой деятельности находятся в органической взаимосвязи друг с другом, взаимодействуют, обуславливают друг друга» [1, с. 53], при отнесении судебного правотворчества к правотворческой деятельности в целом представляется возможным подвергнуть попытке выражения и оценке принципы правотворчества судебных органов власти.

Как отмечают видные исследователи, «большинство российских ученых считает, что правотворчеству присущи такие принципы как: 1) научность (ибо в процессе подготовки нормативных актов изучается социально-экономическая, политическая и иная ситуация, а также объективные потребности развития общества); 2) профес-

сионализм, так как заниматься такой деятельностью должны специалисты – управленцы, юристы, экономисты и другие компетентные в своем деле люди; 3) законность (правотворческая деятельность должна осуществляться в пределах, установленных Конституцией, законами и подзаконными актами); 4) демократизм, который отражает степень участия граждан в правотворческом процессе, а также уровень развития процедурных норм и институтов в обществе; 5) гласность – это означает открытость правотворчества для широкой общественности; 6) оперативность, что предполагает своевременность издания нормативных актов и правовых норм для регулирования постоянно изменяющихся общественных отношений» [2, с. 166]. Рассматривая применимость данного перечня наиболее общепризнанных принципов правотворчества, в первоначальном приближении оставляя за рамками иные так или иначе обсуждавшиеся в науке принципы (конституционность, исполнимость, гуманизм и т.д.), к судебному правотворчеству, следует отметить, что в поставленном вопросе, во всяком случае, представляется необходимым исходить из специфики свойств последнего по отношению к классически понимаемому правотворчеству и законотворчеству, которые, тем не менее, не являются в достаточной степени уникальными, чтобы слишком разграничивать указанные явления с позиции принципов, выявляя моменты удивительного сходства.

В изложенной связи, научность, как принцип, на первый взгляд, навряд ли может быть отнесена к судебному правотворчеству, осуществляемому судебным органом государственной власти, не являющимся экспертом во множестве областей и не обладающим специальными познаниями, кроме того, в отсутствие явной легитимности актов судебного правотворчества именно как правотворческих актов, однако частью первой статьи 19 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» регламентировано, для подготовки научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики при Верховном Суде РФ действует Научно-кон-

сультативный совет, состав которого утверждает Пленум Верховного Суда РФ¹. При этом согласно пунктам 2, 3 соответствующего Положения основной задачей Научно-консультативного совета является разработка научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики, предложений по совершенствованию законодательства, разработка рекомендаций по проектам постановлений Пленума Верховного Суда, содержащих разъяснения по применению законодательства, и по материалам обобщений судебной практики и судебной статистики². Созвучно примечательно, что соответствующие рекомендации затрагивают именно принципиальные вопросы судебной практики, что в полной мере соответствует также сущности постановлений Пленума Верховного Суда, заключающейся принципиально в регулировании судебного правоприменения, что не может не отражаться на правовой действительности в приближении к правоотношениям и ожиданиям субъектов права по отношению к правоприменителям в лице судов. Вместе с тем, наличие и действие соответствующего совета вряд ли может существенно выделяться на фоне экспертных советов многочисленных комитетов по тем или иным вопросам Государственной Думы и Совета Федерации, являющихся законодательно-властными органами, также на фоне исполнительной власти, в том числе оперирующей научным подходом в своей деятельности и также имеющей работающие на постоянной основе в данном отношении структуры (например, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ), что наталкивает на мысль о свойстве научности власти в российской правовой системе в целом. В данной связи принцип научности, общепризнанно присуждаемый правотворчеству, не может подвергаться умалению и по отношению к судебному правотворчеству, поскольку, формируя правоприменение посредством издания соответствующих обзоров и постановлений, высшая судебная инстанция исходит в том числе из научно-обоснованных рекомендаций, что, однако, вряд ли может быть отнесено к отдельным судебным актам Верховного Суда по обособленным спорам, которые также способны оказывать определяющее влияние на судебную практику. В дан-

ной связи, говоря о научности судебного правотворчества, в частности, может быть отмечена и позиция: «Правовая доктрина имеет скорее не теоретическое значение, как кажется многим. Она важна с точки зрения практики, т.е. всегда нацелена на практический результат - повышение эффективности правового регулирования» [3, с. 287]. В продолжение заявленной позиции указывается: «Именно научная доктрина первична постольку, поскольку, фигурально выражаясь, она «освещает путь» официальному толкованию права, оказывает влияние на правосознание судей» [4, с. 7]. Представляется, что подобная совокупная логика является и двигателем привносимых в законодательство изменений, поскольку крайне нерациональным образом могла бы выглядеть скрупулезная разработка научных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики, разрешение которых находило бы свое отражение в соответствующих актах судебного правотворчества, если бы последние не обладали нормативным авторитетом и могли бы игнорироваться. Как следует из части четвертой статьи 198 Гражданского процессуального кодекса РФ, в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда РФ, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ³. В изложенной связи применительно к вопросу о соответствующих правовых источниках принцип научности судебного правотворчества в том числе выдерживает соответствие своей общепризнанности в правотворчестве, как с позиций наличия необходимой используемой материально-технической базы и действующих структур, так культивируемого в правовой системе отношения к доктринальным воззрениям, при этом не имеется в какой-либо степени очевидных оснований полагать данный принцип отсутствующим.

В свою очередь, принцип профессионализма, отражающий субъектную составляющую правотворчества, наиболее тесно связан с принципом научности, говоря о наличии которого в правотворчестве и судебном правотворчестве применительно к вопросу о профессионализме, вряд ли будет иметь какое-либо обоснование утверждение о присутствии одного без другого, поскольку учитываемые при разработке соответствующих актов правотворчества научно-обоснованные рекомендации разрабатываются профессиональными субъектами, учеными, с привлече-

¹ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.02.2014. № 6. Ст. 550.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 8 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2014.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

нием необходимых специалистов и экспертов из областей права, экономики, социологии, финансов, управления и других, в том числе более узких. В то же время анализ социально-экономической и правовой ситуации, оценка перспектив развития общества и государства при разработке разъяснений по вопросам судебного правоприменения обобщенного характера проводится судьями как носителями профессионального правосознания, исходя из необходимого стремления к обеспечению единообразия такого правоприменения, что в силу положений пункта 1 части 7 статьи 3 и пункта 1 части 3 статьи 5 указанного выше Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ является целенаправленной деятельностью высшего органа судебной власти.

Между тем, как указывает в отношении правотворчества С.С. Алексеев: «Главное, что определяет успех правотворческой деятельности компетентных органов, — это правильное соотношение объективного и субъективного: полный учет назревших объективных потребностей общественного развития, реальное выражение в праве воли народа, своевременное осуществление назревших правовых мероприятий, формирование воли народа с максимальным использованием достижений юридической науки и т.д.» [5, с. 75-76]. Как отмечено, позиция автора касается правотворческой деятельности компетентных органов. Однако с позиций обладания правом законодательной инициативы, предусмотренной статьей 104 Конституции РФ¹, не предполагается прямое осуществление правотворчества судебными органами, вследствие чего логично признать суд некомпетентным органом в плане установления каких-либо собственных правовых положений нормативного, общеобязательного характера, за исключением регламентов деятельности, что приводит к вопросу о законности судебного правотворчества как таковой. Статьей 126 Конституции РФ устанавливается, Верховный Суд РФ осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Развитие соответствующих конституционных положений отражено в нормах указанного Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ. Буквальное толкование законодательства, на первый взгляд, не дает оснований вывода о легитимности судебного правотворчества. При этом в силу пункта 2 части

2 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ (в редакции Федерального закона от 02.12.2019 № 406-ФЗ²) основаниями для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений являются новые обстоятельства - указанные в части четвертой настоящей статьи, возникшие после принятия судебного постановления и имеющие существенное значение для правильного разрешения дела обстоятельства. Вместе с тем согласно пункту 5 части 4 указанной статьи к новым обстоятельствам относятся определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ или постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы, если в таком постановлении содержится указание на то, что сформулированная в нем правовая позиция имеет обратную силу применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами.

В данной связи следует отметить, что имеющая место в юридической литературе позиция относительно рассмотрения нормативных решений российских судов в качестве судебных прецедентов по иным сущностно аналогичным основаниям [6, с. 9] на сегодняшний день имеет большой объем косвенных подтверждений в нормах закона, при этом с учетом последних тенденций в области проблемы отмечается: «В свете исторических процессов и мировоззренческих особенностей отечественного юридического наследия нельзя считать случайностью влияние суда на развитие российской государственности, по крайней мере на отдельных этапах нашей истории; уже поэтому ошибочно было бы воспринимать зарождение, формирование начал судебного правотворчества в России результатом простого реципирования идей прецедентного права» [7, с. 12-13]. Необходимо здесь также обозначить, что указанное формирование, при этом, что более вероятно, скорее продолжение начал судебного правотворчества вне исторического контекста применительно к современной правовой системе начало происходить после введения первоначально Федеральным законом от 09.12.2010 № 353-ФЗ³ соответствующих указанных положений гражданского процессуального закона и в других применимых отраслях права, в частности согласно пункту 5 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуаль-

² Федеральный закон от 02.12.2019 № 406-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.12.2019 (часть V). № 49. Ст. 6965.

³ Федеральный закон от 09.12.2010 № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 13.12.2010. № 50. Ст. 6611.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

ного кодекса РФ¹ в редакции Федерального закона от 28.06.2014 № 186-ФЗ², что воспринято и подтверждено также действующими разъяснениями ликвидированного Высшего Арбитражного Суда РФ (пункты 12, 15 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52³), в данной связи арбитражный процессуальный закон в указанном вопросе является преуспевающим вслед за ближайшей по духу и букве закона процессуальной отраслью, что в то же время на данный момент и сразу при оформлении справедливо и для административного судопроизводства, получившего кодифицированную регламентацию в 2015 году (пункт 5 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ⁴). В указанном отношении планомерное закрепление в нормативных правовых актах в буквальном смысле в качестве оснований отмены вступивших в законную силу судебных постановлений определения или изменения практики применения правовой нормы, исходящих не от законодателя, свидетельствует о наличии определенной тенденции, в развитии которой в законе законодатель уже давно подошел к принципиальному вопросу происходящего нарушения разделения властей, однако длительное время не находит на него однозначного ответа либо не собирается его давать четким образом, что следует рассматривать также с учетом имевших место еще задолго до и на стыке появления соответствующих изменений в законодательстве небезосновательных позиций относительно очевидной на сегодняшний день обязательности постановлений высшей судебной инстанции для нижестоящих судов [8, с. 9]. Указанное воззрение в специфической форме и более широко проводится в сферу правового регулирования, в частности, в силу пункта 3 части 3 статьи 310 упомянутого Кодекса административного судопроизводства РФ неправильным применением норм материального права является неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в

постановлениях Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ, в то же время иные оформляющие отрасли акты лишь содержат указание на возможность ссылки на соответствующие акты судебного правотворчества (часть 4 статьи 198 Гражданского процессуального кодекса РФ, часть 4 статьи 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ), не связывая напрямую неправильность применения норм материального закона с неправильностью его истолкования именно в том варианте, который предложен в том или ином постановлении, в условиях очевидности в случае неправильного истолкования закона характера референтного акта при наличии последнего. Подобная разница в регулировании с учетом изложенного является неясной, однако само по себе постепенное закрепление далеких от классических прецедентных, тем не менее схожих начал свидетельствует об отсутствии иных, помимо сугубо формализованных, аргументов относительно незаконности судебного правотворчества, во всяком случае, тогда будет являться необъяснимым и даже абсурдным обозначенное поведение законодателя, имеющего на протяжении длительного времени возможность приведения правовой системы в указанном проблемном вопросе к четкости и ясности, однако предпринимающего шаги в обратном направлении, в некоторой степени практически напрямую делегируя, кроме того, без указания конкретных случаев, в общем виде правотворческую функцию судебным органам.

Таким образом, в целом относительно законности судебного правотворчества с позиций легальности можно заметить, что проявление нарастающего закрепления в законодательстве прецедентных начал в достаточно уникальной форме свидетельствует о признании законодателем в той или иной степени необходимости регулирования возникающих в судебном правоприменении процессов, однако не является ясным, происходит ли указанное регулирование в целях легитимации судебного правотворчества или в качестве инструмента повышения эффективности правосудия, либо же, что не исключено и не противоречит данным целям, является простой констатацией факта со стороны законодателя. Во всяком случае, закрепление действительного легального статуса судебного правотворчества описанным способом является сомнительным, в особенности с учетом юридической силы нормативно-правовых актов в своей иерархии, однако, тем не менее, закрепленное указанной выше статьей 126 Конституции РФ полномочие Верховного Суда РФ по разъяснению вопросов судебной практики не содержит указаний на запрет нормативного характера разъяснений. При этом указан-

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

² Федеральный закон от 28.06.2014 № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3392.

³ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» // Вестник ВАС РФ. № 9, сентябрь. 2011.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

ные процессы отражения прецедентных начал постепенно происходят, действительно, в отсутствие сходства с простым рецепированием идей прецедентного права, не вдаваясь в существо исторической стороны вопроса хотя бы потому, что в классическом виде в российской правовой системе судебный прецедент изначально не представлен и никогда не был представлен, по крайней мере, не признавался открыто как источник права, при этом сходное с ним действие на правовое регулирование оказывают акты-сборники (постановления Пленума Верховного Суда, обзоры практики, утвержденные Президиумом Верховного Суда) разъяснений законодательства по тем или иным вопросам, обязательные к применению и формируемые в том числе с учетом, как заявлено, научных рекомендаций. В данном вопросе также нельзя не отметить, что с учетом более ранних исследований уже указывалось на условную нормативность и общеобязательность судебных постановлений как на аргумент в пользу признания судебных актов в качестве формальных источников права [9, с. 14-15]. Таким образом, с учетом изложенного, в вопросе присущности судебному правотворчеству принципа законности, предполагающего осуществление правотворческой деятельности в пределах, установленных Конституцией, законами и подзаконными актами, может быть сделан вывод о наличии соответствующего принципа с двумя оговорками: 1) принцип законности в судебном правотворчестве имеет двойственную позитивно-негативную природу: с одной стороны, возможность судебного правотворчества, исходя из определения либо изменения практики применения правовых норм, регламентирована федеральным законом; с другой стороны - не запрещается актами большей относительно федерального закона юридической силы; 2) принцип законности в судебном правотворчестве, во всяком случае, косвенно соблюдается с учетом преобладающей в юридической литературе характеристики судебного правотворчества как несамостоятельного вторичного явления, полностью зависящего от правовых норм, вследствие чего возникшие в результате судебного правотворчества положения не могут являться незаконными, поскольку рассматриваются полностью основанными на существующих действующих позитивных нормах.

Возвращаясь к обозначенному определению успешной правотворческой деятельности, данному С.С. Алексеевым, предполагающему в том числе реальное выражение в праве воли народа, формирование воли народа с максимальным использованием достижений юридической науки, следует отметить, что рассмотрение в подобном хрестоматийном варианте вопросов судебного

правотворчества не может достаточно логично соотноситься с сущностью последнего, поскольку судебное правотворчество, являясь во многом реакционным процессом в отношении происходящих в правовой системе и общественной жизни в целом изменений, не осуществляется на демократических началах. Степень участия граждан в правотворческом процессе применительно к судебному правотворчеству вряд ли может быть названа минимальной, исходя хотя бы из того, что органы судебной власти выборными не являются, при этом, как следует из соответствующих норм-регламентов, о времени созыва Пленума Верховного Суда и вопросах, которые вносятся на его рассмотрение, судьи Верховного Суда, а также приглашенные на заседание Пленума Верховного Суда лица уведомляются заблаговременно, вопросы для обсуждения на заседании Пленума Верховного Суда вносятся Председателем Верховного Суда (пункт 3.1.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2)¹, вместе с тем вопросы, предлагаемые к вынесению на рассмотрение Президиума Верховного Суда, оформляются служебными записками на имя Председателя Верховного Суда, материалы к рассмотрению на заседании Президиума Верховного Суда передаются в секретариат Президиума Верховного Суда для проведения мероприятий по подготовке заседания Президиума, лица, приглашенные на заседание Президиума Верховного Суда, могут принимать участие в обсуждении вопросов согласно повестке заседания (пункт 3.2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2). Таким образом, в общем виде нельзя усмотреть какое-либо закрепленное право «разъяснительной» инициативы, сходное по содержанию с предусмотренным частью 1 статьи 104 Конституции РФ правом законодательной инициативы, принадлежащим в том числе законодательным (представительным) органам субъектов РФ, так или иначе избираемым народом. В то же время соответствующие процедуры работы указанных Пленума и Президиума допускают участие приглашенных на заседание лиц, которые могут принимать участие в обсуждении вопросов согласно повестке, однако сама по себе необходимость их приглашения не свидетельствует о наличии оснований усмотрения признаков демократизма в судебном правотворчестве. Примечательно, что заседание Пленума Верховного Суда правомочно при наличии не менее двух третей от числа действующих судей Верховного Суда, постановление Пленума Верховного Суда счита-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2014.

ется принятым, если за него проголосовали большинство судей Верховного Суда, участвующих в заседании (пункт 3.1.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2), то есть допускается положение, при котором возможно принятие постановления одной третью и одним из общего числа соответствующих действующих судей, что отличается от правил голосования законодательных органов для принятия федеральных законов и федеральных конституционных законов (часть 2 статьи 105, часть 2 статьи 108 Конституции РФ), предусматривающих соответствующее принятие, во всяком случае, минимум большинством голосов от общего числа законодателей, что свидетельствует о первоначально более низком пороге принятия имеющих определяющее правовое значение актов в судебном правотворчестве. Резюмируя изложенное, можно отметить, что демократизм как принцип в общем виде не присущ судебному правотворчеству, поскольку судьи не являются избранниками народа, а сами процедуры принятия соответствующих актов не предусматривают по общему правилу какого-либо влияния воли народа на их содержание. Кроме того, говоря о демократизме в судебном правотворчестве, следует учитывать, что сам по себе феномен судебного правотворчества является свидетельством нарушения принципа разделения властей, выступая антагонистом демократической системы, что может быть исправлено, к примеру, выборностью судей, однако последнее с очевидностью приведет к комплексу иных несоизмеримых проблем. С учетом изложенного демократизм как принцип в судебном правотворчестве может рассматриваться лишь в отдалении через призму формирования самим законодателем правовой системы, не исключающей и даже предусматривающей судебное правотворчество, способствующей ему, также через назначение судей иными выборными должностными лицами и структурами государства, что однако не ведет к прямому проявлению демократизма в судебном правотворчестве в классическом понимании.

Между тем, принимая во внимание имеющую наиболее общее распространение в литературе позицию о вторичности судебного правотворчества по отношению к законотворчеству, важно учитывать, что судебное правотворчество некоторыми авторами может рассматриваться также как спорадическое явление [10, с. 173-174], происходящее исключительно по инициативе сторон спора. Однако следует заметить, что обязательное толкование правовых норм, руководящие интерпретации норм позитивного права, разъяснения по вопросам судебной практики, даваемые Верховным Судом, в каком-либо акте норматив-

ного или иного характера не связываются напрямую с общественным запросом или выявлением уже возникшей проблемы в правоприменении, напротив, регламентированы по существу только целью установления единообразного правоприменения посредством толкования, в связи с чем нельзя исключать и упреждающий характер разъяснений, связанных с изданием правовых норм, которые в силу незначительного периода времени действия и не могли бы создать какой-либо достаточный опыт применения. Кроме того, здесь важно учитывать спорность вопроса относительного того, что конкретно является судебным правотворчеством, и если соответствующие постановления и обзоры практики могут быть отнесены к актам данной категории, что следует также из приведенных процессуальных норм, то в случае с постановлениями высшей судебной инстанции по конкретным делам данный вопрос, казалось бы, не имеет предпосылок для своего утвердительно-положительного разрешения, в особенности с учетом положений Постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П¹, которым пункт 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ признан не противоречащим Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии Верховного Суда РФ, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке. Таким образом, определяется, что решения судебных коллегий высшей инстанции являются обязательными для сторон в конкретном деле, но не являются нормативными правовыми актами, обязательными для применения в других случаях, что, безусловно, должно означать отсутствие проявлений судебного правотворчества и в актах индивидуального правоприменения иных, во всяком случае, нижестоящих судов. Вследствие чего утверждение о спорадическом, зависимом от каких-либо инициативных субъектов права (помимо законодателя, что, однако, в плоскости сравнения некорректно, поскольку законодатель сам меняет нормы и участником споров не является) характере судеб-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 6, 2017.

ного правотворчества в случае исключения из проявлений последнего решений по конкретным делам является неосновательным, за исключением того допущения, что постановления Пленума и обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда, теоретически имеют в основе и в последнем названном случае создаются непосредственно на конкретных актах судебного правоприменения, что, тем не менее, не может являться достаточным для постановки вывода о сугубо безынициативном со стороны суда характере судебного правотворчества, оформляемого актами, связь между созданием и содержанием которых и разрешением конкретных дел является выборочной, и нормативное предписание, во всяком случае, может исходить от конкретных структур, к числу которых отдельные судебные коллегии, как постулируется в правовой системе на текущий момент и закреплено Конституционным Судом с учетом общеобязательного толкования выявленного конституционно-правового смысла, не относятся.

Изложенное свидетельствует о наличии проявлений самостоятельного инициативного характера судебного правотворчества и не указывает на его однозначную и бесспорную спорадичность, которая могла бы быть связанной с демократизмом исходя из отражения в регулировании судами общественных отношений с учетом воли народа, однако и здесь само по себе обращение в суд осуществляется конкретными субъектами права, не преследующими в рамках разрешения спора цели изменения правовой системы и не являющихся выразителями данной воли, что также не позволяет применительно к судебному правотворчеству говорить о принципе демократизма как основополагающем начале. Между тем, истинный демократизм, во всяком случае, невозможен без открытости закономерностей правового регулирования для общества.

Как было отмечено, гласность означает открытость правотворчества для широкой общественности. Анализируя действующее в российской правовой системе законодательство по данному вопросу, можно обнаружить, что данный принцип в полной мере находит свое выражение в судебном правотворчестве, как следует из пунктов 3.1, 3.1.1, 3.2 обозначенного постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2. Пленум Верховного Суда рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ, секретарь Пленума Верховного Суда наряду с осуществлением полномочий судьи обеспечивает публика-

цию постановлений Пленума Верховного Суда на официальном сайте Верховного Суда в сети Интернет и в «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации», Президиум Верховного Суда утверждает обзоры законодательства и судебной практики, которые доводятся до сведения судей и работников аппарата Верховного Суда, направляются в суды, публикуются в ежеквартальных обзорах законодательства и судебной практики Верховного Суда, а также в «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации». Таким образом, акты судебного правотворчества, содержащие нормы-разъяснения, доводятся до сведения не только правоприменителей в лице судей, но и работников аппарата судов, а также публикуются в открытых источниках, обеспечивая сопоставимый с законом уровень гласности. Между тем, здесь следует сделать некоторую оговорку применительно к процедурному моменту, поскольку в соответствии с частью 2 статьи 100 Конституции РФ заседания Совета Федерации и Государственной Думы являются, по общему правилу, открытыми, в то время как для Верховного Суда аналогичное положение предусматривается лишь для разбирательства дел (часть 1 статьи 10 Гражданского процессуального кодекса РФ, часть 1 статьи 11 Арбитражного процессуального кодекса РФ, часть 1 статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹, часть 1 статьи 11 Кодекса административного судопроизводства РФ, пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2), без установления общего правила открытости для заседаний Пленума и Президиума Верховного Суда, что, тем не менее, не позволяет говорить о закрытом характере судебного правотворчества с позиции гласности, однако является маркером указанного отсутствия демократизма, ввиду также того, что заседания соответствующих структур представляют собой определенные рабочие процессы внутри государственных органов, схожие по цели и результату с деятельностью законодательных органов власти, однако не во всем ей идентичные.

При этом не может быть не обозначено то обстоятельство, что открытость судебного правотворчества напрямую предполагает вывод о потенциальной подверженности обсуждению и критике соответствующих актов, содержащих нормативные положения, особенно учитывая, что при разрешении судебных споров и в процессе применения нормы закона применению подлежит не сама норма и не сам закон, а то положение, как разъяснено об их применении Верховным Судом,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

на что со всей очевидностью будут ориентироваться и субъекты права, видя норму не в законе, а в разъяснении о его применении. Примечательно, что данное справедливо не только для материально-правовой сферы, но и считающейся более строгой в своей форме сферы процессуальной. К примеру, в 2013 году в пункте 2.1 обзора, утвержденного Президиумом Верховного Суда, высшая судебная инстанция отмечала: «Правоприменительная практика свидетельствует, что в судах еще не сложился единообразный подход к решению вопроса о территориальной подсудности рассмотрения дел, связанных с обращением взыскания на недвижимое имущество, заложенное в обеспечение возврата кредита. В связи с этим у ряда судов возникает вопрос о правомерности применения к рассматриваемым отношениям правила об исключительной подсудности, предусмотренного статьей 30 Гражданского процессуального кодекса РФ. Следует признать обоснованной сложившуюся судебную практику, которая исходит из того, что требование об обращении взыскания на заложенное в обеспечение возврата кредита недвижимое имущество не является самостоятельным спором о правах на это имущество. Материально-правовой предпосылкой такого рода спорных отношений является неисполнение должником кредитного обязательства, предполагающее удовлетворение требований кредитора за счет стоимости предмета залога, в связи с чем статья 30 Гражданского процессуального кодекса РФ к кредитным отношениям применению не подлежит»¹. Между тем, спустя практически 10 лет правоприменения обоснованной стала считаться иная позиция, нашедшая свое выражение уже в таком акте, как постановление Пленума Верховного Суда РФ, в силу пункта 67 которого иски об обращении взыскания на недвижимое имущество, а также о признании ипотеки прекращенной рассматриваются с соблюдением правил об исключительной подсудности (статья 30 Гражданского процессуального кодекса РФ, статья 38 Арбитражного процессуального кодекса РФ)². Таким образом, сторона соответствующего спора более не может рассчитывать на рассмотрение иска, к примеру, по месту жительства ответчика, а должна ориентироваться на рассмотрение дела по месту нахождения залоговой

недвижимости, о чем заранее осведомлена в силу обозначенной гласности судебного правотворчества.

Однако, принимая во внимание обозначенную взаимосвязь принципов правотворческой деятельности, следует закономерность, при которой отличительной особенностью судебного правотворчества от правотворчества с принципиальной стороны будет являться отсутствие взаимного действия принципа гласности с принципом демократизма, в изложенной связи гласность в судебном правотворчестве приобретает иной, можно сказать, более усеченный функциональный характер, исходя из направленности исключительно на информирование субъектов права, не имеющих прямой процедурной возможности повлиять на нормативное содержание применяемых установлений, о текущих тенденциях разрешения судами правовых вопросов. В данном ключе наиболее остро воспринимается проблема обозначенного изменения судебной практики, предпосылки которого не могут быть с точностью и достоверностью прогнозированы обычным субъектом, ориентирующимся на сложившееся положение в праве, что приводит также к вопросу о выделяемом в литературе указанном принципе оперативности правотворчества, предполагающем своевременность издания нормативных актов и правовых норм для регулирования постоянно изменяющихся общественных отношений. Однако в данном вопросе необходимо вновь обратиться к самому характеру рассматриваемого судебного вида правотворчества, поскольку, как в целом постулируется в доктрине: «Суд не вправе отменять или изменять закон, он может играть правоутрачивающую роль в правообразовательном процессе. Судебное правотворчество связано с восполнением пробелов в праве, не является самостоятельным, а дополняет важную функцию судебной власти – осуществление правосудия» [11, с. 27]. В данном смысле представляется, что судебное правотворчество, рассматриваемое в качестве полностью зависимого от внешних факторов и позитивного права явления, оказывает обновленное влияние на общественные отношения исключительно через призму изменения законодательства и, как следствие, практики его толкования и применения. Для более глубокого принятия в данном ключе может быть приведена позиция: «Результаты правоинтерпретационной деятельности судов, бесспорно, влияют на единообразие применения норм законодательства, что обуславливает их значение для эффективного отправления правосудия. Однако, с нашей точки зрения, положения данных актов не создают новых правовых предписаний. В результате деятельности суда происходит установление элементов уже имеющихся норм права и даются

¹ Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2013.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2023.

рекомендации по их применению» [12, с. 10-11]. Но при этом, как следует из изложенных положений и примеров, становится ясной несостоятельность такого подхода в части его неспособности объяснить неизученный феномен изменения довольно устоявшейся судебной практики, происходящего в отсутствие каких-либо модификаций применяющихся правовых норм. Указывая о неизменной вторичности характера судебного правотворчества, юридическая литература в крайней степени преимущественно так или иначе исходит из максимум правоинтерпретационной деятельности судов, обходя стороной вопрос о причинах и следствиях единовременных глобальных изменений судебной практики и не уделяя внимания в данном отношении обратным примерам реального правоприменения. Обходятся здесь также стороной и немногочисленные позиции, подкрепленные многочисленными примерами, однако более индивидуального характера правоприменения, сводящиеся к тому, что в российской правовой системе судебный прецедент существует, но не столько как форма права, сколько как форма произвола и фактор неопределенности в праве [13, с. 40]. В достаточной степени очевидно, что данный вопрос требует отдельного глубинного исследования, однако в целях попытки соблюдения соответствия принципу построения каких-либо теорий на основе фактов, а не интерпретации фактов под теорию, также требует обозначения при рассмотрении указанного принципа оперативности правотворчества. Поскольку без оценки своевременности принятия и применения того или иного акта правотворчества невозможно определить, является ли принцип оперативности присущим тому или иному виду правотворчества, что к тому же тесно взаимосвязано с отдельным вопросом эффективности права, в рамках выявления принципов судебного правотворчества представляется обоснованным исходить из общего стремления правотворческой деятельности к своевременности регулирования изменяющихся общественных отношений и предлагается применительно к судебному правотворчеству рассматривать принцип оперативности как принцип динамичности.

В частности, в марте 2025 года Верховным Судом РФ изменена и в сущности представлена к обязательному применению в новом прочтении практика определения размера неустоек и штрафов по Закону об ОСАГО¹, который определяется

не размером присужденных потерпевшему денежных сумм убытков, а размером страхового возмещения, обязательство по которому не исполнено страховщиком добровольно. Высшей инстанцией отмечено, указание в пункте 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО на страховую выплату не означает, что в случае неисполнения страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта он освобождается от уплаты штрафа. Иное означало бы, что в отступление от конституционного принципа равенства прав, потерпевшие, право которых на страховое возмещение в виде организации и оплаты восстановительного ремонта нарушено, оказались бы менее защищены и поставлены в неравное положение с такими же потерпевшими, право которых на страховое возмещение нарушено неосуществлением страховой выплаты. Таким образом, удовлетворение судом требования потерпевшего - физического лица о взыскании убытков в размере действительной стоимости восстановительного ремонта автомобиля, обусловленных ненадлежащим исполнением страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта транспортного средства, не исключает присуждение предусмотренных Законом об ОСАГО неустоек и штрафов, основанием для присуждения которых является ненадлежащее исполнение страховщиком возложенных на него обязательств по организации и оплате восстановительного ремонта (возмещения вреда в натуре). В этом случае осуществленные страховщиком выплаты страхового возмещения в денежном выражении не подлежат учету при определении размера неустоек и штрафов, поскольку подобные действия финансовой организации не могут рассматриваться как надлежащее исполнение обязательства, которым в соответствии с пунктом 15.1 статьи 12 Закона об ОСАГО является организация и оплата восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение вреда в натуре)². Таким образом, согласно введенному Верховным Судом новому судебному правоприменению, размер соответствующих неустоек и штрафов надлежит рассчитывать от всей суммы неосуществленного надлежащего страхового возмещения при выборе потерпевшим способа возмещения вреда в натуре, что к тому же в буквальном толковании противоречит общей норме пункта 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО, которая в том числе применяется к соответствующим правоотношениям и не

¹ Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. 06.05.2002. № 18. Ст. 1720.

² Например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.03.2025 № 50-КГ24-8-К8; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.03.2025 № 81-КГ24-12-К8.

претерпевала каких-либо собственных изменений при изменении практики ее применения. Более того, существовавший ранее до марта 2025 года подход расчета разницы между выплаченной страховщиком суммой возмещения до возбуждения дела в суде и надлежащей суммой возмещения в целях исчисления неустоек и штрафов подкреплен в части штрафа также действующим актом судебного правотворчества (пункт 83 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31¹), в том числе не претерпевшим изменений с введением новой практики. При этом новая соответствующая практика, безусловно, воспринимается нижестоящими судами довольно быстро, в том числе через отмену в большом количестве вынесенных ранее, до существования, - причем постановленных по конкретным спорам - новых выводов высшей инстанции судебных постановлений, проходящих последующее достаточно длительное во времени обжалование².

Однако причины, цели, задачи, ответы на вопросы относительно того, почему ранее устоявшаяся на протяжении длительного времени практика применения одних и тех же норм закона одновременно оказывается изменена, ожидать ли в будущем каких-либо изменений, высшей инстанцией, по крайней мере сразу, расширенно не раскрываются, кроме того, могут и не подлежать раскрытию, поскольку соответствующая обязанность отсутствует. В данном срезе выраженная косвенно как в законе, так прямо в указанном выше акте Конституционного Суда РФ норма об отсутствии возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии Верховного Суда РФ, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке, может быть оценена как не нарушающаяся лишь потому, что соответствующие акты в приведенном случае отменяются не в рам-

ках рассмотрения заявлений о пересмотре судебных постановлений по новым обстоятельствам, а напрямую вышестоящим судом, формирующим новую судебную практику.

Насколько бы ни были противоречивыми и одновременно вынужденно обыденно понимаемыми многие постановления различных судебных инстанций, ясно одно - неоднозначная практика не обходит стороной и высшую судебную инстанцию, перед которой стоит достаточно сложная задача по унификации правовой системы посредством организации такого судебного правоприменения, которое позволило бы говорить о единообразной судебной практике в той или иной области и исключении, в частности, проблемы бесконечных «кроме того». Следует заметить, что указанная задача могла бы выполняться гораздо более эффективно при наличии у проводящего единообразие органа широкого списка инструментов, один из которых в виде судебного прецедента осознанно либо непреднамеренно, однако фактически отрезан от возможности быть имеющим правовое значение в классически понимаемом в юриспруденции варианте правового источника, в результате чего длительное время имеет место ситуация, при которой отдельные акты высшей судебной инстанции по конкретным делам не имеют того самого *stare decisis*. Но такое положение, безусловно, может считаться в определенной степени «выгодным» и для самой высшей инстанции, для которой не требуется инициации каких-то отдельных, более того, не предусмотренных процедур для пересмотра своих предыдущих постановлений по своей же инициативе. Тем не менее, указанное не говорит о благотворном влиянии подобной практики на правовую систему и законность в целом, поскольку высокая невозможность обоснованного предсказания исхода дела либо содержания судебного акта не может соотноситься с правовой определенностью. И в данной ситуации постановления Пленума Верховного Суда РФ, соответствующие обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом, которые не должны выполнять роль правовых положений, тем не менее, в сущности призваны заменить неясный закон для судов, более того, создаются с этой целью, поскольку разрешение дела судом не в соответствии с находящейся в текущий момент в состоянии относительной стабильности установленной практикой по тем или иным вопросам будет с очевидностью выступать, как показано выше и в бесчисленном множестве иных правовых ситуаций, в качестве основания отмены судебного акта. При этом, как видно, такое основание может проистекать и не только из указанных обобщенных обзоров и постановлений, но и

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, январь, 2023.

² Например: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2025 № 88-5411/2025; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2025 № 88-7064/2025; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2025 № 88-14595/2025; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2025 № 88-11313/2025; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2025 № 88-11924/2025 и т.д.

из постановлений высшей инстанции по конкретным делам, в один момент меняющих практику применения закона в том или ином вопросе.

С учетом изложенного, можно говорить о принципиальных преимуществах существующего в практической и на относительно легальных основаниях в юридической сфере судебного правотворчества в России, обладающего способностью невероятной динамичности регулирования. Однако, очевидно, что такая динамичность и возможность без инициирования каких-либо легальных процедур изменения тактики и даже стратегии правоприменения в отсутствие какой-либо связанности прецедентным началом имеет обратную сторону медали - неопределенность в правоприменении судов. При этом, учитывая, что неопределенность и изменение вектора демонстрируется высшей инстанцией, невозможно говорить об осознанном и неизменном следовании одним и тем же началам нижестоящими судами, отслеживающими колеблющийся «правовой тренд», исходящий, в сущности, от более высокой структуры в иерархии, выносящими судебные постановления, вступающие в законную силу и подлежащие отмене в той или иной части либо полностью в случае происходящего изменения практики в окне периода, к примеру, достаточно длительного кассационного обжалования судебных актов, не говоря уже о вопросе изменения практики применения нормы в качестве нового обстоятельства как основания для пересмотра судебных постановлений, правда, в последнем случае, пока за рамками решений высшей инстанции по конкретным спорам. В изложенной связи, говоря о принципах судебного правотворчества с учетом приведенных и других имеющихся в судебном правоприменении проявлений, следует прийти к выводу об отсутствии в настоящий момент в данной сфере правовой определенности как основополагающего начала, к которому осуществляется стремление, в связи с чем следует говорить о первоочередном использовании в фундаменте системы принципа динамичности правотворчества, который в отсутствие существования объективных критериев оценки оперативности прослеживается в конечном итоге на фактической основе и не может соседствовать с правовой определенностью в равных соотношениях, поскольку всегда стоит выбор: динамичность правоприменения или незыблемая формально-правовая определенность (независимо от того, от кого она исходит), который в настоящее время нельзя считать сделанным в пользу последнего. Между тем, вхождение и распространение в практике судебного правоприменения новой четкой тенденции быстро достигается через отмену не соответствующих данному новому началу судебных постановлений,

даже принятых в период, когда новой практики не существовало, что оказывает практически мгновенный эффект на правовую действительность, однако относится больше к механизму внедрения новых найденных смыслов законоположений, чем к вопросу о том, превалирует ли единообразие правоприменения над возможностью замены такого единообразия в случае необходимости. При этом становится логично и понятно, что принцип правовой определенности не является для судебного правотворчества фундаментальным, а существует лишь в дозволенном ему действующем правовом вакууме, имеющем временный характер неопределенной длительности, вместе с тем никто не сможет либо не посчитает необходимым заблаговременно сообщить, в какой момент, с какой даты либо в связи с чем произойдет изменение судебной практики при неизменности применяемых норм закона, и зачем оно принципиально будет произведено, какова первоначальная причина и конечная цель нового толкования прежней нормы и его неукоснительного введения там, где на протяжении нескольких лет существовала правовая определенность. Разумеется, рассмотрение правовых явлений, в особенности судебного правотворчества, с позиций исключительно юриспруденции является усеченным вариантом, поскольку не учитываются социальные, экономические, политические и иные факторы, однако иное рассмотрение требует существенного анализа каждого отдельного проявления, что не соотносится с постановкой выводов обобщающего характера в сугубо юридической плоскости. Тем не менее, те законоположения, которые действуют в правовой системе в неизменном варианте, и та практика их применения судами, которая претворяется в правовую действительность, с позиций принципов права позволяют однозначно утверждать, что правовая система за счет судебного правотворчества в стремлении к единообразию правоприменения развила необычайную динамичность, что вполне не без оснований может считаться принципом текущего сложившегося варианта судебного правотворчества, стремительно реагирующего на изменение социальной, политической жизни, либо осуществляемого по иным мотивам, которые, во всяком случае, по каким-либо причинам и даже в их отсутствие могут не подлежать раскрытию.

Как отмечается в юридической литературе: «Практика, при всей ее значимости и даже на уровне более или менее высоких абстракций, не может и не должна быть первоосновой права; напротив, с учетом своей динамичности и изначальной ориентированности на разрешение конкретных практических вопросов, на «обслуживание» запросов в условиях места и времени,

именно она и нуждается в концептуальной первооснове, не позволяющей ей «расползаться» в угоду этим условиям, сохранять цельность и последовательность» [14, с. 50-51]. Между тем, рассматривая принципы как основополагающие начала, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что, хотя применительно к практике как таковой, не имеющей, по утверждению, способности являться первоосновой, понятие принципов применимо лишь как трансляция какого-либо внешнего воздействия на эту практику, следует учитывать, что, тем не менее, феномен судебного правотворчества тесно связан с практикой, и лишая последнюю всяких первородных начал, следует в значительной либо полной степени лишить этих начал и судебное правотворчество, что не представляется обоснованным уже ввиду самой принадлежности последнего к деятельности по созданию, изменению, отмене правовых норм, более того, не запрещенной в условиях очевидности происходящих процессов и самим способствующим ей законом. Притом, как было отмечено, результаты судебного правотворчества не ограничиваются какой-либо отдельной сферой правоприменения, имеют неограниченный потенциал правового воздействия при надлежащем оформлении и введении, формируют правовую действительность, изменяя и дополняя ее. В частности, возвращаясь к примеру относительно подсудности, можно отметить, что упомянутый Гражданский процессуальный кодекс РФ в части 4 статьи 330 содержит закрытый перечень оснований для отмены решения суда первой инстанции в любом случае, так называемые безусловные процессуальные основания для отмены. Между тем, соответствующий перечень может вполне считаться дополненным пунктом 57 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16¹, указывающим, что несоответствие резолютивной части мотивированного решения суда резолютивной части решения, объявленной в судебном заседании, является существенным нарушением норм процессуального права, влекущим отмену решения суда первой инстанции (пункт 4 части 1 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса РФ), что не может рассматриваться как что-либо иное, кроме как еще одно безусловное процессуальное основание, с очевидностью проистекающее из практики правоприменения. Постановка знака равенства между динамичностью практики и отсутствием принци-

пов с учетом судебного правотворчества не представляется окончательным вариантом разрешения вопроса, в то же время данное свойство практики не влечет в обязательном порядке изменчивости других принципов судебного правотворчества за счет воздействия динамичности. Здесь также примечательно, на сферу судебного правоприменения не обязательно должны оказывать существенное влияние внешние факторы в виде изменчивости норм позитивного права, поскольку переосмысление, дополнение последних в судебном правоприменении может происходить самостоятельно и независимо, «дальше» от закона и «ближе» к правовой действительности. Таким образом, в совокупности с указанным выше принципом динамичности для судебного правотворчества с учетом отсутствия демократических начал характерен консерватизм, проявляющийся не как антипод гласности либо динамичности, а в изменении системы в конечном итоге изнутри, после признания определенным субъектом (обобщенно Верховным Судом) необходимости изменения, дополнения правовых норм в практике правоприменения, что в значительной степени обуславливается самой по себе независимостью судебной ветви власти и фундаментальной потребностью адекватности права общественной жизни.

В изложенной связи, применительно к судебному правотворчеству, действующая система регулирования, исходя из обозначенных принципов, как основополагающих начал, на которых оно осуществляется, может быть представлена как консервативно-динамичная система, которая приобрела высочайшее благо в виде возможности пересматривать те или иные вопросы на ходу, в отсутствие предусмотренной законом или хотя бы явной необходимости следования *stare decisis*, более того, без какой-либо необходимости объяснения причин выборочной смены вектора регулирования, что, несомненно, позволяет более эффективно отслеживать и успевать за меняющейся правовой действительностью и общественной жизнью. Таким образом, посредством судебного правотворчества, суды не остаются в стороне, не являются «оторванными» от реальной правовой жизни, являются соответствующими правовой действительности и происходящим в ней изменениям. При этом заявленная консервативность системы, безусловно, находит свое выражение в упомянутых специфических чертах принципов научности, профессионализма, гласности и отсутствия демократизма, вследствие чего консервативность здесь не является проявлением враждебности ко всяким нововведениям с позиций сущности последних, а выражает свойство низкой либо отсутствующей ротации правотворцев в судебном правотворчестве, ввиду

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июнь, 2021.

фактического отсутствия установления таковой законом, в отличие от законодательной сферы. Однако, безусловно, как отмечалось неоднократно, подобные принципиальные начала построения судебного правового регулирования несовместимы с понятием правовой определенности в его максиме, поскольку подразумевают используемую возможность изменения судебной практики, при котором аналогичные дела будут разрешаться совершенно иначе, чем год, квартал, месяц назад, по указанию высшей инстанции, либо, что более распространено применительно к количеству судебных актов, инстанции кассационной, формирующей практику в пределах своего округа посредством направления судебных дел на новое рассмотрение.

Резюмируя изложенное, следует согласиться с тем высказываемым в науке общим положением, что современное общество и политико-правовая система подвержены различного рода изменениям как по объективным, так и по субъективным причинам, одной из задач судебной юриспруденции является повышение уровня эффективности правосудия, в том числе за счет развития отдельных вопросов, касающихся специализации в судебных органах, формирования единообразного толкования терминов и понятий, используемых в законодательстве и правоприменительной практике, смысловая нагрузка правовых норм, определений и терминов, а также правовых конструкций, регламентируемых законодателем, очень часто двойко трактуется не только учеными-правоведами в той или иной области, но и непосредственно правоприменителем [15, с. 117-118]. В указанной связи в литературе находят планомерное выражение и позиции, что в контексте теории судебного права надлежит исходить из того, что право – это не фиксированная и застывшая, а постоянно развивающаяся в результате правотворчества судей система ценностей, правотворчество судей – важнейший элемент реализации судебной власти, которой они наделены Конституцией РФ [16, с. 140].

Однако рассматривая данные проблемы с позиций принципов судебного правотворчества, представляется необходимым констатировать существующее положение, при котором указанный вид правотворчества строится на основополагающих началах, присущих законотворчеству, за некоторыми изъятиями и оговорками, отражающими специфику соответствующей деятельности по созданию, изменению, отмене правовых норм. В указанной связи следует вывод, присущими судебному правотворчеству принципами, как основополагающими началами указанной деятельности, являются научность, профессионализм, законность (с обозначенными оговорками),

гласность, динамичность, находящиеся в особой взаимосвязи и взаимодействии друг с другом и имеющие специфический свойственный указанному виду правотворчества характер, выделяющий его в законодательстве и судебной практике и придающий ему особый статус.

Список литературы:

- [1] Бошно С.В. Принципы правотворчества // Право и современные государства. 2019. № 2. С. 52-56.
- [2] Румянцев М.Б. Правотворчество в Российской Федерации: монография / М.Б. Румянцев. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. 324 с.
- [3] Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др. / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП. Норма, ИНФРА-М, 2017. 432 с.
- [4] Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. 384 с.
- [5] Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. М., 1966. 187 с.
- [6] Иванов Р.Л. Виды актов судебного правотворчества в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 3 (24). С. 6-13.
- [7] Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 5-27.
- [8] Соловьева Т.В. О характере постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 2. С. 5-9.
- [9] Лебедев В.М. Проблемы становления и развития судебной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... док. юрид. наук / В.М. Лебедев. Москва, 2000.
- [10] Валитов Д.Р. Понятие и признаки судебного правотворчества // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 10-1. С. 172-174.
- [11] Желдыбина Т.А. О судебном правотворчестве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 26-29.
- [12] Филимонова А.И., Кулакова О.С. Кто есть суд: правоинтерпретатор или правотворец? // Российский судья. 2021. № 7. С. 7-12.
- [13] Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex Russica. 2015. Т. С. № 3. С. 28-42.
- [14] Коновалов А.В. Понятие принципов права в современной российской цивилистиче-

ской науке // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 38-52.

[15] Белякова А.В. Судебное право: новое прочтение // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 104-123.

[16] Николюк В.В. Судебное право как философская категория и точка пересечения «идеала» (единый процессуальный кодекс) и «реальности» (сохранение процессуального отраслевого многообразия). Часть 1 // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 135-141.

References:

[1] Boshno S.V. Printsipy pravotvorchestva // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2019. № 2. С. 52-56.

[2] Rumyantsev M.B. Pravotvorchestvo v Rossiyskoy Federatsii: monografiya / M.B. Rumyantsev. Cheboksary: ID «Sreda», 2019. 324 s.

[3] Sudebnaya praktika v sovremennoy pravovoy sisteme Rossii: monografiya / T.Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev, A.V. Gabov i dr. / pod red. T.Ya. Khabrievoy, V.V. Lazareva. M.: IZiSP. Norma, INFRA-M, 2017. 432 s.

[4] Doktrinal'nye osnovy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: monografiya / T.Ya. Khabrieva, A.I. Kovler, R.A. Kurbanov / pod red. T.Ya. Khabrievoy. M.: Norma, INFRA-M, 2023. 384 s.

[5] Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve / S.S. Alekseev. M., 1966. 187 s.

[6] Ivanov R.L. Vidy aktov sudebnogo pravotvorchestva v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2010. № 3 (24). С. 6-13.

[7] Bondar' N.S. Netipichnye istochniki sudebnogo pravoprimeneniya: konstitutsionnye mekhanizmy formirovaniya i realizatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. 2024. Т. 28. № 2. С. 5-27.

[8] Solov'eva T.V. O kharaktere postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda RF // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2011. № 2. С. 5-9.

[9] Lebedev V.M. Problemy stanovleniya i razvitiya sudebnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... dok. yurid. nauk / V.M. Lebedev. Moskva, 2000.

[10] Valitov D.R. Ponyatie i priznaki sudebnogo pravotvorchestva // Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «Simvol nauki». 2016. № 10-1. С. 172-174.

[11] Zheldybina T.A. O sudebnom pravotvorchestve // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2015. № 2 (103). С. 26-29.

[12] Filimonova A.I., Kulakova O.S. Kto est' sud: pravointerpretator ili pravotvorets? // Rossiyskiy sud'ya. 2021. № 7. С. 7-12.

[13] Polyakov S.B. Sudebnyy pretsedent v Rossii: forma prava ili proizvola? // Lex Russica. 2015. Т. С. № 3. С. 28-42.

[14] Konovalov A.V. Ponyatie printsiptov prava v sovremennoy rossiyskoy tsivilisticheskoy nauke // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 38-52.

[15] Belyakova A.V. Судебное право: новое прочтение // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 104-123.

[16] Nikolyuk V.V. Судебное право как философская категория и точка пересечения «идеала» (единый процессуальный кодекс) и «реальности» (сохранение процессуального отраслевого многообразия). Част' 1 // Вестник Урал'ского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 135-141.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-372-375

АНДРИАНОВА Мария Владимировна,
начальник отдела по организации научной и
редакционно-издательской деятельности,
старший преподаватель кафедры общетеоретических
правовых дисциплин Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева,
e-mail: amvspb2019@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье рассматривается применение информационных технологий в гражданском процессе с точки зрения повышения эффективности правосудия по гражданским делам. Целью исследования является анализ применения современных информационных средств повышения эффективности гражданского судопроизводства. Работа проводилась с применением общенаучных методов и частнонаучных методов, таких как анализ, синтез, диалектический, формально-юридический, системный методы и др. В рамках исследования проведен анализ применения информационных технологий в судопроизводстве с точки зрения соотношения издержек правосудия и его результатов. Сделан вывод о необходимости оценки применения каждого конкретного инструмента в качестве средства повышения эффективности правосудия по гражданским делам именно по обозначенным критериям.

Ключевые слова: эффективность правосудия, гражданское судопроизводство, оптимизация издержек, информационные технологии, искусственный интеллект.

ANDRIANOVA Mariia Vladimirovna,
senior lecturer of the Department
of General Theoretical Legal Disciplines
of the North-West branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY AS A MEANS OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF JUSTICE IN CIVIL MATTERS

Annotation. The article examines the use of information technology in civil proceedings from the point of view of improving the effectiveness of justice in civil cases. The purpose of the study is to analyze the use of modern information tools to improve the effectiveness of civil proceedings. The work was carried out using general scientific methods and private scientific methods such as analysis, synthesis, dialectical, formal legal, systematic methods, etc. The study analyzes the use of information technology in legal proceedings in terms of the ratio of the costs of justice and its results. It is concluded that it is necessary to evaluate the use of each specific tool as a means of improving the effectiveness of justice in civil cases according to the specified criteria.

Key words: efficiency of justice, civil proceedings, cost optimization, information technology, artificial intelligence.

Вопросы эффективности правосудия в целом и правосудия по гражданским делам в частности в последнее время часто становятся предметом обсуждения в научной литературе в сфере юриспруденции. Более того, повышение эффективности правосудия на Всероссийском съезде судей было обозначено в качестве одной из центральных задач судебной системы Российской Федерации [5].

С учетом подходов, разработанных в экономической и юридической науке, эффективность правосудия по гражданским делам предлагается рассматривать как свойство гражданского судопроизводства, определяющее своевременное вынесение судами законных и обоснованных решений по гражданским делам, действенную защиту прав, свобод и законных интересов всех субъектов, обращающихся за такой защитой, с минимальными (оптимальными) издержками. К издержкам в данном случае относятся любые затраты (в том числе финансовые и временные) не только суда, но и участников судопроизводства.

Таким образом, для констатирования высокого уровня эффективности правосудия по гражданским делам необходимым представляется выполнение одновременно нескольких условий:

- решение суда должно быть законным и обоснованным;
- вынесение решения суда должно быть своевременным;
- решение суда должно обеспечивать действенную защиту прав, свобод и законных интересов всех субъектов, обращающихся за такой защитой;
- издержки такого гражданского процесса должны быть минимальными (оптимальными).

В связи с этим актуальными становятся проблемы поиска средств повышения эффективности правосудия, позволяющих без ущерба качеству судебных решений минимизировать (оптимизировать) все виды затрат, имеющих место в контексте отправления правосудия по гражданским делам. Одним из наиболее обсуждаемых и актуальных средств повышения эффективности правосудия по гражданским делам является применение информационных технологий в гражданском процессе.

Применение информационных технологий при рассмотрении гражданских дел не является новацией последних лет. Так, применение технологии видеоконференц-связи (далее – ВКС) предусмотрено Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [6] (далее – ГПК РФ) уже с 2013 года. С тех пор к возможности участво-

вать в процессе с помощью системы ВКС добавились право участия в процессе посредством веб-конференции, подача документов в суд в электронном виде, а также некоторые правила исследования электронных доказательств. Все эти меры в действительности могут способствовать повышению эффективности судопроизводства, дополнительно обеспечивая доступность правосудия, что, безусловно, благотворно сказывается на развитии судебной системы Российской Федерации, а также способствует повышению доверия граждан правосудию.

Однозначно сказать о положительном влиянии использования таких средств на эффективность правосудия можно сказать только проведя анализ соотношения издержек и результата правоприменительной деятельности. Очевидно, что внедрение вышеуказанных технологий способствует снижению (оптимизации) издержек, однако необходимо помнить, что эффективность можно констатировать лишь при достижении цели, в данном случае – при действительной защите прав, свобод и законных интересов. Это значит, что использование современных информационных инструментов не должно, прежде всего, упрощать или даже вредить доказательственной деятельности, поскольку именно от эффективности доказывания зависит во многом возможность достижения цели гражданского судопроизводства.

Кроме того, некоторые предложения по внедрению информационных технологий в процесс отправления правосудия должны, в том числе, отвечать реальному уровню оснащенности граждан техническими средствами. В связи с этим в каждом конкретном случае должна быть проведена оценка предлагаемой меры с точки зрения эффективности ее внедрения. Так, например, следует согласиться с Е.С. Смагиной, что предложение об извещении всех участников гражданского судопроизводства путем размещения соответствующей информации в сети Интернет является преждевременным [4, с. 55].

Отдельно следует обратить внимание на активно обсуждаемые в юридической литературе предложения по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность.

Представляется, что к данному вопросу следует подходить дифференцированно. Действительно, некоторые задачи, решаемые судом и другими участниками судопроизводства являются рутинными и могут быть делегированы искусственному интеллекту, что поспособствует оптимизации издержек судопроизводства, сохраняя выполнение других вышеуказанных условий эффективности. Такими задачами, например, могут быть ведение протокола судебного заседа-

ния в письменном виде с помощью распознавания голоса, подготовка проектов судебных постановлений, работа с большим объемом информации в делопроизводстве и судопроизводстве и др.

Интересным и заслуживающим поддержки видится также предложение по использованию искусственного интеллекта для распознавания подлога доказательств при использовании документов в электронной форме [1, с. 37].

Вместе с тем функции по оценке доказательств, формированию решения суда по конкретному делу и другие задачи, предполагающие сложную волевою интеллектуальную деятельность, не могут быть переданы информационным технологиям. В любом случае, именно суд является органом, отправляющим правосудие, а судья, выступая от имени Российской Федерации несет ответственность за вынесение того или иного решения.

На практике технологии искусственного интеллекта активно применяются, в том числе в юридической деятельности, к настоящему моменту сформирован и некоторый положительный опыт [2, с. 216]. Однако функции судебной системы являются специфическими, суд, принимая решение по делу, выступает от имени государства, поэтому представляется, что в данном случае к применению искусственного интеллекта следует подходить разумно и осторожно.

В вопросе внедрения информационных технологий в контексте повышения эффективности важным представляется нахождение баланса, когда технологии в действительности оптимизируют издержки, а не заставляют суд и других участников процесса проделывать дополнительную работу, увеличивая издержки, в том числе связанные с потенциальным обжалованием вынесенного судом решения с одной стороны. А с другой – позволяют в действительности достичь цели судопроизводства. В связи с этим возможным видится внедрение технологий исключительно для выполнения технических, рутинных задач, не предполагающих сложного многоступенчатого анализа, поскольку внутреннее убеждение, которым суд руководствуется при вынесении решения, как представляется, может сформироваться только у человека под влиянием множества факторов.

Кроме того, для действительного эффективного практического применения искусственного интеллекта важнейшим является определение этого понятия. Следует согласиться с Т.В. Сахновой в том, что для цивилистического процесса решение вопроса о дифференциации искусственного интеллекта в системе различных цифровых

технологий необходимо, поскольку его потенциальное применение в процессе предполагает понимание используемой машиной методологии [3, с. 18-20].

Таким образом, внедрение информационных технологий в судопроизводство в действительности позволяет оптимизировать некоторые издержки, связанные с рассмотрением и разрешением гражданских дел судами, однако при использовании такого средства повышения эффективности правосудия необходимо учитывать и второй важнейший элемент эффективности – достижение цели судопроизводства. Это значит, что сокращение (оптимизация) издержек правосудия не должна происходить за счет снижения качества судебных решений, поскольку в таком случае цель судопроизводства – защита прав, свобод и законных интересов обращающихся за судебной защитой лиц – не может быть достигнута, а значит и об эффективности правоприменения речи быть не может.

Список литературы:

- [1] Валеев Д.Х., Маколкин Н.Н. Предоставление доказательств в электронном формате: постановка проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 35-37.
- [2] Закиров Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8, № 1. С. 211-219.
- [3] Сахнова Т.В. Искусственный интеллект в Е-правосудии: очевидное и вероятное // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 2. С. 15–29.
- [4] Смагина Е.С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 51-59.
- [5] Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/> (дата обращения: 01.03.2025 г.)
- [6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

References:

- [1] Valeev D.Kh., Makolkin N.N. Providing evidence in electronic format: raising a problem//Arbitration and civil proceedings. 2022. № 3. S. 35-37.

[2] R.F. Zakirov. The use of modern IT technologies as a means of achieving the main tasks of legal proceedings//Bulletin of the civil process. 2018. T. 8, NO. 1. S. 211-219.

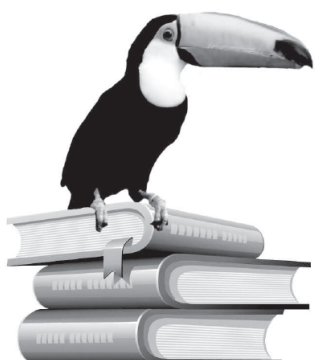
[3] Sakhnova T.V. Artificial intelligence in E-justice: obvious and probable//Bulletin of the civil process. 2024. T. 14. № 2. S. 15-29.

[4] Smagina E.S. The use of information technologies as an alternative to large-scale changes in civil procedure legislation aimed at increasing the effi-

ciency of civil proceedings and optimizing the judicial burden//Bulletin of Civil Procedure. – 2018. - T. 8, NO. 1. - S. 51-59.

[5] Resolution of the X All-Russian Congress of Judges of December 1, 2022 No. 1 "On the Development of the Judicial System of the Russian Federation" //URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/> (date of appeal: 01.03.2025)

[6] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended by 01.04.2025) //SZ RF. 18.11.2002. № 46. Art. 4532.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ТАРАСОВА Юлия Николаевна,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия» им. В.М. Лебедева,
кандидат психологических наук, г. Санкт-Петербурга, Россия,
e-mail: jutarasova@yandex.ru

РОЛЬ БАЗОВЫХ УБЕЖДЕНИЙ И ЦЕННОСТЕЙ СУДЬИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается гипотеза о взаимосвязи базовых убеждений и жизненных ценностей судьи с его психоэмоциональным благополучием и рисками эмоционального выгорания. Данная взаимосвязь представляет интерес в рамках изучения профессиональной мотивации и адаптационного ресурса в условиях информационного стресса судебной деятельности. Выдвинутая гипотеза требует дальнейшего развития и подтверждения экспериментальными исследованиями.

Ключевые слова: судьи, профессиональная деятельность, базовые убеждения, адаптация в профессиональной деятельности, эмоциональное выгорание.

TARASOVA Julia Nikolaevna,
Associate Professor, Department
of General Theoretical Legal disciplines
of the North-West branch of FSBEI HE
Lebedev Russian State University of Justice
Candidate of Psychological Sciences,
St. Petersburg, Russia

THE ROLE OF THE JUDGE'S BASIC BELIEFS AND VALUES IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL ADAPTATION

Annotation. The article discusses the hypothesis of the relationship between the basic beliefs and life values of a judge with his psychoemotional well-being and the risks of emotional burnout. This relationship is of interest in the context of the study of professional motivation and adaptive resource in the context of information stress in judicial activity. The hypothesis put forward requires further development and confirmation by experimental studies.

Key words: judges, professional activity, basic beliefs, adaptation in professional activity, emotional burnout.

Введение

Профессиональная деятельность современного судьи является одной из самых сложных социально ориентированных видов деятельности. В ней сочетаются высокие требования к специалистам в области профессиональных компетенций юриста, стандартов в сфере этики, коммуникативных навыков, психологической подготовки, общей выносливости организма и психики. Служебная нагрузка на судью возрастает ежегодно, предъявляются дополнительные требования в области цифрового делопроизводства, переработки больших объемов информации в ограниченные сроки. Все вышеперечисленные факторы

требуют быстрой и конструктивной адаптации, приспособления к непрерывно изменяющимся условиям труда.

Тема данной статьи обусловлена результатами оценки психоэмоционального состояния судей, их ценностно-ориентационной и мотивационной сферы влияющих на общую удовлетворенность результатами деятельности, а также возможными рисками эмоционального выгорания.

Результаты получены и обсуждались на занятиях по повышению профессиональной квалификации мировых судей. В ходе общения и по результатам психологических тестов были выявлены актуальные проблемы социально-психоло-

гического характера, включая наличие симптомов эмоционального выгорания. Целью данной статьи стало привлечение интереса судейского сообщества к теме психоэмоциональных стрессов в профессиональной деятельности в условиях усложняющихся требований, необходимости освоения практических навыков адаптации с учетом индивидуальных особенностей реагирования на стрессовые факторы.

Стрессы в деятельности современных судей

Вопросы адаптации человека в ситуациях стресса изучаются с разных научных ракурсов, но наиболее эффективно в рамках интегративного подхода, предлагающего исследовать в комплексе ресурсы организма [У. Кеннон, Г. Селье, Л. А. Китаев-Смык], силу нервной системы [П. К. Анохин, К. В. Судаков] эндокринной системы [Ф. Мэйсон, О. Полякова], генетические особенности [Л.В. Кухтинская, А.В. Зураев, В.А. Будевич, И.Б. Моссэ]. Ученые пришли к пониманию, что полное представление об адаптивных ресурсах субъекта можно получить только в комплексной оценке ресурсов организма с учетом когнитивных способностей [Р. Лазарус], эмоциональной устойчивости, личностных качеств [В. А. Бодров, Л. И. Анцыферова]. Все эти факторы важно учитывать при оценке реакций, как на внешние, так и внутренние раздражители. Независимо от источника возникновения раздражителя, в поведении человека проявляется степень адекватности его психологической и физиологической установки на стрессовые факторы, а также тип поведенческого реагирования. Так, по мнению Дж. Эверли и Р. Розенфельда, чрезмерное возбуждение, как реакция на стресс, связано с чрезмерной активацией лимбической системы [26] и может приводить к импульсивному поведению, беспредметной тревоге, нарушению сна и другим симптомам нарушения гомеостаза [20, с. 75].

В профессиональной деятельности, как правило, изучаются особенности внешних раздражителей (факторы риска), способных негативно повлиять на стрессоустойчивость субъекта деятельности, на возможность эмоционального выгорания [К. Маслач и С. Джексон, В. Бойко, Н. Водопьянова, Е. Старченкова и др.], развитие психосоматических патологий [Дж. Эверли и Р. Розенфельд]. Среди внешних раздражителей принято выделять сложный контингент [Х. Фрейденберг], высокие требования к специалистам [А. Пайнз, Е. Аронсон], противоречия между ожиданиями, намерениями, идеалами и повседневной реальностью [К. Чернис и др.]. Длительное состояние стресса, независимо от внешних факторов, может привести к нарушению гормонального баланса,

дефициту различных химических элементов, необходимых организму для нормального функционирования.

В деятельности современных судей внешних раздражителей становится все больше: к сложному контингенту и высоким требованиям прибавился ускоренный переход к цифровому делопроизводству, частые изменения в законодательстве, работа с большими потоками информации без четких критериев их ценности и актуальности, коммуникация с участниками судопроизводства в дистанционной форме и другие факторы.

Данные факторы во многом отражают симптомы антропологического кризиса, характерные для текущей эпохи [Э. Кальницкий]. Среди них выделяют «отчуждение человека от самого себя, других людей и природы» [8, с. 212], повышенную тревожность, смещение приоритетов в системе ценностей и интересов, чувство беспомощности перед будущим. В процессе перехода к новому технологическому укладу старые ценности, такие как совместная деятельность, добровольное взятие на себя ответственности при распределении обязанностей уступают место приоритетам, связанным с индивидуальным овладением современными технологиями, формальной производительностью, личными статистическими показателями.

При этом декларируемые в профессиональном сообществе приоритеты зачастую не подкреплены механизмами обеспечения (отсутствие современных компьютеров, программ обработки данных, квалифицированных специалистов). Э. Тоффлер обозначил подобные условия деятельности в ситуации постоянного стресса, в которых человек оказывается неспособен адаптироваться быстро и адекватно, термином «футурошок». По его мнению, в подобных условиях обостряются внутренние личностные конфликты, в частности, конфликты ценностей, снижается адаптивность под воздействием эмоций страха перед непонятным будущим [18]. Свои концепции, акцентирующие внимание на сложности и неопределенности современных реалий, представляли экономисты [У. Беннис, Б. Нанус], футурологи [Р. Йохансен, Д. Кашио], психологи, специалисты в области коучинга и консалтинга [М. Розин, С. Дерябин]. Данные концепции [VUCA, BANI, SHIVA, TACI] раскрывают такие свойства современного мира как изменчивость и неопределенность, хрупкость, тревожность, беспощадность, хаотичность, турбулентность, враждебность [27].

Тем не менее, в случае успешной адаптации (приобретение новых навыков, постановка четких целей деятельности) происходит постепенное формирование новых признаков профессиональ-

ной и личностной идентичности, что в дальнейшем способствует профессиональному развитию и эффективности деятельности. Негативные же признаки (затруднения в обучении, размытые цели и мотивы) повышают напряжение, а в дальнейшем могут привести к выгоранию и дезорганизации. Как указывает Л. Регуш, адаптивные возможности человека выражаются, в том числе, в способности к «опережающему отражению» в познавательной и коммуникативной сфере. Другими словами, адаптивность личности проявляется в определенной способности к интуитивному восприятию мира, способности к прогнозированию, предчувствию, предвидению, опережающим реакциям. Е. Ильин отмечает, что чаще кризисные состояния чаще сопровождаются ожиданием чего-то неприятного, угрожающего безосновательно, но интуитивное предчувствие будущего может быть вопреки реальным фактам положительным [17, с. 4-5].

Сложность общечеловеческого (антропологического) кризиса заключается в симптомах, так называемого, «кризисного сознания». В условиях, когда человек делегирует многие профессиональные компетенции машинам и механизмам, с одной стороны он освобождается от рутинных операций и действий, с другой – становится заложником своей зависимости от техногенной среды. В данных условиях человек уже вынужден адаптироваться не только к новым профессиональным задачам, но и к особенностям технических устройств и программ, обезличивающих его индивидуальные качества.

Одним из важных факторов конструктивной адаптации к стрессу в условиях технологического перехода становится адекватная картина будущих изменений мира, которую субъект формирует за счет механизмов предвидения и предчувствия в своем сознании и начинает подготовку к изменениям за счет освоения новыми навыками [16, С.49]. Опережающее отражение в зависимости от личностных свойств человека и решаемых им задач, возникает, в том числе, и под влиянием профессиональной деятельности. Постоянные производственные стрессы, изменение технологического уклада, чаще оказывают негативное влияние на ценности личности, на межличностные отношения и социальные роли. Может измениться и смысл профессиональной деятельности, ее цели и задачи. Как справедливо указывает И. Совкова, в случаях невозможности регуляции внешнего напряжения (высокая служебная нагрузка, например), поведенческие паттерны постепенно упрощаются, учащаются случаи импульсивного поведения, агрессивных реакций. Вслед за частой сменой настроения, или его устойчивым снижением может последовать и пол-

ный отказ от проявлений инициативы, «самостоятельности в принятии сложных решений в пользу стандартизации, клишированности, имитационности поведения» [18, С.81].

В рамках концепции эмоционального выгорания подобное поведение классифицируется как редукция профессиональных обязанностей и достижений [28]. В. Асеев считает, что формализация поведенческих алгоритмов невольно девальвирует многие ранее сформированные профессиональные ценностные установки. Длительное пребывание в состоянии стресса и фрустрации активизирует защитные механизмы психики за счет снижения субъективной значимости, обесценивания деятельности и своей роли в результатах данной деятельности [3, С. 18]. Часто можно услышать от судей и от работников их аппарата, что они работают «на конвейере», то есть, занимаются деятельностью с характеристиками низкой квалификации и как следствие, низкой индивидуальной ответственностью за результаты.

При регулярной высокой служебной нагрузке субъект уже не стремится моделировать будущее с помощью творческого воображения, не успевает отразить произошедшие события. Его психика едва справляется с ситуативными задачами: выполнить план на ближайший день, неделю, организовать свою работу и работу подчиненных, успеть поехать, пообщаться с семьей, друзьями, выспаться. Если базовые потребности регулярно не удовлетворяются, человек становится раздражительным, ищет причины неудач либо в своем поведении (чувство вины), либо, что случается гораздо чаще, в ошибках других людей (внешнеобвиняющее поведение). Подобные защитные механизмы, направленные на снижение эмоциональной напряженности, очень характерны и для судей: они часто демонстрируют Отрицание (обесценивание опасности), Проекцию (наделяние негативными реакциями других людей), Компенсацию (перенос активности на другие объекты, другую деятельность). Таким неосознаваемым образом осуществляется предотвращение дезорганизации поведения, сознания. Ради сохранения целостности психики, стремления уберечь ее от распада, каждый использует индивидуальный набор защит и стратегий поведения.

Сторонники и продолжатели идей Зигмунда Фрейда и его дочери Анны Фрейд предлагают рассматривать психологическую защиту как средство разрешения конфликтов между сознанием и бессознательным, как средство поддержания равновесия между психикой и окружающим миром. Согласно мнению И. Никольской, защитные механизмы психики представлены на нескольких уровнях, которые постепенно формируются в онтоге-

незе (индивидуальное развитие человека в процессе его жизни). Так, физиологический уровень отвечает за адаптацию путем приспособления различных систем организма. Поведенческий уровень отвечает за адаптацию моторной активности, включая мимику, пантомимику, общие модели поведения. Благодаря этим уровням постепенно формируется набор индивидуальных механизмов приспособления (адаптации) к новым условиям жизнедеятельности [4, С. 236]. К. Роджерс утверждал, что поведение человека в норме должно согласовываться с его Я-концепцией, системой самовосприятия и самоощущения. В результате взаимодействия с миром Я-концепция в течение жизни претерпевает изменения: либо укрепляется, либо подвергается искажениям, деформируется. Защитные механизмы призваны сохранять в ситуациях стресса гомеостаз путем временного искажения реальности. Если личность не обладает достаточными ресурсами организма и воли для реализации собственных целей, расхождение между Я-реальным и Я-идеальным постепенно усиливается. Снижается самооценка, ухудшается самовосприятие, которое, в свою очередь, снижает адаптивные возможности личности. Частое использование защитных механизмов усиливает расхождение между желаемой и существующей реальностью.

При формировании моделей поведения у судей (с разной степенью осознанности) включаются ресурсы организма (выносливость, стрессоустойчивость), проявляется специфика протекания нервных процессов, включая когнитивную оценку ситуации (определение степени опасности, расстановка приоритетов, выстраивание иерархии ценностей). В случае позитивной адаптации судья стремится преобразовать ситуацию наилучшим для себя образом, либо эффективно приспособиться к ней [11, С.235]. Если адаптивных ресурсов недостаточно, накапливаются симптомы эмоционального выгорания, характерные для всех профессий с высоким эмоциональным риском, информационным стрессом и негативными внешними раздражителями. Поведенческими симптомами выгорания становятся подозрительность, предвзятость, отсутствие делового оптимизма.

А. Парамузов и Р. Несмеянова описали влияние идентичности сотрудника на логику его индивидуальных действий и общую стратегию деятельности на основе управленческих и организационных ценностей [15, С. 121]. Пользуясь моделью статусной идентичности Дж. Марсия, они показали, что один из типов (предetermined идентичность) характерен для субъектов, предпочитающих готовые решения, имитационное поведение. Такие люди часто проявляют авторитаризм,

отстраненность от проблем социума (деперсонализация, как один из признаков эмоционального выгорания). Подобное поведение укладывается в концепцию антропологического кризиса, характерного для нового технического уклада. Как указывает И. Кранц, выводы о достигнутом статусе идентичности в определенной жизненной сфере делаются на основе оценок таких критериев как успешность прохождения кризиса и принятие личностью новых обязательств [9, С. 110].

Базовые убеждения судьи и профессиональная идентичность

По мнению В. Бодрова, условия постоянно изменяющегося мира требуют от субъекта постоянно проявлять активность, творческое мышление, готовность к непрерывному обучению и формированию новых навыков. В процессе активного взаимодействия с миром люди учатся, преодолевая трудности не только «лепить новую идентичность», но и трансформировать мир вокруг себя [16, С. 22-24]. По мере принятия все более разнообразных решений относительно себя и своей жизни развивается устойчивая структура идентичности, основанная на осознании своих сильных и слабых сторон, целенаправленности и осмысленности своей жизни.

Дж. Марсия указывал, что необходимым условием формирования здоровой идентичности является активность субъекта в профессиональной сфере, в сфере религии и в сфере политики. В случае формирования идентичности судьи, следует указать на ограничения его активности в сфере общественной жизни [29]. Ведущей сферой для судьи является сфера профессиональной деятельности. Интеллектуальная основа юридической деятельности предполагает речемыслительный уровень психического отражения, позволяющий субъекту деятельности планировать индивидуальные и групповые действия, решать задачи нестандартным способом, управлять коммуникацией с учетом необходимого темпа и содержания, развивать способности вероятностного прогнозирования, координировать совместные действия и развивать рефлексивный самоконтроль поведения [17, С. 11]. Важным, по мнению Л. Регуш, является способность субъекта адаптироваться в процессе прогнозирования будущего, используя свое воображение, творческое мышление, интуицию. Л. Виготский также подчеркивал важность аффективных элементов воображения, влияющих на общий эмоциональный настрой субъекта деятельности, на степень его эмоциональной удовлетворенности. Удовлетворенность может быть истинной, как результат достижения индивидуальных целей в духовной жизни, в процессе самореализации. А может быть

дефицитарной, и реализовываться в стремлении к получению удовольствия ради удовольствия. В сфере бизнеса отмечается преимущественная ориентация, направленная на удовлетворение материальных потребностей, на безопасную работу и психологический комфорт в коллективе.

Ориентация на самореализацию обычно проявляется в через такие свойства личности как заинтересованность в решении сложных задач, удовлетворение широких познавательных интересов, переживание чувства захваченности деятельностью, восприятие деятельности как части себя. Этическая направленность выражается в стремлении к добру и истине. [5, С. 19]. Перечисленные личностные свойства характерны для работников интеллектуального труда (knowledge-worker) [30], способных превратить труд в творчество [5, С. 56]. В современном мире данное понятие смещается на способность анализировать и обрабатывать большие объемы информации, применение знаний высокого порядка [1, С. 35]. Творчество всегда проявляется индивидуально и зависит от доброй воли субъекта деятельности. Субъект сам определяет, как именно он будет применять свои знания, какой результат будет считать удовлетворительным, какие усилия будет прикладывать для достижения желаемого результата. Проверить степень реалистичности притязаний возможно через «отражение» своего собственного образа в сознании и поведении других людей. То есть, через получение обратной связи от родных и близких, от профессионального сообщества, от социума в целом. К большому сожалению, в профессиональной судейской среде не принято хвалить за успехи, за выполнение трудных профессиональных задач, а использование негативного подкрепления с целью ускорения работы лишь усиливает влияние защитных механизмов, что в свою очередь, ведет к выгоранию и не способствуют формированию и поддержанию позитивной профессиональной идентичности судьи.

В условиях высокой служебной нагрузки, длительного стресса большую роль играет система ценностей и мотивации судьи. Как указывает Т. Андреева, при отсутствии конструктивных ценностных убеждений, часть работников будет заинтересована устанавливать планку профессиональных достижений ниже (и, возможно, существенно ниже) своих возможностей. [2, С. 49]. Для работников интеллектуального труда, как показывают многочисленные отечественные и зарубежные исследования, относительно большее значение имеют мотивы, связанные с самореализацией и признанием, в то время как для работников физического труда относительно большее значе-

ние имеют мотивы, связанные с безопасностью (стабильностью) и принадлежностью к профессиональному сообществу [2, С. 62]. По классификации Дж. Марсиа, активный поиск субъектом новых решений при столкновении с новыми вызовами, основанный на значимых ценностях и завершённый принятием эффективных решений, можно считать достигнутой идентичностью. Такие люди в большей степени оптимистичны, рациональны, проявляют гибкое мышление в отношении будущего и проявляют достаточную волю в достижении поставленных целей деятельности.

Проблемные вопросы

Как было указано выше, на занятиях в рамках повышения квалификации мировых судей обсуждались результаты психологических тестов. Одним из тестов был опросник «Шкала базовых убеждений» (Janoff-Bulman R. World Assumptions) /перевод и адаптация О. Кравцовой), разработанный в рамках когнитивной концепции базовых убеждений личности. По мнению автора методики, чувство безопасности связано у человека с убеждениями в осмысленности окружающего мира, в вере преобладания в мире добра над злом, в убежденности собственной ценности. Базовые убеждения личности претерпевают серьезные изменения по наблюдениям Г. Звездиной и А. Воскобоева под влиянием перенесенных травматических событий, в результате которых основательно разрушаются привычные жизненные представления и схемы поведения [6, С.16]. Более оптимистичное отношение к миру, окружающим людям и себе самому способствует большей психической стабильности и успешности в повседневной жизни [18].

У пятерых (23%) из группы судей (22 человека) были выявлены признаки низкого доверия к миру, непонимания осмысленности и логичности происходящих событий, у троих судей из группы наблюдалось низкий уровень самооценки и самоконтроля поведения.

Вторая методика, предложенная судьям, является разновидностью опросников состояний и настроений. Методика САН (Самочувствие, Активность, Настроение) была разработана В.А. Доскиным, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарай, М.П. Мирошниковым [31] для выявления индивидуальных особенностей и биологических ритмов психофизиологических функций. Результаты по шкале «Самочувствие» показывают субъективное ощущение комфорта, как на физическом уровне, так и на уровне когнитивных и эмоциональных факторов. Результаты по шкале «Активность» отражают особенности взаимодействия организма с окружающей средой, включая готовность к интенсивным

социально-психологическим нагрузкам. Шкала «Настроение» отражает эмоциональные реакции, общий эмоциональный фон субъекта, направленные на конкретные объекты, обусловленные конкретными причинами (не всегда, кстати, осознаваемыми). В ходе тестирования были выявлены негативные результаты у трех судей (13,6% от числа обследованных), у них также были выявлены негативные результаты по базовым убеждениям.

По полученным результатам нельзя судить об актуальном эмоциональном состоянии судей, состоянии их здоровья, его планах и целях. Однако, исходя из вышеизложенных научных гипотез и наблюдений за поведенческими паттернами судей, можно увидеть разницу в самовосприятии и оценивании судьями своих отношений с окружающим миром. Можно рассматривать подобные результаты, как в рамках личностного кризиса, так и в рамках снижения профессиональной мотивации и проявления признаков эмоционального выгорания. Определенно, подобные исследования необходимо продолжать, собирая статистику и проводя социально-психологические консультации с самими судьями. В частности, необходимо расширять понимание связей между психоэмоциональным состоянием судьи и особенностями его саморегуляции и самоконтроля, основанными на метакогнитивных процессах, позволяющих идентифицировать задачи деятельности, распределять ресурсы для их реализации, порядка действий и рефлексии ожидаемого результата [32].

Список литературы:

- [1] Андреева Т.Е. Работник интеллектуального труда: подход к определению // Вестник СПбГУ, 2007, сер. 8, вып. 4 – С.32-49
- [2] Андреева Т.Е. Особенности мотивации работников интеллектуального труда: первичные результаты исследования // Российский журнал менеджмента 47 Том 8, № 2, 2010. С. 47–68
- [3] Асеев В. Г. Ценностно-мотивационные предпосылки психической устойчивости личности // Психология совладающего поведения : материалы Междунар. науч.-практ. конф./отв. ред.: Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 426 с.
- [4] Богомаз С.Л. Психологическая защита личности: методология, механизмы, инструментарий // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» Общественные и гуманитарные науки Психология Том 7 2008 – С. 228-254
- [5] Грачев А.А. Психологическое проектирование производственной организации // автореф. диссертации доктор психологических наук 19.00.03, 2008 - 374с. – Электронный доступ: <https://www.dissercat.com/content/psikhologicheskoe-proektirovanie-proizvodstvennoy-organizatsii?ysclid=mfcg5o3poj407128941/read/read/pdf/read/pdf/read/read> (дата обращения 03.09.2025г.)
- [6] Звездина Г.П., Воскобоев А.И. Психологические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде. Учебно-методическое пособие. – М.: КРЕДО, 2010. – 28 с
- [7] Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы Учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей / В.Л. Иноземцев. — М. : Логос, 2000. — 302 с.
- [8] Каменский Е. Г., Асеева И. А. Антропологический кризис техногенной цивилизации: постановка проблемы // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014, №2 – С. 211-214
- [9] Кранц И.И. Определение статусов идентичности: возможности диагностики // Журнал практического психолога, 2011, №6 – С.106-121
- [10] Кухтинская Л.В., Зураев А.В., Будевич В.А., Моссэ И.Б. Современные представления о генетических детерминантах психоэмоциональной устойчивости человека // Молекулярная и прикладная генетика. Том 20, 2016 г. – С.96-109
- [11] Лапкина Е. В. Психологическая защита и совладание: защитная система личности // Ярославский педагогический вестник – 2011 – № 2 – Том II –С.232-236
- [12] Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. – М.: Наука, 1998 – 192 с.
- [13] Моторнин Д.И. Влияние структуры интеллекта на успешность разработки политического прогноза // автореф. дисс. спец.19.00.12 кандидата психол.наук. –СПб, 2007 – 23 с.
- [14] Неруш Т. Г. Профессиональное выгорание как форма профессиональных деструкций // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 3. – С. 83-87
- [15] Парамузов А. В., Несмеянова Р. К. Создание и анализ психометрических свойств опросника «Статус управленческой идентичности» // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 3. С. 120–152.
- [16] Психология совладающего поведения : материалы Междунар. науч.-практ. конф./отв. ред.: Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 426 с.
- [17] Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. — СПб., Речь, 2003. — 352 с: илл.
- [18] Совкова И.Ю., Деструктивное поведение личности в кризисных ситуациях служебной

деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2003. – № 1 (19). – С. 73–81

[19] Тоффлер Э. Шок будущего, М.: АСТ, 2025. – 544 с.

[20] Эверли ДЖ С., Розенфельд Р. Стресс: природа и лечение: Пер. с англ. — М.: Медицина, 1985, 224 с.

[21] Holsapple C.W. (ed.) Handbook on Knowledge Management 1. Knowledge Matters - Springer, 2004. — 712 p.

[22] Holsapple C.W. (ed.) Handbook on Knowledge Management 2. Knowledge Directions - Springer, 2003. — 751 p.

[23] Crabbe, J.C. Genetic contributions to addiction / J.C. Crabbe // Annu. Rev. Psychol. – 2002. – Vol. 53. – P. 435–462.

[24] Charmandari, E. Endocrinology of the stress response / E. Charmandari, C. Tsigos, G. Chrousos // Annu. Rev. Physiol. – 2005. – Vol. 67. – P. 259–284.

[25] Murphy T. Franklin Marcia's Identity Status Model, 5, 2025 <https://psychologyfanatic.com/marcias-identity-status-model/> (дата обращения 03.09.2025г.)

[26] Лимбическая система участвует в организации эмоционально-мотивационного поведения - <https://old.bigenc.ru/biology/text/2174493?ysclid=mfdzthgfm5290217938> (дата обращения 03.09.2025г.)

[27] Футурология – РБК, Электронный ресурс: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62866fde9a794701a4c38ae4?from=copy> (Дата обращения 03.09.2025г.)

[28] снижение чувства собственной компетентности и продуктивности, обусловленное субъективным ощущением невозможности больше справляться с профессиональными требованиями.

[29] Кодекс судейской этики утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012г.— Электронный ресурс: https://www.vsr.ru/about/info/documents_regulations/1979?ysclid=mfek45njx015046113 (дата обращения 03.09.2025г.)

[30] Термин knowledge-worker ввел Питер Дукер

[31] Тест дифференциальной самооценки функционального состояния / В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, М.П. Мирошников, В.Б. Шарай // Вопросы психологии : девятнадцатый год издания / Ред. А.А. Смирнов, О.А. Конопкин. – 1973. – №6 ноябрь-декабрь 1973. – с. 141-146.

[32] SchrawGregory, DennisonRayne Sperling Assessing Metacognitive Awareness // Оценка метакогнитивной осведомлённости <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0361476X84710332?via%3Dihub> (дата обращения 03.09.2025г.)

References:

[1] Andreeva I.E. Intellectual worker: approach to definition//Bulletin of St. Petersburg State University, 2007, ser. 8, issue 4 - S.32-49

[2] Andreeva I.E. Features of motivation of intellectual workers: primary results of the study//Russian Journal of Management 47 Vol. 8, No. 2, 2010. Page 47-68

[3] Aseev V. G. Value-motivational prerequisites for mental stability of the personality//Psychology of controlling behavior: materials International. scientific-practical. conf. /hole ed.: E. A. Sergienko, T. L. Kryukova. - Kostroma: KSU named after N. A. Nekrasov, 2007. - 426 s.

[4] Bogomaz S.L. Psychological protection of personality: methodology, mechanisms, tools//Scientific notes of the Masharov Voronezh State University "Social and Human Sciences Psychology Vol. 7 2008 - S. 228-254

[5] Grachev A.A. Psychological design of production organization//author. dissertation doctor of psychological sciences 19.00.03, 2008-374s. - Electronic access: <https://www.dissercat.com/content/psikhologicheskoe-proektirovanie-proizvodstvennoi-organizatsii?ysclid=mfcg5o3poj407128941/read/read/pdf/read/read> (accessed 03.09.2025)

[6] Zvezdina G.P., Voskoboev A.I. Psychological aspects of the prevention of extremism among young people. Educational and methodological manual. - M.: CREDO, 2010. - 28 s

[7] V. L. Inozemtsev. Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects. Textbook for students econ. directions and specialties/V.L. Inozemtsev. - M.: Logos, 2000. - 302 s.

[8] Kamensky E.G., Aseeva I.A. Anthropological crisis of technogenic civilization: formulation of the problem//Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov, 2014, No. 2 - S. 211-214

[9] Krantz I.I. Determination of Identity Statuses: Diagnostic Possibilities//Journal of a Practical Psychologist, 2011, No. 6 - S.106-121

[10] Kukhtinskaya L.V., Zuraev A.V., Budevich V.A., Mosse I.B. Modern ideas about genetic determinants of human psychoemotional resistance//Molecular and applied genetics. Volume 20, 2016 - S.96-109

[11] Lapkina E.V. Psychological protection and coping: the protective system of personality//Yaroslavl Pedagogical Bulletin - 2011 - No. 2 - Volume II -S.232-236

[12] Morosanova V.I. Individual style of self-regulation: phenomenon, structure and functions in arbitrary human activity. - M.: Nauka, 1998-192 p.

[13] D.I. Motornin. The influence of the structure of intelligence on the success of the development of a political forecast//author. diss. special.19.00.12 candidate psychol.nauk. -SPb, 2007 - 23 p.

- [14] Nerush T. G. Professional burnout as a form of professional destruction//News of Saratov University. 2012. VOL. 12. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy, no. 3. - S. 83-87
- [15] Paramuzov A. V., Nesmeyanova R. K. Creation and analysis of psychometric properties of the questionnaire "Status of managerial identity"//Organizational psychology. 2019. VOL. 9. № 3. S. 120-152.
- [16] Psychology of controlling behavior: materials International. scientific-practical. conf. /hole ed.: E. A. Sergienko, T. L. Kryukova. - Kostroma: KSU named after N. A. Nekrasov, 2007. - 426 s.
- [17] Regush LA Prediction Psychology: Advances in Cognition of the Future. - St. Petersburg, Speech, 2003. - 352 s: ill.
- [18] Sovkova I.Yu., Destructive behavior of a person in crisis situations of official activity//Psychopedagogy in law enforcement agencies. - 2003. - № 1 (19). - S. 73-81
- [19] Toffler E. Shock of the Future, M.: AST, 2025. -544 s.
- [20] Everly JS, Rosenfeld R. Stress: Nature and Treatment: Per. from English - M.: Medicine, 1985, 224 p.
- [21] Holsapple C.W. (ed.) Handbook on Knowledge Management 1. Knowledge Matters - Springer, 2004. — 712 p.
- [22] Holsapple C.W. (ed.) Handbook on Knowledge Management 2. Knowledge Directions - Springer, 2003. — 751 p.
- [23] Crabbe, J.C. Genetic contributions to addiction / J.C. Crabbe // Annu. Rev. Psychol. — 2002. — Vol. 53. — P. 435–462.
- [24] Charmandari, E. Endocrinology of the stress response / E. Charmandari, C. Tsigos, G. Chrousos // Annu. Rev. Physiol. — 2005. — Vol. 67. — P. 259–284.
- [25] Murphy T. Franklin Marcia's Identity Status Model, 5, 2025 <https://psychologyfanatic.com/marcias-identity-status-model/> (дата обращения 03.09.2025г.)
- [26] The limbic system is involved in the organization of emotional and motivational behavior - <https://old.bigenc.ru/biology/text/2174493?ysclid=mf-dzthgfm5290217938> (appeal date 03.09.2025).
- [27] Futurology - RBC, Electronic Resource: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62866f-de9a794701a4c38ae4?from=copy> (Accessed 03.09.2025)
- [28] reduced sense of self-competence and productivity due to the subjective feeling of not being able to cope more with professional demands.
- [29] The Code of Judicial Ethics was approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on December 19, 2012. - Electronic resource: https://www.vsr.ru/about/info/documents_regulations/1979/?ysclid=mfek45njx015046113 (date of appeal 03.09.2025)
- [30] The term knowledge-worker was coined by Peter Duker
- [31] Test of differential self-assessment of functional state/V.A. Doskin, N.A. Lavrentieva, M.P. Miroshnikov, V.B. Sharay//Questions of psychology: nineteenth year of publication/Ed. A.A. Smirnov, O.A. Konopkin. — 1973. - No. 6 November-December 1973. - p. 141-146.
- [32] SchrawGregory, DennisonRayne Sperling Assessing Metacognitive Awareness//Metacognitive Awareness Assessment <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0361476X84710332?via%3Dihub> (Accessed 03.09.2025)

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ТОЛДИЕВ Хас-Магомед Баширович,
аспирант кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: toldievkhas@yandex.ru

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ФАКТОР СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния судебной практики на систематизацию законодательства. Автором рассматриваются теоретические основы систематизации, её сущностные признаки, формы и цели, а также выявляется недостаточная разработанность роли судебной практики в этом процессе. На примере российского и европейского опыта раскрываются современные подходы к систематизации законодательства, включая цифровизацию и участие высших судов в формировании законодательной инициативы. Особое внимание уделяется прямому и косвенному использованию судебной практики для упорядочивания нормативной базы, что базируется на принципах законности, взаимосвязи ветвей власти, юридической определённости и оперативности законотворчества. Подчеркивается, что приведенные в научной статье механизмы способствуют формированию более стабильной, согласованной и предсказуемой правовой системы, а опыт европейских стран демонстрирует эффективность систематизации через кодификацию и цифровизацию. Выводы статьи свидетельствуют о важности интеграции судебной практики в процессы систематизации законодательства для повышения качества и доступности правового регулирования в современной России.

Ключевые слова: систематизация законодательства, судебная практика, правообразование, законодательная инициатива, кодификация, консолидация, цифровизация законодательства, принципы законотворчества, упорядочение нормативных актов.

TOLDIEV Khas-Magomed Bashirovich,
Postgraduate student,
Department of Theory of State and Law
Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

JUDICIAL PRACTICE AS A FACTOR IN THE SYSTEMATIZATION OF NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Annotation. The article is devoted to the analysis of the influence of judicial practice on the systematization of legislation. The author examines the theoretical foundations of systematization, its essential characteristics, forms, and objectives, as well as highlights the insufficient development of the role of judicial practice in this process. Using examples from Russian and European experience, modern approaches to the systematization of legislation are revealed, including digitalization and the participation of higher courts in the formation of legislative initiatives. Special attention is paid to the direct and indirect use of judicial practice for organizing the normative base, which is based on the principles of legality, the interconnection of branches of power, legal certainty, and the promptness of lawmaking. It is emphasized that the mechanisms presented in the scientific article contribute to the formation of a more stable, coherent, and predictable legal system, while European countries' experience demonstrates the effectiveness of systematization through codification and digitalization. The conclusions of the article indicate the importance of integrating judicial practice into the processes of systematizing legislation to improve the quality and accessibility of legal regulation in modern Russia.

Key words: systematization of legislation, judicial practice, lawmaking, legislative initiative, codification, consolidation, digitalization of legislation, principles of lawmaking, organization of normative acts.

Вопросам систематизации законодательства за последнее столетие в научной юридической литературе посвящено немало научных работ. Учеными-правоведами исследовалось само понятие систематизации законодательства, сущностные характеристики, методы, формы и виды систематизации, а также иные теоретические и практически подходы к определению способов систематизации законодательства.

Однако недостаточно исследованным остается вопрос влияния судебной практики на систематизацию законодательства.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что этот вопрос обладает как практической, так и теоретической значимостью. Однако существует необходимость в более глубоком теоретическом обосновании явления систематизации законодательства через судебную практику, включая его виды, принципы, практические примеры, а также в разработке четкой модели такого влияния, утвержденной в нормативном правовом акте.

Очевидно, что систематизацию законодательства в контексте настоящего исследования мы будем рассматривать в рамках правотворчества в целом.

Как отметил Корнев А.В., правотворчество является составной частью более широкого процесса – правообразования [1, с. 5].

Систематизацию законодательства справедливо можно называть правообразованием, поскольку правообразование может происходить и в правоприменительной деятельности, особенно при рассмотрении споров судами высших инстанций и формулировании практикообразующих ключевых позиций и разъяснений. Стоит также упомянуть позицию В. С. Нерсисянца, согласно которой «правообразование – это процесс фактического складывания и признания тех или иных общественных отношений и взаимосвязей людей и их объединений в качестве «нормальных» и «правильных», процесс социально-исторического формирования общих критериев, правил, образцов и стандартов этой «нормальности» и «правильности» и в конечном счете их кристаллизация в соответствующие нормы поведения» [2, с. 71].

А. С. Пиголкин в качестве ключевой цели систематизации называет «повышение эффективности правотворческой деятельности путем устранения пробелов, противоречий и коллизий, отмены устаревших, не применяющихся норм права» [3, с. 213].

В настоящее время в научной юридической литературе сформулированы различные дефиниции систематизации законодательства, которые

обладают рядом общих черт, отражающих сущностные признаки данного процесса. Например, систематизация законодательства определяется как деятельность, направленная на упорядочение нормативных правовых актов. Это подчеркивают А. С. Пиголкин [3, с. 213] и В.К. Бабаев [4, с. 188], которые под систематизацией законодательства понимают деятельность по приведению нормативных актов в единую, упорядоченную систему.

Схожего подхода придерживается О.В. Михайлов, который акцентирует внимание на «упорядочении нормативных правовых актов, приведении их непротиворечивую, согласованную систему» [5, с. 11], тем самым указывая на важность устранения внутренних противоречий нормативных актов.

В свою очередь, на целенаправленный характер систематизации указывают А.В. Малько и Д.А. Липинский, определяя систематизацию законодательства как «деятельность уполномоченных на то государственных органов, направленную на уточнение, совершенствование и упорядочение тех или иных правовых норм» [6, с. 191].

В приведенном определении особенно важно указание на то, что систематизация законодательства является деятельностью государственных органов. В контексте настоящего исследования в качестве таких государственных органов мы рассматриваем суды высших инстанций – Верховный и Конституционный Суды РФ.

Ключевыми признаками систематизации законодательства являются упорядоченность, направленность на устранение противоречий и согласованность нормативных актов, а также институциональная и целенаправленная деятельность, способствующая созданию более логичной и эффективной системы законодательства.

В свою очередь, другие авторы дают более развернутое определение: «систематизация законодательства – это целенаправленное упорядочение форм выражения права, осуществляемое с целью устранения несогласованностей между нормами права, очистки правовой системы от устаревших правовых норм и установления новых норм, соответствующих достигнутому уровню развития общества» [7, с. 285].

По мнению В.Н. Протасова, систематизация законодательства представляет собой деятельность по упорядочиванию и совершенствованию нормативного материала путем его внешней и внутренней обработки с целью поддержания системности законодательства [8, с. 137].

Похожее определение систематизации законодательства предлагают В.В. Лазарев и С.В. Липень: «под систематизацией законодательства

следует понимать деятельность по упорядочению и совершенствованию законодательства, приведению его в определенную систему путем составления единых нормативных правовых актов и сборников» [9, с. 110].

Обратимся также к определению рассматриваемого понятия, которое содержалось в п. 1.4.1. Инструкции о порядке ведения фондов правовой информации в системе Судебного департамента, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 января 2001 г. № 10 (документ утратил силу в связи с изданием приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 23 апреля 2021 г. № 90): «систематизация законодательства – это упорядочение нормативных правовых актов, приведение их в согласованную, взаимоувязанную систему по отраслям законодательства, позволяющую провести максимально полный учет нормативных актов в целях информирования заинтересованных лиц о действующих правовых нормах».

В приведенных дефинициях акцентируется внимание на основных характеристиках систематизации законодательства: это целенаправленный процесс упорядочивания и совершенствования правовых норм. Однако в них отсутствует четкое определение форм, субъектов и целей систематизации, что снижает ее практическую значимость. Для более глубокого понимания концепции систематизации законодательства важно учитывать как ее сущностные характеристики (упорядочивание и переработка норм), так и ключевые цели – приведение норм в соответствие с единством правового регулирования.

В качестве одной из целей систематизации законодательства

А. С. Пиголкин указывает «повышение эффективности правотворческой деятельности путем устранения пробелов, противоречий и коллизий, отмены устаревших, не применяющихся норм права» [3, с. 244].

Безусловно, как и в случае с унификацией законодательства, объектом систематизации законодательства является норма права.

В научной литературе выделяются три основные формы систематизации законодательства: инкорпорация, консолидация и кодификация. Реже в качестве четвертой формы систематизации законодательства упоминается учет.

В контексте настоящего исследования мы остановимся более подробно на изучении влияния судебной практики на систематизацию законодательства.

Понятие систематизации законодательства посредством судебной практики можно определить как деятельность законодательных органов и

судов высших инстанций, направленная на упорядочение, изменение и структурирование правовых норм путем их толкования и конкретизации.

Данное понятие основывается на следующих признаках:

- 1) деятельность государственных органов. Систематизация законодательства является совместной деятельностью государственных органов (законодательных органов и судов высших инстанций), результатом которой является формулирование предложений по систематизации законодательства как посредством законотворческой инициативы судов высших инстанций, так и путем самостоятельной аналитической деятельности законодательного органа;
- 2) толкование и конкретизация норм. Ключевым элементом систематизации законодательства является толкование правовых норм, отраженное в правоприменительных актах судебных органов. С его помощью возможно выявление и устранение неопределенности и противоречивости правовых норм;
- 3) упорядочение и структурирование. Систематизация законодательства направлена на устранение противоречий правовых норм в целях создания структурированного и согласованного нормативного акта;
- 4) изменение содержания правовых норм. Изменение содержания правовых норм происходит исключительно после принятия нового нормативного акта, устраняющего недостатки действующих правовых норм.

Вышеизложенные признаки отражают сущность и цель систематизации законодательства посредством судебной практики, подчеркивая ее роль в развитии и гармонизации правовой системы.

Систематизация законодательства РФ является необходимым шагом в условиях перегруженности нормативной базы, которая характеризуется большим количеством нормативных актов, зачастую противоречивых и устаревших.

В современном правовом поле РФ существует значительное количество нормативных актов, дублирующих регулирование одного и того же круга общественных отношений. Это порождает юридическую неопределенность, затрудняет правоприменение и снижает эффективность правового регулирования. Кроме того, большой объем законодательства усложняет его восприятие не только юристами, но и гражданами, что нарушает принцип доступности правосудия и право граждан на судебную защиту.

Как отметил В. Н. Синюков, законодательство является системой, однако без наличия стра-

тегии даже кодифицированные нормативные правовые акты превращаются в механическую массу [10, с. 413].

Опыт европейских стран подтверждает, что систематизация внутреннего законодательства является важным инструментом повышения качества правового регулирования. Например, в Германии систематизация законодательства основывается на глубокой систематизационной (кодификационной) традиции. Германский гражданский кодекс (*Bürgerliches Gesetzbuch*), принятый в 1900 году, остается примером успешной кодификации. Современная практика систематизации включает регулярное внесение изменений в действующее законодательство и замену устаревших норм на более прогрессивные. Этот подход позволяет обеспечить стабильность правового регулирования при одновременной адаптации к изменяющимся общественным отношениям.

В Италии активно проводится консолидация правовых актов с целью устранения их дублирования и повышения прозрачности законодательства. Примером может служить унификация актов в области налогового и трудового права. Аналогичный процесс наблюдается в Испании, где законодательная база обновляется посредством регулярного пересмотра кодифицированных актов.

В Скандинавских странах (Швеция, Норвегия) систематизация законодательства проводится преимущественно в отраслях, наиболее подверженных изменениям, таких как экологическое право и право социального обеспечения. Акцент делается на простоте и доступности законодательства для граждан.

В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет методика систематизации законодательства во Франции.

Во Франции систематизация законодательства также имеет долгую историю, начавшуюся с Наполеоновского гражданского кодекса в начале XIX века. Сегодня Франция активно применяет механизмы консолидации норм, в том числе через цифровизацию законодательства. Создание онлайн-платформ, таких как *Légifrance*, упрощает доступ к актуальным нормативным актам, что особенно важно для правоприменительной практики. Онлайн-платформа *Légifrance* (официальный интернет-ресурс французского законодательства) создана для обеспечения доступа к актуальным нормативным правовым актам, судебным решениям, а также международным соглашениям.

Légifrance предоставляет пользователям структурированную и централизованную базу данных, включающую кодифицированные нормативные акты (например, Гражданский кодекс, Торговый кодекс), а также некодифицированные

законы и подзаконные акты. Это позволяет юристам, представителям бизнеса и гражданам быстро находить необходимую информацию.

В рамках цифровой систематизации во Франции осуществляется постоянное обновление правовых текстов. Изменения вносятся в автоматизированном режиме сразу после их официального опубликования. Это позволяет избежать несоответствий между различными версиями одного и того же акта.

Все акты на платформе содержат ссылки на их исторические версии, что упрощает анализ изменений в правовом регулировании.

Вместе с тем *Légifrance* включает интеграцию судебных решений, которые оказывают значительное влияние на толкование и применение норм права. Например, решения Кассационного суда, Государственного совета (*Conseil d'État*) и Конституционного совета публикуются вместе с комментариями и ссылками на соответствующие нормативные акты.

На первый взгляд, российские правовые системы (такие как «Консультант Плюс», «Гарант», «Кодекс»), а также цифровые платформы «Case Book», «Case look» имеют тот же функционал, что и французская платформа *Légifrance*. Однако в контексте систематизации законодательства цифровые технологии *Légifrance* значительно опережают российские аналоги.

Основными преимуществами цифровой систематизации во Франции являются:

- повышение правовой определенности и устранение дублирования нормативных актов;
- сокращение временных и финансовых затрат на поиск актуальной правовой информации;
- усиление связи между законодательством и судебной практикой, что делает правовое регулирование более предсказуемым;
- обеспечение быстрой адаптации законодательства к изменениям в правовом и общественном контексте.

Таким образом, необходимость систематизации законодательства в РФ обусловлена не только количеством нормативных актов, но и необходимостью повышения их качества и доступности. Опыт европейских стран свидетельствует, что систематизация законодательства может осуществляться с использованием различных методов – от кодификации до цифровизации. Создание и применение данных подходов в правовой системе РФ позволит обеспечить более эффективное и стабильное законодательное регулирование, способное оперативно реагировать на вызовы современности.

На сегодняшний день в системе Верховного Суда РФ функционирует Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ. В рамках осуществления своей деятельности Управление, помимо прочего, принимает участие в подготовке предложений по совершенствованию законодательства и разработке законопроектов, вносимых Верховным Судом в порядке законодательной инициативы [11].

Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ по вопросам своего ведения обладают правом законодательной инициативы в соответствии со статьей 104 Конституции РФ.

Анализ законотворческих инициатив Верховного Суда РФ, выразившихся в принятии соответствующих постановлений Пленума ВС РФ о внесении на рассмотрение в Государственную Думу РФ проекта закона, позволил выявить определенную последовательность в участии суда высшей инстанции в процессе систематизации законодательства.

Так, с 1998 г. Верховным Судом РФ в Государственную Думу РФ было направлено 160 постановлений Пленума ВС РФ о внесении на рассмотрение Государственной Думы РФ проектов законов.

Из них 89 прошли все стадии чтений и были реализованы посредством принятия соответствующих законов.

Для целей настоящего исследования необходимо разделить данные проекты законов на отдельные категории: материальные, процессуальные, структурно-организационные и иные.

В качестве материальных мы рассматриваем проекты законов, касающиеся внесения изменений в материальное право. Из 89 проектов законов 18 проектов относятся к этой категории.

Аналогичным образом мы рассматриваем процессуальные проекты законов: 38 их них касаются внесения изменений в процессуальное законодательство.

Структурно-организационные проекты законов касаются вопросов функционирования судебной системы в РФ. Всего таких проектов 24.

И, наконец, иные проекты законов, направленные на установление дополнительных гарантий для федеральных и мировых судей. Их порядка 10.

Из общего количества проекта законов порядка 20 законопроектов были направлены на систематизацию российского законодательства.

На основе проведенного анализа можно выделить новые, ранее не упомянутые в научной литературе направления использования судебной практики для систематизации законодательства:

прямое и косвенное использование. Данные категории позволяют более активно задействовать потенциал судебной практики для упорядочивания и оптимизации нормативной базы.

Прямое использование судебной практики для систематизации законодательства. Суть данного подхода заключается в непосредственном участии Верховного Суда Российской Федерации в процессе законодательной инициативы. Верховный Суд РФ, анализируя проблемные аспекты правоприменения и выявляя коллизии в правовых актах, вносит в Государственную Думу проекты законов, направленные на систематизацию законодательства. Правовой основой данной деятельности является статья 104 Конституции РФ, в соответствии с которой Верховному Суду РФ предоставлено право законодательной инициативы.

Прямое использование судебной практики отражает концепцию активного участия высшей судебной инстанции в совершенствовании законодательства. Верховный Суд РФ, обладая полномочиями по обобщению судебной практики, выявляет повторяющиеся правоприменительные проблемы, которые зачастую связаны с:

- пробелами в законодательстве, вызывающими сложности в толковании норм;
- коллизиями между нормативными актами;
- избыточным регулированием отдельных сфер общественных отношений.

Законодательные инициативы, основанные на анализе судебной практики, способствуют оперативному устранению указанных недостатков и формированию стабильной и внутренне согласованной системы права.

Примером может служить участие Верховного Суда в разработке проектов законов, касающихся процессуального права, где систематизация норм способствует упрощению и унификации судебных процедур.

Косвенное использование судебной практики для систематизации законодательства предполагает, что законодатель (Государственная Дума РФ) учитывает анализ судебной практики при разработке законопроектов, направленных на систематизацию законодательства. В этом случае судебная практика становится источником информации для выявления недостатков в правовом регулировании и создания новых нормативных актов.

Косвенное использование судебной практики для систематизации законодательства основывается на идее диалога между ветвями власти, при котором судебная власть предоставляет законодательному органу эмпирический материал для анализа. Судебная практика, отражая реальные правоприменительные проблемы, становится

своего рода индикатором несовершенства законодательства. Государственная Дума, опираясь на эти данные, может:

- инициировать консолидацию нормативных актов, если судебная практика выявляет их избыточное количество;
- предложить кодификацию, если анализ судебных споров указывает на необходимость создания единого акта в конкретной сфере;
- уточнить или переработать формулировки норм, вызывающих неоднозначное толкование.

Законодательные акты, созданные с учетом анализа судебной практики, становятся более адаптированными к реалиям правоприменения.

Проекты законов, разработанные на основе судебной практики, способствуют снижению количества споров, возникающих из-за неопределенности норм.

Вместе с тем, данные направления систематизации законодательства основываются на ряде правовых принципов, которые обеспечивают их теоретическое и практическое обоснование, а также создают условия для их эффективного применения. Каждый из принципов выполняет специфическую функцию и способствует гармонизации законодательного и правоприменительного процесса.

1. Принцип законности. Законодательные инициативы судов высших инстанций не должны противоречить действующим нормам, особенно конституционным.
2. Принцип взаимосвязи законодательной и судебной власти. Данный принцип предполагает, что законодательная и судебная ветви власти в процессе рассмотрения проектов законов действуют согласованно в рамках единой цели – совершенствования законодательства. Закрепленное Конституцией РФ право Верховного Суда на законодательную инициативу реализуется как инструмент взаимодействия между ветвями власти, что способствует гармонизации нормативной базы с реальными потребностями правоприменения.
3. Принцип юридической определенности. Данный принцип направлен на обеспечение ясности и предсказуемости норм права. Верховный Суд РФ, используя обобщение судебной практики, предлагает инициативы, которые устраняют правовые неопределенности и способствуют единообразию правоприменения. Прямое участие Верховного Суда РФ в разработке проектов законов позволяет создавать нормы, четко регла-

ментирующие общественные отношения, что снижает вероятность возникновения правоприменительных ошибок.

4. Принцип оперативности законотворчества. Данный принцип подчеркивает важность быстрого реагирования на изменения в правоприменении и устранение законодательных пробелов. Верховный Суд, как субъект законодательной инициативы, обеспечивает оперативное внесение предложений по совершенствованию законодательства. Судебная практика позволяет оперативно выявлять проблемы в правовом регулировании, а право на законодательную инициативу обеспечивает их быстрое разрешение.

Эти принципы создают методологическую основу для использования судебной практики в качестве инструмента систематизации законодательства, делая правовую систему более адаптивной, устойчивой и способной отвечать вызовам современности.

Несмотря на различия в целях и методах, систематизация и унификация законодательства тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Оба процесса направлены на устранение хаотичности в правовой системе, создание непротиворечивой нормативной базы и обеспечение предсказуемости правоприменения. Судебная практика в этом контексте играет ключевую роль, выполняя одновременно функцию систематизации (за счет выявления правовых пробелов и коллизий) и функцию унификации (путем формирования единообразного подхода к толкованию и применению норм права).

Систематизация и унификация законодательства через судебную практику представляют собой две стороны единого процесса, направленного на обеспечение предсказуемости правоприменения.

Систематизация и унификация законодательства посредством судебной практики – это взаимосвязанные процессы, направленные на повышение согласованности и эффективности правовой системы. Судебные решения позволяют выявлять недостатки законодательства, а правовые позиции высших судов способствуют обеспечению единообразного правоприменения. В условиях динамичного развития правовой системы этот механизм играет ключевую роль в поддержании стабильности и предсказуемости правоприменения.

Список литературы:

- [1] Корнев А. В., Богмацера Э. В. К вопросу о понятии правообразования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. №2 (5). С. 5.

[2] Нерсисянц В. С. О понимании советского права: выступление // Советское государство и право. 1979. №7. С. 71.

[3] Пиголкин А. С. Теория государства и права: учебник под ред. А. С. Пиголкина. - Москва: Юрайт, 2005. 516 с.

[4] Бабаев В.К. Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2014. 715 с.

[5] Михайлов О. В. Совершенствование нормативных правовых актов в процессе их систематизации: проблемы методологии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.

[6] Теория государства и права: учебник / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М.: Проспект, 2014. С. 191

[7] (Общая теория государства и права / Отв. ред. В. С. Петров, Л. С. Явич. Л., 1974. Т.2. С. 285.

[8] См.: Протасов, В. Н. Теория государства и права: учебное пособие для вузов / В. Н. Протасов. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 192 с.

[9] См.: Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — 5-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 521 с.

[10] Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография /М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 413.

[11] Регламент Верховного Суда Российской Федерации. Утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 2.

References:

[1] Kornev A.V., Bogmatsera E.V. On the question of the concept of legal education//Legal science and law enforcement practice. 2008. №2 (5). S. 5.

[2] Nersesyants V. S. On the understanding of Soviet law: speech//Soviet state and law. 1979. №7. S. 71.

[3] Pigolkin A.S. Theory of State and Law: a textbook edited by A.S. Pigolkin. - Moscow: Yurayt, 2005. 516 p.

[4] Babaev V.K. Theory of state and law: textbook for bachelors/ed. V.K. Babaev. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Yuright Publishing House, 2014. 715 p.

[5] Mikhailov O. V. Improvement of regulatory legal acts in the process of their systematization: problems of methodology: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2003. S. 11.

[6] Theory of state and law: textbook/ed. A. V. Malko, D. A. Lipinsky. M.: Prospect, 2014. Page 191

[7] (General theory of state and law/Rev. ed. V. S. Petrov, L. S. Yavich. L., 1974. T.2. S. 285.

[8] See: Protasov, V.N. Theory of state and law: a textbook for universities/V.N. Protasov. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 192 s.

[9] See: Lazarev, V.V. Theory of State and Law: a textbook for universities/V.V. Lazarev, S.V. Lipen. - 5th ed., Rev. and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 521 s.

[10] Sinyukov V. N. Russian legal system. Introduction to the general theory: monograph/M.: Norm: INFRA-M, 2021. S. 413.

[11] Rules of the Supreme Court of the Russian Federation. Approved by Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of August 7, 2014 No. 2.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-391-396

АЛЕКСЕЕВА Евгения Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия,
e-mail jenn08@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЫНЕСЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН

Аннотация. В статье исследуются подходы законодателя к обеспечению защиты персональных данных участников социально-экономических отношений, которыми необходимо руководствоваться органам судебной власти при вынесении судебных актов. Автор большое внимание уделяет анализу складывающейся судебной практики, касающейся реализации принципов обработки персональных данных, на основании которого дает определенные рекомендации. В работе исследуются отдельные проблемы, сопряженные со сложностью правильной квалификации сведений, которые стоит расценивать в качестве персональных данных, что обуславливает специфику складывающейся правоприменительной практики в указанной области.

Ключевые слова: судебный акт, суд, персональные данные, гражданско-правовой процесс, защита прав, судопроизводство, принципы обработки персональных данных.

ALEKSEEVA Evgenia Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor
of the Department of Civil Procedural Law
of the North-Western Branch
of the Russian State University of Justice

FEATURES OF ISSUING COURT ACTS IN CASES OF PERSONAL DATA PROTECTION FOR CITIZENS

Annotation. The article explores the legislator's approaches to ensuring the protection of personal data for participants in socio-economic relations, which must be adhered to by judicial authorities when issuing court rulings. The author pays particular attention to analysing the evolving case law concerning the implementation of principles related to the processing of personal data, based on which specific recommendations are provided. The work investigates particular issues associated with the complexity of correctly qualifying information that should be regarded as personal data, which influences the specificity of the developing law enforcement practice in this area.

Key words: judicial act, court, personal data, civil procedure, protection of rights, legal proceedings, principles of personal data processing.

Вопросы защиты персональных данных занимают ключевое место в реализации правовой политики российского государства. В настоящее время данные, персонализирующие физических лиц, можно встретить не только в официальных документах, удостоверяющих их личность, но и в мессенджерах, новостных каналах, на сайтах и пр. Биометрические данные граждан активно используются в розничной торговле, банковском, медицинском обслуживании, в образовательном процессе и многих других

областях человеческой жизнедеятельности. Важно учитывать, что объемы и скорость использования персональных увеличились в разы в силу активной цифровизации всех сфер общества. Несомненно, в процессе тесного взаимодействия граждан с органами власти, различными организациями, трудовыми коллективами, бизнес-субъектами, самозанятыми и другими участниками общественных отношений стала складываться практика нарушения законодательства о персональных данных. Именно этим обуславливаются

важность вынесения качественных судебных актов по делам, связанным с защитой персональных данных.

Возникает вопрос: на какие нюансы необходимо обращать внимание судам при рассмотрении и разрешении споров, связанных с защитой персональных данных граждан?

На первый план, по мнению автора, выходит вопрос о том, что судам следует расценивать под персональными данными. В силу положений ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных (далее – Закон № 152-ФЗ) персональные данные – это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Таким образом в качестве персональных данных можно определить весьма широкий спектр данных, используя которые можно идентифицировать субъекта персональных данных. Подобный подход законодателя, видимо, объясняется идеей свободы определения внутренних ценностей человека, которые представляют для него значимость, что для публичного правопорядка должно выступать ориентиром в вопросах регулирования социально-экономических отношений. Такое положение заложено в систему ценностей, выработанных мировым сообществом, что отражается в ряде актов международного права. Думается, что это и выступило основной причиной того обстоятельства, что Закон № 152-ФЗ каких-либо четких критериев, используя которые можно было бы квалифицировать ту или иную информацию как персональные данные личности, не содержит.

В судебной практике были выработаны подходы относительно тех компонентов, которые составляют персональные данные человека. Так, к ним относят фамилию, имя, отчество, год, месяц, дату и место рождения, данные документов, удостоверяющих личность, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессию, доходы и многое другое. [2 – 5]. Казалось бы, список более, чем внушительный, однако судам, рассматривающим дело о защите персональных данных, стоит учитывать, что защитой пользуется не любой из параметров о личности человека, а только те, которые отдельно или в некой совокупности достоверно персонифицируют конкретное определяемое лицо. Примечательно, что в правовой позиции, содержащейся в письме Управления Роскомнадзора по ЦФО от 24.09.2024 г. № 75084-02-11/77 [8], определяется, что идентификатор пользователя Telegram, несмотря на его уникальность, без дополнительной информации невозможно отнести к субъекту персональных данных.

Стоит акцентировать, что похожей позиции уже длительное время придерживаются и органы судебной власти. Так, по одному из гражданских дел Приморский краевой суд определил, что только имя и отчество гражданина само по себе не позволяет достоверно установить о каком человеке идет речь, если они не уникальны [6]. Это означает, что совокупность сведений в качестве полного имени человека, который в силу российского традиционного подхода, включает не только собственное имя лица, но еще и отчество, нельзя расценивать как персональные данные человека, т.к. не содержат персонифицированных и детализированных данных о нем и в отсутствие дополнительной информации не позволяют его идентифицировать.

В позиции высшей судебной инстанции, выраженной в п. 1 Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 «О судебном решении» [9], подчеркивается, что решение суда должно быть законным и обоснованным. При этом законность квалифицируется как точное соблюдение норм материального и процессуального права, подлежащих применению к конкретному правоотношению. В аспекте законности судебного решения важное значение приобретают принципы обработки персональных данных. Эти базовые начала закреплены в ст. 5 Закона № 152-ФЗ и именно они должны выступать ориентиром для органов судебной власти при вынесении решения.

Так, прежде всего, обработка персональных данных должна осуществляться на законной и справедливой основе. Законность обработки персональных данных означает прежде всего, что должно иметь место одно из правовых оснований такой обработки, указанное в законе, поскольку по общему правилу обработка персональных данных в отсутствие легитимного основания запрещена. В силу сказанного представляет интерес решение Слободского районного суда Кировской области от 20 августа 2025 г. по делу № 2-922/2025. Так, в указанном деле суд удовлетворил иск В.В. Глухого к ООО МКК «Свои Люди» о признании договора займа незаключенным, прекращении обработки персональных данных и взыскании компенсации. В частности, суд установил, что договор займа был заключен мошенническим путем, с использованием данных истца без его согласия. Ответчик не смог представить доказательств законности обработки персональных данных. В результате суд обязал ООО МКК «Свои Люди» прекратить обработку данных В.В. Глухого, а также выплатить ему компенсацию морального вреда [15].

Справедливость также является важным компонентом законного решения суда. Как отме-

чается в научной литературе, «вынося постановление, суд реализует принцип справедливости, поскольку судебный акт – это реакция компетентного органа на правовой спор, разрешая который он защищает или восстанавливает права, свободы и законные интересы участников процесса. Суд беспристрастно оценивает представленные доказательства и аргументы, исследует обстоятельства дела, не вторгаясь в правовое положение лица, не принуждая его к защите, а это само по себе справедливо – ведь таким образом обеспечивается баланс интересов лиц с противоположными интересами и право на свободное волеизъявление» [1, 20].

Справедливость обработки персональных данных предполагает необходимость учета интересов субъектов персональных данных и их разумных ожиданий, недопустимость злоупотребления оператором возникшими у него правами, связанными с обработкой персональных данных. В данном контексте стоит обратить внимание на одну из позиций, выраженной в одном из определений суда кассационной инстанции [7]. Так, гражданин В.К. Горбачев обратился в суд с жалобой на действия сотрудников МВД, ограничивших его доступ к материалам проверки по его заявлению о преступлении. При этом суд кассационной инстанции подчеркнул право гражданина на ознакомление с материалами проверки, особенно в контексте обжалования отказа в возбуждении уголовного дела. В частности, в определении отмечается, что право обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела в суд предполагает обязанность государства обеспечить возможность его реализации, которая прямо зависит от доступа к обжалуемому решению и материалам соответствующей проверки. В противном случае сообщившее о преступлении лицо, хотя и не признанное в официальном порядке потерпевшим, но полагающее себя пострадавшим от преступления, будет ущемлено в праве на судебную защиту, которое предполагает предоставление заинтересованным лицам реальной возможности отстаивать перед судом свою позицию, оспаривать доводы других участников процесса, а также обжаловать принятые в отношении них решения, в том числе судебные, поскольку правосудие по самой своей сути признается таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах».

При вынесении решения суды должны исходить из того, что обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Не допускается обработка персональных данных, не совместимая с целями сбора персональных дан-

ных. Этот принцип направлен на обеспечение предсказуемости процессов обработки персональных данных для их субъектов, возможности реализации ими своих прав по управлению этими данными. Примечательно, что в одном из судебных актов по делу о защите персональных данных, в котором истец утверждала, что ответчик незаконно использовал её персональные данные (электронную почту, телефон) путем направления искового заявления третьей стороне, ответчик «действовал как представитель в другом судебном деле и имел право на обработку персональных данных ... в рамках этого процесса, в частности, для направления искового заявления» [16]. Суд посчитал, что это не является нарушением закона о персональных данных, так как данные использовались исключительно в связи с судебным разбирательством и не распространялись неопределённому кругу лиц.

С указанным принципом также тесно связан принцип, запрещающий объединение базы персональных данных, обработка которых осуществляется в целях, не совместимых между собой. Этот принцип отражен и в п. 5 Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации [10], где указано, что при фиксации персональных данных на материальных носителях не допускается фиксация на одном материальном носителе данных, цели обработки которых заведомо несовместимы.

Кроме того, содержание и объем обрабатываемых персональных данных должны соответствовать заявленным целям обработки. Этот принцип предполагает, что обрабатываемые данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки. При этом законодатель не определяет критериев подобной избыточности. Однако по смыслу Закона № 152-ФЗ следует вывод, что обработка избыточных персональных данных означает превышение объема обработки персональных данных, установленного законом или договором. Так, например, по одному из дел суд пришел к выводу, что управление Роскомнадзора при проведении проверки соблюдения требований законодательства в сфере защиты персональных данных пришло к обоснованному выводу, что оператор производит обработку избыточных персональных данных по сравнению с теми, которые определены к заявленным целям их обработки для прохождения регистрации на Едином портале государственных услуг, поскольку нормы права не обязывают при выдаче кода активации обратившемуся лицу истребовать у него паспортные данные (серия, номер, кем выдан, дата выдачи) и адрес регистрации (адрес места жительства) [12].

И, напротив, если какие-либо правовые акты предусматривают необходимость получения оператором тех или иных сведений о субъекте, то их сбор и последующая обработка не могут квалифицироваться как избыточные. В связи с этим, к примеру, продавец при возврате уплаченной за товар денежной суммы вправе требовать у покупателя документ, удостоверяющий личность, однако прямо такая обязанность не предусмотрена ни гражданским, ни потребительским законодательством. Примечательно, что Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 15.06.2015 г. № 25-АД15-3 [11] указывал, что возврат денег покупателю из кассы организации на основании письменного заявления покупателя с указанием фамилии, имени, отчества и данных документа, удостоверяющего личность, не противоречит требованиям законодательства, истребование указанных персональных данных избыточным не является.

Особое значение в рассматриваемом контексте приобретает принцип, согласно которому при обработке персональных данных должны быть обеспечены точность персональных данных, их достаточность, а в необходимых случаях и актуальность по отношению к целям обработки персональных данных. Точность предполагает недопустимость искажения персональных данных граждан, т.к. недостоверные сведения могут нарушать права и законные интересы физического лица. В связи с изложенным стоит обратить внимание на позиции, выраженную в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2025 г. № 09АП-22344/25 по делу № А40-239421/2024 [13]. Суть спора заключается в требовании гражданина об исключении его из реестра аккредитованных филиалов иностранных компаний как руководителя филиала коммерческой организации. Суд первой инстанции удовлетворил иск, посчитав, что сведения о таком гражданине как о руководителе устарели и нарушают его права, а также противоречат требованиям о достоверности данных в реестре. Апелляционный суд согласился с этим решением, подчеркнув отсутствие правовых оснований для отказа в исключении сведений в сложившейся ситуации.

Таким образом, при формировании текста судебного решения суду необходимо исходить из того, можно ли расценивать объем персональных данных достаточным, а сами данные – актуальными. Первая цель будет достигнута, если объем и содержание информации позволяют достигнуть целей обработки. Данные будут релевантными, если в момент их обработки они окажутся своевременными, достоверными и значимыми для достижения поставленной цели обработки.

Судам стоит учитывать также принцип, согласно которому хранение персонализирующей информации должно осуществляться не дольше, чем этого требуют цели ее обработки, если срок хранения этих данных не установлен федеральным законом, договором, участником которого является субъект персональных данных. Поэтому данные подлежат уничтожению (обезличиванию) по достижении целей обработки, если иное не предусмотрено федеральным законом. Так, окончание трудовых отношений является основанием для прекращения обработки персональных данных работника. Однако пп. 5 п. 3 ст. 24 Налогового кодекса Российской Федерации установлена обязанность налоговых агентов, т.е. работодателей, в течение пяти лет обеспечивать сохранность документов, необходимых для исчисления, удержания и перечисления налога. Следовательно, в течение этого времени работодатель должен хранить персональные данные уволенных работников в том объеме, в котором это необходимо для исполнения налоговой обязанности. Если же срок хранения данных законом не предусмотрен, то правовое значение будут иметь условия договора либо локального акта оператора, разработка которого является его прямой обязанностью. Так, обратим внимание на постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.10.2024 г. № 12АП-5542/24 по делу № А57-29530/2023 [14]. В частности, по данному делу суд отклонил иск ООО «Управляющая компания «Олимп» к ООО «Городской расчетный центр» об обязанности предоставить копии лицевых счетов за период с декабря 2018 по август 2023 года. При этом суд счел, что истец не доказал наличия у ответчика этих документов, а ответчик обосновал невозможность их предоставления в связи с уничтожением данных после расторжения договора. Также суд отметил отсутствие дополнительного соглашения, регламентирующего предоставление данной услуги. Таким образом, суд апелляционной инстанции поддержал позицию суда первой инстанции об отсутствии оснований для удовлетворения иска.

И, наконец, составляя решение по делу, судам следует исходить из того, что обработка персональных данных может предусматривать несколько целей. В подобных ситуациях обязанность по уничтожению и обезличиванию персональной информации возникает у оператора по достижению каждой из них.

В заключение можно сказать, что специфика вынесения решения по делам, связанным с защитой персональных данных, обусловлена как необходимостью соблюдения конституционных прав человека о праве на тайну его частной жизни, ее неприкосновенность и защиту, запретом на чрез-

мерное погружение в личную жизнь человека, включая использование избыточных персональных данных, так и обязанностью суда внимательно исследовать все аргументы и доказательства. Важно, чтобы в судебном акте были правильно отражены все обстоятельства дела, связанного с защитой персональных данных. Только в таком случае органы судебной власти смогут выполнить возложенную на них государственную задачу по надежной защите персональных данных заинтересованных лиц.

Список литературы:

- [1] Алексеева Е.В. Критерии справедливости судебного решения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 7. С. 19-23.
- [2] Определение Курганского областного суда от 07.09.2017 г. по делу № 33-2984/2017 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.
- [3] Определение Санкт-Петербургского городского суда от 26.03.2013 г. по делу № 33-3815/13 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.
- [4] Определение Московского городского суда от 28.01.2014 г. по делу № 33-5461/14 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.
- [5] Определение Саратовского областного суда от 29.01.2013 г. по делу № 33-500 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.
- [6] Определение Приморского краевого суда от 09.09.2013 г. по делу № 33-7063 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.
- [7] Определение судебной коллегии по административным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2024 г. по делу № 8а-12928/2023 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.
- [8] Письмо Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Центральному федеральному округу от 24.09.2024 г. № 75084-02-11/77 «О рассмотрении обращения» // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.
- [9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. № 23 (ред. от 23.06.2015 г.) «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.
- [10] Постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2008 г. № 687 «Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации» // СЗ РФ. 2008. № 38. Ст. 4320.
- [11] Постановление Верховного Суда РФ от 15.06.2015 г. № 25-АД15-3 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.

[12] Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.04.2013 г. № 14АП-2080/13 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.

[13] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2025 г. № 09АП-22344/25 по делу № А40-239421/2024 1 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.

[14] Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.10.2024 г. № 12АП-5542/24 по делу № А57-29530/2023 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.

[15] Решение Слободского районного суда Кировской области от 20.08.2025 г. по делу № 2-922/2025 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.

[16] Решение Советского районного суда г. Нижний Новгород Нижегородской области от 05.05.2025 г. по делу № 2-389/2025 // СПС «Гарант», дата обращения 15.09.2025 г.

References:

- [1] Alekseeva E.V. Criteria for the fairness of a court decision in civil proceedings//Arbitration and civil proceedings. 2025. № 7. S. 19-23.
- [2] Determination of the Kurgan Regional Court of 07.09.2017 in case No. 33-2984/2017//SPS "Garant," date of appeal 15.09.2025
- [3] Determination of the St. Petersburg City Court of 26.03.2013 in case No. 33-3815/13//SPS "Garant," date of appeal, 15.09.2025
- [4] Ruling of the Moscow City Court of 28.01.2014 in case No. 33-5461/14//SPS "Garant," date of appeal, 15.09.2025
- [5] Determination of the Saratov Regional Court of 29.01.2013 in case No. 33-500//SPS "Garant," date of appeal 15.09.2025
- [6] Determination of the Primorsky Regional Court of 09.09.2013 in case No. 33-7063//SPS "Garant," date of appeal 15.09.2025
- [7] Determination of the Administrative Bench of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 24.01.2024 in case No. 8a-12928/2023//SPS "Garant," date of appeal 15.09.2025
- [8] Letter No. 24.09.2024 of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in the Central Federal District of 75084-02-11/77 "On Consideration of the Appeal "//SPS" Garant, "dated 15.09.2025
- [9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2003 No. 23 (as amended on 23.06.2015) "On a court decision " // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2004. № 2.
- [10] Decree of the Government of the Russian Federation of September 15, 2008 No. 687 "On approval of the Regulation on the features of personal

data processing carried out without the use of automation tools “//NW RF. 2008. № 38. Art. 4320.

[11] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2015 No. 25-AD15-3// of SPS “Garant,” dated 15.09.2025

[12] Order of the Fourteenth Arbitration Court of Appeal of 25.04.2013 No. 14AP-2080/13//SPS “Garant,” dated 15.09.2025

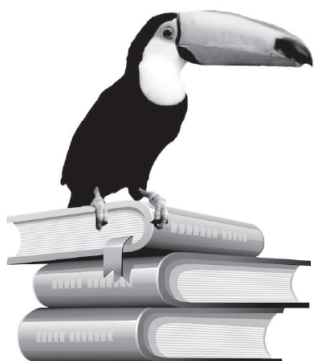
[13] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated August 4, 2025 No. 09AP-22344/25 in case No. A40-239421/2024 1//SPS “Garant,” date of appeal 15.09.2025

[14] Decision of the Twelfth Arbitration Court of Appeal of 04.10.2024 No. 12AP-5542/24 in the case No. A57-29530/2023//SPS “Garant,” date of appeal 15.09.2025

[15] Decision of the Slobodsky District Court of the Kirov Region dated 20.08.2025 in case No. 2-922/2025//SPS “Garant,” date of appeal 15.09.2025

[16] Decision of the Sovetsky District Court of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, dated 05.05.2025, in case No. 2-389/2025//SPS “Garant,” dated 15.09.2025

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-397-404

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

КОРСАКОВА Любовь Евгеньевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: korsakova-29@mail.ru

КУРБЕДИНОВА Амина Серверовна,
студент, Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева,
г. Санкт-Петербург
e-mail: kurbedinovaa@list.ru

ПРЕСС-СЛУЖБА СУДА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности пресс-служб судов Российской Федерации с акцентом на правовые основы, структурные особенности и жанрово-стилистические аспекты их коммуникации. Авторы подчеркивают важность открытости и доступности судебной системы, необходимость четкого правового статуса пресс-служб и их роли в обеспечении эффективной коммуникации с общественностью. В центре исследования находится Объединённая пресс-служба судов Санкт-Петербурга, рассматриваются принципы её работы, даётся характеристика целевой аудитории, анализируется выбор платформ для коммуникации. Отдельное внимание уделено особенностям составления пресс-релиза как ведущего жанра публикации.

Ключевые слова: юридическая коммуникация; судебная система; пресс-служба суда; информационная политика; пресс-секретарь суда; пресс-релиз.

KORSAKOVA Lyubov Evgenievna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines, Northwest Branch
of the Russian State University of Justice named
after V. M. Lebedev, St. Petersburg

KURBEDINOVA Amina Serverovna,
Student, Northwest Branch of the Russian State University
of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg

PRESS SERVICE OF THE COURT: LEGAL ASPECTS AND GENRE-STYLISTIC FEATURES OF COMMUNICATION

Annotation. The article analyzes the activities of press services of the courts of the Russian Federation with an emphasis on the legal basis, structural features and genre and stylistic aspects of their communication. The authors emphasize the importance of openness and accessibility of the judicial system, the need for a clear legal status of press services and their role in ensuring effective communication with the public. The study focuses on the United Press Service of the Courts of St. Petersburg, considers the principles of its work, provides a description of the target audience, and analyzes the choice of platforms for communication. Particular attention is paid to the features of compiling a press release as the leading genre of publication.

Key words: legal communication; judicial system; court press service; information policy; court press secretary; press release.

Пресс-службы судов играют важную роль в обеспечении открытости и доступности информации о деятельности судебной власти, способствуя формированию позитивного имиджа судебной системы и повышению уровня правовой культуры общества. Исследование деятельности пресс-служб позволяет выявить наиболее эффективные методы и подходы к организации информационной работы судов, определить основные тенденции и проблемы в этой области, разработать рекомендации по совершенствованию работы пресс-служб и повышению качества их взаимодействия с обществом.

В ФЗ РФ от 22.08.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» предусмотрено ознакомление граждан с информацией о деятельности судов, находящейся в архивных фондах; присутствие граждан в открытых судебных заседаниях с правом фиксации хода судебного разбирательства; обращение граждан с запросом информации о деятельности суда; размещение информации о деятельности судов на официальных сайтах в сети Интернет; взаимодействие судов со средствами массовой информации [1]. В Концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы обращается внимание на роль популяризации знаний о судебной системе как действенного инструмента для расширения кругозора в области судебной деятельности среди широкой общественности и повышении имиджа суда [2]. Приоритетным становится вопрос обеспечения эффективной коммуникации между судами и средствами массовой информации, предусматривающего свободный доступ представителей редакций СМИ в помещения судов, где размещена информация о деятельности судов, их присутствие в открытых судебных заседаниях, предоставление информации о деятельности судов по запросам редакций СМИ, информационное освещение деятельности судов, в том числе вопросов совершенствования законодательства, регулирующего указанную деятельность; участие представителей судов в пресс-конференциях и иных совместных с представителями редакций СМИ и другое

Организация перечисленных мероприятий по обеспечению взаимодействия судов со СМИ возлагается на должность пресс-секретаря суда. Однако современное законодательство не предусматривает должного закрепления полномочий и функций, фактически осуществляемых пресс-секретарями и сотрудниками пресс-службы судов. ФЗ устанавливает, что официальным представителем суда, осуществляющим взаимодействие с

редакциями СМИ, является председатель суда или уполномоченное им должностное лицо [1]. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 года № 35 конкретизирует данное положение, обращая внимание судов на то, что официальными представителями судов во взаимодействии с редакциями СМИ прежде всего являются председатели судов [3]. Пресс-секретарь и иные должностные лица относятся к официальным представителям судов только в случае, если они уполномочены на то председателем соответствующего суда. В настоящее время правовая неопределенность в отношении статуса и полномочий пресс-секретаря не только затрудняет реализацию его роли во взаимодействии со СМИ, но и подрывает целостность системы правосудия, ввиду чего вопрос совершенствования законодательства в данной области представляется актуальным.

Согласно Концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы высокий уровень взаимодействия судов со СМИ может быть достигнут посредством введения института штатных пресс-секретарей в судах в качестве отдельной должности и недопустимости возложения дополнительной функции взаимодействия со СМИ на иных работников аппарата суда (например, на помощников судей) [2]. Особое внимание в Концепции уделяется процедуре организации семинаров-совещаний, пресс-конференций и брифингов для журналистов, на которых уполномоченные сотрудники суда (пресс-секретари) передают и разъясняют представителям СМИ необходимую информацию, как правило, по особо резонансным делам или спорным вопросам. Данные мероприятия направлены на разрешение проблемы «скандализации правосудия», подразумевающей манипулирование общественным мнением в отношении судебной власти, необоснованную критику, подрывающую доверие общественности к процессу отправления правосудия. Тем не менее правовой статус пресс-служб судов легально не определен. По смыслу нормы 262-ФЗ [1], права и обязанности структурного подразделения, осуществляющего взаимодействие со СМИ, должны быть закреплены в соответствующих актах судов, однако типового регламента или иного акта, регулирующего вопросы организации пресс-службы внутри судов, не предусмотрено. Суды самостоятельно формулируют положения соответствующих регламентов и иных системобразующих актов. Содержание структуры, целей и задач, полномочий пресс-службы судов различных субъектов РФ отличаются, ввиду чего возникает вопрос единства правового статуса данного структурного подразделения. Например, право

выступления в средствах массовой информации по вопросам, входящим в компетенцию пресс-службы предусмотрено в Положении об объединенной пресс-службе судов общей юрисдикции Воронежской области [4], а в Положении об объединенной пресс-службе судов общей юрисдикции Смоленской области такая норма отсутствует - пресс-служба судов Смоленской области полномочна лишь привлекать должностных лиц для участия в мероприятиях, специально организованных для прессы [5].

Особое внимание следует обратить на отсутствие единого подхода к структурной организации пресс-службы судов субъектов РФ. Как правило, в структуру пресс-службы суда субъекта РФ входят руководитель (пресс-секретарь), представитель соответствующего суда и (или) органа судейского сообщества, на базе которого создано данное структурное подразделение, представители военных гарнизонных и (или) районных (городских) судов, на которых возложены обязанности по взаимодействию со СМИ и др.

Неоднозначным является вопрос контроля за деятельностью пресс-службы суда. Так, нормативные правовые акты одних субъектов устанавливают то, что контроль за деятельностью пресс-службы суда осуществляет председатель суда субъекта РФ, на базе которого действует данное структурное подразделение (Объединенная пресс-служба судебной системы Тюменской области), другие возлагают осуществление контроля на органы судейского сообщества субъекта РФ (объединенная пресс-служба судов и органов судейского сообщества Астраханской области). Существуют субъекты РФ, в которых контроль за деятельностью пресс-службы судов одновременно возлагается на председателя суда и орган судейского сообщества соответствующего субъекта РФ (объединенная пресс-служба судов общей юрисдикции Воронежской области). В некоторых актах субъектов РФ, регулирующих вопросы организации пресс-службы внутри судов, вовсе отсутствует раздел, посвященный обеспечению контроля деятельности структурного подразделения (Объединенный пресс-центр при совете судей Ульяновской области, объединенная пресс-служба судов).

Важно отметить, что федеральный закон не предоставляет право создания пресс-служб в районных, гарнизонных военных судах и в аппаратах мировых судей [1]. Данная норма оценивается весьма неоднозначно. С одной стороны, большинство дел (в том числе и резонансных) рассматриваются районными судами, а значит, их работа является объектом повышенного внимания СМИ. С другой стороны, на фоне отсутствия дозволения

создания пресс-служб в районных судах, гарнизонных судах и в аппаратах мировых судей образуются объединенные пресс-службы судов субъектов РФ, показывающие в настоящее время свою эффективность во взаимодействии со средствами массовой информации.

В Концепции информационной политики подчеркивается необходимость создания объединенных пресс-служб (координационных советов) судебной системы субъектов РФ, отмечается также необходимость создания на федеральном уровне Центральной пресс-службы судебной системы, которая будет осуществлять общую координацию деятельности объединенных пресс-служб судов РФ, устанавливать стандарты их деятельности [2]. Совершенствование законодательства в данной области актуально для четкого определения полномочий пресс-секретарей и правового статуса пресс-служб. Рекомендуются создание объединенных пресс-служб для координации взаимодействия на региональном уровне и формирования единого информационного пространства. Введение SMM-специалистов в пресс-службы связано с растущей ролью социальных сетей, однако отсутствие образовательных программ для подготовки таких специалистов вызывает вопросы о качестве их работы.

В настоящее время система объединенной пресс-службы судов действует в Санкт-Петербурге, Москве, Вологодской, Волгоградской, Воронежской, Ленинградской, Нижегородской, Мурманской, Красноярской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Самарской, Смоленской, Тюменской, Томской, Ульяновской областях, Удмуртской республике, республике Адыгея, республике Башкортостан, Красноярском и Пермском краях.

Рассмотрим подробнее поднятые вопросы на примере деятельности Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга. В 2017 году Советом судей Санкт-Петербурга была учреждена первая объединенная пресс-служба судов. Основными принципами её работы были провозглашены:

1. Принцип обязательности информационного обеспечения в судопроизводстве. Согласно ему предоставление информации о деятельности суда, в том числе о ходе судебного разбирательства, является не правом, а обязанностью сотрудников аппарата суда.

2. Принцип объективной критики и свободы выражения мнения в отношении судебных решений. Подчеркивается, что СМИ имеют право на критический анализ судебных актов и могут выражать несогласие с решением суда.

3. Принцип конструктивного взаимодействия со СМИ на равноправной основе. Формирование профессиональных и беспристрастных отношений с представителями СМИ, основанных на равноправии, способствует честному и объективному освещению судебной деятельности.

Главной задачей, возложенной на пресс-службу судов, стала задача самостоятельного подбора, оценки, обработки и оперативной передачи информации о текущем состоянии дел и (или) информации по специальным запросам представителям СМИ. Следует отметить, что отношения судов со средствами массовой информации носят двусторонний характер: с одной стороны суды дают необходимую информацию представителям прессы, с другой - суды отслеживают достоверность интерпретированных сведений в материалах СМИ. В целях обеспечения журналистов актуальными сведениями о ходе процесса прямо из зала судебного заседания был запущен официальный канал в социальной сети Telegram [6], который до сегодняшнего дня являлся основным инструментом взаимодействия объединенной пресс-службы судов со СМИ.

Актуальным сегодня представляется вопрос о выборе платформ для коммуникации пресс-службы со средствами массовой информации. Так, подать документы в суды общей юрисдикции, а также в Верховный Суд РФ граждане могут с помощью официального приложения Единого портала государственных и муниципальных услуг. Одним из важнейших инструментов обеспечения права граждан на доступ к информации о деятельности судов являются официальные сайты в сети Интернет. Правовые основы непосредственного создания официальных сайтов судов судебной системы Российской Федерации были заложены в 2002 году с принятием федеральной целевой программы «Электронная Россия» [7], в рамках которой впервые было предусмотрено создание и развитие сайтов органов государственной власти, в том числе и судов, в сети Интернет.

На официальных сайтах судов публикуется информация о соответствующем суде, нормативных правовых актах, регулирующих его деятельность, правилах подачи процессуальных документов в электронном виде, судебных делах, назначенных к слушанию, деятельности пресс-службы, вакансиях, часто публикуются подготовленные сотрудниками пресс-службы пресс-релизы, интервью с судьями и сотрудниками аппарата судов, а также данные о проводимых общественных и образовательных мероприятиях, направленных на повышение правосознания граждан.

Продолжительный сбой в работе системы ГАС «Правосудие» в октябре-ноябре 2024 года показал, что сайты судов являются не самым надёжным и эффективным инструментом взаимодействия с общественностью. Заметно, что информации в соответствующих разделах на официальных сайтах судов не дополняется. Например, на сайте Санкт-Петербургского городского суда в разделе «пресс-служба» последняя новость датируется 27 декабря 2016г. На официальном сайте Московского областного суда в разделе «пресс-служба» представлены исключительно контактные данные.

Мобильные приложения показывают свою эффективность в обеспечении доступности и удобства в процессе взаимодействия граждан с судами, что способствует улучшению качества государственных услуг и повышению доверия граждан к ним. Социальные медиа, такие как ВКонтакте, Telegram, предоставляют возможность мгновенного взаимодействия с широким кругом общественности, предлагают интерактивные и наглядные форматы подачи информации, включая персонификацию сведений (например, эмодзи, форматирование текста, использование визуальных эффектов), короткие сообщения и возможность оперативного взаимодействия с аудиторией (например, с помощью функции комментирования публикации), что в свою очередь способствует более активному восприятию и переработке информации.

Анализируя деятельность Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга, можно выделить основные направления её работы: подготовка пресс-релизов, на основе которых представители СМИ составляют статьи и репортажи; ответы на запросы журналистов, подготовка и предоставление материалов для печати; мониторинг выпущенных прессой материалов на достоверность изложенной информации; опровержение ошибочных сведений о деятельности суда.

Целевую аудиторию официального Telegram-канала Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга составляют юристы, журналисты и иные граждане. Юристы являются одними из наиболее заинтересованных читателей пресс-службы суда, среди них можно выделить судей и работников аппарата суда, адвокатов, прокуроров, корпоративных юристов и специалистов в иных отраслях права, основной информационной потребностью которых являются актуальные судебные решения, впоследствии используемые в качестве прецедентов для схожих правовых ситуаций.

Журналисты как представители средств массовой информации используют сведения, пре-

доставляемые пресс-службой суда для своевременного получения данных о ходе и результате судебного разбирательства, что позволяет им оперативно освещать общественно значимые процессы. В процессе взаимодействия с представителями средств массовой информации сотрудники пресс-службы суда выполняют контролируемую функцию, поскольку зачастую журналисты в погоне за громкими заголовками юридически безграмотно освещают судебный процесс, неправильно расставляют правовые акценты и делают необоснованные выводы, тем самым негативно влияя на развитие правовой осведомленности граждан. Пресс-служба суда обеспечивает журналистов актуальной, достоверной и юридически корректной информацией, минимизируя возможность распространения недостоверных данных в широких кругах общественности.

К категории иных граждан относятся, например, участники судебных процессов, граждане интересующиеся правовыми вопросами, студенты юридических факультетов. Интерес данной аудитории связан с потребностью в данных о ходе резонансных дел, о порядке рассмотрения конкретного дела, информации о судебной практике, способной проиллюстрировать применение той или иной нормы права на практике.

Таким образом, целевая аудитория Telegram-канала Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга представляет собой многосоставное сообщество, в которое входят профессиональные юристы, журналисты, а также широкий слой общественности. Каждая из этих групп обладает специфическими потребностями и интересами, что накладывает определённые требования к контенту и стилю коммуникации, используемым в рамках данного канала.

Большую часть контента в официальном канале Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга составляют пресс-релизы. Пресс-релиз – это краткое сообщение для СМИ, содержащее важную новость или полезную информацию для аудитории [8, с.7]. Основными задачами пресс-релизов являются привлечение внимания целевой аудитории к результатам судебного разбирательства и улучшение имиджа судебной власти. В отличие от формализованного согласно процессуальному праву окончательного судебного акта (решения, постановления, приговора) пресс-релиз включает в себя чёткие и краткие формулировки, упрощающие процесс восприятия и передачи информации. Кроме того, достаточно простая структура пресс-релиза занимает у сотрудников пресс-службы суда минимальное количество времени для его составления, что

позволяет обеспечивать общественность информацией по ходу дела прямо из зала судебного заседания.

Наиболее актуальным представляется вопрос о правилах написания пресс-релизов для публикации в социальных медиа пресс-службы суда. Как отмечает руководитель Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга Д.С. Лебедева, преобразование судебного акта в текст пресс-релиза происходит без специальной техники, то есть интуитивно: «Когда ко мне приходят коллеги учиться, а также мои подчиненные, я их учу писать. Мы пишем по судебному решению: обязательно должна быть резолютивная и мотивировочная части. Мотивировочную часть мы сокращаем и переводим с формально-юридического языка на язык, доступный широким слоям общественности, избавляя текст от таких формулировок как «умышленно», «из иных», «из личных неприязненных отношений». Никакой специальной техники нет, наличие высшего юридического образования позволяет нам, сотрудникам пресс-службы, переписать судебный акт без потери его основной сути. Таким образом нам удаётся сократить судебное решение до 15-20 строчек для публикации в официальном Telegram-канале»¹.

Ввиду дефицита четких стандартов для создания пресс-релизов может возникнуть неопределенность в работе сотрудников пресс-службы, в таком случае отсутствие определенной техники написания пресс-релизов является серьезным препятствием для развития пресс-служб судов в долгосрочной перспективе.

Структура пресс-релиза состоит из вводной части («шапки») с наименованием суда, рассмотревшего данное дело; краткого изложения сущности спора; ключевых элементов хода судебного разбирательства; вынесенного судом решения.

Отметим, что в науке чётко определена иная структура пресс-релиза, которая должна включать в себя: «шапку», состоящую из логотипа, названия организации, названия структурного подразделения организации, контактной информации; даты распространения; заголовка; лида, основного текста и резолютивной части – вывода [9, с.66-67]. Д.С. Лебедева отмечает, что пресс-релизы, построенные таким способом, не привлекают внимание общественности, в связи с чем сотрудники пресс-службы суда адаптируют структуру пресс-релиза под цель общения с конкретной категорией целевой аудитории Telegram-канала. Для юристов важно наличие детализированных информационных сводок, которые бы охватывали

¹ Из личного интервью авторов с Д.С. Лебедевой в ходе подготовки данного исследования

не только факты дела, но и ключевые правовые позиции, выраженные в судебных актах. Для текстов пресс-релизов, направленных на привлечение внимания представителей юридической профессии, характерно преобладание официально-делового стиля. Для представителей СМИ пресс-релизы должны акцентировать внимание на значимых судебных делах, которые могут вызвать общественный интерес. Журналисты требуют краткое, четкое и лаконичное предоставление информации, ввиду чего характерной чертой пресс-релиза, направленного на привлечение внимания прессы, является текст, в котором преобладают черты публицистического стиля. Для иных граждан пресс-релизы прежде всего служат средством повышения правовой грамотности. В таком случае тексты пишутся простым языком, иногда даже в жанре художественно-бытового рассказа. Такой «упрощенный» пресс-релиз способствует формированию и развитию правового сознания населения.

Некоторые исследователи акцентируют внимание на этическом аспекте публикации пресс-релизов в официальном Telegram-канале Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга. Так, по мнению Д.В. Боброва, В.В. Буга, И.А. Акишиной, несмотря на отсутствие разглашения персональных данных сторон судебных разбирательств, ироничное изложение событий со стороны сотрудников пресс-службы может оскорбить участников процесса и нанести репутационный вред как участникам процесса, так и органам судебной власти Российской Федерации [10].

Руководитель Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга, напротив, отметила, что получает много положительных отзывов от читателей Telegram-канала, в которых подчеркивается важность использования сатирических приемов для изложения информации, поскольку таким образом судебная власть предстаёт перед общественностью не строго формализованным государственным механизмом, а системой, за которой прежде всего стоят люди.

Первый абзац пресс-релиза строится по правилу 5W (What (что?), Where (где?), When (когда?), Who (кто?), Why (почему?)) [11]. Далее следует основная часть, состоящая из двух абзацев. Первый из них содержит краткое изложение сущности спора, которое представляет собой фрагмент из описательной части судебного акта. Во втором абзаце кратко описываются ключевые моменты хода судебного разбирательства, среди которых особо важными для изложения являются установленные судом в процессе слушания факты, имеющие значения для вынесения реше-

ния; показания участников процесса и др. Описательно-мотивировочная часть значительно по сравнению с судебным актом сокращена с помощью приемов компрессии текста. В основной части некоторых публикаций наблюдается описание поведения участников процесса, позволяющее наиболее полно представить ход судебного разбирательства. Д.С. Лебедева обращает внимание на то, что деятельность их структурного подразделения нацелена также на повышение правовой грамотности населения. Так освещение девиантного поведения и следующей за ним санкции в ходе судебного разбирательства способствует формированию у граждан представления о порядке судебного процесса и обеспечивающих его мерах.

Заключительной частью пресс-релиза является итоговое судебное решение (приговор) по судебному разбирательству.

Большинство пресс-релизов представляют собой компрессированный текст судебного акта, доминантой является юридический язык, основа которого – официально-деловой стиль речи, языковые средства публицистического стиля используются лишь как инструменты привлечения внимания целевой аудитории, которая по большей части состоит из юристов. Публицистический стиль используется также для расшифровки юридических терминов для граждан в целях повышения их правовой грамотности. Таким образом наблюдается синкретизм юридического языка как официально-делового подстиля с газетно-публицистическим (журналистским). Кроме того, сотрудники объединенных пресс-служб судов также регулярно публикуют фото- и видеоматериалы с судебных слушаний по резонансным делам, которые нередко используют представители прессы для своих публикаций.

Эффективная коммуникация является важным элементом судебной системы, способствующим повышению доверия граждан к правосудию. Изучение правовых основ обеспечения открытости судебной системы показало, что законодательство Российской Федерации предоставляет достаточные правовые основания для обеспечения прозрачности судебной системы. Однако существуют пробелы в нормативно-правовом регулировании, которые требуют дальнейшего совершенствования. Необходимо внести изменения в нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность пресс-служб судов, для устранения пробелов и обеспечения четкого правового статуса сотрудников пресс-служб.

Рассмотрение структурной организации пресс-служб судов показало, что существует разнообразие подходов к организации пресс-служб в

различных регионах. Необходимо разработать и внедрить единые стандарты работы пресс-служб судов на всей территории Российской Федерации для обеспечения единообразия и эффективности их деятельности. Объединённая пресс-служба судов Санкт-Петербурга является примером успешной структурной организации, которая эффективно справляется с поставленными задачами. Главной из них стала задача самостоятельного подбора, оценки, обработки и оперативной передачи информации о текущем состоянии дел и (или) информации по специальным запросам представителям СМИ. Деятельность пресс-службы судов нацелена не только на освещение хода и результата судебных разбирательств для общественности, но на контроль освещения судебной власти в прессе и повышение правовой грамотности граждан.

Актуальной проблемой является выбор канала для коммуникации. В июле 2025 года Комитет по информационной политике, технологиям и связи сообщил о возможности блокировки Telegram на фоне запуска российского Мах. Возможно, на рынке мессенджеров для официальных коммуникаций и интеграции с сервисами будет функционировать отечественный Мах, а для независимого контента продолжит использоваться Telegram.

Кроме того, риходится констатировать, что успех Объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга во многом зависит исключительно от её руководителя Д.С. Лебедевой, обладающей сочетанием компетенций в области связей с общественностью и юридической практики, мастерством, профессионализмом и энтузиазмом. Таким образом, для обеспечения устойчивой работы пресс-служб судов Российской Федерации следует уделить внимание не только поиску специалистов с необходимыми компетенциями, но и формированию системы обучения и поддержки, которая позволит развивать мастерство и профессионализм сотрудников. Это станет залогом успеха в сфере коммуникации и обеспечит высокую степень открытости и доступности судебной информации для граждан.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 22.12.2008 N 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6217
- [2] Концепция информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019)

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» от 13.12.2012 № 35

[4] Положение об объединенной пресс-службе судов общей юрисдикции Воронежской области // Совет судей Воронежской области URL: <https://vor.www.ssrf.ru/dokumenty/polozhieniia/41731>

[5] Положение об объединенной пресс-службе судов общей юрисдикции Смоленской области // Совет судей Смоленской области URL: <https://smo.sa.yev.www.ssrf.ru/dokumenty/polozhieniia/49680>

[6] Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга // Telegram Web URL: <https://t.me/SPbGS> (дата обращения: 24.07.2025).

[7] Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002-2010 годы)» от 28.01.2002 № 65 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 5. Ст. 531 в ред. от 09.06.2010

[8] Пискунова М.И. Пресс-релиз и другие PR-тексты: учебно-методическое пособ. – М.: Ф-т журн. МГУ, 2017.

[9] Балахонская Л.В. PR-текст: структура, содержание, оформление. учебное пособие. – СПб.: Свое издательство, 2015.

[10] Бобров Д.В., Буга В.В., Акишина И.А. Роль Объединенной пресс-службы судебной системы Санкт-Петербурга в процессе взаимодействия судебной власти и СМИ // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2023. – №07 (99).

[11] Лебедева Д.С. Методические рекомендации по взаимодействию судов и СМИ. – СПб.: Астерион, 2021. – 72 с..

References:

- [1] Federal'nyj zakon ot 22.12.2008 N 262-FZ (red. ot 14.07.2022) «Ob obespechenii dostupa k informacii o deyatel'nosti sudov v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2023) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 29.12.2008, N 52 (ch. 1), st. 6217
- [2] Konceptiya informacionnoj politiki sudebnoj sistemy na 2020 - 2030 gody (odobrena Sovetom sudej RF 05.12.2019)
- [3] Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii «Ob otkrytosti i glasnosti sudo-proizvodstva i o dostupe k informacii o deyatel'nosti sudoV» ot 13.12.2012 № 35
- [4] Polozhenie ob ob"edinennoj press-sluzhbe sudov obshchej yurisdikcii Voronezhskoj oblasti //

Sovet sudej Voronezhskoj oblasti URL: <https://vor.www.ssrf.ru/dokumenty/polozhieniia/41731>

[5] Polozhenie ob ob"edinennoj press-sluzhbe sudov obshchej yurisdikcii Smolenskoj oblasti // Sovet sudej Smolenskoj oblasti URL: <https://smo.sa.yev.www.ssrf.ru/dokumenty/polozhieniia/49680>

[6] Ob"edinennaya press-sluzhba sudov Sankt-Peterburga // Telegram Web URL: <https://t.me/SPbGS> (data obrashcheniya: 24.07.2025).

[7] Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii «O federal'noj celevoj programme «Elektronnaya Rossiya (2002-2010 gody)» ot 28.01.2002 № 65 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002 g. № 5. St. 531 v red. ot 09.06.2010

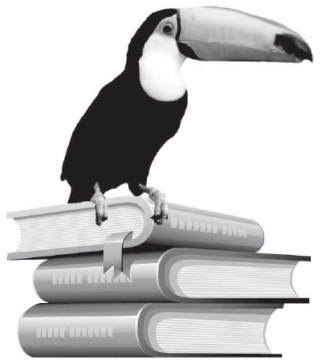
[8] Piskunova M.I. Press-reliz i drugie PR-teksty: uchebno-metodicheskoe posob. – M.: F-t zhurn. MGU, 2017.

[9] Balakhonskaya L.V. PR-tekst: struktura, sodержание, оформlenie. uchebnoe posobie. – SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2015.

[10] Bobrov D.V., Buga V.V., Akishina I.A. Rol' Ob"edinennoj press-sluzhby sudebnoj sistemy Sankt-Peterburga v processe vzaimodejstviya sudebnoj vlasti i SMI // Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2023. – №07 (99).

[11] Lebedeva D.S. Metodicheskie rekomendacii po vzaimodejstviyu sudov i SMI. – SPb.: Asterion, 2021.- 72 s..

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-405-409

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ШАВАРД Анна Владимировна,
старший преподаватель кафедры
«Теория права, гражданское право
и гражданский процесс» Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)
Адвокат АК «ЗАКОНЪ»,
e-mail: makeevaanna84@mail.ru

ОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В СУДЕБНЫХ СПОРАХ. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Работа посвящена анализу проблемных вопросов, связанных с опросом несовершеннолетнего ребенка в судебных спорах с участием несовершеннолетних. Изучение существующих норм законодательства и международных стандартов показывает, что в России существует необходимая правовая база для защиты прав несовершеннолетних. Однако, несмотря на наличие законов, практика их применения часто оставляет желать лучшего. Это связано с недостатком образования и опыта у судебных работников, а также с отсутствием унифицированных методов и стандартов допроса несовершеннолетних. Целью исследования является выявление ключевых проблем, возникающих при участии ребенка в судебных разбирательствах, и разработка практических рекомендаций в опросах несовершеннолетних для оптимизации правоприменительной практики. Одним из наиболее значимых проблемных аспектов является психологическое воздействие судебного процесса на несовершеннолетнего. Участие в судебном разбирательстве, особенно в спорах, касающихся семейных отношений, может нанести серьезный вред психическому здоровью ребенка. Необходима разработка и внедрение специализированных методик опроса, учитывающих возрастные и психологические особенности несовершеннолетних, а также обеспечивающих поддержку квалифицированного психолога на всех этапах процесса. Для оптимизации правоприменительной практики в делах с участием несовершеннолетних необходимо проведение систематического обучения и повышения квалификации судей, прокуроров, адвокатов и других участников процесса. В программу обучения следует включить вопросы детской психологии, методов опроса несовершеннолетних, оценки достоверности показаний и защиты прав ребенка. Кроме того, требуется разработка и внедрение единых стандартов и протоколов допроса несовершеннолетних, которые бы учитывали международные стандарты и лучшие практики в этой области.

Ключевые слова: несовершеннолетний, судебное разбирательство, опрос несовершеннолетнего, психологи и социальные работники, суд, судебная практика, права ребенка, родители.

SHAVARD Anna Vladimirovna,
Senior Lecturer at the Department of Theory of Law, Civil Law,
and Civil Procedure at the Law Institute of the Russian
University of Transport (MIIT)
Lawyer at AK ZAKON

INTERVIEW OF MINOR CHILDREN IN LEGAL DISPUTES. PROBLEMATIC ASPECTS

Annotation. The paper focuses on analyzing the problematic issues related to the interrogation of minors in court disputes involving minors. A study of existing legal norms and international standards reveals that Russia has the necessary legal framework to protect the rights of minors. However, despite the existence of laws, the practice of their implementation often leaves much to be desired. This is due to the lack of education and experience among judicial professionals, as well as

the absence of unified methods and standards for interrogating minors. The purpose of the study is to identify the key problems that arise when a child is involved in legal proceedings, and to develop practical recommendations for surveys of minors in order to optimize law enforcement practices. One of the most significant problematic aspects is the psychological impact of the judicial process on minors. Participation in legal proceedings, especially in disputes related to family relations, can have a serious impact on a child's mental health. It is necessary to develop and implement specialized interview methods that take into account the age and psychological characteristics of minors, as well as provide support from a qualified psychologist at all stages of the process. To optimize the application of law in cases involving minors, it is essential to provide systematic training and professional development for judges, prosecutors, lawyers, and other participants in the process. The training program should include topics related to child psychology, interview methods for minors, assessing the credibility of testimonies, and protecting the rights of children. In addition, it is necessary to develop and implement unified standards and protocols for interrogating minors, which would take into account international standards and best practices in this area.

Key words: *minor, trial, minor's interview, psychologists and social workers, court, judicial practice, child's rights, parents.*

Работа посвящена анализу проблемных аспектов, связанных с процедурой опроса несовершеннолетних детей в рамках судебных споров. Целью исследования является выявление основных сложностей, возникающих в процессе допроса несовершеннолетних, а также разработка практических рекомендаций для оптимизации данной процедуры.

Задачи исследования включают:

1. Определить правовые основы опроса несовершеннолетних в судебном процессе.
2. Проанализировать психологические особенности детей разного возраста, влияющих на дачу показаний.
3. Изучить существующие методики проведения опроса несовершеннолетних и оценка их эффективности.
4. Разработать предложения по совершенствованию законодательства и практики в данной области.

Для достижения поставленных целей в статье используются следующие методы исследования: анализ нормативно-правовых актов, изучение научной литературы по юриспруденции и психологии, обобщение судебной практики, а также контент-анализ материалов средств массовой информации, освещающих данную проблематику. Особое внимание уделяется рассмотрению российской судебной практики и анализу соответствующих процессуальных норм, регулирующих порядок допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших.

Актуальность участия ребенка в судебных спорах родителей становится всё более очевидной в условиях современного общества. Большое количество судебных бракоразводных процессов и споров родителей о детях свидетельствует о необходимости особого внимания к правам и интересам детей, которые оказываются уязвимой

стороной в конфликте между родителями. Анализ проблемы включает в себя такой ключевой аспект, как опрос несовершеннолетнего ребенка в суде.

Исследования показывают, что дети, вовлеченные в судебные конфликты родителей, подвергаются значительному риску развития психоэмоциональных нарушений. Такие дети часто сталкиваются с тревожными расстройствами, депрессией и снижением самооценки. Судебные процессы, затрагивающие интересы ребенка, могут оказать долговременное негативное влияние на его психическое здоровье. В частности, «судебное определение проживания ребенка с одним из родителей влияет на такие психологические показатели у несовершеннолетних, как психоэмоциональное напряжение, высокие показатели тревожности, высокое агрессивное поведение, раздражительность, импульсивность, невротические состояния» [1]. Это подчеркивает важность внимания к эмоциональному состоянию ребенка и необходимости обеспечения ему психологической поддержки при его участии в судебных делах.

В судебной практике дела, касающиеся несовершеннолетних, требуют особого внимания как со стороны юристов, так и со стороны судей. Опрос детей в этих спорах может оказать значительное влияние на исход дела, так как несовершеннолетние зачастую становятся ключевыми свидетелями различных происшествий и событий. Они могут предоставить уникальную информацию, способную пролить свет на обстоятельства, которые влияют на принятие решения судом.

В российском законодательстве закреплено право ребенка на выражение своего мнения в судебных процессах, касающихся его интересов. Это отражено в статье 57 Семейного кодекса РФ¹,

¹ Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025)

которая устанавливает, что мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, должно быть обязательно учтено судом, если это не противоречит его интересам. Несмотря на это, реализация данного права на практике сталкивается с рядом трудностей, что требует анализа и совершенствования.

Сложность процесса опроса несовершеннолетних обусловлена также необходимостью соблюдения правовых норм, которые защищают их интересы и благополучие. Неправильно организованный опрос может не только исказить информацию, но также навредить психоэмоциональному состоянию ребенка, что требует особенно деликатного подхода. В этом контексте особое внимание должно уделяться выбору в процессе судебного разбирательства судьи и других сотрудников, участвующих в опросах, чье поведение может создать атмосферу доверия и безопасности или, наоборот, вызвать страх и стресс.

Важно отметить, что сам процесс опроса несовершеннолетних требует применения специальных методик, которые подходят для их возраста. Также применяются и учитываются принципиальные аспекты, такие как способ ведения беседы, выбор места и времени опроса. Важным является создание безопасной и доверительной атмосферы, которая способствует более открытому и точному обмену информацией. Предварительное собеседование или подготовка к опросу может включать беседы с психологами, работающими с детьми, которые могут предложить приемлемые подходы и методы ведения разговора.

Правовые основы опроса несовершеннолетних свидетельствуют о необходимости применения адаптированных к их возрасту методов и подходов. Судебная практика показывает, что высококвалифицированные специалисты, обладающие пониманием детской психологии и особенностей правового статуса несовершеннолетних, способны существенно улучшить качество получаемой информации и защитить права детей в процессе судебных разбирательств.

Несмотря на существующие правила и нормы, практическое применение законодательства может встречать значительные трудности. Многие суды не имеют достаточного опыта работы с несовершеннолетними, что может привести к нарушению прав детей и недостоверности предоставленной информации.

Процессуальный порядок опроса несовершеннолетних детей в судебных разбирательствах представляет собой многоступенчатый процесс, который требует тщательной подготовки, проведения и последующей обработки полученных дан-

ных. На каждом из этих этапов необходимо учитывать уникальные особенности детей и требования законодательства.

Подготовка к опросу несовершеннолетнего является критически важной для обеспечения его эффективности и безопасности. Этот этап включает в себя несколько ключевых аспектов:

1. Определение возраста и психоэмоционального состояния ребенка. Перед проведением опроса судья или специалист должны оценить, способен ли ребенок понимать и интерпретировать вопросы. Это может потребовать консультаций с психологами или социальными работниками, которые знакомы с развитием детей и их психоэмоциональными потребностями. Важно отметить, что с возрастом и опытом меняется и восприятие детьми различных ситуаций, что необходимо учитывать при подготовке к опросу.

2. Разработка стратегии опроса. Какие методы взаимодействия с ребенком будут использоваться? Это может быть структурированный опрос, где заранее определены вопросы, или более свободный формат, основанный на беседе. Важно, чтобы выбранная стратегия максимально соответствовала возрасту и состоянию ребенка, что поможет создать атмосферу доверия и открытости.

3. Обсуждение с родителями или законными представителями. Участие родителей в подготовительном этапе важно для создания ощущения безопасности и уверенности у ребенка. Однако важно избегать давления со стороны родителей, которое может повлиять на показания ребенка. Судья должен объяснить родителям свои действия и обратить внимание на то, что интересы ребенка остаются главными.

И только после выполнения подготовительных действий возможен переход к самому опросу. Основная задача при проведении опроса — создание комфортной, безопасной и поддерживающей атмосферы. Это позволит несовершеннолетнему лучше открыться и дать более полные и точные показания. На этом этапе следует учитывать следующие аспекты:

Выбор места и времени. Опрос должен проводиться в ранее подготовленной обстановке — в уютной комнате в суде или специальном центре в выездном судебном заседании, что поможет ребенку почувствовать себя в безопасности. Важно выбрать удобное для ребенка время, чтобы он не был уставшим или перегруженным перед опросом.

Немаловажно и участие квалифицированного специалиста в опросе. Опрос должен проводиться человеком, знающим психоэмоциональные особенности детей, предпочтительно — дет-

ским психологом или специалистом по работе с несовершеннолетними. Это обеспечит правильный подход при составлении вопросов и взаимодействии с ребенком.

Специалисты должны соответствовать уровню развития ребенка, используя простые формулировки и избегая сложных юридических терминов. Важно задавать открытые вопросы, которые позволяют ребенку рассказывать о своих ощущениях и впечатлениях, а не отвечать на вопросы «да» или «нет».

Немаловажную роль играет и соблюдение прав ребенка. Необходимо письменно согласовать с ребенком и его законными представителями все действия, связанные с опросом, и обеспечить его право на защиту. Участие в опросе законных представителей должно происходить в формате консультации, чтобы не оказывать давление на малыша.

Во время опроса несовершеннолетнего секретарь судебного заседания должен максимально внимательно относиться к составлению протокола. Он должен содержать не только ответы ребенка, но и общую атмосферу во время опроса, а также поведение ребенка (например, уровень стресса, готовность отвечать и т. д.), что поможет глубже понять его показания.

Важно, чтобы после завершения опроса была проведена оценка как качества проведенной процедуры, так и состояния ребенка. Регулярный мониторинг можно считать ключевым элементом для того, чтобы выявить успехи и недостатки в процессе опроса, позволить избежать негативных последствий и усовершенствовать методы работы с несовершеннолетними в будущем.

После опроса специалисты могут обсудить с ребенком его ощущения и предоставить ему необходимую эмоциональную поддержку. Это также поможет снизить уровень тревожности и нормализовать его психологическое состояние.

При этом, было бы эффективно, если бы судебные учреждения собирали и анализировали данные о проведенных опросах, что позволит улучшать практические подходы, развивать обучение для судебных работников и адаптировать законы и правила в соответствии с международными стандартами.

Процесс опроса несовершеннолетних свидетелей в судебных разбирательствах требует не только строгого соблюдения законодательства, но и применения практических рекомендаций и методов, которые обеспечивают безопасность и эффективность данного процесса.

Судьи, адвокаты и другие работники судебной системы должны проходить специальные курсы по детской психологии, методам работы с несовершеннолетними и особенностям правового

статуса детей. Это обучение должно включать практические занятия, на которых работники смогут отработать навыки общения с детьми и изучить методы, которые помогают наладить доверительный контакт.

Неотъемлемой частью процесса опроса является психологическая поддержка несовершеннолетних. Психология детей и подростков имеет свои особенности, и суды должны их учитывать в процессе допроса.

Психологическое сопровождение может включать не только присутствие специалиста на этапе опроса, но и предварительные беседы с ребенком. Психологи могут помочь подготовить ребенка к допросу, объяснить ему процесс и снизить уровень тревожности. Также они могут оценить, готов ли ребенок отвечать на вопросы, и предложить методы, которые помогут ему расслабиться.

Психологи и другие специалисты должны создать максимально комфортные условия для опроса, чтобы ребенок чувствовал себя в безопасности. Это значит не только физическое пространство, но и эмоциональная поддержка, которой ребенок должен ощущать в процессе общения.

Конечно же и родители (законные представители) играют ключевую роль в процессе опроса несовершеннолетних. Но они могут как поддерживать, так и негативно влиять на ребенка, что необходимо учитывать при организации допроса.

На основании вышеизложенных аспектов можно сформулировать ряд рекомендаций, которые помогут улучшить процесс опроса несовершеннолетних в судебных разбирательствах.

Во-первых, это адаптация опросных методов. Необходимо разрабатывать и внедрять адаптированные методики опроса, которые соответствуют возрастным и психоэмоциональным особенностям детей. Это обучение должно проводиться на регулярной основе и включать обмен опытом среди судебных работников и психологов.

Создание четких стандартов для проведения допросов несовершеннолетних поможет защитить их права и обеспечит последовательность и качество в судебных разбирательствах. Важно разработать руководства и рекомендации, которые будут ясны и доступны для всех участников процесса.

Во-вторых, мониторинг и оценка процесса. Необходимо наладить систему мониторинга и анализа практики допросов несовершеннолетних, чтобы выявлять успешные стратегии и возможные проблемы. Это позволит улучшать практики и гарантировать соблюдение прав детей в судебной системе.

Процесс опроса несовершеннолетних детей в судебных спорах является сложным и многоаспектным явлением, требующим особого внимания и тщательной организации. Важность этого процесса трудно переоценить, ведь от правильного подхода к опросу зависит не только конкретный исход дела, но и психоэмоциональное состояние ребенка, а также его дальнейшая жизнь. Понимание права несовершеннолетних на защиту, качество информации, которую они могут предоставить, и необходимость создания безопасной среды для их общения с судебными органами являются основополагающими факторами в правосудии.

Необходимо продолжать развитие системы опроса несовершеннолетних путем создания обучающих программ, разработкой новых методик и рекомендаций, а также регулярной оценки существующих практик. Важно не только формально соблюдать правовые нормы, но и понимать их значение для благополучия детей, как в правовом, так и в эмоциональном контексте.

Также, необходимо уделить внимание социокультурным аспектам, которые могут оказывать влияние на процесс допроса. Разработка культурных и социологических стандартов позволит создать более учитывающую и адаптированную к различным контекстам практику, что в конечном итоге будет способствовать более справедливому правосудию и защите прав несовершеннолетних.

Опрос несовершеннолетних детей в судебных разбирательствах – это не только юриди-

ческая, но и психологическая, социальная, и культурная практика. Будущее этого процесса зависит от совместных усилий юристов, психологов, социальных работников и общества в целом. Мы предполагаем, что данное исследование внесет свой вклад в развитии данной области и поможет сделать правосудие более доступным и эффективным для несовершеннолетних и их семей.

Таким образом, разработка методик и рекомендаций для судей и адвокатов по опросу несовершеннолетних становится не только желательным, но и необходимым шагом для повышения качества правосудия и защиты прав детей.

Список литературы:

[1] Абдуллаева А.С., Паламарчук Л.С. Особенности конфликтов между родителями в ситуации определения проживания детей при проведении судебной экспертизы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2023. — Т. 12. — № 11А. — С. 216-221. — DOI: 10.34670/AR.2023.20.85.029.

References:

[1] Abdullaeva A.S., Palamarchuk L.S. Osobnosti konfliktov mezhdru roditeleyami v situacii opredeleniya prozhivaniya detej pri provedenii sudebnoj ekspertizy // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. — 2023. — T. 12. — № 11A. — S. 216-221. — DOI: 10.34670/AR.2023.20.85.029.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-410-416

ЖУРАВЛЕВА Анастасия Игоревна,
Аспирант,
Пензенский государственный университет,
e-mail: azz-58@mail.ru

СУДЕБНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Аннотация. Постоянное движение, изменение общественных отношений порождает необходимость совершенствования механизмов правового регулирования, в таких условиях возникает потребность повышения эффективности судебной системы, которая является составной частью правового регулирования. В настоящее время возросла степень участия судов в применении права, активизируется их участие в правотворческой деятельности, все это формирует запрос к переосмыслению традиционных подходов в юридической науке. Проведенный анализ научных источников показывает, что сущность судебного регулирования, его понятие и виды в наши дни недостаточно изучены, имеются лишь отдельные научные исследования в данной области, при этом тема настоящего исследования полностью в них не затрагивалась и не освещалась. Вышеуказанное придает теме исследования особую актуальность и значимость в современных реалиях.

Ключевые слова: судебное регулирование, виды судебного регулирования, правовое регулирование, судебные органы, суд.

ZHURAVLEVA Anastasia Igorevna,
Postgraduate student,
Penza State University

JUDICIAL REGULATION: CONCEPT AND TYPES

Annotation. The constant movement and change in social relations necessitates the improvement of legal regulation mechanisms, and in such circumstances, there is a need to enhance the efficiency of the judicial system, which is an integral part of legal regulation. Currently, the role of courts in the application of law has increased, and their participation in law-making activities has become more active, leading to a demand for a reevaluation of traditional approaches in legal science. The analysis of scientific sources shows that the essence of judicial regulation, its concept, and types are not sufficiently studied today, and there are only a few scientific studies in this area, but the topic of this research has not been fully addressed or covered. This makes the research topic particularly relevant and important in today's context.

Key words: judicial regulation, types of judicial regulation, legal regulation, judicial instances, court.

Введение

Постоянно меняющееся общество и стремительно развивающиеся общественные отношения порождают необходимость более глубокого внимания со стороны судебных органов к характеру и формам регулирования отношений в рамках собственных полномочий. Однако любая деятельность судебных органов, будь то принятие управленческих решений внутри инстанций или же решение, имеющее индивидуальное или общественное воздействие, должна опираться на научные знания.

Значимость исследования заключается в том, что оно может дать необходимую базу для

дальнейших действий законодательной ветви власти. Также проведенное исследование представляет ценность для юридической науки, в частности, изучающей государственную власть, формы её реализации, а также взаимодействие общества и государства, оно положит основу для развития данной темы в рамках науки.

Целью настоящего исследования является анализ научных трудов, правовых источников и правоприменительной практики, которые легли в основу понятия судебного регулирования, идентификация видов такого регулирования, а также определение взаимозависимости элементов, их образующих.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся при осуществлении судебного регулирования, а также деятельность и соответствующие полномочия судебных органов. Предметом исследования являются понятие, сущность и виды судебного регулирования.

Достижение обозначенной цели обусловлено решением следующих задач:

- рассмотреть понятие правового регулирования и его сущность (в целом);
- раскрыть виды правового регулирования и выявить место судебного регулирования среди них;
- рассмотреть понятие и сущность судебного регулирования;
- установить виды судебного регулирования и охарактеризовать их;
- предложить авторское определение термина «судебное регулирование»;
- определить судебное регулирование в широком и узком смысле.

Поставленные в исследовании задачи решены с использованием ряда общенаучных и частнонаучных методов, таких как описание, диалектический, формально-юридический, дедуктивный и системный методы.

Основная часть

Судебное регулирование, осуществляемое в процессе функционирования органов правосудия – необходимый механизм в обеспечении законности и правопорядка в обществе. Именно судебная власть, реализуя свои властные полномочия, обеспечивает верховенство Основного закона нашей страны, защищает права и законные интересы граждан, производит надзор за законностью действий государственных органов и должностных лиц, восполняет пробелы в правовом регулировании, анализирует и обобщает судебную практику и т.д.

Вместе с тем, несмотря на свое фундаментальное значение сам термин «судебное регулирование» не имеет четкого определения в юридической науке, так же отсутствует общепринятое разделение его на виды.

Между тем, с целью идентификации дефиниции «судебное регулирование» и дифференцирования его виды, полагаем, что сначала следует рассмотреть сущность понятия «правовое регулирование», которое является его «прародителем».

Исследованию сущности правового регулирования, его целей и механизмов в юридической науке уделено значительное внимание такими известными учеными-правоведами, как С.С. Алексеев, А.В. Малько, В.М. Сырых, В.Н. Хропанюк, А.С. Пиголкин, и продолжает уделяться многими практикующими юристами и учеными. Несмотря

на неоднократное обращение исследователей к проблеме определения сущности правового регулирования, до сих пор остаются пробелы и не до конца проясненные вопросы, продиктованные постоянным изменением и дополнением теоретических основ [1].

Анализ существующих в научной литературе мнений позволяет сформировать следующее определение: правовое регулирование – это функция права, реализуемая посредством целенаправленного воздействия на общественные отношения с помощью правовых средств, выражающегося в деятельности компетентных органов по созданию правовых норм, их исполнению, а также защите в целях упорядочивания, охраны и развития таких общественных отношений.

На практике это выглядит следующим образом. В правовом регулировании всегда задействованы три стороны: одна сторона правовые нормы принимает, другая наделяется обязанностью их исполнять (реализовывать), а третья сторона обеспечивает соблюдение принятых норм и правил.

Государственная власть в стране осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную¹. Таким образом, правовое регулирование тесно взаимосвязано с государственным управлением, а именно – оно им порождается.

И в том, и в другом случае необходимо также упомянуть четвертую и основную сторону – это участники соответствующих правоотношений (физические и юридические лица), на которых правовое регулирование направлено. Именно деятельность указанных лиц время от времени создает необходимость введения нового правового регулирования, так как ежеминутно они вступают, изменяют или создают новые общественные отношения и такое их поведение является юридически значимым.

Правовое регулирование претворяется в жизнь с помощью властных полномочий, которыми государство наделяет регуляторов. Исходя из принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также имеющихся у них полномочий, можно выделить два вида правового регулирования: нормативно-правовое и индивидуальное. С помощью этих двух видов правового регулирования органы государственной власти в рамках своих полномочий могут воздействовать на общественные отношения.

¹ Статья 10 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации, режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.09.2025).

Следует отметить, что нормативно-правовое регулирование как вид правового регулирования в большей степени применяется законодательной и исполнительной ветвями власти, а индивидуальное правовое регулирование – судебной.

В свою очередь, каждый из упомянутых видов правового регулирования в зависимости от средства правового регулирования, положенного в его основу, подразделяется на подвиды. Средства правового регулирования характеризуются целенаправленностью, сознательно-волевым началом, обеспеченностью мерами принуждения действующей легитимной публичной власти. Являясь правовыми инструментами воздействия на волевые общественные отношения, они направлены на формирование меры юридически значимого поведения человека [2].

Чтобы определить место судебного регулирования среди них, рассмотрим существующие подвиды правового регулирования с научной точки зрения с учетом юридической практики:

1) нормативно-правовое регулирование в зависимости от субъектов, которые его осуществляют, включает в себя следующие подвиды: федеральное (осуществляется уполномоченными органами государственной власти на федеральном уровне), региональное (осуществляется уполномоченными государственными органами субъектов на региональном уровне), муниципальное (осуществляется муниципальными органами власти на местном уровне), локальное (осуществляется административными органами юридических лиц).

В зависимости от юридической силы правовых норм различается законодательное и подзаконное нормативно-правовое регулирование;

2) индивидуальное правовое регулирование включает в себя следующие подвиды: судебное регулирование (осуществляется судебными органами), административно-правовое регулирование (осуществляется органами государственной власти по отдельным вопросам, не отнесенным к нормативно-правовому регулированию) и саморегулирование.

Средства правового регулирования каждого из приведенных подвидов по своей природе призваны воздействовать на определенное юридически значимое поведение. Иными словами, государство может контролировать юридически значимое поведение, возникающее в рамках любых общественных отношений, предусмотренными для этого средствами правового регулирования.

Несмотря на то, что наиболее динамично средства правового регулирования воздействуют на общественные отношения в рамках индивидуального регулирования, а именно судебного регулирования, оно вторично по отношению к норма-

тивно-правовому регулированию, поскольку само урегулировано нормами права и не может существовать без них. Такие правовые нормы носят направляющий, процессуальный характер.

Определив место судебного регулирования среди видов правового регулирования, рассмотрим теперь его сущность. Поскольку индивидуальное правовое регулирование представляет собой деятельность уполномоченных лиц по разрешению вопросов, отнесенных к конкретной сфере общественных отношений, результатом которой является их воля, выраженная в индивидуальном акте, изданном в рамках законодательства, сущность судебного регулирования кроется именно в этой концепции.

Однако было бы несправедливым в настоящем исследовании ограничиваться только этим при рассмотрении понятия судебного регулирования. Далее в исследовании, чтобы предложить авторское определение указанному понятию, будем двигаться от частного к общему и сначала рассмотрим виды судебного регулирования.

В условиях множества действующих законодательных предписаний ни один инструмент правового регулирования, способный оценить степень их соответствия текущим реалиям в обществе, не сможет дать настолько точного результата, который предоставляет индивидуальное судебное регулирование правоотношений.

В теории права разработана и обоснована категория индивидуального судебного регулирования, являющаяся одним из элементов более общего понятия – индивидуального правового регулирования, основными свойствами которого выступают: производный (от нормативного) характер, осуществление специально уполномоченным субъектом – судом, что придает особую специфику процессу реализации, включая форму, выполняет регулятивную функцию на основе учета более широкого спектра волеизъявления участников судопроизводства [3].

Следует отметить роль индивидуального судебного регулирования общественных отношений. Правовое регулирование не способно охватить всю сферу общественных отношений, закон лишь регулирует наиболее выраженные, необходимые для четкого регламентирования сферы отношений, при этом давая ориентиры, пути и средства действия для дальнейшего руководства общественными отношениями иным органам (не законодательным). Такими органами являются и судебные органы, осуществляющие индивидуальное регулирование правоотношений [4]. Вынося судебное решение, суд осуществляет индивидуальное судебное регулирование: толкует волю законодателя и уясняет смысл правовой нормы.

Таким образом, индивидуальное судебное регулирование предполагает толкование принципов и норм права и призвано восполнять пробелы в нормах права [5].

Изучению данной категории в большей степени уделяли внимание ученые-цивилисты, поскольку сущность индивидуального судебного регулирования кроется в диспозитивности регулирования общественных отношений, характере учета волеизъявления сторон, а также в пределах усмотрения регулятора.

Акты индивидуального судебного регулирования по своей правовой природе призваны не изменять существующее регулирование, а дополнять его. Вместе с тем, в отдельных случаях противоречие судебного акта действующим нормам права, закрепленным в нормативных правовых актах, может служить основанием изменения или прекращения их действия, но никак не является целью таких актов индивидуального судебного регулирования. В таких ситуациях изложенный в актах высших судебных инстанций результат судебного регулирования лишь служит вспомогательным инструментом, посылом к действию для регулятора, принявшего такой нормативный правовой акт, свидетельствующим о необходимости его пересмотра.

Приводя пример, отметим, что особую значимость в контексте развития права приобретает вопрос о регулятивной роли актов Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации (далее по тексту – Конституционный Суд и Верховный Суд соответственно). Их решения не только разрешают конкретные споры, но и формируют ориентиры для законодателя, влияя на эволюцию правовых норм.

Довольно наглядной иллюстрацией этого может служить Постановление Конституционного Суда от 07.04.2022 № 14-П¹, которое признало не соответствующей Конституции ч. 1 ст. 58 Закона Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-1

«О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», в котором органами правосудия разрешалась весьма непростая ситуация: военный пенсионер получал пенсию на банковскую карту, но длительное время не снимал с нее денежные средства. Поскольку пенсия не снималась со счета более шести месяцев, военный комиссариат сначала приостановил, а затем и прекратил выплату пенсии, о чем гражданин узнал через 10 лет. В дальнейшем ему возобновили выплату, но только за три последних года. Дело дошло до Верховного Суда, однако обжаловать это не удалось.

Пенсионер обратился в Конституционный Суд, который признал противоречащей Конституции Российской Федерации норму, согласно которой выплата возобновляется не за весь период, а только за три года, при том, что гражданин не утрачивал право на пенсию, в результате данное дело подлежало пересмотру.

Конституционный Суд указал, что норма о прекращении выплаты пенсии в связи с неполучением ее в течение шести месяцев не применяется, если гражданин получает пенсию через банк. С момента зачисления пенсии на счет она считается не только выплаченной, но и полученной. Факт длительного неполучения пенсии в этом случае в принципе невозможен. Отсутствие операций по счету не может расцениваться как отказ от получения пенсии. Граждане вправе не снимать деньги и накапливать их на счету.

Важно отметить, что в последствии в указанную норму были внесены изменения², согласно которым сумма пенсии, не полученная пенсионером из-за прекращения ее выплаты, стала выплачиваться за прошлое время без ограничения каким-либо сроком, если пенсионными органами не выявлены обстоятельства, в силу которых право на пенсию было утрачено.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.04.2022 № 14-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина П.М. Понеделькова, режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204130002?index=1> (дата обращения: 11.09.2025)

² Федеральный закон от 29.12.2022 № 611-ФЗ «О внесении изменения в статью 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48805> (дата обращения: 11.09.2025)

Следует отметить, что в России судебную систему составляют федеральные суды и мировые судьи¹, поэтому индивидуальное судебное регулирование проявляется не только в рассмотрении дел федеральными судами, но и мировыми судьями, которые также разрешают дела и издают акты индивидуального судебного регулирования.

Конституция России гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, при этом решения, действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд². Поэтому, говоря об индивидуальном судебном регулировании, нельзя не коснуться судебного контроля.

Судебный нормоконтроль – это одна из основных форм воздействия судебной власти на другие ветви государственной власти. Проверка судами нормативных правовых актов является очень важным инструментом сдержек и противовесов в механизме разделения властей. При этом контроль за деятельностью органов государственного управления и должностных лиц является одним из основных требований обеспечения законности [6].

Теперь обратимся к еще одному виду судебного регулирования, особенность которого состоит в том, что оно не ограничено разрешением дела индивидуального характера, а подразумевает, что применение результата такого регулирования возможно неограниченным кругом лиц – судебное правотворчество.

Деятельность судов и судей по своей конституционной природе автономна. Законодательные и судебные органы, хотя и действуют в рамках своих полномочий, сильно взаимосвязаны и едины в цели своей деятельности – регулировании общественных отношений. Однако именно различия в полномочиях указанных органов государственной власти не позволяют считать судебный акт нормативным в традиционном смысле этого слова, но правовым – безусловно.

Говоря о судебном правотворчестве, в качестве субъектов правотворчества возможно рассматривать Верховный Суд и Конституционный Суд, всецело опираясь на их полномочия.

Так, Верховный Суд в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения³. При этом Конституционный Суд по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации дает толкование Конституции Российской Федерации⁴.

Издаваемые указанными высшими судебными органами нормы также являются нормами права, однако не традиционного в понимании науки типа, так как документы, в которых они содержатся, не являются нормативными правовыми актами (не обладают всеми их признаками). Нормы права, издаваемые высшими судебными органами, действуют и применяются в параллели с нормами права, существующими в нормативных правовых актах. Они в большинстве своем равны по юридической силе в каждом конкретном случае правоприменения (за исключением случаев применения Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законов).

Обращают на себя внимание ряд постановлений, в которых под видом разъяснений процессуальных норм излагаются правила и положения, дополняющие существующие правила процессуального законодательства, и даже устанавливающие новые процессуальные правила [7]. К примеру, Постановление Пленума Верховного суда от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении», которым, по сути, устанавливались отсутствующие в законодательстве полномочия адвоката, участвующего в процессе по назначению суда.

Судебный прецедент является неотъемлемой частью правовой системы общего права. Для континентальной правовой системы данное понятие является неопределенным, отсюда восприятие российской правовой традицией понятия «судебная практика» [8].

В отечественной юридической науке все чаще осмыслиется понятие судебного прецедента, который в настоящее время законодательно не установлен, так как не является для

¹ Статья 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», режим доступа: <https://base.garant.ru/10135300/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/> (дата обращения: 11.09.2025)

² Статья 46 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации, режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.09.2025)

³ Статья 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/07f3205feaa78b249b652d3b4e83812b84f7f33a/, (дата обращения: 11.09.2025)

⁴ Статья 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/97abe6fd8de21b3e15e5f784b30144f6e2a068b7/, (дата обращения: 11.09.2025)

романо-германской правовой семьи, к которой можно отнести Россию, ни источником правом, ни какой-либо другой категорией.

Использование судебных precedентов в качестве источников права берет начало в англо-саксонской (англо-американской) правовой системе, где ранее рассмотренные судебные дела используются для разрешения последующих вопросов, что заложило основу для precedentного права [9].

Судебный precedent в общем смысле определяется отечественными исследователями как судебное решение, имеющее обязательное значение при рассмотрении других аналогичных дел. Важно отметить, что в Российской Федерации в настоящее время назрела необходимость признания precedentной силы судебных решений, о чем свидетельствует большое количество научных работ, посвященных данной проблематике. Многие практикующие специалисты и вовсе ставят вопрос о том, что в условиях современных правовых реалий в Российской Федерации стало первичным – право или precedent [10].

В качестве примеров можно привести Определение от 29.11.2016 № 305-КГ16-10399 по делу ООО «Центррегионуголь» (№А40-71125/2015), согласно которому Верховный Суд признал доначисление НДС и налога на прибыль незаконным, так как противоречивость доказательств налоговиков была признана недопустимой, а также Апелляционное определение от 02.06.2020 №5-АП/20-1, когда Верховный Суд признал уважительной неявку ростовского адвоката в московский суд из-за «коронавирусных» ограничений, указав, что замена участвующего по соглашению адвоката адвокатом по назначению предусмотрена в законе только как исключение из общего правила.

Приведенные решения Верховного Суда являются precedentными для российского права в силу того, что ни один судебный орган при наличии данных решений не осмелится принять решения обратного им характера, а также в силу того, что участники схожих правоотношений могут опираться на нормы, сформулированные в акте высшего судебного органа.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформировать следующее определение понятия судебного регулирования: судебное регулирование – это особый вид правового регулирования общественных отношений, которое осуществляется государством в установленной форме и направлено на разрешение индивидуальных юридически значимых ситуаций с помощью толкования принципов и правовых норм, восполнения пробелов в праве, в целях упорядочения правоотношений,

установления особенностей поведения отдельных субъектов таких правоотношений, восстановления справедливости и правопорядка.

Разработка термина «судебное регулирование» и его дифференциация является важной задачей для правовой науки, который, несомненно, впоследствии будет только дополняться, поскольку данный вопрос еще находится в стадии научного анализа и осмысления.

По результатам исследования сделаны следующие выводы:

- судебное регулирование составляет значительную часть всего осуществляемого государством правового регулирования общественных отношений и вносит важный вклад в правопорядок;

- сущность судебного регулирования проявляется как в узком, так и в широком смысле: в широком смысле это деятельность судебных органов по разрешению судебных дел, а в узком смысле – деятельность судебных органов по реализации отдельных полномочий, таких как толкование, разъяснение, право законодательной инициативы, нормоконтроль;

- судебное регулирование динамично, обладает способностью быть как индивидуальным, так и не персонализированным;

- только судебное регулирование обладает способностью восстановить нарушенные права.

Вышеуказанные выводы свидетельствуют о том, что роль судебного регулирования с течением времени будет только возрастать. Свойственные судебным органам функции и полномочия также будут совершенствоваться и, возможно, меняться или (и) дополняться в целях соответствия вызовам времени и обществу, которые пребывают в постоянном движении и трансформации.

Список литературы:

[1] Фатальникова Е.В. Сущность и значение правового регулирования в современной юридической науке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-znachenie-pravovogo-regulirovaniya-v-sovremennoy-yuridicheskoy-nauke> (дата обращения: 08.09.2025).

[2] Шабуров А.В. Понятие средств правового регулирования // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sredstv-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 09.09.2025).

[3] Крипиневиц С.С. Цивилистические и уголовно-процессуальные подходы к определению индивидуального судебного регулирования // Право и политика. 2022. №7. URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/tsivilisticheskie-i-ugolovno-protsessualnye-podhody-k-opredeleniyu-individualnogo-sudebnogo-regulirovaniya (дата обращения: 10.09.2025).

[4] Туменова А.А. К вопросу о понятии индивидуального регулирования правоотношений // Вестник науки и образования. 2017. №3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-individualnogo-regulirovaniya-pravootnosheniy> (дата обращения: 10.09.2025).

[5] Овдиенко Е.Б. К вопросу об индивидуальном судебном регулировании гражданских правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2021. №8 (200). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-individualnom-sudebnom-regulirovanii-grazhdanskih-pravootnosheniy> (дата обращения: 08.09.2025).

[6] Клепикова О.С. Судебный нормоконтроль как способ обеспечения законности в сфере публичного управления // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-normokontrol-kak-sposob-obespecheniya-zakonnosti-v-sfere-publichnogo-upravleniya> (дата обращения: 10.09.2025).

[7] Этина Т.С. Судебное нормотворчество в правовом регулировании и правоприменении // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-normotvorchestvo-v-pravovom-regulirovanii-i-pravoprimenении> (дата обращения: 08.09.2025).

[8] Ковалева В.В. Судебная практика в контексте современного правового регулирования // Юридическая наука. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-v-kontekste-sovremennogo-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 08.09.2025).

[9] Вайпан В.А. Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. - 2024. - № 1. С. 3-29.

[10] Михайлова Е.В. Судебное усмотрение в российском гражданском процессе // Российский судья. - 2023. - № 2. С. 13-17.

References:

[1] Fatal'nikova E.V. Sushchnost' i znachenie pravovogo regulirovaniya v sovremennoi yuridicheskoi nauke // Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-znachenie-pravovogo-regulirovaniya-v-sovremennoy-yuridicheskoy-nauke> (дата обращения: 08.09.2025).

[2] Shaburov A.V. Ponyatie sredstv pravovogo regulirovaniya // Vestnik OMGU. Seriya. Pravo. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sredstv-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 09.09.2025).

[3] Kripinevich S.S. Tsivilisticheskie i ugolovno-protsessual'nye podkhody k opredeleniyu individual'nogo sudebnogo regulirovaniya // Pravo i politika. 2022. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilisticheskie-i-ugolovno-protsessualnye-podhody-k-opredeleniyu-individualnogo-sudebnogo-regulirovaniya> (дата обращения: 10.09.2025).

[4] Tumenova A.A. K voprosu o ponyatii individual'nogo regulirovaniya pravootnoshenii // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2017. №3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-individualnogo-regulirovaniya-pravootnosheniy> (дата обращения: 10.09.2025).

[5] Ovdienko E.B. K voprosu ob individual'nom sudebnom regulirovanii grazhdanskih pravootnoshenii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. №8 (200). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-individualnom-sudebnom-regulirovanii-grazhdanskih-pravootnosheniy> (дата обращения: 08.09.2025).

[6] Klepikova O.S. Sudebnyi normokontrol' kak sposob obespecheniya zakonnosti v sfere publichnogo upravleniya // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-normokontrol-kak-sposob-obespecheniya-zakonnosti-v-sfere-publichnogo-upravleniya> (дата обращения: 10.09.2025).

[7] Ehtina T.S. Sudebnoe normotvorchestvo v pravovom regulirovanii i pravoprimenении // Vestnik OMGU. Seriya. Pravo. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-normotvorchestvo-v-pravovom-regulirovanii-i-pravoprimenении> (дата обращения: 08.09.2025).

[8] Kovaleva V.V. Sudebnaya praktika v kontekste sovremennogo pravovogo regulirovaniya // Yuridicheskaya nauka. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-v-kontekste-sovremennogo-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 08.09.2025).

[9] Vaipan V.A. Istochniki tsifrovogo prava // Vestnik arbitrazhnoi praktiki. - 2024. - № 1. С. 3-29.

[10] Mikhailova E.V. Sudebnoe usmotrenie v rossiiskom grazhdanskom protsesse // Rossiiskii sud'ya. - 2023. - № 2. С. 13-17.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-417-422

ПЛАХОВ Артем Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент
доцент кафедры гражданского
права и общеправовых дисциплин
Среднерусский институт управления -
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РФ, г. Орел),
e-mail: plahov_a@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Владислав Алексеевич,
аспирант кафедры конституционного,
административного и уголовного права
Среднерусский институт управления -
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РФ, г. Орел),
e-mail: dron-farm2018@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу современного состояния и перспективам развития государственно-правового регулирования несостоятельности (банкротства) хозяйствующих субъектов в Российской Федерации. Авторами выделяется несколько проблемных аспектов, отрицательно влияющих на эффективность государственно-правового регулирования данной сферы общественных отношений.

Основные проблемы включают в себя наличие судебного правотворчества и не редко встречающиеся факты толкования норм банкротного права высшими судебными органами, усложненность процедуры установления требований кредиторов в реестре, урезанный состав собрания кредиторов при рассмотрении проекта мирового соглашения, несовершенство механизмов финансового оздоровления и ограниченность доступных процедур для восстановления платежеспособности должника, а так же .

На основе проведенного анализа авторами были предложены конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства, направленные на снижение нагрузки на судебные органы и упрощения процедуры установления требований кредиторов в реестре, оптимизацию состава собрания кредиторов при рассмотрении проекта мирового соглашения, обеспечения гибкости реабилитационных процедур и рационализацию сроков судебного рассмотрения дел. Реализация данных мер позволит сбалансировать интересы кредиторов и должников, способствуя оздоровлению экономики, снижению количества банкротств и повышению эффективности правового института несостоятельности субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: банкротство, индивидуальные предприниматели, несостоятельность, финансовое оздоровление, реабилитационные процедуры, реструктуризация долга, профилактика банкротства, правовое регулирование предпринимательской деятельности, арбитражный управляющий.

PLAKHOV Artem Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department
of Civil Law and General Legal Disciplines
Central Russian Institute of Management - branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
(Russia, Oryol)

VASILYEV Vladislav Alekseevich,
Postgraduate student of the Department of Constitutional,
Administrative and Criminal Law
The Central Russian Institute of Management - branch
of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation
(RF, Oryol)

ON THE ISSUE OF IMPROVING STATE AND LEGAL REGULATION OF THE INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF BUSINESS ENTITIES

Annotation. *This study focuses on analyzing the current state and prospects for the development of state-legal regulation of insolvency (bankruptcy) of business entities in the Russian Federation. The authors identify several problematic aspects that negatively affect the effectiveness of state-legal regulation in this area of public relations.*

The main problems include the presence of judicial lawmaking and the frequent interpretation of bankruptcy law norms by higher judicial bodies, the complexity of the procedure for establishing creditors' claims in the register, the limited composition of the creditors' meeting when considering a draft settlement agreement, the imperfections of financial recovery mechanisms, and the limited availability of procedures for restoring the debtor's solvency.

Based on the analysis, the authors proposed specific recommendations for improving legislation aimed at reducing the burden on the judiciary and simplifying the procedure for establishing creditors' claims in the register, optimizing the composition of the creditors' meeting when considering the draft settlement agreement, ensuring the flexibility of rehabilitation procedures and streamlining the terms of judicial consideration of cases. The implementation of these measures will balance the interests of creditors and debtors, contributing to the recovery of the economy, reducing the number of bankruptcies and increasing the effectiveness of the legal institution of insolvency of business entities.

Key words: *bankruptcy, individual entrepreneurs, insolvency, financial recovery, rehabilitation procedures, debt restructuring, bankruptcy prevention, legal regulation of entrepreneurial activity, arbitration manager.*

Законодательство о банкротстве в современной России находится в постоянном совершенствовании. Только за 2023 год изменения в Закон о банкротстве вносились пять раз, за 2024 год более десяти раз, в 2025 году уже три раза. Помимо этого, сферу банкротства регулирует порядка двух десятков постановлений Пленума ВАС РФ и ВС РФ, информационные письма Президиума ВАС РФ, Обзоры судебной практики [1] и т.д.

По мнению многих исследователей «...имеющиеся в правоприменительной практике противоречия, а также пробелы действующего законодательства о несостоятельности (банкротстве)

юридических лиц вызваны как динамичным развитием данного правового института, так и недостаточной проработанностью и эффективностью действующих норм» [2, с.6].

Высший арбитражный суд создавал по сути правовые нормы посредством принятия постановлений Пленума, например Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 №29 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [3]. Нельзя ни отметить и тот факт, что суды продолжают также «творчески» подходить к действующему закону о банкротстве, фактически, создавая новые нормы права. Несомненно, что это приводит к созданию правовой неопределенности, что негативно сказывается на развитии предпринимательства и экономики в целом.

менно, все это направлено на разрешение множества противоречий, возникающих в связи с разным трактованием законодательных норм.

Исследуя проблемы и возможные пути совершенствования законодательства о банкротстве юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, мы приходим к следующим выводам.

В судебной практике по банкротству суды всё чаще толкуют норму *contra legem* (в переводе с лат. «против закона») исключительно при выявлении пробела, который должен быть преодолен строго на основе принципов права, т.е. это исправление закона судом во имя приведения его в соответствие с объективными целями и принципами права. Иными словами, это прямое полное или частичное опровержение написанного в тексте нормы. В реальности это является не толкованием, а прямым судебным правотворчеством.

Существует немало спорных моментов в практике применения законодательства о банкротстве хозяйствующих субъектов. Вместе с тем, даже после формирования определенной судебной практики по какому-либо вопросу, законодатель не спешит вносить соответствующие изменения в Закон о банкротстве. Полагаем, что нормы, регулирующие очередность удовлетворения страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, а также нормы касающиеся распределения доходов от использования заложенного имущества должны быть закреплены непосредственно в Законе о банкротстве. Например, следует законодательно закрепить норму, в соответствии с которой все расходы по уплате текущих имущественных налоговых обязательств в отношении заложенного имущества при банкротстве залогодателя должны покрываться за счет выручки от продажи данного имущества и только после этого должны производиться расчеты с залоговым кредитором.

Одним из способов снижения нагрузки на суд и упрощения процедуры установления требований кредиторов в реестре, авторы настоящей работы видят в следующем. Зачастую требования кредиторов подтверждены вступившим в законную силу судебным актом. Полагаем, что в таком случае для установления требований в реестре может быть достаточно обращения с надлежащим заявлением к арбитражному управляющему с приложением вступивших в силу решений суда, арбитражного суда, определений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решений третейского суда или иных судебных актов, а также подлинных документов либо их надлежащим образом заверенных копий, подтверждающих обоснованность этих требований. Арбитражный управляющий рассматривает предъявленное требование в течение десяти

рабочих дней. Сведения о результате рассмотрения заявления кредитора подлежат опубликованию в ЕФРСБ в трехдневный срок. Возражения по результатам рассмотрения арбитражным управляющим требования кредитора могут быть заявлены в арбитражный суд кредитором не позднее чем в течение десяти рабочих дней со дня публикации сведений в ЕФРСБ. В таком случае заявление кредитора рассматривается в общем порядке. Таким образом, предлагается внести соответствующие изменения в ст. 71, 100, 142 Закона о банкротстве.

На наш взгляд нуждается в дополнительном правовом регулировании следующий вопрос. В мировом соглашении, как процедуре несостоятельности (банкротства), не участвуют кредиторы по текущим платежам. При этом, если в других процедурах указанные кредиторы имеют более привилегированное положение при погашении своих требований, то в данном случае очевидно нарушение их прав. Для решения данной проблемы предлагается корректировать состав собрания кредиторов при рассмотрении проекта мирового соглашения в целях обеспечения максимального охвата интересов всех кредиторов. К примеру, им может быть вновь избранный представитель кредиторов по текущим обязательствам.

До недавнего времени привлечь к субсидиарной ответственности руководителя или собственника предприятия было практически невозможно из-за сложностей с доказательством их причастности. Потом «политика» поменялась, и решения о привлечении к субсидиарной ответственности стали выносить на раз-два. При этом суды при вынесении судебного акта использовали формальные признаки, глубоко не проводя исследование, действительно ли виноват собственник или руководитель. Из-за такого формального подхода многие боятся заниматься бизнесом или становиться директорами – чуть что, тебя могут привлечь к субсидиарной ответственности. Есть ли эффект от привлечения к субсидиарной ответственности? Вопрос спорный. Например, налоговая отчиталась о том, что привлекла собственника к субсидиарной ответственности на 100 млн рублей, но никто не разбирается, а взысканы ли эти деньги или нет. На практике часто происходит так, что взыскать к тому времени с собственника нечего, и арбитражный управляющий в итоге продает этот долг или активы за 10 тыс. рублей (потому что за большую сумму его просто никто не берет) и дело заканчивается. Бывает даже так, что покупают эти лоты аффилированные с должником лица или он сам, законом это не запрещено. В итоге – круг замкнулся, собственник или руководитель остался при своем, кредиторы – ни

с чем. В связи с этим требуются изменения законодательства, способствующие пресечению подобного рода ситуаций и повышению эффективности мер по привлечению к субсидиарной ответственности собственников или руководителей.

Необходимо упростить реестр требований кредиторов. Действующий реестр сложный. Да, его задача – повысить прозрачность работы арбитражного управляющего, но это стремление к прозрачности доведено до абсурда. Можно, в частности, предложить к примеру, убрать из реестров данные физических лиц. Потому что там адреса, фамилии и прочее – все это нарушает нормы закона о персональных данных и может быть поводом для привлечения к ответственности арбитражного управляющего.

Также необходимо менять механизмы «оздоровления» предприятий. Действующая сегодня процедура внешнего управления неэффективна. Ну, к примеру, какой из собственников предприятия, попавшего в кризисную ситуацию, начнет дополнительно в него инвестировать, понимая, что в случае чего, согласно регламенту, его вложения вернут ему в последнюю очередь, после всех кредиторов.

Одной из эффективных процедур, направленных на улучшение финансового положения предприятия, находящегося под угрозой банкротства является санация. Санация предприятия представляет собой хорошую инициативу, оставляя вопрос лишь в том, откуда брать деньги на её осуществление. Рассчитывать, что откуда-то возьмётся богатый арбитражный управляющий или инвестор и все оплатит – просто глупо., поскольку на практике так не происходит. Поэтому вопрос привлечения финансовых ресурсов в процедурах санации требует дополнительной проработки, возможно и обращение к иностранному опыту. Потому как, к примеру, в лондонской модели банкротства возможно провести процедуру санации даже не запуская процедуру неплатежеспособности.

Банкротство в России должно уйти от ликвидационной направленности. Экономике, бизнесу нужны процедуры оздоровления. На практике нередко случается, что предприятие-должника вполне можно спасти, поскольку оно попало в сложную ситуацию случайно. Предприятие работает, у него все мощности были загружены, имеется много заказов. Но из-за того, что его вовремя не перекредитовали, завод попал в долги и его обанкротили.

Такие предприятия, конечно, надо спасать. Но нужен кто-то, кто бы это профинансировал. У собственника их нет, в крупных банках – тоже,

потому что активы находятся в залоге у других банков. На наш взгляд, только государство может помочь в такой ситуации: дать субсидии, кредиты, наконец, просто выкупить предприятие. Возможно, должен быть создан некий фонд финансового оздоровления, который мог подотчетно выдавать такие деньги. Санировать надо что-то стратегически важное и действительно жизнеспособное.

Нельзя обойти стороной вопрос, интересующий всех арбитражных управляющих. Фиксированный размер вознаграждения арбитражного управляющего не увеличивался с 2020 года. Вместе с тем, имеет место ряд изменений в законодательстве о банкротстве, которые делают работу арбитражного управляющего менее привлекательной. Так в конце 2015 года ужесточили ответственность арбитражных управляющих – теперь за повторные нарушения их дисквалифицируют. Ограничили вознаграждение временного управляющего в части процентов суммой в 60 тысяч рублей [4].

Повысили минимальный размер компенсационного фонда СРО и максимальный размер выплаты из него. По статистике арбитражные управляющие получают только около половины начисленного им вознаграждения, за 2025 год в среднем на одно дело заработали на 6% меньше, чем в 2024 году¹.

Кроме того, сравнительно недавно Государственная дума рассматривала законопроект об уменьшении в 4 раза суммы процентов по вознаграждению при погашении требований кредиторов, обеспеченных залогом имущества должника, а при оставлении предмета залога за собой – в 8 раз. Полагаем, что подобного рода законопроекты могут ухудшить финансовое положение арбитражных управляющих, вознаграждение управляющих может уменьшиться в несколько раз, а это может сказаться на качестве их работы, ведь у них в некотором смысле - исчезнет стимул. Таким образом, можно высказать мнение о том, что при таких высоких профессиональных рисках (убытки, дисквалификация), и при таких объемах работы (поиск активов должника, ведение дела о банкротстве в суде, взаимодействие с государственными органами и кредиторами и т.д.) было бы справедливо внести изменения в п.3 статьи 20.6 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ [4] и увеличить фиксированную часть вознаграждения арбитражного управляющего с учетом инфляции за период с 2020 года по настоящее время, кото-

¹ Эффективность банкротства упала по трем основным критериям [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/74bab8bd-08e2-44c9-9b30-00f71c05c9c1>.

рая по официальным данным Росстата за этот период составила порядка 50%. Размер фиксированной суммы такого вознаграждения предлагается установить для:

временного и конкурсного управляющего – 45000 рублей в месяц;

административного управляющего - 22500 рублей в месяц;

внешнего управляющего - 67500 рублей в месяц;

финансового управляющего - 37500 рублей единовременно за проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве.

Кроме того, можно предложить более кардинальные изменения в систему оплаты труда арбитражного управляющего.

Во-первых, привязать ежемесячное вознаграждение к средней заработной плате в регионе.

Во-вторых, установить, что в ежемесячный платёж входит минимум услуг в течении установленного срока проведения процедуры, предусмотренных дополнительными услугами, оплачиваемые по прейскуранту, установленному СРО или коллегиальным органом. К таким дополнительным услугам следовало бы отнести рассмотрение требований кредиторов, обжалование сделок должника, привлечение к субсидиарной ответственности, проведение более одного собрания кредиторов в квартал, оценку имущества должника, подготовку заключений и отчетов, не предусмотренных законодательством.

Третьей частью вознаграждения должно стать вознаграждение по результатам деятельности, здесь тоже считаем необходимым скорректировать проценты получаемые арбитражным управляющим в зависимости от затрат и усилий.

В качестве еще одной меры, направленной на совершенствование законодательства о банкротстве, в частности во избежание нарушения прав кредиторов в ходе процедуры внешнего управления, предлагается дополнить п. 2 ст. 99 Закона о банкротстве путем внесения обязанности для внешнего управляющего представлять промежуточные отчеты о своей деятельности кредиторам не реже одного раза в три месяца.

Полагаем, что порядок представления отчета внешнего управляющего, предусмотренный п. 1 ст. 117 Закона о банкротстве с учетом продолжительности внешнего управления не позволяет кредиторам в полной мере владеть информацией о ходе процедуры, действиях управляющего, а также полноте и действенности мер, предпринимаемых для восстановления платежеспособности должника. Представление промежуточного отчета позволит избежать затягивания процедуры внешнего управления, позволит

вовремя выявить основания для досрочного прекращения внешнего управления и перехода в конкурсное производство.

Рассматриваемый ныне законопроект о внесении изменений в Закон о банкротстве кардинально меняет существовавший до этого более 20 лет институт несостоятельности [5].

В настоящее время законопроект о реформе банкротства проходит финальные согласования и по мнению главы Минэкономразвития до конца года он поступит в Госдуму.

Данный законопроект (№1172553-7) [5] находится в Госдуме уже с мая 2021 года, однако до сих пор не был рассмотрен даже в первом чтении по причине различных разногласий, вызванных лоббированием своих интересов крупнейшими российскими банками.

Авторы законопроекта декларируют, что вносимые поправки направлены на повышение эффективности процедур банкротства и расширение возможности применения реабилитационных механизмов в отношении должников.

Однако некоторые правоведы считают, что рассматриваемый законопроект не способен изменить ликвидационную направленность банкротства на восстановительную, носит максимально разрушительный характер как бизнеса должников, так и самой экосистемы банкротства, нивелирует права добросовестных кредиторов и направлен на формирование новых коррупционных механизмов влияния на процедуры банкротства.

Дополнительно стоит отметить, подразумевается достаточно короткий переходный период с выведением многих процессов на подзаконный уровень регулирования Минэкономразвития РФ, не внося изменения в иные законодательные акты.

Однако, стоит опять же отметить, при сложившейся ситуации и неактуальных изменениях в предложенном законопроекте Минэкономразвития РФ десятилетиями не может отрегулировать важные для процедур банкротства процессы. Например вопросы страхования арбитражных управляющих, который достиг неразумных пределов, взыскания убытков, вознаграждения арбитражного управляющего.

В заключении стоит отметить, что реализация данного законопроекта в представленной редакции способна привести к существенным негативным последствиям: ограничению объемов кредитования экономики, а также снижению темпов деофшоризации экономики за счет ухода части бизнеса в иностранные юрисдикции, поскольку ряд дел могут быть перенесены в суды иностранной юрисдикции. Кроме того, с нашей

точки зрения, необходимо создавать новую концепцию законодательного регулирования банкротства, соблюдая и продвигая принцип наименьшего регуляторного воздействия. Вышеназванные аргументы и систематизация позиций авторов приводят так же к выводам о том, что назрела необходимость кодификации законодательства в сфере банкротного права.

Список литературы:

[1] Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - №7. - июль, 2025.

[2] Сабанина Н.О., Ермаков Д.С., Попов С.А. — К вопросу о совершенствовании законодательства, регулирующего процедуру банкротства юридических лиц // Юридические исследования. — 2022. — № 6.

[3] Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 №29 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Хозяйство и право. - №2. — 2005.

[4] Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2025) // Российская газета. - №209-210. - 02.11.2002.

[5] Законопроект № 1172553-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоя-

тельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части реформирования института банкротства) (зарегистрирован и направлен Председателю Государственной Думы 17.05.2021 г.)

References:

[1] Obzor sudebnoj praktiki razresheniya sporov o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) za 2024 god» (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 25.04.2025) // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. - №7. - iyul', 2025.

[2] Sabanina N.O., Ermakov D.S., Popov S.A. — K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva, reguliruyushchego proceduru bankrotstva yuridicheskikh lic // YUridicheskie issledovaniya. — 2022. — № 6.

[3] Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 15.12.2004 №29 (red. ot 17.12.2024) «O nekotorykh voprosakh praktiki primeneniya Federal'nogo zakona «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» // Hozyajstvo i pravo. - №2. — 2005.

[4] Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 №127-FZ (red. ot 31.07.2025) «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.08.2025) // Rossijskaya gazeta. - №209-210. - 02.11.2002.

[5] Zakonoproekt № 1172553-7 O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (v chasti reformirovaniya instituta bankrotstva) (zaregistrirovan i napravljen Predsedatelyu Gosudarstvennoj Dumy 17.05.2021 g.)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-423-430

ДОБРОВИНСКАЯ Алла Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общей юриспруденции
Российского Государственного
Социального Университета,
e-mail: Alla-dobro@list.ru

МЕХАНИЗМ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье анализируется механизм частноправового регулирования имущественной ответственности. При этом особенности механизма частноправового регулирования выявляются с учетом основных доктринальных подходов как советского, так и современного периода к понятию и основным функциям механизма правового регулирования в российской правовой системе.

Ключевые слова: механизм частноправового регулирования, механизм правового регулирования, имущественная ответственность, обеспечение правопорядка, правовое регулирование, общественные отношения, норма права, юридический факт, правоприменительный акт.

DOBROVINSKAYA Alla Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of General Jurisprudence Russian
State Social University

MECHANISM OF PRIVATE LAW REGULATION OF PROPERTY LIABILITY

Annotation. The article analyzes the mechanism of private law regulation of property liability. At the same time, the features of the mechanism of private law regulation are revealed taking into account the main doctrinal approaches of both the Soviet and modern periods to the concept and main functions of the mechanism of legal regulation in the Russian legal system.

Key words: mechanism of private law regulation, mechanism of legal regulation, property liability, law enforcement, legal regulation, public relations, rule of law, legal fact, law enforcement act.

Актуальность выбранной темы определяется, во-первых, разностью дискуссионных теоретических взглядов на данную правовую категорию, а во-вторых, практической значимостью воздействия правовых средств на имущественные отношения.

Прежде чем выявлять особенности частноправового механизма регулирования имущественной ответственности необходимо рассмотреть традиционные доктринальные подходы к механизму правового регулирования.

Механизм правового регулирования является базовой правовой категорией, которая в современной цивилистической науке права определяется как своей значимостью, так и разностью подходов. Данная категория носит фундаменталь-

ный характер для частноправовых отношений, так как в качестве их объекта выступают регулятивно-охранительные отношения.

Так, внимание научного сообщества данное понятие, как исследовательская задача, начало привлекать еще в 70-х годах прошлого столетия [1]. Это обстоятельство связано с тем, что именно «механизм» как фундамент правового регулирования, позволяет объединить правовые понятия с целью функционирования самой системы права. Он позволяет развивать теорию правового регулирования, современные юридические практики и выявлять трудности формирования правового регулирования той или иной области права посредством выявления проблем, включая сферу права, регулирующую различные области обще-

ственных отношений и складывающиеся на разных этапах государственности, включая современный период развития общества и права.

Стоит отметить, что само понятие «механизм» обуславливается через систему, определяющую непосредственным образом порядок осуществления вида деятельности, к которому он имеет отношение [24].

И хотя слово «механизм» часто употребляется в точных науках и науках гуманитарной направленности (например, в психологии и т.д.), по мнению автора данный термин, в рассматриваемом контексте, следует отделять от механической сферы его применения. Он непосредственным образом применим к социальной и правовой сфере, но имеет существенное отличие, заключающееся в том, что в правовом смысле «механизм», как понятие используется для обобщения характеристики системы правового регулирования российской системы права.

В то же время, категория «механизм» в юридической литературе употребляется не всегда оправданно или не достаточно обоснованно. Например, И.И. Мушкет в своей работе [21], указывает на техническое значение понятия, делая ссылку, что в основе механизма лежит «совокупность искусственных подвижно соединенных тел (звеньев), совершающих заданные движения» [21], в дальнейшем переходя по аналогии к механизму, действующему в социальной системе. Что является в большей степени не безупречным, т.к. такой подход обобщает механическое воздействие с социальным, а это вносит некоторую неясность в понятийный аппарат.

Для наиболее полного понимания механизма правового регулирования, не только относящегося к имущественной ответственности, но и понимания его в целом, стоит также указать на то, что само понятие «механизм», употребляется в юриспруденции также в различных аспектах [7].

Поэтому для выработки понятия механизма частноправового регулирования имущественной ответственности и выявления его сущности, необходимо определить само понятие и сущность механизма правового регулирования.

Как отмечает Н.Н. Тарасов, теоретико-правовые основы понятия механизма правового регулирования в российской юриспруденции формировалась в два этапа [28]. Ученый к первому этапу относит, прежде всего, сознание теоретической основы для идеи правового регулирования, а ко второму этапу уже относит саму разработку понятия «механизм правового регулирования» [28]. Необходимо согласиться с данным мнением ученого. Представляется, что формирование понятия «механизма правового регулирования»,

было бы не состоятельным в отрыве от понятия «правовое регулирование». Данные понятия теснейшим образом взаимосвязаны.

В специальной литературе имеются различные определения «правового регулирования».

Так, например, В.М. Горшенев, давая обобщенное определение данной категории, отмечает, что правовое регулирование выражается в комплексном воздействии государства на поведение участников общественных отношений, направленное на обеспечение правопорядка в интересах общества [12].

Б.В. Шейндлин указывает, что этот процесс включает различные формы юридического воздействия, начиная с издания норм права и заканчивая применением принудительной силы государственного аппарата для обеспечения их реализации [32].

По мнению А. Б. Венгерова, правовое регулирование означает наделение участников общественных отношений правомочиями, обязанностями и ответственностью, а также установление дозволений, запретов и управомочий для их реализации. Это превращает участников общественных отношений в субъектов правовых отношений [33].

Согласно замечанию А. В. Полякова, оно имеет в своей составляющей несколько смысловых значений: телеологическое и функциональное. Если в первом случае оно выражается через текстуальное, то во втором - ориентацию поведения субъектов правовой коммуникации на нормативные условия [34].

Следует также указать на позицию Ю.А. Тихомирова, согласно которому правовое регулирование является институциональным и познавательным механизмом установления нормативно-юридических правил поведения или деятельности, их обеспечения и реализации [35]. Это определение включает цели и предмет правового регулирования, субъекты и объекты регулирования, процесс и стадии регулирования, способы регулирования, результаты и новый цикл регулирования.

Признавая научный вклад данных ученых в развитие понятия правового регулирования, имеется необходимость отметить, что понятие «регулирование» происходит от латинского слова «regulare» (правило), что означает упорядочение, приведение в порядок, налаживание [25]. В широком смысле оно трактуется, как упорядочение, систематизация и взаимодействие различных явлений. Сам процесс регулирования имеет определенную последовательность действий, где каждая стадия следует после завершения (выполнения) предыдущей [24].

По мнению автора, правовое регулирование упорядочивает общественные отношения, которые при регуляции их нормами права с использованием юридических средств становятся правоотношениями.

Такие правоотношения, урегулированные нормами права, возникают между лицами участвующими в них и связанными друг с другом нормативными актами, договорами и обычаями.

Собственно говоря, правовое регулирование выполняет регулятивную функцию, позволяющую конкретизировать правовые нормы для наиболее эффективного их применения.

Посредством юридической формализации, являющейся этапом правового регулирования, происходит правовая регламентация модели публично правовых и частноправовых отношений.

В дальнейшем правовое регулирование приобретало как по своему содержанию, так и своей направленности различное значение, основанное на восприятии общественных отношений, которые подлежали регуляции посредством правовых норм.

Поэтому в правовом регулировании единовременно сочетаются, как статика, так и динамика. И, хотя, концептуальные понятия на разных этапах развития общественных отношений отсутствовали, это не мешало государству осуществлять правовое регулирование с применением механизма его реализации.

Вместе с правовыми институтами развивалось правовое регулирование имущественной ответственности. При этом, в своем развитии претерпевало качественные изменения, зависящие от зрелости общественных отношений, находящихся во взаимосвязи и взаимодействии с правом в разные периоды развития государственности.

Правовое регулирование имущественной ответственности в частном праве, выполняет функцию регуляции частноправовых отношений.

Правоотношения, складывающиеся в сфере частного права, в обобщенном виде составляют объект воздействия регулятивной функции, с учетом влияния на них имущественной ответственности. Например, регулятивная функция данного вида ответственности выражается в наложении определенных санкций за несоблюдение принятых на себя субъектом правоотношений обязанностей, а также в защите прав участников таких правоотношений посредством применения к правонарушителю мер ответственности.

Соответственно, правовое регулирование имущественной ответственности направлено на регулирование правомерного поведения его участников, подразумевая возможность нарушения обязательств одной из сторон, что позволяет

дисциплинировать их участников, под влиянием возможного наступления санкций, если обязательства одной из сторон будут нарушены.

Правовому регулированию имущественной ответственности, как виду юридической ответственности, присущи функции правового регулирования в целом: регулятивная и охранительная.

Для анализа самого механизма частноправового регулирования имущественной ответственности, необходимо рассмотреть охранительную функцию правового регулирования.

Так, В.В. Бутнев указывал, на то, что правовое регулирование это форма воздействия, с помощью, которой проистекает влияние на социальные связи. Данное воздействие направлено на определение конкретных прав и обязанностей субъектов, которые в своем содержании имеют конкретные предписания о должном и возможном [8].

Признавая справедливое замечание В.В. Бутнева, важно отметить, что значение правового регулирования в частном праве таково, что без него не возможна не только правовая охрана и защита, но и ответственность субъекта в случае нарушения им установленных частноправовыми нормами правил поведения субъектов гражданского оборота. Это продиктовано тем, что охранительная функция частноправового регулирования, обуславливается правовым воздействием, которое направлено на охрану и защиту частных интересов.

С.С. Алексеев определяя охранительную функцию, удостоверял, что она фактически направлена на вытеснение и ликвидацию отношений не соответствующих требованиям экономического базиса [1].

Соответственно, воздействие правового регулирования на общественные отношения является одной из важных характеристик этого явления. Если регулятивная функция правового регулирования имущественной ответственности (в смысле недопущения возможности нарушения законных прав), направлена на позитивное поведение субъектов правоотношений, то охранительная функция данного регулирования направлена на поведение участников при возникновении между ними конфликта. В этом случае ответственность в частном праве приобретает возможность реального воплощения и применения санкций к определенным субъектам, совершившим правонарушение.

Регулятивная и охранительная функции частноправового регулирования находятся в устойчивой связи, т.к. охранная функция призвана защищать (охранять) регулятивные нормы. Поэтому без такой устойчивой связи охранительная

функция частнопроводного регулирования утрачивает свое значение. В полной мере это относится к частнопроводному регулированию имущественной ответственности.

Более того, защита гражданских прав и интересов посредством применения норм об имущественной ответственности возможна лишь при реализации охранительной функции частного права, которое призвано не только регулировать, но и защищать наиболее значимые и важные отношения, имущественного характера. Это означает, что данная защита возможна с использованием норм об имущественной ответственности, установленных в соответствии с действующими нормативными актами и договорами для субъектов частнопроводных отношений.

Поскольку ответственность в частном праве имеет ярко выраженный имущественный компенсационно-восстановительный характер, связанный с ненадлежащим исполнением, либо неисполнением договорных обязательств, то ее правовое регулирование в своей основе имеет компенсационно-восстановительную функцию и превентивную функцию.

Таким образом, регулятивная функция правового регулирования имущественной ответственности выражается в совокупности частнопроводных норм, позволяющих воздействовать на общественные отношения и упорядочивать их, в случае совершения правонарушений, а также устанавливающая, либо предоставляющая возможность воздействовать в порядке предусмотренном нормативно-правовыми актами, договорами на определенного субъекта соответствующими санкциями (убытки, неустойка, проценты за пользование чужими денежными средствами и пр.), направленными на восстановление нарушенных прав и законных интересов.

Охранительная функция правового регулирования имущественной ответственности выражается в укреплении законности и обеспечении правопорядка в частнопроводной сфере, включающей в себя юридические средства защиты прав и законных интересов.

Соответственно, неотвратимость наступления имущественной ответственности может быть обеспечена только посредством взаимодействия регулятивной и охранительной функций, что присуще правовому регулированию в целом. Данная ответственность возникает в силу нормативно-правового и договорного регулирования и может быть реализована только при необходимости применения мер принуждения, вызванных наличием правовых и фактических оснований, указывающих на правонарушение в частнопроводной сфере. Только при таком взаимодействии

данных функций возможно использование иных функций правового регулирования имущественной ответственности, а именно предупредительной и воспитательной.

Таким образом, правовое регулирование имущественной ответственности – это совокупность правовых норм, предусматривающих ответственность сторон в сфере частнопроводных отношений регулируемых нормами частного права, и позволяющая воздействовать и упорядочивать их, выполняя регулятивную и охранительную функции, направленные на восстановление нарушенных прав и интересов субъектов частного права.

Имея свое самостоятельное значение категории «частнопроводное регулирование», «частнопроводное регулирование имущественной ответственности», в то же время встраиваются в смысловое значение «механизма правового регулирования». Исходя из использования в настоящей работе дедуктивной логики, как метода базирующегося на направлении от общего к частному, необходимо провести сначала анализ общедоктринального понятия «механизма правового регулирования».

Стоит указать, что одним из первых ученых, который вывел на доктринальный уровень понятие «механизма правового регулирования», был С.С. Алексеев [1]. Причем данный ученый подходит к формулированию понятия «механизма правового регулирования» постепенно. Используя системный подход при рассмотрении такой категории как «правовое регулирование», С.С. Алексеев приходит к выводу, что в основе механизма действия права лежит социальный подход [2].

Ученым было указано на то, что категория «механизма правового регулирования» позволяет объединить явления правовой действительности, которые связаны с разрешением жизненных ситуаций, и представить их в виде работающей и системно воздействующей целостности [1].

Его работа раскрывает значение механизма правового регулирования как инструмента для обеспечения правопорядка и стабильности в обществе [4]. Им также указывается, что правовые нормы характеризуют единый функционально согласованный механизм правового регулирования [1].

Определяя содержание механизма правового регулирования, С.С. Алексеев исходит из институционального подхода, уделяя особое внимание материально-правовому аспекту. По мнению, данного автора, в составляющую механизма правового регулирования, помимо правовых норм и их применения, также подлежат включению: правоотношения, правовая культура и правосознание. Институциональный метод, позволил ему

сделать вывод о том, что в состав механизма правового регулирования включаются также иные элементы, такие как предоставление права, возложение обязанностей, угроза применения мер принуждения [1]. Данный вывод позволяет заключить, что ученый при исследовании содержания механизма правового регулирования выделял методологический аспект.

Представляется, что именно работы С.С. Алексеева, способствовали развитию научной мысли и образованию доктринальных основ для развития понятия механизма правового регулирования. Ученый, взяв за основу единство системы правовых средств [3], заложил основание для господствующего в правовой доктрине понятия механизма правового регулирования, как системы юридических средств регулирования общественных отношений [29].

Так, например, для приверженцев инструментальной теории права, характерно то, что они рассматривают данный механизм как объективированный и системно-организованный на юридическом уровне, который содержит в себе комплекс средств, являющихся необходимым и достаточным условием для воплощения обозначенной цели или их совокупности [31].

Другие ученые, указывают на такие традиционные элементы механизма правового регулирования, как способы реализации права: дозволение, запрет и предписание [12]. Некоторые из них выделяют такие способы воздействия, при регулировании социальных отношений, как поощрения [26], что в значительной мере приводит к расширению, как понятия, так и содержания механизма правового регулирования.

Согласно А.В. Мелехина, механизм правового регулирования является системой правовых и организованных средств, созданный для «преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [19].

Думается, что, данный механизм, имеет целью не только удовлетворение интересов субъектов права, а, прежде всего, он ориентирован на реально значимый интерес. Когда такой интерес приобретает обязывающее значение, за которым уже стоит принудительный авторитет власти.

В правовой доктрине под категорией «интересы» понимают материальные, социальные, духовные ценности, которые побуждают субъекта вступать в общественные отношения [25]. Например, А.В. Малько полагает, что интерес является отражением в объективном праве и в определенной степени дозволение государства, «выражающееся в стремлении субъекта пользоваться конкретным социальным благом» [18].

Так, например, еще С.С. Алексеев отмечал, что существование субъективного права обусловлено наличием интереса, который необходим для самого существования права [3].

Суть субъективных прав заключается в том, что они являются инструментом реализации интересов и потребностей субъекта. При этом, объем и пределы прав и обязанностей для каждого субъекта правоотношений, всегда определяются их интересами (законными интересами), которые государство в определенном их объеме призвано защищать. Важным является то, чтобы субъект действовал надлежащим образом, проявляя свободу в своем выборе, которая является волевым актом его поведения.

При этом, В.С. Нерсисянц, в общем, выражая общепризнанное представление о праве, определяет следующие принципиальные подходы к праву с точки зрения свободы: оно выражается во всеобщем масштабе и равной мере свободы индивида» [22]. Право, как по сущности, так и по своему понятию является формой свободы в реальных отношениях, мерой данной свободы, формой бытия свободы, формальной свободой. Данные категории не только исторически установлены, но и обусловлены объективно.

Поэтому право, как и реализация его через механизм правового регулирования, является цивилизованной формой организации и закрепления свободы субъектов в обществе. В связи с этим право устанавливает границы юридически возможной деятельности субъектов, ограничивая их действия в целях защиты частных, общественных и публичных интересов.

С учетом механизма правового регулирования, предоставляя субъектам необходимую свободу действий для достижения их интересов, государство также устанавливает их пределы, располагая властными полномочиями.

Так, например, С.А. Карелиной отмечается, что механизм правового регулирования является системой средств правового регулирования, с помощью которых государством реализуется «эффективное правовое воздействие на общественные отношения и достижение социально значимых целей» [14].

Стоит, в целом, согласиться с данной точкой зрения, при этом отдельно отметить, что в отношении социально значимых целей заключаемых в соблюдение всеми субъектами требований законодательства, которое очерчивает, в том числе, границы реализации их собственных прав, является необходимым условием способствующим укреплению демократических начал организации и деятельности всего общества.

Важнейшим критерием, определяющим пределы гражданских прав, является требование,

согласно которому, осуществление данных прав - должно соответствовать их назначению. Под назначением права понимаются те цели, ради которых субъективные права признаются за участниками гражданских правоотношений, а понятие «назначение права» отражает принцип сочетания общественных интересов и частных.

Поэтому законодатель, использующий механизм правового регулирования, вводит правовую регламентацию, направленную на службу обществу.

Данный механизм, в первую очередь, направлен на защиту социально-значимого интереса.

Для обеспечения интересов субъектов, исследуемый механизм способствует плодотворному развитию общественных отношений.

Механизм правового регулирования позволяет построить специальную правовую модель, позволяющую вырабатывать необходимые условия для достижения баланса общественного, публичного и частного интереса, он основывается на категории «справедливость», которая еще с античных времен являлась наивысшим достоинством (ценностью) государства [6].

Таким образом, механизм правового регулирования призван регулировать реализацию законных и юридически значимых интересов.

А.П. Шергин, который обобщил разные точки зрения на понимание механизма правового регулирования, не случайно, указал на то, что вне зависимости от отраслевой принадлежности, научные деятели, обоснованно указывают на базовый набор, который составляет понятие механизма правового регулирования. Данный ученый приходит к выводу, что такие составляющие являют собой единое понимание исследуемого понятия, вне зависимости от отрасли права [30]. Он отмечает, что получая, своего рода отраслевую окраску данное понятие, лишь наполняется предметным содержанием [30].

Основываясь на вышеизложенном, представляется, что под механизмом правового регулирования следует понимать единую систему правовых и организационных средств, применение и использование которых позволяет обеспечить юридическое воздействие на общественные отношения с целью реализации и защиты прав, законных и юридически значимых интересов и соблюдения обязанностей, позволяющий вырабатывать необходимые условия для достижения баланса общественного, публичного и частного интереса, посредством применения правовых норм в установленном законом порядке.

Таким образом, данный механизм в своей основе имеет комплекс взаимосвязанных правовых последовательно-выстроенных структурных

звеньев, объединенных в единую систему в целях воздействия на общественные отношения. Не является исключением частноправовой механизм регулирования имущественной ответственности.

С учетом того, что механизм правового регулирования является обобщающим и системообразующим понятием, образующим не только систему нормативно-правовых актов, но посредством которого, учитываются и могут быть осуществлены возможности и способы их реализации для надлежащего функционирования правовой системы, в своей основе он содержит совокупность правовых состояний и процессов, в отношении, которых законодателем выработаны определенные меры воздействия на субъектов правоотношений, что находит отражение в механизме частноправового регулирования имущественной ответственности.

Являясь системой, данный механизм основан на последовательно-выстроенных структурных звеньях (элементах), которыми в случае частноправового регулирования имущественной ответственности, по мнению автора являются: норма права, юридический факт, правоотношение возникшие в частноправовой сфере, акт реализации права, правоприменительный акт.

Таким образом механизм частноправового регулирования имущественной ответственности в своем теоретическом понимании представлен инструментальной конструкцией, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных средств.

Список литературы:

- [1] Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва : Юрид. лит., 1966. ;
- [2] Алексеев С.С. Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск: Б. и., 1972. Т. 1.
- [3] Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982.
- [4] Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. — М., 1999.
- [5] Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2008.
- [6] Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук:12.00.03 Москва. 2014 г.
- [7] Босхомджиева Г.Г. Конституционно-правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007

- [8] Бутнев В.В. Понятие механизма защиты субъективных прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990.
- [9] Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. - Москва : Юрид. лит., 1976;
- [10] Витрук Н.В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан // Конституционный статус личности в СССР. М., 1980.
- [11] Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций / Отв. ред. проф. О.Н. Садиков. М., 2001.
- [12] Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.
- [13] Дюрягин И.Я. Право и управление. М., 1981
- [14] Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03 . Москва, 2008.
- [15] Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986;
- [16] Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973;
- [17] Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность. М., 1987;
- [18] Малько А.В. Проблемы законных интересов // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2002.
- [19] Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Маркет ДС, 2009.
- [20] Миролюбова С.Ю. Право на свободу передвижения в пределах Российской Федерации: конституционно-правовой аспект. М.: Статут, 2013.
- [21] Мушкет И.И. Полиция в механизме Российского государства (историко-теоретическое исследование): Дис. ... к.ю.н. СПб., 1997
- [22] Нерсисянц В.С. Философия права, М.: Норма, 2000. С. 32-38.
- [23] Нурпеисов Е.К. Механизм формирования правомерного поведения личности. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1980.
- [24] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983, с. 748.
- [25] Общая теория государства и права. Академ. курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. М., 2007.
- [26] Пронина М.Г. Обеспечение исполнения норм гражданского права. Минск, 1974. С. 35.; Решетов Ю.С. Механизм реализации советского права. М., 1986. С. 41.; Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления. М., 1987.
- [27] Пучкова М.В. Нормативные акты Совета Министров союзной республики в механизме реализации конституционных прав граждан // Сов. государство и право. 1985. N 3
- [28] Тарасов Н.Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. N 5.
- [29] Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М.: Статут, 2017. 176.
- [30] Шергин А.П. К концепции механизма административно-правового регулирования // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. - М., 2003.
- [31] Шундилов К.В. Правовые механизмы: основы теории //Государство и право. 2006. N 12.
- [32] Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. С. 110.
- [33] Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов. – М.: Высшая школа, 1998. – 704 с. С. 466.
- [34] Поляков А.В. Общая теория права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 611.
- [35] Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Российское правотворческое о-во. - Москва : Формула права, 2010. С. 27.

References:

- [1] Alekseev S. S. Mechanism of legal regulation in a socialist state. Moscow: Jurid. lit., 1966.;
- [2] Alekseev S.S. Problems of the theory of law: in 2 vols. Sverdlovsk: B. I., 1972. VOL. 1.
- [3] Alekseev S.S. General theory of law. VOL. 2. M.: Legal literature, 1982.
- [4] Alekseev S.S. Law. Comprehensive research experience. - M., 1999.
- [5] Alekseev S.S. General theory of law: Textbook. 2nd ed., Revised and add. M.: TC Welby; Prospect, 2008.
- [6] Bogdanov D.E. Justice as the main beginning of civil liability in Russian and foreign law. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law: 12.00.03 Moscow. 2014.
- [7] Boskhomdzheva G.G. Constitutional and legal mechanism for ensuring personal rights and freedoms of man and citizen in the constituent entities of the Russian Federation: Author. dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 2007
- [8] V.V. Butnev. The concept of a mechanism for protecting subjective rights//Mechanism for protecting subjective civil rights. Yaroslavl, 1990.

- [9] Vasiliev A.M. Legal categories. Methodological aspects of the development of a system of categories of legal theory. - Moscow: Jurid. lit., 1976;
- [10] Vitruk N.V. Social and legal mechanism for the implementation of constitutional rights and freedoms of citizens//Constitutional status of the individual in the USSR. M., 1980.
- [11] Civil law of Russia. General part: Course of lectures/Rev. ed. Prof. O.N. Sadikov. M., 2001.
- [12] Gorshenev V.M. Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society. M., 1972.
- [13] Dyuryagin I.Ya. Law and management. M., 1981
- [14] Karelina S.A. Mechanism of legal regulation of insolvency (bankruptcy) relations: abstract dis.... Doctor of Law: 12.00.03. Moscow, 2008.
- [15] Kudryavtsev V.N. Law, act, responsibility. M., 1986;
- [16] Lukasheva E.A. Socialist legal consciousness and legality. M., 1973;
- [17] Lukasheva E.A. Socialist law and personality. M., 1987;
- [18] Malko A.V. Problems of legitimate interests//Problems of the theory of state and law/Ed. M.N. Marchenko. M., 2002.
- [19] Melekhin A.V. Theory of State and Law: Textbook. 2nd ed., Revised and add. M.: Market DS, 2009.
- [20] Mirolyubova S.Yu. The right to freedom of movement within the Russian Federation: constitutional and legal aspect. M.: Statute, 2013.
- [21] Musket I.I. Police in the mechanism of the Russian state (historical and theoretical research): Dis.... Ph.D. St. Petersburg, 1997
- [22] Nersesyants B.C. Philosophy of Law, M.: Norma, 2000. S. 32-38.
- [23] Nurpeisov E.K. Mechanism of formation of legitimate personality behavior. Autoref. dis. cand. jurid. sciences. M., 1980.
- [24] Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M.: Russian language, 1983, p. 748.
- [25] General theory of state and law. Academ. course in three volumes/Rev. ed. M.N. Marchenko. VOL. 3. M., 2007.
- [26] Pronina M.G. Enforcement of Civil Law. Minsk, 1974. S. 35.; Reshetov Yu.S. Mechanism for the implementation of Soviet law. M., 1986. S. 41.; Kurashvili B.P. An essay on the theory of public administration. M., 1987.
- [27] Puchkova M.V. Normative acts of the Council of Ministers of the Union Republic in the mechanism for the implementation of the constitutional rights of citizens//Owls. state and law. 1985. N 3
- [28] Tarasov N.N. The mechanism of legal regulation: the formation of the concept//Russian legal journal. 2020. N 5.
- [29] D.I. Tekutyev. Legal mechanism for improving the efficiency of the activities of members of the corporation's governing bodies. M.: Statute, 2017. 176.
- [30] Shergin A.P. To the concept of the mechanism of administrative and legal regulation//Actual problems of administrative and administrative procedural law. - M., 2003.
- [31] Shundikov K.V. Legal mechanisms: fundamentals of theory//State and law. 2006. N 12.
- [32] Sheindlin B.V. Essence of Soviet law. L.: Publishing House of Leningrad University, 1959. S. 110.
- [33] Vengerov, A. B. Theory of state and law: a textbook for law schools. - M.: Higher School, 1998. - 704 p. S. 466.
- [34] Polyakov A.V. General theory of law. St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2003. P. 611.
- [35] Legal regulation: theory and practice/Yu. A. Tikhomirov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Russian Law-Making Island. - Moscow: Formula of Law, 2010. S. 27.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-431-437

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

СИКОРСКИЙ Никита Владимирович,

Аспирант 1 курса

Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования

«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

e-mail: sikorskin@mail.ru

ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ОТ ВЗАИМОСВЯЗАННОГО ДОГОВОРА ПОДРЯДА

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования заказчиком права на односторонний отказ от взаимосвязанного договора подряда, связанный с нарушением исполнения обязательств подрядчиком, а также анализируются условия, при которых отказ заказчика может быть допустим. Автор приводит теоретическое обоснование допустимости реализации заказчиком права на отказ от взаимосвязанного договора подряда с учетом соблюдения принципа относительности обязательствственно-правовой связи между сторонами.

Ключевые слова: взаимосвязанные договоры, договор подряда, критерии взаимосвязанности, правовые последствия взаимосвязанности, односторонний отказ от договора.

SIKORSKY Nikita Vladimirovich,

1st year postgraduate student

Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

UNILATERAL WAIVER OF AN INTERCONNECTED WORK CONTRACT

Annotation. The article considers the possibility of the customer using the right to unilaterally withdraw from an interconnected work contract related to the violation of the contractor's obligations, and also analyzes the conditions under which the customer's refusal may be permissible. The author provides a theoretical justification for the permissibility of the customer's right to waive an interconnected work contract, taking into account the principle of relativity of the binding relationship between the parties.

Key words: interrelated contracts, a work contract, criteria of interconnectedness, legal consequences of interconnectedness, unilateral withdrawal from the contract.

Концепция взаимосвязанных договоров (англ. linked contracts, нем. verbundene Verträge) в современной юридической науке появилась не так давно и стала своеобразным механизмом, позволяющим достичь равенства баланса интересов с точки зрения правовых возможностей, когда одна из сторон обладает значительно более слабыми переговорными возможностями и информационной асимметрией – так называемой «слабой» стороной. В рамках таких отношений, как правило, одна сторона заключает договор с другой стороной или даже с третьей стороной, но для достижения цели такого контракт-

ного взаимодействия, опосредующего предоставление того или иного объекта гражданских прав, необходимо заключить еще один договор – взаимосвязанный условиями с первым договором. Например, А заключает договор купли-продажи вещи с Б, но для того, чтобы исполнить обязательство по оплате, А использует кредитные средства В, а последний, понимая целевой характер займа, исполняет обязательство в пользу Б.

Отправной точкой зарождения концепции взаимосвязанных договоров можно считать решение Верховного суда Федеративной республики Германии 1960-х годов, в котором суд указал на

то, что недопустимо разделять договоры, которые имеют общую экономическую цель. Впоследствии положения, выработанные судебной практикой, стали имплементироваться в законодательство различных правопорядков и законодательство наднациональных объединений – Европейского союза. Так, например, в Германии были внесены изменения в Германское гражданское уложение (далее – ГГУ), в закон о потребительском кредите. В Англии, например, положения о взаимосвязанных договорах можно встретить в Законе о потребительском кредите (Consumer Credit Act 1974). Достаточно прогрессивным в этом аспекте является Гражданский и торговый кодекс нации Аргентины (далее – «ГТК»), в котором существует некая «общая» часть правил о взаимосвязанных договорах (Глава 12 раздела II). Ст. 1073 ГТК устанавливает критерий отнесения договоров к взаимосвязанным – общая экономическая цель. Ст. 1075 ГТК устанавливает последствие взаимосвязанности – отказ от договора в случае, если общая экономическая цель отпадает. При этом аргентинский законодатель не ранжирует применение правил о взаимосвязанных договорах в зависимости от субъектного состава. Иными словами, взаимосвязанные договоры не ограничиваются сферой защиты интересов «слабой» стороны договора. Законодательство Европейского союза также содержит положения, регулирующие взаимосвязанные договоры.

Отечественный правопорядок в отличие от некоторых зарубежных кодификаций не выделяет общих норм, которые устанавливают правила регулирования нескольких взаимосвязанных договоров. Однако среди всего многообразия правового регулирования общественных отношений можно выделить точечные проявления доктрины взаимосвязанных договоров. Например, проявлением взаимосвязанности сделок выступает оценивание сделок как крупных в рамках корпоративного оспаривания. Для цели установления экономической обоснованности одной конкретной сделки Верховный Суд Российской Федерации также, по-видимому, признает концепцию взаимосвязанных сделок: для признания сделки невыгодной следует установить ее связь с иными сделками в рамках хозяйственной деятельности, так как вполне возможно, что даже убыточная сделка будет необходима как звено для получения выгоды.

Для того, чтобы определить, что несколько договоров являются взаимосвязанными, необходимо обнаружить критерии взаимосвязанности. Основными критериями, которые выделяются в литературе, являются:

1) Критерий общей экономической цели [1];

2) Критерий единой воли сторон, формирующей заключение взаимосвязанных договоров [2];

3) Критерий заключения договоров в одно и то же время [3, с. 226];

4) кросс-ссылки условий договора на другой договор и иные критерии.

В рамках настоящей работы не ставится задача проанализировать вышеуказанные критерии с точки зрения их обоснованности и практической применимости. Однако при рассмотрении вопроса реализации одного из последствий взаимосвязанности – одностороннего отказа от договора, было нельзя не упомянуть о них ввиду того, что определение критериев взаимосвязанности является первым шагом на пути к применению правовых последствий взаимосвязанности нескольких договорных конструкций.

Важно отметить, что сами по себе договорные конструкции несмотря на их взаимосвязь продолжают существовать как правовые явления и структурируют взаимодействие между сторонами. Однако ввиду многообразия экономических отношений сами по себе такие правоотношения в отдельности не в полной мере отражают реальные запросы участников гражданского оборота, а принцип относительности обязательствственно-правовой связи является своеобразным догматическим ограничением, препятствующим установить права и обязанности сторон для наиболее полного достижения эффекта экономической кооперации.

Для того, что попытаться наметить контуры решения этой проблематики, не отступая при этом от привычных теоретических построений гражданского права, представляется возможным объяснить явление взаимосвязанных договоров через вводимое понятие единого взаимосвязанного правоотношения. Единое взаимосвязанное правоотношение – это совокупность нескольких договорных правоотношений, которые не теряют при этом свою самостоятельность и автономность, но в результате установления критериев взаимосвязанности последних, такие самостоятельные договорные правоотношения приобретают новые свойства – правовые последствия взаимосвязанности. В таком случае уместно также говорить о формировании расширенной синаллагмы в контексте взаимосвязанных предоставлений [4, с. 966].

Важно отметить, что единое взаимосвязанное правоотношение – это не совокупность правоотношений, вытекающих из нескольких договорных конструкций. В рамках единого взаимосвязанного правоотношения предмет взаимосвязанных основных договорных обязательств как бы достра-

ивается, увеличивает свой объем. Согласно позиции Х. Коллинза, договор в контексте взаимосвязанности рассматривается не как самостоятельная структурная единица, а как фрагмент для построения целостного правоотношения [5, с.128,140-143]. Возникновение единого взаимосвязанного правоотношения дает субъектам правоотношения правовые возможности, которыми в рамках изначальных отдельных правоотношений сторонам невозможно было воспользоваться. Как указывал Р. Момбарг Урибе, взаимосвязанные договоры в рамках внутренних отношений между собой формируют дополнительные права и обязанности, а также контекст, в котором можно толковать программу договорных отношений [6, с. 160].

Целью работы является анализ конкретного правового последствия взаимосвязанности одного договорного типа – одностороннего отказа заказчика от взаимосвязанного договора подряда. Для того чтобы показать, как работает отказ от договора подряда в структуре нескольких взаимосвязанных договоров представляется необходимым ввести понятия «договор 1» и «договор 2». Отметим, что некоторые авторы при исследовании данной проблематики указывают на такие понятия как «основной договор» и «взаимосвязанный договор» [1], что не кажется в полной мере обоснованным. Взаимосвязанные договоры самостоятельны сами по себе, нельзя сказать, что один договор выполняет основную роль в структурировании обязательственного предоставления, а второй лишь является вспомогательным для реализации программы договорных отношений по основному договору. Такая аналогия уместна, когда используются конструкции основного и акцессорного обязательств, и последнее по отношению к первому действительно является вспомогательным. Кроме того, само лексическое значение слова «взаимосвязанный» уже говорит о том, что оба договора должны быть связаны между собой – взаимно связаны.

Внесудебный отказ от договора в связи с нарушением обязательств. Вследствие многообразия экономической деятельности довольно часто между одними и теми же лицами заключаются несколько договоров, направленных на реализацию единой экономической цели. Исполнение обязательств по таким договорам с темпоральной точки зрения может быть одновременным или последовательным.

Представим, что стороны заключили два взаимосвязанных договора подряда - договор 1, предметом обязательств по которому являются строительные работы по устройству стен здания. Одновременно стороны заключили договор 2,

предметом обязательств по которому являются строительные работы по монтажу перекрытий здания. Сроки выполнения работ стороны указали идентичные в части начала и окончания работ и для договора 1, и для договора 2. При этом подрядчик нарушил обязательства по договору 1, а по договору 2 нарушения не состоялось. Однако заказчик решает прекратить обязательства и по договору 1, и по договору 2 одновременно, как бы проецируя эффект отказа на другие связанные договоры подряда, обязательства по которым исполняются надлежащим образом.

При этом важно учитывать, что исполнение обязательств отдельно само по себе без учета предоставления по взаимосвязанному договору должно влечь для заказчика утрату экономического смысла либо существенного его снижения. Только в таком случае возможно обсуждать применение правовых последствий взаимосвязанности на основе конструирования единого взаимосвязанного правоотношения. В ином случае, когда предоставления по договорам являются самостоятельными и создают экономическую ценность для заказчика права последнего ни коем образом не нарушатся.

Конечно, подрядчик может заключить договоры последовательно, тем самым снизив риски невыполнения работ по одному из взаимосвязанных договоров. Однако заключение нескольких договоров подряда одновременно может быть обусловлено целым рядом причин: например, заключение нескольких договоров может быть интересно как заказчику, ведь в таком случае он получит готовую к исполнению систему договорных отношений, снизит транзакционные издержки на проведение переговоров по заключению следующих договоров. В то же время и подрядчик может быть заинтересован в таком сценарии: вследствие возложения на себя больших рисков по исполнению обязательств подрядчик может получить большую прибыль или иные преимущества, которые могут представлять для подрядчика экономический интерес.

Итак, по умолчанию у заказчика имеется право отказаться от исполнения договора 1 на основании ст. 717 ГК РФ. Однако реализация права на односторонний отказ по договору 2 связана с выплатой части установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заказчика от исполнения договора, а также возмещением подрядчику убытков, причиненных прекращением договора подряда, в пределах разницы между ценой, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за выполненную работу. Кроме того, реализация права на отказ от договора 1 по ст. 717 ГК РФ может быть осложнена

выплатой штрафа за отказ от договора 1 либо возмещением убытков, в составе которых могут быть закупленные материалы и оборудование подрядчика.

В данном случае заказчик может реализовать право на отказ от договора 2 в качестве своеобразной «организационной» санкции, которую стороны могут согласовать в некоем генеральном соглашении о сотрудничестве или в иных связанных договорах подряда, в которых отражены условия, касающиеся одностороннего отказа от договора или от нескольких иных договоров подряда, обязательства по которым не нарушены. При этом в таком случае очевидно, что раз отказ от ненарушенных договоров является своеобразной «организационной» санкцией, то возмещение убытков по ст. 717 ГК РФ заказчик также должен исключить из программы договорных отношений. По существу, в данной ситуации можно наблюдать постановку немотивированного одностороннего отказа от договора или договоров подряда под отлагательное условие наступления факта нарушения по одному из связанных договоров подряда.

В данном случае единое взаимосвязанное правоотношение строится на основе заранее выраженной воли сторон, так как взаимосвязанность таких договоров достигается путем заранее согласованных условий и по общему правилу не нарушает баланс интересов. Но что делать в случае, когда стороны не посчитали нужным урегулировать данный вопрос в соглашении?

Можно обсуждать несколько вариантов реализации данного решения в зависимости от темпорального аспекта исполнения обязательств подрядчика.

1. В рамках последовательного исполнения по нескольким взаимосвязанным договорам подряда заказчик не может воспользоваться правом на отказ от договора 2 на основании п. 2 ст. 715 ГК РФ в связи с тем, что условия диспозиции данной нормы не выполняются. Согласно п. 2 ст. 715 ГК РФ подрядчик должен либо своевременно не приступить к выполнению работ, либо выполнять работу настолько медленно, что ее реализация к сроку становится явно невозможной. Но ведь начало течения срока по договору 2 еще не началось, следовательно, заказчик на данном этапе не может воспользоваться таким правом. Каким образом заказчик может достичь эту цель для того, чтобы, соблюдая сроки выполнения работ привлечь к исполнению обязательств нового подрядчика?

Заказчик может попытаться реализовать право на отказ от договора 1, расширительно толкуя диспозицию нормы п. 2 ст. 715 ГК РФ. В рамках

единого взаимосвязанного правоотношения у подрядчика из нескольких самостоятельных сроков выполнения работ формируется некий общий срок для реализации всей программы такого единого взаимосвязанного правоотношения. Следовательно, в рамках такого подхода диспозицию «своевременно не приступает к выполнению работ, либо выполняет работу настолько медленно, что ее реализация к сроку становится явно невозможной», вполне можно распространить и на срок выполнения работ по договору 2. Это, в свою очередь, дает заказчику право реализовать отказ от договора 2 в связи с нарушением подрядчика, минуя возмещение убытков, а также выплату штрафных санкций за выход из договора 2.

2. Вторым вариантом разрешения данной проблематики в ситуации последовательного исполнения обязательств по договору подряда могут стать одновременное применение п. 2 ст. 328 ГК РФ и п. 2 ст. 405 ГК РФ. Диспозиция п. 2 ст. 328 ГК РФ позволяет реализовать право на отказ от договора в случае, если наличествуют обстоятельства, очевидно свидетельствующие о том, что исполнение не будет произведено в установленный срок. В свою очередь диспозиция п. 2 ст. 405 ГК РФ позволяет отказаться от принятия исполнения [7, с. 1467] в случае, если исполнение утратило интерес для кредитора вследствие просрочки должника.

Данные нормы при их обычном толковании применимы лишь к встречным и взаимообусловленным обязательствам сторон в рамках одной договорной конструкции. Однако использование единого взаимосвязанного правоотношения за счет формирования единого срока на исполнение всей программы договорных обязательств и расширительного толкования этих правил позволяет применить диспозиции норм п. 2 ст. 328 ГК РФ и п. 2 ст. 405 ГК РФ к договору, срок исполнения по которому еще не наступил.

3. Еще одним способом реализации права на отказ от договора 2 может являться одновременное применение ст. 10 и 717 ГК РФ. Ст. 717 ГК РФ позволяет заказчику отказаться от договора без каких-либо нарушений со стороны подрядчика, однако реализация такого права связана с выплатой части установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заказчика от исполнения договора, а также возмещением подрядчику убытков, причиненных прекращением договора подряда, в пределах разницы между ценой, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за выполненную работу.

Как известно, принцип добросовестности выполняет в том числе и корректирующую функцию, обеспечивая наиболее справедливое правовое регулирование отношений сторон, учитывая конкретные обстоятельства. За счет корректировки принципом добросовестности диспозиции нормы ст. 717 ГК РФ в части уплаты цены за часть выполненной работы и возмещением убытков заказчику возможно реализовать право на отказ от договора 2 без каких-либо выплат и возмещений подрядчику. Принцип добросовестности в данном случае наполняется своим содержанием за счет сформированного единого взаимосвязанного отношения между заказчиком и подрядчиком.

Как отмечают некоторые авторы, неисполнение обязательств по одному из связанных договоров влечет понижение доверия к исполнениям по иным связанным договорам [1]. Но что представляет собой «понижение доверия»? В рамках единого взаимосвязанного правоотношения происходит своеобразная «достройка» программы обязательственного правоотношения в части объема исполнения по обязательствам. Это, в свою очередь, означает, что критерий «существенности» [4, с. 1021] нарушения, применяемый при расторжении договора, должен учитывать весь комплекс обязательств целиком. Следовательно, реализация указанных выше механизмов возможна только тогда, когда критерий «существенности» нарушения обязательств присутствует. Это означает, что реализация права на отказ от договора 2, нарушения по которому не состоялось, должно блокироваться в случае, если нарушение обязательства по договору 1 не является существенным применительно к всему комплексу единого взаимосвязанного правоотношения. К схожим выводам приходит и А.Е. Кирпичев: «односторонний отказ от взаимосвязанных договоров между одними и теми же сторонами может быть обусловлен настолько существенным нарушением одного из них, что если бы последующие договоры не были заключены до такого нарушения, то после его совершения они вообще не были бы заключены или были бы заключены на значительно отличающихся условиях» [1].

Стоит учитывать знание реципиента о реализации права на отказ от взаимосвязанного договора единого взаимосвязанного правоотношения. В ситуации, когда несколько взаимосвязанных договоров заключаются между одними и теми же сторонами, очевидно, что обе стороны осведомлены о факте взаимосвязанности. Однако несколько взаимосвязанных договоров могут быть заключены и по такой модели: А заключил договор 1 с Б, и одновременно А заключил договор 2 с В. Фактически Б и В в данном случае выступают на одной стороне единого взаимосвязанного отно-

шения. При установлении факта знания реципиента о состоянии взаимосвязанности стоит допустить право на отказ от договора. Объясняется это тем, что при установлении знания о факте взаимосвязанности участники одной из сторон фактически действуют как единый субъект. В данном случае в рамках единого взаимосвязанного правоотношения происходит «достройка» в части субъектного состава на одной из сторон. Обычно факт знания о состоянии взаимосвязанности вытекает из заключенного между сторонами кооперации некоего соглашения или состояния аффилированности. Как указывает А.Н. Гуна: «Если представить, что продавец не знал, на какие средства приобретает товар, либо банк выдал кредит не в связи с покупкой, то даже сообщения защиты потребителя не позволяют давать покупателю право отказаться от договора с эффектом автоматического прекращения второго договора» [2].

Однако в особых случаях с политико-правовой точки зрения стоит допустить реализацию права на отказ от договора даже в случае незнания реципиента о факте взаимосвязанности. При этом субъекту, поведение которого было безупречно с точки зрения гражданского оборота и не вызвало нарушения, стоит предоставить возможность взыскать убытки с субъекта, действия которого спровоцировали реализацию отказа от взаимосвязанного договора. В данном случае субъект, поведение которого было безупречно, лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении договора, кроме того, при отсутствии знания о факте взаимосвязанности не мог выбрать себе партнера в рамках кооперации.

Помимо предоставления заказчику права на отказ от договора 2 потенциально можно также рассматривать вариант с автоматическим расторжением договора 2. Однако такой механизм вряд ли должным образом учитывает интересы стороны и фактические обстоятельства, вследствие которых подрядчик не исполняет договор 2. Конечно, такой сценарий автоматического расторжения договора 1 возможен и должен допускаться, если стороны прямо предусмотрели это последствие в связанном договоре или генеральном соглашении, а также в случаях, когда сохранение договора 2 в силу неравенства переговорных возможностей влечет для одной из сторон существенные убытки. Такое решение можно наблюдать в Директиве Европейского союза № 2008/48/ЕС от 23 апреля 2008 г., положения которой касаются автоматического расторжения связанного договора, если потребитель реализует отказ по иному связанному договору.

Отметим, что наличие фактической (технологической) связанности объектов гражданских

прав, предоставление которых опосредуют заключенные взаимосвязанные договоры подряда по общему правилу значения не имеют. Такая ситуация возможна, например, когда подрядчик не может приступить к выполнению договора 1, пока он не выполнит обязательства по договору 2. Иными словами, действия подрядчика создают препятствия для реализации программы договорных отношений по договору 2.

Кажется, что в случае, когда результаты работ связаны между собой фактической (технологической) связью, заказчик имеет гораздо больше оснований полагать, что подрядчик не исполнит свои обязательства по договору 1. В то же время, когда обязательства не связаны между собой фактической (технологической) связью, подрядчик имеет возможность исполнить свое обязательство, даже несмотря на наличие фактов, которые бы свидетельствовали о предстоящем неисполнении.

Однако данные рассуждения не в полной мере отвечают интересам подрядчика. Действительно, подрядчик может не исполнить договор 1, что создаст препятствия для выполнения работ по договору 2. Но в исполнении договора заинтересован и заказчик, который для получения желаемого комплексного предоставления может нанять другого подрядчика на выполнение работ по договору 2, что создает условия для реализации первоначальным подрядчиком договора 1. Именно поэтому решение вопроса о возможности отказаться от договора 1 не должно решаться исходя из фактической (технологической) связи нескольких результатов работ.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Взаимосвязанные договоры подряда являются сами по себе самостоятельными структурными единицами, в рамках которых стороны реализуют программу договорного отношения. Однако при возникновении критериев взаимосвязанности такие самостоятельные структурные единицы формируют новую сущность – единое взаимосвязанное правоотношение.
2. Формирование единого взаимосвязанного правоотношения влечет появление новых правовых возможностей для сторон, ранее не доступных в рамках самостоятельных изолированных договорных связей. Такие правовые возможности именуются правовыми последствиями взаимосвязанности.
3. Правовые последствия взаимосвязанности позволяют регулировать не изолированные друг от друга единицы правоотношений, а правовую ситуацию между сторонами в целом наиболее справедливым образом,

более тщательно учитывая права и законные интересы сторон.

4. Одним из наиболее важных правовых последствий взаимосвязанности в контексте договора подряда является право заказчика на отказ взаимосвязанного договора подряда. Путем «достройки» самостоятельных правоотношений сторон засчёт конструкции единого взаимосвязанного правоотношения в части объема предоставления или субъекта, можно применить правовые механизмы, не доступные в рамках рассмотрения нескольких договоров в качестве самостоятельных.
5. При этом при такой «достройке» при реализации права на отказ от договора важно учитывать общий экономический смысл от взаимосвязанных договоров: в случае, когда сторона теряет экономический смысл или он существенно снижается без предоставления по иному взаимосвязанному договору, то реализацию права на отказ стоит допустить.
6. Не менее важно учитывать в случае с нарушением обязательств одной из сторон степень «существенности» нарушения при сопоставлении нарушения не с изолированным договором самим по себе, а в контексте единого взаимосвязанного правоотношения в целом.
7. В случае, когда на одной из сторон выступает несколько субъектов в кооперации, также стоит учитывать знание реципиента отказа от договора о факте взаимосвязанности и по общему правилу допускать отказ только в ситуации знания о таком факте.

Список литературы:

- [1] Статья: Односторонний отказ от взаимосвязанного договора (Кирпичев А.Е.) («Закон», 2019, N 10) // СПС КонсультантПлюс.
- [2] Статья: Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование (Гуна А.Н.) («Вестник экономического правосудия Российской Федерации», 2021, N 11) // СПС КонсультантПлюс.
- [3] Ю.А. Накул. Принцип относительности правоотношений, возникающих из договора строительного подряда // Проблемы строительного права. Выпуск 1 : сборник статей / Сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. – Москва : Статут, 2022. (Сер. Библиотека «Строительного клуба»)
- [4] Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2022. [5] Collins H. Regulating Contracts. Oxford, 2002.

[6] Samoy I., Loos M., eds. Linked Contracts. Cambridge, Intersentia, 2012.

[7] Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2022.

References:

[1] Stat'ya: Odnostoronnij otkaz ot vzaimosvyazannogo dogovora (Kirpichev A.E.) («Zakon», 2019, N 10) // SPS Konsul'tantPlyus.

[2] Stat'ya: Doktrina vzaimosvyazannyh dogovorov (linked contracts): sravnitel'no-pravovoe issledovanie (Guna A.N.) («Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii», 2021, N 11) // SPS Konsul'tantPlyus.

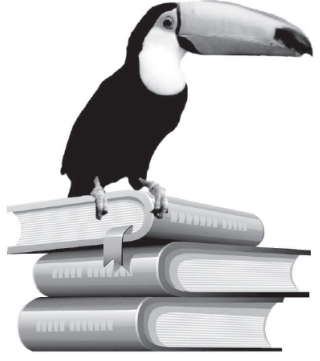
[3] YU.A. Nakul. Princip otnositel'nosti pravootnoshenij, vznikayushchih iz dogovora stroitel'nogo podryada // Problemy stroitel'nogo prava. Vypusk 1 : sbornik stat'ej / Sost. i otv. red. N. B. SHCHerbakov. – Moskva : Statut, 2022. (Ser. Biblioteka «Stroitel'nogo kluba»)

[4] Ispolnenie i prekrashchenie obyazatel'stva : kommentarij k stat'yam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Otв. red. A. G. Karapetov. – Moskva : M-Logos, 2022. [5] Collins H. Regulating Contracts. Oxford, 2002.

[6] Samoy I., Loos M., eds. Linked Contracts. Cambridge, Intersentia, 2012.

[7] Peremena lic v obyazatel'stve i otvetstvennost' za narushenie obyazatel'stva : kommentarij k stat'yam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Otв. red. A. G. Karapetov. – Moskva : M-Logos, 2022.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ВИЛЬДАНОВА Марина Михайловна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
центра частного права Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ТОВАРНОГО И ФИНАНСОВОГО РЫНКОВ В РОССИИ

Аннотация. В статье автор рассматривает особенности регулирования товарного и финансового рынков в настоящее время в России, в том числе обеспечения осуществления трансграничных расчетов. Добровинская автор обращает внимание на такие новые механизмы, как национальные ценовые индикаторы, направленные на укрепление рыночных отношений.

В работе рассматриваются перспективы и формы развития торговли в рамках Евразийского экономического союза и межгосударственного объединения БРИКС. Традиционных механизмов трансграничных платежей на международном уровне в настоящее время недостаточно. Очевидно, что расчеты в евро или в долларах для России в условиях санкций неприемлемы. Остаются рубли или валюта дружественных стран. В связи с этим, вполне оправдан поиск альтернативных форм заключения сделок и осуществления международных платежей.

С учетом эволюции новых финансовых институтов в виде цифровых финансовых активов наблюдается активное развитие рынков с их использованием. Цифровые финансовые активы являются по сути цифровым эквивалентом ценных бумаг, т.е. удостоверяют обязательства эмитента и права владельца, указанные в решении о выпуске. Рассматривается также возможность гибридных цифровых финансовых активов, т.е. цифровых токенов, которые объединяют в себе как финансовые требования, так и утилитарные цифровые права. Подобные механизмы дают владельцу возможность получить не только денежное вознаграждение, но и конкретные товары или услуги в будущем, что делает их более гибкими инструментами для бизнеса и инвесторов.

Кроме того, в статье рассматриваются особенности бартерных и толлинговых сделок, создание межбиржевых и клиринговых структур, обеспечивающих заключение сделок и обеспечение их исполнения.

Ключевые слова: биржа, организованные торги, внебиржевой товарный рынок, инвестиционная платформа, администраторы индикаторов, трансграничные расчеты, бартер, толлинг, цифровые финансовые активы, операторы электронных площадок.

VILDANOVA Marina Mikailovna,
PhD in Law, leading research fellow of the Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation

ON SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF COMMODITY AND FINANCIAL MARKETS IN RUSSIA

Annotation. In the article, the author examines the specifics of regulation of commodity and financial markets currently in Russia, including ensuring domestic and cross-border settlements. The main development trends in Russia's economic development include: modifications to the overall structure of the commodity market due to the existing sanctions imposed by unfriendly countries; digitalization, which allows businesses to expand their customer base through online sales; the development of technology and the increasing role of marketing and advertising.

Analyzing Russian legislation, the author draws attention to new mechanisms such as national price indicators aimed at managing market relations. The paper also examines the prospects and

forms of trade development within the Eurasian Economic Union and the BRICS interstate association. Traditional mechanisms for cross-border payments at the international level are currently insufficient. It is obvious that settlements in euros or dollars are unacceptable for Russia under sanctions. Rubles or currencies of friendly countries remain. In this regard, the search for alternative forms of concluding transactions and making international payments is entirely justified.

Taking into account the evolution of new financial institutions in the form of digital financial assets, there is an active development of markets using them. Digital financial assets are essentially the digital equivalent of securities, i.e. they certify the obligations of the issuer and the rights of the owner specified in the decision on the issue. The possibility of hybrid digital financial assets, i.e. digital tokens that combine both financial claims and utilitarian digital rights, is also being considered. Such mechanisms give the owner the opportunity to receive not only monetary compensation, but also specific goods or services in the future, which makes them a more flexible tool for businesses and investors.

The article also examines the features of barter and tolling transactions, the creation of inter-exchange and clearing structures that ensure the conclusion of transactions and their execution.

Key words: exchange, organized trading, over-the-counter commodity market, investment platform, indicator administrators, cross-border settlements, barter, tolling, digital financial assets, electronic platform operators.

Товарный и финансовый рынки, являющиеся неотъемлемыми частями российской экономики, тесно взаимосвязаны. Финансовый рынок обеспечивает движение капитала и инвестиции, в то время как товарный рынок – это совокупность экономических связей, базирующихся на регулярных правоотношениях между производителями, торговыми посредниками и потребителями товаров. Оба рынка вместе формируют экономическое пространство страны. Введение санкций со стороны недружественных государств повлияли на развитие финансового и товарного рынка в России. Отдельные ранее заключенные договоры стали убыточными и возобновление многих контрактов не осуществилось.

В целях обеспечения стабильности российской экономики, приоритетными направлениями изучения возможных методов эволюции рынка являются анализ возможности повышения роли рынка капитала как источника финансирования бизнеса, демонизации и содействия формированию конкурентной среды; цифровизации финансового и товарного рынков, а также вопросов совершенствования платежной инфраструктуры и системы внешнеторговых расчетов.

Развитие экономики осуществляется как в рамках проведения сделок на биржевом рынке, так и во внебиржевой сфере предпринимательской деятельности и во многом зависит от подходов к решению стоящих задач.

В настоящее время наблюдается существенное увеличение перечня субъектов предпринимательской деятельности, обеспечивающих приобретение товаров, получение результатов выполнения работ и услуг. Рынок организованных торгов формируется биржами и торговыми системами, которые устанавливают правила проведения тор-

гов товарами и финансовыми активами, а также определяют требования к участникам, создавая основу для справедливого рыночного ценообразования [1].

На внебиржевом рынке действуют операторы инвестиционных платформ [2], обеспечивающие развитие правоотношений с привлечением инвестиций, возникновение утилитарных цифровых прав, а также обращение ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права.

В сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд операторы электронных площадок и операторы специализированных электронных площадок специализируются в зависимости от типа закупок [3,4].

Новый закон в области регулирования платформенной экономики имеет целью дальнейшее расширение субъектного состава предпринимательской деятельности, обеспечивающее доступность товаров, работ и услуг, путем создания безопасной цифровой среды и развития конкуренции [5]. В частности, вводится такой институт, как оператор посреднической цифровой платформы. Им может быть российское юридическое лицо, иностранная организация, являющаяся юридическим лицом и не являющаяся таковым, российский индивидуальный предприниматель, а также физическое лицо, являющееся иностранным гражданином или лицом без гражданства, обеспечивающим оказание услуг на цифровой платформе, владельцем которой он является или лицом, с которым владелец заключил договор об эксплуатации.

Демонизация и содействие формированию конкурентной среды во многом связана с развитием биржевой торговли. Поскольку цена

товара не может быть признана монопольно высокой, если она устанавливается на бирже [6], то цены, сформированные на бирже, являются репрезентативными в целях налогообложения предпринимателей.

На бирже могут заключаться как рыночные сделки, так и не являющиеся таковыми. Формирование рыночных цен осуществляется на основании заявок, адресованных всем участникам торгов и заключенных на наиболее выгодных условиях. В частности, тот договор, который заключен на основании безадресных разнонаправленных заявок, полное или частичное соответствие которых друг другу установлено в системе торгов, и внесен в реестре договоров, является рыночным. Но есть и адресные биржевые заявки, направляемые конкретному контрагенту, после акцепта которой сделка считается заключенной, а цена может быть выше или ниже рыночной цены. Кроме того, с учетом организации принципов работы на бирже существует такой вид заявок, как лимитные заявки, которые можно разделить по направлению сделки и сроку действия. Лимитные заявки на покупку и лимитные заявки на продажу исполняются по заранее установленной цене, которая должна быть не хуже рыночной. Лимитные заявки по сроку действия бывают по типу «поставить в очередь», т.е. действующие до конца дня, или «на весь срок», действующие до исполнения или отмены. Такие подходы позволяют совершить сделку по желаемой цене, избежать исполнение по невыгодной цене. Рыночные заявки исполняются по текущей рыночной цене, в то время как лимитные заявки позволяют указать конкретную цену, по которой вы готовы купить или продать.

В условиях прозрачности организованных торгов ценовой сговор по сути исключается. Поэтому плюсами биржевых торгов безусловно являются упорядочивание ценообразования и установление единообразных условий заключения сделок для участников торгов.

В целях укрепления рыночных отношений проводится работа по созданию национальных ценовых индикаторов на биржевом и внебиржевом рынках. Именно на это направлен закон, регулирующий создание финансовых и товарных индикаторов и вступивший в силу с 1 сентября 2025 г. [7]. Финансовые и товарные индикаторы – это рассчитываемые и постоянно обновляемые показатели цены финансовых инструментов, имущественных прав, драгоценных металлов и т.д.

В связи с введением указанного закона в России на рынке начали свою деятельность администраторы финансовых и товарных индикаторов, которые должны будут специализироваться на определении индикаторов согласно методологиям, которые предусматривают потенциальную область приме-

нения, требования к исходным данным, порядок определения индикаторов, включая особенности их расчета и т.д.

С учетом участия бирж в формировании ценовых показателей скорректировано на уровне закона понятие индексов [8]. Организатор торговли «обязан рассчитывать индикаторы, в том числе индексы и иные показатели». Если индекс признается видом индикаторов, то биржевые индексы, являющиеся индикаторами, которые должны быть ориентиром для налогообложения предпринимательских доходов, что позволит более корректно формулировать бизнес-планы предпринимателям.

В настоящее время наряду с реестром бирж Банка России (ПАО Московская Биржа, ПАО «СПБ Биржа», АО «Петербургская Биржа», АО СПВБ, АО «Восточная биржа», АО НТБ, АО «БИРЖА «ЦТС») ведется реестр электронных торговых площадок, которые созданы для различных целей: федеральные электронные торговые площадки (Сбербанк – АСТ; АО «Единая Электронная Торговая площадка», РТС-тендер, ЭТП Фабрикант и др.), коммерческие электронные площадки (ЭТП ГПБЮ Евразийская торговая площадки, Автодор -ТП, МЕТА-ИНВЕСТ, Байкал-Тендер) и др.

Цифровизация товарного рынка, т.е. внедрение цифровых технологий и совершенствование бизнес-процессов, связанных с производством, продажей и потреблением товаров, также включает в себя оптимизацию управления, улучшение взаимодействия с клиентами, производителями, посредниками и поставщиками, повышение эффективности и прозрачности работы, а также создание новых источников дополнительного дохода. Цифровизация позволяет расширить предпринимателям клиентскую базу за счет онлайн-продаж. Кроме того, при внедрении цифровизации особое внимание уделяется технологиям, связанным с маркетингом и рекламой.

При этом нужно обратить внимание на то, что параллельно необходимо развивать антимонопольное регулирование, которое порой не успевает за цифровизацией. Текущая редакция законодательства о защите конкуренции пока не содержит достаточно четких критериев, которые помогли бы определить наличие доминирующего положения электронных цифровых платформ.

Развитие системы конкурентных условий торговли практически во всех областях деятельности конкуренции как на внутреннем, так и на международном рынках, является главным критерием модели развития всей российской экономики и подходов к решению стоящих перед ней задач.

Традиционных механизмов трансграничных платежей на международном уровне в настоящее

время недостаточно и возникает своего рода дисбаланс формирования цен на зарубежном и российском рынке. Очевидно, что расчеты в евро или в долларах для России в условиях санкций неприемлемы. Остаются рубли или валюта дружественных стран. В связи с этим, вполне оправдан поиск альтернативных форм совершения сделок и осуществления международных платежей.

Сейчас приходится вспоминать 90-е годы, в которые для обхода финансовых ограничений использовался механизм бартерных сделок. Самым известным бартером 1990-х годов был обмен нефти на сахар между Советским Союзом/Россией и Кубой. Это были встречные поставки товаров аналогичной стоимости.

Бартер существует и сегодня. Осуществляется он как в классической форме обмена товарами и услугами без денег, так и в форме торговых кредитов или через специальные онлайн-биржи, которые упрощают поиск подходящих контрагентов. Так, в 2024 г. стало известно, что бартерный механизм использовали юридические лица из России и Пакистана. Из России экспортировались нут и чечевица в обмен на мандарины и рис из Пакистана. В рамках бартерных сделок обычно товары и услуги дешевле, чем при денежных расчетах, поскольку в них не включаются банковские комиссии и агентские вознаграждения.

Известна также такая форма сотрудничества на международном уровне, как толлинг, при которой одно юридическое лицо (заказчик) передает сырье или полуфабрикаты другому юридическому лицу (переработчику) для переработки, а затем получает готовую продукцию, оплачивая только услуги по переработке. Право собственности на сырье и продукт остается за заказчиком. Такой механизм позволяет снизить затраты, обеспечить расчеты и оптимизировать налогообложение. Схемы толлинга были использованы в 90-е годы в алюминиевом производстве. Они применялись при переработке зарубежных и отечественных бокситов на российских предприятиях с последующим вывозом продуктов переработки за рубеж. Толлинг применяется и сегодня как форма внешнеэкономической деятельности, когда российская компания поставляет нефть зарубежному переработчику, который за плату перерабатывает эту нефть в бензин, а затем бензин либо возвращается в Россию для дальнейшей реализации, либо продается на международном рынке. Далее российская компания оплачивает услугу переработки. Возможное применение толлинга делает привлекательными подобные сделки для российских сельхозпроизводителей, к которым относятся птицефабрики, поставляющие живую птицу; предприятия, использующие комбикорма; производи-

тели сахарной свеклы и иной продукции недлительного хранения. Это позволяет предпринимателям снизить издержки и эффективно использовать производственные ресурсы.

Однако следует отметить, что бартерные и толлинговые сделки сопряжены с некоторым риском определения справедливой стоимости товаров для совершения эквивалентного обмена. Не исключен также риск колебания цен после подписания договора, в результате чего одна из сторон может понести значительные убытки.

На законодательном уровне введена ответственность за неисполнение обязанностей при внешнеторговых бартерных сделках. Эти обязанности заключаются в том, что сделки могут быть заключены с равноценными по стоимости товарами, равноценными услугами, выполнению равноценных работ, передаче равноценных исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности либо обязанности по зачислению на счета в уполномоченных банках денежных средств в случае, если внешнеторговые бартерные сделки предусматривают частичное использование денежных и (или) иных платежных средств. При неисполнении указанных обязанностей на юридических лиц может быть наложено взыскание в размере от одной второй до однократного размера стоимости товаров, явившихся предметами административного правонарушения [9].

В настоящее время Министерство экономического развития Российской Федерации изучает вопрос создания международной бартерной биржи [10], которая может стать каналом продаж российских товаров на фоне проблем с банковскими платежами. С точки зрения бартерных сделок наиболее востребована могла быть российская химическая продукция, пластмассы, минеральные удобрения, пиломатериалы и др. В обмен российский бизнес видимо мог бы быть заинтересованным в промышленном оборудовании, компьютерах, косметике и т.д.

На сегодня довольно часто на практике используется такая схема расчетов, как платежи через посредников в зарубежных странах. Однако это влечет существенное удорожание стоимости проводимых операций, так как помимо комиссий имеются еще и расходы на агентов. Порой используется такой механизм, как создание филиалов на территории дружественных государств через которые осуществляются расчеты.

С учетом эволюции новых финансовых институтов в виде цифровых финансовых активов наблюдается активное развитие рынков с достаточно высоким потенциалом в области международных расчетов. Цифровые финансовые активы представляют собой цифровой эквивалент цен-

ных бумаг, т.е. удостоверяют обязательства эмитента и права владельца, указанные в решении о выпуске.

В законодательстве предусмотрена также возможность гибридных цифровых финансовых активов, т.е. цифровых токенов, которые сочетают в себе как финансовые требования, так и утилитарные цифровые права. Они дают владельцу возможность получить не только денежное вознаграждение, но и конкретные товары или услуги в будущем, что делает их более гибким инструментом для бизнеса и инвесторов.

Внесенными в реестр операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, являются такие юридические лица, как АО «Альфа-Банк», НКО АО НРД, АО «ТБанк», ООО «Атомайз», АО АКБ «Еврофинанс Моснарбанк», ООО ВТБ Капитал Трейдинг, ООО «Лайтхаус», ООО «Токеник», АО «Межрегиональный регистрационный центр» и др.

Нельзя не назвать такого важного участника при проведении операций с цифровыми финансовыми активами как оператор обмена, который предоставляет участникам рынка возможность обмена цифровых финансовых активов между разными информационными системами. Оператором обмена цифровых финансовых активов могут быть кредитные организации и организаторы торговли, а также иные юридические лица, соответствующие требованиям законодательства. На 22 августа 2025 года в реестр Банка России внесены два оператора обмена: ПАО Московская биржа и ПАО «СПБ-Биржа» [11].

Как отмечается порой на практике, безусловным плюсом считается, что для выпуска цифровых финансовых активов не нужно проходить допуск к организованным торгам, в связи с чем выпуск может занять всего несколько дней, если уже разработан смарт-контракт. Однако упрощение подходов не должно привести к возникновению рисков неисполнения обязательств по заключенным сделкам, а также рисков отхода от формирования рыночных цен.

В 2024 году было дано регулирование на законодательном уровне [12], иностранных цифровых прав, т.е. обязательств и иных прав, выпуск и обращение которых осуществляются в информационной системе, созданной не в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом предусматривается, что цифровые финансовые активы могут использоваться в качестве встречного предоставления по внешне-торговым договорам, заключенным российскими юридическими лицами с нерезидентами, которые в том числе могут предусматривать передачу товаров. Данный механизм может работать, как на

уровне конкретных договоров сторон, так и на уровне сделок на электронных площадках. Поскольку это зачетные схемы, то при их реализации снимаются риски расчетов через кредитные организации, а, следовательно, риски наложения ареста на счета и конфискации денежных средств.

Среди стран Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) предполагается использование цифровых финансовых активов, что может стать перспективным механизмом для создания эффективной, стабильной и устойчивой системы трансграничных платежей. Но для внедрения этих инструментов необходима гармонизация законодательства стран ЕАЭС в целях создания единого правового поля и внедрение необходимых технологических платформ для трансграничного использования.

В настоящее время в рамках стран БРИКС также рассматриваются варианты использования цифровых финансовых активов и цифровых валют для международных расчетов. Россией был предложен странам - членам БРИКС механизм трансграничных платежей с использованием выпускаемых центральными банками цифровых финансовых активов. Сегодня прорабатываются концепция проекта, а также возможные механизмы расчетов с использованием таких цифровых финансовых активов. Вместе с тем, необходимо найти механизмы для минимизации рисков, связанных с конверсией цифровых валют центральных банков и волатильностью обменного курса. В связи с этим имеет место некая неопределенность с внедрением цифровых валют центральных банков и требуется разработка и внедрение необходимой инфраструктуры.

Наряду с вышеуказанными видами трансграничных расчетов планируется организация с участием России наднационального биржевого пространства с возможностью клиринговых расчетов, которые осуществляются путем зачета требований по совершаемым сделкам и обеспечивают обезличенные расчеты между юридическими лицами разных стран. Клиринг, являющийся процессом безналичных расчетов по обязательствам участников торгов, включает неттинг (процесс определения чистого сальдо путем взаимозачета встречных обязательств между сторонами). Кроме того, клиринг также может осуществляться в том числе в том случае, когда сделки осуществляются с участием центрального контрагента, который гарантирует исполнение обязательств.

В частности, Правительства стран ЕАЭС согласовали программу создания общего биржевого рынка товаров, который начнет полноценную работу к 2029 году, как сообщается 18 августа 2025 г. на портале «Поворот России в Азию» [13]. Основные направления экономического развития

ЕАЭС – документ рекомендательного характера, определяющий перспективные направления социально-экономического развития, к реализации которых стремятся государства – члены Союза за счет использования интеграции и конкурентных преимуществ этих государств в целях получения дополнительного экономического эффекта каждым государством-членом.

При этом на первом этапе предполагается разработать международный договор о формировании биржевого рынка, необходимые нормативные правовые акты и правила организаторов торгов. Планируется торговля широким спектром товаров: энергоресурсами, драгоценными металлами, сельскохозяйственной продукцией, продукцией животноводства и др.

В рамках общего биржевого рынка ЕАЭС будут выработаны условия для процедур торговли стандартизированными товарными контрактами и сопутствующими инвестиционными продуктами. Предполагается также развитие торговли фьючерсными контрактами. Если сейчас наибольшее распространение получили товарные фьючерсные контракты на сырую нефть, то впоследствии товарные категории будут расширяться путем включения в них металлов и сельхозпродукции.

На начальных этапах эволюции общего биржевого рынка возможно использование такой формы предпринимательской деятельности, как простое товарищество, которое не запрещено законодательством стран ЕАЭС. Данная форма поможет объединить отдельные юридические лица из разных дружественных стран для общего дела без создания единого юридического лица. При этом достаточно подписать договор. Количество участников договора неограниченно. Простое товарищество надёжнее обычной партнёрской работы, потому что у участников договора появляются права и обязательства. Суть договора простого товарищества заключается в том, что участники объединяются и вносят в общих интересах свои вклады: деньги и имущество, а также имущественные права. Результат совместной деятельности, например, прибыль, распределяется между товарищами пропорционально внесённым вкладам. Таким же образом участники товарищества могут нести убытки, т.е. пропорционально стоимости вкладов. Участники простого товарищества должны назначить ответственного за ведение бухгалтерского и налогового учёта товарищества.

Простое товарищество может быть гласным простым товариществом, т.е. это договор, о котором знают все контрагенты. Если в тексте договора указано, что товарищество является негласным, то факт сотрудничества третьим лицам не разглашают.

В случае создания простого товарищества в рамках биржевых и клиринговых институтов это повлечет упрощение условий допуска юридических лиц к организованным и к клирингу, которые подлежат согласованию с центральными банками дружественных стран, так как допуск будет осуществляться как с учетом национального законодательства, так и общих правил торгов, созданных участниками простого товарищества.

В перспективе будет проводиться работа по созданию единой биржи, которая позволит исключить риски ареста средств на банковских счетах при трансграничных расчетах внутри ЕАЭС, и обеспечить возможность расчета индексов и иных ценовых показателей на общем биржевом пространстве стран ЕАЭС.

Кроме того, в настоящее время рассматривается возможность создания товарной зерновой биржи в рамках БРИКС внутри блока на основе национальных валют, что станет залогом экономического суверенитета и независимости стран БРИКС. По результатам проведенных исследований можно будет сделать вывод о целесообразности двусторонних, многосторонних бартерных расчетов, а также операций в рамках создания бартерной биржи.

Из вышеизложенного следует, что важное значение имеет создание наднациональных биржевых структур и механизмов для заключения сделок в рамках ЕАЭС и БРИКС с целью развития международной торговли и обеспечения обезличенных трансграничных расчетов с помощью клиринга.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах» //Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).
- [2] Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).
- [3] Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» //Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).
- [4] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[5] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[6] Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135 «О защите конкуренции»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[7] Федеральный закон от 13 декабря 2024 года № 452-ФЗ «Об администраторах финансовых и товарных индикаторов»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[8] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 325-ФЗ «Об организованных торгах»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[9] <https://www.bfm.ru/news/567864>

[10] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) //Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[11] <https://cbr.ru/navigators/oofsfa>

[12] Федеральный закон от 31 июля 2020 года №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[13] <https://ritmeurasia /new- 2025-08-18>

References:

[1] Federal'nyj zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 325-FZ «Ob organizovannykh torgakh» //Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[2] Federal'nyj zakon ot 2 avgusta 2019 g. № 259-FZ «O privilechenii investitsij s ispol'zovaniem investicionnykh platform i vnesenii izmenenij v

otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii// Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[3] Federal'nyj zakon ot 18 iyulya 2011 g. № 223-FZ «O zakupkakh tovarov, rabot, uslug otdel'nymi vidami yuridicheskikh liC» //Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[4] Federal'nyj zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i municipal'nykh nuzhD»//Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[5] Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 2025 g. №289-FZ «Ob otdel'nykh voprosakh regulirovaniya platformennoj ehkonomiki v Rossijskoj Federacii»// Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[6] Federal'nyj zakon ot 26 iyulya 2006 goda № 135 «O zashchite konkurencii»//Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[7] Federal'nyj zakon ot 13 dekabrya 2024 goda № 452-FZ «Ob administratorakh finansovykh i tovarnykh indikatorov»//Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[8] Federal'nyj zakon ot 21 noyabrya 2011 g. N 325-FZ «Ob organizovannykh torgakh»//Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[9] <https://www.bfm.ru/news/567864>

[10] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (red. ot 31.07.2025) //Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[11] <https://cbr.ru/navigators/oofsfa>

[12] Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 2020 goda №259-FZ «O cifrovyykh finansovykh aktivakh, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sistema Konsul'tanTPlyus: Rossijskoe zakonodatel'stvo (Versiya Prof).

[13] <https://ritmeurasia /new- 2025-08-18>

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-445-453

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ЕВСЕЕВА Ирина Денисовна,
Магистрант 1 курса Юридического института
Томского государственного университета,
e-mail: ev5eeva.i@yandex.ru

Научный руководитель:
ГОНЧАРОВА Валерия Андреевна,
Доцент кафедры гражданского права
Томского государственного университета
Кандидат юридических наук,
e-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТОРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье была изучена высказываемая законодателем идея полного запрета деятельности коллекторов в Российской Федерации, приведены аргументы из научной литературы, подтверждающие отсутствие необходимости внесения подобных изменений в правовое регулирование деятельности профессиональных коллекторских организаций в России. Автором была рассмотрена классификация коллекторов на белых, серых, черных коллекторов; был сделан вывод о том, что в настоящее время не сложилось единства мнений по вопросу содержания понятий «серый» и «черный» коллектор. Отдельное внимание в статье уделено Федеральному закону №137-ФЗ, принятому 07.06.2025 года, которым были внесены изменения в правовое регулирование отношений по взысканию задолженностей профессиональными участниками рынка финансовых услуг. Автором пришел к выводу, что в данном нормативно-правовом акте содержатся важные изменения правовых норм, способствующие защите прав как кредиторов, так и должников несмотря на то, что отдельные его положения с точки зрения содержания являются противоречивыми и могут привести к нарушению прав заемщиков. При написании статьи были проанализированы статистические данные, опубликованные на сайте Центрального Банка Российской Федерации, сайте Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, несколько проектов Федеральных законов, рассмотренных в Государственной Думе Российской Федерации. Также автор изучил судебную практику по вопросу разрешения споров с участием профессиональных коллекторских организаций. Было сделано заключение, что на современном этапе развития российского государства необходимости полного запрета деятельности профессиональных коллекторских организаций нет, при этом необходимо осуществлять реформирование их деятельности с соблюдением баланса интересов займодателей и заемщиков.

Ключевые слова: коллекторы, профессиональная коллекторская организация, серый коллектор, черный коллектор, взыскание задолженностей, судебная практика, Федеральный закон №137-ФЗ, Федеральный закон №230-ФЗ

EVSEEVA Irina Denisovna,
student of the Law Institute Tomsk State University

Scientific supervisor:
GONCHAROVA Valeria Andreevna,
Associate Professor of the Department of Civil Law
Tomsk State University
Candidate of Law

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF PROFESSIONAL COLLECTION ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examined the idea expressed by the legislator of a complete ban on the activities of collectors in the Russian Federation, and provided arguments from the scientific literature confirming the absence of the need to make such changes to the legal regulation of professional collection organizations in Russia. The author considered the classification of collectors into white, gray, and black collectors; it was concluded that there is currently no consensus on the content of the concepts of "gray" and "black" collector. Special attention in the article is paid to Federal Law No. 137-FZ, adopted on 06/07/2025, which amended the legal regulation of debt collection relations by professional participants in the financial services market. The author concluded that this regulatory legal act contains important changes to legal norms that help protect the rights of both creditors and debtors, despite the fact that some of its provisions are contradictory in terms of content and may lead to a violation of borrowers' rights. When writing the article, statistical data published on the website of the Central Bank of the Russian Federation, the website of the Unified Federal Register of Legally Significant Information on the Activities of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and Other Economic Entities, and several draft Federal laws reviewed by the State Duma of the Russian Federation were analyzed. The author also studied judicial practice on the issue of dispute resolution with the participation of professional collection organizations. It was concluded that at the current stage of the development of the Russian state, there is no need to completely ban the activities of professional collection organizations, while it is necessary to reform their activities while balancing the interests of lenders and borrowers.*

Key words: *collectors, professional collection organization, gray collector, black collector, debt collection, judicial practice, Federal Law No. 137-FZ, Federal Law No. 230-FZ.*

По состоянию на 01.01.2025 года согласно информационно-аналитическому материалу Департамента финансовой стабильности и Департамента небанковского кредитования Центрального Банка Российской Федерации, 50,1 миллионов человек, проживающих на территории Российской Федерации, являются заемщиками в банках и микрофинансовых организациях [6, с. 2]. Учитывая, что всего население России на указанную выше дату составляло около 146 миллионов человек [13], можно сделать вывод, что почти каждый третий россиянин участвует в заемных отношениях с профессиональными участниками этого рынка услуг. При анализе отчета Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, посвященного банкротству в России, можно обнаружить тенденцию роста количества в 2024 году процедур судебного и внесудебного банкротства, через которые проходят граждане, по сравнению с 2023 годом [19, с. 12-13], что свидетельствует о том, что все большее количество заемщиков в Российской Федерации не справляются с их финансовой нагрузкой. В этом случае их правовые отношения с займодателями-кредитными организациями изменяются, поскольку они переходят на этап взыскания образовавшейся задолженности.

Как один из возможных вариантов хода событий, на данной стадии развития отношений заемщиков и займодателей может произойти переуступка прав требований кредиторов-займодателей к таким участникам гражданского оборота, основным видом деятельности которых является принятие мер по возвращению задолженностей от заемщиков. В настоящее время их именуют коллекторами от латинского слова «collector», что в переводе означает «собиратель» [14, с. 78]. Н.Э. Соколинская, О.М. Маркова объясняют причину обращения кредиторов к услугам коллекторов тем, что в условиях растущей задолженности населения России банки не уделяют достаточного внимания для изучения контрагентов: «Кредиты выдаются практически любой категории заемщиков, не учитывая ни психологического портрета должника, ни его платежеспособности. Отсюда следует, что банки не хотят тратить время и средства на изучение потенциального клиента. Банками не производится доскональная проверка кредитной истории и финансового положения заемщика, что приводит к накоплению непрогнозируемой совокупной задолженности, которую переводят в сектор так называемой - безнадёжной» [18, с. 70-71]. Авторы резюмируют, что такое поведение банков в итоге приводит к переуступке их прав требований к коллекторским агентствам, которые: «... пытаются вернуть долг, используя любые разрешенные методы воздей-

ствия» [18, с. 71]. Хотя в рассматриваемом примере ученые делают акцент именно на банках как кредиторах в заемных отношениях, на практике с ситуацией, в которой лицо как займодаделец не может получить денежные средства по договору от должника, могут столкнуться также и другие участники гражданского оборота, которые далеко не всегда располагают необходимыми условиями для самостоятельного принятия мер к возврату образовавшейся задолженности, как, например, физические лица, которые из-за низкого уровня правовой культуры [5, с. 329] могут не понимать, какие действия им необходимо предпринять для возврата суммы переданного ими займа. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в современной правовой действительности деятельность коллекторов является экономически обоснованной, поскольку в случае, если принятые ими меры приведут к возврату просроченной задолженности, кредиторы смогут защитить свои права как займодатели.

Однако важно подчеркнуть, что в настоящее время лица, добивающиеся от должников возврата долгов, не всегда принимают направленные на это меры в строгом соответствии с законом. В этой связи в юридической литературе сформировалась классификация коллекторов на три вида [21, с. 22]. Первый вид коллекторских организаций в процессе своего функционирования подчиняется законодательству, прежде всего Федеральному закону № 230-ФЗ от 03.07.2016 года «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». Л.В. Чхутиашвили характеризует такие организации следующим образом: «Белые коллекторы зарекомендовали себя работающими только в правовом поле, руководствуясь законными схемами взыскания задолженностей» [21, с. 22]. В Федеральном законе № 230-ФЗ от 03.07.2016 содержится легальное определение профессиональных коллекторских организаций: «юридическое лицо, осуществляющее деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенное в государственный реестр». В этом понятии отражены две ключевых особенности такого вида коллекторов: во-первых, для них деятельность по взысканию долгов является основной, во-вторых, они состоят в специальном реестре, который ведет Федеральная служба судебных приставов. Как следствие, в случае допущения ими нарушений, предусмотренных законодательством, они могут быть исключены из названного реестра, лишив-

шись права на осуществление деятельности по возврату задолженностей, что прямо указано в ст. 19.1 приведенного выше закона.

В противовес белым коллекторам в отношениях с должниками также участвуют так называемые черные и серые коллекторы. В научной литературе можно встретить несколько разнящиеся трактовки содержания понятий «серый» и «черный» коллектор. Так, Л.В. Чхутиашвили упоминает о них следующее: «В начале развития коллекторской деятельности в России стали выделяться так называемые черные коллекторы, которые прибегают к преступным методам выбивания задолженности и серые, отличающиеся меньшей опасностью, но использующие не менее противозаконные средства, такие как шантаж и угрозы» [21, с. 22]. С другой стороны, О.С. Андреева, А.Е. Лукьяненко, А.С. Толкунова дают следующее понятие «черного» коллектора: «лицо, осуществляющее воздействие на должника и его окружение, используя методы, выходящие за рамки правовых норм, регулирующих деятельность по возврату просроченной задолженности» [7, с. 9]. Однако под такое понимание коллекторских организаций подпадают не только черные, но и серые коллекторы. Примечательно, что в профессиональной среде специалисты используют эти термины, вкладывая в их содержание несколько иное значение: Д. В. Теплицкий, член Саморегулируемой организации «Национальная Ассоциация Профессиональных Коллекторских Агентств», оперирует термином «серые» коллекторы, подразумевая под ними не включенные в реестр Федеральной службы судебных приставов коллекторские агентства [20, с. 35]. В таком случае понятие «серый» коллектор по своему содержанию включает в себя в том числе «черных» коллекторов. Проанализировав указанные выше тезисы, можно сделать вывод, что в науке в настоящее время не сложилось единства мнений относительно содержания понятий «серый» и «черный» коллектор. В то же время следует признать необходимым разрешение существующего пробела в целях достижения единообразия в применении терминов в юридической литературе. В качестве возможного способа разграничения указанных выше понятий наиболее корректно было бы остановиться на таком понимании «серых» и «черных» коллекторов: в качестве первых рассматривать профессиональные коллекторские организации, зарегистрированные в реестре коллекторских организаций Федеральной службы судебных приставов, которые в своей деятельности по возвращению долгов используют как законные, так и незаконные способы взаимодействия с заемщиками; в качестве последних – организации, не зарегистрированные в указанном

выше реестре и при этом фактически осуществляющие деятельность, направленную на взыскание задолженностей. Практическое значение такого разграничения может выражаться в выборе способов защиты прав должников от неправомерных действий серых и черных коллекторов.

Такая классификация коллекторов играет важную роль в настоящем исследовании, поскольку, как отметил В.А. Качалов: «С каждым годом число обращений граждан с жалобами на неправомерные действия коллекторов растет» [9, с. 3]. При этом автор подчеркивает, что в Федеральную службу судебных приставов приходят жалобы не только на профессиональные коллекторские организации, зарегистрированные в реестре, но и на коллекторов, не числящихся в нем [9, с. 3]. Именно последние в своей деятельности преимущественно используют неправомерные методы взыскания задолженностей, поскольку зачастую эту деятельность они осуществляют анонимно [12, с. 22], к тому же на них в полной мере не распространяется контроль Федеральной службы судебных приставов. Однако такое поведение черных коллекторов в общественном сознании оказывает влияние на репутацию коллекторских организаций любого вида, поскольку не все россияне в условиях низкой правовой культуры [5, с. 329] могут провести различия между белыми, серыми, черными коллекторами.

Как следствие, в течение последних нескольких лет неоднократно высказываются предложения о запрете деятельности коллекторских организаций на территории Российской Федерации. Так, соответствующие законопроекты были внесены в Государственную Думу Российской Федерации 21.01.2020 года [17], 14.08.2023 года [15], однако оба они не дошли даже до этапа рассмотрения законопроектов во втором чтении. 14.04.2025 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект с несколько иной формулировкой: в нем предлагается установить запрет на уступку кредиторами третьим лицам требований по договору потребительского займа [16]. Такое изменение гражданского законодательства фактически означает невозможность обращения к услугам коллекторов с целью взыскания задолженностей с физических лиц, оформивших потребительские займы.

Тем самым, представляется актуальным в условиях неоднократного направления в Государственную Думу Российской Федерации законопроектов со столь радикальными формулировками, растущей неплатежеспособности должников-потребителей финансовых услуг с одной стороны и существующей для кредиторов необходимостью принятия мер по возврату просроченных задолженностей с другой стороны исследование

вопроса необходимости функционирования на рынке финансовых услуг в России профессиональных коллекторских организаций и возможных способов реформирования их деятельности.

В юридической литературе можно встретить несколько работ, авторы которых обосновывают необходимость отхода от идеи запрета коллекторской деятельности. В.Ю. Качалов в качестве причин, по которым коллекторская деятельность в России не отменена, называет, во-первых, возможность ухода коллекторства в подполье: «Коллекторы продолжают существовать в нелегальном статусе, что подвергнет еще большему риску жизнь и здоровье граждан, поскольку долги будут требовать с них уже в нелегальном порядке. Это также скажется на росте преступности, поскольку нелегальные формирования коллекторов будут свободны в выборе методов взыскания долгов» [9, с. 2] и, во-вторых, затруднения в получении денежных средств в долг: «Запрет коллекторских организаций увеличит уровень недоверия кредиторов, что побудит их к повышению процентных ставок и людям, которые окажутся в трудной жизненной ситуации, кредиты будут непосильны» [9, с. 2]. Ю.С. Эзрох также отмечает, что в случае запрета деятельности коллекторских организаций они продолжат свое существование: «... кредиторы все равно будут обращаться к коллекторам, которые неизбежно «уйдут в глубокую тень» [22, с. 169]. В целом этот тезис представляется обоснованным, поскольку кредиторам нужно будет прибегать к каким-либо способам возврата просроченных задолженностей, а не сумевшим перепрофилировать свою работу коллекторам – осуществлять хоть какую-то деятельность, приносящую доход. В то же время следует отметить, что затруднения для физических лиц-потребителей финансовых услуг могут возникнуть не только в получении займов, столько в возврате задолженностей, поскольку вместо заключения кредитных договоров с банковскими организациями граждане могут вступить в заемные отношения с микрофинансовыми организациями, которые предъявляют менее строгие требования к заемщикам, но устанавливают более высокие процентные ставки. Для целей исследования можно также обратиться к работе Э.А. Масленникова, который отмечает, что потенциальный запрет деятельности коллекторов приведет к нарушению прав граждан потому, что вопросами взыскания задолженности будут заниматься не профессиональные коллекторские организации, к которым законом предъявлено множество требований, регламентирующих различные аспекты их функционирования, а другие участники гражданского оборота, деятельность которых в этой части так подробно не урегулирована [11, с. 56-57].

Для подтверждения тезиса об отсутствии необходимости установления запрета деятельности профессиональных коллекторских организаций следует также проанализировать практику рассмотрения споров с участием таких организаций с целью выявления основных проблем, с которыми сталкиваются должники при взаимодействии с коллекторами. Так, интересное дело было рассмотрено Лабинским районным судом Краснодарского края в 2020 году. Соответчиками по нему были ООО Микрофинансовая компания «Быстро-деньги», ООО «Коллекторское агентство «Фабула», а истцом – физическое лицо, предъявившее требование о возложении обязанности предоставить акт об уничтожении конфиденциальной информации и взыскании компенсации морального вреда. Из обстоятельств дела следует, что от имени истца неизвестными лицами был заключен кредитный договор, по которому она является должником, затем право требования взыскания задолженности по этому договору перешло к ООО «Коллекторское агентство «Фабула». С этого момента истцу, как указано в судебном решении: «...неоднократно поступали сообщения на телефон с требованиями погасить задолженность, осуществлялись звонки, направлялись претензии и письма». В результате рассмотрения дела судом было принято решение о частичном удовлетворении исковых требований: на соответчиков была возложена обязанность уничтожить персональные данные в отношении истца, также с ООО МФК «Быстро-деньги» была взыскана компенсация морального вреда в размере 25000 рублей. Следует подчеркнуть, что суд не удовлетворил требование о компенсации морального вреда с ООО «Коллекторское агентство «Фабула» ввиду того, что на момент заключения договора уступки права требования эта организация не обладала информацией о порочности договора между истцом и ООО МФК «Быстро-деньги», указав, что коллектор в этом случае: «по своей сути является потерпевшей стороной при заключении договора цессии в отношении несуществующего долга» [2]. Таким образом, в данном случае нарушением, допущенным профессиональной коллекторской организацией, является незаконное использование персональных данных должника. Однако если бы это дело рассматривалось в настоящее время, то со стороны коллектора можно было бы признать нарушение положений закона №230-ФЗ, поскольку в одном из писем ООО «Коллекторское агентство «Фабула» сообщило истцу, что она «никогда не сможет получить кредит в банке, ее имущество будет реализовано, она не сможет выехать за рубеж и т.п.», хотя наличие задолженности не означает со стопроцентной вероятностью возмож-

ность наступления подобного рода последствий, при этом согласно ст. 6 этого нормативно-правового акта, не допускаются направленные на возврат просроченной задолженности действия кредитора, связанные с введением должника в заблуждение относительно последствий неисполнения обязательства для должника.

Схожее по обстоятельствам дело было рассмотрено Савеловским районным судом города Москвы в 2023 году. Изначально с иском о взыскании задолженности по договору потребительского микрозайма к физическому лицу обратилось ООО «АйДи Коллект», однако затем ответчик предъявил встречный иск к ООО «АйДи Коллект» о признании договора займа незаключенным, обязанности прекратить обработку персональных данных, внесении изменений в кредитную историю, взыскании компенсации морального вреда. Судом в качестве соответчика к делу было привлечено ООО МФК «Мани Мен». В результате рассмотрения дела суд пришел к выводу о незаключенности договора займа: доводы физического лица о том, что им договор не заключался, денежные средства не были получены, номер телефона, который использовался при оформлении договора, ему не принадлежит, нашли подтверждение в суде. Суд установил, что ООО «АйДи Коллект» нарушены личные неимущественные права физического лица, связанные с незаконной обработкой его персональных данных, в связи с чем с ООО МФК «Мани Мен» была взыскана компенсация морального вреда [3]. Хотя в решении суда об этом прямо не говорится, можно предположить, что с ООО «АйДи Коллект» не была взыскана компенсация морального вреда потому, что оно, как и в предыдущем деле, не знало о порочности договора, по требованию из которого была произведена уступка права.

Этим же судом было рассмотрено другое дело с участием профессиональной коллекторской организации НАО «Первое клиентское бюро». К ней было предъявлено требование о взыскании денежных средств в счет неосновательного обогащения в пользу физического лица, от имени которого с ООО «Хоум кредит энд финанс банк» была заключена ничтожная сделка по предоставлению кредита. Как следствие, взыскание денежных средств, осуществленное НАО «Первое клиентское бюро», было признано судом неправомерным; исковые требования физического лица удовлетворены [4].

Верховным Судом Российской Федерации также было рассмотрено дело о нарушении прав должника, вызванного взысканием ООО ПКО «Сентинел Кредит Менеджмент» несуществующей задолженности, в связи с чем к профессиональной коллекторской организации было предъ-

явлено требование о компенсации морального вреда, признании действий ответчика по обработке персональных данных истца незаконными. В результате рассмотрения искового заявления суд направил дело на новое рассмотрение, указав: «...избыточные и необоснованные звонки, а также направление СМС-сообщений на телефонный номер гражданина с требованием возратить несуществующие долги посягают на достоинство человека и являются вмешательством в его частную жизнь» [1, с. 4]. Суд также подчеркнул: «По настоящему делу требование истца о компенсации морального вреда обосновано в большей степени не нарушением правил сбора и обработки персональных данных, а нарушением неприкосновенности его частной жизни посредством необоснованных и назойливых телефонных звонков и СМС-сообщений. Какого-либо запрета на предъявление в данном случае требований непосредственно к причинителю вреда закон не содержит» [1, с. 5]. Проанализировав позицию суда, можно сделать вывод, что в отличие от рассмотренных выше дел, суд обращает внимание на нарушение права гражданина на неприкосновенность частной жизни, считая возможным при этом предъявление иска непосредственно к профессиональной коллекторской организации.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что профессиональные коллекторские организации при осуществлении деятельности, направленной на возврат просроченной задолженности, могут допускать нарушения прав граждан, однако от их имени не совершаются злостные противоправные действия, имеющие целью взыскание задолженностей с заемщиков. Также нельзя не обратить внимание, что зачастую эти организации действуют в условиях порочности договоров, по которым к ним перешли права требования к заемщикам, что влияет на оценку их добросовестности и удовлетворение требований физических лиц к ним.

Ранее в настоящем исследовании уже отмечалось, что некоторые виды коллекторов прибегают к противоправным методам взыскания задолженностей. В качестве частного случая применения подобного способа А.Н. Левушкин указал: «Одним из таких достаточно резонансных преступных деяний коллекторов, которое получило негативную реакцию общественности, является противоправная деятельность коллекторов из Ульяновской области в конце января 2016 года. Коллекторы подожгли дом 56-летнего должника, в котором также находился его двухлетний внук, получивший ожоги головы и предплечий» [10, с. 87]. Однако следует признать, что подобного рода деяния зачастую совершаются не только сотрудниками профессиональных коллекторских органи-

заций, но и другими взыскателями, например, сотрудниками микрофинансовых организаций [8]. Более того, как уже указывалось выше, профессиональные коллекторские организации состоят в реестре Федеральной службы судебных приставов; как следствие, этим участникам гражданских правоотношений невыгодно прибегать к таким способам удовлетворения своих требований, которые бы привели к возможному исключению их из реестра, поскольку для них это означает прекращение их правомерной деятельности и законного способа получения доходов. Поэтому, в отличие от других взыскателей, зачастую именно профессиональные коллекторские организации как наиболее подконтрольные субъекты гражданского оборота действуют в рамках предписаний закона, осуществляя деятельность по взысканию долгов [12, с. 22]. Проанализировав все вышесказанное, можно сделать вывод об отсутствии необходимости установления полного запрета коллекторской деятельности, поскольку он с большой долей вероятности вызовет противоположный защите прав граждан эффект.

Следует отметить, что законодательство в настоящее время идет по пути реформирования правового регулирования взыскания задолженностей с заемщиков профессиональными участниками финансовых отношений. В частности, 07.06.2025 года был принят Федеральный закон №137-ФЗ, который как устанавливает новые правила осуществления деятельности для субъектов гражданского оборота, действующих в области взыскания долгов, так и дополняет уже существующие нормы права, закрепленные в ряде законов России, в частности в законе №230-ФЗ от 03.07.2016 года. Прежде всего следует подчеркнуть, что данный нормативно-правовой акт установил особенности рассмотрения заявления о нарушении правил совершения действий, направленных на возврат просроченной задолженности, при использовании телефонной связи – подобных норм ранее не содержалось в законе №230-ФЗ. Также законом была введена обязанность оператора связи по запросу уполномоченного органа предоставлять информацию о подтверждении или об опровержении факта, даты и времени поступления вызова и (или) сообщения. Эти сведения можно будет использовать как при решении вопроса о применении мер ответственности к взыскателям, так и для защиты их прав в случае предъявления им необоснованных требований со стороны должников. Таким образом, подобного рода изменения нормативной базы следует признать положительным явлением в развитии законодательства, поскольку в них установлены императивные предписания, исполнение которых

будет служить цели защиты прав обеих сторон отношений по привлечению денежных средств на возвратной основе.

С другой стороны, в законе №137-ФЗ можно также встретить неоднозначные с точки зрения обоснованности и справедливости положения. Например, после вступления в силу этого закона с кредитора была снята обязанность по сообщению должнику в начале каждого случая непосредственного взаимодействия посредством личных встреч или телефонных переговоров сведений о структуре задолженности. При этом была сохранена обязанность по сообщению размера задолженности. Тем самым, при таком виде взаимодействия с кредитором по смыслу закона должник сможет располагать информацией о размере своей задолженности, но не будет точно знать, какую ее часть составляют проценты за пользование денежными средствами, штрафы, неустойки и так далее. Без этих сведений заемщик не сможет правильно оценить свои возможности выплаты займа, следовательно, не будет обладать полной информацией при взаимодействии с кредитором, что приведет к нарушению баланса интересов сторон.

Также вопросы вызывает дополнение прилагательным «коротких» после слов «телеграфных сообщений» нормы абзаца 1 части 5 статьи 7 закона №230-ФЗ. При такой формулировке этого положения закона устанавливается запрет на направленное на возврат просроченной задолженности взаимодействие с должником посредством телеграфных сообщений, коротких текстовых, голосовых и иных сообщений в установленных в названной части статьи закона пределах. При буквальном толковании положения этой статьи в новой редакции можно сделать вывод, что взаимодействие с должником путем направления ему длинных сообщений не должно рассматриваться как неправомерное, поскольку законодатель конкретизировал запрет на взаимодействие именно короткими сообщениями. Это также приведет к нарушению прав должников, которым можно будет направлять длинные сообщения в любое время суток и без ограничения их числа.

Таким образом, анализ положений Федерального закона №230-ФЗ свидетельствует о том, что в законодательство, регулирующее процесс взыскания задолженностей кредиторами, были внесены важные изменения, способствующие защите прав как кредиторов, так и должников. С другой стороны, отдельные его положения могут привести к нарушению прав заемщиков, что вызывает сомнения в целесообразности их закрепления в названном нормативном акте, что, впрочем, не умаляет значимости принятых в законе изменений.

Подытожив, можно констатировать, что в современной российской правовой действительности отсутствует необходимость полного запрета деятельности профессиональных коллекторских организаций. Законодательство о коллекторской деятельности следует реформировать в соответствии с возникающими в этом потребностями, соблюдая при этом баланс интересов кредиторов и должников по заемным обязательствам.

Список литературы:

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2018 по делу № 5-КГ17-256 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Банк судебных решений – URL: https://www.vsr.ru/lk/practice/stor_pdf/1638194 (дата обращения: 18.09.2025).

[2] Решение Лабинского районного суда Краснодарского края от 29.07.2020 по делу № 2-413/2020 [Электронный ресурс]. Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Xp1GYtLmZ5b> (дата обращения: 12.09.2025).

[3] Решение Савеловского районного суда города Москвы от 27.03.2023 по делу № 2-391/23 [Электронный ресурс]. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/content/fe1ba030-0467-11ee-8a75-6b1090721f6a> (дата обращения: 12.09.2025).

[4] Решение Савеловского районного суда города Москвы от 04.12.2024 по делу № 2-2820/2024 [Электронный ресурс]. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/content/2debe5e0-dff9-11ef-9efc-23e343feb586> (дата обращения: 12.09.2025).

[5] Агамиров К.В. Правовая культура современной России: актуальные вопросы теории и практики // Образование и право. – 2022. – № 7. – С. 326-329.

[6] Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных бюро кредитных историй: информационно-аналитический материал [Электронный ресурс] // Центральный Банк Российской Федерации. – 2025. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55834/inf-material_bki_2024sh.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

[7] Андреева О.С. Психологические методы воздействия «черных» коллекторов на должников и их окружение / О.С. Андреева, А.Е. Лукьяненко, А.С. Толкунова // Таврический журнал психиатрии. – 2018. – Т. 23, № 3 (83) – С. 9-16.

[8] Инютин В. Коллекторы заплатили за стрижку должника [Электронный ресурс] / Сайт

«Коммерсантъ». – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3042142> (дата обращения: 12.09.2025).

[9] Качалов В.Ю. Деятельность коллекторских агентств: правовой анализ (по законодательству РФ) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 12 (150). – С. 132.

[10] Левушкин А.Н. Правовое регулирование коллекторской деятельности как бизнес-процесса в эпоху цифровых отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации – 2020. – № 4 (223) – С. 80-88.

[11] Масленников Э.А. Проблема запрета осуществления коллекторской деятельности в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг // Юридическая наука – 2020. – №. 10. – С. 54-59.

[12] Матейчук В.И. Защита прав граждан от незаконных действий коллекторов по взысканию просроченной задолженности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 2 (44). – С. 20-25.

[13] Оценка численности постоянного населения РФ на 01.01.2025 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики – 2025. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55834/inf-material_bki_2024sh.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

[14] Пакалкина М.Г. Актуальность деятельности коллекторских фирм по возврату потребительских кредитов / М. Г. Пикалкина, Н. Н. Архангельская // Лесной вестник. – 2012. – № 5 (88). – С. 77–81.

[15] Проект федерального закона «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» и о признании утратившим силу Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/422304-8> (дата обращения: 10.09.2025).

[16] Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О потребительском кредите (займе) и статьи 3 и 5 Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/891208-8> (дата обращения: 10.09.2025).

[17] Проект федерального закона «О запрете привлечения иных лиц для взаимодействия с

должником». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/886402-7> (дата обращения: 10.09.2025).

[18] Соколинская Н.Э. Роль коллекторских агентств на финансовом рынке России / Н.Э. Соколинская, О.М. Маркова // Финансовые рынки и банки. – 2023 – № 4 – С. 70-77.

[19] Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024 [Электронный ресурс] // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности – 2025. – URL: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%202024.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

[20] Теплицкий Д.В. Взаимодействие СРО НАПКА с органами государственной власти в процессе борьбы с деятельностью «серых» взыскателей. // Академическая мысль. – 2018. – № 3 (4). – С. 34-36.

[21] Чхутиашвили Л.В. Взаимодействие банков и коллекторских организаций: тенденции развития в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2011. – № 39. – С. 15-25.

[22] Эзрох Ю.С. О жестком коллекторе узнаете снова. . . или что делать с взысканием долгов в России? // Всероссийский экономический журнал ЭКО – 2016. – № 7 (505). – С. 153-172.

References:

[1] Opređenje Sudebno kollegii po grahdanskim delam Verkhovnog Suda Rossiiskoi Federatsii ot 27.02.2018 po delu № 5-KG17-256 [Elektronnyi resurs]. Ofitsial'nyi sait Ver-khovnog Suda Rossiiskoi Federatsii. Bank sudebnykh reshenii – URL: https://www.vsr.ru/lk/practice/stor_pdf/1638194 (data obrashcheniia: 18.09.2025). (In Russ.).

[2] Reshenie Labinskogo raionnogo suda Krasnodarskogo kraia ot 29.07.2020 po delu № 2-413/2020 [Elektronnyi resurs]. Sait «Sudebnye i normativnye akty RF». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Xp1GYtnLmZ5b> (data obrashcheniia: 12.09.2025). (In Russ.).

[3] Reshenie Savelovskogo raionnogo suda goroda Moskvyy ot 27.03.2023 po delu № 2-391/23 [Elektronnyi resurs]. Ofitsial'nyi portal sudov obshchei iurisdiktsii goroda Moskvyy. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/content/fe1ba030-0467-11ee-8a75-6b1090721f6a> (data obrashcheniia: 12.09.2025). (In Russ.).

[4] Reshenie Savelovskogo raionnogo suda goroda Moskvyy ot 04.12.2024 po delu № 2-2820/2024 [Elektronnyi resurs]. Ofitsial'nyi portal sudov obshchei iurisdiktsii goroda Moskvyy. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/con->

tent/2debe5e0-dff9-11ef-9efc-23e343feb586 (data obrashcheniia: 12.09.2025). (In Russ.).

[5] Agamirov K.V. Pravovaia kul'tura sovremennoi Rossii: aktual'nye voprosy teorii i praktiki // *Obrazovanie i pravo*. – 2022. – № 7. – S. 326-329. (In Russ.).

[6] Analiz tendentsii v segmente roznichnogo kreditovaniia na osnove dannykh biuro kreditnykh istorii: informatsionno-analiticheskii material [Elektronnyi resurs] // Tsentral'nyi Bank Rossiiskoi Federatsii. – 2025. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55834/inf-material_bki_2024sh.pdf (data obrashcheniia: 10.09.2025). (In Russ.).

[7] Andreeva O.S. Psikhologicheskie metody vozdviizhii «chernykh» kollektorov na dolzhnikov i ikh okruzhenie / O.S. Andreeva, A.E. Luk'ianenko, A.S. Tolkunova // *Tavricheskii zhurnal psikhatrii*. – 2018. – T. 23, № 3 (83) – S. 9-16. (In Russ.).

[8] Iniutin V. Kollektory zaplatili za strizhku dolzhnitsy [Elektronnyi resurs] / Sait «Kommersant». – Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/3042142> (data obrashcheniia: 2.09.2025). (In Russ.).

[9] Kachalov V.Iu. Deiatel'nost' kollektorskiikh agentstv: pravovoi analiz (po zakonodatel'stvu RF) // *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. – 2024. – № 12 (150). – S. 132. (In Russ.).

[10] Levushkin A.N. Pravovoe regulirovanie kollektorskoj deiatel'nosti kak biznes-protsessa v epokhu tsifrovyykh otnoshenii // *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii* – 2020. – № 4 (223) – S. 80-88. (In Russ.).

[11] Maslennikov E.A. Problema zapreta osushchestvleniia kollektorskoj deiatel'nosti v sfere predostavleniia zhilishchno-kommunal'nykh uslug // *Iuridicheskaja nauka* – 2020. – № 10. – S. 54-59.

[12] Mateichuk V.I. Zashchita prav grazhdan ot nezakonnykh deistvii kollektorov po vzyskaniu prosrochnoi zadolzhennosti // *Iuridicheskaja nauka i pravookhranitel'naia praktika*. – 2018. – № 2 (44). – S. 20-25. (In Russ.).

[13] Otsenka chislennosti postoiannogo naseleeniia RF na 01.01.2025 [Elektronnyi resurs] // *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* – 2025. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55834/inf-material_bki_2024sh.pdf (data obrashcheniia: 10.09.2025). (In Russ.).

[14] Pakalkina M.G. Aktual'nost' deiatel'nosti kollektorskiikh firm po vozvratu potrebitel'skiikh kreditov / M. G. Pakalkina, N. N. Arkhangel'skaia // *Lesnoi vestnik*. – 2012. – № 5 (88). – S. 77-81. (In Russ.).

[15] Proekt federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v stat'iu 5 Federal'nogo zakona “O potrebitel'skom kredite (zaime)” i o priznanii utrativshim silu Federal'nogo zakona “O zashchite prav i zakonnykh interesov fizicheskikh lits pri osushchestvlenii deiatel'nosti po vozvratu prosrochnoi zadolzhennosti i o vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon “O mikrofinansovoi deiatel'nosti i mikrofinansovykh organizatsiiakh”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/422304-8> (data obrashcheniia: 10.09.2025). (In Russ.).

[16] Proekt federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon “O potrebitel'skom kredite (zaime)” i stat'i 3 i 5 Federal'nogo zakona “O zashchite prav i zakonnykh interesov fizicheskikh lits pri osushchestvlenii deiatel'nosti po vozvratu prosrochnoi zadolzhennosti i o vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon “O mikrofinansovoi deiatel'nosti i mikrofinansovykh organizatsiiakh”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/891208-8> (data obrashcheniia: 10.09.2025). (In Russ.).

[17] Proekt federal'nogo zakona «O zaprete privilecheniia inyykh lits dlia vzaimodeistviia s dolzhnikom». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/886402-7> (data obrashcheniia: 10.09.2025). (In Russ.).

[18] Sokolinskaia N.E. Rol' kollektorskiikh agentstv na finansovom rynke Rossii / N.E. Sokolinskaia, O.M. Markova // *Finansovyie rynki i banki*. – 2023 – № 4 – S. 70-77. (In Russ.).

[19] Statisticheskii biulleten' Fedresursa po bankrotstvu 2024 [Elektronnyi resurs] // *Edinyi federal'nyi reestr iuridicheskikh znachimykh svedenii o faktakh deiatel'nosti iuridicheskikh lits, individual'nykh predprinimatelei i inyykh sub'ektov ekonomicheskoi deiatel'nosti* – 2025. – URL: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%B-B%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B-D%D1%8C%202024.pdf> (data obrashcheniia: 10.09.2025). (In Russ.).

[20] Teplitskii D.V. Vzaimodeistvie SRO NAPKA s organami gosudarstvennoi vlasti v protsesse bor'by s deiatel'nost'iu “serykh” vzyskatelei. // *Akademicheskaja mysl'*. – 2018. – № 3 (4). – S. 34-36. (In Russ.).

[21] Chkhutiashvili L.V. Vzaimodeistvie bankov i kollektorskiikh organizatsii: tendentsii razvitiia v Rossii // *Finansovaja analitika: problemy i resheniia*. – 2011. – № 39. – S. 15-25. (In Russ.).

[22] Ezrokh Iu.S. O zhestkom kollektore uznaete snova. . . ili chto delat' s vzyskaniem dolgov v Rossii? // *Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal EKO* – 2016. – № 7 (505). – S. 153-172. (In Russ.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-454-457

КЛЕЦЕНКО Сергей Сергеевич,
соискатель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
e-mail: sergei@kletsenko.ru

ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНИКА В ОТНОШЕНИЯХ С ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ, ВЛАДЕЮЩИМИ ИМУЩЕСТВОМ ДОЛЖНИКА И ДЕБИТОРАМИ

Аннотация. Ряд ученых рассматривает деятельность судебного пристава-исполнителя с позиции замещения должника. Пределы замещения должника в отношениях с дебиторами довольно ограничены: судебный пристав-исполнитель выступает уполномоченным лицом на принятие исполнения по денежным обязательствам. В отношениях с третьими лицами, владеющими имуществом должника, замещения должника не происходит. Предлагается наделить судебного пристава-исполнителя правомочием на принятие исполнения по обязательствам о возврате имущества. Автор выступает против наделения судебных приставов-исполнителей полномочиями по изменению и расторжению договоров с третьими лицами.

Ключевые слова: исполнительное производство; замещение должника; обращение взыскания на имущество должника, находящееся у третьих лиц; обращение взыскания на дебиторскую задолженность; третьи лица, владеющие имуществом должника; дебиторы должника.

KLETSENKO Sergey Sergeevich,
Applicant for a degree,
Department of Civil Procedure,
Saratov State Law Academy

SUBSTITUTION OF THE DEBTOR IN RELATIONS WITH THIRD PARTIES HOLDING THE DEBTOR'S PROPERTY AND WITH THE DEBTOR'S DEBTORS

Annotation. A number of scholars view the activities of the bailiff from the perspective of substituting the debtor. The limits of such substitution in relations with the debtor's obligors are rather restricted: the bailiff acts as an authorized person to accept performance under monetary obligations. In relations with third parties possessing the debtor's property, no substitution of the debtor takes place. It has been proposed to grant the bailiff the authority to accept performance of obligations involving the return of property. The author opposes granting bailiffs the powers to amend or terminate contracts with third parties.

Key words: enforcement proceedings; substitution of the debtor; levy of the debtor's property held by the third party; levy on accounts receivable; third parties holding the debtor's property; debtor's debtors.

Практическую деятельность судебного пристава-исполнителя связывают с институтом представительства. Судебный пристав-исполнитель выступает представителем, но представителем не в традиционном, а в особом – публично-правовом – смысле, при этом он представляет одновременно как должника – восполняя недостаток воли на передачу вещи взыскателю, так и взыскателя – восполняя отсутствие полномочий по изъятию вещи у должника [1]. Замещением принято считать такое

представительство, при котором представитель не просто действует от имени и в интересах представляемого, но также изъявляет вместо него свою волю [2; с. 95].

Поскольку действия судебного пристава-исполнителя в исполнительном производстве направлены на восполнение отсутствующей воли должника, их можно рассматривать в качестве замещения должника судебным приставом-исполнителем.

Помимо взыскателя и должника, имеющих материально-правовой интерес в исходе исполнительного производства, закон выделяет и других материально-заинтересованных субъектов: третьих лиц, владеющих имуществом должника (статья 77 Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»), а также дебиторов должника (статья 76 ФЗИП). Закон и правовая доктрина не дают ясного ответа на вопрос, замещает ли судебный пристав-исполнитель должника в отношениях с третьими лицами, что определяет актуальность настоящего исследования.

В первую очередь необходимо раскрыть концепцию замещения должника судебным приставом-исполнителем. В представлении Д.Б. Володарского судебный пристав-исполнитель создает условия реализации субъективных прав взыскателя, выполняя отсутствующую волю должника своей собственной волей и замещая неспособность должника к исполнению обязанностей посредством своей компетенции. Автор проводит параллель с институтом представительства: действуя в рамках своих полномочий, судебный пристав-исполнитель не становится участником материального правоотношения, а материальное правоотношение, в свою очередь, не осложняется публично-правовым элементом. Принудительные действия – это, в сущности, действия должника, которые были осуществлены другим субъектом, имеющим на то властные полномочия – судебным приставом-исполнителем. С позиции материального права судебный пристав-исполнитель не является субъектом спора, а совершенные им процессуальные действия приписываются должнику – обязанной стороне подтвержденного судом правоотношения [3].

Раскрывая содержание теории декларации, М.Л. Гальперин характеризует исполнительное производство как один из механизмов исполнения обязательства. Принцип действия такого механизма сводится к одному из двух вариантов взаимодействия: к понуждению должника исполнить обязательство своими силами либо в замещении должника в отношениях с взыскателем. Замещая должника, судебный пристав-исполнитель выполняет его обязанность перед взыскателем, но делает это за счет денежных средств или иного имущества должника. Нового материального правоотношения в таком случае не возникает, а существовавшее между взыскателем и должником правоотношение остается неизменным [4].

Не менее интересной представляется позиция А.Р. Голубевой, по мнению которой судебный пристав-исполнитель вступает в права должника на принадлежащее ему имущество, если оно было подвергнуто аресту, и замещает последнего

в отношениях с взыскателем и другими участниками исполнительного производства. Распоряжаясь принадлежащими должнику правами, судебный пристав-исполнитель вступает в гражданско-правовые отношения с хранителем, оценщиком, специализированными торгующими организациями — соответственно по поводу хранения, оценки и комиссионной продажи арестованного имущества; определяет размер удержания из заработной платы, передает взыскателю имущество должника, не реализованное путем продажи с публичных торгов [5].

Попытаемся обобщить имеющиеся знания по данной проблематике: замещение должника происходит в рамках существовавшего между должником и взыскателем материального правоотношения; а также в рамках новых материальных правоотношений, связанных с оценкой, хранением и реализацией имущества должника. Остается понять, применима ли логика с замещением должника судебным приставом-исполнителем к отношениям с третьими лицами, которые не являются участниками материального правоотношения между должником и взыскателем, но при этом находятся с должником в отдельных материальных правоотношениях.

Ключевой вопрос заключается в том, по какому основанию судебный пристав-исполнитель прекращает обязательство третьего лица перед должником. Статья 77 ФЗИП не содержит указания, что передача имущества должника от третьего лица судебному приставу-исполнителю равносильна передаче имущества должнику.

Очертив круг полномочий судебного пристава-исполнителя, Закон об исполнительном производстве не наделил его правом замещать волю должника и тем самым вмешиваться в правоотношения должника с третьими лицами, возникших по поводу владения вещью или иных, помимо денежных средств, материальных благ, менять существо обязательства, прекращать обязательство, требовать и принимать по нему исполнение, даже в случае, если предметом обязательства выступает передача или возврат вещи должнику. Прекращение обязательства посредством изъятия вещи происходит постольку, поскольку вещь выбывает из владения третьего лица, и он утрачивает возможность возвратить ее прежнему собственнику – должнику по исполнительному производству.

Полагаем возможным наделить судебного пристава-исполнителя правомочием на принятие исполнения по возврату имущества, полученного третьим лицом в наем или аренду, если третье лицо, владеющее имуществом должника, выразило намерение передать такую вещь непосредственно судебному приставу-исполнителю, напри-

мер, когда истек срок действия договора и третье лицо отказалось от его продления. Учитывая, что имущество будет передаваться судебному приставу-исполнителю по воле третьего лица, изъятие такого имущества может происходить без вмешательства суда.

Регулирование данного вопроса при обращении взыскания на дебиторскую задолженность представляется более удачным: ч. 6 ст. 76 ФЗИП предусмотрено, что внесение денежных средств, которые предназначались для оплаты задолженности перед должником, на депозитный счет подразделения судебных приставов расценивается как исполнение обязательства надлежащему лицу. Приведенные положения закона действуют в отношении прав должника на получение денежных средств (дебиторскую задолженность). Законодатель не стал распространять эти правила на случаи обращения взыскания на неденежные требования должника.

Можно сделать вывод, что судебный пристав-исполнитель замещает должника в отношениях с кредиторами и выступает лицом, уполномоченным на принятие исполнения, в том смысле (или близком к нему), который этому понятию придает статья 312 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Как не раз отмечалось судами, судебный пристав-исполнитель не наделен компетенцией по разрешению споров о принадлежности имущества. Перед тем как обратиться взыскание на дебиторскую задолженность, судебный пристав-исполнитель должен убедиться в бесспорном ее существовании, а также установить право должника на погашение этой задолженности [6].

Из этого вытекает, что судебный пристав-исполнитель уполномочен принимать исполнение только по тем денежным требованиям должника, которые подтверждаются документально и не оспариваются другой стороной обязательства. Принуждение к оплате договора, если покупатель предъявляет требования, связанные с качеством и комплектностью товара, а заказчик указывает на недостатки выполненной работы или оказанной услуги, выходит за пределы полномочий судебного пристава-исполнителя и представляет собой вторжение в гражданско-правовые отношения сторон [7].

В дореволюционном праве привлечение третьих лиц к исполнению судебных решений сопровождалось предоставлением им некоторых правовых гарантий:

1. Исполнение требования о передаче вещей или денежных сумм судебному приставу приравнивалось к исполнению обязательства перед должником. Другими словами, третье лицо переставало быть должником по обязательству о возврате имущества или выплате денежных сумм. В

последующем судебный пристав определял, в чью пользу будет погашен этот долг или вещное требование, и нес за это ответственность [8; с. 132].

2. Наряду с этим, третьи лица не отвечали за неблагоприятные последствия, вызванные передачей имущества должника судебному приставу. Если арест в итоге был признан незаконным, третье лицо могло не опасаться взыскания убытков или неустойки по причине неисполнения обязательства [9; с. 97].

3. В доктрине обсуждалась возможность передачи судебному приставу-исполнителю прав должника на изменение или прекращение договора. Как указывала А.М. Сметкая, если закон предоставлял должнику право расторгнуть договор аренды, ссуды или хранения в досрочном порядке, то такое же право следовало предоставить и судебному исполнителю, поскольку он, действуя вместо должника, изымал и реализовывал его имущество [9; с. 270-271].

К этой идее — передать судебному приставу-исполнителю права должника на изменение или прекращение договора — мы относимся скептически. Не отрицая целесообразности данного предложения, отметим, что досрочное расторжение договора может поставить третье лицо в затруднительное положение, например, повлечь риск нарушения сроков выполнения работ (сроков сдачи объекта) при прекращении аренды строительной техники, или привести к неосновательному обогащению должника за счет предварительных платежей по найму или аренде, что создаст предпосылки к возникновению нового спора между должником и третьим лицом.

В свете изложенных соображений можно прийти к выводу, что судебный пристав-исполнитель замещает должника в отношениях с взыскателем, а также с лицами, которые содействуют исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, такими как хранитель и оценщик, и в определенной степени — с кредиторами должника, поскольку он уполномочен законом на принятие исполнения по кредиторским требованиям должника. Замещения должника в отношениях с третьими лицами, владеющими имуществом должника, как такового не происходит.

Действия судебных приставов-исполнителей, вне всяких сомнений, влекут за собой материально-правовые последствия для должника и его контрагентов, однако их не стоит воспринимать как распоряжение правами должника в пределах того или иного договора, заключенного с третьим лицом. Такие действия не содержат в себе правопреобразовательного волеизъявления, сделанного как бы от лица должника. Это прямое следствие осуществления судебным приста-

вом-исполнителем предоставленных ему полномочий, которые влекут изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей по причине невозможности осуществления таковых в рамках первоначальных договоренностей.

От судебного пристава-исполнителя не требуется соблюдение порядка изменения или расторжения договора, заключенного между должником и третьим лицом. Возможность наложения ареста, изъятия имущества должника у третьего лица и передачи изъятых имущества на принудительную реализацию не подчинена таким условиям договора как право должника на получение исполнения, на односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий.

Список литературы:

- [1] Шевченко И.М. О каузе встречного обеспечения в арбитражном процессе // Российский судья. 2023. № 1. С. 2 - 7. СПС КонсультантПлюс
- [2] Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. 383 с.
- [3] Володарский Д.Б. К вопросу о воздействии судебного акта на осуществленное через суд материально-правовое притязание // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12. С. 6 - 22. СПС КонсультантПлюс
- [4] Гальперин М.Л. Объект правонарушения в современном исполнительном производстве // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 168 - 182. СПС КонсультантПлюс
- [5] Голубева А.Р. Замещение должника // ЭЖ-Юрист. 2004. № 10. СПС КонсультантПлюс
- [6] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.04.2020 N 88а-7613/2020. СПС КонсультантПлюс
- [7] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.07.2020 по делу № А50-26584/2019
- [8] Исаченко В.Л. Об уплате третьим лицом долга по заемному обязательству судебному приставу, производящему взыскание с его кредитора // Журнал Министерства юстиции. 1910. №7.
- [9] Арапов П.А. Руководство для судебных приставов окружных судов и съездов мировых судей, судебных рассыльных чинов полиции, на которых возлагаются обязанности по вручению повесток и по исполнению решений судебных мест и для взыскателей и должников. Самара: Тип. И.П. Новикова, 1889. 599 с.
- [10] Смецкая А.М. Исполнение судебных постановлений путем обращения взыскания на имущество граждан и на заработную плату: диссертация ... канд. юр. наук. Харьков, 1968. 345 с.

References:

- [1] Shevchenko I.M. O kauze vstrechnogo obespecheniia v arbitrazhnom protsesse [On the Cause of Counter-Security in Arbitration Proceedings] // Rossiiskii sud'ia [Russian Judge]. 2023. № 1. P. 2 - 7. SPS Konsul'tantPlius
- [2] Egorov A.V., Papchenkova E.A., Shirvindt A.M. Predstavitel'stvo: issledovanie sudebnoi praktiki [Representation: A Study of Judicial Paractice]. M.: ITsChP im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF, 2017. 383 p.
- [3] Volodarskii D.B. K voprosu o vozdeistvii sudebnogo akta na osushchestvlennoe cherez sud material'no-pravovoe pritiiazanie [On the Impact of a Judicial Act on a Substantive Claim Enforced Through Court] // Vestnik VAS RF [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. 2012. № 12. P. 6 - 22. SPS Konsul'tantPlius
- [4] Gal'perin M.L. Ob'ekt pravonarusheniia v sovremennom ispolnitel'nom proizvodstve [The Object of an Offense in Modern Enforcement Proceedings] // Vestnik grazhdanskogo protsessa [Bulletin of Civil Procedure]. 2018. № 2. S. 168 - 182. SPS Konsul'tantPlius
- [5] Golubeva A.R. Zameshchenie dolzhnika [Substitution of the Debtor] // EZh-lurist [EZh-Lawyer]. 2004. № 10. SPS Konsul'tantPlius
- [6] Kassatsionnoe opredelenie Sed'mogo kassatsionnogo suda obshchei iurisdiktsii ot 29.04.2020 N 88a-7613/2020. SPS Konsul'tantPlius
- [7] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 08.07.2020 po delu № A50-26584/2019
- [8] Isachenko V.L. Ob uplate tret'im litsom dolga po zaemnomo obiazatel'stvu sudebnomu pristavu, proizvodiaschemu vzyiskanie s ego kreditora [On the Payment of a Loan Obligation Debt by a Third Party to a Bailiff Collecting from His Creditor] // Zhurnal Ministerstva iustitsii [Journal of the Ministry of Justice]. 1910. №7.
- [9] Arapov P.A. Rukovodstvo dlia sudebnykh pristavov okruzhnykh sudov i s"ezdov mirovykh sudei, sudebnykh rassyl'nykh chinov politzii, na kotorykh vozlagaiutsia obiazannosti po vrucheniiu povestok i po ispolneniiu reshenii sudebnykh mest i dlia vzyiskatelei i dolzhnikov [A Guide for Bailiffs of District Courts and Justices of the Peace, Court Messengers of the Police, Responsible for Serving Summons and Executing Court Decisions, and for Creditors and Debtors]. Samara: Tip. I.P. Novikova, 1889. 599 p.
- [10] Smetskaia A.M. Ispolnenie sudebnykh postanovlenii putem obrashcheniia vzyiskaniia na imushchestvo grazhdan i na zarabotnuiu platu: dissertatsiia [Enforcement of Judicial Decisions through Recovery Against Citizens' Property and Wages] ... kand. iur. nauk. Khar'kov, 1968. 345 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-458-461

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора
«Пелевин и партнеры», адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТКАЗА ПАЦИЕНТА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ С КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. В статье анализируются юридические последствия, возникающие при одностороннем расторжении пациентом договора на оказание платных медицинских услуг, заключенного с клиникой пластической хирургии. Особое внимание уделяется правовым основаниям для отказа заказчика от исполнения договора в случае несоблюдения клиникой пластической хирургии своих договорных обязательств. Исследование показывает, что одним из ключевых последствий расторжения договора является возмещение убытков. Подчеркивается, что при одностороннем отказе пациента клиника пластической хирургии может претендовать только на компенсацию фактических убытков, в то время как при аналогичном действии со стороны клиники пластической хирургии, она обязана возместить пациенту как фактический ущерб, так и упущенную выгоду. Кроме того, пациент, в отличие от клиники пластической хирургии, имеет право требовать возмещения не только уже понесенных, но и будущих необходимых расходов. Автор отмечает, что такое распределение ответственности создает дисбаланс в правах сторон. Подчеркивается, что право пациента на одностороннее расторжение договора является безусловным и не может быть ограничено соглашением сторон, поскольку соответствующая норма закона носит императивный характер.

Ключевые слова: клиника пластической хирургии, односторонний отказ, договор, прекращение договора, услуги, пациент, заказчик, исполнитель, убытки.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association"
branch "Pelevin and Partners Law Firm", lawyer

LEGAL CONSEQUENCES OF A PATIENT'S REFUSAL TO FULFILL A CONTRACT FOR THE PROVISION OF PAID MEDICAL SERVICES WITH A PLASTIC SURGERY CLINIC

Annotation. The article analyzes the legal consequences arising from the unilateral termination of a contract for the provision of paid medical services by a patient concluded with a plastic surgery clinic. Particular attention is paid to the legal grounds for the customer's refusal to fulfill the contract in the event of the plastic surgery clinic's failure to comply with its contractual obligations. The study shows that one of the key consequences of contract termination is compensation for damages. It is emphasized that in the event of a unilateral refusal by the patient, the plastic surgery clinic can only claim compensation for actual losses, while in the event of a similar action by the plastic surgery clinic, it is obliged to compensate the patient for both actual damage and lost profits. In addition, the patient, unlike the plastic surgery clinic, has the right to demand compensation not only for expenses already incurred, but also for future necessary expenses. The author notes that such a distribution of responsibility creates an imbalance in the rights of the parties. It is emphasized that the patient's right to unilaterally terminate the contract is unconditional and cannot be limited by agreement of the parties, since the relevant legal provision is imperative.

Key words: plastic surgery clinic, unilateral refusal, contract, termination of contract, services, patient, customer, contractor, damages.

Понимание правовых последствий отказа от договора оказания медицинских услуг позволяет сторонам просчитать риски принятия решения об отказе, а также защитить свои права и интересы после расторжения договора.

Данная тема разработана недостаточно, выявлен недостаток научных исследований, посвященных ей.

Цель исследования - анализ последствий, возникающих при одностороннем расторжении пациентом договора на оказание платных медицинских услуг, заключенного с клиникой пластической хирургии (далее – клиника). Его результаты могут быть использованы при планировании и принятии решения об отказе от данного договора, при проведении дальнейших научных исследований по теме.

Договор на оказание услуг пластической хирургии, согласно Гражданскому кодексу РФ, подразумевает, что клиника обязуется оказывать определенные медицинские услуги. Исполнение этого договора начинается с проведения медицинского обследования пациента в целях обеспечения его здоровья.

После проведения лабораторных и инструментальных исследований и консультации с пластическим хирургом пациент принимает решение о проведении ему медицинского вмешательства по профилю пластическая хирургия.

Если проведенные исследования по мнению пластического хирурга и врач анестезиолога, а также иных профильных специалистов позволяют провести пациенту необходимую ему пластическую операцию и он согласен на нее, то пациент подписывает договор возмездного оказания медицинских услуг, информированные добровольные согласия на медицинское вмешательство и иные необходимые документы, после чего он ставится руководством клиники в график на операцию по профилю пластическая хирургия.

Важным аспектом является то, как сам пациент оценивает качество полученного результата, особенно в контексте изменения внешности после пластической операции.

Однако в пластической хирургии «идеальный» результат с точки зрения хирурга не всегда совпадает с тем, как его воспринимает пациент. Улучшение состояния здоровья с медицинской точки зрения может не принести удовлетворения пациенту, если его ожидания не оправдались.

Медицинская деятельность, в силу своей природы, всегда связана с риском. Результат лечения зависит от индивидуальных особенностей организма пациента и не гарантирует желаемый исход.

Поскольку хирургические вмешательства всегда несут в себе риск неожиданных последствий, ответственность пластического хирурга заключается, прежде всего, в качественном выполнении самой пластической операции. Учитывая этот рискованный характер, оценка качества услуг клиники не может основываться только на соответствии результата ожиданиям пациента.

В литературных источниках чаще всего встречается точка зрения, согласно которой на восприятие качества услуги влияют в основном характеристики самого процесса и условия, в которых она предоставляется, а не конечный результат [4]. Эта позиция распространена и в судебной практике.

Нарушение качества услуг может быть причиной отказа пациента от договора. Пациент вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора оказания медицинских услуг, независимо от наличия или отсутствия нарушений со стороны исполнителя. Основаниями для расторжения договора могут служить, в частности, нарушение сроков оказания услуг, неустранение клиникой выявленных недостатков в установленный срок, обнаружение существенных дефектов в оказанной услуге.

При этом пациент может отказаться от услуг до момента их принятия, даже если клиника не допустила никаких нарушений. Договор расторгается посредством направления клинике уведомления об одностороннем отказе [5, с. 40].

После получения клиникой данного уведомления договор считается расторгнутым, что влечет за собой прекращение обязательств сторон.

Если пациент расторгает договор с клиникой не из-за того, что клиника ненадлежащим образом выполнила свои обязательства, клиника имеет право потребовать от пациента:

1. Возмещения расходов, понесенных в связи с оказанием услуг. Эти убытки могут включать, например, стоимость медицинских материалов, которые клиника закупила для лечения пациента.

2. Оплаты стоимости фактически оказанных услуг в объеме, пропорциональном их исполнению (например, стоимость консультации), при условии отсутствия в договоре положения о 100% предоплате.

3. Уплаты неустойки, в случае неисполнения пациентом обязательств по оплате выполненных этапов работ до момента расторжения договора.

В соответствии с ГК РФ (ст. 717), заказчик, расторгающий договор без оснований, обязан оплатить выполненную работу и компенсировать убытки исполнителя. В случае одностороннего отказа пациента от договора с клиникой, клиника

обязана вернуть пациенту предоплату за вычетом стоимости фактически оказанных услуг (согласно уведомлению об отказе). Эти положения позволяют предположить, что статья 782 ГК РФ рассматривает убытки, возникшие в результате законных действий [3, с. 12].

В ситуации, когда исполнитель прекращает действие договора в одностороннем порядке вследствие ненадлежащего исполнения своих обязательств, он несет полную ответственность перед заказчиком. Эта ответственность включает в себя возмещение всех понесенных заказчиком убытков. Реальный ущерб охватывает расходы, необходимые для восстановления нарушенных прав, в частности, затраты на медикаментозное обеспечение и оплату медицинских услуг, повторных пластических операций, а также компенсация стоимости поврежденных изделий, например, имплантатов.

Упущенная выгода охватывает утраченный заработок (доход) в период нетрудоспособности, вызванной некачественным оказанием медицинских услуг, а также неполученные доходы, которые пациент мог бы получить, если бы не утратил трудоспособность. Принцип возмещения убытков направлен на обеспечение максимально возможного восстановления имущественного положения потерпевшего до состояния, предшествовавшего причинению вреда [6, с. 10].

Если медицинская помощь оказана с серьезными нарушениями, например, с нарушением установленных правил или с ошибками при проведении процедур, то, помимо компенсации причиненного вреда, клиника должна возратить пациенту неиспользованную часть предоплаты по договору.

При расторжении договора клиника может требовать возмещения только тех расходов, которые она действительно понесла и которые составляют ее прямой ущерб. Пациент же, в свою очередь, имеет право на компенсацию не только прямого ущерба, но и неполученной прибыли (упущенной выгоды).

В соответствии с п. 1 ст. 782 ГК РФ, возмещению подлежат лишь те фактически понесенные расходы, которые являются необходимыми и непосредственно вытекают из действий, направленных на исполнение договора возмездного оказания медицинских услуг.

Для возмещения расходов необходимо предоставить документы, подтверждающие их фактическое возникновение и обоснованность. В противном случае, суды, как правило, отклоняют требования о компенсации.

Предоставление такого возмещения не является мерой ответственности, так как осуществ-

ление права, даже если оно затрагивает законные интересы другого лица, не образует состава правонарушения [1, с. 53-58].

Согласно действующим нормам, исполнитель может претендовать на компенсацию лишь за фактически понесенные до расторжения договора затраты. При этом заказчик имеет право требовать возмещения будущих убытков.

Представляется, что такое распределение прав и обязанностей не является равноправным. Вероятно, законодатель намеренно отступил от принципа баланса интересов, чтобы защитить потребителя от значительных финансовых потерь в пользу исполнителя [2, с. 12-18].

Любое положение договора, требующее от пациента возмещения убытков исполнителю, помимо фактически понесенных расходов, при одностороннем отказе пациента от договора, признается недействительным в силу закона.

Поэтому недопустимо включать в договор положения, ограничивающие права заказчика, так как статья 782 Гражданского кодекса РФ носит императивный характер и не допускает отклонений от установленных ею правил¹.

Условия договора, предусматривающие выплату неустойки или штрафных санкций в связи с его расторжением, являются недопустимыми, поскольку они искажают правовую природу неустойки, являющейся способом обеспечения исполнения обязательств.

В законодательстве ряда стран также предусмотрены положения об одностороннем отказе от договора. В некоторых странах договор также может быть расторгнут без указания конкретной причины, путем направления письменного уведомления. Это дает возможность стороне отказаться от договора без необходимости доказывания нарушения обязательств другой стороной.

Таким образом, пациент вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора оказания медицинских услуг, независимо от наличия или отсутствия нарушений со стороны исполнителя. После получения клиникой данного уведомления договор считается расторгнутым, что влечет за собой прекращение обязательств сторон. Если пациент расторгает договор с клиникой не из-за того, что клиника ненадлежащим образом выполнила свои обязательства, клиника имеет право потребовать от пациента: возмещения расходов, понесенных в связи для оказания услуг, оплаты стоимости фактически оказанных услуг в объеме, пропорциональном их исполнению, оплаты стоимости фактически оказанных

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 07.09.2010 № 2715/10 по делу N A64-7196/08-23 // "Вестник ВАС РФ", 2010, № 11.

услуг в объеме, пропорциональном их исполнению. Если медицинская помощь оказана с серьезными нарушениями, например, с нарушением установленных правил или с ошибками при проведении процедур, то, помимо компенсации причиненного вреда, клиника должна возместить пациенту неиспользованную часть предоплаты по договору. В ситуации, когда исполнитель прекращает действие договора в одностороннем порядке вследствие ненадлежащего исполнения своих обязательств, он несет полную ответственность перед заказчиком, которая включает в себя возмещение всех понесенных заказчиком убытков. При одностороннем отказе пациента клиника может претендовать только на компенсацию фактических расходов, которые она действительно понесла, в то время как при аналогичном действии со стороны клиники, она обязана возместить пациенту как фактический ущерб, так и упущенную выгоду. Законодатель намеренно отступил от принципа баланса интересов, чтобы защитить потребителя от значительных финансовых потерь в пользу исполнителя. Право пациента на одностороннее расторжение договора является безусловным и ограничению не подлежит.

Список литературы:

- [1] Милохова А.В. Односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг: его пределы и условия реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 53-58.
- [2] Никитин А.В. Возмещение убытков при одностороннем немотивированном отказе от исполнения договора возмездного оказания услуг // Юрист. 2019. № 9.

[3] Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009.

[4] Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве: Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д-ра юрид. наук. М., 2007.

[5] Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

[6] Шевчук Е.П. Проблемы определения размера возмещения вреда, причиненного здоровью при оказании медицинских услуг // ГлаголЪ правосудия. 2015. № (10).

References:

[1] Milokhova A.V. Odnostoronnij otkaz ot ispolneniya dogovora vozmezdnoy okazaniya uslug: ego predely i usloviya realizacii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2017. № 12. S. 53-58.

[2] Nikitin A.V. Vozmeshchenie ubytkov pri odnostoronnem nemotivirovannom otkaze ot ispolneniya dogovora vozmezdnoy okazaniya uslug // Yurist. 2019. № 9.

[3] Sadikov O.N. Ubytki v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii. M.: Statut, 2009.

[4] Sannikova L.V. Obyazatel'stva ob okazanii uslug v rossijskom grazhdanskom prave: Avtoref. diss. na soiskanie uch. st. d-ra yurid. nauk. M., 2007.

[5] Shablova E.G. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenij vozmezdnoy okazaniya uslug: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2003.

[6] Shevchuk E.P. Problemy opredeleniya razmera vozmeshcheniya vreda, prichinennogo zdorov'yu pri okazanii medicinskih uslug // Glagol' pravosudiya. 2015. № (10).

JURCOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-462-465

ИЛЛО Денис Анатольевич,
доцент кафедры административного права
и процесса ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский
университет ГПС МЧС России,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

МОИСЕЕНКО Ирина Николаевна,
старший преподаватель
кафедры административного права
и процесса ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский
университет ГПС МЧС России,
e-mail: mail@law-books.ru

О КЛАССИФИКАЦИИ ОСНОВНЫХ ВИДОВ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ коммерческих организаций по законодательству Российской Федерации, их правовое положение, имеющаяся многочисленная их классификация, проблематика, связанная с различными подходами к пониманию существующих проблем данных субъектов права. Анализируемый институт коммерческих лиц, как разновидности юридических лиц выступает в качестве системно значимого и центрального элемента в области коллективных субъектов права. В заключении были проанализированы и подробно раскрыты особенности, трудности и проблемы, с которыми сталкиваются подобные лица.

Ключевые слова: Коммерческие организации, юридические лица, законодательство, классификация, гражданское право, предпринимательская деятельность, извлечение прибыли, правовые нормы.

ILLO Denis Anatolievich,
Associate Professor of the Department of Administrative Law
and Process, St. Petersburg State Budgetary
Educational Institution of Higher Professional Education
University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
PhD in Law

MOISEENKO Irina Nikolaevna,
Senior Lecturer of the Department of Administrative Law
and Process, St. Petersburg State Budgetary
Educational Institution of Higher Professional Education
University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia

ON THE CLASSIFICATION OF THE MAIN TYPES OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS IN CIVIL LEGISLATION

Annotation. This article presents an analysis of commercial organizations under the legislation of the Russian Federation, their legal status, their existing numerous classifications, problems associated with various approaches to understanding the existing problems of these legal entities. The analyzed institution of commercial entities, as a type of legal entity, acts as a systemically significant and central element in the field of collective legal entities. In conclusion, the features, difficulties and problems faced by such entities were analyzed and disclosed in detail.

Key words: Commercial organizations, legal entities, legislation, classification, civil law, entrepreneurial activity, profit making, legal norms.

Организация представляет собой экономический субъект, создаваемый для производства товаров или услуг определенного типа. Она осуществляет свою деятельность самостоятельно, располагает банковским счетом, обладает статусом коммерческой организации и может заниматься любыми разрешенными законом видами деятельности. Организации могут быть основаны с целью извлечения прибыли, что является одной из их основных задач, или же преследовать иные цели, при которых получение прибыли не является приоритетным. Предприятия различаются по ряду признаков, включая размер, структуру и функции.

Классификация основных видов коммерческих организаций представляет собой сложную и многоаспектную проблему, привлекающую внимание многих исследователей. Как отмечает Р.К. Овчаренко, коммерческие организации могут быть разделены на несколько категорий в зависимости от критериев, используемых для их дифференциации. В частности, одним из наиболее распространенных подходов является классификация по форме собственности, в рамках которой выделяются государственные, частные и смешанные предприятия [1, с.155].

Другой значимый критерий классификации, по мнению О.В. Гутникова, основан на организационно-правовой форме. Этот подход выделяет такие типы коммерческих организаций, как акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, полные товарищества и коммандитные товарищества. Каждая из этих форм имеет свои особенности, касающиеся порядка создания, управления и распределения прибыли [2, с.130].

Согласно видению, Ю. А. Кицай, важным критерием классификации является характер деятельности коммерческой организации. В этом контексте можно говорить о производственных, торговых, финансовых и сервисных организациях. Такой подход позволяет учесть специфические особенности каждой сферы бизнеса и разработать соответствующие правовые механизмы регулирования [3, с.207].

В зависимости от характеристик, предпринимательская деятельность может быть производственной, коммерческой, финансовой, консультативной и так далее. Эти виды деятельности могут существовать как отдельно, так и комбинироваться друг с другом.

Что касается числа собственников, предпринимательство может быть индивидуальным или коллективным. В индивидуальном предпринимательстве весь бизнес принадлежит одному физическому лицу, тогда как в коллективном предпринимательстве собственность разделена между

несколькими лицами, причем доли могут быть как четко определенными (долевая собственность), так и неделимыми (совместная общая собственность). Коллективная собственность управляется по согласию всех собственников.

Гражданское законодательство не содержит все максимально возможные виды классификации юридических лиц, которые присутствуют в сфере цивилистической науки. В ГК РФ присутствует деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации (ст. 50 ГК РФ), а также деление по форме собственности имущества коммерческой организации (ст. 212 ГК РФ) и по видам правоспособности организаций (ст. 49 ГК РФ).

Кроме того, сохраняется традиционное разграничение между объединениями лиц и капиталов. Имеется деление юридических лиц на корпоративные юридические лица и унитарные юридические лица. Однако некоторые классификации остаются вне пределов отечественного гражданского законодательства.

Национальное гражданское законодательство (ГК РФ) выделяет систему организационно-правовых форм юридических лиц, делящих их на две глобальные группы: коммерческие и некоммерческие организации. Основным принцип, заложенный в законодательстве, заключается в различении этих групп по критерию цели. То есть в коммерческих организациях основная цель это извлечение прибыли, а в некоммерческих — любые цели которые напротив, не направлены на извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности.

Хотя в имеющихся научных, правовых работах зачастую предлагаются иные критерии для классификации коммерческих и некоммерческих организаций. Например, некоторые авторы считают, что критерий организационно-правовой формы является формалистичным и не способен кардинально менять сущность коммерческой организации. Другие указывают на необходимость более точного определения различий между коммерческими и некоммерческими организациями, основываясь на степени их правоспособности.

Действующий ГК РФ ограничивает правоспособность некоммерческих организаций, что отражается в особенностях их организационно-правового статуса. Коммерческие организации, наоборот, обладают более широкими полномочиями и правами, что накладывает на них большую ответственность.

Кроме того, юридические формы некоммерческих организаций предоставляют государству возможность контролировать те сферы, которые требуют особого надзора, например, социальную сферу или образование. Это говорит о том, что

классификация юридических лиц по признанию их коммерческой или некоммерческой природы важна для обеспечения стабильности и предсказуемости правового режима.

Тем не менее, предложенная модель классификации коммерческих и некоммерческих форм в ГК РФ не является идеальной и нуждается в пересмотре. Законодатель должен учесть многообразие реальных потребностей общества и разработать более гибкий механизм классификации, который бы учитывал различные аспекты деятельности юридических лиц.

В зависимости от организационно-правовой формы коммерческие организации разделяются на следующие виды:

1. Полные товарищества — это организации, в которых предприниматели объединяют свои капиталы, при этом каждый участник несет персональную ответственность за обязательства товарищества своими активами. Полные товарищества обычно характеризуются активным участием каждого участника в деятельности осуществляемой организацией.

2. Товарищества на вере, они же командитные товарищества состоят из нескольких видов участников: полных товарищей — которые несут полную ответственность по обязательствам указанного товарищества, и командитов, которые вкладывают капитал, но не принимают активного участия в управлении и несут ограниченную ответственность в пределах суммы внесенного вклада.

3. Общества с ограниченной ответственностью отличаются тем, что их члены не несут ответственности по обязательствам общества, а риск убытков ограничивается суммой внесенного капитала.

4. Акционерные общества бывают публичными и непубличными. В публичных акционерных обществах ответственность участников ограничивается стоимостью их акций, тогда как в непубличных акционерных обществах количество участников и объем их правоспособности ограничиваются уставом.

5. Производственные кооперативы образуются гражданами для совместной предпринимательской деятельности, при которой члены кооператива вносят вклады в уставный капитал и участвуют в ведении дел кооператива, при этом ответственность членов кооператива по обязательствам кооператива ограничена размером паевых взносов.

6. Унитарные предприятия — это особый вид коммерческих организаций, которые создаются физическими или юридическими лицами для ведения предпринимательской деятельности.

Историко-правовые корни классификации коммерческих организаций уходят в глубокую

древность, начиная с римского права, где впервые начали формироваться принципы разделения предпринимательской деятельности на различные категории. Римская традиция послужила основой для создания основных правовых форм коммерческих организаций, таких как полные товарищества, командитные товарищества и общества с ограниченной ответственностью. Указанная классификация продолжала развиваться в средневековом европейском праве, где появились такие формы, как гильдии и купеческие союзы, которые впоследствии трансформировались в современные виды коммерческих организаций.

На протяжении веков правовое регулирование коммерческой деятельности претерпело значительные изменения, что отразилось в появлении различных форм коммерческих организаций. Современные структуры, такие как акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, производственные кооперативы и унитарные предприятия, возникли в ответ на необходимость учитывать особенности предпринимательской деятельности. Внедрение новых технологий и изменения на рынках способствовали расширению ассортимента организационно-правовых форм, которые позволяют компаниям адаптироваться к изменяющимся условиям ведения бизнеса.

Классификация коммерческих организаций является ключевым инструментом для успешного ведения бизнеса в условиях рыночной экономики. Осознание исторических аспектов, эволюционных изменений и современных правовых норм поможет предпринимателям определить оптимальную организационную форму, что, в свою очередь, способствует увеличению эффективности и конкурентоспособности на рынке.

Таким образом проведенный анализ различных подходов к классификации коммерческих организаций позволяет сделать вывод о многообразии критериев, используемых для дифференциации этих юридических лиц. Каждый из рассмотренных подходов акцентирует внимание на разных аспектах, что отражает сложность и многогранность феномена коммерческой организации в современном мире.

Так, согласно точке зрения профессора Р.К. Овчаренко [1, с.156], основным критерием классификации является форма собственности, что позволяет выделять государственные, частные и смешанные предприятия. Данный подход фокусируется на источниках капитала и контроле над организацией, что имеет важное значение для понимания природы взаимоотношений внутри компании и её внешней среды.

Доктор экономических наук О.В. Гутников [2, с.156] предлагает классифицировать коммерческие организации по их организационно-правовой форме, выделяя такие категории, как акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, полные товарищества и командитные товарищества. Этот подход даёт возможность глубже понять особенности управления и распределения прибыли в каждом конкретном случае, что критически важно для эффективного функционирования организации.

Ю. А. Кицай, акцентирует внимание на характере деятельности коммерческой организации, различая производственные, торговые, финансовые и сервисные предприятия. Такой подход позволяет учесть специфические особенности каждой отрасли и адаптировать правовые нормы и экономические стратегии к конкретным условиям рынка [3, с.208].

Таким образом, классификация коммерческих организаций представляет собой сложный и многослойный процесс, который требует комплексного подхода, учитывающего множество факторов.

Список литературы:

[1] Овчаренко Р.К., Рогожникова И.А. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса под влиянием социально-политических трансформаций / в сборнике: Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее. // Сборник трудов участников третьей международ-

ной научно-практической конференции. РАНХиГС. Ростов-на -Дону, 2023. С. 154-157.

[2] Гутников О.В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения / О.В. Гутников. - 2022// Право: Журнал Высшей школы экономики. - 2022. - №2. - С.128-163.

[3] Кицай Ю.А. Предпринимательские и непредпринимательские организации: вопросы терминологии и классификации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №1(23). - С. 206-210.

References:

[1] Ovcharenko R.K., Rogozhnikova I.A. Gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego biznesa pod vliyaniem social'no-politicheskikh transformacij / v sbornike: Institucional'nye transformacii obshchestvenno-politicheskoy sistemy Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. //Sbornik trudov uchastnikov tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. RANKhIGS. Rostov-na -Donu, 2023. S. 154-157.

[2] Gutnikov O.V. Klassifikaciya yuridicheskikh lic v sovremennom korporativnom prave: organizacionno-pravovye formy i kriterii ikh razgranicheniya / O.V. Gutnikov. - 2022// Pravo: Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki. - 2022. - №2. - S.128-163.

[3] Kicaj YU.A. Predprinimatel'skie i nepredprinimatel'skie organizacii: voprosy terminologii i klassifikacii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskije nauki. 2014. №1(23). - S. 206-210.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-466-471

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

МЕДВЕДЕВА Ирина Владимировна,
Старший преподаватель
кафедры английского языка №6,
МГИМО (Университет) МИД РФ,
e-mail: irina.med.mgimo@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ СТУДЕНЧЕСКОГО ОПЫТА

Аннотация. В статье представлены результаты исследования опыта применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в образовательном процессе, проведенного Университетом ЮНИТАР. Исследование основано на анализе данных анкетирования 150 студентов бакалавриата и магистратуры. Рассматриваются такие ключевые аспекты, как трудности понимания студентами алгоритмов работы ИИ, риск формирования зависимости от ИИ-инструментов, этические соображения и вопросы защиты персональных данных. Установлено, что студенты испытывают затруднения при оценке достоверности информации, сгенерированной ИИ, а также выражают обеспокоенность в связи с проблемами авторского права. Учебный опыт в условиях цифровизации свидетельствует о снижении учебной мотивации, уменьшении взаимодействия с преподавателями, ослаблении коммуникативных навыков и степени вовлеченности в учебный процесс. В ходе исследования выявлена прямая корреляция между указанными проблемами использования ИИ и снижением качества образовательного процесса. Анализ результатов подтверждает необходимость целенаправленного развития у обучающихся навыков критического мышления и цифровой грамотности. Практическая значимость работы заключается в определении направлений совершенствования интеграции ИИ-технологий в образовательный процесс с учетом потребностей и опасений студентов.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, интеграция ИИ-технологий в учебный процесс, учебный опыт студента, цифровая зависимость, когнитивные способности, навыки критического мышления, цифровая грамотность, регламентация использования ИИ в процессе обучения, конфиденциальность и безопасность данных.

MEDVEDEVA Irina Vladimirovna,
Senior Lecturer, Department of the English Language No. 6,
MGIMO University, Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation

AI IN EDUCATION: AN EMPIRICAL STUDY BASED ON STUDENT EXPERIENCE

Annotation. The article presents research findings from a study examining student experiences with artificial intelligence (AI) tools in education. Conducted by UNITAR University, the study analyzed survey data from 150 undergraduate and graduate students. It investigates challenges arising from students' limited understanding of AI algorithms, risks of AI dependency, ethical considerations, and personal data protection concerns. The study revealed difficulties students face in assessing the reliability of AI-generated information, alongside their concerns about copyright issues. Furthermore, the student learning experience amid digital transformation shows decreased motivation, reduced interaction with professors, weakened communication skills, and lower engagement in the learning process. A direct correlation was identified between AI-related challenges and an deterioration in educational outcomes. The analysis of the results underscores the necessity of develop-

ing critical thinking and digital literacy skills. The practical significance of this research lies in identifying key areas for improving AI integration into education, with a specific focus on addressing student needs and concerns.

Key words: *digital educational environment, integration of AI technologies into the learning process, student learning experience, digital dependency, cognitive abilities, critical thinking skills, digital literacy, AI use regulation in the learning process, data privacy and security.*

Введение

Пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы в процесс обучения. Государства, стремясь обеспечить непрерывность образования, обратились к информационно-коммуникационным технологиям и дистанционному обучению, значительно ускорив к тому времени сформировавшуюся тенденцию к цифровизации. Дистанционное обучение стало новой нормой, трансформируя традиционные методы обучения. На фоне бурного развития и интеграции инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в сферу образования, а также стремительно нарастающего потока больших данных во всех сферах профессиональной деятельности особенно важным становится формирование у студентов навыков критического мышления и повышение их цифровой грамотности.

Министерство просвещения Российской Федерации реализует федеральный проект «Цифровая образовательная среда» [1] в рамках национального проекта «Образование». Проект направлен на внедрение цифровых технологий в учебный процесс, создание современной цифровой образовательной среды в школах и вузах, повышение доступности и качества образования, подготовку учащихся к жизни в цифровом обществе, оптимизацию образовательного процесса, создание условий для индивидуализации обучения. В связи с поставленными задачами необходимо выявить каким образом проблемы, с которыми сталкиваются студенты высшего образования при использовании ИИ, влияют на их учебный опыт.

Интеграция искусственного интеллекта в систему высшего образования

ИИ все больше интегрируется в сферу высшего образования. Развитие ИИ-инструментов в России происходит в рамках глобальных мировых тенденций, однако российские эксперты подчеркивают важность стимулирования разработки отечественного программного обеспечения и платформ для реализации ИИ-решений [2]. Сегодня ИИ анализирует успеваемость и предпочтения студентов, предоставляя учебные материалы и задания, соответствующие их уровню и потребностям, помогает преподавателям создавать учебные планы, учитывая цели конкретного студента или группы, повышая их мотивацию и вовлечен-

ность в учебный процесс, используется для создания учебного контента, интерактивных учебных материалов, делая обучение более увлекательным, гибким и эффективным [3, 4].

ИИ-технологии используются не только по личной инициативе студентов и преподавателей [5], но активно внедряются на государственном уровне. Министерство высшего образования РФ утвердило модуль «Системы искусственного интеллекта» в качестве методических рекомендаций при актуализации основных образовательных программ [6]. Сегодня ИИ-решения широко применяются в учебной аналитике и педагогическом проектировании [7], ведущие вузы РФ активно развивают исследования, внедряют учебные курсы, способствующие интеграции ИИ-платформ в различные сферы профессиональной и учебной деятельности. МГПУ первым из российских вузов разрешил студентам использовать ИИ-платформы при подготовке ВКР [8], НИУ ВШЭ объявила конкурс студенческих решений, применяющих ИИ-системы при подготовке дипломов [9]. Вузы создают технологические ИИ-решения, направленные на поддержку деятельности преподавателей, так, МГИМО запустил инновационный цифровой ассистент ЛИРА, автоматизирующий рутинные задачи преподавателей [10].

Несмотря на очевидные преимущества и возможности применения ИИ, его широкое внедрение в систему высшего образования сопряжено с рядом потенциальных рисков. Наиболее часто в академической среде высказывается мнение о негативном воздействии чрезмерного использования ИИ на когнитивные способности студентов, для подтверждения чего проводятся исследования изменений процессов восприятия и обработки информации. Результаты исследований свидетельствуют о редукции навыков критического анализа, самостоятельного мышления, стратегического планирования и других нежелательных последствиях при отказе студентов от самостоятельной когнитивной деятельности, обусловленной использованием ИИ [11]. В образовательном процессе происходит смещение акцента с развития когнитивных навыков (мышления, анализа и синтеза) на автоматизированный поиск и предоставление информации [12].

Сегодня накоплен значительный объем исследований, посвященных комплексному анализу последствий интеграции ИИ-техно-

логий в образовательную среду. Приоритетными областями исследований чаще являются проблемы, ограничения и риски в образовании, связанные с использованием ИИ, среди них, недостаточная цифровая грамотность студентов и преподавателей, технологические ограничения, препятствующие эффективной интеграции ИИ в образовательный процесс, вопросы достоверности генерируемой информации, отсутствие целостного культуро-ориентированного подхода при разработке и внедрении ИИ-ресурсов [13], ограниченные возможности межличностной коммуникации [14], влияние этических факторов на академическую успеваемость студентов [15].

Внимание научного сообщества преимущественно сосредоточено на изучении технических, педагогических и институциональных аспектов внедрения ИИ в образование. При этом эмпирический опыт пользователей (обучающихся) остаётся недостаточно изученным, что создаёт определённый пробел в понимании комплексного влияния ИИ-технологий на образовательный процесс.

Материалы и методы исследования

В мае 2025 года Международным университетом ЮНИТАР, Малайзия (UNITAR), предоставляющим дистанционное обучение по широкому спектру специальностей, было проведено исследование учебного опыта студентов в контексте использования ИИ [16]. ЮНИТАР является признанным лидером в области дистанционного обучения в Азии и удостоен высшей оценки в категории «университет онлайн-обучения» согласно рейтинговой системе QS Stars (система Quacquarelli Symonds, предоставляет детализированную оценку учебных заведений по 11 параметрам). В процессе эмпирического исследования был осуществлён сбор первичных данных методом электронного анкетирования с применением веб-сервиса Google Forms. Выборочная совокупность была сформирована из равного количества студентов бакалавриата и магистратуры (по 75 человек в каждой группе), что обеспечило репрезентативность полученных результатов при проведении дальнейшего анализа.

Первая часть анкетирования ставила целью выявить проблемы, с которыми сталкиваются студенты при адаптации к дистанционному обучению, вторая – получить информацию о том, каким образом в новых условиях изменяется их учебный опыт, и далее изучить влияние выявленных проблем на учебный опыт студентов.

Основные проблемы использования ИИ: точка зрения студентов

В результате анализа ответов респондентов выделены следующие ключевые проблемы, свя-

занные с использованием ИИ с точки зрения студентов: отсутствие четкого понимания алгоритмов формирования ответов ИИ, риск формирования избыточной зависимости от ИИ, этические соображения, а также вопросы конфиденциальности и безопасности персональных данных.

Студенты считают, что *недостаток знаний в области информационных технологий и непонимание алгоритмов ИИ* представляют для них наиболее серьезную проблему. Процесс «принятия решений» инструментами ИИ остается непрозрачным, что затрудняет понимание того, как именно формируются ответы. Респонденты осознают, что в потоке больших данных алгоритмы ИИ выделяют наиболее частотные данные, в то время как редко встречающиеся и уникальные идеи и факты, игнорируются, что снижает достоверность генерируемых ответов.

Современные ИИ-платформы способны выполнять большинство заданий, получаемых студентами в процессе обучения. *Растущая зависимость студентов от ИИ* стала насущной проблемой не только для преподавателей, но и для самих студентов. Респонденты признают, что они все чаще обращаются за помощью к ИИ при выполнении рутинных задач, написания эссе, отчетов, презентаций и кодов, и это, по их мнению, приводит к потере способности быстро и самостоятельно находить ответы.

Интересно, что 18 из 150 респондентов исследования высказали обеспокоенность *вопросами авторского права*, связанными с использованием ИИ. Результаты анкетирования демонстрируют озабоченность студентов относительно возможности признания за ними авторства в случае использования данных, полученных посредством ИИ-платформ, при условии их последующей самостоятельной обработки и аналитической переработки. Более того, если студенты не имеют четкого представления о регламенте использования ИИ в учебном процессе, они могут выдавать контент, полученный от ИИ, как собственный продукт.

Далее респонденты выделяют проблему *обеспечения беспристрастности и отсутствия предвзятости полученных данных*. Согласно результатам опроса, озабоченность по поводу этических последствий использования информации, полученной с помощью инструментов ИИ, выразили более половины анкетированных. Кроме того, студенты отмечают, что ИИ часто предлагает размытые и абстрактные ответы, не учитывающие специфику поставленных задач и контекстуальные особенности запросов. Респонденты считают, что генерируемые ИИ-системами ответы характеризуются недостаточной детализацией и отсутствием учета комплексной природы решаемых задач.

ИИ-платформы собирают большое количество личных данных каждого студента, отслеживают и оценивают запросы, поведение, предпочтения и успеваемость, что при *недостаточной защите собранной персональной информации* может привести к злоупотреблениям. Респонденты скептически оценивают перспективы использования собранных персональных данных и отмечают, что неохотно делятся личной информацией, подчеркивая необходимость введения справедливых практик использования данных даже в учебных целях.

Учебный опыт студентов в контексте цифровизации и внедрения в процесс обучения ИИ-технологий

Вторая часть исследования посвящена анализу изменений в учебном опыте студентов обучающихся дистанционно с активным использованием ИИ-систем.

Результаты эмпирического исследования демонстрируют существенное *снижение мотивации* в условиях дистанционной формы обучения. Отсутствие преподавателя, задающего тон и темп, оказывающего поддержку в процессе обучения, снижает взаимодействие между студентом и преподавателем, что приводит к чувству изоляции. Треть респондентов согласна с тем, что недостаток взаимодействия является существенной проблемой, влияющей на снижение и даже утрату коммуникативных навыков, и приводит к эмоциональной отстраненности на уроках.

Использование инструментов ИИ в процессе дистанционного обучения *обезличивает учебную деятельность*, ИИ часто дает общие комментарии, не учитывающие потребности и ошибки конкретных студентов. Дистанционный формат занятий и использование ИИ-платформ может привести к *снижению посещаемости*, а следовательно, ухудшению качества образования.

Студенты отмечают, что обучение с использованием ИИ *ограничивает возможности для активного участия в самом процессе обучения*, что является необходимым условием для глубокого понимания и усвоения учебного материала. Студенты становятся просто слушателями, пассивно воспринимающими информацию. Это ограничение может привести к *потере интереса и вовлеченности в процесс обучения*.

Согласно результатам анкетирования, респондентов беспокоит *проблема объективности и достоверности информации*, получаемой на онлайн ресурсах в ходе выполнения учебных заданий. Более трети респондентов отмечают, что были введены в заблуждение, в том числе, когда использовали инструменты ИИ, не обновлявши-

еся более полугода. Таким образом, используя ИИ в учебной деятельности, студенты не чувствуют должной уверенности, а неэффективное использование результатов, полученных с помощью ИИ, может негативно повлиять на академическую успеваемость.

Студенты подтвердили, что широко распространено мнение, о том, что в ближайшем будущем ИИ заменит человека в большинстве сфер профессиональной деятельности, вызывает у них *стресс*.

Влияние проблем, связанных с интеграцией ИИ в образовательный процесс, на учебный опыт студентов

Результаты анкетирования студентов Международного университета ЮНИТАР, выявили высокую степень корреляции между проблемами, с которыми сталкиваются студенты при использовании ИИ-технологий, и развитием чрезмерной зависимости от ИИ. Такая зависимость может привести к пассивному отношению к процессу обучения, снижению уровня взаимодействия и мотивации, что негативно сказывается на учебном опыте студентов. Зависимость от ИИ и пассивное получение информации могут способствовать социальной изоляции и затруднять способность выражать собственное мнение. Кроме того, чрезмерная зависимость от ИИ может ослабить навыки критического мышления, поскольку студенты начинают полагаться на ИИ для получения ответов, вместо того чтобы развивать собственные способности в решении учебных задач. Более того, студенты, не обладающие достаточными знаниями о возможностях ИИ, могут переоценивать его потенциал и испытывать беспокойство относительно собственных способностей. Формированию зависимости от ИИ способствуют ситуации, в результате которых студенты *теряют доверие к собственным навыкам и начинают чрезмерно полагаться на помощь ИИ-систем*, что в свою очередь вызывает тревожность и завышенные ожидания от ИИ-помощников.

Высокая степень корреляция между непониманием алгоритмов работы инструментов ИИ и недоверием к ответам, предоставляемым ИИ, подчеркивает важность обеспечения прозрачности алгоритмов ИИ, используемых в обучении. Респонденты отмечают, что непонимание того, как именно ИИ анализирует данные и отбирает информацию для ответа на запрос, потенциально ведет к *неэффективной тактике решения учебных задач*. Для эффективного использования инструментов ИИ студентам необходимо совершенствовать навыки критического анализа и самостоятельной оценки полученных данных.

Чтобы преуспевать в учебной и последующей профессиональной деятельности студентам необходимы *повышать уровень цифровой грамотности*.

Использование ИИ в образовательном процессе порождает ряд этических проблем, особенно в контексте защиты персональных данных. Анализ полученных ответов демонстрирует значительную корреляцию между соблюдением конфиденциальности и обеспечением безопасности личной информации, предоставляемой в процессе обучения и использования ИИ-инструментов, при чем особый акцент студенты делают на нераспространение информации об их академических неудачах. Внедрение ИИ должно сопровождаться *соблюдением этических норм, включая получение информированного согласия на использование данных* и реализацию прозрачных процедур, что имеет решающее значение для обеспечения доверия и безопасности в образовательной среде.

Заключение

Результаты исследования, проведенного Международным университетом ЮНИТАР, выявило ключевые проблемы, с которыми сталкиваются студенты в контексте дистанционного обучения с использованием ИИ-технологий, и их негативное влияние на учебный опыт учащихся. Данный факт подчеркивает необходимость сбалансированной и продуманной интеграции инструментов (ИИ) в образовательный процесс, при чем такая интеграция должна сопровождаться активным взаимодействием студентов с преподавателем, повышением цифровой грамотности, развитием навыков критического мышления и самостоятельной оценки информации.

Для решения проблемы потенциального академического мошенничества со стороны студентов, необходимо регламентировать порядок интеграции ИИ-технологий в учебный процесс и доводить соответствующую информацию до обучающихся.

Использование ИИ-решений в образовательной сфере предполагает соблюдение этических норм, в частности, обеспечение процедуры получения информированного согласия студентов на обработку и использование персональных данных. Это, с точки зрения студентов, является необходимым условием формирования доверительной атмосферы в образовательном пространстве.

Соблюдение указанных принципов является критически важным фактором, определяющим эффективность интеграции ИИ-технологий в образовательную среду и эффективность образовательного процесса.

Список литературы:

- [1] Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» Министерства просвещения Российской Федерации. С.1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (дата обращения: 18.08.2025).
- [2] Фомина А. Н. Проблемы и перспективы развития рынка искусственного интеллекта в России // Вопросы инновационной экономики – 2022. – Т. 12, № 2. С. 1051–1068.
- [3] Yufeia L., Salehb S., Jiahuic H., Syed S. M. Review of the Application of Artificial Intelligence in Education // International Journal of Innovation, Creativity and Change. – 2020. Vol. 12, №8. p. 548–562.
- [4] Ouyang F., Zheng L., Jiao P. Artificial Intelligence in Online Higher Education: A Systematic Review of Empirical Research from 2011 to 2020 // Education and Information Technologies. – 2022. – Vol. 27, №6.
- [5] Ивахненко Е. Н., Никольский В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. – 2023. Т.32, № 4. С. 9–22.
- [6] Письмо Министерства науки и высшего образования РФ от 02.07.2021 № МН-5/2657 «О направлении информации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401364914/> (дата обращения: 18.08.2025).
- [7] Другова Е. А, Журавлева И. И, Захарова У. С., Сотникова В. Е., Яковлева К. И. Искусственный интеллект для учебной аналитики и этапы педагогического проектирования: обзор решений // Вопросы образования. 2022. № 4. С. 107–153.
- [8] МГПУ разрешил студентам использовать ИИ при подготовке ВКР. 31.08.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mgpu.ru/mgpu-razreshil-studentam-ispolzovat-ii-pri-podgotovke-vkr/> (дата обращения: 18.08.2025).
- [9] В Вышке наградят студентов, которые напишут диплом с помощью ИИ. НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/910929629.html> (дата обращения: 18.08.2025).
- [10] МГИМО запускает ИИ-ассистента преподавателя иностранного языка ЛИРА. МГИМО МИД РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/lira/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 18.08.2025).
- [11] Sirghi, N., Voicu, M., Noja, G. G., & Gurita, O. S. Challenges of Artificial Intelligence on the Learning Process in Higher Education. // Amfiteatru Economic. – 2024. – № 26. p. 53-70.
- [12] Давыдов С.Г., Матвеева Н.Н., Адемукова Н.В., Вичканова А.А. Искусственный интел-

лект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития. // Университетское управление: практика и анализ. – 2024 – №28(3). С.32-44

[13] Wang, T., Lund, B. D., Marengo, A., Pagano, A., Mannuru, N. R., Teel, Z.A. Exploring the Potential Impact of Artificial Intelligence on International Students in Higher Education: Generative AI, Chatbots, Analytics, and International Student Success. *Applied Sciences*. – 2023. – №13.

[14] Michel-Villarreal, R., Vilalta-Perdomo, E., Salinas-Navarro, D. E., Thierry-Aguilera, R., & Gerardou, F. S. Challenges and Opportunities of Generative AI for Higher Education as Explained by ChatGPT. *Education Sciences*. – 2023. – № 13.

[15] Vargas-Murillo, A. R., de la Asuncion, I. N. M., & de Jesús Guevara-Soto, F. (2023). Challenges and Opportunities of AI-Assisted Learning: A Systematic Literature Review on the Impact of ChatGPT Usage in Higher Education. // *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*, №22, p. 122-135.

[16] Jie, A. L.X., & Kamrozzaman, N. A. The Challenges of Higher Education Students Face in Using Artificial Intelligence (AI) against Their Learning Experiences. // *Open Journal of Social Sciences*. – 2024 – №12. p. 362-387.

References:

[1] Federal'nyj proekt «Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda» Ministerstva prosveshcheniya Rossijskoj Federatsii. S.1. [Elektronnyj resurs]. <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> – URL: (data obrashcheniya: 18.08.2025).

[2] Fomina A. N. Problemy i perspektivy razvitiya rynka iskusstvennogo intellekta v Rossii // *Voprosy innovatsionnoj ekonomiki* – 2022. – T. 12, № 2. S. 1051–1068.

[3] Yufeia L., Salehb S., Jiahuic H., Syed S. M. Review of the Application of Artificial Intelligence in Education // *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. – 2020. Vol. 12, №8. p. 548–562.

[4] Ouyang F., Zheng L., Jiao P. Artificial Intelligence in Online Higher Education: A Systematic Review of Empirical Research from 2011 to 2020 // *Education and Information Technologies*. – 2022. – Vol. 27, №6.

[5] Ivakhnenko E. N., Nikol'skij V. S. ChatGPT v vysshem obrazovanii i nauke: ugroza ili tsennyy resurs? // *Vyshee obrazovanie v Rossii*. – 2023. T.32, № 4. S. 9–22.

[6] Pis'mo Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RF ot 02.07.2021 № MN-5/2657 «O napravlenii informatsii» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401364914/> (data obrashcheniya: 18.08.2025).

[7] Drugova E. A., Zhuravleva I. I., Zakharova U. S., Sotnikova V. E., Yakovleva K. I. *Iskusstvennyy intellekt dlya uchebnoj analitiki i etapy pedagogicheskogo proektirovaniya: obzor reshenij* // *Voprosy obrazovaniya*. 2022. № 4. S. 107–153.

[8] MGPU razreshil studentam ispol'zovat' II pri podgotovke VKR. 31.08.2023 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.mgpu.ru/mgpu-razreshil-studentam-ispolzovat-ii-pri-podgotovke-vkr/> (data obrashcheniya: 18.08.2025).

[9] V Vyshe nagradyat studentov, kotorye napisat diplom s pomoshch'yu II. NIU VShE. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/910929629.html> (data obrashcheniya: 18.08.2025).

[10] MGIMO zapuskaet II-assistent prepodavatelya inostrannogo yazyka LIRA. MGIMO MID RF. [Elektronnyj resurs]. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/lira/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (data obrashcheniya: 18.08.2025).

[11] Sirghi, N., Voicu, M., Noja, G. G., & Gurita, O. S. Challenges of Artificial Intelligence on the Learning Process in Higher Education. // *Amfiteatru Economic*. – 2024. – № 26. p. 53-70.

[12] Davydov S.G., Matveeva N.N., Ademukova N.V., Vichkanova A.A. *Iskusstvennyy intellekt v rossijskom vysshem obrazovanii: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya* // *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. — 2024. — T. 28, № 3. — S. 32–44.

[13] Wang, T., Lund, B. D., Marengo, A., Pagano, A., Mannuru, N. R., Teel, Z.A. Exploring the Potential Impact of Artificial Intelligence on International Students in Higher Education: Generative AI, Chatbots, Analytics, and International Student Success. *Applied Sciences*. – 2023. – №13.

[14] Michel-Villarreal, R., Vilalta-Perdomo, E., Salinas-Navarro, D. E., Thierry-Aguilera, R., & Gerardou, F. S. Challenges and Opportunities of Generative AI for Higher Education as Explained by ChatGPT. *Education Sciences*. – 2023. – № 13.

[15] Vargas-Murillo, A. R., de la Asuncion, I. N. M., & de Jesús Guevara-Soto, F. (2023). Challenges and Opportunities of AI-Assisted Learning: A Systematic Literature Review on the Impact of ChatGPT Usage in Higher Education. // *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*, №22, p. 122-135.

[16] Jie, A. L.X., & Kamrozzaman, N. A. The Challenges of Higher Education Students Face in Using Artificial Intelligence (AI) against Their Learning Experiences. // *Open Journal of Social Sciences*. – 2024 – №12. p. 362-387

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-472-476

АНДРЮШЕЧКИНА Надия Анверовна,
Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный
аграрный университет,
e-mail: nadia-andr@mail.ru

ТАТАРЧУК Анна Петровна,
Преподаватель кафедры овощеводства
и плодоводства имени Н.Ф. Коняева
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: brassica@inbox.ru

БАБКИНА Анна Анатольевна,
Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный
аграрный университет,
e-mail: anna-alikieva@mail.ru

ИВАНОВА Мария Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук
Старший преподаватель
кафедры растениеводства и селекции
ФГБОУ ВО Уральский государственный
аграрный университет,
e-mail: m-ivaivanova@yandex.ru

ШОРОХОВ Павел Николаевич,
Старший преподаватель кафедры технологических
и транспортных машин
ФГБОУ ВО Уральский государственный
аграрный университет,
e-mail: pasha-shorohov@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ АГРАРНЫХ ВУЗОВ, ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ И УВЕРЕННОСТИ НА УСПЕХИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Психология обучения студентов аграрных вузов — это важная область исследования, которая учитывает различные факторы, влияющие на процесс обучения и достижения обучающихся. Два ключевых аспекта, которые оказывают значительное влияние на успех студентов, — это мотивация и уверенность в себе.

Обучение в аграрном вузе — это сложная и многогранная система, успех в которой зависит не только от академических способностей, но и от психологических факторов. навыков публичных выступлений в обучение студентов аграрных вузов.

В данной статье рассмотрены различные способы интегрирования мотивация и уверенности к себе, информирование отношения студента к учебному процессу, влияние на его вовлеченность, работоспособность и, как следствие, на его успеваемость.

Ключевые слова: Обучение, мотивация, психология, студент, аграрный вуз, аграрный сектор, задача, кооплекс.

ANDRYUSHECHKINA Nadia Anverovna,
Senior Lecturer of the Department
of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

TATARCHUK Anna Petrovna,
Lecturer of the Department of Vegetable and Fruit
Growing named after N.F. Konyaev
Ural State Agrarian University

BABKINA Anna Anatolyevna,
Senior Lecturer of the Department
of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

IVANOVA Maria Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences
Senior lecturer of the Department
of Crop Production and Breeding
Ural State Agrarian University

SHOROKHOV Pavel Nikolaevich,
Senior Lecturer at the Department
of Technological and Transport Machines
Ural State Agrarian University

PSYCHOLOGY OF TEACHING STUDENTS OF AGRICULTURAL UNIVERSITIES, THE INFLUENCE OF MOTIVATION AND CONFIDENCE ON STUDENT SUCCESS

Annotation. *The psychology of teaching students at agricultural universities is an important area of research that takes into account various factors that affect the learning process and the achievements of students. Two key aspects that have a significant impact on student success are motivation and self—confidence.*

Studying at an agricultural university is a complex and multifaceted system in which success depends not only on academic abilities, but also on psychological factors.

public speaking skills in the education of students of agricultural universities.

This article discusses various ways of integrating motivation and self-confidence, informing the student's attitude to the learning process, influencing his involvement, performance and, as a result, his academic performance.

Key words: *Training, motivation, psychology, student, agricultural university, agricultural sector, task, coiplex.*

Обучение в аграрном вузе — это не просто лекции по агрономии или зоотехнии. Это сложный процесс, в котором переплетаются академические знания, практические навыки и, что самое важное, психология самого студента. Почему один студент с горящими глазами осваивает тонкости селекции, а другой с трудом запоминает названия удобрений?

Ответ часто кроется не в способностях, а в двух мощных психологических факторах: мотивации и уверенности в себе.

Психология обучения играет ключевую роль в формировании успешных специалистов в любой отрасли, и аграрный сектор не является исключением. Специфика аграрных вузов заключается в подготовке кадров, чья деятельность неразрывно связана с природой, технологиями и экономикой.

Поэтому, понимание психологических аспектов обучения, особенно влияния мотивации и уверенности в себе, становится критически важным для повышения эффективности образовательного процесса.

Мотивация — это тот внутренний двигатель, который заставляет студента не просто «отсиживать» пары, а по-настоящему погружаться в профессию.

Мотивация, движущая сила, побуждающая студентов к активному обучению, может быть, как внешней, так и внутренней. Внешняя мотивация часто связана с оценками, стипендиями и перспективами трудоустройства. Однако, более устойчивые результаты достигаются при преобладании внутренней мотивации, обусловленной интересом к предмету, желанием

внести вклад в развитие аграрного сектора и чувством удовлетворения от процесса познания.

Формирование внутренней мотивации требует от преподавателей применения различных педагогических приемов, стимулирующих познавательный интерес студентов. Это могут быть интерактивные лекции, практические занятия на базе современных аграрных предприятий, участие в исследовательских проектах и возможность применять полученные знания для решения реальных задач.

Кроме мотивации, важную роль играет уверенность студентов в своих силах. Низкая самооценка и страх неудачи могут существенно снизить учебную активность и привести к академической неуспеваемости. Поддержка преподавателями, создание благоприятной психологической атмосферы в группе и возможность продемонстрировать свои знания и умения в различных формах (презентации, доклады, участие в конкурсах) способствуют укреплению уверенности студентов.

Наконец, необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого студента. Разные типы восприятия информации, разные уровни подготовки и разные мотивационные факторы требуют индивидуального подхода в обучении. Разработка индивидуальных образовательных траекторий и использование дифференцированных заданий позволяют каждому студенту раскрыть свой потенциал и добиться максимальных успехов в учебе.

Высокая мотивация характеризуется наличием четкой цели, осознанием важности получаемых знаний для будущей профессиональной деятельности и стремлением к самосовершенствованию. Студенты, движимые внутренней мотивацией, проявляют большую активность на занятиях, более усердно работают над самостоятельными заданиями и с энтузиазмом осваивают новые навыки.

Уверенность в себе, в свою очередь, позволяет студенту преодолевать трудности, не бояться ошибок и активно участвовать в учебном процессе. Уверенные в себе студенты более склонны задавать вопросы, высказывать свое мнение и брать на себя ответственность за результат.

Влияние мотивации и уверенности на успехи студентов прослеживается на всех этапах обучения. От поступления в вуз и адаптации к новой среде до защиты дипломной работы и поиска работы — эти психологические факторы определяют готовность студента к преодолению препятствий и достижению поставленных целей.

В аграрной сфере она бывает особенно раз-
ной.

1. Внутренняя мотивация: «Я хочу изменить мир к лучшему»

Это самый сильный вид мотивации. Она рождается из личных ценностей и интересов.

Любовь к земле и природе. Многие студенты приходят в аграрные вузы, потому что выросли в сельской местности, с детства видели, как работают их родители, и чувствуют глубокую связь с землей. Для них изучение почвоведения — это не скучная теория, а способ понять родную стихию.

Желание приносить пользу. Современный агросектор — это не только поля и фермы, но и продовольственная безопасность страны, экология, создание здоровых продуктов. Студент, который понимает, что его работа будет кормить людей и делать мир устойчивее, учится с совершенно другим настроем. Он видит в химии не просто формулы, а ключ к созданию безопасных удобрений.

Интерес к инновациям. Аграрная сфера сегодня — это высокие технологии: дроны для мониторинга полей, GPS-навигация на комбайнах, геномная инженерия. Студенты, увлеченные технологиями, видят в аграрном секторе огромную площадку для инноваций и самореализации.

Студенты, которые интересуются агрономией и сельским хозяйством, стремятся учиться из-за личного интереса, что способствует глубокому усвоению материала.

2. Внешняя мотивация: «Мне нужен диплом и хорошая работа»

Эта мотивация тоже важна, но работает слабее.

Перспектива трудоустройства. Агропромышленный комплекс активно развивается, и хорошие специалисты востребованы. Перспектива стабильной работы и достойной зарплаты — мощный стимул.

Семейная традиция. Часто в аграрные вузы идут дети фермеров, продолжая династию. Это создает чувство долга и ответственности.

Давление или ожидания. Иногда выбор продиктован родителями или убеждением, что «на селе всегда есть работа». Такая мотивация самая хрупкая — при первых же трудностях студент может потерять интерес.

Как мотивация влияет на учебу?

Мотивированный студент ищет дополнительную информацию, задает вопросы, стремится на практику. Он не боится испачкать руки, потому что для него работа в поле или на ферме — это ценный опыт, а не наказание.

Немотивированный студент учится «для галочки». Он зазубривает материал, чтобы сдать экзамен, и тут же его забывает. Практика для него — скучная повинность. В итоге он получает диплом, но не получает профессию.

Уверенность в себе: фундамент для роста

Уверенность — это вера студента в то, что он способен справиться с учебными и практическими задачами. В аграрном вузе, где теория тесно связана с практикой, это качество становится критически важным.

Из чего складывается уверенность студента-агрария?

Ощущение «Я смогу». Студент должен верить, что способен разобраться в сложной схеме работы сельхозтехники, провести лабораторный анализ почвы или даже принять роды у коровы. Эта вера рождается из маленьких побед: успешно выполненная лабораторная работа, похвала от преподавателя, положительный результат на практике.

Понимание связи теории с практикой. Когда студент видит, как выученная формула по химии помогает рассчитать точную дозу удобрений и повысить урожай, его уверенность растет. Он понимает, что его знания — не абстракция, а реальный инструмент. Именно поэтому так важны практические занятия, выезды на предприятия и стажировки.

Преодоление страха ошибки. Аграрная сфера — это работа с живыми системами. Ошибки здесь могут быть фатальны: неправильно подобранный пестицид может по

Награды, такие как хорошие оценки, стипендии или перспективы трудоустройства, также могут стимулировать студентов к обучению.

Четкое понимание своих карьерных целей помогает студентам сосредоточиться на учебе и преодолевать трудности. —

Позитивное подкрепление и поддержка создают благоприятную атмосферу для обучения.

Возможность применять теоретические знания на практике (например, в лабораториях или на полевых исследованиях) повышает интерес к учебе.

Последствия недостатка мотивации:

Низкая мотивация может привести к снижению успеваемости, отсутствию интереса к учебным дисциплинам и, как следствие, к ухудшению профессиональной подготовки.

Уверенность в себе — это вера студента в свои способности справляться с учебными задачами и достигать поставленных целей.

Уверенность в своих силах также является важным аспектом, влияющим на успехи студентов. Когда студенты верят в свои способности, они более склонны принимать активное участие в учебном процессе, задавать вопросы, участвовать в дискуссиях и выполнять сложные задания. Уверенность может формироваться через положительный опыт, поддержку со стороны препода-

вателей и однокурсников, а также через успешное преодоление трудностей. В аграрных вузах, где практическое применение знаний играет ключевую роль, уверенность может быть укреплена через участие в лабораторных работах, стажировках и проектах.

Успешные достижения в прошлом способствуют формированию уверенности в своих силах.

Конструктивная обратная связь от преподавателей и сверстников помогает студентам осознать свои сильные стороны и улучшить слабые.

Уверенные студенты более активно участвуют в учебном процессе, задают вопросы, принимают участие в обсуждениях и не боятся выражать свои мысли.

Высокая уверенность способствует лучшему усвоению материала и более качественной подготовке к экзаменам.

Взаимосвязь мотивации и уверенности

– **Синергия:** Высокая мотивация и уверенность часто идут рука об руку. Мотивированные студенты, как правило, более уверены в своих силах, что приводит к лучшим результатам.

– **Цикл успеха:** Успехи в учебе укрепляют уверенность, что в свою очередь повышает мотивацию к дальнейшему обучению.

Таким образом, психология обучения студентов аграрных вузов подчеркивает важность мотивации и уверенности как ключевых факторов успеха.

Разработка программ, направленных на повышение этих аспектов (например, через активные методы обучения, практические занятия и поддержку со стороны преподавателей), может значительно улучшить качество образования и подготовку будущих специалистов в аграрной сфере.

Мотивация и уверенность в своих силах являются взаимосвязанными факторами, которые могут существенно влиять на успехи студентов аграрных вузов. Преподаватели и образовательные учреждения могут способствовать развитию этих качеств, создавая поддерживающую и вдохновляющую учебную среду, предлагая разнообразные.

Кроме того, необходимо оказывать психологическую поддержку студентам, помогать им справляться со стрессом и развивать навыки саморегуляции. Важно помнить, что каждый студент — это уникальная личность со своими потребностями и интересами.

Индивидуальный подход к каждому студенту и учет его психологических особенностей является залогом успешной подготовки высококвалифицированных специалистов для аграрного сектора.

Список литературы:

- [1] Афанасенкова, Е.Л. Мотивы учения и их изменение в процессе обучения в вузе: автореф. дис. канд. пед. наук / Е.Л. Афанасенкова. — М., 2005 — 50 с. (дата обращения: 25.09.2025).
- [2] Выготский Л. С. Педагогическая психология под ред. В. В. Давыдова. // Педагогика-Пресс, 1999.
- [3] Гордеева, Т.О. Психология мотивации достижения / Т.О.Гордеева. - М.: Смысл, 2006 - 336 с.
- [4] Жданова Т. А. Инновационные подходы в дидактике высшего образования: переосмысление традиционных методов обучения в эпоху цифровых технологий в России / Т. А. Жданова // Управление образованием: теория и практика — 2024. - № 2-2. - С. 71-79.
- [5] Крутых Е.В. Субъектность в профессиональном становлении студентов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. Майкоп: Изд-во АГУ. 2010. Вып. 4. С. 74-79.
- [6] Кибыш А.И. Престижность аграрного образования и ведущие мотивы учебной деятельности у студентов аграрного вуза // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023 Т.12 №5А-6А. С.159-167. 10.34670/AR.2023.57.29.017(дата обращения: 25.09.2025).
- [7] Кибыш А. И. Мотивация к учению у студентов сельскохозяйственных вузов / А. И. Кибыш // Современное педагогическое образование. — 2021. — № 2. — С. 27–33.
- [8] Мырзамуратова, О. Учебно-профессиональная мотивация у студентов-аграриев / О. Мырзамуратова // Международная наuchnotekhnicheskaya konferenciya molodykh uchenykh BGTU im. V. G. Shukhova. Posvyashchena 165-letiyu V. G. Shukhova. — Белгород, 2018. — С. 5717–5719.
- [9] Мормужева, Н. В. Мотивация обучения студентов профессиональных учреждений / Н. В. Мормужева. — Текст : непосредственный // Педагогика: традиции и инновации : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2013 г.). — Т. 0. — Челябинск : Два комсомольца, 2013. — С. 160-163. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/98/4633/>.
- [10] Сильченкова С.В., Царева В.М. Особенности учебной мотивации студентов первого курса, получающих экономическое и медицинское образование // Высшее образование сегодня. 2021 № 4 С. 60-65.

References:

- [1] Afanasenkova, E.L. Motivy ucheniya i ikh izmenenie v processe obucheniya v vuze: avtoref. dis. kand. ped. nauk / E.L. Afanasenkova. — M., 2005 — 50 c. (data obrashcheniya: 25.09.2025).
- [2] Vygotskij L. S. Pedagogicheskaya psikhologiya pod red. V. V. Davydova. // Pedagogika-Press, 1999.
- [3] Gordeeva, T.O. Psikhologiya motivacii dostizheniya / T.O.Gordeeva. - M.: Smysl, 2006 - 336 s.
- [4] Zhdanova T. A. Innovacionnye podkhody v didaktike vysshego obrazovaniya: pereosmyslenie tradicionnykh metodov obucheniya v ehpokhu cifrovyykh tekhnologij v Rossii / T. A. Zhdanova // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika — 2024. - № 2-2. - S. 71-79.
- [5] Krutykh E.V. Sub"ektnost' v professional'nom stanovlenii studentov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika i psikhologiya. Majkop: Izd-vo AGU. 2010. Vyp. 4. S. 74-79.
- [6] Kibysh A.I. Prestizhnost' agrarnogo obrazovaniya i vedushchie motivy uchebnoj deyatel'nosti u studentov agrarnogo vuza // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2023 T.12 №5A-6A. S.159-167. 10.34670/AR.2023.57.29.017(data obrashcheniya: 25.09.2025).
- [7] Kibysh A. I. Motivaciya k ucheniyu u studentov sel'skokhozyajstvennykh vuzov / A. I. Kibysh // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. — 2021. — № 2. — S. 27–33.
- [8] Myrzamuratova, O. Uchebno-professional'naya motivaciya u studentov-agrariyev / O. Myrzamuratova // Mezhdunarodnaya nauchnotekhnicheskaya konferenciya molodykh uchenykh BGTU im. V. G. Shukhova. Posvyashchena 165-letiyu V. G. Shukhova. — Belgorod, 2018. — S. 5717–5719.
- [9] Mormuzheva, N. V. Motivaciya obucheniya studentov professional'nykh uchrezhdenij / N. V. Mormuzheva. — Tekst : neposredstvennyj // Pedagogika: tradicii i innovacii : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chelyabinsk, dekabr' 2013 g.). — T. 0. — Chelyabinsk : Dva komsomol'ca, 2013. — S. 160-163. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/98/4633/>.
- [10] Sil'chenkova S.V., Careva V.M. Osobennosti uchebnoj motivacii studentov pervogo kursa, poluchayushchikh ehkonomicheskoe i medicinskoe obrazovanie // Vysshee obrazovanie segodnya. 2021 № 4 S. 60-65.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-477-481

ВИЛКОВА Алевтина Владимировна,
доктор педагогических наук, профессор,
действительный член Академии военных наук
заместитель начальника ФКУ НИИ ФСИН России
г. Москва, Российская Федерация
старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Военной академии РВСН имени Петра Великого,
г. Балашиха, Российская Федерация,
e-mail: mavlad67@mail.ru

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru,

МЕШКОВА Любовь Владимировна,
научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: mlv05@bk.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы воспитания научных кадров в России. Важнейшее место в их подготовке занимают качественное образование и идеологическая закалка. В соответствии с этим в высших учебных заведениях проводится серьезная работа по нравственному и патриотическому воспитанию молодежи. Главная цель научного творчества – поиск новых знаний, открытие новых проблем, фактов и истин. Методами исследования стали анализ научной литературы, наблюдение, беседа, анкетирование, интервьюирование, сравнение, обобщение и системно-структурный метод при анализе полученных материалов. Научная новизна заключается в предложении новых стратегий развития образовательной практики в аспирантуре высших учебных организаций. Сделаны выводы о возможности разработать моральный кодекс ученого, включающий такие непереносимые требования профессиональной этики, как научная объективность, уважительное отношение к достижениям коллег, предшественников и научных авторитетов, скромность и самокритичность и ряд других нравственных норм, и внести изучение этого морального кодекса в вузах, чтобы успешно формировать нравственные качества научных работников.

Ключевые слова: аспирантура мотивация, наука, исследование, молодой ученый, научные кадры, профессиональная мобильность, научная деятельность.

VILKOVA A.V.,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.
Deputy Head, Federal State Institution Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

POLYAKOVAYA N.,
Candidate of Psychological Sciences,
leading researcher, Federal State Institution Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE MORAL QUALITIES OF YOUNG SCIENTISTS

Annotation. *The article discusses the problematic issues of the education of scientific personnel in Russia. The most important place in their preparation is occupied by high-quality education and ideological training. In accordance with this, serious work is carried out in higher educational institutions on the moral and patriotic education of young people. The main goal of scientific creativity is to search for new knowledge, to discover new problems, facts and truths. The research methods included the analysis of scientific literature, observation, conversation, questionnaires, interviews, comparison, generalization, and the system-structural method for analyzing the obtained materials. The scientific novelty lies in the proposal of new strategies for developing educational practices in postgraduate studies at higher educational institutions. The study concludes that it is possible to develop a moral code for scientists that includes the essential requirements of professional ethics, such as scientific objectivity and respect for the achievements of colleagues and predecessors and scientific authorities, modesty and self-criticism and a number of other moral norms, and to introduce the study of this moral code in universities in order to successfully form the moral qualities of researchers.*

Key words: *postgraduate studies motivation, science, research, young scientist, scientific personnel, professional mobility, scientific activity.*

Чем больше ускоряется прогресс науки, тем более она проникает во все сферы жизни человечества, включая и его духовную культуру. Многие ученые XX века – Тимирязев, Эйнштейн, Винер – были, например, озабочены проблемой нравственного «обеспечения» дальнейшего развития науки и техники.

Эта многосторонняя сложная проблема касается и тех, кто уже трудится в современной науке, и тех, кто собирается заниматься научной деятельностью.

Усложнение труда современного ученого и организации науки, увеличение числа «ролей», присущих работнику науки наших дней, выполняющему зачастую одновременно функции ученого исследователя, члена научного коллектива, педагога, нередко администратора и организатора, – все это создает особые требования к личностным качествам той молодежи, которая приходит в науку [1].

Важнейшее место в подготовке научных кадров занимают качественное образование и идеологическая закалка. В соответствии с этим в высших учебных заведениях проводится серьезная работа по нравственному и патриотическому воспитанию молодежи.

В Положении о порядке присуждения ученых степеней и присвоении ученых званий четко сформулированы качества, которыми должен обладать научный работник. Ученые степени могут присуждаться специалистам, которые имеют глубокие профессиональные знания и достижения в определенной отрасли науки, обладают широким научным и культурным кругозором,

положительно проявили себя на научной, практической и общественной работе, следуют нормам морали и руководствуются в своих действиях принципами патриотизма.

Научная работа относится к тем видам человеческой деятельности, которая в меньшей степени поддается внешней регламентации. Здесь важную роль играют внутренние свойства человека – чувство ответственности, самоконтроль и самодисциплина. Высокие гражданские и нравственные качества научных работников – необходимое условие эффективной деятельности научных коллективов. Вот почему этические проблемы научного творчества весьма существенны для управления наукой [2].

Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения. Эти требования являются определяющими в работе по формированию облика молодого ученого [3].

В то же время сегодня возникает необходимость конкретного подхода в деле воспитания, учета особенностей различных групп работающего населения страны. Подобная конкретизация общих задач нравственного воспитания имеет место и в сфере науки.

Специфика научного творчества, особенности науки как социального института предъявляют повышенные требования к нравственным качествам человека. Так, научные коллективы особенно нетерпимы к карьеризму, стремлению к личной выгоде, обману. В науке, например, фаль-

сификация данных может принести большой вред, нежели в других областях деятельности. Недопустимы также случаи плагиата. Подобные факты, к сожалению, еще встречаются.

Серьезные требования предъявляет наука и к принципиальности ученого. Правила научной этики обязывают его открыто выступать с критикой недоброкачественных научных работ, ошибочных положений и необоснованных выводов своих коллег, невзирая на их служебное положение. Свободное и деловое обсуждение исследовательских проблем – необходимая обстановка для научной работы.

Проблема воспитания научных кадров особенно актуальна в настоящее время, так как правила научной этики должны усваиваться все более широким кругом лиц. Для нормального функционирования научных организаций необходимо, чтобы влияющая в научную среду молодежь разделяла, поддерживала и воспроизводила в своем поведении нормы научной этики.

Как показывают данные социологических исследований, для большинства ученых характерна ориентация на сам научный труд, а не на личные блага, которые закономерно ему сопутствуют [4]. Так, по данным опроса научных работников отраслевых НИИ 15 городов страны, ориентация на научный труд характерна для 84-88% ученых каждого поколения, причем для молодых научных работников не в меньшей степени, чем для их старших коллег. Опрос аспирантов показал, что они в значительной степени ориентированы на научно-исследовательскую работу. Мотивы, связанные с данным видом ориентации, получили наибольший вес. Подавляющее большинство опрошенных проявляют серьезный интерес к научной работе. При этом у 87% аспирантов интерес к научной работе сформировался еще в период обучения в вузе.

Вопрос о побудительных мотивах научного творчества чрезвычайно важен еще и потому, что, по мнению современных исследователей, одним из главных признаков, отличающих высокотворческих ученых, является именно мотивация.

Материалы исследований мотивации научной деятельности в психологических аспектах убеждают в том, что в истории науки мотивы морально-общественного характера имели чрезвычайно важное значение. Пример того – жизнь многих русских и российских выдающихся ученых [5; 6] и таких всемирно известных зарубежных, как Л. Пастер, П. Кюри и др.

Естественно, что, как и в любом другом виде деятельности, в научном творчестве значима целая система мотивов, отличающихся разной побудительной силой, находящихся в динамике, но важно, чтобы мотивы морально-общественного характера были преобладающими [7].

Содержание и структура мотивов личности определяются общественными условиями. В нашем государстве имеется неразрывная связь между интересами личности и общества. Это обстоятельство обуславливает возрастание роли мотивов морально-общественного характера во внутренней регуляции поведения человека. Эта закономерность открывает небывалый простор для социально-полезной деятельности человека. В полной мере это относится к мотивации деятельности научных работников.

В числе факторов, обуславливающих творческую активность ученых, была рассмотрена мотивация [8; 9]. На вопрос «Какую работу Вы предпочли бы в настоящее время?» было предложено пять вариантов ответов: 1) работу, приносящую пользу обществу и вызывающую уважение окружающих; 2) работу, обеспечивающую высокое материальное положение; 3) работу, которая в будущем позволит осуществить Ваши жизненные планы; 4) работу в хорошем дружном коллективе, в атмосфере доброжелательности и товарищества; 5) работу, открывающую возможность для творчества.

На первом месте у всех опрошенных оказался мотив – польза обществу.

Одной из изучаемых в настоящее время проблем является взаимодействие в процессе научной работы во внутреннем мире ученого чисто личностных и предметно-содержательных факторов, влияние их на продуктивность научного труда. Однако уже теперь сделаны обоснованные выводы о том, что эта проблема кроме науковедческого, несомненно, имеет социологический характер, так как речь идет, прежде всего, о социальном облике научного коллектива, о типах личности его членов, в частности и в особенности о качествах лидера.

Известный историк А. П. Окладников говорил, что ученому нужно быть «рыцарем многих качеств»: «Надо заранее в своем характере переплавить многие, зачастую противоположные свойства – социальную странность и научную объективность, романтизм чувств и трезвость аналитического мышления, умение до конца отстаивать свою правоту и признавать свои заблуждения» [10].

В наше время усиливается моральная ответственность ученого, его гражданского долга в принятии решений по поводу социальных приложений своей науки. Эти ценности профессиональной группы ученых будут побуждать их к более интенсивному поиску альтернативных путей, – как утверждают социологи [11; 12].

Интересно и разумно предложение разработать моральный кодекс ученого, включающий, возможно, такие непереносимые требования профессиональной этики, как научная объективность,

уважительное отношение к достижениям коллег, предшественников и научных авторитетов, скромность и самокритичность и ряд других нравственных норм, и внести изучение этого морального кодекса в вузах, чтобы успешно формировать нравственные качества научных работников [13; 14; 15].

Рассматриваемый нами круг вопросов не исчерпывает в целом проблему подготовки и рационального использования научной смены. Более того, воздействие науки на жизнь общества постоянно возрастает, и соответственно в этой области появляются новые задачи. Максимальное использование творческих способностей и дарований молодежи в науке – один из путей их успешного решения. Вот почему система подготовки научных кадров должна развиваться с учетом изменений, происходящих в науке, теснее увязываться с потребностями общественного развития. Только такая организация работы с научной сменой позволит придать практике обучения молодежи четкую научную организацию. Раскрыть конкретные задачи в этой области, осветить трудности и проблемы, с которыми сталкивается молодой ученый, только вступивший на путь науки.

Список литературы:

- [1] Вилкова А. В. Развитие педагогических компетенций в системе дополнительного профессионального образования в процессе обучения сотрудников ФСИН России / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева, Я. Н. Полякова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1(23). С. 103-110.
- [2] Кириллова Т. В. Использование проектных технологий в работе с молодыми специалистами уголовно-исполнительной системы / Т. В. Кириллова // Антропология. 2025. № 1(17). С. 13-21.
- [3] Зинина Н. А. Развитие социально-коммуникативных навыков в образовательном процессе / Н. А. Зинина, А. В. Вилкова. Москва. 2025. 150 с.
- [4] Кугель С. А. Науке нужны молодые творцы / С. А. Кугель, П. Б. Шелищ. М. 2019. 87 с.
- [5] Карпов М. М. О стимулах научного творчества / М. М. Карпов. – В кн.: Основные закономерности развития творчества. Изд-во Ростовского университета. 1963. С. 78-86.
- [6] Кириллова Т. В. Профессионализм и саморазвитие преподавателя – условия повышения качества профессиональной подготовки в образовательных организациях ФСИН России / Т. В. Кириллова, В. А. Казначеев, Р. Е. Свиридов // Глобальный научный потенциал. 2025. № 4(169). С. 253-256.
- [7] Ковтуненко Л. В. Проектная деятельность как форма познавательной активности субъектов образовательного процесса военного вуза / Л. В. Ковтуненко, А. Ю. Григоров // В сборнике: Динамика развития системы военного образования. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Омск, 2025. С. 280-284.
- [8] Зауторова Э. В. Компетентностный подход в образовательном процессе вуза Э. В. Зауторова // В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 14-17.
- [9] Yakoupov F.A. Particularities of the certification finale pendant la realisation du programme de formation professionnelle continue pour les agents de la police de la federation de Russie et des agences de maintien de l'ordre des etats africains – candidats a participer aux missions de maintien de la paix. Domodedovo, 2019, 44 p.
- [10] Окладников А. П. Проблемы генезиса религиозной формы сознания в свете современных открытий археологической науки / А. П. Окладников // Вопросы научного атеизма. Вып. 20.1976. С. 16-18.
- [11] Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека / П.М. Якобсон. М. 1969. С. 296-302.
- [12] Кириллова Т. В. Экстремальная педагогика как отдельная отрасль педагогической науки / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 34-38.
- [13] Ковтуненко Л. В. Личностно-развивающее обучение курсантов военных вузов: проблемы и перспективы / Л. В. Ковтуненко, А. Ю. Григоров // В сборнике: Актуальные проблемы обучения и воспитания школьников и студентов в образовательном учреждении. Сборник научных статей. Воронеж, 2025. С. 91-94.
- [14] Зауторова Э. В. Методологические подходы к организации патриотического воспитания личности / Э. В. Зауторова // В сборнике: 80-летие Победы: память и духовный опыт поколений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием и Всероссийской научно-практической конференции в рамках XXXIII Международных Рождественских образовательных чтений. Москва, 2025. С. 125-131.
- [15] Pryazhnikov N.S. Personal integration into society in the age of globalization and information technologies / Pryazhnikov N.S., Vilkova A.V., Loseva S.N., Lobacheva L.P., Kholopova E.Y. // Espacios. 2018. Т. 39. № 32

References:

- [1] Vilкова A. V. Razvitie pedagogicheskikh kompetencij v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya v processe obucheniya sotrudnikov FSIN Rossii / A. V. Vilкова, S. A. Fadeeva, YA. N. Polyakova // *Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri*. 2025. № 1(23). S. 103-110.
- [2] Kirillova T. V. Ispol'zovanie proektnykh tekhnologij v rabote s molodymi specialistami ugovolno-ispolnitel'noj sistemy / T. V. Kirillova // *Antropogogika*. 2025. № 1(17). S. 13-21.
- [3] Zinina N. A. Razvitie social'no-kommunikativnykh navykov v obrazovatel'nom processe / N. A. Zinina, A. V. Vilкова. Moskva. 2025. 150 s.
- [4] Kugel' S. A. Nauke nuzhny molodye tvorcy / S. A. Kugel', P. B. Shelishch. M. 2019. 87 s.
- [5] Karpov M. M. O stimulakh nauchnogo tvorchestva / M. M. Karpov. – V kn.: *Osnovnye zakonomernosti razvitiya tvorchestva*. Izd-vo Rostovskogo universiteta. 1963. C. 78-86.
- [6] Kirillova T. V. Professionalizm i samorazvitie prepodavatela – usloviya povysheniya kachestva professional'noj podgotovki v obrazovatel'nykh organizacijakh FSIN Rossii / T. V. Kirillova, V. A. Kaznacheev, R. E. Sviridov // *Global'nyj nauchnyj potencial*. 2025. № 4(169). S. 253-256.
- [7] Kovtunenکو L. V. Proektnaya deyatel'nost' kak forma poznavatel'noj aktivnosti sub"ektov obrazovatel'nogo processa voennogo vuza / L. V. Kovtunenکو, A. YU. Grigorov // V sbornike: *Dinamika razvitiya sistemy voennogo obrazovaniya*. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk, 2025. S. 280-284.
- [8] Zautorova EH. V. Kompetentnostnyj podkhod v obrazovatel'nom processe vuza EH. V. Zautorova // V sbornike: *Ehkstremal'naya psikhologiya i pedagogika: sovremennye tendencii i perspektivnye issledovaniya*. Sbornik statej kruglogo stola. Tver', 2025. S. 14-17.
- [9] Yakoupov F.A. Particularites de la certification finale pendant la realisation du programme de formation professionnelle continue pour les agents de la police de la federation de Russie et des agences de maintien de l'ordre des etats africains – candidats a participer aux missions de maintien de la paix. Domodedovo, 2019, 44 r.
- [10] Okladnikov A. P. Problemy genezisa religioznoj formy soznaniya v svete sovremennykh otkrytij arkheologicheskoy nauki / A. P. Okladnikov // *Voprosy nauchnogo ateizma*. Vyp. 20.1976. S. 16-18.
- [11] Yakobson P. M. Psikhologicheskie problemy motivacii povedeniya cheloveka / P.M. Yakobson. M. 1969. S. 296-302.
- [12] Kirillova T. V. Ehkstremal'naya pedagogika kak otdel'naya otrasl' pedagogicheskoy nauki / V sbornike: *Ehkstremal'naya psikhologiya i pedagogika: sovremennye tendencii i perspektivnye issledovaniya*. Sbornik statej kruglogo stola. Tver', 2025. S. 34-38.
- [13] Kovtunenکو L. V. Lichnostno-razvivayushchee obuchenie kursantov voennykh vuzov: problemy i perspektivy / L. V. Kovtunenکو, A. YU. Grigorov // V sbornike: *Aktual'nye problemy obucheniya i vospitaniya shkol'nikov i studentov v obrazovatel'nom uchrezhdenii*. Sbornik nauchnykh statej. Voronezh, 2025. S. 91-94.
- [14] Zautorova EH. V. Metodologicheskie podkhody k organizacii patrioticheskogo vospitaniya lichnosti / EH. V. Zautorova // V sbornike: *80-letie Pobedy: pamyat' i dukhovnyj opyt pokolenij*. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem i Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkakh XXXIII Mezhdunarodnykh Rozhdestvenskikh obrazovatel'nykh chtenij. Moskva, 2025. S. 125-131.
- [15] Pryazhnikov N.S. Personal integration into society in the age of globalization and information technologies / Pryazhnikov N.S., Vilкова A.V., Loseva S.N., Lobacheva L.P., Kholopova E.Y. // *Espacios*. 2018. T. 39. № 32

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-482-486

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

БАБКИНА Анна Анатольевна,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: anna-alikieva@mail.ru

АНДРЮШЕЧКИНА Надия Анверовна,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nadia-andr@mail.ru

САДОВ Артём Александрович,

Кандидат технических наук,
доцент кафедры технологических и транспортных машин
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: Artemsadov@ya.ru

ШОРОХОВ Павел Николаевич,

Старший преподаватель кафедры технологических и транспортных машин
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: pasha-shorohov@mail.ru

МАМЕДОВА Лала Гасанпаша кызы,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lala.mamedova.1958@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗОВ

Аннотация. В последние десятилетия наблюдается растущий интерес к геймификации в образовательном процессе. Геймификация подразумевает интеграцию игровых элементов в обучение, что вызывает значительное повышение мотивации и вовлеченности учащихся. Данная статья рассматривает различные аспекты применения геймификации в образовательном процессе, исследует её влияние на мотивацию, усвоение материала и социальное взаимодействие, а также приводит примеры успешных геймифицированных подходов в обучении.

Ключевые слова: Геймификация, образование, игровые элементы, мотивация, обучение, достижения, учебные технологии, интерактивное обучение, критическое мышление, психология.

BABKINA Anna Anatolyevna,

Senior Lecturer of the Department of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

ANDRYUSHECHKINA Nadia Anverovna,

Senior Lecturer of the Department of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

SADOV Artyom Alexandrovich,

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Technological and Transport Machines
Ural State Agrarian University

SHOROKHOV Pavel Nikolaevich,
Senior Lecturer at the Department
of Technological and Transport Machines
Ural State Agrarian University

MAMEDOVA Lala Hassan pasha kyzy,
Senior Lecturer of the Department
of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

THE USE OF GAMIFICATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF UNIVERSITIES

Annotation. *In recent decades, there has been a growing interest in gamification in the educational process. Gamification involves the integration of game elements into learning, which causes a significant increase in student motivation and engagement. This article examines various aspects of gamification in the educational process, examines its impact on motivation, learning, and social interaction, and provides examples of successful gamified approaches to learning.*

Key words: *Gamification, education, game elements, motivation, learning, achievements, learning technologies, interactive learning, critical thinking, psychology.*

В последние десятилетия мир образования перетерпел значительные изменения благодаря технологическим достижениям и изменению подхода к обучению. В условиях быстро развивающегося цифрового века традиционные методы обучения стали недостаточно эффективными для удовлетворения потребностей современного общества, где знания и навыки быстро устаревают. В этих условиях геймификация — использование игровых элементов, механик и дизайна в неигровых контекстах, таких как обучение — становится одним из наиболее перспективных подходов к улучшению учебного процесса. [1]

Геймификация проникает в образовательные учреждения на всех уровнях — от начального до высшего, от формального обучения в школах и университетах до неформального и корпоративного. Эта концепция основывается на идее, что игровая форма может повысить вовлеченность учащихся, сделать процесс обучения более интересным и интерактивным, а также улучшить запоминание и усвоение материала. Применение игровых механик, таких как система достижений, очки, таблицы лидеров и интерактивные задания, помогает создать цельную образовательную среду, где студенты становятся активными участниками, а не пассивными слушателями.

Современные исследования подтверждают, что геймификация способствует улучшению мотивации, внимания и общего уровня вовлеченности учащихся. Игровые элементы не только повышают интерес к предмету, но и способствуют развитию критического мышления, навыков сотрудничества и способности к решению проблем, что

является важным для подготовки студентов к вызовам современного мира. К тому же геймификация способствует развитию автономии у учащихся, позволяя им самостоятельно выбирать темп и стиль обучения.

Применение геймификации в образовательном процессе вузов становится всё более популярным и эффективным подходом для повышения вовлечённости студентов и улучшения усвоения материала. Геймификация подразумевает использование элементов игрового дизайна в неигровых контекстах, таких как обучение.

Вот несколько ключевых аспектов применения геймификации в вузах:

1. Повышение мотивации студентов

Введение системы бонусов, баллов и наград за выполнение заданий, участие в мероприятиях или проявление активности. Это может стать стимулом для студентов.

Создание таблиц лидеров, где студенты могут видеть свои достижения по сравнению с другими, что может побуждать их к дальнейшим усилиям.

Повышение мотивации студентов в вузах с помощью геймификации является важным аспектом, так как специфика аграрного образования предполагает сочетание теоретических знаний и практических навыков.

Рассмотрим повышение мотивации с помощью геймификации на примере аграрных вузов.

1. Студенты могут участвовать в ролевых играх, где они выполняют роли агрономов, фермеров или управленцев, принимая решения о севообороте, выборе культур и управлении ресурсами.

Создание игры, где студенты управляют виртуальным хозяйством, принимая решения по посадке, удобрению, сбору урожая и продажам.

2. Организация соревнований между студентами или командами по различным дисциплинам (например, по агрономии, животноводству или экологии), где победители получают призы или сертификаты.

Введение системы рейтингов, где студенты получают баллы за выполнение заданий, участие в проектах и достижение целей, что создает дух соревнования и стремление к победе.

3. Проведение квестов, где студенты решают реальные задачи, стоящие перед аграрным сектором, выполняя задания на базе учебных полей или лабораторий. Студенты могут работать над проектами, связанными с реальными проблемами аграрного производства, используя геймификацию для стилизации разного рода исследований.

Студенты могут выполнять задания в формате квестов, где каждое задание связано с темами курса, позволяет применять теоретические знания на практике.

Разработка случаев, в которых студенты должны принимать решения, анализируя данные и принимая во внимание различные факторы.

4. Введение системы наград за успехи в учебе и активное участие в мероприятиях (например, прохождение дополнительных курсов, участие в научных конференциях).

Создание стенда или онлайн-платформы, где будут публиковаться достижения студентов, что позволяет им делиться своими успехами с другими.

5. Организация групповых заданий, где студенты работают в командах для достижения общей цели, развивая навыки сотрудничества и командного взаимодействия. Студенты могут сотрудничать в рамках совместных исследований, используя геймификацию для анализа данных и разработки решений.

Геймификация может включать элементы командных игр, где студенты работают в группах для достижения общей цели, что способствует развитию командных навыков и сотрудничества.

6. Обратная связь и саморегуляция

Использование интерактивных тестов и курсов, где студенты получают мгновенные результаты и рекомендации по улучшению. После выполнения заданий студенты могут обсуждать, что они сделали правильно, а что — нет, как это повлияло на результат, развивая критическое мышление.

7. Использование программного обеспечения для создания виртуальных ферм, где студенты могут применять свои знания о сельском хозяйстве в безопасной и контролируемой среде.

Разработка мобильных приложений, которые предлагают задания и Challenges, связанные с обучающими темами, и позволяют студентам учиться вне аудитории.

2. Усложнение и адаптация уровня сложности.

Разделение курса на уровни сложности, которые студенты могут проходить последовательно, получая возможность возвращаться к более сложным заданиям по мере освоения материала.

Создание адаптивных заданий, где уровень сложности материала меняется в зависимости от успехов студента.

3. Обратная связь и рефлексия.

Использование элементов геймификации для предоставления студентам быстрой обратной связи о их успехах и ошибках, что способствует лучшему пониманию.

Студенты могут анализировать свои действия и результаты в играх, что способствует более глубокой рефлексии и охвату изученного материала.

Геймификация является мощным инструментом, способным значительно улучшить процесс усвоения материала. Использование игровых элементов делает обучение более интерактивным, увлекательным и персонализированным, что способствует повышению не только знаний, но и навыков, необходимых для успешного обучения и последующей профессиональной деятельности. Применение геймификации в образовании открывает новые горизонты, делая процесс обучения более эффективным и радостным как для студентов, так и для преподавателей.

Не всегда игровые форматы возможности адекватно передать сложный и глубокий учебный контент, что может вызывать недопонимание важных тем.

Некоторые темы могут нуждаться в глубоком анализе и серьезных обсуждениях, для которых игровые форматы могут оказаться недостаточными. Содержание игр должно быть тщательно проработано и проверено на прагматичность. [4]

Несмотря на положительное влияние геймификации, существуют и недостатки. Некоторые студенты могут воспринимать игровые элементы как отвлечение от учебного процесса, а не как средство для улучшения понимания материала. Кроме того, слишком большое внимание к соревнованию может негативно сказаться на обучении, если учащиеся будут ставить результаты выше процесса усвоения знаний.

4. Развитие навыков и компетенций

Геймификация может быть использована для создания ситуаций, требующих от студентов анализа, критического мышления и решения проблем.

Через командные игры и проектное обучение студенты развивают свои коммуникативные навыки и учатся работать в группе.

Кроме того, с развитием технологий виртуальной и дополненной реальности становятся возможными новые форматы обучения через геймификацию. Такие технологии позволяют создавать иммерсивные миры, в которых студенты могут практиковаться в реальных сценариях, связанных с их учебными предметами. Например, курсы по медицине могут использовать VR для симуляции операций, а курсы по экологии могут предлагать экскурсии в виртуальные заповедники. Это создаст более увлекательный и запоминающийся опыт, который повысит интерес студентов к учебному процессу и поможет глубже понять материал.

Взаимодействие с реальным миром — ещё один доступный путь для геймификации. Внедрение элементов «игр на основе местоположения» в образовательных контекстах может помочь сделать обучение более увлекательным и связанным с современной жизнью. Студенты могут участвовать в интерактивных квестах, решая реальные задачи в своих городах, что способствует как образовательному, так и социальному взаимодействию.

Таким образом, геймификация в образовании — это мощный инструмент, который может значительно повысить мотивацию, вовлеченность и успех учащихся.

Геймификация в образовательном процессе вузов открывает новые возможности для вовлечения студентов и улучшения качества обучения. Используя игровые элементы, преподаватели могут создавать более интерактивную и мотивирующую образовательную среду, что положительно сказывается на успехах и удовлетворенности студентов.

Геймификация в аграрных вузах предоставляет множество возможностей для повышения мотивации студентов. Она делает обучение более увлекательным и интерактивным, помогает развивать практические навыки и критическое мышление, а также способствует более глубокой вовлеченности студентов в учебный процесс.

Игровые элементы делают обучение более увлекательным и интерактивным, что позволяет студентам усваивать материал более эффективно. Несмотря на некоторые недостатки, геймификация обещает стать важным аспектом образовательного процесса в будущем, открывая новые горизонты для студентов и преподавателей вузов.

Список литературы:

[1] Быстрова Наталья Васильевна, Бакулина Наталья Александровна, Гнездин Андрей Влади-

мирович, Угарова Анна Владимировна Геймификация в современном образовательном процессе // Журнал прикладных исследований. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-sovremennom-obrazovatelnom-protsesse> (дата обращения: 04.05.2025).

[2] Балашова М. О. Геймификация как способ повышения мотивации к учебной и научно-исследовательской деятельности студентов-геймеров / М. О. Балашова, И. В. Гужова // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сборник научных статей и материалов Международной конференции, Коломна, 11-13 февраля 2016 г. / под общей редакцией Р. В. Ершовой. Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. С. 38-41

[3] Геймификация в образовании: обзор [Электронный ресурс] — URL: www.ispring.ru/elearning-insights/gameschool/ (дата обращения 26.05.2025) — Загл.с экрана.

[4] Жданова Т. А. Инновационные подходы в дидактике высшего образования: переосмысление традиционных методов обучения в эпоху цифровых технологий в России / Т. А. Жданова // Управление образованием: теория и практика — 2024. - № 2-2. - С. 71-79.

[5] Кривых Елена Алексеевна, Замятина Мария Сергеевна Инновационные методы и традиционные подходы в условиях модернизации российского образования // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-metody-i-traditsionnye-podhody-v-usloviyah-modernizatsii-rossiyskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 24.05.2025).

[6] Куприянов Б.В, Подобин А.Е. Ситуационно-ролевая игра в социальном воспитании старшеклассников. — Кострома: КГПУ им. Н.А. Некрасова, 1998. — 56 с.

[7] Леонтьев, А.Н. Психологические основы дошкольной игры / А.Н. Леонтьев // Сов. Педагогика. — 1944. — №8-9. — С. 23.

[8] Попова, Т. Б. Знаниевая парадигма, компетентностный и практико-ориентированный подходы: вопросы терминологии / Т. Б. Попова // Образование на современном этапе: тренды, инновации, перспективы : Сборник статей всероссийской научно-методической конференции, Екатеринбург, 18 апреля 2024 года. — Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2024. — С. 175-178. — EDN YUCJIC.

[9] Попова, Т. Б. Сохранность контингента как показатель качества образования / Т. Б. Попова // Образование на современном этапе: тренды, инновации, перспективы : Сборник статей всероссийской научно-методической конферен-

ции, Екатеринбург, 18 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2024. – С. 171-174. – EDN MNRWSY.

[10] Сафарли М. С. Педагогическое проектирование в контексте инновационной деятельности / М. С. Сафарли, М. Э. Милитдинова, К. О. Федотова // Вестник педагогических наук. – 2021. - № 4. – С. 110-113. – EDN NMFFJR.

References:

[1] Bystrova Natal'ya Vasil'evna, Bakulina Natal'ya Aleksandrovna, Gnezdin Andrej Vladimirovich, Ugarova Anna Vladimirovna Gejmifikaciya v sovremennom obrazovatel'nom processe // Zhurnal prikladnykh issledovanij. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gejmifikatsiya-v-sovremennom-obrazovatelnom-protsesse> (data obrashcheniya: 04.05.2025).

[2] Balashova M. O. Gejmifikaciya kak sposob povysheniya motivacii k uchebnoj i nauchnoissledovatel'skoj deyatel'nosti studentov-gejmerov / M. O. Balashova, I. V. Guzhova // Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka : sbornik nauchnykh statej i materialov Mezhdunarodnoj konferencii, Kolomna, 11-13 fevralya 2016 g. / pod obshchej redakciej R. V. Ershovoj. Kolomna : Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet, 2016. S. 38-41

[3] Gejmifikaciya v obrazovanii: obzor [Elektronnyj resurs] – URL: www.ispring.ru/elearning-insights/gameschool/ (data obrashcheniya 26.05.2025) – Zagl.s ehkrana.

[4] Zhdanova T. A. Innovacionnye podkhody v didaktike vysshego obrazovaniya: pereosmyslenie traditsionnykh metodov obucheniya v ehpokhu cifrovyykh tekhnologij v Rossii / T. A. Zhdanova // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika – 2024. - № 2-2. - S. 71-79.

[5] Krivikh Elena Alekseevna, Zamyatina Mariya Sergeevna Innovacionnye metody i traditsionnye podkhody v usloviyakh modernizacii rossijskogo obrazovaniya // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-metody-i-traditsionnye-podhody-v-usloviyah-modernizatsii-rossiyskogo-obrazovaniya> (data obrashcheniya: 24.05.2025).

[6] Kupriyanov B.V, Podobin A.E. Situaciono-rol'evaya igra v social'nom vospitanii starsheklassnikov. – Kostroma: KGPU im. N.A. Nekrasova, 1998. – 56 s.

[7] Leont'ev, A.N. Psikhologicheskie osnovy doskol'noj igry / A.N. Leont'ev // Sov. Pedagogika. – 1944. – №8-9. – S. 23.

[8] Popova, T. B. Znan'evaya paradigma, kompetentnostnyj i praktiko-orientirovannyj podkhody: voprosy terminologii / T. B. Popova // Obrazovanie na sovremennom ehtape: trendy, innovacii, perspektivy : Sbornik statej vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Ekaterinburg, 18 aprelya 2024 goda. – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2024. – S. 175-178. – EDN YUCJIC.

[9] Popova, T. B. Sokhrannost' kontingenta kak pokazatel' kachestva obrazovaniya / T. B. Popova // Obrazovanie na sovremennom ehtape: trendy, innovacii, perspektivy : Sbornik statej vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Ekaterinburg, 18 aprelya 2024 goda. – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2024. – S. 171-174. – EDN MNRWSY.

[10] Safarli M. S. Pedagogicheskoe proektirovanie v kontekste innovacionnoj deyatel'nosti / M. S. Safarli, M. EH. Militdinova, K. O. Fedotova // Vestnik pedagogicheskikh nauk. – 2021. - № 4. – S. 110-113. – EDN NMFFJR.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-487-491

СТЕПАНОВ Роман Иванович,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: stepanov_ri@urgau.ru

СОРОКИНА Наталья Ивановна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: sorokina_na@urgau.ru

МАКАРОВА Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: makarova_tn@urgau.ru

ВОЛКОВА Светлана Александровна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: volkova_sa@urgau.ru

ШАКИРОВА Елизавета Романовна,
преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: shakirova_er@urgau.ru

МОТИВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРА РЕЧИ И ДЕЛОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ» ДЛЯ СТУДЕНТОВ АГРОВУЗОВ

Аннотация. Авторы статьи обосновывают, что мотивационной основой преподавания дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации» для студентов агровузов должны стать связи всех тем программы с системой деловых коммуникаций в сельском хозяйстве. Указанная система представлена сегодня разветвленной коммуникационной цепочкой сельскохозяйственного производства, большим разнообразием средств взаимодействия и новыми инструментами коммуникационной стратегии. В работе используются теоретические методы исследования: анализ, синтез, абстрагирование. Материалом исследования является дисциплина «Культура речи и деловые коммуникации» как часть лингвообразовательной среды нефилологического вуза и инструмент формирования языковой и коммуникативной компетенций у студентов Уральского государственного аграрного университета. Исследователи определяют перспективы современного коммуникационного процесса. Одно из направлений работы с которым они видят в просветительской работе со студентами, обучающимися в высших учебных заведениях сельскохозяйственного профиля.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникационные технологии, каналы связи, аграрный сектор, фермерское хозяйство, коммуникационная стратегия, цифровые коммуникационные технологии.

STEPANOV Roman Ivanovich,
Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

SOROKINA Natalia Ivanovna,

*Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University*

MAKAROVA Tatyana Nikolaevna,

*Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University*

VOLKOVA Svetlana Aleksandrovna,

*Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University*

SHAKIROVA Elizaveta Romanovna,

*Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University*

MOTIVATIONAL BASIS IN TEACHING THE DISCIPLINE “SPEECH CULTURE AND BUSINESS COMMUNICATION” TO STUDENTS OF AGRICULTURAL UNIVERSITIES

Annotation. *The authors of the article substantiate that the motivational basis for teaching the discipline «Speech culture and business communication» to students of agricultural universities should be the connection of all program topics with the business communication system in agriculture. This system is currently represented by an extensive communication chain of agricultural production, a wide variety of means of interaction, and new tools for communication strategies. The article uses theoretical research methods such as analysis, synthesis, and abstraction. The research material is the discipline «Speech culture and business communication» as part of the linguistic educational environment of a non-philological university and a tool for developing language and communicative competencies among students at the Ural State Agrarian University. The researchers identify the prospects for the modern communication process. One of the areas they focus on is educational work with students studying at higher educational institutions with an agricultural profile.*

Key words: *communication, communication technologies, communication channels, agricultural sector, farming, communication strategy, digital communication technologies.*

Дисциплину «Культура речи и деловые коммуникации» студенты Уральского государственного аграрного университета начинают изучать с первого курса. Она является обязательным компонентом части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений [9]. Позволяет получить теоретические знания и ряд практических умений, связанных с общей теорией нормативности языка и делового общения. Однако, на наш взгляд, в современных учебниках по данной дисциплине отсутствует прямая связь с особенностями делового взаимодействия в рамках будущей профессии, осваиваемой студентами. В то время как, наличие такой связи, позволило бы будущему специалисту в сфере сельского хозяйства более отчетливо понимать значение дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации» в построении своей предстоящей карьерной траектории.

Студентам агроузу необходимо четко понимать, что особенностью современного агробиз-

неса является длинная цепочка субъектов, принимающих решение о сделке между товаром и конечным потребителем [1; 2; 3; 10]. Именно поэтому важно максимально широко использовать все каналы коммуникации и методы воздействия, направленные на каждое звено этой цепи.

Организация представления информации, обозначенной выше возможна двумя основными способами:

- сообщение преподавателя в качестве примеров или комментария теоретических положений дисциплины;

- привлечение студентов к самостоятельному поиску примеров, позволяющих закрепить учебный материал в непосредственной привязке к будущей профессии.

Приведем примеры использования этих способов в нашей практической педагогической практике.

Анализ современных источников [4; 5; 6; 7; 8; 11] позволяет определить основные звенья ком-

муникационной цепочки сельскохозяйственного производства, которые мы представим ниже в последовательной иерархии (см. табл. 1). Студентам предлагаются источники, изучение кото-

рых позволяет определить основные характеристики каждого звена цепочки коммуникации производителей сельскохозяйственной продукции.

Таблица 1. Звенья коммуникации производителей сельхозпродукции и источники их характеризующие

№ п/п	Звенья коммуникации	Источники
1	Сельхозпроизводитель	Абашина М. Аграрный бизнес – поле для маркетинговых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: https://agrobook.ru/blog/user/mariya-abashina/agrarnyy-biznes-pole-dlya-marketingovyh-kommunikaciy (дата обращения: 25.05.2025).
2	Дилеры	Коммуникация в сельском хозяйстве: глобальный вызов [Электронный ресурс]. URL: https://sdexpert.ru/news/company/kommunikatsiya-v-selskom-khozyaystve-globalnyy-vyzov/ (дата обращения: 25.08.2025).
3	Правительственные организации	Мухлынина М.М. Государственная политика в сфере развития сельского хозяйства: актуальные вопросы права и практики // Сельское хозяйство. 2022. № 4. С. 9-16. DOI: 10.7256/2453-8809.2022.4.39485 EDN: TTIFGY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=3948 (дата обращения: 01.06.2025).
4	Отраслевые союзы	Тверитинов Г.В. Отраслевой союз: сущностные аспекты // Аграрный вестник Урала. № 3 (33). 2006. С. 37-39
5	Отраслевые ассоциации	Шарапов Ю.В. Ассоциация отраслевых союзов регионального АПК: опыт формирования и функционирования // Аграрный вестник Урала. 2012. №11-2 (106). С.77-79.
6	Средства массовой информации и цифровые технологии	Лемешко М.А. Коммуникационные стратегии и технологии в цифровой среде АПК / М.А. Лемешко // Управление рисками в АПК. 2023. № 2(48). С. 89-109.

Еще одним способом предоставления информации может послужить раздаточный материал, в виде карточек (см. табл. 2).

Таблица 2. Эффективные средства коммуникации в сельскохозяйственном производстве

№ п/п	Средства коммуникации	Основные характеристики средств коммуникации
1	Отраслевые выставки	По мнению исследователей, выставки являются эффективным инструментом построения репутации сельхозпроизводителя. Розничные клиенты, как правило, не являются экспертами в области АПК. Впечатление на них оказывает сам факт участия. Кроме того, при наличии сайта, есть возможность информировать пользователей о прошедшем событии, подчеркивая его значимость и формируя статус производителя.

2	Средства массовой информации	Современные отраслевые СМИ публикуются не только в традиционном печатном формате, но как правило, имеют свой собственный сайт, мобильные приложения, а также аккаунты в социальных сетях для поддержания диалога с будущими специалистами, обучающихся в высших учебных заведениях или же для популяризации деятельности кластера среди аудитории постоянных и потенциальных потребителей.
3	Маркетплейсы	Маркетплейсы представляют собой электронные торговые площадки для продажи продукции. Маркетплейс самостоятельно организует процесс от заказа и приема денег до доставки покупателю, а у покупателей в свою очередь есть возможность заказывать товары от разных продавцов, пользуясь одной площадкой. В качестве примера, можно привести наиболее известные на сегодня онлайн-площадки. Это «Wildberries» и «Озон». Однако совершенствование работы агрокомпаний в сфере продаж и продвижения в настоящее время также имеет место быть. Освоение маркетплейс позволяет сельхозпроизводителям увеличивать объем продаж.
4	Дилерские сети	Основными функциями традиционного дилерского центра являются: - изучение рынка сбыта, организация рекламы продукции и определение платежеспособного спроса; - формирование заказа на продукцию, оформление договоров с поставщиками и приёмка продукции по количеству и качеству; - поставка продукции потребителю; - рассмотрение претензий потребителей; - сбор и передача производителю информации о качестве продукции и ряд других.

Кроме того, что к концу изучения дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации» студенты Уральского государственного университета осваивают все основные разделы учебной программы, они владеют дополнительной информацией, полученной ими из различных источников. Введение этой информации постепенно – от темы к теме – позволяет преподавателям дисциплины постоянно поддерживать мотивационный уровень восприятия предмета изучения у обучающихся. Ниже представим обобщенные формулировки того, что студенты узнают дополнительно:

1. Деловые коммуникации в сельском хозяйстве представляют из себя сложную систему.

2. Условия конкурентной борьбы между предприятиями аграрного сектора очень высока, что требует задействования самых различных каналов и форм взаимодействия.

3. Появление спутниковых технологий позволяют отдаленным фермам пользоваться беспроводной связью.

4. Компьютерная техника позволяет формировать логистические данные о состоянии здоро-

вья скота и растений, погодных условиях, доходах и расходах и т. д.

5. У фермеров и крупных сельскохозяйственных предприятий появились способы онлайн-платежей.

6. Изменились способы коммуникации системы безопасности.

7. Современные фермеры доверяют цифровым технологиям, поэтому читают научные статьи и общаются с коллегами и журналистами, используя социальные сети, различные, мессенджеры, видеоконференцсвязи и др.

На наш взгляд, проведение просветительской работы по проблемам и перспективам коммуникационного процесса со студентами вузов, обучающимися в сфере сельского хозяйства, является весьма важной задачей. Обогащение основного материала дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации» дополнительной информацией, демонстрирующей реальные коммуникационные связи участников оборота сельскохозяйственной продукции, обогащает мотивационный компонент освоения содержания предмета изучения.

Список литературы:

- [1] Болдырева, Н. В. Роль и значение внутренних коммуникаций в условиях современного бизнеса / Н. В. Болдырева // Вестник Евразийской науки. — 2018. — Т. 10, № 1. — С. 3.
- [2] Гроссман, О. Ю. Концепция внутренних коммуникаций компании на основе принципов маркетинга / О. Ю. Гроссман // Технологии PR и рекламы в современном обществе. — 2017. — С. 48–53.
- [3] Ивашова, В. А. Исследование внутренних коммуникаций в организации / В. А. Ивашова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 6-3 (108). — С. 181–185.
- [4] Кирничук, А. В. Цифровизация и кибербезопасность в контексте национальной безопасности РФ : вызовы и ответы / А. В. Кирничук // Социальная политика и социальное партнёрство. — 2023. — № 5. — С. 307–317.
- [5] Лемешко, М. А. Коммуникационные стратегии и технологии в цифровой среде АПК / М. А. Лемешко // Управление рисками в АПК. — 2023. — № 2 (48). — С. 89–109.
- [6] Машевская, О. В. Цифровые технологии как основа цифровой трансформации современного общества / О. В. Машевская // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2020. — № 1. — С. 37–44.
- [7] Мухлынина, М. М. Государственная политика в сфере развития сельского хозяйства : актуальные вопросы права и практики / М. М. Мухлынина // Сельское хозяйство. — 2022. — № 4. — С. 9–16.
- [8] Пестов, А. В. Концептуальные положения совершенствования моделей агропромышленных объединений союзного типа / А. В. Пестов // Аграрный вестник Урала. — 2011. — № 4. — С. 105–107.
- [9] Пометелина, С. М. Организационно-методические аспекты преподавания дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации» в вузе нефилологического профиля / С. М. Пометелина // Актуальные вопросы образования. — 2022. — № 2. — С. 8–14.
- [10] Селиверстова, М. В. Особенности организации внутренних коммуникаций в деятельности современных организаций / М. В. Селиверстова // Экономика и общество. — 2019. — № 2-3 (9). — С. 16–21.
- [11] Шарапов, Ю. В. Особенности функционирования некоммерческих организаций : экономико-правовые аспекты / Ю. В. Шарапов // АПК: регионы России. — 2012. — № 7. — С. 28–34.

References:

- [1] Boldyreva, N. V. Rol' i znachenie vnutrennikh kommunikatsii v usloviakh sovremennogo biznesa / N. V. Boldyreva // Vestnik Evraziiskoi nauki. — 2018. — T. 10, № 1. — S. 3.
- [2] Grossman, O. Iu. Kontseptsiiia vnutrennikh kommunikatsii kompanii na osnove printsipov marketinga / O. Iu. Grossman // Tekhnologii PR i reklamy v sovremennom obshchestve. — 2017. — S. 48–53.
- [3] Ivashova, V. A. Issledovanie vnutrennikh kommunikatsii v organizatsii / V. A. Ivashova // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. — 2021. — № 6-3 (108). — S. 181–185.
- [4] Kirnichuk, A. V. Tsifrovizatsiia i kiberbezopasnost' v kontekste natsional'noi bezopasnosti RF : vyzovy i otvety / A. V. Kirnichuk // Sotsial'naia politika i sotsial'noe partnerstvo. — 2023. — № 5. — S. 307–317.
- [5] Lemeshko, M. A. Kommunikatsionnye strategii i tekhnologii v tsifrovoi srede APK / M. A. Lemeshko // Upravlenie riskami v APK. — 2023. — № 2 (48). — S. 89–109.
- [6] Mashevskaiia, O. V. Tsifrovye tekhnologii kak osnova tsifrovoi transformatsii sovremennogo obshchestva / O. V. Mashevskaiia // Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia obshchestvennykh i humanitarnykh nauk. — 2020. — № 1. — S. 37–44.
- [7] Mukhlynina, M. M. Gosudarstvennaia politika v sfere razvitiia sel'skogo khoziaistva : aktual'nye voprosy prava i praktiki / M. M. Mukhlynina // Sel'skoe khoziaistvo. — 2022. — № 4. — S. 9–16.
- [8] Pestov, A. V. Kontseptual'nye polozheniia sovershenstvovaniia modelei agropromyshlennykh ob"edinenii soiuznogo tipa / A. V. Pestov // Agrarnyi vestnik Urala. — 2011. — № 4. — S. 105–107.
- [9] Pometelina, S. M. Organizatsionno-metodicheskie aspekty prepodavaniia distsipliny «Kul'tura rechi i delovye kommunikatsii» v vuze nefilologicheskogo profil'ia / S. M. Pometelina // Aktual'nye voprosy obrazovaniia. — 2022. — № 2. — S. 8–14.
- [10] Seliverstova, M. V. Osobennosti organizatsii vnutrennikh kommunikatsii v deiatel'nosti sovremennykh organizatsii / M. V. Seliverstova // Ekonomika i obshchestvo. — 2019. — № 2-3 (9). — S. 16–21.
- [11] Sharapov, Iu. V. Osobennosti funktsionirovaniia nekommercheskikh organizatsii : ekonomiko-pravovye aspekty / Iu. V. Sharapov // APK: regiony Rossii. — 2012. — № 7. — S. 28–34.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-492-496

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ОСЛЯКОВА Ирина Вячеславовна,
Доцент кафедры иностранных языков
МИРЭА- Российский технологический университет,
e-mail: oslyakova@mirea.ru

СКОБЕЛЕВА Мария Александровна,
Институт кибербезопасности и цифровых технологий
МИРЭА- Российский технологический университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ФРОЛОВА Ольга Алексеевна,
Доцент кафедры иностранных языков
МИРЭА- Российский технологический университет,
e-mail: frolova_o@mirea.ru

ИОФФЕ Нина Евгеньевна,
Старший преподаватель, Кафедра иностранных языков,
МИРЭА- Российский технологический университет, Москва,
e-mail: ioffe@mirea.ru

АБАЙДУЛЛИНА Ольга Сергеевна,
Старший преподаватель, Кафедра иностранных языков,
МИРЭА- Российский технологический университет Москва,
e-mail: abaydullina@mirea.ru

ЦИФРОВОЕ ОБУЧЕНИЕ: ИННОВАЦИИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу цифрового обучения и его роли в трансформации современного образования. Рассматриваются его ключевые особенности — интерактивность, гибкость, мультимедийность и персонализация. Обсуждаются сильные и слабые стороны цифрового формата, его влияние на доступность знаний, мотивацию студентов и развитие навыков, необходимых в условиях цифровой экономики. В тексте приводятся примеры использования онлайн-платформ, систем видеосвязи, облачных сервисов и технологий искусственного интеллекта. Особое внимание уделено опыту студентов РТУ МИРЭА: результаты опроса и сравнительный эксперимент по переводу текстов показывают, как цифровые инструменты меняют практику обучения. В заключении подчеркивается необходимость сбалансированного подхода к цифровизации образования, сочетающего новые технологии с педагогическими традициями.

Ключевые слова: цифровое обучение, онлайн-образование, искусственный интеллект, интерактивность, VR/AR, геймификация, персонализация, эффективность обучения.

OSLYAKOVA Irina Vyacheslavovna,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
MIREA- Russian University of Technology

SKOBELEVA Maria Alexandrovna,
Institute of Cybersecurity and Digital Technologies
MIREA- Russian University of Technology

FROLOVA Olga Alekseevna,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
MIREA- Russian University of Technology

Ioffe Nina Evgenievna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
MIREA- Russian Technological University, Moscow

ABAIDULLINA Olga Sergeevna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
MIREA- Russian University of Technology, Moscow

DIGITAL LEARNING: INNOVATIONS, CHALLENGES AND PROSPECTS FOR EDUCATIONAL TRANSFORMATION

Annotation. *The article examines digital learning and its role in the transformation of modern education. It highlights its key features—interactivity, flexibility, multimedia, and personalization. The advantages and disadvantages of the digital format are discussed, along with its impact on accessibility of knowledge, student motivation, and the development of skills required in the digital economy. The text provides examples of using online platforms, video conferencing systems, cloud services, and artificial intelligence technologies. Special attention is given to the experience of RTU MIREA students: survey results and a comparative translation experiment demonstrate how digital tools reshape learning practices. The conclusion emphasizes the need for a balanced approach to the digitalization of education, combining technological innovations with established pedagogical methods.*

Key words: *digital learning, online education, artificial intelligence, interactivity, VR/AR, gamification, personalization, learning effectiveness.*

Введение

Цифровые технологии стремительно меняют привычные модели образования. Если ещё десять–пятнадцать лет назад основой обучения оставался традиционный очный формат, то сегодня онлайн-платформы, мобильные приложения и облачные сервисы прочно вошли в жизнь студентов и преподавателей. Цифровое обучение стало не просто дополнением, а важным элементом образовательного процесса, позволяя осваивать материал в удобном темпе, комбинировать разные форматы подачи информации и расширять доступ к знаниям.

Цель исследования — рассмотреть цифровое обучение как образовательный феномен, показать его преимущества и ограничения, а также обозначить перспективы дальнейшего развития. Для этого последовательно решаются **задачи**: определить понятие цифрового обучения и его характерные особенности; рассмотреть сильные и слабые стороны цифрового формата; проанализировать современные инструменты и технологии, применяемые в образовательной практике; оценить эффективность цифрового обучения на основе исследований и практического опыта; обозначить ключевые направления развития этой сферы.

Под цифровым обучением понимается процесс передачи и освоения знаний с использованием информационных технологий — от компьютеров и смартфонов до специализированных образовательных платформ. Оно объединяет

множество форматов: онлайн-курсы, вебинары, виртуальные тренажёры, мобильные приложения, сервисы для совместной работы.

Основные характеристики цифрового обучения включают интерактивность, персонализацию, доступность, гибкость и мультимедийность. Благодаря этим качествам цифровое обучение становится инструментом, позволяющим сделать образовательный процесс более современным, адаптивным и соответствующим запросам студентов.

Цифровое обучение открывает широкий спектр возможностей и во многом меняет привычный образовательный процесс. Его главным достоинством является доступность: знания становятся достижимыми для людей, которые по разным причинам не могут посещать традиционные занятия. Это особенно важно для тех, кто живет в удалённых регионах, имеет ограниченные физические возможности или вынужден совмещать учёбу с работой. Ещё одно значимое преимущество — индивидуализация образовательной траектории. Благодаря цифровым технологиям студент может осваивать материал в собственном темпе, подстраивать учебный процесс под свои интересы и уровень подготовки, что делает обучение более продуктивным. Кроме того, работа в цифровой среде неизбежно формирует у учащихся навыки, необходимые в современной профессиональной деятельности: умение пользоваться онлайн-инструментами, работать с большими объёмами информации, применять совре-

менные средства коммуникации. Важным фактором является и рост мотивации: использование мультимедийных материалов, интерактивных заданий и элементов геймификации делает процесс обучения более увлекательным и вовлекающим. Наконец, цифровой формат предоставляет возможность учиться в удобное время и в любом месте, что даёт студентам большую свободу и гибкость.

Вместе с тем, у цифрового обучения есть и свои ограничения. Для полноценного участия в нём необходимы современные устройства и стабильный доступ к интернету, что не всегда возможно для всех учащихся. Кроме того, дистанционный формат зачастую снижает уровень живого общения и может привести к социальной изоляции. Не менее важной проблемой является высокая зависимость от самодисциплины: цифровое обучение требует от студентов умения самостоятельно организовывать своё время и контролировать процесс усвоения материала. Немаловажным вызовом остаётся и создание качественного контента: чтобы обучение действительно было эффективным, необходимы значительные ресурсы для разработки материалов, которые будут не только информативными, но и методически выверенными. Наконец, нельзя забывать о вопросах кибербезопасности и защиты персональных данных, которые становятся всё более актуальными в условиях активного использования онлайн-платформ.

Таким образом, цифровое обучение сочетает в себе сильные стороны, позволяющие сделать образование более доступным, гибким и современным, и одновременно требует решения ряда проблем, связанных как с техническими, так и с социальными аспектами.

Современное образование невозможно представить без разнообразных цифровых инструментов, которые прочно вошли в учебный процесс. Одной из наиболее распространённых форм являются платформы онлайн-обучения, такие как Moodle, Coursera, EdX или Stepik. Они предоставляют доступ к курсам различного уровня сложности, позволяют систематизировать учебные материалы и организовать процесс обучения в удобной форме. Немалую роль играют и сервисы видеоконференцсвязи, например Zoom или Skype, которые дают возможность проводить занятия в режиме реального времени, обеспечивая взаимодействие между преподавателем и студентами даже на расстоянии.

Наряду с этим всё более популярными становятся интерактивные сервисы, такие как Mentimeter, Miro или Prezi. Они помогают сделать учебные занятия динамичными и наглядными, стимулируют участие студентов в обсуждениях и

коллективной работе. Облачные сервисы, включая Google Workspace или Microsoft 365, обеспечивают удобный формат совместной работы над проектами и быстрый обмен информацией. Особое место занимают инструменты для создания интерактивного контента, например Genially и H5P, позволяющие готовить мультимедийные материалы, тесты и тренажёры. В последние годы всё активнее внедряются решения на основе искусственного интеллекта: чат-боты, автоматизированные системы проверки знаний и адаптивные платформы, которые подстраиваются под уровень студента и помогают выстраивать индивидуальную траекторию обучения.

Из этого следует, что цифровые инструменты не только дополняют традиционный образовательный процесс, но и открывают новые возможности для организации учебной деятельности, делая её более гибкой и ориентированной на потребности конкретного студента.

Вопрос эффективности цифрового обучения стал предметом многочисленных исследований, и большинство из них показывают, что при правильной организации оно может быть столь же результативным, как и традиционные формы обучения. Более того, в ряде случаев цифровой формат оказывается даже более продуктивным. Это связано прежде всего с индивидуализацией процесса: студенты могут выбирать собственный темп, возвращаться к сложным материалам и закреплять знания с помощью дополнительных интерактивных заданий.

Важным фактором повышения результативности является разнообразие форматов подачи информации: использование видео, анимаций, интерактивных симуляций и тестов делает обучение более наглядным и способствует лучшему усвоению знаний. Однако эффективность цифрового обучения во многом зависит от качества созданного контента и уровня подготовки преподавателя, который должен уметь грамотно интегрировать цифровые ресурсы в учебный процесс. Не меньшую роль играет мотивация самого студента: если она невысока, даже самые современные технологии не смогут компенсировать пассивность и отсутствие вовлечённости.

Можно сделать вывод, что цифровое обучение открывает значительный потенциал, но его результативность напрямую зависит от сочетания технических решений, педагогического мастерства и готовности студентов активно участвовать в образовательном процессе.

Перспективы развития цифрового обучения. Будущее цифрового обучения связано с дальнейшим развитием технологий, которые уже сегодня начинают менять привычные подходы к образованию. В первую очередь это касается искусствен-

ного интеллекта, способного анализировать прогресс студентов, выявлять слабые стороны и предлагать персонализированные рекомендации. Такие системы будут постепенно становиться стандартом, помогая не только автоматизировать рутинные задачи, но и создавать индивидуальные маршруты обучения.

Не менее значимым направлением остаётся развитие иммерсивных технологий — виртуальной и дополненной реальности. Они дают возможность моделировать учебные ситуации, которые невозможно воспроизвести в традиционной аудитории: от лабораторных экспериментов до исторических реконструкций. Всё больший вес приобретают и мобильные технологии, позволяющие учиться «на ходу», а также микрообучение, когда материал подаётся небольшими, легко усваиваемыми блоками, что особенно удобно в условиях дефицита времени.

Отдельно стоит отметить геймификацию: использование игровых элементов становится всё более популярным инструментом вовлечения студентов в процесс обучения. Баллы, рейтинги, уровни и задания с элементами соревнования мотивируют учащихся и делают образовательный процесс более интересным.

Таким образом, развитие цифрового обучения идёт по пути всё большей персонализации, вовлечённости и доступности. Однако успешная реализация этих перспектив требует не только технологических инноваций, но и внимания к педагогическим аспектам: важно, чтобы цифровизация оставалась инструментом, а не самоцелью, и служила интересам студентов и общества в целом.

Опрос по теме “Цифровое обучение”

Для понимания отношения студентов к цифровому обучению был проведен опрос. В опросе приняли участие студенты РТУ МИРЭА. Опрос состоял из следующих вопросов:

1. **Как вы оцениваете свой опыт использования цифровых технологий в обучении?** (отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо, очень плохо)

2. **Какие цифровые инструменты вы чаще всего используете в учебе?** (платформы онлайн-обучения, видеоконференцсвязь, облачные сервисы, интерактивные доски, другие)

3. **Что вам нравится в цифровом обучении?** (доступность, гибкость, интерактивность, персонализация, другие)

4. **Что вам не нравится в цифровом обучении?** (отсутствие личного контакта, проблемы с самодисциплиной, технические проблемы, другие)

5. **Как вы думаете, цифровое обучение может полностью заменить традиционное?** (да, скорее да, скорее нет, нет)

6. **Какие улучшения необходимы для повышения эффективности цифрового обучения?** (улучшение технической поддержки, создание более качественного контента, улучшение взаимодействия между студентами и преподавателями, другие)

Опрос и практический опыт

Чтобы понять отношение студентов к цифровому обучению, в РТУ МИРЭА был проведён опрос среди **100 студентов**. Результаты показали неоднозначное восприятие: **68% респондентов** отметили такие преимущества, как гибкость учебного процесса, возможность совмещать занятия с другими видами деятельности и лёгкий доступ к материалам. При этом **72% студентов** подчеркнули, что цифровой формат помогает экономить время и делает обучение более удобным.

В то же время **45% участников** указали на определённые трудности — отсутствие живого общения с преподавателем и однокурсниками, необходимость высокой самодисциплины и проблемы технического характера. Интересно, что **53% студентов** сомневаются в возможности полной замены традиционного обучения цифровым форматом, считая более продуктивным сочетание очных и дистанционных методов.

Для более глубокого анализа был проведён практический эксперимент с участием **30 студентов**, связанный с переводом научного текста. Студенты выполняли задание двумя способами:

1. **Традиционно**, используя бумажные словари и печатные материалы. Этот вариант занял в среднем **4 часа** и требовал кропотливой работы: поиск слов, обсуждение спорных терминов и коллективное редактирование перевода.

2. **С помощью цифровых инструментов** — онлайн-словари, системы машинного перевода и программы проверки текста. Работа сократилась в среднем до **2 часов**. При этом **85% участников** отметили повышение качества перевода благодаря более точной терминологии и удобному совместному редактированию.

Однако эксперимент также выявил обратную сторону цифровых технологий: **90% студентов** отметили, что без доступа к интернету выполнение задания было бы крайне затруднительно, а в некоторых источниках встречались ошибки и неточности, требующие критического подхода.

Таким образом, и результаты опроса, и практический опыт показывают: цифровые инструменты значительно упрощают учебный процесс и повышают его эффективность, но вместе с тем

создают новые вызовы, связанные с зависимостью от технологий и необходимостью развивать у студентов навыки самостоятельного критического мышления.

Заключение

В работе были рассмотрены ключевые аспекты цифрового обучения: его сущность, преимущества и ограничения, а также инструменты и перспективы развития. Полученные данные позволяют сделать вывод, что цифровой формат действительно способен повысить доступность образования, индивидуализировать учебный процесс и сформировать у студентов важные навыки работы в условиях цифровой экономики.

В то же время для успешного внедрения цифровых технологий необходимо учитывать проблемы технической оснащённости, кибербезопасности и социальной вовлечённости студентов. Опыт опроса и эксперимента с переводом наглядно подтвердил: цифровое обучение эффективно тогда, когда оно дополняет традиционные методы и не подменяет их полностью. Перспективы его развития связаны с внедрением искусственного интеллекта, VR/AR-технологий, микрообучения и геймификации. Однако только сочетание технических новаций с педагогическим опытом позволит добиться гармоничного и устойчивого результата.

Список литературы:

- [1] Губайдуллин, А. Р. Цифровизация образования: преимущества и риски / А. Р. Губайдуллин // Образовательные технологии и общество. — 2020. — Т. 23, № 2. — С. 45-58.
- [2] Калашников, В. Ю. Искусственный интеллект в образовании: возможности и ограничения / В. Ю. Калашников // Информационные технологии в образовании. — 2019. — № 4. — С. 12-25.
- [3] Петрова, Л. А. Геймификация в цифровом обучении: опыт внедрения / Л. А. Петрова // Современные педагогические технологии. — 2021. — Т. 8, № 3. — С. 67-79.
- [4] Смирнов, И. Н. VR/AR-технологии в образовании: новые горизонты / И. Н. Смирнов // Высшее образование в России. — 2018. — Т. 27, № 5. — С. 34-47.
- [5] Федоров, А. В. Цифровые платформы и их роль в современном образовании / А. В. Федоров // Вопросы образования. — 2022. — № 1. — С. 89-102.
- [6] Clark, R. E. E-Learning and the Science of Instruction: Proven Guidelines for Consumers and Designers of Multimedia Learning / R. E. Clark. — 4th ed. — Hoboken: Wiley, 2016. — 528 p.
- [7] Hattie, J. Visible Learning: A Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement / J. Hattie. — 2nd ed. — London: Routledge, 2017. — 378 p.
- [8] Means, B. Evaluation of Evidence-Based Practices in Online Learning: A Meta-Analysis and Review of Online Learning Studies / B. Means, Y. Toyama, R. Murphy, M. Bakia, K. Jones. — Washington: U.S. Department of Education, 2010. — 93 p.
- [9] Siemens, G. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age / G. Siemens // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. — 2014. — Vol. 2, no. 1. — P. 3-10.

References:

- [1] Gubajdullin, A. R. Cifrovizaciya obrazovaniya: preimushchestva i riski / A. R. Gubajdullin // Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo. — 2020. — T. 23, № 2. — S. 45-58.
- [2] Kalashnikov, V. YU. Iskusstvennyj intellekt v obrazovanii: vozmozhnosti i ogranicheniya / V. YU. Kalashnikov // Informacionnye tekhnologii v obrazovanii. — 2019. — № 4. — S. 12-25.
- [3] Petrova, L. A. Gejmifikaciya v cifrovom obuchenii: opyt vnedreniya / L. A. Petrova // Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii. — 2021. — T. 8, № 3. — S. 67-79.
- [4] Smirnov, I. N. VR/AR-tekhnologii v obrazovanii: novye gorizonty / I. N. Smirnov // Vysshee obrazovanie v Rossii. — 2018. — T. 27, № 5. — S. 34-47.
- [5] Fedorov, A. V. Cifrovye platformy i ikh rol' v sovremennom obrazovanii / A. V. Fedorov // Voprosy obrazovaniya. — 2022. — № 1. — S. 89-102.
- [6] Clark, R. E. E-Learning and the Science of Instruction: Proven Guidelines for Consumers and Designers of Multimedia Learning / R. E. Clark. — 4th ed. — Hoboken: Wiley, 2016. — 528 p.
- [7] Hattie, J. Visible Learning: A Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement / J. Hattie. — 2nd ed. — London: Routledge, 2017. — 378 p.
- [8] Means, B. Evaluation of Evidence-Based Practices in Online Learning: A Meta-Analysis and Review of Online Learning Studies / B. Means, Y. Toyama, R. Murphy, M. Bakia, K. Jones. — Washington: U.S. Department of Education, 2010. — 93 p.
- [9] Siemens, G. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age / G. Siemens // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. — 2014. — Vol. 2, no. 1. — P. 3-10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-497-500

СТЕПАНОВ Роман Иванович,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: stepanov_ri@urgau.ru

СОРОКИНА Наталья Ивановна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: sorokina_na@urgau.ru

МАКАРОВА Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: makarova_tn@urgau.ru

ВОЛКОВА Светлана Александровна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: volkova_sa@urgau.ru

ШАКИРОВА Елизавета Романовна,
преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: shakirova_er@urgau.ru

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ АГРОВУЗОВ

Аннотация. В статье анализируется роль профильных печатных изданий в сельскохозяйственной отрасли как элемента современных средств массовой информации. Авторы статьи обосновывают актуальность специализированных СМИ в продвижении брендов в аграрном секторе, обусловленных длинной цепью коммуникаций между товаром и потребителем, важностью использования синтеза каналов взаимодействия всех участников сельскохозяйственного рынка. Исследователи утверждают, что формировать представление о роли печатных изданий необходимо уже на уровне обучения будущих специалистов в специализированных учебных учреждениях. В материалах статьи приводится пример просветительской работы по этому вопросу со студентами Уральского государственного аграрного университета в процессе преподавания дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации». Применяя метод контент-анализа Международной газеты «Поле Августа», преподаватели аграрного вуза организуют и поддерживают диалог с обучающимися, в целях популяризации изучения профильной периодической печати. В результате такой работы у студентов повышается мотивация к чтению профессиональной периодики, применению объективных методов исследования, изучению дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации».

Ключевые слова: коммуникация, контент-анализ, продвижение бренда, профильное печатное издание, аграрный сектор, учебный диалог, средства массовой информации

STEPANOV Roman Ivanovich,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

SOROKINA Natalia Ivanovna,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

MAKAROVA Tatyana Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

VOLKOVA Svetlana Aleksandrovna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

SHAKIROVA Elizaveta Romanovna,
Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

PERIODICALS AS AN EFFECTIVE COMMUNICATION CHANNEL IN AGRICULTURE: FORMING PERCEPTION IN STUDENTS OF AGRICULTURAL UNIVERSITIES

Annotation. *The article analyzes the role of specialized print media in the agricultural industry as an element of modern mass media. The authors of the article substantiate the relevance of specialized media in promoting brands in the agricultural sector, which is due to the long chain of communications between the product and the consumer, and the importance of using a synthesis of communication channels for all participants in the agricultural market. The researchers argue that it is necessary to form an understanding of the role of print media at the level of training future specialists in specialized educational institutions. The article provides an example of educational work on this issue with students of the Ural State Agrarian University in the process of teaching the discipline «Culture of speech and business communications». Using the method of content analysis of the international newspaper «Pole Avgusta», teachers of the agricultural university organize and maintain a dialogue with students in order to popularize the study of specialized periodicals. As a result of this work, students become more motivated to read professional periodicals, apply objective research methods, and study the discipline «Culture of Speech and Business Communications».*

Key words: *communication, content analysis, brand promotion, specialized print media, agricultural sector, educational dialogue, mass media.*

В процессе изучения темы «Основные функциональные стили современного русского языка» в рамках дисциплины «Культура речи и деловые коммуникации» студенты Уральского государственного аграрного университета изучают подраздел, посвященный публицистическому стилю. Один из блоков подраздела раскрывает особенности стиля средств массовой информации, в том числе специфику периодической печатной продукции [3; 5; 7]. Для закрепления теоретического учебного материала на практических занятиях преподаватели вуза организуют различные виды работы с периодикой: чтение, анализ, комментарии, обсуждение и др.

В целях повышения мотивации обучающихся к изучению дисциплины в целом, студентам предлагаются нарезки из статей, имеющие познавательный и эмоциональный аспекты, вызывающие неподдельный интерес [1]. Кроме того, на занятиях преподаватели используют и профильные издания, в которых отражены проблемы современного сельского хозяйства.

Следует отметить, что в сельскохозяйственной отрасли очень быстро развиваются профессиональные интернет-ресурсы: сайты, мобильные приложения, аккаунты в социальных сетях. Они позволяют популяризировать деятельность сегмента бизнеса среди аудитории постоянных и потенциальных потребителей, а также поддержи-

вать диалог с будущими специалистами, обучающимися в высших учебных заведениях [2; 6]. Тем не менее, длинная цепь между товаром и конечным потребителем требует синтеза всех возможных каналов коммуникации [4]. Поэтому роль печатных изданий для позиционирования бренда в аграрном секторе остается достаточно значимой. Доказательством тому являются тиражи профильных изданий и изменение объемов их содержания. Например, газета «Поле Августа» за период своего существования «выросла» с восьми страниц до двенадцати, и постепенно приобрела статус «Международной газеты для земледельцев». Тираж газеты увеличился с 7500 экземпляров (№ 1 за 2003 год) до более 11000 экземпляров (№№ 6-8 за 2025 год).

Указанное выше издание является информационной площадкой АО Фирмы «Август» – крупнейшей российской компании по производству и продаже химических средств защиты растений. Оно использует следующую тактику: в каждом номере сообщая о самом передовом опыте выращивания различных культур в разных регионах, информирует о том, использование каких продуктов фирмы привело к увеличению урожайности в том или ином хозяйстве. В эффективности стратегии и тактики Фирмы и газеты в продвижении своей продукции преподаватели и студенты Уральского государственного аграрного университета убеждаются во время практических занятий в процессе проведения контент-анализа свежих номеров Международной газеты «Поле Августа». Ниже приведем пример результатов применения указанного выше метода при исследовании трех номеров издания (3 квартал 2025 года) – за июнь (№ 6; тираж – 11450 экз.), июль (№ 7; тираж – 11300 экз.), август (№ 8; тираж – 11370 экз.).

Объектом исследования мы выбрали четыре группы пестицидов: протравители, гербициды, фунгициды, инсектициды. Предметом – препараты (бренды) каждой группы, которые будут упоминаться в изучаемых выпусках газеты. Нами был применен микс-метод контент-анализа – количественного и качественного. Приведем для примера полученные результаты.

В рамках количественного анализа выделим топ-5 из каждой классификационной группы (цифра означает частоту упоминаний препарата за три летних месяца 2025 года).

Протравители: Байсайд – 21; Оплот – 6; Стерлинг – 5; Синклер – 4; Табу Нео – 4; Бенорад – 3. В каталоге Фирмы «Август» за 2025 год указано 20 препаратов данного типа. Из них – 14 хотя бы 1-2 раза упоминались в номерах третьего квартала газеты «Поле Августа».

Гербициды: Форкаст – 10; Фултайм – 8; Стингрей – 7; Парадокс – 6; Квикстеп – 6. По указанному каталогу 61 препарат. В исследуемый период упомянуты 47 препаратов (25 их них по 2-3 раза; 22 – по одной единице).

Фунгициды: Ланцея – 12; Колосаль Про – 7; Ордан – 5; Балий – 4; Метаксил – 3. По каталогу – 29. В газете – 7 по 2-3 раза; 11 – по одному; всего – 23.

Инсектициды: Стиллет – 9; Борей Нео – 6; Коллайдер – 4; Дюссак – 4; Скутум – 3. По каталогу – 21. В газете – 17. По 2-3 раза – 6; по одному – также 6.

Наиболее высокая частота упоминания, как правило связана с процессом популяризации того или иного бренда. Новинкам чаще всего посвящают отдельную специализированную статью. Но и подтвердившие свою эффективность препараты также находят постоянную информационную поддержку.

На нескольких сайтах приводятся примеры наиболее популярных пестицидов. Из 50 приведенных примеров только 10 относится к продукции Фирмы «Август». Данная ситуация, по нашему мнению, объясняется тем, что у «Августа» есть собственный сайт, где размещается информация о предложениях Фирмы, а также сайт газеты «Поле Августа» и реальная печатная продукция, которая на сегодня имеет аудиторию как в России, так и за рубежом. Более мелкие предприятия отрасли химической защиты растений чаще всего могут позволить себе отдельные статьи или информационные разделы в различных печатных изданиях.

Качественный анализ проведенного нами исследования позволяет сделать ряд выводов.

1. Роль профильных печатных изданий в сельскохозяйственной отрасли играет большое значение. Тиражи их растут с каждым годом, содержание материалов увеличивается, читательская аудитория расширяется.

2. Материалы профильных печатных изданий предназначены не только для продвижения бренда. Большая часть контента – эксклюзивная профессиональная информация высокого качества, помогающая представителям аграрного сектора экономики страны узнавать об успешном опыте других предприятий и обогащаться агрономическими знаниями.

3. Использование профильных печатных изданий в процессе обучения студентов агрономических факультетов вузов повышает мотивацию студентов к освоению специальности в целом, и формирует интерес к чтению профессиональной литературы. Кроме того, на занятиях по

дисциплине «Культура речи и деловые коммуникации» студенты имеют возможность получить представление о сложной системе взаимодействия между многочисленными участниками сельскохозяйственного производства и основными правилами и способами профессионального общения.

Список литературы:

- [1] Гасова, О. В. Теоретико-методические аспекты учебного диалога : монография / О. В. Гасова. — Минск : БНТУ, 2017. — 144 с.
- [2] Гроссман, О. Ю. Концепция внутренних коммуникаций компании на основе принципов маркетинга / О. Ю. Гроссман // Технологии PR и рекламы в современном обществе. — 2017. — С. 48–53.
- [3] Евтюгина, А. А. Русский язык и культура речи : курс лекций : учебное пособие / А. А. Евтюгина. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. — 269 с.
- [4] Золотарев, А. С. Методический подход к оценке устойчивости развития аграрного бизнеса / А. С. Золотарев // Академический исследовательский журнал. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 67–72.
- [5] Ланских, А. В. Культура деловой речи : учебное пособие / А. В. Ланских. — Екатеринбург : УрФУ, 2016. — 87 с.
- [6] Лемешко, М. А. Коммуникационные стратегии и технологии в цифровой среде АПК / М. А. Лемешко // Управление рисками в АПК. — 2023. — № 2 (48). — С. 89–109.
- [7] Пометелина, С. М. Организационно-методические аспекты преподавания дисциплины

«Культура речи и деловые коммуникации» в вузе нефилологического профиля / С. М. Пометелина // Актуальные вопросы образования. — 2022. — № 2. — С. 8–14.

References:

- [1] Gasova, O. V. Teoretiko-metodicheskie aspekty uchebnogo dialoga : monografiia / O. V. Gasova. — Minsk : BNTU, 2017. — 144 s.
- [2] Grossman, O. Iu. Kontseptsiiia vnutrennikh kommunikatsii kompanii na osnove printsipov marketinga / O. Iu. Grossman // Tekhnologii PR i reklamy v sovremennom obshchestve. — 2017. — S. 48–53.
- [3] Evtiugina, A. A. Russkii iazyk i kul'tura rechi : kurs lektzii : uchebnoe posobie / A. A. Evtiugina. — Ekaterinburg : Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2019. — 269 s.
- [4] Zolotarev, A. S. Metodicheskii podkhod k otsenke ustoichivosti razvitiia agrarnogo biznesa / A. S. Zolotarev // Akademicheskii issledovatel'skii zhurnal. — 2025. — T. 3, № 4. — S. 67–72.
- [5] Lanskih, A. V. Kul'tura delovoi rechi : uchebnoe posobie / A. V. Lanskih. — Ekaterinburg : UrFU, 2016. — 87 s.
- [6] Lemeshko, M. A. Kommunikatsionnye strategii i tekhnologii v tsifrovoi srede APK / M. A. Lemeshko // Upravlenie riskami v APK. — 2023. — № 2 (48). — S. 89–109.
- [7] Pometelina, S. M. Organizatsionno-metodicheskie aspekty prepodavaniia distsipliny «Kul'tura rechi i delovye kommunikatsii» v vuze nefilologicheskogo profilia / S. M. Pometelina // Aktual'nye voprosy obrazovaniia. — 2022. — № 2. — S. 8–14.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-501-507

КЛИШКОВА Наталия Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент, заведующая кафедрой физики
профессор Академии военных наук
Военная академия связи им. С.М. Будённого,
Санкт-Петербург,
e-mail: n.v.kpn@ya.ru

МАКСИМОВА Марина Викторовна,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры физики
Военная академия связи им. С. М. Будённого,
Санкт-Петербург,
e-mail: marin-vikt@yandex.ru

НОВИКОВА Наталия Георгиевна,
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры биологической и медицинской физики
Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова,
Санкт-Петербург,
e-mail: nnov2006@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ФИЗИКИ К ПРОВЕДЕНИЮ ЗАНЯТИЙ С КУРСАНТАМИ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности подготовки преподавателя к проведению занятий в академии с курсантами. Подготовка преподавателя физики к занятиям включает несколько аспектов: изучение методики преподавания, освоение современных методов и технологий, разработку планов уроков и использование ресурсов для самообразования.

Преподаватель физики планирует; подготавливает; реализует; контролирует (процесс обучения физике); осуществляет профессиональное саморазвитие.

В индивидуальной особенности подготовки преподавателя к проведению занятий с курсантами военной академии и заключается свобода выбора преподавателя физики – формирование индивидуального почерка: акцент на развитие познавательных потребностей и интересов курсантов через содержание материала или особенности организации познавательной деятельности, направленность на проблемное обучение или проектную деятельность, использование специальных систем контроля (рейтинговый, компьютерный и т. п.), стремление активно использовать демонстрационный и лабораторный физический эксперимент или средства мультимедийной поддержки дисциплины «Физика».

Таким образом, статья представляет собой значимый вклад в научное осмысление методических аспектов в подготовки преподавателя к занятиям.

Ключевые слова: образовательный процесс, план и этапы проведения занятий, компетентностный подход, обучение и воспитание.

KLISHKOVA Natalia Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Physics S. M. Budyonny
Military Academy of Communications, St. Petersburg

MAKSIMOVA Marina Viktorovna

*Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer,
Department of Physics S. M. Budyonny Military
Academy of Communications, St. Petersburg*

NOVIKOVA Natalia Georgievna,

*Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor of the Department of Biological and Medical Physics,
Kirov Military Medical Academy, St. Petersburg*

THE SPECIFICS OF PREPARING A PHYSICS TEACHER TO CONDUCT CLASSES WITH MILITARY ACADEMY CADETS

Annotation. *The article discusses the specifics of teacher training for conducting classes at the academy with cadets. The preparation of a physics teacher for classes includes several aspects: the study of teaching methods, the development of modern methods and technologies, the development of lesson plans and the use of resources for self-education. A physics teacher plans; prepares; implements; controls (the process of teaching physics); carries out professional self-development.*

The individual peculiarities of a teacher's preparation for classes with military academy cadets include the freedom of choice of a physics teacher – the formation of an individual handwriting; emphasis on the development of cognitive needs and interests of cadets through the content of the material or the organization of cognitive activities, focus on problem-based learning or project activities, the use of special control systems (rating, computer, etc.), the desire to actively use demonstration and laboratory physics experiments or multimedia support tools for the discipline of Physics.

Thus, the article represents a significant contribution to the scientific understanding of methodological aspects in teacher training for classes.

Key words: *thus, the article represents a significant contribution to the scientific understanding of methodological aspects in teacher training for classes.*

Введение

Сложность задач, стоящих перед академией в деле обучения и воспитания курсантов, а также грамотного и научного управления совместной деятельностью преподавателей и курсантов требует эффективных путей преподавания. Обновление системы академического образования предполагает ориентацию на опережение требований государства, подготовку военного специалиста к жизни в условиях, изменившихся по отношению к условиям жизни во время его обучения и продолжающим изменяться, что делает востребованным умение решать постоянно возникающие новые, нестандартные проблемы, ориентироваться в растущем потоке профессиональной информации [1; 2; 3]. Возникают серьезные трудности, связанные с тем, что курсанты первокурсники – выпускники последних лет современных школ, курсанты закончившие школу давно в большинстве своем не владеют достаточными знаниями по физике. Выход заключается в качественном преподавании дисциплины «Физика». Необходимо, чтобы основная масса курсантов овладела фундаментальными знаниями необходимыми для работы по военной специальности.

Решающую роль в обучении и воспитании курсантов является подготовка преподавателя к занятиям.

Целью данного исследования является выявление и обоснование особенностей подготовки преподавателя физики к проведению занятий с курсантами военной академии, направленных на повышение эффективности обучения и формирования профессионально значимых компетенций.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению проблемы подготовки преподавателя физики для военных академий.

Материалы и методы исследования. Современные представления об исследовании уровня развития педагогической деятельности связаны с использованием системного, профессионального, функционального, процессуального, компетентностного подходов.

Авторами используются различные основания, которые определяют развитие деятельности преподавателя: профессиональная компетентность (Т.Г.Браже, Н.Н.Лобанова, А.Е.Марон, Р.М.Шерайзина и др.), педагогические способности

(Н.В.Кузьмина, Л.М.Митина), предмет и объект педагогической деятельности (И.А.Сазонов и др.).

Анализ имеющихся подходов к раскрытию особенностей подготовки преподавателя к проведению занятий с курсантами военной академии позволил выделить ряд специфических особенностей:

1. Рефлексивно-аналитические;
2. Социальные;
3. Междисциплинарные.
4. Индивидуальные.

Указанные особенности определили общие требования подготовки преподавателя к проведению занятий с курсантами военной академии.

Результаты и обсуждения

Подготовка преподавателя физики к занятиям включает несколько аспектов: изучение методики преподавания, освоение современных методов и технологий, разработку планов уроков и использование ресурсов для самообразования.

Основные направления подготовки:

- Изучение методики преподавания физики. Преподаватель должен освоить, например, умение планировать ход физического эксперимента, решать задачи разных типов, подбирать оптимальные приёмы и методы для проведения занятий.
- Освоение информационных технологий. Важно научиться использовать электронные учебники, презентации, образовательные программы для контроля знаний.
- Изучение междисциплинарных связей. Преподаватель должен уметь устанавливать и реализовывать междисциплинарные связи с дисциплинами естественного цикла, психолого-педагогического, общекультурного циклов и военно-профессиональных циклов. Методы и технологии:
- Использование проблемного обучения. Преподаватель должен уметь создавать проблемные ситуации, формулировать проблемы и планировать деятельность по их разрешению.
- Применение модульной технологии. Позволяет учесть возрастные особенности курсантов и обширность материала.
- Использование лабораторного практикума. Лабораторные работы должны восприниматься как небольшие научные исследования, направленные на проверку теоретических выводов.

Примеры планов занятий и учебных материалов:

- Разработка планов занятий. Преподаватель должен уметь разрабатывать планы занятий, которые учитывают уровень подготовки и интересы курсантов.

- Подбор учебных материалов. Важно подбирать раздаточные пособия, использовать наглядные пособия.

Ресурсы для самообразования:

- Интернет-ресурсы. Они позволяют обмениваться опытом с коллегами, изучать методические материалы и научную информацию.
- Семинары и конференции. На них преподаватель может участвовать в дискуссиях, совещаниях, семинарах по обмену опытом.
- Курсы повышения квалификации. Позволяют освоить новые педагогические знания и умения.

Этапы подготовки преподавателя к проведению занятий с курсантами военной академии:

- I этап – компетентностный на дисциплине «Физика» Целенаправленно построенный процесс формирования предметных знаний и умений способствует развитию базовых предметных компетенций курсантов. Для этого каждый преподаватель должен включить в число задач курса задачу по формированию конкретных составляющих компетенций, а в содержание материала каждой лекции, практического занятия – те аспекты, которые будут способствовать развитию определённых компетенций у курсантов.
 - II этап – профессионально - методический. В основе этого этапа используются знания и умения по педагогике и психологии, по теории и методике предмета, а также профессиональные ценностные ориентации, элементы профессиональной этики, профессиональные коммуникативные умения, профессиональной деятельности. Для этого весь процесс строится контекстно – к традиционным формам обучения и видам деятельности курсантов должны быть добавлены квазипрофессиональные, проектные, позволяющие превратить процесс обучения в последовательное решение проблем, которые встают перед преподавателем в реальном процессе.
 - III этап – профессионального саморазвития преподавателя (как самостоятельно, так и в системе повышения квалификации).
- Итак, преподаватель физики должен:

- 1) спланировать;
- 2) подготовить;
- 3) реализовать;
- 4) проконтролировать (процесс обучения физике);

5) осуществлять профессиональное саморазвитие.

Преподаватель планирует: ход физического эксперимента (демонстрационного, лабораторного), решение физических задач разных типов (алгоритм или алгоритмическое предписание), конкретные результаты обучения, неразрывно связанные с правильно поставленными тактическими или операциональными целями (при внедрении компетентного подхода цели формулируются через компетенции и их составляющие); деятельность преподавателя и курсантов (во взаимодействии) при изучении нового материала, закреплении, при повторении, при обобщении, при опросе, при диагностике усвоения, при конструировании физико-технических устройств, самостоятельную подготовку курсантов.

Преподаватель подготавливает: воспитательную работу на материале физики; проводить мотивацию изучения тем курса физики (разными способами), выделять главное в учебном материале; дополнительный материал из разных информационных источников (в том числе междисциплинарного характера), ставить физический эксперимент (демонстрационный, лабораторный), подбирать или разрабатывать компьютерные модели физических объектов, процессов, разрабатывать разные способы деятельности с ними – постановку и решение проблем, исследование свойств и закономерностей физических процессов и т. п., подбирать оптимальные приёмы, методы и средства для занятий – с учетом особенностей науки, возрастных и когнитивных особенностей курсантов, этапа занятий и т. п., подбирать и разрабатывать задания для тестов, самостоятельных и контрольных работ, индивидуальной работы (дифференцированные по трудности, направленности интересов курсантов, и т. п.).

Преподаватель реализует: проведение физического эксперимента; решение физических задач и проблем; достижение конкретных целей и задач обучения физике, изучение нового материала, закрепление, повторение, обобщение, опрос, диагностику сформированности знаний и умений, отношений (компетенций); приемы и методы обучения физике на конкретном материале, использование средства обучения (в том числе – электронные); разные виды деятельности курсантов на занятии по физике; воспитательный потенциал курса физики (мировоззренческий, нравственный, экологический, эстетический и др.).

Преподаватель контролирует: полученные в эксперименте, при решении задач, проблем результаты на достоверность; ход образовательного процесса; при изучении физики (понимание, усвоение, затруднения) и корректировать его; требования к оцениванию деятельности курсантов и результатов конкретных проверочных работ по физике; использование различные способов и средств диагностики результатов обучения на разных этапах процесса; самоконтроль и рефлекссию курсантов своей деятельности и достижений.

Преподаватель осуществляет профессиональное саморазвитие: находит и анализировать с научно-методической точки зрения различные технологии, методики, образовательные ресурсы по физике в разных источниках информации, адаптирует их «под себя» в случае необходимости; достижение поставленных целей самообразования; осуществляет рефлекссию и самоконтроль профессиональной деятельности и её результатов; устанавливает и устраняет недочёты и ошибки в работе по предмету, проведение научно-методические исследований по актуальным проблемам теории и практики, представлять их результаты.

При подготовке и проведении лекционного, практического и лабораторного занятий, каждый преподаватель стремится найти оптимальные методы, приемы и способы обучения, способствующие наиболее полному усвоению курсантами содержания дисциплины. В индивидуальной особенности подготовки преподавателя к проведению занятий с курсантами военной академии и заключается свобода выбора преподавателя физики – формирование индивидуального почерка: акцент на развитие познавательных потребностей и интересов курсантов через содержание материала или особенности организации познавательной деятельности, направленность на проблемное обучение или проектную деятельность, использование специальных систем контроля (рейтинговый, компьютерный и т. п.), стремление активно использовать демонстрационный и лабораторный физический эксперимент или средства мультимедийной поддержки дисциплины «Физика» и т. п.

Приведём пример основных частей проведения практического занятия по дисциплине «Физика».

№ этапа	Название части практического занятия	Содержание части	Условия достижения положительных результатов	Показатели выполнения образовательных задач
1.	Организационная (вступительная)	Преподаватель принимает доклад дежурного по группе о готовности к занятию; проверяет наличие личного состава и его готовность к занятию; объявляет тему, цели и порядок проведения занятия; дает краткую справку о взаимосвязи изучаемого материала с изученным ранее в курсе физики, а также с учебным материалом других дисциплин, преподаваемых в академии; напоминает, что курсанты, хорошо воспринимающие учебный материал могут решать предлагаемые задачи самостоятельно.	Сосредоточенность, выдержка, самообладание, собранность преподавателя, последовательность и постоянство в предъявлении требований к курсантам.	Доброжелательный настрой педагога и курсантов; полная готовность аудитории к работе; быстрое включение группы в деловой ритм; организация внимания всех курсантов.
2.	Входной контроль	Для проверки исходного уровня знаний курсантов, достигнутый в результате изучения рекомендованной литературы и учебного материала на самоподготовке к данному занятию, проводится контроль в письменной форме (так называемый «экспресс-контроль»). Каждый курсант должен в течение 10 минут письменно ответить на вопросы по теме занятия.	Оперативность педагога, целевая направленность его деятельности, осознанность курсантов взаимосвязи самостоятельной подготовки с результатами своего обучения	Выявление факта самостоятельной подготовки всех курсантов данной группы, установление типичных ошибок и их ликвидация; обнаружение причин невыполнения заданий отдельными курсантами и принятие мер для их ликвидации.
3.	Основная часть	Организация преподавателем, процесса восприятия, осознания, осмысления, первичного обобщения и систематизации материала занятия, показ практической значимости материала занятия.	Актуализация чувственного опыта и опорных знаний курсантов; широкое использование различных способов активизации мыслительной деятельности курсантов; обращение педагога по поводу ответа курсанта к группе с требованием дополнить, уточнить, исправить, взглянуть на изучаемую проблему с иной стороны	Эффективность усвоения курсантами знаний и умений; узнавать и соотносить факты с понятиями, правилами и идеями; выделять существенные признаки ведущих понятий и конкретизировать эти признаки
4.	Заключительная часть	Преподаватель подводит итоги занятия. По результатам работы и проведенного опроса он определяет степень усвоения материала и оценивает работу опрошенных курсантов. Затем преподаватель выдает задание на следующее практическое занятие.	Курсанты должны быть подготовлены к этой части занятия всем ходом данного занятия; проведение рефлексии занятия; содержание задания понятно всеми курсантами без исключения.	Возможность гармонично связать несколько занятий в единую систему; превратить знания в инструмент познания; оказывает помощь в формировании характера, личности курсанта.

Таково краткое содержание частей практического занятия. Мы показали только один из вариантов проведения практического занятия, но далеко не единственный, всё зависит от замысла преподавателя, от педагогической целесообразности, логики построения занятия.

Выводы

Виды учебных занятий, традиционно проводимые в академии, отражены в рабочей программе дисциплины. К ним относятся лекции, практические и лабораторные занятия. Каждый из перечисленных видов занятий имеет свою цель и свое место в образовательном процессе. Лекция служит для сообщения курсантам содержания дисциплины, несет в большей степени информационную нагрузку. Лабораторный практикум позволяет получить курсантам элементарные навыки экспериментирования, познакомиться с приборами, изучить методы обработки результатов измерений и т.д. Практическое занятие имеет целью углубление и закрепление теоретических знаний, полученных на лекционных занятиях.

Поэтому подготовка преподавателя к проведению занятий имеет огромное значение в процессе обучения и воспитания курсантов, овладевающих фундаментальными знаниями необходимыми для работы по военной специальности. Особенности такой подготовки являются: рефлексивно-аналитическая; социальная; междисциплинарная; индивидуальная.

Список литературы:

- [1] Байденко В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: методическое пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 72 с.
- [2] Болотов В. А., Сериков В. В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 8–14.
- [3] Зеер Э. Ф., Павлова А. М., Сыманюк Э. Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: учеб. пособие. М.: Изд-во МПСИ, 2005. 216 с.
- [4] Ефремова Н.А., Рудковская, В.Ф. Проблемы и особенности обучения студентов 1-2 курсов в области физики. // Проблемы образования в современной России на постсоветском пространстве. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2006. С.143-146.
- [5] Дьякова Е. А. Этапы подготовки учителя физики с позиций компетентностного подхода //

Вестник учебно-методического совета Армавирского государственного педагогического университета. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. С. 97–98.

[6] Дьякова Е. А. Формирование профессиональных компетенций учителя физики в системе бакалавриата // Формирование профессиональной компетентности студентов в системе вузовской подготовки: проблемы, поиски, решения: сб. материалов / под общ. ред. Е. В. Головневой. Заочн. международн. научно-практ. конф., 25 ноября 2010 г.: в 3-х ч. Ч. 1. Sterlitaмак: Sterlitaмакская. гос. пед. академия им. З. Бишовой, 2011. С. 95–98.

[7] Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. № 5. 2003.

[8] Иванов Д. А. Компетенции и компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. № 8. 2007. С. 77–82.

[9] Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996.

[10] Хуторской А. В. 11. Ключевые компетенции: технология конструирования // Народное образование. 2003. № 5. С. 55–61.

References:

- [1] Baidenko V.I. Identification of the competencies of university graduates as a necessary stage in the design of a new generation of GOS HPE: a methodological manual. M.: Research Center for Quality Problems of Training Specialists, 2006. 72 s.
- [2] Bolotov V. A., Serikov V. V. Competence model: from idea to educator-2. new program//Pedagogy. 2003. № 10. S. 8-14.
- [3] Zeer EF, Pavlova A.M., Symanyuk EE Modernization of vocational education: competence approach: tutorial. manual. M.: Publishing House MPSI, 2005. 216 pp.
- [4] Efremova N.A., Rudkovskaya, V.F. Problems and features of training students of 1-2 courses in the field of physics //Problems of education in modern Russia in the post-Soviet space. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. - Penza, 2006. S.143-146.
- [5] Dyakova E. A. Stages of training a physics teacher from the standpoint of a competence approach//Bulletin of the Educational and Methodological Council of Armavir State Pedagogical University. Armavir: RIC ASPU, 2009. S. 97-98.
- [6] Dyakova E. A. Formation of professional competencies of a physics teacher in the undergraduate system//Formation of professional competence of students in the system of university training: problems, searches, solutions: Sat. materials/under the

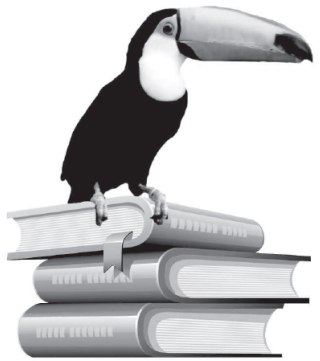
general. ed. E.V. Golovneva. Correspondence. international. scientific pract. conf., November 25, 2010: in 3 hours. Part 1. Sterlitamak: Sterlitamak. state. ped. Academy named after Z. Biisheva, 2011. S. 95-98.

[7] Winter I. A. Key competencies - a new paradigm of the result of education//Higher education today. № 5. 2003.

[8] Ivanov D.A. Competencies and competence approach in education//School technologies. № 8. 2007. S. 77-82.

[9] Markova A.K. Psychology of professionalism. M., 1996.

[10] Khutorskaya A.V. 11. Key competencies: design technology//Public education. 2003. № 5. S. 55-61.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-508-513

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ГУСЕЙНОВА Ханум Курбановна,

Ассистент кафедры иностранных и латинского языка,
Дагестанский государственный медицинский университет
Махачкала, Российская Федерация,
e-mail: khanum.guseynova.88@mail.ru

ИМАНМАГОМЕДОВА Эльмира Алиевна,

Кандидат философских наук,
ассистент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет,
e-mail: imanmagomedova81@mail.ru

РАМАЗАНОВА Марин Шарапудиновна,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет,
e-mail: marinaramazanova61@mail.ru

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ПРОФИЛЯ

Аннотация. В условиях глобализации и интеграции научного и образовательного пространства владение иностранными языками становится ключевым элементом профессиональной подготовки специалистов, особенно в медицинской сфере. Доступ к международным исследованиям, участие в научных дискуссиях и обмен клиническим опытом напрямую зависят от уровня языковой компетенции. В статье рассматриваются методические аспекты преподавания иностранных языков в медицинских вузах, включая результаты анкетирования студентов и преподавателей из вузов медицинского профиля. Проведённый анализ показал наличие расхождений в оценке профессиональной направленности и эффективности курсов: студенты чаще фиксируют частичную релевантность обучения будущей врачебной практике, тогда как преподаватели оценивают её выше. Основными трудностями названы недостаток языковой практики, сложность профессиональной терминологии и ограниченность времени. Установлено, что повышение эффективности обучения возможно за счёт согласования представлений студентов и преподавателей о целях курса, расширения практико-ориентированных компонентов, внедрения симуляционных технологий, цифровых и интерактивных методов. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования учебных программ, разработки методических материалов и повышения мотивации студентов.

Ключевые слова: медицинское образование, преподавание иностранных языков, профессионально-ориентированное обучение, медицинская терминология, мотивация студентов, методические подходы, методика обучения.

GUSEYNOVA Khanum Kurbanovna,

Assistant, Department of Foreign and Latin Languages,
Dagestan State Medical University
Makhachkala, Russian Federation

IMANMAGOMEDOVA Elmira Aliевна,

Candidate of Philosophical Sciences,
Assistant, Department of Foreign and Latin Languages,
Dagestan State Medical University

RAMAZANOVA Marin Sharapudinovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Foreign and Latin Languages,
Dagestan State Medical University

METHODOLOGY OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A MEDICAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Annotation. *In the context of globalization and the integration of scientific and educational environments, proficiency in foreign languages has become a key element of professional training, especially in the medical field. Access to international research, participation in scientific discussions, and the exchange of clinical experience directly depend on the level of language competence. This article examines the methodological aspects of teaching foreign languages in medical universities, including the results of a survey conducted among students and teachers from medical higher education institutions. The analysis revealed discrepancies in the assessment of the professional orientation and effectiveness of courses: students more often noted only partial relevance of the training to future medical practice, while teachers rated it higher. The main difficulties identified were the lack of language practice, the complexity of professional terminology, and limited time. It was found that the effectiveness of training can be increased by aligning students' and teachers' perceptions of course objectives, expanding practice-oriented components, and introducing simulation technologies as well as digital and interactive methods. The findings can be used to improve curricula, develop teaching materials, and enhance student motivation.*

Key words: *medical education, foreign language teaching, professionally oriented learning, medical terminology, student motivation, methodological approaches, teaching methodology.*

Введение

Актуальность. В условиях глобализации и интеграции научного и образовательного пространства владение иностранными языками становится неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки специалистов, где доступ к международным исследованиям, обмен клиническим опытом и участие в научных дискуссиях напрямую зависят от языковой компетенции выпускников вузов. Актуальность темы исследования определяется и возрастающей ролью межкультурной и профессиональной коммуникации в медицине, необходимостью подготовки конкурентоспособных специалистов, способных к эффективному взаимодействию с зарубежными коллегами и работе с иноязычными источниками информации.

Изученность проблемы. Тематика преподавания иностранных языков в медицинских вузах изучена достаточно широко, при этом внимание уделяется профессиональной направленности обучения, учёту медицинской терминологии, организационно-методическим аспектам и применению современных технологий. Исследования охватывают вопросы качества усвоения материала и адаптации методик к потребностям студентов-медиков, однако сохраняется необходимость их дальнейшего совершенствования с учётом современных требований медицинского образования.

Целесообразность разработки темы.

Целесообразность разработки проблематики преподавания иностранных языков в медицинских вузах обусловлена необходимостью поиска и внедрения методик, ориентированных на практические профессиональные задачи, учитывающих специфику медицинской терминологии, клинического дискурса и современные педагогические технологии.

Научная новизна. Научная значимость исследования заключается в комплексном рассмотрении особенностей преподавания иностранных языков в медицинском вузе с учётом мнений двух ключевых категорий участников образовательного процесса — студентов и преподавателей, а также в систематизации факторов, влияющих на эффективность формирования профессиональной иноязычной компетенции.

Целью исследования является выявление и анализ методических аспектов обучения иностранным языкам студентов медицинских специальностей, а также определение направлений совершенствования образовательного процесса.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- обобщить и проанализировать существующие исследования по данной проблематике;
- изучить организационно-методические особенности преподавания иностранного языка в медицинском вузе;

- выявить уровень мотивации и трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся;

- оценить степень профессиональной направленности и эффективности курсов иностранных языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о методических подходах к обучению иностранным языкам в медицинских вузах и выявлении факторов, способствующих формированию профессиональной компетенции.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов для совершенствования учебных программ, повышения мотивации студентов, разработки методических материалов и внедрения технологий, ориентированных на реализацию прикладных задач профессиональной коммуникации.

Степень разработанности проблемы

Методика преподавания иностранных языков в вузах, особенно медицинских, актуальна в условиях роста роли межкультурной и профессиональной коммуникации. Владение языком, прежде всего английским, становится необходимым элементом компетенции врача, обеспечивая доступ к международной литературе, участие в проектах и обменах. Изучение языка приобретает практико-ориентированный характер и является условием подготовки конкурентоспособных специалистов. В научной литературе особое внимание уделяется профессиональной направленности обучения, методическим подходам, использованию цифровых и игровых технологий, а также специфике преподавания студентам разных категорий.

К группе авторов, рассматривающих вопросы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов медицинских специальностей, относятся Л.Ю. Берзегова, Г.И. Филиппских [1], Е.Е. Руденко, Е.С. Потехина, М.Б. Ковалева [2], А.А. Айрапетян, А.А. Абрамян [3], Д.Д. Buranova [4], Е.А. Демина [5], Н.К. Адамбаева, Л.П. Ходжаметова [6]. В своих публикациях исследователи акцентируют внимание на необходимости формирования у студентов лексико-грамматических и коммуникативных навыков, соответствующих профессиональной сфере, а также анализируют подходы к преподаванию английского языка в медицинском вузе как важного элемента подготовки специалиста.

Следующая группа исследователей, включающая Д.С. Айвазову, Л.Е. Борисову [7], Л.Н. Парашенко-Корнейчук, Н.Г. Тырникову [8], Ю.Б. Нектаревскую, Л.В. Самыгину [9], М.И. Абдыжапарову,

Е.А. Кириченко, А.А. Коневу [10], Т.Д. Кубрину, А.С. Хлебникову [11], С.И. Ильину [12], сосредоточена на изучении факторов, влияющих на процесс обучения иностранным языкам в медицинских вузах, а также на методических и организационных аспектах. Еще одну группу исследований составляют работы, которые посвящены применению инновационных методов и технологий в процессе преподавания иностранных языков в медицинских вузах. К исследованиям данной группы относятся Е.В. Решедько [13], И.И. Гимаева, Р.Р. Закирова, Л.Н. Юзмухаметова [14], С.А. Сусловец [15]. Основное внимание в рамках данной группы исследований уделяется использованию деловых и лексических игр, методам интерактивного обучения, включая обучение говорению, а также внедрению интеллект-карт в практику преподавания. В исследовании С.Р. Налбандян, Т.Г. Григорян, А.А. Айрапетян [16] акцент сделан на междисциплинарном подходе и необходимости пересмотра целей и содержания языковой подготовки в условиях меняющихся требований к выпускнику медицинского вуза.

Все это позволяет нам говорить, что, совокупность исследований посвященные методике преподавания иностранного языка в условиях высшего учебного заведения медицинского профиля отражают широкий спектр проблем и подходов, связанных с преподаванием иностранных языков в высшей медицинской школе. Особое внимание в рамках исследований уделяется профессиональной направленности обучения, методическому разнообразию, внедрению современных образовательных технологий и учету специфики контингента обучающихся.

Методы

На основе собственной педагогической практики и описанных выше исследований в области методики преподавания иностранных языков можно утверждать, что в современных условиях требуется обновление подходов к языковой подготовке студентов медицинских вузов. В данном исследовании помимо анализа теоретических наработок отечественных и зарубежных исследователей проведено анкетирование студентов и преподавателей иностранных языков с целью выявления особенностей организации учебного процесса, эффективности используемых методик, уровня мотивации и трудностей, возникающих в обучении.

Анкета включала пять блоков: общая информация об участнике (статус и, для студентов, курс обучения), организация процесса (количество часов, формы занятий, включая практику, проекты, онлайн-платформы, работу с терминологией).

гией), содержание курса (ориентация на медицинскую деятельность, полезные темы, такие как терминология, ведение истории болезни, перевод статей), мотивация и трудности (уровень интереса и основные проблемы, включая сложность терминологии, нехватку времени и отсутствие языковой среды), а также оценка методики (удовлетворённость по 5-балльной шкале и предложения по улучшению). Такое структурирование позволило выявить актуальные проблемы и определить направления развития методической системы обучения иностранному языку в медицинском вузе.

Разработанная и использованная анкета, охватывает ключевые аспекты преподавания иностранного языка в медицинском вузе: от организационно-методических вопросов до оценки мотивации и содержательной релевантности обучения, что позволяет получить комплексную картину текущего состояния и направлений для возможного совершенствования образовательной практики. Именно поэтому, в исследование приняли участие 100 студентов и 20 преподавателей иностранных языков. Исследование проводилось среди студентов и преподавателей ДГМУ, СОГМА и АГМУ.

Результаты

Результаты проведённого анкетирования среди студентов и преподавателей иностранных языков в медицинском вузе позволяют получить комплексное представление о текущем состоянии методики преподавания и восприятию её эффективности разными категориями участников образовательного процесса. Относительно учебной нагрузки большинство студентов (83 %) указали, что занятия иностранным языком проходят 3–4 часа в неделю, что совпадает с видением 65 % преподавателей, что мы можем связать со спецификой образовательных программ, и наличием в ряде случаев специальных курсов иностранного языка. Так, 35 % преподавателей отметили более интенсивную нагрузку — свыше четырёх часов в неделю, в то время как среди студентов этот показатель составил только 17 %, что может свидетельствовать о неоднородности учебных планов в зависимости от курса, факультета и с учетом иных факторов, определяющих учебную нагрузку.

При анализе форм проведения занятий студенты в первую очередь отмечают практические занятия (67 %) и работу в группах (69 %), а также использование онлайн-ресурсов (31 %) и специализированную работу с медицинской терминологией (25 %). Преподаватели, в свою очередь, также выделяют практику (70 %) и работу с терминологией (90 %), но упоминают лекционные заня-

тия (70 %) и проектную деятельность (60 %), что указывает на более широкий спектр методик, применяемых с их стороны, которые, далеко не всегда правильно верифицируются студентами.

Оценка профессиональной направленности курса показывает, что среди студентов лишь 28 % считают курс полностью ориентированным на будущую врачебную практику, в то время как 62 % отмечают частичную релевантность практическим условиям. Среди преподавателей доля респондентов, уверенных в профессиональной направленности курса, значительно выше — 55 %, и ещё 40 % считают её частичной. Подобное расхождение может указывать на недостаточное осмысление студентами связей между языковой подготовкой и профессиональной деятельностью. Продолжая проблематику практической направленности, как важной части профессиональной подготовки. Так, в контексте содержания профессиональных курсов следует отметить, что студенты особенно ценят работу с медицинской терминологией (82 %), развитие навыков коммуникации с пациентом (19 %) и работу с научной литературой (33 %). Преподаватели демонстрируют аналогичные приоритеты: терминология (100 %), чтение научных текстов (65 %), а также ведение истории болезни (40 %). Понимание единства векторов в применение иностранных языков, позволяет согласовывать представление о направленности курсов иностранных языков.

Продолжая изучать результаты исследования, следует отметить, что уровень мотивации к изучению иностранного языка среди студентов распределён следующим образом: 46 % оценивают свою мотивацию как достаточно высокую, 32 % — как умеренную и 22 % — как низкую. Преподаватели в целом характеризуют своих студентов как более мотивированных: 54 % из них отметили высокую мотивацию. Подобный контраст может быть связан с разным восприятием уровня вовлечённости: преподаватели оценивают внешний интерес, тогда как студенты опираются на собственные ощущения, которые могут быть не связаны с выполнением образовательных задач.

Основными трудностями, по мнению студентов, являются недостаток языковой практики (68 %), сложность профессиональной терминологии (54 %) и ограниченность времени на изучение языка (42 %). Преподаватели, в свою очередь, чаще всего указывают на отсутствие языковой среды (72 %) и нехватку времени (51 %), что отражает системные барьеры в реализации эффективного языкового образования в условиях медицинского вуза. Средняя оценка методики преподавания иностранного языка по 5-балльной шкале составляет 3,6 у студентов и 4,2 у преподавате-

лей, что, как мы считаем, может свидетельствовать о более критическом отношении студентов к текущей организации курса и об относительном удовлетворении со стороны преподавательского состава. В открытом вопросе студенты акцентируют внимание на необходимости расширения практических занятий, включения разговорных ситуаций, модернизации учебных материалов. Преподаватели, в свою очередь, подчёркивают важность обновления учебников с учётом медицинской специфики и необходимости внедрения симуляционных технологий.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило актуальность и сложность проблемы преподавания иностранных языков в медицинских вузах, выявив различия в оценке эффективности курса студентами и преподавателями, а также ключевые трудности: недостаток языковой практики, сложность терминологии и ограниченность времени. Несмотря на признание важности профессиональной направленности, студенты часто воспринимают её лишь частично, что указывает на необходимость усиления прикладного аспекта, интеграции клинических ситуаций и симуляционных технологий. Повышению эффективности курсов способствует согласование целей обучения, расширение методического арсенала и внедрение цифровых и интерактивных средств. Полученные данные ценны для совершенствования программ и формирования устойчивых навыков профессиональной коммуникации, а также служат основой для дальнейших исследований и разработки интегративных методик.

Список литературы:

- [1] Берзегова Л.Ю., Филиппских Г.И. К вопросу о преподавании английского языка для медицинских целей (ЕМР) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8-1 (71). С. 35-38.
- [2] Руденко Е.Е., Потехина Е.С., Ковалёва М.Б. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку студентов медицинских специальностей // Международный журнал экспериментального образования. 2021. № 6. С. 48-52.
- [3] Айрапетян А.А., Абрамян А.А. Преподавание английского языка студентам-медикам // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации. Сборник материалов IV Международной научно-методической онлайн-конференции. 2019. С. 278-281.
- [4] Buranova D.D. Methodology of professional approach in english language teaching for medical students // Foreign Languages in Uzbekistan. 2023. № 1 (48). С. 119-132.
- [5] Демина Е.А. Специфика преподавания английского языка иностранным студентам-медикам // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2020. № 1. С. 11-15.
- [6] Adambaeva N.K., Xodjametova L.P. The role of english in medicine // Лучшая научно-исследовательская работа 2017. Сборник статей победителей VII Международного научно-практического конкурса. 2017. С. 136-139.
- [7] Айвазова Д.С., Борисова Л.Е. Особенности изучения иностранного языка в медицинских вузах глазами студентов // Образование и общество. 2023. № 4 (141). С. 55-62.
- [8] Паращенко-Корнейчук Л.Н., Тырникова Н.Г. Преподавание иностранного языка в современном неязыковом вузе: цели, методики и формы учебного взаимодействия // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 5 (85). С. 150-154.
- [9] Нектаревская Ю.Б., Самыгина Л.В. Проблемы применения дистанционных образовательных технологий в рамках преподавания иностранных языков в медицинских вузах // Образование в условиях цифровой трансформации. Избранные материалы научно-практической конференции в рамках НОМК «Южный». Ростов-на-Дону, 2022. С. 34-39.
- [10] Абдыжапарова М.И., Кириченко Е.А., Конева А.А. Изучение английского языка с помощью интеллект-карт студентами третьего курса медицинского вуза // Научный медицинский вестник Югры. 2024. Т. 41. № 3. С. 4-9.
- [11] Кубрина Т.Д., Хлебникова А.С. Особенности преподавания латинского и английского языков российским студентам-медикам: проблемы и пути их решения // Омские социально-гуманитарные чтения - 2021. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Омск, 2021. С. 276-280.
- [12] Ильина С.И. Первый опыт преподавания психиатрии на английском языке иностранным студентам-медикам // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития. Материалы XII Международной учебно-методической онлайн-конференции. Под редакцией А.Ю. Александрова, Е.Л. Николаева. 2020. С. 180-183.
- [13] Решедько Е.В. Применение методики деловой игры в преподавании иностранных языков в медицинском вузе // Технологии образования. 2020. № 1 (7). С. 262-266.
- [14] Гимаева И.И., Закирова Р.Р., Юзмухаметова Л.Н. Применение обучающей лексической игры в преподавании профессионального английского языка студентам-медикам в университете // Казанская наука. 2024. № 2. С. 30-33.

[15] Сусловец С.А. Использование интерактивных методов обучения говорению при преподавании профессионального английского языка студентам-медикам // Молодой ученый. 2016. № 11 (38). С. 512-516.

[16] Налбандян С.Р., Григорян Т.Г., Айрапетян А.А. К вопросу о преподавании иностранных языков в современной парадигме медицинского образования // Наука и технологии. VI Международная научно-практическая конференция: материалы. Алматы, Казахстан, 2023. С. 14-19.

References:

[1] Berzegova L.YU., Filippovskikh G.I. K voprosu o prepodavanii anglijskogo yazyka dlya medicinskih celej (EMP) // Mezhdunarodnyj zhurnal humanitarnyx i estestvennykh nauk. 2022. № 8-1 (71). С. 35-38.

[2] Rudenko E.E., Potekhina E.S., Kovalyova M.B. Professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku studentov medicinskih special'nostej // Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2021. № 6. С. 48-52.

[3] Ajrapetyan A.A., Abramyan A.A. Prepodavanie anglijskogo yazyka studentam-medikam // Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov i RKI: tradicii i innovacii. Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy onlajn-konferencii. 2019. С. 278-281.

[4] Buranova D.D. Methodology of professional approach in english language teaching for medical students // Foreign Languages in Uzbekistan. 2023. № 1 (48). С. 119-132.

[5] Demina E.A. Specifika prepodavaniya anglijskogo yazyka inostrannym studentam-medikam // Mezhsul'turnaya kommunikaciya v obrazovanii i medicine. 2020. № 1. С. 11-15.

[6] Adambaeva N.K., Xodjametova L.P. The role of english in medicine // Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2017. Sbornik statej pobeditelej VII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa. 2017. С. 136-139.

[7] Ajvazova D.S., Borisova L.E. Osobennosti izucheniya inostrannogo yazyka v medicinskih vuzakh glazami studentov // Obrazovanie i obshchestvo. 2023. № 4 (141). С. 55-62.

[8] Parashchenko-Kornejchuk L.N., Tyrnikova N.G. Prepodavanie inostrannogo yazyka v sovremennom neyazykovom vuze: celi, metodiki i formy

uchebnogo vzaimodejstviya // Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika. 2021. № 5 (85). С. 150-154.

[9] Nektarevskaya YU.B., Samygina L.V. Problemy primeneniya distancionnykh obrazovatel'nykh tekhnologij v ramkakh prepodavaniya inostrannykh yazykov v medicinskih vuzakh // Obrazovanie v usloviyakh cifrovoj transformacii. Izbrannye materialy nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkakh NOMK "Yuzhnyj". Rostov-na-Donu, 2022. С. 34-39.

[10] Abdyzhaparova M.I., Kirichenko E.A., Konueva A.A. Izuchenie anglijskogo yazyka s pomoshch'yu intellekt-kart studentami tret'ego kursa medicinskogo vuza // Nauchnyj medicinskij vestnik Yugry. 2024. Т. 41. № 3. С. 4-9.

[11] Kubrina T.D., Khlebnikova A.S. Osobennosti prepodavaniya latinskogo i anglijskogo yazykov rossijskim studentam-medikam: problemy i puti ikh resheniya // Omskie social'no-gumanitarnye chteniya - 2021. Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk, 2021. С. 276-280.

[12] Il'ina S.I. Pervyj opyt prepodavaniya psixiatrii na anglijskom yazyke inostrannym studentam-medikam // Vysshee obrazovanie v usloviyakh globalizacii: trendy i perspektivy razvitiya. Materialy KHII Mezhdunarodnoj uchebno-metodicheskoy onlajn-konferencii. Pod redakciej A.YU. Aleksandrova, E.L. Nikolaeva. 2020. С. 180-183.

[13] Reshed'ko E.V. Primenenie metodiki delovoj igry v prepodavanii inostrannykh yazykov v medicinskom vuze // Tekhnologii obrazovaniya. 2020. № 1 (7). С. 262-266.

[14] Gimaeva I.I., Zakirova R.R., Yuzmukhametova L.N. Primenenie obuchayushchej leksicheskoy igry v prepodavanii professional'nogo anglijskogo yazyka studentam medikam v universitete // Kazanskaya nauka. 2024. № 2. С. 30-33.

[15] Suslov S.A. Ispol'zovanie interaktivnykh metodov obucheniya govoreniu pri prepodavanii professional'nogo anglijskogo yazyka studentam-medikam // Molodij vchenij. 2016. № 11 (38). С. 512-516.

[16] Nalbandyan S.R., Grigoryan T.G., Ajrapetyan A.A. K voprosu o prepodavanii inostrannykh yazykov v sovremennoj paradigme medicinskogo obrazovaniya // Nauka i tekhnologii. VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: materialy. Almaty, Kazakhstan, 2023. С. 14-19.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-514-516

КАНУННИКОВ Роман Игоревич,
кандидат психологических наук, доцент
Уральского юридического института МВД России,
e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КУРСАНТОВ ВУЗОВ МВД РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ВЫПОЛНЕНИЯ УЧЕБНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема адаптационного потенциала и его изменений, происходящих у курсантов, обучающихся в образовательных организациях МВД России. Автором уточнено понятие адаптационного потенциала, изучены его основные характеристики. Следует отметить, что адаптационный потенциал обучающихся рассматривается как интеграционная характеристика. Также в ходе исследования раскрыты основные факторы, оказывающие непосредственное влияние на изменения адаптационного потенциала курсантов в процессе выполнения учебно-служебной деятельности. На основе изученных данных представлены предложения по повышению адаптационного потенциала курсантов, обучающихся в вузах МВД России.

Ключевые слова: адаптационный потенциал, абитуриенты, курсанты, личность, процесс обучения, учебно-служебная деятельность.

KANUNNIKOV Roman Igorevich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CHANGES IN THE PERSONAL ADAPTATION POTENTIAL OF STUDENTS AT RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS UNIVERSITIES DURING THEIR EDUCATIONAL AND OFFICIAL ACTIVITIES

Annotation. The article examines the problem of the adaptive potential and its changes occurring in cadets studying in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author clarified the concept of adaptive potential, studied its main characteristics. It should be noted that the adaptive potential of students is considered as an integration characteristic. Also, the study revealed the main factors that directly affect changes in the adaptive potential of cadets in the process of performing educational and service activities. Based on the studied data, proposals are presented to improve the adaptive potential of cadets studying in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: adaptive potential, applicants, cadets, personality, learning process, educational and service activities.

Проблема адаптации всегда интересовала ученых. Именно от адаптационного потенциала личности и тех условий, которые были созданы образовательным учреждением, во многом зависит успешность обучения [4].

На сегодняшний день существует множество понятий адаптационного потенциала личности. Так, например Н.П. Татьянченко определяет адаптационный потенциал личности как интегративное качество, в содержание которого включено соот-

ветствие или несоответствие личностных характеристик с окружающей средой [7].

По мнению Е.Л. Николаева, Е.Ю. Лазаревой адаптационный потенциал – это способность личности к структурным изменениям, на основе имеющихся специфических ресурсов личности, в ответ на воздействие окружающей среды [3].

И.А. Кузнецова под личностным адаптационным потенциалом понимает интегральную переменную, от которой зависит эффективность адаптации в сложных и экстремальных ситуациях [2].

Процесс обучения на первом курсе в большей степени зависит от адаптационного потенциала личности обучающегося. Не являются исключением и высшие образовательные организации МВД России. При этом высшие образовательные организации МВД России имеют свою специфику. Специфика учебно-служебной деятельности курсантов состоит в том, что они вырываются из привычной для себя среды, распорядок дня начинает жестко регламентироваться, профессорско-преподавательский состав предъявляет новые требования к учебному процессу и т.д.

Адаптационный потенциал личности курсантов является интегративным качеством, включающим в себя отношение к профессии, установки, идеалы и т.д. Но прежде всего адаптационный потенциал проявляется как способность к быстрым изменениям в процессе выполнения деятельности, умению включаться в меняющиеся условия социальной среды.

Абитуриенты, поступающие в вуз МВД России, приходят с разным адаптационным потенциалом. Некоторые из них имеют недостаточное представление о будущей служебно-учебной деятельности, не обладают определенными личностными качествами в связи, с чем не могут адаптироваться в вузе. Из-за этого наибольшее количество курсантов отчисляются на первом курсе, по собственному желанию.

По мнению Е.Н. Рядинской, В.В. Волобуева, Е.Н. Чабелец достаточно большое количество курсантов поступает из-за того, что их родители действующие или бывшие сотрудники. В своих детях они видят продолжение династической линии в МВД, а у таких курсантов может отсутствовать желание учиться, жить по распорядку и т.д. Все это негативно сказывается не только на их адаптации, но и на адаптации курсантского коллектива в целом, а особенно на тех курсантов, которые попадают под их влияние [5].

Многие абитуриенты приходят с романтическими представлениями о профессии. В реальной действительности это сталкивается с системой запретов, ограничений, требований, которые в итоге могут привести к разочарованию в будущей профессиональной деятельности, для всех обучающихся вне зависимости от уровня развития и багажа знаний.

Уже на первых порах курсанты в основном пытаются сопротивляться тем требованиям, которые они считают не совсем справедливыми. Так, периодический отрыв от учебной деятельности, вызванный нарядами им приходится отрабатывать.

В момент активного сопротивления курсантам новым требованиям необходимо снизить гра-

дус напряжения в коллективе, давать эмоциональную разрядку обучающимся на первых порах. Требования также нужно вводить постепенно на первых порах, ограничиваясь лишь устными замечаниями, что будет способствовать более успешной адаптации.

О.В. Свиная отмечает, что профессорско-преподавательскому составу в процессе обучения первокурсников необходимо чаще применять на занятиях групповые формы работы, которые сплачивают коллектив. Индивидуальные формы работы нужно организовывать с учетом личностных особенностей и создавать на занятиях ситуации успеха [6].

Однако адаптационный потенциал раскрывается у всех курсантов по-разному, что может быть обусловлено различными факторами:

1. Врожденные способности к адаптации. Например, врожденный темперамент и сформированные на его основе черты характера могут совпадать с требованиями профессии – в этом случае и адаптация будет проходить более успешно.

2. Мотивация. В том случае, если мотивация на поступление в ведомственную образовательную организацию будет исходить от самого обучающегося (внутренняя мотивация), то и процесс адаптации будет более успешным. При условии, что мотивацией выбора вуза стали родители, дружба, престиж профессии, социальные гарантии и иные внешние факторы – адаптация будет проходить менее успешно.

3. Эмоционально-волевые способности. Активная личность, имеющая высокий энергетический потенциал, обладающая экстраверсией в большей степени успешно адаптируется в отличие от дисгармоничной и интровертированной личности.

Преподаватели для активизации работы курсантов на занятиях, сохранения устойчивого интереса к выбранной профессии могут использовать моделирование ситуаций, приводить примеры из практики на лекциях. Поставленная учебная задача, должна быть значимой и стимулировать обучающихся к ее решению, поэтому на первом курсе важно организовать обучение на первых порах именно в рамках функционального подхода. Применение функционального подхода на наш взгляд будет способствовать наиболее успешной адаптации у курсантов первого курса [1].

Своевременное оказание психологической помощи курсантам, с учетом основных этапов и закономерностей адаптации, позволит повысить качество их профессиональной подготовки.

Кроме психологического отбора морально-психологические отделы должны не только

наиболее эффективно комплектовать группы, но и провести комплекс групповых и индивидуальных мероприятий на сплочение курсантов в группе, а также на развитие навыков межличностного взаимодействия. Такого рода мероприятия способствуют более эффективному процессу адаптации курсантов первого курса.

Исходя из вышесказанного, изменение адаптационного потенциала курсантов в основном приходится на первый курс. Именно в этом периоде обучения происходит процесс адаптации к учебно-служебной деятельности, сопровождающийся изменением личностных характеристик.

Список литературы:

[1] Иванов Е. Ю. Исследование профессиональной адаптации как компонента профессионализации курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2024. – № 3 (67). – С. 100 – 110.

[2] Кузнецова И.А. Личностные факторы, влияющие на адаптированность курсантов к условиям обучения в образовательной организации МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – Т. 28, № 4(95). – С. 378 – 384.

[3] Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю. Адаптация и адаптационный потенциал личности: соотношение современных исследовательских подходов // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. – 2013. – № 9. – С.18 – 32.

[4] Панина А.И., Завьялов О.А., Иванов С.Н. Определение и оценка адаптационного потенциала старшеклассников и студентов первого курса во время учебного года // Молодой ученый. – 2016. – № 18.1 (122.1). – С. 69 – 71.

[5] Рядинская Е.Н., Волобуев В.В., Чабелец Е.Н. Особенности адаптированности курсантов вузов МВД к условиям служебной деятельности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 178 – 183.

[6] Свинаярева О.В. Некоторые аспекты адаптации обучающихся в образовательных организа-

циях МВД России // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. – 2021. – № 15. – С. 363 – 366.

[7] Татьяначенко Н.П. Психологические условия формирования адаптационного потенциала личности в процессе обучения. // Психология и Психотехника. – 2021. – № 1. – С.62 – 76.

References:

[1] Ivanov E. Yu. Issledovanie professional'noj adaptatsii kak komponenta professionalizatsii kursantov obrazovatel'nyh organizatsij MVD Rossii // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – № 3 (67). – S. 100 – 110.

[2] Kuznecova I.A. Lichnostnye faktory, vliyayushchie na adaptirovannost' kursantov k usloviyam obucheniya v obrazovatel'noj organizatsii MVD Rossii // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2023. – T. 28, № 4(95). –S. 378 – 384.

[3] Nikolaev E.L., Lazareva E.Yu. Adaptatsiya i adaptatsionnyj potencial lichnosti: sootnoshenie sovremennyh issledovatel'skih podhodov // Vestnik psihiatrii i psihologii Chuvashii. – 2013. – № 9. – S.18 – 32.

[4] Panina A.I., Zav'yalov O.A., Ivanov S.N. Opredelenie i ocenka adaptatsionnogo potenciala starsheklassnikov i studentov pervogo kursa vo vremya uchebnogo goda // Molodoj uchenyj. – 2016. – № 18.1 (122.1). – S. 69 – 71.

[5] Ryadinskaya E.N., Volobuev V.V., Chabelec E.N. Osobennosti adaptirovannosti kursantov vuzov MVD k usloviyam sluzhebnoj deyatel'nosti // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. – 2023. – T. 29, № 2. – S. 178 – 183.

[6] Svinareva O.V. Nekotorye aspekty adaptatsii obuchayushchihsya v obrazovatel'nyh organizatsiyah MVD Rossii // Vestnik Ryazanskogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 15. – S. 363 – 366.

[7] Tat'yanchenko N.P. Psihologicheskie usloviya formirovaniya adaptatsionnogo potenciala lichnosti v processe obucheniya. // Psihologiya i Psihotekhnika. – 2021. – № 1. – S.62 – 76.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-517-520

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ОЦЕНКЕ ОКАЗАННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПО ПРОФИЛЮ ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые проблемы, возникающие при использовании специальных знаний для оценки качества медицинской помощи. Проанализированы особенности и проблемы правового регулирования проведения судебно-медицинских экспертиз по профилю пластическая хирургия. Обосновано юридическое значение судебно-медицинской экспертизы по спорам пациента с клиникой пластической хирургии в судах. Отмечено, что цель экспертного заключения – предоставить суду квалифицированное мнение по медицинским вопросам, требующим специальных знаний, которые у суда отсутствуют. Установлено, что если заключением экспертизы будет установлен дефект медицинской помощи, суд, как правило, удовлетворяет требования пациента к клинике. Сделан вывод, что действующее правовое регулирование института экспертизы является неудовлетворительным. Вместе с тем, Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не содержит положений о правовом статусе эксперта, специалиста, участвующим в комиссионных экспертизах. Неясный правовой статус имеет заключение специалиста. Недостаточно проработаны критерии, позволяющие оценить полностью, детализацию и достоверность экспертных заключений. Раскрыты ошибки, допускаемые в экспертных заключениях. Так выявлено, что на практике часто встречаются заключения, в которых отсутствует четкий ответ о причинно-следственной связи или конкретное мнение эксперта. Отсутствие ясности создает неопределенность и возможность для неоднозначной интерпретации экспертного заключения. Также отмечено, что широко распространенной остается практика предоставления экспертами необоснованных выводов. Анализ новых форм использования специальных знаний приводит к заключению о сохраняющейся необходимости совершенствования правового регулирования медицинских экспертиз, повышения качества проводимых исследований и квалификации экспертов.

Ключевые слова: клиника пластической хирургии, медицинская помощь, качество медицинской помощи, дефект, судебно-медицинская экспертиза, заключение, эксперт, причинно-следственная связь.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO “Leningrad Regional Bar Association”
branch “Pelevin and Partners Law Firm”, lawyer

LEGAL PROBLEMS OF THE APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE ASSESSMENT OF MEDICAL CARE PROVIDED IN THE FIELD OF PLASTIC SURGERY

Annotation. The article considers the key problems arising when using specialized knowledge to assess the quality of medical care. The features and problems of legal regulation of forensic medical examinations in the profile of plastic surgery are analyzed. The legal significance of forensic medical examination in disputes between a patient and a plastic surgery clinic in courts is substantiated. It is noted that the purpose of the expert opinion is to provide the court with a qualified opinion on medical issues that require specialized knowledge that the court does not have. It is established

that if the expert opinion establishes a defect in medical care, the court, as a rule, satisfies the patient's claims to the clinic. It is concluded that the current legal regulation of the examination institute is unsatisfactory. At the same time, the Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ "On State Forensic Activity in the Russian Federation" does not contain provisions on the legal status of an expert, specialists participating in commission examinations. The specialist's opinion has an unclear legal status. The criteria for assessing the completeness, detail and reliability of expert opinions have not been sufficiently developed. Errors made in expert opinions have been revealed. Thus, it has been revealed that in practice, opinions are often encountered that do not provide a clear answer about the cause-and-effect relationship or a specific expert opinion. The lack of clarity creates uncertainty and the possibility for ambiguous interpretation of the expert opinion. It has also been noted that the practice of experts providing unsubstantiated conclusions remains widespread. An analysis of new forms of using specialized knowledge leads to the conclusion that there is a continuing need to improve the legal regulation of medical examinations, improve the quality of research and the qualifications of experts.

Key words: *plastic surgery clinic, medical care, quality of medical care, defect, forensic medical examination, conclusion, expert, cause-and-effect relationship.*

При урегулировании споров между пациентами и медицинскими организациями особую сложность представляет выяснение характера дефекта оказанной медицинской помощи. Вопрос о качестве оказанных медицинских услуг, как правило, не может быть разрешен без привлечения специалиста, обладающего специальными знаниями в сфере медицины.

Дефект медицинских услуг означает их несоответствие порядкам оказания медицинской помощи и клиническим рекомендациям. Установить наличие дефекта, факт причинение вреда здоровью и наличие причинно-следственной связи между ними позволяет заключение экспертизы, т.е. исследование, проводимое специалистами в области медицины при рассмотрении судебных дел с целью выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела.

В связи с этим, в спорах пациентов с клиниками пластической хирургии заключение судебно-медицинской экспертизы играет ключевую роль для объективного и справедливого разрешения дела.

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинской экспертизе посвящена глава 7. Приказом от 25.09.2023 № 491н утвержден новый порядок проведения судебно-медицинской экспертизы. Им установлены требования к судебному эксперту – наличие высшего медицинского образования, прохождение подготовки по специальности «Судебно-медицинская экспертиза». Для проведения исследования привлекаются сотрудники медицинских, научных организаций.

В спорах между пациентами и клиниками пластической хирургии, рассматриваемых в судах,

заключение экспертизы имеет решающее значение и нередко суд опирается именно на него при вынесении решения.

Для проведения экспертиз и выдачи заключений по вопросам, касающимся медицинской деятельности, экспертной организации необходимо иметь действующую медицинскую лицензию, а врачам-экспертам подтверждающие квалификацию сертификаты. Врач-эксперт должен обладать обширными и специализированными знаниями, а также значительным опытом в конкретной области медицины или медицинской дисциплине.

Он также должен соответствовать требованиям, предъявляемым к судебно-медицинским экспертам. Компетентность эксперта подтверждается его образованием и специализированной подготовкой.

Медицинский эксперт является независимой стороной, а не представителем стороны по делу. Эксперт должен стремиться к тому, чтобы его заключение было объективным и независимым. При этом участник дела имеет право оспорить заключение.

Исследователи отмечают, что ключевым вопросом при проведении экспертизы является установление причинно-следственной связи между недостатками оказанной медицинской помощи и негативными последствиями для пациента [2, с. 3-7, с. 6-10].

Представляется, что при проведении экспертного исследования следует устанавливать факт оказания медицинской услуги ненадлежащего качества, после чего оценивать ее исход и их связь друг с другом.

Если заключением экспертизы будет установлен дефект медицинской помощи, суд, как правило, удовлетворяет требования пациента к клинике пластической хирургии.

По одному из дел судебно-медицинская экспертиза установила, что при оказании медицинских услуг пациентке клиника допустила дефекты при проведении пластической операции. Выявленные отрицательные последствия операции подтвердили, что истице оказана некачественная услуга, возрастные изменения лица не устранены.

Целью экспертного заключения является предоставление суду компетентного мнения по медицинским вопросам, требующим специальных знаний. Эксперт должен стремиться к тому, чтобы суд принял законное и обоснованное решение, в том числе с учетом использованных специальных знаний эксперта.

При отсутствии у эксперта необходимой квалификации для проведения исследования, он не должен соглашаться проводить экспертизу.

При принятии решения суд, не имеющий специальных знаний, основывается на экспертном заключении. Однако оно не имеет заранее установленной доказательной силой.

Действующее правовое регулирование экспертизы имеет определенные недостатки. Четко не определены порядок ее проведения и оспаривания, критерии полноты заключений.

Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не содержит положений о правовом статусе эксперта, специалиста, участвующим в комиссионных экспертизах. Это может приводить к подготовке заключений экспертами с недостаточной квалификацией и опытом.

В некоторых случаях экспертам задается слишком большое количество вопросов, что ведет к увеличению сроков проведения экспертиз. Эксперты сталкиваются с значительными сложностями при определении причинно-следственной связи. Это порождает ошибки в заключениях, что негативно влияет на деятельность правоохранительных органов и суда.

Большое значение имеет четкое указание в заключении вида причинно-следственной связи.

В некоторых экспертных заключениях отсутствует обоснование выводов, при этом в соответствии с действующим законодательством, экспертные заключения должны быть научно обоснованными и подтверждаться доказательствами. В первую очередь это относится к установлению причинно-следственных связей.

В ряде случаев не содержится четкий ответ о ней или определенное мнение эксперта. Часто эксперты, констатируя наличие или отсутствие связи, не приводят развернутое обоснование своих выводов [1, с. 44-49].

Отсутствие аргументов относительно причинно-следственных связей, влечет, в свою очередь, неверные или неполные выводы.

Распространенной ошибкой является изложение однозначного вывода, хотя в реальности он может быть лишь вероятным, с учетом материалов дела [4].

Для установления причинно-следственной связи экспертное заключение должно основываться на проверенных фактах и логически выверенном анализе, избегая путаницы между индуктивным и дедуктивным методами. Если информации недостаточно или она противоречива, эксперт должен отказаться от утвердительного ответа на поставленный вопрос. При этом необходимо учитывать возможность формулирования условных и вероятностных заключений.

Анализ проблем, возникающих при установлении причинной связи, выявляет их разнообразие и многочисленность. Большинство этих проблем объективны, но поддаются решению. Унификация терминологии, повышение квалификации врачей и юристов в вопросах причинности, а также стимулирование объективности и законопослушности участников судебного процесса, могут существенно помочь в их преодолении.

Оспаривание заключений, даже при соблюдении формальных требований к судебно-медицинской экспертизе (предупреждение об уголовной ответственности, наличие лицензии), требует серьезных оснований и привлечения специалистов для анализа. Обычно это делается путем подготовки рецензии на заключение, написанной врачом соответствующей специализации. Однако, из-за ненадлежащего правового регулирования и недостатка медицинских знаний, правоприменители (судьи, следователи) не всегда могут правильно оценить эти аргументы, что может приводить к ошибкам в юридической оценке ситуации [5, с. 38-43].

В настоящее время заключение специалиста имеет неясный правовой статус. При этом Верховный Суд РФ (Определение от 25.01.2018 № 305-ЭС17-11486) признает ее допустимым доказательством.

Для осуществления проверки заключения экспертизы рецензент должен обладать глубокими медицинскими знаниями и квалификацией, позволяющей оценивать профессиональную деятельность коллег и выявлять возможные дефекты оказания медицинской помощи. Рецензия на заключение может быть оформлена и в письменном виде, и в форме устного пояснения специалиста [3, с. 84-97].

Специальные знания также могут быть использованы в виде заключений специалистов.

Это расширение сферы применения специальных знаний ставит задачу усовершенствования правового регулирования медицинских экспертиз, которое должно учитывать новые реалии.

Таким образом, целью экспертного заключения является предоставить суду квалифицированное мнение по медицинским вопросам, требующим специальных знаний, которые у суда отсутствуют. Если заключением экспертизы будет установлен дефект медицинской помощи, суд, как правило, удовлетворяет требования пациента к клинике пластической хирургии. На практике часто встречаются заключения, в которых отсутствует четкий ответ о причинно-следственной связи или конкретное мнение эксперта. Отсутствие ясности создает неопределенность и возможность для неоднозначной интерпретации экспертного заключения. Широко распространенной остается практика предоставления экспертами необоснованных выводов. Действующее правовое регулирование института экспертизы является неудовлетворительным. Это касается порядка ее проведения и оспаривания, критериев полноты заключений, положений о правовом статусе эксперта, специалистов, участвующим в комиссионных экспертизах. Также недостаточно урегулировано осуществление рецензирования заключения. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования правового регулирования медицинских экспертиз, рецензий специалистов, повышения качества экспертных заключений.

Список литературы:

- [1] Божченко А.П. Проблемы и недостатки экспертного установления причинной связи // Медицинское право. 2020. № 4. С. 44 - 49.
- [2] Божченко А.П. Профессиональные правонарушения медицинских работников: проблемы

и тенденции в вопросах назначения, производства и оценки судебно-медицинских экспертиз // Медицинское право. 2022. № 4. С. 3 - 7; 2023. № 1. С. 6 - 10.

[3] Дьяконова О.Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы: понятие, сущность, нормативное регулирование // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 84 - 97.

[4] Овсянников И.В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам: Диссертация доктора юридических наук. Москва, 2001. 511 с.

[5] Проскурина А.С. Правовые проблемы применения специальных знаний при оценке оказанной медицинской помощи // Медицинское право. 2024. N 4. С. 38 - 43.

References:

[1] Bozhchenko A.P. Problemy i nedostatki ehkspertnogo ustanovleniya prichinnoy svyazi // Medicinskoe pravo. 2020. № 4. S. 44 - 49.

[2] Bozhchenko A.P. Professional'nye pravnarusheniya medicinskih rabotnikov: problemy i tendencii v voprosakh naznacheniya, proizvodstva i ocenki sudebno-medicinskih ehkspertiz // Medicinskoe pravo. 2022. № 4. S. 3 - 7; 2023. № 1. S. 6 - 10.

[3] D'yakonova O.G. Recenziya specialista na zaklyuchenie sudebnoy ehkspertizy: ponyatie, sushchnost', normativnoe regulirovanie // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. № 4. S. 84 - 97.

[4] Ovsyannikov I.V. Kategoriya veroyatnosti v sudebnoy ehkspertize i dokazyvanii po ugovolnym delam: Dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk. Moskva, 2001. 511 s.

[5] Proskurina A.S. Pravovye problemy primeneniya special'nykh znaniy pri ocenke okazannoy medicinskoj pomoshchi // Medicinskoe pravo. 2024. N 4. S. 38 - 43.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-521-525

БАБКИНА Анна Анатольевна,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный
аграрный университет,
e-mail: anna-alikieva@mail.ru

АНДРЮШЕЧКИНА Надия Анверовна,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nadia-andr@mail.ru

ТАТАРЧУК Анна Петровна,

Преподаватель кафедры овощеводства
и плодоводства имени Н.Ф. Коняева
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: brassica@inbox.ru

ИВАНОВА Мария Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук
Старший преподаватель кафедры растениеводства и селекции
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: m-ivaivanova@yandex.ru

ШОРОХОВ Павел Николаевич,

Старший преподаватель кафедры
технологических и транспортных машин
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: pasha-shorohov@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ НАВЫКОВ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ АГРАРНЫХ ВУЗОВ

Аннотация. Применение навыков публичных выступлений при обучении студентов аграрных вузов играет важную роль в их подготовке к профессиональной деятельности. Умение эффективно представлять свои идеи и знания перед аудиторией является ключевым требованием в любой области, включая агрономию, зоотехнику и другие сферы аграрной науки.

В данной статье рассмотрены различные способы интегрирования навыков публичных выступлений в обучение студентов аграрных вузов.

Ключевые слова: Обучение, образование, элементы обучения, выступление, публика, достижения, учебные лекции, задача, дисциплина.

BABKINA Anna Anatolyevna,

Senior Lecturer of the Department
of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

ANDRYUSHECHKINA Nadia Anverovna,

Senior Lecturer of the Department
of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

TATARCHUK Anna Petrovna,
*Lecturer of the Department of Vegetable
and Fruit Growing named after N.F. Konyaev
Ural State Agrarian University*

IVANOVA Maria Sergeevna,
*Candidate of Agricultural Sciences
Senior lecturer of the Department
of Crop Production and Breeding
Ural State Agrarian University*

SHOROKHOV Pavel Nikolaevich,
*Senior Lecturer at the Department
of Technological and Transport Machines
Ural State Agrarian University*

THE USE OF PUBLIC SPEAKING SKILLS IN TEACHING STUDENTS OF AGRICULTURAL UNIVERSITIES

Annotation. *The use of public speaking skills in the education of students of agricultural universities plays an important role in their preparation for professional activity. The ability to effectively present your ideas and knowledge to an audience is a key requirement in any field, including agronomy, animal husbandry and other fields of agricultural science. This article discusses various ways to integrate public speaking skills into the education of students of agricultural universities.*

Key words: *Teaching, education, elements of learning, performance, audience, achievements, educational lectures, task, discipline.*

В современном мире, где информация льется рекой, а конкуренция на рынке труда растет с каждым днем, умение четко и убедительно доносить свои мысли становится не просто преимуществом, а必要остью. Особенно это актуально для будущих специалистов агропромышленного комплекса, чья работа тесно связана с практикой, инновациями и взаимодействием с самыми разными людьми – от коллег и руководителей до фермеров и инвесторов.

Аграрный сектор является одним из ключевых в экономике любой страны. Студенты, обучающиеся в аграрных вузах, в будущем призваны решать сложные задачи, связанные с обеспечением продовольственной безопасности, внедрением инновационных технологий и устойчивым развитием сельских территорий. Умение четко и убедительно доносить свои идеи до широкой аудитории, будь то коллеги, инвесторы или представители власти, является ключевым фактором успеха в этих начинаниях.

Поэтому применение навыков публичных выступлений в обучении студентов аграрных вузов – это не прихоть, а стратегически важное направление, способное вывести их на новый уровень профессиональной подготовки.

Интеграция навыков публичных выступлений в учебный процесс аграрных вузов может осуществляться различными способами.

Это могут быть специализированные курсы, мастер-классы, тренинги, а также включение элементов публичных выступлений в рамках существующих дисциплин. Важно создавать условия, в которых студенты могут получить практический опыт, выступая перед реальной аудиторией, получая обратную связь и совершенствуя свои навыки.

Разработка специализированных курсов или практических занятий на тему публичных выступлений может помочь студентам овладеть необходимыми навыками.

В рамках курса изучаемой дисциплины студенты могут:

- Изучать основы риторики и ораторского мастерства.
- Практиковаться в ведении диалогов и обсуждений.
- Развивать уверенность в себе через практические занятия.

На первый взгляд, может показаться, что навыки публичных выступлений больше нужны юристам или маркетологам.

Однако, есть реальные задачи, с которыми сталкиваются выпускники аграрных вузов:

1. Будь то новый сорт культуры, инновационная система орошения или передовая технология животноводства, студент или молодой специалист должен уметь убедительно представить свои идеи, объяснить их преимущества и потенциальную выгоду, поэтому здесь выручает презентация новых технологий и разработок.

2. При защите проектов и исследований появляется возможность продемонстрировать свои знания, аналитические способности и умение решать реальные проблемы. Успешная защита требует не только глубокого понимания темы, но и умения грамотно и уверенно ее представить.

Студенты могут быть вовлечены в процесс создания и представления научных проектов или исследований.

Это позволит им:

- Научиться структурировать информацию и выделять ключевые моменты.
- Практиковать навыки выступления перед аудиторией, что важно для защиты дипломных работ или участия в конференциях.
- Участвовать в симпозиумах и научных курсах, где они могут представить свои работы.

3. При взаимодействии с сельхозпроизводителями фермеры, агрономы, руководители хозяйств должны применять на практике знания, полученные в вузе. Уметь доступно объяснить сложные вещи, ответить на вопросы, развеять сомнения и убедить в целесообразности тех или иных решений – бесценно.

4. Аграрный сектор постоянно развивается. Участие в профессиональных мероприятиях, обмен опытом, представление своих наработок – это путь к профессиональному росту и установлению полезных контактов.

В любой сфере, включая аграрную, важна способность четко ставить задачи, мотивировать коллег, проводить совещания и эффективно доносить информацию до всех участников процесса.

Внедрение и развитие программ по обучению публичным выступлениям в аграрных вузах открывает новые перспективы для подготовки конкурентоспособных специалистов. Это позволит выпускникам более эффективно реализовывать свой потенциал, вносить вклад в развитие сельского хозяйства и продвигать инновационные решения в аграрной отрасли.

Внедрение таких навыков в учебный процесс дает студентам целый ряд преимуществ:

1. Повышение уверенности в себе.

Страх публичных выступлений – распространенное явление. Регулярная практика и обучение помогают преодолеть этот страх, что положительно сказывается на общей самооценке и готовности брать на себя ответственность.

2. Развитие коммуникативных навыков.

Это не только умение говорить, но и слушать, задавать вопросы, вести диалог, понимать невербальные сигналы. Все это критически важно для успешной работы в команде и взаимодействия с различными людьми.

3. Улучшение структурирования информации.

Подготовка к выступлению заставляет студента глубже разобраться в теме, выделить главное, логически выстроить свою речь, что способствует лучшему усвоению материала.

4. Развитие критического мышления: Во время подготовки и самого выступления студенты учатся анализировать информацию, предвидеть возможные вопросы и возражения, находить аргументы.

5. Формирование лидерских качеств.

Умение выступать перед аудиторией, убеждать и вести за собой – это основа лидерства.

6. Повышение конкурентоспособности на рынке труда.

Работодатели ценят не только узкоспециализированные знания, но и «мягкие навыки» (soft skills), к которым относятся и публичные выступления. Выпускник, уверенно владеющий этим инструментом, будет иметь преимущество перед другими кандидатами.

Интеграция практических занятий по развитию навыков публичных выступлений в учебный процесс аграрных вузов позволяет студентам приобрести уверенность в себе, научиться структурировать информацию, эффективно использовать вербальные и невербальные средства коммуникации.

Моделирование реальных ситуаций, таких как защита курсовых работ, презентация бизнес-планов и участие в дебатах, способствует формированию у студентов необходимого опыта и адаптации к различным аудиториям.

Например, студенты могут готовить и проводить презентации по конкретным агротехнологиям, результатам полевых опытов или анализу рынка.

Приглашение опытных спикеров, коучей по ораторскому искусству, которые проведут практические занятия, разберут типичные ошибки и дадут ценные советы.

Организация внутривузовских конкурсов на лучшую презентацию, научных докладов, студенческих конференций, где студенты смогут применить полученные навыки в реальных

Голос – мощное оружие в публичном выступлении. Это тот инструмент, который помогает расположить к себе аудиторию, вызвать гамму эмоций у слушателя.

Студентам, чей голос звучал громко и убедительно сумели вызвать интерес к теме своего выступления и желание слушать. Тихая и невнятная речь у обучающихся затрудняет процесс восприятия информации и портит впечатление от выступления.

Однако следует учитывать и тот факт, что выступающий может обладать тихим и робким голосом от природы. Необходимо помнить, что голос является мощным коммуникативным инструментом и только использование регулярных тренингов позволит овладеть искусством постановки голоса.

Таким образом, применение навыков публичных выступлений в обучении студентов аграрных вузов является важным аспектом их подготовки, так как эти навыки способствуют не только личностному развитию, но и профессиональной компетентности.

Публичные выступления предоставляют платформу для обсуждения важных вопросов, таких как устойчивое развитие, экология, продовольственная безопасность и инновации в агрономии. Студенты могут развивать критическое мышление и аргументированное мнение.

Групповые проекты и совместные презентации способствуют развитию навыков командной работы. Студенты учатся координировать свои действия, распределять роли и поддерживать друг друга во время выступлений.

В аграрной отрасли часто требуется проводить презентации для инвесторов, партнеров или клиентов. Навыки публичных выступлений помогут студентам более эффективно представлять свои идеи и проекты в будущем.

Практика публичных выступлений предоставляет возможность получать обратную связь от преподавателей и сверстников, что способствует самосовершенствованию и развитию критического восприятия собственных выступлений.

Навыки работы с мультимедийными средствами (презентации, видео, графика) также важны. Студенты учатся эффективно использовать технологии для усиления своих выступлений.

Внедрение курсов по публичным выступлениям в учебный процесс аграрных вузов может значительно повысить уровень подготовки студентов, сделав их более конкурентоспособными на рынке труда.

Эффективное владение ораторским искусством открывает перед выпускниками аграрных вузов новые возможности для карьерного роста и реализации своего потенциала. Умение убедительно доносить информацию, аргументированно отстаивать свою точку зрения и вдохновлять окружающих становится конкурентным преимуще-

ством, позволяющим достигать поставленных целей и вносить значимый вклад в развитие агропромышленного комплекса.

Список литературы:

- [1] Богомолова Н.В. Выступление перед аудиторией как способ улучшения речевой профессиональной компетентности студентов / Н.В. Богомолова. — Текст: непосредственный // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы I Междунар. Науч. Конф. (г. Москва, май 2012 г.). — Москва: Ваш полиграфический партнер, 2012. — С. 49-51. — URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/27/2304/> (дата обращения: 25.09.2025).
- [2] Богданова Ю. З. Формирование риторического мастерства у студентов неязыкового аграрного вуза // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 88. № 5. С. 173–178.
- [3] Емельянова О. Б. Развитие коммуникативно-речевой среды как средства повышения речевого имиджа студента неязыкового вуза // Современное педагогическое образование. 2021. № 2. С. 67–71.
- [4] Жданова Т. А. Инновационные подходы в дидактике высшего образования: переосмысление традиционных методов обучения в эпоху цифровых технологий в России / Т. А. Жданова // Управление образованием: теория и практика – 2024. - № 2-2. - С. 71-79.
- [5] Иванчикова Т. В. Диагностика речевой компетентности студентов неязыковых вузов // Высшее образование. 2009. № 2. С. 39–47.
- [6] Куприянов Б.В., Подобин А.Е. Ситуационно-ролевая игра в социальном воспитании старшеклассников. – Кострома: КГПУ им. Н.А. Некрасова, 1998. – 56 с.
- [7] Мирзалиев Т.Г. Использование информационных технологий в воспитательном процессе студентов в педагогическом вузе // Актуальные научные исследования в современном мире. 2018. № 12-4 (44). С. 120 – 122.
- [8] Попова, Т. Б. Знаниевая парадигма, компетентностный и практико-ориентированный подходы: вопросы терминологии / Т. Б. Попова // Образование на современном этапе: тренды, инновации, перспективы : Сборник статей всероссийской научно-методической конференции, Екатеринбург, 18 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2024. – С. 175-178. – EDN YUCJIC.
- [9] Рогожова А. М. Практические аспекты формирования коммуникативной компетенции у студентов неязыковых вузов // Инновационная наука. 2021. № 1. С. 120–124.
- [10] Татарина Д. А. Публичное выступление как эффективный инструмент формирования

коммуникативной компетенции у студентов языковых вузов / Д. А. Татаринова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 50 (497). — С. 114-115. — URL: <https://moluch.ru/archive/497/109231/>.

References:

[1] Bogomolova N.V. Vystuplenie pered auditoriej kak sposob uluchsheniya rechevoj professional'noj kompetentnosti studentov / N.V. Bogomolova. — Текст: непосредственный // Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy I Mezhdunar. Nauch. Konf. (g. Moskva, maj 2012 g.). — Moskva: Vash poligraficheskij partner, 2012. — S. 49-51. — URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/27/2304/> (data obrashcheniya: 25.09.2025).

[2] Bogdanova YU. Z. Formirovanie ritoricheskogo masterstva u studentov neyazykovogo agrarnogo vuza // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2021. T. 88. № 5. S. 173–178.

[3] Emel'yanova O. B. Razvitie kommunikativno-rechevoj sredy kak sredstva povysheniya rechevogo imidzha studenta neyazykovogo vuza // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2021. № 2. S. 67–71.

[4] Zhdanova T. A. Innovacionnye podkhody v didaktike vysshego obrazovaniya: pereosmyslenie tradicionnykh metodov obucheniya v ehpokhu cifrovyykh tekhnologij v Rossii / T. A. Zhdanova // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika – 2024. - № 2-2. - S. 71-79.

[5] Ivanchikova T. V. Diagnostika rechevoj kompetentnosti studentov neyazykovykh vuzov // Vysshee obrazovanie. 2009. № 2. S. 39–47.

[6] Kupriyanov B.V, Podobin A.E. Situacionno-rol'evaya igra v social'nom vospitanii starsheklassnikov. — Kostroma: KGPU im. N.A. Nekrasova, 1998. — 56 s.

[7] Mirzaliyev T.G. Ispol'zovanie informacionnykh tekhnologij v vospitatel'nom processe studentov v pedagogicheskom vuze // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2018. № 12-4 (44). S. 120 – 122.

[8] Popova, T. B. Znan'evaya paradigma, kompetentnostnyj i praktiko-orientirovannyj podkhody: voprosy terminologii / T. B. Popova // Obrazovanie na sovremennom ehstage: trendy, innovacii, perspektivy : Sbornik statej vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Ekaterinburg, 18 aprelya 2024 goda. — Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2024. — S. 175-178. — EDN YUCJIC.

[9] Rogozhova A. M. Prakticheskie aspekty formirovaniya kommunikativnoj kompetencii u studentov neyazykovykh vuzov // Innovacionnaya nauka. 2021. № 1. S. 120–124.

[10] Tatarinova, D. A. Publichnoe vystuplenie kak ehffektivnyj instrument formirovaniya kommunikativnoj kompetencii u studentov yazykovykh vuzov / D. A. Tatarinova. — Текст : непосредственный // Molodoj uchenyj. — 2023. — № 50 (497). — S. 114-115. — URL: <https://moluch.ru/archive/497/109231/>.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-526-530

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

АНДРЮШЕЧКИНА Надия Анверовна,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nadia-andr@mail.ru

БАБКИНА Анна Анатольевна,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: anna-alikieva@mail.ru

САДОВ Артём Александрович,

Кандидат технических наук,
доцент кафедры технологических и транспортных машин
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ArtemSadov@ya.ru

ШОРОХОВ Павел Николаевич,

Старший преподаватель кафедры технологических и транспортных машин
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: pasha-shorohov@mail.ru

МАМЕДОВА Лала Гасанпаша кызы,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ
ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lala.mamedova.1958@mail.ru

СТРЕСС И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБУЧАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ В АГРАРНЫХ ВУЗАХ

Аннотация. Рост стрессовой нагрузки и распространенность нарушений психического здоровья у современных студентов аграрных вузов приводит к снижению качества образования, успеваемости и психологического благополучия.

Стресс является важным фактором, который может значительно влиять на обучаемость студентов в аграрных вузах. Проблема стресса в образовательной среде актуальна, и ее последствия могут быть как физическими, так и психологическими.

В данной статье рассмотрено более подробно влияние стресса на обучаемость студентов аграрных вузов.

Ключевые слова: Стресс, образование, элементы, задача, обучение, нагрузка, здоровье, дисциплина, мышление, вуз.

ANDRYUSHECHKINA Nadia Anverovna,

Senior Lecturer of the Department of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

BABKINA Anna Anatolyevna,

Senior Lecturer of the Department of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

SADOV Artyom Alexandrovich,

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Technological and Transport Machines
Ural State Agrarian University

SHOROKHOV Pavel Nikolaevich
Senior Lecturer at the Department
of Technological and Transport Machines
Ural State Agrarian University

MAMEDOVA Lala Hassan pasha kyzy,
Senior Lecturer of the Department
of Mathematics and Mathematics
Ural State Agrarian University

STRESS AND ITS IMPACT ON STUDENT LEARNING IN AGRICULTURAL UNIVERSITIES

Annotation. *The increase in stress load and the prevalence of mental health disorders among modern students of agricultural universities leads to a decrease in the quality of education, academic performance and psychological well-being.*

Stress is an important factor that can significantly affect student learning in agricultural universities. The problem of stress in the educational environment is relevant, and its consequences can be both physical and psychological.

This article examines in more detail the impact of stress on the learning ability of students of agricultural universities.

Key words: *Stress, education, elements, task, training, workload, health, discipline, thinking, university.*

Стресс является важным фактором, который может значительно влиять на обучаемость студентов.

Для того чтобы разбираться в феномене стресса и его влиянии на успеваемость студентов при обучении в высших учебных заведениях, надо разобраться в самом термине стресса.

Стресс в студенческой среде очень распространенное явление, сами студенты стараются по возможности избегать стрессовых ситуаций или снимать стресс с помощью различных инструментов, таких как мотивирующие книги, просмотр фильмов, употребление алкоголя и др. Главная задача в процессе снятия стресса состоит в создании комфортной для человека обстановки.

Причины стресса у студентов аграрных вузов могут быть:

1. Учебная нагрузка.

Высокие требования к знаниям, необходимость изучения большого объема материала и подготовка к экзаменам могут вызывать чувство перегруженности.

Стресс во время учебной нагрузки — это распространенное явление, с которым сталкиваются многие студенты. Он может возникать по различным причинам и оказывать значительное влияние на физическое и психическое здоровье студента, а также на его учебные достижения. Давайте подробнее рассмотрим этот вопрос.

Причинами стресса во время учебной нагрузки является большое количество тем и

заданий может создавать ощущение перегруженности, особенно в период экзаменов.

Ожидание высоких оценок от себя или со стороны преподавателей и родителей может вызывать тревогу.

Недостаток времени на подготовку, особенно когда несколько важных задач накладываются друг на друга, может резко увеличить уровень стресса.

Высокая конкуренция в учебной среде может усиливать чувство напряженности и беспокойства.

Недостаток эмоциональной поддержки со стороны друзей, семьи или преподавателей может усугублять стресс.

Стресс может затруднять концентрацию, ухудшать память и снижать способность к обучению. Хронический стресс может вызвать повышенную раздражительность, тревожность и депрессию. Стресс может приводить к проблемам со сном, головным болям, напряжению и другим физическим симптомам.

Вместо того, чтобы повышать производительность, высокий уровень стресса может привести к прокрастинации и снижению качества работы.

Способы управления стрессом во время учебной нагрузки

- Создание расписания для распределения учебной нагрузки.

- Разделение больших проектов на более мелкие задачи с конкретными сроками.

- Использование методов релаксации, таких как медитация, глубокое дыхание или йога.

- Найти время для отдыха и досуга, чтобы восстановить силы.

- Регулярные физические упражнения помогают снизить уровень стресса и улучшить общее самочувствие.

- Общение с друзьями и близкими, поиск поддержки у сокурсников и преподавателей.

- Совместные занятия и учебные группы могут облегчить нагрузку и создать комфортную атмосферу.

- Обращение за помощью к преподавателям по поводу сложных тем или заданий.

- Использование ресурсов, таких как консультации у психологов.

2. Практическая деятельность.

Работа в полевых условиях, эксперименты и практические занятия могут создавать дополнительный стресс из-за необходимости применять теоретические знания на практике.

Связь стресса с практической деятельностью может проявляться в различных аспектах, включая влияние стресса на производительность, креативность, принятие решений и общее состояние здоровья. Давайте подробнее рассмотрим, как стресс влияет на практическую деятельность.

Небольшой уровень стресса может быть стимулирующим. Он может повышать внимательность, стимулировать мотивацию и способствовать достижению целей. Этот уровень стресса часто называют «стимулирующим стрессом». При повышении уровня стресса производительность может снизиться. Студенты или сотрудники, находящиеся под постоянным давлением, могут испытывать трудности с концентрацией, что приводит к ошибкам и потере эффективности.

Высокий уровень стресса часто приводит к заикливанию на проблемах и снижению способности к креативному мышлению. В состоянии стресса человек может быть менее склонен к риску и экспериментам, что затрудняет нахождение новых решений и идей.

Наоборот, умеренный стресс может способствовать креативности, так как он может подтолкнуть к поиску нестандартных решений в сложной ситуации.

Стресс может искажать процесс принятия решений. Люди под воздействием стресса могут принимать более импульсивные или недостаточно обоснованные решения, что может привести к негативным последствиям как в учебной, так и в профессиональной деятельности.

Стресс также может привести к прокрастинации, когда студент или работник избегает принятия решений из-за страха ошибиться или неопределенности.

Хронический стресс может привести к различным физическим проблемам, таким как головные боли, бессонница, высокое кровяное давление и другие заболевания. Это, в свою очередь, может ограничить физическую способность выполнять практические задачи.

Стресс может способствовать развитию тревожных расстройств и депрессии, что также негативно влияет на продуктивность и способность активно участвовать в практической деятельности.

Эффективное планирование и управление временем могут значительно снизить уровень стресса, что сделает выполнение практических задач более эффективным.

3. Конкуренция.

Соперничество между студентами за высокие оценки и места на стажировки может приводить к чувству тревоги и нестабильности. Проблемы в общении, отсутствие поддержки со стороны сверстников или преподавателей также могут повышать уровень стресса.

Влияние стресса на обучаемость.

Стресс может негативно сказываться на внимании, памяти и способности к решению проблем. Студенты, испытывающие сильный стресс, могут иметь трудности с усваиванием нового материала. Хронический стресс может приводить к различным физическим заболеваниям (например, головным болям, проблемам с желудком), что сказывается на посещаемости занятий и общей работоспособности.

Высокий уровень стресса может привести к эмоциональному выгоранию, депрессии и тревожным расстройствам, что снижает мотивацию и вовлеченность в учебный процесс.

Стресс может ухудшать отношения с сокурсниками и преподавателями, что может приводить к изоляции и снижению уровня сотрудничества в учебном процессе.

К самым эффективным методам борьбы со стрессом на учебе относится модификация поведения, т.е. пересмотр и изменение своего отношения к происходящему, избавление от волнений по поводу того, что не получается, освоение путей для выхода негатива.

Соблюдение предложенных рекомендаций – это возможность укрепить психику, нормализовать психоэмоциональное состояние и поддерживать в тонусе организм в целом. Но, пожалуй, лучшим вариантом будет не принятие экстренных мер по нейтрализации влияния стресса, а его профилактика и предупреждение в повседневной жизни.

Способы управления стрессом

- Психологическая поддержка.

Предоставление студентам доступа к психологам и консультациям может помочь в управлении стрессом и разработке эффективных стратегий coping.

- Организация учебного процесса.

Оптимизация учебной нагрузки, распределение заданий и предоставление четких рекомендаций по времени выполнения могут снизить уровень стресса.

- Физическая активность.

Регулярные физические упражнения, занятия спортом и активные виды отдыха могут помочь в снижении уровня стресса и улучшении общего самочувствия.

- Майндфулнес и релаксация.

Внедрение практик на основе осознанности (майндфулнес) и методов релаксации (медитация, дыхательные практики) может способствовать улучшению эмоционального состояния студентов.

Применение в аграрном образовании.

Создание поддерживающей атмосферы в ходе практических занятий, где студенты могут получать обратную связь и поддержку, будет способствовать снижению стресса.

Фокусирование на командной работе и совместных проектах может повысить уровень социальной поддержки и снизить чувство изолированности. Включение тем по управлению стрессом и психоэмоциональному здоровью в учебную программу может дать студентам инструменты для эффективного управления своим состоянием.

Таким образом, стресс оказывает значительное влияние на обучаемость студентов в аграрных вузах, и его управление является ключевым аспектом для достижения успешных учебных результатов. Обратите внимание на создание поддержки и ресурсов для студентов, чтобы помочь им справляться со стрессом и обеспечивать качественное образование.

Управление стрессом во время учебной нагрузки — важный аспект успешного обучения. Студенты должны быть осведомлены о методах справления со стрессом и важности заботы о своем психическом и физическом здоровье. Создание сбалансированного подхода к учебе и отдыху поможет снизить уровень стресса и достигать успеха в учебе.

Стресс может иметь как положительное, так и отрицательное влияние на практическую деятельность в зависимости от его уровня и индивидуальных особенностей человека. Управление стрессом и создание здоровой рабочей среды могут значительно повысить эффективность и качество выполнения задач.

Список литературы:

[1] Арпентьева, М.Р., Гайдар, К.М., Кунаковская, Л.А. (2020). Стресс инноваций в образовании. Профессиональное образование в современном мире, 10(4), 4331–4346. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-17> (дата обращения: 04.05.2025).

[2] Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. — М.: ПБР СЭ, 2006. — 528 с.

[3] Ефанов М.Ю. Стресс и его влияние на успеваемость студентов в высших учебных заведениях // Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: [href=»https://scienceforum.ru/2021/article/2018027576»](https://scienceforum.ru/2021/article/2018027576)><https://scienceforum.ru/2021/article/2018027576> (дата обращения: 29.05.2025).

[4] Жданова Т. А. Инновационные подходы в дидактике высшего образования: переосмысление традиционных методов обучения в эпоху цифровых технологий в России / Т. А. Жданова // Управление образованием: теория и практика – 2024. - № 2-2. - С. 71-79.

[5] Киселева Е.В. Стресс у студентов в процессе учебно-профессиональной подготовки: причины и последствия / Е. В. Киселева, С. П. Акутина // Молодой ученый. – 2017. – № 6 (140). – Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 4 (206). 615 С. 417–419. – URL: <https://moluch.ru/archive/140/39480/> (дата обращения: 24.05.2025).

[6] Костромина, С.Н., Писарев, А.Е. (2017). Экзаменационный стресс на ЕГЭ: дестабилизация учащихся или фактор успеха? Статистика и экономика, (3), 80–91. <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2017-3-80-91>

[7] Матюшкина, Е.Я. (2016). Учебный стресс у студентов при разных формах обучения. Консультативная психология и психотерапия, 24(2), 47–63.

[8] Попова, Т. Б. Знаниевая парадигма, компетентностный и практико-ориентированный подходы: вопросы терминологии / Т. Б. Попова // Образование на современном этапе: тренды, инновации, перспективы : Сборник статей всероссийской научно-методической конференции, Екатеринбург, 18 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2024. – С. 175-178. – EDN YUCJIC.

[9] Урусова А.М. Психологические механизмы управления учебным стрессом / А.М. Урусова, С.Н. Бостанова // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 2 (180). – С. 529–533.

[10] Щербатых, Ю.В. Психология стресса и методы коррекции : учебное пособие / Ю.В. Щербатых. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 256 с.

References:

[1] Arpent'eva, M.R., Gajdar, K.M., Kunakovskaya, L.A. (2020). Stress innovacij v obrazovanii. Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire, 10(4), 4331–4346. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-17> (data obrashcheniya: 04.05.2025).

[2] Bodrov V. A. Psikhologicheskij stress: razvitiye i preodolenie. — M.: PBR SEH, 2006. — 528 s.

[3] Efanov M.YU. Stress i ego vliyanie na uspevaemost' studentov v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh // Materialy XIII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum» URL: [href="https://scienceforum.ru/2021/article/2018027576">https://scienceforum.ru/2021/article/2018027576](https://scienceforum.ru/2021/article/2018027576) (data obrashcheniya: 29.05.2025).

[4] Zhdanova T. A. Innovacionnye podkhody v didaktike vysshego obrazovaniya: pereosmyslenie tradicionnykh metodov obucheniya v ehpokhu cifrovyykh tekhnologij v Rossii / T. A. Zhdanova // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika – 2024. - № 2-2. - S. 71-79.

[5] Kiseleva E.V. Stress u studentov v processe uchebno-professional'noj podgotovki: prichiny i posledstviya / E. V. Kiseleva, S. P. Akutina // Molodoj

uchenyj. – 2017. – № 6 (140). – Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. – 2022. – № 4 (206). 615 S. 417–419. – URL: <https://moluch.ru/archive/140/39480/> (data obrashcheniya: 24.05.2025).

[6] Kostromina, S.N., Pisarev, A.E. (2017). Ehkzamenacionnyj stress na EGEH: destabilizaciya uchashchikhsya ili faktor uspekha? Statistika i ehkonomika, (3), 80–91. <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2017-3-80-91>

[7] Matyushkina, E.YA. (2016). Uchebnyj stress u studentov pri raznykh formakh obucheniya. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya, 24(2), 47–63.

[8] Popova, T. B. Znan'evaya paradigma, kompetentnostnyj i praktiko-orientirovannyj podkhody: voprosy terminologii / T. B. Popova // Obrazovanie na sovremennom eh tape: trendy, innovacii, perspektivy : Sbornik statej vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Ekaterinburg, 18 aprelya 2024 goda. – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2024. – S. 175-178. – EDN YUCJIC.

[9] Urusova A.M. Psikhologicheskie mekhanizmy upravleniya uchenym stressom / A.M. Urusova, S.N. Bostanova // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. – 2020. – № 2 (180). – S. 529–533.

[10] Shcherbatykh, YU.V. Psikhologiya stressa i metody korrekcii : учебное пособие / YU.V. Shcherbatykh. – Sankt-Peterburg: Piter, 2006. – 256 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-531-533

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

ПРОФАЙЛИНГ И НЕПРОФИЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ В МЕСТАХ МАССОВОГО СКОПЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Аннотация. Автор в своей работе исследует различные профессиональные навыки и качества сотрудников органов внутренних дел и возможности применения ими в повседневной деятельности новейших достижений и техники для своевременного и достоверного определения лиц склонных к совершению преступлений в ходе осуществления ими своих служебных обязанностей по обеспечению охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности граждан.

Ключевые слова: профайлинг, общественный порядок, общественная безопасность, экстремизм, терроризм, противодействие преступности, непрофильное поведение, полиция, диагностические методы.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Special and Automotive Equipment
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences

PROFILING AND NON-CORE MEANS OF PREVENTING TERRORIST ATTACKS IN CROWDED PLACES

Annotation. The author in his work examines various professional skills and qualities of employees of internal affairs bodies and the possibilities of their application in their daily activities of the latest achievements and technology for the timely and reliable identification of persons prone to committing crimes in the course of their official duties to ensure the protection of public order and public safety of citizens.

Key words: profiling, public order, public safety, extremism, terrorism, combating crime, non-core behavior, police, diagnostic methods.

На современном этапе страны всего мира объединяются сегодня для противодействия различным проявлениям преступлений экстремистского и террористического и иного характера носящий деструктивный характер. Абсолютно ни одно государство не защищено от воздействия посягательств от преступлений, рассматриваемых в данной сфере, последствия которых становятся причиной, уносящих жизни ни в чем неповинных людей. 22 марта 2024 года совершен четко спланированный и организованный террористический акт, в результате которого погибло 144 человека, более 500

получили ранения различной степени тяжести. Президент Российской Федерации В.В. Путин после террористических действий имевших место в Крокус Сити Холл, отметил, что «мы знаем, что такое угроза терроризма. Рассчитываем здесь на взаимодействие со всеми государствами, которые искренне разделяют нашу боль и готовы на деле реально объединять усилия в борьбе с общим врагом — международным терроризмом» [1].

При совершении террористических действий преступники имеют четкие цели, направленные на дестабилизацию оперативной обстановки, нарушение стабильного функционирования обще-

ства, поэтому чаще всего такого рода преступления совершаются при значительном скоплении людей, в местах их массового пребывания в различных общественных местах.

Сегодня, как и всегда решение вопросов по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности на должном уровне, возложено на полицию. Эффективность реализации задач органами внутренних дел, по средствам сил и средств патрульно-постовой службы полиции, участковых уполномоченных полиции, дорожно-патрульной службы и подразделений по делам несовершеннолетних непосредственными функциональными обязанностями которых, согласно ведомственных и иных приказов является обеспечение общественного порядка и общественной безопасности граждан в различных общественных местах, в зоне ответственности на постах и маршрутах патрулирования во многом определяется уровнем их знаний, умений и навыков по применению прикладной психологии в целях выявления потенциально опасных или деструктивно настроенных лиц.

В продолжении данного вопроса по обеспечению профилактических и действенных своевременных мер реагирования при выявлении потенциальной угрозы, по мимо человеческих умений и навыков, включающих и личный сыск на основе профессиональных навыков и качеств, которыми обладают сотрудники полиции, вполне целесообразно использовать современные достижения науки и техники, где особое место занимает технология «профайлинг». Суть концепции профайлинга заключается в обнаружении противозаконного деяния либо приготовления к совершению преступления по средствам анализа физических, психологических, деятельностных характеристик подозреваемого лица, с точки зрения его потенциальной опасности.

Целесообразно отметить, что профайлинг может применяться в практической деятельности как самостоятельно, так и с использованием различных способов и технических средств позволяющих обнаружить и своевременно выявить лиц, представляющих потенциальную угрозы безопасности общества, в частности местах массового скопления граждан.

Преимущество профайлинга заключается в том, что «он позволяет более детально мониторить и объективно анализировать окружающую обстановку, поведение людей, выявлять подозрительные признаки и устанавливать причинно-следственные связи, чтобы способствовать тому, чтобы изыскивать надежные, эффективные и нестандартные способы решения потенциальных дилемм, некачественная оценка которых может повлечь за собой трагические результаты»

[2]. В данной технологии применяются два основных взаимосвязанных диагностических метода:

- 1) метод психологического наблюдения, то есть, данный метод помогает наблюдать и обнаружить какое-либо несоответствие или нестандартное поведение.
- 2) метод опроса в ходе досмотра или проверки документов, при применении данного метода проводится опрос и последующее наблюдение за реакцией проверяемого лица, в его основе лежит оценка полученной информации об объекте наблюдения.

Выявление непрофильных лиц в местах массового скопления людей с использованием прикладной психологии — процесс довольно сложный.

В подобных ситуациях требуется наблюдение и оценка огромного количества людей (например, при проведении масштабных массовых и публичных мероприятий, при этом проводятся они в конкретном месте или с перемещением в результате передвижения от одного объекта к другому в результате шествия. Тем более, что в толпе «на первый взгляд, определить преступников задача не из легких, поскольку данный контингент имеет хороший опыт и умеют шифроваться и растворяться среди людей и применяя поведение толпы». Вышеуказанные обстоятельства, несомненно, требуют от сотрудников полиции, задействованных на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, наличия особых навыков и умений по выявлению в общей массе людей лиц, склонных к противоправным действиям.

Процесс профилирования неадекватно настроенных лиц (непрофильных) состоит из: объекта наблюдения; визуально-поведенческого профиля объекта; описания адекватного психического объекта; описания адекватных поведенческих паттернов объекта. В частности, «непрофильное» поведение преступников или террористов проявляется со всей очевидностью в неадекватной одежде, неадекватном психическом состоянии и неадекватных поведенческих паттернах, «но крайне недостаточно таких специалистов, которые могли бы квалифицировать его как «непрофильное». Так, неестественным, выделяющимся в одежде, например будет наличие одежды не по сезону, габаритной ручной клади и т.д. Неестественное психологическое выражение поведения может проявляться, например, в серьезности, сосредоточенности, внутреннем перенапряжении, безразличии по отношению к окружающему и происходящему, злость. Неадекватные поведенческие паттерны — вялые движения рук, их неподвижность, медленные шаги, взгляд в одну точку и т.д.

Профайлеры и психологи, занимающиеся этими вопросами, выделяют пять основных признаков, присущих лицу, готовящемуся к совершению террористического акта:

- 1) террорист ведет себя психически неуравновешенно, неестественно, часто насторожено озирается по сторонам;
- 2) одежда, не соответствующая сезону, которая помогает замаскировать оружие;
- 3) преступник пытается замаскировать лицо, с целью затруднения идентификации его личности и пытается ни с кем не поддерживать общение;
- 4) касаясь физических признаков, то зрачки глаз могут быть значительно увеличены, поскольку может находиться под воздействием различных наркотических и психотропных веществ и медицинских препаратов;
- 5) стараются не допускать физического воздействия и прикосновений с людьми.

По мнению Родина В.Ф., Красноштановой Н.Н. при осуществлении мониторинга профайлер должен стремиться запечатлеть окружающую обстановку в целом как на панорамной фотографии. Обнаружение в толпе неадекватно настроенных лиц, как правило, осуществляется приемом панорамного обзора. Данный метод заключается в проведении обзора «от себя». Профайлер изучает окружающую обстановку в радиусе от 10 до 50 м., описывая взглядом дугу, каждый раз больше на 5-10 метров, что дает ему возможность выделить лицо, выпадающее из нормального функционального «ритма». В случае обнаружения подозрительного человека не рекомендуется смотреть на него пристально, рассматривание должно длиться не более 2 секунд [3].

Следует отметить, что не всегда они выглядят как яркие представители религиозных идей. Зачастую террористы пытаются одеться в обычные вещи, чтобы не привлекать внешним видом к себе внимания. Сегодня мусульманская одежда и наличие у мужчин бороды не является обязательным основанием для подозрения в причастности

или возможности проявления с их стороны каких-либо преступных действий. В заключении стоит отметить, что профессиональные навыки и способности которыми наделены сегодня сотрудники полиции должны способствовать их возможностям достоверно определять и анализировать вербальные и невербальные признаки и помогать максимально эффективно пресекать преступления террористического характера, так как любое планирующееся общественно-опасное деяние имеет свои признаки, часть из которых возможно обнаружить на определенных стадиях попытки его реализации преступниками, посредством «непрофильных» методов.

Список литературы:

[1] Обращение Владимира Путина к россиянам после теракта в «Крокусе» // <https://www.kommersant.ru/doc/6>

[2] Мерзликин И.Н. Значение профайлинга в современном мире. технология выявления неконгруэнтности // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. -2015. -№ 218 (8). - С. 114-116.

[3] Родин В.Ф., Красноштанова Н.Н. Профайлинг как метод разоблачения террористических намерений человека // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 6. - С. 318-322.

References:

[1] Vladimir Putin's appeal to the Russians after the terrorist attack in Crocus// <https://www.kommersant.ru/doc/6>

[2] Merzlikin I.N. The importance of profiling in the modern world. technology for detecting incongruence//Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. -2015. -№ 218 (8). - S. 114-116.

[3] Rodin V.F., Krasnoshtanova N.N. Profiling as a method of exposing a person's terrorist intentions//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - № 6. - S. 318-322.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-534-539

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ХУРТИН Тимофей Игоревич,
магистр права, следователь следственного отдела
по Ленинскому району г. Ульяновска
Следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Ульяновской области
лейтенант юстиции,
e-mail: tim.khurt@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье авторы исследуют введенный в уголовно-процессуальное законодательство России термин «электронный носитель информации». Используя структурно-семантический метод и метод сопоставительного анализа, авторами выдвинуто предположение о том, что понятийный аппарат электронных носителей информации до сих пор категориально не сформирован. Анализ судебной практики свидетельствует, что отсутствие правовой регламентации данной дефиниции может порождать юридические неточности в идентификации электронных носителей информации как вещественных доказательств. Авторы приходят к выводу, что устранение выявленной правовой лакуны возможно путем совокупного использования содержания ряда государственных стандартов.

Ключевые слова: уголовный процесс, электронный носитель информации, компьютерная информация, цифровые следы.

SHESTAK V.A.,
Professor of the 25th Department (Military Administration,
administrative and financial law) of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Science, Moscow

KHURTIN T.I.,
LLD, Investigator of the investigative department
for the Leninsky district of Ulyanovsk
Investigative Department of the Investigative Committee
Of the Russian Federation for the Ulyanovsk region,
Lieutenant of Justice

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF ELECTRONIC INFORMATION CARRIERS IN CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION

Annotation. In the article, the authors examine the term “electronic information carrier” introduced into the criminal procedure legislation of Russia. Using the structural-semantic method and the method of comparative analysis, the authors suggested that the conceptual apparatus of elec-

tronic media has not yet been categorically formed. An analysis of judicial practice shows that the lack of legal regulation of this definition can lead to legal inaccuracies in the identification of electronic media as physical evidence. The authors conclude that the elimination of the identified legal lacuna is possible through the combined use of the content of a number of state standards.

Key words: *criminal procedure, electronic storage medium, computer information, digital traces.*

В связи с ростом преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, отечественным законодателем была проявлена инициатива по правовой адаптации процессуальной деятельности органов предварительного расследования к такому виду преступлений путем внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹, предусмотренных Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ². Так, нормативные изменения характеризовались не только появлением термина «электронный носитель информации», который в рамках уголовного процесса позволял отнести такие объекты к вещественным доказательствам; регламентировал правила их хранения, а также копирования информации по ходатайству законных владельцев; но и определял особенности процессуального оформления результатов обнаружения, фиксации и изъятия электронных носителей информации в ходе таких следственных действий как обыск и выемка. Однако, в современных условиях названные изменения были существенно изменены законодателем – утратили силу положения нормы, которые раскрывали особенности изъятия электронных носителей в ходе обыска и выемки [11].

Несмотря на то, что прошло уже более тринадцати лет с момента принятия названной нормы, нормативное определение дефиниции «электронный носитель информации» так и не нашло такое свое место в УПК РФ, которое бы имело возможность выделить её сущностные характеристики. Впоследствии, данная правовая лакуна широко обсуждалась отечественными исследователями на протяжении длительного временного периода, в ходе дискурсов которых были предложены следующие авторские определения.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 29.06.2025).

² Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28.07.2012 № 143-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133286/ (дата обращения 29.06.2025).

Так, к примеру, А.А. Балашова определила электронный носитель информации как техническое средство, конструктивно предназначенное для хранения информации в электронно-цифровой форме, доступной для обработки с использованием средств вычислительной техники [2]. В свою очередь, Ю.Н. Соколов понимал под ним технически и технологически адаптированное к многократному использованию электронное устройство, предназначенное для записи, хранения, передачи и воспроизведения электронной информации с помощью доступных технических средств, а также защиту, обособление и разграничение доступа к имеющейся информации [12]. Нестандартно к исследуемому вопросу подошел Д.В. Бахтеев, указывая, что к данным носителям следует отдельно отнести такой полупроводниковый носитель информации, как оперативное запоминающее устройство, которое имеет свои особенности хранения информации с учетом всех существующих в настоящее время разновидностей электронных носителей информации [1]. Перспективное направление развитию понятийного аппарата электронного носителя информации по нашему мнению сформулировал Ю.В. Гаврилин, под которым он подразумевал устройство, конструктивно предназначенное для постоянного или временного хранения информации в виде, пригодном для использования в электронных вычислительных машинах, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [4].

Однако, в условиях отсутствия нормативного закрепления, многие исследователи, анализируя законодательную базу, пришли к выводу, что целесообразно опираться на подзаконные нормативные акты – государственные стандарты, регулирующие различные межотраслевые области. Как следствие, А.Л. Осипенко предлагал ссылаться на определение, сформулированное в соответствии с Межгосударственным стандартом ГОСТ 2.051-2013, введенным в действие приказом Росстандарта от 22 ноября 2013 г. № 1628-ст (далее – ГОСТ 2.051-2013)³, согласно которому

³ ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» (введен в действие приказом Росстандарта от 22.11.2013 № 1628-ст). – Электронный ресурс. – URL: <https://ulgoexp.ru/>

электронный носитель информации представляет собой материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [9]. Основываясь на позиции А.Л. Осипенко, О.В. Добровлянина предлагала авторское определение, которое во многом повторяет дефиницию, содержащуюся в ГОСТ 2.051-2013, при этом дополняя её указанием на взаимосвязь электронного носителя информации и технических (электронных) устройств, которые осуществляют функцию по обработке информации, содержащейся на носителе [6]. Вместе с тем, В.Б. Вехов в противовес вышеназванного подхода, пришел к выводу, что данный термин имеет неопределенное расширительное толкование, следовательно, к электронным носителям информации следует относить абсолютно любое микропроцессорное устройство, что может порождать ошибки правоприменения. Нельзя не согласиться с выводом этого автора, что отсутствие законодательного закрепления позволяет отнести к этой категории и кофемашину, и телевизор, и электронный полис медицинского страхования [3].

Продолжая анализировать отечественные исследования, предположим, что в основе своих предложений многие исследователи использовали положения ГОСТ 2.051-2013, базируя на них свои рассуждения, исключая факт наличия других, не менее важных источников возможной нормативной аппликации актуального в современных условиях термина. Так, по мере актуализации судебных компьютерно-технических экспертиз в связи с повышением уровня преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации и поручений об исследовании электронных носителей информации в том числе, общими усилиями экспертного сообщества 01.09.2017 был введен Национальный стандарт – ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения», утвержденный Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (далее – ГОСТ Р 57429-2017)¹, в разработке которого принял участие в том числе Следственный комитет Российской Федерации вместе с Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции

Российской Федерации и Экспертно-криминалистическим центром Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Несмотря на то, что настоящий стандарт установил термины и определения понятий, применяемые в судебной компьютерно-технической экспертизе, которые рекомендуются для применения во всех видах документации и литературы экспертной деятельности и требования которого распространяются как на государственных судебных экспертов, так и на негосударственных судебных экспертов, к сожалению, законодательскими силами экспертного сообщества, на наш взгляд, до сих пор не предусмотрено самого главного – разработки термина «электронный носитель информации», который бы мог идентифицировать обобщенный опыт проведенных исследований и связать его с действующим УПК РФ. Анализируя действующие в стандарте термины – «аппаратное (техническое) средство», «средство вычислительной техники», «оперативная память» и проч. – можно прийти к выводу, что все они в совокупности по частным признакам и свойствам, данным в их определениях, могут быть отнесены к электронным носителям информации.

Вместе с тем 12.11.2018 Директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации был утвержден стандарт СТО.ФСБ.КК 1-2018 «Компьютерная экспертиза. Термины и определения» с изменениями от 15.04.2020 (далее – Стандарт СТО.ФСБ.КК 1-2018)². Стандарт СТО.ФСБ.КК 1-2018 так же, как и ГОСТ Р 57429-2017, разработал терминологию, которая также имеет лишь рекомендательный характер для экспертного сообщества, чем повторяет, а в чем-то и дополняет последний. Непосредственно главным же дополнением является введение определения «носитель компьютерной информации», который рекомендовано считать равнозначным электронному носителю информации, под которым стоит понимать «материальный объект, предназначенный для хранения компьютерной информации». А в свою очередь, под «компьютерной информацией» понимается информация, представленная в форме, пригодной для обработки на вычислительной машине, независимо от средств ее хранения, обработки и передачи.

Помимо востребованного нововведения, стандартом органа государственной безопасности

files/documents/GOST-2.051-2013.pdf (дата обращения 29.06.2025).

¹ ГОСТ Р 57429-2017. Национальный стандарт РФ: «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28.03.2017 № 198-ст). – Электронный ресурс. – URL: <https://www.sudexpert.ru/docs/GOST/p57429-2017.pdf> (дата обращения 29.06.2025).

² Стандарт Федеральной службы безопасности СТО.ФСБ.КК 1-2018 «Компьютерная экспертиза. Термины и определения» (утв. и введен в действие Директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации 12 ноября 2018 г.). – Электронный ресурс. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/more.htm%21id%3D10437602%40fsbNpa.html> (дата обращения: 29.06.2025).

была также утверждена терминология, включающая в круг носителей компьютерной информации, которые являются их формальной классификацией такие понятия как: «гибкий магнитный диск», «магнитная лента», «магнитооптический диск», «накопитель на жестких магнитных дисках», «оптический диск» и «твердотельный накопитель». Такой подход, полагаем, укрепил терминологическую точность в целях обеспечения соблюдения процессуальных требований, что в свою очередь должно привести к однозначности в понимании произведенных действий с доказательствами, содержащимися на электронных носителях информации.

В дефиниции термина была выделена только одна функция носителя компьютерной информации – хранение информации, что, по нашему мнению, является исключительно положительным моментом, поскольку позволяет правильно идентифицировать вещественное доказательство, разные подходы к которому возникают и при вынесении судебных решений. К примеру, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26.01.2017 № 204-О в отношении сотового телефона используются такие понятия, как «цифровой» и «электронный носитель информации». При этом цифровые носители информации, отражающей взаимоотношения обвиняемого и свидетелей, не допускают произвольное изъятие при обыске электронных носителей информации, содержащих охраняемую законом тайну, а потому конституционные права не нарушают¹. Схожую ситуацию можно наблюдать и в Определении Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О, где суд одновременно использует понятия «абонентские устройства» и «электронный носитель информации» в отношении изъятых мобильных телефонов².

В подтверждение нашей позиции, используя терминологию, предусмотренную Стандартом

СТО.ФСБ.КК 1-2018, полагаем возможным, рационально объяснить следующее на примере наиболее распространенных орудий и предметов преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации – персонального компьютера и смартфона – которые являются электронно-вычислительной техникой (далее – ЭВМ), под которой, полагаем, стоит понимать вычислительную машину, основные функциональные устройства которой выполнены на электронных компонентах. В свою очередь, ЭВМ с помощью средств вычислительной техники – совокупности программных и технических элементов систем обработки компьютерной информации, способных функционировать самостоятельно или в составе других систем – и программных внутри заложенных обеспечений передает обработанную компьютерную информацию на хранение в носитель компьютерной информации («жесткий диск» или «твердотельный накопитель»). Следовательно, носитель компьютерной информации является составной частью ЭВМ, а не цельным, самостоятельно функционировавшим устройством.

Тем не менее, обращаясь к пояснительной записке к проекту Федерального закона от 28.07.2012 № 143-ФЗ, законодателем было разъяснено, что изменения были направлены на уточнение порядка изъятия в ходе расследования уголовных дел, особенно экономической направленности, электронных носителей информации (компьютерных блоков, серверов, ноутбуков, карт памяти), содержащих сведения о деятельности хозяйствующих субъектов, и порядка возвращения изъятых электронных носителей информации и (или) копирования содержащейся на них информации³. В этой связи к электронным носителям информации, согласно позиции законодателя, позволительно отнести как отдельные части ЭВМ (например, жесткий диск, как аналог карты памяти), так и полноценные ЭВМ (например, ноутбук), что формирует терминологическую неопределенность. Продолжая анализировать термин «электронный носитель информации», с точки зрения этимологии, возникают определенные сомнения в обоснованности применения в исследуемом термине слова «электронный». Обращаясь к Большому толковому словарю русского языка «электронный» – суть связанный с применением свойств электрона, основанный на использовании свойств электрона [8].

³ Законопроект № 20801-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (Об уточнении порядка изъятия, хранения и возвращения законным владельцам в ходе расследования уголовных дел электронных носителей информации). – Электронный ресурс. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/20801-6> (дата обращения: 21.01.2025).

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандаковой Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 29 и частью третьей статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=490957#4zcXGyUyiRQGt1g4> (дата обращения 29.06.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 3205-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габашвили Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью второй статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=610363#MdsXGyUyej72fes41> (дата обращения 29.06.2025).

Кроме того, учитывая мнение Б.Я. Гаврилова, о том, что носители компьютерной информации позволительно дифференцировать в зависимости от свойства их энергозависимости на энергозависимые и энергонезависимые (у первых автор выделяет их особенность сохранения информации на них лишь непродолжительное время, которая в последующем автоматически заменяется новой, а при отключении питания, т. е. при потере необходимой для работы энергии, обнуляется (к таким носителям автор относит оперативные запоминающие устройства), вторые же представлены энергонезависимыми электронными носителями информации, к которым относятся внешние жесткие диски, USB-накопители, лазерные диски и т.д. [5].

Подтверждая позицию Б.Я. Гаврилова, Стандарт СТО.ФСБ.КК 1-2018 также неформально указывает на использование данной дифференциации, регламентируя терминологию круга носителей компьютерной информации. К примеру, «оптический диск» – энергонезависимый носитель компьютерной информации, информация на котором хранится на пластине, чтение и запись которой производится посредством оптического излучения, в то время как «оперативное запоминающее устройство (оперативная память)» – энергозависимый носитель компьютерной информации, входящий в состав вычислительной машины, в котором во время работы вычислительной машины хранится выполняемый программный код, а также входные, выходные и промежуточные данные.

С другой стороны, по мнению А.И. Зазулина, носители компьютерной информации могут классифицироваться в зависимости от способа записи и хранения информации: к примеру, жесткие диски записывают информацию с помощью намагничивания путем направления магнитного потока на поверхность диска, оптические – с помощью нанесения лазерного излучения на поверхность диска, а твердотельные – с помощью подачи напряжения электрического тока в отдельные ячейки благодаря свойству транзистора. Следовательно, в первых двух случаях информация хранится *без использования свойств электрона* (курсив авторов), в отличие от последнего. В итоге, по мнению А.И. Зазулина, необоснованно возникает нежелательный случай сужения круга предметов, решением проблемы которого будет являться инициатива ввести более общий термин, который бы расширял границы его содержания, включая в него различные типы носителей [7].

В этой связи, полагаем, возникает действительная необоснованность использования слова «электронный» в отношении толкования данных носителей информации, следствие которого, как

мы убедились на основе судебной практики, может являться возможность юридической неточности в идентификации таких объектов. Соответственно, если подходить к проблеме более рационально, считаем необходимым использование иного термина, который при именовании данных носителей будет основываться на главном принципе устройства носителей – а именно на процессе «оцифровки» информации – то есть процесс превращения информации в массив данных, который используется в любых электронно-вычислительных машинах с целью их обработки, хранения и передачи, поскольку информация на них выражается при помощи мощи чисел, то есть данные представляются в виде набора чисел (1 и 0) в двоичной системе [13].

Таким образом, полагаем, что в современных условиях одним из приоритетных направлений в развитии уголовно-процессуального законодательства будет являться формирование предложений по изменению дефиниции термина «электронный носитель информации» путем использования содержания термина, предусмотренного Стандартом СТО.ФСБ.КК 1-2018, – «носитель компьютерной информации», сохраняя при этом и его сущностные характеристики как материального объекта, предназначенного для хранения компьютерной информации, что, считаем, послужит установлению связи с термином, предусмотренным примечанием 1 к статье 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, где дано законодательное определение компьютерной информации.

Список литературы:

- [1] Бахтеев, Д. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами / Д. В. Бахтеев, Е. В. Смагин // Российский юридический журнал. – 2019. – № 6(129). – С. 61-68.
- [2] Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
- [3] Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики / В. Б. Вехов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4(1). – С. 46—50.
- [4] Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / Ю.В. Гаврилин // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4. – С. 44.
- [5] Гаврилов Б.Я. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / Б.Я. Гаврилов. М., 2017. С. 72.

[6] Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации / О.В. Добровлянина // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 641-649.

[7] Зазулин А.И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации / А.И. Зазулин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4(11). – С. 54-57.

[8] Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с.

[9] Осипенко А.Л. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации / А.Л. Осипенко, А.И. Гайдин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 156-163.

[10] Семёнов И.В. Термины в области электронных носителей информации: Анализ и подходы к классификации // Юридический вестник. – 2018. – № 5. – С. 34-38.

[11] Смешкова Л.В. Электронный носитель информации: сложности терминологии / Л.В. Смешкова // Закон и право. – 2021. – № 8. – С. 144-146.

[12] Соколов Ю.Н. Электронный носитель информации в уголовном процессе / Ю.Н. Соколов // Информационное право. – 2017. – № 3 – С. 22-26.

[13] Шаманов А.П. Системы счисления и представление чисел в ЭВМ / А.П. Шаманов ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – 52 с.

References:

[1] Bakhteev, D.V. Forensic features of the production of procedural actions with digital traces/D.V. Bakhteev, E.V. Smakhtin//Russian Law Journal. – 2019. – № 6(129). – S. 61-68.

[2] A.A. Balashova. Electronic media and their use in criminal procedure evidence: Author. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2020.

[3] Vekhov V.B. Electronic evidence: problems of theory and practice/V.B. Vekhov//Law and order: history, theory, practice. – 2016. – № 4 (1). – S. 46-50.

[4] Gavrilin Yu.V. Electronic media in criminal proceedings/Yu.V. Gavrilin//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 4. – S. 44.

[5] Gavrilov B.Ya. Methods of obtaining evidence and information in connection with the detection (possibility of detection) of electronic media: a textbook/B.Ya. Gavrilov. M., 2017. S. 72.

[6] Dobrovlyanina O.V. Some aspects of the procedural seizure (copying) of electronic media/O.V. Dobrovlyanina//Perm legal almanac. – 2019. – № 2. – S. 641-649.

[7] A.I. Zazulin. Validity of the use of the term “electronic storage medium” in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation/A.I. Zazulin//Law and order: history, theory, practice. – 2016. – № 4(11). – S. 54-57.

[8] Kuznetsov S.A. Large explanatory dictionary of the Russian language. Author's edition, 2000. 1536 pp.

[9] Osipenko A.L. Legal regulation and tactical features of the seizure of electronic media/A.L. Osipenko, A.I. Gaidin//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – № 1. – S. 156-163.

[10] Semenov I.V. Terms in the field of electronic media: Analysis and approaches to classification//Legal Bulletin. – 2018. – № 5. – S. 34-38.

[11] Smeshkova L.V. Electronic information carrier: complexity of terminology/L.V. Smeshkova//Law and law. – 2021. – № 8. – S. 144-146.

[12] Sokolov Yu.N. Electronic information carrier in criminal proceedings/Yu.N. Sokolov//Information law. – 2017. – NO. 3 – S. 22-26.

[13] Shamanov A.P. Number systems and representation of numbers in computers/A.P. Shamanov; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University. – Yekaterinburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2016. – 52 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-540-543

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ГОРКИНА Елена Владимировна,
старший преподаватель кафедры криминалистики
факультета подготовки криминалистов
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
полковник юстиции,
e-mail: lengor43@mail.ru

РОДИНА Елена Юрьевна,
доцент кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
полковник полиции,
e-mail: elena.rodina1981@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ ТЕХНИКО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Автором в своей научной статье проводится исследование возможности использования в практической деятельности органов внутренних дел различных видов технико-криминалистических средств, в том числе и отечественного производства способствующие эффективному раскрытию преступлений, а также сравнительный анализ дифференцированных технических средств.

Ключевые слова: криминалистика, БПЛА, 3D модели, улика, документирование, фиксация, сканер, преступление, судебная экспертиза.

GORKINA Elena Vladimirovna,
Senior Lecturer, Forensic Science Department,
Forensic Science Training Faculty, St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
Candidate of Law, Associate Professor
Colonel of Justice

RODINA Elena Yuryevna,
Associate Professor, Forensic Science Department,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law,
Police Colonel

ON THE ISSUE OF CERTAIN TYPES OF TECHNICAL AND FORENSIC SUPPORT FOR THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

Annotation. The author in his work conducts a study of the possibility of using technical and forensic tools in practical activities in the activities of internal affairs bodies, including domestically produced ones that contribute to the effective detection of crimes, as well as a comparative analysis of differentiated technical tools.

Key words: crime, technology, forensics, tool, UAV, models, approaches, principles, sphere, reconstruction, production.

На современном этапе одним из видов технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений является возможность построения 3D моделей с помощью использования сканеров и принтеров для трехмерного моделирования.

Криминалистика — это наука, где точность играет решающую роль.

Любая ошибка при сборе улик или документировании места преступления может стоить справедливого приговора (Форензика и 3D сканирование).

Традиционные методы фиксации, такие как фотосъемка и зарисовки, уступают место более передовым технологиям. 3D-сканирование стало настоящей революцией в криминалистике, позволяя следователям фиксировать мельчайшие детали сцены преступления с беспрецедентной точностью.

Современные 3D-сканеры позволяют следователям и судебным экспертам фиксировать место происшествия в цифровом формате.

Сканеры с высокой точностью передают не только геометрию объекта, но и его текстуру, создавая интерактивные 3D-модели. 3D-сканирование следующим образом применяется в расследованиях:

Документирование сцены преступления — полный оцифрованный образ позволяет возвращаться к месту происшествия даже спустя месяцы и годы после его расследования. Реконструкция траектории выстрелов — вставляя в пулевые отверстия специальные маркеры, можно просчитать угол и место, откуда был сделан выстрел.

Анализ брызг крови — программное обеспечение моделирует возможные сценарии развития событий на основе распределения капель.

Идентификация лиц (распознавание) — точное 3D-сканирование позволяет сравнивать изображения подозреваемых с кадрами видеонаблюдения, даже если качество записи оставляет желать лучшего.

Судебная экспертиза — оцифрованные модели следов, оружия, поврежденных автомобилей или документов становятся доказательствами, которые можно анализировать и моделировать в виртуальной среде.

По сути 3D-сканирование лучше традиционных методов, поскольку возможно получить следующие эффективные результаты его применения в практике:

Для документирования сцен преступлений используют, например, 3D-сканер, который позволяет отсканировать объёмную сцену с точностью до пары миллиметров

Анализ брызг крови с помощью 3D-моделирования позволяет судмедэкспертам создавать

точные реконструкции мест преступлений и повышать достоверность результатов анализа.

Некоторые возможности такого подхода:

Определение высоты, с которой могла упасть кровь, основываясь на форме капель.

Оценка направленности пятен крови для реконструкции передвижения людей во время преступления.

Установление минимального количества и последовательности травмирующих воздействий (ударов).

Обоснование места расположения и позы пострадавшего в момент причинения ему повреждений.

1.обеспечение. Оно способствует функционированию как с двухмерными изображениями, так и с обычными трёхмерными моделями.

2. Анализ брызг крови — ключевая часть судебной экспертизы, которая помогает правоохранительным органам понять, как происходят насильственные преступления.

Идентификация лиц с помощью 3D-моделирования позволяет сравнивать изображения подозреваемых с кадрами видеонаблюдения, даже если качество записи плохое.

Процесс идентификации включает несколько этапов:

Обучение. Данный этап включает в себя процесс сбора 3D-данных о лицах, которые предварительно обрабатывают для получения «чистых» 3D-лиц. Впоследствии полученные данные подвергаются обработке алгоритмами выделения признаков, для того чтобы найти признаки, которые возможно применять для различения лиц.

Применяются два известных подхода к 3D-распознаванию лица:

Технология стерео. Создаёт трёхмерные изображения, синтезируя две или более двухмерные фотографии. Этот подход на основе компьютерной обработки в некоторой степени усложняет процесс трёхмерного сопоставления изображения лица, и надёжность результата зависит от условий освещённости.

Технология освещения лица структурированным светом. Лицо освещают структурированным светом (невидимого, почти инфракрасного спектра) от трёх источников, отражённое от лица излучение улавливают цифровой видеокамерой. При этом собирается около 40 000 измерительных точек

3D-моделирование — один из методов обнаружения следов, реконструкции и визуализации места происшествия, моделирования персонажей и предметов, необходимых для наиболее полного и точного экспертного заключения.

Некоторые примеры использования 3D-моделирования в судебной экспертизе:

Лазерное 3D-сканирование. Применяется для фиксации картины ДТП в трёхмерном изображении. Принцип работы данного способа заключается на определении пространственного положения точек и дальнейшем построении трёхмерной модели сканируемой местности и объектов в виде облака точек.

С помощью создания виртуальной 3D-модели места происшествия, можно с помощью полного 3D-сканирования места происшествия или способом сферических фото и видеопанорам.

Данные модели могут быть применены как своеобразная «база» для ситуационных экспертиз, а также проверки показаний на месте.

Сравнение повреждений с предполагаемыми орудиями совершения преступления. Перемещение и вращение трёхмерных моделей позволяет сравнивать повреждения, устанавливая при этом возможные положения жертвы во время удара, выстрела.

Следует отметить, что 3D-моделирование как способ проведения анализа и получения результатов в последствии применяется абсолютно во всех видах судебных экспертиз, таких как:

- 1) Почерковедческой;
- 2) Трасологической;
- 3) Фототехнической;
- 4) Портретной;
- 5) Взрывотехнической технической экспертизе документов и зарекомендовала себя как самый эффективный способ обеспечения безопасности полученных сведений, абсолютную точность, достоверность данных. Важно отметить, что на начальных этапах своего становления криминалистическая взрывотехника рассматривалась в рамках судебной баллистики и не обладала статусом самостоятельного направления. Экспертные заключения по данной категории дел носили разрозненный характер и именовались баллистическими, пиротехническими, а также экспертизами боевых припасов. Отсутствие единой терминологии и специализированных экспертных учреждений, способных проводить исследования на должном уровне, создавало существенные препятствия для следственных органов в вопросах назначения и производства подобного рода экспертиз¹.

¹ Лейнова О.С., Бруевич М. Ю. Некоторые вопросы назначения и проведения взрывотехнической экспертизы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. №3 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-naznacheniya>

Взрывотехническая экспертиза представляет собой одно из ключевых направлений в области криминалистической взрывотехники и играет важную роль в раскрытии преступлений, связанных с использованием взрывчатых веществ. Этот вид экспертизы занимается анализом фактических данных о взрывчатых веществах, взрывных устройствах, боеприпасах, а также о материалах и инструментах, использованных при их изготовлении. Важной составляющей работы эксперта-взрывотехника является изучение обстоятельств взрыва, включая анализ места происшествия и следов, оставленных взрывным устройством.

Взрывотехническая экспертиза представляет собой специализированное направление в рамках судебной инженерно-технической экспертизы, которое занимается анализом инцидентов, связанных с взрывами. Этот вид экспертизы является крайне важным для расследования случаев использования взрывных устройств и взрывчатых материалов.

Предметом взрывотехнической экспертизы является комплексное исследование взрывных устройств, боеприпасов и взрывчатых веществ. Эксперты анализируют не только сами вещества и устройства, но и инструменты, материалы, использованные для их изготовления, а также обстоятельства, связанные с подготовкой и проведением взрыва.

Особое внимание уделяется определению профессиональных навыков и методов, применяемых лицами, ответственными за подготовку и реализацию взрывных действий. Это включает в себя анализ технических знаний и практических умений, которыми должны обладать эти лица для работы с взрывчатыми материалами и устройствами. Такие данные помогают определить уровень преднамеренности, профессионализма и возможные связи с организованными преступными группировками².

Объекты взрывотехнической экспертизы охватывают широкий спектр материалов и мест, связанных с инцидентами взрывного характера.

Важной частью этой экспертизы является тщательный анализ вещественных доказательств, которые могут включать остатки взрывчатых веществ, фрагменты взрывных устройств, пиротехнические изделия и боеприпасы. Эти элементы могут иметь как промышленное, так и самодельное происхождение.

i-provedeniya-vzryvotekhnicheskoy-ekspertizy (дата обращения: 17.05.2024).

² Криминалистическое исследование взрывчатых веществ / под редакцией Н. М. Кузьмина. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1985. С. 68.

Ключ к успешной взрывотехнической экспертизе лежит в способности экспертов точно идентифицировать химический состав взрывчатых материалов, а также механизмы их срабатывания.

Это включает анализ микроскопических и макроскопических следов, которые могут рассказать о способах сборки устройства, типах используемых иницирующих веществ и мерах предосторожности, применяемых при изготовлении.

Анализ остатков после взрыва также включает изучение места происшествия с целью выявления дополнительных улик, таких как отпечатки пальцев, следы обуви и ДНК, которые могут помочь в идентификации лиц, ответственных за подготовку и проведение взрыва. Эти данные в совокупности могут предоставить комплексную картину событий, приведших к взрыву, и обстоятельства, сопутствующих этому процессу¹.

Исследование объектов взрывотехнической экспертизы имеет решающее значение для определения не только конкретного типа взрывчатого вещества или устройства, но и для выявления технологий и методов их изготовления. Основная цель таких анализов — установить происхождение и способ конструкции взрывных устройств, что может включать изучение материалов, использованных при сборке, а также специфических приёмов, применяемых изготовителем.

Кроме технической стороны, важным аспектом взрывотехнической экспертизы является возможность получения информации о лицах, причастных к изготовлению или использованию взрывчатых материалов. Это особенно ценно в случаях, когда прямые доказательства причастности конкретных лиц к преступлению отсутствуют. Анализ следов и остатков может указывать на определённые группы или индивидуумов, имеющих необходимые знания и доступ к материалам и оборудованию. Например, особые химические составы или конструктивные особенности могут сигнализировать о связи с определёнными радикальными группировками или коммерческими производствами².

Современные взрывотехнические исследования представляют собой многоаспектный аналитический процесс, который позволяет получать обширную информацию, критически важную для криминалистических расследований. Эти исследования охватывают определение причин и при-

роды взрыва, идентификацию применённого взрывного устройства и взрывчатого вещества, используемого в нём. Важной составляющей таких экспертиз является анализ способа изготовления устройства, количества взрывчатого вещества, а также определение возможных областей его применения и потенциальных источников приобретения материалов.

Ключевым элементом взрывотехнических исследований является детальное изучение технологических приёмов и инструментов, использованных для сборки взрывного устройства³.

Список литературы:

- [1] Азаров В. А., Романенко М. А. О возможности формирования новой отрасликриминалистической техники // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2007. №2 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-formirovaniya-novoy-otraslikriminalisticheskoy-tehniki> (дата обращения: 10.05.2024).
- [2] Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика для экспертов: науч.-практ. пособие. М., 2007. 227 с.
- [3] Криминалистическое исследование взрывчатых веществ / под редакцией Н. М. Кузьмина. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1985. С. 68.
- [4] Саленко В.П. Криминалистическая взрывотехника // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-vzryvotekhnika> (дата обращения: 11.05.2024).

References:

- [1] Azarov V. A., Romanenko M. A. On the possibility of forming a new industry-criminalistic technology//Legal science and law enforcement practice. 2007. №2 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-formirovaniya-novoy-otraslikriminalisticheskoy-tehniki> (дата обращения: 10.05.2024).
- [2] Korukhov Yu.G. Forensic diagnostics for experts: scientific-practical. allowance. M., 2007. 227 pp.
- [3] Forensic study of explosives/edited by N. M. Kuzmin. - M.: All-Russian research institute of the ministry of internal affairs of the USSR, 1985. S. 68.
- [4] Salenko V.P. Forensic explosive engineering//International Journal of Applied Sciences and Technologies "Integral." 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-vzryvotekhnika> (дата обращения: 11.05.2024).

¹ Азаров В. А., Романенко М. А. О возможности формирования новой отрасликриминалистической техники // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2007. №2 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-formirovaniya-novoy-otraslikriminalisticheskoy-tehniki> (дата обращения: 10.05.2024).

² Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика для экспертов: науч.-практ. пособие. М., 2007. 227 с.

³ Саленко В.П. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ВЗРЫВОТЕХНИКА // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-vzryvotekhnika> (дата обращения: 11.05.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-544-550

РОСТОКИНСКИЙ А.В.,
доктор юридических наук,
профессор Департамента Права Института
Экономики Управления и Права ГАОУ ВО МГПУ,
e-mail: arostokinskiy@yandex.ru

ЛУНЁВ М.В.,
Департамента Права Института Экономики
Управления и Права ГАОУ ВО МГПУ,
e-mail: maxim.lunev@gmail.com

О НЕОБХОДИМОСТИ УСИЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ОТ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Аннотация. Дистанционное мошенничество в России демонстрирует устойчивый рост, при этом пожилые граждане остаются одной из наиболее уязвимых групп жертв. Несмотря на значительную долю лиц старше 60 лет среди потерпевших (20% по данным государственной стратегии), национальное уголовное законодательство не только не определяет понятие пожилого человека, но и не содержит специальных норм, усиливающих ответственность за преступления против них. В отличие от Беларуси, Китая и Бразилии, где возраст жертвы прямо влияет на квалификацию и наказание, в России беспомощность пожилого человека требует дополнительного доказывания (например, болезней или инвалидности), что ограничивает правоприменение.

Автор анализирует судебную практику, отклоненные законопроекты и зарубежный опыт, предлагая дополнить ст. 159 УК РФ новыми частями (8–9) с повышенными санкциями за мошенничество в отношении пожилых.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество, пожилые лица, уголовная ответственность, наказание, отягчающие обстоятельства, сравнительное правоведение, уголовное право зарубежных стран.

ROSTOKINSKY A.V.,
Doctor of Law, Professor of the Department Law Institute
of Economics Management and Law
Moscow State Pedagogical University

LUNEV M.V.,
Department of Law Institute
of Economics Management and Law
Moscow State Pedagogical University

ON THE NECESSITY OF STRENGTHENING CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF ELDERLY PERSONS AGAINST REMOTE FRAUD

Annotation. Remote fraud in Russia is showing a steady growth, with elderly citizens remaining one of the most vulnerable groups of victims. Despite the significant share of people over 60 among victims (20% according to the state strategy), national criminal legislation not only does not define the concept of an elderly person, but also does not contain special provisions increasing liability for crimes against them. Unlike Belarus, China and Brazil, where the age of the victim directly affects the qualification and punishment, in Russia the helplessness of an elderly person requires additional proof (for example, illness or disability), which limits law enforcement. The author analyzes

judicial practice, rejected bills and foreign experience, proposing to supplement Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation with new parts (8-9) with increased sanctions for fraud against the elderly.

Key words: *remote fraud, elderly persons, criminal liability, punishment, aggravating circumstances, comparative law, criminal law of foreign countries.*

Дистанционное мошенничество явление, ставшее, к сожалению, неотъемлемой частью нашей жизни, не только не теряет темпы роста, но и приобретает новые техники и сценарии. Его общая суть сводится к обману жертвы без личного контакта с ней с использованием информационных и телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ).

Согласно официальной статистике МВД России [23] за 2024 год было совершено 379 762 мошенничеств с использованием ИТТ. Раскрываемость составила всего лишь 10 % от всех выявленных преступлений, только 32 725 уголовных дел направлены в суд. Количество зарегистрированных фактов дистанционных мошеннических действий по России увеличилось на 6,8 %.

По г. Москве в 2024 году [19] сотрудниками ГУ МВД России по г. Москве возбуждено 74 344 уголовных дела категории дистанционное мошенничество. Общая сумма причиненного ущерба от дистанционных хищений, совершенных с использованием ИТТ в 2024 году, составила 32 310 390 000 рублей. Размер ущерба увеличился по сравнению с 2023 годом на 60,3 %. Количество зарегистрированных в г. Москве дистанционных мошенничеств выросло на 6,9 %.

Банком России за 2024 год зафиксировано свыше 1 196 020 денежных переводов, совершенных клиентами кредитных организаций вследствие обмана или злоупотребления доверием, на общую сумму свыше 26 866 900 000 рублей [18].

С учетом огромного количества совершаемых вышеуказанных преступлений их жертвами становятся пожилые люди. В Российской Федерации не публикуется официальная статистика о числе пожилых людей, пострадавших от дистанционных мошенников, однако вывод о высоком проценте можно сделать из следующих источников. Так, в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства России от 07 апреля 2025 г. № 830-р) указано, что лица старше 60 лет составили 20 процентов от числа всех потерпевших по уголовным делам о мошенничестве. При росте числа дистанционных мошенничеств также можно говорить об удельном росте количества пожилых людей среди жертв преступников.

Кроме того, по данным Росстата по состоянию на 2024 год в Российской Федерации проживали свыше 34,5 млн человек старше трудоспо-

собного возраста (мужчины – 63 года и более, женщины – 58 лет и более), то есть 23,7 % от общей численности населения [22]. В настоящее время ввиду старения населения и низкой рождаемости данный процент выше.

Соответственно, как минимум 34 млн граждан нашей страны являются желанной целью мошенников. По мнению И.Р. Шикеры пожилой возраст в значительной мере определяет физическое состояние и возможности как потенциальных, так и реальных потерпевших от преступлений, круг их потребностей и интересов, жизненных установок и ценностных ориентаций, стремлений и желаний и в конечном итоге оказывает существенное влияние как на повышенную уязвимость некоторых категорий жертв преступлений, так и на их поведение [13].

При этом понятие пожилого возраста зафиксировано исключительно только в одном документе – ГОСТ Р 52495-2005 [6], который определяет гражданина пожилого возраста как мужчину старше 60 лет, а женщину старше 55 лет. В 2005-2013 г. данный возраст коррелировался с общим возрастом выхода на пенсию, что отождествляло понятия. В настоящее время в связи с повышением пенсионного возраста данные границы пожилого возраста должны быть пересмотрены в сторону 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин.

Также для обозначения пожилого возраста используется понятие престарелый, которое раскрывается в том же ГОСТ Р 52495-2005, и аналогично понятию пожилого человека (мужчина старше 60 лет, женщина старше 55 лет). Налоговый кодекс Российской Федерации (ст. 149) также использует понятие престарелый, однако не дает его определение.

В свою очередь с учетом повышенной уязвимости перед преступными деяниями уголовный закон не образует отдельных правовых механизмов, направленных на защиту пожилых или престарелых людей. В научной литературе встречается мнение, что понятие пожилого возраста включается в определениеотягчающего обстоятельства – беспомощного состояния потерпевшего. Например, М.А. Кауфманом делается вывод, что старый (престарелый) возраст нельзя рассматривать отдельно от состояния беспомощности, которое обусловлено самим возрастом [12].

Беспомощное состояние определено Пленумом Верховного суда Российской Федерации

(далее – ВС РФ) в своих постановлениях: от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) и от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Общими признаками является то, что лицо в таком состоянии не могло защитить себя или оказать сопротивление виновному, а также понимать характер и значение совершаемых с ним действий. Отдельно в каждом документе указано, что под лицами, находящимися в беспомощном состоянии, понимаются престарелые. Однако, кто именно входит в категорию престарелых, не раскрыто.

Предполагается, что отождествление понятий беспомощного состояния и пожилого (престарелого) возраста недопустимо, поскольку возраст является одной из причин такого состояния, а не безусловным основанием для него. Данная концепция поддерживается судебной практикой:

- на беспомощность указывает то, что потерпевший А. достиг 80-летнего возраста и у него болели ноги, он не покидал пределы своего домовладения; потерпевшая А. достигла 74 лет, перенесла инсульт и передвигалась с палочкой [14].
- беспомощность состояла в том, что 63-летний К. (суд называет престарелым) имел хроническое психическое заболевание и не мог свободно передвигаться [15].
- в силу своего возраста и состояния здоровья (старческой деменции) погибшая М. не могла оказывать активное сопротивление и в момент совершения преступления находилась в заведомо для осужденного беспомощном состоянии [20].

Наиболее интересная позиция была выражена Девятым кассационным судом общей юрисдикции, который разграничил понятия беспомощного состояния и престарелого возраста: «понятие «престарелый» не имеет четких возрастных критериев, отнесение семидесятилетнего возраста к престарелому без учета других данных о потерпевшей является безосновательным» [16]. Кроме того, суд указал, что при определении беспомощного состояния должны быть установлены конкретные особенности состояния здоровья потерпевшего, не позволяющие оказать активное сопротивление.

Соответственно отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «з» ч. 2 ст. 63 УК РФ, а именно совершение преступления в отношении незащищенного или беспомощного лица, не может применяться в случаях, когда потерпевшим выступает пожилой человек без иных критериев, связанных с состоянием его здоровья.

Данная конструкция ограничивает правоприменение и не отражает уголовно-правовую защиту пожилых граждан нашей страны. Высокая общественная опасность преступлений, совершенных в отношении пожилых людей, остается без законодательного закрепления.

Между тем, ранее уже предпринимались попытки законодательного ужесточения уголовной ответственности за преступления против лиц пожилого возраста путем внесения изменений в ст. 63 УК РФ, которые не были приняты:

- в отношении лица, достигшего 70-летнего возраста [8];
- в отношении лица, достигшего пенсионного возраста [9].

В обосновании второго проекта указывалось на повышенную доверчивость пожилых людей, их одиночество, недостаток общения, слабую информированность по ряду вопросов и на то, что их доля среди потерпевших от мошенничества составляет около 80%.

Кроме того, интересен отзыв ВС РФ по первому законопроекту, согласно которому отягчающее обстоятельство (достижение потерпевшим 70 лет) повлечет нарушение не только принципа равенства всех перед законом, но и принципа вины, в соответствии с которым объективное вменение не допускается.

Сама по себе такая позиция заслуживает отдельного рассмотрения, но включает противоречия с логикой усиления уголовной ответственности за преступления, совершенные в отношении малолетнего.

Вместе с тем, рядом авторов предлагаются следующие варианты изменения ст. 63 УК РФ в части уголовно-правовой защиты пожилых лиц: И.С. Кара и С.В. Кара – в отношении лиц, достигших шестидесятипятилетнего возраста [11]; Бирюковым И.И. – в отношении лиц, достигших 80 лет и имеющих инвалидность, заболевания, а также направленность умысла преступника на совершение деяния в отношении пожилого лица как субъекта, не способного оказать активное сопротивление [10].

Ввиду неясности в установлении отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 63 УК РФ, предпринималась попытка внести изменения непосредственно в ст. 159 УК РФ и усилить наказание за мошеннические действия в отношении пожилых людей, достигших 70 летнего возраста (путем дополнения ч. 3 и ч. 4 данным пунктом) [7]. Обосновывался проект тем, что пожилые люди – наиболее незащищенная и уязвимая часть общества, сами же преступники рассчитывают на доверчивость престарелых людей, которые также не станут в силу обращаться в пра-

воохранительные органы, тяжело переживают последствия преступления. Однако, проект был отклонен в связи с тем, что возраст формальный признак, и он не может сам по себе свидетельствовать о беспомощности и беззащитности лица, поскольку данные категории уже предусмотрены в ст. 63 УК РФ. Выводы при отклонении являлись поверхностными, а само решение привело к тому, что уже свыше 10 лет пожилые граждане нашего государства чаще всего становятся желанной целью для мошенников.

Обращаясь к законодательству дружественных зарубежных стран, находим противоположные взгляды на защиту лиц пожилого возраста.

Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 64 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) отягчающим обстоятельством является совершение преступления против заведомо малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии [3]. Тем самым устанавливается тождество между данными категориями, чего нет в уголовном праве Российской Федерации, и что бесспорно отрицается органами власти.

Вместе с тем, в Республике Беларусь под престарелым понимается лицо, которое на день совершения преступления достигло возраста семидесяти лет (ст. 4 УК РБ), одновременно данная формулировка используется в качестве квалифицирующего признака для описания диспозиций убийства (139 УК РБ), умышленного причинения тяжкого (147 УК РБ), менее тяжкого телесного повреждения (149 УК РБ) и истязания (154 УК РБ). К сожалению, мошенничество (ст. 209 УК РБ) не получило аналогичного признака.

В Китайской Народной Республике действует Закон о защите прав и интересов пожилых людей от 29.08.1996 (пересмотр от 28.12.2012), определяющий пожилого человека как лицо, достигшее 60 лет [5]. Дистанционное мошенничество в КНР подпадает под ст. 266 Уголовного кодекса КНР (далее – УК КНР) [2], при этом определения мошенничеству не дается, оно понимается на интуитивном уровне как обман при завладении имуществом. Для конкретизации состава преступления, предусмотренного ст. 266 УК КНР, 08.04.2011 Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура КНР (далее – ВНС/ВНП КНР) выпустили толкования (разъяснения) по ряду вопросов, связанных с конкретным применением закона при рассмотрении уголовных дел о мошенничестве [21]. В данном документе отягчающими и особо отягчающими обстоятельствами (квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками) определено совершение мошеннических действий в отношении инвалидов, пожилых и нетрудоспособных лиц. Разъясне-

ния ВНС/ВНП и Министерства общественной безопасности (далее – МОБ) по ряду вопросов, касающихся применимого законодательства при рассмотрении уголовных дел, таких как мошенничество в телекоммуникационных сетях от 2016 и 2022 годов [17] подтвердили необходимость назначения более сурового наказания мошенников, совершивших с помощью телекоммуникационных сетей хищение имущества пожилых лиц (по ст. 266 УК КНР).

В зависимости от размера причиненного ущерба дистанционные мошенники в Китае могут быть приговорены к лишению свободы на срок от 3 до 10 лет (при крупном размере хищения), от 10 лет вплоть до пожизненного лишения свободы (при особо крупном хищении).

Уголовная ответственность за дистанционное мошенничество в Бразилии регламентирована ст. 171 Уголовного кодекса Бразилии [1], согласно которой мошенничество с использованием телекоммуникационных технологий наказывается лишением свободы на срок от 4 до 8 лет и штраф 500 тыс. реалов. При этом если преступление совершено против пожилых или уязвимых лиц, то наказание увеличивается минимум на одну треть и максимум до двухкратного размера.

Таким образом, дистанционному мошеннику с использованием телекоммуникационных технологий против пожилого гражданина Бразилии может максимально грозить до 16 лет лишения свободы и штраф до 1 млн реалов (примерно 14 млн руб. по курсу ЦБ России).

Пожилым человеком в Бразилии согласно Закону № 10.741/2003 (Статут о пожилых) [4] признается лицо, достигшее возраста 60 лет. Одновременно ст. 61 УК Бразилии предусматривает в качестве отягчающего наказания обстоятельства совершения преступления против пожилого лица.

На фоне представленного зарубежного опыта правового регулирования уголовно-правовая защита пожилых в Российской Федерации, в частности от дистанционных мошенничеств, фактически отсутствует. Позиция ВС РФ и органов власти относительно ранее внесенных законопроектов о введении конкретного возраста пожилого человека в перечень отягчающих обстоятельств и в состав квалифицирующих признаков мошенничества имеют слабую аргументацию, а отказ в принятии изменений вероятно связан с политическими разногласиями с их инициаторами. Между тем, ссылка на наличие отягчающего наказания обстоятельства в виде «беспомощности» и «беззащитности» не отражает реальную уголовно-правовую защиту. Данные категории носят оценочный и неконкретный характер, то есть не подлежат к применению ко всем пожилым лицам, а при установлении таких обстоятельств ужесточение нака-

зания будет зависеть только от воли суда, ведь в законодательстве конкретные меры по усилению ответственности не регламентированы.

Для решения имеющей правовой проблемы и обеспечения реальной уголовно-правовой защиты пожилых людей от дистанционных мошенничеств (с целью превенции их совершения и назначению справедливого наказания) в ст. 159 УК РФ следуют внести изменения, дополнив ч. 8 и ч. 9, а также примечанием 3 следующего содержания:

«ч. 8 – деяния, предусмотренные частями второй и третьей, совершенные в отношении заведомо пожилого лица;

наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом в размере от ста тысяч рублей до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет.»

«ч. 9 – деяния, предусмотренные частью четвертой, совершенные в отношении заведомо пожилого лица;

наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет со штрафом в размере от пятисот тысяч рублей до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет.»

«Примечания: 3. Пожилыми лицами в настоящей статье признаются мужчина, достигший шестидесятипятилетнего возраста, и женщина, достигшая шестидесятилетнего возраста, на момент совершения преступления».

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Бразилии // Режим доступа: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto-lei/del2848compilado.htm (дата обращения: 10.04.2025). 2.
- [2] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики // Режим доступа: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614_090.htm (дата обращения: 20.06.2025).
- [3] Уголовный кодекс Республики Беларусь // Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 20.06.2025).
- [4] Закон № 10.741/2003 (Статут о пожилых) // Режим доступа: https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/530232/estatuto_do_idoso_1ed.pdf (дата обращения: 20.06.2025).
- [5] Закон о защите прав и интересов пожилых людей от 29.08.1996 (пересмотр от 28.12.2012) // Режим доступа: https://www.gov.cn/flfg/2012-12/28/content_2305570.htm (дата обращения: 20.06.2025).
- [6] Приказ Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст об утверждении Национального стандарта Российской Федерации. «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» (ред. от 17.10.2013) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2025).
- [7] Проект Федерального закона № 436314-6 «О внесении изменений в статью 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.01.2014) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2025).
- [8] Проект Федерального закона № 188746-7 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.05.2017) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2025).
- [9] Проект Федерального закона № 958905-7 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 19.05.2020) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2025).
- [10] Бирюков И.И. Уголовно-правовые механизмы обеспечения безопасности пожилых лиц // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 6. С. 102 - 115.
- [11] Кара И.С., Кара С.В. Перспективы признания повышенной ответственности за преступления, совершенные в отношении пожилых лиц, в международном и российском законодательстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 6. С. 20 - 25.
- [12] Кауфман М.А. Возрастные признаки потерпевшего: дискуссионные аспекты уголовно-правовой регламентации // Уголовное право. 2015. № 4. С. 19 - 26.
- [13] Шикун И.Р. К вопросу виктимологической профилактики преступного насилия в отношении лиц пожилого возраста // Российский следователь. 2013. № 8. С. 42 - 44.
- [14] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.02.2019 N 19-АПУ19-1 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2025).
- [15] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.11.2017 N 82-АПУ17-11 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2025).
- [16] Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2023 № 77-172/2023 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2025).
- [17] Мнения Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры и Министер-

ства общественной безопасности КНР по ряду вопросов, касающихся применимого законодательства при рассмотрении уголовных дел, таких как мошенничество в телекоммуникационных сетях (1) <https://www.chinalawtranslate.com/opinions-on-telecom-network-fraud/> (дата обращения: 20.06.2025).

[18] Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, за 2024 год, Банк России // Режим доступа: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 15.04.2025).

[19] Обзор по результатам анализа эффективности работы органов предварительного следствия ГУ МВД России по г. Москве по раскрытию и расследованию уголовных дел общеуголовной направленности о преступлениях, совершенных дистанционным способом по итогам 2024 года // архив ГУ МВД России по г. Москве.

[20] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2022 N 77-3794/2022 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2025).

[21] Толкования Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры по ряду вопросов, связанных с конкретным применением закона при рассмотрении уголовных дел о мошенничестве (от 08.04.2011) // Режим доступа: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/237391917228c62a82943bc9c9af1c.html> (дата обращения: 20.06.2025).

[22] Официальная статистика Росстата: численность населения Российской Федерации (по состоянию на 10.07.2024) // Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 01.06.2025).

[23] Состояние преступности в России (январь-декабрь 2024 года) ФКУ «ГИАЦ» МВД России // Режим доступа: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 15.04.2025).

References:

[1] Brazilian Penal Code//Access mode: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto-lei/del-2848compilado.htm (date of appeal: 10.04.2025). 2.

[2] Criminal Code of the People's Republic of China//Access regime: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614_090.htm (date of appeal: 20.06.2025).

[3] Criminal Code of the Republic of Belarus//Access regime: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (date of appeal: 20.06.2025).

[4] Law No. 10.741/2003 (Statute on the Elderly) //Access mode: https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/530232/estatuto_do_idoso_1ed.pdf (date of appeal: 20.06.2025).

[5] The Law on the Protection of the Rights and Interests of Older Persons from 29.08.1996 (revision of 28.12.2012) //Access mode: https://www.gov.cn/flfg/2012-12/28/content_2305570.htm (date of appeal: 20.06.2025).

[6] Order of Rostekhnregulirovanie No. 532-st dated 30.12.2005 on approval of the National Standard of the Russian Federation. "Social service of the population. Terms and definitions" (rev. from 17.10.2013) //Access mode: SPS "ConsultantPlus" (contact date: 10.06.2025).

[7] Draft Federal Law No. 436314-6 "On Amendments to Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 24.01.2014) //Access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 10.06.2025).

[8] Draft Federal Law No. 188746-7 "On Amending Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 30.05.2017) //Access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 15.06.2025).

[9] Draft Federal Law No. 958905-7 "On Amending Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 19.05.2020) //Access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 15.06.2025).

[10] Biryukov I.I. Criminal legal mechanisms for ensuring the safety of older persons//Current problems of Russian law. 2024. № 6. S. 102-115.

[11] Kara I.S., Kara S.V. Prospects for recognizing increased responsibility for crimes committed against older persons in international and Russian law//International criminal law and international justice. 2020. № 6. S. 20-25.

[12] Kaufman M.A. Age characteristics of the victim: debatable aspects of criminal law regulation//Criminal law. 2015. № 4. S. 19-26.

[13] Shikula I.R. On the issue of victimological prevention of criminal violence against the elderly//Russian investigator. 2013. № 8. S. 42-44.

[14] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.02.2019 N 19-APU19-1//Access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 10.06.2025).

[15] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.11.2017 N 82-APU17-11//Access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 10.06.2025).

[16] Cassation ruling of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 07.02.2023 No. 77-172/2023//Access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 10.06.2025).

[17] Opinions of the Supreme People's Court, the Supreme People's Prosecutor's Office and the Ministry of Public Security of the People's Republic of China on a number of issues related to applicable law in criminal cases, such as fraud in telecommunications networks (1) <https://www.chinalawtranslate.com/opinions-on-telecom-network-fraud/> (date of appeal: 20.06.2025).

[18] Review of transactions performed without the voluntary consent of clients of financial institutions in 2024, Bank of Russia//Access mode: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (circulation date: 15.04.2025).

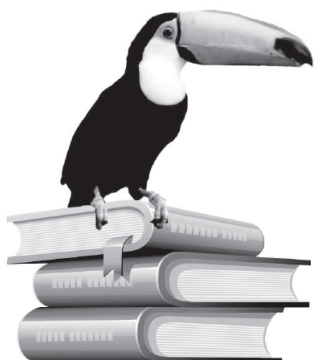
[19] Review based on the results of the analysis of the effectiveness of the preliminary investigation bodies of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow for the disclosure and investigation of criminal cases of a general criminal nature about crimes committed remotely following the results of 2024//archive of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow.

[20] Determination of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction of 26.07.2022 No. 77-3794/2022//Access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 10.06.2025).

[21] Interpretations of the Supreme People's Court and the Supreme People's Prosecutor's Office on a number of issues related to the specific application of the law in criminal cases of fraud (from 08.04.2011) //Access mode: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/237391917228c62a82943bc9c9af1c.html> (date of appeal: 20.06.2025).

[22] Official statistics of Rosstat: population of the Russian Federation (as of 10.07.2024) //Access mode: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed on: 01.06.2025).

[23] State of crime in Russia (January-December 2024) PKU "GIAC" of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Access mode: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (date of contact: 15.04.2025).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-551-554

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ЛАЙКОВА Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
к.ю.н., доцент Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»,
e-mail: elena-lajkova@yandex.ru

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ И (ИЛИ) ОБОРОТОМ ПОДДЕЛЬНЫХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПО ПРИЗНАКАМ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа действующего уголовного законодательства рассматриваются проблемные аспекты квалификации преступлений, связанных с фальсификацией и (или) оборотом поддельных официальных документов, обусловленные особенностями субъективной стороны. Автор, считает, что точная квалификация преступлений, связанных с подделкой и оборотом фальшивых официальных документов, с учетом особенностей субъективной стороны, позволит суду вынести справедливый приговор. При этом будут учтены все обстоятельства, связанные со статусом и личностью виновного.

Ключевые слова: квалификация, субъективная сторона, должностное лицо, мотив, цель, сбыт, подделка, документ.

LAJKOVA Elena Aleksandrovna,
Associate Professor of the Department of Criminal
Law and Criminology, PhD in Law, Associate Professor
Federal State State-Owned Educational Institution of Higher
Education "East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation"

QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE FRAUDULENT FORGING AND (OR) CIRCULATION OF FRAUDULENT OFFICIAL DOCUMENTS, BASED ON SUBJECTIVE CHARACTERISTICS

Annotation. This article analyzes the current criminal legislation and examines the problematic aspects of the qualification of crimes related to the falsification and (or) circulation of forged official documents, which are caused by the specific features of the subjective side. The author believes that accurate qualification of crimes related to the falsification and circulation of forged official documents, taking into account the specific features of the subjective side, will allow the court to issue a fair verdict. This will take into account all the circumstances related to the status and personality of the perpetrator.

Key words: qualification, subjective aspect, official, motive, purpose, sale, forgery, document.

Государственное и иное управление сложно представить без официального документооборота. Документооборот обеспечивает реализацию управленческих решений, процесс административного взаимодействия между разными субъектами государственных и общественных отношений. Официальный документооборот упорядочивает процедурные

вопросы взаимоотношения властных структур с гражданами и организациями. Он может быть забюрократизирован, а может быть упрощен, переведен в электронный и дистанционный формат. Но в любом случае, официальный документооборот как необходимый инструмент системы государственного управления подлежит уголовно-правовой защите.

Официальный документооборот призван фиксировать (юридически закреплять, документировать) юридические факты и события. Многие из этих фактов представляют права, освобождают от обязанностей. Обладание какими-либо благами, освобождение от обязанностей лежат в основе мотивов преступлений, связанных с оборотом поддельных документов.

Подделка документов как самостоятельное преступление является спутником государственного аппарата с древнейших времен. Конечно же в ранние периоды развития человеческой цивилизации какие-либо документы воспринимались многими людьми как символ государственной и даже божественной власти. Это было связано с такими факторами, как неграмотность населения, недоступностью письменных источников, восприятием читающего человека как образованного и умного, приближенного к чему-то запредельному для обычного человека. Письменные источники воспринимались как по-особому, как истина в последней инстанции. Написанное в документе по мнению людей не могла быть ложью. Именно эту особенность учитывали криминальные личности, подделывая какие-либо документы – грамоты, письма, паспорта и пр., преследуя свои корыстные цели.

При конструировании статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее-УК РФ) законодатель предусмотрел указание специальных признаков субъективной стороны преступления. Это решение направлено на подчеркивание того факта, что данное преступление совершается исключительно умышленно. Таким образом, основной акцент сделан именно на форме вины, которая должна носить исключительно прямой характер.

По определению В. Н. Кудрявцева, субъективная сторона преступления представляет собой своеобразную «форму» объективной стороны в психике субъекта. Она содержит умственное и волевое отношение лица к совершаемому им деянию и его последствиям (вина), цели и мотивы его деятельности, а также эмоциональное состояние, характеризующее его психику в момент совершения преступления.[1]

Главным показателем субъективной стороны преступления является вина – психическое отношение лица к совершаемому им действию и его последствиям.

Субъективная сторона преступлений, связанных с фальсификацией и использованием поддельных документов, представляет собой сложную совокупность психических процессов, отражающих внутреннее отношение виновного к совершаемому деянию и их последствиям. В подавляющем большинстве случаев данные пре-

ступления совершаются с умыслом, который может быть, как прямым, так и косвенным. Наличие этих специальных признаков субъективной стороны является обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ. Отсутствие умысла исключает состав преступления.

Важно подчеркнуть, что умысел формируется в зависимости от степени осознания субъектом противоправного характера своих действий и предвидения возможных последствий. При этом психологическая направленность действий субъекта играет ключевую роль в квалификации данных преступлений, так как она позволяет выявить истинные мотивы и цели преступного поведения, что, в свою очередь, оказывает влияние на определение степени общественной опасности совершенного деяния. Как отмечает, Букалерева Л.А., умысел виновного может ограничиваться желанием использовать документ для приобретения права или освобождения от обязанности, поэтому осознание субъектом причинения вреда официальному документообороту и, следовательно, порядку управления не входит в содержание волевого элемента прямого умысла.[2]

При наличии прямого умысла лицо осознает общественно опасный характер своих действий, понимает, что документ является поддельным, и целенаправленно стремится к его использованию, распространению или передаче. Данный вид умысла характеризуется четкой ориентацией на достижение конкретного результата, который, как правило, связан с получением материальной выгоды, обходом законодательных ограничений или обманом государственных органов.

Например, передача поддельного диплома с целью трудоустройства или сбыт фальшивого удостоверения личности для получения определенных преференций свидетельствуют о наличии прямого умысла, так как субъект осознанно стремится к достижению противоправной цели. Более того, в подобных ситуациях виновное лицо не только предвидит последствия своих действий, но и сознательно их желает, что усиливает степень общественной опасности содеянного.

В отличие от прямого, косвенный умысел характеризуется иным внутренним отношением субъекта к возможным последствиям своих действий. В данном случае лицо допускает вероятность наступления негативных последствий, однако не стремится к их обязательному достижению. Косвенный умысел предполагает, что виновный осознает возможность причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям, но относится к наступлению этих последствий безразлично или сознательно их допускает.

Например, если лицо принимает сомнительный документ, не предпринимая должных мер для проверки его подлинности, но при этом осознает вероятность его фальсификации и возможных негативных последствий, это свидетельствует о наличии косвенного умысла. Важно отметить, что косвенный умысел может иметь место в случаях, когда лицо действует с уверенностью в маловероятности наступления общественно опасных последствий, однако игнорирует возможность их возникновения, что создает значительные риски для правопорядка. Проанализировав судебную практику пришли к выводу, что преступления, предусмотренные ст. 327 УК РФ, могут совершаться только с прямым умыслом, так как в данной норме закреплена специальная цель в виде использования или сбыта.

Цель и мотивы преступлений, связанных с фальсификацией и оборотом поддельных документов, представляют собой важнейшие элементы субъективной стороны, которые позволяют более глубоко понять намерения преступника и оценить степень общественной опасности деяния.

Под мотивом действий понимаются такие побуждения, руководствуясь которыми лицо совершает преступление. Несколько десятилетий назад в отечественной науке уголовного права в определении мотива постоянно подчеркивалось, что таковым является сознание побуждение. Иными словами, мотив рождается из потребностей и в определенной мере способствует формированию цели, а цель вместе с мотивом порождают желание определенным способом добиться желаемого результата.[3].

Вопрос о роли мотива в уголовном праве является предметом научных дискуссий среди юристов и криминологов. Действительно, многие исследователи подчеркивают значимость мотивации преступника для понимания природы совершенного деяния и целей, которые преследовал субъект преступления. Некоторые специалисты считают, что мотив должен учитываться при назначении ответственности наряду с целью преступления. Это связано с тем, что одно и то же деяние может иметь различную социальную опасность в зависимости от мотивов его совершения.

Например, кража из-за нужды в еде существенно отличается от хищения с целью наживы.

Так, В.С. Постников акцентирует внимание на важности исследования тех мотивов, которые легли в основу формирования преступной цели использования поддельного документа. К ним автор относит, в частности, корыстные мотивы; мотивы, связанные с изменением служебного или общественного положения; направленные на совершение иного правонарушения и т. п.[4]

Однако существует и противоположная позиция, согласно которой мотив играет вспомогательную роль и не подлежит обязательному установлению в рамках уголовного процесса. Сторонники этой точки зрения утверждают, что установление мотива усложняет процесс доказывания и создает дополнительные трудности для следствия и суда.

Цель преступлений данной категории, как правило, заключается в получении незаконных преимуществ, материальной выгоды или уклонении от ответственности. В ряде случаев она может быть направлена на создание фиктивных условий для реализации определенных прав, получения льгот или легитимации незаконной деятельности.

Например, использование поддельных документов в процессе миграции, с целью получения гражданства или статуса беженца, преследует цель обойти установленные законом процедуры, что формирует особую опасность для правопорядка и государственной безопасности.[5]

Гражданин Д., будучи осведомленным о порядке приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования, с целью зачисления своего несовершеннолетнего ребенка в первый класс познакомился по интернету с неустановленным лицом для приобретения подложного официального документа (изготовленного другим лицом) – свидетельства о регистрации по месту пребывания в целях его последующего использования. Противоправные действия гражданина Д. по приобретению иного официального документа были квалифицированы только по ч. 3 ст. 327 УК РФ¹.

Анализ ст. 327 УК РФ, показал, что цель выступает в качестве обязательного признака и имеет следующие виды:

1. цель использования поддельных официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, штампов, печатей, бланков (чч. 1–3);

Пример, гр. Б., являясь исполняющей обязанности начальника муниципального унитарного предприятия «Восходненское производственное управление по жилищно-коммунальному хозяйству», осознавая общественную опасность своих действий, посягающих на общественные отношения, регламентирующие установленный законом порядок обращения документов, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий, влекущих нарушение порядка проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, и желая их наступления, с целью заключения договора на управле-

¹ Приговор Промышленного районного суда г. Самары от 04.08.2017г. № 1-330/2017 // Архив Промышленного районного суда г. Самары.

ние, содержание и ремонт многоквартирного дома с ООО УК «Авангард», при помощи компьютерно-принтерной техники изготовила и распечатала протокол №1 внеочередного общего собрания собственников помещений в многоквартирном жилом доме, внося в него заведомо ложные сведения о результатах голосования по повестке дня от 01.07.2017, не имеющего места в действительности, согласно которого было принято решение о заключении договора на управление, содержание и ремонт многоквартирного дома с ООО УК «Авангард»¹.

2. цель сбыта приобретенных, хранимых или перевозимых предметов преступления (ч. 3).

Пример, гр. П, не имея права управления транспортным средством, испытывая необходимость наличия водительского удостоверения, требующегося ему для управления автомашиной, то есть предоставляющего ему право управления транспортным средством и освобождающего от административной ответственности за управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством, с целью использования заведомо поддельного документа - водительского удостоверения, умышленно, то есть, осознавая преступность и наказуемость своих действий, у неуполномоченного лицом, приобрел поддельное водительское удостоверение серии и № категорий «В. В1, М» (со сроком «действительного» пользования до 20.12.2029 года), которое стал использовать для придания факта законности управления транспортными средствами².

3. цель совершения преступления на территории Российской Федерации либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

Пример, гр. Л имея умысел на использование поддельного официального документа, предоставляющего права, находясь в помещении отдела по прямым продажам пожарных извещателей, действуя умышленно, осознавая противоправность своих действий, незаконно изготовил поддельное удостоверение «пожарного эксперта», с целью его дальнейшего использования для облегчения совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ «Мошенничество»,

то есть завладения чужим имуществом путем обмана³.

На основании изложенного, изучив субъективные признаки рассматриваемых составов преступления, приходим к следующим основным выводам.

1. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, совершается только с прямым умыслом.

2. Цель «сбыт, использование» является обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ.

Список литературы:

- [1] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 8–10.
- [2] Букалерева Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.И. Пикурова. М., 2006. С. 248–249
- [3] Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам // СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 138.
- [4] Постников В.С. Уголовная ответственность за подделку, изготовление, сбыт и использование подложных документов, штампов, печатей, бланков. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 137–138.
- [5] Петрова, Е. С. Проблемы квалификации фальсификации документов в российском уголовном праве / Е. С. Петрова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 3. С. 90.

References:

- [1] Kudryavcev V. N. Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenij. M., 1972. S. 8–10.
- [2] Bukalereva L.A. Uголовно pravovaya okhrana oficial'nogo informacionnogo oborota / Pod red. V.S. Komissarova, N.I. Pikurova. M., 2006. S. 248–249
- [3] Rarog A.I. Kvalifikatsiya prestuplenij po subektivnym priznakam // SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2002. → S. 138.
- [4] Postnikov V.S. Uголовnaya otvetstvennost' za poddelku, izgotovlenie, sbyt i ispol'zovanie podlozhnykh dokumentov, shtampov, pechatej, blankov. Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1990. S. 137–138.
- [5] Petrova, E. S. Problemy kvalifikatsii fal'sifikatsii dokumentov v rossijskom uголовnom prave / E. S. Petrova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. → 2022. → № 3. → S. 90.

¹ Приговор Красногвардейского районного суда (Республика Крым) от 27.02. 2018 г. № 1-20/2018 // Архив Красногвардейского районного суда (Республика Крым)

² Приговор Читинского районного суда (Забайкальский край) от 25. 02. 2022 г. № 1-141/2022 от 25 февраля 2022 г. // Архив Читинского районного суд (Забайкальский край)

³ Приговор Давлекановского районного суда (Республика Башкортостан) от 29.05.2020 г. № 1-80/2020 // Архив Давлекановского районного суда (Республика Башкортостан).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.08.2025 г
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-555-559

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ВОПРОСЫ ПОДБОРА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ В РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В процессе психокоррекционной работы пенитенциарных психологов с лицами, с осужденными за преступления в экономической сфере, системно возникают проблемные вопросы, посвященные подбору и эффективному использованию психодиагностического инструментария в работе с ними. Аспект профессиональной компетенции пенитенциарных психологов определяет актуальность подбора (выбора) действительно актуальных, эффективных и валидных психодиагностических методик, необходимых для работы именно с такой категорией осужденных, как осужденные за совершение преступлений в экономической сфере.

Цель статьи – формирование профессионального подхода, способствующего определению подбора и эффективного использования психодиагностического инструментария в работе с осужденными за преступления в экономической сфере.

Достижению обозначенной цели способствуют соответствующие задачи, к числу которых относятся следующие: формирование блок-схемы эргатической системы деятельности лиц, совершивших преступления в экономической сфере; определение выводов по факту изучения разработанной эргатической системы в отношении подбора психодиагностического инструментария для проведения психодиагностики; осуществление подбора психодиагностического инструментария для проведения психодиагностики лиц, совершивших преступления в экономической сфере.

Методический инструментарий, используемый в исследовании: анализ, индукция, синтез, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Рабочие гипотезы исследования: выбор психодиагностического инструментария для проведения психодиагностики лиц, совершивших преступления в экономической сфере, определяет необходимость формирования представления об эргатической системе; эргатическая система способствует формированию направленной и многоаспектной модели, определяющей большинство аспектов криминального поведения; результаты анализа эргатической системы определяют необходимость изучения рассматриваемой категории осужденных на уровне семантических категориальных структур.

Результаты исследования способствуют разрешению ряда вопросов по подбору и использованию психодиагностического инструментария в работе с осужденными за преступления в экономической сфере. В частности, решен вопрос о необходимости изучения рассматриваемой категории осужденных на уровне семантических категориальных структур.

Ключевые слова: компетентность психолога, психодиагностический инструментарий, работа с осужденными, экономические преступления, психокоррекция.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher
FKU Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia

ISSUES OF SELECTION AND USE OF PSYCHODIAGNOSTIC TOOLS IN WORK WITH THOSE CONVICTED OF CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE

Annotation. *In the process of psychocorrectional work of penitentiary psychologists with persons convicted of crimes in the economic sphere, problematic issues arise systematically, dedicated to the selection and effective use of psychodiagnostic tools in working with them. The aspect of professional competence of penitentiary psychologists determines the relevance of the selection (choice) of really relevant, effective and valid psychodiagnostic methods necessary for working with such a category of convicts as those convicted of committing crimes in the economic sphere.*

The purpose of the article is to develop a professional approach that helps to determine the selection and effective use of psychodiagnostic tools in working with persons convicted of crimes in the economic sphere.

The achievement of the designated goal is facilitated by the corresponding tasks, which include the following: the formation of a block diagram of the ergatic system of activity of persons who have committed crimes in the economic sphere; determination of conclusions based on the fact of studying the developed ergatic system in relation to the selection of psychodiagnostic tools for psychodiagnostics; implementation of the selection of psychodiagnostic tools for psychodiagnostics of persons who have committed crimes in the economic sphere. The methodological tools used in the study: analysis, induction, synthesis, deduction, interview, analysis of the practice of organizing educational work, generalization, observation, etc.

Working hypotheses of the study: the choice of psychodiagnostic tools for conducting psychodiagnostics of persons who have committed crimes in the economic sphere determines the need to form an idea of the ergatic system; the ergatic system contributes to the formation of a targeted and multi-aspect model that determines most aspects of criminal behavior; the results of the analysis of the ergatic system determine the need to study the considered category of convicts at the level of semantic categorical structures.

The results of the study help resolve a number of issues related to the selection and use of psychodiagnostic tools in working with convicts for crimes in the economic sphere. In particular, the issue of the need to study the considered category of convicts at the level of semantic categorical structures has been resolved.

Key words: *competence of a psychologist, psychodiagnostic tools, work with convicts, economic crimes, psychocorrection.*

Введение. При подборе психодиагностического инструментария (батареи тестовых методик) с целью проведения диагностики лиц, совершивших преступления в экономической сфере, необходимо сформировать представление об их криминальном анамнезе (прошлой криминальной жизни) в формате эргатической системы [8, с. 281; 9, с. 708].

Эргатическая система включает в себя исключительно направленные и многоаспектные аспекты, к которым относится как сам исследуемый индивид, так и группы индивидов, определяющих большинство аспектов его криминального поведения, внешних условий и обстоятельств, способствующих закреплению его и табуирования отказа от уже закрепленного стереотипа деятельности [2, с. 35; 5, с. 76].

Гипотезы исследования:

подбор психодиагностического инструментария для проведения психодиагностики лиц, совершивших преступления в экономической сфере,

определяет необходимость формирования представления об их криминальном анамнезе (прошлой криминальной жизни) в формате эргатической системы;

представление в виде эргатической системы способствует формированию направленной и многоаспектной системы, в которую входит как сам исследуемый индивид, так и группы индивидов, определяющих большинство аспектов его криминального поведения, внешних условий и обстоятельств.

реализация детального анализа рассматриваемой нами эргатической системы определяет необходимость изучения рассматриваемой категории осужденных на уровне семантических категориальных структур.

Цель статьи является формирование эргатической системы, способствующей определению подбора и эффективного использования психодиагностического инструментария в работе с осужденными за преступления в экономической сфере.

Задачи статьи:

осуществление подбора психодиагностического инструментария для проведения психодиагностики лиц, совершивших преступления в экономической сфере;

разработка блок-схемы эргатической системы деятельности лиц, совершивших преступления в экономической сфере;

формирование выводов по факту изучения разработанной эргатической системы в отношении подбора психодиагностического инструментария для проведения психодиагностики лиц, рассматриваемой категории.

К числу **методов, методик**, использованных в исследовании, относятся: анализ, индукция, синтеза, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

Для понимания сущности использования психодиагностических средств изучения лиц,

совершивших преступления в экономической сфере следует представить предшествующее криминальное поведение этих лиц, в виде некой эргатической системы [6, с. 8; 7, с. 26].

Она включает в себя исключительно направленную и многоаспектную систему, в которую входит как сам исследуемый индивид, так и группы индивидов, определяющих большинство аспектов его криминального поведения, внешних условий и обстоятельств, способствующих закреплению его и табуирования отказа от уже закрепленного стереотипа деятельности. Система включает также и свою внутреннюю среду, средства деятельности индивида и предмет, на который направлена деятельность индивида.

В упрощенном виде блок-схема эргатической системы любого вида человеческой деятельности представлена на *рисунке 1*.

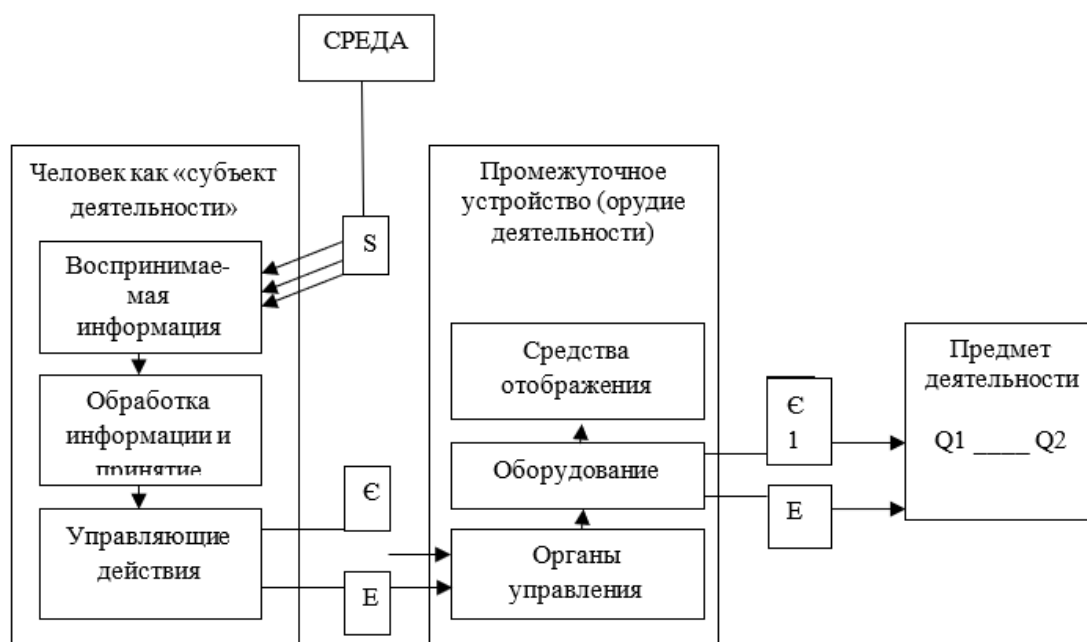

Рисунок 1. Блок-схема эргатической системы человеческой деятельности

Содержание рисунка 1 определяет, что Q_2 – это субъективная модель состояния модель предмета деятельности, т.е. цель работы, а в нашем контексте – получение определенных материальных средств, добытых преступным путем.

Q_1 является исходным состоянием, когда имеющиеся средства составляют так называемый «стартовый капитал», затрачиваемый на необходимые предварительные действия (подкуп, оформление необходимых для преступных дей-

ствий документов, наем сотрудников, аренда помещения и т.д.).

€ – это информационные и Е – это, соответственно, иные средства воздействия непосредственно на объект мошеннических или иных махинаций. S – это восприятие различной информации через сигналы предмета деятельности, объекта манипуляций и среды.

Соответственно, человек в рассматриваемой системе выступает в роли управляющего цен-

трового звена [1, с. 43; 3, с. 46; 4, с. 33]. В соответствии с определенной им, либо группой лиц цели, а также существующими условиями деятельности (прогноз результата, возможные риски и препятствия), индивид формирует план деятельности (стратегия, программа) для реализации сформулированной цели.

Посредством управления промежуточным устройством (орудием деятельности), а также оперируя предметом своей деятельности человек осуществляет управление системой. Обратная связь (сигналы) функционирования системы, направленная на реализацию преступного замысла в сфере экономических правонарушений, постоянно воспринимаются человеком и дают ему возможность вносить определенные поправки [5, с. 77].

Естественно, сам человек в эргатической системе является центральным управляющим звеном. На основе сформулированной им (или поставленной другим человеком, группой лиц) цели деятельности и воспринимаемой информации о внешних условиях и возможных выгодах человек прогнозирует результат деятельности и определяет программу (план, стратегию) действий для достижения запланированного результата.

Через органы управления – орудия деятельности или путем непосредственного воздействия на предмет деятельности он управляет всей системой. Сигналы, отображающие работу системы, направленные на реализацию преступного замысла в сфере экономических правонарушений, постоянно воспринимаются человеком и дают ему возможность вносить определенные поправки.

При рассмотрении работы эргатической системы требует пояснение и понятие «среда», которая своим воздействием не только может провоцировать совершение противоправного деяния, но и препятствует прекращению такой деятельности, даже тогда, когда сам преступник начинает понимать абсурдность или возникшую опасность продолжения своей деятельности (накопленные материальные средства уже некуда тратить, невозможно легализовать, появились явные признаки разоблачения и т.д.).

В то же время категориальные структуры индивидуального сознания как таковые самим индивидом, как правило, не осознаются и не рефлексированы. Обстановочная и пусковая афферентация стимулов, доминирующая мотивация, самооправдательные механизмы, позволяющие принимать определенные решения через реализацию программы преступного поведения и акцептор результата действия порождают обстоятель-

ства, которые не могут быть выявлены, как показала практика, стандартным психолого-диагностическим инструментарием (анкетами, тестами, опросниками).

Личность, совершающая преступления в сфере экономической деятельности, более сложна в когнитивном и других отношениях, чем, например, «обычный» убийца, насильник, хулиган. Для занятий, например, фишингом (получение обманным путем личных идентификационных данных), скиммингом (копирование данных банковских карт в целях создания их дубликатов), фармингом (распространение на компьютерах вредоносных программ), создание сложных схем «отмывания» денег и т.д., требуется значительно больше знаний, интеллектуальных усилий, чем простой отъем денег у прохожих в темном переулке с применением физической силы или убийство в пьяной драке.

Поэтому исследования на уровне семантических категориальных структур у данной категории осужденных представляется наиболее перспективным направлением современной психологической диагностики.

Рекомендуемыми нами психолого-диагностическими методами исследования семантического пространства являются: многофакторные матрицы категориальных структур сознания, тест Рокича, личностный опросник Кеттелла «А». Эти психодиагностические методики в едином взаимодополняющем блоке являются наиболее оптимальным решением выявления психокоррекционных мишеней для психокоррекционной работы с рассматриваемой в данной публикации категорией осужденных.

Выводы, заключение.

Подводя итоги проведенного исследования необходимо, прежде всего, определить, что, подбывая психодиагностический инструментарий (батареи тестовых методик) с целью проведения диагностики лиц, совершивших преступления в экономической сфере, целесообразно сформировать представление об их криминальном анамнезе (прошлой криминальной жизни) в формате эргатической системы.

Рассматриваемая эргатическая система включает в себя исключительно направленные и многоаспектные элементы, к которым относится как сам исследуемый индивид, так и группы индивидов, определяющих большинство аспектов его криминального поведения, внешних условий и обстоятельств, способствующих закреплению его и табуирования отказа от уже закрепленного стереотипа деятельности. Материалы статьи определяют, что детальный анализ рассматриваемой

эргатической системы определяет необходимость изучения рассматриваемой категории осужденных на уровне семантических категориальных структур.

Список литературы:

- [1] Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. – Москва: Апрель Пресс, ЭКСМО, 2000. 176 с.
- [2] Вилкова А.В. Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних // Уголовно – исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 34-38.
- [3] Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Агрессия и психическое здоровье. – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 2002. 464 с.
- [4] Змановская Е.В. Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. 352 с.
- [5] Кулакова С.В. Профессиональное выгорание психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: история феномена, анализ актуальной проблематики, направления профилактики // Педагогика и современное образование : Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования, Санкт-Петербург, 08 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2022. – С. 76-80.
- [6] Кровяков В.М. Психотравматология. Психическая травма, психогении в этиопатогенетических механизмах развития психических расстройств: монография. – Екатеринбург, 2006. С. 10.
- [7] Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. – М: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2003. 96 с.
- [8] Соколов В.А. Криминальная агрессия в контексте обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе : Сборник научных трудов II Национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 декабря 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2019. – С. 281-284.
- [9] Шмаонова Л.М. Возможности эпидемиологического метода и некоторые результаты попу-

ляционного исследования шизофрении // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1983. Т. 83, № 5. С. 707-716.

References:

- [1] Bandura A., Uolters R. Podrozkovaya agressiya. Izuchenie vliyaniya vospitaniya i semejnyh otnoshenij. – Moskva: Aprel' Press, EKSMO, 2000. 176 s.
- [2] Vilkova A.V. Prichiny, usloviya, predposylki, faktory vozniknoveniya i razvitiya deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih // Ugolovno – ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2018. № 2. S. 34-38. (In Russ.).
- [3] Dmitrieva T.B., Shostakovich B.V. Agressiya i psicheskoe zdorov'e. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr press, 2002. 464 s. (In Russ.).
- [4] Zmanovskaya E.V. Rybnikov V.Yu. Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy: Uchebnoe posobie. – Sankt-Peterburg: Piter, 2011. 352 s. (In Russ.).
- [5] Kulakova S.V. Professional'noe vygoranie psihologov ugolovno-ispolnitel'nyj sistemy Rossijskoj Federacii: istoriya fenomena, analiz aktual'noj problematiki, napravleniya profilaktiki // Pedagogika i sovremennoe obrazovanie : Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii aspirantov, soiskatelej, doktorantov, nauchnyh rukovoditelej, molodyh uchenyh, specializiruyushchihysya v oblasti obrazovaniya, Sankt-Peter'urg, 08 iyunya 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya, 2022. – S. 76-80. (In Russ.).
- [6] Krovlyakov V.M. Psihotravmatologiya. Psihicheskaya travma, psihogenii v etiopatogeneticheskikh mekhanizmah razvitiya psihicheskikh rasstrojstv: monografiya. – Ekaterinburg, 2006. S. 10. (In Russ.).
- [7] Semenyuk L.M. Psihologicheskie osobennosti agressivnogo povedeniya podrostkov i usloviya ego korrekcii. – M: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Flinta, 2003. 96 s. (In Russ.).
- [8] Sokolov V.A. Kriminal'naya agressiya v kontekste obespecheniya i zashchity prav, svobod i zakonnyh interesov nesovershennoletnih // Organy gosudarstvennoj vlasti v sisteme pravozashchitnoj deyatel'nosti na sovremennom etape : Sbornik nauchnyh trudov II Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 21 dekabrya 2018 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet tekhnologij upravleniya i ekonomiki, 2019. – S. 281-284. (In Russ.).
- [9] Shmaonova L.M. Vozmozhnosti epidemio-logicheskogo metoda i nekotorye rezul'taty populyacionnogo issledovaniya shizofrenii // Zhurnal nevropatologii i psihiatrii im. S.S. Korsakova. 1983. T. 83, № 5. S. 707-716. (In Russ.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-560-563

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт Федеральной
службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХИАТРИЯ КАК ПРАКТИКА ПРИЗНАНИЯ: ФИЛОСОФИЯ СУБЪЕКТНОСТИ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И РЕАБИЛИТАЦИИ

Аннотация. Статья предлагает философскую реконструкцию пенитенциарной психиатрии как практики признания, в которой клиническая истина согласуется с институциональной реальностью и ценностью человеческого достоинства. Вводится биопсихосоциокультурная рамка, связывающая онтологию психических расстройств, антропологию «тотального» института, эпистемологию клиничко-правовой диагностики и аксиологию медицинской помощи в условиях изоляции. Показано, что эволюционная интеграция доказательных клинических подходов (RNR) и ценностно-ориентированных моделей реабилитации (Good Lives Model) с отечественной традицией коллективного воспитания и труда повышает предсказуемость поведенческих исходов, усиливает субъектность осуждённого и укрепляет межведомственную преемственность.

Ключевые слова: пенитенциарная психиатрия, философия психиатрии, субъектность, признание, биопсихосоциокультурная модель, RNR, Good Lives Model, «тотальные институты», дуальная лояльность, биоэтика.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences,
Senior Researcher at FKU
Scientific Research Institute of the Federal
Penitentiary Service

PRISON PSYCHIATRY AS A PRACTICE OF RECOGNITION: A PHILOSOPHY OF AGENCY, RESPONSIBILITY, AND REHABILITATION

Annotation. This article reconstructs prison psychiatry as a practice of recognition aligning clinical truth with institutional reality and the value of human dignity. A biopsychosociocultural framework integrates the ontology of mental disorder, the anthropology of the total institution, the epistemology of clinical-legal diagnosis, and the axiology of care under conditions of confinement. We argue for an evolutionary integration of evidence-based approaches (RNR) and value-oriented rehabilitation models (Good Lives Model) with long-standing Russian traditions of collective education and labor, thereby strengthening agency, improving behavioral predictability, and enhancing inter-agency continuity.

Key words: prison psychiatry, philosophy of psychiatry, agency, recognition, biopsychosociocultural model, RNR, Good Lives Model, total institutions, dual loyalty, bioethics.

Введение. Пенитенциарная психиатрия существует в двойной сопряжённости клинической и юридической реальностей, где безопасность учреждения, правовые гарантии и биоэтика встречаются с индивидуальной уязвимостью пациента и задачей реабилитации. Биопсихосо-

циальная парадигма объединила биологические, психологические и социальные детерминанты расстройств [1], однако в условиях изоляции требуется дополнение культурно-антропологическим измерением: субкультура, ритуалы повседневности, статусные ожидания и «моральная архитек-

тура» тюремной жизни существенно модифицируют комплаенс и поведенческие исходы [2; 3; 12]. Философская перспектива здесь не роскошь, а инструмент практического разума: она задаёт язык, на котором можно согласовать клиническую необходимость с правом и достоинством, традицию с открытостью будущему, а терапевтическую цель — с институциональным порядком [5; 6; 10].

1. Историко-философская перспектива: нормальность, патология и наказание. Классические исследования тюремного порядка показывают, что лишение свободы перестраивает структуру повседневности и формирует специфические сценарии идентичности и взаимодействия [12; 16]. В медицине различие «нормального» и «патологического» не сводится к статистике; норма, по Кангильему, соотносится со способностью к нормативированию, то есть к творческому приспособлению [5]. В пенитенциарном контексте эта мысль приобретает особую остроту: устойчивость поведения и способность к самоорганизации становятся не только клинической, но и этико-правовой категорией. Отсюда требование концептуальной рамки, которая признаёт реальность болезни, учитывает средовые ограничения и не редуцирует человека к диагнозу или дисциплинарной роли [1; 5].

2. Онтология расстройства и института: совместная причинность и режимная реальность. Онтология пенитенциарной психиатрии подразумевает «двойную причинность»: симптомы и поведение со-формируются биологическими факторами, личностными установками и институциональной средой. Биопсихосоциокультурная модель фиксирует эту многослойность и вводит понятие «экологии лечения»: клиническая работа должна быть сопряжена с организацией труда, учёбы и признания достижений, обеспечивающих человеку опыт «новой роли», совместимой с режимными требованиями [1; 2; 6; 12]. Такая онтологическая установка предохраняет от как медицинского абсолютизма, так и от социологического редукционизма, где расстройство растворяется в «контексте» [5].

3. Эпистемология клиничко-правовой истины: феноменология, доказательства и риск. Диагноз в условиях изоляции — это пересечение феноменологического понимания переживания пациента и процедурно выверенной оценки риска. Феноменологическая чувствительность, на которой настаивал Ясперс, защищает от поспешных суждений там, где «факты» неотделимы от смысла [4]. Одновременно пенитенциарная практика требует стандартизации: шкалы риска само- и гетероагрессии, протоколы суицидологической оценки, документирование маршрутов помощи [2;

9]. Рамка RNR уравнивает индивидуальный смысл и статистическую валидность, связывая интенсивность вмешательства с уровнем риска, а содержание — с криминогенными потребностями и восприимчивостью к методу [11]. Эпистемологическое ядро здесь — **клиническая суждательность**, которая интегрирует данные исследования, правовые требования и уникальность жизненной ситуации [1; 2; 10].

4. Аксиология и биоэтика: достоинство, справедливость и дуальная лояльность. Аксиологическое измерение задаётся принципами благодеяния, невредимости, уважения автономии и справедливости, которые в тюремной среде сталкиваются с вызовами безопасности и «дуальной лояльности» медицинского работника государству и пациенту [6; 15]. Философски выдержанное решение не устраняет напряжения, но переводит его в процедуру: прозрачные критерии и границы вмешательств, добровольность участия в программах, уважение мировоззренческих различий, право на информированное согласие и отказ, а также доступ к независимому мнению [2; 10; 15]. Этика «повседневных ритуалов» — языка, обращения, режима поощрений — оказывается не менее важной, чем редкие «большие» этические коллизии [6; 12].

5. Антропология субъектности: признание, нарратив и надежда. Субъектность не предполагается, а конструируется. Теории признания подчеркивают, что уважительное отношение и социальное одобрение компетентных действий возвращают человеку ощущение собственной дееспособности [7]. В пенитенциарной среде таким ресурсом выступают труд, образование, творческие и редакционные практики, где «новая роль» закрепляется публично и ритуально. Нарративная идентичность, по Рикёру, интегрирует прошлое, настоящее и проект будущего; её реконструкция через осмысленную деятельность и отношения поддержки снижает вероятность деструктивной тревоги и агрессии и повышает удержание в лечении [8; 13]. Экзистенциальная перспектива, акцентирующая поиск смысла и ответственность, дополняет клинику и статистику, не подменяя их [14].

6. Модели реабилитации: согласование RNR и Good Lives Model с отечественной традицией. Практическая философия помощи складывается на пересечении двух линий. RNR обеспечивает доказательную «кардиограмму» интенсивности и фокуса вмешательств [11]. Good Lives Model ориентирует на построение жизненных проектов, в которых социально одобряемые «блага» (смысл, компетентность, принадлежность, автономия) становятся ненагрузочными

заменителями прежних деструктивных стратегий [13]. Их синтез культурно оправдан, когда он укоренён в отечественной традиции коллективного воспитания и труда, где успехи обретают публичное признание и институциональную поддержку [6; 12]. Такая согласованность повышает комплаенс, делает лечение предсказуемым и создает мост к гражданскому здравоохранению и социальным службам [2; 10].

7. Организационный синтез: право, ритуалы и преемственность. Организационная философия пенитенциарной психиатрии — это управление «текстурой» повседневности. Речь идёт о такой настройке рутин, при которой язык уважения, прозрачные правила обратной связи и поощрения, согласованность сигналов между медицинской, психологической, социально-воспитательной и режимной службами поддерживают клинические цели и минимизируют этические конфликты [2; 6; 12]. Правовые гарантии задают рамки допустимого и защищают от произвола, а «паспорт преемственности» и кейс-менеджмент обеспечивают непрерывность помощи при переходе в гражданский сектор [2; 10]. В этой перспективе эволюционная модернизация означает прежде всего стандартизацию оценки риска и качества, регулярную супервизию и бережное отношение к работающим практикам.

Заключение. Пенитенциарная психиатрия как практика признания соединяет клинику, право и культуру в единую систему, где субъектность осуждённого становится одновременно терапевтической целью и организационным принципом. Биопсихосоциокультурная рамка делает видимой совместную причинность болезни и среды, феноменологическая чувствительность поддерживает клиническую суждательность, а аксиология достоинства дисциплинирует вмешательства. Согласование RNR и Good Lives Model с отечественной традицией коллективного воспитания и труда повышает предсказуемость поведенческих исходов и устойчивость изменений, укрепляя мост между системой исполнения наказаний и гражданским здравоохранением [1; 2; 6; 10; 11; 13]. Эволюционный путь — без радикализма, но с вниманием к «этике повседневности», преемственности и качеству — представляется оптимальным горизонтом развития гуманной и эффективной пенитенциарной психиатрии [2; 5; 6; 12; 15].

Список литературы:

- [1] Engel G.L. The need for a new medical model: a challenge for biomedicine. *Science*. 1977;196(4286):129–136.
- [2] Всемирная организация здравоохранения. Mental health in prisons.

[3] Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New York: Anchor; 1961.

[4] Jaspers K. General Psychopathology. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press; 1997 (1913).

[5] Canguilhem G. Le Normal et le Pathologique. Paris: PUF; 1966.

[6] Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of Biomedical Ethics. 7th ed. Oxford: OUP; 2013.

[7] Honneth A. The Struggle for Recognition. Cambridge: Polity; 1995.

[8] Ricoeur P. Oneself as Another. Chicago: Univ. of Chicago Press; 1992.

[9] Liebling A. Prisons and Their Moral Performance. Oxford: OUP; 2004.

[10] Федеральный закон РФ № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» от 02.07.1992 (с изм.).

[11] Blevins K.R., Listwan S.J., Cullen F.T. The RNR principles: applications in correctional settings. *Federal Probation*. 2010;74(2):10–17.

[12] Sykes G. The Society of Captives. Princeton: Princeton Univ. Press; 1958.

[13] Ward T., Maruna S. Rehabilitation. London: Routledge; 2007.

[14] Ward T., Brown M. The good lives model and conceptual issues in offender rehabilitation. *Psychology, Crime & Law*. 2004;10(3):243–257.

[15] Pont J., Stöver H., Wolff H. Dual loyalty in prison health care. *Am J Public Health*. 2012;102(3):475–480.

[16] Rothman D. The Discovery of the Asylum. Boston: Little, Brown; 1971.

[17] Frankl V. Man's Search for Meaning. Boston: Beacon; 2006 (рус. пер.: Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990).

References:

[1] Engel G.L. The need for a new medical model: a challenge for biomedicine. *Science*. 1977;196(4286):129–136.

[2] Vsemirnaya organizaciya zdoravookhraneniya. Mental health in prisons.

[3] Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New York: Anchor; 1961.

[4] Jaspers K. General Psychopathology. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press; 1997 (1913).

[5] Canguilhem G. Le Normal et le Pathologique. Paris: PUF; 1966.

[6] Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of Biomedical Ethics. 7th ed. Oxford: OUP; 2013.

[7] Honneth A. The Struggle for Recognition. Cambridge: Polity; 1995.

[8] Ricoeur P. Oneself as Another. Chicago: Univ. of Chicago Press; 1992.

[9] Liebling A. Prisons and Their Moral Performance. Oxford: OUP; 2004.

[10] Federal'nyj zakon RF № 3185-1 «O psikhiatricheskoj pomoshchi i garantiyakh prav grazhdan pri eyo okazanii» ot 02.07.1992 (s izm.).

[11] Blevins K.R., Listwan S.J., Cullen F.T. The RNR principles: applications in correctional settings. Federal Probation. 2010;74(2):10–17.

[12] Sykes G. The Society of Captives. Princeton: Princeton Univ. Press; 1958.

[13] Ward T., Maruna S. Rehabilitation. London: Routledge; 2007.

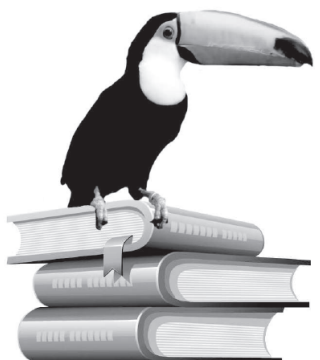
[14] Ward T., Brown M. The good lives model and conceptual issues in offender rehabilitation. Psychology, Crime & Law. 2004;10(3):243–257.

[15] Pont J., Stöver H., Wolff H. Dual loyalty in prison health care. Am J Public Health. 2012;102(3):475–480.

[16] Rothman D. The Discovery of the Asylum. Boston: Little, Brown; 1971.

[17] Frankl V. Man's Search for Meaning. Boston: Beacon; 2006 (rus. per.: Chelovek v poiskakh smysla. M.: Progress, 1990).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-564-568

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

УНАТЛОКОВ Вячеслав Хаутиевич,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры кабардино-черкесского языка
и литературы социально-гуманитарного института
Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова г. Нальчик,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧЕНЦОВА Елизавета Антоновна,

преподаватель кафедры «Защита окружающей среды и водопользование»
ФГБОУ ВО «Камчатский государственный технический университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОМИЧЕВ Александр Александрович,

старший преподаватель кафедры
физической, огневой и тактико-специальной подготовки
Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕКУЩИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Современная пенитенциарная педагогика находится в постоянном состоянии изменений и преобразований, что требует разработки новых подходов к социально-педагогическим воздействиям на осужденных. Этот процесс включает в себя гуманизацию условий содержания заключенных, подготовку и обучение педагогических кадров для учреждений исправительной системы, а также активное привлечение общественных организаций, включая благотворительные и религиозные структуры.

Суть данной статьи заключается в раскрытии значимости пенитенциарной педагогики, ее методов и практической роли в реабилитации заключенных. Подробное изучение этой темы помогает развивать эффективные стратегии воздействия на осужденных, а также способствует совершенствованию системы исправительной работы в целом.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, педагогика, сотрудники исправительных учреждений, осужденные, воспитательная работа.

UNATLOKOV Vyacheslav Khautievich,

Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department
of Kabardino-Circassian Language and literature
of the social and humanitarian institute
Kabardino-Balkarian State University H.M. Berbekova, Nalchik

CHENTSOVA Elizaveta Antonovna,

Lecturer,
Department of Environmental Protection and Water Use
FSBEI HE "Kamchatka State Technical University"

FOMICHEV Alexander Alexandrovich,

senior lecturer of the department
physical, fire and tactical-special training Pskov branch
of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON SOME ISSUES OF PEDAGOGICAL APPROACH IN THE PENITENTIARY SYSTEM IN THE CONTEXT OF CURRENT REFORMS

Annotation. *Modern penitentiary pedagogy is in a constant state of change and transformation, requiring the development of new approaches to social and pedagogical interventions for prisoners. This process includes the humanization of prison conditions, the training and education of teaching staff for correctional institutions, and the active involvement of public organizations, including charities and religious organizations.*

The essence of this article is to reveal the importance of penitentiary pedagogy, its methods, and its practical role in the rehabilitation of prisoners. A detailed study of this topic helps develop effective strategies for influencing prisoners and contributes to the improvement of the correctional system as a whole.

Key words: *penal system, correctional institution, pedagogy, correctional staff, prisoners, educational work.*

В глубокой древности началась эпоха педагогики, как науки об уходе за молодым поколением. С течением времени человечество стало ставить перед воспитанием и образованием людей новые и все более сложные задачи, что привело к расширению сферы деятельности педагогики. В настоящее время под педагогикой понимается комплексная наука о формировании, обучении и развитии личности. Системы воспитания, охватывающие развитие человека во всех сферах жизни, являются объектами изучения педагогики, включая закономерности процесса обучения и воспитания в различных социо-исторических условиях и конкретных образовательных системах.

Пенитенциарная педагогика - это область педагогической науки, которая занимается осуществлением воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. Она представляет собой специализированную отрасль знаний, выделяемую из общей педагогической науки. Важно понимать, что каждая воспитательная система имеет свои особенности, и в случае с заключенными к ним применяются специфические методы и подходы [1, С. 21-23].

Пенитенциарная педагогика включает в себя широкий спектр понятий, категорий и методологий, направленных на коррекцию поведения и развитие личности заключенных. Она тесно взаимосвязана с другими науками, такими как психология, социология и криминология. Изучение этой области позволяет лучше понять процессы воспитания в условиях исправительных учреждений и способы их оптимизации.

Современная пенитенциарная педагогика находится в постоянном состоянии изменений и преобразований, что требует разработки новых подходов к социально-педагогическим воздействиям на осужденных. Этот процесс включает в себя гуманизацию условий содержания заключен-

ных, подготовку и обучение педагогических кадров для учреждений исправительной системы, а также активное привлечение общественных организаций, включая благотворительные и религиозные структуры [2, С. 88-90].

Пенитенциарная педагогика – это не просто методы исправления преступников, это целая система поддержки и восстановления личности, направленная на создание условий для успешной реинтеграции в общество.

В наши дни процесс исправления правонарушителей в заключении претерпел значительные изменения и развитие, которые требуют особых подходов и методов, причем ключевую роль в этом процессе играет педагогическая наука. Современная пенитенциарная педагогика нацелена на создание благоприятных условий для успешной реабилитации осужденных и их последующего возвращения в общество как активных участников.

Важной составляющей работы в пенитенциарной системе являются различные направления педагогического подхода, ориентированные на изменение поведения осужденных и их успешную реабилитацию. Одним из таких направлений является развитие правового сознания осужденных, направленное на формирование правовой культуры у заключенных, стимулируя их к принятию и соблюдению законов и норм.

Помимо этого, важным аспектом является трудовое воспитание и развитие преступников, направленное на внедрение трудолюбия и осознание важности труда, а также на развитие уважительного отношения к различным сферам трудовой деятельности. Этот подход способствует не только профессиональной адаптации осужденных после освобождения, но и формированию позитивных черт личности.

Кроме того, значительное внимание уделяется нравственному развитию осужденных, что

направлено на формирование у них моральных норм и ценностей, способствующих социальной адаптации и успешной реинтеграции в общество. Этот аспект играет важную роль в процессе реабилитации заключенных и помогает им выйти на новый, более целостный жизненный путь.

Педагогический подход в пенитенциарной системе стремится не только к развитию физических и волевых качеств осужденных, но и к созданию условий для образовательного роста [3, С. 60-73]. Важным аспектом является организация учебных занятий в местах лишения свободы, которые помогают осужденным приобрести профессиональные навыки и знания.

Важным аспектом современных тенденций пенитенциарной педагогики является уделение особого внимания разработке индивидуальных программ работы с осужденными, учитывающих их потребности и специфику личности. Это позволяет создать более эффективные и целенаправленные методы реабилитации и социализации заключенных.

Помимо этого, современная пенитенциарная педагогика активно ориентируется на сотрудничество с различными образовательными и социальными учреждениями, с целью обеспечить осужденным возможность получения качественного образования, профессиональной подготовки и поддержки после освобождения. Такой комплексный подход способствует успешной реинтеграции осужденных в общество и снижению рецидива преступлений.

Новые подходы в сфере социально-педагогических воздействий на осужденных требуют постоянного развития и совершенствования в сфере пенитенциарной педагогики. Гуманизация условий содержания заключенных, подготовка кадров и взаимодействие с общественными организациями становятся ключевыми элементами этого процесса.

Важным направлением современной пенитенциарной педагогики является индивидуализация программ взаимодействия с осужденными, учитывающих их уникальные потребности и характер. Это способствует разработке более эффективных методов реабилитации и адаптации заключенных к обществу.

Особое внимание уделяется также созданию условий для профессионального развития педагогических кадров, обеспечивая им необходимые знания и навыки для работы в исправительных учреждениях. Активное вовлечение различных организаций, включая благотворительные и религиозные структуры, способствует созданию благоприятной среды для реализации социально-педагогических программ в пенитенциарной системе.

Для обеспечения успешной реинтеграции осужденных в общество и снижения рецидива преступлений, современная пенитенциарная педагогика активно сотрудничает с образовательными и социальными учреждениями. Она стремится обеспечить осужденным возможность получения качественного образования, профессиональной подготовки и поддержки после освобождения. Помимо этого, такой комплексный подход направлен на формирование социально-адаптивных навыков у осужденных, что способствует успешной адаптации в обществе и предотвращению повторных преступлений [4, С. 10-13].

Исследование в области пенитенциарной педагогики подчеркивает важность надлежащего воздействия педагогов на процессы реабилитации и ресоциализации осужденных. На протяжении последних десятилетий XX века понятие «пенитенциарная педагогика» стало широко распространенным в ученых кругах, смещая устаревший термин «исправительно-трудовая педагогика».

Углубляясь в изучение данной сферы, мы видим, что пенитенциарная педагогика является важным инструментом в помощи осужденным в их возвращении к социуму и восстановлении нормального поведения в процессе отбывания наказания.

Одним из важных изменений в концепции реабилитации заключенных стало внедрение разнообразных образовательных и психологических методов в процесс исправления. Теперь подход к реабилитации осужденных не ограничивается только трудовой деятельностью. Новое понимание важности изменения терминологии отражает стремление к подлинному исправлению и раскаянию у заключенных. Новый комплексный подход включает в себя не только поверхностное воздействие, но и целостное преобразование личности осужденных, превращая их в полноценных участников общества.

Педагогическая проблема низкой мотивации осужденных к обучению и самоисправлению находится на пересечении различных факторов. Среди них - педагогическая запущенность, отсутствие осознания собственной важности процесса исправления, воздействие тюремной субкультуры и доминирование внешних стимулов перед развитием внутренней мотивации. Особые трудности возникают при работе с определенными категориями осужденных, такими как злостные нарушители режима. Необходимо учитывать их особенности и специфику для формирования у них стимулов к правопослушному поведению. Необходимость изменения собственного поведения и мышления может быть сложной для некоторых осужденных из-за их предыдущего опыта и укоренившихся убеждений.

Важность образования в процессе реабилитации осужденных и снижения рецидива преступлений неоспорима. Исследования убеждают нас в том, что образование играет ключевую роль в успешной социальной адаптации бывших заключенных. Получение образования в тюрьме открывает осужденным путь к новым знаниям, навыкам и возможностям для интеграции общества, поиска работы и жизни в соответствии с законом. Помимо этого, образование способствует укреплению самооценки, развитию критического мышления и формированию новых ценностей.

Особенности образовательного процесса в местах лишения свободы подчеркивают необходимость применения инновационных педагогических методов и стратегий, которые учитывают не только образовательные потребности, но и психологические особенности осужденных. Это требует глубокого понимания социальных и культурных контекстов, влияющих на формирование личности каждого заключенного. Важно создавать образовательные программы, которые способствуют не только усвоению знаний, но и развитию личностных качеств и навыков, необходимых для успешной реинтеграции в общество после отбытия наказания.

Применение специфических педагогических подходов в учреждениях исполнения наказаний позволяет создать атмосферу доверия и поддержки, способствует самопознанию осужденных и формированию их позитивного отношения к образовательному процессу [5, С. 332-335]. Каждый шаг в образовании заключенных имеет потенциал изменить их жизнь к лучшему и открыть новые горизонты возможностей для дальнейшего развития.

Пенитенциарная педагогика сталкивается с различными трудностями и противоречиями, однако международный опыт и результаты исследований безошибочно показывают, что образовательные программы способны снизить уровень повторной совершаемости преступлений и успешно содействуют социальной реабилитации бывших заключенных. На пути развития пенитенциарной педагогики важным фактором является активное внедрение инновационных технологий, индивидуализация обучения и улучшение сотрудничества с внешними партнерами.

Современные исследования в области пенитенциарной педагогики акцентируют внимание на необходимости пересмотра традиционных методов и внедрения новых подходов в процесс образования в местах лишения свободы. Эффективность таких инноваций подтверждается успешным возвращением бывших заключенных в общество и уменьшением рецидива преступлений. Развитие пенитенциарной педагогики направлено на

создание более гуманных и эффективных условий для реабилитации осужденных и их последующей адаптации к общественной жизни.

Индивидуализация подходов к обучению, а также внедрение современных технологий и партнерство с внешними структурами играют ключевую роль в достижении успехов в области пенитенциарной педагогики. Важно учитывать потребности каждого заключенного и создавать условия, способствующие их полноценной реабилитации и возвращению в общество как активных и ответственных членов.

В заключении можно прийти к выводу, что педагогика в пенитенциарной системе играет ключевую роль в реабилитации и социальной адаптации осужденных. Это не только обеспечивает им знания и навыки, но и восстанавливает их веру в себя и улучшает психологическое состояние, что критически важно для их успешной интеграции в общество после освобождения. Также, применение педагогических методов в тюрьмах способствует формированию более безопасной и стабильной среды как внутри самого учреждения, так и в обществе. Образованные и мотивированные заключенные меньше склонны к насильственному поведению, что делает заключение более безопасным для всех его участников.

На конечном счете, успешная интеграция этих педагогических практик не только способствует созданию более гуманного общества, но также укрепляет общественную безопасность, снижая вероятность повторных преступлений. Это показывает, что образование в пенитенциарных учреждениях имеет глубокое значение для общественного блага и подчеркивает необходимость его дальнейшего развития и поддержки на государственном уровне.

Список литературы:

- [1] Мамонтова, А. А. Единство наук «уголовно-исполнительное право», «пенитенциарная педагогика» и «пенитенциарная психология»: теоретический аспект / А. А. Мамонтова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 3(226). – С. 21-28. – DOI 10.51522/2307-0382-2021-226-3-21-28. – EDN GIYAIQ.
- [2] Колесов, В. И. Пенитенциарная педагогика : Учебник / В. И. Колесов. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 360 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17149-5. – EDN HSNVJ.
- [3] Раздел 3. ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПЕДАГОГИКА // Организация воспитательной работы с осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы : учебное пособие. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2024. – С. 50-73. – EDN RTDDEH.

[4] Кириллова, Т. В. Система принципов исправления в пенитенциарной педагогике / Т. В. Кириллова // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 9(114). – С. 10-13. – EDN FTCMGC.

[5] Федина, А. М. Аспекты современной пенитенциарной (исправительной) педагогики как науки / А. М. Федина // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации : вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер probation, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 31 октября – 01 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 332-335. – EDN JXGBYR.

References:

[1] Mamontova, A. A. Edinstvo nauk «ugolovno-ispolnitel'noe pravo», «penitenciarnaya pedagogika» i «penitenciarnaya psikhologiya»: teoreticheskij aspekt / A. A. Mamontova // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. – 2021. – № 3(226). – S. 21-28. – DOI 10.51522/2307-0382-2021-226-3-21-28. – EDN GIYAIQ.

[2] Kolesov, V. I. Penitenciarnaya pedagogika : Uchebnik / V. I. Kolesov. – 1-e izd.. – Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2023. – 360 s. – (Vysshee obrazovanie). – ISBN 978-5-534-17149-5. – EDN HSN-NVJ.

[3] Razdel 3. PENITENCIARNAYA PEDAGOGIKA // Organizaciya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noj sistemy : uchebnoe posobie. – Samara : Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2024. – S. 50-73. – EDN RTDDEH.

[4] Kirillova, T. V. Sistema principov ispravleniya v penitenciarnoj pedagogike / T. V. Kirillova // Global'nyj nauchnyj potencial. – 2020. – № 9(114). – S. 10-13. – EDN FTCMGC.

[5] Fedina, A. M. Aspekty sovremennoj penitenciarnej (ispravitel'noj) pedagogiki kak nauki / A. M. Fedina // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossijskoj Federacii : voprosy ispolneniya ugolovnykh nakazaniy, realizacii mer probacii, vzaimodejstviya s publichnoj vlast'yu i institutami grazhdanskogo obshchestva : sbornik tezisev vystuplenij i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k 90-letiyu so dnya obrazovaniya Akademii FSIN Rossii, Ryazan', 31 oktyabrya – 01 2024 goda. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2024. – S. 332-335. – EDN JXGBYR.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-569-573

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ КЛИНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция законодательства привлечения работников клиники пластической хирургии к уголовной ответственности. Проведенное исследование дает возможность сделать вывод, что ответственность за анализируемые преступления развивалась поступательно и прошла долгий этап становления. Отмечено, что изначально, врачебная деятельность была тесно связана с церковью. Установлено, что при Петре I врачебная деятельность стала более упорядоченной, принятые документы (Боярский приговор, Артикул воинский) стали отправной точкой для формирования правовых норм, обязывающих медицинских работников не совершать действий, угрожающих жизни и здоровью пациентов. Выявлено, что в Уложении 1845 года содержался раздел 7 «О нарушении уставов врачебных», что позволило законодателю создать целостную систему защиты прав пациентов и регулирования отношений в сфере медицинского права. Обращено внимание, что **УК РСФСР 1922 года** предусматривал ответственность медицинских работников как за преступления против личности, так и за преступления против здоровья населения. Выяснено, что **УК РСФСР 1960 года**, уголовная ответственность медицинского работника наступала при нарушении им установленных правил медицинской деятельности. Раскрыто, что **УК РФ 1996 г.** содержит различные составы преступлений, предусматривающих ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей медицинских работников. Установлено, что **Федеральный закон № 514-ФЗ**, принятый 28 декабря 2024 года, внес изменения в статью 238 Уголовного кодекса РФ, добавив примечание, исключающее из-под ее действия случаи оказания медицинской помощи медицинскими работниками. В то же время, раскрыто, что данное примечание не учитывает весь спектр медицинских манипуляций и услуг, существующих в здравоохранении, и не распространяется на действия немедицинских работников, даже если они имеют медицинское образование.

Ключевые слова: клиника пластической хирургии, уголовная ответственность, уголовный кодекс, преступление, медицинский работник, врач, медицинская помощь.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO “Leningrad Regional Bar Association”
branch “Pelevin and Partners Law Firm”,
lawyer

THE EVOLUTION OF LEGISLATION TO BRING EMPLOYEES OF THE PLASTIC SURGERY CLINIC TO CRIMINAL RESPONSIBILITY

Annotation. The article examines the evolution of legislation to bring employees of the plastic surgery clinic to criminal responsibility. The conducted research makes it possible to conclude that responsibility for the analyzed crimes has developed progressively and has passed a long stage of formation. It is noted that initially, medical practice was closely connected with the church. It has been established that under Peter the Great, medical activity became more orderly.; The adopted documents (the Boyar’s verdict, the military Article) became the starting point for the formation of legal

norms obliging medical professionals not to commit acts that threaten the life and health of patients. It was revealed that the Code of 1845 contained section 7 "On violation of medical charters", which allowed the legislator to create an integrated system for protecting patients' rights and regulating relations in the field of medical law. Attention is drawn to the fact that the Criminal Code of the RSFSR of 1922 provided for the responsibility of medical workers for both crimes against the individual and crimes against public health. It was found out that in the Criminal Code of the RSFSR of 1960, the criminal liability of a medical worker occurred if he violated the established rules of medical activity. It is revealed that the Criminal Code of the Russian Federation of 1996 contains various types of crimes involving liability for improper performance of their duties by medical workers. It was established that Federal Law No. 514-FZ, adopted on December 28, 2024, amended Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, adding a note excluding cases of medical care provided by medical workers from its scope. At the same time, it is disclosed that this note does not take into account the full range of medical manipulations and services available in healthcare, and does not apply to non-medical workers, even if they have a medical degree.

Key words: *plastic surgery clinic, criminal liability, criminal code, crime, medical worker, doctor, medical care.*

Решение актуальных проблем, связанных с реформированием и совершенствованием правовой системы современной России, в большой степени зависит и от исследования и усвоения исторического опыта, знания тех правовых процессов, которые были свойственны, произошли в России раньше. Неучет исторического опыта, его достижений и просчетов, достоинств и недостатков правовых норм других эпох влечет односторонность при разработке современных законов, повторению старых ошибок.

Вопрос об ответственности врачей за смерть или ущерб, нанесенный здоровью пациентов при выполнении ими своих профессиональных обязанностей, всегда вызывал оживленные споры. Государственная политика в отношении врачебных ошибок колебалась от снисходительности до ужесточения наказаний, при этом учитывались религиозные и моральные ценности, преобладающие в обществе на каждом историческом этапе [7, с. 58].

Данная тема разработана недостаточно, выявлен недостаток научных исследований, посвященных ей.

Цель исследования – изучение эволюции законодательства привлечения работников клиники пластической хирургии к уголовной ответственности. Его результаты могут быть использованы при проведении дальнейших научных исследований по данной теме.

Ответственность медицинских работников в России исторически формировалась под влиянием общественного мнения о справедливости и развитии медицинских знаний.

Изначально, врачебная деятельность была тесно связана с церковью, что отражено в Уставе князя Владимира, где лекари находились под ее защитой и юрисдикцией. В то же время, самостоятельная практика знахарей и волхвов считалась

преступной и жестоко наказывалась. Устав князя Владимира также определял, что дела о колдовстве и других опасных для людей действиях подлежат рассмотрению в церковном суде.

В 1686 году Петр I издал Боярский приговор, значительно усиливший ответственность врачей, запрещающий им совершать действия, угрожающие жизни больного. Поводом для его создания послужил трагический случай, когда действия двух врачей привели к летальному исходу, и последовавшему за этим судебному разбирательству.

При Петре I врачебная деятельность стала более упорядоченной. Важным правовым актом той эпохи стал Артикул воинский 1715 года, который, помимо прочего, касался и медицины, определяя многие аспекты уголовного права. Впервые в российской юридической практике для установления связи между действиями обвиняемого и последствиями преступления было предложено проводить судебно-медицинскую экспертизу [4, с. 85-87].

Эти документы стали отправной точкой для формирования правовых норм, обязывающих медицинских работников не совершать действий, угрожающих жизни и здоровью пациентов [5, с. 38-42].

В Уложении 1845 года (в редакции 1885 года) содержался раздел 7 «О нарушении уставов врачебных». Уложение включало наказания за преступления, совершаемые медицинскими работниками. В рамках данного Уложения медицинские работники несли ответственность за различные нарушения, включая врачебные ошибки, возникшие из-за недостаточной квалификации, отказ в оказании необходимой помощи нуждающемуся в ней больному, а также незаконную медицинскую деятельность, особенно если она сопровождалась использованием сильнодействующих препаратов и причинением вреда здоровью пациента.

Это позволило законодателю создать целостную систему защиты прав пациентов и регулирования отношений в сфере медицинского права.

В дальнейшем уголовная ответственность медицинских работников постепенно получала более четкое правовое оформление. В частности, Уложение 1903 года в статье 1522 предусматривало ответственность врачей за неоказание помощи нуждающимся в ней пациентам.

После революции 1917 года старые законы, регулировавшие медицину и другие сферы, перестали действовать. Поэтому новые реформы в здравоохранении, которые активно проводило советское правительство, требовали создания новой правовой базы, чтобы упорядочить работу врачей и других медицинских работников.

В УК РСФСР 1922 года выделялись преступления, совершаемые лицами, обладающими специальными профессиональными знаниями, в частности, медицинскими работниками. К ним относились: незаконное проведение аборт, отказ в оказании медицинской помощи. Также медицинские работники несли ответственность за причинение смерти и телесных повреждений по неосторожности.

Декрет ВЦИК и СНК от 01.12.1924 являлся основополагающим документом, всесторонне регламентирующим сферу здравоохранения и фармацевтики. Этот декрет определял юридические основы деятельности врачей и других медицинских специалистов, закреплял их положение в обществе, устанавливал порядок получения права на занятие медицинской практикой и регулировал проведение хирургических вмешательств.

Таким образом, он обеспечивал защиту прав как медицинского персонала, так и лиц, обращающихся за медицинской помощью.

УК РСФСР 1926 года расширил перечень деяний, включив в него несоблюдение санитарных норм и правил борьбы с эпидемиями, нелегальную медицинскую практику, а также за подделку медицинских документов, таких как свидетельства и справки.

В силу норм УК РСФСР 1960 года, уголовная ответственность медицинского работника наступала, при нарушении им установленных правил медицинской деятельности [6].

Одним из новых положений стало введение ответственности за нарушение врачебной тайны.

УК РФ 1996 г. содержит следующие составы, включающие ненадлежащее исполнение своих обязанностей медицинскими работниками: ч. 2 ст. 109 УК РФ; ч. 2 ст. 118 УК РФ; ч. 4 ст. 122 УК РФ; ст. 124 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Данные преступления, именуемые в юридической литературе ятрогенными, характеризуются специальным субъектом и совершаются в связи с профессиональной деятельностью. Объективная сторона указанных составов включает в себя медицинскую небрежность. Наиболее распространенными статьями, применяемыми для квалификации таких деяний, являются части 2 статей 109 и 118 УК РФ, а также статья 124 УК РФ.

Аналогичные случаи оказания медицинской помощи, относящиеся к одному и тому же виду услуг или выполняемые специалистами одной и той же профессии (например, хирургами или акушерами-гинекологами), могут быть квалифицированы по-разному с точки зрения уголовного права [2, с. 125-136].

Вместо того, чтобы доказывать, что обвиняемый сознательно нарушил требования безопасности при оказании медицинских услуг (что является ключевым элементом преступления по статье 238 УК РФ), следствие и прокуратура в первую очередь обращали внимание на то, была ли услуга платной или бесплатной.

Фактически, решающим фактором становится, можно ли считать пациента потребителем медицинской услуги с точки зрения закона о защите прав потребителей. Если установлено, что медицинская помощь была оказана бесплатно, действия обвиняемого обычно квалифицируются по ст.ст. 109 или 118 УК РФ.

Учеными предлагалось сузить применение п. «в» ч. 2 статьи 238 УК РФ применительно к медицинским работникам. Уголовное преследование по этой статье должно быть оправдано только в случаях серьезных или систематических нарушений установленных правил медицинской практики, например, при умышленно некорректном использовании оборудования.

Нарушение врачами и медицинскими работниками профессиональных обязанностей является угрозой как для конкретных пациентов, так и для здоровья населения в целом, поскольку подрывает доверие к системе и снижает качество оказываемой помощи [3, с. 46-49].

Проблема с применением п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ в медицинской сфере заключалась в расширительном толковании понятия «потребитель» из-за особенностей редакции статьи. Не было оснований для разграничения платных и бесплатных медицинских услуг в контексте ответственности за причиненный вред. Тем не менее, врачей, оказывавших бесплатную помощь, признавали виновными по этой статье.

Суды, используя аналогию с договором в пользу 3-го лица (ст. 430 ГК РФ), утверждали, что

пациент, получающий помощь по ОМС, является «потребителем», так как медучреждение получает оплату от страховой компании [1].

Федеральный закон № 514-ФЗ от 28.12.2024, внес в ст. 238 УК РФ примечание, исключаящее из-под ее действия оказание медицинскими работниками медицинской помощи, не соответствующей требованиям безопасности.

Это нововведение стало важным событием для медицинского сообщества. До этого момента правоприменительная практика в сфере здравоохранения вызывала серьезные опасения. Правоохранительные органы и суды все чаще использовали, опираясь на Закон «О защите прав потребителей» и ошибочно трактовали медицинскую помощь как «медицинскую услугу». Подмена понятий позволила привлекать врачей к ответственности, что вело к приравниванию системы здравоохранения к сфере услуг, упрощая и обесценивая труд медицинских работников.

Данная реформа не означает полной декриминализации их деятельности, поскольку в Уголовном кодексе остаются другие статьи, которые могут быть применены. Наиболее значимой из них является часть 2 статьи 109 УК РФ. Кроме того, в распоряжении правоохранительных органов остаются статьи 118, 124, 293 и другие статьи УК РФ.

Решение Президента и Федерального Собрания РФ, хотя и является шагом в сторону восстановления социальной и профессиональной справедливости и снимает с медицинских работников обвинения в преднамеренности совершения ошибок, не решает всех проблем. В частности, понятие «медицинская услуга» порождает неопределенность при квалификации соответствующих деяний.

Остается открытым вопрос, будет ли исключение из статьи 238 УК РФ распространяться лишь на оказание помощи по ОМС, или же оно коснется и платных медицинских услуг, оказываемых на основании договоров. Разъяснение этого вопроса требует официальной интерпретации нормы права, а также судебной практики. Буквальное толкование формулировок, использованных в Законе № 514-ФЗ от 28 декабря 2024 г., не позволяет однозначно утверждать о полной неприкосновенности врачей перед законом.

Данное примечание не учитывает весь спектр медицинских манипуляций и услуг, существующих в здравоохранении. Оно рассматривает лишь их часть. Примечание не распространяется на действия немедицинских работников.

Указанное примечание к ст. 238 УК РФ не может служить универсальным руководством для

толкования правовых норм в пользу медицинских работников. Его влияние ограничено конкретной статьей, к которой оно относится.

Ранее, если врачи или другие медицинские работники допускали ошибки при оказании медицинской помощи или услуг, что приводило к смерти пациента или причинению тяжкого вреда его здоровью, эти действия квалифицировались по статьям 109 (часть 2) и 118 (часть 2) УК РФ. Однако, начиная с 2020 года, следственные органы все чаще стали квалифицировать такие деяния по статье 238 УК РФ.

По мнению автора, изменение в подходе к квалификации ятрогенных преступлений связано, в частности, со сложностью расследования таких дел и длительностью проведения судебно-медицинских экспертиз. Поскольку статьи 109 и 118 УК РФ относятся к преступлениям небольшой тяжести, длительное расследование часто приводило к истечению срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Активное применение статьи 238 УК РФ в случаях ятрогенных преступлений позволяло следователям избегать истечения сроков давности и применять к подозреваемым (обвиняемым) более строгую меру пресечения, такую как заключение под стражу.

Таким образом, проведенное исследование дает возможность сделать вывод, что ответственность за анализируемые преступления развивалась поступательно и прошла долгий этап становления. Изначально, врачебная деятельность была тесно связана с церковью. При Петре I врачебная деятельность стала более упорядоченной, принятые документы (Боярский приговор, Артикул воинский) стали отправной точкой для формирования правовых норм, обязывающих медицинских работников не совершать действий, угрожающих жизни и здоровью пациентов. В Уложении 1845 года содержался раздел 7 «О нарушении уставов врачебных», что позволило законодателю создать целостную систему защиты прав пациентов и регулирования отношений в сфере медицинского права. **Уголовное законодательство** предусматривало ответственность медицинских работников как за преступления против личности, так и за преступления против здоровья населения, при нарушении данными работниками установленных правил медицинской деятельности. С 08.01.2025г. медицинские работники не несут уголовную ответственность за оказание медицинской помощи, не соответствующей требованиям безопасности. Однако это не учитывает весь спектр медицинских манипуляций и услуг, и не распространяется на действия немедицинских работников.

Список литературы:

- [1] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2022 г. № 77-1044/2022 // СПС «Консультант Плюс».
- [2] Бимбинов А.А. Причинение вреда при оказании медицинской помощи как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности // Журнал российского права. 2022. N 7. С. 125 - 136.
- [3] Замалеева С.В. К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений по ст. 238 Уголовного кодекса РФ // Медицинское право. 2019. № 1. С. 46 - 49.
- [4] Замалеева С.В. Уголовная ответственность медицинских работников: история и современность // Пробелы в Российском Законодательстве. Юридический журнал // 2009. № 3. С.85-87.
- [5] Нагаев М.С. Исторический анализ развития уголовного законодательства Российской Федерации // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории практики (материалы Всероссийской научно-практической конференции Российского государственного университета правосудия). 2017. С. 38–42.
- [6] Саматова Э.А. Законодательство об уголовной ответственности медицинских работников в Российской Федерации: историко-правовой аспект. URL: <https://articles.moluch.ru/archive/338/75524>.
- [7] Чефранов К.А. Уголовная ответственность медицинских работников за причинение смерти или вреда здоровью пациентов при оказании медицинской помощи: исторический аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (9). С. 58.

References:

- [1] Kassacionnoe opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 3 marta 2022 g. № 77-1044/2022 // SPS «Konsul'tant PlyuS».
- [2] Bimbinov A.A. Prichinenie vreda pri okazanii medicinskoj pomoshchi kak okazanie uslug, ne otvechayushchikh trebovaniyam bezopasnosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. N 7. S. 125 - 136.
- [3] Zamaleeva S.V. K voprosu o kvalifikacii yatrogennykh prestuplenij po st. 238 Ugolovnogo kodeksa RF // Medicinskoe pravo. 2019. № 1. S. 46 - 49.
- [4] Zamaleeva S.V. Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov: istoriya i sovremennost' // Probely v Rossijskom Zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal // 2009. № 3. S.85-87.
- [5] Nagaev M.S. Istoricheskij analiz razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov: voprosy teorii praktiki (materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya). 2017. S. 38–42.
- [6] Samatova E.A. Zakonodatel'stvo ob ugolovnoj otvetstvennosti medicinskih rabotnikov v Rossijskoj Federacii: istoriko-pravovoj aspekt. URL: <https://articles.moluch.ru/archive/338/75524>.
- [7] Chefranov K.A. Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov za prichinenie smerti ili vreda zdorov'yu pacientov pri okazanii medicinskoj pomoshchi: istoricheskij aspekt // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 3 (9). S. 58.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-574-578

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Автор в своей научной статье проводит исследование криминалистических экспертиз назначаемых при расследовании уголовных дел террористического характера, рассматриваются различные виды экспертиз раскрывается их сущность и предназначение и эффективность их применения.

Ключевые слова: эксперт, уголовное дело, экспертиза, терроризм, глобальная угроза, расследование, пропаганда, интернет, полиция.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Special and Automotive Equipment
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences

ON THE ISSUE OF APPOINTING FORENSIC EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF A TERRORIST NATURE

Annotation. The author in his scientific article conducts a study of forensic examinations appointed during the investigation of criminal cases of a terrorist nature, various types of examinations are considered, their essence and purpose and the effectiveness of their application are revealed.

Key words: expert, criminal case, examination, terrorism, global threat, investigation, propaganda, Internet, police.

В наши дни терроризм, как глобальная угроза XXI века, по-прежнему вызывает глубокую обеспокоенность мирового сообщества. Российская Федерация, к сожалению, не является исключением: террористические преступления представляют серьезный вызов национальной безопасности страны, ее территориальной целостности, а также конституционным правам и свободам граждан. Особенную опасность представляет эволюция терроризма, его стремление к поиску новых форм, в том числе с использованием глобальной сети Интернет как инструмента пропаганды и распространения деструктивной идеологии. В этих условиях правоохранительные органы России ведут активную борьбу с этим асоциальным явлением, применяя комплексный подход и современные методы противодействия.

Расследование уголовных дел, связанных с терактами, отличается особой сложностью и тре-

бует привлечения широкого спектра специальных знаний.

Важнейшую роль в установлении объективной картины преступления играют криминалистические экспертизы.

Среди них ключевое значение принадлежит судебной взрывотехнической экспертизе, которая позволяет определить тип и мощность взрывного устройства, способ его приведения в действие, а также выявить источники его происхождения.

Судебно-медицинская экспертиза играет важную роль в идентификации погибших, установлении причин смерти и характера нанесенных телесных повреждений.

Судебная трасологическая экспертиза помогает восстановить механизм события, определить направление движения объектов и выявить следы преступников.

Нередко террористические акты осуществляются с применением взрывных устройств, что

делает взрывотехническую экспертизу незаменимым инструментом в руках правоохранительных органов.

Сложность и многогранность этого вида исследования обусловлены рядом факторов, включая специфику объектов, подлежащих анализу, и необходимость привлечения специальных знаний из различных областей науки и техники.

Объектами взрывотехнической экспертизы могут выступать как сами взрывные устройства и их компоненты (детонаторы, запалы, корпуса), так и следы их применения. К ним относятся: продукты детонации, фрагменты устройства, а также повреждения, вызванные взрывом. Кроме того, эксперты анализируют средства, используемые для инициирования взрыва, такие как электродетонаторы, бикфордов шнур, а также следы их применения. Важную роль играет исследование самих взрывчатых веществ и инициирующих составов с целью их идентификации, определения мощности и происхождения.

Спектр вопросов, на которые призвана ответить взрывотехническая экспертиза, весьма широк. Это и установление факта применения взрывного устройства, и определение его типа, мощности, способа приведения в действие.

Эксперты также выясняют наличие признаков самодельного изготовления устройства, устанавливают место и время его сборки, а также идентифицируют используемые материалы и компоненты.

Важное значение имеет и определение зоны поражения, что необходимо для оценки масштабов возможного ущерба и принятия мер по обеспечению безопасности [1].

На разрешение эксперту могут быть поставлены следующие вопросы:

- 1) Относится ли изъятое вещество к взрывчатому, и если да, то к какому?
- 2) Относится ли изъятый предмет к боеприпасам или взрывным устройствам и какова его мощность в тротиловом эквиваленте?
- 3) Являются ли повреждения объектов результатом взрыва?
- 4) Какова природа взрыва?
- 5) Какова конструкция взрывного устройства?
- 6) Каков способ изготовления взрывного устройства?
- 7) Обладало ли лицо, которое подготовило взрывное устройство, какими-либо специальными знаниями?

Сегодня на вооружении экспертов-криминалистов находятся уникальные взрывотехнические комплексы, позволяющие проводить многократные испытания в контролируемых условиях без

риска для специалистов. Эти комплексы оснащены высокоточной аппаратурой, способной определять объем газообразных продуктов взрыва, что дает ценную информацию о составе и мощности взрывчатого вещества. Более того, современное оборудование позволяет производить отбор газообразных продуктов для последующего анализа с помощью хроматографов и газоанализаторов, что позволяет идентифицировать даже микроскопические следы взрывчатых веществ.

Развитие науки и техники ведет к появлению новых методик взрывотехнической экспертизы.

В частности, активно внедряются методы молекулярной спектроскопии и хромато-масс-спектрометрии, обеспечивающие высокую точность и чувствительность анализа взрывчатых веществ и продуктов взрыва.

Перспективным направлением является разработка методик трехмерного моделирования взрывов, позволяющих реконструировать картину происшествия с высокой степенью детализации.

Судебно-баллистическая экспертиза призвана дать ответы на широкий круг вопросов, связанных с применением огнестрельного оружия в ходе совершения преступления. На исследование экспертам направляются как сами образцы оружия, так и боеприпасы к ним: гильзы, пули, дробь, картечь.

В ходе экспертизы специалисты устанавливают принадлежность предмета к категории огнестрельного оружия, его вид, модель, калибр, а также определяют, является ли оружие самодельным или переделанным.

Одним из важнейших аспектов судебно-баллистической экспертизы является идентификация оружия, из которого был произведен выстрел. Эксперты проводят сравнительный анализ пуль и гильз, обнаруженных на месте преступления, с экспериментальными выстрелами, произведенными из изъятого оружия. Микроскопические следы, оставляемые на пулях и гильзах частями оружия, уникальны для каждого конкретного экземпляра, что и позволяет производить идентификацию с высокой степенью точности.

Судебно-баллистическая экспертиза, как и другие виды криминалистических исследований, направлена на решение двух основных групп задач: идентификационных и диагностических. Именно это двойственное назначение делает ее настолько ценным инструментом в расследовании преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия.

Идентификационные задачи фокусируются на установлении индивидуально-конкретного тождества.

Проще говоря, эксперты стремятся ответить на вопрос: «Это конкретное оружие было использовано в данном случае или нет?». Одним из главных методов здесь является идентификация огнестрельного оружия по следам, оставляемым на пулях и гильзах.

Анализируя эти следы, эксперты могут с высокой вероятностью установить, были ли данная пуля и гильза выпущены именно из этого оружия.

К идентификационным задачам относится и установление принадлежности различных деталей и механизмов конкретному образцу оружия, что может быть важно, например, при расследовании случаев незаконного оборота или перделки оружия.

Диагностические задачи направлены на выявление свойств и состояния объекта, а также на установление факта его использования и обстоятельств происшествия.

Современный мир сталкивается с новыми вызовами, среди которых особое место занимает проблема ложных сообщений о террористических актах. Злоумышленники, используя различные каналы коммуникации – телефонную связь, электронную почту, письменные сообщения, – распространяют информацию о якобы заложенных взрывных устройствах или готовящихся взрывах, сея панику и тревогу среди населения. Стремясь к максимальной конспирации, преступники применяют завуалированные формы общения, прибегая к специфической терминологии и элементам родного языка. В подобных ситуациях запись телефонных переговоров или анализа текстов приобретает особое значение, превращаясь в ценный источник улик.

Фоноскопическая экспертиза, проводимая квалифицированными специалистами, позволяет выявить ключевые характеристики речи злоумышленника, проанализировать используемые языковые средства и, в конечном итоге, установить его личность.

Фоноскопическая экспертиза выступает эффективным инструментом идентификации личности. Её основная цель – установление личности неизвестного человека по уникальным характеристикам его голоса и речи.

Анализ акустических параметров голоса, интонационных особенностей, лексического состава и стилистических приемов позволяет не только идентифицировать человека, но и выявить ряд его личностных особенностей.

Исследование речевых характеристик человека, особенно в контексте криминалистики, где речь может служить своеобразным «отпечатком пальца», требует комплексного подхода и участия специалистов разных областей знания. Для всестороннего и объективного анализа необходима сотрудничество эксперта-фоноскописта, обладающего глубокими техническими знаниями в области акустики и анализа звука, и эксперта-лингвиста, обладающего профессиональными навыками в сфере языка и речи.

Преступники, осуществляющие телефонный терроризм или мошенничество, нередко прибегают к различным ухищрениям, меняя тембр голоса, имитируя акцент, пытаясь говорить голосом противоположного пола.

Однако, опытные эксперты-криминалисты, владея специальными методами и технологиями, способны выявить скрытые акустические признаки, которые говорящий не может контролировать сознательно.

Эти микропризнаки голоса и речи становятся решающими факторами при установлении личности преступника [2].

При проведении фоноскопической экспертизы ставятся следующие вопросы:

- 1) Сколько лиц участвовало в разговоре на фонограмме?
- 2) Каково содержание текста на фонограмме?
- 3) Каковы источники и характер звуков?
- 4) Каковы пол, возраст, анатомические особенности и психические характеристики лица, слова которого записаны на данной фонограмме?
- 5) Каковы социальные характеристики лица (уровень образования, интеллект и т.п.)?
- 6) Каково эмоциональное состояние лица во время произнесения речи?
- 7) Принадлежит ли записанная на фонограмме речь конкретному лицу?

Криминалистическая экспертиза фонограмм – относительно новая, но динамично развивающаяся область судебной экспертизы, опирающаяся на новейшие достижения в сфере кибернетики и цифровых технологий.

Основными задачами экспертов-фоноскопистов являются: установление источника звука, дешифровка записей, выявление признаков монтажа, редактирования или других видов манипуляции с аудиоматериалом.

Особую сложность для проведения экспертизы представляют случаи использования злоумышленниками специализированного программного обеспечения, позволяющего значительно изменять характеристики голоса.

Современные программы-трансформеры голоса способны эффективно маскировать индивидуальные особенности речи, что существенно усложняет процесс идентификации говорящего и требует от экспертов постоянного совершенствования методов исследования и применения передовых технических средств [3].

Преступники, планирующие террористические акты, стремятся к максимальной конспирации, тщательно продумывая свои действия и применяя различные способы сокрытия своей личности.

Изменение внешности, в том числе с помощью грима и пластической хирургии, становится все более распространенным явлением. В подобных ситуациях важнейшую роль играет судебно-портретная экспертиза, направленная на идентификацию личности по чертам лица.

Высококвалифицированные эксперты, владея специальными методиками и компьютерными технологиями, анализируют фото-, видеоматериалы, составляют словесные портреты, проводят сопоставление с изображениями предполагаемых преступников.

Данный вид экспертизы позволяет успешно устанавливать личности злоумышленников, даже несмотря на предпринятые ими попытки изменить внешность и затруднить процесс опознания.

Судебно-портретная экспертиза, направленная на идентификацию личности по чертам лица, представляет собой сложный комплекс исследовательских методов, применение которых зависит от специфики представленных материалов.

В зависимости от характера объектов исследования, можно выделить следующие виды судебно-портретной экспертизы:

- Экспертиза изображений по фотопортретам. Экспертиза фотоснимков трупа и живого человека.
- Экспертиза изображений без вести пропавшего человека при жизни и черепа трупа.
- Экспертиза посмертной маски неизвестного человека и фотоснимков без вести пропавшего человека при жизни: Данный вид экспертизы также применяется для установления личности погибшего.

Эксперты проводят сравнительный анализ посмертной маски с прижизненными изображениями человека, обращая особое внимание на форму и размеры лица, особенности строения носа, скул, подбородка.

Вопросы, представляемые на разрешение эксперту идентификационного характера:

- 1) Не изображено ли на снимках одно и то же лицо?

- 2) Не принадлежат ли части головы, лица, тела, представленных на снимках, одному лицу?

- 3) Не изображено ли на снимках неопознанного трупа то же лицо, что и на предоставленном для сравнения фотоснимке?

- 4) Не принадлежит ли череп неопознанного трупа лицу, чьи изображения были предоставлены с целью сравнения?

Вопросы диагностического характера:

- 1) Какого пола человек, изображенный на фотоснимке?

- 2) Каков его антропологический тип?

- 3) Какова возрастная группа человека, изображенного на снимке?

- 4) Какое телосложение человека на снимке?

Современная криминалистика находится в состоянии постоянного развития, активно внедряя инновационные технологии и разработки, которые открывают новые возможности для раскрытия и расследования преступлений.

Среди последних достижений особого внимания заслуживают проекты, направленные на анализ и интерпретацию поведенческих проявлений человека.

Революционной можно назвать платформу «151EYE», позволяющую идентифицировать личность и оценивать психологическое состояние человека по голосу. Сложнейшие алгоритмы, лежащие в основе этой технологии, анализируют не только уникальные акустические характеристики голоса, но и различные параметры речи, выявляя скрытые эмоциональные состояния, такие как стресс, тревога, уверенность, а также определяя черты характера - энергичность, сосредоточенность, склонность к лени.

В заключение следует подчеркнуть, что своевременное и грамотное применение криминалистических экспертиз играет ключевую роль в раскрытии преступлений экстремистской и террористической направленности. Оперативность назначения экспертизы, тщательный выбор экспертного учреждения, четкая формулировка вопросов перед экспертами — все это необходимые условия для формирования прочной доказательной базы.

Список литературы:

[1] Аминев Ф. Г. По вопросу о тактике назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом // Юрист Правовед. 2017. № 4 (83). С. 74 - 78.

[2] Интервью начальника ЭКЦ МВД России генерал-лейтенанта полиции А.В. Шишко радио-

станции Милицейская волна 01.03.2019. Режим доступа свободный <https://мвд.рф/document/16093018>

[3] Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертиология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. - 2-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С.203.

References:

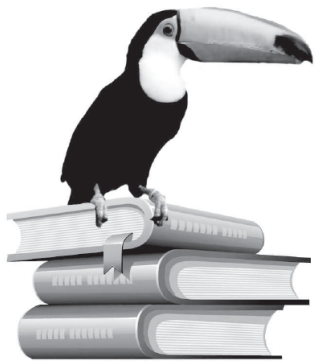
[1] Aminev F.G. On the question of the tactics of appointing forensic examinations in the investigation

of crimes related to extremism and terrorism//Lawyer Pravoved. 2017. № 4 (83). S. 74-78.

[2] Interview with the head of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant General A.V. Shishko radio station Police Wave 01.03.2019. The access mode is free <https://мвд.рф/document/16093018>

[3] Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Theory of forensic examination (forensic expertise): textbook/E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina, A.M. Zinin; ed. E.R. Rossinskaya. - 2nd ed. reworked. and add. M.: Norm: INFRA-M, 2016. S.203.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-579-585

КВИТЧУК Маргарита Александровна,
заместитель начальника кафедры
финансового учета и контроля
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: kma005_2010@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПРЕСТУПНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье проведено исследование современного состояния преступлений экономической направленности, обоснованно применение статистического анализа. Показаны причины взаимосвязи преступлений экономической направленности с различными социальными факторами.

Ключевые слова: население, уровень жизни, динамика, преступления экономической направленности, статистика, анализ.

KVITCHUK Margarita Aleksandrovna,
Deputy Head of the Department of Financial Accounting and Control
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

SOCIAL DETERMINANTS AND ECONOMIC CRIME

Annotation. The article presents a study of the current state of economic crimes and substantiates the use of statistical analysis. The reasons for the relationship between economic crimes and various social factors are shown.

Key words: population, standard of living, dynamics, economic crimes, statistics, analysis.

Важнейшим фактором, влияющим на состояние уровня жизни в нашей стране, является её экономика. Государство, с целью улучшения жизни населения, наряду с другими мероприятиями проводит работу, направленную на выявление и обработку информации о благосостоянии населения, его физическом и эмоциональном состоянии. Несомненно, качество жизни — это один из самых значимых элементов социального характера. Государственная Дума приняла ряд законов социальной поддержки населения так:

Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) «О государственной социальной помощи» предусмотрены следующие меры поддержки [1]:

- субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг для лиц с уровнем дохода ниже прожиточного минимума (устанавливается персонально для каждого региона);
- компенсации части родительской платы за посещение детского дошкольного учреждения;
- государственная социальная стипендия;

- различные выплаты родителям на детей (единовременные, ежемесячные).

Показателем уровня и качества жизни является минимальный размер оплаты труда (МРОТ). Минимальный размер оплаты труда — законодательно установленный минимум, применяемый для регулирования оплаты труда, а также для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности.

Величина МРОТ установлена Законом от №82-ФЗ от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты труда» [2].

Минимальный размер оплаты труда применяется для:

- регулирования оплаты труда;
- определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам;
- иных целей обязательного социального страхования.

Для работника установление минимального уровня оплаты труда является некой гарантией, для работодателя — обязанностью. Поэтому действующим российским законодательством пред-

усмотрены меры в отношении работодателей, уклоняющихся от этой обязанности, несмотря на все противоречия, установление минимального размера оплаты труда позволяет увеличивать уровень доходов населения страны.

Для того чтобы оценить влияние величины МРОТ на реальные доходы населения обра-

еща к официальной статистике по показателю «Инфляция» и проанализируем динамику роста (таблица 1). Для расчета темпа роста минимального уровня оплаты труда, было использовано максимальное значение показателя в те года, когда МРОТ пересматривался неоднократно за период.

Таблица 1. Анализ динамики роста МРОТ и уровня инфляции

№ п/п	Период	Сумма МРОТ, руб.	Темп роста МРОТ, %	Темп роста уровня инфляции, %
1	2014	5554	106,7	100,6
2	2015	5965	107,4	103,9
3	2016	6204	104,0	101,0
4	2017	9489	152,9	100,6
5	2018	11163	117,6	100,3
6	2019	11280	101,0	101,0
7	2020	12130	107,5	100,4
8	2021	12792	105,4	100,7
9	2022	15279	119,4	100,9
10	2023	16242	106,3	100,8
11	2024	19242	118,5	100,9

Динамика темпов роста МРОТ с 2014 по 2024 гг. представлена на рис. 1.

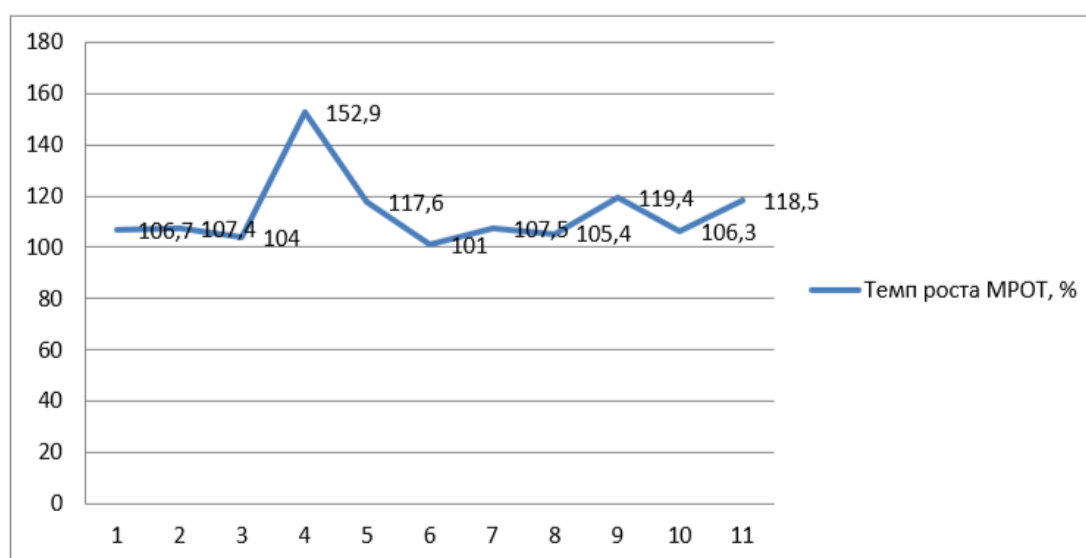

Рисунок 1. Динамика темпов роста МРОТ с 2014 по 2024 гг.

Таким образом, несмотря на рост минимального размера оплаты труда, этот рост «съедается» ростом уровня цен. Более того, если оценивать реальный уровень цен, а не статистический, то этот разрыв будет еще больше. Также любое повышение экономических показателей (пенсий, МРОТ) вызывает всплеск роста цен на все категории товаров, а в первую очередь, на товары повседневного спроса. Кроме того, следует отметить тот факт, что реальные первоочередные потребности значительно превышают величину минимального размера оплаты труда.

Для решения обозначенной проблемы мы используем методы количественного анализа, что позволяет измерить, описать, проанализировать и смоделировать изменчивость данных показателей, даже при наличии ограниченного объема данных [5, с. 119].

Проведем анализ динамики показателя среднедушевого дохода населения, рассчитав базисные, цепные и средние показатели временных рядов (таблица 2).

Таблица 2. Динамика среднедушевого дохода населения

Год	Среднедушевой денежный доход руб.	Темп роста, %		Темп прироста, %		Абсолютное значение 1% прироста
		цепной	базисный	Цепной	базисный	
2014	27 767	-	-	-	-	-
2015	30 467	109,7	109,7	9,7	9,7	277,7
2016	30 675	100,7	110,5	0,7	10,5	304,7
2017	31 367	102,3	113,0	2,3	13,0	306,8
2018	32 609	104,0	117,4	4,0	17,4	313,7
2019	35 506	108,9	127,9	8,9	27,9	326,1
2020	36 240	102,1	130,5	2,1	30,5	355,1
2021	40 304	111,2	145,2	11,2	45,2	362,4
2022	44 937	111,5	161,8	11,5	61,8	403,0
2023	46 416	103,3	167,2	3,3	67,2	449,4
Итого	356 288					
В среднем	35 628,8	118,7		6,0		

Полученные результаты свидетельствуют о том, что среднедушевые доходы населения Российской Федерации с 2014 г. по 2023 г. имеют положительную тенденцию. Максимальный прирост наблюдается в 2022 году по сравнению с 2021 и составил 11,5%, минимальный – в 2016 году по сравнению с 2015 годом (0,7%). Совокупный рост доходов населения составил 18 649 тыс. руб. или 67,2%.

Среднедушевые денежные доходы населения в среднем за 10 лет составили 35 628,8 руб., при этом ежегодный прирост, в среднем, составляет 5 404 руб. или 18,7%.

Несомненно, стоит упомянуть о таком показателе, как бедность. Это показатель, отражающий долю населения, которая имеет доходы ниже

прожиточного минимума или не имеет их вовсе. Рост занятости порождает увеличение доходов и должно обратным образом влиять на уровень бедности. В связи с этим оценим, взаимосвязаны ли эти показатели, рассчитав линейный коэффициент корреляции. Коэффициент корреляции используется для определения наличия взаимосвязи между признаками, свойствами изучаемых процессов и явлений [7, с. 57]. В качестве результативного фактора (y) примем долю населения с низкими доходами, а в качестве факторного признака (x) – уровень занятости.

Для расчета параметров коэффициента корреляции построим расчетную таблицу (таблица 3).

Таблица 3. Расчетная таблица

Год	x	y	x ²	y ²	xy
2014	65,3	11,3	4 264,09	127,69	737,89
2015	65,3	12,6	4 264,09	158,76	822,78
2016	65,7	12,7	4 316,49	161,29	834,39
2017	59,8	12,7	3 576,04	161,29	759,46
2018	59,5	12,9	3 540,25	166,41	767,55
2019	59,1	13,2	3 492,81	174,24	780,12
2020	58,6	13,5	3 433,96	182,25	791,10
2021	58,7	13,7	3 445,69	187,69	804,19
2022	58,1	13,4	3 375,61	179,56	778,54
2023	57,5	13,5	3 306,25	182,25	776,25
Итого	607,6	129,5	37 015,28	1 681,43	7 852,27

Построим корреляционное поле (рис 2).

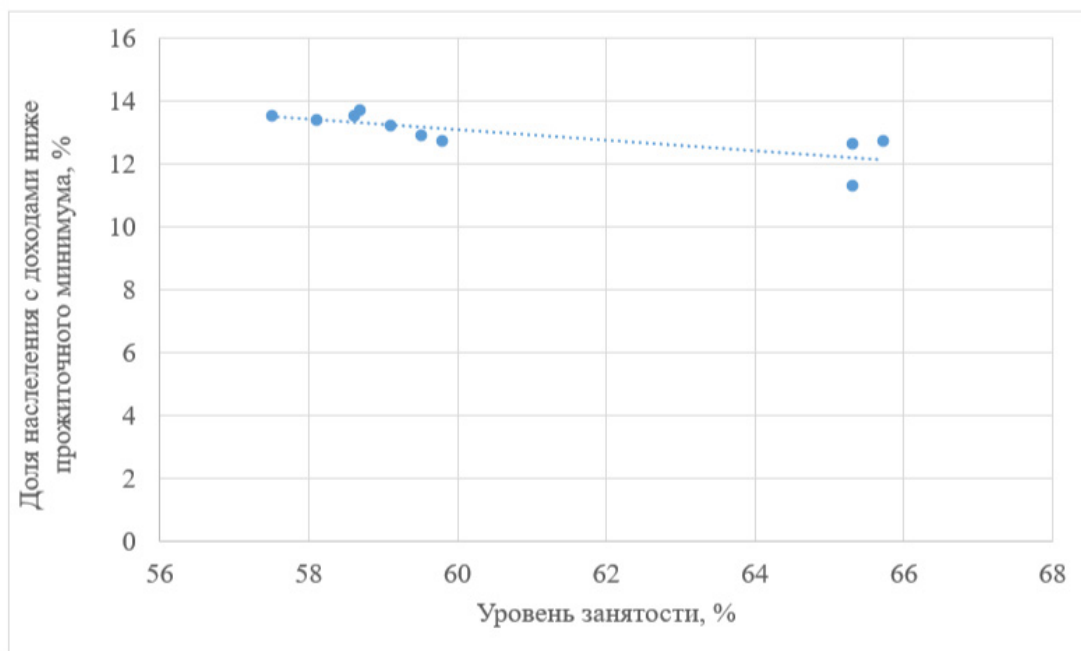

Рисунок 2. Корреляционное поле

$$r_{xy} = \frac{785,22 - 12,95 \cdot 60,76}{0,67 \cdot 3,12} = -0,78 \quad (1)$$

Полученный линейный коэффициент корреляции свидетельствует о наличии обратной сильной связи между долей населения с низкими доходами и уровнем занятости, следовательно, от повышения уровня занятости доля населения с

низкими доходами имеет тенденцию к снижению. Так как число наблюдений меньше 30, необходимо оценить достоверность вывода о сильной корреляционной связи путём вычисления критерия Стьюдента:

$$t_{\text{расч}} = \sqrt{\frac{r_{yx}^2 \cdot (n - 2)}{1 - r_{yx}^2}} > t_{\text{таб}}(\alpha; v = n - 2) \quad (2)$$

$$t_{\text{расч}} = 3,5 \quad (3)$$

$$t_{\text{таб}} = (0,05; 8) = 2,31 \quad (4)$$

$$t_{\text{расч}} > t_{\text{таб}} \quad (5)$$

Выполнение условия $t_{\text{расч}} > t_{\text{таб}}$ гарантирует достоверность вывода о сильной корреляционной связи с вероятностью $P=0,95$.

С 2021 года Правительство РФ рассчитывает прожиточный минимум как 44,2% от медианного среднедушевого дохода согласно внесенных изменений в ст.4 Федерального закона от 24.10.1997 №134 «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» [3]. «Данная методика пришла на смену морально устаревшей концепции расчета потребительской корзины, которая просуществовала более 20 лет и не смогла кардинально улучшить ситуацию по борьбе с бедностью. В новой методике законодатель делает привязку размера прожиточного минимума к показателю медианного дохода, который имеет положительный тренд за последние годы с расчетом на форсирование роста прожиточного минимума, сокращение бедности и роста уровня жизни в целом».

Законодательное закрепление прожиточного минимума очень важно, поскольку от него зависит государственная поддержка семьи, несовершеннолетних, одиноких граждан, установление пенсий, пособий, и других мер социальной поддержки.

В оценке уровня жизни населения исследование преступности в этой сфере играет важную роль. «Экономическая преступность занимает одно из наиболее важных и уязвимых мест в системе экономической безопасности нашего государства. Но при этом нельзя не сказать о постоянной модернизации форм и методов борьбы с данным явлением. Конечно, хотелось

бы, чтобы результаты были более масштабными, но сам факт того, что они есть, уже говорит о многом» [6, с. 1434].

Повышение уровня преступности и противоречия между законодательными актами может приводить к разрыву экономических и социальных связей, спаду производства, росту цен, повышению безработицы.

Экономическая преступность неразрывно связана с экономической активностью граждан и юридических лиц, а ее уровень определяется совокупностью условий, побуждающих субъектов экономических отношений к осуществлению противозаконной деятельности. Экономические преступления в современном мире рассматриваются как фактор, подрывающий национальную безопасность государства и оказывающий деструктивное влияние на его экономическую структуру.

Высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере, а также сохранение значительной доли теневой экономики, которая в большей своей части непосредственно связана с преступной деятельностью, обозначены как одни из наиболее обширных внутренних угроз экономической безопасности, обозначенных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [4].

Согласно данным о состоянии преступности экономической направленности за 2024 год, публикуемым ГИАЦ МВД России, на 1 января 2025 года она характеризуется следующими показателями [8] (таблица 4).

Таблица 4. Данные по преступлениям экономической направленности с2021 по 2023 гг.

Показатель	Число преступлений, ед.			Структура, %			2023 г. в % к 2021 г.
	2021	2022	2023	2021	2022	2023	
Преступления против собственности	32627	33615	33178	27,72	30,17	31,52	101,7
Преступления в сфере экономической деятельности	40706	37713	33552	34,58	33,84	31,88	82,4
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях	1807	1758	2024	1,54	1,58	1,92	112,0
Преступления против государственной власти, интересов госслужбы и службы в органах местного самоуправления	17361	16945	17854	14,75	15,21	16,96	102,8
Иные	25206	21398	18649	21,41	19,20	17,72	74,0
Всего зарегистрированных экономических преступлений	117707	111429	105257	100,0	100,0	100,0	89,4

По данным в таблице можно констатировать, что самый большой удельный вес в структуре экономических преступлений имеют преступления в сфере экономической деятельности, самый малый – преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Однако к 2023 году показатели преступлений в сфере экономической деятельности становятся практически равными, показателям по преступлениям против собственности (разница составляет лишь 0,36%).

По итогам 2023 г. наибольшим удельным весом среди рассмотренных видов преступлений экономической направленности обладают преступления в сфере экономической деятельности (31,88 %) и преступления против собственности (31,52 %).

Экономические преступления являются наиболее общими и охватывают широкий перечень статьей Уголовного Кодекса Российской Федерации, поэтому доля в 2/3 от всех преступлений экономической направленности не является чем-то экстраординарным.

Стоит отметить положительную динамику по сокращению числа преступлений в сфере экономической деятельности на 2,7% ввиду качествен-

ного улучшения межведомственного взаимодействия и обмена информацией между подразделениями ЭБиПК МВД России и ФНС России.

За последнее десятилетие установилась устойчивая тенденция по сокращению числа зарегистрированных преступлений, что говорит о вполне эффективной работе МВД России по борьбе с преступностью и ее профилактике. Однако волнообразная структура экономических преступлений в общей массе преступлений свидетельствует только о нахождении процессов по поиску эффективного решения проблем экономической преступности на начальном этапе своего развития. Прирост доли экономических преступлений последних лет также можно объяснить валовым увеличением количества преступлений, совершенных дистанционным способом или в сфере информационных технологий ввиду роста этой отрасли экономики.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О государственной социальной помощи» / СПС КонсультантПлюс. Дата обращения (25.04.2025).

[2] Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» / СПС КонсультантПлюс. Дата обращения (25.04.2025).

[3] Федерального закона от 24.10.1997 №134 «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

[4] Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2902.

[5] Квитчук М. А. Исследование макроэкономических показателей экономической безопасности государства с помощью статистических методов / М. А. Квитчук // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-2 (75-2). С. 119-121.

[6] Статистические и математические методы исследования экономических преступлений в Российской Федерации / М. А. Квитчук, Л. В. Большакова, О. П. Толкачева, Н. А. Яковлева // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 6(155). – С. 1430-1434.

[7] Квитчук, М. А. Методы мониторинга масштабов теневой экономики как угрозы экономической безопасности государства: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Квитчук Маргарита Александровна. – Санкт-Петербург, 2009. – 125 с.

[8] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/?ysclid=lp7zdh51dl931686283> Дата обращения (21.02.25).

References:

[1] Federal Law No. 17.07.1999 of 178-FZ (as amended by 24.07.2023) "On State Social Assistance" /SPS ConsultantPlus. Date of contact (25.04.2025).

[2] Federal Law of 19.06.2000 No. 82-FZ "On the Minimum Wage" /SPS ConsultantPlus. Date of contact (25.04.2025).

[3] Federal Law of 24.10.1997 No. 134 "On the Subsistence Minimum in the Russian Federation."

[4] Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030" //Collection of Legislation of the Russian Federation, 15.05.2017, No. 20, Art. 2902.

[5] Kvitchuk M. A. Study of macroeconomic indicators of economic security of the state using statistical methods/M. A. Kvitchuk//Economics and entrepreneurship. 2016. № 10-2 (75-2). S. 119-121.

[6] Statistical and mathematical methods of studying economic crimes in the Russian Federation/M. A. Kvitchuk, L. V. Bolshakova, O. P. Tolkacheva, N. A. Yakovleva//Economics and Entrepreneurship. – 2023. – № 6(155). - S. 1430-1434.

[7] Kvitchuk, M. A. Methods of monitoring the scale of the shadow economy as a threat to the economic security of the state: dissertation for the degree of candidate of economic sciences/Kvitchuk Margarita Alexandrovna. - St. Petersburg, 2009. - 125 s.

[8] Brief description of the state of crime in the Russian Federation [Electronic resource] <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/?ysclid=lp7zdh51dl931686283> Date of contact (21.02.25).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-586-589

ЛИСАЧЕНКО Олег Васильевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Гуманитарные науки» институт
химических технологий и инжиниринга ФГБОУ ВО
«Уфимский государственный нефтяной университет»
в г.Стерлитамаке,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ АНОМАЛИЙ В СИСТЕМАХ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Информационная безопасность становится одной из ключевых задач современной цифровой инфраструктуры. Традиционные методы защиты не всегда способны своевременно обнаруживать новые, неизвестные ранее угрозы. В связи с этим всё большее распространение получают технологии машинного обучения, которые позволяют выявлять аномальное поведение в системах на основе анализа больших объёмов данных. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты использования машинного обучения для обнаружения аномалий в киберпространстве, обсуждаются преимущества, ограничения и перспективы развития таких подходов.

Ключевые слова: машинное обучение, кибербезопасность, обнаружение аномалий, сетевой трафик, синтетические данные, информационная безопасность, модели без учителя.

LISACHENKO Oleg Vasilievich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Humanities,
Institute of Chemical Technologies and Engineering,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Ufa State Petroleum University in Sterlitamak

USING MACHINE LEARNING ALGORITHMS TO DETECT ANOMALIES IN CYBERSECURITY SYSTEMS

Annotation. Information security is becoming one of the key tasks of modern digital infrastructure. Traditional security methods are not always able to detect new, previously unknown threats in a timely manner. In this regard, machine learning technologies are becoming more widespread, which make it possible to identify abnormal behavior in systems based on the analysis of large amounts of data. The article examines the theoretical and practical aspects of using machine learning to detect anomalies in cyberspace, discusses the advantages, limitations and prospects for the development of such approaches.

Key words: machine learning, cybersecurity, anomaly detection, network traffic, synthetic data, information security, unsupervised models.

Введение

Обеспечение информационной безопасности в условиях стремительного роста объёмов цифровых данных и расширения границ сетевого взаимодействия требует новых решений, способных обнаруживать угрозы в реальном времени и с высокой степенью точности. Одним из таких

решений становится применение алгоритмов машинного обучения (МО), позволяющих не просто фиксировать заранее известные типы атак, но и выявлять ранее неизвестные, отклоняющиеся от нормального поведения системы инциденты.

Аномалии, как правило, отражают нетипичную или подозрительную активность, например,

неожиданное обращение к конфиденциальной информации, резкое увеличение исходящего трафика или выполнение системных команд, ранее не характерных для пользователя. Алгоритмы МО способны выявлять такие действия без необходимости ручной настройки или предварительного задания сигнатур, что делает их особенно актуальными в современных гибридных и облачных инфраструктурах.

Теоретические основы машинного обучения в кибербезопасности

Машинное обучение — это совокупность методов, позволяющих алгоритмам автоматически обучаться на исторических данных с целью распознавания закономерностей и предсказания будущих событий. В контексте кибербезопасности основная задача таких алгоритмов заключается в построении моделей нормального поведения системы или пользователей и выявлении отклонений от этой модели.

Выделяют два ключевых подхода: обучение с учителем и обучение без учителя. В первом случае используется заранее размеченная выборка, в которой известны примеры как нормальной, так и вредоносной активности. Во втором случае алгоритм самостоятельно формирует представление о норме и фиксирует выход за её пределы. Методы без учителя наиболее эффективны при обнаружении новых, нестандартных угроз, о которых заранее нет сведений [1].

Современные методы машинного обучения, такие как случайный лес, градиентный бустинг, автоэнкодеры, а также различные архитектуры нейронных сетей (включая рекуррентные и сверточные), находят широкое применение в задачах анализа логов, мониторинга сетевого трафика и оценки поведения приложений. Особый интерес представляет использование ансамблевых методов и гибридных подходов, сочетающих обучение с и без учителя, что позволяет существенно снизить уровень ложных срабатываний [2].

Практическое применение и эффективность

На практике алгоритмы машинного обучения используются для анализа сетевых потоков, событий безопасности, поведения пользователей и приложений. Одним из важных направлений является обнаружение аномалий в сетевом трафике. В таких задачах модели обучаются на нормальных шаблонах взаимодействия между пользователями и сетевыми ресурсами, и при появлении отклонений (например, попытки доступа к нетипичным портам, необычные протоколы, нетипичное географическое расположение клиента) фиксируют потенциальную угрозу.

В ряде работ было продемонстрировано, что применение МО позволяет существенно повысить точность систем обнаружения атак, особенно при использовании синтетических данных для обучения моделей. Такой подход даёт возможность избежать ограничений, связанных с конфиденциальностью реальных логов, и при этом обеспечить репрезентативность тренировочной выборки [2].

Для повышения точности выявления аномалий часто используются методы ансамблевого обучения, объединяющие результаты нескольких моделей. Также важную роль играет качество предобработки данных: очистка, нормализация и агрегация существенно влияют на результат работы алгоритмов [3]. В условиях высоких нагрузок в корпоративных и облачных системах особую актуальность приобретают подходы, позволяющие масштабировать модели и проводить их адаптацию в режиме реального времени.

Проблемы и ограничения

Несмотря на высокую эффективность, применение машинного обучения в системах кибербезопасности сопряжено с рядом сложностей. Одной из них является проблема «чёрного ящика» — невозможность интерпретировать поведение модели, особенно в случае использования глубоких нейросетей. Это затрудняет принятие решений на стороне оператора и снижает доверие к таким системам.

Кроме того, сами алгоритмы могут становиться объектом атак. Например, при использовании техники отравления данных (data poisoning) злоумышленник может преднамеренно встраивать ложные данные в обучающую выборку, тем самым нарушая корректность работы модели. Также возможны атаки типа evasion — изменение поведения вредоносного объекта таким образом, чтобы он остался незамеченным для модели [4].

Важным ограничением остаётся зависимость от полноты и актуальности обучающего набора. Изменения в поведении пользователей, обновления программного обеспечения, появление новых протоколов требуют регулярной переобучаемости модели. В этой связи возрастает интерес к методам онлайн-обучения и федеративного обучения, позволяющим учитывать текущие данные без необходимости централизованного сбора всей информации.

Перспективы развития

Наиболее перспективным направлением развития являются адаптивные системы обнаружения угроз, способные встраиваться в архитектуру организации и непрерывно обучаться. Особую значимость приобретает применение синте-

тических данных — генерация реалистичных логов для обучения моделей в условиях, когда реальный доступ к данным ограничен или невозможен по соображениям безопасности [2].

Кроме того, стоит отметить рост интереса к разработке интерпретируемых моделей. Такие решения позволяют не только фиксировать факт аномалии, но и объяснять причину срабатывания, что существенно упрощает работу специалистов по безопасности. В долгосрочной перспективе можно ожидать широкого распространения систем, сочетающих экспертные правила и методы машинного обучения, а также интеграции с решениями на базе искусственного интеллекта более высокого уровня.

Интеграция машинного обучения с системами реагирования на инциденты

Эффективность применения алгоритмов машинного обучения в сфере кибербезопасности во многом зависит от того, насколько быстро и точно система может не только обнаружить аномалию, но и организовать автоматизированное или полуавтоматическое реагирование на потенциальную угрозу. Современные подходы к построению комплексных решений безопасности предполагают тесную интеграцию моделей машинного обучения с системами управления событиями безопасности и информацией (SIEM), платформами реагирования на инциденты (SOAR) и системами автоматизации безопасности.

Одним из ключевых преимуществ такой интеграции является возможность минимизации времени реакции на инцидент. Например, при обнаружении подозрительной активности модель может не просто зафиксировать событие, но и передать его в систему SOAR для автоматического запуска сценария расследования: блокировки IP-адреса, изоляции устройства в сети, анализа связанных событий и оповещения специалистов службы безопасности.

Кроме того, интеграция позволяет реализовать замкнутый цикл «обнаружение – анализ – реагирование – обучение», в котором данные о реагировании используются для дообучения модели. Это способствует повышению её точности и адаптивности к новым типам атак. Например, если система успешно заблокировала DDoS-атаку, информация об этом случае может быть добавлена в обучающую выборку, что улучшит распознавание аналогичных атак в будущем.

Важно отметить, что эффективная интеграция требует стандартизации форматов данных и протоколов взаимодействия между компонентами системы безопасности. Для этих целей всё чаще применяются открытые стандарты, такие как STIX/TAXII для обмена угрозами, OpenC2 для команд и управления, а также MISP для обмена метаданными о киберугрозах.

Таким образом, внедрение машинного обучения в состав комплексных решений кибербезопасности открывает возможности для создания более интеллектуальных, быстрых и масштабируемых систем защиты, способных противостоять современным киберугрозам.

Применение машинного обучения в защите облачных инфраструктур

С переходом организаций на облачные технологии значительно усложняется архитектура информационных систем и расширяются поверхности атак. Облачные среды характеризуются высокой динамичностью, гибкой масштабируемостью и децентрализованным управлением, что делает традиционные методы обеспечения безопасности недостаточно эффективными. В этой связи всё большее значение приобретают решения, основанные на алгоритмах машинного обучения, способные адаптироваться к изменяющимся условиям и оперативно выявлять подозрительную активность.

Особую сложность представляет защита микросервисных архитектур, контейнеризованных приложений и serverless-решений, где классические средства мониторинга не всегда применимы. Модели машинного обучения позволяют анализировать поведение сервисов, отслеживать сетевые взаимодействия между контейнерами и обнаруживать аномалии, которые могут указывать на компрометацию системы. Например, неожиданное обращение одного микросервиса к базе данных другого, или внезапное увеличение числа API-запросов может быть признаком внутренней атаки или утечки учетных данных.

Важным направлением является использование методов машинного обучения для анализа логов и метрик, собираемых из различных облачных платформ (например, AWS CloudTrail, Azure Monitor, Google Cloud Logging). Системы обнаружения аномалий на основе МО способны выделять шаблоны поведения пользователей, сервисных аккаунтов и приложений, и сигнализировать о любых существенных отклонениях.

Кроме того, в облачных средах становится особенно важной концепция Zero Trust Architecture (архитектура с нулевым доверием), в которой каждый запрос проверяется независимо. Интеграция моделей машинного обучения в такие архитектуры позволяет реализовать динамическую политику доступа, основанную на контексте запроса: местоположении, времени, типе устройства, поведении пользователя и других факторах.

Таким образом, применение алгоритмов машинного обучения в защите облачных инфраструктур открывает новые возможности для обеспечения безопасности в условиях высокой динамики и сложности современных ИТ-систем.

Обучение на потоковых данных и его роль в обнаружении аномалий

Современные системы кибербезопасности сталкиваются с необходимостью обработки огромных объёмов данных в режиме реального времени. Традиционные подходы, основанные на статических наборах данных и периодическом переобучении моделей, зачастую не успевают адаптироваться к быстро меняющейся среде. В этой связи всё большее внимание уделяется методам обучения на потоковых данных (stream learning), позволяющим обновлять модель по мере поступления новых примеров без необходимости полного переобучения.

Потоковые алгоритмы машинного обучения отличаются высокой скоростью обработки и низким потреблением ресурсов, что делает их особенно актуальными для таких задач, как анализ сетевого трафика, мониторинг активности пользователей или выявление необычного поведения в реальном времени. Примером могут служить фреймворки, такие как River (для Python), специально разработанные для онлайн-обучения.

Ключевыми преимуществами использования stream learning в кибербезопасности являются:

- Непрерывная адаптация модели к изменению паттернов поведения пользователей и систем;
- Снижение задержек при обнаружении новых типов атак;
- Возможность работы с ограниченными вычислительными ресурсами, что особенно важно в edge-вычислениях и IoT-устройствах;
- Обеспечение актуальности модели в условиях концептуальных сдвигов (concept drift), когда закономерности в данных со временем меняются.

Однако внедрение потокового обучения связано и с рядом вызовов: необходимость устойчивости к шуму, защита от вредоносного влияния на модель, сложность оценки качества в условиях отсутствия немедленной обратной связи (delayed labels) и другие.

Заключение

Применение алгоритмов машинного обучения в кибербезопасности открывает широкие возможности для повышения эффективности защиты информационных систем. Особенно перспектив-

ными являются подходы, ориентированные на обнаружение аномалий, поскольку они позволяют выявлять новые типы угроз, минуя ограничения сигнатурных методов. Вместе с тем важным остаётся комплексный подход, включающий обеспечение качества данных, адаптивность моделей, устойчивость к атакам и развитие интерпретируемости. Всё это делает машинное обучение не просто инструментом, а важным компонентом современной системы защиты цифровых активов.

Список литературы:

- [1] Лапина М. А., Мовзалевская В. В., Токмакова М. Е., Бабенко М. Г., Саджид М. (2024). Применение технологий машинного обучения для обнаружения веб-атак. Вестник ВОКИБ, 2024(4), 92–103.
- [2] Гурьянов А. И. (2024). Синтетические данные в задаче обнаружения аномалий в сфере информационной безопасности. Труды конференции «Абрау-2024», 6.
- [3] Никуличев В. А. (2020). Обнаружение аномалий в работе docker-контейнера с использованием методов машинного обучения. ВКР магистра, СПбПУ.
- [4] Михайлов А. Н. (2023). Обнаружение аномалий в сетевом трафике с использованием методов машинного обучения. Наука и образование.
- [5] Ким Г., Ли С., Ким С. (2021). Применение методов машинного обучения для выявления аномалий в сетевом трафике. Киберленинка.

References:

- [1] Lapina M.A., Movzalevskaya V.V., Tokmakova M.E., Babenko M.G., Sajid M. (2024). Application of machine learning technologies to detect web attacks. VOKIB Bulletin, 2024 (4), 92-103.
- [2] A. Guryanov (2024). Synthetic data in the task of detecting anomalies in the field of information security. Proceedings of the conference "Abrau-2024," 6.
- [3] Nikulichev V. A. (2020). Detecting anomalies in the docker container using machine learning methods. WRC Master, SPbPU.
- [4] Mikhailov A. N. (2023). Detection of anomalies in network traffic using machine learning techniques. Science and education.
- [5] Kim G, Lee S, Kim S (2021). Application of machine learning methods to identify anomalies in network traffic. Cyberleninka.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-590-596

ЛАТЫНИН Артем Олегович,
соискатель кафедры гражданского права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: LAO-workmail@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ СТАНДАРТОВ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ВОЛИ СТОРОН В ДОГОВОРЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема адаптации принципа свободы договора к условиям цифровой экономики, в которых автоматизированные стандарты обработки данных становятся важным фактором заключения и исполнения сделок, а также выявляются особенности влияния цифровых технологий на реализацию воли участников гражданского оборота. Проанализированы изменения в российском законодательстве (включая положения о цифровых правах и электронных сделках) и научные подходы к новым формам заключения договоров, основанным на использовании электронных и иных технических средств, позволяющих дистанционно выражать волю сторон. Установлено, что цифровые стандарты, такие как типовые веб-интерфейсы для акцепта (соглашения по клику) и алгоритмические смарт-контракты, с одной стороны, расширяют возможности сторон свободно вступать в договорные отношения, ускоряя и упрощая процесс заключения договора, а с другой стороны, создают риски несоответствия подлинной воли волеизъявлению из-за технических ограничений и регламентированности процедур. Сделан вывод о необходимости совершенствования правового регулирования с целью обеспечения баланса между эффективностью цифровых решений и автономией воли сторон, а также о важности защиты слабой стороны и устранения неопределённости, связанной с использованием новых технологий при заключении и исполнении договоров.

Ключевые слова: свобода договора, автономия воли, цифровые стандарты, электронная форма сделки, цифровое волеизъявление, смарт-контракт, цифровизация.

LATYNIN Artem Olegovich,
Candidate of the Department of Civil Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

THE IMPACT OF DIGITAL DATA PROCESSING STANDARDS ON THE IMPLEMENTATION OF THE PARTIES' WILL IN THE CONTRACT

Annotation. The article examines the problem of adapting the principle of freedom of contract to the conditions of the digital economy, in which automated data processing standards become an important factor in concluding and executing transactions, and also identifies the peculiarities of the influence of digital technologies on the realization of the will of participants in civil turnover. The article analyzes changes in Russian legislation (including provisions on digital rights and electronic transactions) and scientific approaches to new forms of concluding contracts based on the use of electronic and other technical means that allow remote expression of the will of the parties. It has been established that digital standards, such as standard web interfaces for acceptance (click-through agreements) and algorithmic smart contracts, on the one hand, expand the parties' ability to freely enter into contractual relations, speeding up and simplifying the process of concluding a contract, and on the other hand, create risks of non-compliance with genuine free expression of will due to technical limitations and regulated procedures. The conclusion is made about the need to improve legal regulation in order to ensure a balance between the effectiveness of digital solutions and the autonomy of the will of the parties, as well as the importance of protecting the weak side and eliminating the uncertainty associated with the use of new technologies in the conclusion and execution of contracts.

Key words: freedom of contract, autonomy of will, digital standards, electronic form of transaction, digital expression of will, smart contract, digitalization.

Введение

В условиях стремительно набирающей обороты цифровизации экономических процессов, когда практически каждое действие пользователя в онлайн-пространстве, будь то нажатие на функциональную кнопку веб-интерфейса или простое продолжение пользования электронным сервисом, влечёт за собой юридически значимые последствия, предопределённые алгоритмически закреплёнными правилами функционирования соответствующих информационных систем [3, с. 255], всё чаще ставится под сомнение вопрос о том, в какой степени подобное волеизъявление действительно выражает автономию воли сторон, а не является результатом технологически запрограммированного выбора, инициированного внешними цифровыми структурами. Именно поэтому в научной и правоприменительной плоскости всё более актуальной становится проблема определения границ допустимости и юридической значимости такого рода согласий, инициируемых посредством интерактивного интерфейса, что, в свою очередь, напрямую затрагивает вопрос соответствия подобных форм договорного взаимодействия основополагающим принципам частного правового регулирования, прежде всего принципу свободы договора, обеспечивающему реализацию интересов сторон как в материальном, так и в процессуальном выражении.

На актуальность данной проблематики указывает и тот факт, что при оформлении соглашений в электронной форме без реального диалога или переговорного процесса могут быть нарушены права и законные интересы участников цифровых правоотношений, особенно в тех случаях, когда предполагаемое согласие оформляется с помощью формализованных актов (например, автоматического продолжения использования сайта) без надлежащего осознания сторонами юридических последствий [5, с. 56].

В отечественной правовой доктрине всё отчетливее прослеживается тенденция к признанию так называемых «клик-контрактов» – соглашений, заключённых посредством активации электронных элементов на интернет-ресурсах, в качестве формализованного проявления дистанционной формы заключения договора [5, с. 55]. При этом данная форма, по мнению ряда исследователей, демонстрирует не только процедурную трансформацию, но и содержательное переосмысление принципа свободы договора под воздействием технологических реалий цифрового общества [5, с. 55].

Параллельно с доктринальными дискуссиями в законодательстве Российской Федерации происходят изменения: в частности, с 1 октября 2019 года в Гражданский кодекс РФ были внесены

изменения, согласно которым дистанционное волеизъявление, осуществлённое с помощью электронных или иных технических средств, приравнивается к совершению сделки в письменной форме при условии обеспечения возможности фиксации содержания соглашения на материальном носителе и достоверной идентификации субъекта, инициировавшего данное волеизъявление [6, с. 188].

Таким образом, как научное сообщество, обеспокоенное рисками утраты частноправовой автономии в условиях алгоритмического принуждения, так и российский законодатель, стремящийся адаптировать правовую систему к условиям цифровой среды, сосредотачивают внимание на изучении того, в какой степени стандартизированные цифровые протоколы, начиная с пользовательских интерфейсов и заканчивая встроенными алгоритмами обработки персональных данных, влияют на процесс заключения договоров и формирование обязательственного содержания отношений между сторонами, что, в свою очередь, и определяет предметную направленность настоящего исследования.

Целью данной научной работы является комплексный анализ влияния цифровых стандартов обработки данных на реализацию воли сторон при заключении и исполнении договорных обязательств. В качестве исследовательских задач были обозначены следующие: систематизировать современные формы электронного заключения договоров, выявить правовые и технико-юридические проблемы, возникающие при их применении, и наметить пути нормативного и доктринального совершенствования действующего регулирования с учётом зарубежного и отечественного опыта.

В методологическом аспекте исследование опирается на совокупность общенаучных и специальных подходов, включая формально-юридический анализ норм действующего законодательства, сравнительно-правовой метод, применяемый при изучении правовых конструкций, системный и аксиологический подходы, позволяющие интерпретировать положения доктринальных источников в их функциональной связи с развитием цифровых механизмов и практик.

Цифровая среда и свобода договорных отношений

Цифровизация общественных отношений, охватывая всё более широкие сферы частного правового взаимодействия, с одной стороны, способствует институциональному расширению способов заключения договоров посредством удалённых коммуникаций, позволяющих сторонам вступать в обязательственные правоотношения без физического присутствия и территориальной при-

вязки, что обеспечивает существенную экономию времени и транзакционных издержек, а с другой – порождает новые вызовы для реализации принципа свободы договора и действительного волеизъявления участников, поскольку стандартизированные интерфейсы и унифицированные алгоритмы цифровых платформ нередко ограничивают пространство индивидуального усмотрения, превращая согласие одной из сторон, как правило потребителя, в формальное принятие заранее установленных условий, оформленных в виде публичной оферты или договора присоединения [8, с. 4].

Такое изменение архитектуры договорного процесса, как подчёркивается в юридической литературе, обусловлено не только техническими возможностями цифровой среды, но и институциональной логикой её построения, при которой инициатива в определении условий принадлежит разработчику или владельцу цифровой платформы, в то время как вторая сторона, не располагая возможностью согласования положений договора, вынуждена выбирать между акцептом в предложенной форме и отказом от участия в сделке, что трансформирует саму суть договорной автономии, смещая акцент с равноправного согласования на одностороннюю формализацию [1, с. 124].

В этом контексте правовое регулирование электронных сделок требует переосмысления

ряда традиционных положений, поскольку если ранее действительность письменной формы связывалась с собственноручным подписанием документа на бумажном носителе, то в современных условиях юридическое значение приобретают действия в электронной среде, включая нажатие кнопки, заполнение формы или отправку сообщения, которые, при соблюдении установленных законом технических параметров, признаются равнозначными письменной форме сделки в соответствии с действующим гражданским законодательством Российской Федерации. Следовательно, цифровое пространство функционирует как новая правовая плоскость реализации договорной свободы, в которой базовые принципы – такие как свобода выбора контрагента, свобода согласования условий и свобода заключения сделки, сохраняют свою актуальность, однако должны применяться с учётом технологических особенностей, при этом сами цифровые инновации не подрывают правовую основу гражданского оборота, а напротив – усиливают значимость фундаментальных начал, включая добросовестность и автономию воли, которые в условиях дефицита специальных норм выполняют компенсаторную и направляющую функцию [7, с. 3]. В связи с этим далее рассматриваются конкретные формы реализации воли сторон с применением цифровых стандартов и связанные с ними правовые проблемы.

Таблица 1. Основные формы электронного заключения договоров и их характеристики

Форма	Юридическое значение и детали
Электронный документ с ЭП (договор, расписка, файл с подписью электронной подписью)	При использовании усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) соответствует письменной форме сделки (ст. 160, 434, 434.1 ГК РФ; ст. 6, 9 ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ). Обеспечивает идентификацию и аутентификацию подписавшего лица с помощью сертификата, криптографии, лог-файлов. Используется в ЭДО и при обмене сканами по электронной почте. Имеет высокую доказательную силу в суде при наличии электронной цифровой подписи, целостности документа и подтверждённой доставки. Неквалифицированная электронная подпись требует дополнительных доказательств полномочий и согласия.
Электронная переписка (электронная почта, мессенджеры)	Признаётся заключением договора при наличии согласия по всем существенным условиям и идентификации отправителя (ст. 434, 438 ГК РФ). Требуется фиксация времени и автора: заголовки писем, IP-адреса, логины, домены. Суд оценивает как доказательство при наличии контекста сделки и фактического исполнения. Рекомендуются последующее подписание единого документа. Не заменяет письменную форму, если закон требует электронной подписи или нотариального удостоверения.
Веб-интерфейс (соглашение о кликах)	Квалифицируется как договор присоединения и акцепт оферты путем конклюдентного действия (ст. 428, 438 ГК РФ). Признается заключённым при наличии отметки «Согласен» и документально подтверждённой возможности предварительного ознакомления с условиями (лог-файлы, IP-адрес, дата и время согласия). Требуется доказуемый доступ к полному тексту договора. Судебная практика требует проверки факта ознакомления (Определение ВС РФ № 309-ЭС19-23571 от 09.06.2020). В случае нарушения существует риск оспаривания по причине введения в заблуждение или несправедливости условий.

Смарт-контракт (код в блокчейне)	Не является самостоятельной сделкой, а признается формой автоматизированного исполнения условий (Письмо Минцифры РФ от 22.08.2022 № ЛЦ-03-20-015449). Идентификация – по открытым ключам, требует верификации сторон вне блокчейна. Код нельзя изменить или отменить без заранее запрограммированных условий. Не учитывает изменение воли сторон, ошибки неустраняемы. Юридическое значение – при наличии иного договора, подтверждающего волеизъявление, или комплексной системы аутентификации. В спорах – требуется техническая экспертиза и соотнесение с нормами об обязательствах [2, с. 1028].

Формы электронного заключения договоров, представленные в таблице 1, охватывают наиболее применимые на практике механизмы фиксации волеизъявления сторон в цифровой среде, однако, несмотря на технологическое удобство и широкое распространение таких форм, юридическая действительность соответствующих соглашений обеспечивается лишь при соблюдении предусмотренных российским законодательством условий, к числу которых относятся возможность сохранить неизменный текст сделки и достоверно идентифицировать лицо, совершившее волеизъявление [4, с. 137], тогда как невыполнение хотя бы одного из указанных критериев – в частности, при отсутствии явного подтверждения согласия с условиями, выраженного в форме клика или электронной подписи, может повлечь признание договора незаключённым или недействительным, что особенно актуально в случаях, когда пользователь не был прямо уведомлён о наличии и содержании условий, а стандартность процедур, используемых в цифровой среде, налагает на иницилирующую сторону обязанность обеспечить не только техническую прозрачность, но и юридическую определённую процессу выражения воли.

Автоматизация и исполнение договора: влияние алгоритмов на волю сторон

Технологическое развитие не только трансформировало способы заключения договоров, но и привело к институционализации нового качества исполнения обязательств – полностью автоматизированного, основанного на программно закреплённых условиях, что вызывает юридические и экономические вопросы относительно сохранения автономии воли сторон на стадии исполнения, поскольку в случае смарт-контрактов, функционирующих в децентрализованных реестрах, предусмотренных, например, блокчейн-платформами, воля сторон фиксируется в программном коде окончательно и не подлежит односторонней или двусторонней корректировке после активации кода, вследствие чего любые последующие изменения намерений или обстоятельств оказываются юридически незначимыми, а исполнение происходит автоматически при наступлении запрограмми-

рованных условий [2, с. 1029], что радикально отличает алгоритмическое исполнение от классической модели, допускающей изменение соглашения на основании новых договорённостей или существенных изменений экономической ситуации.

В то же время перевод человеческой воли и экономических ожиданий на язык программных условий сопряжён с риском расхождения между фактическим волеизъявлением сторон и результатами автоматизированного исполнения, поскольку любая неточность, двусмысленность или техническая ошибка в формулировке кода может привести к имущественным потерям, возникновению экономически необоснованных последствий, к юридическим конфликтам по поводу действительного объёма и содержания согласованных условий [2, с. 1029]. Судебная и арбитражная практика, не располагая специальными процессуальными инструментами, в подобных ситуациях вынуждена руководствоваться общими началами гражданского права, такими как принцип добросовестности, аналогия института существенного заблуждения или технической ошибки, позволяющие признавать сделки недействительными или пересматривать последствия исполнения смарт-контракта в случае доказательства несоответствия между реальной волей сторон и содержанием автоматизированного исполнения, что особенно важно при рассмотрении споров, связанных с экономическим ущербом или нарушением баланса обязательств.

В этих условиях растущая автоматизация, с одной стороны, сводит к минимуму риски, связанные с человеческим фактором, злоупотреблениями, невыполнением обязательств или недобросовестным уклонением от их исполнения, а в экономической сфере способствует снижению транзакционных издержек и обеспечивает выполнение договорных условий с предельной точностью и скоростью, например в онлайн-торговле, где смарт-контракты гарантируют одновременную передачу цифрового актива и оплату, тем самым укрепляя принцип обязательности договора и повышая уровень исполнения обязательств.

Однако снижение гибкости вносит новые требования к квалификации разработчиков и юри-

стов, поскольку задача состоит в обеспечении того, чтобы алгоритмические стандарты обработки данных не только отражали технические параметры сделки, но и надёжно фиксировали экономическую и правовую волю сторон, что, в перспективе, требует как вовлечения профессиональных специалистов при формализации условий смарт-контракта, так и, возможно, появления специальных норм в законе о цифровых финансовых активах и регулировании цифровой инфраструктуры, направленных на устранение рисков механистического исполнения в ущерб справедливости или экономической целесообразности, на достижение баланса между predetermined-

стью исполнения и возможностью учёта действительных интересов сторон, если они не были в полной мере отражены в программном обеспечении.

Проблемные аспекты реализации воли сторон

в цифровых договорах

Несмотря на формальное признание законодателем юридической силы электронных волеизъявлений, ряд проблем свидетельствует о том, что реализация воли сторон в цифровой среде сопряжена со специфическими рисками и требует дополнительных гарантий (таблица 2).

Таблица 2. Влияние цифровизации на реализацию воли сторон: преимущества и риски

Аспект реализации воли	Положительное влияние цифровых стандартов	Риски и негативные последствия
Доступность и удобство заключения	– возможность заключения договора в любой момент и из любого места; – упрощение и ускорение процедуры оформления за счёт типовых электронных решений; – снижение транзакционных издержек; – актуальность для электронной коммерции.	– заключение сделки в спешке, без анализа всех условий; – интерфейс «по клику» способствует неосознанному волеизъявлению; – простота процедуры облегчает навязывание условий сильной стороной; – у слабой стороны часто нет ресурсов для критической оценки условий.
Свобода воли при формировании условий	– интеллектуальные алгоритмы и фильтры расширяют возможности персонализации; – потенциал автоматизированного подбора оптимальных условий; – возможность быстрой адаптации договора под потребности сторон.	– пользователь ограничен программными опциями провайдера; – стандартные условия, не подлежащие изменению; – фактическая свобода сводится к выбору «принять или отказаться»; – алгоритмы и интерфейсы могут манипулировать выбором пользователя.
Исполнение обязательств	– автоматизация (включая смарт-контракты) гарантирует точность и своевременность исполнения; – исключается умышленное уклонение от исполнения; – повышается стабильность оборота за счёт неизбежности результата.	– алгоритмы не учитывают изменение воли или обстоятельств после заключения сделки; – нет механизма корректировки условий без расторжения сделки; – технические ошибки могут привести к необратимым последствиям; – возврат средств или остановка автоматического исполнения затруднены.
Доказательство и оформление завещания	– подробная фиксация всех действий (логи, блокчейн, электронные журналы); – объективные цифровые данные облегчают доказывание фактов; – улучшение защиты добросовестной стороны в споре.	– риски утраты, искажения или подделки цифровых данных; – техническая сложность оценки доказательств для суда; – ограниченный срок хранения данных; – недостаточная цифровая компетентность участников процесса;

Защита интересов слабой стороны	– прозрачность условий благодаря рейтингам, отзывам и автоматическим уведомлениям; – технологии позволяют автоматически выявлять несправедливые условия; – возможность внедрения стандартов обязательного информирования.	– возможность оспаривания подлинности данных; – сохраняющееся цифровое и информационное неравенство; – монополия платформ ограничивает свободу выбора; – пользователи часто принимают условия без попыток их оспорить; – императивные нормы защиты прав потребителей формально действуют, но их реальная реализация затруднена.

Таким образом, цифровизация договорных отношений, с одной стороны, обеспечивает высокую скорость, удобство, глобальную доступность и автоматизацию сделок, существенно повышая экономическую эффективность гражданского оборота, а с другой – предъявляет новые требования к правовым механизмам защиты подлинности и добровольности волеизъявления сторон, поскольку главные риски связаны с утратой индивидуального усмотрения, формализацией согласия и возможными техническими ошибками или злоупотреблениями, что требует совершенствования законодательства и внедрения технологических стандартов с верифицируемым подтверждением согласия, надёжной идентификацией и механизмами вмешательства при очевидной ошибке или чрезвычайных обстоятельствах, гибких судебных подходов, ориентированных на защиту слабой стороны и предотвращение превращения свободы договора в формальную процедуру, в результате чего, несмотря на технологический прогресс, именно подлинная воля участников должна оставаться приоритетной юридической ценностью и критерием действительности цифровых сделок.

Заключение

Современное состояние договорного права свидетельствует о переходе от нормативно-центричной парадигмы к функционально-цифровой модели регулирования, в рамках которой юридическая эффективность утрачивает зависимость от традиционной догматической формы и всё в большей степени определяется способностью правовых механизмов интегрироваться в алгоритмизированные контексты цифрового взаимодействия, обеспечивая сопряжение между человеческим волеизъявлением и машинно-программной средой, в том числе при условии его косвенного, имплицитного или фрагментированного выражения в интерфейсах и протоколах цифровой архитектуры. В подобных условиях договор утрачивает признаки исключительно правового акта и всё

более приближается к статусу цифрового артефакта, формализованного в виде набора технических инструкций, заранее встроенных в замкнутую систему исполнения, где юридически значимые действия сторон оказываются предварительно закодированными и реализуемыми независимо от их последующего поведения, что требует от права не столько сохранения охранительных моделей, сколько институциональной проектной способности формировать справедливые условия взаимодействия в рамках предзаданной цифровой среды.

Именно поэтому вектор современных исследований в области частного права всё более смещается от анализа соотношения традиционных принципов и новых форм электронных сделок к переосмыслению самой категории воли как правового инструмента, который в условиях цифрового взаимодействия перестаёт быть исключительно внутренним решением субъекта и всё чаще оказывается формализованным в виде цифровой активности, заключающейся в действиях, программно интерпретируемых как согласие, акцепт или исполнение, в результате чего традиционное различие между волей и волеизъявлением требует методологической ревизии. В таких условиях становится необходимым теоретическое и нормативное уточнение объёма допустимой алгоритмизации частноправовых процедур, поскольку при чрезмерной стандартизации исчезает пространство автономного волеопределения, а право начинает обслуживать не свободу, а техническую эффективность, что подрывает его функцию как гарантии равновесия интересов сторон.

В связи с этим задача правового регулирования должна заключаться не только в адаптации законодательства к реалиям цифровизации, но и в обеспечении гарантированного механизма восстановления или корректировки волеизъявления в случае технологической ошибки, введения в заблуждение либо утраты контроля над процессом исполнения, что предполагает комплексную

модернизацию нормативной базы, включая уточнение процедур заключения электронных договоров, создание специальных правил для ревизии смарт-контрактов, институционализацию цифровой идентификации и развитие стандартов добросовестного цифрового поведения, при этом усилия в сфере правового регулирования должны сопровождаться ростом цифровой правовой грамотности всех участников оборота, поскольку только в этом случае принцип свободы договора сможет сохранить свою актуальность как структурный элемент справедливого частного права, адаптированного к эпохе программируемых решений.

Список литературы:

- [1] Болдырев В.А., Максимов В.А. Свобода договора: эволюция правового принципа в эпоху информатизации // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9. – № 2. – С. 118-129.
- [2] Варбанова Г. Правовая природа смарт-контрактов: договор или программный код? // *Журнал цифровых технологий и права*. – 2023. – Т. 7. – № 4. – С. 1028-1041.
- [3] Волос А.А. Свобода договора и её пределы в цифровой среде // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2024. – № 2(64). – С. 254-273.
- [4] Кузнецова С.С. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контракта // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6. – №. 1. – С. 134-149.
- [5] Пересыпкина В.А. Императивные ограничения свободы договора в сфере цифровых услуг: правовой режим «клик-контрактов» // *Наукоград: наука, производство, общество*. – 2025. – № 1. – С. 55-59.
- [6] Родионов Л.А. К вопросу о правовой характеристике цифровых технологий в гражданском праве // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2019. – № 4 (31). – С. 188-190.

[7] Саввин А.О. Свобода договора в Российской Федерации: правовые аспекты и проблемы // *Scientific Cooperation Center «Interactive plus»*. – 2023. – № 9 (85). – С. 1-5.

[8] Талапина Э. Цифровое право и цифровые права в России: полемические заметки // *Правовые вопросы в эпоху цифровых технологий*. – 2021. – № 1. – С. 3-16.

References:

- [1] Boldyrev V.A., Maksimov V.A. Svoboda dogovora: evolyuciya pravovogo principa v epohu informatizacii // *Pravoprimerenie*. – 2025. – T. 9. – № 2. – S. 118-129.
- [2] Varbanova G. Pravovaya priroda smart-kontraktov: dogovor ili programmnyj kod? // *ZHurnal cifrovyyh tekhnologij i prava*. – 2023. – T. 7. – № 4. – S. 1028-1041.
- [3] Volos A.A. Svoboda dogovora i eyo predely v cifrovoj srede // *Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki*. – 2024. – № 2(64). – S. 254-273.
- [4] Kuznecova S.S. Aktual'nye voprosy realizacii i zashchity prav cheloveka v praktike primeneniya tekhnologii smart-kontrakta // *Pravoprimerenie*. – 2022. – T. 6. – №. 1. – S. 134-149.
- [5] Peresypkina V.A. Imperativnye ograniicheniya svobody dogovora v sfere cifrovyyh uslug: pravovoj rezhim «klik-kontraktov» // *Naukograd: nauka, proizvodstvo, obshchestvo*. – 2025. – № 1. – S. 55-59.
- [6] Rodionov L.A. K voprosu o pravovoj harakteristike cifrovyyh tekhnologij v grazhdanskom prave // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyyh i estestvennyh nauk*. – 2019. – № 4 (31). – S. 188-190.
- [7] Savvin A.O. Svoboda dogovora v Rossijskoj Federacii: pravovye aspekty i problemy // *Scientific Cooperation Center «Interactive plus»*. – 2023. – № 9 (85). – S. 1-5.
- [8] Talapina E. Cifrovoe pravo i cifrovye prava v Rossii: polemicheskie zametki // *Pravovye voprosy v epohu cifrovyyh tekhnologij*. – 2021. – № 1. – S. 3-16.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-597-601

АЛЕКСАНДРОВА Анна Сергеевна,
аспирант,
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
e-mail: anna.alex2000@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СБОРА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ЧЕРЕЗ СТОРОННИЕ ПЛАТФОРМЫ НА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем правового регулирования, возникающих при применении традиционной российской модели обработки персональных данных к отношениям, связанным с использованием сторонних платформ (Google Forms, Jivo, Callibri и пр.), интегрированных в интернет-ресурсы. Автор выявляет ключевое противоречие: владелец интегрированной платформы, самостоятельно определяющий цели и способы обработки, фактически приобретает статус оператора, что приводит к размыванию традиционной иерархической модели «оператор – третье лицо» и формированию системной правовой неопределенности для всех участников. Это влечёт за собой введение субъекта в заблуждение, создаёт правовую неопределённость в вопросе распределения ответственности и лишает его возможности реализовать свои права. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, классификация, системно-структурный подход) и частнонаучные методы познания: сравнительно-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования. В качестве решения проблемы предлагаются конкретные законодательные новеллы: введение института совместных операторов по аналогии со статьей 26 GDPR; установление исчерпывающего перечня раскрываемой субъекту информации; закрепление механизма солидарной ответственности при трансграничной передаче данных с правом регрессного требования к иностранному оператору. Предлагаемый подход позволил бы распределить ответственность и усилить гарантии прав субъектов персональных данных в условиях интенсивно развивающегося цифрового пространства.

Ключевые слова: персональные данные, оператор персональных данных, формы сбора данных, сторонние платформы, технологическая интеграция, информированное согласие, совместные операторы, распределённая ответственность, солидарная ответственность, регрессное требование, трансграничная передача данных, правовые коллизии, законодательные новеллы, GDPR.

ALEKSANDROVA Anna Sergeevna,
postgraduate,
Samara National Research University
named after academician S. P. Korolev

THEORETICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF PERSONAL DATA COLLECTION THROUGH THIRD-PARTY PLATFORMS ON INTERNET RESOURCES

Annotation. The article analyzes the problems of legal regulation arising from the application of the traditional Russian model of personal data processing to relations involving the use of third-party platforms (Google Forms, Jivo, Callibri, etc.) integrated into internet resources. The author identifies a key contradiction: the owner of an integrated platform, who independently determines the purposes and methods of processing, de facto acquires the status of a data operator. This leads to an erosion of the traditional hierarchical «operator – third party» model and creates systemic legal

uncertainty for all parties involved. Consequently, it misleads the data subject, creates legal ambiguity regarding the distribution of liability, and deprives the subject of the ability to exercise their rights. The methodological basis of the research comprises general scientific methods (analysis, synthesis, classification, system-structural approach) and specific scientific methods of inquiry: comparative legal, formal legal, and legal modeling methods. As a solution to the problem, specific legislative innovations are proposed: the introduction of a joint controllers institute analogous to Article 26 of the GDPR; the establishment of an exhaustive list of information disclosed to the data subject; and the formalization of a mechanism for joint and several liability in cases of cross-border data transfer with the right of recourse against a foreign operator. The proposed approach would distribute liability and strengthen the guarantees of data subjects' rights in the context of an intensively developing digital space.

Key words: *personal data, data controller (operator), data collection forms, third-party platforms, technological integration, informed consent, joint controllers, distributed responsibility, joint and several liability, regress claim, cross-border data transfer, legal conflicts, legislative novelties, GDPR.*

Формы сбора персональных данных служат ключевым элементом взаимодействия на интернет-ресурсах между операторами сайтов и пользователями, обеспечивая структурированный и правомерный процесс получения информации. Данные специализированные интерфейсные элементы, интегрированные в веб-ресурсы и мобильные приложения, представляют собой структурированные инструменты для ввода информации. Их функциональное назначение реализуется через различные типы интерфейсов, включая механизмы регистрации и аутентификации, инструменты для обратной связи и контактов, а также формы для оформления подписок, заказов, опросов и участия в акциях. Отдельную категорию составляют встроенные виджеты социальных сетей. Все эти элементы по своей сути являются наборами полей для ввода данных, среди которых наиболее распространены имя, адрес электронной почты, пароль и номер телефона.

При реализации функционала веб-сайтов и онлайн-сервисов сбор данных всё чаще осуществляется не с помощью собственных решений владельца сайта, а через сторонние платформы. С технической точки зрения такие внешние формы представляют собой инструменты, предоставляемые сторонними сервисами, которые позволяют собирать, хранить и обрабатывать информацию о пользователях. Это достигается путем интеграции встраиваемых виджетов или через API, что создает для пользователя иллюзию взаимодействия исключительно с исходным сайтом. Пользователь, заполняя такую форму, фактически предоставляет свои данные третьему лицу – владельцу сторонней платформы.

В качестве примеров подобных платформ можно выделить Google Forms, Yandex Forms, Jivo, Callibri, Typeform, Onicon, Envybox и другие. Помимо базовых персональных данных (имя, номер телефона, адрес электронной почты), дан-

ные сервисы зачастую собирают дополнительные сведения, включая технические параметры устройств пользователей, поведенческие метрики, а также информацию, добровольно предоставляемую через расширенные поля форм (предпочтения, адреса доставки, ответы на вопросы анкет и опросов).

Описанная технологическая практика формирует системный правовой пробел, вступая в противоречие с императивными требованиями законодательства о персональных данных. С правовой точки зрения ключевым элементом данного процесса выступает получение действительного информированного согласия субъекта на обработку его персональных данных в соответствии с установленными требованиями (статьи 6; 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] (далее по тексту – ФЗ-152)). Однако правовая корректность такого согласия напрямую зависит от ясного определения круга операторов, целей и способов обработки. Использование сторонних сервисов кардинально усложняет эту задачу, создавая ситуацию, при которой субъект не может быть полноценно информирован, а владелец сайта не имеет возможности обеспечить соблюдение всех формальных требований закона. Это противоречие между детальной законодательной регламентацией и технологической реальностью порождает фундаментальные правовые коллизии.

Как следует из положений пунктов 3–6 статьи 6 ФЗ-152, российский законодатель предусмотрел иерархическую модель взаимодействия, в которой оператор вправе поручить обработку персональных данных третьему лицу, неся при этом всю полноту ответственности перед субъектом данных [2]. Данная конструкция, однако, предполагает наличие детального договора поручения и полного контроля оператора над действиями третьего лица.

Однако сбор данных через внешние формы сбора не укладывается в эту модель. Владелец сайта не дает детального поручения, а использует готовый, стандартизированный продукт, условия обработки в котором уже заранее определены владельцем сторонней платформы. Более того, как правило, в пользовательском соглашении такого сервиса прямо указано, что он также использует данные в собственных целях (аналитика, улучшение сервиса), что позволяет квалифицировать его уже в качестве самостоятельного оператора в соответствии с пунктом 2 статьи 3 ФЗ-152 [2]. Данный подход находит свое подтверждение в европейской практике: как указано в руководстве Европейского совета по защите данных (EDPB), если обработчик выходит за рамки инструкций контроллера и начинает самостоятельно определять цели и способы обработки, он признается контроллером [6].

Поручение обработки по смыслу ФЗ-152 требует детального договора и контроля оператора за действиями исполнителя, которому поручена обработка данных. Однако использование сторонних платформ исключает это: данные напрямую поступают их владельцу, а правовые отношения строятся на публичной оферте, а не на договоре поручения. Более того, владелец платформы заранее самостоятельно определяет цели и способы обработки для своих нужд.

В связи с этим представляет интерес позиция Ожерельева И., согласно которой лицо, действующее по поручению принципала (например, хостинг-провайдер), может быть квалифицировано как оператор персональных данных наряду с самим принципалом, если оно не только осуществляет обработку, но и определяет самостоятельные цели и способы такой обработки [5]. Развивая данный подход, можно утверждать, что владелец сторонней платформы является классическим примером такого самостоятельного оператора, что и порождает фундаментальную правовую неопределенность.

Таким образом, на практике возникает гибридная ситуация распределенной обработки, которую текущее правовое регулирование не в состоянии адекватно охватить. Провайдер сервиса одновременно выступает как в роли «третьего лица» для владельца сайта, так и в роли самостоятельного оператора, определяя собственные цели обработки. Это коренным образом меняет традиционную модель взаимодействия «оператор – третье лицо».

Данное противоречие порождает комплекс правовых рисков, в числе которых:

1) введение субъекта в заблуждение относительно круга операторов и, как следствие, искажение его подлинного волеизъявления;

2) правовая неопределенность в вопросе установления надлежащего субъекта ответственности за нарушения законодательства о персональных данных;

3) высокая вероятность отступления от фундаментальных принципов обработки, в частности, принципа минимальности и соответствия заявленным целям;

4) возможность несанкционированного трансграничного переноса данных, обусловленная физическим расположением серверов сторонних платформ за пределами Российской Федерации, без получения надлежащего согласия субъекта;

5) фактическая невозможность реализации субъектом своих прав, предусмотренных главой 3 ФЗ-152 [2], ввиду сложности идентификации всех операторов и рассредоточения данных между ними.

Ключевая проблема заключается в отсутствии в действующем законодательстве четких правовых конструкций, регулирующих отношения в цепи «пользователь – оператор сайта – оператор сторонней платформы», что создает системную правовую неопределенность.

Для преодоления подобных правовых коллизий в международной практике, в частности в Европейском союзе, была разработана конструкция совместных контролеров (ст. 26 GDPR). Согласно ей, если два или более оператора совместно определяют цели и способы обработки персональных данных, они признаются совместными контроллерами и обязаны заключить соглашение о прозрачном распределении обязанностей по соблюдению требований Регламента [3]. Ключевым критерием, по мнению Европейского совета по защите данных (EDPB), является совместное участие в определении целей и средств обработки, даже если эти цели не идентичны, но тесно связаны между собой [6]. Это включает реализацию прав субъектов данных (глава III GDPR) и предоставление информации в соответствии со статьями 13 и 14 GDPR. Соглашение должно адекватно отражать роли и отношения контроллеров с субъектами данных, а его основные положения должны быть доступны субъектам по запросу. При этом субъект данных сохраняет право обращаться для реализации своих прав к любому из контроллеров непосредственно, независимо от условий внутреннего соглашения между операторами [3].

В целях преодоления выявленных правовых коллизий представляется целесообразным имплементировать в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» дополнительную статью, регламентирующую ста-

тус совместных операторов персональных данных. Как справедливо отмечает Ивашко Я. в своем аналитическом обзоре, на практике возникает ситуация совместной обработки силами нескольких операторов [4]. Однако действующее законодательство не содержит детального регулирования их статуса и ответственности.

По аналогии со статьей 26 GDPR новая норма могла бы установить следующее.

1) *Установить исчерпывающий перечень сведений о совместной обработке, подлежащих предоставлению субъекту персональных данных.* В данный перечень необходимо включить: наименование и реквизиты всех совместных операторов, их контактные данные, а также суть распределения ответственности между ними. Кроме того, представляется возможным законодательно закрепить критерии определения «ведущего оператора», то есть лица, несущего повышенную ответственность (например: оператор, определяющий основные цели и способы обработки данных; непосредственно взаимодействующий с субъектом; оказывающий решающее влияние на содержание обрабатываемых данных; осуществляющий конечное принятие решений в отношении обработки данных; владеющий технологической платформой, на которой обработка преимущественно осуществляется).

2) *Закрепить обязанность о разработке документа, регламентирующего совместную ответственность обоих операторов.* Необходимо закрепить требование о размещении в открытом доступе (например, на сайте основного оператора – оператора интернет-ресурса) основных положений соглашения, определяющих распределение обязанностей. Это повысит прозрачность обработки и позволит пользователю понять, кто и за что отвечает. Кроме того, целесообразно создать единый пункт контакта для субъектов данных, т.е. назначить единого представителя для взаимодействия с пользователями по вопросам реализации их прав.

3) *Закрепить гарантии ответственности при трансграничной передаче данных для лиц, признанных совместными операторами.* Предлагается установить, что в случае, если одним из совместных операторов является иностранное лицо, российский оператор несет солидарную ответственность [1] перед субъектом персональных данных и уполномоченным органом (Роскомнадзор) за нарушения законодательства. Данная мера обусловлена тем, что реализовать право против иностранной компании для обычного россиянина крайне сложно из-за различий в юрисдикции, языкового барьера и высоких судебных издержек. Предлагаемый подход делает защиту

прав граждан более реальной, предоставляя субъекту возможность обратиться к понятному и доступному российскому оператору. При этом российский оператор выступает основным контактным лицом для субъекта данных и Роскомнадзора на территории России, что обеспечивает практическую возможность реализации прав и проведения контрольных мероприятий. Однако за российским оператором будет сохраняться право регрессного требования [1] к иностранному оператору в размере сумм, выплаченных в порядке солидарной ответственности, если будет доказано, что нарушение произошло по вине иностранного партнера.

Подобная законодательная новелла позволила бы привести нормативную базу в соответствие с технологическими реалиями и обеспечить эффективную защиту прав субъектов персональных данных в современном интернет-пространстве.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2025).

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2025).

[3] Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/71936226/> (дата обращения: 11.09.2025).

[4] Ивашко Я. Персональные данные: даны рекомендации о взаимоотношениях операторов и уполномоченных лиц // [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilex.by/news/personalnye-dannye-dany-rekomendatsii-o-vzaimootnosheniyah-operatorov-i-upolnomochennyh-lits/> (дата обращения: 12.09.2025).

[5] Ожерельев В. Правовой статус оператора персональных данных // [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/5/13/pravovoj_status_operatora_personalnyh_dannyh (дата обращения: 12.09.2025).

[6] Guidelines 07/2020 on the concepts of controller and processor in the GDPR. Version 1.0. Adopted on 02 September 2020 // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.edpb.europa.eu/sites/default/files/consultation/edpb_guidelines_202007_controllerprocessor_en.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

References:

[1] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashheniya: 11.09.2025).

[2] Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nyx dannyx» // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashheniya: 11.09.2025).

[3] Reglament Evropejskogo Parlamenta i Soveta Evropejskogo Soyuza 2016/679 ot 27 aprelya 2016 g. o zashhite fizicheskix licz pri obrabotke personal'nyx dannyx i o svobodnom obrashhenii takix dannyx, a takzhe ob otmene Direktivy 95/46/ES (Obshhij Reglament o zashhite personal'nyx dannyx) // [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://base.garant.ru/71936226/> (data obrashheniya: 11.09.2025).

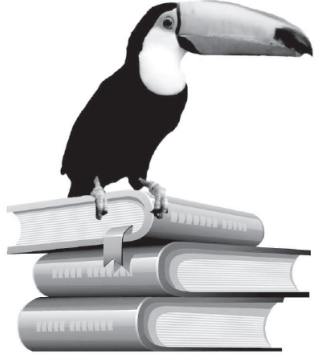
[4] Ivashko Ya. Personal'ny'e danny'e: dany' rekomendacii o vzaimootnosheniyax operatorov i

upolnomochennyx licz // [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://ilex.by/news/personalnye-dannye-danny-rekomendatsii-o-vzaimootnosheniyah-operatorov-i-upolnomochennyh-lits/> (data obrashheniya: 12.09.2025).

[5] Ozherel'ev V. Pravovoj status operatora personal'nyx dannyx // [E'lektronnyj resurs]. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/5/13/pravovoj_status_operatora_personalnyh_dannyh (data obrashheniya: 12.09.2025).

[6] Guidelines 07/2020 on the concepts of controller and processor in the GDPR. Version 1.0. Adopted on 02 September 2020 // [E'lektronnyj resurs]. – URL: https://www.edpb.europa.eu/sites/default/files/consultation/edpb_guidelines_202007_controllerprocessor_en.pdf (data obrashheniya: 11.09.2025).

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-602-605

АФАНАСЬЕВА Светлана Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры культуры мира и демократии (Кафедра ЮНЕСКО)
Российского государственного гуманитарного университета,
e-mail: rivz20071@rambler.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В представленной статье рассматриваются отдельные аспекты экологического туризма. Автор, исходя из анализа доктринальных источников и современного российского законодательства, подробно останавливается на понятии экологического туризма, выявляет проблемы правового регулирования экотуризма в современной России. Исследование федеральных законов в сфере природопользования и туризма, иных правовых актов позволило автору сделать обоснованные выводы о наличии пробелов в законодательстве Российской Федерации в части регулирования экологического туризма; о необходимости совершенствования основ его правовой регламентации, принятия отдельного закона в данной сфере, закрепления в нем унифицированного понятия «экологический туризм» как целостной правовой категории.

Ключевые слова: экологический туризм, законодательство, экологическое право, окружающая среда, туристская индустрия, национальный проект.

AFANASYEVA Svetlana Anatolyevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor,
Department of Culture of Peace and Democracy (UNESCO Department),
Russian State University for the Humanities

LEGAL BASIS OF ECOLOGICAL TOURISM IN MODERN RUSSIA

Annotation. The presented article discusses certain aspects of ecological tourism. The author, based on an analysis of doctrinal sources and modern Russian legislation, dwells in detail on the concept of ecological tourism, identifies the problems of legal regulation of ecotourism in modern Russia. A study of federal laws in the field of nature management and tourism, other legal acts allowed the author to draw reasonable conclusions about the presence of gaps in the legislation of the Russian Federation in terms of regulating ecological tourism; on the need to improve the foundations of its legal regulation, the adoption of a separate law in this area, the consolidation in it of the unified concept of “ecological tourism” as an integral legal category.

Key words: ecological tourism, legislation, ecological law, environment, tourism industry, national project.

В настоящее время в России все более перспективной отраслью туристского бизнеса становится экологический туризм, необходимость развития которого закреплена в национальных стратегиях устойчивого развития многих стран. Вместе с тем, в Российской Федерации организация экологических маршрутов и туров сопровождается рядом правовых и экономических сложностей. Трудности связаны, в первую очередь, с недостаточной финан-

совой поддержкой региональных операторов эко-туризма, что обусловлено, недостатками в нормативном правовом регулировании исследуемой сферы: данное направление так и остается пограничной, слабо развитой отраслью российского экологического и туристского права.

Впервые термин «экологический туризм» был предложен в 1983 году мексиканским экономистом-экологом П. Ласкурейном. Экотуризм, согласно его пониманию, представляет собой

путешествие к неприкасаемым ранее природным объектам с целью их исследования, любования и наслаждения ландшафтами с их дикими растениями и животными, а также всеми существующими культурными проявлениями. По мнению отечественного ученого в области туризма М.Б.Биржакова, экологический туризм выступает в качестве одного из важных направлений природного туризма, которое объединяет целевую аудиторию, готовую к путешествиям в научно-познавательных целях. Туристический интерес данного общества заключается в изучении природной сферы и в ее охране [3, с. 112]. Другие исследователи в области экологического туризма, А.Н. Иванов и В.П. Чинова под понятием «экотуризм» подразумевают следующее: это формат организации путешествий и посещение сохранившихся территориальных единиц, которые представлены национальными и природными парками, резерватами и другими типами охраняемых природных территорий [5, с. 35]. А.В. Дроздов, полагает, что экологический туризм имеет свое отношение к группе видов природно-ориентированного туризма и в связи с данным критерием отличается как туризм деловой или культурно-ориентированный, образовательный туризм и др. [4, с. 54]. Несмотря на существование множества различных определений экологического туризма, более четкое, на наш взгляд, доктринальное определение дается автором А.В. Лукичевым, который под экологическим туризмом (экотуризмом, зеленым туризмом) понимает форму устойчивого туризма, сфокусированную на посещениях относительно нетронутых антропогенным воздействием природных территорий [6, с. 3].

В рамках исследуемой темы представляется необходимым проанализировать действующие нормативные правовые акты на предмет содержания понятия «экологический туризм». Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на отдых (статья 37), право на благоприятную окружающую среду (статья 42), устанавливает, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (статья 9), что является основой для российского законодателя в части правового регулирования экологического туризма.

Согласно федеральному закону «Об охране окружающей среды» №7-ФЗ, который занимает центральное место в нормативном правовом регулировании сферы экологии в Российской Федерации, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к при-

родным богатствам, которые являются основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации. Закон регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении экономической (хозяйственной) и иной деятельности, определяет основные понятия природоохранного законодательства, включая определения «природный объект», «природный комплекс», «природные ресурсы», «использование природных ресурсов», «требования в области охраны окружающей среды (природоохранные требования)», «объекты природного наследия», «экологическая безопасность», «экологическая информация» и другие, широко применяемые в сфере экологического туризма. Кроме того, названный закон определяет цели, задачи, принципы всей природоохранной деятельности в Российской Федерации, которые лежат в основе исследуемой отрасли.

Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» № 33-ФЗ закрепляет понятие и категории особо охраняемых природных территорий, относя их к объектам общенационального достояния, регулирует отношения в области их охраны и использования, что также лежит в основе правового регулирования экологического туризма.

Особое значение в вопросе правового регулирования экотуризма имеют положения статьи 5.2. федерального закона 33-ФЗ «Туризм на особо охраняемых природных территориях и его критерии, особенности», принятые в 2023 году. Законодатель вводит понятие «туризма на особо охраняемых природных территориях», под которым понимает «временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства на особо охраняемые природные территории в целях посещения уникальных природных комплексов и объектов и иных предусмотренных законом целей»; определяет критерии, особенности организации и осуществления такого туризма; закрепляет перечень субъектов, реализующих его организацию.

Вместе с тем, при всем разнообразии федерального законодательства, регулирующего сферу экологии и туризма, ни один закон не содержит понятия «экологический туризм». Не смотря на значимость экотуризма для отечественной туристической деятельности федеральный закон № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» также не определяет данного понятия.

Анализируя систему подзаконных правовых актов, представляется необходимым выделить

Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года», согласно которому «экологический туризм» представляет собой «деятельность по организации путешествий, включающая все формы природного туризма, при которых основной мотивацией туристов является наблюдение и приобщение к природе при стремлении к ее сохранению» (ГОСТ Р 56642-2015 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования»). Стратегия развития туризма в Российской Федерации в период до 2035 г., учитывая обширность природных территорий России, определяет ее территорию одним из интереснейших направлений для национального и международного экологического туризма. Однако на региональном уровне данное направление остается нереализованным в силу слабости туристской инфраструктуры. Стратегия устанавливает необходимость развития экологического туризма. «С учетом мировых трендов в концепции развития экологического туризма необходимо обосновать переход к модели экологического туризма как комплексному направлению, обеспечивающему взаимосвязь туризма, культуры и экологии, а также представляющему современный подход к организации экологического туризма на особо охраняемых природных территориях, прежде всего национальных парков, в целях обеспечения их устойчивого развития за счет создания условий для комплексного взаимодействия инвестиционной, туристской (в том числе научно-познавательной и рекреационной) и социальной деятельности с учетом ландшафтной, природоохранной специфики и антропогенной нагрузки на территорию. но не формулирует конкретные цели и пути его совершенствования».

Согласно ГОСТ Р 56642-2021 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования», экологический туризм – деятельность, направленная на организацию путешествий в различных формах природного туризма, ориентированная на изучение природы и культурных достопримечательностей, бережное отношение к природе и содействие в ее сохранении. Также ГОСТ закрепляет различные классификации экологических туров: по целям путешествия, видам экологических туров, числу и возрасту туристов в группе, форме организации, способу организации, способу передвижения туристов, основному объекту посещения и месту проведения; определяет субъектов туристской индустрии, оказывающих услуги экологического туризма (туроператоры, турагенты, экскурсионные организации, средства раз-

мещений, предприятия питания и т.п.), учреждения, осуществляющие функции по управлению особо охраняемыми природными территориями, индивидуальные предприниматели и физические лица – аттестованные экскурсоводы, гиды-проводники, инструкторы-проводники, имеющие необходимую квалификацию и опыт по разработке, организации и проведению экологических туров; предъявляет общие требования к экологическому туризму, включая требования к экологическим турам, услугам экологического туризма, требования безопасности, ресурсам экологического туризма.

Среди значимых федеральных проектов России, направленных на экологическое благополучие, в целях определения понятия «экологический туризм» целесообразно упомянуть федеральный проект «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», где экотуризм представлен как одно из средств по сохранению заповедной флоры и фауны. Проект ориентирован на экологическое просвещение граждан России, решение проблем, связанных с инфраструктурой природных достопримечательностей. Проект «Бизнес и биоразнообразие» нацелен на привлечение внимания крупных компаний в сфере туризма к реализации концепции устойчивого развития в области региональных природоохранных инициатив и создание современной инфраструктуры для экотуризма [2].

На смену национального проекта «Экология» пришел нацпроект «Экологическое благополучие», который успешно реализуется в России с 1 января 2025 года и преследует цель сохранения и восстановления окружающей среды, включая развитие системы особо охраняемых природных территорий и экологическое просвещение. Национальный проект «Туризм и гостеприимство» на период с 2025 по 2030 годы имеет основной целью создание условий для развития внутреннего и въездного туризма в России, включая развитие экотуризма.

Рассмотренные выше законодательные акты, федеральные программы и национальные проекты являются лишь малой частью системы правового регулирования сферы экологического туризма в Российской Федерации, они регулируют различные аспекты, связанные с экотуризмом, вместе с тем не дают единого, унифицированного понятия «экологического туризма» как целостной правовой категории.

В связи с чем, представляется необходимым в целях совершенствования правовых основ экологического туризма разработать и принять отдельный федеральный закон «Об экологиче-

ском туризме в Российской Федерации», который объединил бы нормы и положения, уже имеющиеся в действующих правовых актах, и превратил бы экологический туризм из пограничной отрасли в одну из приоритетных. Принятие такого закона будет способствовать эффективному развитию данной отрасли, прочному утверждению в обществе концепции развития экологического туризма в Российской Федерации на будущее, более согласованной и четкой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в этом направлении, созданию благоприятных условий для продвижения экотуризма не только национальном уровне, но и международной арене.

Экологический туризм будущего должен способствовать формированию экологической культуры населения, воспитывать бережное отношение к окружающей среде, развивать навыки рационального природопользования, сохранять традиционные ценности Российской Федерации, культурно-этнографическое многообразие местных народов и прочее, чему также будет благоприятствовать закрепление юридического статуса института экотуризма на законодательном уровне. Развитие правовых гарантий данного института является перспективной отраслью не только внутреннего и международного туризма, но и права, в связи с чем решение юридических, организационных и экономических проблем в данной сфере должно стать первоочередной и необходимой задачей развития современной России. На сегодняшний день особое значение для развития и продвижения экологического туризма в России имеет формирование и совершенствование основ правового регулирования данной сферы. Имеющиеся и действующие правовые нормы нуждаются в систематизации и совершенствовании, что в дальнейшем положительно скажется на формировании отраслевого законодательства, регулирующего экотуризм.

Список литературы:

- [1] Афанасьева А.В. Зарубежный опыт управления в сфере экологического туризма: тренды и модели развития // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т.14. №3. С. 27-56.
- [2] Бизнес и разнообразие // Национальный портал «Природа России» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.priroda.ru/news/detail.php?ID=12540>
- [3] Биржаков М. Б. Введение в туризм: Учебник – Изд. 10-е, перераб. и доп., СПб.: ГЕРДА, 2019. 512 с.
- [4] Дроздов А.В. Основы экологического туризма. М.: Гардарики, 2017. 271 с.
- [5] Иванов А. Н., Чижова В. П. Охраняемые природные территории. М.: МГУ, 2018. 184 с.
- [6] Лукичев А. Б. Сущность устойчивого и экологического туризма // Российский Журнал Экотуризма. 2018. № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sciepeople.ru/publication/105020/>

References:

- [1] Afanasyeva A.V. Foreign management experience in the field of ecological tourism: trends and development models//Service in Russia and abroad. 2020. T.14. №3. S. 27-56.
- [2] Business and diversity//National portal "Nature of Russia" [Electronic resource]. – URL: <http://www.priroda.ru/news/detail.php?ID=12540>
- [3] Birzhakov M.B. Introduction to Tourism: Textbook - Ed. 10th, revised. and add., St. Petersburg: GERDA, 2019. 512 s.
- [4] Drozdov A.V. Fundamentals of ecological tourism. M.: Gardariki, 2017. 271 pp.
- [5] Ivanov A.N., Chizhova V.P. Protected natural areas. M.: MOSCOW STATE UNIVERSITY, 2018. 184 pp.
- [6] Lukichev A. B. The essence of sustainable and ecological tourism//Russian Journal of Ecotourism. 2018. № 1. [Electronic resource]. – URL: <https://sciepeople.ru/publication/105020/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 1.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-606-609

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И МЕДИЦИНСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ РОССИЙСКИХ КЛИНИК ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. В статье проведено историко-правовое исследование развития договора поставки медицинских изделий и медицинского оборудования для российских клиник пластической хирургии. Установлено, что в 17 в. была распространена практика государственных поставок. С 18 в. договор поставки получил официальное юридическое признание в Российской империи, будучи включенным в Свод законов. Обосновано, что в советское время плановый договор стал ключевым инструментом регулирования поставок и основной правовой формой, определявшей отношения между социалистическими организациями в сфере снабжения и сбыта, играл ведущую роль в хозяйственной деятельности. Эта практика была закреплена в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года, который выделил поставку в отдельную главу, подчеркивая тем самым, что договор поставки является самостоятельным видом договора, отличным от купли-продажи. Раскрыто, что в советский период договор поставки характеризовался двумя основными чертами: он основывался на обязательном плане распределения продукции и заключался между строго определенными субъектами. Выявлено, что последующий период в истории характеризуется переходом к рыночной экономике и внедрением новых методов государственного регулирования. В основе этих изменений лежит принцип свободы выбора экономических агентов, что отражается в преобладании частно-правовых механизмов. В дальнейшем Основы гражданского законодательства 1991 года были заменены современным Гражданским кодексом РФ. Установлено, что современное регулирование поставки, закрепленное в главе 30 Гражданского кодекса РФ, базируется на договорных принципах, заменивших прежнюю систему государственного планирования; стороны имеют значительную свободу в согласовании условий поставки, чтобы максимально учесть свои потребности и интересы. Правовые нормы о поставке, в отличие от купли-продажи, характеризуются стабильностью и меняются редко.

Ключевые слова: клиника пластической хирургии, договор поставки, история, Гражданский кодекс, медицинское изделие, медицинское оборудование.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association"
branch "Pelevin and Partners Law Firm",
lawyer

HISTORICAL AND LEGAL STUDY OF THE DEVELOPMENT OF THE CONTRACT FOR THE SUPPLY OF MEDICAL PRODUCTS AND MEDICAL EQUIPMENT FOR RUSSIAN PLASTIC SURGERY CLINICS

Annotation. The article presents a historical and legal study of the development of the contract for the supply of medical products and medical equipment for Russian plastic surgery clinics. It has been established that in the 17th century, the practice of state supplies was widespread. Since the 18th century, the supply contract received official legal recognition in the Russian Empire, being in-

cluded in the Code of Laws. It is substantiated that in Soviet times, the planning contract became a key instrument for regulating supplies and the main legal form that determined the relations between socialist organizations in the sphere of supply and sales, played a leading role in economic activity. This practice was enshrined in the Civil Code of the RSFSR of 1964, which singled out supply in a separate chapter, thereby emphasizing that the supply contract is an independent type of contract, different from the sale and purchase. It is revealed that in the Soviet period, the supply contract was characterized by two main features: it was based on a mandatory product distribution plan and was concluded between strictly defined entities. It was revealed that the subsequent period in history is characterized by the transition to a market economy and the introduction of new methods of state regulation. These changes are based on the principle of freedom of choice of economic agents, which is reflected in the prevalence of private law mechanisms. Subsequently, the Fundamentals of Civil Legislation of 1991 were replaced by the modern Civil Code of the Russian Federation. It was established that modern regulation of supply, enshrined in Chapter 30 of the Civil Code of the Russian Federation, is based on contractual principles that replaced the previous system of state planning; the parties have significant freedom in agreeing on the terms of supply in order to take into account their needs and interests as much as possible. Legal norms on supply, unlike purchase and sale, are characterized by stability and rarely change.

Key words: *plastic surgery clinic, supply contract, history, civil code, medical device, medical equipment.*

В условиях рыночных реформ в России договор поставки остается одним из наиболее часто используемых инструментов в коммерческой деятельности. Регулируется он положениями Гражданского кодекса РФ. Однако, чтобы в полной мере понять современную структуру и содержание договора поставки, необходимо проследить его историческое развитие. Именно такой подход позволяет разделить эволюцию правового регулирования договора поставки на отдельные этапы и детально их изучить.

Исследование истории развития договора поставки важно, так как это помогает понять эволюцию этого вида гражданско-правового договора, а также влияние законодательства на его развитие. Кроме того, анализ истории позволяет выявить примеры из практики, связанные с договором поставки, также предвидеть развитие правовых норм в будущем.

Цель – проведение историко-правового исследования развития договора поставки медицинских изделий и медицинского оборудования для российских клиник пластической хирургии. Его результаты могут быть использованы при осуществлении дальнейших научных разработок по данной теме.

Договор на поставку медицинских изделий и медицинского оборудования (далее – договор) является важным договором, регулирующим деятельность клиники пластической хирургии. Он направлен на передачу товара в собственность в обмен на равноценное денежное представление. Цель договора поставки медицинских изделий и медицинского оборудования – получение их для оказания медицинских услуг, т.е. в коммерческих целях.

Когда в России начались поставки, достоверно неизвестно. Еще в Поручной записи от 26 ноября 1629 г. говорилось о поставке в казну ядер. В данном случае следует акцентировать внимание на слове «поставить», а не на коммерческой сделке купли-продажи. Речь идет именно о предоставлении или передаче [2, с. 513] ядер государству, что символизирует подчиненное положение посадских людей и признание верховной власти государя.

В то время казенные поставки часто были безвозмездными: государство требовало предоставить определенные товары или ресурсы, не предлагая ничего взамен.

Как указывают некоторые авторы, практика казенных поставок существовала еще до Поручной записи 1629 г. [7, с. 170], т.е. государственные поставки являются историческими правовыми институтами в России.

С XVIII века договор поставки официально включен в Свод законов Российской империи.

В данном акте договор поставки в основном служил инструментом для удовлетворения потребностей государственного хозяйства в целом [5, с. 192].

После революции 1917 года институт поставки получил толчок к дальнейшему развитию. В период НЭПа, был принят Декрет 1923 года, предусматривавший понятие государственной поставки [7, с. 52].

Потребность в данном инструменте регулирования правоотношений возникла в связи с развитием плановой экономики. С 1936 г. по 1941 г. договоры поставки между предприятиями заключались только в рамках государственного плана. Индустриализация привела к угасанию частных правовых отношений, характерных для периода

НЭПа и появлению «планового договора», который стал ключевым инструментом регулирования поставок.

Во время войны и в послевоенные годы договорное регулирование отошло на второй план, уступив место системе целевых фондов, из которых финансировалось распределение товаров. Договор поставки стал ключевой правовой формой, определявшей отношения между социалистическими организациями в сфере снабжения и сбыта, он играл ведущую роль в хозяйственной деятельности.

В советское время, как при плановой экономике, так и при свободной торговле между организациями, передача товаров оформлялась договором поставки. Эта практика была закреплена в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года. Он выделил поставку в отдельную главу, подчеркивая тем самым, что договор поставки является самостоятельным видом договора, отличным от купли-продажи.

По ГК РСФСР 1964 г. поставщик передавал продукцию на основании обязательного распределяющего планового акта, а покупатель оплачивал ее по фиксированным ценам.

Договорные отношения были доступны исключительно организациям социалистического сектора, участие частного бизнеса исключалось. Содержание и реализация договоров жестко регламентировались государственными планами и распределительными механизмами, сроки – плановыми заданиями и производственными графиками [3, с. 460].

В СССР договор поставки базировался на обязательном плане распределения продукции и заключался между строго определенными субъектами. Порядок планирования и заключения договоров поставки детально регламентировался Постановлением Совета Министров СССР № 888 от 25 июля 1988 года.

Соответственно, неотъемлемым элементом договора поставки являлось государственное планирование, что вело к отделению договора поставки от договора купли-продажи [4, с. 103].

После распада СССР произошел переход к рыночной экономике, что выражалось в реализации принципа свободы выбора контрагентов, законодательном закреплении права на свободное ведение бизнеса.

Многие государственные предприятия приватизируются, а договорное право становится ключевым инструментом для обеспечения предпринимательской деятельности.

В Основах гражданского законодательства СССР 1991 года договор поставки выступал как

вид договора купли-продажи и не имел планового характера. В 1996 г. принят Гражданский кодексом РФ, который и закрепляет в главе 30 современное регулирование поставки. Оно базируется на договорных принципах, заменивших прежнюю систему государственного планирования.

За последнее десятилетие правовые нормы о поставке, в отличие от купли-продажи, характеризуются стабильностью. Это, по мнению автора, свидетельствует о стремлении законодателя к формированию эффективного правового режима поставки [1, с. 155].

На сегодняшний день правовое регулирование договоров поставки медицинских изделий и медицинского оборудования в основном регулируется статьями 506-524 и другими положениями параграфа 3 главы 30 Гражданского кодекса РФ, а также общими нормами о купле-продаже (параграф 1 той же главы), которые применимы к поставкам. Однако, эти нормы немногочисленны и в большинстве своем носят диспозитивный характер, действуя только тогда, когда стороны не договорились об ином или это не установлено законом.

В сфере поставок законодательство делает акцент на самостоятельном определении правил сторонами взаимоотношений друг с другом. Договор и свобода его заключения являются основными инструментами регулирования. Стороны имеют значительную свободу в согласовании условий поставки, чтобы максимально учесть свои потребности и интересы.

Согласно ст. 506 ГК РФ, поставщик должен обладать признаками профессионального участника рынка, осуществляющего деятельность по закупке (производству) и продаже товаров. Товары (медицинские изделия и медицинское оборудование) поставляются для целей, связанных с осуществлением коммерческой деятельности.

Клиника приобретает медицинские изделия по договорам поставки для оказания своим пациентам медицинских услуг. Данные услуги, оказываемые на возмездной основе, относятся к коммерческим услугам (п. 2 ст. 779 ГК РФ).

Договор поставки играет важнейшую роль в коммерческой деятельности, определяя порядок взаимодействия между поставщиком и покупателем. В этом соглашении участвуют только две стороны: поставщик, как правило, профессиональный производитель или закупщик товаров и клиника, приобретающая медицинские изделия и медицинское оборудование для использования их в своей деятельности.

Согласно Приказа Росздравнадзора от 02.05.2023 № 201Н, для государственной реги-

страции и осуществления поставок импортных медицинских изделий, до их ввоза в Росздравнадзор предоставляется уведомление о намерении осуществить ввоз медицинского изделия. Учет уведомлений ведет Росздравнадзор.

30.11.2024 г. принято Постановление № 1684, предусматривающее по общему правилу обязательную государственную регистрацию медицинского изделия, осуществляемую Росздравнадзором. Факт регистрации медицинского изделия подтверждается записью в государственном реестре. Поставка и использование незарегистрированного медицинского изделия запрещена.

Таким образом, институт договора поставки в российском гражданском праве обладает богатой историей, уходящей корнями в практику удовлетворения государственных нужд.

В СССР договор поставки базировался на обязательном плане распределения продукции и заключался между строго определенными субъектами, неотъемлемым его элементом являлось государственное планирование, что вело к отделению договора поставки от договора купли-продажи. Это было закреплено в ГК РСФСР 1964 года, который выделил поставку в отдельную главу, подчеркивая тем самым, что договор поставки является самостоятельным видом договора, отличным от купли-продажи. Последующий период в истории характеризуется переходом к рыночной экономике и внедрением новых методов государственного регулирования, в основе которых лежит принцип свободы выбора экономических агентов. Современное регулирование поставки, закрепленное в главе 30 Гражданского кодекса РФ, базируется на договорных принципах, заменивших прежнюю систему государственного планирования.

Правовое регулирование договора поставки в Гражданском кодексе РФ отражает историческую тенденцию выделения норм, регулирующих поставку, в отдельный параграф, учитывая специфику участников и цели заключения таких договоров. Договор поставки был обособлен в отдельный вид купли-продажи, поскольку его специфика требовала более тщательной и жесткой регламентации, нежели общие правила купли-продажи.

Список литературы:

- [1] Ананских И.А., Думкина Е.А. К вопросу о развитии конструкции договора поставки в отечественном и зарубежном праве. // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 12. С. 155.
- [2] Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 513.
- [3] Лукашина В.В. Историко-правовое исследование развития договора поставки в предпринимательской деятельности // Вестник науки. 2023. № 5 (62). С. 460.
- [4] Морозов А.А. Эволюция развития механизма правового регулирования договора поставки для государственных нужд в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). С. 103.
- [5] Шевченко Л. И. Регулирование отношений поставки. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 192.
- [6] Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. Т. I. М., 1841. С. 170.
- [7] Яровой А.В. Поставка товаров для государственных нужд: дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2005. С. 52.

References:

- [1] Ananskikh I.A., Dumkina E.A. K voprosu o razvitiy konstrukcii dogovora postavki v otechestvennom i zarubezhnom prave. // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2015. № 12. S. 155.
- [2] Dal' V.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. M., 2000. S. 513.
- [3] Lukakhina V.V. Istoriko-pravovoe issledovanie razvitiya dogovora postavki v predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Vestnik nauki. 2023. № 5 (62). S. 460.
- [4] Morozov A.A. Ehvoluciya razvitiya mekhanizma pravovogo regulirovaniya dogovora postavki dlya gosudarstvennykh nuzhd v Rossijskoj Federacii // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 3 (45). S. 103.
- [5] Shevchenko L. I. Regulirovanie otnoshenij postavki. - SPb.: Yurid. centr Press, 2002. S. 192.
- [6] Yuridicheskie zapiski, izdavaemye P. Redkiny. T. I. M., 1841. S. 170.
- [7] Yarovoj A.V. Postavka tovarov dlya gosudarstvennykh nuzhd: dis. ... k.yu.n. Ekaterinburg, 2005. S. 52.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-610-613

РЯБОВА Ирина Олеговна,
преподаватель кафедры
европейского и международного права,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: i.ryabova@unn.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИВОТНЫХ ПРИ ПЕРЕВОЗКАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. С каждым годом численность животных по всему миру стремительно растет. В связи с этим отмечается также рост количества перевозок животных в целях коммерции, сельского хозяйства, релокации владельцев. Важным является обеспечение надлежащего уровня безопасности животных при их перевозке на всех видах транспорта, для гарантирования гуманного обращения с ними и их благополучия. В статье проводится сравнительно-правовой анализ нормативно-правовых документов, регулирующих перевозку животных в зарубежных странах, таких как Великобритания, США, Франция, Германия, Италия. Описаны основные нормы, регулирующие порядок обращения с животными при их перевозке железнодорожным и авиатранспортом, закрепленные законодательно. Также проведен сравнительно-правовой анализ норм и требований, устанавливаемых наиболее крупными перевозчиками разных стран самостоятельно. Установлено, что по общему правилу животные относятся к особенной категории багажа и перевозятся в месте хранения ручной клади или багажном отсеке. Отмечается, что при пассажирской перевозке выбор места для размещения животного не предоставляется пассажиру, а зависит от требований и условий, установленных перевозчиком, в том числе требования к весу и размерам животного. Обращается внимание на учет особенностей отдельных видов животных в зарубежных источниках права, регулирующих перевозку животных при определении условий для их размещения. Сделан вывод о наличии как отличительных, так и схожих черт в нормах, регулирующих перевозку в разных странах. Прослеживается общее стремление стран к увеличению комфорта и уровня безопасности животных во время перевозок. Отмечается необходимость в разработке единого международного перечня животных, перевозка которых в багажном отсеке самолета запрещена.

Ключевые слова: договор перевозки животных, домашние животные, безопасность животных, стандарты перевозки животных.

RYABOVA Irina Olegovna,
Lecturer,
Department of European and International Law,
National Research
Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky

ENSURE OF ANIMALS' SAFETY DURING TRANSPORTATION (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

Annotation. Every year the number of animals around the world is growing rapidly. In this regard, there is also an increase in the number of animal transportations for the purposes of commerce, agriculture, and owner relocation. It is important to ensure an appropriate level of animal safety during their transportation by all types of transport to guarantee their humane treatment and well-being. The article provides a comparative legal analysis of regulatory documents governing the transportation of animals in foreign countries such as Great Britain, the USA, France, Germany, and

Italy. The article describes the main rules governing the procedure for handling animals during their transportation by rail and air transport, enshrined in law. A comparative legal analysis of the rules and requirements established by the largest carriers in different countries independently is also provided. It has been established that, as a general rule, animals belong to a special category of baggage and are transported in the carry-on baggage storage area or baggage compartment. It is noted that during passenger transportation, the choice of a place to place an animal is not provided to the passenger, but depends on the requirements and conditions established by the carrier, including the requirements for the weight and size of the animal. Attention is drawn to the consideration of the characteristics of individual animal species in foreign sources of law regulating the transportation of animals when determining the conditions for their placement. A conclusion is made about the presence of both distinctive and similar features in the norms regulating transportation in different countries. A general desire of countries to increase the comfort and safety level of animals during transportation is traced. The need to develop a single international list of animals whose transportation in the baggage compartment of an aircraft is prohibited is noted.

Key words: animal transportation agreement, pets, animal safety, animal transportation standards.

Проблема обеспечения безопасности животных при перевозке авиа и железнодорожным транспортом в научных работах российских исследователей не рассматривалась, по крайней мере в области теории государства и права. Однако эта проблема становится актуальной, как для России, так и для многих стран мира.

С каждым годом численность домашних питомцев в мире стремительно растёт. Россия, США и Великобритания входят в пятерку стран, где проживает наибольшее число собак и кошек. Так, в США по данным статистики на начало 2025 года насчитывается 69.9 миллионов собак и 74.1 миллион кошек, в Великобритании 12.7 миллионов собак и 11.9 миллионов кошек, а в России 17,6 млн собак и 23,3 млн кошек. В разных странах подходы к регулированию перевозок животных разными видами транспорта существенно различаются, что влияет на их доступность, безопасность и стоимость.

Рассмотрим положения по авиаперевозке животных, установленные авиакомпаниями разных стран. Великобритания и США имеют развитые правовые системы, но подходы к защите животных и их транспортировке различаются из-за особенностей законодательства, стандартов и международных обязательств. В связи с этим проведем сравнительно-правовой анализ данных стран отдельно.

В Великобритании и США действуют нормативные акты, направленные на обеспечение защиты и благополучия животных, а также на обеспечение безопасности полетов.

В Великобритании одним из основных документов, регулирующих права животных является Закон о защите животных (Animal Welfare), принятый в 2006 году. Этот закон устанавливает общие принципы обращения с животными, в том числе затрагивает требования к их транспортировке.

Авиаперевозка животных в США регулируется несколькими федеральными законами и нормативными актами. Основные правовые акты, касающиеся транспортировки животных воздушным транспортом, включают:

1. Закон о благополучии животных (Animal Welfare Act, AWA): этот федеральный закон регулирует обращение с животными, включая их транспортировку.

2. Федеральное управление гражданской авиации (Federal Aviation Administration, FAA): FAA контролирует безопасность всех видов авиационной деятельности, включая авиаперевозки животных.

3. Законы штатов: помимо федеральных законов, каждый штат может иметь свои собственные законы и правила, касающиеся перевозки животных. Это особенно важно учитывать при планировании внутренних перелетов.

Ещё одним важным источником являются внутренние правила и требования авиакомпаний, которые они устанавливают самостоятельно. Сравнив правила по перевозке животных, установленные одними из наиболее крупных авиакомпаний Великобритании и США, можно сделать следующие выводы.

В американских компаниях, таких как American Airlines, Delta Airlines, United Airlines, Southwest основные требования и условия по перевозке животных являются схожими. Животные относятся к категории багажа и перевозятся в качестве ручной клади в салоне самолета или в качестве багажа в багажном отсеке. Также авиакомпании устанавливают требования к размерам и конструкции переноски, необходимым документам, процедуре регистрации животных на рейс. American Airlines и Delta Air Lines устанавливают норму для перевозки животных в салоне самолета – 9 кг. Некоторые модели самолетов не предназначены для перевозки домашних питомцев в гру-

зовом отсеке. Также каждая авиакомпания устанавливает свои требования по количеству животных, которые могут быть допущены на один рейс в качестве ручной клади. В связи с этим существует возможность получения отказа в регистрации, если лимит питомцев на борту уже превышен.

В британских авиакомпаниях животные тоже относятся к багажу, но для них установлено большее число запретов и ограничений. Стоит отметить, что многие британские авиакомпании вообще не допускают к перевозке животных. Так, авиакомпания Eastern Airways устанавливает запрет на перевозку домашних животных, исключением являются только собаки-поводыри. British Airways допускает к перевозке только кошек и собак в качестве груза, то есть размещение переноски возможно только в багажном отсеке самолета. По правилам Virgin Atlantic переноска с животным может быть размещена в салоне самолета, если её вес не превышает 6 кг.

Американская авиакомпания American Airlines разрешает своим пассажирам брать на борт любых животных, которые помогают им справиться со стрессом, используя термин животные-компаньоны. При этом пассажир должен предоставить необходимые доказательства того, что данное животное необходимо ему по психологическим или иным показателям. Английская авиакомпания British Airways, напротив, не принимает собак для эмоциональной поддержки в салон самолета, так как не относит их к собакам-поводырям. Их можно перевозить, но по общим правилам, установленным для всех домашних животных.

Существует также отличие в перечне животных, которые не допускаются к перевозке. В авиакомпании American Airlines установлен строгий перечень пород собак и кошек, перевозка которых запрещена. Также ограничения установлены на перевозку хорьков и ядовитых хладнокровных животных. Авиакомпания Virgin Atlantic не принимает к перевозке животных брахицефальных пород, а также бойцовских собак.

Стоит отметить политику ещё одной американской авиакомпании Bark Air, ориентированную на перевозку собак. На данный момент их самолёт летает только между Нью-Йорком, Лос-Анджелесом и Лондоном. Лозунг авиакомпании: «Ни одна собака не должна летать в ящике». Животные размещаются в салоне самолета. К каждому билету для собак прилагается один билет для человека, ограничения по размеру или породе домашних животных отсутствуют.

Проанализировав политику различных авиакомпаний, можно сделать вывод, что Великобритания имеет более жесткое регулирование авиа-

перевозок животных, ориентированное на их благополучие, тогда как в США правила менее централизованы и больше зависят от политики авиакомпаний. В США перевозят значительно больше животных, но и выше риски из-за менее строгого регулирования. В Великобритании – более безопасная, но дорогая и бюрократизированная система.

Рассмотрим правила авиакомпаний других стран. Во Франции наиболее крупным авиаперевозчиком является AirFrance. В соответствии с нормами данной авиакомпании вес животного вместе с переноской при перевозке его в качестве ручной клади не должен превышать 8 кг. На рейсах внутри Франции, а также между Францией и Гваделупой, Мартиникой и островом Реюньон минимальный возраст перевозимых животных должен составлять 8 недель. В салоне бизнес-класса перевозка животных запрещена, в таком случае животное помещается в багажный отсек. Если вес кошки или собаки составляет от 8 до 75 кг, то они тоже перевозятся в качестве багажа. Один пассажир может перевезти в багажном отсеке не более трех животных. Правилами французской авиакомпании установлен запрет на транспортировку животных брахицефальных пород в качестве багажа.

Остальные виды животных могут перевозиться только в грузовом отсеке. Также установлен определенный перечень пород собак, которые не могут быть размещены в багажном отсеке, к ним относятся: стаффордширский терьер, американский стаффордширский терьер, тоса-ину, собаки, сравнимые по своим морфологическим характеристикам с ротвейлерами.

Немецкая авиакомпания Lufthansa, тоже, как и французская, допускает в салоне самолета провоз только собак и кошек в переносках весом до 8 кг. Остальные животные размещаются в багажном и грузовом отсеке. Перевозка опасных собак и собак бойцовских пород может осуществляться только в специальных клетках и в грузовом отсеке. Исключение составляют собаки бойцовских пород в возрасте от 3 до 6 месяцев. Данной компанией тоже установлен запрет на размещение животных брахицефальных пород в грузовом помещении.

В Италии действует компания ITA Airways, которая закрепляет повышенный допустимый вес ручной клади при перевозке животных в размере 10 кг на внутренних рейсах. Количество животных, перевозимых в салоне и в багажном отсеке на одном рейсе, ограничено. Среди животных, разрешенных к перевозке в салоне самолета при соблюдении необходимых условий, есть также домашние птицы (например, канарейки, щеглы, малиновки, ромбовидные попугаи и т. д.), за исключе-

нием попугаев и волнистых попугайчиков. Кроме того, в связи с распространением птичьего гриппа Европейский союз и Министерство здравоохранения ввели абсолютный запрет на ввоз птиц из стран Азии, Турции, России, Южной Африки, Румынии и всех государств Балканского полуострова.

Стоит отметить, что в мае 2025 года Национальное управление гражданской авиации в Италии (Ente Nazionale per l'Aviazione Civile) официально одобрило постановление, позволяющее перевозку домашних животных в салоне при соблюдении определенных условий:

- Собаки могут быть размещены на соседнем кресле в специальной переноске, подходящей им по размеру, закрепленной ремнями безопасности;

- Вес животного с переноской не должен превышать лимит, сопоставимый со средней нагрузкой на кресло (обычно около 40–45 кг).

- Авиакомпании вправе вводить свои ограничения и правила по реализации этой директивы.

Данные нововведения значительно улучшают условия перевозки животных воздушным транспортом, однако они не являются обязательными для авиакомпаний, в связи с этим порядок авиаперевозки может остаться прежним.

В зарубежных странах, как и в странах СНГ, нормы, регулирующие перевозку животных железнодорожным транспортом очень схожи.

Французская железнодорожная компания SNCF (Société Nationale des Chemins de fer Français) предоставляет пассажирам право перевозить животных в контейнерах, которые должны быть удобными для животных и содержать информацию о питомце, пассажире и месте назначения. В ночных поездах INTERCITÉS домашние животные допускаются в пассажирские кресла. Однако они не допускаются в спальные купе, если у пассажира не забронировано все купе.

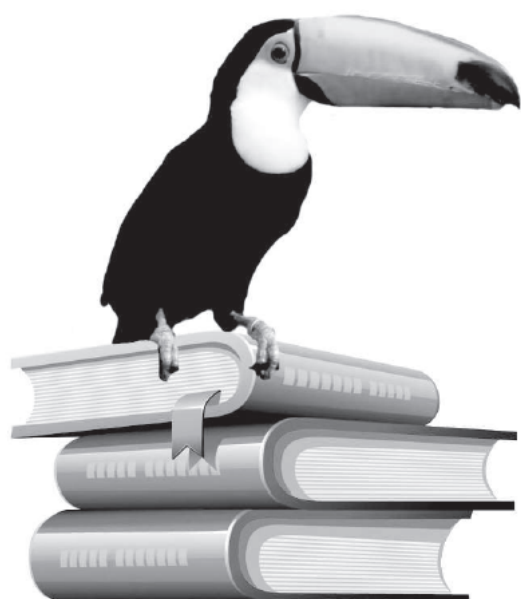
Немецкая железнодорожная компания Deutsche Bahn разрешает пассажирам провозить питомцев размером до домашней кошки в контейнере бесплатно. Для более крупных питомцев установлен специальный тариф.

Железнодорожная компания Италии Trenitalia устанавливает бесплатный проезд для собак, кошек и других мелких домашних животных в переноске размером не более 70х30х50 см. Также обязательным для пассажиров является наличие при себе свидетельства о регистрации собаки и медицинской книжки.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что нормы перевозки животных во всех странах имеют как отличительные, так и схожие черты. Однако прослеживается общее стремление стран к увеличению комфорта и уровня безопасности животных во время перевозок. Стоит отметить необходимость разработки единого международного перечня животных, перевозка которых в багажном отсеке самолета запрещена. Это позволит обеспечить надлежащий уровень безопасности для животных во время перелета и предотвратить возможные случаи гибели. Перевозка домашних животных требует внимательного подхода и тщательной подготовки. Важно не только соблюдать правила транспортировки, но и заботиться о моральном и физическом комфорте животных.

В России порядок перевозки животных является схожим и регулируется в соответствии с нормами законодательства и требованиями, установленными перевозчиком. Многие ограничения, связанные с весом и размерами животных, совпадают с рассмотренными требованиями зарубежных перевозчиков. За последний год было разработано большое количество новых норм направленных на улучшение условий перевозки животных, особенно железнодорожным транспортом.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ научных статей, поступающих в редакцию научно-правового журнала «Образование и право»

1. Автор научной статьи предоставляет оформленную и заверенную рецензию (отзыв) доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в

ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответственному запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецен-

зирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

10. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет три месяца с момента поступления рукописи в редакцию.

11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

12. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО»

Сведения общего характера

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Образование и право» осуществляется **БЕСПЛАТНО**, при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Допускается издание статей вне общей очередности (в кратчайшие сроки) на **ДОГОВОРНОЙ** основе.

Авторские экземпляры журнала предоставляются за **ПЛАТУ**.

Почтовые расходы («Почта России», заказное, бандероль) – за счёт денежных средств автора.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи от 10 рабочих дней до 1 месяца.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания об этом факте необходимо поставить в известность редакцию.

Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Отправляя статью в редакцию, в случае принятия ее к публикации, автор соглашается на размещение редакцией статьи в электронных базах данных.

Технические требования

1. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 12 машинописных страниц и (не более 25 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 5 машинописных страниц. В расчет объема статьи не входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах).

2. Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

3. На e-mail: mail@law-books.ru (в соответствии с правилами оформления статей) высылаются:

- электронная версия рукописи (сохраненная в формате Документ Word), которая должна иметь:

А. аннотацию (на русском и английском) объемом 150-250 слов. Аннотация должна иметь информативный характер и отражать актуальность, цели научного исследования, используемую методологию, основные научные результаты полученные автором (-ами) и их практическое значение.

Б. ключевые слова (на русском и английском) - 5-10 ключевых слов или словосочетаний. Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, определять предметную область исследования, встречаться в тексте статьи;

В. сведения об авторах: ФИО, их должности, ученые степени, ученые звания, место работы и адрес электронной почты (на русском и английском языках);

Г. УДК и ББК;

Д. Список литературы должен состоять не менее чем из 10 источников. Приветствуется наличие в библиографическом списке зарубежных изданий.

4. Перевод на английский язык статуса автора(-ов), название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать грамматике и стилистике языка, использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии. Не допускается осуществление перевода на английский язык при помощи автоматических переводчиков.

5. Статья, поступившая в редакцию регистрируется в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора, места работы автора. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

6. Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам.

7. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями.

8. Рецензирование статей проходит несколько уровней по системе type of peer-review: главным редактором, открытой экспертной оценки, одного слепого редактирования, двойного контрольного рецензирования (не менее двумя рецензентами по тематике представленных материалов). Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора

9. Рецензии на опубликованные статьи за последние 5 лет подлежат хранению в редакции.

10. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена с замечаниями вместе с ее первоначальным вариантом.

11. Статья, задержанная после переработки на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

12. После анализа рецензий принимается решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору/ам направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи, если статья может быть опубликована после доработки / с учетом замечаний — даются рекомендации по доработке; если статья не принимается к опубликованию — указываются причины такого решения.

Правила оформления статей

Набор текста производится в формате Microsoft Word 1997-2003. Шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое – 3,5 см, правое, верхнее, нижнее – по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

1. УДК, ББК;
2. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;
3. Название статьи (буквы – прописные);
4. Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);
5. Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;
2. Название статьи (буквы – прописные);
3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

После текста статьи располагаются (выравнивание «По ширине»):

- Список литературы оформленный исходя из правил (ГОСТ 7.05–2008).

Источники выстраиваются в алфавитном порядке, сначала — литература на русском языке, затем — на других языках.

Указываются:

заглавие работы;

название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), отделенное от заглавия статьи двойным слешем (/), без кавычек;

выходные данные: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника указываются: автор (если есть), название статьи, после двойного слеша (/) полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (URL) и в скобках — дата обращения.

Архивные источники указываются в тексте статьи в круглых скобках, например: (ЦГА. Ф. 1, д. 2. Л. 15). В библиографию не выносятся.

После этого размещается Spisok literature (References), в котором библиографическое описание источников на кириллице транслитерировано на латинский шрифт.

Правила транслитерации. Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры).

Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

- фамилия и инициалы автора (авторов) - в транслитерации по системе LC (<http://translit.ru/?direction=ru&account=lc>);

- заглавие статьи / монографии — в транслитерации;

- заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

- название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (/);

- название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

- выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») — в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское Р. (р.);

- указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], — обязательно!

Отдельным файлом направляется сопроводительная информация

Вместе с текстом статьи на адрес редакции направляется доп. персональная информация об авторе (-ах):

- полный почтовый адрес места работы (включая индекс), город и страну либо полный почтовый адрес места жительства (включая индекс), город и страну;

- № тел. рабочий (домашний) с кодом города либо № моб. тел.;

- электронный адрес.

Данная информация не подлежит обнародованию в журнале, кроме электронного адреса.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук в обязательном порядке необходимо указывать:

- телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены;

- данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

Автору рекомендуется при оформлении статьи внимательно ознакомиться со всеми правилами, сверяться с образцом, а в случае возникновения вопросов — направлять обращения на эл. адрес редакции.

Примерный образец

УДК 37.07

ББК 74.4

ИВАНОВА Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: 1234567@mail.ru

SPIN-код: 0000-0000, AuthorID: 000000 (при наличии)

**СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. Актуальность исследования вызвана ... Цель: ... Методология исследования - ... В результате обосновано ... Во-первых, ... Во-вторых, ... Авторы приходят к выводу, что ... В этой связи важно отметить ...

Ключевые слова: критерии оценки, высшая школа, научно-исследовательская работа, индекс Хирша, образовательное право.

IVANOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University,
e-mail: 1234567@mail.ru

**MODERN CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF HIGHER
EDUCATION INSTITUTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО № 9 • 2025

Annotation. The relevance of the research is caused by ... Purpose: ... The research methodology is ... As a result, it is justified ... First, ... Second, ... The authors conclude that ... In this connection, it is important to note ...

Key words: assessment criteria, higher education, research work, Hirsch index, educational law.

Текст статьи

.....

Список литературы:

[1] Адизес И.К. Об образовании [Электронный ресурс] / Сайт «Институт Адизеса в России». – Режим доступа: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Боброва Н.А. Первый профессорский форум // Проблемы науки . 2018. № 3 (37). – С. 66 – 68.

[3] Галажинский Э. Зачем нужны рейтинги университетов [Электронный ресурс] / Сайт «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (дата обращения: 20.08.2018).

[4] Кузьмина Н.Б. Эффективный университет: перезагрузка. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 134 с.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 20.08.2018).

[6] Сапожков О. Для экономики знаний России придется переучиваться [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (дата обращения: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Электронный ресурс] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (дата обращения 30.07.2018).

[8].....

Spisok literatury:

[1] Adizes I.K. Ob obrazovanii [Elektronnyy resurs] / Sayt «Institut Adizesa v Rossii». – Rezhim dostupa: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (data obrashcheniya: 10.08.2018).

[2] Bobrova N.A. Pervyy professorskiy forum // Problemy nauki . 2018. № 3 (37). – S. 66 – 68.

[3] Galazhinskiy E. Zachem nuzhny reytingi universitetov [Elektronnyy resurs] / Sayt «Vedomosti». – Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[4] Kuz'mina N.B. Effektivnyy universitet: perezagruzka. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 134 s.

[5] Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 295 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013-2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-pravovoy portal «Garant» (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[6] Sapozhkov O. Dlya ekonomiki znaniy Rossii pridetsya pereuchivat'sya [Elektronnyy resurs] / Sayt «Kommersant». – Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (data obrashcheniya: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Elektronnyy resurs] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (data obrashcheniya 30.07.2018).

[8].....

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Подписано в печать 10.10.2025.
Формат 60х90/8. Печать цифровая. Печ. л. 78,25.
Тираж 300 экз. Заказ № 89.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Ленина, д.102.